ᠲᠡᠮᠦᠷ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠲᠡᠭᠦᠷᠢᠶᠡᠨ ᠤᠨ ᠲᠤᠤᠷᠢ

ИСТОРИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ИМПЕРИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

Ответственный редактор
академик Российской академии естественных наук ***В. Е. Ларичев***

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2007

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN DIVISION
ORIENTAL COMMISSION
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

THE HISTORY OF THE IRON EMPIRE

Translation from Manchurian and commentaries by
L. V. Turumina

Editor-in-chief
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences
V. Ye. Larichev

Novosibirsk
2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИСТОРИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ИМПЕРИИ

Ответственный редактор
академик Российской академии естественных наук ***В. Е. Ларичев***

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2007

ББК 63.3 (0) 4
И 89

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 05-01-16305 д)

Рецензенты
доктор исторических наук ***В. Е. Медведев***
доктор исторических наук ***И. В. Асеев***

Перевод выполнен:
на английский язык – *И. П. Ларичевой*
на китайский язык – *Ван Дэхоу*
на корейский язык – *Кан Ин Уком*

И 89 **История** Железной империи / Пер. и коммент. Л. В. Тюрюминой. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 356 с.+16 с. (вкл.).

ISBN 978-5-7803-0160-8

В книге впервые публикуется русский перевод «Дайляо гуруни судури» – маньчжурского варианта династийной хроники «Ляо ши», результат многолетней работы специальной комиссии при дворе последнего государя монгольской династии Юань Тогон-Темура, которой было поручено составление династийных хроник «Цзинь ши», «Ляо ши» и «Юань ши». Публикация фундаментальной значимости источника по средневековой истории народов Дальнего Востока, Центральной и Средней Азии снабжена комментариями, а также историко-культурными очерками «История западных киданей» и «Краткий очерк истории изучения киданей».

Не менее интересную часть тома составляют впервые публикуемые труды русских востоковедов XIX в. М. Н. Суровцова и М. Д. Храповицкого, а также посвященные им биографические очерки. «О владычестве киданей в Средней Азии» М. Н. Суровцова – это первое в русском востоковедении монографическое исследование по истории киданей. «Записки о народе Ляо» М. Д. Храповицкого освещают основополагающие и дискуссионные вопросы ранней истории киданей.

Книга предназначена для историков, востоковедов, археологов, этнографов и всех, кто интересуется средневековой историей Сибири, Дальнего Востока и стран Центральной и Восточной Азии.

The History of the Iron Empire (translation from Manchurian and commentaries by L. V. Turumina) / Editor-in-chief V. Ye. Larichev. – Novosibirsk: the Institute of Archaeology and Ethnography Press, 2007. – 356 p.+16 p.(ill.).

In the book, for the first time the Russian translation of the Manchurian variant of the dynastic chronicle «Liao Shih» («The History of the Iron Empire») is published. This version is called «Dailiao Guruni Suduri» («The History of the Great Liao Empire»). The latter is the result of a long-term work of a special committee at the court of the last sovereign of the Mongolian Yuan Dynasty Togon-Timour who charged the committee with an important mission – to compile the dynastic chronicles «Jin Shih», «Liao Shih» and «Yuan Shih». This publication is devoted to the medieval history of the peoples of the Far East, Central and Middle Asia and represents itself a source of the fundamental significance. The book is supplied with commentaries, as well as the historical and cultural essays «The History of Western Chitan» and «A Brief Essay of History of the Study of Chitan».

No less interesting part of the volume is represented by the works published for the first time too, those written by the Russian orientalists of the XIXth century – M. N. Surovtsev and M. D. Khrapovitskiy, as well as by the biographical essays devoted to both of them. The work «About the Chitan's Dominion in the Middle Asia» written by M. N. Surovtsev is the first, in the Russian oriental studies, monographical research on the history of the Chitan. «Notes about the Liao People» written by M. D. Khrapovitskiy deal with the basic and debatable questions of the early history of the Chitan.

The book is destined for historians, orientalists, archaeologists, ethnographers and for all those who are interested in the medieval history of Siberia, the Far East and countries of Central and East Asia.

ISBN 978-5-7803-0160-8

ББК 63.3 (0) 4

© Институт археологии и этнографии СО РАН

Опасаясь *за настоящее,* пусть ставшие ханами
Будут осмотрительны.
Опасаясь *за будущее,* пусть *сообразуются*
С наилучшими образцами правлений!
Из доклада государю Абахаю,
сыну Нурхаци,
о важности исторических сочинений.

ОТ РЕДАКТОРА

Вниманию читателей, профессиональных историков-востоковедов и любителей древней истории и культуры Центральной и Восточной Азии, предоставляется впервые осуществленный Л. В. Тюрюминой перевод на русский язык маньчжурской версии династийной хроники «Дайляо гуруни судури» – «История Великой империи Ляо», история *народа кидань*.

Предварим презентацию издания сведениями, которые позволят представить в кратком изложении растянувшийся на несколько веков процесс составления «Ляо ши». Работа над историей Ляо началась вскоре после разгрома *чжурчжэнями* государства Ляо (1125 г.) и овладения ими территорий китайской империи Сун в северных пределах провинций Шаньси и Хэбэй. Именно тогда руководители новой на востоке Азии империи Цзинь создали *Гошиюань* – Институт истории государства, деятельность которого была четко ориентирована на сбор документов для написания «ши лу» – официальной истории царствования императоров Ляо, Сун и Цзинь. В Институте предполагалось хранить выявленные материалы, соответствующим образом систематизировать их, а также вести дневники поступлений в архив и составлять должные реестры. Работу членов Института, в штаты которого, помимо *чжурчжэней*, были включены также *кидани* и *китайцы*, возглавлял чжурчжэнь. В прямую задачу Института входил также сбор документов, а затем и написание истории государства киданей – Ляо. Собственно киданьскую группу составляли три человека.

Итогом работы Института стали десять «Подлинных историй царствований». Однако дело до издания этих материалов не дошло. Последующие драматического характера политические и военные события, которые привели к разгрому *монголами* «Золотой империи», положили конец деятельности Института. И потому, не сопровождайся работа членов его усердными сборами документов по истории чжурчжэней, киданей и взаимоотношений их с китайцами империи Сун энтузиастами-историографами, которые вели поиски по личной инициативе, едва ли удалось бы в последующем составить истории Сун, Ляо и Цзинь в известном теперь объеме. Среди этих историографов-одиночек в особенности велика (по весомости вклада) роль Юань Хаовэня, одного из видных политических и государственных деятелей чжурчжэньского государства, поэта и прозаика последних лет существования «Золотой империи» (умер в 1257 г.). Его перу принадлежат несколько исследований, специально посвященных чжурчжэням, а в его архивном наследии сохранились бесценные материалы по истории Дальнего Востока и Центральной Азии, собранные в ходе многочисленных и длительных путешествий по стране. Архивы Юань Хаовэня широко использовались теми, кому затем пришлось решать практическую задачу написания истории династий окраинных регионов Китая.

Работа историографов Гошиюаня была продолжена как особой важности государственная задача лишь около середины XIV в., когда при дворе монгольской династии Юань была создана специальная Комиссия. Ей предстояло составить официальные истории все тех же трех государств – Ляо, Цзинь и Сун. В распоряжении членов Комиссии, которую в апреле 1343 г. возглавил Токто, находились «ши лу», сохранившиеся после разгрома чжурчжэней, а также другие ценные источники, в том числе собранные учреждениями империи по специальным заданиям правящего дома. Практическое решение задачи написания истории трех династий

пришлось на годы правления последнего монгольского императора Тогон-Темура, которому удалось усмирить раздоры в среде монгольских феодалов и обеспечить давно желанный покой в государстве. Государь рассмотрел доклад Токто, согласился с доводами политической необходимости написания династийных историй киданей, чжурчжэней и Сунского Китая, а затем распорядился о создании специальной Комиссии, включив в ее состав более двух десятков историографов. Большого объема подготовительная работа, которая осуществлялась со времени начала деятельности чжурчжэньского Гошиюаня, позволила весьма плодотворно и быстро осуществить беспрецедентный по масштабам проект. Уже через год после создания комиссии Токто, поздней осенью 1344 г., Тогон-Темуру были представлены все три хроники.

Следующим этапом введения их в научный оборот (расширение круга читателей) стал перевод династийных летописей с китайского на маньчжурский язык в конце первой половины XVII в. Это было время начала объединения Нурхаци чжурчжэньских земель в новое государство – «Поздняя Цзинь» (переименованное позже в Цин) и окончательного становления новой письменности, идеально отвечающей нормам маньчжурского (чжурчжэньского) языка и созданной на основе уйгурско-согдийской графики. Она стала использоваться при написании государственных документов и литературных переводов с китайского языка. Ею же, естественно, делались записи переводов на маньчжурский язык «Цзинь ши», истории народа, прямыми потомками которого считали себя маньчжуры, а также «Ляо ши» и «Юань ши». У истоков проекта переводов стоял реформатор чжурчжэньского письма, ученый и литератор Дахай и Эрдени, а завершали его члены специальной Комиссии, которой руководил глава департамента церемоний Хифэ.

С 5-й луны первого года эры правления *Вэсихунь эрдэмунгэ*, «Высокоодаренного» маньчжурского государя Тайцзуна, «всеподданнейше восприняв указ [его], Совершенномудрого», приступил к работе коллектив знатоков китайского языка и древней истории народов, которые заселяли земли Дальнего Востока, Восточного и Северо-Восточного Китая, а также Центральной Азии, по переводу на маньчжурский язык исторических документов. Членам Ученого комитета во главе с сановниками Кичунге, Фэн Цюанем, Нин Вань-о, Фань Вэнь-чэном-чэном и Гаринем предстояло выполнить грандиозную по объему работу – перевести с китайского на маньчжурский язык исключительной ценности материалы – «исторические книги..., в коих не оставлялись без внимания установленные с древних времен нравственные правила и их исполнение ханами и князьями, а также предания, дошедшие до наших времен», хроники династий Да Ляо, Си Ляо, Да Цзинь и Да Юань, а статс-секретарю Чабухаю и «ученым письмоводителям» Нэнту и Ечэнгэ написать на маньчжурском языке с пояснениями соответствующие тексты – маньчжурские варианты династийных хроник, а именно – «Дайляо гуруни судури», «Айсинь гуруни судури» и «Дай Юань гуруни судури»[1]. Не менее сложную редакторскую работу следовало провести статс-секретарю Хукю. Он должен был изъять из перевода «*непригодное*» (надо понимать – несущественное), а главное – «*согласуясь с известным направлением*» (задача, очевидно, идеолого-политическая).

Поскольку истолкование древних текстов требовало особо высокого уровня знаний истории и языка, то в коллектив входила группа лиц, которым надлежало «разрешать сомнения и устно объяснять смысл китайских книг». Из них в соответствующих документах упомянуты имена руководителей-«толкователей» – статс-секретарь Ван Вэнькуй и его главный помощник Лю Хунъюй. Подготовленные к изданию хроники «переписали печатным почерком» письмоводители Буркай, Кэнтэй, Гувалча, Коркодай, Шолгэ и другие.

Началу всей этой впечатляюще масштабной для столь давних времен работы, которая продолжалась в течение 10 лет[2], предшествовало обращение к государю со всеподданнейшим докладом министра Приказа по обнародованию законов Хифе, статс-секретарей Чжамба, Чабухая, Ван Вэнькуя и других чиновников министерства. Они нижайше изложили Тайцзуну, великому владыке Поднебесной, необходимость исполнения во благо государства задуманного проекта переводов на маньчжурский язык хроник династий, которые «пытались объединить народы в единую империю».

Суть заключалась *в необходимости «созерцания древности»* во благо процветания государства настоящего времени, ибо течения дел, удача в них или неудача, *есть обстоятельства «весьма тонкие»*, а пружины событий, которые обеспечивают то наступление благостного мира, то господство кровавых жестокостей смут, увы, *остаются доселе «крайне скрытными»*. Вот почему не следует пренебрегать и мудростью предков, и правилами их жизни, и былями далекого прошлого. Эти правила, обеспечивающие стабильность в жизни народа, нужно, порассуждав, перенести в настоящее, сравнивая и сообразуя с ними бытие людей современности. Недаром же рациональности мыслей таких неизменно, на протяжении следующих один за другим веков, следовали все «совершенноумные ханы», и не было таких, кто не действовал бы в соответствии с этими мудрыми от века правилами.

Никто другой, помимо мудрецов, «людей ученых», знатоков ушедших в прошлое веков, не знает, в чем заключаются «тонкости дел», которые определяли удачу или неудачу течения жизни, тайны зарождения смут,

сокрушающих империи. Проницательность их объясняется просто – они, подробно описывая «правления, поведение, удачи и ошибки людей, ставших ханами», познавали закономерности событий и призывали к осмотрительности во избежание катастроф и следованию порядка ведения дел образцовыми управителями народов. Уроком для них должно быть все, что происходило в истории, отчего необходимо взять на вооружение великий девиз – «Добро – мой учитель, зло – тоже мой учитель».

Авторы доклада государю, воздав должное невиданному ранее успеху правителей династии Да Юань, которым, в отличие от ханов династий Да Ляо и Айсинь, удалось, по их мнению, впервые объединить под своим началом «всю Поднебесную», призывали «Человеколюбивого, Великодушного, Кроткого и Совершенномудрого» Тайцзуна предоставить его подданным, маньчжурам, возможность «просмотреть законы управления государством и общепринятые обычаи» киданей, чжурчжэней и монголов.

Отклик на призыв Придворного приказа по обнародованию законов последовал незамедлительно. Тайцзун, «желая созерцать древность» и «заключая в сердце [своем] такое желание», издал указ «исключительно из-за этого дела»:

«Переведите на маньчжурский язык книги трех династий: Да Ляо, Айсинь и Да Юань! Выпустите из этого перевода непригодное и, возвеличивая, напишите полностью, без пропусков, об их удачах в добрых делах, неудачах в делах злых, войнах и облавных охотах».

Работа по переводу хроник и редактированию была завершена в 6-ую луну 4-го года эры правления *Вэсихунь эрдэмунгэ* (1639 г.) и, после просмотра всех текстов министром Хифэ, рукописи были преподнесены государю Шицзу в 26-й день 3-й луны 1-го года эры правления *Ичжисхунь дасань* (1644 г.). При этом члены Комиссии «всеподданнейше доложили» вот о чем:

«Вышел высочайший указ – "Переписать печатным почерком, вырезать текст на досках и напечатать книги трех династий – Да Ляо, Айсинь и Да Юань! Распространить по Поднебесной!"».

Далее, «воспринявшие указ» помощники председателя: статс-секретари Чабухай, Сунахай, Эсэхэй, Иту, Удари, Чинтай, Лайгунь, Хэдэ; столоначальник Нэнту; ученый чиновник Нимань; письмоводитель Биньту и другие – окончательно переписали и, закончив резьбу на досках, «изготовили 300 экземпляров истории династии Да Ляо, 300 – истории династии Айсинь и 600 – истории династии Да Юань». Доклад об окончании печатания хроник был представлен государю в 7-й день 4-й луны 3-го года эры правления *Ичжисхунь дасань* (1646 г.).

Так около трех с половиной веков назад завершился один из впечатляюще результативных проектов введения в оборот летописных материалов, переведенных на маньчжурский язык. Я преднамеренно, с максимально возможной точностью изложил эпизоды всей этой издательской эпопеи, чтобы каждый мог сопоставить восприятие значимости для людей исторических знаний и фундамента их – первоисточников – в далеком прошлом и теперь. Как можно убедиться, главное сохраняет свою силу доселе – истории предопределена благородная роль терпеливого учителя человечества (которое, увы, нередко пренебрегая суровыми уроками ее, горько расплачивается за свое очередное легкомыслие). Что касается первоисточников, то ценность их непреходяща. Подтверждает это, в частности, проект, который в течение нескольких лет поддерживается Российским гуманитарным научным фондом. Цель этого многолетнего проекта сходна (в определенной, разумеется, мере) с проектом «Приказа по обнародованию законов» двора императора Тайцзуна – ввести в научный оборот «для созерцания древности» переведенные теперь уже с маньчжурского на русский язык династийные хроники «Дайляо гуруни судури», «Айсинь гуруни судури» и «Дай Юань гуруни судури».

Во исполнение задуманного, в 1998 г. сектор истории и археологии стран зарубежного Востока Института археологии и этнографии СО РАН подготовил к изданию и опубликовал при щедрой финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда хронику «Айсинь гуруни судури», блестяще переведенную в конце 30-х годов XIX в. студентом Пекинской духовной миссии Г. М. Розовым с использованием («для контроля и понимания трудных мест») двух изданий «Цзинь ши» (10 и 18 томов) с комментариями и «Тунцзянь ганму» (120 томов)[3]. Публикацию хроники сопровождали посвященный Г. М. Розову биографический очерк академика В. С. Мясникова, «Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой империи» В. Е. Ларичева и обширные «Комментарии к тексту летописи "История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 годы"» А. Г. Малявкина.

В целом «годный для дела материал», подобранный и отредактированный «всеподданейшими членами "Ученого комитета" и "Придворной канцелярии", с тремя их отделениями ("Приказ по обнародованию законов", "Секретный кабинет и библиотека государя", "Комитет по составлению государственных летописей"), представлял собою описание «307 лет жизни четырнадцати киданьских ханов", "119 лет жизни девяти ханов династии Айсинь", которые, противоборствуя с Поднебесной, включили в орбиту своего влияния половину ее

земель (до бассейна Янцзы), и "162 лет жизни четырнадцати ханов династии Да Юань", коим удалось впервые в истории дальневосточно-центральноазиатских государственных образований "объединить" под своею эгидою "всю Поднебесную"».

Этот основательно затянувшийся на века процесс сложных взаимоотношений Поднебесной с кочевыми и земледельческо-скотоводческими народами северных и дальневосточных окраин ее развернулся в полную силу с начала X в., когда на историческую арену вышли племена киданей, заявив о своих претензиях на государственность имперского типа. Более чем трехвековое (307 лет!) жизнеописание четырнадцати киданьских ханов, начиная с «высочайшего» Тайцзу династии Великая Ляо и до последнего представителя поколения Елюй Даши династии Западная Ляо, «включала историческая хроника "Дайляо гуруни судури"». На страницах ее представлены все события, начиная со счастливого, осененного Небом, мифически-сказочного эпизода чудесного зачатия в 872 г. урожденной Сяо, а затем рождения ею «собирателя» земель будущей империи Абаоцзи из рода Елюй («Увидела во сне, что в ее чрево вошло Солнце, и забеременела»; «во время родов в доме были волшебный свет и необыкновенный аромат, родился величиной с трехлетнего ребенка и сразу же начал ползать... С малых лет мог рассуждать о делах рода» и т. д.) и кончая драмой пленения в 1124 г. чжурчжэньским полководцем Лаосу (Лэуши) в местечке Юйдугу последнего императора Тяньцзо, лишения его государственной «яшмовой печати» и унизительного понижения владыки до ничтожного статуса князя Хайбиньвана.

В заключительной части «тетради VIII» династийной хроники кратко повествуется и о трагическом исходе из пределов родных земель на далекий Запад, до недостижимых для чжурчжэньских войск пределов пустынь Центральной Азии и юга Средней Азии, выдающегося полководца Елюй Даши, «потомка хана Тайцзу Абаоцзи в восьмом колене», знатока киданьской и китайской литератур, обладателя *ученой степени цзиньши*, члена ученой палаты Ханьлинь, основателя новой династии – Западной Ляо. Империю эту возглавляли, сменяя друг друга, «пять ханов, которые правили восемьдесят восемь лет», вплоть до правления самозванца Цюйчулюя (Кучлука), который, пленив на облавной охоте «с помощью восьми тысяч поставленных в засаде воинов народа наймань законного государя Цзилигу (Чжулху)», «немедленно надел [на себя] платье и шапку государства Да Ляо». Со смертью его, мало осведомленного в устоях жизни и традициях киданей (хотя и старательно почитавшего то и другое), «государство Да Ляо окончило свое существование».

Земли, коими владели с незапамятных времен кидани, чжурчжэни и монголы, соседствовали с землями коренных народов юга Сибири и Дальнего Востока, которые вошли в состав России. Поэтому понятен неизменный интерес политиков и историков страны ко всему, что происходило в культурной и политической истории огромного региона, отделяющего север Азии от восточного ареала континента, т. е. от соседа нашего Отечества – «Великой Поднебесной» – Китая. Начну с того, что уже в последние десятилетия XVIII – первые десятилетия XIX в. пионеры русского востоковедения начали свои славные деяния – научные и образовательные. В частности, им удалось осуществить один из грандиознейших издательских замыслов, не имевших аналогов в зарубежном востоковедении, – опубликовать переведенные с маньчжурского языка Алексеем Леонтиевым три тома законов и установлений правительства Цин, а вслед за тем – семнадцатитомное описание маньчжуров, подготовленное к изданию тем же А. Леонтиевым и Ларионом Россохиным[4].

Еще ранее Л. Россохин выполнил переводы с маньчжурского «Истории о завоевании китайским ханом Канхием калкасского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящей в пяти частях» и «Цзычжи, сокращение общего зерцала». Его начинания продолжили А. Агафонов («Маньчжурского и китайского хана Шуньджия... книги»), И. Быков и А. Владыкин («Указы его ханского величества»), И. Быков («История о мунгалах, как завладели Китаем и утратили»), а затем Федоров («Кан хи. Сокращение китайской истории»), Баснин («Биография сановника Ланудань...»). Матвей Комаров опубликовал в 1787 г. в Москве «Старинные письма китайского императора к Российскому государю». Важно заметить, что эта исключительная по научной значимости работа, полный объем которой из-за слабой изученности в архивах не установлен, осуществлялась по маньчжурским и китайским первоисточникам.

Насколько важное значение придавалось в России изучению Маньчжурии, а также взаимоотношениям с государями Цин и региональной маньчжурской администрацией, свидетельствует открытие в XVIII в. в Иркутске школы переводчиков с маньчжурского языка. Однако наиболее впечатляющие успехи, связанные с изучением древней истории Китая, Дальнего Востока и Центральной Азии, приходятся на XIX в., время особо активной деятельности членов знаменитой Пекинской духовной миссии. Среди них особого внимания заслуживает Иакинф Бичурин, масштабы работы которого по выявлению и переводам летописных известий о дунъи, «восточных иноземцах», до сих пор вызывают изумление[5]. Поистине непреходяще было влияние И. Бичурина как человека, который поддерживал в Пекинской духовной миссии дух самоотреченного и самоотверженного изучения истории и культуры Китая. Оно прослеживается как в подвижнических трудах его современников,

так и в исследованиях последующих поколений востоковедов. В качестве примера можно привести деятельность выдающегося русского синолога Палладия Кафарова, который по предложению Русского императорского географического общества совершил в 1870–1872 гг. путешествие по Маньчжурии, Приамурью и Приморью и попытался сопоставить сведения письменных китайских источников с конкретными памятниками старины[6]. Этот чрезвычайно важный методический подход определил в последующем наиболее плодотворный путь изучения древней и средневековой истории народов Дальнего Востока и Южной Сибири – сочетание работы над хрониками с полевыми археологическими исследованиями.

В контексте изложенных событий начальных страниц истории востоковедной науки России следует также оценить научные деяния Г. М. Розова, жизнь которого прошла на рубеже смены поколений отцов-основателей и усердных продолжателей. Жизненная удача сопутствовала ему дважды – перед отъездом в Пекин он прошел наставническое обучение у патриарха русского китаеведения Иакинфа Бичурина, который привил ему всепоглощающую страсть к изучению Востока. Тот же, как его называют, «великий труженик» стал позже, по возвращении Г. М. Розова из Китая, его сотоварищем по служебным делам в Азиатском департаменте МИД России. Тогда же началось общение Г. М. Розова с другим патриархом отечественного китаеведения – Палладием Кафаровым, преемником И. Бичурина и достойным продолжателем его дел. Усердная работа в составе Пекинской духовной миссии в последующие годы превратила Г. М. Розова в блестящего знатока маньчжурского, китайского и монгольского языков, а также исторических хроник Китая. Главным объектом приложения сил его стал перевод маньчжурского варианта «Цзинь ши», проработка других хроник сунского времени, тщательное сравнение и сопоставление исторических свидетельств, что и позволило ему создать подлинный шедевр в составе «золотого фонда» трудов востоковедов России. В рукописи перевода Г. М. Розова содержались обильные материалы, связанные с историей киданей, главным образом в аспекте их взаимоотношений с чжурчжэнями и сунскими китайцами.

Во второй половине XIX в. изучением истории Дальнего Востока занималась целая плеяда видных представителей русской востоковедной науки. Особо тщательному исследованию истории Маньчжурии посвятили свою деятельность академик В. П. Васильев и В. В. Горский[7]. Их труды позволили представить главную канву исторических событий на востоке Азии вслед за тем периодом, который нашел наиболее полное отражение в переводах первоисточников, осуществленных И. Бичуриным. Первым, кто целенаправленно начал изучать историю киданей, стал Михаил Данилович Храповицкий (1816–1860 гг.), сын священника Крестецкого уезда Новгородской губернии, выпускник Петербургской духовной академии (1845–1849 гг.). Способности, ярко проявленные в годы обучения, предопределили включение его в статусе студента в состав XIII-й Российской Духовной миссии в Пекине, которая готовилась и формировалась при деятельном участии И. Бичурина. Возглавил ее Палладий Кафаров, и она отбыла в Китай в 1849 г. Перед М. Д. Храповицким была поставлена задача овладеть в совершенстве китайским и маньчжурским языками для исполнения переводов особо важных документов и научной деятельности, связанной с изучением новой истории Поднебесной.

Студент М. Д. Храповицкий проявил себя самым лучшим образом как в занятиях учебных, языковых, так и делах практических, переводческих (с русского на маньчжурский и китайский и наоборот). Так, известно, что он перевел на маньчжурский язык (по-видимому, для сведений и образования высших чинов императорского двора) книгу «Царствование Петра I». О высокой степени овладения М. Д. Храповицким государственными языками страны его пребывания свидетельствует весьма примечательный факт – именно ему был доверен перевод с русского на маньчжурский и китайский и наоборот, с того и другого языка на русский, исключительной важности документов, касающихся взаимоотношений двух великих империй Востока – России и Китая (трактат 1860 г.).

Что касается исторических штудий М. Д. Храповицкого, то они остаются до настоящего времени по большей части неизвестными (сокрытыми в хранилищах архивов), а известное специалистам – недооцененным. Между тем, по части исполнения научных программ Миссии он был впечатляюще активен и ярок, о чем свидетельствует обширное и разнообразное по содержанию собрание рукописей, которое должно, рано или поздно, стать объектом специального изучения (публикации написанного помешала внезапная ранняя смерть М. Д. Храповицкого). Более всего его привлекало изучение истории Цинской империи, что нашло отражение в статье «События в Пекине при падении Минской династии». Это сочинение представляет собой важный сюжет, исполненный в русле программы исследований В. В. Горского по истории маньчжуров. Судя по всему, М. Д. Храповицкий задумал создать монументальную историческую эпопею о маньчжурах с заходом в разного рода «смежные сюжеты» времени доцинской истории, для чего писались своеобразные «этюды» к будущей «картине».

Таким «этюдом» смотрится самое, пожалуй, значительное и почти, видимо, завершенное сочинение М. Д. Храповицкого – «Записки о народе Ляо». Это исследование может быть воспринято как поворотное для принятого

ранее стиля и содержания работ по истории Центральной и Восточной Азии. Автора «Записок...» привлекают вопросы экономики киданей (определение уровня социально-экономического развития), обстоятельства возникновения народных достижений, характер взаимоотношений кочевников с Китаем. Его интересуют начальные страницы истории киданей, первоначальная их родина и происхождение, стыковка во времени и пространстве особо значимых для судеб народа событий. М. Д. Храповицкий глубоко затронул в своем сочинении ряд основополагающих проблем истории киданей, которые остаются и сейчас слабо разработанными. Это обстоятельство заметил знаток востоковедных архивов страны П. Е. Скачков и призывал к публикации «Записок...», которые, по его мнению, «принесли бы чрезвычайно большую пользу» исторической науке. Обстоятельства, однако, сложились так, что лишь теперь удается осуществить давно желаемое.

Исследования М. Д. Храповицкого положили начало углубленного и всестороннего изучения истории киданей. К последующим за его смертью годам относится начало исполнения второго, после Г. М. Розова, трудоемкого и масштабного проекта. Его задумал В. П. Васильев и блестяще исполнил студент Санкт-Петербургского университета китайско-маньчжурского *разряда* факультета восточных языков Михаил Николаевич Суровцов. Речь идет о переводе им главного, наиболее полного и разностороннего по содержанию летописного источника «Ляо ши», который включал в себя бесценные сведения по части политической, экономической и культурной истории киданей, и создании на его основе монографического характера исследования – первого в европейском китаеведении обобщающего труда по истории «Железной империи» (907–1125 гг.). Ведь никто из исследователей ни отечественной, ни мировой синологии не ставил перед собой в качестве специальной задачи разработку связного очерка истории кочевой народности на основе чрезвычайно трудного для перевода источника – «Ляо ши».

М. Н. Суровцов прожил отмеренную несправедливой судьбой, до смертельной обиды короткую жизнь (20 октября 1850 – осень (?) 1874 г.). Но исполненное им за 4 студенческих года позволяет по праву, без каких-либо скидок поставить его в ряд выдающихся востоковедов России второй половины XIX в., мало кому известных даже в среде профессиональных историков-китаистов[8]. Уроженец села Кобанского Иркутской губернии, принадлежавший к бедному сословию обер-офицерских детей, обладал усердной тягой к знаниям и обладал редкостными способностями в овладении иностранными языками. М. Н. Суровцов окончил с серебряной медалью Иркутскую классическую гимназию и, в согласии с осознанными устремлениями, по ходатайству матери в кругах губернского начальства, был направлен для обучения в Alma Mater русского востоковедения – на факультет Восточных языков Санкт-Петербургского университета. Туда он и был зачислен без экзамена как обладатель ярко выраженных филологических способностей и стипендиат губернатора Восточной Сибири – графа, генерал-адъютанта А. П. Игнатьева, который решал проблемы восточных границ с Поднебесной.

М. Н. Суровцову повезло с учителем: обучение проходило под заботливым руководством первоклассного знатока истории и культуры Китая – академика В. П. Васильева. Именно он, определяя тему научных занятий студента из Сибири на кафедральный конкурс «для соискания медали», предложил заняться тем, что по справедливости считал «неразработанным» – историей киданей, которая вместе с историей чжурчжэней создавала мнимый «перерыв» в последовательном ходе событий эпохи средневековья Дальнего Востока и Центральной Азии. Такая тема определила дипломное сочинение М. Н. Суровцова – «О владычестве киданей в Средней Азии». Оно, по завершении курса обучения с «отличными познаниями» в китайском, маньчжурском и монгольском языках, истории китайской и монгольской литературы, истории Востока и России, а также русской словесности, позволило ему решением Совета университета получить 31 мая 1872 г. ученую степень кандидата.

Быть может, общая, напрашивающаяся ныне оценка труда М. Н. Суровцова покажется кому-то преувеличением и произведет впечатление личной пристрастности, но, учитывая результаты новых веяний в «перестроенной» науке Отечества, труд этот по значимости превосходит уровень, необходимый для ученой степени доктора. И дело заключается не только в том, что М. Н. Суровцову удалось успешно преодолеть при переводе «Ляо ши» головоломные сложности средневекового китайского языка, перед которыми отступил, обратившись к этому же источнику в середине XX в., такой блестящий знаток древнекитайского языка, как В. С. Таскин, и что он в ряде случаев точнее и проникновеннее чувствовал и передавал суть летописного текста, чем такие видные исследователи истории киданей, как Г. Франке, Фэн Цзяшэн и К. А. Витфогель. Особо важно иное обстоятельство – М. Н. Суровцов, досконально проштудировав все четыре каноничных для династийных хроник раздела – бэньцзи, няньбяо, шу и лечжуань, которые включали в себя 116 цзюаней текста, и «Цидань го чжи» (для уточнений), не просто пересказал в дипломе источник, как принято было делать в историческом востоковедении XVIII и первой половины XIX в. Он, преднамеренно отойдя от принятой манеры сочинения кафедрального диплома, поставил во главу угла анализ проблем историко-культурных, политических и социально-экономических, что превратило его исследование в новаторский по методике и методологии труд, сравнимый с лучши-

ми образцами исторических сочинений европейского востоковедения той поры. Сам М. Н. Суровцов весьма скромно оценивал весомость завершенного труда, ссылаясь на «первоначальный дебют» в своих занятиях историей, «малоопытность в распределении времени, *оставшегося от других занятий*», что обусловило необработанность всего накопленного материала и, как следствие, написание диплома, «нисколько не претендующего на научное значение».

Достаточно, однако, бегло затронуть пару исторических проблем, отраженных в рукописи (ее составляют пять «тетрадей»; одна из них, посвященная «Си Ляо», не сохранилась), чтобы стала очевидной несправедливость подчеркнуто уничижительной самооценки содеянного студентом уже «в дебюте» ученых занятий[9]. Принимаясь за написание истории киданей, М. Н. Суровцов поставил перед собой весьма неординарные задачи. Примечательно, что ему хотелось «прояснить знаменательный век Чингиса настолько, насколько это можно сделать через обзор деятельности... киданей, смененных чжурчжэнями, защищавшимися против ополчений сказанного завоевателя... и тот век, в котором мы встречаем грозные полчища монголов, кои двинулись в Европу и поработили Россию. [Ведь] век Чингисханидов был подготовлен в глубине Азии собственными историческими событиями, исходная точка которых лежала у Великой стены, в двух народностях, сменивших одна другую – [киданях и чжурчжэнях]»[10].

М. Н. Суровцов не просто изложил историю киданей. Он поставил и по-своему решил одну из основополагающих проблем истории Центральной и Восточной Азии, а также Дальнего Востока – взаимоотношение кочевых и оседлых обществ. Острота извечных конфликтов между двумя полярными мирами – империями Поднебесной и противостоящими им царствами («кочевыми империями» – «син го») народов степей и пустынь Срединной Азии, как правило, приводила к гибели (порабощению) последних. Сочинение М. Н. Суровцова – гимн отнюдь не примитивной, а развитой «кочевнической цивилизации», «первобытным, чистым и безыскусственным» нравам киданей, культурному равенству их с представителями цивилизаций земледельческих, с их «благоустроенной гражданской жизнью», лишенной «революционных потрясений» и кровавого деспотизма правителей, народу, «нераздраженному» своеволиями вождей. Он прозорливо отметил взаимозависимость мощи экономики государства и весомости его в делах отношений с окружающими народами, мимо чего проходили его коллеги и предшественники, увлеченные описанием событий политической истории: «С развитием материальных сил развиваются и другие силы – умственные, этнические, нравственные, что и дает возможность народу играть более или менее активную роль в среде соседних государств»[11].

Как можно убедиться, М. Н. Суровцов воспринимал историю (как и более двух веков назад члены Комиссии по переводу на маньчжурской язык династийных хроник Ляо, Цзинь и Юань!) мудрым учителем человечества. Сочинение «О владычестве киданей в Средней Азии», вопреки его надеждам, не было доработано и доведено до издательского проекта. Помешали жизненные обстоятельства – тяжелое материальное положение, которое вынудило отказаться от «прибавочного года» обучения в университете для усовершенствования знаний восточных и западных языков и ходатайствовать о зачислении на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Правительствующий Сенат принял 22 марта 1873 г. решение зачислить М. Н. Суровцова в Азиатский департамент, согласно просьбе МИД, и определить его в чине коллежского секретаря. Последующая зимой того же года тяжелая болезнь прервала и эту работу. Что касается рукописи исторического сочинения, то она, в конечном счете, попала в архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения АН РАН (фонд А. М. Позднеева) и долгие годы использовалась как своего рода первоисточник при работе над обзорными трудами по истории и культуре восточноазиатского региона. В частности, в XIX в. с дипломом Н. М. Суровцова знакомились, заимствуя необходимые сведения, В. П. Васильев, В. В. Горский, А. М. Позднеев и Л. М. Рудов.

Следующим шагом введения в научный оборот первоисточников по истории киданей стал проект полного перевода на немецкий язык маньчжурского варианта «Ляо ши» – «Дайляо гуруни судури». Его начал осуществлять в 1870–1880-е гг. видный российский маньчжуровед Г. К. фон Габеленц. Но будто злой рок преследовал тех, кто брался за изучение материалов, позволяющих раскрыть обстоятельства возникновения, становления, развития и гибели Ляо. Г. К. фон Габеленцу удалось лишь вчерне перевести хронику. Завершить работу, доведя ее до желанного совершенства, помешала смерть. Сделанные им переводы собрал, привел в относительный порядок, подготовил к изданию и опубликовал по решению Академии наук сын маньчжуроведа – Г. А. Габеленц[12].

Согласно плану исполнения «киданьского проекта» РГНФ по введению в научный оборот «Дайляо гуруни судури», маньчжуровед сектора истории и археологии стран зарубежного Востока Института археологии и этнографии СО РАН Л. В. Тюрюмина перевела труд Г. К. фон Габеленца и, сравнив его с подлинным текстом хроники, пришла к следующим выводам[13]:

Л. В. Тюрюмина

1. Издатель рукописи, сын переводчика Г. А. Габеленц, работал с текстами, которые едва ли можно назвать завершенными. Это, скорее всего, черновики перевода «Дайляо гуруни судури». Г. К. фон Габеленц, разумеется, понимал, что труд его не готов к публикации, что требуются свежий взгляд со стороны по прошествии некоторого времени, переосмысление и переработка вызывающих сомнение фрагментов текста хроники. Но смерть помешала завершить работу, и в таком незаконченном виде она и была опубликована.

2. К следствиям этой досадной незавершенности относятся: далеко не всегда удачный поиск глубинного смысла, скрытого во многих специфических маньчжурских выражениях; отсутствие реконструкции слишком сокращенных, неудачных в грамматическом отношении отрывков текста; использование вольного пересказа вместо отыскания наиболее подходящих эквивалентов перевода трудных для истолкования фрагментов повествования; некритическое отношение к работе составителей летописи; отказ от перевода коротких китайских текстов (они, судя по всему, принимались маньчжурами за имена собственные, некие термины, а также за географические и этнические названия).

3. В целом добротный, выполненный с уважением и вниманием ко всем словам и знакам препинания, без пропусков, легко читаемый немецкий перевод Г. К. фон Габеленца до сих пор занимает достойное, только ему принадлежащее место в исторической литературе. На его достоинствах и ошибках училось не одно поколение начинающих маньчжуроведов.

Очередное обращение к источниковым материалам по киданям произошло почти через сто лет после изучения их М. Д. Храповицким, М. Н. Суровцовым и Г. К. фон Габеленцем. Оно связано с переводом В. С. Таскиным, выдающимся знатоком старокитайского языка и первоисточников по истории народов Центральной и Восточной Азии, сочинения Е Лун-ли «Цидань го чжи» – «История государства киданей» (1979 г.). В то время отечественные историки при обращении к темам, связанным с киданями, использовали в основном лишь весьма скудные археологические материалы.

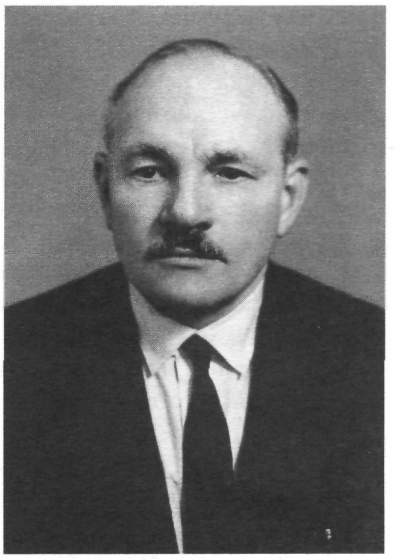
Тогда же в г. Новосибирске, в рамках целевых программ гуманитарных научных и учебных заведений Сибирского отделения Академии наук СССР (Институт истории, филологии и философии, Востоковедная комиссия при Президиуме СО АН СССР, Гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета), началась подготовка к изданию источников по истории Китая. Из них одно из первых мест изначально занимали династийные хроники государств, которые в средние века соседствовали с народами южных окраин Сибири. Что касается киданей, то, согласно плану сотрудничества между сектором истории и археологии стран зарубежного Востока ИИФиФ СО АН СССР и гуманитарным факультетом НГУ, были подготовлены к научной деятельности два высококлассных специалиста по истории и филологии Китая – Геннадий Геннадиевич Пиков, который в годы студенчества специализировался по проблемам истории западных киданей, и Людмила Васильевна Тюрюмина, освоившая в студенчестве редчайшую в России специальность – филолог и историк-маньчжуровед. Они прошли обучение в аспирантуре ИИФиФ СО АН СССР (сектор истории и археологии стран зарубежного Востока) и подготовили к публикации сначала «Историю Золотой империи», а теперь и «Историю Железной империи».

Е. П. Лебедева

Трудно переоценить вклад в это издание Л. В. Тюрюминой – самоотверженного и предельно увлеченного делом переводчика. Ко времени окончания университета в 1967 г. она под руководством блестящих знатоков тунгусо-маньчжурских языков и проблем общего языкознания Валентина Александровича Аврорина и Елены Павловны Лебедевой основательно овладела маньчжурским языком и прошла хорошую школу практического перевода. В качестве курсовых работ ей были зачтены переводы из хрестоматии П. Шмидта новеллы Пу Сун-лина «Даос с гор

Лао», отрывка из «Сюй Цзычжи тунцзянь ганму», посвященного обстоятельствам гибели империи Ляо; доклад о «Сборнике материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору», составленный в 1936 г. известным этнографом-тунгусоведом Г. М. Василевич. Темой дипломного проекта Л. В. Тюрюминой, защищенного на «отлично», стали «Маньчжурские источники об образовании государства чжурчжэней».

В. А. Аврорин

После окончания аспирантуры и зачисления в 1971 г. в штат Института истории, филологии и философии СО АН СССР Л. В. Тюрюмина продолжала интенсивную работу по переводу источников по истории чжурчжэней, киданей и маньчжуров. В частности, она перевела с немецкого (в рамках подготовки к переводу с маньчжурского «Дайляо гуруни судури») труд Г. К. фон Габеленца «Geschichte der Grossen Liao», большое количество сводного типа изданий, посвященных средневековой истории народов Центральной Азии и Северо-Восточного Китая (О. Франке, К. Витфогель и др.), текст, повествующего о событиях, связанных с обстоятельствами перевода на маньчжурский язык династийных хроник «Ляо ши», «Цзинь ши» и «Юань ши». Все это делалось параллельно с осуществлением главного труда ее жизни – переводом сложнейшего текста «Дайляо гуруни судури».

Тяжелейшие жизненные обстоятельства не позволили завершить тогда перевод маньчжурской версии «Ляо ши». Л. В. Тюрюмина, героически и стоически преодолевая убийственные сложности, которые преподносила ей судьба в последнее десятилетие, нашла в себе силы закончить начатую некогда работу. Выполнен ею этот труд по переводу на высоком научном уровне, ибо она – переводчик от Бога, обладающий редкостной способностью чувствовать тонкости древнего восточного текста и изящно, поэтически, но без потерь в точности, передать глубокий смысл и высокий дух летописного повествования. В этой связи замечу, что, насколько можно судить по переводу, «Дайляо гуруни судури» – текст не казенный, а литературно почти художественный, временами даже повествовательно вдохновенный и потому чрезвычайно трудный для перевода. Как может убедиться читатель, неторопливо прочитывая летопись «тетрадь» за «тетрадью», в этой хронике есть все, что волнует воображение: герои и злодеи, поля сражений, летящие стрелы и грохочущие барабаны, верность и предательство, мужество и слабость, отвага и трусость, охота и сцены быта, дворцы и дикая природа, верные кони и дикие звери…

Здесь уместно будет сделать несколько конкретных замечаний относительно характера источника и обусловленных его специфическими особенностями сложностей перевода, что Л. В. Тюрюмина постоянно отмечала в ходе выполнения работы. Даже по прошествии многих лет изучения династийной хроники «Дайляо гуруни судури» оценить ее с точки зрения современного лингвиста – задача очень непростая и, пожалуй, неблагодарная, поскольку многие лета отделяют века XVII и XXI. И маньчжурские переводчики с китайского, конечно же, были детьми своего времени, отчего их труд сложно сравнивать с работой переводчиков XIX, XX и XXI веков. Но оценить их обработку и переложение исторических сведений с китайского на маньчжурский необходимо.

Л. В. Тюрюмина, отдавая должное уважение титаническим усилиям, с коими велась работа по переводу китайских источников, отмечает следующее: в грамматическом отношении безупречна бульшая половина текста. Неудачи изложения второй половины текста хроники таковы: не всегда четко и грамотно оформлены окончания предложений и прямой речи; отрывочность, а иногда невразумительность текста, что, впрочем, может быть оправдано некачественностью самих китайских источников; нарушение порядка слов в предложении; некоторая сумбурность повествования, возможно, вследствие поспешных сокращений; искажение имен собственных, терминов, географических и этнических названий и т. д. Но самое главное неудобство при переводе – наличие в летописи непереведенных китайских текстов, «замаскированных» под имена собственные, всякого рода термины, а также географические и этнические названия.

«Выловить» эти тексты и перевести помогли указатели к «Истории государства киданей» Е Лун-ли, переведенной В. С. Таскиным. Китайские иероглифы и русская норма их произношения позволили в отдельных случаях ориентироваться в лексическом материале «Дайляо гуруни судури», сравнивать и анализировать зачастую искаженные маньчжурские транскрипционные единицы, угадывать (по контексту!) – какие китайские слова они передают. Если китайский текст вошел в маньчжурский не «рассыпанным», а единым целым, перевод осуществлялся гораздо легче, чем перевод тех фрагментов, которые были частично переведены на маньчжурский

с нарушением порядка слов. Приходилось реконструировать, домысливая, предполагая и, естественно, допуская погрешности и ошибки. В переводе особо сложных частей текста помогала интуитивная уверенность в том, что имена – не маньчжурские, должностные термины – не названия, а просто описание функций чиновника; географические названия – не наименования городов, областей, округов и т. д., а просто оказавшийся рядом текст, никак с ними не связанный. Все, что было достойно внимания в летописи, Л. В. Тюрюмина отметила в подстрочных примечаниях. Главное в них – ее критическое отношение к работе всех составителей «Дайляо гуруни судури», самого раннего, самого несовершенного, самого трудного для переводчиков с маньчжурского языка образца маньчжурской литературы, тем не менее, скажу – самого отважного и самого вдохновенного труда манчжурских переводчиков высочайшего ранга!

Второй исполнитель «киданьского проекта» РГНФ – Г. Г. Пиков. После окончания аспирантуры он стал преподавателем, а затем доцентом гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. История киданей и их государственных образований – Да Ляо и Си Ляо – стала главной темой его научных исследований. Его перу принадлежат несколько десятков работ, посвященных широкому спектру историко-культурных проблем киданеведения. Особо следует отметить монографию, в которой исчерпывающе полно, с использованием китайских и мусульманских письменных источников, а также археологических материалов, рассматриваются наименее изученные в русском востоковедении вопросы драматической истории западных киданей (политическая история, социально-экономический строй и культура)[14]. В качестве отдельных сюжетов им опубликованы оригинальные статьи о роли западных киданей в истории народов Средней Азии, Казахстана, юга Сибири и Дальнего Востока, о взаимоотношениях империи Ляо с Китаем, об экономике, религии, военном деле, о положении женщин в кочевой империи, о правовых устоях и особенностях государственного устройства[15].

В сфере интересов Г. Г. Пикова постоянно находится историографическая тематика[16]. Кропотливые архивные изыскания позволили ему раскрыть неизвестные страницы русского востоковедения, вернуть из небытия и по достоинству оценить имена выдающихся исследователей истории Востока, труды которых оставались неопубликованными, а то и забытыми, пребывая в недрах мало кому доступных рукописных собраний. К таким исследователям относятся Михаил Николаевич Суровцов и Михаил Данилович Храповицкий. Сочинения их и составляют весомую часть предлагаемого вниманию читателей тома, удачно дополняя переведенную Л. В. Тюрюминой «Дайляо гуруни судури». Г. Г. Пиков составил максимально возможные (исходя из выявленных в архивах материалов) по детальности жизнеописания того и другого. Он вложил много труда в расшифровку весьма сложных (из-за особенностей почерка) рукописей «О владычестве киданей в Средней Азии» и «Записки о народе Ляо».

Публикация «Дайляо гуруни судури» - фундаментальной значимости источника по средневековой истории народов Дальнего Востока, Центральной и Средней Азии и дополняющих хронику текстов сослужит, надеюсь, добрую службу специалистам – историкам-востоковедам и филологам-маньчжуристам, а также широкому кругу россиян, которых увлекают и волнуют культуры Востока Евразии и люди – творцы их.

Что касается коллектива авторов издания, то он уже приступил к осуществлению заключительного этапа многолетней эпопеи по вводу в научный оборот летописных источников на маньчжурском языке, изданных три с половиной века назад по мудрому велению государя Тайцзуна. Речь идет о подготовке к публикации «Дай Юань гуруни судури» – «Истории Небесной империи», за которой последует, если соблаговолит судьба, работа над фундаментальной значимости источником по ранней истории маньчжуров – первым томом собрания документов «Мань-вэнь лао-дан», в которых содержатся бесценные сведения о том, в каких обстоятельствах Нурхаци и Абахай закладывали основы новой государственности.

В заключение мне остается выразить глубокую благодарность всем, кто готовил летопись к публикации – издательскому редактору М. А. Коровушкиной, техническому редактору Е. Н. Усольцевой, художнику А. А. Фурсенко, переводчикам текста «От редактора» И. П. Ларичевой, Ван Дэхоу и Кан Инуку.

В. Ларичев

Примечания

[1] Здесь и далее цитаты заимствованы из вступительного текста к трехтомному изданию переводов на маньчжурский язык династийных хроник «Ляо ши», «Цзинь ши» и «Юань ши». Перевод с маньчжурского Л. В. Тюрюминой. Краткое изложение обстоятельств издания хроник на маньчжурском языке см. **Тюрюмина Л. В.**. К истории создания маньчжурского

перевода «Ляо ши», «Цзинь ши» и «Юань ши» // Мат-лы конф. «Этногенез народов Северной Азии». – Новосибирск, 1969. – Вып. I. – С. 139–140.

[2] Работа по переводу хроники была начата в Мукдене в 1636 г., а завершена в 1639 г. Вышла же она в свет (по-видимому, в Пекине) в 1646 г., т. е. через три века после написания в годы последнего императора династии Юань Тогон-Темура.

[3] **История** Золотой империи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН. – 1998. – 286 с.

[4] **Тайцин** Гурунь... – СПб., 1781–1783; **Обстоятельное** описание... – СПб., 1784.

[5] **Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950–1953. – Т. I–III.

[6] **Ларичев В. Е.** Потерянные дневники Палладия Кафарова // Изв. СО АН СССР (Сер. общ. наук). – 1966. – № 1, вып. 1; **Ларичев В. Е.** Тайна каменной черепахи. – Новосибирск, 1966; **Ларичев В. Е.** Посмертный дар Ф. Ф. Буссе // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1968. – Вып. 1; **Ларичев В. Е.** Путешествие в страну восточных иноземцев. – Новосибирск, 1973; **Ларичев В. Е.** Памятник князю из рода Ваньянь // Древняя Сибирь. – Новосибирск, 1974. – Вып. 4.

[7] **Васильев В. П.** История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII вв. с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. – СПб., 1857; **Васильев В. П.** Сведения о маньчжурах во времена династии Юань и Мин // Годичный акт Санкт-Петербургского университета за 1858 г. – СПб., 1859; **Васильев В. П.** Описание Маньчжурии // Зап. Рус. географ. общ-ва. – 1858. – Кн. XII; **Васильев В. П.** Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии (из Шен-у-цзи). – СПб., 1883; **Горский В. В.** Начало и первые дела маньчжурского дома // Тр. членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1852. – Т. I; **Горский В. В.** О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае Династии Цин и имени народа маньчжу // Там же.

[8] Подробности см.: **Пиков Г. Г.** Неизвестная страница сибирского востоковедения (М.Н. Суровцов) // Из прошлого Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. –Новосибирск, . – Вып. 3, ч. 1; **Пиков Г. Г.** Из истории исторической и политологической мысли // История и социология государства: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 2003.

[9] Подробности см.: **Пиков Г. Г.** Историологические взгляды М.Н. Суровцова // История и культура Востока Азии: Мат-лы междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2002.

[10] **Суровцов М. Н.** О владычестве киданей в Средней Азии // Архив востоковедов ЛО ИВ РАН. – Фонд А. М. Позднеева, № 44, ед. хр. № 278, л. 2.

[11] Там же. – Л. 56.

[12] **Geschichte** der Grossen Liao. Aus dem Mandschu übersetzt von H. Conon von der Gabelentz. Herausgegeben von H.A. der Gabelentz. – St.-Petersburg, 1887

[13] **Тюрюмина Л. В.** Справка для отчета фонду РГНФ по «киданьскому проекту» относительно перевода Г. К. фон Габеленца династийной хроники «Дайляо гуруни судури».

[14] **Пиков Г. Г.** Западные кидани. – Новосибирск, 1989.

[15] **Пиков Г. Г.** Западные кидани в истории Средней Азии и Казахстана (1125–1218 гг.). – Новосибирск, 1986; **Пиков Г. Г.** К проблеме влияния китайского права на уголовное законодательство киданей // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1992; **Пиков Г. Г.** Кидани и Сибирь // Из прошлого Сибири. – Новосибирск, 1996. – Вып. 2, ч. 1.; **Пиков Г. Г.** Некоторые вопросы государственного устройства Западной Ляо // Изв. СО АН СССР (Сер. обществ. наук). – Новосибирск, 1979. – № 1, вып. 1; **Пиков Г. Г.** Некоторые вопросы экономики западных киданей // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980; **Пиков Г. Г.** Буддизм в государстве киданей // Изв. СО АН СССР (Сер. обществ. наук). – Новосибирск, 1980. – № 1, вып. 1; **Пиков Г. Г.** О столице государства западных киданей // Восточная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1986; **Пиков Г. Г.** Организация военного дела в государстве кара-киданей // Изв. СО АН СССР (Сер. обществ. наук). – Новосибирск, 1983. – № 1, вып. 1; **Пиков Г. Г.** Рабство в империи киданей // Социальные группы традиционных обществ Востока. – М., 1985. – Ч. 1; **Пиков Г. Г.** Семейно-брачное право у киданей // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980; **Пиков Г. Г.** Специфика государственного устройства киданьских государств (Ляо и Си Ляо) // История и социология государства: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 2003; **Пиков Г. Г.** Специфика положения женщин в кочевой империи // Там же.

[16] **Пиков Г. Г.** Малоизвестная страница русского востоковедения (М. Д. Храповицкий) // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. – Новосибирск, 1995. – Т. 2; **Пиков Г. Г.** Из истории исторической и политологической мысли. М.Н. Суровцов: краткая биография, характеристика сочинения, основные взгляды // История и социология государства: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 2003 и др.

Feeling the fear for the present, khans must be cautious.
Feeling the fear for the future, they must conform to
the best forms of government!
From the paper to sovereign Abahai, the son of
Nurkhaqi, on the importance of historical works.

FROM THE EDITOR*

To attention of the readers, professional historians-orientalists and amateurs of the ancient history and culture of Central and East Asia, the *Manchurian* version of the dynastic chronicle «Dai Liao Guruni Suduri», that is «The History of the Great Liao Empire», is offered. It is the history of *the Chitan*, for the first time translated into the Russian language by Ludmila Vasil'yevna Turumina.

Before presentation of this edition, the information allowing to dwell in short on the centuries-old process of compiling «Liao Shih» («The History of the Chitan's State») must be adduced. Such work was begun soon after *the Chouzhen* had crushed the Great Liao Empire (1125 A.D.) and took possession of the territories of the Chinese Sung Empire, within the northern bounds of Shansi and Hopei Provinces. Just at that time, the leaders of the Jin (*Gold*) Empire, the new one, in the East of Asia, created «*Kuoshihyuan*» – «The Department of National Historiography», with its activities strictly directed at collecting of documents for writing «shih lu», that is the official histories of reigns of the rulers of the Liao, Sung and Jin Empires. In this State institution, it was presupposed to keep revealed materials, to systematize them in conformity with the requirements, as well as to keep diaries of receptions of new information into archives and to compile the proper registers of the latter. Besides *the Chouzhen*, on the staff of the institution *the Chitan and Chinese* were taken. The fellows of this institution worked under the leadership of one of the Chouzhen. Collecting of documents and subsequent writing of «The History of the Chitan's State» («Liao Shih») were also the direct tasks for them. The proper Chitan group was formed by 3 persons.

The work of the *Kuoshihyuan* resulted in ten written «Authentic Histories of Reigns». But the matter was not taken to printing of these materials. The posterior dramatic political and military events which led to the crushing defeat of «the Jin Empire» by *the Mongols* put the end to the activities of this institution. However, the work of its fellows was always accompanied by the activities of enthusiasts-historiographers who, on their own initiative, carried out a zealous search and collecting of documents on the histories of the Chouzhen and Chitan, as well as on their mutual relations with the Chinese of the Sung Empire. Later on, the productive results of their activities ensured success to compiling of histories of the Sung, Liao and Jin Empires, in the volume known at present. Among the historiographers-persons by themselves, – Yuan Haowen, whose contribution into the matter of common concern is especially great. Yuan Haowen was one of the eminent political figures and statesmen of the Chouzhen State, a poet and prosaist of the final years of existence of «the Jin (*Gold*) Empire», the author of several works devoted specially to the history of the Chouzhen (he died in 1257). Besides, in his archives heritage, there are invaluable materials on the histories of the Far East and Central Asia. These materials were collected in the course of numerous and long-term travels all over these territories. Later on, they were used, as much as possible, by those who had to solve in practice the task of writing the histories of dynasties of the outlying regions of China.

The work of the historiographers of the *Kuoshihyuan* was continued, as the national task of a special importance, only in about the middle of the XIVth century when at the court of the Mongolian Yuan Dynasty a special Committee had been set

* Translated by Inna Laricheva.

up. In April of 1343, the latter was headed by Tokto. The Committee was faced with the compiling of the official histories of the same three States – Liao, Jin and Sung. Its members had at their disposal «Shih Lu» preserved after the crushing defeat of the Chouzhen, as well as some other important sources, including those collected by certain institutions of the Empire on the special instructions of the ruling house. The practical solution of the task of writing the histories of three dynasties fell on the years of reign of the last Mongolian emperor – Togon-Timour (Tamerlane) who succeeded in suppressing of discords amidst the Mongolian feudal lords and in securing of desired peace in the State. The sovereign examined the paper of Tokto. He was agree with the arguments concerning the political necessity of writing the dynastic histories of the Chitan and Chouzhen, as well as those of the Sung China. Then Togon-Timour gave an order to create a special Committee. Over two dozens of historiographers were included into the latter. The voluminous spade-work carried out from the time of the beginning of the activities of the Chouzhen Department of National Historiography allowed to realize the project (unprecedented in its scales) highly successfully and fast. In a year, after the Committee had been created, that is in the late Autumn of 1344, Tokto submitted all three dynastic chronicles for the approval to Togon-Timour.

In the end of the first half of the XVIIth century, these dynastic chronicles had been translated from the Chinese language into the Manchurian one. This became the next stage of introducing them into scientific turn (broadening of the circle of their readers). At that time, Nurkhaqi began amalgamating of the Chouzhen lands into the new State – «the Late Jin» (later on, It was renamed in «*Ching*». Simultaneously, the making of a new written language was completed. The latter, being created on the base of the Uighuro-Sogdian graphics, was in ideal conformity with the norms of the Manchurian (Chouzhen) language. The new written language was used for writing the State documents and literary translations from the Chinese language.

The same written language was, naturally, used for recording literary translations into Manchurian of «Jin Shih» – «The History of the Jin Empire» (the one of the people whose direct descendants, the Manchus, considered themselves to be), as well as «Liao Shih» and «Yuan Shih», i. e. the histories of the Chitan and Mongolian Yuan Dynasty. The project of such translations was initiated by the reformer of the Chouzhen script, a scientist and literary man Dahai, together with Ĕrhdehnih, whereas the completion of the project was connected with members of a special Committee headed by Hihfeh, the chief of the Department of Ceremonies.

From the 5th Moon of the first year of the era of governing of *Wehsihhun ĕrhdehmunggheh*, i. e. «Highly Gifted» Manchurian sovereign Taitzung, «having implicitly perceived [his] «Perfectly Wise» decree, the collective body of connoisseurs of the Chinese language and the ancient histories of the peoples which occupied the lands of the Far East, as well as those of East and North-East China, and Central Asia, began its work on translation of historical documents into the Manchurian language. Members of the Scientific Committee headed by high officials Kihchunggheh, Feng Tsyuan, Ning Wanoh, Fan Wencheng and Guarin had to do the work of the grandiose volume – to translate from Chinese into Manchurian the materials of exceptional value – «the historical books... in which the moral principles prescribed from ancient times and the execution of these principles by khans and princes, as well as the legends which had reached their ears and were not left by them without attention» (chronicles of the Da Liao, Sih Liao, Da Jin and Da Yuan Dynasties). Moreover, high-ranking court official Chabuhai, together with «learned clerks» Nengtu and Ĕchenggheh, had to write corresponding texts of the Manchurian variants, with explanations, of the dynastic chronicles – «Dai Liao Guruni Suduri», «Aisin Guruni Suduri» and «Dai Yuan Guruni Suduri»[1] (see **Notes** at the end of this part of the book). High-ranking court official Huk'u had to carry out no less complicated work as the editor – to remove from the translations all that was «*inadmissible*», and to do this, «*coming to the agreement with known orientation*» (that was, obviously, the ideologo-political task).

Since interpretation of these ancient texts required especially high level of knowledge of the history and language, so in the collective body, in addition to translators, a special group of persons worked, those who had «to solve any doubts and to give verbal explanation of the sense of the Chinese books». In the respective documents, names of some of these persons are mentioned. Among them, – high-ranking court official Wang Wenkui and his main assistant Liu Hungyui. The fair copies of the chronicles prepared for publishing «were written print hand» by clerks Burkai, Kengtei, Guwalcha, Korkodai, Sholgheh and others.

Being impressive in its scales for so ancient times, all this work continued during 10 years[2]. It began after Hihfeh, manager of the legislative department, together with high-ranking court officials of the Ministry of Justice (Chamba, Chabuhai, Wang Wenkui, and others), had appealed to highly respected sovereign with the paper. They set out in writing to Taitzung (Abahai) the great ruler of '*All-under-Heaven*' ('*Tien Hsia*', '*China*'), the necessity of execution (for welfare of the State) of well thought-out project of translations into Manchurian of the dynastic chronicles which «tried to unite the peoples into the integral and indivisible Empire».

The essence of the matter was *in the necessity of* «*contemplation of the antiquity*» for welfare of the prosperity of the modern State, because the current affairs, ups and downs in them, *are situations of* «*great nicety*»; moreover, the

mainsprings of the current events which ensure firstly the coming of mellow peace, then the supremacy of murderous deeds of discords, alas, *remain up to now «utterly reserved»*. That is why, one must not ignore the wisdom of ancestors, their regulations of life, and the true stories of the remote past. These regulations ensure stability in the people's life, and one must not ignore them without arguments. Such regulations, having been discussed, must be transferred into the present, comparing with them and conforming to them the modern people's life. Not without reason, during the subsequent centuries, all «perfectly wise khans» invariably followed the rationality of such thoughts, and there was nobody of them whose deeds were not corresponding with these wise from the age regulations.

Nobody else, except wise people, «scientists», connoisseurs who became the persons of the ages gone away into the past, knows in what «the niceties of the affairs» which determined ups and downs of the current of the events of life, as well as secrets of origin of the discords smashing empires, are. Their perspicacity can be simply explained – these wise people, describing in detail «the governing, behavior, ups and downs (errors) of those who become khans», got to know the world and the natural development of the events which took place in it. Moreover, they called the khans to be cautious in their deeds in order to avoid catastrophes, as well as to take after the exemplary rulers of the peoples in the order of management of affairs. The connoisseurs considered everything that took place in the history to be the lesson for the khans and advised them to add to their armoury the great motto – «The Good is my teacher, and the Evil is my teacher too».

At first, the authors of the paper to the sovereign had given its due to the earlier unprecedented success of the rulers of the Da Yuan Dynasty who, unlike the khans of the Da Liao and Aisin Dynasties, for the first time succeeded in amalgamating of «the whole of All-under-Heaven» under their command. After that, they called «Philanthropic, Generous, Gentle and Perfectly Wise» Taitzung to let his subjects, the Manchus, the opportunity «look over through the laws of governing and generally accepted customs» of the Chitan, Chouzhen and Mongols.

Taitzung responded to the call of "The Court Department for Promulgations of Laws" without delay. He, «wishing to contemplate the antiquity» and «containing such desire in his heart», issued the decree «exclusively on account of this matter»:

«Translate into the Manchurian language the books of three dynasties – Da Liao, Aisin and Da Yuan! Omit from this translation portions of unserviceable texts and, glorifying, write completely, without omissions, about their ups in good deeds and downs in those made with evil intents, wars and battues».

The work on translation of the chronicles, as well as on their editing, was completed in the 6th Moon of the fourth year of the era of governing of *Wehsihhun ĕrhdehmunggheh* (1639) and, after all the texts had been looked through by Minister Hihfeh, the manuscripts were handed to sovereign Shihtzu, in the 26th day of the 3d Moon of the first year of the era of governing of this *Ichishundasan* (1644). For all this, members of the Committee «gave such report, with high respect»:

«The imperial decree has been issued – "To make fair copies hand print, to make matrix-moulds for printing and to publish the books of three dynasties – Da Liao, Aisin and Da Yuan! To distribute the books all over All-under-Heaven!"».

Further, «those who perceived the decree», i. e. assistants of the chairmen (high-ranking court officials Chabuhai, Sungahai, Ĕsehhei, Itu, Wudari, Chingtai, Laigun, Hehdeh; the head of the "desk" Nengtu; scientist-official Nihman; clerk Bintu, and others) made fair copies hand print and, having made matrix-moulds for printing the books, produced 300 copies of «The History of the Da Liao Dynasty», 300 copies of «The History of the Aisin Dynasty» and 600 copies of «The History of Da Yuan Dynasty»». The report on the completion of printing these chronicles was handed to the sovereign, in the 7th day of the 4th Moon of the third year of the era of governing of *Ichishundasan* Shihtzu Emperor (1646).

Such way, about three and a half centuries ago, one of the impressively effective projects, that of introduction into scientific turn the annalistic materials translated into the Manchurian language, was completed. I deliberately stated the episodes of this publishing epopee with highest possible faithfulness, in order to give everybody the opportunity to compare the perception by people of the significance of historical knowledge and primary sources of the latter in the remote past and at present. It is not difficult to make sure that the main thing retains its strength up to now – for the human history the noble role of a patient tutor of the Mankind was predetermined (but, alas, people frequently neglecting severe lessons of the history, feel very bitter for their just the common kind of light-mindedness). As for the original sources, their value is not the one passing with time. Such words are confirmed, in particular, by the Project "The Original Sources of Materials on the History of the Chitan". The latter, for several years, meets with warm approval among the members of the Governing Body of the Russian Humanities Fund. The aim of this of many years project is similar (of course, in certain extent) with that of the Project of "The Court Department for Promulgations of Laws" of Taitzung Emperor – to introduce into scientific turn «for contemplation of the antiquity» the dynastic chronicles «Dai Liao Guruni Suduri», «Aisin Guruni Suduri» and «Dai Yuan Guruni Suduri».

In 1998, to execute the long-planned, the Department of History and Archaeology of the Foreign East Countries, which is attached to the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, had prepared to printing and then published, enjoying the generous financial support of the Russian Humanities Fund, one of these dynastic chronicles – «Aisin Guruni Suduri». This chronicle was brilliantly translated from Manchurian into Russian, in the end of the 30s of the XIXth century, by the student of the Peking Ecclesiastical Mission – Rozov Georgiy Mikhailovich who used, «for the control and understanding of difficult places», two editions of «Jin Shih» written in Chinese – «The History of the Gold Empire», with commentaries (volumes 10 and 18), and «Tungtzian Gangmu» (120 volumes)[3]. The publication of this dynastic chronicle was accompanied by the biographical essay devoted to G.M. Rozov and written by Academician Vladimir Stepanovich Miasnikov – «Russian Specialist in the Study of Manchuria G.M. Rozov», as well as «A Brief Essay of the History of the Chouzhen before the Formation of the Gold Empire» written by Academician Vitaliy Yepifanovich Larichev and voluminous «Commentaries to the text of the chronicle "The History of the Jin Dynasty which Reigned in North China from 1114 to 1233"» made by Professor of History Anatoliy Gavrilovich Mal'avkin.

On the whole, «the material fit for the matter» and edited by «highly respected» members of "The Scientific Committee" and "The Court Office", with their three departments ("The Court Department for Promulgatrions of Laws", "The Court Secret Room and Library of the Sovereign" and "The Court Committee for Compiling and Keeping of the State Chronicles"), represented itself the descriptions of «307 Years of Life of Fourteen Chitan Khans», «119 Years of Life of Nine Khans of the Aisin Dynasty» who, fighting against All-under-Heaven, included into the orbit of their influence a half of its territory (as far as the Yangtze Basin), as well as «162 Years of Life of Fourteen Khans of Da Yuan Dynasty» who, for the first time in the history of the State formations of the Far East and Central Asia, managed «to consolidate» under their aegis «the whole of All-under-Heaven».

This of many years process of complicated mutual relations of All-under-Heaven with nomadic people and farmers-cattle-breeders of its northern and Far-Eastern outlying districts had shown itself in full strength from the beginning of the Xth century when Chitan tribes entered the historical scene and claimed their rights to the State system of the imperial type. The description of the life of fourteen Chitan khans, for the period of time exceeding three centuries (307 years!), beginning from Taitzu Abaochi Emperor of the Great Liao Dynasty and ending by the last representative of the generation of Yehlui Dashih of Sih (Western) Liao Dynasty, «was included into historical chronicle "Dai Liao Guruni Suduri"». In its pages, all these events are represented, beginning from the happy, not without the help of the Sky, mythical and fantastical episode of the miraculous conception, in 872, of born Siao and then, later on, her giving birth to son Abaochi (from the Yehlui Family), the «collector» of lands of the future empire («saw in her sleep that the Sun entered her womb and (she) conceived;...during the childbirth, in the house, there were enchanting light and unusual aroma; the new-born looked as a child of three years and he began to crawl on his hands and knees at once; from childhood, he could discuss the deeds of his family», and so on) and ending with the drama of capture, in 1124, of the last emperor – Tientzo by Chouzhen military leader Laosu (Lehwushih), in Yuidugu (a small village), when Tientzo was deprived of the State «jasper seal» and humiliatingly lowered to the trifling status of Prince Haibinwang. In the final part of «Writing-Book VIII» of the dynastic chronicle, in addition to the aforesaid, there is a brief narration about the tragic withdrawal from the native lands to the Far West, as far as unachievable for Chouzhen forces desert bounds of Central Asia and the South of the Middle Asia, of outstanding military leader Yehlui Dashih, «the descendant of Taitzu Abaochi Khan in the eighth generation», connoisseur of Chitan and Chinese literatures, possessor of the scientific *Jinshih degree*, member of Scientific Chamber Hanlin and founder of the new, Sih (Western) Liao Dynasty. In the head of this Empire, replacing one another, «five khans were, those who governed eighty-eight years», right up to the governing of the False Chuichului (Kuchluk). The latter had captured the legal sovereign Tziligu (Chulhu), in battue hunting «with the help of eight thousands of fighting men of the *Naiman* people posted in ambush», and then «immediately put on the clothes and cap of the Great (Da) Liao State». After the death of this man, not sufficiently informed about the foundations and traditions of the Chitan (though diligently esteemed the both), «the Da Liao State discontinued its existence».

From time immemorial, the Chitan, Chouzhen and Mongols possessed the lands neighbouring with those of indigenous peoples of the South of Siberia and the Far East which, later on, became members of Russia. For this reason, the invariable interest of politicians and historians of our country to everything that took place in cultural and political history of the enormous region separating the North of Asia from the eastern area of the continent, i. e. from our neighbour – *'Great All-under-Heaven' ('Great China'),* is easily understood. I shall begin from the fact that, as early as the last decades of the XVIII – the first decades of the XIXth century, the first galaxy of Russian orientalists began their nice deeds, which became the scientific and educational ones. In particular, they managed to realize one of the most grandiose publishing projects which had no analogues in the foreign oriental studies – to publish three

volumes of laws and regulations of the Ching government translated from the Manchurian language by Aleksey Leont'yev and, following the latter, – the of seventeen volumes description of the Manchus prepared to publishing by the same A. Leont'yev and Larion Rossokhin[4].

Still earlier, L. Rossokhin had translated from Manchurian «The Histories of Conquest by Chinese Kangxi Khan of the Khalkhass and Eletian Peoples Who Roamed from Place to Place in the Great Tataria (written in 5 parts)», as well as «Tzychi», that is «The Extracts from General Mirror». His undertaking was continued by A. Agafonov («The Books of Manchurian and Chinese Shunchi Khan...»), I. Bykov and A. Vladykin («Decrees of His Khan's Majesty»), I. Bykov («The History about Mungals, How They Had Took Possession of China and Lost It»), and then Fiodorov («Kangxi. A Brief History of China») and Basnin («The Biography of High Official Langwudan...»). In 1787, Matvey Komarov published, in Moscow, «The Old Letters of the Chinese Emperor to the Russian Sovereign». It is important to note that for this work, the exceptional one in its significance, Manchurian and Chinese original sources were used.

In the XVIIIth century, a school of translators from the Manchurian language was opened in Irkutsk. It is indicative of the fact that, in Russia, the great importance was attached to the study of Manchuria, as well as to mutual relations with sovereigns of the Ching Empire and regional Manchurian administration. However, the most impressing success connected with the study of ancient histories of China, the Far East and Central Asia falls on the XIXth century, the time of especially active work of members of the famous Peking Ecclesiastical Mission. Among them, Iakinf Bichurin deserves a special attention, for the scales of his work on revealing and translating of annalistic proceedings about the *Dungi* (*the eastern foreigners*) arouse amazement up to now[5] (Bichurin, 1950). In truth, also not transient I. Bichurin's influence was, as that of the man who, in the Peking Ecclesiastical Mission, kept up the spirit of self-denying and selfless study of the history and culture of China. This influence is traced both in selfless labour of his contemporaries and that of orientalists of the posterior generations. As an example, the activities of the eminent Russian sinologist Palladiy Kafarov can be cited. In 1870 – 1872, having accepted the offer of the Russian Imperial Geographical Society, he took a journey over Manchuria, the Cis-Amur Area and the Maritime Region (*Primorye*) and made an attempt to compare information of the Chinese written sources with concrete relics of the past[6]. Later on, this extremely important methodical approach determined the most fruitful way of the study of the ancient history of the peoples of the Far East and Southern Siberia – the concord of work at the chronicles with field archaeological investigations.

In the context of the events stated in the opening pages of the history of oriental studies of Russia, the scientific deeds of Georgiy Mikhailovich Rozov ought to be also appreciated, for his life passed on the boundary of change of generations of its fathers-founders and their zealous successors. The vital good luck accompanied him twice – before his departure to Peking, he went through the course of tutor-guide education at Iakinf Bichurin, the patriarch of the Russian sinology who imparted him the all-absorbing passion to the study of the Orient. Later on, when G.M. Rozov had returned home from China, the same, as he is called, «*Great Toiler*» became his associate on official affairs in the Asiatic Department of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. At the same time, the personal contacts of G.M. Rozov with the other patriarch of sinology in our State – Palladiy Kafarov, the praiseworthy successor of I. Bichurin, were begun. G.M. Rozov's zealous work, as a member of the Peking Ecclesiastical Mission, turned him, in the subsequent years, into the brilliant connoisseur of the Manchurian, Chinese and Mongolian languages, as well as of the historical chronicles of China. Translation of the Manchurian version of «Jin Shih» («The Gold Empire») into Russian, as well as the study of other chronicles of the Sung time and careful comparison of the historical information became the main spheres of his activities. All this allowed him to create the genuine masterpiece within «*the Gold Fund*» of the mental and manual labour of the Russian orientalists. The manuscript of translation made by G.M. Rozov contained abundant materials connected with the Chitan's history, chiefly in the aspect of their mutual relations with the Chouzhen and Sung Chinese.

In the second half of the XIXth century, a whole galaxy of the eminent representatives of the Russian oriental science was engaged in the study of the history of the Far-East. Academician V.P. Vasil'yev and V.V. Gorskiy devoted their activities to especially careful investigation of the history of Manchuria[7]. Their labour allowed to imagine the main line of historical events in the East of Asia, following the period which had found its most perfect reflection in translation of the original sources made by I. Bichurin. Mikhail Danilovich Khrapovitskiy (1816 – 1860) was the first one who began the purposeful study of the Chitan's history. He was the son of the priest of the Krestetsk District of the Novgorod Province, a graduating student of the Petersburg Ecclesiastical Academy (1845 – 1849). His abilities pronounced in the years of education predetermined the inclusion of him in the status of a student on the staff of the XIIIth Russian Ecclesiastical Mission in Peking which was prepared and formed with participation of I. Bichurin. The Mission headed by Palladiy Kafarov left for China in 1849. To M.D. Khrapovitskiy the task was set to become proficient in the Chinese and Manchurian languages for execution of translations of especially important documents and for the scientific activities connected with the study of the history of All-under-Heaven.

M.D. Khrapovitskiy, as a student, showed his worth in the best way, both in linguistic studies and practical translations from Russian into Manchurian and Chinese, and vice verse. It is known that he translated into the Manchurian language «The Reign of Peter the First» (the Great Czar of Russia, 1682 – 1725 – *I.L.*). This book was translated, evidently, for knowledge and education of high-ranking officials of the imperial court. M.D. Khrapovitskiy also translated from Russian into Manchurian and Chinese, and vice versa, from the both languages into Russian, documents of exceptional importance, those concerning the mutual relations of two great empires of the East – Russia and China (Treaty of year 1860). Such highly remarkable fact allows to assert that, in reality, he knew the State languages of the country of his residence perfectly well and was trustworthy translator.

As for the historical studies of M.D. Khrapovitskiy, they remain till now mostly unknown (concealed in archives depositories), whereas that what is known to specialists remains underestimated by them. Meanwhile, in the line of execution of the scientific programmes of the Mission, he was very active and possessed the brilliant talent. The voluminous collection of manuscripts, those diversed in their contents, which must, some time or other, become the object of a special study, is indicative of this (unfortunately, the sudden, early death of M.D. Khrapovitskiy prevented publishing of the written).

The study of the history of the Ching Empire was the matter which mostly arrested his attention. Such fact found its reflection in the article «Events in Peking, in the collapse time of the Ming Dynasty». This work represents itself an important subject executed in the channel of the programme of V.V. Gorskiy's investigation on the history of the Manchus. Judging from appearances, M.D. Khrapovitskiy intended to create a monumental historical epopee about the Manchus, with dwelling on all kind of «closely related subjects» which had bearing to the time preceded the Ming history. For this purpose he wrote original «sketches» to the future «picture».

M.D. Khrapovitskiy's «Notes about the Liao People» seem to be such a «sketch», very likely, his most significant and, evidently, almost completed work. This investigation may be perceived as the turning one for the earlier accepted style and content of works on the history of Central and East Asia. The author of the «Notes» is arrested by everything connected with economics of the Chitan (determination of the level of their socio-economical development), circumstances of emergence of the people's achievements, the character of mutual relations of the nomadic people with China. He is interested in the initial pages of the Chitan's history, their primary native land and origin, joining in time and space of especially significant events for the fortunes of these people. In this work M.D. Khrapovitskiy profoundly touches upon a series of basic problems of the Chitan's history which remain poorly worked out till now. P.E. Skachkov, a connoisseur of the oriental archives of the country called to publish the «Notes» which, in his opinion, «would be of great benefit to the historical science». However, the circumstances were such ones that the opportunity to realize what was desired long ago appeared only at present.

Investigations carried out by M.D. Khrapovitskiy marked the beginning of the profound and all-round study of the Chitan's history. To the years following after his death the beginning of execution of the second laborious and scaled project refers (the first one had been executed by G.M. Rozov). V.P. Vasil'yev had the intention of realizing this project and Mikhail Nikolaevich Surovtsev, a student of the Saint-Petersburg University (Faculty of Oriental Languages, Department of the Chinese and Manchurian Languages) brilliantly executed it. Here, the main, most complete and versatile in its content annalistic source «Liao Shih» translated by M.N. Surovtsev (it included in itself the invaluable information in the line of the political, economical and cultural histories of the Chitan), as well as creation on its base of the first in the European sinology monographic work on the history of «the Iron Empire» (907 – 1125) are meant. The matter is that none of investigators, neither in the native nor in the world sinology, set before themselves, as a special task, elaborating of the connected sketch of the nomadic people's history, on the base of the extraordinary difficult for translating source – «Liao Shih».

The fortune did M.N. Surovtsev an injustice – it measured off a very short life to him. He lived only 24 years (October 20 of 1850 – Autumn (?) of 1874) but all that he had executed in four student years allows rightfully and without any rebates to put him in a row of eminent orientalists of Russia of the second half of the XIXth century, however, those little known even amidst professional historians-sinologists[8]. He was native of the Kobansk Settlement, of the Irkutsk Province, and belonged to poor estate of chief-officers' children. M.N. Surovtsev strove after knowledge and possessed uncommon abilities in mastering of foreign languages. He left the classical education gymnasia in Irkutsk with Silver Medal and, in conformity with his quite a deliberate aspiration, as well as his mother's application in the province command circles, was assigned for education in the *Alma Mater* of the Russian oriental studies – to the Faculty of Oriental Languages of the Saint-Petersburg University. There, he was put on the list without examination as a possessor of the pronounced philological abilities and scholarship of the Governor of Eastern Siberia – earl, general-adjutant A. P. Ignat'yev.

M.N. Surovtsev was lucky with his tutor – the education was carried out under the thoughtful guidance of the first-class connoisseur of the history and culture of China – Academician V.P. Vasil'yev. That was just he who, determining

the theme of the scientific work of the student from Siberia, in order to submit it «for competition of the medal», offered the latter to be engaged in that what the tutor himself considered by right to be «unelaborated» – the history of the Chitan which, together with that of the Chouzhen, being unexplored, created an imaginary «break» in the consecutive course of events in the epoch of the Middle Ages of the Far East and Central Asia. Such theme determined the degree work of M.N. Surovtsev – «About the Chitan's Dominion in the Middle Asia». This work, after completion of the course of studies, with excellent knowledge of the Chinese, Manchurian and Mongolian languages, the history of Chinese and Mongolian literature, the history of the Orient and Russia, as well as Russian literature, allowed the Academic Council of the University to confer him (in May 31 of 1872) the academic degree of Doctor of History.

Perhaps, to someone the general, suggesting itself at present, appraisal of M.N. Surovtsev's work will seem to be an exaggeration and will make an impression of personally my own partiality, but, taking into account the results of the new trends in the reformed science of the Native Land, this work exceeds in its significance the necessity level for the academic degree of Professor of History. The matter is not only in the fact that M.N. Surovtsev succeeded in successful overcoming, in the process of translating «Liao Shih», of puzzling complicacies of the medieval Chinese language (in the face of which, in the middle of the XXth century, having come across the same original source, a brilliant connoisseur of the Old Chinese language V.S. Taskin retreated), and not only because, in some cases, M.N. Surovtsev's comprehension and reproduction of the essence of the annalistic text were more correct and heartfelt than those of such prominent investigators of the history of the Chitan as G. Franke, Feng Tziasheng and K.A. Witfogel'. Another reason seems to be especially important – M.N. Surovtsev, having thoroughly studied all four parts, those canonic for dynastic chronicles – *Bentzi, Nienbiao, Shu and Lechuan* (the latter included in themselves 116 pages of the text) and, in addition to this, for more precise definition, – «Chitan Kuo Shih» («The History of the Chitan's State»), did not simply retold the source in his diploma, as it was done in the historical oriental studies of the XVIIIth and the first half of the XIXth century. Having deliberately digressed from the accepted way of writing cathedral diploma, he regarded as a paramount importance his own analysis of historical and cultural, political and socio-economical problems. This turned his investigation into the labour which was the innovatory one in its methods and methodology. Such labour is compared with the best patterns of historical works of the European oriental studies of that time. For all that, M.N. Surovtsev was very modest in appraisal of significance of his completed work, pleading «a primary debut» in the study of history, «a little experience in regulating of the time *remained from other lessons*». For this reason, not all translated materials had been treated and, as a result, – writing of the diploma «which does not a bit pretends to scientific significance».

However, it is enough to touch up superficially the pair of historical problems reflected in his manuscript (it consists of five «Writing-Books»; one of them that was devoted to Sih Liao has not remained), in order the injustice of humiliating self-appraisal of what the student had already done in «the debut» of the scientific studies would be obvious[9]. Beginning writing the history of the Chitan, M.N. Surovtsev set himself an extraordinary task. It is remarkable, in particular, that he wanted «to clarify the significant life-time of Genghis, as much as it can be done by way of the review of activities...of the Chitan who were replaced by the Chouzhen defended themselves against people's volunteer corps of the afore-mentioned conqueror..., as well as the age in which we meet terrible hordes of the Mongols who set out to Europe and enslaved Russia. [You know] the age of *Genghiskhanids* was prepared in the heart of Asia by their own historical events, and the starting-point of the latter was at the Great Wall, within the limits of two nationalities replaced one another – the Chitan and Chouzhen».[10]

M.N. Surovtsev not only stated the history of the Chitan. He had also raised and solved, in his own way, one of the basic problems of the histories of Central and East Asia, as well as of the Far East – the mutual relations of the nomadic and settled societies, the acuteness of since earliest time conflicts between two polar worlds – empires of All-under-Heaven and kingdoms of the peoples resisting them («nomadic empires» – «hsing-kuo»), those of the steppes and deserts of the Middle Asia. This, as a rule, led to the downfall (enslavement) of the latter. The work of M.N. Surovtsev is the hymn, by no means, not to the primitive but to developed «nomadic civilization», to the primordial, pure and artless temper of the Chitan, to their cultural equality with representatives of agricultural civilizations, with their «comfortable civil life» devoid of «revolutionary shocks» and bloody despotism of their rulers. This is the hymn to the people «not exasperated» by despotism of their leaders. He sagaciously noted the interdependency of the economic power of the State and its ponderability in the affairs of relations with the neighbouring peoples. His colleagues and predecessors passed by such fact in silence, being carried away by the description of events of the political history: «With development of the material power, the mental, ethnic and moral ones are developed too, and this gives the people the opportunity to play the more or less part in neighbouring States midst»[11] (a concise statement of the content of M.N. Surovtsev's work see in *Summary*, at the end of this book).

It is obvious that M.N. Surovtsev perceived the history (the same as over two centuries ago the members of the Committee on the translation into the Manchurian language of the dynastic chronicles of Liao, Jin and Yuan!) as the

wise tutor of the Mankind. His work «About the Chitan's Dominion in the Middle Asia», despite his wishes, was not completed and brought to the publishing project. It was prevented by vital circumstances, hard economic conditions which compelled him to refuse «the additional year» of education at the University for perfection of his knowledge of eastern and western languages, and (coming to an agreement with the Chief Authorities of Eastern Siberia, for whom the specialist in countries of Central and East Asia was prepared) to solicit for taking him on the service in Asiatic Department of Ministry of Foreign Affairs. In March 20 of 1873, the Governing Senate came to decision to take M.N. Surovtsev, as collegiate secretary, in Asiatic Department, according to the request of Ministry of Foreign Affairs. In Winter of the same year, this work was also broken off by his posterior serious illness. As for the manuscript of this historical work, the latter, in the long run, found itself in archives of Saint-Petersburg Department of the Institute of Oriental Studies of RAS (the fund of A.M. Pozdneev) and, for many years, it was used, as in its way the primary source, in writing of works of the review character on the history and culture of the East-Asiatic Region. In particular, it is known that, in the XIXth century, V.P. Vasil'yev, V.V. Gorskiy, A.M. Pozdneev got to know the diploma of M.N. Surovtsev, adopting from it the evidence necessary for them.

The next advance of introduction into scientific turn of the primary sources on the Chitan's history the Project of the entire translation into the German language of the Manchurian version of «Liao Shih» – «Dai Liao Guruni Suduri» became. In the 70s–80s of the XIXth century, an eminent Russian manchurist H.C. von der Gabelentz began to realize the project. But as if the ill fate pursued those who undertook to study the materials allowing to throw light on origin, formation, development and downfall of the Liao State. H.C. von der Gabelentz succeeded only in making the rough copy of translation of the chronicle. His death prevented the completion of the work, i.e. carrying it through to the desired perfection. The translations made by him were collected, put in relative order, prepared to publication by his son H.A. der Gabelentz and then published, by decision of the Academy of Sciences[12].

According to the plan of execution of «the Chitan Project» of the Russian Humanities Fund on introduction into scientific turn of «Dai Liao Guruni Suduri», the manchurist of the Department of History and Archaeology of the Foreign East Countries of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences L.V. Turumina had translated the work of H.C. von der Gabelentz from German into Russian and, Russian and, having compared it with the original text of the chronicle drew to the following conclusions[13]:

1. The publisher of this manuscript, the son of the translator, i.e. H.A. der Gabelentz, worked with the texts which could hardly be called the completed ones. Those were, most likely, rough copies of the translation of «Dai Liao Guruni Suduri». H.C. von der Gabelentz, of course, understood that his work was not ready to publication, that it needed a fresh look at it from aside, some time later, as well as new comprehension and treatment of those fragments of the text of the chronicle which raised doubts. But the death prevented him to finish the work, and in such incomplete appearance the latter was published.

2. To the consequences of this unfortunate incompleteness such ones are referred: the presence of successful search of the innermost sense concealed in many specific Manchurian expressions is far from being usual; the absence of reconstruction of too contracted passages of the text, those poor in the grammatical respect; the use of free retelling instead of looking for the right equivalents of translation of the fragments of narration which are rather difficult for interpretation; uncritical treatment of work of compilers of the chronicle; non-participation in translation of short Chinese texts (they, to all appearances, were assumed by the Manchus to be proper names, some terms, as well as geographical and ethnic names).

3. As a whole, the translation into the German language of the Manchurian version of «Liao Shih» – «Dai Liao Guruni Suduri» is remarkable for its good quality, esteem and attention to all words and punctuation marks, and for the absence of omissions in the text. It is easily read and up to now takes its own deserved place in historical literature. Its merits and demerits helped in studies of several generations of manchurists (beginners).

In a hundred years, after the study of the original materials on the Chitan's history by M.D. Khrapovitskiy, M.N. Surovtsev and H.C. von der Gabelentz, the next attempt to pay attention to these sources was made by V.S. Taskin (an outstanding connoisseur of the Old-Chinese language and original sources on the history of the peoples of Central and East Asia) who translated into Russian «Chitan Kuo Shih» – «The History of the Chitan's State» written by Yeh Lungli. This translation was published in 1979, in Moscow. At that time, the native historians, dealing with themes connected with the Chitan, used mostly highly meager archaeological materials.

However, simultaneously, in Novosibirsk, within the limits of the programmes having special purposes, in scientific and educational institutions of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, those pertaining to the humanities (the Institute of History, Philology and Philosophy, the Oriental Committee of the Presidium of SB AS USSR and the Humanities Faculty of the Novosibirsk State University), preparation to publication of some sources on the history of China began. Among them, one of the first places the dynastic chronicles of the States, which in the

Middle Ages were contiguous to the southern outlying districts of Siberia, primarily took. As for the Chitan, according to the plan of collaboration between the Department of History and Archaeology of the Foreign East Countries of the Institute of History, Philology and Philosophy of SB AS USSR and the Humanities Faculty of the NSU, for scientific activities two highly skilled specialists had been trained – Gennadiy Gennadievich Pikov (who in his student years specialized in the problems of history of the Western Chitan) and Ludmila Vasil'yevna Turumina (who in her student years assimilated the uncommon in Russia speciality – philologist and historian-manchurist). Both of them, having completed their studies, went through a course of post-graduate study in the Department of History and Archaeology of the Foreign East Countries, attached to the Institute of History, Philology and Philosophy of the SB AS USSR and became highly educated specialists, what proved to be apparent in full measure in the process of preparation to printing in Russian firstly of «Jin Shih» («The History of the *Gold* Empire») and, at present, – «Liao Shih» («The History of the Liao Empire», that is of the *Iron* Empire).

It is difficult to overestimate the contribution to this edition made by L.V. Turumina who is selfless translator and the one utmostly carried away with the matter. By the time of graduating from the university, in 1967, she (under the leadership of the brilliant connoisseurs of the Tunguso-Manchurian languages and the problems of general linguistics – Valentin Aleksandrovich Avrorin, corresponding member of the AS USSR, and his wife Elena Pavlovna Lebedeva, Doctor of Philology) had become thoroughly proficient in the Manchurian language and had gone a good school of practical translation. As her course works, such translations made by her had been passed: from P. Schmidt's Reading-Book – a short story «Daos from Lao Mountains» written by Pu Sungling; from «Sui Tzychi Tungtzian Gangmu» – an extract devoted to circumstances of downfall of the Liao Empire; the paper on «Collected Materials on the Evenk (Tungus) Folklore» compiled in 1936 by well-known ethnographer-tungusist G.M. Vasilevich; and the theme of her diploma which was defended with excellent mark – «The Manchurian Sources about Formation of the Chouzhen State».

On leaving the post-graduate course and including, in 1971, in the staff of the Institute of History, Philology and Philosophy of the SB AS USSR, L.V. Turumina continued the intensive work on translation of sources concerning the history of the Chouzhen, Chitan and Manchus. In particular, she translated from German (as preparation to translating from Manchurian of «Dai Liao Guruni Suduri») – «Geschichte der Grossen Liao» written by H.C. von der Gabelentz; and many editions of the summary type devoted to the medieval history of peoples of Central Asia and North-East China (written by O. Franke, K. Witfogel' and others); as well as the text narrating about events connected with circumstances of translation into Manchurian of the dynastic chronicles «Liao Shih», «Jin Shih» and «Yuan Shih». It was done simultaneously with execution of the main work of her life – translation into Russian of very complicated text of the Manchurian version of «Dai Liao Guruni Suduri» («The History of the Great Liao Empire»).

The ordeals of vital circumstances did not allow her, in those days, to complete the work on translation of the Manchurian version of «Liao Shih» into the Russian language. Nevertheless, overcoming with heroism and fortitude the killing complicacies which the fate brought to her in last ten years, L.V. Turumina was able to master sufficient strength in order to complete the work that once had been begun. And this translation has been executed by her at a high scientific level, for she is, truly, the translator from God. She has an uncommon gift to feel the niceties of ancient oriental text and to reproduce the profound sense and the high spirit of the annalistic narration in the refined, poetic manner but without losses in faithfulness. In this connection, I should like to note that the text of «Dai Liao Guruni Suduri», as far as we can judge by the translation itself, is not formal and seems to be almost the work of artistic literature. Sometimes, it is even inspired and, for this reason, difficult for translation. The unhurried reading of one «Writing-Book» after the other, will give the reader an opportunity to make sure that, in this chronicle, there is everything what stirs imagination till the present: heroes and villains, battlefields, flying arrows and beat of drums, faithfulness and betrayal, courage and weakness, bravery and cowardice, hunts and scenes of family life, palaces and wild nature, faithful horses and wild beasts...

Here, it will be appropriate to make some concrete remarks relative to the character of the source and the complicacies of translation caused by its specific peculiarities (such complicacies were always noted by L.V. Turumina in the course of execution of this work). Even after the expiration of many years of study of the dynastic chronicle «Dai Liao Guruni Suduri», to appraise it, from the modern linguist's point of view, is a task not very simple and , perhaps, thankless, since many years separate the XVIIth and XXIst centuries. And the Manchurian translators from the Chinese language were, of course, children of their time. That is why it is difficult to compare their work with that of translators of the XIXth, the XXth and the XXIst centuries. Nevertheless, it is necessary to appraise their treatment and exposition of the historical information from the Chinese language into the Manchurian one.

Rendering due respect to those titanic efforts which accompanied their work on translation of the Chinese sources, L.V. Turumina, in her appraisals, notes the following: in the grammatical respect, the greater part of the text of the

chronicle is irreproachable; in the second half of the text, ends of sentences and endings of direct speech are formed not always clearly and correctly; scanty information and sometimes unintelligibility of the text are also met (it is quite possible that such failures were caused by the presence of non-qualitative fragments in the Chinese sources); breaches of the order of words in sentences are traced; some confusion of narration, possibly, as a consequence of hasty abridgement, makes itself felt; perversion of proper names, terms, geographical and ethnic names, etc. is observed. But the chief thing which caused much inconvenience in translation – the presence in the dynastic chronicle of the Chinese texts, the untranslated ones and «disguised» as proper names, as well as geographical and ethnic names and also terms of all kinds.

The Indexes to «The History of the Chitan's State» written by Yeh Lungli and translated by V.S. Taskin helped to «catch» these texts and translate them. The Chinese hieroglyphs and the Russian norms of their pronunciation allowed, in some cases, to understand the lexical material; of «Dai Liao Guruni Suduri», to compare and analyse frequently perverted Manchurian transcription units, to guess right (but only with the help of the context!) just what Chinese words they reproduce. If the Chinese text which entered the Manchurian one was not «strewn» but represented itself a single whole, the translation was carried out much easier than when the text was translated into Manchurian partially and with broken order of words (in such cases, the translator had to reconstruct the text, conjecturing and, for all this, naturally, assuming errors and mistakes). In work with of especially complicated parts of the text, the purely intuitional confidence of the translator helped – the confidence in the facts that names were not the Manchurian ones; official terms were not names but simply descriptions of officials' functions; geographical names were not designations of towns, regions, districts, etc. but simply texts which in no way are connected with them. Everything deserving attention in her work on the chronicle L.V. Turumina noted in footnotes. The chief thing in the latter – her critical attitude to work of all compilers of «Dai Liao Guruni Suduri», the earliest pattern of the Manchurian literature, the most imperfect one for translators from the Manchurian language and, nevertheless, it must be said – the most courageous and the most enthusiastic labour of the Manchurian translators of the highest-rank!

The second executor of «the Chitan Project» of the Russian Humanities Fund – Doctor of History Gennadiy Gennadievich Pikov. On graduating at the post-graduate study he became a lecturer and then a senior lecturer of the Humanities faculty of the Novosibirsk State University. The history of the Chitan and their State formations – Da Liao and Hsi Liao became the main theme of his scientific investigation. G.G. Pikov is the author of several dozens of works devoted to the broad spectrum of historical and cultural problems in the study of the Chitan. His monograph is worthy of a special attention. In it, for the first time in the native history, exhaustively completely, with drawing in of the Chinese and Moslem written sources, as well as archaeological materials, the least studied in the Russian oriental studies problems of the dramatic histories of the Hsi Chitan (their political history, socio-economic system and culture) are explained[14]. As special subjects his original articles were published too. The latter are devoted to the Western Chitan's role in the history of the people of the Middle Asia, Kazakhstan, the South of Siberia and the Far East, to the mutual relations of the Liao Empire with China, to economics, religion, engineering, as well as to the status of women in the nomadic empire, to the legal foundations of the functioning of the State and of public life[15].

In the sphere of his interests, the historiographic subject-matter is always present[16]. The laborious research work allowed G.G. Pikov to open unknown pages of the Russian oriental studies, to return from non-existence and to estimate at their true worth the names of outstanding investigators of the history of the Orient whose works were unpublished or forgotten at all, being in the depth of manuscript collections which are difficult of access. To these names, first of all, Mikhail Nikolaevich Surovtsev and Mikhail Danilovich Khrapovitskiy refer, and just their works form a weighty part of this volume, being a felicitous addition to «Dai Liao Guruni Suduri» translated from Manchurian by L.V. Turumina. G.G. Pikov, proceeding from the materials revealed in the archives, has compiled, as much as possible, the detailed biographies of afore-named translators. He has also put much effort into deciphering of very complicated (through peculiarities of hand writing) manuscripts «About the Chitan's Dominion in the Middle Asia» and «Notes about the People of the Liao State».

Publication of «Dai Liao Guruni Suduri» (the fundamental significance source on the medieval history of the peoples of the Far East, the Middle and Central Asia) and, together with it, of the rest texts supplementing this chronicle, hope, will be of use to specialists – historians-orientalists and philologists-manchurists and to the broad masses of readers who take a great interest in the cultures of the East of Eurasia and in the people who created them.

As for the group of publishers, it has already proceeded to execution of the final stage of the of many years epopee connected with introduction into scientific turn of the annalistic sources written in the Manchurian language, those published three and a half centuries ago, following the dictates of wise sovereign Taitzung. Here, the beginning of preparation of «Dai Yuan Guruni Suduri» – «The History of the Heavenly Empire», is meant. This publication will be followed (if the fortune regards with favour our intentions) by the work on the source of the fundamental significance

which is devoted to the early history of the Manchurians – the first volume of the collected documents «*Manwen Laodang*». The latter contain invaluable information about the circumstances in which Nurkhaqi and Abahai laid the principles of the new State system.

In conclusion, nothing else is left for me, but to express my heartfelt thanks to everyone who prepared this chronicle for the press – to M.A. Korovushkina (publishing editor), E.N. Usol'tseva (technical editor), A. Fursenko (artist), as well as to Professor Wang Děhou and Doctor of History Kan In Uk who performed their translations of the text «From the Editor» into the Chinese and Korean languages (respectively), and, at last, to Doctor of History Inna Laricheva who translated the texts «From the Editor» and «Summary» into English.

Notes

[1] Here and further, the quotations are cited from the introductory text to three-volume edition of the translations into the Manchurian language of the dynastic chronicles «Liao Shih», «Jin Shih» and «Yuan Shih» which were translated from Manchurian into Russian by L.V. Turumina. The summary of circumstances of publishing these chronicles in the Manchurian language see: L.V. Turumina. K istorii sozdaniya man'chzhurskogo perevoda «Liao Shih», «Tzin' Shih» i «Yuan Shih» [To the history of creation of the Manchurian versions of «Liao Shih», «Jin Shih» and «Yuan Shih»] // Materialy Konferentsii «Etnogenez Narodov Severnoy Azii». Vyp. 1. – Novosibirsk, 1969. – S. 139 – 140.

[2] The work on translation of this dynastic chronicle was begun in 1636, in Mukden, and completed in 1639. It was published, apparently, in Peking, in 1646, i. e. in three centuries after it had been written in the years of the last emperor of the Yuan Dynasty Togon-Timour.

[3] Istoriya Zolotoy Imperii [The history of the *Gold* Empire (its initial name is '*Jin*' and the later one – '*Ching*' Empire – *I.L.*)] // Istoriya i Kul'tura Vostoka Azii. – Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN., 1998. – 286 c. Redaktor V.Ye. Larichev. Kommentarii A.G. Mal'avkina.

[4] **Taitsing** Gurun'... [Taiching Gurun...] – Saint-Petersburg, 1781 – 1783; **Obstoyatel'noe** Opisanie... [A Detailed Description...] – Saint-Petersburg, 1784.

[5] **Bichurin N.Ya.** Sobranie Svedeniy o Narodakh, Obitavshikh v Sredney Azii v Drevnie Vremena [The Collection of Evidence about the Peoples Who Inhabited the Middle Asia in Ancient Times]. – Moskva – Leningrad, 1950. – T. I – III.

[6] **Larichev V.Ye.** Poteriannye dnevniki Palladiya Kafarova [The lost diaries of Palladiy Kafarov] // Izvestiya SO AN SSSR – 1966. – № 1. Seriya obshchestvennykh nauk. Vyp. 1; **Idem.** Tayna Kamennoy Cherepakhi [Mystery of the Stone Tortoise]. – Novosibirsk, 1966; **Idem.** Posmertnyy dar F.F. Busse [The posthumous gift of F.F. Busse] // Voprosy Istorii Sotsial'no-Ekonomicheskoy i Kul'turnoy Zhizni Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Novosibirsk, 1968. – Vyp. 1; **Idem.** Puteshestvie v Stranu Vostochnykh Inozemtsev [Travels to the Country of Eastern Foreigners]. – Novosibirsk, 1973; **Idem.** Pamiatnik kniaz'u iz roda Wanyan [The monument to the grand duke from the Wanyan family] // Drevniaya Sibir'. – Novosibirsk, 1974. – Vyp. 4.

[7] **Vasil'yev V.P.** Istoriya i Drevnosti Vostochnoy Chasti Sredney Azii s X po XIII vek, s Prilozheniem Perevoda Kitayskikh Izvestiy o Kidaniakh, Chzhurchzheniakh i Mongolo-Tatarakh [The History and Antiquities of the Eastern Part of the Middle Asia from the Xth to the XIIIth century, with Supplement of the Translation of the Chinese Information about the Chitan, Chouzhen and Tataro-Mongols]. – Saint-Petersburg, 1857; **Idem.** Svedeniya o Man'chzhurakh vo Vremena Dinastiy Yuan i Min [Evidence about the Manchus at the Time of the Yuan and Ming Dynasties] // Godichnyy Akt Sankt-Peterburgskogo Universiteta za 1958 god. – Saint-Petersburg, 1959; **Idem.** Opisanie Man'chzhurii [Description of Manchuria] // Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. – 1858. – Kniga XII; **Idem.** Privedenie v Pokornost' Mongolov pri Nachale Daitsinskoy Dinastii (iz Shen Utzi) [Leading to Submissiveness of the Mongols in the Beginning of the Dai Ching Dynasty (from Sheng Wutzi)]. – Saint-Petersburg, 1883. **Gorskiy V.V.** Nachalo i Pervye Dela Man'chzhurskogo Doma [The Beginning and the First Deeds of the Manchurian House] // Trudy Chlenov Rossiyskoy Dukhovnoy Missii v Pekine. – Saint-Petersburg, 1852. – T. I; **Idem.** O Proiskhozhdenii Rodonachal'nika Nyne Tsarstvuyushchey v Kitae Dinastii Tsin i Imeni Naroda Man'chzhu [About Origin of the Forefather of the Ching Dynasty Ruling Now in China and the Name of the Manchu People] // Ibid.

[8] See in detail: **Pikov G.G.** Neizvestnaya stranitsa sibirskogo vostokovedeniya (M.N. Surovtsev) [The unknown page of the Siberian oriental studies (M.N. Surovtsev)] // Iz Proshlogo Sibiri: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3. Chast' 1. – Novosibirsk, 1998; **Idem.** Iz istorii istoricheskoy i politologicheskoy mysli [From the history of historical and politological conception] // Istoriya i Sotsiologiya Gosudarstva. Trudy gumanitarnogo fakul'teta Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sbornik nauchnykh trudov. – Novosibirsk, 2003 (and other works).

[9] See in detail: **Pikov G.G.** Istoriologicheskie vzgliady M.N. Surovtseva [Historiological views of M.N. Syrovtsev] // Istoriya i Kul'tura Vostoka Azii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Novosibirsk, 9 – 11 dekabria 2002 goda. – Novosibirsk, 2002.

[10] **Surovtsev M.N.** O Vladychestve Kidaney v Sredney Azii [About the Chitan's Dominion in the Middle Asia.] // Arkhiv Vostokovedov LOIV RAN. Fond A.M. Pozdneeva, № 44, ed. Khr. № 278. – List 2.

[11] **Surovtsev M.N.** // Ibid. – List 56.

[12] Geschichte der Grossen Liao. Aus dem Mandschu ubersetzt von H. Conon von der Gabelentz. Herausgegeben von H.A. der Gabelentz. Saint-Petersburg, 1887.

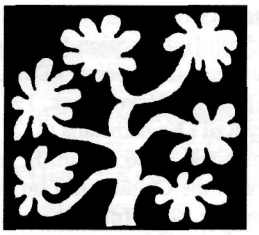
[13] **Turumina L.V.** Spravka dlia otchiota Fonda RGNF po «Kidan'skomu Proektu» otnositel'no perevoda H.C. von der Gabelentz dinastiynoy khroniki «Dai Liao Guruni Suduri» [Information for account to the fund of RHF on «The Chitan Project» concerning H.C. von der Gabelentz's translation of the dynastic chronicle «Dai Liao Guruni Suduri»].

[14] **Pikov G.G.** Zapadnye Kidani [The Western Chitan]. – Novosibirsk, 1989.

[15] **Pikov G.G.** Zapadnye Kidani v Istorii Sredney Azii i Kazakhstana (1125 – 1218) [The Western Chitan in the History of the Middle Asia and Kazakhstan (1125 – 1218)]. – Novosibirsk, 1986; **Idem.** K probleme vliyaniya kitaiskogo prava na ugolovnoe zakonodatel'stvo kidaney [To the problem of influence of the Chinese law on the criminal legislation of the Chitan] // Severnaya Aziya i Sosednie Territorii v Srednie Veka. – Novosibirsk, 1992; **Idem.** Kidani i Sibir' [The Chitan and Siberia] // Iz Proshlogo Sibiri. Vyp. 2. Ch. 1. – Novosibirsk, 1996; **Idem.** Nekotorye voprosy gosudarstvennogo ustroystva Zapadnoy Liao [Some questions of the State system of Western Liao] // Isvestiya SO AN SSSR, 1979, № 1. Seriya obshchestvennykh nauk. Vyp. 1; **Idem.** Nekotorye voprosy ekonomiki zapadnykh kidaney [Some questions of economics of the Western Chitan] // Dal'niy Vostok i Sosednie Territorii v Srednie Veka. – Novosibirsk, 1980; **Idem.** Buddizm v gosudarstve kidaney [Buddhism in the Chitan's State] // Izvestiya SO AN SSSR, 1980, № 1. Seriya obshchestvennykh nauk. Vyp. 1; **Idem.** O stolitse gosudarstva zapadnykh kidaney [About the capital of the Western Chitan's State] // Vostochnaya Aziya i Sosednie Territorii v Srednie Veka. – 1986; **Idem.** Organizatsiya voennogo dela v gosudarstve kara-kidaney [Organization of military service in the Kara-Chitan's State] // Izvestiya SO AN SSSR, 1983, № 1. Seriya obshchestvennykh nauk, Vyp. 1; **Idem.** Rabstvo v imperii kidaney [Slavery in the Chitan's Empire] // Sotsial'nye Gruppy Traditsionnykh Obshchestv Vostoka. Ch. 1. – Moskva, 1985; **Idem.** Semeyno-brachnoe delo u kidaney [The family and matrimony right at the Chitan] // Dal'niy Vostok i Sosednie Territorii v Srednie Veka. – Novosibirsk, 1980; **Idem.** Spetsifika gosudarstvennogo ustroystva kidan'skikh gosudarstv (Liao i Sih Liao) [The specific character of the State system of the Chitan's States (Liao and Sih Liao)] // Istoriya i Sotsiologiya Gosudarstva. Trudy gumanitarnogo fakul'teta Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sbornik nauchnykh trudov. – Novosibirsk, 2003. **Idem.** Spetsifika polozheniya zhenshchin v kochevoy imperii [The specific character of women's status in nomadic empire] // Ibid.

[16] **Pikov G.G.** Maloizvestnaya stranitsa Russkogo vostokovedeniya (M.D. Khrapovitskiy) [A little known page of the Russian oriental studies (M.D. Khrapovitskiy)] // Aborigeny Sibiri: Problemy Izucheniya Ischezayushchikh Yazykov i Kul'tur. T.2. Arkheologiya. Etnografiya. – Novosibirsk, 1995; **Idem.** Iz istorii istoricheskoy i politologicheskoy mysli. M.N. Surovtsev: kratkaya biografiya, kharakteristika sochineniya, osnovnye vzgliady [From the history of historical and politological conception. M.N. Surovtsev: a brief biography, characteristic of the main views] // Istoriya i Sotsiologiya Gosudarstva. Trudy gumanitarnogo fakul'teta Novosibirskogo universiteta. Seriya: Sbornik nauchnykh trudov. – Novosibirsk, 2003 (and other works).

V. Larichev

为现实担忧，
愿你成为汗以后更加慎重；
为未来担忧，
愿你以最好的统治者为榜样而行事
——摘自致努尔哈赤的儿子、国君阿巴海（太宗）
关于历史著作重要性的报告

编者的话

敬请以历史科学、东方学为职业的专家和中亚、东亚古代历史与文化的爱好者们注意，由Л.B.丘柳米娜首次从满文翻译成俄文的王朝编年史《大辽古伦苏杜里》——《大辽帝国历史》、契丹民族的历史将奉献给读者。

在这篇《编者的话》中，我们将简要地叙述延续了几个世纪的《辽史》编撰过程。编撰辽国历史的工作在女真人灭亡辽国（1125年）并占据了宋帝国北部地区的领土山西、河北之后不久就开始了。正是在那时，东亚的新帝国——金的统治者设立了国史院——国家历史研究所。它的目的明确，就是为了收集和编写《实录》——辽、宋、金在位皇帝的官方历史文献。在国史院里，不但要保存与他们相关活动的现有资料并把它们系统化，而且还要管理进入档案馆的日志并形成相应的目录。在国史院的编制中，其成员除女真人外，还有契丹人和汉人，女真人担当领导工作。国史院本身的任务就是收集文献，然后编写契丹国——辽的历史。其实，契丹组仅由3个人组成。

国史院编写了10个在位皇帝的历史，但是，这些资料没能达到出版的地步。其后，充满冲突性的政治、军事事件导致"金帝国"被蒙古人灭亡，国史院的活动也随之终结。但是，其成员的活动并没有停止，他们与宋帝国的热衷于历史编纂学的学者们以其本身的主动精神勤恳地收集女真人、契丹人及他们相互关系的历史文献。他们的收集工作大概进行得不太顺利。这些资料后来编成了现今周知的宋、辽、金史的规模。在这些历史编纂学家中，元好问（死于1257年）的作用（按其贡献的分量）尤其重要。他是金帝国末年的一位杰出的政治家和国务活动家、诗人、散文家。他的一些学术著作是专门奉献给女真人的，在他的遗作里还保存了他在国内多次长期游历时收集、积累的有关远东和中亚历史的极为宝贵的资料。元好问的档案资料更适合于解决中国边疆地区王朝历史编写的具体问题，因此被广泛地利用。

国史院的历史编纂学家们继续把工作当作国家最重要的任务大约是在14世纪中叶，那时，蒙古人的元王朝在宫廷建立了专门的委员会。它面临的任务是编纂辽、金、宋三国的正史。1343年4月，脱脱主持委员会的工作，在他的领导下，委员会的成员找到了金帝国灭亡后保存下来的《实录》以及其它一些重要的文献资料，其中包括帝国机关按照统治王朝的专门目的收集的资料。在最后一个蒙古皇帝妥懽帖睦尔在位期间，顺利地平息了蒙古封建主之间的纷争，保障了国家期望的长治久安，也最终完成了3个王朝历史的编纂工作。皇帝审阅了脱脱的报告，赞成编纂契丹、女真和宋王朝历史在政治上的必要性，然后命令建立包括他在内的20多位历史编纂学家组成的专门委员会。大量的准备工作在女真国史院时就已经进行了。编纂工作非常富有成效，很快就完成了这一在规模上史无前例的宏大计划。脱脱的委员会建立一年以后，在1344年晚秋，就向妥懽帖睦尔呈交了这3部编年史。

下面说一说它们的学术流通（读者范围的扩大）情况。17世纪前半叶末期，这些王朝编年史被从汉文翻译成满文。这时，努尔哈赤已经统一了女真各部，建立了新的国家——后金，后来改名为清。在维吾尔—粟特字体的基础上形成的、完全符合满族（女真）语言规范的新文字也最后形成。它被用来书写国家的文件和从汉语翻译过来的文献，自然也成为载录《金史》、《辽史》与《元史》满文译本的工具。满洲人认为，他们是真正的女真人后裔，《金史》是他们自己民族的历史。这个翻译计划起源于满洲文字的改革者、学者、文学家达海和额尔德尼。在典礼司首长希福[译者按：希福于崇德元年任内国史院承政、内弘文院大学士]领导下的专门委员会的成员们完成了这项工作。

崇德元年五月，遵照卓有才能的满洲皇帝太宗的圣谕，精通汉语和定居在远东、中国东部和东北部及中亚民族古代历史的全体人员开始工作，把历史文献译成满文。摆在御前大臣[内弘文院学士]查布海、“有学问的文牍员”[他赤哈笔帖士]能图、叶成格面前的是规模宏大的工作，即把这些非常有价值的资料——大辽、西辽、大金、大元王朝的编年史，从汉文翻译成满文出版。“在历史书中，从古至今确立的道德准则和传统习惯，汗和王公们不能对其置之不理，而应该加以利用。”为了“解惑释疑”，编写了与原文相对应的满文版的王朝编年史，即《大辽古伦苏杜里》、《爱新古伦苏杜里》、《大元古伦苏杜里》[1][按：黑龙江大学满语研究所研究员黄锡惠先生指出“гуруни судури（古伦苏杜里）”是满语的对音，意为“国史”]。十分复杂和繁难的编辑、校订工作由御前大臣[内弘文院学士]胡球来完成。他必定要从译文中删除“不合用的”（应该明白—无关紧要的），更主要是要“与某种趋向相符合”（显然是出于意识形态和政治的目的）。

因为阐释古文要求特别高的历史知识和语文知识水平，所以在这个集体里工作的人就应该具有“解决疑问和口头讲解汉文书籍的涵义”的能力。在有关的文件中提到他们领导人和“注释者”的名字——内弘文院学士王文奎和他的主要助手员外郎刘弘遇。在筹备编年史的出版时，他赤哈笔帖式卜尔凯、铿特、卦尔察、科尔科代、硕尔格等用印刷体字誊清。

内国史院承政、内弘文院大学士希福、内弘文院学士瓦穆布、查布海、王文奎和内阁其他官员上奏皇帝，在很久以前就开始的这项规模宏大的工作，经过十年之久的努力，终于结束了[2]。他们最诚挚地向君临天下的伟大主宰太宗皇帝说明用满文翻译王朝编年史对实现国家利益的重要性。这些王朝都“试图把人民统辖在统一的帝国内”。

实质在于，为了国家现时的繁荣昌盛，“以古为鉴”是必要的。因为事业的发展趋向、成功或者不成功，有着“十分微妙”的情形，而事变的动机要么保证太平盛世的到来，要么是乱世的血腥统治，唉！至今仍然是“极深的隐患”。因此不应该忽视先人们的睿智和他们的生活准则以及遥远的往事。这些保障人民生活稳定的准则，在现时需要议论、比较，使它们与当代人的生活相适应。难怪，这些思想的合理性在一个接一个的世纪里都始终不变。因此，所有“英明的汗”都以此为榜样，谁若不依这些亘古以来的睿智准则行事，谁就不能成为英明的皇帝。

除了已经逝去的智者、学人、行家以外，没有任何人知道“事情的精妙之处”在于，它可以制约一生的成功与失败，鉴知导致帝国灭亡的叛乱之起因。简单地说明一下它们的远见性——它们详细地讲述了“官员的政绩、品行、成功和错误”，使汗认识重大事件的规律性，要求事业主管者慎重地遵循事业管理程序，避免惨祸的发生，成为模范的国家管理者。对他们来说，历史上发生的一切都应该成为经验教训，因此必须以伟大的箴言——“善者是我的老师，恶者也是我的老师”作为座右铭。

给皇帝上奏章的大臣们对大元王朝统治者先前不同寻常的成功给予空前的好评，按照他们的观点，大元统治者与大辽、大金王朝的诸汗不同，他们第一次统一了全天下，并成为主宰。大臣们请求“仁爱、豁达、温和、贤明”的太宗皇帝给他的国民和满洲人“仔细了解国家法律和契丹人、女真人、蒙古人公认的风俗习惯”的机会。

内国史院的请求立即得到回答。太宗有“以古史为鉴的心愿”，特别为此事发布命令：“用满语翻译大辽、大金、大元三个王朝的史书！要从译文中删掉多余的东西，值得赞扬的事情要写充分，不要遗漏善事的成功，也不要遗漏恶事和战争、狩猎的失败。”

编年史的翻译和审订工作于崇德四年（1639年）六月完成，全部书稿经大学士希福审阅之后，于顺治元年（1644年）三月廿六日将手稿呈献给世祖皇帝。当时，委员会的成员们“诚惶诚恐地上奏”：“恭请颁布圣旨：‘用印刷体字缮写、木板雕刻全文，刊印大辽、大金、大元王朝的史书，颁行天下。’”

随后，委员会主席的助手们——学士查布海、苏纳海、艾塞亥、伊图、乌达里、钦泰、来衮、海岱，他赤哈笔帖式能图，学官尼满，文牍员宾图等接到命令：最终誊清，木板雕刻结束，“印制大辽朝历史300部，大金朝历史300部，大元朝历史600部”。关于编年史刊印完毕的报告于顺治三年（1646年）四月七日呈交给皇帝。

大约在3个半世纪前完成的感人至深的计划中的一部被翻译成满语的编年史资料，至今又被利用起来。为了使每个人都能够了解历史知识的重要性，我有意依据很久以前和现在的原著，以最大可能的准确性来说明整个出版过程中的一系列重大事件。因为能够确信，重要的是历史至今还保持着自己影响，注定要扮演着人类有耐性的导师的卓越角色（但是人们常常忽视它的经验教训，为自己经常出现的轻率而倍尝苦果）。至于原著，它们的价值是永远不会消失的。在近几年，俄罗斯人文科学基金会支持的一项计划证实了这一点。这项多年的计划，其目的与太宗皇帝宫廷的“内国史院”的计划相类似（当然是在某种程度上），太宗是为了“鉴古”，现在则是把王朝编年史《大辽古伦苏杜里》、《爱新古伦苏杜里》和《大元古伦苏杜里》从满语译成俄语而运用于科学。

为了执行这个计划，俄罗斯科学院西伯利亚分院考古与民族学研究所东方国家历史与考古部，准备在1998年出版发行《爱新古伦苏杜里》一书，这项计划得到俄罗斯人文科学基金会慷慨的财政支持。该书是由北京宗教使团内具有卓越才识的大学生戈里高里•米哈伊洛维奇•罗佐夫于19世纪30年代翻译的。为了校正和解释难点，他利用了两个有注释的《金史》版本（10卷本和18卷本）以及《通鉴纲目》（120卷）[3]。附在编年史中刊出的还有：科学院院士B.C.米亚斯尼科夫撰写的《Г.M.罗佐夫传略》，B.E.拉里切夫的《金帝-

国建立前女真历史简论》和A.Г.马里雅夫金撰写的内容丰富的《"1114-1233年在中国北部称帝的金王朝历史"正文的注释》。

总的来说，学术委员会与宫廷办公厅的3个分支机构["立法院"（内弘文院）、"皇帝的管理机密事务的办公室和图书馆"（内秘书院）、"史册和国史编纂管理委员会"（内国史院）]的最忠诚的成员挑选和审订了与事情相关的资料，即描述"307年14位契丹汗的生平事迹"；"爱新王朝119年9位汗的生平事迹"，他们的势力范围占据了国土的一半（达到扬子江流域），与天朝相抗衡；以及"大元王朝162年14位汗的生平事迹"，它在远东—中亚国家形成史上，第一次统一了"全天下"，将其置于自己的庇护之下。

天朝同它北部和远东边疆地区的游牧、农作—畜牧民族之间的相互关系的复杂过程延续了好几个世纪。这一过程从10世纪初全力展开，当时，契丹部落登上了历史舞台，他们宣布自己的国家体制是帝国类型。14位汗的"本纪"长达三个多世纪（307年！），从大辽王朝太祖皇帝开始到家族最后一个代表人物西辽王朝的耶律大石的"历史编年"都编入《大辽古伦苏杜里》。在史书中记述了所有的事件，从一件神话般的传奇开始——在公元872年，辽后族萧姓女子在上天的福佑下神奇地怀孕，然后生下土地"收藏家"、未来的皇帝耶律阿保机（"梦见太阳进到她的肚子里而怀胎"……"出生时屋子里充满了神话般的光亮和异常的香气，初生下来时，大小就像3岁的孩童，一下子就会爬行……童年就能谈论氏族里的事务，等等。"——译者按：《辽史•太祖纪》原文为："母梦日坠怀中，有娠，及生，室内有神光异香，体如三岁儿，即能匍匐。……虽龆龀，言必及世务。"）到1124年，女真人统帅娄宿（娄室）在余都谷这个小地方把最后一个皇帝天祚俘虏的悲剧为止。天祚帝丧失了"国家的玉玺"，被贬为有损统治者尊严的、毫无实际意义的"海滨王"。在王朝编年史结尾部分的第八册，简短地讲述了凄惨的结局："太祖阿保机家族的第八代后裔"、契丹和中国文学的行家、进士学位的拥有者、翰林院成员、杰出的统帅、新王朝—西辽的创始人耶律大石从故土来到遥远的西方，那里是女真人军队达不到的中央亚细亚和中心亚细亚沙漠地区。接续统治这个帝国的有"5位汗，他们统治了88年"，直到屈出律自封为王主宰国家为止。屈出律在围猎时，"借助埋伏的八千乃蛮士兵俘虏了合法的国君直鲁古"，"立即给自己穿戴上大辽国皇帝的衣服和帽子"。随着西辽的灭亡，熟悉契丹生活准则和风俗习惯的人少了（尽管努力尊重它们，但已是另一回事了），"大辽国结束了自己的存在"。

契丹、女真和蒙古自古以来所拥有的土地与南西伯利亚和远东本地民族的领土相邻，它们[的一部分]现今在俄罗斯境内。因此，我国的政治家、历史学家对处于北亚和东亚大陆之间即与我国的邻邦"天朝"—中国之间的这一辽阔地域内的文化史和政治史予以全面的关注，就很容易理解了。从18世纪最后的10年开始，到19世纪第一个10年，俄罗斯第一代杰出的东方学家们就开始了自己光荣的科学研究和教育事业。他们成功地完成了外国东方学家从未有过的相似的宏大出版计划——刊发了阿列克谢• 列翁季耶夫从满文译成俄文的三卷本的清政府的法典和律令；随后又准备出版A.列翁季耶夫和拉里翁•罗索欣翻译的17卷本的满洲论述[4]。

在这之前，Л.罗索欣完成了满文著作《中国康熙皇帝征服由五部构成的大塔塔尔游牧民族中的卡尔卡斯和艾列特部的历史》和《简本资治通鉴》的翻译工作。A.阿加福诺夫（《满洲和中国的汗—顺治……书》）、И.贝科夫和A.符拉德金（《皇帝陛下的圣旨》）、И.贝科夫（《蒙古控制和丧失中国的历史》）及以后的费多罗夫（《康熙—简明中国史》）、巴斯宁（《大臣拉努丹传记……》）继承了他开创的事业。1787年，马特威•科马罗夫在莫斯科刊布了《中国皇帝致俄罗斯君主的古老信函》。由于档案研究工作薄弱，满文和汉文原著总的数量尚未查明，所以应该重视这一科学意义非常重大的工作。

在俄罗斯，加强对满族和与清国及其地方行政当局相互关系的研究，具有十分重要的意义。18世纪在伊尔库茨克开办的满语译员学校就证明了这一点。到了19世纪，著名的驻北京宗教使团的成员，积极研究中国、远东和中亚古代历史，他们取得的成就给人们留下了非常深刻的印象，其中的雅金弗•比邱林特别引人关注。他的成就是在有关"东夷"（东方的外国人）史料的翻译方面，其业绩直到现在仍令人十分惊异[5]（比邱林，1950年）。作为一个高尚的人，И.比邱林在驻北京宗教使团里保持着忘我的献身精神，积极努力地从事中国的历史和文化研究，其影响确实深远。无论是与他同时代忘我工作的人，还是在东方学后辈的研究中，都能看到他的影响。俄罗斯汉学家帕拉季•卡法罗夫的活动可以作为例证。根据俄罗斯皇家地理学会提供的资料，他在1870~1872年完成了在满洲[译者按：即我国东北]、阿穆尔河沿岸地区和滨海地区的旅行，并尝试着把中国的文献资料与当地具体的古代遗迹相互比较、对照[6]。这个十分重要的研究方法——编年史与田野考古考察工作相结合，成为后来研究远东和南西伯利亚古代和中世纪民族历史的卓有成效的方法。

在叙述俄罗斯东方学科学史的第一篇时，应该评价一下Г.M.罗佐夫的学术业绩。他的一生经历了老一代创始人和下一代的交替时期，是一位勤奋的继承者。他有两次非常重要的机遇——一次是动身去北京前，受教于俄罗斯汉学家长老雅金弗•比邱林，使他深深地爱上了东方学研究，并全身心地投入到这一事业；二是在晚些时候，Г.M.罗佐夫从中国返回后，在俄罗斯外交部亚洲司工作，他的同事们称他为"伟大的勤劳者"。也就是在那时，Г.M.罗佐夫开始与我国汉学家的另一位长老——И.比邱林的继任者、不愧为他的事业的继承者帕拉季•卡法罗夫进行交往。作为北京宗教使团的成员及其以后时间的勤奋努力，使Г.M.罗佐夫成为精通满语、汉语和蒙古语以及中国历代编年史的卓越人才。翻译满文版《金史》成为他的奋斗目标，为此，他同时也全面地熟悉和掌握宋代的其它史籍，精心地分析、考证史实，因此使他的研究成果真正成为俄罗斯东方-

学著作中最宝贵的杰作。在Г.М.罗佐夫的译著手稿里包含了丰富的契丹历史资料，主要是他们与女真和宋帝国相互关系方面的史料。

在19世纪后半叶，俄罗斯东方学界涌现出一大批从事远东历史研究的著名的杰出人物。В.П.瓦西里耶夫和В.В.戈尔斯基院士把自己的精力贡献给了满洲历史的精心研究[7]。他们的著作能够使我们认识东亚历史事件的主要轮廓，这些在И.比邱林完成的原著译本中可找到充分的反映。米哈伊尔•达尼洛维奇•赫拉波维茨基（1816~1860年）是开始有针对性地研究契丹历史的第一人。他是诺夫戈罗德省克列斯捷茨县（东正教）司祭的儿子、彼得堡神学院的毕业生（1845~1849年）。在校学习时期就明显表露出来的天赋，注定要使他被编入驻北京宗教使团的13名大学生之列。И.比邱林积极参与了使团的筹备和组建。帕拉季•卡法罗夫主持了使团的工作，并于1849年启程前往北京。摆在М.Д.赫拉波维茨基面前的任务是掌握、精通汉语和满语，以便用以翻译特别重要的文件和参加与现时天朝历史研究有关的科学活动。

无论在语言教学方面，还是在翻译实践方面（从俄语译成满语、汉语，或从满语、汉语译成俄语），大学生М.Д.赫拉波维茨基都表现出自己的卓越才能。大家都知道，他把《彼得一世》一书翻译成满语（大概是给皇帝和宫廷官吏们看的资料）。十分明显的事实证明，М.Д.赫拉波维茨基的满语造诣处于我国的高水平，正因如此，他承担了两个伟大的东方帝国俄国与中国相互关系的重要文件（1860年条约）的翻译——从俄文翻译成满文和汉文，或者相反，从满文和汉文翻译成俄文。

论及М.Д.赫拉波维茨基在历史研究方面的成就，直到现在仍然不为大多数人所知（被收藏在档案馆里），就是专家们也对其知之不多。然而根据宗教使团学术规划已完成的部分，却令人难忘，留下积极、深刻的印象，它或早或晚应该纳入专门的研究计划（М.Д.赫拉波维茨基意外的过早去世妨碍了著作的出版）。清帝国历史的研究更吸引了他，在《明王朝垮台时的北京事变》这篇文章中能找到反映。该文是由В.В.戈尔斯基执行的满洲史研究中的一个重要主题。从种种迹象来看，М.Д.赫拉波维茨基撰写"主题紧密相连的"特殊"习作"，是打算将来编写内容丰富的、包括清朝以前历史时期的各个民族在内的满洲历史长篇巨著。

看来，М.Д.赫拉波维茨基的具有重大意义的作品——《辽代民族札记》，十分可能就是这样的"习作"。通过这部学术著作可以领悟关于中亚和东亚历史著作的早期传统文体和内容是如何转变的。《札记》的作者引出了契丹的经济（社会经济发展水平的标志）、民族成就产生的环境、游牧民族与中国相互关系的特点等问题。契丹民族的早期历史——他们的最初发祥地、族源、与其民族命运特别有意义的事件的时间和地点等，都引起了他的兴趣。М.Д.赫拉波维茨基在自己的著作里深入地探索了契丹历史的一系列重要问题。这些问题，直到现在仍然没有来得及进行深入研究。国家东方学档案馆的专家П.Е.斯卡奇科夫十分重视这个情况，请求出版《札记》。按照他的观点，这些著作将为历史科学"带来异乎寻常的效果"。现在，顺利实现这一长久以来的愿望的时机来到了。

М.Д.赫拉波维茨基的学术著作应该是深入、全面研究契丹历史的开端。在他去世后的几年，继Г.М.罗佐夫之后的第二个花费大量劳动、范围广泛的计划开始执行。В.П.瓦西里耶夫选定圣彼得堡大学东方语言学系汉—满语言专业的大学生米哈伊尔•尼科拉耶维奇•苏罗弗措夫来完成。这项计划就是翻译内容最重要、更全面和更完整的编年史《辽史》，它涵盖了契丹政治、经济、文化史方面的极重要信息。还有在此基础上创作的欧洲东方学第一部总括性的学术专著——《铁的帝国（907~1125年）》。要知道，在特别难翻译的历史著作《辽史》的基础上，概要而系统地阐述游牧民族的历史，无论是我国的，还是世界的汉学家，把它作为专门的任务来研究，还都没有尝试过。

不公正的命运伴随M.H.苏罗弗措夫走过了短暂而坎坷的一生（1850年10月20日~ 1874年秋？）。然而，四年的大学生活把他不折不扣地塑造成19世纪后半叶俄罗斯的杰出的东方学家。但是，知道他的人并不多，甚至在专业的汉学家、历史学家中也很少有人知道他[8]。M.H.苏罗弗措夫出生于伊尔库茨克省科班村，是尉官中贫穷阶层的子女。他渴求知识，勤奋好学，具有掌握外国语言的特殊天分，在伊尔库茨克古典中学毕业时获得了银质奖章。为了在俄国东方学Alma Mater——圣彼得堡大学东方语言学系学习，他的母亲向以省长为首的政界申请，使他作为有卓越的语言学天分的学子和领取东西伯利亚首脑、侍从将军伊戈纳季耶夫奖学金者，不经考试即被录取，完全实现了自己的夙愿。

M.H.苏罗弗措夫在他的导师、精通中国历史和文化的В.П.瓦西里耶夫的精心指导下进行学习，正是他确定了这个从西伯利亚来的大学生科学事业的基本任务。因为M.H.苏罗弗措夫获得了银质奖章，所以被招聘到教研室，让他从事公认的尚未被深入研究过的契丹历史研究。它与女真史一样，由于未被深入研究，在远东和中亚中世纪连续不断的历史进程中，形成所谓的"空白"。这个任务决定了M.H.苏罗弗措夫的毕业论文题目——《论契丹在中亚的统治》。他以深厚的汉、满洲、蒙古语言功底，渊博的中国、蒙古历史文献、俄罗斯与东方历史以及俄罗斯文学史知识等，结束了自己的课业，让他在1872年5月31日获得大学委员会授予的学士学位。

现时，对M.H.苏罗弗措夫全部著作的评价，或许会给人过于夸大的感觉，并由此产生我个人偏袒于他的印象，但是考虑到我国科学界"重新排队"的新潮流，这一工作有着重要意义，因为他已超过了博士学位必需的水平。事情不仅在于M.H.苏罗弗措夫在翻译《辽史》时，成功地克服了难以解决的中世纪汉语方面的困-

难，这样的困难就是在20世纪中叶，让精通古代汉语、从事史料工作的专家如B.C.塔斯金这样的人也望而却步。在翻译的过程中，M.H.苏罗弗措夫对编年史原文的实质，在很多方面比杰出的契丹史研究者Г.弗兰克、冯家升和K.A.魏特夫理解得更为深刻。另一个特别重要的情况是，M.H.苏罗弗措夫详尽而仔细地研究了包括4个典范部分——本纪、表、书［按：据《辽史》应为"志"］和列传在内的116卷王朝编年史全文，为了更准确地说明问题，还用《契丹国志》做了补充，而不是像18世纪与19世纪前半叶东方学通常所做的那样，只是简单转述文献史料。他有意地放弃毕业论文写作的传统方法，着手在最重要的方面分析历史文化、政治和社会经济问题。与同时期欧洲东方学历史著作最好的范例相比，他的研究成果在研究方法和方法论方面均是创新的著作。在当时，M.H.苏罗弗措夫谦虚地评价自己已完成的著作的分量。用他自己的话说：自己的历史作业只是"初浅的习作"，"在其它作业的时间分配上，缺乏经验"，致使积累的资料尚未整理、润色，所写的毕业论文，"丝毫也不敢以重要的科学价值自居"。

由于在大学生M.H.苏罗弗措夫初次完成的学术价值甚高的作业里出现了过分贬低自己的自我评价[9]，因此有必要简略而足够地谈一下在手稿里（共由5本笔记构成，其中与"西辽"有关的一本，没保存下来）提出的一些历史问题。编撰契丹史是摆在M.H.苏罗弗措夫面前的非同寻常的任务。尤其引人注目的是，他想"通过研究工作，弄清楚具有重要意义的成吉思汗时期……契丹被反对征服者的敌对行为而自卫的女真人所取代……能见到在那个时期，令人恐惧的蒙古大军怎样进入欧洲和征服俄罗斯。[要知道]成吉思汗时代本身的历史事变正在亚洲纵深酝酿，它的起点在长城附近的两个民族[契丹和女真]中，其中一个被另一个所取代"[10]。

M.H.苏罗弗措夫不是简单地叙述契丹的历史，而是按自己的观点提出并解决了中亚、东亚以及远东历史的一个基本问题，即游牧社会与定居社会相互关系的问题，两个完全对立的世界——天朝帝国和与他们相抗衡的中亚草原、荒漠民族的帝国（"游牧帝国"—"行国"）自古以来的冲突，一般地说，它导致后者的灭亡（征服）。M.H.苏罗弗措夫的著作绝非简单、粗浅，而是对成熟的契丹"游牧文明"的"原始、纯真、朴实自然"的"风尚"的颂歌；是对他们与农耕文明社会典范相匹敌的文化的颂歌；是对被"变革引起的动荡"和统治者血腥的专制剥夺了的"公民的完美生活"的颂歌；是对能忍耐统治者专横暴戾的民族的颂歌。他远见卓识地指出：国家强大的经济实力和它在与周围民族关系方面的分量是相互依存的，"随着物质力量的发展，思想上的、道德的、民族的力量也得到发展，这些给了他们在相邻国家中间起着或大或小的积极作用的可能性"[11]。他所论述的政治历史事件，过去曾被他的同事和前辈忽视，而今引起了他们的关注。（见附于书后的提要：M.H.苏罗弗措夫著作内容的简明述要）

如果亲眼目睹后就能确信，M.H.苏罗弗措夫领悟了作为人类英明导师的历史（如2个多世纪以前委员会成员们翻译成满文的辽、金、元王朝的编年史）！但是，与他的愿望相反，他的著作《论契丹在中亚的统治》没能完成，也没有达到出版的程度。生活状况——困苦的物质条件迫使他不得不放弃在大学进修东、西方语言知识的剩余学习岁月，而请求（根据与东西伯利亚主要长官达成的为培养有关中亚和东亚国家方面的专家的协议）外交部亚洲司录用他。1873年3月22日，参政院接受并同意外交部的申请，授予他十级文官的官阶。随后，在那一年的冬季，沉重的疾病使他中断了这一工作。这就意味着他的历史著作手稿最终被放进了俄罗斯科学院东方学研究所圣彼得堡分部档案馆里（A.M.波兹德涅耶夫基金会）。多年以后，在进行东亚地区历史与文化的综述性质的研究工作时，他的手稿才被利用。众所周知，包括19世纪在内，在从档案馆借用必要的资料时，B.П.瓦西里耶夫、B.B.戈尔斯基、A.M.波兹德涅耶夫和П.M.鲁道夫才见到了M.H.苏罗弗措夫的毕业论文。

把满文版《辽史》——《大辽古伦苏杜里》完整地翻译成德文，成为科学运用契丹历史原著的下一个计划。俄罗斯著名的满洲学家Г.K.冯•加别连茨在19世纪70~80年代开始实施这项计划。好像谁从事研究可以揭示辽的兴起、形成、发展和灭亡情况的资料，不幸的命运就追随着谁。死亡妨碍了他的工作，Г.K.冯•加别连茨只做到把编年史粗略地翻译完，而未达到他所期望的那样完善地完成这项计划。根据科学院的决定，由满洲学家的儿子Г.A.加别连茨对已完成的译著进行相关的整理，筹备出版和刊发工作[12]。

俄罗斯人文科学基金会同意实施"契丹计划"，把《大辽古伦苏杜里》运用于科学研究。由俄罗斯科学院西伯利亚分院考古与民族学研究所东方国家历史与考古部的满洲学家П.B.丘柳米娜翻译Г.K.冯•加别连茨的著作，并与编年史原著的文本进行比较，她做出了如下的结论[13]：

（1）手稿的出版者、翻译者的儿子Г.A.加别连茨所依据的文本只能认为是初稿，极可能是Г.K.冯•加别连茨《大辽古伦苏杜里》译著的草稿。当然，Г.K.冯•加别连茨明白，他的译作不准备出版刊布，而是想经过若干时间以后，以新的见解来重新认识和修订编年史文本中的个别疑问。但是，死亡妨碍了他最后完成这一工作，这样，手稿就在没有最后完成的状况下被出版了。

（2）这一没有最后完成的著作，造成了很多遗憾的后果：对隐含在很多特殊的满文语句内的深邃思想远远没有做到成功的探索；对文本中的一些语法关系过于被简化、不妥当的段落没有重拟；为了解释叙述部分中繁难的片断，用随意的复述替代了更合适的等意词句的探寻；对编年史编纂者的工作采取不加批判的态度；对简短的汉语原文没进行翻译（从种种迹象看，这些原文是人名、某种术语以及地理名称、民族名称，被直接引入满文版本）。

（3）总体来说，Г.К.冯•加别连茨完成的德文译著，其质量是优良的。他尊重和关注每一个单词和标点符号，没有遗漏，而且通俗易懂。直到今天，它在历史文献方面的地位仍是当之无愧的。它的优点和错误值得几代初学满语者借鉴。

现在，我们把注意力转向经过М.Д.赫拉波维茨基、М.Н.苏罗弗措夫、Г.К.冯•加别连茨几乎一百年之后的契丹史研究。首先说的是杰出的古代汉语专家В.С.塔斯金。他翻译了很多中亚和东亚民族历史的原著和叶隆礼的《契丹国志》——《契丹国的历史》（莫斯科，1979年）。当时，我国的历史学家正转向与契丹有关的研究课题，主要是利用尚十分薄弱的考古学资料。

然而，当时在新西伯利亚，开始在苏联科学院西伯利亚分院的人文科学学校（苏联科学院西伯利亚分院主席团所属的历史、语文、哲学研究所和东方学委员会，国立新西伯利亚大学人文学系）的教学大纲的范围内筹备中国历史资料的出版。在这些史料中，国家的王朝编年史自古以来就占据着首要地位。在中世纪，这些王朝与西伯利亚南部边缘的民族相毗邻。按照苏联科学院西伯利亚分院历史、语文和哲学研究所东方国家历史和考古部与国立新西伯利亚大学人文学系之间的合作计划，由两位高级中国历史和汉语专家根纳吉•根纳吉耶维奇•比科夫和柳德米拉•瓦西里耶芙娜•丘柳米娜筹备有关契丹历史方面的科学工作。Г.Г.比科夫在大学修业时期攻读西契丹历史问题。Л.В.丘柳米娜在大学修业时期就掌握了在俄罗斯极少有的专业知识—满语、满洲历史学。他们俩在完成了国立新西伯利亚大学的学业之后，又经过在苏联科学院西伯利亚分院历史、语文、哲学研究所研究生室和东方国家历史和考古部的学习，成为高级专家。他们的学识在准备先后出版的《金帝国史》和《铁帝国史》的过程中充分显示出来。

在这本出版物中，对对事业有献身精神和高度热情的翻译工作者Л.В.丘柳米娜所做的贡献，怎样评价都不会过高。快到大学毕业时的1967年，她在苏联科学院通讯院士、卓越的通古斯—满语和公共语言学问题专家瓦连京•阿列克山德罗维奇•阿夫罗林和语文学副博士叶莲娜•帕夫洛夫娜•列别杰娃的指导下，牢固地掌握了满语，学会了应用翻译的优秀本领。她的翻译课业有：П.什米德特选编的小说中的蒲松龄著《崂山道士》、《续资治通鉴纲目》片断、辽帝国覆灭的情节、著名的通古斯民族学家Г.М.瓦西里耶夫在1936年编辑出版的《埃文基（通古斯）民间创作资料集》中的民间故事等，都被考察合格。她的毕业论文《关于女真国家组织的满文史料》也顺利地通过了答辩。

1971年在研究生室毕业以后，Л.В.丘柳米娜被苏联科学院西伯利亚分院历史、语文和哲学研究所录用，继续进行繁忙的女真、契丹、满族历史资料的翻译工作，其中包括译自满文的《满文老档》1卷（约15个印张）、Г.К.冯•加别连茨的德文译著《Geschichte der Grossen Liao》（做好翻译满文《大辽古伦苏杜里》的准备）和大量的关于中亚、中国东北中世纪民族历史的汇编类型的德文出版物（О.弗兰克、К.魏特夫等）；还有讲述与用满文翻译王朝编年史《辽史》、《金史》、《元史》的有关背景事件的原文。最后，翻译原文最复杂的《大辽古伦苏杜里》成为她一生中完成的最重要的工作。

当时，异常繁重的活动使她没能完成满文版《辽史》的翻译工作。在最近的10年里，Л.В.丘柳米娜以坚忍不拔的精神克服了异乎寻常的困难，终于找到了力量的源泉，结束了10年前开始的工作。她确实是一位被上帝赐予了出色才能的翻译工作者，由她完成的这项翻译工作具有很高的学术水平。在她的译文中能领悟到古代东方文辞的优美、雅致和富有诗意，然而却不失真实地表达出编年史叙述中所蕴含的深邃思想和崇高的精神。因此可以说，根据译文判断，《大辽古伦苏杜里》的行文没有公式化，几乎是具有艺术表现力的文学创作，有时甚至能够说，即或是平铺直叙，也是文采横溢，充满灵感。因此，翻译起来非常不容易。现在，当读者从容地阅读"笔记本"之外的"笔记本"编年史时，能够相信，直到如今，里面仍有许多激发读者想象力的东西：英雄与恶棍、鏖战的原野、疾飞的箭矢与雷鸣般的战鼓声、忠贞与变节、英勇与软弱、大无畏精神与怯懦、狩猎与日常生活情景、宫殿与未开发的自然景色、忠实的马与野兽……

在这里，将对Л.В.丘柳米娜在完成这一工作过程中经常提到的由于相关史料的特殊性给在翻译时造成的麻烦，适当地予以具体的说明。因为从17世纪到21世纪，其间间隔了许多年，当代语言学家经过多年研究，以他们的观点来评价王朝编年史《大辽古伦苏杜里》，也认为这个任务很不简单，而且很难收到成效。满洲的汉语翻译工作者查布海、能图、叶成格当年自然也是没有经验的人，因此他们的劳动与19、20、21世纪翻译工作者的工作相比，要困难复杂得多。因此，一定要认清他们把历史资料从汉文翻译成满文，且进行润色和改写工作的价值。

Л.В.丘柳米娜十分敬重他们在翻译中国历史资料工作中付出的巨大努力，并做出自己的如下评价：整个文本的一大半在语法关系方面是完美无缺的，而后半部分叙述得不太好——语句的末尾和直接引语的最后部分有时不够准确，语法上也有些错误；文本前后有矛盾，有时意思不清楚，难以理解，其实这只能证明中国史料的一些段落本身的质量不好；在一些语句中，词的顺序被扰乱；由于没有精心删节的缘故，叙事有时显得杂乱无章；人的姓名、术语、地名、民族名称等失掉了原意。但最主要的问题是，在编年史中存在着包含在汉语原文内的人的姓名、各种各样的术语以及地名、族名等没有翻译，给翻译带来诸多不便。

凭借着В.С.塔斯金翻译的叶隆礼《契丹国志》的帮助，解决了原文内的这些难点。在个别情况下，中国的象形文字和俄语的发音规范能够弄清楚《大辽古伦苏杜里》的一些辞汇，通过比较、分析，往往能推测出（仅根据前后文推测）被曲解了的满语译音，从而弄明白他们翻译的这个汉语词汇的意思。如果包含在满文-

中的汉语词汇没有被拆散，而是完整统一的，那么就比部分含有被扰乱了词序的满文在翻译时要容易得多，也有可能改正推测时出现的缺陷和错误。在译著里，部分特别复杂的原文，如非满洲的姓名，官员职务的术语—不是官名、而是官员职能的简述，城市、地区、民族区名称以外的地名等，完全有把握地解决了大部分，而简单的原文好像与它们没有关系。Л.В.丘柳米娜指出：在编年史工作中，书页下面的注释仍然值得注意。最重要的是，在注释中反映了《大辽古伦苏杜里》所有编辑人员对这一著作所持的批判态度。对满语翻译工作者来说，《大辽古伦苏杜里》是最早的、最不完善的、最吃力的满洲文献样本，由此我可以说，查布海、能图、叶成格是最有勇气、最有灵感、最具忘我工作精神的最高级别的翻译家！

历史学副博士Г.Г.比科夫是俄罗斯人文科学基金会《契丹计划》的第二个执行者。在研究生室毕业以后，他成为大学教师，然后任国立新西伯利亚大学人文学系副教授。契丹及其国家——大辽和西辽形成的历史就成了他的主要科研课题。他的数十篇著作都与契丹学的历史文化问题的广泛谱系密切相关。在这些著作中，应该特别指出的是他的学术专著[14]。在我国历史上，它第一次详尽地引用了中国和伊斯兰教的书面史料以及考古学资料，被认为是在俄罗斯东方学中研究得最少的、充满冲突的西契丹历史问题（政治历史、社会经济结构和文化）的专著。关于西契丹在中亚、哈萨克斯坦、南西伯利亚和远东民族历史中的作用，关于辽帝国与中国的相互关系，关于经济、宗教、军事，关于妇女在游牧帝国中的地位，关于法律准则和国家体制的特殊性等都已经作为独立的论题公开发表[15]。

在他的兴趣范围内，Г.Г.比科夫经常能找到史料研究的课题[16]。他细心和耐心地进行档案方面的科学研究，因此使他有条件发现俄罗斯东方学中未被人知晓的著作，恢复杰出的东方历史研究者的荣誉和尊严，弘扬他们的业绩，否则，他们的著作将始终不能刊布，就会被人们忘记，永远是被内部的少数人享用的手稿汇编。米哈伊尔•尼科拉耶维奇•苏罗弗措夫、米哈伊尔•达尼洛维奇•赫拉波维茨基就属于这样的人。他们俩人的著作正好构成本卷的重要部分，Л.В.丘柳米娜翻译的《大辽古伦苏杜里》适当地补充了这一卷。Г.Г.比科夫根据档案资料，尽最大可能地撰写了他们俩的详细传记。他在释读《论契丹在中亚的统治》和《辽代民族札记》这两部十分繁难（因为笔迹特殊）的手稿时，也奉献出巨大的精力。

具有重大价值的《大辽古伦苏杜里》及作为编年史正文补充的远东、中央亚细亚和中心亚细亚民族的中世纪历史的其它资料的出版，无论对东方历史学学家、满语言学家，还是对广大的读者，都期望着能给他们带来益处，激发起他们对欧亚大陆的东方文明及其创造者们的神往。

我们这个出版者的集体，已经把筹备多年的、在3个半世纪之前按照英明的太宗皇帝的圣旨出版的满文编年史资料运用于科学的重大工程，进行到了接近完成的最后阶段。在这里还要说的是《大元古伦苏杜里》—《天朝历史》的出版准备工作业已开始。

B.拉里切夫　王德厚　译

注　释：

[1]这里和以下的引文均引之3部满文版的《辽史》、《金史》、《元史》。Л.В.丘柳米娜从满文译出。满文版编年史的出版情况见Л.В.丘柳米娜的简述《论〈辽史〉、〈金史〉和〈元史〉满文译本的创作史》，《院务委员会会议资料—“北亚民族起源”》第1卷，新西伯利亚，1969年，第139～140页。

[2]编年史的翻译工作于1636年在奉天开始，于1639年完成，1646年出版（显然是在北京）。从元朝的最后一个皇帝妥懽帖睦尔在位时编撰完成到出版，经过了3个世纪。

[3]《金帝国史》，《东亚的历史与文化》，新西伯利亚，俄罗斯科学院西伯利亚分院考古与民族学研究所出版社，1998年，第286页；责任编辑B.E.拉里切夫，注释者A.Г.马里雅夫金。

[4]《大清古伦……》，圣彼得堡，1781～1783年；《状况论述……》，圣彼得堡，1784年。

[5]H.Я.比邱林：《古代居住在中亚的民族资料汇编》，莫斯科—列宁格勒，1950～1953年，第1～3卷。

[6]B.E.拉里切夫：《被遗忘的帕拉季•卡法罗夫日记》，《苏联科学院西伯利亚分院学报（社会科学版）》1966年第1期，卷1；B.E.拉里切夫：《石龟的奥秘》，新西伯利亚，1966年；B.E.拉里切夫：《死后的赠品Ф.Ф.布谢》，《西伯利亚和远东社会经济和文化生活的历史问题》，新西伯利亚，1966年，第1卷；B.E.拉里切夫：《在东方外国人的国家旅行》，新西伯利亚，1973年；B.E.拉里切夫：《完颜氏族中亲王的遗迹》，《古代的西伯利亚》第4辑，新西伯利亚，1974年。

[7]B.П.瓦西里耶夫:《10～13世纪中亚东部的历史与古迹—附有翻译成俄文的有关契丹、女真和蒙古—塔塔尔的中文资料》，圣彼得堡，1857年；同作者：《关于元、明时期的满洲资料》，《圣彼得堡大学1858年学报》，圣彼得堡，1859年；同作者：《满洲论述》，《俄罗斯地理学会会刊》，1858年，第12卷；同作者：《大清王朝初期对蒙古的征服（摘自〈圣武记〉）》，圣彼得堡，1883年；B. B.戈尔斯基：《满洲王朝的崛起与早期事业》，《俄罗斯驻北京宗教使团成员著作集》，圣彼得堡，1854年，第1卷；同作者：《论当今中国清王朝创始者的族系和满洲的族名》，出处同前。

[8]详见Г.Г.比科夫：《西伯利亚东方学的不出名的著作（M.H.苏罗弗措夫）》，《西伯利亚的过去—高校联合学刊》第3卷，第1册；同作者：《史学史和政治思想史》，《国家的历史学与社会学》—国立新西伯利亚大学人文学系丛刊，西伯利亚科学丛书，新西伯利亚，2003年。

[9]详见Г.Г.比科夫：《M.H.苏罗弗措夫的历史逻辑学观点》，《东亚的历史与文化》，国际学术会议资料，新西伯利亚，2002年12月9～11日，新西伯利亚，2002年。

[10]M.H.苏罗弗措夫：《论契丹在中亚的统治》，俄罗斯科学院东方学研究所列宁格勒分部东方学家档案馆，A.M.波兹德涅耶夫基金会，№44，编年史家单元№278，第2页。

[11]引之M.H.苏罗弗措夫著作第56页。

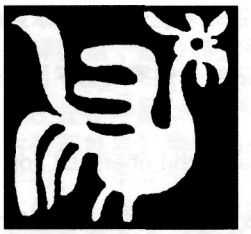
[12]Geschichte der Grossen Liao.Aus dem Mandschu übersetzt von H.Conon von der Gabelentz.Herausgegeben von H.A.der Gabelentz.-St.-Petersburg,1887年.

[13]Л.В.丘柳米娜：《按照俄罗斯人文科学基金会"契丹计划"，关于Г.К.冯•加别连茨的译著—王朝编年史〈大辽古伦苏杜里〉向基金会报告查询的结果》。

[14]Г.Г.比科夫：《西契丹》，新西伯利亚，1989年。

[15]Г.Г.比科夫：《中亚和哈萨克斯坦历史上的西契丹（1125～1218年）》，新西伯利亚，1986年；同作者：《论中国法律对契丹刑法的影响问题》，《中世纪的北亚与毗邻地区》，新西伯利亚，1992年；同作者：《契丹与西伯利亚》，《西伯利亚的过去》第2卷第一章，新西伯利亚，1996年；同作者：《西辽国家体制的几个问题》，《苏联科学院西伯利亚分院公报》1979年第1期—社会科学类第1卷；同作者：《西契丹经济的某些问题》，《中世纪的远东与毗邻地区》，新西伯利亚，1980年；同作者：《契丹国家的佛教》，《苏联科学院西伯利亚分院公报》1980年第1期—社会科学类第1卷；同作者：《论西契丹国家的首都》，《中世纪的东亚与毗邻地区》，新西伯利亚，1986年；同作者：《卡拉—契丹国家的军事组织》，《苏联科学院西伯利亚分院公报》1983年第1期—社会科学类第1卷；同作者：《契丹帝国的奴隶制》，《东方传统社会中的社团》，第1卷，莫斯科，1985年；同作者：《契丹人的家庭、婚姻法律》，《中世纪的远东与毗邻地区》，新西伯利亚，1980年；同作者：《契丹国家（辽和西辽）国家体制的特殊性》，《国家的历史学与社会学—人文学系科学著作集》，新西伯利亚，2003年；同作者：《游牧帝国妇女地位的特殊性》，出处同上。

[16]Г.Г.比科夫：《不出名的俄罗斯东方学著作（M.Д.赫拉波维茨基）》，《西伯利亚的土著民族——已消失的语言和文化的研究问题》第2卷（考古学、民族学），新西伯利亚，1995年；同作者：《史学史和政治思想史—M.H.苏罗弗措夫传略、著作评述、主要观点》，《国家的历史学与社会学—人文学系科学著作集》，新西伯利亚，2003年；同作者：《关于魏特夫》。

현실을 걱정한다면 신중한 칸이 될 것이며
장래를 걱정한다면 좋은 조정의 본보기에 익숙해져야한다.
——아바하이 (太宗) 가 역사의 중요성을 설명하며 아들인
누르하치에게 한 말

편집자로부터

역사가, 동방학가, 고대사와 중앙아시아, 동아시아의 고대사와 문화에 관심이 많은 여러 독자에게 Л.B 뚜르미나가 만주어에서 러시아어로 거란민족의 역사인 번역한 《大遼古伦蘇杜里》——《大遼帝国历史》를 소개한다.

편집자의 서언에서는 나는 몇 세기에 걸쳐서 편찬된 《辽史》에 대해 간략하게 살펴보고자 한다. 요나라의 역사는 1125년에 여진이 요를 멸망시키고 송나라의 북부 영토인 산서, 하북지역을 병합하고 얼마 있지 않아 시작되었다. 바로 그때에 동아시아에 새로이 등장한 제국인 金은 국립역사연구소에 해당하는 국사원을 설립했는데, 그 이유는 요, 송, 금의 황제들의 통치와 관련된 관편 사료를 수집하고 편찬하기 위해서다. 국사원은 보관하는 사료를 체계적으로 정리하는 것 뿐 아니라 매일 서고로 들어오는 문헌의 목록을 일지로 정리했다. 국사원의 구성원은 여진인 뿐 아니라 거란인, 중국인 들이 포함되었지만 모든 일의 관장은 여진인이 담당했다. 국사원의 직접적인 목적은 문헌의 취합과 함께 거란(요)의 역사를 출판하는 것이었다.

국사원은 모두 10명의 황제기를 편찬했다. 하지만 이 기록들이 출판되지는 않았다. "황금의 나라(금제국)"이 몽골에 멸망되는 과정에 야기된 정치적 그리고 군사적인 격동의 세월과 함께 국사원도 그 활동을 종결했다. 그렇지만, 국사원의 구성원들까지도 활동은 멈춘 것은 아니었다. 그들과 송나라의 정열적인 사가들이 없었다면 여진, 거란, 그리고 그들의 중국과의 관계를 언급한 사서는 출판될 수 없었을 것이다. 어려운 상황에서 이들이 모은 사료들은 현재 우리가 알고 있는 송, 요, 금사의 대강을 구성하는 것이다. 특히 이들 역사의 편찬중에 元好問 (1257年 사망) 의 역할이 특히 주목된다. 그는 금제국 말년에 활동했던 걸출한 정치가, 행정가, 시인, 문필가였다. 그의 저작 중에는 여진인에 관한 것도 있는데 그 안에는 극동아시아, 중앙아시아에서 다년간에 걸쳐 수집한 소중한 자료들도 포함되어 있다. 원호간의 사료는 중국변방지역의 왕조사를 편찬하는 사람들의 기본자료가 되었다.

국사원 사가들의 역할은 14세기 중엽 몽고인의 원제국이 궁정 내에 전문위원회를 세우기 전까지 계속되었다. 이들에게는 요, 금, 송 3 나라의 정사를 편찬하라는 명령이 하달되었다. 1343년에 4월에 脱脱이 관장하는 금제국이 멸망후에 보관되어오던 "실록"을 비롯한 기타 자료를 발굴해냈고, 몽골제국의 마지막 왕인 토곤테무라(妥懽帖睦尔)의 통치기에 이 세 왕조의 역사편찬이 마무리되었다. 황제는 톡토(탈탈)가 올린 세 제국의 역사에 대한 초고를 검열하고 20여명의 사가로 구성된 전문위원회를 구성할 것을 명령했다. 1년후인 1344년 늦은 가을 이 세 왕조의 역사가 완성되었다.

요사 연구의 다음단계는 17세기 중반으로 중국어로 된 왕조들의 역사를 만주어로 번역한 때다. 이때는 누르하치가 후금을 세운 시점으로, 위구르-소그드어에 기반한 자신들의 만주어가 최종적으로 형성된 시점이다. 여진어는 정부의 공식문서로 쓰였으며 많은 중국어 문학작품도 번역되었다. 이에 따라 만주족의 조상인 여진의 역사인 [금사]도 만주어로 번역된 것은 물론 요사와 원사도 번역되었다. 이러한 번역작업에는 학자이며 문학가인 达海와 额尔德尼의 역할이 컸다. 국가의 제사를 담당하는 希福의 주도하에 전문위원회가 만들어져서 이 작업을 마무리지었다.

崇德元年五月 , 满洲의 皇帝太宗의 명령에 따라 중국어와 극동과 중국 동북지역의 고대어를 아는 학자들을 동원해서 역사문헌을 만주어로 번역하게 되었다. 그 작업은 御前大臣 查布海, 能图 그리고、叶成格 등에 의해 주도되었다. 그들의 임무는 大辽、西辽、大金、大元王朝 그리고 "의혹해명" 등의 정사를 한문에서 만-

주어로 번역출판이었다. 구체적으로 그들이 맡은 작업은 《大辽古伦苏杜里》、《爱新古伦苏杜里》、《大元古伦苏杜里》 등을 번역하는 것이었다。御前大臣[内弘文院学士]胡球가 맡은 작업은 그보다 복잡하고 어려운 교열작업이었다. 그는 번역문 중에서 "굳이 필요없는 것"을 삭제해야 했으며 정치적 이데올리기적으로 "합당한" 것을 강조해야 했다.

고대 문장을 해석하기 위해서는 역사와 언어에 높은 지식이 있어야 했기 때문에 사가들은 "중국책의 의미를 해석하고 비판할 수 있는" 사람들로 구성되었다. 특히 주해는 内弘文院学士 王文奎와 그의 조수인 外郎 刘弘遇가 책임을 맡았다. 완성된 원고를 출판하기 위해 다시 정서하는 일은 卜尔凯、铿特、卦尔察、科尔科代、硕尔格 등이 담당했다.

방대한 이 작업은 모두 10년의 세월이 걸렸다. 内国史院承政、内弘文院大学士 希福、内弘文院学士瓦穆布、查布海、王文奎과 기타 내각의 관원들이 만주어로 번역된 사서를 황제에게 진상했다. 여기에서 그들은 위대한 군주의 이 모든 왕조들이"하나의 통일된 제국"에 포함되었다고 강조했다.

사실상 국가의 번영을 위해서는 옛 일을 돌아보는 것이 필요하다. 어떤 일이든 성공과 실패사이에는 미묘한 차이가 있다. 어떤 때에는 태평성대가 오고 어떤 때는 피가 난무하는 난세가 오기도 한다. 선조의 지혜와 생활원칙은 결코 지나간 일이 아니다. 바로 현재에 필요한 원칙이기도 하다. 이와 같은 인간 사상의 합리성은 몇 백년에 걸쳐서 변하지 않는 것이다. 그렇게 때문에 "현명한 칸"은 지난 수세기 동안 내려온 현명함을 모르고서는 될 수 없는 것이다.

지혜로운 자, 학자 들이 아니라면 바로 지난 일들이 어찌해서 성공하고 실패했는지 '미묘한 차이'를 알 수 없다. 관원들의 행정능력, 품행, 성공과 착오를 상세하게 서술해야한다. '선도 악도 모두 내 스승이다'라는 격언처럼 역사에서 일어난 모든 사건들이 곧 이들의 선생이 된 것이다.

황제에게 사서를 진상한 대신들은 大元王朝에 대해 좋은 평가를 내렸는데, 왜냐하면 원은 大辽、大金과는 다르게 최초로 천하를 통일했으며 효율적으로 통치했기 때문이다. 대신들은 "仁爱、豁达、温和、贤明"하신 太宗皇帝에게 자신의 백성과 만주족들이 "거란, 여진, 몽고인의 풍습과 습관을 공부하는" 기회를 달라고 요청했다.

内国史院의 청원에 대해 태종은 즉각 회답을 했다. "만주어로 大辽、大金、大元 세 왕조의 역사를 번역하라! 번역에는 성공과 선행, 악행, 전쟁 등에 대해서 빠짐없이 기록하게 하라"

왕조사의 번역과 교열은 崇德四年（1639年）六月에 완성되었다. 모든 원고는 大学士希福의 교열을 거쳐서 顺治元年（1644年）三月26世祖皇帝에게 진상되었다。당시 위원회의 구성원은 황제의 명령을 받들어 인쇄체로 다시 정자하고 목판을 조각해서 세 왕조의 역사를 세상에 공포하기로 결정했다.

이 내국사원에는 대표와 조수 이외에도 学士 查布海、苏纳海、艾塞亥、伊图、乌达里、钦泰、来衮、海岱，能图，学官 尼满，文牍员 宾图 등이 활동했다. 이들을 모두 정서하고 다시 목판으로 인쇄해서 최종적으로 "요사 300部，금사300部，원사 600部"를 인쇄했다. 인쇄가 완료되었다는 최종보고는 顺治三年（1646年）四月七日에 황제에게 전달되었다.

약 3세기반전에 치밀한 계획을 통해 출판된 만어판 사서는 지금도 이용되고 있다. 모든 사람들이 역사의 중요성에 대해 충분히 느끼게 하기 위해 편저자는 여기에서 오래전 일의 세세한 면들을 언급하며 살펴보았다. 최근 몇 년간 러시아 인문과학 연구기금을 받아서 다년간 진행하는 연구사업은 태종황제의 명을 받은 "内国史院"의 역할과도 비슷하다. 太宗이 '과거를 비추기' 위해 편찬을 명령했던 《大辽古伦苏杜里》、《爱新古伦苏杜里》，그리고 《大元古伦苏杜里》를 만주어에서 다시 러시아어로 번역하는 작업을 하기 때문이다.

1998년에 러시아과학원 시베리아분소 고고민족학연구소 동방역사고고학분과에서는 《爱新古伦苏杜里》를 출판했다. 이 책의 번역은 러시아 인문과학기금의 지원을 받았으며 북경소재 러시아정교사절단의 일원이었던 탁월한 동방학자인 그리고리 미하일로비치 로조프가 1830년대에 번역한 것이었다.

로조프는 《金史》版本（10卷本과18卷本）과 《通鉴纲目》（120卷）을 이용해서 주석을 했다3]。출판된 책의 말미에는 부록으로 과학원회원 B.C.먀스니꼬프가 쓴 《Г.M.로조프평전》과 B. E라리체프의《금제국의 건립과 여진역사에 대한》,A.Г.말랴프낀의《"1114-1233 중국 북부의 금제국사에 대한 주석》을 수록했다.

전반적으로 사초는 宫廷비서원의 内弘文院, 内国史院 内秘书院 등 세 개의 기구와 学术委员会에 의하여 작성되었는데, 모두 307年에 걸친 14대에 이르는 거란왕의 치적이 기록되었다. 爱新王朝의 119年간 9대의 칸이 즉위한 시기에는 천하의 절반을(양자강유역에 이르는) 통치했다. 大元王朝162년간에는14대의 왕이 최초로 천하를 통일했다.

天朝의 수 세기간에는 북동쪽의 유목민과 농경이 복잡하게 서로 연관되어 있었다.

그 과정은 서기 10세기경부터 시작되었는데, 당시 거란부족이 역사무대에 등장하기 시작했으며 자신들의 국가를 제국체제로 만들었다. 14대의 칸이 활동한 307년은 본기에 기록되었다. 大辽王朝의 太祖皇帝로 시작되어 마지막왕인 西辽王朝의 耶律大石까지의 기록은 모두 《大辽古伦苏杜里》로 편찬되었다. 이 역사는 신화적인 이야기로 시작된다. 서기 872년 辽后族의 萧姓을 가진 女子가 하늘과 땅의 복을 기운을 받아 임신하여 아이를 낳은 후에 집에 감추어놓았으니, 그가 바로 미래의 황제인 耶律阿保机였다.

이렇게 시작된 이 책은 1124년에 여진인의 우두머리인 娄宿이 余都谷라는 곳에서 마지막 황제인 天祚를 포로로 잡았으며, 그 와중에 천조는 옥새를 잃어버렸으며 자신은"海滨王"이라는 비천한 지위로 강등된다는 것으로 끝난다.

거란, 여진, 그리고 몽고족은 예로부터 현재의 러시아 땅인 남부 시베리아와 극동의 지역과 주민을 점유했다. 그렇기 때문에 러시아의 정치가, 역사학자가 북아시아 및 동아시아의 역사인 "天朝"의 나라에 관심을 지속적으로 지닐수 밖에 없다.

1790년대에서 1810년대에 이르는 시기에 러시아의 동방학자들은 자신들의 본격적인 연구를 시작했다. 먼저 알렉세이 레온띠예프는 3권으로 된 청나라의 법률과 기구에 대한 만주어책을 러시아어로 번역했다. 그를 이어서 레온띠예프와 라리온 로쏘힌은 17권으로 된 만주인에 대한 기록을 출판했다[4]。

이보다 약간 전에 라리온 로쏘힌은 만주어로 된 《中国康熙皇帝征服由五部构成的大塔塔尔游牧民族中的卡尔卡斯和艾列特部的历史》과 《简本资治通鉴》을 번역하기 시작했다. 로쏘힌의 번역은 이후 A. 아가포노프의 《满洲和中国的汗—顺治……书》、И.브이꼬프와 블라드이낀의 《皇帝陛下的圣旨》、И.브이꼬프의 《蒙古控制和丧失中国的历史》, 그리고 표도로프의 《康熙—简明中国史》、바스닌《大臣拉努丹传记……》등의 번역으로 이어졌다. 마뜨베이 꼬마로프는 1718년 모스끄바에서 《中国皇帝致俄罗斯君主的古老信函》을 발간했다.

러시아에게 만주의 역사를 연구한다는 것은 청나라와의 관계나 만주의 지방관청 들과 교류하는 데에 필요하다. 그래서 18세기에 이르쿠츠크에는 중국고대사, 극동아시아, 중앙아시아를 공부하는 학교가 설립되었으며 19세기에는 북경소재러시아 정교회사절단이 활발하게 파견되었다. 북경사절단 중에 특히 이안끼프 비추린을 주목할 필요가 있다. 그는 엄청난 양의 東夷에 대한 중국 정사의 기록을 번역했다. 그의 번역은 지금도 학계의 소중한 자료로 쓰여진다[5] 뿐만 아니라 비추린은 북경사절단을 중국역사와 문화를 연구하는 중심으로 만드는데에 큰 역할을 했다. 그의 영향은 현재의 연구자 뿐 아니라 당시 그의 뒤를 잇는 다른 동방학자에게도 큰 영향을 미쳤다. 좋은 예로 빨라디이 까파로프를 들 수 있따. 그는 러시아제정지리학협회의 제안으로 1870~1872년에 만주, 쁘리아무르, 연해주를 여행하면서 발견되는 각종 유적을 실제 중국의 역사기록과 대비시키려 했다 [6]. 중국역사를 실제 답사를 통해 고고학적 유적과 대비시킨다는 그의 연구는 매우 중요하다.

상기한 러시아 동방학의 전통에서 Г.М.로조프의 성과 역시 높게 평가되어야 한다. 그의 인생에는 두 번의 전환점이 있었다. 첫번째는 북경으로 오기 전에 러시아 중국학의 아버지인 이안끼프 비추린으로부터 사사받을 수 있었다. 두번째로는 로조프가 중국에서 돌아온 후에 러시아 외무부의 여러 동료들은 그를 '위대한 일꾼'이라는 칭호를 붙이며 칭송했다. 그때부터 로조프는 빨라디이 까파로프와도 교류했다. 로조프는 만주어, 중국어, 몽골어를 능통하게 했으며 중국의 편년사에도 능했다. 로조프가 집중한 일은 [금사]를 번역하고 다른 송나라 대의 역사기록을 비교검토하는 것이었다. 로조프의 원고에는 거란에 대한 상당량의 자료가 포함되어 있는데, 대부분 여진, 송대의 거란과의 관계에 대한 것이다.

19세기에 들어서면서 러시아의 동방학자는 다수 등장한다. 그중 특히 고르스끼와 바실리예프가 주목된다[7]。그들의 업적은 비추린이 이루어놓은 엄청난 번역자료에 기반하여 중국사의 대강을 파악하게 하는 것이다. 미하일 다닐로비치 흐라뽀브쯔끼 (1816~1860年) 는 상트-페테르부르그의 신부학교를 졸업했다 (1845~1849年) 。그의 능력은 일찍이 인정받아서 이미 학생의 신분으로 제 8차 북경소재 러시아정교회사절단에 포함되어서 비추린의 일을 보조했다. 8차 종교사절단은 빨라디이 까파로프가 인도했으며 1849년에 중국에 도착했다. 흐라뽀프쯔끼의 일은 중국과 만주어로 된 문서중 중국사와 관련해서 과학적 연구가치가 있는 것을 번역하는 것이었다.

학생이었던 흐라뽀브쯔끼는 만주어, 중국어의 통역과 언어에 재능을 나타냈다. 그는 [뾰뜨르 1세]라는 책을 만주어로 번역하기도 했다. 그의 뛰어난 능력 때문에 정부의 공식적인 문서(러시아어-만주어)의 번역은 반드시 그의 검열을 거치게 했다. 1860년도에 체결된 러시아와 중국의 북경조약도 그의 번역이다.

역사학분야에서 흐라뽀브쯔끼가 연구한 것은 대부분 고문서보관소에 소장되어있을 뿐 현재까지 알려져 있지 않으며, 알려진 것 마저도 제대로 평가받지 못했다. 하지만 독보적이며 뛰어난 그의 능력이 반영된 연구는 늦던 이르던 결국 알려질 것이다. 흐라뽀비쯔끼가 갑자기 요절한 것도 그의 이름이 알려지지 않은 하나의 원인이다. 흐라뽀비쯔끼가 관심을 기울인 분야는 清史로, 그가 쓴 《明王朝垮台时的北京事变》는 고르쓰끼가 편찬한 만주사의 한 부분이 되었다. 여러정황으로 판단하건데 흐라뽀브쯔끼는 청대 이전부터 시작하는 거대한 만주족의 역사를 쓰려고 했던 것 같다.

흐라뽀비쯔끼가 남긴 중요한 작품으로 [요민족기]이 있다. 얼핏보면 이 책은 그간에 알려진 중앙아시아에 대한 역사서중 하나로 보일수 있지만, 그 안에는 거란족의 경제, 민족의 특징, 중국과의 관계에 대한 여러 문제를 제시한다. 특히 거란족 초기의 상황에 대한 서술은 매우 중요한 것으로 후에 이를 출판한 스까치꼬프는 이 책이 역사과학에 매우 중요하다고 평가했다.

흐라뽀비쯔기의 연구는 거란족연구의 시작을 알리는 것이었다면, 그가 죽은 후에 바실리예프는 상트-페테르부르그대학 동방어학부 중국-만주어학과의 학생이었던 미하일 니꼴라이비치 수로브쪼프와 함께 좀더

거대한 규모로 거란사 연구의 두번째 단계를 개척했다. 그들은 [요사]를 바탕으로 해서 《철의 제국 907~1125年) 》에 대한 유럽어로 첫번째로 쓰여진 거란의 정치, 경제, 그리고 문화사를 다루었다. 러시아뿐 아니고 전세계의 중국학자들 중에 그 어렵다는 요사를 번역하고 그 내용을 중심으로 요나라의 역사를 연구할려고 시도한 적 조차 없었다.

유감스럽게도 수로브쪼프는 요절하게 되었지만(1850년10월20일~ 1874년 가을 ?) 그가 대학에 다니는 4년동안 이루어놓은 업적은 그를 19세기 후반의 뛰어난 러시아 동방학자의 하나로 보기에 전혀 부족함이 없게 한다. 하지만, 그의 이름은 중국학을 하는 사람들에게 조차도 생소한 이름이었다. [8]。이르쿠츠크에서 태어난 수로브쪼프는 이르쿠츠크 상급학교를 차석으로 졸업하며 외국어에 큰 소질을 보였다. 그래서 그는 주지사의 추천으로 상트-페테르부르그대하 동방학부에 무시험으로 진학하게 되었으며 장학금으로 공부하게 되었다.

운이 좋게도 수로브쪼프의 선생은 중국문화와 역사의 태두 바실리예프였다. 바실리예프는 영특한 학생 수로브쪼프에게 여진사와 함께 동아시아 역사의 공백으로 되어있는 연구가 거의 되지 않은 거란사를 전공할 것을 권했다. 그는 졸업논문으로 "거란의 중앙아시아정복 "으로 했으며 졸업시에는 중국, 만주, 몽골어를 능통하게 하고 중국과 몽골의 역사와 문화에 대한 뛰어난 지식을 보여 1872년 5월 31일에 학위를 받았다.

수로브쪼프에 대한 나의 평가가 지나치게 편향적으로 보일수도 있겠지만, 내가 보기엔 그의 능력은 박사학위를 주어도 모자라지 않을 것이라 생각이 든다. 수로브쪼프는 이 골치아픈 텍스트(요사)를 단순히 번역했다는 것이 아니라 따스낀이나 프랑케, 위트포겔 같은 다른 20세기 중반의 연구자들과 비교했을 때에 사료에 대한 이해가 더 깊으며 유창했었다. 수로브쪼프는 本纪、表、书, 列传 등의 4부분으로 구성되어있는 116卷의 사료를 보충하기 위해서 《契丹国志》도 이용했다. 18세기말~19세기 전반의 동방학과의 일반적인 졸업논문형태인 사료의 번역에서 벗어나서 수로브쪼프는 사료의 내용을 역사-문화사, 정치, 사회-경제적인 측면에서 분석을 시도했다.

만주어판 요사(大辽古伦苏杜里)연구의 다음 단계는 1970~80년대에 러시아 만주학 전공자인 G.K. Fon Gabeletz 독일어로 번역되는 시점이다. 하지만 폰 가벨렌츠가 일찍이 세상을 떠나는 바람에 작업은 요나라의 발생, 정립, 발전, 그리고 멸망 등의 편년적인 것으로 번역은 멈추었다. 그의 원고들은 과학원의 재가를 받아 아들에 의해 출판되었다 [12]。

러시아인문과학기금의 도움으로 추진된 '거란 프로젝트', 즉 《大辽古伦苏杜里》의 번역이 추진되었다. 러시아과학원 시베리아분소 동방역사고고분과의 Л. В. 뚜르미나는 폰 가벨렌츠의 텍스트를 실제 요사와 비교분석하여 다음과 같은 결론을 내렸다. [13] :

(1) 가벨렌츠의 아들이 출판한 원고는 완성본이라고 보기 어려운 것이다. 아마도 이 원고는 가벨렌츠의 《大辽古伦苏杜里》 초벌번역이었을 것이며, 이후 몇 번의 퇴고를 거듭하여 번역을 마무리지을려고 했을 것이다. 다만, 그의 뜻하지 않은 죽음으로 그 뜻을 이루지 못했던 것 같다.

(2) 따라서 가벨렌츠의 원고는 많은 문제점이 있는 것이며 최후 완성본이라 보기 어렵다. 만주어의 문맥을 제대로 이해하지 못한 것도 많으며, 적절한 번역어를 찾기보다는 얼버무리면서 넘어간 것도 많았다. 또한 인명, 지리명, 민족명 등을 중국어판과 비교하지 않아 사료 자체에 대한 비판적인 태도도 부족하다.

(3) 전반적으로 가벨렌츠의 번역은 읽기 편하며 각 문장과 단어에 신경을 써서 번역한 것으로 지금까지도 역사적인 의의가 있다. 가벨렌츠의 번역이 보여주는 문제점과 성취점은 만주학을 전공하는 학자들에게 큰 가르침을 준다.

흐라뽀프쯔끼, 수로브쪼프, 그리고 가벨렌츠의 성과 이후 100여년 후에 중국 및 중앙아시아 역사와 문화 전공으로 유명한 따스낀에 의해 다시 번역이 되었다. 그는 1979년에 《契丹国志》을 번역하여 출판했는데, 당시 우리나라의 거란연구는 소략한 고고학 유물에만 근거하던 때였다.

비슷한 시기에 노보시비르스크에서도 이 분야에 대한 연구가 진행되고 있었다. 러시아과학원 시베리아분소 역사,언어,철학연구소와 노보시비르스크 국립대학교 인문학부는 공동으로 중국사의 사서들을 출판하려는 계획을 세웠다. 그 첫 번째 작업으로 편년사적인 사료를 출판할 계획을 세웠다. 거란사에 대해서는 학부때 西거란사를 전공한 겐나디이 겐나디예비치 삐꼬프와 만주의 역사와 언어를 전공한 류드밀라 바실리예프바 뚜르미나가 담당했다. 둘 모두 대학졸업후 역사,언어,철학연구소의 동방역사분과의 박사과정에 입학새어 전문가적인 소양을 습득했다. 이들에 의해 "황금의 제국(금사)"이 번역되었고, 다음으로 "철의 제국(요사)"가 준비되었다.

특히 뚜르미나의 탁월한 번역능력은 특기할 만하다. 그녀는 1967년에 대학을 졸업한 후에 러시아과학원 준회원이며 퉁구스어 전문가인 아브로린과 만주어 전공인 레베데바로부터 언어수업을 받았다. 매 학년의 기말과제로 П.쉬미트가 편집한 소설중 蒲松龄이 지은 《崂山道士》、《续资治通鉴纲目》의 일부, 요나라의 멸망과정、퉁구스학자인 Г.М.바실리예비치가 1936년에 저술한 《에벤키(퉁구스)의 민속자료》중의 민간고사 등을 작성했으며, 졸업논문으로는《여진국가조직에 대한 만주어사료》을 제출했다.

1971부터 역사,언어,철학연구소에 근무하게 되면서 그녀는 女真、契丹、满族의 역사에 대한 자료를 번역하기 시작했다. 그중에는 만주어로 된《满文老档》1卷 (约15个印张) 、Г.К. 폰 게벨렌츠의《Geschichte

der Grossen Liao》의 번역, 그리고 프랑케, 위트포겔 등의 다른 서양학자의 연구번역, 《辽史》、《金史》、《元史》 등의 여러 원문들을 정리하였고, 마침내는 필생의 역작인 《大辽古伦苏杜里》의 번역을 완성하게 되었다.

어려웠던 생활 때문에 뚜르미나는 요사의 번역작업을 마칠수 없었다. 하지만, 10여년 전부터 초인적인 노력으로 어려운 상황속에서도 번역작업을 다시 시작해 결국 마무리 지을 수 있었다. 그녀는 천부적인 번역가다. 그녀의 번역은 어렵기 이루 말할 수 없는 중세 중국의 만주어를 대상으로 하는 것이지만, 그 뜻은 전혀 잃지 않고 유창하게 번역해내서 시적인 감흥마저 들 정도이다. 번역문 만으로만 보아도 《大辽古伦苏杜里》의 문장은 딱딱한 공문이 아니라 예술적 감성이 들어간 문학에 가까울 정도이다. 본문에 수록된 각 장들을 읽을 때마다 독자들은 지금껏 우리의 마음을 들뜨게 하는 모든 것들, 영웅, 악한, 전쟁터, 날아가는 화살, 전쟁의 북소리, 의리, 배신, 용기, 유약, 수렵, 일상생활, 궁정, 자연, 충성스러운 말과 야수 등 을 볼 수 있다.

여기에서 뚜르미나가 완성한 사려의 번역이 얼마나 힘든 것인지를 지적할 필요가 있다. 17세기에서 21세기에 이르는 수 백년 간의 번역작업은 "요사"가 번역되기 거의 불가능할정도로 어렵다는 것을 반증한다. 중국어를 만주어로 번역한 查布海、能图、叶成格 등은 당시의 사람이었다는 것을 감안한다면 그들의 작업과 19、20、21 세기의 번역작업은 엄연히 다르다. 어쨌든, 중국어를 번역한 그들의 업적 또한 결코 작지는 않다.

겸손하게 자료를 검토한 뚜르미나는 다음과 같은 결과를 도출했다. - 전체 본문의 반 이상은 문법적으로 맞지 않으며, 본문의 후반부는 한 문장의 끝이 제대로 마무리되지 않거나 문법상 맞지않아 문장사이에 서로 모순이 생기게 되며 뜻마저 불분명한 것이 많다. – 아마 이들 문장은 중국어 저본 자체가 단편적으로 남겨졌을 가능성도 있다. 가장 큰 문제는 제대로 번역되지 않은 중국어 단어가 지명이나 인명과 혼동되어서 만주어로 음사되어 표현된 것이다.

오류들을 바로 잡는 데에는 따스낀이 번역한 《契丹国志》가 큰 역할을 했다. 한자와 그에 대응하는 러시아어 음차한 것에 근거해서 《大辽古伦苏杜里》의 만주어 발음을 추측해 재구성 했다. 그녀의 지적에 따르면 사료에 달린 주석에 주의할 필요가 있다고 했다. 《大辽古伦苏杜里》는 최초의 한어-만주어번역이며 가장 어렵고 또 가장 불완전한 번역인 셈이다. 그럼에도 불구하고 이 엄청난 작업을 시도한 查布海、能图、叶成格이야 말로 가장 용감하고 창조적인 일을 한 셈이다!!

거란프로젝트의 또 다른 담당자인 삐꼬프는 박사학위를 받고 노보시비르스크 국립대학교의 조교수로 근무했다. 그의 전공은 요와 서요 국가형성과정에 대한 연구였다. 그는 거란에 관한 수십편의 글을 남겼다. 그의 저작중에는 중국어, 이슬람자료, 고고학 자료 등에 기반한 최초의 서요에 대한 단행본도 있다 [14]。논문으로는 중앙아시아, 카자흐스탄, 남부 시베리아, 극동지역의 역사에서 서요의 위치에 대한 것, 요왕조와 중국의 경제, 종교, 군사적 충돌 등에 대한 것, 유목사회에서 여성의 역할 등에 대한 것이 있다 [15]。

삐꼬프의 주요 연구주제중 하나는 사학사연구다 [16]。그의 심혈을 기울인 여러 연구 덕택에 출판이 안된 채 잊혀져가던 흐라뽀비쯔끼, 수로브쪼프 등 러시아의 여러 동방학 연구가 빛을 발할 수 있었다. 삐꼬프는 뚜르미나가 요사를 번역하는 데에 맞추어 각 사람들에 대한 이런 저런 정보들을 최대한 정리했다. 또한 《거란의 중앙아시아 통치》와 《辽代民族记》와 같은 까다로운 원고를 정리하는 데에도 진력했다.

《大辽古伦苏杜里》의 출판은 중앙아시아, 극동의 중세사 연구에 중요한 자료를 제공할 것으로 기대한다. 또한 역사학자, 동방학자, 만주어전공자, 그리고 아시아의 역사와 문화에 관심있는 모든 사람에게 큰 도움이 되길 바란다.

350여년전 현명한 군주였던 太宗皇帝의 교지를 받들어 만주어로 번역이 시작된 편년작업의 우리의 작업으로 마무리 단계에 접어든 것 같다. 왜냐하면 《大元古伦苏杜里》—《天朝历史》의 출판작업이 시작되었기 때문이다.

* 각주는 노어판을 참조하기 바람.

B.라리체프 강인욱 번역

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ИМПЕРИИ
(ДАЙЛЯО ГУРУНИ СУДУРИ)

Перевод с маньчжурского *Л. В. Тюрюминой*

Доклады трону по поводу маньчжурского перевода историй династий Ляо, Цзинь и Юань

(Рукописный отдел СПбФ ИВ РАН. Маньчжурский фонд, ксилограф С 22 xyl, mao 1, memp. 1)

Первый доклад

Министр Приказа по обнародованию законов Хифэ, статс-секретари Чжамба, Чабухай, Ван Вэнь-куй и другие вот о чем всеподданнейше докладывают:

«Если просмотреть летописи древних учреждений, то [можно сделать вывод, что обстоятельства] удачных или неудачных дел весьма тонки, времена мира или смут крайне сокровенны и [понятны] только лишь мудрецам, а [прочим] другим не понятны. Поэтому ученые люди вот что подробно описывали: правление, поведение, удачи и ошибки людей, [ставших] ханами, и вот что говорили: "Опасаясь за настоящее, пусть будут осмотрительными! Опасаясь за будущее, пусть сообразуются с [лучшими] образцами!". Исторические книги, почти несколько тысячелетий не оставлявшие [без внимания] существующие с древних времен [нравственные] правила и [их] исполнение ханами и князьями (*бэйсэ*), и предания, дошедшие до этих времен, [все это] действительно очень давнее. Хотя бы правила и были из прошлого, [о них] можно рассуждать, перенеся в [нынешний] век. Хотя бы люди и были древними, [с ними] можно сравнивать, перенеся в настоящее время. Поэтому вот что говорили: "Добро – мой учитель, зло – [тоже] мой учитель". С древних времен из совершенномудрых ханов, рождающихся один за другим, не было таких, кто бы не действовал в соответствии с этим.

Хотя [киданьская] династия Да Ляо (*Dailiyoo*) и [чжурчжэньская] династия Айсинь (*Aisin*) не смогли объ-
2 единить [всю] Поднебесную, [однако] династия Да Ляо захватила половину земель Поднебесной, а династия Айсинь захватила // бóльшую половину ее земель. [Монгольская] же династия Да Юань (*Dai Yuwan*) объединила [всю] Поднебесную. Есть возможность просмотреть их законы управления государством и общепринятые обычаи. Поэтому [наш] Человеколюбивый, Великодушный, Кроткий, Совершенномудрый хан[1], именно древность желая созерцать и содержа в сердце это [желание], исключительно из-за этого дела выпустил для нас указ: "Переведите на маньчжурский язык книги трех династий: Да Ляо, Айсинь и Да Юань! Выпустите из этого [перевода] непригодное и, возвеличивая, напишите полностью, [без пропусков], об их удачах в добрых делах, неудачах в злых делах, войнах и облавных охотах!".

Мы, всеподданнейше восприняв важный указ Совершенномудрого, с 5-й луны 1-го года [эры правления] *Вэсихунь эрдэмунгэ*[2] (1636 г.) приступили к работе: исследованию и переписыванию годного в дело [материала]
3 из 307 лет жизни четырнадцати [киданьских] ханов, [начиная] с высочайшего Тай-цзу династии Да Ляо и доходя до последнего поколения Елюй Даши династии Си Ляо; из 119 лет жизни девяти ханов династии Айсинь и из 162 лет жизни четырнадцати ханов династии Да Юань. Книги трех династий // на маньчжурском языке записали с пояснениями статс-секретарь Чабухай, ученые письмоводители Нэнту и Ечэнгэ. Статс-секретарь Хукю выпускал [из перевода] непригодное и исправлял, согласуясь с известным направлением. Статс-секретарь Ван Вэнь-куй, [его] помощник Лю Хун-юй и другие при разрешении сомнений устно объясняли [смысл] китайских книг. Письмоводители Буркай, Кэнтэй, Гувалча, Коркодай, Шолгэ и другие переписали уставным [печатным почерком]. Министр Хифэ все просмотрел. Окончили в 6-ю луну 4-го года [эры правления] *Вэсихунь эрдэмунгэ* (1639 г.). Поднесли государю в 26-й день 3-й луны 1-го года [эры правления] *Ичжисихунь дасань*[3] (1644 г.)».

Второй доклад

// Министры Приказа по обнародованию законов Кигунгэ и другие вот о чем всеподданнейше докладывают: 4
«Вышел высочайший указ: “Переписать уставным [печатным почерком], вырезать [текст] на досках [и напечатать] книги трех династий – Да Ляо, Айсинь и Да Юань[4]! Распространить в Поднебесной!”».

Всеподданнейше восприняв указ, мы, помощники председателя: статс-секретари Чабухай, Сунахай, Эсэхэй, Иту, Удари, Чинтай, Лайгунь, Хэдэ; столоначальник Нэнту; ученый чиновник Нимань; письмоводитель Биньту и другие, окончательно переписали и, закончив резьбу на досках, изготовили 300 экземпляров истории династии Да Ляо, 300 – истории династии Айсинь и 600 – истории династии Да Юань. Доклад об объявлении во всеобщее сведение всеподданнейше представили государю в 7-й день 4-й луны 3-го года [эры правления] *Ичжисхунь дасань* (1646 г.).

Все просмотревшие: министры Придворного Приказа по обнародованию законов Кичунгэ, Фэн Цюань и Нин Вань-о; министр Придворного секретного кабинета и библиотеки государя Фань Вэнь-чэн // и министр 5
[хранилища при] Придворном комитете по составлению государственных летописей Гаринь».

ТЕТРАДЬ I

Первоначальное название государства Да Ляо – Цидань (Кидань). Прародителем киданьского народа [был] Цишоу[5].

Дуаньсань – тот, кто рожден от Цишоу. Дуаньсань вел кочевую жизнь на берегах реки Хуанхэ.

Спустя несколько поколений, когда пришло время для предка по имени Яли, установив правила, стали назначать чиновников. Вырезая значки на деревянных [дощечках], вели записи, разделили земли, построили тюрьмы и заключали [в них] людей.

Пидей – тот, кто рожден от Яли. Хэлин рожден от Пидея. Нэолисы рожден от Хэлина. У Нэолисы было много житейской мудрости и мало желаний. Хотя и не был строгим, переменял намерения людей, и так как многие приходили [к нему] с изъявлением покорности, то киданьские племена с того [времени] стали воинственными и знаменитыми.

Саладэ – тот, кто рожден от Нэолисы. Юньдэси рожден от Саладэ. Юньдэси научил народ земледелию, а так как взращивание скота было хорошим, то киданьские племена стали богатыми и сильными.

Салади – тот, кто рожден от Юньдэси. [Он] научил народ отливать из металла оружие и посуду. После него [его] младший брат Сулань далее войско использовал [в своих целях], и так как [войско] стало искусным, то [перед ним] трепетали и покорялись люди племен трех [народов]: *юйцзюэ*[6], *шивэй и си си*.

Салади и Сулань впервые начали строить города, строить дома и жить [в них], сажать тутовые деревья, возделывать и ткать коноплю.

* * *

Родовая фамилия хана Тай-цзу династии киданей – Елюй. Имя – И. Почетное имя – Абаоцзи. // В детстве 2
звали Цзюэлици – [«непревзойденная сила»][7]. Старший сын Салади – человека из местности, [принадлежащей] племени *дела*, [где протекает река] Шили моли[8]. Притом [его] мать, урожденная Сяо[9], увидела во сне, что в [ее] чрево вошло Солнце, и забеременела. В 13-й год [эры правления], названной *Сянь-тун* (872 г.)[10], – в год [эры правления, установленной] *ханом И-цзуном** династии Тан, – родила [она] Абаоцзи.

Во время родов в доме были волшебный свет и необыкновенный аромат. Родился величиной с трехлетнего ребенка и сразу же начал ползать. Бабушка, изумляясь, любила [его] как своего родного сына, скрывала в другом доме, мазала [его] лицо сажей и не показывала людям. В три месяца [Абаоцзи] научился ходить, вдруг начал говорить и наперед знал о делах. Вот что он говорил о себе: «Слева и справа мне как бы помогают духи». С малых лет мог рассуждать о делах рода. В это время [его] старший дядя Циньдэ – [«трудолюбивый и добродетельный»] – сомневался: принять ли на себя управление народом. По поводу этого обращался с вопросами к Тай-цзу Абаоцзи. Когда Абаоцзи пришел в совершенный возраст, то тело [его стало] высоким – в девять *чи*[12], а лицо обращало внимание: [оно было] вверху широким, а внизу узким. Лук, которым владел, содержал 300 *цзиней*[13]**.

---

* *Хан И-цзун* [был] шестнадцатым ханом, [начиная] с танского хана Гао-цзу. Слова *сянь тун* означают: «проявивший себя и постигший [все]»[11].

** 300 *цзиней* – это не вес лука, а сила для натяжения спущенной тетивы лука на оба конца, [когда как бы] преодолевают тяжесть в 300 *цзиней*.

В это время Тай-цзу Абаоцзи, став чиновником *тама-жун-сали**, хитростью покорил людей народа *шивэй*, [которые назывались также] *шоу шивэй* и *хуан*[*тоу*] *шивэй* (покорные *шивэй* и желтоголовые *шивэй*)[14], за то, что не признавали зависимости [от киданей]. Тай-цзу Абаоцзи, оружием усмиряя *жунов* – примерно пять [племен], которые без причины появляются, наносят удар и истребляют [людей][15], – с этими и прочими племенами, одер-
3 живал победы, после чего люди // [его] народа, возвеличивая, дали ему имя *Ачжусали***.

В 1-й год [эры правления] *Тянь-фу****, [установленной] династией Тан (901 г.), в год беловатой курицы, Циньдэ – старший дядя Тай-цзу Абаоцзи, – став ханом, назначил его *илицзинем* в своем племени.

Сказав в отношении будущих сражений: «Действуй по собственному усмотрению!», – отправил воевать. Тай-цзу разгромил одно за другим племена *шивэй* и *юйцзюэ* и захватил много [пленных].

Далее, когда Тай-цзу выступил в поход против народа *си си*, то Чжули – правитель этого народа – построил стену в узком проходе в горах, и Тай-цзу Абаоцзи не смог напасть на него. Поэтому Тай-цзу вручил [древко] стрелы своему младшему однофальмильному брату Хэлу[16] и послал к народу *си си* со словами: «Веди разговор [так], чтобы склонить народ *си си* к покорности!». Хэлу отправился к народу *си си* и, после того как был схвачен его людьми, сказал правителю народа: «Наш народ и твой по языку, указам [правителей] и прочему подобны друг другу и по сути одним народом являются. Возможно ли это, [чтобы] наш *илицзинь* Абаоцзи имел [такое] намерение: унизить и притеснить ваш народ *си си*?! Негодуя по [той] причине, что китайское государство убивало наших предков, не имея ни дня, ни ночи [т. е. не зная покоя], думает о [своем] желании отомстить китайскому государству. Но силы [его] слабы, и [это дело ему] не по силам. Поэтому вручил мне [древко] стрелы, сказав: "Пусть поможет тебе!" – и, оказав доверие, отправил [к вам]. Мой повелитель *илицзинь*, получив благо-
4 словение Неба, добродетелями смог привлечь [к себе] подчиненный народ и, таким образом, смог // собрать многих. Если вы убьете меня, идя против [воли] Неба и отвернувшись от добродетели, то от этого не будет большой беды. Но когда два наших народа станут злобными врагами, может ли это быть благом для твоего народа?!». Чжули признал эти слова справедливыми и тотчас же, взяв людей, покорился.

Во 2-й год [эры правиления] Тянь-фу (902 г.), в 7-й луне, Тай-цзу Абаоцзи, взяв войска в 400 000 человек, пошел войной в район [губерний] Хэдун и Хэбэй[17], завоевал девять больших городов и захватил много пленных, верблюдов, лошадей, крупного рогатого скота и овец – [всего] 95 000 [человек и голов скота].

Весной 3-го года [эры правления] Тянь-фу (903 г.) [Тай-цзу] покарал народ *нюйчжи* и захватил 300 семей. [Его] отец Салади [еще] прежде захватил 7 000 семей народа *си си*, заставил перекочевать к реке Цинхэ в области Жаолэ и поселил [там]. После сего старший дядя [Тай-цзу], хан Циньдэ, распределил [их] по тринадцати уездам (*сянь*), положив основание племени *си дела*. Назначил Тай-цзу Абаоцзи на должность *юйюэ***** и доверил все государственные и военные дела [своего] народа.

Тай-цзу хотел назначить Хэлу *илицзинем* в [основанном] племени *си дела*, но Хэлу, отказываясь, сказал: «[Всякие] разбойники находятся возле [моего] повелителя. Мне нельзя уходить далеко», – и не стал [*илицзинем*].

В 4-й год [эры правления] Тянь-фу (904 г.), в 9-й луне, Тай-цзу Абаоцзи выступил в карательный поход против народа *хэй чэцзы шивэй*[18] (*шивэй* – «черные телеги»). Поэтому Лю Жэнь-гун, *цзедуши*[19] округа *Лулун***** государства Тан, дал своему приемному сыну Чжао Ба войска в несколько десятков тысяч человек и отправил
5 навстречу войскам Тай-цзу Абаоцзи // с приказом вступить в бой.

Тай-цзу Абаоцзи, узнав о том, что войска Чжао Ба подошли к городу *Учжоу******, дал Хэлу хороших воинов и приказал спрятаться в засаде у подошвы горы Таошань. [Затем] отправил человека по имени Мули из племени *шивэй*, чтобы обмануть Чжао Ба. Мули пришел к Чжао Ба и солгал: «Меня послал правитель нашего племени *шивэй*. [Он] хочет объединиться с твоими войсками на Равнине»******* [20].

В ответ на эти слова Чжао Ба с войсками пришел к горе Таошань. Когда мимо проходил центр [его] войск, то спрятанные в засаде воины Хэлу [неожиданно] появились со всех четырех сторон. Чжао Ба был схвачен, все [его] люди убиты. И Тай-цзу Абаоцзи, [окрыленный] силами победителя, одержал крупную победу над шивэйскими племенами.

---

* Слова *тама жун сали* означают: «хороший правитель, которому [охотно] повинуются люди».

** Слово *ачжусали* означает: «подобный отцу и деду хороший правитель».

*** *Тянь-фу* – это наименование эры правления танского хана Чжао-цзуна. Слова *тянь фу* означают: «возрожденный Небом». *Илицзинь* – это главный чиновник, управляющий военными делами.

**** *Юйюэ* – это почетная должность. Такое звание получают люди, [совершившие] очень большие подвиги.

***** Округ *Лулун* – это Юнпин.

****** *Учжоу* подведомствен Датуну.

******* Равнина находится в Шаньси.

Маска из погребения принцессы Чэньго, племянницы ляоского императора Шэн-цзуна.
Золото (выс. 21, 7 см).

В 5-й год[эры правления] Тянь-фу (905 г.), в 7-й луне, Тай-цзу Абаоцзи снова выступил в карательный поход против народа *хэй чэцзы шивэй**. После этого Ли Кэ-юн, *цзедуши* [губернии] Хэдун государства Тан, командировал своего широкоизвестного[21] переводчика к Тай-цзу Абаоцзи, желая заключить клятвенный договор.

Зимой, в 10-й луне, Тай-цзу Абаоцзи взял конницу в 70 000 воинов, отправился в путь и встретился с [хэдунским *цзедуши*] *Ли Кэ-юном*** в городе Юньчжоу. Когда [они] пили на общем пиру, огромный[22] Хэлу стоял сбоку от Тай-цзу Абаоцзи. Ли Кэ-юн увидел его и, изумившись, спросил: «Кто этот по природе [своей] великолепный[23] человек?». Тай-цзу Абаоцзи ответил: «Хэлу, мой младший брат-однофамилец». Ли Кэ-юн сказал: // «Помоги мне войсками! Отомщу-ка я [лулунскому *цзедуши*] Лю Жэнь-гуну за земли, где [его люди] пасли [скот, который] немного потоптал [посевы]![24]». На эти слова Тай-цзу Абаоцзи ответил: «Помогу», – и [они] побратались, обменявшись платьем и лошадьми[25]. 6

После этого Тай-цзу Абаоцзи выступил в поход против *Лю Жэнь-гуна****, захватил несколько областей (*чжоу*), взял в плен совершенно все их население и возвратился с войском [домой].

В 6-й год [эры правления] Тянь-фу (906 г.), во 2-й луне, Чжу Цюань-чжун, правитель города *Бяньчжоу*****, вручил людям письмо и отправил морским путем [к Тай-цзу Абаоцзи. Послы] поднесли Тай-цзу Абаоцзи шелк и деньги, жемчуг и [другие] хорошие вещи.

В 11-й луне Тай-цзу Абаоцзи отправил один отдельный отряд войска покарать все племена народа *си си* и непокорные владения народа *нюйчжи* северо-восточной окраины, и все [они] были склонены к покорности.

В 12-й луне старший дядя, хан [Циньдэ, известный также под именем] Хэндэцзинь, умер, после чего все амбани пожелали поставить [и объявить] ханом Тай-цзу Абаоцзи в соответствии со словами завещания. Когда амбани такого рода, как Хэлу и другие, уговаривали Тай-цзу Абаоцзи [стать ханом], то он, отказываясь, сказал: «В древности моему предку Яли все племя говорило: “Сядь ханом!”, – но предок отказался и не сел [на ханский трон]. К чему [бы это] – то, что вы теперь снова этак говорите?». Хэлу, выступив вперед, сказал: «Вот что говорят [по поводу того, что] в древности наш предок отказался: “Слов о том, чтобы сел ханом, не было оставлено”. Далее, необыкновенного положения планет и звезд[28] не было замечено. И только лишь один народ принуждал [его], говоря: “Сядь ханом!”. // Вот по этой причине и отказался. Ныне же есть завещание почившего хана. И то, что Небо и весь народ пекутся о тебе, говоря: “Пусть сядет [ханом]!”, – похоже на то, что соединились [по излому] половинки дощечки. Нельзя идти против [воли] Неба, отплатить неблагодарностью людям и поступать вопреки словам почившего хана!». Тай-цзу Абаоцзи сказал: «Пусть завещание и подлинно, но каким образом ты узнал о Божественном предопределении[29]?». Хэлу ответил: «Ходят слухи: твоей матери приснилось, что в [ее] чрево вошло Солнце, а когда рожала тебя, то в доме были волшебный свет и необыкновенный аромат. Божественное предопределение не [может быть] ложным, а [дарованные Небом] добродетели непременно [должны] соответствовать живущему [на Земле] человеку. Наш народ стал малочисленным и слабым и в течение долгого времени притесняется соседними народами. По этой причине и рожден совершенномудрый человек – тот, кто возвысит [наш народ]. Почивший хан понял Небесные знаки и потому оставил завещание. Возможно ли это, что в нашем народе нет человека, который бы мог взойти на престол?! Все – от мала до велика, от чиновника до простолюдина – вот что говорят о тебе: “Пусть взойдет на престол!”. Это и есть [воля] Неба. В минувшие времена твой старший дядя, [хан Циньдэ], записал[30] то, о чем часто говорил: “Я подобен змее, мой сын подобен дракону”. В этот [предопределенный] Небом срок [рожденный для великих] дел человек не может противиться [своему предназначению][31]». Но если и говорил [так], то Тай-цзу Абаоцзи не принимал [его] слова. Этой же ночью, уединившись с Хэлу, упрекал [его]: «Если все принуждают меня [стать ханом], то почему ты, хотя и точно знаешь о моем [не]желании, все более присоединяешься ко всем и говоришь это?». Хэлу // ответил: «В древности наш предок Яли отказался взойти на престол, хотя все и желали возвести и принуждали [его стать ханом. Яли] уступил [престол] Цзу-у[32], и [с тех пор] прошло десять с лишком поколений. Правители и амбани [этих прошлых поколений часто] сбивались с толку; [установленные между людьми] отношения нарушались; находясь в зависимости от других государств, народ изнемогал и разбегался [во все стороны]. Поистине [этот] день есть удобный случай для возвышения княжеской державы (престола). Прими 7 8

---

* *Хэй чэцзы шивэй* – это народ, искусный в изготовлении телег.

** *Чжуе Чжэнь-цзун*, прадед *Ли Кэ-юна*, приходил на свидания с танским ханом Сянь-цзуном. Его внук Чжуе Чи-синь заслужил награду, вследствие чего танский хан И-цзун принял [его] в фамилию Ли и дал имя Го-чан. Ли Кэ-юн – сын Ли Го-чана. Юньчжоу – это Датун[26].

*** *Лю Жэнь-гун* жил в Бэйцзине.

**** *Бяньчжоу* – это нынешний Бяньлян. Находится в Хэнани.

указ [почившего хана], повинуясь Небу и следуя желанию людей! Нельзя [более] противиться!». И только тогда Тай-цзу Абаоцзи принял [его] слова.

В 1-й год [эры правления] Тай-цзу (907 г.), в 1-й луне, в день белого тигра Тай-цзу Абаоцзи сказал чиновникам [о своем решении], приказал соорудить престол и взошел на ханский престол, доложив Небу [об этом] сожжением бумаги[33]. [Его] мать, урожденная Сяо, была объявлена *хуантайхоу* (вдовствующей императрицей). [Его] жена, урожденная Сяо, была объявлена *хуанхоу* (императрицей). *Цзайсян*[34] Севера Сяо Шала и *цзайсян* Юга Елюй Олисы вместе со всеми амбанями поднесли Тай-цзу Абаоцзи и объявили почетный титул «Небесный император». Его жене, урожденной Сяо, поднесли и объявили почетный титул «Земная императрица». [Тай-цзу] издал манифест, [по которому] ханские родственники и еще девять становищ (*татань*)[35] рода Яонянь были объявлены «десятью становищами».

Во 2-й луне хан Тай-цзу отправился в карательный поход против народа *хэй чэцзы шивэй* и покорил восемь племен.

Летом, в 4-й луне, Чжу Цюань-чжун, Лян-ван из государства Тан, убил своего повелителя – хана *Чжао*
9 *Сюаня**, сам стал ханом и дал своей династии название Лян. // [Чжу Цюань-чжун] отправил посла, пришедшего в государство Цидань сообщить хану Тай-цзу [об этих событиях].

Лю Шоу-гуан, сын Лю Жэнь-гуна, посадил в тюрьму своего отца и сам стал *цзедуши* в *Ючжоу* и округе Лулун. Вследствие этого его старший брат Лю Шоу-ци, *цыши* города *Пинчжоу*, взял несколько тысяч человек и пришел в государство Цидань для вступления в подданство, после чего был поселен в городе *Пинлучэн***.

Зимой, в 10-й луне, хан Тай-цзу покарал народ *хэй чэцзы шивэй* и снова многих взял в плен.

Во 2-й год [эры правления] Тай-цзу (908 г.), в 1-й день нового года, хан Тай-цзу появился в *ямыне*[36] и сидел [на троне], и все чиновники и послы всех государств били [перед ним] челом.

Хан Тай-цзу впервые [употребил] должность *тиинь*[37], назначил [на нее] своего младшего брата Сала и сказал: «Управляй делами ханского рода!».

В это время умер хэдунский [*цзедуши*] Ли Кэ-юн. [Его] сын Ли Цунь-сюй занял [его] должность. Хан Тай-цзу получил известие об этом и командировал посла для совершения поминок.

В 10-й луне построил городскую башню под названием *Минван*[*лоу*]*** и воздвиг длинную крепостную стену в порту Восточного моря.

В 3-й год [эры правления] Тай-цзу (909 г.), в 3-й луне, Лю Шоу-вэнь, *цзедуши* города *Цанчжоу*****, находясь в стесненном положении в войне со своим младшим братом Лю Шоу-гуаном, командировал человека в государство Цидань со словами: «Помогите войсками!». Когда [посол] пришел с [этой] просьбой, хан Тай-цзу дал войска своему младшему брату, отказавшемуся управлять племенем[38], и *илицзиню* Сяо Дилу и отправил на помощь.

10 [Эти] двое, // взяв войска, встретились с Лю Шоу-вэнем в голой травянистой обширной[39] местности, слились с [его] войсками, пришли в местность, где бесчинствовали и губили [население] войска[40] [Лю Шоу-гуана], и разбили их. Лю Шоу-гуан бежал.

В 4-й луне [хан Тай-цзу] вручил левому помощнику начальника государственной канцелярии Хань Чжи-гу[41] указ, [в котором] повелел воздвигнуть в большом светлом храме[42] города *Лунхуачжоу****** каменную триумфальную арку и нанести [на неё] памятную надпись о [своих] подвигах.

В 10-й луне отправил войско, названное *Инцзюнь*******, [которое] покарало народ *хэй чэцзы шивэй* и [многих] взяло в плен.

В 4-й год год [эры правления] Тай-цзу (910 г.), в 7-й луне, [хан Тай-цзу] назначил Сяо Дилу, старшего брата императрицы, *цзайсяном* Севера. С него и положил начало назначению *цзайсянами* [Севера] родственников императрицы.

5-й год [эры правления] Тай-цзу (911 г.). Западный народ *си си* захватил узкие проходы в горах. То приходил с изъявлением покорности, то снова отлагался от подданства, по поводу чего [хан] несколько раз посылал лю-

---

* *Чжао Сюань* – сын хана Чжао Цзуна. Правил в Бяньляне. Бяньлян – это нынешний Кайфынфу в губернии Хэнань. Затем перекочевал и жил в Лояне.

** *Ючжоу* – это Бэйцзин. *Пинчжоу* – это Юнпинфу в Бэйцзинской губернии. *Пинлучэн* находится в Юнпинской области.

*** Башня *Минван*[*лоу*] находится в Линьхуанфу.

**** *Цанчжоу* находится в Бэйцзинской области.

***** *Лунхуачжоу* находится в губернии, [подведомственной] Верхней столице.

****** Слова *ин цзюнь* означают: «армия орлов».

дей. [Послы], ведя переговоры, призывали к покорности, но [их] не слушали, поэтому хан Тай-цзу лично выступил в карательный поход [против этого народа]. Захватив западный народ си си, сразу же разделил войска и также покарал и успокоил восточный народ *си си*. После этого были захвачены все земли народов *си си*. В итоге в списки государства Цидань были внесены все пять народов, [земли которых простирались]: на востоке – до моря; на юге – до голых ровных[43] земель; на западе – до земель Сун и Мо[44]; на севере – до реки Хуаншуй. Располагаясь на отдых у реки Луаньхэ[45] , воины вырезáли на скалах надписи о [своих ратных] подвигах.

В 5-й луне // четверо младших ханских братьев – Лаго, Дела, Иньдиши и Аньдуань – замыслили поднять 11
мятеж, о чем хану донесла жена Аньдуаня. Так как [донос] оказался неложным, то хан, не потерпев, чтобы [братьев] убили, взял всех [своих] младших братьев, взобрался [с ними] на гору, зарезал жертвенное животное, заставил [братьев] дать клятву Небу и простил [им] их вину. Лаго назначил *илицзинем* в своем племени *дела*, жену Аньдуаня возвел в [княжеское] достоинство, и [ее] стали называть Цзиньго-фужэнь[46].

В 8-й луне Лю Шоу-гуан назвал [область] Ючжоу, где он жил, землями государства Янь. Лю Шоу-гуан командировал в государство Цидань своего человека по имени Хань Янь-хуэй [с просьбой о помощи]. Когда [тот] прибыл [и встретился] с ханом Тай-цзу, то хан разгневался из-за того, что Хань Янь-хуэй не преклонил колена [и не совершил земного поклона]. Не отослал [назад, велел] схватить и посадить. Когда вознамерился послать [его] пасти лошадей, то императрица, урожденная Шулюй, увещевая, сказала: «Тот человек хорош, который, соблюдая долг, не позволит людям унизить себя. Зачем позорить [его]? [Ему] нужно оказать уважение и дать назначение на службу». Из-за этих слов хан Тай-цзу призвал Хань Янь-хуэя, поговорив с ним, чрезвычайно восхитился и назначил на чиновничью [должность] *цзаньцзюньши** – [помогающего в войсковых делах][47].

Прошло много времени, и Хань Янь-хуэй, вспомнив о [своей] прежней стране, отправился в путь [с целью] возвращения в государство Тан. [Там он] стал враждовать с командующим Ван Цзянем, [поэтому], опасаясь его, сказал: «Навещу в городе Ючжоу отца и мать», – и пришел в дом [своего] старого друга Ван Дэ-мина. Ван Дэ-мин спросил: «Куда ты теперь идешь?». Хань Янь-хуэй ответил: «Я теперь иду в то же самое государство Цидань». // Ван Дэ-мин спросил: «Для чего ты идешь туда?». Хань Янь-хуэй, смеясь, ответил: «Когда киданьский хан Тай-цзу остался без меня, то как бы лишился двух своих рук. Когда узнает обо мне, то непременно обрадуется». 12

Однажды ночью хан Тай-цзу увидел во сне, что белый журавль вышел из его монгольской юрты, после чего снова вошел в нее. Когда рассвело, хан Тай-цзу сказал [своим] советникам: «Этой ночью во сне белый журавль вышел из моей монгольской юрты, после чего снова вошел в нее. Хань Янь-хуэй непременно придет обратно». И Хань Янь-хуэй вскоре пришел. Когда хан Тай-цзу спросил о причине [бегства и возвращения], Хань Янь-хуэй ответил: «Я, забывший отца и мать, – непочтителен к родителям. [Я], покинувший хана, [моего] повелителя, – [человек] без верности. Но, хотя я убежал [отсюда], я помнил о хане и пришел назад». Хан Тай-цзу очень обрадовался, пожаловал Хань Янь-хуэю имя *Селе***, назначил старшим ученым ямыня главных гражданских чиновников[48] и поручил управление всеми внутренними и внешними делами.

Хань Янь-хуэй, объясняя [все] хану Тай-цзу, положил начало строительству [внутренних и внешних] городских крепостных стен, установлению торгового промысла, разделению земель и поселил [в торговых местечках] покорившихся простых китайцев. Вследствие установления правил для бракосочетания, обучения земледелию и заботы о пропитании народа уменьшилось [число] беглецов и мятежников. Хан Тай-цзу, первым утверждая державу, построил всякие [т. е. внутренние и внешние] городские крепостные стены, // создал офи- 13
циальные учреждения[49], сделал правильными [отношения между] ханом и амбанем, утвердил почетный титул *Тай-цзу*, сделал ясными законы и [их] исполнение. И все это есть то, чему положил начало Хань Янь-хуэй.

В 6-й год [эры правления] Тай-цзу (912 г.), во 2-й луне, правитель владения У по фамилии Ли[50] поднес династии Цидань масло, называемое [по-китайски] *мэн-хо-ю* [«яростное огненное масло»]. Когда это [горящее] масло поливают водой, то пламя взвивается еще сильнее. Когда хан Тай-цзу отобрал 3 000 всадников, вознамерился взять [с собой] это масло и пойти для нападения на город Ючжоу, то императрица, урожденная Шулюй, увещевая, сказала: «Можно ли нападать на вражеское государство [только лишь] для испытания масла?!». Затем, указав на дерево перед монгольской юртой, спросила: «Если у этого дерева не было бы коры, то будет [оно] расти или нет?». Тай-цзу ответил: «Не будет расти». Императрица сказала: «[Вот и] народ [Ючжоу] будет жить в том случае, если будет иметь земли [вокруг] Ючжоу. Да, [эти земли] подобны коре дерева! Когда мы поставим [около города] 3 000 воинов, [которые] будут постоянно со всех четырех сторон опустошать [земли Ючжоу] грабежами, то не пройдет и нескольких лет, как народ Ючжоу дойдет до крайности [без средств су-

* *Цзаньцзюньши* – это чиновник, подчиненный *цыши*. На общем совете рассуждает о войсковых делах.

** Слова *се ле* на языке [государства] Да Ляо означают: «снова пришедший назад».

ществования] и покорится нам. Так зачем желаешь напасть [только лишь] для испытания этого масла?! А если, сверх ожидания, потерпишь поражение, то станешь посмешищем в Срединном государстве. А также наши люди упадут духом». И хан Тай-цзу последовал [ее] словам и успокоился.

В 4-й луне *Ю-гуй*, Ин-ван династии Лян, убил своего отца *Чжу-вэня** и сам взошел на престол.

14 Чжу-вэнь сидел на троне // 7 лет и умер в возрасте 61 года.

В 7-й луне хан Тай-цзу лично ходил в карательный поход против племен, которые жили, не обращая [на него] внимания[51], и покорил [их]. Отделив часть войск, передал [своему] младшему брату Лаго и отправил для захвата Пинчжоу.

В 10-й луне Лаго захватил город Пинчжоу, возвратился с войсками [домой] и снова поднял мятеж вместе с Дела, Иньдиши, Аньдуанем и другими. Когда хан Тай-цзу при возвращении [домой] пришел к северным, преграждающим путь горам[52], то услыхал, что все младшие братья подстерегают [его] на дороге. [Когда], взяв войска, отправился в путь и на следующий день подошел к реке Цидухэ, то все младшие братья и прочие отправили посла с признанием вины, поэтому хан Тай-цзу, слишком любя младших братьев, сказал: «Отселе впредь снова как можно лучше совершенствуйте себя!» – и отправил пришедшего посла с [этими] словами.

В тот год ходил войной в земли [государства] Лян и доставил в Силоу 50 захваченных буддийских монахов – таких, кто преподносит [подарки] и справляется [о здоровье][53], и других. Построив [для них] храм под названием Тяньсюнсы [«храм Небесных героев»], велел [им] совершать [в храме] жертвоприношения.

В 7-й год [эры правления] Тай-цзу (913 г.), в 1-й луне, [танский] Цзинь-ван Ли Цунь-сюй взял штурмом город Ючжоу и схватил Лю Шоу-гуана.

Когда воины-[гвардейцы хана] Тай-цзу поднимались [с мест проживания] и прибывали [к хану] для сопровождения [его] в пути[54], то младшие ханские братья – Лаго и другие – [также] приходили [к нему] с намерением сопровождать, поэтому хан Тайцзу надевал простое платье, садился на чубарого [т.е. с крапинками по светлой шерсти] коня, велел любившим министерские кабинеты глупым и жестоким родственникам[55] сопровождать командующего *Елюй Лао-гу*[56] и [сам даже] не привешивал на пояс оружие. Принимал [братьев, обязательно] поставив вокруг [себя] друзей. Хан Тай-цзу много раз спокойно говорил с Лаго и другими [братьями], поэтому [они] возвращались назад.

15 Во 2-й луне Цзюнь-ван династии Лян // [по имени] Ю-чжэнь убил своего старшего брата Ю-гуя и сам взошел на престол. Ю-гуй сидел на троне 1 год.

[Весной], в 3-й луне, хан Тай-цзу прибыл к реке, где [обычно] ловил [сетью рыбу] и долбил [лед][57], после чего [его] младший брат Дела испытал сильное желание стать ваном у народа *си си*. Вместе с Аньдуанем, взяв тысячу с лишком всадников, пришел и хотел хитростью получить согласие [хана на его назначение правителем народа *си си*]. Вследствие этого хан Тай-цзу, разгневавшись, сказал: «Когда вы прежде составляли заговор и поднимали мятеж, то вот что бывало: я великодушно прощал преступление и говорил [о нем лишь как] о вашем заблуждении: "Пусть переменятся и станут хорошими!". Если теперь снова такое, то во мне [уже] нет доброты». Сказав, тотчас же схватил [Дела и Аньдуаня], подчиненных им людей распределил между всеми войсками.

Лаго взял всех [своих] людей и пришел в места, [расположенные] вблизи одного племени *си*[58]. Когда хотел запастись употребляемыми государями знаменем и барабаном и сразу же стать ханом [у племен *си*], то [его мать] *хуантайхоу* тайно командировала к Лаго человека со словами: «Уходи прочь из этих мест!».

В то время [хан Тай-цзу], вопреки [всем] событиям [продолжая] терпеть порочных и жестоких людей[59] – [своих младших братьев, только лишь велел] распространять ложные слухи: «Пришел хан», – вследствие чего воины Лаго пришли в состояние страха и смятения и бросились бежать назад со всеми вещами, награбленными у живущего [в тех местах] населения. Хан Тай-цзу взял войска и пошел для преследования, после чего Лаго выделил войско для своего [брата]-сообщника Иньдиши и отправил в местожительство хана Тай-цзу. Когда Иньдиши с войском пришел туда, чтобы спалить все вещи хана Тай-цзу, палатки, монгольские войлочные кибитки и, поставив в строй, расстрелять [его] воинов, // то императрица отправила

16 амбаня для защиты родного села[60], и [Иньдиши] только лишь захватил знамя и барабан хана Тай-цзу. Сообщник Лаго, [т.е. Иньдиши], проникнув на родину[61], ворвался затем в *Силоу*** и спалил городскую башню Минван[лоу].

Когда хан Тай-цзу пришел к реке Тухэ и спокойно пребывал [там], чтобы накормить коней и дать отдых воинам, то все командующие пожелали поскорее броситься в погоню, но хан Тай-цзу сказал: «Пусть он идет дальше! Когда любой человек [в таких обстоятельствах] думает о родине, то [у него] наверняка разрывается

---

* *Чжу-вэнь* и *Ю-гуй* жили в Лояне. Лоян находится в Хэнани.

** *Силоу* находится в Линьхуанфу.

сердце. Позднее наши войска настигнут [его] и вступят в бой, и [тогда Лаго] непременно будет разбит». Захваченные прежде имущество и скот распределил между командирами и солдатами.

В 4-й луне хан Тай-цзу [прекратил] преследовать Лаго и направился к очень красивым местам[62], [где летом укрывался от жары и обсуждал государственные дела]. Для преследования Лаго отправил легкую кавалерию, [которая] гналась за Лаго до стремительной реки[63] и захватила всю тяжелую поклажу сообщников Лаго. Затем хан Тай-цзу распределил войска [для преследования Лаго] между пятью амбанями такого рода, как Дилигу и другие, которые взяли и повели [за собой войска][64]. Велел спрятать [часть войск] в засаде у южной дороги. Дилигу – *цзайсяна* Севера – назначил [командиром] авангарда. Когда [Дилигу] пошел вперед в наступление, то Лаго со своим войском тоже пошел навстречу, чтобы вступить в бой. [Дилигу] и легкие отряды [авангарда] подошли близко [к противнику], после чего не имевший государственной должности[65] младший брат Дилигу ринулся на боевые ряды Лаго и, стреляя из лука, за один прием сразил более десяти человек. Все воины Лаго, устрашившись, не шли вперед в атаку, [а лишь] отражали удары. После захода солнца все войско Лаго обратилось в паническое // бегство. Лаго, гоняясь, собрал [остатки] этого войска и, дойдя до реки Саньхэ, посадил в 17
повозки. Когда бежал, предав огню все палатки, монгольские юрты и всякие вещи, то Дилигу и другие, которые взяли и повели [за собой войска][66], враз вывели спрятанных в засаде воинов и атаковали [Лаго], в результате чего Лаго потерпел полное поражение и бежал, бросая в пути все: ими [т. е. ханскими братьями] захваченные знамя, [барабан], малые флажки и всякие вещи. Хан Тай-цзу велел подобрать все [эти] брошенные вещи, принес жертву перед [главным] знаменем, а захваченных людей, всех до одного, простил и отправил в их прежние местожительства.

Сообщник Лаго – человек, захвативший широкий государственный флаг [т. е. Иньдиши][67], – сам себя связал разорванной [одеждой][68] и пришел к хану Тай-цзу с признанием вины. *Цзайсян* Севера Динянь взял легкие отряды войск, первым переправился через реку Юйхэ и схватил любивших министерские обязанности[69] Лаго и Нелигуня. Хан Тай-цзу, получив известие об их поимке, зарезал черно-белого барана и принес [его] в жертву Небу. Лаго и Нелигунь, любившие министерские обязанности, перед встречей с ханом Тай-цзу сами себя связали [сплетенными] из травы веревками и, ведя за собой овцу, [подошли] и стали перед ним на колени. После встречи хан Тай-цзу взял войска и, возвращаясь назад, пришел к большому горному хребту.

[Следует сказать, что] в то время у крупных войск, задержавшихся во внешних [землях, кроме фуража] окончился и провиант, и воины убивали коней, собирали дикорастущую зелень и [этим] питались. Из скота, который шел [с ними], заграждая путь [и замедляя движение], семь-восемь голов из десяти падали. Долго шли, бросая [различное] имущество, одежду и даже оружие. Племенные рабы многое [тайком] сбрасывали в реки[70]. По этой причине // имя Лаго переменили на *Баоли**. 18

В 6-й луне [некий] тюремный чиновник задумал приносить пользу[71] и самовольно изготовил пыточные инструменты, чтобы пытать людей, и люди при таких пытках [могли бы] умереть, поэтому хан Тай-цзу, услышав [про то], убил [этого] задумавшего приносить пользу [чиновника]. Хан Тай-цзу, придя в места, в которых любил останавливаться и управлять [делами][72], застрелил из лука своего приемного сына за то, что вопреки правилам [нравственности][73] присоединился ко всем [ханским] младшим братьям и участвовал в мятеже. Для 6 000 его сообщников определял наказание, исходя из тяжести или легкости вины. *Илицзиню* Нелигуню на [том же] основании, что присоединился ко всем [ханским] младшим братьям и участвовал в мятеже, хан Тай-цзу велел покончить жизнь самоубийством, не потерпев, чтобы его убили острием меча.

В 8-й луне хан Тай-цзу отправился во дворец *Лунмэйгун*** и казнил через удавление пятью колесницами 29 мятежников. Их детей и жен пожаловал заслуженным амбаням. Приобретенные грабежом жемчуг и скот велел вернуть прежним владельцам. Велел уплатить за потерянные вещи, а людей, которые не могли возместить [потерю], записал в рабы и отдал [владельцам утерянных вещей]. После этого сказал всем амбаням: «Распоряжайтесь делами!» – и каждому поручил дело. Амбаня по имени Хань Чжи-гу назначил главным правителем дел. Амбаню по имени Цзилигу поручил поимку беглецов.

В 8-й год [эры правления] Тай-цзу (914 г.), в 1-й луне, люди, называемые [по-китайски] *тэ-ли-минь* – [«особо сильные и ловкие»], поймали и доставили 17 мятежников такого рода, как лавочники, охранники[74] и другие, после чего хан Тай-цзу лично обстоятельно допросил [их и выяснил, что среди них] много тех, кого втянули [в дело] его родственники, потому // последовавших [за мятежниками] по принуждению [только лишь] наказал 19
палками. Главаря-лавочника казнил, всех остальных освободил. Далее, расследовал дела людей такого рода, как [его] младший брат Лаго и другие, [и выяснил]: зачинщиком был Лаго, а Дела был следующим [по степени

---

* Слова *бао ли* на языке [государства] Да Ляо означают: «злой человек».

** Дворец *Лунмэйгун* находится в Верхней столице.

вины]. Но, думая: «[Ведь] младшие братья!», – не потерпел, чтобы [их] убили, обоих наказал палками и освободил. Назвав Иньдиши, Аньдуаня и других изначальными глупцами и изменниками под давлением Лаго, освободил всех [как] безвинных. Только [двух] домашних рабов[75] – отца и сына – и жену Лаго наказал смертью – удавлением веревкой. Хан Тай-цзу сказал людям левой и правой сторон: «Все мои младшие братья, хотя понимают и знают [все], постоянно проявляют себя среди людей коварными и порочными стремлениями, притворяются мудрыми и творят зло. [Даже] овраги можно засыпать землей, но нет меры для удовлетворения алчного, свирепого сердца. Когда же узнаю о небольшом проступке чужого человека, то присуждаю [его] к этому тяжкому, как гора Тайшань, наказанию [т. е. к смерти]. Я [сейчас] сам поступаю несправедливо: хотя и было [от братьев] великое зло, делаю [его] легким, как перо. [Они] дружат с ничтожными людьми, советуются с женами, взаимно помогают друг другу во зле, подобном [этому], и ведут государство к погибели. И хотя такого рода люди хотели бы избавиться от несчастья, смогут ли [они] избавиться [от него]?! Жена *цзайсяна* Севера Шилу встречала [меня у себя], появлялась [у меня], проводила время [со мной], заботилась[76] обо мне – навеки близком [для нее] человеке. [Но и она] внезапно, в один день, изменила мне. Хотя и участвовала в мятеже вместе с другими, я не подверг [ее] наказанию. То, что она умерла от болезни, – это казнь, [ниспосланная] Небом. Домашний раб, [которого казнил], с детства ел и спал в одном месте со мной, и [я] щедрее, сильнее, чем родс-
20 твенника, // любил [его]. И можно ли кормить [его сына], который, присоединившись к своему отцу и восстав против меня, поступил бесчестно?!».

В 7-й луне поймали триста с лишним мятежников, произвели следствие и всех казнили. Хан Тай-цзу, плача, сказал: «Я не имею желания казнить людей. Если бы только лишь одного меня заставили негодовать, то можно было бы отменить казни. [Мятежники], творя беззаконие, притесняя честных и добродетельных, превращая живой народ в пыль и уголь, насильно отнимали имущество. Прежде у народа было много лошадей. Ныне все ходят пешком. Со времени установления государства [*беспорядков*], подобных этому, не знали. [Я] казнил [их], находясь действительно в крайнем, отчаянном положении».

В 9-й год [эры правления] Тай-цзу (915 г.), в 1-й луне, отложились от подданства племена *уго*, поэтому хан Тай-цзу отправил войска покарать [их] и успокоить.

В 6-й луне *цзюньсяо* [*ши*] – чиновник[77] из города *Ючжоу**, уклонявшийся от наказания беглец[78], пришел с изъявлением покорности, приведя 3 000 мужчин и женщин – своих родственников и соплеменников. Хан Тай-цзу назначил [этого] уклонявшегося от наказания беглеца на должность *шан*[*шу*] *цзо пуе* – [левого старшего канцеляриста], пожаловал имя Уюй, а также передал [в его ве́дение] склады с зерном.

По прошествии нескольких дней уклонявшийся от наказания беглец снова бежал – к правителю города Ючжоу Чжоу Дэ-вэю, и тот принял [его], по поводу чего хан Тай-цзу командировал посла со словами: «Приведи уклонявшегося от наказания беглеца!», – но Чжоу Дэ-вэй дал злой ответ и не выдал [беглеца].

В 10-й луне хан Тай-цзу пошел на реку Ялуцзян ловить рыбу, после чего [корейское] государство Синьло //
21 предоставило дань. [Корейское] государство Солхо поднесло хорошие мечи.

В этом году хан Тай-цзу видел несколько раз духа по имени *Цзюнь-цзи-тай-и*** – [«Бойцовый петух, поднявший крылья»][79], поэтому [смог] при рисовании схватить образ, принимаемый этим духом.

Когда хан Тай-цзу жил в городе Лунхуачжоу, то *илицзинь* Елюй Хэлу вместе со всеми [военными и гражданскими] чиновниками три раза представлял доклад с пожеланием поднести хану Тай-цзу и объявить почетный титул, и только тогда хан Тай-цзу согласился с [этими] словами.

Все чиновники и люди из внешних изъявивших покорность государств соорудили престол [на холме, лежавшем] восточнее города Лунхуачжоу, и, объявив, поднесли хану Тай-цзу почетный титул «великий совершенномудрый, великий, прозорливый Небесный император». Императрице поднесли и объявили почетный титул «угодная Небу, великая, прозорливая Земная императрица». [Хан] помиловал всех преступников, изменил [наименование] эры правления и назвал год 1-м годом [эры правления] *Шэнь-цэ****[80] (916 г.).

Кроме того, когда при сооружении престола копали землю, то нашли золотой колокольчик, за что это место назвали «Холмом золотого колокольчика», а лес, растущий возле престола, – «Священной рощей».

В 3-й луне [хан] назначил *илицзиня* Хэлу на высшую должность – [на почетную] должность *юйюэ*. Всем чиновникам прибавил [в послужном списке] по одной отметке [о повышении] в степени и должности и наградил всех, принимая во внимание разряды [чинов]. Хан Тай-цзу назначил своего сына Туюя престолонаследником.

---

* *Ючжоу* – это Бэйцзин. Слова *цзюнь сяо* означают: «военный мелкий».

** *Цзюнь-цзи-тай-и* – это дух счастья.

*** Слово *шэнь* означает: «духи». Слово *цэ* означает: «замысел».

В 7-й луне хан Тай-цзу выступил в карательной поход против этих пяти народов: *туцзюэ*[81], *тухунь, дансян, шо фань* (*шу фань* «покорные варвары»?)[82] и *шато*[83], усмирил [их] всех // и захватил правителей [этих] народов. В этот раз приобрел 15 600 семей; 90 000 [штук] латов, шлемов, оружия; весьма много жемчуга, [всякого] имущества, верблюдов, лошадей, крупного рогатого скота и овец. 22

В 8-й луне хан Тай-цзу завоевал город *Чжочжоу* и захватил *цзедуши* Ли Сы-би[84]. Велел вытесать камень для памятника, вырезать [на нем надпись] с восхвалением своих подвигов и установить [памятник] южнее *Цинцзунской местности**.

В 11-й луне хан Тай-цзу завоевал города этих пяти [областей] – Юйчжоу, Синьчжоу, Учжоу, Вэйчжоу и Жучжоу** – и убил 14 000 человек.

Хан Тай-цзу пришел в местность, где [все войска] объединяются и откуда отправляются [в поход][85], перевалил через горы Иньшань и захватил совершенно все те [перечисленные] области. [Когда] хан Тай-цзу взял в осаду город Юйчжоу, то городская башня самопроизвольно, без причины, обрушилась, поэтому все войска хана Тай-цзу вели осаду менее часа и захватили [город].

Во 2-й год [эры правления] Шэнь-цэ (917 г.), во 2-й луне, Лу Вэнь-цзинь – командующий флангом из города Синьчжоу государства Цзинь – убил *цзедуши**** Ли Цунь-цзюя и пришел к хану Тай-цзу с изъявлением покорности, после чего хан Тай-цзу с войском отправился [в государство Цзинь]. Когда осадил город Синьчжоу, то *цыши* Ань Цзинь-цюань вышел [из города] и бежал. Хан Тай-цзу на должность *цыши* назначил подчиненного Лу Вэнь-цзиню командующего Лю Иня.

В 3-й луне, когда хан Тай-цзу выступил в поход против города Ючжоу, // то *цзедуши* Ючжоу [по имени] Чжоу Дэ-вэй взял войска пяти городов: своего и Бинчжоу, Чжэньчжоу, Динчжоу, Вэйчжоу****, – и пошел на запад от заставы Цзюйюнгуань навстречу [ему]. 23

Хан Тай-цзу встретился с войсками Чжоу Дэ-вэя восточнее города Синьчжоу, напал и нанес [им] полное поражение. Были убиты свыше 30 000 [человек]. Сына Ли Сы-би не захватили[87], но, правда, смогли убить.

В 4-й луне, [в начале лета], хан Тай-цзу осадил город Ючжоу, но не захватил [его]. Приметив внутри города марево, подобное [легкой] дымке от огня, хан Тай-цзу сказал: «Нельзя в настоящее время вести осаду города, погода [что-то уж] слишком жаркая», – и возвратился с войсками [домой]. Для наблюдения [за городом] оставил двух амбаней по именам Хэлу и Лугуэюн. Младший брат хана Тай-цзу Лаго и его сын, который находился [при отце и никогда его] не покидал[88], вместе совершили измену и вошли в город Ючжоу.

В 8-й луне [будущий] правитель [Поздней] династии Тан Ли Цунь-сюй дал войска людям, подобным своему [амбаню] Ли Сы-юаню, и отправил на помощь городу Ючжоу, поэтому войско Хэлу, будучи немногочисленным, возвратилось назад.

В 3-й год [эры правления] Шэнь-цэ (918 г.), во 2-й луне, государство Лян, государство Цзинь, народ *у-юэ*[89] (*у юэ* «пять» [южных племен] *юэ*»?), государство Бохай[90], государство Солхо, народ *хуй-гу* (*хуй-ху* «уйгуры»?), народ *цзубу*[91], народ *дансян*, [а также] люди областей Ючжоу, Чжэньчжоу, Динчжоу, Вэйчжоу и Лучжоу, все сами по себе, командировали послов, [которые] предоставили дань государству Цидань.

В 4-й луне младший брат хана Тай-цзу [по имени] Деле[гэ] // замыслил поднять мятеж, и хан Тай-цзу догадался об этом. Поэтому Деле[гэ], зная, что его преступление [заслуживает] смерти, заранее вырыл яму и спустился [в нее]. Все родственники по жене умоляли: «Прости Деле[гэ]!», – после чего хан Тай-цзу, издавна чувствующий отвращение к Нелигунь[92], жене своего младшего брата Иньдиши, сказал: «Если Нелигунь умрет вместо него, то я отменю [казнь]». Нелигунь из-за этих слов удавилась. [Вместе с нею] закопали живыми в землю ее раба [Ну]нюйгу и бунтовщика Хэлучжи[93]. И Деле[гэ] был прощен. 24

В 5-й луне хан Тай-цзу спросил своих советников: «По пришедшему из [глубокой] древности обычаю люди, получившие благословение Неба и [ставшие] ханами, служат Небу и почитают духов. В настоящее время я хочу приносить жертвы [духам] людей с большими заслугами и добродетелями. С кого начать? [Кто] лучший?». Все амбани сказали: «Начать с Будды, [он] лучший». Хан Тай-цзу возразил: «Сказанное Буддой – это не то, что изучается в Срединном государстве». Царевич Туюй сказал: «Конфуций и [его] великие добродетели считались [самыми] высокими в течение 10 000 поколений. С него и нужно начать». Хан Тай-цзу очень

---

* *Чжочжоу* находится в Датунской губернии. *Цинцзун* – это кладбище Ван Чжао-чжунь, которое находится за чертой Датуна. Ван Чжао-чжунь – это внучка в десятом колене ханьского хана Гао-цзу и жена Юань-ди.

** Все эти пять областей находятся в Датунской губернии.

****Цзедуши* – это военный чиновник, который приравнивается к главным военным чинам[86].

**** Все эти пять областей (*чжоу*) подведомственны Бэйцзину.

обрадовался и сразу же велел построить храм [в честь] Конфуция. Велел царевичу приносить [в нем] жертвы [дважды в год]: весной и осенью.

В 7-й луне, когда тяжело заболел *юйюэ* Хэлу, хан Тай-цзу пошел навестить [его] и спросил: «Не скажешь ли о своих думах?!». Хэлу сказал: «Будучи совершенномудрым, великодушным и человеколюбивым, хан угадывал желания всех простых людей и все прочее, // и ханский престол вознесся вверх. Я встретился [в жизни] с ханской любовью, [поэтому], пусть и умру, обиды не имею. Только вот еще не решено задуманное нами дело о разделении племени *дела*. Как же быть? Спешно приведи [этот замысел] в исполнение!». Сказал и сразу же умер. [Ему] было 47 лет. Хан Тай-цзу, плача, сказал: «Как жаль амбаня! Если бы [он] прожил [хотя бы] один нынешний год, [а не] четыре или пять, [то и тогда] мои дела восторжествовали бы». Чрезвычайно скорбя, три дня не появлялся в ямыне. Со всем уважением совершил поминки на могиле Хэлу. Хан Тай-цзу о Хэлу, [который был одним] из 21 заслуженного амбаня, думал как о сердцевине своего сердца[94]. Сердце же Хэлу [было] искренним и верным. Когда в малолетнем возрасте играл вместе с ханом Тай-цзу, то [их] старшие дяди-однофамильцы, изумляясь, говорили: «Если [кто] и возвысит наш дом, то наверняка эти двое мальчиков». [Некогда] хан Тай-цзу обменялся с Хэлу платьем, которое носили, и конями, на которых ездили. Зная о способностях Хэлу, поручал ему государственные и военные дела.

В 12-й луне умер Сяо Дилу, *цзайсян* северного ямыня. У Сяо Дилу [были] великодушное сердце и непомерно [большая] в сравнении с [другими] людьми [физическая] сила. Обучал военному делу. [Был] старательным и дальновидным амбанем. Когда узнавал о местонахождении врага, сразу же вступал в бой, на стрелы и камни не обращал внимание. В сражениях непременно одерживал победу и только после нее возвращался [домой]. И потому хан Тай-цзу о Сяо Дилу, [который был одним из] его заслуженных амбаней, думал как о руках и ногах.

Хан Тай-цзу назначил *илицзинем* // в своем племени *дела* содержавшего в себе [внутреннюю] силу и воодушевлявшего [его][95] младшего брата *юйюэ* Хэлу. *Цзайсяном* Севера назначил молодого, но любившего государственные должности[96] однофамильного родственника Сяо Дилу.

В 4-й год [эры правления] Шэнь-цэ (919 г.), во 2-й луне велел восстановить старую ляоянскую городскую крепостную стену, поселил [в старом городе] простых людей из Китая и семьи из государства Бохай, заменил название [области, где находился город] Ляоян, на Дунпинцзюнь и назначил [туда] чиновника, [ведающего] обороной[97].

В 9-й луне хан Тай-цзу выступил в карательный поход против государства Уго[98].

В 10-й луне подошел к границе государства Уго, но подул сильный ветер и пошел снег[99]. Когда войска [уже] не смогли идти вперед, хан Тай-цзу обратился к Небу с молитвою, вследствие чего сразу же прояснилось. Данные престолонаследнику передовые войска первыми вошли внутрь [государства] и в сражениях нанесли поражение государству Уго. Были захвачены 14 200 пленных и более 200 000 лошадей, [голов] крупного рогатого скота, повозок, палаток, монгольских войлочных кибиток, оружия и доспехов. После этого все люди государства Уго пришли с изъявлением покорности.

В 5-й год [эры правления] Шэнь-цэ (920 г.), в 1-й луне, хан Тай-цзу положил начало изобретению киданьского письма и объявил [об этом] народу.

В 5-й луне, в день белого тигра, хан Тай-цзу увидел в горах Елашань дракона, который поднялся [в воздух] и преследовал [хана][100], и убил его выстрелом из лука. Кости дракона поместил в [придворную] кладовую. У этого дракона был один рог, длинный хвост и короткие ноги. Длина тела – 5 *чи*, длина языка – 2,5 *чи*.

В 10-й луне престолонаследник Туюй принял войска и отправился в поход. Когда взял в осаду город [округа] Тяньдэ, то *цзедуши* Цзун Яо покорился [ему]. Престолонаследник Туюй пожаловал Цзун Яо лук и стрелы, коня и седло, // знамя и барабан. Когда престолонаследник возвратился с войсками [домой], то услышал, что Язун Яо затем изменил, поэтому престолонаследник пришел снова, во второй раз, и завоевал город. Самого Цзун Яо и всех [его] домочадцев взял [в плен], его народ переселил на юг от гор Иньшань и в 12-й луне вернулся с войсками [домой].

6-й год [эры правления] Шэнь-цэ (921 г.). Когда хан Тай-цзу [собирался на должность] *цзяйсяна* [одного из] южных ямыней назначить амбаня по имени Цзилигу, то многие люди из [этого] ямыня стали просить хана: «Выбери одного из [лучших] ханских однофамильных родственников и назначь в наш ямынь!». После чего хан Тай-цзу сказал: «Нельзя в один миг изменить в древности установившийся обычай». Но люди из ямыня все-таки, не переставая, упрашивали, поэтому хан Тай-цзу сообщил [об этом духам] в храме предков и назначил *цзайсяном* Юга своего младшего брата [Елюй] Су. С него хан Тай-цзу и положил начало назначению *цзайсянами* Юга своих однофамильных родственников.

В 5-й луне хан Тай-цзу выпустил указ, [в котором] утвердил уголовные законы и разряды чинов. Хан Тай-цзу велел нарисовать [общий портрет] преданных амбаней прошлых поколений и назвал его «картиной, поощ-

ряющей к увещеванию». Назначил чиновников и велел в первые четыре месяца исследовать фактическое положение (букв. «горе и наслаждение») народа.

В 10-й луне [ведающий] обороной чиновник Ван Юй из цзиньского города Синьчжоу взял подчиненную ему северную горную конницу и пришел к хану Тай-цзу с изъявлением покорности. Хан Тай-цзу взял крупные войска и через заставу Цзюйюнгуань вошел [в земли неприятеля]. В 11-й луне взял штурмом проход Губэйкоу, распустил войска для грабежа, захватил города Таньчжоу, Сюньчжоу, Аньюань, Саньхэ, Лянсян, Ванду, Лучжоу, Маньчэн, Суйчэн* – всего более десяти городов. Захваченный народ переселил в [свои] внутренние // земли. 28

В 12-й луне Ван Юй взял своих людей и пришел к хану Тай-цзу для поклонения и встречи, после чего хан Тай-цзу усыновил Ван Юя, щедро наградил, а его людей переселил на юг от реки Хуаншуй.

[Любой] амбань хана Тай-цзу, несущий [на своих плечах] какую-нибудь [официальную] должность, часто появлялся[101] [во вражеских землях] и брал штурмом города.

Далее, когда хан Тай-цзу взял в осаду город Чжочжоу, [увидели, как] белый заяц, перебираясь с камня на камень, взобрался на верх [стены. Приняв это за добрый знак], в тот же день осадил и разрушил частокол и городскую стену, после чего *цыши* Ли Сы-би вместе с жителями города сдался хану Тай-цзу.

Танский Ли Цунь-сюй пришел в город Динчжоу. Когда забрал войска и отправлялся [в поход], то его амбань Ван Ду [с войсками] пришел [к нему] для объединения. Ли Цюнь-сюй взял [объединенные] войска, пришел к городу Ванду и натолкнулся на 5 000 всадников амбаня хана Тай-цзу по имени Тулэй, [которые] окружили [танские] войска. Несколько раз, напрягая силы, вступали в схватку, но выйти [из окружения] не смогли. В этот промежуток времени на помощь пришел Ли Сы-чжао с тремя сотнями всадников, поэтому конница Тулэя немного отошла назад, и Ли Цунь-сюй вышел [из окружения], после чего снова и снова вступал в многочисленные схватки с киданьскими войсками. Киданьские войска были разбиты и повернули назад. Ли Цунь-сюй пришел в город Ючжоу и отправил две сотни [?!] всадников для преследования войск хана Тай-цзу, но ханские войска, наоборот, напали на них, многих взяли живыми в плен и пришли в Таньчжоу. Войска [Ли Цунь-сюя] вышли из Ючжоу и пришли для сражения, снова одержали победу и захватили одного [киданьского] командующего.

Хан Тай-цзу издан указ, [по которому] жители Таньчжоу и Шуньчжоу были переселены в *Синьчжоу Дунпинской губернии***.

Хан Тай-цзу, изменив наименование эры правления Шэнь-цэ, назвал год // 1-м годом [эры правления] *Тянь-цзань**** (922 г.). 29

Выпустил манифест, [по которому] были помилованы все преступники, кроме преступников, [заслуживающих] смертной казни.

В 4-й луне хан Тай-цзу осадил город Цзичжоу, на 5-й день захватил [его] и схватил *цыши* Ху Цюна. Лугуэюну и Нелугу поручил успокоить войска и народ. Солдат удостоил угощения. Когда танский Ли Цунь-сюй окружил город Чжэньчжоу, то *цзедуши* Ян Вэнь-ли командировал посла к хану Тай-цзу с просьбой о помощи, поэтому хан Тай-цзу отправил *ланцзюня* Кан Му-хэна, [который] разбил войска Ли Цунь-сюя и убил его командующего Ли Сы-чжао.

В 6-й луне отправил легкие отряды войск покарать все юго-западные племена. Приобретенными [в походе] вещами оказал вспомоществование бедным людям.

Хан Тай-цзу разделил свое племя *дела* двумя [линиями] министерств. *Илицзинем* северных министерств назначил Сенечи, *илицзинем* южных министерств назначил Гуаньсы.

В 11-й луне хан Тай-цзу назначил великим главнокомандующим войск Поднебесной своего второго сына Яогу.

Во 2-й год [эры правления] Тянь-цзань (923 г.), в 1-й луне великий главнокомандующий Яогу завоевал город Пинчжоу, схватил *цыши* Чжао Сы-яня и подчиненного [ему] командующего Чжан Цзуна.

Во 2-й луне хан Тай-цзу отправился в город Пинчжоу, переименовал [область] Пинчжоу в округ Лулун и назначил [в него] *цзедуши*.

В 4-й луне хан Тай-цзу вручил войска своему сыну Яогу и отправил в поход против области Ючжоу. Яогу, взяв войска, пошел [в земли, находившиеся] восточнее города Ючжоу. Когда стал лагерем, // то [живущий] в 30
городе Ючжоу *цзедуши* Фу Цунь-синь вывел свои войска и пришел сражаться. Яогу нанес поражение войскам Ючжоу и захватил их командующих – отца и сына, [у которых были непреклонные] упрямые сердца[102]. Взяв в

* Все эти [города] подведомственны Бэйцзину.

** *Дунпин* – это Ляодунская губерния. Синьчжоу – это Синьян.

*** Слова *тянь цзань* означают: «покровительствуемый Небом»

плен их воинов, пришел в область Чжэньчжоу. Далее, завоевал два города – Цюйян и Бэйпин – и возвратился с войсками назад.

В [этой же] 4-й луне танский Ли Цунь-сюй взошел на ханский престол в городе Бяньлян и дал [своей] династии название [Да] Тан – [Великая Тан].

В 10-й луне государство Тан воевало с государством Лян. [Когда] Ю-чжэнь, правитель государства Лян, был взят в тиски танскими войсками, то амбань по имени Хуан Фу-линь убил своего повелителя Ю-чжэня, а затем и сам умер, последовав [за ним в могилу]. Ю-чжэнь сидел на троне 13 лет. Был в возрасте 36 лет. После него династия Лян совершенно окончила [свое] существование.

В 3-й год [эры правления] Тянь-цзань (924 г.), в 5-й луне, *бохайцы* убили Чжан Шоу-си – *цыши* хана Тай-цзу, а народ той стороны увели [с собой].

В 6-й луне хан Тай-цзу призвал императрицу, престолонаследника, великого главнокомандующего, двух *цзяйсянов*, вождей всех племен и сказал:

«Высочайшее Небо дарует жизнь [правителям] с пожеланием: "Пусть они управляют народом и оказывают милости всем!". Совершенномудрого правителя, премудрого вана встречают однажды в 10 000 лет. Я, следуя повелению Высочайшего Неба, беру подчиненных [мне] людей и постоянно хожу в военные походы, да и во всем прочем согласуюсь с волей Неба. И потому замыслы [Неба] становятся [моими] собственными желаниями, а то, что определяю или отменяю [наказания], – это как бы дýхи повелевают [мне] приводить в исполнение уголовные законы государства, поэтому сердца людей чрезвычайно послушны [мне]. Исправляю строптивых
31 и злых, поэтому дальние и близкие стали покорными. Об этом можно сказать: охватил Великое море // и установил [священную] гору Тайшань. Вот о чем наши старания: о том, чтобы стать отцом и матерью для всех народов. Правила и законы давно уже установлены. О чем беспокоиться людям, следующим после [нас]?! Для возвышений и падений существуют [определенные Небом] сроки. Прийти и уйти – в моей воле. Хороший план, мудрое обязательство приходили [на ум] человеку и сами по себе, и [по воле] Неба. Разве нет у ванов разных государств похожего на это? На третий год, [считая] от нынешнего, в год красной собаки, в 1-й осенний месяц, [т.е. в 7-й месяц года], я непременно отойду. Только два дела еще не завершены. Разве можно оставить на полпути задуманное мною? День и месяц [определенного срока] недалеки. Хочу поспешить!».

Все те, кто услышал эти слова, очень испугались и не поняли смысла [сказанного] ханом Тай-цзу. После сего хан Тай-цзу в тот же день немедленно поднял войска, сказав: «Покараю *тухунь, дансян, цзубу* – эти и прочие племена». Взял [с собой] великого главнокомандующего Яогу и отправился с войсками в поход. Престолонаследника Туюя оставил в государстве.

В 7-й луне глупые и жестокие[103] [младшие братья хана] и прочие амбани брали в кольцо[104], штурмовали горы и победили горные восточные племена. Хан Тай-цзу отправил *цзайсяна* Юга Елюй Су и *илицзиня* южных министерств Дели покарать племена *цзубу*. Елюй Су и Дели ограбили юго-западные племена *цзубу* и с трофеями пришли [домой].

В той же луне хан Тай-цзу захватил многие горные племена *хумусы* (*хумуссю, хумус*?)[105]. Захватив [все их] средства и остановившись в горах[106], хан Тай-цзу отправил войска с приказом переправиться через реку Люйцзюйхэ. И [войска] легко взяли штурмом город с глинобитными стенами[107] и захватили все племена, [жившие] западнее того города.

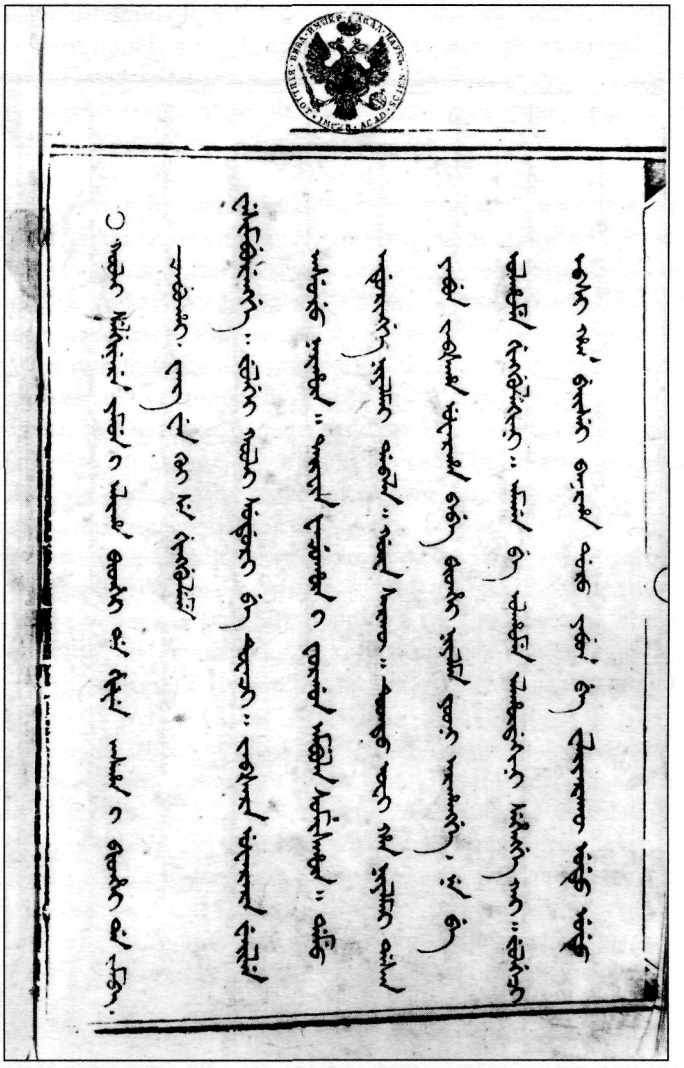
32 // В 4-й год [эры правления] Тянь-цзянь (925 г.), в 4-й луне, сражался с южными малочисленными варварскими народами[108] и захватил [их] все. Когда с войсками возвращался [домой], то императрица и престолонаследник [согласно] различным ритуалам[109] пришли к реке встретить [его].

В 12-й луне хан Тай-цзу обратился ко всем: «Из двух объявленных мною дел одно привел в исполнение. Только еще не отомстил государству Бохай за вражду, [передаваемую] из поколения в поколение. Разве может [вражда] существовать впустую?». И тотчас же [решил] выступить с войсками в поход против Да Инь-чжуаня[110] – правителя государства Бохай, взяв [с собой] императрицу, престолонаследника и великого главнокомандующего Яогу.

В 12-й прибавочной луне, [т. е. в 13-й луне високосного года], в день черного тигра, убил в горах Ушань серого быка и белую лошадь и принес [их] в жертву [духам Неба и Земли]. После этого поднял войска, направился к горному хребту[111], достиг перевала и в ту же ночь осадил бохайский город *Фуюйчэн**.

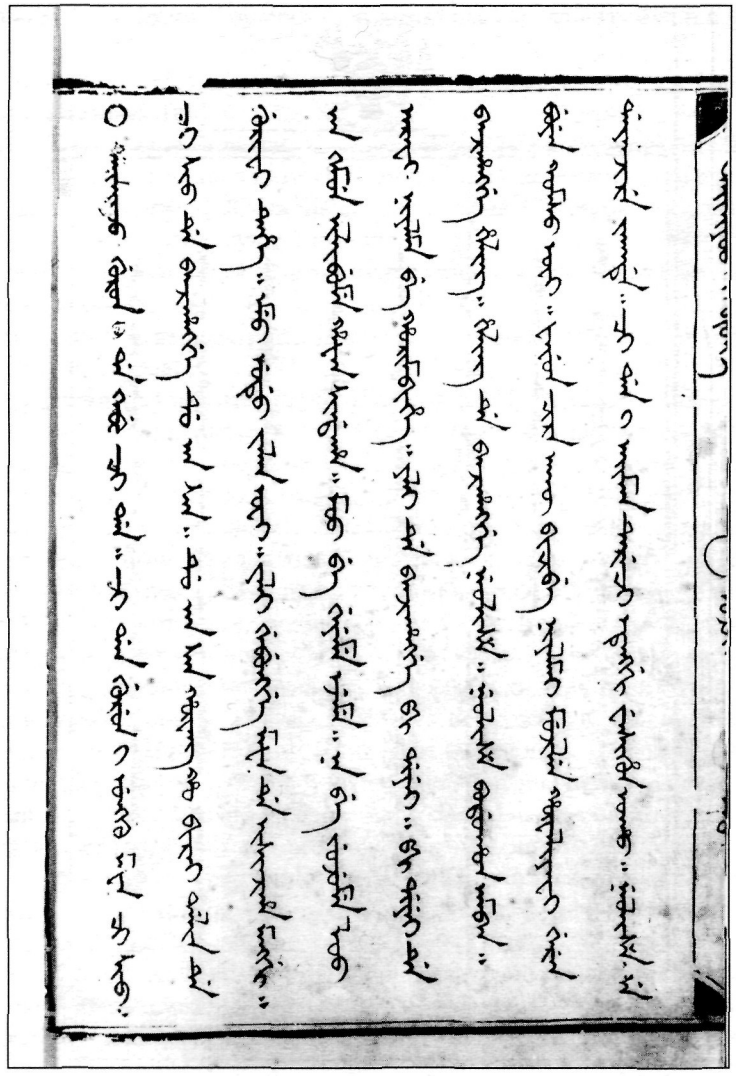
В 5-й год [эры правления] Тянь-цзань (926 г.), в 1-й луне, войска хана Тай-цзу завоевали город Фуюйчэн. Командующий, оборонявший город, был убит. Когда хан Тай-цзу пожелал пересчитать семьи и души города Фуюйчэн, то престолонаследник Туюй, отговаривая, сказал: «Если ныне, только что захватив эту область, сра-

* *Фуюйчэн* – это Кайюань.

Начало первого доклада, поданного трону.

зу произвести исследование, то в народе будет неспокойно. Когда мы с силами победителей отправимся и нападем на город Хуханьчэн, то непременно захватим [его]». И хан Тай-цзу принял [его] слова. Назначил в авангард *тиинь* Аньдуаня, *цзайсянов* Юга и Севера и прочих [амбаней], любивших государственные должности[112], [которые] взяли 10 000 всадников и пошли вперед. Натолкнувшись в пути на войска [одного] бохайского старого министра[113], вступили в сражение и одержали победу. Престолонаследник, великий главнокомандующий Яогу, *цзайсян* Юга Елюй Су, *илицзинь* северных министерство Сенечи и *илицзинь* южных министерств Дели той же // ночью взяли в осаду город Хуханьчэн, поэтому Да Инь-чжуань [написал] челобитную с изъявлением 33
покорности и просил [прощения]. После этого войска хана Тай-цзу остановились для отдыха южнее города Хуханьчэн. Да Инь-чжуань облачился в простое платье, сам себя связал [сплетенной] из травы веревкой, взял более трехсот чиновников, вышел, ведя за собой овцу, и сдался. Хан Тай-цзу, в дополнение [к этому обряду], оказал [ему] вежливость: освободил от пут. Издал указ для установления спокойствия в бохайских округах (*цзюнь*)[114] и уездах (*сянь*). Хан Тай-цзу отправил [в Хуханьчэн] 13 человек такого рода, как его личный близкий прислужник, который [в детстве] носил [его на плечах], вытирал [слезы] и нес [за него] ответственность[115]. Когда [они] вошли в город и стали принимать оружие, то их всех убили городские дозорные. Затем Да Инь-чжуань изменил, поэтому войска хана Тай-цзу осадили город. Во время осады амбань по имени Тулюйбу[116] первым взбирался на крепостную стену. Город был взят, и хан Тай-цзу вошел в него. Да Инь-чжуань упал на

Первая страница летописи "Дайляо гуруни судури".

колени перед [сидящим] на коне ханом Тай-цзу и признал вину. Хан Тай-цзу выслал из города самого Да Иньчжуаня и [его] родственников. Принеся в жертву [белую лошадь и серого быка], доложил [о победе духам] Неба и Земли и возвратился в военный лагерь.

Во 2-й луне *цзедуши* бохайских учрежденных у берега бескрайнего Южного моря областей[117] собрались вместе и пришли для челобитья, после чего хан Тай-цзу щедро одарил [их] и отправил назад. Хан Тай-цзу захваченными домашней утварью, шелком и деньгами наградил всех командиров и солдат. Изменив наименование эры правления Тянь-цзань, назвал год 1-м годом [эры правления] *Тянь-сянь** (926 г.).

Помиловал всех преступников и отправил посла в государство Тан для сообщения: «Установил спокойствие в государстве Бохай». С того [времени] государство Бохай совершенно окончило [свое] существование. Затем хан Тай-цзу пришел в город Хуханьчэн, // вскрыл богатство [дворцовой] кладовой и наградил [им] амбаней, принимая во внимание официальное звание. Переименовал [государство] Бохай в [государство] Дундань, город Хуханьчэн переименовал в Тяньфучэн. Престолонаследника Туюя объявил Жэньхуан-ваном и приказал управлять государством Бохай. Пожаловал [сыну] ханское платье и шапку и установил эру [его] правления Гань-лу. Младший брат хана Тай-цзу Дела был назначен великим левым *цзайсяном*, бохайский старый министр[118] – великим правым *цзайсяном*, бохайский старший [по возрасту] родоначальник[119] – помощником лево-

* Слова *тянь сянь* означают: «Небом обнаруженный».

го *цзайсяна*, Елюй Юй-цзы– помощником правого *цзайсяна*. Назначил всех чиновников на должности и, следуя китайским уголовным законам, простил все преступления, кроме преступлений, [заслуживающих] смертной казни в этой стране. Назначил ежегодно взимаемую дань в 150 000 [кусков тонкого и грубого] полотна и 1 000 лошадей. Хан Тай-цзу сказал [своему] сыну Жэньхуан-вану: «Эта страна близка к морю, не является страной, в которой можно находиться долгое время. Покидая тебя, повелеваю управлять, показывая моему народу милостивое расположение».

В этой же луне хану Тай-цзу предоставили дань государство Солхо и мохэские племена *вэймо* и *тели*[120].

В 3-й луне восстали люди [бохайских] учрежденных у берега бескрайнего [Южного моря] областей[121], поэтому хан Тай-цзу отправил Аньдуаня покарать и успокоить [эти] области. Аньдуань доставил к хану Тай-цзу захваченных им людей, после чего хан казнил двух главарей из прибрежных [бохайских] областей[122]. Хан угощал обедами дунданьских чиновников, награждал и одинаково, и принимая во внимание ступени [чинов]. Забрав [с собой] всех родственников Да Инь-чжуаня, отправился с войсками в обратный путь. Когда Жэньхуан-ван вместе со всеми дунданьскими чиновниками провожал хана Тай-цзу, тот // сказал ему: «Если восточными 35
землями будешь управлять ты, то о чем мне беспокоиться?». И Жэньхуан-ван, плача, остался [в этой стране].

В той же луне поднял мятеж Ли Сы-юань – приемный сын Ли Кэ-юна. Амбань по имени Гао Сунь-цянь убил своего [господина] Ли Цунь-сюя – правителя государства Тан, а на престол возвел Ли Сы-юаня. Ли Цунь-сюй сидел на троне 3 года. Был в возрасте 35 лет.

В 5-й луне снова восстали люди бохайских учрежденных у Южного моря областей[123], поэтому великий главнокомандующий Яогу покарал и успокоил [их].

Хан Тай-цзу, возвращаясь с войсками [домой], пришел в город Синьчжоу, после чего династия Тан командировала человека по имени Яо Кунь, прибывшего к хану Тай-цзу с сообщением о трауре.

В 7-й луне поднял мятеж *цыши* города Течжоу [по имени] Вэй Цзюнь, и великий главнокомандующий Яогу взял штурмом город Течжоу.

Хан Тай-цзу прежде, [в 1-й луне], велел препроводить Да Инь-чжуаня под военной охраной на запад от города, где он жил. [Там] построили город и поселили [его в нем]. [Хан] пожаловал Да Инь-чжуаню титул *Улугу* (*Улюго* – «не сохранивший государство»?), [его] жене – титул *Алицзи* (*Айличжи* «любившая управлять»?)[124].

Хан Тай-цзу пришел к городу [области] Фуюйфу и тяжко заболел. В тот вечер перед [его] монгольской юртой упала большая звезда. В день беловатой змеи над кремлем города [области] Фуюйфу увидели желтого дракона. Длина того дракона была в пределах одной *ли*. Его свет озарял лица людей и все прочее. Тот дракон вошел в [походный] дворец хана Тай-цзу. Затем красновато-темные пары [вырвались из походного дворца], заволокли [все] небо и исчезли [только] на следующий день. Хан Тай-цзу умер в этот же день [беловатой змеи]. На троне сидел 20 лет. Был в возрасте 55 лет. [Смерть наступила] в соответствии со сказанным ранее ханом Тай-цзу, [т.е.] не противоречила словам: «Отойду в год красной собаки, в 1-й осенний месяц». Императрица приняла на себя управление и стала решать // государственные дела. 36

В 8-й луне великий главнокомандующий Яогу карал и усмирял разные областные города. Услыхав о смерти хана Тай-цзу, поспешил прийти. Царевич Жэньхуан-ван, услыхав [об этом], тоже пришел. Взяв гроб с [телом] хана, пришли в Императорскую столицу[125] и поставили [гроб] в северо-западном углу кремля. Хану Тай-цзу посмертно [поднесли и] объявили почетный титул «император *Син-тянь*»* и храмовый титул Тай-цзу.

В 11-й луне *илицзинь* южных министерств Елюй Дели сказал: «[Есть] закон, по которому на ханский престол возводят старшего сына. Ныне прибыл ван государства *Дундань***. Его нужно возвести на престол». Эти слова разгневали императрицу, и [она] заключила [его] в тюрьму, сказав: «В заговоре с ваном государства Дундань». При допросах под пытками показаний не получила. Казнила [Елюй Дели], дом его конфисковала.

Во 2-й год [эры правления] Тянь-сянь (927 г.), в 8-й луне, когда останки хана Тай-цзу, утвердив [постановлением], хоронили на Хребте предков[126], то императрица хотела последовать [за ханом в могилу] и умереть, но ее родственники и все чиновники отговорили [ее], поэтому она отрубила свою правую [кисть] руки и положила в гроб. Построив [областной] город [Цзучжоу], велела *цзудуши* охранять [его].

Хан Тай-цзу умер между двух рек юго-восточнее города Фуюйчэн. Впоследствии [там] был построен ямынь под названием *Синтяньдянь* – [«зал вознесшегося на Небо»]. Город Фуюйчэн был переименован в *Хуанлунфу****.

---

* Слова *син тянь* означают: «вознесшийся на Небо».

** Ван государства Дундань – это Жэньхуан-ван.

*** *Хуанлунфу* – это Кайюань.

ТЕТРАДЬ II

Имя хана Тай-цзуна династии Цидань – Дэ-гуан. В детстве звали Яогу[127]. [Был] вторым сыном хана Тай-цзу Абаоцзи.

Во 2-й год [эры правления] Тянь-фу (902 г.), [установленной] династией Тан, когда мать – императрица Чунь-цинь[128], урожденная Сяо, – рожала Тай-цзуна Яогу, то в доме был волшебный свет. В то время охотники поймали и поднесли [хану] белого оленя и белого ястреба, что чрезвычайно изумило людей. Когда хан Тай-цзун пришел в совершенный возраст, то сердце [его стало] степенным, великодушным и милостивым. Внес многие усовершенствования в военную систему государства.

Зимой, в 11-й луне [927 г.], Жэньхуан-ван Туюй, зная желание [своей] матери-хуантайхоу, взял всех чиновников и сказал ей: «Великий главнокомандующий Яогу прославил [свой] официальный титул[129] и надзирает над внутренними и внешними [владениями. Он] должен унаследовать престол», – после чего тайхоу приняла [его] слова и в тот же день, не медля, возвела великого главнокомандующего Яогу на ханский престол. Когда хан Тай-цзун появился и сел в ямыне Сюаньчжэндянь – [«зал для объявлений и управления»], – то все амбани поднесли хану и объявили почетный титул «следующий совершенномудрый император». Хан помиловал всех преступников, но не принял слова всех амбаней, пожелавших изменить [наименование] эры правления[130].

В 12-й луне, в день белого дракона, бабушке [хана], вдовствующей императрице, был поднесен [почетный титул] «великая вдовствующая императрица». Матери, императрице, был поднесен [почетный титул] «вдовствующая императрица *Ин-тянь**». Жена, урожденная Сяо, была объявлена императрицей[131].

В 3-й год [эры правления] Тянь-сянь (928 г.), в 3-й луне, танский *цзедуши* Ван Ду командировал посла со
2 словами: «Взяв народ города Динчжоу, приду в государство Цидань». Его повелитель, // танский хан Мин-цзун, услыхав про то, велел войскам выйти и сразиться с Ван Ду. Поэтому Ван Ду командировал посла просить войска у государства Цидань, после чего хан Тай-цзун дал войска двум амбаням по именам Тела и Сидули и отправил на помощь Ван Ду. Тела и Сидули взяли войска и отправились [на помощь]. Напав на войска танского командующего Ван Янь-цю в области города Динчжоу, одержали победу. Но танские войска пришли снова, увеличившись [в силе], поэтому Тела командировал посла, пришедшего со словами: «Еще увеличь войска!», – после чего хан Тай-цзун отправил [на помощь] *тиинь* Нелигуня и *дутуна* Сала.

В 6-й луне хан Тай-цзун совершил церемонию *сэсэ*[132]. [Это] киданьский[133] обряд.

Когда бывает засуха, то для [вознесения] молитвы о [ниспослании] дождя сооружают навес: ставят сто деревянных столбов и делают накат из досок. Выбирают счастливый день, и хан идет и приносит жертвы изображениям покойных ханов. По окончании жертвоприношения хан два раза стреляет из лука в иву, [а затем в нее] стреляют [один раз] по очереди все ваны и *цзайсяны*. Попавшим выстрелом в цель выдают [в качестве залога] платье и шапки осматривающих иву. Платье и шапки не попавших выстрелом в цель отдают [в залог] осматривающим [иву]. Не попавшие в цель, стоя на коленях перед попавшими в цель, берут в руки вино [и подносят его победителям], после чего каждому возвращают платье [и шапку]. На следующий день иву высаживают к юго-востоку от навеса, ставят сладкое вино и разные жертвенные снеди, и шаманы приносят [их] в жертву. Хан и императрица приносят жертвы в восточном углу [навеса]. Затем в иву стреляют из луков ханс-
3 кие сыновья и младшие братья. После окончания [церемонии] // ханским родственникам, [членам рода] дядей [хана] по женской линии и высшим амбаням жалуются дорогие вещи в соответствии с рангом. Если через три дня пойдет дождь, то чиновнику *дилемаду*** жалуются четыре лошади и четыре платья. Если дождь не пойдет, то [этого] чиновника хватают и обливают водой.

В 7-й луне от Ван Ду прибыл посол с донесением хану Тай-цзуну: «Город Динчжоу проигран, Тела убит. Нелигунь, Сала и прочие десять с лишком человек захвачены в плен», – после чего хан Тай-цзу сказал: «Было не время для выхода войск [в поход]». Крайне раскаиваясь [в содеянном], щедро одарил детей и жен убитых командиров и солдат. Хан Тай-цзун отправил амбаня по имени Тулюйбу[134], со словами: «Покарай государство Уго!». И тот оружием усмирил государство Уго, трофеи поднес хану Тай-цзуну. Когда амбани напомнили хану и пожелали назвать день рождения хана – *Тянь-шоу-цзе*, а день рождения императрицы – *Юн-нин-цзе****, то хан принял [их] слова.

Зимой, в 10-й луне, в день рождения императрицы, Юн-нин-цзе – [«праздник вечного спокойствия»], хан Тай-цзун и все амбани били челом перед бабушкой и матерью [хана]. Когда хан Тай-цзун отправился посетить

---

* Слова *ин тянь* означают: «соответствующая Небу».

** *Дилемаду* – это чиновник министерства обрядов.

*** Слова *тянь шоу* означают: «ниспосланный Небом», *юн* – «вечное», *нин* – «спокойствие»; [*цзе* – «праздник»].

храм Тай-цзу, то танские послы поднесли [ему] нефритовую флейту. В день рождения хана, Тянь-шоу-цзе [«праздник ниспосланного Небом»], хан сидел в ямыне и принимал земные поклоны всех амбаней и послов всех государств. Хан Тай-цзун [начал] поднимать войска, чтобы лично выступить в поход против государства Тан.

В 12-й луне хан Тай-цзун получил известие: «От танского хана снова командированы послы, [которые] придут для поднесения подарков», – и спросил амбаней левой и правой сторон о причине [сего]. // И все ответили: «То, что династия Тан несколько раз отправляла послов, [означает: она] действительно страшится нашего могущества. Мы не можем воевать легкомысленно. [Будет] хорошо, если воспользуемся [этим] свободным от дел временем и двинем [войска]». Хан признал эти слова справедливыми. Когда отправился [в поход] и стал приближаться к пограничной территории[135], то [к нему] пришли танские послы, поэтому тотчас же возвратился с войсками [домой]. 4

В то время, когда Жэньхуан-ван находился в Императорской столице[136], [находившийся при нем] помощник правого *цзайсяна* [государства Дундань], амбань по имени Елюй Юйцзы, представил хану Тай-цзуну доклад [следующего содержания]:

«Когда наш великий совершенномудрый хан впервые приобрел Восточную страну [т. е. государство Бохай], выбрал хороших помощников и успокоил народ, то [он] неожиданно назначил меня на должность, хотя [я] и глупый. Зная о пользе или вреде для царствующего дома, могу ли не довести до [ханского] сведения? Некогда [хан] государства Бохай, опасаясь китайцев, укрылся [в горах] за узкими проходами и, защитив себя [таким образом], поселился в городе Хуханьчэн. Город Хуханьчэн [находится] далеко от нашей Верхней столицы. В настоящее время эти земли бесполезны [для нас]. Далее, если не удалить [оттуда] пограничные войска, то какая [в том] польза? Почивший хан воспользовался удобным случаем – разногласиями у людей государства Бохай – и [своим] свободным временем и двинул войска, поэтому без сражений сразу же одержал победу. Но то, что сердца ниспосланных Небом людей покорились, – это один [особый] момент. Если же в настоящее [совсем другое] время оставить бохайский народ жить по-прежнему в тех же землях, то он мало-помалу весьма расплодится, а когда разбогатеет, то как бы потом не произошли беды! Земли же [у реки] Ляншуй – его прежней родины – обширны, а почва жирна и плодородна. Есть [в них] и дерево, железо, соль и рыбный промысел. Если [сейчас], в пору малочисленности и слабости этого народа, переселить его в Ляншуйские земли, то это станет хорошим расчетом, пригодным и для будущих десяти тысяч поколений. // Когда он получит [свои] прежние земли, а также станет пользоваться деревом, железом, солью и рыбой, то непременно будет жить в радости. Впоследствии будем набирать [среди него] хороших воинов и заставим [их] помогать [защищать границы] в наших восточных краях, а три народа – *туцзюэ*, *дансян* и *шивэй* – заставил помогать [защищать границы] в наших западных краях. Если подчиним и будем управлять Южным государством, объединим Поднебесную и совершим деяния, не совершенные [нашим] совершенномудрым предком, то оставим потомкам безграничное счастье». 5

Хан Тай-цзун одобрил слова этого доклада и оправил Елюй Юйцзы переселять в город [Ляоян, где был создан округ] Дунпин[цзюнь], народ государства Дундань. При переселении многие восставали и уходили в государство Синьло и к народу *нюйчжи*. По этой причине хан Тай-цзун выпустил указ со словами: «Если бедные, доведенные до крайности люди не в состоянии переселиться, то [вы], богатые люди, выдавайте [им] на пропитание хлеб! И пусть они станут вашими подчиненными!» [Затем] переименовал [старый город Ляоян, где был создан округ] Дунпин [цзюнь], в *Южную столицу**.

В 4-й год [эры правления] Тянь-сянь (929 г.), в 10-й луне, хан Тай-цзун сказал: «Еще не приобрел *Юньчжунскую губернию***», – отобрал лучших воинов и отдал их своему младшему брату Ли Ху.

Посылая покарать округа (*цзюнь*)[137] и уезды, которые не признавали зависимости от Юньчжунской губернии, хан Тай-цзун при отправлении войск сообщил о походе [духам] Неба и Земли и проводил Ли Ху в путь-дорогу.

В 5-й год [эры правления] Тянь-сянь (930 г.), в 1-й луне, Ли Ху завоевал город Хуайчжоу; во 2-й луне ушел из Юньчжунской области и возвратился с войсками [домой]. Хан Тай-цзун пожаловал своему младшему брату Ли Ху // почетный титул «наследник престола *Шоу-чан****» и назначил великим главнокомандующим войск Поднебесной. 6

В 4-й луне Жэньхуан-ван, вернувшись [из Императорской столицы], прибыл в Южную столицу и стал жить, предаваясь наслаждениям в полях и садах и сочиняя стихи (*ши*). Танский хан *Мин-цзун*****, услышав про то, вручил одному человеку письмо со словом: «Приди!» – и командировал к Жэньхуан-вану морским путем.

---

* *Южная столица* – это [на] Ляодуне.

** *Юньчжун* – это Датунская губерния.

*** Слова *шоу чан* означают: «долголетие».

**** *Мин-цзун* – [это] Ли Сы-юань.

Хан Тай-цзун, чтобы успокоить [свое] сердце, отправил к Жэньхуан-вану *шэли*, простого и спокойного[138], и, опять подозревая Жэньхуан-вана, назначил *шэли* надсмотрщиком, сказав: «Следи за [каждым его] движением!».

В 11-й луне Жэньхуан-ван отправился к морю, сказав: «Поехал на охоту». Когда [туда] прибыл танский посол, Жэньхуан-ван сказал [своим] людям левой и правой сторон: «Я уступил Поднебесную [своему брату]-повелителю. Если [он] ныне еще больше подозревает меня, то мало [просто] убежать в чужое государство. [Поэтому] постараюсь-ка я ради [своего] имени подобно *Тайбэ** из государства Чжоу!». Сказав [так], сочинил стихотворение и вырезал [его] на дереве на берегу моря.

Вот что сказано в этом стихотворении:

«Если маленькая гора скрывает большую гору, то у большой горы совершенно нет сил. Если увидит людей из [своей] прежней деревни, то [ей] очень стыдно, поэтому уходит в иностранное государство». После этого Жэньхуан-ван вместе со своей горячо любимой женой Гао-мэй-жэнь–[«возвышенно очаровательная персона»] – взял [родословные] таблицы и переправился через море. Когда прибыл в государство Тан, то танский хан *Мин-цзун*** отправил амбаней [навстречу ему, и они] встретили Жэньхуан-вана в соответствии с ханским придворным церемониалом.

7 Жэньхуан-ван прибыл в город Бяньлян и встретился с ханом Мин-цзуном, после чего тот // отдал ему в жены наложницу [императора] Чжуан-цзуна, урожденную Ся. Внес Жэньхуан-вана в списки фамилии Ли и пожаловал имя *Цзань-хуа****.

Определил на жительство в китайскую область Чжэнь[139] и назначил на должность *цзедуши* мелкой области[140]. И хотя Жэньхуан-ван находился в другом государстве, [он] не прекратил посылать послов к хану Тай-цзуну наведываться о здоровье [своих родных].

В 6-й год [эры правления] Тянь-сянь (1931 г.), в 1-й луне, хан Тай-цзун отправился в Южную столицу, и жена Жэньхуан-вана, урожденная Сяо, вместе с амбанями своего государства [Дундань] встретилась с ханом Тай-цзуном.

В 7-й год [эры правления] Тянь-сянь (932 г.), в 6-й луне, хан Тай-цзун возвеличил династию, [основанную] Тай-цзу: воздвиг каменную триумфальную арку, наградил деньгами и всякими вещами внутренних и внешних [т.е. собственно киданьских и туземных] чиновников в соответствии с рангом и пожаловал старцам государства шелк и холстяную лиловую лощеную китайку.

В 8-й год [эры правления] Тянь-сянь (933 г.), в 1-й луне, хан Тай-цзун дал войска своему младшему брату Ли Ху и главнокомандующему левой стороны Чагэ[141] и, отправляя в поход против народа *дансян*, лично проводил в путь-дорогу. Младший брат хана Ли Ху отправился [в поход] и в сражениях с народом *дансян* одержал победу. Когда возвратился назад, то хан Тай-цзун [в благодарность] за мучения угостил [его] парадным обедом.

Прибыл танский посол со словами: «Прекрати войну с народом *дансян*!», – после чего хан Тай-цзун отправил посла обратно с известием о своих победоносных деяниях и передать следующее: «Прекратил войну с народом *дансян*».

В 4-й луне народ *дансян* предоставил дань.

В 11-й луне, в день беловатого быка умерла тайхоу, бабушка [хана Тай-цзуна], и династия Тан и Жэньхуан-
8 ван // были извещены о трауре.

В той же луне умер танский хан Ли Сы-юань. На престол взошел [его] сын Цун-хоу[142]. Ли Сы-юань сидел на троне 8 лет. Был в возрасте 67 лет.

В 9-й год [эры правления] Тянь-сянь (934 г.), в 1-й луне, прибыл танский посол с сообщением о трауре, после чего хан Тай-цзун командировал своего младшего брата Ли Ху для совершения поминок.

Во 2-й луне все облачились в траурные одежды, доставили тело тайхоу, бабушки [хана], на Хребет добродетелей[143] и похоронили [там]. Впоследствии, [в 1052 г.], бабушке [хана], тайхоу, будет [поднесен и] объявлен посмертный почетный титул «императрица *Сюань-цзянь*****». Перед [ее] могилой была воздвигнута каменная триумфальная арка.

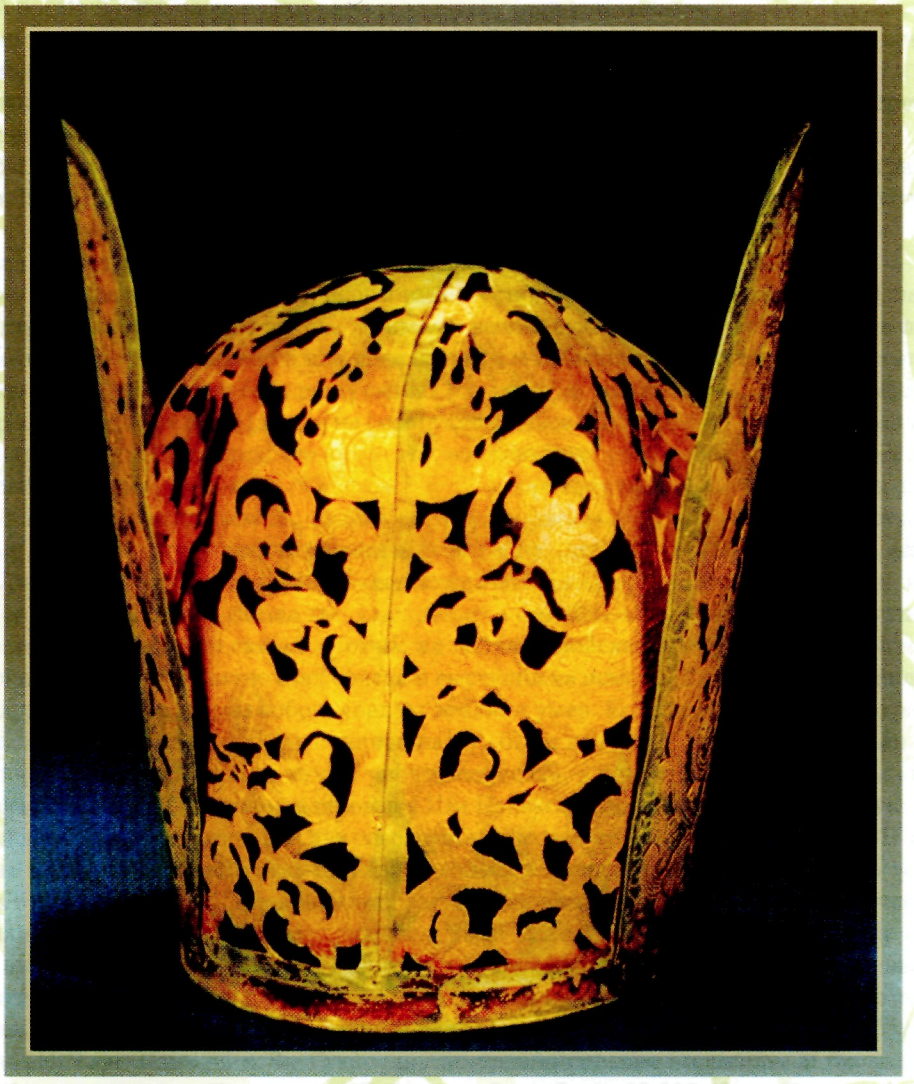
---

* *Тайбэ* – старший брат Цзили и старший дядя Вэнь-вана.

** *Мин-цзун* – это Ли Сы-юань, приемный сын Цзинь-вана Ли [Кэ-юна].

*** *Чжуан-цзун* – это Ли Цунь-сюй, родной сын Цзинь-вана Ли [Кэ-юна]. Слова *цзань хуа* означают: «помогающий Срединному государству».

**** Слова *сюань цзянь* означают: «[духами] объявленная и обособленная»[144].

Корона принцессы Чэньго. Позолоченное серебро (выс. 30 см).

В 4-й луне человек из государства Тан по имени Ли Цун-кэ[145] убил своего повелителя, хана Цун-хоу, и сам взошел на престол. Цун-хоу сидел на троне четыре месяца. Жэньхуан-ван в эту пору командировал из государства Тан человека, доставившего хану Тай-цзуну письмо со словами: «Подняв войска, приди покарать [Ли Цун-кэ]!».

В 8-й[146] луне хан Тай-цзун лично отправился с крупными войсками в поход против династии Южная Тан; в 9-й луне подошел к области Юньчжоу и захватил город *Хоинь**.

В 10-й луне [войска] подошли для разграбления области [города] Линцю, но старики этой области [сами] собрали крупный рогатый скот, овец, водку, вино и поднесли [все это] воинам.

В 11-й луне, когда осадил город Янчэн губернии *Учжоу***, жители этого города изъявили покорность.

Также покорились жители городов [областей] Гуй и Цзи.

В 12-й луне, когда родился ханский сын, который [в 951 г.] помешает Чагэ [взойти на престол] и арестует [его][147], императрица тяжко заболела, и [хан] повернул войска назад.

В 10-й год [эры правления] Тянь-сянь (935 г.), в 1-й луне, в день желтой обезьяны императрица скончалась по дороге [домой]. // [Ей] был [поднесен и] объявлен посмертный почетный титул «императрица *Чжан-дэ****». 9

В 11-й луне хан Тай-цзун отправился в буддийский храм под названием *Хунфусы*****.

Увидев портрет бодисатвы Гуаньинь, нарисованный и установленный его отцом Да-шэн [тянь-хуан] хуанди, матерью Ин-тянь хуанхоу, старшим братом Жэньхуан-ваном, сказал [своим] людям левой и правой сторон: «В прежние времена отец, мать, старшие и младшие братья все собирались вместе и посещали этот храм. Прошло недолгое время, отец и старший брат разлучились [со мной], и только лишь я, один-одинешенек, пришел [сюда]», – и, надрывая сердце от горя, [долго] не [мог] успокоиться. Собственной рукой написал на стене думы о [своей] тоске и страданиях. Среди тех, кто видел это, не было того, у кого не надрывалось бы сердце.

В 11-й год [эры правления] Тянь-сянь (936 г.), в 7-й луне, хан государства Тан [т.е. Ли Цун-кэ] пришел покарать Ши Цзин-тана из Хэдунских земель, поэтому Ши Цзин-тан командировал своего амбаня по имени Чжао Ин к киданьскому хану Тай-цзуну просить войска, после чего хан Тай-цзун сказал тайхоу, [своей матери]: «Из-за того, что Ли Цун-кэ убил [своего] хана и сам взошел на престол, разгневаны все: и люди, и духи. Нужно пойти покарать [его]». Лишь только сказал так, как пришел и Сан Вэй-хань из Хэдунских земель со срочными донесениями, поэтому хан Тай-цзун сказал: «Тотчас же подниму войска», – и отправил послов назад.

В 8-й луне, когда хан Тай-цзун лично взял войска и выступил на помощь Ши Цзин-тану, нашли одного ибиса, который летел, [а потом вдруг] сам собою упал на землю и умер. Если велел погадать по триграммам [китайской классической книги *Ицзин* – «Книги перемен»], то было получено слово «добро». Хан Тай-цзун сказал: «Это есть доброе знамение: Ли Цун-кэ сам уничтожит себя», – и через заставу Яньмыньгуань // пошел в 10
Тайюаньскую область. Хан Тай-цзун командировал к Ши Цзин-тану посла со словами: «То, что я поднял войска и пришел издалека, [означает]: пришел для того, чтобы вместе с тобой погубить злодея». В то время танские командующие Гао Син-чжоу и Фу Янь-цин взяли войска и пришли принять [бой], поэтому хан Тай-цзун выстроил войска в боевые ряды в Тайюаньской области и напал на танские войска, после чего умышленно немного отступил назад. Два танских командующих – Чжан Цзин-да и Ян Гуан-юань – также пришли, но до того, как успели выстроить на правом [фланге войска] в боевые ряды, войска хана Тай-цзуна напали [на них]. Во время сражения войска Гао Син-чжоу и Фу Янь-цина хотели прийти [к ним] на помощь, но поставленные в засаде воины хана Тай-цзуна выстроились в боевые ряды, [так что] защитить голову и хвост [танских войск] стало невозможно. И Чжан Цзин-да и Ян Гуан-юань потерпели сильное поражение и бросили все военное оружие. Голов [?!], захваченных войсками хана Тай-цзуна, было более 10 000. Чжан Цзин-да бежал и стал охранять Цзиньаньский лагерь[149]. Киданьский *илицзинь*, амбань по имени Дилу, вступив в бой с Чжан Цзин-да, был им убит. И хан Тай-цзун поручил управлять государством[150] сыну Дилу, [который] и унаследовал должность *илицзиня*. Чтобы всегда выкликали [почетный] титул его отца, выдал свидетельство о верности Дилу.

Когда Ши Цзин-тан вместе со своими чиновниками пришел и встретился с ханом Тай-цзуном, то хан брал Ши Цзин-тана за руки и говорил добрые слова. Хан Тай-цзун осадил танский Цзиньаньский лагерь и отправил отборные [отряды] войск охранять узкие проходы в горах, [благодаря чему] были отрезаны пути для подхода войск на помощь [осажденному лагерю].

---

* *Юньчжоу, Линцю* и *Хоинь* – все находятся в губернии Шаньси.

** Учжоу – это Датунская губерния.

*** Слова *чжан дэ* означают: «[соответствующая] правилам и добродетелям[148]».

**** Слова *хун фу* означают: «огромное счастье», [«*сы*» – храм].

11 За то, что *цзайсян* Юга // Ули, военный инспектор Иньницзи и командующий Пэй-о-бэ при нападении на вражеские ряды струсили и повернули назад, хан Тай-цзун [велел] доставить [их к себе] и изругал срамными [словами].

Зимой, в 10-й луне, хан Тай-цзун возвел Ши Цзин-тана в достоинство Цзинь-вана и пошел в Цзиньянфу, где жил Ши Цзин-тан. Ли Цун-кэ, правитель государства Тан, дал своему амбаню по имени Чжао Янь-шоу войско в 20 000 человек и велел стоять в местах ущелья Туаньбогу[151]. Амбаню по имени Фань Янь-гуан [также] дал войско в 20 000 человек и велел стоять в Ляочжоу. Чжао Дэ-цзюнь[152] из города Ючжоу взял свое войско в 10 000 с лишком человек и пришел из Шанданской области для соединения с войском Чжао Янь-шоу. Если и намеревался пойти в наступление и вступить в бой, то, узнав о заблаговременных приготовлениях киданьских войск, из страха не шел в наступление. Ли Цун-кэ с 30 000 человек конного войска подошел к местности, в которой [его] ждали и умоляли [о помощи][153]. Узнав о том, что лично управлять всеми войсками и прийти на помощь Цзиньаньскому лагерю невозможно, каждый день напивался допьяна и то плакал, то пел песни.

Киданьский хан Тай-цзун привел Ши Цзин-тана в свое [временное] местожительство и сказал ласково: «То, что я взял войска из трех тысяч мест, пришел [сюда], уже вступил в сражение и одержал победу, – это есть воля Неба. Как я посмотрю, твой внешний облик[154] величав и великолепен, а сердце великодушно. Отдаю тебе Южную страну, и [ты] должен стать помощником на моих границах». Сказав [так], тотчас сообщил чиновникам и велел соорудить престол в Цзиньянской области. Заранее приготовил церемониальные вещи и в 11-й луне, в день красноватого петуха назначил Ши Цзин-тана ханом династии Амба Цзинь (Великая Цзинь).

12 По прошествии десяти дней пикетчики двух областей // пришли сообщить о том, что по двум дорогам – южной и западной – идут [вражеские] войска, после чего хан Тай-цзун отправил *тиинь* Диняня со словами: «Отыскав [врага][155], прими на себя и вступи в сражение!».

Танский Чжан Цзин-да был осажден в Цзиньаньском лагере. По прошествии 80 дней вся [живность] внутри и вне [лагеря] была зарезана [и съедена], все съестные припасы у воинов кончились. Окончился фураж для лошадей. Промывали навоз, снимали стружку с деревьев и кормили [этим лошадей], но лошади, будучи голодными, грызли друг у друга хвосты и гривы. Ян Гуан-юань и другие уговаривали Чжан Цзин-да: «Выйдем и сдадимся!», – но Чжан Цзин-да отвечал: «Я буду обороняться насмерть. Если вы хотите покориться, то отрубите мою голову и сдавайтесь!».

В 11-й високосный месяц две [важные] особы – Ян Гуан-юань и Ань Шэнь-ци[156] – убили Чжан Цзин-да и сдались хану Тай-цзуну. Хан Тай-цзун, узнав, что Чжан Цзин-да до [самой] смерти не изменил [своему] верному сердцу, сказал двум советникам: «Если бы каждый амбань был подобен ему, то было бы хорошо!» – и [велел] похоронить тело Чжан Цзин-да со [всеми надлежащими] почестями. 500 лошадей сдавшихся воинов пожаловал хану династии Цзинь. Амбань, [некогда] срезавший [с древка] широкий государственный флаг[157] [т.е. Иньдиши], пришел с сообщением: «Идущее на помощь войско танского Чжао Дэ-цзюня только что обратилось в бегство», – после чего хан Тай-цзун немедленно, ночью, отправил [свои] войска для преследования. Воины Чжао Дэ-цзюня побросали все оружие и латы. Было несметное количество тех, кто [в давке] был затоптан внутри своего [войска] и кто погиб в осыпях[158] речных [берегов, не выдержавших тяжести бегущих китайских воинов]. Затем хан Тай-цзун прикомандировал к престолонаследнику легкую кавалерию для преследова-

13 ния [вражеских войск]. Престолонаследник настиг [их] в тесном проходе в горах и покорил всех – // свыше 10 000 пехотинцев. Киданьские войска, пройдя узкую межгорную долину – ущелье Туаньбогу, догнали Чжао Дэ-цзюня и [его] сына, поэтому Чжао Дэ-цзюнь сдался вместе со всеми. Хан Тай-цзун на пиру, устроенном согласно церемонии расставания, брал цзиньского Ши Цзин-тана за руки и, считая [себя и его] отцом и сыном, пожаловал [ему] одну шубу из белых соболей, 20 ханских лошадей и 1 200 захваченных на войне лошадей. Прикомандировал к своему амбаню по имени Дилиби 5 000 всадников для препровождения цзиньского хана в город Лоян. При расставании хан Тай-цзун сказал Ши Цзин-тану: «После того, как беспорядки [пройдут и] водворится спокойствие, я возвращусь [домой]». Когда цзиньский хан Ши Цзин-тан пришел в Хэянскую область, то танский хан Ли Цун-кэ, находясь в отчаянном положении, пришел к Жэньхуан-вану, желая умереть вместе [с ним], но Жэньхуан-ван то [говорил]: «Могу», – то [говорил]: «Не могу», – поэтому послал Ли Янь-шэня[159], [который] убил Жэньхуан-вана. Жэньхуан-вану было 38 лет. Ли Цун-кэ сидел на троне 2 года. Был в возрасте 44 лет. С его [смертью] династия Тан окончила [свое] существование. Ши Цзин-тан вошел в город Лоян, облачился в траурное платье и со слезами похоронил Жэньхуан-вана с княжескими почестями. Цзиньский хан велел Сан Вэй-ханю написать книгу о подвигах хана Тай-цзуна и поднес [ее] хану. Хан Тай-цзун ушел из Тайюаньской области. Когда пришел назад, [домой], то услышал, что цзиньский хан вошел в город Лоян. Отправил проворного, энергичного[160] *ланцзюня* // расспросить [и собрать] сведения. Когда хан

14 Тай-цзун пришел в Инчжоу, то задержал и не отослал [назад] прибывшего для встречи *цзедуши* танской об-

ласти Датун – области, державшей [ответственность] за престиж государства и практическую деятельность[161].

В 12-й год [эры правления] Тянь-сянь (937 г.), в 1-й луне, когда хан Тай-цзун пришел к наглухо запирающей [горный] проход заставе[162], то делопроизводитель У Луань[163], подчиненный *цзедуши* городов Датуна, закрыл городские ворота и принял меры обороны, поэтому хан Тай-цзун отправил своего амбаня, который сопровождал, выслушивал и наставлял [его][164], и велел взять город в осаду. [Затем] хан лично пришел, вел переговоры под крепостной стеной и предложил сдаться.

В 3-й луне цзиньский *цзедуши* Фань Янь-гуан тайно командировал к хану Тай-цзуну человека со словами: «Хочу вступить в подданство», – но хан Тай-цзун не согласился.

В 6-й луне династия Цзинь командировала *шаншу* – [секретаря, т. е. того], кто держит пальцами [кисть] и пишет[165], – из министерства финансов и прочих людей со словами: «Желаем поднести хану Тай-цзуну почетный титул. Отдадим [расположенные] к северу от заставы Яньмыньгуань области Ючжоу и Цзичжоу. Будем ежегодно предоставлять 300 000 [кусков] шелка», – но хан Тай-цзун не согласился. [Правитель] династии Цзинь Ши Цзин-тан, Лю Чжи-юань из Тайюаньской области и [правитель] династии Южная Тан по фамилии Ли[166], каждый сам по себе, командировали послов, [которые] предоставили дань государству Цидань. Цзиньские послы сообщили хану Тай-цзуну: «Наш хан основал столицу в Бяньляне».

В 13-й год [эры правления] Тянь-сянь (938 г.), в 1-й день нового года, прибыли послы государства Цзинь и других государств для поднесения подарков. Цзиньский посол сообщил: «Наш хан поручил амбаню по имени Хэ Нин, [который] составил [проект][167], воздвигнуть каменную триумфальную арку для прославления божественных добродетелей хана».

Во 2-й луне // хан Тай-цзун отправился на восток от реки Ляохэ. Вспомнив о старшем брате Жэньхуан-ване, 15
отправил *тиинь*, [который] вместе с людьми из ханского рода совершил жертвоприношение во дворце, где жил Жэньхуан-ван.

В 4-й луне народ *нюйчжи* предоставил дань луками и стрелами.

В 6-й луне хан Тай-цзун повелел построить ямынь, в котором будут приносить жертвы Солнцу, Луне и четырем временам года, и написать в двух боковых зданиях ямыня [картины] о добрых деяниях древних *дских*[168] ванов.

Хан Тай-цзун командировал в государство Цзинь амбаней по именам Елюй Шулань, Делегэ и Чжао Сывэнь[169], [которые доставили свидетельство, где] объявлялся почетный титул цзиньского хана – «героически воинственный, известный справедливостью император»[170].

В 9-й луне пришел [поселенный] на границе амбань с сообщением: «Династия Цзинь командировала *сыкуна* – [начальника общественных работ] – Фэн Дао, левого *цаньчжи чжэнши*[171] – [участвующего в управлении политическими делами] – Вэй Шуня, [которые] идут для поднесения хуантайхоу почетного титула. Командированный правый *цзяньи дафу* – [сановник, увещевающий императора] – Лу Цзун идет для поднесения хану почетного титула», – после чего хан Тай-цзун тотчас же отправил навстречу [цзинским послам] военного инспектора Иньницзи.

Хан Тай-цзун утвердил закон: каждому из своих амбаней, почтенных стариков из народа и получивших большой чин людей жаловать одно [украшенное] позолоченным сафьяном[172] платье, золотой пояс и белого коня с седлом и уздечкой, украшенными золотом.

В 10-й луне пришли цзиньские послы принести благодарность и поднести подарки. В этой же луне династия Цзинь снова сделала подношение: одногорбых верблюдов и хороших коней.

В 11-й луне, в день черной мыши, хуантайхоу вышла [из дома] и сидела во дворце Кайхуандянь, и цзиньские послы Фэн Дао и Вэй Шунь поднесли [хуантайхоу] и объявили почетный титул «великодушная и одаренная, чрезвычайно человеколюбивая, премудрая и величавая, высокопочтенная и благопристойная, угодная Небу // хуантайхоу». Хан Тай-цзун сидел во дворце Сюаньчжэндянь, и цзинские [послы] Лю Сюй и Лу Цзун 16
поднесли хану и объявили почетный титул «просвещенный в науках, дальновидный в военных делах, сообразующийся с Небом, соответствующий времени, блистательно одаренный, воздающий за верность, проникающий в смысл законов, постоянный в чествовании и чрезвычайном почитании родителей, следующий совершенномудрый император».

Хан Тай-цзун помиловал всех преступников, изменил наименование эры правления Тянь-сянь и назвал год 1-м годом [эры правления] *Хуэй-тун** (938 г.).

---

* [Слова *хуэй тун* означают: «встреча и союз»][173].

В той же луне династия Цзинь командировала амбаня по имени Чжао Ин передать города шестнадцати областей: Ю, Цзи, Ян, Мо, Тань, Сюнь, Вэй, Цзу[174], Жу, Синь, У, Юнь, Ин, Шо, Хуань и Юй, [а также] поднести топографическую карту страны. После этого хан Тай-цзун сделал Императорскую столицу Верхней столицей, [область] назвал Линьхуанфу; Ючжоу сделал Южной столицей; Южную столицу сделал Восточной столицей.

Во 2-й год [эры правления] Хуэй-тун (939 г.), в 12-й луне, хан Тай-цзун [велел] наказать палками, по сто [ударов] каждому, двух *цыши*, [подчиненных] вану Юга, за то, что [они] стали корыстолюбивы и жестоки; заключил в монгольскую юрту председателя военных судей[175] и сохранил, сказав: «Будем стрелять [в них] *стрелами дьявола*». Выбрал из всех амбаней [двоих], желанных народу, и назначил вместо [тех двух на должность *цыши*].

По законам государства Цидань, хан, лично выступая в поход, облачается в латы и шлем и приносит жертвы [духам] почивших ханов. Преступников, приговоренных к смерти, ставят по направлению движения войск. Группа[176] воинов нападает и выстрелами из луков убивает всех [этих приговоренных к смерти] людей. Это и
17 называют *стрелами дьявола*. По возвращении войск захваченных на войне // людей расстреливают таким же образом.

В 3-й год [эры правления] Хуэй-тун (940 г.) самый честный[177] [из всех] амбаней сообщил хану: «Цзиньский хан, услыхав о многочисленных ханских облавных охотах, говорит: "Пусть прекратит!"», – на что хан Тай-цзун ответил: «Мои облавные охоты – не забава, а обучение военному делу», – вручил письмо [с этими словами послу] и командировал в государство Цзинь.

В 11-й луне хан Тай-цзун спустил чиновникам указание: «Заставляйте народ прилежно обрабатывать пахотные земли и прясть пряжу! Если старшая сестра умрет, то отдавать [в жены за вдовца] следующую младшую сестру!», – [что и] было обнародовано законом.

В 4-й год [эры правления] Хуэй-тун (941 г.), в 1-й луне, спустил указание: «Тех, кто не может прокормиться сам, – одиноких и овдовевших, – вы, чиновники, соединяйте!». [Затем] хан Тай-цзун спустил чиновникам указание, [в котором] велел вести журнал [повседневных дел], чтобы сравнивать [их] с делами, совершенными прародителем Цишоу[178].

В 3-й луне династия Цзинь, желая приносить жертвы Небу, просила [разрешения на это]. За то, что хан Тай-цзун согласился с [ее] словами, командировала [к нему] послов, [которые] в благодарность поднесли 10 *и* золота. В одном *и* находится 20 *лянов*[179].

В 5-й луне чиновники сообщили: «До экипажа, где поставлено наше великое знамя, добрались пчелы и собрали [в нем] мед». Если хан Тай-цзун велел погадать по триграммам [китайской классической книги *Ицзин* – «Книги перемен»], то было получено слово «добро».

В 6-й луне известный [своей] воинственностью военный чиновник захотел занять должность *цзедуши*[180], [поэтому] прогнал *цзедуши* Елюй Хуали[181] – своего господина, [затем] вместе со всем городом Чжочжоу отложился от подданства и изъявил покорность династии Цзинь. И хан Тай-цзун отправил имеющего государственную должность[182] амбаня [покарать его]. Этот амбань взял войска, отправился в поход и осадил город Чжочжоу.

18 // В 12-й луне, во время осады киданьскими войсками города Чжочжоу, имеющий государственную должность амбань погиб в сражении, поэтому хан разгневался и убил всех мужчин внутри города, а 30 семей восставшего народа записал в рабы и пожаловал [семье] погибшего амбаня.

В 5-й год [эры правления] Хуэй-тун (942 г.), в первый день нового года, хан Тай-цзун сидел в ямыне города Гуйхуачжоу и принимал земные поклоны всех амбаней. Дорогие вещи, поднесенные [послами] всех государства [в качестве] дани, пожаловал тайхоу, родственникам и всем чиновникам.

Хан Тай-цзун спустил указ: добиваться [от людей] честных, добродетельных речей. Когда после этого в ханский город прибыл подчиненный вану Севера *ланцзюнь* Елюй Хайсы, одетый в овчинный тулуп и верхом на быке, то чиновники спросили: «Ты по какому делу пришел?». Елюй Хайсы ответил: «Пришел, согласно спущенному указанию, порассуждать о делах. Если не выбросите [меня вон] за то, что беден и ничтожен, то я, пожалуй, смогу попасть в число избравших честность и добродетели». Чиновники сообщили о его словах хану. В то время хан [как раз собирался] выйти на облавную охоту, поэтому послал человека сказать: «Я встречусь [с Хайсы] по возвращении», – на что Хайсы ответил: «Я узнал о ханском экстренном [указании] отыскивать лучших [по уму и поступкам] людей и потому [так] спешно пришел. Но если ныне снова отправится на охоту и задержится, то к [его] возвращению [я] не приду». Хан, услышав о его словах, тотчас же [велел] привести [Хайсы] и встретился [с ним]. Пожаловал участок земли под жилье, расспрашивал о правилах управления государством. Хан Тай-цзун поручил премудрым ванам Аньдуаню и Елюй Пудэ: «За несколько дней попробуйте оценить [знания Хайсы]!». Аньдуань попробовал проверить и сообщил хану: «Мы не сравнимся с Хайсы по способностям».

// Хан [велел] привести Хайсы и спросил: «Каковы [эти] два человека, что вели с тобой разговоры?». Хайсы отметил: «Аньдуань слов не таит. Подобен порожней телеге, что спускается с крутого перевала. Елюй Пудэ похож на человека, который носит сапоги с тупыми, выгнутыми кверху носами и, идя по ровной степи, стреляет в дрофу». Хан очень хохотал, пожаловал Хайсы должность *сюаньхуэйши* – [объявляющего на заседаниях о делах][183] – и велел управлять делами [строительного министерства]. Когда хан, узнав о бедности Хайсы, пожаловал [ему] золото, серебро, домашнюю утварь, то Хайсы раздал [все это] своим родственникам и друзьям. 19

В 5-й луне умер цзинский хан Ши Цзун-тан, и на престол взошел Чжун-гуй[184] – сын старшего брата [почившего хана]. Ши Цзин-тан сидел на троне 7 лет. Был в возрасте 51 года. Чжун-гуй командировал посла в государство Цидань с сообщением о трауре, после чего хан Тай-цзун семь дней не появлялся в ямыне и командировал [своего] посла совершить поминки [на могиле] цзиньского хана. Хан Тай-цзун получил известие о том, что хуантайхоу заболела, и спешно прибыл. Когда, ухаживая за тайхоу, давал пить лекарство, то непременно прежде пробовал сам. Хан лично сообщил [о болезни хуантайхоу] в храме хана Тай-цзу, ходил в храм бодисатвы Гуаньинь и раздал пищу 50 000 буддийских монахов, вследствие чего хуантайхоу выздоровела.

В 7-й луне цзиньский хан командировал великого главнокомандующего, который, [обладая] прекрасным слогом, сочинил главный параграф [текста письма][185] и пришел [к хану Тай-цзуну] сделать ответную вежливость. В доставленном [им] письме [цзиньский хан] прекратил называть [себя] вассалом, а написал слово «внук». Хан Тай-цзун командировал достойного, честного[186] чиновника Цяо Жуна сделать порицание, поэтому цзиньский амбань по имени Цзин [Янь]-гуан ответил: // «Это правда, что наш почивший хан поставлен вашим ханом. Но ныне этот государь поставлен нашей династией. Сделав [династию Цзинь] родственной династией, 20
нужно [ее нынешнего хана] называть внуком. Нельзя в письмах называть вассалом». После этого Цяо Жун возвратился и сообщил хану Тай-цзуну обо всех его словах. Поэтому хан Тай-цзун принял намерение воевать с государством Цзинь.

В 6-й год [эры правления] Хуэй-тун (943 г.), во 2-й луне, династия Цзинь командировала посла со словами: «Желаем жить в городе Бяньлян», – и хан Тай-цзун принял [эти] слова. Елюй Динянь, *люшоу* – [наместник][187] – Верхней столицы, схватил цзиньского шпиона и узнал от него, что династия Цзинь приняла два намерения.

В 12-й луне хан Тай-цзун отправился в Южную столицу. На общем совете было утверждено [решение] воевать с государством Цзинь. Отправил четырех амбаней по именам Чжао Янь-шоу, Чжао Янь-чжао, Аньдуань и Цзели[188] с приказом: «Разделившись, наступайте по четырем направлениям – [на] Цанчжоу[189], Ичжоу, Динчжоу и Хэнчжоу!». И крупные войска одно за другим отправились в поход.

В 7-й год [эры правления] Хуэй-тун (944 г.), в 1-й луне, Чжао Янь-шоу взял 50 000 человек южного войска и направился [воевать] в страну, по которой [он, родившийся в ней] человек, [так] тосковал![190] Аньдуань прошел через заставу Яньмыньгуань и взял в осаду города Синьчжоу и Дайчжоу. Когда Чжао Янь-шоу осадил город Бэйчжоу, то цзиньский военный мелкий чиновник Шао Кэ[191] открыл южные ворота и, выйдя навстречу киданьским войскам, изъявил покорность. [Делопроизводитель] У Луань, [временно] замещавший [генерал-губернатора] и принявший [управление делами области][192], бросился в колодец и утонул. Киданьские войска направились к городу Юаньчэн, после чего // хан Тай-цзун повысил Чжао Янь-шоу [в титуле] и возвел в достоинство Вэй-вана. Чжао Янь-шоу взял подведомственное ему войско и расположился лагерем в местах спокойных поселений[193]. Цзиньский командующий по имени Чжан Янь-цзэ взял войска и пришел встретить [киданьские] войска, отправленные ханом Тай-цзуном для осады города Лиян. Цзиньский хан командировал посла, пришедшего со словами: «Хочу по-старому, по-прежнему жить в согласии», – после чего хан Тай-цзун сказал: «Отрежь и отдай [расположенные] к северу от реки [Хуанхэ] земли! Пришли для совещаний двух амбаней по именам Сан Вэй-хань и Цзин Янь-гуан!» – и отправил посла назад. 21

Во 2-й луне, когда войска хана Тай-цзуна осадили город Бочжоу, *цыши* Чжоу Жу сдался вместе с жителями [этого] города. Цзиньский хан дал войска в 10 000 человек четырем амбаням: Ли Шоу-чжэню, Хуан Фу-юю, Лян Хань-чжану и Сюэ Хуай-жану – и отправил по двум направлениям – по воде и по суше – с приказом: «Идите навстречу киданьским войскам!». Киданьские войска осадили город Цичэн, после чего цзиньский хан взял [свои] войска и лично пришел на помощь [осажденному городу], поэтому киданьские войска сняли осаду и возвратились назад. Цзиньский Ли Шоу-чжэнь и другие взяли войска и пришли к проходу Мацзякоу, после чего киданьский амбань по имени Мада велел 10 000 пехотинцев построить ограду вокруг лагеря. С наружной стороны [лагерь] охраняли 10 000 всадников. Остальных воинов отправил стать лагерем к западу от реки, но, прежде чем [они] закончили переправу, цзиньские войска пришли для нападения, и киданьские войска были разбиты. В ту пору пошли затяжные дожди, и хан Тай-цзун хотел повернуть войска назад, но амбань по имени Чжао Янь-шоу, увещевая, // сказал: «Все цзиньские войска стоят, поставив частокол вдоль реки, но боятся нас 22
и не вступают в сражение. Когда мы возьмем крупные войска, пойдем только в области Тань и Юань и захватим

мосты[194], то сможем приобрести государство Цзинь». Хан одобрил его слова. Когда [киданьские] войска пошли вперед в наступление, то крупные цзиньские войска стояли в областях Тань и Юань, а южные войска Гао Синчжоу стояли в городе Чичэн. Узнав про то, хан Тай-цзун дал несколько десятков тысяч всадников Чжао Яньшоу и Чжао Янь-чжао и велел вступить в сражение, сказав: «Атакуйте Гао Син-чжоу с правого фланга!», – а сам взял отборные [отряды] войск и беспрерывно нападал на Гао Син-чжоу с левого фланга. Затем, когда наступил вечер, хан Тай-цзун с отборными [отрядами] войск врезался в центр войск Гао Син-чжоу, и цзиньским войскам стало невозможно сражаться. Пришел шпион и сообщил хану Тай-цзуну: «Цзиньские войска, те, что стоят на востоке, немногочисленны. Частокол, поставленный вдоль реки, не укреплен». Из-за этого сообщения хан Тай-цзун немедленно напал на восточные [цзиньские войска], вследствие чего в цзиньских войсках поднялась паника, и [они] обратились в бегство. Хан Тай-цзун назначил войска для преследования, [которые] и нанесли [им] полное поражение. Хан Тай-цзун покинул Чжао Янь-шоу и велел [ему] охранять город Бэйчжоу. Захваченное население переселил во внутренние земли.

В 4-й луне повернул войска назад и пришел в Южную столицу.

В 5-й луне прибыл [амбань по прозвищу] Елюй Балидэ – [«деспотичный и жестокий»][195] – и сообщил хану Тай-цзуну: «Завоевал цзиньский город Дэчжоу и захватил *цыши* Инь Цзюй-фаня [и других], всего 27 чиновников».

23 В 7-й луне династия Цзинь вручила письмо человеку по имени Чжан Хуэй, // прибывшему со словами о желании заключить мир. Хан Тай-цзун не отослал Чжан Хуэя [назад]. В той же луне цзиньское войско города Синьчжоу пришло в [подведомственную] киданьскому [уездному городу] Фэйху местность для нападения. *Цзедуши* датунских городов Елюй Кун-о вступил в сражение и разбил это войско.

В 9-й луне хан Тай-цзу пришел в Верхнюю столицу.

В 10-й луне, в день черной собаки, прибыли послы всех государств по случаю дня рождения хана Тай-цзуна. Не пришли послы только из государства Цзинь.

В 12-й луне хан Тай-цзун снова поднял войска для войны с южным государством Цзинь. [Войска] двигались в направлении прохода Губэйкоу, смотр войск губерний произошел на [берегу] реки Вэньюйхэ. Когда хан Тай-цзун охотился на обрывистом берегу реки Вэньюйхэ, он спустил сокола, [который] схватил на противоположном берегу реки фазана *чжи**, после чего того сокола взял и унес человек из государства Цзинь. Увидев это, хан Тай-цзун обратился к амбаням двух сторон: «Кто вместо меня пойдет схватить того человека?» [В ответ] на эти слова [вперед] вышел амбань по имени Елюй Олисы, сел на ханского коня, переправился через реку и схватил человека, унесшего сокола. Пришедших на помощь несколько человек убил и вернулся назад, после чего хан, чрезвычайно радуясь, пожаловал [Елюй Олисы] дорогие вещи.

После этого войска хана Тай-цзуна пошли в наступление, осадили город Хэнчжоу и захватили девять уездов.

В 8-й год [эры правления] Хуэй-тун (945 г.), в 1-й луне, хан Тай-цзун разделил войска [для наступления по трем дорогам], завоевал города Синчжоу, Минчжоу и Цычжоу и уничтожил совершенно все население [этих] трех городов. Когда войска через заставу в [Великой] стене вошли в местность внутренних [крупных] горо-
24 дов[196], то трое цзиньских амбаней по именам Чжан Цун-энь, Ма Цюань-цзе и Ань Шэнь-ци[197] // взяли войска и выстроили боевые ряды на южном [берегу] реки Аньян[хэ] у города Сянчжоу. Амбань по имени Хуан Фу-юй вместе с Мужун Янь-чао взяли 1 000 всадников и пришли в местность внутренних [крупных] городов[198] разузнать о киданьских войсках. Натолкнувшись на несколько десятков тысяч киданьских воинов, с боем отступили и пришли в места у [деревни] Юйлинь[дянь], после чего [туда] пришли одно за другим крупные киданьские войска. Хуан Фу-юй вместе с [Мужун] Янь-чао сражались, напрягая [все] силы. Конь, на котором сидел Хуан Фу-юй, пал, поэтому он сражался пешим. Цзиньский [амбань] Ань Шэнь-ци взял конницу, переправился через реку и пришел к Хуан Фу-юю на помощь, поэтому киданьские войска повернули [назад].

Во 2-й луне, когда войска хана Тай-цзуна осадили города незначительных областей[199], на помощь [осажденным] пришли войска цзиньского командующего Ду Чжун-вэя[200]. И этот в конечном итоге слабый[201] цзиньский командующий освободил взятые штурмом киданьскими войсками областные города[202].

В 3-й луне киданьские войска взяли штурмом город Цичжоу и убили *цыши* Шэнь Биня[203]. Когда двое цзиньских амбаней по именам Ду Чжун-вэй и Ли Шоу-чжэнь напали на [захваченный] киданями город Тайчжоу, то киданьский [командующий] Чжао Янь-шоу взял южное войско, пришел на помощь городу Тайчжоу и вступил в сражение, поэтому цзиньские [амбани] Ду Чжун-вэй и Ли Шоу-чжэнь взяли войска и бросились бежать на юг. Воины Чжао Янь-шоу, преследуя, гнали [их] до города Янчэн и многих убили. Затем цзиньские [амбани] Ду Чжун-вэй и Ли Шоу-чжэнь взяли пехоту, выстроили [ее] в боевой порядок – углом, приняли [бой] и вступа-

* Фазан *чжи* – это длиннохвостый фазан.

ли в схватку более 20 раз. Цзиньские войска, отступая с боями, дошли до маленького [населенного] пункта – [деревни] Байтуань[цунь][204], после чего войска хана Тай-цзуна // окружили их. Цзиньские войска разбили лагерь, поставив [вокруг него] деревянные рогатины. Той ночью перед рассветом подул сильный ветер. На следующий день хан Тай-цзун спе́шил своих воинов, [которые] выдернули деревянные рогатины и взяли [в руки] короткое оружие для [рукопашного] боя. Когда с наветренной стороны пустили огонь, то цзиньские воины подняли многоголосый[205] громкий общий крик: «Амбани, вы почему не берете войска и не сражаетесь?! Разве можно позволить воинам умереть понапрасну?!». [В ответ] на те слова[206] все командующие смело вышли на [бой]. Трое командующих – Чжан Янь-цзэ, Яо Юань-фу и Хуан Фу-юй – много [раз] бросались в атаку, а [за ними] один за другим выходили и сражались прочие командующие, вследствие чего киданьские войска отступили на несколько сотен шагов. Ветер подул еще сильнее, [от дыма и пыли] днем стало темно, как ночью. Фу Янь-цин взял 10 000 всадников, чтобы врезаться во фланг киданьских войск, а затем вместе [с конницей] и пехота вступила в рукопашный бой, в результате чего киданьские войска потерпели поражение. Хан Тай-цзун сел в колесницу и отступил на десять *ли*, но цзиньские преследующие войска снова пришли, поэтому хан Тай-цзун, находясь в отчаянном положении, сел верхом на одного вьючного верблюда и обратился в бегство. Цзиньские войска повернули [назад] и стали охранять город Динчжоу. 25

В 4-й луне хан Тай-цзун, возвращаясь с войсками [домой], пришел в Южную столицу, после чего наказал палками людей, которые не сражались, напрягая [все] силы, [дав каждому] по сотне ударов, и удостоил угощения заслуженных командиров и солдат. Цзиньское войско пришло для нападения на области Гао и Ян, но было разбито поселившимся на границе киданьским войском.

В 7-й луне, когда хан Тай-цзун охотился в Лесу предков[207], из государства Цзинь прибыл [переводчик] Мэн Шоу-чжун с письмом, // [в котором говорилось] о желании заключить мир, после чего хан Тай-цзун ответил по тому же самому прежнему образцу и отправил [Мэн Шоу-чжуна назад]. 26

В 9-й луне, когда хан Тай-цзун, придя в горы Чишань[208], устроил пир для своих амбаней и расспрашивал о важных государственных и войсковых делах, то амбани ответили: «В делах государства и войска определено за основу: любовь к народу. Если народ богат, то и воинов изобилие. Если воинов много, то и государство могущественно». Хан Тай-цзун сказал: «Поистине [это так]». Возвращаясь [домой], хан Тай-цзун прибыл в Верхнюю столицу.

В 9-й год [эры правления] Хуэй-тун (946 г.), в 8-й луне, хан Тай-цзун снова поднял войска, чтобы покарать южное государство Цзинь.

В 9-й луне, в день черного дракона, хан Тай-цзун произвел смотр войск всех губерний в заранее, накануне [выступления], установленном[209] месте, что западнее города [округа] Юйян. В той же луне киданьский амбань Чжао Янь-шоу напал на цзиньского [командующего] Чжан Янь-цзэ в области Динчжоу и разгромил его.

В 11-й луне киданьские войска взяли в осаду город Синьчжоу. Высланные вперед пикетчики пришли с сообщением о том, что пришли цзиньские войска, после чего хан Тай-цзун отправил отборные [отряды] войск, [которые] разрушили плавучие мосты[210], вследствие чего цзиньские войска повернули [назад] и стали охранять Пять городов[211]. Киданьские [амбани] – великий ван южных министерств Динянь и командующий Гао Мо-хань – разделили войска [на две части] и по двум промежуткам между городами [области] Инчжоу пошли в наступление. Цзиньский [командующий] Ду Чжун-вэй отправил навстречу им своего *цзедуши* Лян Хань-чжана. Лян Хань-чжан взял всех [своих воинов], встретил и атаковал [киданьские войска; его] войско было разбито, а [сам] Лян Хань-чжан убит. Цзиньские [командующие] Ду Чжун-вэй и Чжан Янь-цзэ забрали войска и стали охранять мост Чжундуцяо[212] – [«Центральный мост-переправу»], после чего // войска хана Тай-цзуна несколько дней, напрягая силы, сражались [за мост], но [так и] не смогли переправиться [на другой берег]. Хан Тай-цзун сказал: «В спорных боях войск двух [государств] за переправу обессилели все – и люди, и лошади. Каким способом лучше захватить [ее]?». Все командующие ответили: «Возвратимся с войсками [домой] и займемся потом спокойно [мирным] трудом!». Хан сделал вид, что [считает] их слова справедливыми, после чего амбань, которому было поручено [командование] сухопутными войсками[213], изменившись в лице от гнева, выступил вперед и сказал: «По моему ничтожному мнению, если хан желает жить в мире, спокойствии и веселии, то должен бдительно охранять границы [всех] четырех сторон. Ныне, желая расширить [свои] владения, вывел войска и пришел воевать далеко [от родных мест], и возможно ли это, что ханское сердце не тревожится [о будущем]? [Ведь] если мы ныне остановим продвижение на середине страны, то будет выгода [не для нас, а], напротив, для государства Цзинь, [которое] непременно захватит Южную столицу, и ставший нашим народ будет страдать. В таком случае вот что не прекратится: взаимные завоевательные и карательные войны, и в нашем народе, конечно, мира не будет. Ныне те пешие, а мы конные. Если нападем, то непременно победим. К тому же китайские воины слабосильны и мешкотны в походах. Отбираем ли мы [изо всех войск] легкие 27

авангардные отряды [для сбора сведений и оповещения], перерезаем ли прежде [всего] пути [подвоза] его [т. е. врага] провианта – неспособность к [любому] делу [у нас считается] бесчестием».

Хан Тай-цзун, восхищенный, сказал: «Наперед знайте: когда государство могущественно, то люди мудры; когда море велико, то рыба большая!» – и дал Чжао Янь-шоу пехоту, [которая] ударила во фронт [по цзиньским войскам]. Затем дал конницу Гао Янь-вэню, [которая также] вступила в сражение, и в результате [объединенного удара пехоты и конницы] цзиньские войска обратились в бегство. Киданьские войска преследовали [их] и убили несколько десятков тысяч человек. Цзиньский командующий Ван Цин был убит. Сун Янь-юнь упал в реку и утонул. Ду Чжун-вэй и другие отступили и стали охранять главные [крупные] города и крепости[214].

28 Ли Инь, *цзедуши* цзиньского округа (*цзюнь*)[215] Иу, взял жителей [главного] города // и принял подданство государства Цидань. Войска хана Тай-цзуна немедленно пошли в наступление, захватили плавучие переправы[216] и разбили лагеря. Разделенные и поставленные в три места войска[217] осаждали стены главных [крупных] городов и крепостей[218]. Ночами [киданьские] всадники выстраиваются [у городских ворот, другие] стоят дозором вокруг [городских стен]. Днем войска отправляются [на все четыре стороны] и занимаются грабежом. Хан Тай-цзун лично взял конницу и ночью переправился через реку. Завоевав города [области] Лань, покорил несколько десятков тысяч [цзиньских] всадников, распределил войска между командующими и велел охранять узкие проходы в горах. Хан Тай-цзун объявил приказ войскам: «Заранее приготовьте пищу и приберегите [ее]! Не разводите огня [в течение] трех дней!». На лицах [захваченных в плен] цзиньцев без разбору ставили клеймо и отпускали, поэтому цзиньские перевозчики провианта, увидев [их], бросали [повозки с] провиантом и разбегались. После этого все цзиньские [находившиеся] внутри и вне [городов] войска оказались отрезанными, и [у них] совершенно окончились войсковые съестные припасы.

В 12-й луне, в день красного тигра, когда Ду Чжун-вэй, Ли Шоу-чжэнь и Чжан Янь-цзэ взяли подчиненные им войска в 200 000 человек и пришли для сдачи, хан Тай-цзун в сопровождении нескольких десятков тысяч всадников взошел на высокий холм и принимал [сдающихся], долго сидя верхом на коне. Хан Тай-цзун пожаловал Ду Чжун-вэю [почетную] должность *дафу* – [главного помощника] – и назначил *люшоу* – [наместником] – в области внутренних [крупных] городов[219]. Ли Шоу-чжэня назначил *цзедуши* Тяньпинской области. Каждому из всех прочих чиновников возвратил прежнюю должность. Разделив сдавшиеся войска, половину отдал Ду Чжун-вэю, [другую] половину отдал своему амбаню Чжао Янь-шоу. Затем хан Тай-цзун командиро-
29 вал трех амбаней по именам Сели, Фучжуэр[220] и Чжан Янь-цзэ со словами: «Вы идите в город Бяньлян // и ведите разговор, показывая любовь и великодушие цзиньскому хану и [его] матери, урожденной Ли! Прежде [всего] отправьте [ко мне] Сан Вэй-ханя и Цзин Янь-гуана!». Оставив 1 000 всадников для защиты Вэйчжоу, хан лично взял крупные войска и отправился на юг.

Когда Сели и другие пришли в город Бяньлян, то цзиньский хан Чжун-гуй надел на себя простое платье и с поклонами, стоя на коленях, принял отправленный ханом Тай-цзуном указ. Вместе с матерью, урожденной Ли, взял указ в руки и признал вину.

Вначале, когда цзиньский хан Чжун-гуй [решил] прервать дружественные [отношения] двух государств, Сан Вэй-хань [в докладе] отговаривал [его от этого], но [Чжун-гуй] не внял [словам Сан Вэй-ханя]. Поэтому Чжан Янь-цзэ, командированный ханом Тай-цзуном, убил преданного [цзиньскому престолу] амбаня Сан Вэй-ханя, а хану Тай-цзуну послал ложное донесение: «Сан Вэй-хань покончил жизнь самоубийством – повесился», – после чего хан Тай-цзун спустил указ: «Позаботьтесь о теле Сан Вэй-ханя и похороните как можно лучше! Его пашни и сады, дом и двор передайте его семье в образцовом [порядке] и с любовью заботьтесь [о ней]!». Чжан Янь-цзэ распустил войска, и когда [они] занимались [повсеместным] грабежом, то бедные [китайцы]-простолюдины, радуясь чужой беде, [также] входили в богатые дома, чтобы убивать людей и захватывать имущество. И только по истечении двух дней [грабеж] был остановлен. Когда Чжан Янь-цзэ переселил своего бывшего повелителя Чжун-гуя, его мать и его жену в *Кайфынфу**, то цзиньский хан Чжун-гуй унес [с собой взятые] из своей дворцовой кладовой драгоценности из золота, серебра и жемчуга. Чжан Янь-цзэ отправил человека пригрозить: «Придет киданьский хан. Это богатство нельзя прятать». Из-за этих слов хан Чжун-гуй вернул все назад, отдавая Чжан Янь-цзэ по частям. Затем Чжан Янь-цзэ выбрал и забрал редкостные драгоценности, а то, что осталось, опечатал
30 // и сохранил для хана Тай-цзуна. Далее, Чжан Янь-цзэ дал *чжихуэйши* [по имени] Ли Сун[222] воинов, приказал [ему] держать цзиньского хана под охраной и [этим] прервал все связи [хана с внешним миром].

Когда хан Тай-цзун отправился к Красному кургану – [царскому кладбищу], то цзиньский хан Чжун-гуй вместе с родственниками вышел за ворота Фэнцюмынь[223], сам себя связал [сплетенной] из травы веревкой,

---

* *Кайфынфу* – это название присутственного места[221] внутри города Бяньлян. Цзинский хан был удален из [своего] дома и переселен туда.

[чтобы при встрече с киданьским ханом подойти к нему], ведя [за собой] овцу, стать на колени и признать вину. Чжун-гуй сидел на троне 4 года. Но хан Тай-цзун отказался увидеться [с ним] и велел препроводить в храм Фэнчаньсы[224]. Все цзиньские [военные и гражданские] чиновники, одетые в простое платье и крылатые шапки, стали на колени и признали вину, после чего хан Тай-цзун сказал: «Быть может, ваш повелитель и забыл [мои] благодеяния, а на вас какая вина?!» – и возвратил [им] прежние должности. [Один] киданьский командир копьеносцев[225] схватил и доставил [к хану] амбаня по имени Цзин Янь-гуан, после чего хан Тай-цзун взял в руки бирки [для подсчета предъявленных обвинений]. При подсчете преступлений Цзин Янь-гуана их [оказалось] восемь. Хан Тай-цзун велел связать Цзин Янь-гуана и доставить в Верхнюю столицу. В пути Цзин Янь-гуан покончил жизнь самоубийством.

В 10-й год [эры правления] Хуэй-тун (947 г.), в 1-й день нового года, хан Тай-цзун, украсив колесницу и коня, въехал в город Бяньлян и сел в ямыне, [где проводились] главные гражданские церемонии[226], после чего все [цзиньские военные и гражданские] чиновники били [перед ним] челом при поздравлении с радостным событием. Хан Тай-цзун [приказал] привести Чжан Янь-цзэ на торговую площадь и казнить за то, что он, действуя по своему произволу, переселил цзиньского хана в *Кайфынфу* – [в присутственное место города Бяньлян], убил Сан Вэй-ханя и распустил войска, [которые два дня] занимались [повсеместным] грабежом. Люди государства Цзинь [тело] Чжан Янь-цзэ [разрезали на куски, а его] мясо съели. [Хан Тай-цзун] низложил цзиньского хана, // назначил *тайвэем* – [главным воеводой][227] – и пожаловал титул [*Фуи-хоу*] – «*хоу*, нарушивший 31
долг».

Когда многие киданьские командующие – Сяо Хань, Елюй Лан-у, Мада и прочие деспотичные и жестокие[228] люди – занимались убийствами и [повсеместными] грабежами, то *ханьлинь сюэши* [т. е. ученый из числа выдающихся литераторов] Чжан Ли представил хану Тай-цзуну доклад, где говорилось: «Ныне наша династия Цидань только что приобрела Срединное государство. И теперь следует по справедливости назначать на службу людей из Срединного государства. Не следует употреблять на службе только лишь людей нашего государства и давать должности ханским любимцам [из числа амбаней] левой и правой сторон. В случае, если правительство нарушает законы, то сердца людей не будут повиноваться [ему]. Хотя бы [оно] и приобрело [повиновение людей, когда-нибудь] непременно лишится [его]». Но хан его слова не принял. [Далее], хан Тай-цзун дал трем амбаням по именам Чжао Ин, Фэн Юй и Ли Янь-тао[229] триста всадников и отправил [их] переселить в Хуанлунфу *хоу*, нарушившего долг; [его] мать, урожденную Ли; [его] жену, урожденную Фэн[230]; младшего брата [по имени] Чжун-жуй[231]; сыновей [по именам] Янь-сюй и Янь-бао и других. [Чжун-гуя] сопровождали 50 служанок, 3 придворных евнуха, 50 телохранителей обеих сторон, 1 лекарь, 4 командира [отряда] *кунхао*[232], 7 поваров, 3 человека, которые выдают вино и чай, 3 кучера и 10 проворных, сильных и крепких воинов.

Во 2-й луне хан Тай-цзун переименовал государство Цидань в государство Да Ляо, изменил наименование эры правления Хуэй-тун и назвал год 1-м годом [эры правления] *Да-тун** (947 г.).

Город Чжэньчжоу повысил [в ранг] Средней столицы. Назначил Чжао Янь-шоу великим министром, вручил [ему] дела государственного управления и охрану Средней столицы. Гражданским и военным чиновникам – и внутренним, и внешним [т. е. киданьским и китайским] – пожаловал должности, принимая во внимание ступени [чинов и ученые степени]. Чжао Янь-шоу // напомнил хану Тай-цзуну: «Составляя [смету на каждый] месяц, 32
будем-ка снабжать хлебным [довольствием] воинов нашего государства!». Но хан Тай-цзун на эти слова ответил: «В нашем государстве нет правила, подобного этому», – и [по-прежнему] распускал воинов на все четыре стороны, каждый [из которых] под предлогом пастьбы лошадей занимался грабежом, и это называлось «косить траву и хлеб». [Молодых и сильных китайцев при этом] убивали мечами и копьями, а старых и слабых сбрасывали в водяные рвы и канавы, где они умирали. От Восточной столицы до Западной столицы на расстоянии в несколько сотен ли [население] лишилось всего имущества и домашнего скота. Хан Тай-цзун сказал Лю Сюю – чиновнику, который держал [в своих руках государственные] доходы: «300 000 воинов нашего государства Да Ляо, ведя войну с государством Цзинь, усмирили [его]. Многих нужно наградить. Ты быстро распорядись [этим]!». Но к тому времени со всем богатством [дворцового] казначейства было покончено, [новых] поступлений у Лю Сюя не было, поэтому [он] представил хану доклад со словами: «Позволь собрать с применением насилия[233] серебро и [прочие] средства у войска и народа города Бяньлян!». И [хан позволил] собрать у всех, не освободив [от этого никого], кроме командующих и министров. Затем отправил несколько десятков человек для сбора средств у населения разных областей (*чжоу*), и когда сбор привели в исполнение, то народу, [и без того] задавленному убийствами [и грабежами], стало невозможно жить. Но желание [хана] наградить [своих воинов] не было его искренним намерением. [На самом деле он] собирал [средства], чтобы накопить [их] в

* Слова *да тун* означают: «великое единение».

дворцовом казначействе, [а потом] хотел увезти в свое государство. По той причине негодовали все – и внутренние, и внешние [т. е. кидане и китайцы]. Далее, хан Тай-цзун на должности *цзедуши* и *цыши* назначал своих сыновей, младших братьев и заслуживающих доверия людей левой и правой сторон, в то время как они не разумели в делах государственного управления, а льстивые и коварные китайцы подлаживались к нему, [угодливо] называя его могущественным и счастливым, и подчистую забирали [в свою пользу] средства у населения, так что не осталось местечка, где бы у людей отпустило от души[234]. И потому [доведенные до отчаяния] люди,
33 которые имелись повсюду, собирались толпами и становились разбойниками. // В больших [бандах] было по нескольку десятков тысяч человек. В небольших [бандах, число разбойников в которых] достигало тысячи [или нескольких] сотен[235], недостатка не было. [Разбойники] захватывали области (*чжоу*) и уезды (*сянь*), убивали и чиновников, и простой народ, отнимали серебро и имущество.

Цзедуши Хэдунской области Лю Чжи-юань командировал своего человека по имени Бай Вэнь-кэ[236], [который] поднес хану Тай-цзуну удивительной красоты шелковую ткань и знаменитых красивых коней, после чего хан Тай-цзун понял, что Лю Чжи-юань не приходит, исходя из [существующего] положения дел. Отправляя Бай Вэнь-кэ назад, сказал: «Вы не служите Южной династии, а также не служите и Северной династии. Чего [от вас] ожидать?».

Амбань по имени Го Вэй обратился к Лю Чжи-юаню: «Злоба на нас династии Да Ляо глубока. Мне из слов людей [вот что] стало известно: [повсюду] говорят, что династия Да Ляо стала алчной и жестокой и лишилась [покорности] людских сердец. [Думаю, что] в Срединном государстве не задержится». Некоторые люди уговаривали Лю Чжи-юаня: «Поднимем войска и пойдем войной [на киданей]!», – но Лю Чжи-юань сказал: «Есть обстоятельства, по которым военные дела нужно замедлить. Правда, есть и обстоятельства, по которым [их] нужно ускорить. Но лучше действовать, смотря по времени года. Ныне династия Да Ляо вновь склонила к сдаче стотысячную армию государства Цзинь и подобно тигру завладела городом Бяньлян. Когда вовсе нет никакой спешки, то можно ли попусту легкомысленно суетиться?! Как я посмотрю, династия Да Ляо жадна до богатства. Когда насытится богатством, то непременно уйдет назад. Кроме того, растаяли лед и снег. Там, где [сейчас] находится, долго оставаться не будет. Дождемся ее ухода и после сего захватим [Китай]! В таком случае будет хорошо».

Лю Чжи-юань, услыхав о переселении цзиньского хана в Северную страну, сказал главному командиру [войск], обращенных лицом к флангу[237], и *сыкуну* – [тому], кто набирает [работников] и завершает [общественные работы]:[238] «Выведу войска, перережу путь в местах основных троп[239], [отобью цзиньского хана] и достав-
34 лю в город Цзиньян!» – // и собрал множество воинов, которые бы [вместе с ним пошли], спасли и помогли[240] [цзиньскому хану]. Но когда войскам сообщили о дне выступления, то все воины стали говорить [между собой]: «Ныне династия Да Ляо разрушила столичные города[241]. В Поднебесной нет повелителя. Тот, кто станет повелителем в Поднебесной, – кто, как не наш ван?! [Он] должен сначала взойти на престол и лишь потом выводить войска». И голоса, выкрикивающие: «Десять тысяч лет!», – не переставали [раздаваться]. Но Лю Чжи-юань сказал: «Мощь Да Ляо по-прежнему крепка, слава же об отважности наших войск еще не распространилась. Прежде укреплю свой официальный титул![242] Что вы понимаете?!». Отправил людей левой и правой сторон сделать выговор и приказал прекратить [разговоры]. *Сима*[243] – [начальник управления классических книг] – Чжан Янь-вэй и другие три раза представляли доклад, где говорили Лю Чжи-юаню: «Сядь ханом!», – но Лю Чжи-юань [все] сомневался, [поэтому] Го Вэй вместе с Чжан Бинем вошли к Лю Чжи-юань до [его] решения и сказали: «Ныне сердца дальних и близких людей – как одно [сердце], хотя [люди] и не договаривались. Это есть воля Неба. Если ван в это время не сядет ханом и уступит [престол], то опасно, как бы мысли людей не направились на другое! Если намерения людей переменятся, то несчастий будет еще больше». И только тогда Лю Чжи-юань принял [их] слова.

В день беловатой овцы Лю Чжи-юань – ван, успокоивший Север, – взошел на ханский престол и дал [своей] династии название Хань. Даляоский хан Тай-цзун, услыхав об этом, назначил на должности *цзедуши* своих [амбаней по именам] Гао Тан-ин, Гэн Чун-мэй и Цуй Янь-сюнь[244], распределив [между ними китайские] области, и [велел] охранять узкие проходы в горах. [Далее], хан Тай-цзун велел доставить в Верхнюю столицу всех цзиньских чиновников, дворцовых женщин, евнухов, разного рода ремесленников, [а также] вещи, употребляемые на службе ханскими людьми, – топографические карты, книги, календари, [отлитые] из меди [скульптуры] людей.
35 // Правитель города Сычжоу, амбань по имени Лян Хуэй, захватил два города – Сычжоу и Сянчжоу – и изъявил покорность государству Хань, после чего хан Тай-цзун отправил Гао Тан-ина с приказом: «Возьми войска и покарай [Лян Хуэя]!».

В 4-й луне хан Тай-цзун выехал из города Бяньцзин, чтобы возвратиться в Верхнюю столицу. Когда пришел к Красному кургану – [царскому кладбищу], то ночью из ханской монгольской кибитки вырвались звуки, по-

добные грому. Затем перед ханским знаменем упала большая звезда. Хан Тай-цзун переправился через реку у [города] Лиян, повернулся лицом назад и сказал [своим] советникам: «В этот раз я сделал три ошибки[245]. Во-первых, распускал войска, [которые под предлогом пастьбы лошадей и заготовки] травы и хлеба занимались [повсеместным] грабежом. Во-вторых, [позволил] забрать у населения совершенно все средства. В-третьих, не отправил экстренно во все губернии [своих людей] на должности *цзедуши*».

В день желтого дракона хан Тай-цзун пришел в места областей Гао и И, где тяжко заболел. В день красноватого быка скончался в городе Луаньчэн[246]. Был в возрасте 46 лет. На троне сидел 20 лет.

ТЕТРАДЬ III

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Имя даляоского хана Ши-цзуна – Юань[247]. В детстве звали Уюй. Внук хана Тай-цзу Абаоцзи, старший сын Жэньхуан-вана Туюя. Мать – урожденная Сяо. Ши-цзун Уюй по природе[248] [своей] был величественным и сильным, внутренне снисходительным, но внешне строгим, искусным стрелком из лука, добрым [на дела]: раздачу [милостыни] и заботу о пропитании людей. Люди охотно повиновались [ему]. Хан Тай-цзун любил [его] как родного сына.

В 9-й год [эры правления] Хуэй-тун (946 г.), установленной ханом Тай-цзуном, Ши-цзун Уюй, следуя за ханом Тай-цзуном, ходил в карательный поход против государства Цзинь. Во 2-й луне [этого года] был возведен в достоинство Юнкан-вана.

В 4-й луне [10-го года эры правления Хуэй-тун] (947 г.), когда хан Тай-цзун умер в городе Луаньчэн, не оставив указа об унаследовании [престола], все войска находились в страхе. Великий ван южных министерств Елюй Хоу пришел к великому вану северных министерств Елюй Ва и сказал: «Не следует и на один день оставлять пустым ханский трон. В случае, если уведомить тайхоу и если будет [на то] воля тайхоу, то [на престол] непременно возведут Ли Ху. Но сердце Ли Ху жестоко и свирепо. Считать народ своими детьми не сможет. Если хотим соответствовать желанию людей, то [на престол] нужно возвести Юнкан-вана Уюя». Но Елюй Ва не мог ни подтвердить, ни прервать [его слова]. В то время человек по имени Елюй Аньдуань был для Юнкан-вана Уюя любезным другом. Юнкан-ван Уюй тайно принял Аньдуаня и стал расспрашивать об [этом] плане, поэтому Аньдуань сказал: «Ван, сердце твое мудро и снисходительно. [Ты] – старший сын Жэньхуан-вана. И хотя [12-летний] Шоуань-ван Шулюй – [старший] сын хана Тай-цзуна, // сердца всех людей Поднебесной 2
направлены к тебе, ван. В случае, если [вопрос о престолонаследии] не решишь в настоящее время, то в будущем [упущенного уже] не догонишь, хотя бы и раскаялся». В ту пору из Верхней столицы прибыл человек [с донесениями], поэтому Аньдуань тотчас же распространил внутри войск ложную весть: «Ли Ху умер», – чему все воины поверили. После этого Аньдуань пошел держать совет с двумя ванами – ваном Севера и ваном Юга, и ван северных министерств Елюй Ва, выслушав [Аньдуаня], сразу же встал и сказал: «Наши две персоны только что рассуждали об этом деле. Было, что почивший хан постоянно велел Юнкан-вану Уюю стать его преемником. И если уж нас сегодня это дело объединило, то кто [из нас] откажется [выполнить волю почившего хана]? Но только если возведем [на престол Уюя], не известив тайхоу, то как бы не произошли раздоры в царствующем доме!» Аньдуань сказал в ответ: «Ван, [к чему сомневаться], коли уж ты знаешь о намерении почившего хана [в отношении] Юнкан-вана Уюя: "Пусть он наследует!"? Кроме того, Юнкан-ван Уюй очень благоразумен, и сердца людей покорны [ему]. Когда немного промедлим, то великое дело погибнет. Если уведомить тайхоу, то [на престол] непременно возведут Ли Ху. Ли Ху – жестокий, свирепый человек, и все люди, которые идут дорогою [на север, домой], знают о его пороках. Когда [Ли Ху] унаследует престол, то что сделает с царствующим домом?!». Великий ван южных министерств Елюй Хоу сказал: «Эти слова справедливы. Я утвердил [решение] и завершил [дело]», – сразу же привел в порядок войска, собрал всех командующих и в городе Чжэньян возвел Юнкан-вана Уюя // на престол перед гробом хана Тай-цзуна. Юнкан-ван Уюй, став ха- 3
ном, назначил Аньдуаня главным командиром над людьми, изъявившими ему покорность, доверяя Аньдуаню как сердцевине сердца. Хан Ши-цзун, придя в город Динчжоу, отправил Тяньдэ, Шогу, Цзели[249] и других со словами: «Возьмите гроб [с телом] хана и идите впереди [всех] в Верхнюю столицу!» Тайхоу, услыхав, что Ши-цзун стал ханом, дала войска Ли Ху – младшему брату хана Тай-цзуна – и отправила со словами: «Иди навстречу [Уюю] и вступи в сражение!». Когда Ли Ху пришел в Южную столицу, то *илицзинь* Аньдуань и *чанвэнь* Люгэ[250] командировали человека сообщить [об этом] хану Ши-цзуну, а сами взяли передовые [т.е. легкие авангардные] войска[251] и пришли в местность у самой красивой великой реки[252], [где] натолкнулись на войска Ли

Ху и, вступив в сражение, разгромили [их]. Ли Ху вернулся [домой], схватил семьи всех амбаней хана Ши-цзуна и сказал охранникам: «Когда я в [новом] сражении потерплю поражение, то всех этих убью первыми!». От таких слов люди пришли во всеобщее негодование и ужас: «В случае, если произойдет сражение, то отцы, сыновья, старшие, младшие братья и все прочие [родственники] будут убивать друг друга». Когда хан Ши-цзун пришел к реке Хуанхэ[253], то тайхоу вместе с Ли Ху привела в порядок войска и пошла к переправе через реку Хуанхэ навстречу [хану Ши-цзуну].

В то время человек по имени [Елюй] Учжи был на стороне тайхоу. Хан Ши-цзун написал одно письмо, назвав [в письме] Учжи ловким в составлении отчетов [о расходах сумм], и, опорочив [его таким образом], велел перепроводить [письмо] к тайхоу. Тайхоу получила письмо и показала [его] Учжи. Учжи, окончив читать,
4 сказал: «Тайхоу помогала Тай-цзу и водворяла спокойствие в Поднебесной. Поэтому я // имею желание до [самой] смерти ревностно служить [ей]. Но если тайхоу сомневается во мне, то найду ли я [возможность служить ей], хотя бы и желал исполнить [свой] долг? [Относительно случившегося скажу, что если вы] ныне встретитесь для переговоров, то [дело] до совершения преступления и не дойдет. В противном случае скорее сражайтесь, чтобы разрешить сомнение победой или поражением! Если души людей поколеблются [хотя бы] один раз, то бедствия династии не бывают мелкими. Тайхоу, хорошенько вникни [во все]!». Тайхоу сказала: «Амбань, если я сомневаюсь в тебе, то для чего показываю письмо?!». Учжи ответил: «Ли Ху и Юнкан-ван – сын и внук Тай-цзу. Далее, ханский престол не перешел к чужому. Почему же нельзя Юнкан-вану сесть [на ханский трон]? Тайхоу, подумай о возможных дальних [последствиях] и встреться с Юнкан-ваном!». Тайхоу спросила: «Кого можно командировать?» Учжи ответил: «Если тайхоу не сомневается во мне, то я отправлюсь на переговоры, и если, сверх ожидания, Юнкан-ван примет [мои] слова, то [это] будет счастье для царствующего дома». И тайхоу тотчас же командировала Учжи и велела [ему] препроводить письмо к хану Ши-цзуну. Хан Ши-цзун также [написал] письмо, вручил [его] Елюй Хайсы и [хотел] командировать [Хайсы к тайхоу], но так как слова письма были чрезвычайно неприятны [для слуха], то Учжи, увещевая, сказал: «Если в письме написать так, то бедствия династии не прекратятся. [Когда] прекратите враждовать, то до [кровопролития], успокоения царствующего дома и заключения мира [дело] и не дойдет». Но хан [все] говорил: «[Да] как она может сражаться со мной, хотя бы и была во многом подобна мужчине?!». Учжи отвечал: «Пусть она и не победит, [вы] есть одно [целое] – кости и мясо! Кроме того, [уже] известно, кто победит, а кто потерпит пораже-
5 ние. Хотя хан, к счастью, победит, но не останется никого из семей всех амбаней // – из тех [семей], что схвачены Ли Ху. Когда [все] это обдумаешь, то [поймешь]: только в примирении благо». Люди левой и правой сторон, подслушавшие эти слова[254], изменились в лице [от страха]. Хан Ши-цзун долго раздумывал, а [затем] спросил: «Каким образом примириться?». Учжи ответил: «Когда встретишься с тайхоу и [правдиво] объяснишь все, что [тебя] озлобило, то примирение не будет трудным. [Ведь только] по такой причине не медлят со сражением – если не приходят к согласию». Хан Ши-цзун признал его слова справедливыми и тотчас же командировал к тайхоу [Елюй] Хайсы со словом: «Встретимся!». По прошествии нескольких дней, действуя через послов, встретились и сразу же стали высказывать все, что [их] озлобило, и кричать. Когда уже и малого желания примириться не осталось, тайхоу сказала Учжи: «Не поразмышляешь ли ты хорошенько вместо меня?». Учжи ответил: «Тайхоу, я буду говорить, если ты скажешь Ши-цзуну: “Прекращаю вражду”». Тай-хоу сказала: «Говори ты!». Учжи взял в руки бирки и обратился к тайхоу: «Почему [ты] в прежние времена – во времена Жэньхуан-вана – ханом поставила Тай-цзуна, [хотя] он и был младшим братом [Жэньхуан-вана]?». Тайхоу ответила: «Возведение Тай-цзуна [на престол] – это [устное] завещание Тай-цзу». Затем Учжи обратился к Ши-цзуну: «Великий ван, по какой причине ты особым образом стал ханом, не известив бабушку и младшего брата отца?». Хан Ши-цзун ответил: «Был закон, по которому [мой] отец Жэньхуан-ван должен был сесть на трон. Но [он] не сел, уступил [трон] и ушел в государство Тан. Ныне закон – мне сесть [на трон] ханом». Учжи, приняв строгий, важный вид[255], сказал: «Разве может быть такое – закон сына Жэньхуан-вана, закон сына того, кто покинул
6 страну отца и матери и ушел в государство Тан?! Великий ван, // примиряясь с тайхоу, уже немного проигрывает [в споре], но не принимает вину на себя. Только выкапывает все, что [его] озлобило. Тайхоу же снова, [как и после смерти хана Тай-цзу], потворствует своей любви и, говоря: “[Таково устное] завещание почившего хана”, – хочет [в этот раз] отдать трон взбалмошному Ли Ху. Если так, то для чего примиряться? Быстро сойдитесь и сражайтесь!». Сказав, бросил на землю взятые в руки бирки и возвратился [на свое место]. Тайхоу, проливая слезы, сказала: «Тай-цзу при мятежах, [поднятых] всеми [его] младшими братьями, встречался [с ними для примирения], люди Поднебесной страдали, и притом отверстия ран еще не затянулись. Разве может быть такое снова?». Сказав [Учжи]: «Подай одну бирку!», – взяла [ее в руки]. Хан Ши-цзун сказал: «Мой отец не стал ханом, поэтому [ханом] стал я – [его] сын. О ком [это] снова говорят: “Бунтовщик”?» – и, приняв [от Учжи], взял в руки одну бирку. При этом люди левой и правой сторон, обняв друг друга, все вмес-

те зарыдали. Тайхоу снова обратилась к Учжи: «С примирением покончено. Но кого же [все-таки] нужно посадить на трон?». Учжи ответил: «Тайхоу, когда отдашь трон Юнкан-вану, то все будет соответствовать воле Неба и желанию людей. Сто́ит ли еще сомневаться?». Ли Ху громко воскликнул: «Если существует Ли Ху, моя особа, то как Уюй сможет взойти [на престол]?». Учжи сказал: «[По] закону всех поколений [на трон] садится старший сын. А все [его] младшие братья сесть не могут. Притом восшествие [на престол] в прежние времена следующего совершенномудрого хана не было справедливым. Кроме того, ты, гун, жесток и свиреп, и люди чрезвычайно озлоблены [на тебя]. Весь народ желает возвести [на престол] Юнкан-вана. Вырвать [престол из его рук] невозможно». Тайхоу сказала Ли Ху: «Две наши особы[256] – Тай-цзу [и я] – с [самого] начала любили тебя больше других сыновей. Люди обычно вот что говорят: "Пристрастно любимый сын // не в состоянии защитить дом; женщина, которой довелось печалиться, не умеет управлять домашним хозяйством". Я – не из тех, кто не возводит тебя на ханский [престол]. Но что делать с твоей неспособностью [к управлению]?». Сказав [так], утвердила престол за [29-летним] ханом Ши-цзуном. После этого, по прибытиии хана Ши-цзуна в Верхнюю столицу, стало известно по слухам, что тайхоу и Ли Ху снова приняли другое намерение, [поэтому хан] переселил тайхоу и Ли Ху и водворил на жительство в городе [области] Цзучжоу, [где был похоронен хан Тай-цзу]. Амбаня, который нарушил клятву и стал [для него] невыгодным[257], убил, сказав: «[Участвовал] в заговоре». 7

В 8-й луне хан Ши-цзун свою мать, урожденную Сяо, возвел в достоинство хуантайхоу. Впервые употребил в северных министерствах должность *шумиши*[258] – [председателя верховного военного совета] – и назначил [на нее] Аньдуаня. Останки совершенномудрого хана Тай-цзуна похоронил в области Хребта славы[259] и принес жертву [духам] Неба сожжением бумажных [денег]. Все амбани поднесли хану Ши-цзуну и объявили почетный титул «император *Тянь-шоу*»[260]. [Хан] помиловал всех преступников, изменил наименование эры правления Хуэй-тун[261] и назвал год 1-м годом [эры правления] *Тянь-лу** (947 г.).

Хан Ши-цзун объявил посмертный почетный титул своего отца Жэньхуан-вана – «император *Жан-го***». Объявил Аньдуаня правителем государства Дундань, Чагэ – Тайнин-ваном, Люгэ – *тиинем*, Гао Сюня[263] – *шумиши* в южных министерствах.

Во 2-й год [эры правления] Тянь-лу (948 г.), в 1-й луне, двое амбаней по именам Елюй Тяньдэ и Сяо Хань задумали поднять мятеж. Предугадав это, [хан] заключил [их] в тюрьму. [Затем] с Елюй Тяньдэ сблизился *тиинь* Люгэ вместе со своим младшим братом Пэньду[264] и хотел поднять мятеж, но Елюй Шила узнал [об этом] и пошел к Учжи с тайным доносом, // после чего Учжи немедленно, взяв [с собой] Елюй Шила, вошел к хану Ши-цзуну и сообщил об этом деле. Хан Ши-цзун [велел] привести Люгэ и других и допросил [их], но так как Люгэ не сознался в преступлении, то сразу же прекратил [дело]. Прошло немного времени, и Люгэ привел хана Ши-цзуна в свой дом, сказав: «Посмотри на игру в шашки!». Спрятав внутри рукава меч, подошел к хану принять [от него] вино, после чего хан, почувствовав [недоброе], велел схватить Люгэ и расспрашивал об этом деле, но так как Люгэ сразу же поклялся: «Нет!», – то хан снова, вторично, допрашивать не стал. Но Учжи сказал хану Ши-цзуну: «[Допроси] Люгэ и Шила на очной ставке! Нельзя [этот донос] оставить без внимания!». И хан Ши-цзун сказал: «Амбань, ты произведи расследование вместо меня!». Учжи немедленно взял людей с привешенными на боку мечами и пошел [к Люгэ]. При допросах [этот] сообщник Тяньдэ сознался в преступлении, после чего Тяньдэ был казнен, Сяо Хань наказан палками, Люгэ смещен [с должности *тиинь*] и поселен на границе, Пэньду отправлен [на жительство] к наводящему страх грабежами дикому народу[265]. 8

В тот год умер Лю Чжи-юань, хан династии Хань, и [его] сын Чэн-ю взошел [на престол]. Лю Чжи-юань сидел на троне 2 года. Был в возрасте 54 лет.

В 3-й год [эры правления] Тянь-лу (949 г.), в 1-й луне, схватили младшую сестру хана Ши-цзуна [по имени] Абули вместе с ее мужем Сяо Ханем за то, что [они снова] задумали поднять мятеж. Сяо Хань был казнен, а принцесса Абули заключена в тюрьму, [где] умерла от голода.

В 4-й год [эры правления] Тянь-лу (950 г.), во 2-й луне, Данин-ван[266] Чагэ // тайно отправил человека с обманными словами о том, что его отец Аньдуань гнушается им, и [человек] пришел к хану Ши-цзуну с [этим] сообщением. Хан Ши-цзун велел сходить за Чагэ. Когда Чагэ привели, то [он] стал без удержу рыдать перед ханом. Хан Ши-цзун посмотрел на него с состраданием, назначил командиром в племенных войсках, [выстраиваемых перед сражением] в западных шеренгах[267], и разрешил [беспрепятственные] вход во внутренние [покои] и выход [из дворца]. Во время охот хана Ши-цзуна Чагэ обычно не привешивает на пояс лук и [колчан] со стрелами, обманывая, что у него в руках простудная болезнь[268] [и он не может стрелять из лука], а сопровожда- 9

* Слова означают: *тянь шоу* «ниспосланный Небом»; *тянь лу* – «обнаруженный Небом»[262].

** Слова *жан го* означают: «уступивший государство».

ет хана с железной дубиной. Чагэ извещал хана Ши-цзуна о любом нарушении в своем доме, поэтому хан верил ему, называя истинно надежным [человеком]. Чагэ на стоянках (*татань*) располагался на ночлег вместе со всеми прочими родами. Если и хотел положить начало злому [замыслу, то подходящего] случая[269] не представлялось. Помаленьку, шаг за шагом приближаясь, стал располагаться на ночлег неподалеку от хана. *Чанвэнь*[270] Елюй Учжи, удостоверившись в коварстве Чагэ, написал и представил хану Ши-цзуну доклад, после чего хан, не поверив, показал тот доклад Чагэ. [Прочитав], Чагэ сказал про Учжи: «Клевещет!» – и зарыдал [так, что полностью] перехватило все горло (букв.: «глотку и гортань»). Хан Ши-цзун сказал: «[Да] знаю я про эти твои места [на стоянках]! К чему плакать?!». С того [времени] Чагэ стал злиться на Учжи, а Учжи сказал [ему]: «Если у тебя не было этого намерения, то, [выходит], я заблуждался в [своих предположениях и] подозрениях. А ты не поступай [более] не по правилам!». Потом Учжи снова сообщил хану Ши-цзуну о зловредности Чагэ, и хан сказал: «Чагэ покинул отца и показывает мне [свое] усердие. Нет у него другого намерения». Учжи спро-
10 сил: «Если Чагэ непочтителен к отцу, // то может ли он быть преданным хану?». Но хан Ши-цзун не принял [его] слова.

В 9-й луне хан Ши-цзун ходил в земли Шаньси, в 10-й луне ходил в карательный поход на юг, успокаивал внутренние густонаселенные родовые поселки[271] и брал штурмом города. Захватил много пленных и повернул войска [назад].

В 5-й год [эры правления] Тянь-лу (951 г.), в 1-й луне, амбань государства Хань по имени Го Вэй убил своего хана, сам взошел [на престол] и дал название династии – Чжоу. Чэн-ю, хан государства Хань, сидел на троне 3 года. Был в возрасте 20 лет. Го Вэй[272], хан государства Чжоу, командировал своего человека – [чиновника], который поздравляет [с радостным событием] и преподносит [дары][273], и [тот] пришел к даляоскому хану Ши-цзуну с сообщением [о происшедших событиях], после чего хан Ши-цзун отправил посла, [через которого] велел [Го Вэю] присылать хороших лошадей.

Далее, Лю Чун[274] из государства Хань стал ханом в Тайюаньской области.

Во 2-й луне хан династии Чжоу вручил письмо двум своим амбаням – [чиновнику], который приглашает, вызывает и встречает [посетителей во время приемов во дворце], и [чиновнику], который заботится о печати[275], – и командировал к хану Ши-цзуну. Хан Ши-цзун просмотрел письмо. Поскольку слова доставленного письма были неучтивы, то сидел, принимая приглашающего, вызывающего и встречающего [посетителей чиновника] и других.

В 6-й луне Лю Чун из Тайюаньской области командировал посла к даляоскому хану Ши-цзуну сказать, что династия Чжоу ведет с ним войну, [а также передать] слова: «Стану [твоим] сыном. Приди с войсками на помощь! Пожалуй мне титул!», – после чего даляоский хан Ши-цзун командировал Янь-вана Дела[276] и *шумиши* Гао Сюня, [которые поднесли и] объявили почетный титул Лю Чуна – «император *Шэнь-у** Великой династии Хань».

11 Южная династия Тан также // командировала [чиновника], ведавшего [государственными] доходами[277], [который] пришел в государство Да Ляо со словами: «Подними войска и приди на помощь!».

В 9-й луне хан Ши-цзун отправился с войсками в карательный поход против династии Чжоу. Придя в горы [некогда] могучей державы[278], [что занимала земли и] города области Гуйхуачжоу, хан вместе с тайхоу совершил жертвоприношение [духу своего] отца, императора *Жан-го*. Когда все амбани опьянели, Чагэ пошел к Шоуань-вану. Если [хотел] договориться [с ним об убийстве хана Ши-цзуна], то Шоуань-ван не согласился [на это]. Затем пошел к Елюй Пэньду и советовался [с ним]. И Елюй Пэньду принял [его] слова. В тот же вечер эти двое вместе, взяв воинов, ворвались [в походный дворец] и убили тайхоу, хана Ши-цзуна и всех прочих. Хан Ши-цзун сидел на троне 5 лет. Был в возрасте 34 лет. Чагэ хотел стать ханом, но все амбани не согласились [на это], поэтому схватил их семьи, все до единой. Чагэ пошел осмотреть богатство дворцовой кладовой хана Ши-цзуна. С руганью, со скандалом[279] [проникнув в кладовую], стал рассматривать кубки и, сказав: «Драгоценностей, подобных этим, мало на свете, и ныне я приобрел [их]!», – отдал [кубки] своей жене. Жена сказала: «Шоуань-ван Шулюй, Учжи и все прочие будут жить, а от нашего рода [и малого] остатка не останется. Хотя и приобрел эти вещи, какая [в том] польза?». Чагэ ответил: «Шоуань-ван годами молод. Учжи, быть может, и держал [когда-то] в подчинении [каких-то] несколько рабов. Завтра утром придет для поклонения. [В отношении] его у меня нет опасений». В то время Учжи стало известно из слов людей, [что охранники] говорят: «Как бы не упустить [из-под стражи] человека в красном платье!». И Учжи сразу же обменялся платьем [с другим человеком], вышел [из-под стражи] и отправил людей, [которые] привели всех ванов. Дал знать командирам
12 сопровождающих хана войск о [своем] желании уничтожить мятежников единой [общей] силой. // Когда [бежавший к южным горам] Шоуань-ван возвращался в место своей стоянки, то Учжи отправил своего младшего

---

* Слова *шэнь у* означают: «дух-богатырь».

брата Елюй Чжуна[280] встретить вана. Когда ван пришел, [Учжи] стал советоваться [с ним], но ван сомневался и не верил Учжи. Учжи сказал: «Великий ван, ты – сын следующего совершенномудрого хана. Если мятежники найдут [тебя], то непременно убьют. Кому же [тогда] все амбани будут показывать усердие?! На кого будут опираться царствующий дом и мы?! Когда попадешь в руки мятежников, то [упущенных возможностей уже] не догонишь, хотя бы и раскаялся». И только тогда ван поверил его словам. Все командующие, услышав об уходе Учжи [из-под стражи], пришли [к нему] один за другим. Лишь только прояснилось небо, привели к порядок войска и тотчас же, не дав Чагэ [возможности] успеть [что-либо предпринять], пошли и окружили [лагерь мятежников]. Сообщник Чагэ, которого, доверяя, втянул [в преступление][281], пришел с сообщением: «Шоуань-ван и Учжи с войсками окружили внешние [укрепления]», – после чего Чагэ немедленно отправил людей, [которые] убили [жену] хана Ши-цзуна – императрицу, урожденную Сяо. Чагэ вышел [из лагеря, чтобы] забрать[282] напуганные [этими событиями] войска, после чего Шоуань-ван отправил человека сказать Чагэ: «Вы подняли мятеж и убили хана. Что теперь еще намерены сделать?». *Илицзинь*, хитрый и мудрый[283] [человек], бросил войска и сдался Шоуань-вану. И другие, глядя на него, стали потихоньку уходить [к Шоуань-вану] с изъявлением покорности, поэтому Чагэ понял, что [его] дело невыполнимо (букв.: «дело невозможно»). Приведя всех захваченных [им людей] из семей чиновников, схватил лук и стрелы и, угрожая, сказал: «Вы выходите скорее и сражайтесь! В противном случае [всех вас] убью!». В то время *линья* Елюй Диле[284] находился среди захваченных [и ставших] сообщниками [Чагэ по принуждению]. Он выступил вперед и сказал: «Когда будем вести переговоры таким образом: “Разве Шоуань-ван может взойти[285] [на престол], если бы хана не убили?” – // то мы сможем избавиться от наказания». Чагэ спросил: «Если [действовать] согласно словам гуна, то кого можно будет командировать?». Елюй Диле ответил: «Я [сначала один] проверю[286] [все, а потом] пойду вместе с Чагэ и буду вести переговоры». И Чагэ, следуя этому плану, немедленно командировал [его]. Далее, Шоуань-ван отправил Елюй Диле назад, и [тот] схватил Чагэ, употребив хитрость. Чагэ был [предан самой жестокой медленной смертной казни] – изрезан в куски. Все [его] сыновья были убиты. 13

ТЕТРАДЬ III

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

// Имя даляоского хана Му-цзуна – Цзин. В детстве звали Шулюй. Внук хана Тай-цзу, [по имени] Абаоцзи, старший сын хана Тай-цзуна, [по имени] Яогу. Мать – урожденная Сяо. Во 2-й год [эры правления] Хуэй-тун (939 г.), установленной ханом Тай-цзуном, [5-летний] Му-цзун был возведен в достоинство Шоуань-вана. 14

В 5-й год [эры правления] Тянь-лу (951 г.), [установленной] ханом Ши-цзуном, в 9-й луне, Чагэ убил хана Ши-цзуна, после чего Му-цзун, [по имени] Шулюй, [которому в то время было около 17 лет], взошел на ханский престол. Все амбани поднесли хану и объявили почетный титул «император *Тянь-шунь*». [Наименование эры правления] Тянь-лу было изменено и год назван 1-м годом [эры правления] *Ин-ли** (951 г.).

Хан Му-цзун сказал Учжи: «Амбань, судьба моего народа поистине вышла из твоих рук», – и поручил [ему] управление государственными делами. Пожаловал все имущество бунтовщиков, но Учжи отказался и не взял. Хан Му-цзун командировал амбаня, который тревожился [о нем], поддержал и привел в порядок [дела][288], и [тот] пошел в государство Хань сообщить о трауре.

В 11-й луне династии Хань, Чжоу и Южная Тан, каждая сама по себе, командировали послов, [которые] пришли для совершения поминок [на могиле] даляоского хана Ши-цзуна. Хан Му-цзун издал указ, где говорилось: «Когда явитесь к хану для поклонения, то следуйте китайскому церемониалу на основании [указа] следующего совершенномудрого хана!».

В 12-й луне династия Хань командировала послов, [которые] поднесли луки, стрелы, седла и лошадей.

Во 2-й год [эры правления] Ин-ли (952 г.), в 1-й день нового года, послы Южной династии Тан // [доставили] спрятанное внутри воскового [шарика] письмо и поднесли десять тысяч панцирей из рогов носорога. 15

В 10-й луне династия Хань командировала послов, [которые] поднесли виноградное вино.

В 11-й луне, в день зимнего поворота Солнца, хан Му-цзун совершил поклонение Солнцу, сообразуясь с древним обычаем.

[Согласно существующей] в государстве Да Ляо традиции, в день зимнего поворота Солнца ханская персона всходит на башню и расстилает наверху башни коврик[289]. Хан, обратившись [лицом] к Солнцу, дважды бьет

* Слова *тянь шунь* означают: «благоприятный Небу»; *ин ли* – «соответствующий [лучшим] образцам»[287].

челом и возжигает курения. Амбани, обязанные совершить поклонение [по своему служебному положению], дважды бьют челом перед Солнцем на двусторонней лестнице ямыня, [расположенного] под башней. Когда хан сядет на трон, то амбани подают [ему свои] доклады. [Ответственный за проведение церемонии] *цзайсян* [стоит] вместе с подведомственными ему амбанями, выстроенными ровно в ряд на задней стороне [тронного зала], и объявляет имена [подающих доклады амбаней, которые] дважды бьют челом перед ханом. [Покинув] места [церемониальной] выстройки, не возвращаются [на них], говорят: «Особе хана – вечное счастье!», – снова дважды бьют челом, встают [и остаются возле трона]. Объявляющий на заседаниях о делах чиновник[290] [Строительного министерства], стоявший в [церемониальном] строю вместе с подведомственными ему чиновниками на боковой [стороне тронного зала], и прочие [главные] чиновники ямыней сначала устно докладывают о делах, а потом точно так же, как и предыдущие, бьют челом.

В 3-й год [эры правления] Ин-ли (953 г.), во 2-й луне, к Диле, даляоскому *тайбао* – [великому защитнику], который управлял городом Ичжоу, пришло войско города Синьчжоу, [принадлежавшего] династии Чжоу, чтобы вовлечь [его] в сражение. Диле вступил в сражение и победил.

В 5-й луне от династии Хань прибыл посол и сообщил хану Му-цзуну: «Каменная триумфальная арка, воздвигнутая династией Цзинь для восхваления гениальности и добродетелей[291] вашего почившего хана Тай-цзу-
16 на, разрушена династией Чжоу. Ныне желаем снова вырезать камни [для арки]», – и хан Му-цзун // принял [эти] слова.

В 6-й луне умерла Согласующаяся с Небом вдовствующая императрица – [т.е. Ин-тянь да-мин ди хуанхоу – жена хана Тай-цзу]. Хан Му-цзун целых семь месяцев не рассматривал государственные дела. Посмертно [поднес] хуантайхоу и объявил почетный титул «императрица Чжэнь-ле»[292]. Похоронил в области Хребта предков[293].

В 4-й год [эры правления] Ин-ли (954 г.), в 1-й луне, умер Го Вэй – правитель династии Чжоу. [Его] приемный сын – Цзинь-ван Чай Жун[294] –унаследовал [престол]. Го Вэй сидел на троне 3 года. Был в возрасте 53 лет. Хан Му-цзун получил известие о том, что войска династии Чжоу нападут на династию Хань, и отправил на помощь династии Хань амбаня по имени Елюй Дилу.

В 5-й луне население городов Синьчжоу и Дайчжоу отложилось от подданства государства Хань и вступило в подданство государства Чжоу, после чего хан Му-цзун отправил своего великого вана южных министерств [по имени Елюй] Талей с приказом: «[Иди] на помощь Елюй Дилу и покарай [изменников]!». Елюй Талей отправился [на помощь, в то время как] войска государства Чжоу захватили несколько городов губернии Тайюань. Династия Хань из страха не [отдавала приказ своим войскам] вступать в сражение. Правитель династии Чжоу, получив известие о том, что даляоский Елюй Талей с войсками пришел [на помощь Елюй Дилу], дал двум амбаням по именам Фу Янь-цин и Го Цун-и[295] лучшие войска[296] и отправил [сражаться]. Талей напал на [эти] стоявшие в горном проходе Синькоу чжоуские войска и разбил их. Ши Янь-чао[297], [один из] их командующих, был взят в плен. Войска династии Чжоу обратились в бегство, после чего даляоские войска получили обратно уступленные прежде [противнику] города.

17 В 7-й луне // даляоские воины по ошибке ограбили людей государства Хань, поэтому ханьский правитель командировал посла, пришедшего со словами: «Принесите [назад]!», – и хан Му-цзун все отослал назад.

В 5-й год [эры правления] Ин-ли (955 г.), во 2-й луне, династия Хань командировала послов, пришедших с пожеланием поднести хану Му-цзуну и объявить почетный титул, но хан Му-цзун не принял [ее] слова.

В 11-й луне умер Лю Чун – правитель династии Хань. [Его] сын Лю Чэн-цзюнь[298] командировал к даляоскому хану Му-цзуну посла, пришедшего [с сообщением о трауре и] со словами о желании унаследовать престол, после чего хан Му-цзун командировал [своего] посла для совершения поминок и [доставки свидетельства о] назначении Лю Чэн-цзюня следующим ханом.

В 6-й год [эры правления] Ин-ли (956 г.), в 6-й луне, династия Хань командировала посла, пришедшего для обсуждения войсковых дел.

В 7-й год [эры правления] Ин-ли (957 г.) племена *бигудэ*[299] отправили послов, предоставивших дань [династии Да Ляо].

Шаманка по имени Сяо-гу поднесла хану Му-цзуну лекарства, сказав: «[Это] лекарства, от которых зарождается долголетие». К этим лекарствам [шаманка] примешивала желчь мужчин и в течение нескольких лет убила многих людей, [чтобы добыть желчь]. И только теперь, в это время, хан Му-цзун понял обман и схватил шаманку. И толпа застрелила [ее] из луков.

В 8-й луне хан Му-цзун пристрастился к облавной охоте и не управлял государственными делами.

В 10-й луне, [с наступлением зимних холодов], хан Му-цзун упрямо охотился в горах[300] и говорил главно-
18 управляющим амбаням: «Когда будут истинно виновные люди, которых следует казнить по закону[301], // а я в

Восьмиугольный сосуд из ляоской могилы Сяолючжанцзы (уезд Нинчэн, г. Чифэн).
Трехцветная поливная керамика (выс. 9 см, дл. 25 см).

сильном гневе [прикажу] казнить и невиновных людей, то вы, амбани, настойчиво увещевайте [меня]! Не обращайте внимание на личность!».

В 8-й год [эры правления] Ин-ли (958 г.), в 4-й луне, Сяо Сы-вэнь, наместник Южной столицы, завоевал пограничные области (*чжоу*) и уезды (*сянь*) государства Чжоу, после чего хан Му-цзун командировал посла отблагодарить [Сяо Сы-вэня] подарком за беспокойство и труды.

В 7-й луне хан Му-цзун отправился на облавную охоту в горах Елашань. До исхода 9-й луны стрелял в горах в оленей и не рассматривал государственные дела.

В 9-й год [эры правления] Ин-ли (959 г.), в 4-й луне, [войска] государства Чжоу пришли для нападения на государство Да Ляо, после чего хан Му-цзун назначил Сяо Сы-вэня, наместника своей Южной столицы, командующим всех войск и отправил воевать. В той луне войска государства Чжоу завоевали три даляоские заставы – Ицзин[гуань], Вацяо[гуань] и Юй[гуань][302].

Далее, в 5-й луне, [войска] династии Чжоу завоевали две области – Инчжоу и Мочжоу. Хан Му-цзун отправился в Южную столицу, после чего войска династии Чжоу возвратились [назад]. Даляоские войска отвоевали назад уезд Жунчэн. В той луне умер правитель династии Чжоу [по имени] Чай Жун, и [его] сын Цзун-сюнь[303] взошел [на престол]. Чай Жун сидел на троне 6 лет. Был в возрасте 39 лет.

Даляоский ван [по имени] Диле // и объявляющий на заседаниях о делах чиновник [Строительного министерства по имени] Хайсы, которые дружили и [часто вместе] ловили рыбу[304], составили заговор и хотели поднять мятеж. Догадавшись об этом, хан Му-цзун схватил всех [причастных к заговору] и, совершая жертвоприношения [духам] Неба, Земли, предков и [духу] отца, докладывал всем о преступлении составивших заговор и схваченных [им] амбаней[305]. 19

В 10-й год [эры правления] Ин-ли (960 г.), в 1-й луне, *дудяньцзянь* – [главный управляющий – одного из] южных ямыней[306] династии Чжоу [по имени] Чжао Куан-инь отстранил своего повелителя Цзун-сюня [от управления], сам взошел [на престол] и назвал династию Сун. Цзун-сюнь сидел на троне полгода.

В 6-й луне в государство Да Ляо прибыл посол от династии Хань и сообщил хану Му-цзуну о том, что сунские войска осадили город их [области] Шичжоу[307], после чего хан Му-цзун дал войска четырех племен Ала – *цзедуши* своего города Датун – и отправил со словами: «Иди на помощь [династии] Хань!». Сяо Сы-вэню дал войска трех племен и отправил, сказав: «Сражайся [в качестве] помощника [*цзедуши*]!».

В 8-й луне хан Му-цзун, опьянев, разбушевался, схватил серебряную дубинку и забил до смерти своего близкого прислужника[308] – человека, который заботился о котлах[309].

В 10-й луне Си-инь – сын Ли Ху – [хотел] поднять мятеж, но был схвачен. После этого Си-инь заставил своего отца Ли Ху – [младшего сына Тай-цзу Абаоцзи] – вмешаться [в это дело], вследствие чего Ли Ху был заключен в тюрьму, где и умер.

В 11-й год [эры правления] Ин-ли (961 г.), в 4-й луне, хан Му-цзун стрелял из лука в оленей и не оказывал [никакого] внимания государственным делам.

В 5-й луне младший астроном, который [при наблюдении за звездным небом] стоит [лицом] точно на север[310], составил календарь // и поднес [его хану Му-цзуну]. 20

В 12-й год [эры правления] Ин-ли (962 г.), в 5-й луне, была засуха, и хан Му-цзун велел своим людям левой и правой сторон прыскать друг на друга водой изо рта, вследствие чего погода [переменилась] и пошел дождь.

В 13-й год [эры правления] Ин-ли (963 г.), в 1-й луне, хан Му-цзун [в течение] девяти дней пил до [полного] опьянения вино и хлебную водку.

В 8-й луне хан Му-цзун отправился [на охоту] в горы Цзиньшань, чтобы стрелять из лука в оленей-самцов [во время гона], приманивая [их особым] свистком, и возвратимся домой на семнадцатый день.

В 11-й луне хан Му-цзун охотился, четыре дня пил вместе [со всеми] вино и хлебную водку в домах охотников и награждал их.

В 14-й год [эры правления] Ин-ли (964 г.), в 9-й луне, племена *хуан*[*тоу*] *шивэй* отложились от подданства [государства] Да Ляо.

Хан Му-цзун, не [различая] дней и ночей, пьянствовал, буянил и убил во дворце своего близкого прислужника[311] – истопника[312].

Государство Уго отложилось от подданства государства Да Ляо, [его люди] занимались грабежами, [отнимая] у народа имущество и скот, после чего *чанвэнь* поднял и повел [за собой войска в карательный поход][313]. В сражениях с государством Уго поднявший и ведущий [за собой войска], а также[314] [многие] другие все были убиты.

В 15-й год эры правления] Ин-ли (965 г.), во 2-й луне, хан Му-цзун отправился [охотиться] на восток. Когда хан добыл [первую] утку, то на радостях для сокольничих, если [они] совершат преступление, отменил уголов-

ные законы, [карающие] выжиганием клейма на лице и смертной казнью через вырезание почек[315], а также освободил [сокольничих] от казенной службы.

21 В 3-й луне хан Му-цзун // схватил нож и заколол близкого прислужника[316] – мальчика-подростка[317] – за то, что [он] опоздал ко времени, когда подаются столовые палочки [т.е. опоздал к ханскому столу]. Охотника [из тех], кто стреляет [в оленей], приманивая [их особым] свистком[318], казнил за то, что [он] заупрямился пойти днем понаблюдать[319] за лебедями, подвергнув [таким] пыткам: заставил [его] обнять раскаленный докрасна медный столб, [велел людям] раздроблять [его] руки наполненным горящими углями утюгом и скрести [его] голову раскаленным докрасна железным гребнем.

В 12-й луне ханский близкий прислужник – мойщик котлов[320] – самовольно пошел домой, поэтому хан Му-цзун разгневался и убил жену мойщика котлов за то, что [он] стосковался по ней и пошел домой.

В 16-й год [эры правления] Ин-ли (966 г.), в 5-й луне – [в сезон, когда созревает пшеница], – стояла засуха. Хан Му-цзун опрокинул лодку в выкопанном пруду и [на днище перевернутой лодки] молился о [ниспослании] дождя, но дождь не пошел. Покинув лодку, хан лично встал на середине вод и [усердной] молитвой испрашивал [у Неба дождя], вследствие чего внезапно пошел дождь.

В 17-й год [эры правления] Ин-ли (967 г.) хан Му-цзун, пристрастившийся к вину, постоянно буянит и немедленно убивает людей, когда приметит [их] небольшие проступки. Когда звери и птицы бывают запущены и истощены, то взращивающих их людей никоим образом не прощает и непременно убивает. А если [дело обстоит] так, то главноначальствующие амбани [различных ведомств] такого рода, как Сяо Сы-вэнь с хитрым лисьим характером[321], сберегая себя, не говорят [хану] уже и единого слова увещевания. Только [один]
22 амбань с того времени, как живет [во дворце][322], постоянно увещевает хана: «Жизнь человека // важна. Разве можно убивать [людей] из-за птиц и зверей?!». Но если и говорил [так], то хан, одобряя [этого амбаня], слов [его] не принимал.

В 18-й год [эры правления] Ин-ли (968 г.), в 1-й день нового года, хан Му-цзун устроил пир во дворце, но не заставлял амбаней бить челом. В 15-й день хан лично пошел на торговую площадь посмотреть на лампы, закупил вина на одну сотню *лянов* серебра и напился. Всех амбаней распустил [по домам] и велел [им] купить вино и пить [в течение] трех вечеров.

Хан Му-цзун издал указ для своих подданных левой и правой сторон: «Всякого способного человека, которого можно употреблять на службе, приближайте и назначайте на должность, невзирая на разряд [чинов]! Состарившихся и ослабевших людей возвращайте домой [т.е. увольняйте со службы] и кормите, выдавая жалованье!».

В 7-й луне умер Лю Чэн-цзюнь[323], правитель династии Хань, и [его] сын [Лю] Цзи-юань [отправил к хану Му-цзуну посла], пришедшего с сообщением: «Наследуя, взошел [на престол]», – после чего хан Му-цзун снарядил и командировал [своего] посла для совершения поминок [на могиле] правителя династии Хань.

Хан Му-цзун в течение семи лет убил более семидесяти человек, взращивающих зверей и птиц, по [той] причине, что звери и птицы бывали запущенными и истощенными.

В 19-й год [эры правления] Ин-ли (969 г.), в 1-й луне, хан Му-цзун и уважаемому известному чиновнику, и [близкому слуге, заботившемуся о] китайских фруктах [к ханскому столу][324], говорил [одинаково]: «Когда я, напившись допьяна, стану решать дела, идя вразрез [с законом], то вы [также] действуйте вопреки [закону] и не исполняйте [мое] повеление! Объясняйте [причину неисполнения] после того, как протрезвлюсь!».

Во 2-й луне сын хана Ши-цзуна [по имени] Сянь-нин [«мудрый и спокойный»] вошел [в ханские покои] и встретился с ханом Му-цзуном, после чего хан Му-цзун сказал: «Мой [приемный] сын стал человеком. [Ему] можно доверить дела управления [государством]».

23 В 3-й луне династия Хань [снова] командировала посла со словами: «[Лю] Цзи-юань, наследуя, // взошел [на престол]». [Посол] пришел к даляоскому хану Му-цзуну [с этим сообщением и] с просьбой [пожаловать] почетный титул, после чего хан Му-цзун командировал своего амбаня по имени Хань Чжи-гу[325], [который доставил свидетельство о] назначении [Лю] Цзи-юаня ханом династии Хань.

Хан Му-цзун охотился в области *Хуайчжоу** и добыл медведя. Сразу же, на том же месте, напился вместе [со всеми] до [полного] опьянения. Когда возвратился в место стоянки, то в тот вечер ханский близкий прислужник, который [по долгу службы] заботился о ложках, котлах, китайских фруктах, дровах [и т.д.][326], и другие подобного рода шесть человек составили заговор и убили хана.

Хан Му-цзун сидел на троне 19 лет. Был в возрасте 39 лет[327].

---

* *Хуайчжоу* подведомственна Линьхуанфу.

ТЕТРАДЬ IV

Имя даляоского хана Цзин-цзуна – Сянь. В детстве звали Мин-цзи[327]. Почетное имя – Сянь-нин [«мудрый и спокойный»]. Внук Жэньхуан-вана Туюя, второй сын хана Ши-цзуна [по имени] Уюй. Мать – урожденная Сяо. Во время мятежа Чагэ [в 951 г.] Цзин-цзуну Мин-цзи было четыре года. Хан Му-цзун, после того как сел на трон, взял Цзин-цзуна Мин-цзи на воспитание.

Когда хан Му-цзун был убит людьми такого рода, как [заботившийся по долгу службы о] ложках и котлах[328] [близкий слуга], то Цзин-цзун Мин-цзи вместе со своим личным чиновником, который кормил и причесывал [его]; с главным чиновником управления, [находившегося] внутри [дворцового] здания[329], [по имени] Сяо Сывэнь; с *шумиши* – [председателем верховного военного совета] – при южном министерстве Гао Сюнем[330] взял одну тысячу всадников и пришел на рассвете в место стоянки хана Му-цзуна. Когда стал без удержу рыдать, то все амбани увещевали [его, а затем] возвели Цзин-цзуна Мин-цзи на ханский престол. Все чиновники поднесли хану и объявили почетный титул «император *Тянь-цзань*». [Хан] помиловал [всех] преступников, изменил наименование эры правления Ин-ли и назвал год 1-м годом [эры правления] *Бао-нин** (969 г.).

Главного управляющего [ханскими телохранителями] Елюй Нила – *чанвэня* с нежным бессильным характером[331] – убили за то, что был непочтительным и небрежным в [деле] охраны и защиты хана Му-цзуна.

В 5-й луне, когда сунские войска осадили город Тайюань, даляоский амбань по имени Елюй Учжи взял войска, чтобы пойти на помощь [осажденным]. Двигаясь в направлении к Баймалинскому[332] горному перевалу, ночью отправил легкие авангардные войска бить в барабаны западнее города Тайюань и [каждому воину приказал] поднимать горящую связку [хвороста][333], // вследствие чего все сунские воины, говоря: «Пришли крупные даляоские войска», – в ужасе обратились в бегство. За этот подвиг хан Цзин-цзун пожаловал Учжи [почетное звание] *юйюэ*. 2

Во 2-й год [эры правления] Бао-нин (970 г.) хан Цзин-цзун ходил в Восточную столицу и в храме [своего] отца, хана Ши-цзуна, совершил жертвоприношение [духу Жэньхуан-вана Туюя, своего] деда – хана, [которому был поднесен посмертный титул *Жан-го хуанди* – «император], уступивший государство».

В 3-й год [эры правления] Бао-нин (971 г.), в 1-й луне, *илиби* правой стороны [Елюй] Сиди отправил людей, [которые] поднесли своему хану Цзин-цзуну захваченную у племени *диле* военную добычу, после чего хан Цзин-цзун пожаловал [ее] заслуженным командирам и солдатам.

В 4-й год [эры правления] Бао-нин (972 г.), в 12-й луне, хан Цзин-цзун издал указ для чиновников внутренних и внешних [владений]: «Непременно докладывайте о любом деле!».

В 5-й год [эры правления] Бао-нин (973 г.), в 5-й луне, умер *юйюэ* Учжи, после чего хан Цзин-цзун не появлялся в ямыне три дня. Войска народа *нюйчжи* пришли для нападения на границы государства Да Ляо, убили *дудяньцзяня* – амбаня, который очень энергично и многократно грабил плохие внешние и внутренние селения[334], – и, загнав [в загон], увели [с собой] крупный рогатый скот и лошадей пограничного населения.

В 6-й луне от народа *нюйчжи* пришли *цзайсян* и *илицзинь* с осознанием их вины и бить челом перед ханом.

В 11-й луне нашли убийц хана Му-цзуна: [близкого слугу], который [по долгу службы] заботился о ложках, котлах, китайских фруктах, дровах [и т. д.][335], и других [подобного рода шесть человек] – и всех убили.

// В 6-й год [эры правления] Бао-нин (974 г.), в 3-й луне, династия Сун командировала посла, пришедшего к династии Да Ляо со словами: «Согласуясь с [древними] ритуалами, [установим дружественные отношения]!»[336], – после чего хан Цзин-цзун, согласуясь с [древними] ритуалами[337], впервые командировал к династии Сун своего амбаня по имени Елюй Чан[338]. 3

В 7-й год [эры правления] Бао-нин (975 г.), в 1-й луне, к династии Да Ляо прибыли сунские послы в соответствии с установившимися [древними] ритуалами[339].

В 7-й луне командующий из города [области] Хуанлунфу [по имени] Яньпу[340] убил своего господина – главного инспектора (*дуцзяня*), который [по долгу службы] препятствовал и ограничивал[341] [его свободу действий], – и отложился от подданства, после чего хан Цзин-цзун дал войска чиновнику из департамента складских помещений, [который] проверяет подарки и деньги[342], и отправил, сказав: «Покарай!».

В 9-й луне проверяющий подарки и деньги [чиновник] разбил войско Яньпу у теплой стремительной[343] реки и отправил своего младшего брата Аньдуаня преследовать Яньпу. Яньпу бежал и стал охранять города [владения] Ужо[344], после чего Аньдуань при возвращении назад взял в плен свыше тысячи семей оставшихся [без предводителя] сообщников Яньпу, [которые затем] были поселены в городе Тунчжоу.

---

* Слова *тянь цзань* означают: «покровительствуемый Небом»; *бао нин* – «охраняющий спокойствие».

В 8-й год [эры правления] Бао-нин (976 г.), в 3-й луне, хан Цзин-цзун отправил на все четыре стороны пять человек, [которые] оказали вспомоществование из государственных доходов четырем сиротам.

В 8-й луне войско народа *нюйчжи* напало на пять пограничных деревень, что восточнее областей Гуй и Дэ[345], и увело [с собой скот и население этих деревень].

В 11-й луне умер Чжао Куан-инь, сунский [император] Тай-цзу, и [его] младший брат Чжао Куан-и взошел
4 [на престол]. Чжао Куан-инь сидел на троне 17 лет. // Был в возрасте 50 лет. Сунский Чжао Куан-и командировал посла, пришедшего к даляоскому хану Цзин-цзуну с сообщением о трауре, после чего хан Цзин-цзун снарядил и отправил в государство Сун для совершения поминок *ланцзюня*[346] и чиновника, который [постоянно в качестве посла] отправляется в путь и топчет [своим] конем внутренние дружественные государства[347].

В 12-й луне хан Цзин-цзун командировал своих людей [с дарами]: редко изготовляемыми старинными конными повозками[348] – и отправил в государство Сун [для выполнения] радостной церемонии [по случаю] унаследования престола[349] [императором] Тай-цзуном, [по имени] Чжао Куан-и.

В 9-й год [эры правления] Бао-нин (977 г.), в 1-й луне, народ *нюйчжи* снова предоставил дань.

В 3-й луне от династии Хань прибыл посол с сообщением и просьбой: «Снова приходили сунские войска и забрали весь хлеб, [предназначенный] для содержания наших войск. Помогите хлебом!», – после чего хан Цзин-цзун оказал помощь династии Хань зерном – [отправил] 200 000 кулей.

В 7-й луне [снова] прибыл ханьский посол и сообщил хану Цзин-цзуну: «Династия Сун идет на нас войной», – после чего хан Цзин-цзун снарядил послов и отправил [с ними] боевых коней в помощь династии Хань.

В 10-й год [эры правления] Бао-нин (978 г.), в 5-й луне, до слуха амбаней дошло, что амбань по имени Нюйли изготовил и спрятал в своем доме 500 латов. При обыске самого Нюйли в рукаве [его платья] нашли письмо злодея, убившего председателя верховного военного совета Сяо Сы-вэня. В это дело был также замешан и Гао Сюнь. И потому Нюйли было велено покончить жизнь самоубийством. Гао Сюнь и подобные [ему] люди все были казнены.

5 // В 11-й год [эры правления] Бао-нин (979 г.), в 1-й луне, хан Цзин-цзун снарядил и отправил в государство Сун своего постоянного главного чиновника [из тех], кто топчет конем[350] [дороги в чужие края], чтобы расспросить о причине поднятия войск и ведения карательной войны против [Лю] Цзи-юаня[351], [правителя] династии Хань. Постоянный главный [чиновник] пришел назад и сообщил хану Цзин-цзуну: «Вот что сказал правитель династии Сун: “Цзи-юань из Хэдунских земель сопротивлялся моим приказам. Расспросив о [его] делах, покараю согласно нашему закону[352]. Если ваша Северная династия не станет помогать династии Хань, то пусть два наших государства по-старому, по-прежнему находятся в согласии и живут счастливо! В противном случае [я] намерен воевать”».

Во 2-й луне от династии Хань прибыл посол с сообщением: «К границам государства Хань пришли сунские войска», – и просил хана Цзин-цзуна [оказать помощь] войсками, после чего хан Цзин-цзун *цзайсяна* из южных [министерств] Елюй Ша[353] назначил главнокомандующим, Цзи-вана Диле[354] назначил военным инспектором (*цзяньцзюнем*) и отправил на помощь династии Хань. Далее, приказал [лично] ему подчиненным воинам-[гвардейцам] повиноваться великому вану южных министерство Елюй Сечжэню[355], амбаня по имени Моцзи назначил [его] фланговым [командиром] и велел [Елюй Сечжэню] следовать [за Елюй Ша] и руководить [ходом военных операций]. От династии Хань прибыл посол с сообщением о том, что сунские войска вошли в их пределы, после чего хан Цзин-цзун дал крупному командующему Ханьбу и *цзедуши* Елюй Шаньбу каждому по войску и также отправил на помощь [династии Хань]. Елюй Ша, взяв войска и отправившись [в поход], двигался в направлении к Баймалинскому перевалу и [на берегах горной] большой реки[356] встретился с сунскими
6 войсками. Елюй Ша вместе со всеми командующими хотел дождаться подхода тыловых войск // и вступить в бой, но [назначенный] военным инспектором (*цзяньцзюнем*) Цзи-ван Диле, [а также] Моцзи и другие сказали, что хорошо бы скорее вступить в бой, и не слушали уговоров Елюй Ша. Диле и другие первыми переправились через реку, но до того, как половина [воинов] смогла [перейти на другой берег], сунские войска пришли для нападения [на переправившихся], вследствие чего в даляоских войсках поднялась паника. В итоге пятеро командующих: сам Диле, [его] сын Ваго, сын Елюй Ша [по имени] Дэли, возглавляющий [посольства] и справляющийся [о здоровье] чиновник[357] Думинь и *чанвэнь* Тинсянь – были убиты. Много воинов умерло от ран. К тому времени подошли войска великого вана южных министерств Елюй Сечжэня и, все разом выстрелив из луков, вступили в сражение, вследствие чего сунские войска тотчас повернули [назад].

В 5-й луне сунские войска двинулись в направлении к Хэдунской губернии, после чего ханьские войска пошли навстречу [им], вступили в сражение и потерпели поражение. Ханьский командующий шестью самыми надежными сухопутными войсками[358] бежал и пришел в государство Да Ляо.

Шкатулка из ляоской могилы в Цзефанинцзы (хошун Вэннютэ, г. Чифэн).
Трехцветная поливная керамика.

В 6-й луне правитель династии Хань [Лю] Цзи-юань сдался династии Сун, и династия Хань совершенно окончила [свое] существование. Сунский хан Тай-цзун, [вследствие] победы усилив [свой боевой дух][359], пришел воевать за даляоскую область Янь, после чего даляоский хан Цзин-цзун отправил к [реке] Шахэ[360] навстречу сунским войскам великого вана северных министерств [Елюй] Сиди и Сяо Таогу – чиновника из управления военного инспектора. Сиди и другие встретились с сунскими войсками в местности [у реки] Шахэ, вступили в бой и были разбиты. В войсках поднялась паника. Даляоский [великий ван] Сиди и другие из страха снова в бой не вступили и повернули [войска назад]. У реки Цинхэ войска // остановились для отдыха. Даляоский хан 7
Цзин-цзун командировал к Сиди и другим посла со словами обвинения: «Амбани, вы не оказывали [должного] внимания караулам. И при выступлении в поход строгими[361] не были, а когда встретились с врагом, то сразу же обратились в бегство. Вы по какому делу [ушли из дома]?!». Из-за этих слов Сиди и другие в страхе сказали: «Будем сражаться, напрягая [все] силы!».

Когда войска сунского хана Тай-цзуна осадили тремя рядами даляоскую Южную столицу и рыли [под] землей [ходы], чтобы, [используя их], пойти в наступление[362] [на крепостные стены со всех сторон], то [живущее] внутри города население приняло два намерения: [часть его хотела обороняться, а другая – поднять мятеж и перейти на сторону династии Сун]. Правитель города Елюй Сюэ-гу[363], Хань Дэ-жан и другие успокаивают сердца людей, у которых зародился план мятежа[364], немедленно [принимают меры] для упорной обороны [города] и ни днем, ни ночью, даже немного, [никому] не [позволяют] лениться. Свыше трехсот сунских воинов взобрались ночью на верх крепостной стены, и Елюй Сюэ-гу и Хань Дэ-жан напали [на них] и обратили вспять.

В 7-й луне Елюй Ша сражался с сунскими войсками у реки Гаолянхэ. Войска Елюй Ша немного попятились назад, но [в это время] подошли отправленные на помощь даляоские войска Елюй Сюгэ и Елюй Сечжэня[365]. Находившиеся в Южной столице Елюй Сюэ-гу и Хань Дэ-жан [также поддержали Елюй Ша], открыли крепостные ворота, вывели и выстроили [своих воинов]. Со всех четырех сторон били в барабаны, живущие [в столице] простые люди [также вышли и] громко кричали, [и от всех этих] звуков содрогнулись Небо и Земля. Елюй Сюгэ и Елюй Сечжэнь разделили войска и напали на сунские войска с левого и правого флангов, вследствие чего сунские войска были разбиты. Даляоские войска преследовали [их на протяжении] более тридцати *ли* и смогли убить свыше 10 000 человек[366]. Елюй Сюгэ // получил три ранения. Когда на следующий день сунский 8
хан Тай-цзун бежал, то Елюй Сюгэ, заболевший от ран и не смогший сесть на коня, сел в легкую колесницу и преследовал [его] до [города] Чжочжоу[367], и сунский хан Тай-цзун едва-едва избавился [от плена и продолжил] бегство, сев в запряженную ослами повозку. Затем Елюй Сюгэ вступил в бой с оставшимися [в живых] сунскими воинами и многих убил. Приобрел несчетное количество военного оружия, панцирей, шлемов, печатей, хлебных запасов и [различного] имущества. Елюй Ша командировал людей поднести [все эти] приобретенные вещи хану Цзин-цзуну, после чего хан Цзин-цзун прославил этих двух особ – Хань Дэ-жана и Елюй Сюэ-гу, которые [во время осады Южной столицы] сохранили [спокойствие в народе] и прогнали[368] [вражеские войска], – пожаловав обоим указы со словами: «Способен успокаивать сердца людей. Может оборонять города».

В 8-й луне Елюй Ша пришел поднести [хану лично] им приобретенные вещи, после чего хан Цзин-цзун бранил Елюй Ша и Моцзи за то, что были разбиты в [горах] Баймалин, но не предал суду за то, что позднее обратили в бегство правителя династии Сун. Поколотил Елюй Сиди обухом меча за то, что, встретив врага, сразу же [был разбит и] повернул [назад], но, хотя и бежал [с поля боя у реки] Шахэ, освободил [от наказания] за то, что в [его] колоннах и шеренгах паники не было. Подчиненных [погибшему военному инспектору] Цзи-вану Диле воинов – тех, которые первыми обратились в бегство [во время сражения в горах Баймалин, – велел] убить. Всех [их командиров, начиная] от главного инспектора (*дуцзяня*), отпустил после наказания палками. Командующих такого рода, как Елюй Ша, Моцзи и другие, хан Цзин-цзун удостоил угощения и наградил, принимая во внимание ступени [чинов].

В 9-й луне хан Цзин-цзун назначил своего амбаня по имени Хань Куан-сы[369] // главным *дутуном*[370], Елюй 9
Ша – военным инспектором (*цзяньцзюнем*), дал по войску тиинь Елюй Сюгэ, великому вану южных министерств [Елюй] Сечжэню, Си-вану Моцзи и другим и отправил в карательный поход против Южной династии Сун. Далее, к [войскам] *цзедуши* города Датун [Елюй] Шаньбу присоединил войска губернии Шаньси[371], распределил [их по главным] дорогам и отправил со словами: «Вступайте [в сунские земли]!». Елюй Сюгэ взял подчиненное ему войско и двигался вслед за Хань Куан-сы. [Они] встретились с сунскими войсками у города Маньчэн и вступили в сражение. На следующий день, когда хотели снова сражаться, от человека из сунских войск [было получено сообщение] о желании сдаться, и Хань Куан-сы поверил [этому]. Но Елюй Сюгэ сказал: «Враги многочисленны, храбры и проворны. Сдаваться никоим образом не будут. Это вот что [означает]: заманивают нас. Построим-ка войска по наилучшей [схеме] и будем [готовы] принять [бой]!». Но Хань Куан-сы

слов [его] не принял. Елюй Сюгэ взял своих воинов, поднялся на высокий холм и стоял [на нем], наблюдая. Прошло совсем немного времени, и пришли значительно увеличенные сунские войска[372]. Когда [неожиданно] под барабанный бой, с криками врезались в даляоские войска, то Хань Куан-сы, растерявшись от ужаса, совсем ничего не успел[373] [предпринять], а [его] воины побросали знамена и барабаны и стали разбегаться. [Только] Елюй Сюгэ со своим войском вступил в бой, и вражеские войска попятились назад, после чего [Елюй Сюгэ велел] подобрать брошенное военное оружие. Забрав все сполна, отступил с войском [без паники]. Разгневанный хан Цзин-цзун пересчитал преступления Хань Куан-сы и сказал: // «Ты наперекор совету всех вошел глубоко во вражеские пределы – это первое [преступление]. Ты не соблюдал строго [военные] законы, не расставил шеренги и колонны по наилучшей [схеме] – это второе. Бросил наши войска и, как мышь, только сам обратился в бегство – это третье. Не выставил наилучшим [образом] пикеты, заблаговременно к обороне [или] нападению не приготовился – это четвертое. Бросил знамена и барабаны, [тем самым] нанеся урон величию [и славе государства], и посрамил династию – это пятое. Схватить и скорее убить!». По поводу сказанного императрица вместе со всеми своими родственниками увещевает хана, но хан слов [ее] не принимает. [Лишь] по прошествии долгого времени хан перестал гневаться и отпустил Хань Куан-сы [из-под стражи] после наказания полками.

В 11-й луне хан Цзин-цзун собрал[374] заслуженных командующих такого рода, как Елюй Сюгэ, удостоил угощения и щедро наградил. В то время хан Цзин-цзун постоянно охотился, поэтому [ответственный за] проведение развлечений[375] амбань представил доклад-увещевание:

«В древности танский хан Гао-цзу пристрастился к охоте, и амбань, который жаловался на [его чрезмерную увлеченность] развлечениями и постоянно грязную [одежду][376], сказал хану: "Если не пополнеть на охоте за сто дней, то, по правде [говоря][377], забавой [ее] назвать нельзя", – вследствие чего танский хан Гао-цзу устыдился и сразу же прекратил [охотиться]. И в исторических книгах его хвалили [за это]. Мне представляется, что наш совершенномудрый предок, в [постоянных заботах и] тревогах полагая начало государственности, совершенствуя нравственные качества души, объявляя правительственные распоряжения народу, ни вечером, ни утром нерадивым не был. Но почивший хан Му-цзун предавался утехам сладострастия и был небрежным в управлении государством[378], по поводу чего люди Поднебесной очень // негодовали. Нынешний хан сел на трон вслед [за ним], поэтому все люди внутри морей возлагают надежды на хана, говоря: "Быть может, поднимет [государство из числа] посредственных и установит мир [и благоденствие]". Свыше двух лет не прекращаются войны, отверстия ран еще не затянулись. Хотя [урожай] хлебов снимался ежегодно, разбойники еще не перевелись. Чтобы правильно и осмотрительно управлять, хан должен думать о [своей] долгой жизни.

Мне представляется, что хан занимается охотой по [страстному] желанию сердца и, сверх того, превзошел [в этом] почившего [хана Му-цзуна]. Но, быть может, [однажды], сверх ожидания, случится, что [хан] попадет в затруднительное положение: сломаются удилá уздечки, разобьется вдребезги тележное колесо; случится, что произойдет беда: будет поцарапан когтями [или] искусан диким зверем... [И в таком случае] разве догонишь, [изменишь прошлое], хотя бы и раскаялся [в содеянном]?! Кроме того, на юге есть сильный враг. Когда бы услышал об этой нашей [беде], то нет закона: сидеть и не шевелиться. Что же делать? – Когда бы хан сократил радости охот и пьянок и трудился на благо царствующего дома, то счастье будет безграничным».

Хан, окончив просмотр [доклада], очень хвалил [ответственного за проведение развлечений амбаня], приравнял[379] к заслуженным амбаням-помощникам и назначил *цзедуши* округа (*цзюнь*) Удин.

В день зимнего поворота Солнца хан Цзин-цзун выпустил всемилостивейший манифест о прощении преступников, изменил наименование эры правления Бао-нин и назвал год 1-м годом [эры правления] *Цянь-хэн** (979 г.).

Во 2-й год [эры правления] Цянь-хэн (980 г.), в 6-й луне, Чун-ван[381] Си-инь – [сын Ли Ху] – снова хочет поднять мятеж[382] и советуется [с другими по этому поводу]. Об этом догадались и взяли [Си-иня] под стражу в городе Чжочжоу.

В 10-й луне, когда войска отправлялись в карательный поход против Южной династии Сун, то хан Цзин-цзун, лично [принявший участие в походе], совершил жертвоприношение перед [главным] знаменем. [Затем] войска хана Цзин-цзуна // двинулись по направлению к границам государства Сун и осадили заставу Вацяогуань. Сунские войска пришли ночью для нападения на даляоский лагерь, и *цзедуши* Сяо Гань и *чанвэнь* Елюй Хэндэ вступили в сражение и обратили [их] вспять. Даляоский амбань по имени Елюй Сюгэ встретился восточнее заставы Вацяогуань с идущими на помощь [осажденным] сунскими войсками и разбил [их]. Оборонявший сунскую заставу командующий Чжан Ши[383] вышел [из нее], чтобы прорваться сквозь [ряды] окруживших [Вацяогуань даляоских] войск. Когда хан Цзин-цзун, увидев это, лично взял войска и вступил в бой, то амбань

* Слова *цянь хэн* означают: «уступчивый и постоянный[380]».

по имени Елюй Сюгэ, [участвовавший в этом сражении], зарубил мечом сунского [командующего] Чжан Ши. Оставшиеся [в живых сунские] воины бежали назад и вошли в крепость[384]. Далее, Елюй Сюгэ переправился через реку [Ишуй] и напал на сунские войска, которые выстраивались [в боевые ряды] на южном [берегу] реки. Одержав победу, преследовал [бегущих сунских воинов] до [города] Мочжоу и в пути валил [противников] вдоль и поперек, дополняя [счет убитых на поле боя]. Вражескими стрелами и прочим брошенным [оружием был усеян весь путь преследования]. Елюй Сюгэ захватил несколько [сунских] командующих и доставил [их] к хану, после чего хан, восхищенный, пожаловал Елюй Сюгэ коня и золотую чашу[385] и сказал: «Амбань, твое богатырство[386] уже превзошло слова, высказываемые[387] [о тебе] людьми. Когда бы каждый человек был подобен тебе, то сто́ит ли беспокоиться о том, что мы не сможем [победить]?». После этого повернул войска и пришел в Южную столицу.

В 12-й луне назначил Елюй Сюгэ [на почетную должность] *юйюэ*.

В 3-й год [эры правления] Цянь-хэн (981 г.), в 3-й луне, китайские воины из Верхней столицы подняли мятеж и хотели Чун-вана Си-иня посадить на ханский [трон, но заключенный под стражу Си-инь] не имел возможности [совершить] преступление. Когда же [на престол хотели] возвести сына Си-иня, который, оставшись [без отца], управлял и присматривал [за отчим домом][388], то наместник Верхней столицы устранил корень [преступного] замысла[389] – немедленно схватил [сына Си-иня], оставшегося [без него], управляющего и присматривающего [за его домом].

// В 7-й луне хан Цзин-цзун казнил сына Си-иня, а искоренившего корень [преступного] замысла [наместника Верхней столицы] повысил [в ранге] и назначил на чиновничью [должность] *пинчжанчжэнши* – [обсуждающего политические дела][390]. 13

В 4-й год [эры правления] Цянь-хэн (982 г.), в 4-й луне, хан Цзин-цзун лично выступил в карательный поход против Южной династии Сун и двигался в направлении к городу Маньчэн. Вступив в сражение с сунскими войсками, был разбит. Натыкаясь на стрелы, умирал и уважаемый известный чиновник, и низкий раб[391]. Елюй Шаньбу – чиновник управления военного инспектора – был окружен поставленными в засаде вражескими воинами. Елюй Сечжэнь пришел на помощь и вывел его [из окружения]. Хан Цзин-цзун наказал Елюй Шаньбу палками за то, что не принял мер предосторожности. В 5-й луне повернул войска назад.

В 7-й луне хан Цзин-цзун командировал посла сказать [находившемуся в тюрьме] Чун-вану Си-иню: «Умри!» – и [Си-инь] умер.

В 9-й луне хан Цзин-цзун отправился в город Юньчжоу. Занимаясь охотой в горах [некогда] могучей державы*[392], хан тяжко заболел. Придя в пригородные горы[393], скончался. На троне сидел 13 лет. Был в возрасте 35 лет.

ТЕТРАДЬ V

Имя даляоского хана Шэн-цзуна – Луй-сюй. В детстве звали Вэньшуну[394]. Внук хана Ши-цзуна, [по имени] Уюй, старший сын хана Цзин-цзуна, [по имени] Мин-цзи. Мать – урожденная Сяо. Хан Шэн-цзун [был] с детства любителем книг, с десяти лет умел сочинять *ши***.

Когда придет в совершенный возраст, то станет искусным стрелком из лука и [тонким] знатоком во всем: игре [на струнных инструментах], пении, рисовании, настройке [музыкальных инструментов]...

Во 2-й год [эры правления] Цянь-хэн, установленной ханом Цзин-цзуном (980 г.), [ему] был пожалован титул Лян-ван.

В 4-й год [эры правления] Цянь-хэн (982 г.), в 9-й луне, хан Цзин-цзун скончался, и Шэн-цзун Вэньшуну вступил на ханский престол. В то время [ему] было 12 лет. [Его] мать хуантайхоу, согласно словам оставленного [ханом Цзин-цзуном] указа, приняла на себя дела управления [государством, о чем был] издан указ и обнародован во всех губерниях. Тайхоу, мать [Шэн-цзуна], проливая слезы, обратилась во всем: «Мать – вдова, сын – малолеток, и притом [другие] люди из царского дома сильны. Пограничная линия еще не установлена. Что с этим делать?». Елюй Сечжэнь [вместе с] амбанем по имени Хань Дэ-жан выступили вперед и сказали: «По правде [говоря], у тайхоу нет препятствий к доверию и употреблению нас на службе». И после этого тайхоу, советуясь с Елюй Сечжэнем и Хань Дэ-жаном, взяла на себя руководство[395] в управлении государством.

Уже в 10-й луне [двенадцатилетний] хан Шэн-цзун начал управлять государственными делами. Все амбани поднесли хану и объявили почетный титул «прозорливый совершенномудрый император». Императрице,

---

* *Юньчжоу* и горы могучей державы подведомственны Датуну.

** *Ши* – это сочинение, написанное стихами.

[матери Шэн-цзуна], поднесли и объявили почетный титул «вдовствующая императрица» (хуантайхоу). [Хан] выпустил всемилостивейший манифест о прощении преступников, [по которому были] освобождены все преступники.

В 12-й луне охраняющий Южную столицу Цзин-ван – [сын хана Ши-цзуна] – прибыл, приведя [с собой
2 сунского посла][396], и устно доложил: «Династия Сун командировала посла, // пришедшего поднести пояса, [обложенные] рогом носорога, и с пожеланием заключить мир». [В ответ] на эти слова хан Шэн-цзун сказал: «[У сунского посла] нет [официального] письма», – и велел пришедшему послу возвратиться назад.

В 5-й год [эры правления] Цянь-хэн (983 г.), в 1-й луне, хан Шэн-цзун, согласно словам оставленного [ханом Цзин-узуном] указа, возвел в [княжеское] достоинство старшего сына другой матери [т.е. наложницы хана Цзин-цзуна], самого дружелюбного[397] [из всех братьев], и объявил Нин-ваном. [Далее], хан Шэн-цзун назначил Елюй Сюгэ наместником Южной столицы, а также пожаловал [ему] печать главноуправляющего войсками, действующими в южной губернии, и вверил все пограничные дела. Елюй Сюгэ равномерно распределяет пограничные войска, вводит закон смены [пограничных гарнизонов], поощряет [занятие] земледелием и шелководством, приводит в исправность военное оружие. По [этой] причине области у пограничной линии очень укрепились[398].

[Некий] бохайский чиновник, который топчет конем [дороги в чужие края] и благодарит за подарки[399], сказал: «[Я] доволен щедрыми милостями почившего хана», – и хотел последовать [за ханом в могилу] и умереть, но хан Шэн-цзун не позволил [этого] и удостоил отличия – пожаловал ему деньги и шелк.

В той луне 15 племен народа *дансян* объединились и пришли к границам государства Да Ляо для нападения. Воевода-усмиритель (*чжаотаоши*) Хань Дэ-вэй вступил в сражении и разбил [их]. Амбани [из тех], кто искупал [на войне свои] ошибки[400] [и проступки], ходили в карательный поход против [исподволь], шаг за шагом[401] отложившихся от подданства племен и разгромили [их].

Во 2-й луне [жители] свыше 70 сунских пограничных деревень пришли для вступления в подданство государства Да Ляо.

В 5-й луне свыше 1 000 даляоских семей отложились от подданства и ушли в государство Сун. Амбань по имени Елюй Шампу призывами [и уговорами] склонил [мятежников] к покорности и привел назад в [свое] государство.

3 Хан Шэн-цзун вместе со всеми амбанями поднес хуантайхоу и объявил почетный титул [«Чэн-тянь хуантайхоу»] – «принявшая [управление по воле] Неба хуантайхоу». // Все амбани поднесли хану Шэн-цзуну и объявили почетный титул [«Тянь-фу хуанди»] – «покровительствуемый Небом император». Был выпущен всемилостивейший манифест о прощении преступников, наименование эры правления Цянь-хэн изменено и год назван 1-м годом [эры правления] *Тун-хэ** (983 г.).

Во внутренних и внешних [владениях] был обнародован милостивый манифест, [по которому] гражданским и военным чиновникам [в их послужных списках] прибавили по одной отметке, [дающей право на повышение] в должности. Хан Шэн-цзун издал указ: «[Всем] от левых и правых министров трех столичных городов, от чиновников трех [столичных] правителей[402]! Честно соблюдайте [свои] обязанности! [Только лишь] из раболепия [и пресмыкательства] приказам не подчиняйтесь! Далее, вы, начальники уездов во всех губерниях и [ваши] помощники! Пусть чиновник из области [или] командированный ханом человек и говорит бесчестно: "Подать сюда средства!", – а [вы] не пугайтесь и [средства] не отдавайте! Будьте внимательны ко [всему] услышанному! Отличайте добро от зла! Наводите справки, разыскивайте в сельских околотках и предавайте суду тех простолюдинов, которые отделились от родителей и поселились отдельно! Если есть почтительные к родителям, [в домах которых] живут вместе, не разделяясь, [представители] до трех колен [родства, т.е. дети, отцы, деды], то ставьте знак на их воротах и дверях!».

Во 2-й год [эры правления] Тун-хэ (984 г.), во 2-й луне, два амбаня по именам Сяо Пунин и Сяо Циньдэ, ушедшие воевать с восточным народом *нюйчжи*, покарали народ *нюйчжи* и с победой пришли [домой], после чего хан Шэн-цзун назначил Сяо Пунина чиновником, [ответственным за] политический курс[403] [государства], а Сяо Циньдэ – командующим крупными [войсками]. Наградил [их] золотыми сосудами и деньгами.

В 3-й год [эры правления] Тун-хэ (985 г.), в 3-й луне, чиновники ямыня, [называемого] *шумишэн* – [«верхов-
4 ное военное управление»][404], – представили доклад: // «В нашем государстве Цидань [некоторые] казенные [т.е. отписанные в казну, закабаленные] семьи крайне бедствуют. Пусть богатые дома оградят [бедные дома] от казенной службы!» После [прочтения доклада] хан Шэн-цзун просмотрел списки всех племен [и установил, что] у пяти внутренних плохих маленьких[405] племен семьи небольшие[406], [следовательно – бедные, и потому]

* Слова *тун хэ* означают: «общее согласие».

Сосуд «ху» из ляоской могилы Ванцзядянь (уезд Чифэн).
Трехцветная поливная керамика
(выс. 24,6 см, диам. дна 9,2 см, диам. отв. 8, 4 см).

казенная служба [для них] тяжела. По [этой] причине освободил [пять племен] от казенной службы, проверив [сведения об их] бедности.

В 4-й год [эры правления] Тун-хэ (986 г.), весной, в 1-й луне, амбани такого рода, как *линья* Елюй Мулугу, *цзедуши* Сяо Талань (Далань?), *шумиши* Елюй Сечжэнь и *линья* [Сяо] Циньдэ, ходили в карательный поход против народа *нюйчжи*, нанесли ему поражение и захватили 100 000 пленных, 200 000 лошадей, [а также] разного рода вещи. Когда, повернув войска назад, пришли [в родные места], то хан Шэн-цзун снарядил и отправил [навстречу им] своего ближайшего амбаня, который составляет [список блюд] и ставит [обеденный] столик[407], похвалить [командующих] за их подвиг, пожать руки и передать сказанные ханом слова. Чтобы подкрепить изнуренных трудами, велел угостить [их] фруктами и напоить вином[408]. Когда Елюй Сечжэнь, Сяо Талань (Далань?) Елюй Мулугу и другие вместе со своими родственниками пришли и встретились с ханом, то хан удостоил всех угощения парадным обедом и наградил [командующих] в соответствии с рангом.

Амбань по имени Ли Цзи-цянь отложился от подданства государства Сун и пришел к даляоскому хану Шэн-цзуну для вступления в подданство, и [хан] назначил его генерал-губернатором (*цзедуши*) исключительно трудного [для управления] округа[409].

В 3-й луне живший в Южной столице Елюй Сюгэ представил доклад: «Сунский хан Тай-цзун отправил войска [в поход]. Трое амбаней по именам Цао Бинь, Цуй Янь-цзинь и Ми Синь вошли [в наши земли] по дороге из Сюнчжоу[410]. Амбань по имени Тянь Чжун-цзинь[411] // вошел через ущелье, [ведущее к городу] Фэйху. 5
Два амбаня по именам Пань Мэй и Ян Е[412] вошли по дороге, [ведущей через заставу] Яньмыньгуань. Войдя по трем дорогам, захватили[413] после этого[414] наши Чжочжоу, Гуань и Синьчэн – эти три города». После того, как пришли с [этим] сообщением, хан Шэн-цзун немедленно разослал во все стороны людей со словами: «Войска всех племен, идите к Елюй Сюгэ для объединения и все вместе сражайтесь!». Затем вручил Елюй Моцзи[415] – наместнику, оборонявшему *Восточную столицу**, – обоюдоострый меч и отправил, сказав: «Возьми крупные войска и иди позади [для прикрытия тыла основных войск]! Нарушивших [военные] законы людей карай по собственному усмотрению!».

Сяо тайхоу и хан Шэн-цзун взяли крупные войска и, доложив в храме [предков], лично выступили в поход. Чиновник из управления военного инспектора [по имени] Елюй Пудэ разбил сунские войска в окрестностях [уездного города] Гуань. К тому времени войска северных и южных племен еще не подошли. Поэтому Елюй Сюгэ, опасаясь, что сил недостаточно, обнаруживает себя, но в бой не вступает. По ночам Елюй Сюгэ вместе с легкими авангардными отрядами выходит [из лагеря] отыскивать и уничтожать слабые одинокие вражеские [отряды]. Многочисленных вражеских [отрядов] велит остерегаться. Днем, показывая ловкость и храбрость и вынуждая противника принимать меры предосторожности, выматывает его силы. Также устраивались засады в местах с густым лесом, перерезались пути подвоза провианта (букв.: «хлебные дороги»), в результате чего у сунских [войск под командованием] Цао Биня и других окончился [весь] провиант, и [они] отправились в обратный путь. Елюй Сюгэ напал на них и захватил большое [количество] лошадей, крупного рогатого скота и военного оружия.

// *Цыши* даляоского города Хуаньчжоу [по имени] Чжао Янь-чжэн вместе с городом изъявил покорность 6
династии Сун. Когда сунские войска вошли в город Шочжоу[416], то оборонявший его *цзедуши* Чжао Янь-цзань вместе с городом также изъявил покорность династии Сун. Даляоские войска в сражении с [войсками] сунского командующего Тянь Чжун-цзиня потерпели поражение. Три даляоских амбаня по именам Да Пэн-и, Ма Юнь и Хэ Вань-тун[417] были убиты. Даляоский *цзедуши*, другие главные[418] [чиновники] и делопроизводитель (*паньгуань*) дали волю[419] населению города Инчжоу [принять решение, а затем] вместе с ним также изъявили покорность династии Сун. [Являющийся] вождем главный командир даляоских конных и пеших [племенных] войск, чиновник из управления обороны[420] Люй Син-дэ, главные командиры Чжан Цзи-цун и Лю Цзи-цзинь, эти четыре чиновника, вместе с жителями [уездного] города Фэйху также изъявили покорность династии Сун. Хан Шэн-цзун вручил своему *линья* [Елюй] Мулугу четыре знамени, четыре барабана и один меч, присоединил [к его войску] сопровождающих хана храбрых лучших воинов и отправил со словами: «Иди к Елюй Сюгэ для приумножения [его] сил!». [Некий] главный командир [поддался призывам] дружественной династии[421] и вместе с жителями уездного [города] Линцю также вступил в подданство государства Сун.

В 4-й луне даляоские *тиинь* по фамилии Яо[422] и *чжаотаоши* Хань Дэ-вэй пришли сообщить о том, что разбили сунские войска. Сунский амбань по имени Пань Мэй принял войска и взял штурмом даляоский город Юньчжоу. Когда сунские [командующие] Цао Бинь и Ми Синь // также взяли войска и пришли сражаться, то 7
Елюй Сюгэ [действовал таким образом]: брал легкие отряды [кавалерии], выбирал удобный случай – час кось-

* *Восточная столица* – это [на] Ляодуне.

бы сена [или] время обеда, – когда шеренги и колонны [неприятельских войск] распадались, и нападал [на врага. Легкие отряды] неожиданно нападали и [также] неожиданно отступали, поэтому сунские войска не успевали прийти на помощь друг другу. Когда [сунские командиры] в [спешном] порядке собирали [войска] и отправлялись в путь, то [многим из] воинов не удавалось выпить [воды из хорошего источника, поэтому они во время движения] часто приходили [к обмелевшим от сильной жары речкам] пить плохую смешанную с землей воду. Только на четвертый день пришли к городу Чжочжоу и получили донесение: «Пришли войска Сяо тайхоу». Цао Бинь, Ми Синь и другие испугались, не остановились для отдыха, хотя и шел дождь, и отступили. Сяо тайхоу, узнав об этом, дала Елюй Сюгэ проворных лучших воинов и велела преследовать [отходящие сунские войска]. Елюй Сюгэ шел по пятам и истощал силы врагов, [которые наконец] остановились, огородившись кольцом из повозок с провиантом. Елюй Сюгэ окружил [их], поэтому Цао Бинь и Ми Синь с несколькими всадниками той же ночью вышли [из окружения] и бежали. Остальные воины разбежались во все стороны. Преследуя их, Елюй Сюгэ двигался на восток от города Ичжоу. Когда прибыл человек с донесением: «Несколько десятников тысяч сунских воинов обедают на [берегу] реки Шахэ», – то Елюй Сюгэ, выслушав донесение, взял войска и пошел [к реке Шахэ] для нападения. Сунские воины приметили поднявшуюся [вдали] пыль. [Каждый] бросился бежать, стараясь [обогнать] другого, и [в обстановке общего смятения находившиеся] в центре давили ногами друг друга, [так что] погибла бóльшая половина [воинов]. Пришедшие затем войска Елюй Сюгэ и Сяо тайхоу полностью уничтожили на [берегу] реки Шахэ [оставшихся в живых сунских воинов].

8 Сяо тайхоу взяла [свои войска] // и возвратилась [домой], после чего Елюй Сюгэ [приказал] собрать трупы павших сунских [воинов] в одно место и насыпать [над ними] холм. Хан Шэн-цзун, согласно церемонии [по случаю] победы над [вражескими] войсками, принес жертвы [духам] Неба и Земли и вместе со всеми амбанями встретился с хуантайхоу в воротах[423], согласно церемонии, [совершаемой по случаю] радостного события. Елюй Пудэ, даляоский чиновник из *туцзюньсы* – [из управления военного инспектора], – который [по долгу службы] наблюдает за печальными и тихими, за ленивыми и сумасбродными, за скромными, робкими и спокойными [воинами][424], и другие [военачальники также] ходили для преследования сунских войск и нанесли [им] крупное поражение. [Отправили людей, которые] пришли поднести [хану] захваченные ими латы, шлемы, военное оружие и сообщить о победоносных деяниях, после чего хан Шэн-цзун вручил указ амбаню по имени Чэньдэ и командировал к [тому], кто наблюдает за печальными и тихими[425] [и т.д. воинами], и к другим [военачальникам] сказать добрые слова. *Цзедуши* Хэлуду, *чанвэнь* Сели и другие разбили [сунские] войска и поднесли хану военное оружие, латы, шлемы. Хан Шэн-цзун назначил Елюй Сечжэня *дутуном* в конных войсках всех губерний, Сяо Таланя (Даляня?) – [его] помощником при расположении [войск][426], Елюй Дицзы – главным инспектором (*дуцзянем*). Отправил [всех] в губернию Шаньси. Когда Елюй Сечжэнь, взяв войска, двигался [в направлении Шаньси], то сунский командующий Ян Е[427] велел войскам взять под охрану все города губернии Шаньси, а сам стал охранять города [области] Дайчжоу. Елюй Сечжэнь встретился в окрестностях [уездного города] Динъань с войсками сунского амбаня по имени Хэ Лин-ту[428], разбил [их], долго преследовал, настиг у [уездного] города Утай и убил несколько десятков тысяч человек[429]. Далее, на следующий день, подошел к [стенам] города Юйчжоу и хотел вступить в сражение, но сунские войска из опасения в бой не вступали. Елюй Сечжэнь написал письмо, [где было] слово: «Сдавайтесь!», – [прикрепил письмо] к стреле и выстрелом из лука [отправил письмо] к [находившимся] внутри города людям. Когда схватит и допросит [вражеского] шпиона, [тот] скажет: «Идут войска на помощь [городу Юйчжоу]». Из-за этих слов отправил Елюй Дицзы с

9 приказом: «Ночью в узком горном проходе // спрячь в засаде [войска]! Когда враг придет, выйди и сражайся!». Защитники города из-за того, что на помощь им пришли [сунские] войска, вышли из города, чтобы пробиться [сквозь ряды даляоских войск и соединиться с пришедшими на помощь]. Елюй Сечжэнь ударил им в тыл, а Елюй Дицзы преградил путь пришедшим на помощь [городу Юйчжоу] войскам и вступил в сражение, вследствие чего все [сунские] войска были разгромлены с двух сторон – [с лица и тыла]. Преследуя [их] почти до ворот [города] Фэйху, убили[430] более 20 000 человек. Вслед за тем, [воспользовавшись всею] мощью победителей, захватили[431] город Юйчжоу, после чего также взяли [штурмом] город Хуаньчжоу[432] и убили более тысячи человек – чиновников и солдат, защищавших город. Елюй Сечжэнь, получив донесение: «Сунский командующий Ян Е идет помочь доставить войска»[433], – отправил Сяо Таланя (Даланя?) и велел [ему] спрятать [войска] в засаде у дороги. На следующий день пришел Ян Е для доставки войск, после чего Елюй Сечжэнь появился со своими войсками, создавая [видимость] нападения. Когда Ян Е, взяв знамя, сам вышел сражаться, то Елюй Сечжэнь, умышленно обратившись в бегство, заставил [тем самым Ян Е] подойти к месту засады, чтобы спрятанные в ней воины вышли [для атаки с тыла, а сам] сразу же [остановился и] повернулся [лицом к противнику]. Стесненный с двух сторон, [с лица и тыла], сунский Ян Е потерпел поражение и бежал. Подойдя к деревне под названием Ланъяцунь[434], подумал про себя: «[Китайские] слова *лан я цунь* означают: “деревня волчьих

клыков"[435]. Моя фамилия [Ян] созвучна слову [*ян*] – "овца"[436]. Хорошо ли овце входить в волчьи клыки?!», – почувствовал отвращение к названию деревни и [решил] не входить [в нее]. Но когда люди двух сторон [при этом главнокомандующем] стали принуждать [и упрекать его], не вынес стыда. Во время вхождения [в деревню неожиданно] появились со всех четырех сторон скрывавшиеся в засаде даляоские воины и стали стрелять из 10
луков. // Ян Е, раненный [многими] стрелами, упал с коня. Даляоские воины взяли его живым в плен и доставили к Елюй Сечжэню. Елюй Сечжэнь, браня [его, злорадно] сказал: «Ты более тридцати лет ведешь борьбу против нашего государства. [И вот] ныне с каким лицом – [с достойным ли лицом победителя – ты] пришел на встречу со мной?!», – после чего Ян Е только о себе самом скажет: «Убей!». Ян Е – [это тот, кто] в государстве Сун, с [самого его] начала, снискал славу богатыря и храбреца. Когда объявлялась его фамилия Ян, то вот что бывало: человек, [стоявший в единоборствах] напротив, отказывался сражаться. Был пленен, будучи раненым, поэтому не [мог] есть и на третий день умер. Елюй Сечжэнь положил в ящик голову Ян Е и поднес хану Шэн-цзуну. Хан велел голову Ян Е отослать Елюй Сюгэ, [который] показал ее всем войскам. После этого сунские войска, охранявшие область Юньчжоу и прочие подобные ей области, услышали о том, что Ян Е захвачен, бросили все города и бежали. *Цзедуши* даляоских крепких областей, чинивших препятствия при сборе и роспуске [войск][437], всего пятеро амбаней, мешали [также, находясь на своих постах], управлять и контролировать[438] племена *си*, болели [душою][439] за государство Бохай и переметнулись [наконец] на сторону династии Сун, поэтому хан Шэн-цзун детей и жен переметнувшихся амбаней отдал [в рабы] заслуженным амбаням.

Сунские командующие Цао Бинь и Ми Синь взяли войска и переправились через реку Цзюймахэ. Имея намерение вступить в бой с Елюй Сюгэ, построили напротив [даляоских войск] ограду и стали завлекать [неприятеля]. Длина рядов [противоборствующих войск], выстроенных [перед сражением] у двух лагерей – у южного и северного, – шесть-семь *ли*. На следующий день даляоский [командующий] Елюй Сюгэ взял войска, // напал на сунские войска, нанес им поражение и убил многих [врагов]. После этого Елюй Сюгэ поднес 11
хану захваченные у сунских войск военное оружие, латы, шлемы и [различное] имущество.

Две особы – Ли Цунь-чжан и Юй Янь-цинь из города даляоской [области] Юйчжоу – болели [душою] за [свою] область[440] и убили *цзедуши* [Сяо Чоли], который повторно набирал [войска] и был верен [династии Да Ляо][441], [а затем] изъявили покорность династии Сун. Когда хан Шэн-цзун пришел [в места, лежащие] севернее всяких разнообразных рек[442], то каждый из всех командующих поднес хану трофеи согласно церемонии [по случаю] победы над [вражескими] войсками. Когда крупные войска пришли и осадили город Гуань, амбань по имени Елюй Пудэ [из управления военного инспектора] первым взобрался на городскую крепостную стену. Город был взят, после чего хан Шэн-цзун освободил простых горожан со словами: «Живите по-старому, по-прежнему!». Осаждавших город командиров и солдат наградил дорогими вещами в соответствии с [их] рангом.

В 5-й луне даляоские войска снова напали на сунские войска Цао Биня и Ми Синя у заставы Цигоугуань, нанесли им крупное поражение и преследовали вплоть до реки Цзюймахэ. [Во время переправы] в реке утонуло много сунских воинов. Когда оставшиеся из них [в живых] бежали к [заставе] Гаоян [гуань], то снова натолкнулись на даляоские войска, и несколько десятков тысяч [сунских воинов] были убиты. Охранявшие повозки с продовольствием несколько десятков тысяч сунцев, теснимые даляоскими войсками, вошли в опустевший город у [заставы] Цигоугуань. Даляоские войска окружили их, но в связи с днем рождения хуантайхоу всех // 12
отпустили и отправили [по домам]. Командированные послы повсюду [сообщали]: «Победили пришедшие сунские войска». Хан Шэн-цзун удостоил угощения командиров и солдат в ямыне Юаньхэдянь [«Главный мирный зал»], Елюй Сюгэ возвел в [княжеское] достоинство и объявил Чун-ваном. Пожаловал чиновничьи [должности] в соответствии с рангом снискавшим заслуги командирам и солдатам, подчиненным [тому], кто [по долгу службы] побуждает [к стрельбе и рукопашному бою] печальных и тихих, скромных и робких, спокойных [и т. д. воинов][443], и подчиненным другим [военачальникам]. Отправил Елюй Сюгэ указ [следующего содержания]: «Собранные в Южной столице военное оружие, латы, шлемы держи в [боевой] готовности![444] Накопи много съестных припасов! Этой осенью пойду в карательный поход против Южной династии Сун». Хан Шэн-цзун поделился и пожаловал сопровождающим его людям сунских воинов, вынужденных сдаться [в плен]. Когда хан, повернув войска, шел назад, то хуантайфэй – [вдовствующая вторая жена хана Цзин-цзуна], супруги[445] и сыновья всех ванов, [а также] принцессы все [вместе] пришли встретить хана. На вершине горного хребта были поставлены монгольские юрты, возле дороги было установлено изображение хана Цзин-цзуна. Хан Шэн-цзун со всеми амбанями сделал возлияние хлебной водкой перед изображением [своего почившего] отца – хана Цзин-цзуна, выстроил захваченных пленных перед изображением и устроил великий пир. [Далее], хан Шэн-цзун выпустил указ в губернии Шаньси, [в котором] отметил заслуги и преступления командиров и солдат. *Цзайсяна*, спокойного[446] [по своему характеру], лишил [его] прежних [заслуживающих наград] отличий за то, что [число] заслуг сравнялось с [числом] преступлений. [Некие] *цзедуши* возмущались [своим назначе-

нием] и забывали появляться и управлять войсками областей, в которых [они] жили и находились [на службе][447], [за что] наказал [их] палками, [дав каждому] по 50 ударов. Девять человек такого рода, как *тиинь* по фамилии Яо[448], были отрешены от всех должностей и объявлены простолюдинами за то, что, получив сведения
13 о враге, // отступили без боя. Подчиненные Елюй Сечжэню командиры и прежде карали народ *нюйчжи* и одержали победы. Затем также разгромили войска династии Сун. За [эту] двойную заслугу щедро наградил [их] в соответствии с рангом. Елюй Сечжэня повысил [в титуле] и назначил *тайбао* – [великим защитником].

В 9-й луне хан Шэн-цзун поднял войска для карательной войны с династией Сун, вышел через заставу Цзюйюнгуань и пришел в Южную столицу. Пожаловал шелковую ткань и деньги [живущим] в Южной столице чиновникам, буддийским и даосским монахам и старикам, щедро наградил отправляющихся в карательный поход на Юг командиров и солдат. При отправлении хана Шэн-цзуна в карательный поход на Юг хуантайхоу лично осмотрела повозки с продовольствием, латы и шлемы воинов. Назначила Елюй Сюгэ [командиром легких] авангардных [отрядов]. Назначила во все племенные войска по одному вождю-[военачальнику] и сказала: «Стянув каждое войско [к одному пункту], отправляйтесь [в поход]! В суматохе, [когда]шеренги и колонны рассыпаны, [в путь] не отправляйтесь!». Даляоские войска пришли в [нéкогда] танский пограничный уезд[449] и услышали о том, что сунские войска находятся у моста, который [они] держали под охраной[450]. Хан Шэн-цзун немедленно отправил [туда] лучшего командующего, поэтому сунские войска не смогли [далее] охранять этот мост и сожгли его. Даляоские *цзедуши* Лубугу и главный инспектор (*дуцзянь*) Елюй Пань напали на сунские войска в области Тайчжоу и были разбиты, поэтому [хан] лишил Лубугу прежних [заслуживающих наград] отличий за то, что бежал от врага, а надзирающего за племенными войсками [Елюй Паня] отрешил [от должности с лишением чина]. Всех подчиненных [им] чиновников наказал палками и отпустил.

14 // Седые старые рабы[451] [некоего] *ланцзюня* натолкнулись на воинов из сунского авангарда (*сяньфына*) в местности, в которой [они] вели наблюдение и прятались[452], напали [на них] и взяли живыми в плен девять человек, [а также] захватили одиннадцать лошадей, за что были награждены серебряными сосудами.

В 12-й луне Елюй Сюгэ разбил сунские войска в местах [уезда] Ванду, захваченную добычу поднес хану Шэн-цзуну. Некий *сяосяо* внезапно[453] натолкнулся на повозки с продовольствием [и фуражом] для сунских [войск], полностью разгромил войско при этом [обозе], провиант и сено сжег. Хан Шэн-цзун взял крупные войска, вступил в сражение с сунскими командующими [по именам] Лю Тин-жан[454] и Ли Цзин-юань в области Мочжоу, разбил войска Лю Тин-жана и взял живыми в плен двух сунских командующих по именам Хэ Лин-ту и Ян Чжун-цзинь[455]. В его войсках были убиты *чанвэнь* – его героический старший брат[456] – и ханский близкий прислужник[457] [из числа] его молодых рабов[458]. Когда сопровождающие хана Шэн-цзуна войска, названные Юйлиньцзюнь – [«армия обороны и наступления»], – осадили сунский город центрального участка [наступления][459], то оборонявший [этот] город командующий сдался [киданям].

Когда даляоские войска [после] сражений находили сунские богатые могилы и Запретные города[460] [с храмами предков], то они распускались и [им] позволялось брать [все], что угодно[461]. Войска и народ государства Сун вступали в подданство государства Да Ляо. После взятия штурмом городов каких-нибудь сунских областей[462] даляоскими войсками убивались все защищавшие города командующие за то, что не сдались перед [штурмом]. Солдатам позволялось брать [все], что угодно.

15 // Отложившийся от подданства государства Сун амбань по имени Ли Цзи-цянь взял пятьсот всадников, приблизился к даляоским войскам и командировал к хану Шэн-цзуну человека сказать [следующее]: «Я желаю стать зятем [хана] великой династии и охранять границы великого государства», – и хан Шэн-цзун принял [его] слова. Дочери своего родственника Елюй Сяна[463] пожаловал титул[464] принцессы Ичэн гунчжу и отдал в жены Ли Цзи-цяню*.

В 5-й год [эры правления] Тун-хэ (987 г.), в 1-й луне даляоские войска завоевали многие сунские города и уезды[465]. Когда пришли к [главному] городу [уезда] Вэньань, то отправили жителям города письмо со словом: «Сдавайтесь!», – но жители города [ответили]: «Не будем сдаваться». И даляоские войска взяли штурмом тот город, всех [его] воинов перебили, женщин и детей взяли в плен.

В 4-й луне хан Шэн-цзун повернул войска [назад], пришел в Южную столицу и вместе со всеми чиновниками поднес хуантайхоу и объявил почетный титул «мудро добродетельная, божественно благоразумная, сообразующаяся с обстоятельствами, приводящая народ в согласие, принявшая [управление по воле] Неба хуантайхоу»[466]. Все амбани поднесли хану Шэн-цзуну и объявили почетный титул «проникший в суть добродетелей, прославляющий почтительность к родителям, блестяще совершенномудрый, покровительствуемый Небом император».

---

* Затем, [в 990 г.], объявил Ли Цзи-цяня ваном государства [Си] Ся.

// В 6-й год [эры правления] Тун-хэ (988 г.), в 8-й луне, Елюй Сюгэ натолкнулся на сунские войска в области Ичжоу, убил [их] командиров (*чжихуэйши*) и возвратился с войсками [домой]. *Чанвэнь* из западного даляоского [дальнего] уезда – амбань [из тех], кто искупал [свои] ошибки[467] [и проступки], – одержал победу в карательном походе против племен, которые управлялись [только] силой [оружия][468]. Захваченную добычу поднес хану Шэн-цзуну. *Линья* Сяо Циньдэ из восточного удела, [занимающий должность] чиновника, который осуществляет связь с войсками и подробно записывает [полученные сведения][469], также ходил в карательный поход против народа *нюйчжи*, разбил нюйчжиские войска и захватил богатую добычу. Хан Шэн-цзун с крупными войсками снова двинулся в карательный поход против Южной династии Сун. Даляоские войска подошли к сунскому городу Чжочжоу. В письме, [привязанном] к стреле, написали слово: «Сдавайтесь!» – и выстрелом из лука [послали стрелу] внутрь города, но его жители сдаваться не стали, после чего расставили войска для осады [города] со всех четырех сторон. [Находившиеся] внутри города жители сдались только тогда, когда [даляоским войскам] удалось подойти[470] [вплотную] к крепостным стенам. Хан Шэн-цзун получил донесение о том, что идущие на помощь [Чжочжоу] сунские войска повернули назад, немедленно дал войска Елюй Сечжэню и двум [некогда] осужденным и взятым под стражу[471] амбаням и отправил с приказом: «Преследуйте!» И [они] отправились в погоню и разбили [эти сунские войска].

В 10-й луне даляоские войска брали штурмом разные главные[472] города. Амбань, [занимающий должность чиновника], который сосредоточенно обдумывает[473] [дела управления], встретился с сунскими войсками у [заставы] Ицзингуань[474] и также разбил [их]. Когда даляоские войска шли в наступление на ворота в Великой [китайской] стене, то сунский командующий по имени Ли Син, оборонявший [главный] город [области] Динчжоу, взял войска // и вышел [из города] сражаться. Елюй Сюгэ разбил [его войска], преследовал и убивал [17] [врагов] на протяжении пяти-шести *ли*.

В 11-й луне хан Шэн-цзун взял в осаду город у ворот в Великой [китайской] стене. Когда [даляоские войска] осадили город со всех четырех сторон, то [находившиеся] внутри города люди пошли напролом и стали пробиваться сквозь [кольцо] окружения. Даляоский Елюй Сечжэнь кричал им: «Сдавайтесь!» – но [они] сдаваться не стали, поэтому хан Шэн-цзун вместе с амбанями такого рода, как Хань Дэ-жан[475], вступил в бой [с пытавшимися прорваться сквозь окружение] и всех перебил. Взятых [в плен] записал в рабы и пожаловал воинам из области Янь. Далее, когда хан Шэн-цзун после осады и штурма взял город Маньчэн, то [находившиеся] внутри города воины открыли северные ворота и бежали, [по поводу чего] хан Шэн-цзун командировал к правителю города человека вести переговоры добрыми словами, поэтому правитель города вместе со [всеми жителями] города изъявил покорность. Далее, взял штурмом город Цичжоу, распустил войска для грабежа, захватил город Синьлэ[476] и скалы горы Сяоланшань – [«Горы молодых волков»]. Тысяча сунских воинов, вышедших через заставу Ицзингуань[477], была атакована и разбита даляоским *ланцзюнем*, который [на войне] рыл [подземные ходы], брал в осаду[478], [штурмовал города], и *чанвэнем*, который являлся [ханским] старшим братом[479]. Был убит один [сунский] помощник командира полка (*фуцзян*).

В 12-й луне крупные войска стояли у границ государства Сун.

В 7-й год [эры правления] Тун-хэ (989 г.), в 1-й луне, когда [хан] повернул войска и пришел [домой], то [сунский] командующий по имени Гао Жун, охранявший скалы, которые прочно заслоняли [собой][480] государство Сун, вместе со всеми [воинами] пришел для вступления в подданство государства Да Ляо, после чего хан Шэн-цзун пожаловал [ему] грамоту со словами: «Поселись в Южной столице!».

// Когда даляоские войска осадили город Ичжоу, то войска сунского города Суйчэн вышли [из города] [18] и пришли на помощь [осажденным]. Отправленные ханом Шэн-цзуном войска сразились [с ними] и захватили пять командиров (*чжихуэйши*)[481]. И [объединенные] крупные войска все вместе вступили в сражение, взяли штурмом город Ичжоу и склонили к сдаче *цыши* – [правителя области], который задержался [в Ичжоу] и опоздал[482] [бежать]. Когда оборонявшие город воины хотели выйти и бежать на юг, то хан Шэн-цзун лично взял войска и отрезал [им путь к бегству], поэтому [они], испугавшись, [из города] не вышли. Войска и народ города Ичжоу были переселены в город Яньцзин – [Южную столицу]. Хан Шэн-цзун убил белую лошадь и серого быка, принес [их] в жертву [духам] Неба и Земли и, повернув войска, пришел в Южную столицу.

Во 2-й луне 17 сунских *цзиньши*[483], каждый сам по себе и вместе со всем [своим] семейством, пришли для вступления в подданство, после чего хан Шэн-цзун сказал чиновникам, [чтобы они] проэкзаменовали [пришедших *цзиньши*]. Лучших (букв.: «первостепенных») назначил учеными чиновниками[484] [Академии наук], остальных – чиновниками уездных главных учреждений[485].

В 4-й луне хан Шэн-цзун пристрастился к игре в мяч, поэтому *цзяньи дафу* – сановник, ругающий[486] [императора], – представил увещевающий доклад:

«Мне, амбаню, представляется, что хан в [список] великих удовольствий записал такую [забаву]: по возвращении из ямыня играть в мяч, когда найдется свободное время. Я полагаю, что в этом деле есть три несоответствия. Верх и низ по сути [своей] являются противоположностями[487], [так могут ли] господин и вассал вести [на равных] спор за победу[?!][488]Когда господин примет [мяч], то вассал станет выхватывать [его у господина]. Когда господин упустит [мяч], то вассал будет радоваться. – Это первое несоответствие. Далее, туда-сюда
19 вместе [всею толпою двигаясь и] мешая друг другу, вместе и окружают [хана] спереди и сзади. // Жадный, позволив подняться [своим] желаниям, теряет все: и благопристойность, и [чувство] долга[489]. Когда бросает палку, то входит во вкус [игры], и, быть может, случится, что попадет [палкой] в платье хана. И вассал нарушает закон, и господин также не может обвинить [его]. Это второе несоответствие. Если ханская высокопочтенная особа легкомысленно забавляется скачкой в обширной местности, то земля, пусть и ровная, на самом деле тверда, а конь, пусть и хороший, точно [может] споткнуться на передние ноги. В случае, если ханская особа свалится [с седла], сделав ошибку при метании [палки] на всем скаку, то повиснет [на стремени], не потеряв [при этом] пылкости. Разве это возможно?! Если так [случится], то не испугается ли также мать-государыня (тайхоу)? Это третье несоответствие. Что же делать? Хан, с уважением вспомни унаследованные правила этикета и оставь развращающую и изнуряющую[490] игру!». Хан Шэн-цзун весьма одобрил этот доклад и принял слова [*цзяньи дафу*].

В этой (4-й) луне из государства Сун в государство Да Ляо пришло для вступления в подданство племя *тухунь* – независимое многочисленное племя, которое обменивало исключительно великолепные вещи на южное золото[491], после чего хан Шэн-цзун пожаловал людям [этого] племени в награду платье и пояса.

В 5-й луне даляоский амбань по имени Елюй Сюгэ взял войска, отправился к городу Маньчэн и призывами склонил к подданству более семи сотен сунских воинов. Отправил людей, [которые] доставили [их] к хану Шэн-цзуну.

Династия Сун отправила своих амбаней такого рода, как Лю Тин-жан, [которые] в жаркую пору пришли для осады даляоского города [области] Ичжоу, после чего все командующие государства Да Ляо [от неожиданности]
20 испугались. Только один Елюй Сюгэ взял [смелых] проворных воинов, // вступил в сражение с сунскими войсками севернее реки Шахэ[492] и убил несколько десятков тысяч человек. Захватил и поднес хану большое количество военного оружия и тяжелой поклажи, после чего тайхоу очень хвалила [его] и издала указ, [в котором] отменила выкрикивание имени и коленопреклонение Елюй Сюгэ [во время церемоний и приемов во дворце].

В 8-й год [эры правления] Тун-хэ (990 г.), в 5-й луне, правитель народа *нюйчжи*, который [ранее] чинил препятствия и вред[493] [киданям], предоставил дань династии Да Ляо, после чего хан Шэн-цзун возвел [этого] чинившего препятствия и вред [правителя] в достоинство Шуньхуа-вана – [«князя приятных речей»].

В 12-й луне Ли Цзи-цянь, правитель государства [Си] Ся, командировал посла, пришедшего в государство Да Ляо с сообщением: «Захватил сунские [области] Линьчжоу и Лучжоу», – после чего хан Шэн-цзун командировал [своего] посла, [доставившего в государство Си Ся свидетельство на титул, по которому] Ли Цзи-цянь был объявлен [Сяго-ваном] – князем государства Ся.

В 9-й год [эры правления] Тун-хэ (991 г.), в 1-й луне, амбань из ямыня, [занимающегося составлением] государственных исторических книг, который [по долгу службу] проверяет [собранный материал] и выпускает [из него непригодное][494], поднес хану Шэн-цзуну [летопись] *Яргянь кооли* – [«Истинные законы»], и хан наградил [его] в соответствии с рангом.

В 4-й луне Ли Цзи-цянь, ван государства Ся, командировал своего человека, [хорошо] изучившего Север[495], [который] пришел к хану Шэн-цзуну принести благодарность[496] за возведение [Ли Цзи-цяня] в княжеское достоинство.

В 7-й луне хан Шэн-цзун для правителей губерний выпустил указ: «Хороших добродетельных людей выявляйте [и рекомендуйте на должности]! Разыскивайте [и производите следствие] над корыстолюбивыми и жестокими! Соболезнуйте почтенным старикам из народа! Прекратите расточительство и необузданность [в желаниях]! Давайте чиновничьи [должности] сыновьям и внукам погибших на войне!».

21 // В 8-й луне народ *нюйчжи* прислал в государство Да Ляо людей, которые приманивают оленей рожком, [подражая их реву во время гона, а потом] стреляют [в них]. Люди Восточной столицы прислали в дар трехногую ворону.

В 10-й луне Ли Цзи-пэн, *цзедуши* сунских самых трудных[497] [для управления] окружных городов, пришел для вступления в подданство, после чего хан Шэн-цзун возвел Ли Цзи-пэна в достоинство Сипин-вана.

В 12-й луне Ли Цзи-цянь, ван государства Ся, тайно искал покровительства у династии Сун, и хан Шэн-цзун вручил указ воеводе-усмирителю (*чжаотаоши*) Хань Дэ-вэю и отправил с приказом: «Веди переговоры [с Ли Цзи-цянем]!»

В 10-й год [эры правления] Тун-хэ (992 г.), в 1-й луне, хан Шэн-цзун издал закон, [по которому] запрещалось при совершении поминок убийство лошадей, а [при погребении] – заполнение [могил] латами, шлемами, золотой и серебряной посудой.

Во 2-й луне Хань Дэ-вэй возвратился назад и сообщил в представленном докладе: «Про Ли Цзи-цяня солгали, что [он] ушел воевать на Запад, [вот он на переговоры и] не явился. Я ходил в другие областные[498] города, ограбил [их] и принес [награбленное]». Далее, государство Ся командировало посла, пришедшего к хану Шэн-цзуну с сообщением: «Хань Дэ-вэй произвел грабеж и унес [награбленное]», – после чего хан Шэн-цзун приказал отдать [все назад и этим] прекратил гнев[499] [государства Ся].

В 11-й год [эры правления] Тун-хэ (993 г.), в 3-й луне, хан Шэн-цзун отправил наместника Восточной столицы Сяо Хэндэ и других с приказом: «Покарать [корейское] государство Солхо!». Сяо Хэндэ, взяв войска, отправился [в поход] и захватил корейские пограничные города. Поэтому корейский // ван [по имени] Ван Чжи испугался, вручил письмо человеку, красивому и нежному[500], [который] пришел [в государство Да Ляо] с признанием вины, после чего хан Шэн-цзун выпустил указ, [по которому] государству Солхо были отданы принадлежащие народу *нюйчжи* [земли протяженностью в] несколько сотен ли, что восточнее [реки] Ялуцзян. 22

В 7-й луне вышли из берегов воды двух рек, называемых [по-китайски] Шэнгань [«буйная и дерзкая»] и Чжанхо [«увеличивающая урожай»]. Были затоплены совершенно все хлебные посевы населения, жившего западнее [заставы] Цзюйюнгуань, и уплыло много домов населения, жившего в [области] Фэншэнчжоу[501] и Южной столице.

В 12-й год [эры правления] Тун-хэ (994 г.), в 1-й луне, хан Шэн-цзун, прославляя [жившего] в городе [области] Бачжоу человека с острым хитрым языком[502], достигшего возраста ста тридцати трех лет, пожаловал [ему] шелковую ткань, [украшенное] вызолоченной кожей[503] платье, серебряный пояс, в соответствии с месяцем – овец и вино, а также освободил его дом от натуральной повинности.

В 3-й луне [корейское] государство Солхо командировало посла, пришедшего с просьбой вернуть захваченных у него людей и скот, после чего хан Шэн-цзун выпустил указ, [в котором] велел [совершившим преступление] откупиться от наказания.

В 6-й луне хан Шэн-цзун выпустил указ: «Правители областей и уездов! Если [у кандидата на должность] нет пороков, из-за которых [обычно и] совершаются преступления, то на [другие не столь значащие] обстоятельства не обращайте внимание! Экзаменуйте [его] и, представив доклад, употребляйте на службе!»

В то время в местожительстве хана было много разбойников, и амбань, который любил мирные правила[504], положил начало [новому] закону о поимке разбойников, поэтому они с того [времени там] исчезли. [До сего времени было, что], хотя бы старшие и младшие братья мятежника и не следовали [его злому] умыслу, [их] всех вместе предавали суду. Любивший мирные правила амбань, увещевая, сказал: «[Слова] *старший брат, младший брат* вот о чем говорят: хотя бы [братья] и были единоутробными, // [их] сердца разные. Если предать суду вместе [с другими] того, кто не последовал [злому] умыслу мятежника, то это [означает]: тот закон [о поимке разбойников] направлен на невинного. Отселе впредь нужно избавлять от наказания того [из братьев], кто не последовал [злому] умыслу, хотя бы братья и жили все вместе[505]». Тайхоу одобрила и приняла эти слова. 23

В 8-й луне династия Сун командировала посла, пришедшего с пожеланием заключить мир, но хан Шэн-цзун не согласился.

В 11-й луне хан Шэн-цзун выпустил во всех губерниях [следующее] предписание: «Заносите в списки[506] все эти имена – [имена] захваченных в государстве Сун чиновников, не разбирая того, [простой ли это] письмоводитель [или] человек с [большими] дарованиями, а на войне – храбрый [или] малодушный[507] человек, и доставляйте [списки] сюда!»

В 12-й луне [корейское] государство Солхо прислало в дар женщин-актрис[508], но хан Шэн-цзун не принял [их] и возвратил назад.

В 13-й год [эры правления] Тун-хэ (995 г.), в 11-й луне, хан Шэн-цзун командировал послов [со свидетельством на титул, по которому] правитель [корейского] государства Солхо Ван Чжи был объявлен ваном. Из государства Солхо были отправлены десять человек, прибывших с целью выучить язык государства Да Ляо.

В 14-й год [эры правления] Тун-хэ (996 г.), в 3-й луне, ван государства Солхо Ван Чжи представил доклад, [в котором писал о своем] желании взять в жены [знатную киданьскую девушку], и хан Шэн-цзун отдал ему в жены дочь оборонявшего Восточную столицу царского зятя Сяо Хэндэ.

Пять человек такого рода, как оборонявший Восточную столицу Сяо Хэндэ, которые [по долгу службы] наблюдают и делают выговор трусливым [воинам][509], и другие // в карательном походе против народа *ужо*[510] не одержали победу, за что были отрешены от своих должностей с лишением чинов. 24

В 6-й добавочной луне люди [некоего безымянного], не имевшего истоков [происхождения][511] племени поднесли хану Шэн-цзуну найденную в земляной промоине [статуэтку] – золотого коня. Хан Шэн-цзун объявил Ланьлин-ваном и Цзюнь-ваном[512] Сяо Талиня (Даланя?) за то, что употребил хитрость и убил шестьдесят изменников, подобных тем, кто мешает [делам], вредит и присваивает [чужое добро][513].

В 15-й год [эры правления] Тун-хэ (997 г.), в 1-й луне, правитель народа *ужо* пять дней[514] [находился в пути и] пришел к хану Шэн-цзуну для вступления в подданство. Государство Ся командировало посла, пришедшего с сообщением: «Разбили сунские войска», – и хан Шэн-цзун возвел Ли Цзи-цяня, [правителя] государства Ся, в достоинство Сипин-вана. В это время умер сунский хан Тай-цзун, и [его] сын Чжэнь-цзун унаследовал престол. Хан Тай-цзун сидел на троне 22 года. Был в возрасте 59 лет.

В 5-й луне восемь племен *диле*[515] убили своего *чанвэня* и отложились от подданства, после чего даляоский амбань по имени Сяо Талинь (Далань?) погнался [за ними] и схватил половину людей из тех племен.

Сяо Талинь (Далань?) обратился с вопросом к Елюй Чжао: «На наших границах – [тех, что с] трех сторон [защищают государство Да Ляо][516], – тишина и спокойствие. Военные действия[517] только что прекращены. Ныне один народ *цзубу* намерен воспользоваться нашим [мирным] досугом и зашевелиться. Если отправиться покарать [его], то путь долог и движение [направившихся к нему войск будет очень] затруднено. Если простить [его] и остаться [дома], то будет притеснять и мучить наше пограничное население. Если увеличить [пограничные регулярные] войска и заставить [их] охранять [население], то доставляемые [ими] съестные припасы [в пути будут отняты разбойниками и до границы] еще и не дойдут! Если, желая перевести дух, [даже] на один
25 час оставить [вину] без внимания, то защитить [себя] от будущих беспорядков // не сможем. Как лучше [в таком случае] поступить?».

На эти слова Елюй Чжао письменно ответил: «Как я слышал, [некогда] говорили: “Когда постигают суть искусства управления[518], то [люди] уподобляются [членам] одной семьи, хотя бы [и были до этого] злобными врагами, а когда делают ошибки в искусстве управления, то [люди] уподобляются [случайным] путникам, хотя бы [и были] подданными[519] [или] друзьями”. У многих племен северо-западной окраины, [среди которых производится набор в пограничные гарнизоны], один мужчина [из каждой семьи] в пору земледельческих работ отправляется жить на сигнальный маяк. Другой мужчина работает на казенной пашне. Двое мужчин поселяются на границе для [ее] охраны[520]. И хотя бы в одной семье было четверо мужчин, до́ма [они] находиться не могут. Все работы по сеноставу и пастьбе скота сваливаются на детей и женщин. Если [они] однажды случайно встретятся с разбойниками и будут обобраны, то [вся семья] наверняка не сможет [снова] стать состоятельной и будет голодать. Быть может, хан из сострадания весной и летом окажет [голодающим] вспомоществование зерном. Чиновники же, через которых происходят пересылка и выдача [зерна из государственных складов], выдадут зерно, подмешав [к нему] отруби. [Далее], прямая по́дать – та, что взимается с пахотных земель, – слишком тяжела. [До будущего урожая] около нескольких месяцев жить так же, [как после сбора урожая в осеннюю и зимнюю пору], становится невозможно, вот и приходят с сообщением о крайне нуждающихся [людях]. “Скот кормит”, – вот что говорят, и [скот является] основой благосостояния государства (букв.: «основой, делающей государство богатым»). Но чиновники из опасения, что люди будут скрывать и утаивать [его численность], собирают весь скот в одно место и никому не позволяют кормить [его] на вольных [выпасах] в местах с хорошей травой и водой. Далее, когда поселившийся на границе для [ее] охраны воин умрет [или] убежит, то немедленно доставленный и поселенный вместо [него] новый человек на пропитание [ничего] не получит. Вот потому-то, [по всем этим причинам, народ северо-западной окраины], ежедневно голодая и ежемесячно уменьшаясь [числом], мало-помалу доходит до крайности и [идет] к концу].

Нынешний [предлагаемый мною] план: дать обедневшим [участки пахотной земли и взимаемую с этих земель] прямую подать сделать незначительной; выдать [беднякам для вспашки] быков и позволить заниматься
26 земледелием по [своему] желанию; при смене поселяющихся на границе для [ее] охраны воинов // остерегаться разбойников, [нападающих в пути на переселенцев и их семьи]; захваченный на войне хлеб выдавать людям, у которых [его] недостаточно; [позволить] взращивающим скот людям отпускать его на волю, и [скот сам] найдет [для выпаса и выгула] места с хорошей [водой и травой].

Когда бы стало [так], то можно надеяться на то, что в течение нескольких лет [народ северо-западной окраины] непременно станет богатым и сильным. Когда после этого основательно обученных[521] отборных воинов усовершенствовать [уже окончательно в военном] строю – в шеренгах и колоннах, – то [они] станут твердыми в обороне и будут одерживать победы в [походном] движении. Далее, когда бы прежде [всего] устрашили и покарали тех, кого трудно исправить и усмирить, то все другие станут остерегаться [уже] по своей воле. В случае, когда бросают огромные земли, но [важно] рассуждают на общем совете о малых землях; когда уклоняются от сильного, но нападают на слабого, то не только напрасно [приводят] к концу [государственные]

средства и силы, но и не могут страхом удержать в покорности его сердце. Эти два [обстоятельства] вот о чем говорят: о возникновении корысти и [связанных с нею] несчастий. Нельзя не рассмотреть [со всех сторон эти обстоятельства].

Как я слышал, знаменитый древний командующий установил подвиг – усмирение...[522], и это зависело от [его] добродетелей, а не от множества [воинов]. Поэтому и цзиньский командующий, о ком написан и обнародован [указ][523], с восьмитысячным войском разгромил миллионную армию [того], кого взяли в плен и убили[524]. И Елюй Сюгэ из нашего государства с войском в пять отрядов нанес поражение стотысячной армии Цао Биня. Вероятно, причина [побед заключалась в том, что военачальники по великому] благословению [Неба] сближались с сердцами воинов, а [воины] получали [от Неба] силы [сражаться] на́смерть[525]. Командующий, ты первый вельможа в государстве, а также владел [когда-то] одним уделом [на его окраине]. И [ты] должен, сообразуясь с древностью, совершать героические поступки. Если [поступок направлен] на высокое, смотри на знаки Неба! Если на низкое, выполняй планы людей! // Будь внимателен ко [всем] местным [людям]: и с крутым, и с ровным [27] [характером]! Угадывай правду и ложь врагов! Если обдуманный [мною] план не упускает [ничего важного], то большая польза[526] [от него] дойдет до будущих поколений!».

Сяо Талинь (Далань?) про слова этого [письма] сказал: «Справедливо».

В 8-й луне хан Шэн-цзун охотился в местах, в которых [обычно] определяли [текущие задачи] и составляли [планы дальнейших действий][527], после чего хуантайхоу, увещевая, сказала хану Шэн-цзуну: «Вот сказанное мудрецами прошлых [поколений]: не действуй по желанию сердца! Меня вот что заставляет страдать: ты стал повелителем Поднебесной, но если будешь действовать [по желанию сердца] – скакать на коне во время охоты во весь опор, то однажды из десяти тысяч [случаев] конь [ведь может] споткнуться на передние ноги и произойдет беда. Отселе впредь удерживай себя [от сердечных порывов]!».

Умер ван [корейского] государства Солхо, и [Ван] Цун, сын [его] старшего брата, командировал своего амбаня по имени Ван Тун-инь в государство Да Ляо с сообщением о трауре, после чего хан Шэн-цзун отправил [своего] посла для совершения поминок [на могиле почившего] вана государства Солхо.

В 16-й год [эры правления] Тун-хэ (998 г.), в 11-й луне, хан Шэн-цзун командировал послов [со свидетельством на титул, согласно которому] Ван Цун был объявлен ваном его государства Солхо.

В 17-й год [эры правления] Тун-хэ (999 г.), в 9-й луне, хан Шэн-цзун отправился в карательный поход против династии Сун и не смог [взять] штурмом[528] сунский город Суйчэн. Даляоский амбань из совета [по делам межгосударственных] сношений[529] смог [взять] штурмом два города, [прославившихся своими искусно выполненными] прозрачными веерами и украшениями из золота и олова[530]. Когда хан Шэн-цзун пришел к городу Инчжоу, то даляоские войска // вступили в бой с сунскими войсками и взяли живыми в плен двух командую- [28] щих по именам Кан Чжао-и и Сун Шунь. Захватили большое [количество] латов, шлемов, военного оружия. Даляоские войска завоевывали поселки и главные уездные города[531] государства Сун. Когда пришли к городу Суйчэн, то все сунские войска, [стоявшие] вблизи реки, приняли [бой]. Хан Шэн-цзун выстроил свою конницу и сказал: «[Всем] идти прямо напролом!» И даляоские войска нанесли поражение сунским войскам, бóльшая половина [которых] была убита.

В 18-й год [эры правления] Тун-хэ (1000 г.), в 1-й весенний месяц, войска возвратились в Южную столицу. [Хан] наградил заслуженных командиров и солдат и предал суду людей, которые [притворно] показывали свои усилия, но [на самом деле] не служили со [всем] усердием.

В 19-й год [эры правления] Тун-хэ (1001 г.), в 4-й луне, хан Шэн-цзун своей жене, урожденной Сяо, поднес и объявил почетный титул «императрица Ци-тянь».

В 10-й луне хан Шэн-цзун отправился в карательный поход против династии Сун. Направляясь [воевать] в страну, [лежащую] вдоль [многочисленных] каналов[532], сказал Лянго-вану[533] Лун-чэну: «Возьми легкие авангардные отряды и войди [в земли неприятеля] впереди [всех войск]!». Лун-чэн отправился в путь, напал на сунские войска в Суйчэнской области и разбил [их]. Даляоские войска направились к сунскому городу Маньчэн, но так как дороги развезло от дождей и идти [по ним] стало невозможно, то войска возвратились назад.

В 20-й год [эры правления] Тун-хэ (1002 г.), в 3-й луне, хан Шэн-цзун // с приказом: «Покарать династию [29] Сун!» – отправил [в поход] амбаней такого рода, как *цзайсян* совета [по делам межгосударственных] сношений[534]. Великий защитник (*тайбао*) – [один из трех высших сановников государства] – прибыл [туда, где производился смотр воинских подразделений], привел в порядок, возглавил [войска][535] и нанес поражение сунским войскам в очень душной[536] области. Амбань по имени Сяо Талинь (Далань) также разгромил сунские войска в области Тайчжоу. Ходившие в карательный поход против династии Сун командующие возвратились с войсками [назад] и захваченную военную добычу поднесли хану Шэн-цзуну, после чего хан наградил [их различными] дорогими вещами в соответствии с [их] должностями.

В 21-й год [эры правления] Тун-хэ (1003 г.), в 5-й луне, два даляоских амбаня по именам Елюй Угуэ и Сяо Талинь (Далань) сразились с сунскими войсками, схватили живым командующего по имени Ван Цзи-чжун[537] и убили большое [количество сунских] воинов.

Умер ван государства [Си] Ся – Ли Цзи-цянь, и [его] сын Ли Дэ-чжао командировал посла, пришедшего сообщить хану Шэн-цзуну о трауре. Хан Шэн-цзун снарядил амбаня по имени Дин Чжэнь и отправил для совершения поминок [на могиле] вана государства Ся.

В 22-й год [эры правления] Тун-хэ (1004 г.) Ли Дэ-чжао из государства [Си] Ся поднес хануШэн-цзуну вещи, оставленные его отцом Ли Цзи-цянем, после чего хан Шэн-цзун командировал послов [со свидетельством на титул, по которому] Ли Дэ-чжао был возведен в [княжеское] достоинство и объявлен Сипин-ваном.

В 9-й добавочной луне хан Шэн-цзун отправился в карательный поход против Южной династии Сун. Даляоские войска напали на сунские войска в [некогда] танской пограничной[538] области и нанесли [им] крупное
30 поражение. Даляоский командующий по имени Сяо Талинь (Далань) // напал на сунские войска в Суйчэнской области и также разбил [их]. Даляоские войска не смогли [взять] штурмом город Инчжоу, но взяли штурмом город Цичжоу. Даляоский амбань по имени Елюй Коли встретился с сунскими войсками в области Минчжоу, вступил в сражение и разбил [их]. Когда даляоские войска направились в Тайюаньскую область, то амбань по имени Сяо Талинь (Далань) наткнулся на «сердитую стрелу»[539] [лука-самострела, установленного] укрывшимися в засаде сунскими воинами, и умер.

[В 11-й луне] сунский хан Чжэнь-цзун командировал в государство Да Ляо амбаня по имени Цао Ли-юн[540] [обсудить вопрос] о заключении мира, после чего хан Шэн-цзун в ответ вручил амбаню по имени Хань Ци письмо, [в котором] велел поставлять подарки[541], и командировал к сунскому хану Чжэнь-цзуну. Сунский хан командировал амбаня по имени Ли Цзи-чан, который сказал хану Шэн-цзуну: «Наш хан будет называть [Сяо] тайхоу младшей теткой [по-маньчж. *ухумэ*][542] и ежегодно поставлять сто тысяч *лянов* серебра и двести тысяч [кусков] шелка», – и хан Шэн-цзун согласился с этими словами. Вручил амбаню по имени Дин Чжэнь ответное письмо о поставке подарков и командировал [в государство Сун]. В той же [11-й] луне отвел войска в Южную столицу, удостоил угощения командиров и солдат и наградил в соответствии с рангом.

В 23-й год [эры правления] Тун-хэ (1005 г.), в 5-й луне, [корейское] государство Солхо командировало посла, пришедшего поздравить хана Шэн-цзуна с радостным событием: заключением мира с династией Сун. И
31 династия Сун // будет постоянно ежегодно поставлять серебро и шелк, о которых шла речь при заключении мирного [клятвенного договора].

В 24-й год [эры правления] Тун-хэ (1006 г.), в 8-й луне, [живущий] в городе [области] Шачжоу[543] глупый и лживый князь[544] поднес хану Шэн-цзуну коней примитивного, покорного, очень маленького[545] народа и красивый нефрит.

В 25-й год [эры правления] Тун-хэ (1007 г.), в 7-й луне, умерла мать Ли Дэ-чжао, вана государства [Си] Ся, после чего хан Шэн-цзун снарядил и отправил посла для совершения поминок [на могиле матери правителя Си Ся]. Воевода-усмиритель (*чжаотаоши*) северо-западной окраины Сяо Туюй покарал и разорил племена, которые отвергали[546] [свою зависимость от государства Да Ляо].

В 26-й год [эры правления] Тун-хэ (1008 г.), в 12-й луне, амбань по имени Сяо Туюй отправился в карательный поход против народа *хуэй-гу* («уйгуры»?), что в области Ганьчжоу. Правитель народа [и его] отец принесли [Сяо Туюю] подарки[547] и изъявили покорность, поэтому Сяо Туюй [только строго] поговорил [с ними], чтобы укротить [их дух], и отправил назад к их народу.

В 27-й год [эры правления] Тун-хэ (1009 г.), в 11-й луне, хуантайхоу тяжко заболела, поэтому [хан] помиловал всех преступников. В день беловатого зайца хуантайхоу умерла.

В 28-й год [эры правления] Тун-хэ (1010 г.), в 1-й луне, останки хуантайхоу были похоронены в ямыне Шоутудянь – [«Зал для принятия планов»], что в [области] Цяньчжоу.

Во 2-й луне государства Сун и Солхо командировали послов, пришедших для совершения поминок [на могиле] хуантайхоу. Хан Шэн-цзун поднес хуантайхоу и назвал посмертный [почетный титул Шэн-шэнь сюань-сянь хуанхоу] – «свято божественная, объявленная в народе мудрой[548] императрица».

32 // В 4-й луне воевода-усмиритель (*чжаотаоши*) Сяо Туюй [снова] отправился в карательный поход против народа *хуэй-гу* (*хуэй-ху* «уйгуры»?), что в [области] Ганьчжоу, и смог [взять] штурмом город [области] Сучжоу, после чего пленил [и доставил в государство Да Ляо] совершенно все население того города. По приказу хана Шэн-цзуна восстановил [крепостные стены некоего] старого города с заваленными и разрушенными входами[549] и поселил [пленных в этом восстановленном городе].

Кан Чжао – чиновник из Западной столицы [корейского] государства Солхо, который [по долгу службы] учитывает и исследует [политическую обстановку в государстве][550], – убил своего повелителя Ван Цуна[551] и

самовольно возвел [на престол] Ван Шуня – старшего в ханском роду по летам, после чего хан Шэн-цзун, выслушав донесение об этом, обратился ко всем амбаням: «То, что корейский Кан Чжао убил своего вана и возвел [на престол] старшего в роду по летам, [означает]: это чрезвычайное нарушение долга. Нужно поднять войска и пойти расспросить о преступлении». И все амбани высказались: «Нужно пойти, [это] будет справедливо». Только Сяо Тилей, увещевая, сказал: «Наше государство ежегодно ведет карательные войны, и все воины утомлены. Кроме того, для ханской персоны это еще и время ношения траура. [Урожай] хлебов этого года не убран. Внешнее государство [Солхо] хотя и маленькое, но города [его] крепки. И хотя мы в сражениях [до сих пор] одерживали победы, на твердость [наших уставших от походов войск рассчитывать] не можем. Когда однажды из десяти тысяч [случаев] роняют из рук удачу, к чему раскаиваться в этом?! Вот что я содержу в уме: отправим-ка одного посла расспросить о причине преступления! Если [Кан Чжао и Ван Шунь] примут ту вину на себя, то отменим поход наших войск. В противном случае поднять войска по окончании траура [по хуантайхоу, связанных с ним печальных] церемоний и после сбора [урожая] хлебов также будет не поздно». Но если и сказал [так], хан Шэн-цзун не принял [его] слова.

В 8-й // луне хан Шэн-цзун лично взял войска и отправился в карательный поход против государства Солхо. 33
Командировал посла в государство Сун с сообщением: «Поднял войска». Отправил выдающегося командира[552] – амбаня по имени Хань Ци – к корейскому вану Ван Шуню расспросить о [причине] преступления, после чего Ван Шунь вручил своему послу письмо, [в котором] просил хана Шэн-цзуна об отводе войск, но хан Шэн-цзун не согласился [на это]. И крупные [даляоские] войска переправились через [реку] Ялуцзян, после чего корейский амбань по имени Кан Чжао пришел встретить [врага] и вступить в бой. Был разбит даляоскими войсками, повернул [назад] и стал охранять город Тунчжоу. Затем Кан Чжао вышел [из города] для сражения. И даляоский амбань по имени Елюй Дилу взял живым в плен корейского Кан Чжао – [того], кто связал и обезглавил жестокого и яростного[553] [Ван Цуна]. Преследовал корейские войска [на расстоянии] более десятка ли. Четыре города этой губернии: Тунчжоу, Хочжоу, Гуйчжоу и Нинчжоу – признали зависимость от государства Да Ляо. Даляоский амбань по имени [Сяо] Пайя вступил в сражение с корейскими войсками на корейском горном перевале под названием Угодэ – [«Непреодолимый»][554] – и также разбил [их]. Корейский ван вручил своему послу письмо со словами: «Лично приду для согласования [вопроса] о передаче ежегодной дани. Отведи войска!» – и командировал к хану Шэн-цзуну. После этого все амбани обратились к хану: «Нужно принять [его] изъявление покорности». Но амбань по имени Елюй Яоцзи сказал: «То, что корейский Ван Шунь в самом начале [войны], сразившись один раз и будучи разбитым, желает признать зависимость и просит [об отводе войск, означает]: это обман и [воинская] хитрость. Если принять [сейчас] изъявление покорности, то как бы не угодить в его обман и хитрость! // Если примем признание зависимости в [самом] конце, по истощении его сил, то также не опоздаем». Но если и сказал [так], хан не принял [его] слова. Последовал совету всех [амбаней] и 34
отменил роспуск войск для грабежа[555]. Своего амбаня по имени Мабую[556] назначил наместником в городе Кайцзин[557], амбаня по имени Ванбэ[558] назначил его помощником. Когда отправлял [их] для поселения в городе Кайцзин – местожительстве корейских ванов, – то прикомандировал к великому учителю (*тайши*) Илиню тысячу отборных воинов. Препровождая Мабую, направились к городу Кайцзин, после чего оборонявший Кайцзин корейский командующий по имени Цзо Сы-чжэн[559] убил командированных династией Да Ляо десять человек такого рода, как [чиновник], возглашающий фамилии и заслуги[560] [посетителей во время приемов во дворце], и с войском вышел встретить Мабую и других, поэтому [они] повернули назад и пришли [к хану]. Хан Шэн-цзун дал войско амбаню по имени Илинь и отправил со словами: «Сразись с Цзо Сы-чжэном!», – и Цзо Сы-чжэн бежал в Западную столицу, получив донесение о приходе [Илиня] с войском. Даляоские войска осадили город Кайцзин, пять дней штурмовали, но не взяли [его]. Хан Шэн-цзун отправил двух амбаней по именам [Сяо] Пайя и Паньну со словами: «[Возьмите] штурмом корейский город Кайцзин!». И [Сяо] Пайя и другие встретились с корейскими войсками и разбили [их], после чего корейский ван бросил Кайцзин и бежал. Даляоские войска предали огню город Кайцзин. Преследуя до [реки] Цинцзян – [«Прозрачная река»], убивали [врагов] и повернули назад.

// В 29-й год [эры правления] Тун-хэ (1011 г.), в 1-й луне, войска возвратились [домой], после чего население 35
всех сдавшихся корейских городов отложилось от подданства [государства Да Ляо].

В 4-й луне хан Шэн-цзун выпустил указ: «Если человек из царского рода учинит злодейское преступление, то выжигайте клеймо на [его] лице, [следуя] примеру всех племен!».

В 30-й год [эры правления] Тун-хэ (1012 г.), в 4-й луне, корейский ван командировал [в государство Да Ляо ловкого, находчивого] амбаня, который [умел] добиваться [на переговорах] нестрогих благоприятных соглашений[561], и [тот] передал [хану Шэн-цзуну слова корейского вана]: «Буду жить [в покорности] согласно основному долгу вассала[562]», – после чего хан Шэн-цзун сказал [этому амбаню, умевшему] добиться нестрогих благо-

приятных соглашений: «Передай своему вану: "Приди лично для заключения мира!"», – и отправил назад. Корейский ван вручил амбаню по имени Тянь Гун-ни письмо со словами о себе самом: «По болезни прийти не могу», – и командировал [в государство Да Ляо]. По прибытии Тянь Гун-ни [встретился с ханом], и хан Шэн-цзун сказал: «Когда возвратите шесть городов, то пусть два наших государства живут по-старому, по-прежнему!» – и отправил Тянь Гун-[ни] назад.

Военные и гражданские чиновники государства Да Ляо поднесли хану Шэн-цзуну и объявили почетный титул «хорошо знакомый с литературой[563], могущественный в военных [делах], превосходный [в исполнении] правил этикета, постигший значение добродетелей, склонный к милосердию, прославляющий[564] почтительность к родителям, благоразумный, блестяще совершенномудрый, покровительствуемый ду́хами и покровительствуемый Небом император». Наименование эры правления Тун-хэ было изменено и год был назван 1-м годом [эры правления] *Кай-тай** (1012 г.).

В той луне отложились от подданства все внешние [инородческие] владения.

Во 2-й год [эры правления] Кай-тай (1013 г.), в 1-й луне, отложились от подданства племена *уго* и *дилe*[566],
36 поэтому даляоский // амбань, который [по долгу службы] исследует[567] [политическую обстановку в стране], отправился в карательный поход [против них]. Захватив всех, доставил назад в прежние места [обитания] и поселил [там].

В 6-й луне амбань по имени Елюй Хуаго отправился на Запад в карательный поход. Успокоив западные губернии, пришел к хану Шэн-цзуну, и хан снова отправил Елюй Хуаго с приказом: «Иди и покарай племена *чжубу* (*цзубу* "татары"[568]?)!» Елюй Хуаго дошел до государства *чжубу* (*цзубу го*?) и разбил войска его правителя Уба.

В 3-й год [эры правления] Кай-тай (1014 г.), в 1-й луне, правитель государства *чжубу* (*цзубу го*?) Уба пришел к хану Шэн-цзуну для поклонения, после чего был возведен в достоинство Вэй-вана.

В 4-й год [эры правления] Кай-тай (1015 г.), во 2-й луне, привыкший к спокойной [жизни][569] амбань ходил в карательный поход против враждебных, непреклонных[570] племен и одержал победу, поэтому хан Шэн-цзун командировал амбаня, который контролирует и ведет [за собой войска][571], и [амбань] по повелению хана взял привыкшего к спокойной [жизни] за руки и передал слова одобрения. Елюй Силян, ведя карательную войну против государства, называемого Уго – [«государство Пяти племен»], также одержал победу, и хан командировал послов наградить снискавших заслуги командиров и солдат. К тому времени племена *юйцзюэ* стали спокойными. Но когда хан пожелал переселить людей этих племен во внутренние земли, то они сразу же начали затруднять переселение: присоединяться к враждебным непреклонным племенам и [вместе с ними] отлагаться от подданства. Хан Шэн-цзун дал войска Елюй Силяну и отправил покарать враждебные непреклонные племе-
37 на. Елюй Силян победил те племена, всех [их] мужчин убил. // Отыскав всех людей племен *юйцзюэ*, присоединившихся и отложившихся от подданства вместе с враждебными непреклонными племенами, доставил [их также] вместе с ними [во внутренние земли], по повелению хана построил город на реке Люйцзюйхэ и поселил [там].

В 5-й луне хан Шэн-цзун назначил Елюй Силяна главным управляющим (*дудяньцзянем*), Сяо Цюйлея – главным инспектором (*дуцзянем*) и отправил покарать [корейское] государство Солхо.

В 5-й год [эры правления] Кай-тай (1016 г.), в 1-й луне, два амбаня по именам Елюй Силян и Сяо Цюйлей [снова] направились к государству Солхо, разбили его войска западнее областного города, мимо которого [они] прошли[572], и захватили несколько десятков тысяч человек. Повернув войска, пришли в места округа Наньхай, где Елюй Силян внезапно заболел и умер.

В 7-й луне хан Шэн-цзун ходил охотиться в горах Чишань[573]. Во время конной стрельбы из лука по одному обнаружившему себя тигру конь хана Шэн-цзуна [скакал слишком] быстро, поэтому хан опоздал с выстрелом, и [стрела] прошла мимо [цели]. Когда тот тигр погнался за ханом и приблизился [к нему для прыжка], то все [его] приближенные поразбежались. И [тогда] амбань по имени Чэнь Чжао-гунь спустился с коня, внезапно[574] схватил тигра за оба уха и сел [на него] верхом, после чего тот тигр замер от ужаса. Хан Шэн-цзун сказал сопровождающим его [на охоте] людям: «Стреляйте скорее!», – но Чэнь Чжао-гунь закричал громким голосом и приказал прекратить стрельбу. И хотя бы тигр перевалил через гору, Чэнь Чжао-гунь ни за что не свалился бы [с него]! Улучив мгновение[575], он выхватил привешенный на бедре меч и зарубил тигра. Хан Шэн-цзун подо-
38 шел [у нему] близко и сказал: «Вот как измучился!» И в тот же день, // не откладывая, удостоил Чэнь Чжао-гуня угощения и наградил золотыми и серебряными сосудами.

В 6-й год [эры правления] Кай-тай (1017 г.), во 2-й луне, принцесса, [жена Сяо Туюя], убила свою девочку-служанку, которая сушила на солнце котлы[576], безо [всякой ее] вины, поэтому хан Шэн-цзун [своего] зятя Сяо Туюя, [носившего звание «воевода – зять императора»], понизил [в должности] за то, что [он был] не в состо-

---

* Слова *кай тай* означают: «открывший великое»[565].

нии править домом, и назначил государственным советником (*пинчжанши*). Принцессу понизил [в титуле] и сделал прежней, равной [другим принцессам][577].

В 5-й луне назначил Сяо Хоцзо главнокомандующим (*дутуном*), Ван Цзи-чжуна[578] – главным управляющим (*дудяньцзянем*), Сяо Цюйлея – главным инспектором (*дуцзянем*). При отправлении в новый карательный поход против [корейского] государства Солхо хан Шэн-цзун вручил Сяо Хоцзо обоюдоострый меч и сказал: «Преступивших законы людей убивай по собственному усмотрению!». Сяо Хоцзо и другие в сражениях с [войсками] государства Солхо победы не одержали и возвратились назад.

В 7-й год [эры правления] Кай-тай (1018 г.), в 5-й луне, Пулули – вождь племени, которое сражается под бой в гонги и барабаны[579], шел к ханскому городу. Когда пришел к реке, которая вплотную подходит к Пескам[580], то вдруг внезапно затмились небо и земля, и все бывшие вместе с Пулули сорок три человека [были подхвачены] сильным ветром и взлетели. Упали [сверху на землю] на расстоянии в несколько ли [от реки]. Не взлетел только сам Пулули и единственный кувшинчик, в котором согревают вино.

В 10-й луне хан Шэн-цзун назначил Сяо Пайя главнокомандующим (*дутуном*), Сяо Силея – помощником главнокомандующего (*фу дутуном*), Елюй Баго – главным инспектором (*дуцзянем*) и снова отправил в карательный поход против [корейского] государства Солхо. При отправлении хан Шэн-цзун сказал уходящим [в поход] амбаням: // «С обороняющими корейские города чиновниками говорите [понятно и] вразумительно! 39
Говорите [им]: "Людей, пришедших вместе со многими для вступления в подданство, щедро кормим. Людей же, которые упорно обороняются и сопротивляются, непременно убиваем"».

В 12-й луне Сяо Пайя и другие напали на корейские войска [в местности] между двух рек – Шахэ и Тухэ[581]. Даляоские войска были разбиты. Многие непослушные, [распоясавшиеся после поражения], голодные племенные воины, которые падали и теряли сознание[582] [от лишений в пути и полученных ран], гибли [во время переправ через реки]: опускались на дно и тонули. *Чанвэнь* Агода и все возвышенные, честные, знаменитые[583] [амбани] были убиты этими лихими и крайне опасными[584] воинами.

В 8-й год [эры правления] Кай-тай (1019 г.), в 3-й луне, амбани такого рода, как Сяо Хань-нин, Елюй Баго, Сяо Пайя и Сяо Яоцзи, возвратились с войсками из [корейского] государства Солхо, после чего хан Шэн-цзун перечислил и объявил [их] преступления, но судебное разбирательство [по их делу] отменил. Всем женам ходивших в государство Солхо и погибших на войне чиновников пожаловал грамоты[585] [с признанием заслуг погибших].

В 9-й год [эры правления] Кай-тай (1020 г.) хан Шэн-цзун командировал в [корейское] государство Солхо своего амбаня по имени Елюй Цзы-цзун[585], и тот пришел [назад] с письмом от корейского вана, в котором говорилось: «Стану пограничным вассалом, буду предоставлять[587] дань». Хан Шэн-цзун принял слова того письма и командировал посла [с сообщением] о прощении вины корейского вана.

В 10-й год [эры правления] Кай-тай (1021 г.), в 11-й луне, хан Шэн-цзун сидел в ямыне Чжаочэндянь – [«Зал для приемов и вручений»], и все военные и гражданские чиновники поднесли хану и объявили почетный титул «хорошо знакомый с литературой, // богатырь в военных [делах], послушный [в исполнении] правил этикета, 40
совершивший подвиги, установивший мир император». [Наименование] эры правления было изменено, и год был назван 1-м годом [эры правления] *Тай-пин** (1021 г.). Был выпущен всемилостивейший манифест о прощении преступников.

[Хан] своего сына – Лян-вана Цзун-чжэня[589] – объявил престолонаследником.

Во 2-й год [эры правления] Тай-пин (1022 г.), в 3-й луне, скончался сунский хан Чжэнь-цзун, и [его] сын Жэнь-цзун унаследовал престол. Хан Чжэнь-цзун сидел на троне 25 лет. Был в возрасте 55 лет. Хан Жэнь-цзун командировал посла, пришедшего к хану Шэн-цзуну с сообщением о трауре, после чего хан Шэн-цзун снарядил двух своих амбаней по именам Сяо Жэ-синь и Фэн Янь-сю[590] и отправил для совершения поминок [на могиле] сунского хана Чжэнь-цзуна.

В той же луне произошло землетрясение, [вследствие чего] провалилась местность под названием Уцзуй, что у городов [областей] Юньчжоу и Инчжоу, раскололась высокая северная гора[591], [из нее] вырвались воды и, став рекой, потекли вниз.

В 4-й луне династия Сун командировала посла, [который] поднес хану Шэн-цзуну оставшиеся после ее почившего хана [Чжэнь-цзуна] вещи.

В 12-й луне скончался корейский ван Ван Шунь, и [его] сын Ван Цинь командировал посла, пришедшего к хану Шэн-цзуну с сообщением о трауре. Хан Шэн-цзун объявил Ван Циня ваном его государства.

В 3-й и 4-й годы [эры правления] Тай-пин (1023–1024 гг.) никаких дел не было.

---

* Слова *тай пин* означают: «мирный»[588].

В 5-й год [эры правления] Тай-пин (1025 г.), в 4-й луне, [в самом начале лета], в тот вечер, когда хан Шэн-
41 цзун // шел от вод реки [Яцзыхэ, которая протекала недалеко от города] Чанчунь и [была богата] запасами рыбы и [диких] гусей[592], эти воды с громоподобным гулом перебросились через засеянные и вспаханные[593] холмы, и на расстоянии в сорок ли [от города Чанчунь?] образовалось одно озеро – [Яцзыхэпо «озеро Утиной реки»?].

В 6-й год [эры правления] Тай-пин (1026 г.), в 3-й луне [люди] народа *цзубу* пришли воевать в западные губернии государства Да Ляо, и амбань по имени Сяо Хуэй разбил [их]. После сего все подвластные народу *цзубу* племена отложились от подданства [государства Да Ляо], и даляоские войска отправились в карательный поход [против них], вступили в сражение и были разбиты. [Находившиеся] в этих войсках военный инспектор (*цзяньцзюнь*) Нелигу и великий защитник (*тайбао*) Хобулюй были убиты.

В 11-й луне хан Шэн-цзун выпустил указ, [в котором] говорилось: «Любого из управляющих делами чиновников – крупного ли, мелкого ли – отрешать от должности с лишением чина, если [он] был корыстолюбивым и жестоким, [то есть] обдиралой народа! Пока, [усовершенствуя] самого себя, не состарится, не давать назначение на службу! Непременно заменять [на службе] скверного, бесчестного человека, хотя бы [он] и занимал высокое положение [при дворе]! Если способные к делам, бескорыстные, усердные люди занимают низкое положение, то представлять [их] к повышению [в чинах и должностях]! В случае, если ханский родственник принимает взятки, то ссылать [его] на казенные работы[594] как [самого последнего] подлого человека, когда обнаружится его преступление!».

В 7-й год [эры правления] Тай-пин (1027 г.) дел не было.

В 8-й год [эры правления] Тай-пин (1028 г.), в 1-й луне, [люди] народа *дансян* напали на даляоскую пограничную область и увели [скот и людей]. Даляоские войска отправились в карательный поход против народа
42 *цзубу*, // поэтому его правитель по [жизненно важным хозяйственным] причинам, [связанным с приходом] весны[595], вместе со всеми изъявил покорность.

В 9-й год [эры правления] Тай-пин (1029 г.), в 8-й луне, *чанвэнь* из Восточной столицы Даяньлинь, [который был командующим] войсками, называемыми «*войска шэли*» (*шэли цзюнь*), отложился от подданства государства Да Ляо; заключил в тюрьму оборонявшего Восточную столицу царского зятя Сяо Сяо-сяня[596] и [его] жену – принцессу Нань-ян; убил этих трех амбаней: председателя министерства финансов Хань Шао-шуня, советника Ван Цзя и главного командира Сяо Пудэ; немедленно стал ханом в Восточной столице; объявил название [своей] династии – Син-лю; дал наименование эре [своего] правления – Тянь-цин. [Следует сказать, что с самого] начала – со времени покорения этой области Восточной столицы ханом Тай-цзу – [здесь] пошлины с соли, дрожжей и [других] налогов, взимаемых с подобных этим мелочей, не существовало. Когда же Фэн Янь-сю и Хань Шао-шунь, эти два амбаня, попеременно, по очереди занимая [пост председателя министерства финансов], начали взимать [с этой области] такие же, как в области Янь, налоги, то народу стало невозможно жить. Далее, область Янь ежегодно теряла [часть урожая] хлебов, поэтому советник министерства финансов Ван Цзя говорил хану: «Когда прикажешь построить суда и сплавлять [на них] хлеб Восточной столицы для народа области Янь, то водный путь опасен, и много людей потонет в воде. Вот почему [все] тревожатся». Но если и говорил [так], хан совершенно не верил [его словам]. И когда народ возроптал и хотел поднять бунт, то Даяньлинь убил главноначальствующих Хань Шао-шуня[597] и Ван Цзя [именно] ради того, чтобы успокоить народ. Было, что во время составления заговора [все меры по его осуществлению] обсуждались Даяньлинем и Ван Дао-пином совместно. Но вечером того [дня, когда Даяньлинь совершил убийства и объявил себя ханом], Ван
43 Дао-пин // бросил своих детей и жену, перелез через городскую стену, бежал и прибыл к хану с сообщением [об этих событиях], после чего хан немедленно вызвал войска всех губерний и приказал: «Экстренно отправляйтесь в карательный поход!». Сяо Пиди, царский дядя по матери, находясь недалеко от Восточной столицы, первым [из всех командующих] взял подведомственные ему войска и стал охранять необходимые Даяньлиню для передвижения местности, отрезав [тем самым] пути ухода на запад. К слепой, молчаливой младшей сестре[598] великого защитника (*тайбао*) Даяньлинь тайно отправил человека с письмом, [в котором были такое слова]: «Скрытно, [исподволь, как бы невзначай] испытай[599] Елюй Бугу, предводителя объединенных [племенных] войск!» Но слепая молчаливая младшая сестра [великого защитника] донесла Елюй Бугу об этих словах. Получив [от нее] отправленное [Даяньлинем] письмо [и узнав из письма имена заговорщиков], Елюй Бугу убил восемьсот человек из [бывшего] государства Бохай – всех, кто составлял заговор [и помогал] Даяньлиню [в его осуществлении. Затем] отрезал пути [ухода] на восток. Эти два города – Хуанлунфу и Баочжоу – не признавали зависимости [от хана-самозванца], поэтому Даяньлинь немедленно разделил войска и [с частью войск] пришел для захвата города Синьчжоу. Помощник *цзедуши* города Синьчжоу, который держал в [своих] руках дела [города][600], солгал: «Признаю зависимость», – поэтому [Даяньлинь] не стал спешить и не взял [город] в осаду.

Когда позднее узнал об его обмане и осадил город, то [помощник *цзедуши* уже] успел укрепить его. Не захватив [город Синьчжоу, Даяньлинь] возвратился [в Восточную столицу].

Даяньлиню покорились все северные и южные [племена] народа *нюйчжи*, а государство Солхо еще и предоставило дань. Когда все войска хана Шэн-цзуна одно за другим прибыли из всех губерний [к Восточной столице], то Даяньлинь крепко охранял [этот] город и не выходил [из него].

В 10-й луне хан Шэн-цзун // назначил главнокомандующим (*дутуном*) Сяо Сяо-му – чиновника из Восточной столицы, который [по долгу службы] учитывает и исследует[601] [политическую обстановку в государстве]; *чанвэня* Сяо Пиди назначил помощником главнокомандующего (*фу дутуном*); великого вана внесенных в список[602] племен Сяо Пуну назначил главным инспектором (*дуцзянем*) и со словами: «Покарайте Даяньлиня!» – также отправил [к Восточной столице] для умножения [сил ранее отправленных войск]. 44

В 10-й год [эры правления] Тай-пин (1030 г.), в 3-й луне, Сяо Пиди, обговорив [все] с Сяо Сяо-му, построил преграды[603] вокруг[604] Восточной столицы на расстоянии [от нее] в пять *ли*, [полностью отрезав тем самым от внешнего мира], и взял [ее] в осаду. После этого подчиненный Даяньлиню командующий, [который был] обычным иностранным ученым[605], учинил заговор с даляоскими войсками. Открыв ночью южные ворота, впустил даляоские войска, которые схватили Даяньлиня. И область Восточной столицы успокоилась.

В 11-й луне ходившие в карательный поход против Восточной столицы амбани возвратились и встретились с ханом Шэн-цзуном, после чего хан удостоил [их] парадным обедом и объявил Сяо Сяо-му Дунпин-ваном, Сяо Пиди – Ланьлинцзюнь-ваном, Елюй Пуну[606] – главным чиновником [одного] управления[607].

В 11-й год [эры правления] Тай-пин (1031 г.), во 2-й луне, хан Шэн-цзун пошел [в весеннее *набо*] – к реке, [что протекала около областного города] Чаньчунь. [Находясь в пути], в 3-й луне начал болеть. В 6-й луне скончался [в местах] севернее реки Дафухэ. На троне сидел 49 лет. Был в возрасте 61 года.

ТЕТРАДЬ VI

Имя даляоского хана Син-цзуна – Цзун-чжэнь[608]. В детстве звали Цзигу[609]. Внук хана Цзин-цзуна, [по имени] Мин-цзи. Старший сын хана Шэн-цзуна, [по имени] Вэньшуну. [Его] мать – урожденная Сяо. Когда [она] родила Син-цзуна Цзигу, императрица Ци-тянь взяла [его] на воспитание. Син-цзун Цзигу с малолетства [был] умным и прозорливым, а когда придет в совершенный возраст, то, будучи высокорослым, станет величественным, великодушным и дальновидным, искусным в [пешей и] конной стрельбе из лука, любителем книг и будет знать все о разного рода играх. В трехлетнем возрасте был возведен в достоинство Лян-вана, в 1-й год [эры правления] Тай-пин (1021 г.), установленной ханом Шэн-цзуном, был объявлен наследником престола.

В 11-й год [эры правления] Тай-пин (1031 г.), в 6-й луне, хан Шэн-цзун скончался, и [шестнадцатилетний] Син-цзун Цзигу вступил на престол. [Своей родной] матери – [старшей наложнице Шунь-шэн] юаньфэй, урожденной Сяо, – поднес и объявил [почетный титул] «вдовствующая императрица». Командировал послов в государства Сун, Солхо и Ся сообщить о трауре. Выпустил всемилостивейший манифест о прощении преступников, [по которому были] освобождены все преступники. Изменил наименование эры правления Тай-пин и назвал год 1-м годом [эры правления] *Цзин-фу** (1031 г.).

Останки хана Шэн-цзуна похоронил в ямыне Тайпиндянь [«Мирный зал»] в горах Юнъаньшань [«Вечно мрачные горы»].

В то время амбань по имени Фэн Цзяну сделал хану Син-цзуну ложный донос: «Ханский зять Сяо Чжубули и царский дядя по матери Сяо Пиди сошлись на [тайный] совет и говорят: "Заставим хуантайхоу Ци-тянь захватить власть, [а потом] потихоньку // договоримся [с ней] и возведем [на престол] обязанного взойти [на него] человека"». На эти слова хан Син-цзун ответил: «Императрица Ци-тянь сорок лет отдавала силы [моему] отцу – почившему хану – и воспитала меня с любовью, как [своего] родного сына. [Это ее] нужно объявить тайхоу! Разве можно предать [ее] суду в настоящее время, когда нет справедливости [и правды]?!». Но [его] мать – тайхоу Цинь-ай – ответила: «Если императрице Ци-тянь позволить жить, то как бы в будущем не произошли несчастья!». Хан Син-цзун сказал: «У императрицы Ци-тянь нет сыновей. К тому же [она] состарилась. Хотя бы и жила, есть ли [у нее] возможности [что-либо сделать?]». Об этом проведала принцесса и сказала своему мужу Сяо Чжубули и царскому дяде по матери Сяо Пиди: «Как бы вы без вины не были убиты! Вместо того, чтобы умереть понапрасну, не убежать ли [вам] к народу *нюйчжи* и не изыскать ли средства жизни?». Сяо Пиди сказал: «Есть ли [такой] закон, по которому бы хан, полагаясь на лживые слова, убивал предан- 2

* Слова *цзин фу* означают: «великое счастье».

ных и добродетельных? Хотя бы я и умер, что [тут] поделаешь?»[610] – и не ушел в чужое государство. Поэтому тайхоу Цинь-ай, захватив власть и не приняв слова хана, убила Сяо Чжубули, Сяо Пиди и всех прочих, дома их конфисковала и переселила императрицу Ци-тянь в Верхнюю столицу. Так как хуантайхоу захватила власть, а хан Син-цзун ни в какие дела не вмешивался, то все амбани представили доклад: «Не соблаговолит ли хан принять участие в управлении [государством]?», – но хан [их] слова не принял.

В этом году принцесса Синпин гунчжу была выдана замуж за Ли Юань-хао – сына вана государства Ся [по имени] Ли Дэ-чжао. Ли Юань-хао был возведен в достоинство Сяго-гун[611] – [«граф государства Ся»] – и объявлен царским зятем по отношению[612] [к хану Син-цзуну].

3 // Во 2-й год [эры правления] Цзин-фу (1032 г.), во 2-й луне, хан Син-цзун выехал на весеннюю охоту, после чего [его] мать тайхоу подумала про себя: «Хан, содержа в мыслях воспитавшую его, непременно будет оказывать благодеяния императрице Ци-тянь. Убью-ка я [ее] в это свободное [от ханского присутствия] время!» – и командировала людей с приказом: «Убейте императрицу Ци-тянь!». Когда посланные [ею] люди прибыли [в Верхнюю столицу], императрица Ци-тянь сказала: «О моей невиновности знают все люди Поднебесной. Вы ненадолго уйдете. Я вымоюсь, наряжусь и сразу же умру». [В ответ] на эти слова посланные люди ушли ненадолго, а затем, [вернувшись], увидели, что императрица Ци-тянь повесилась. Императрица Ци-тянь была в возрасте 50 лет.

В 11-й луне хан Син-цзун вместе со всеми амбанями [своей] матери хуантайхоу поднес и объявил почетный титул «сообразующаяся с Небом, соответствующая времени, милосердная, добродетельная, блестяще совершенномудрая хуантайхоу». Все амбани поднесли хану и объявили почетный титул «исполненный гражданских и военных дарований, милосердный, совершенномудрый, блистательно почтительный к родителям хан». Был выпущен всемилостивейший манифест о прощении преступников. Изменив наименование эры правления Цзин-фу, [хан] назвал год 1-м первым годом [эры правления] *Чжун-си*[613]* (1032 г.).

В этой луне умер Ли Дэ-чжао – ван государства Ся, и [его] сын – Сяго-гун Ли Юань-хао – был объявлен ваном государства Ся.

Во 2-й год [эры правления] Чжун-си (1033 г.) [никаких] дел не было.

В 3-й год [эры правления] Чжун-си (1034 г.), в 5-й луне, хуантайхоу передала дела управления [государством] хану Син-цзуну, а сама стала охранять [могилу хана Шэн-цзуна на] кладбище [Юн]цинлин – [«Дух вечного торжества»].

4 // В 4-й год [эры правления] Чжун-си (1035 г.), в 12-й луне, хан Син-цзун назначил амбаня по имени Сяо Ханьцзяну *цзедуши* округа[615], называемого *Тяньчэнцзюнь***.

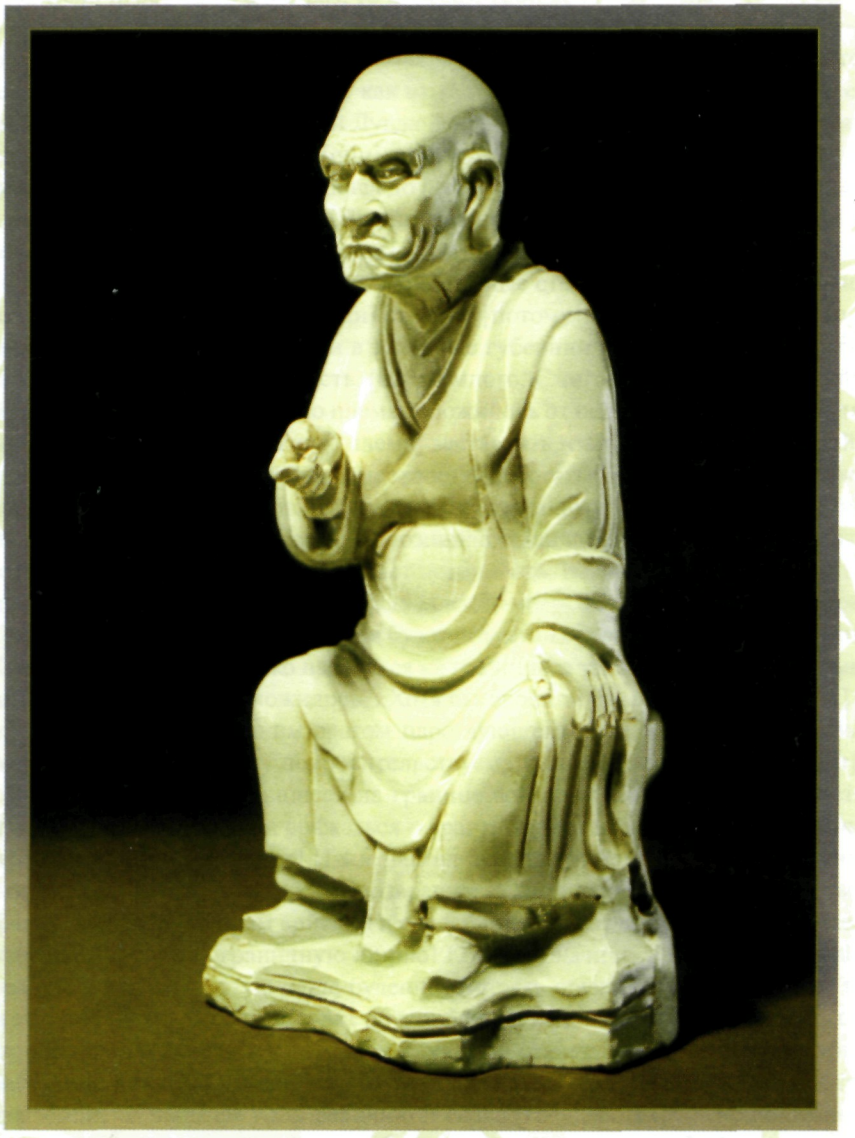
В это время хан Син-цзун выпустил в Поднебесной указ, где говорилось:

«Любой человек, высказывай мысли о законах и управлении [государством]! Затем вот о чем выведывайте у всех: так ли [это], что прямые подати не больше, чем в прежние [годы]; нет вражды[616] – [причины возникновения] войн; ежегодно приобретается хлеб; наполнены до краев хлебные магазины; а если так, то много ли народа, который крайне нуждается, а чиновники нерадивы ли? Есть ли народ, ставший ленивым[617]? Какие из нынешних прямых податей тяжелы? Из-за чего страдают? Когда [численность] народа уменьшилась, какая [в том может быть] польза?[618] [Далее], когда можно будет усовершенствовать закон о поселении [на границе] сменных сторожевых войск? Когда можно будет остановить разбойников?».

После выхода [этого указа] амбань по имени [Сяо] Ханьцзяну представил доклад, где говорилось: «Я слышал, что с [начала] этого года корейские послы не приходили, а народ *цзубу*[619] не может прекратить готовиться к всегда мощному нападению и обороне. Ныне [у нас] набирают богатых людей, чтобы отправить для поселения на границе [в качестве] сменных сторожевых войск, и заблаговременно заготавливают сушеный дорожный провиант. Путь туда далек. Дойдя до указанного места, покончат с половиной съестных припасов. Быков и повозок – тех, что смогут возвратиться назад, – мало. В случае, если [в семье] нет [полновозрастных, подлежащих пограничной службе] мужчин, то [семья] нанимает [чужих] людей за непомерную цену и отправляет [на границу]. [Эти] отправленные люди в трудных обстоятельствах от страха бегут с половины *ли*. По этой причине в поселившихся на границе войсках людей и съестных припасов недостаточно. Сверх того, недостаточно [и таких мер]: если взять у [других] людей стадо[620] [быков] и продать пахотную землю участка приемыша, 5 [чтобы уплатить за быков непомерную цену]: отдав [плату] в десять раз больше обычной[621]. Да, // есть те, что убежали и не приходят. Да, есть и умершие. Кроме того, нет конца войнам с бохайскими, нюйчжискими и корейскими [племенами], которые то отлагаются от подданства, то изъявляют покорность. Сделав богатых

* Слова *чжун си* означают: «все ясно»[614].

** Слова *тянь чэн цзюнь* означают: «Небом созданный округ».

Архат (династия Ляо, аймак Чжирим). Фарфор (выс. 27,5 см).

людей воинами и поселив бедных на сигнальных маяках, а также вследствие засух и наводнений, хлеба мы не приобретаем. Поэтому весь простой народ ежедневно страдает и придавлен нуждой. Ныне казенные службы тяжелы, но в сравнении с охраной западной границы тяжелыми не являются. Когда бы, оттянув западную границу немного внутрь [государства], переселили [пограничное население], то движение туда-сюда [станет] удобным. [И тогда] у народа действительно не будет мучений. Некоторые люди вот что говорят: "В переселении пользы нет. Если переселить один раз, то нанесем урон величию и славе [государства]. Если [переселить] вторично, то внешние государства будут притеснять и унижать. Если [переселить] в третий раз, то будут потеряны местности, где возделываются земли и откармливается скот". Мне представляется, [что это] не так. Существующие издавна племена такого рода, как *цзубу*[622], жили в прежние времена, рассеявшись по обширным [пространствам]: на севере вплоть до реки Луцзюй[хэ], на юге до соприкосновения с нашей границей. Людей, имеющих [над ними] надзор, не было, и [они] на севере и юге занимались грабежами. Наш хан Тай-цзу, отправившись в карательный поход на запад, дошел до шести различных[623] владений, поэтому племена *цзубу*, увидев [его] устремления, изъявили покорность. Все народы западной стороны устрашились и пожелали предоставлять дань, после чего хан Тай-цзу переселил [их] по родам, составил [из них] три племени и принес [этим] пользу нашему государству. Хотя не построил крепостные стены и не поставил пограничные войска, племена *цзубу* из поколения в поколение [передавали] страх, и [потому] войн [с ними] не было. Во времена хана Шэнцзуна хуантайхоу отправилась с войсками в западные губернии и далеко раздвинула [государственные] рубежи. Да, тех, кто изъявил [тогда] покорность, [было] много. С того времени был принят закон, воспитывающий людей отдаленных [владений]: если одно племя отложилось от подданства, // то заставлять ближайшее [к нему] 6
племя оружием усмирять [его], и каждое [племя] заставлять взаимно следить за силой [других племен]. Хотя со времени построения крепостных стен в местностях с богатыми поселками[624] рубежи раздвинуты почти на тысячу ли, для народа северо-западных губерний постепенно увеличили прямые подати, и зажиточные семьи[625] мало-помалу стали бедными. Когда бы возникло спешное дело, [они] прийти на помощь не смогут. Те, кто отлагается от подданства, и те, кто изъявляет покорность, не измерены. Хотя и [есть такой почетный] титул "расширивший владения", приобретение земель ненастоящее. В случае, если не прекратить быть жадными до земель, [они] мало-помалу опустеют, и нельзя будет объяснить [это только] затруднительными обстоятельствами, так-то! Кроме того, нельзя глубоко надеяться на границы, а также нельзя [их] разрывать. Хотя бы захватили земли, нельзя [о них] сказать: "Умножились". Хотя бы бросили [земли], нельзя [о них] также сказать: "Уменьшились". Тот, кого называют великим врагом царствующего дома, – на юге. Хотя бы ныне и находились в дружбе [с ним], в будущем тот, кому покровительствуем, [станет] твердым [и опасным]. В случае, если на юге произойдут беспорядки, то поселившиеся на границе войска вследствие отдаленности не смогут прийти на помощь друг другу. Если мы придем сражаться – враг повернет назад. Если мы повернем назад – враг придет. Нельзя не размышлять об этом, так-то! Ныне настал продолжительный мир. Даруя милости, сдружись со всеми племенами, прощай [им] проступки и возвращай в [их родные] места! Если [ты решаешь] внутренние [дела], то передай [их] пограничным войскам и сделай щитом государства! Если [решаешь] внешние [дела], то, утвердив законом, выровняй пограничную линию! Когда назначишь в каждое племя по одному вождю, чтобы заставить предоставлять ежегодную дань; будешь усмирять оружием, если совершат измену; будешь с любовью заботиться о пропитании, если изъявят покорность, и когда все племена однажды успокоятся, // то беспо- 7
рядки никоим образом не произойдут. В таком случае не станет тех, кто входит вглубь [страны] и занимается разбоем и грабежами, хотя бы [мы еще] долго не могли иметь [над ними] надзор, так-то! Люди, объявляющие: "Если бросить земли, то нанесем урон величию и славе [государства]", – не понимают того, что богатство и сила [его] придут в совершенную крайность, [если следовать их словам]. Докучая просьбами от безделья, заставляют великое государство отражать натиск [всяких] незначительных племен, и если, сверх ожидания, [государство] потерпит поражение, то вред, нанесенный его величию, не будет поверхностным, так-то! А вот что говорят некоторые [другие] люди: "Нельзя сразу бросить плодородные земли". Мне представляется, [что это не так]. Хотя бы земли и были плодородны[626], нельзя народу жить [там] долгое время. Когда бы внезапно пришла война, [он] не будет освобожден от переселения внутрь [государства]. Говоря: "Земли наши", – сможем ли сберечь [их]? Хотя бы у министерства [финансов] и были [благотворительные] хлебные магазины [для оказания вспомоществования во время неурожая и голода], то [содержимое их], быть может, достаточно для раздачи народу только одного племени. Если [когда-нибудь] пожелаешь удостоить [всех] в Поднебесной одинаковой милости, то будешь ли в состоянии [сделать это]? [Поэтому], если желаешь удостоить [всех] в Поднебесной одинаковой милости, не соблаговолишь ли уклоняться[627] от охот и походов? Сократи [число] разъезжающих по почтовым станциям [с ханскими поручениями и связанные с этим расходы]! Сделай незначительными прямые подати! Удерживай себя от расточительства и безрассудства! Когда бы так было несколько лет [подряд], то

доведенный до крайности народ войдет в силу. Бедный народ станет богатым, так-то! Народ – это корень государства. Войска – это щит государства. В древности, когда положили начало поочередности [набора в сменные, сторожевые войска, отправляемые для прохождения] пограничной службы, очень богатыми[628] были все – и те, что поселились [на границе], и те, что пойдут [сменить их], и потому из поколения в поколение охрану границ и поочередность [набора в пограничные войска] выполняли легко. Ныне на границах несколько раз происходили беспорядки, но народ чрезвычайно бедствует и не в состоянии нести пограничную службу. Если немедленно сменить [состав пограничных войск], то [пограничные посты] сразу же опустеют. Если пожелаешь отправить [туда] богатые семьи, то [их] не найти [т.е. их нет]. Отправить средние [по достатку] семьи – // [они] давно мало-помалу стали бедными, вот потому и затрудняют замену [состава пограничных войск]. Кроме трудностей у тех, кто охраняет границы, и тех, кто сменяет [их], издавна живущие на границах войска также страдают подобно этим. [Какие меры необходимы для повышения благосостояния населения?] К примеру, можно ли засыпать ров [шириной] в две ручные сажени одной горстью земли? Если желаешь успокоить отдаленно [живущих людей], недостаточно [одного] возвращения в прежние селения изнуренных, служивших на отдаленных границах войск. Но когда сделаешь для них незначительными прямые подати, и каждый[629] человек станет богатым, то законы об охране границ и поочередности [набора в пограничные войска] станут по-старому, по-прежнему [легкоисполнимыми]. Я также слышал, что с древних времен отсутствия разбойников в царствующем доме [никогда] не бывало. С этого года все народы надолго придут в крайнюю бедность, а грабежи и разбой стали считаться полезными. Хорошие люди становятся, напротив, злобными и жестокими и не робеют перед законом. Убив человека, убегают в горные долины и творят беды и беспорядки. То, что люди дошли до крайних пределов нищеты и все стали разбойниками, объединило со страдающими ханское сердце. Если желаешь ныне вырвать главный корень [возникновения] разбойников, то [ты], хан, уменьши [размер] прямых податей и приохочивай народ к земледелию! Согласно [установившимся правилам] образования и воспитания, нарушение [касающихся материальных благ] законов считается тяжелым, когда есть изобилие в одежде и питании, и если народ соблюдает законы и обязанности, то тех, к кому применяют наказания, бывает мало. Я слышал, что, когда в древности танский хан Тай-цзун расспрашивал всех амбаней о способах исправления разбойников, все до одного ответили: "Хорошо, когда наказания строги и тяжелы". [В ответ] на эти слова танский хан Тай-цзун, рассмеявшись, сказал: "Вот отчего бывает изобилие разбойников: поскольку у взимаемых прямых податей // нет предела, то люди не могут прокормить себя и становятся разбойниками. Если я ныне буду [решать] внутренние [дела], то уменьшу-ка по [своей] доброй воле [размер] взимаемых [прямых податей]! Если буду [решать] внешние [дела], то прекращу-ка охоты и походы! Когда люди внутри четырех морей станут спокойными и свободными [от непомерных повинностей], то разбойники исчезнут сами по себе, так-то!" Когда понаблюдали за этим, то [сказанное ханом подтвердилось]: количество разбойников зависит от обилия [или] скудости в одежде и питании, от тяжести [или] легкости прямых податей. [Нам же] в настоящее время нужно переселить [население обнесенных] крепостными стенами богатых поселков[630] в близлежащие местности. Прикажи войскам юго-западных губерний, [а также] *уго*, *диле* и превратившимся в государство Пяти [племен][631] племенам помогать друг другу! Удали находящиеся в местах [гор] Хэйлин[632] два войска! Все войска и народ [областей] Бинчжоу, Кайчжоу и Баочжоу отдай в подчинение Восточной столицы и отправь к войскам северо-восточной границы! Усовершенствуй войска Южной столицы и прикажи присматривать друг за другом! Построй городские башни и кремли, укрепи крепостные стены и рвы! Охраняй пограничные линии! [Все] это – дела, которые в настоящее время нужно сделать прежде [всего]. Хан, поразмышляй-ка о том, как быть!».

Хан Син-цзун одобрил этот доклад и повысил Ханьцзяну [в должности] – назначил *ду линья* [главным *линья*]. Дал поручение: «Приведи в порядок династийные исторические книги!». Затем хан удостоил [его] указа, где говорилось: «Исторические книги – это свет государства. Человека без дарований нельзя употреблять на службе [в Академии наук]. Твои же ученость и знания, амбань, обширны, поэтому пожаловал [тебе] должность *ду линья**. Записывай [в журнале] о совершенно всех моих занятиях!».

В 5-й год [эры правления] Чжун-си (1036 г.), в 7-й луне, человек по имени Елюй Баба на своего младшего брата Ханьго // подал [в суд] ложный донос: «[Он] говорил [про меня]: "Убью его"», – поэтому чиновники, произведя следствие и [установив] обман, сообщили [об этом] хану. Когда [хан] принял решение убить Елюй Баба, то [его] младший брат Ханьго, плача, сказал: «У меня только один старший брат. Пусть я умру вместо него!» – и просил [об этом], после чего хан милостиво оказал [ему] внимание [при свидании] и отменил смертную казнь [его брата].

В 10-й луне хан Син-цзун сидел в ямыне, чтобы лично проэкзаменовать *цзиньши* – [магистров, букв. «поступающих служить»]. Нашел [среди них] 49 человек такого рода, как Фэн Ли[634] и Чжао Хуэй. Назначил Фэн Ли

---

* Слова *ду линья* означают: «главноуправляющий[633] Академией наук чиновник».

незначительным чиновником какого-то министерства[635]. [Остальных], начиная с Чжао Хуэя, назначил чиновниками дворцовых конюшен престолонаследника[636], пожаловал [им] красное платье и серебряные [таблички, отлитые в форме] рыбы, и угостил парадным обедом. С того [времени] положено начало [обычаю]: хану лично экзаменовать *цзиньши*.

В 6-й год [эры правления] Чжун-си (1037 г.), в 7-й луне, опустели тюрьмы [особых, созданных] при северном и южном [министерствах] ямыней, [называемых] *шумиюань* – [«верховный военный совет»], и хан Син-цзун, поощряя, наградил чиновников министерств, принимая во внимание ступени [чинов и ученые степени].

В 8-й луне чиновники [особого] ямыня при северном [министерстве, называемого] *шумиюань*– [«верховный военный совет»], сообщили хану Син-цзуну: «Народ племени *юэ*[*ли*]*цзи*[637] страдает. Вождь племени стал очень скрытным и часто[638] бесчестным и свирепым, много людей находится в бегах». [В связи] с этими словами хан Син-цзун выпустил указ, [по которому] отстранил [от руководства] всех вождей пяти племен такого рода, как племя *юэ*[*ли*]*цзи*, и назначил [в каждое племя] по одному *цзедуши* – [генерал-губернатору] – из своего государства.

В 7-й год [эры правления] Чжун-си (1038 г.), в 12-й луне, амбань из южного министерства, который укладывает и оценивает подношения[639], был приговорен к смертной казни за то, что обманом присваивал дорогие вещи из предоставляемой народом *нюйчжи* дани. Хан Син-цзун, сказав: «Совершаю [ведь] преступление!», – пожалел и не казнил того, кто укладывал и оценивал подношения, а [только велел] выжечь клеймо на [его] лице // и отправил [служить] на границе. 11

В 8-й год [эры правления] Чжун-си (1039 г.), в 11-й луне, хан Син-цзун выпустил указ: «Бейте в колокол, если есть люди, которые знают и расскажут о следствиях, произведенных амбанями северных министерств с нарушением [закона]! Пересекайте мне дорогу, если есть дела с подачею жалоб [на амбаней северных министерств], и обо всем меня извещайте!».

В 9-й год [эры правления] Чжун-си (1040 г.), в 12-й луне, хан Син-цзун выпустил указ: «Не назначайте на должность человека, преступившего закон! Амбани, состоящие на какой-нибудь службе, не покидайте [место] службы и не напивайтесь допьяна, если [ваша] работа – не сватовство и не жертвоприношение духам! Если есть люди, имеющие соображения об управлении народом и водворении спокойствия [в местностях] у пограничной линии, то обо всем меня извещайте!».

В 10-й год [эры правления] Чжун-си (1041 г.), в 7-й луне, хан Син-цзун выпустил указ: «Если состоящие на службе чиновники берут [себе] дорогие вещи и деньги из казначейства, то [это] преступление вора. Если обсуждают между собой дела, расследованные и завершенные при почившем хане, – [это] также преступление. Если *ланцзюни* отправятся в запретные места стрелять оленей, то [приказываю] дать по три сотни ударов палкой и не буду принимать на службу. Если мелкие командиры – [приказываю] дать по две сотни ударов палкой. Если закон нарушают [следующие по значимости] после них, [вплоть до] простолюдинов, то [это] преступление, соответствующее [преступлению] *ланцзюня*».

В 9-й луне во время охоты в горах Маюйшань трава и [кроны] деревьев были очень густыми, и хан Син-цзун велел каждому охотнику написать на [своих] больших стрелах, [используемых для охоты на зверей, свои] имя и фамилию, сказав: «Как бы не попасть выстрелом в людей!». Великого защитника (*тайбао*), [по своему характеру] слишком доброго[640], [мягкого человека], отрешил от должности с лишением чина за то, что, увидев тигра, не стал стрелять, а обратился в бегство.

В 12-й // луне хан Син-цзун получил донесение об обнесении изгородями[641] и рытье рвов в государстве Сун, призвал У-вана Сяо Сяо-му, Чжао-вана Сяо Гуань-нина [и других для обсуждения своего] намерения отправить в государство Сун [послов] со словами: «Отдайте [нéкогда] переданные [нам династией Цзинь] земли десяти уездов южнее заставы [Вацяогуань]!». Во время обсуждения амбань по имени Сяо Хуэй сказал: «Хан знает все о силе и слабости двух государств. Сунские войска в течение [нескольких] лет ведут войну на западе, сердца воинов одряхлели, народ изнемог. Когда [наш] хан лично возьмет крупные войска и отправится в карательный поход [на юг], то непременно одержит победу». Сяо Сяо-му, увещевая, сказал: «В древности наш хан Тай-цзу воевал на юге, но не совершил подвиги. Хан Тай-цзун разгромил государство Тан и положил начало династии Цзинь. После сего [цзиньский хан] Чжун-гуй[642] нарушил долг [внука и слуги по отношению к хану Тай-цзуну], поэтому хан Тай-цзун отправился [в карательный поход против Юга и стал китайским императором] в городе Бяньлян. Затем после [его] возвращения на Север [китайцы] пришли и вторглись в [завоеванные] нами земли. С того времени [китайские и наши] войска воевали. Только двадцать с лишком лет два государства находились в согласии. А все народы, забавляясь каждый сам по себе, действуют между южным и северным государствами. Хотя ныне в сравнении с давними временами царствующий дом стал богатым и сильным, заслуженные амбани и старые предводители войск умерли один за другим. Кроме того, у династии Сун нет [никакой] вины. 12

Хан, нельзя изменить клятвенному договору, заключенному почившим ханом [с династией Сун]! Хан должен основательно поразмышлять о том, что делать». Хан Син-цзун не принял слова Сяо Сяо-му, а принял слова Сяо Хуэя и обнародовал во всех губерниях указ со словами: «Иду войной на государство Сун».

13 // В 11-й год [эры правления] Чжун-си (1042 г.), в 1-й луне, хан Син-цзун отправил [к сунскому двору] двух амбаней по именам Сяо Тэмо и Лю Лю-фу[643] [с требованием]: «Отдайте земли десяти сунских уездов к югу [от заставы Вацяогуань, входившие в прошлом в округ] Цзиньян!». [Также] велел спросить: «По какой причине ведете карательную войну с государством Ся? Для чего увеличили [численность] войск на границе?».

В 7-й луне хан Син-цзун издал указ: «Если тайком обменять казенного коня [на товар], то [это – уголовное] преступление, [заслуживающее] смертной казни. Чиновники внешних губерний, заменяйте [на пограничной службе?] по истечении трехлетнего [срока] тех, кто усерден, предан и прямодушен! Людей, которые не в состоянии нести службу, заменяйте немедленно!».

В 8-й луне [император] династии Сун командировал в государство Да Ляо двух своих амбаней по именам Фу Би и Чжан Мао-ши[644], [которые] пришли [с ответным письмом, где] говорилось: «Взамен [уступки] десяти уездов будем ежегодно добавлять шелк и серебро». [Во время переговоров] сунский [посол] Фу Би обратился к даляоскому хану Син-цзуну: «Если династия Да Ляо, помышляя обо всем великом, будет находиться в дружбе с династией Сун, то хан, плотно усевшись дома, будет непрерывно[645] ежегодно получать деньги [и шелк], выгоды будут у царствующего дома, а амбаней [это] не касается. В случае войны с династией Сун выгоды будут у амбаней, а бедствия – у царствующего дома». Эти слова хан Син-цзун признал справедливым, утвердил [решение о сохранении] дружбы с династией Сун и командировал амбаней по именам Елюй Жэнь-сянь и Лю Лю-фу. Елюй Жэнь-сянь и Лю Лю-фу, [эти] две особы, прибыли в государство Сун. Когда на взаимном совещании определяли [ежегодное количество] передаваемых [в качестве] дани предметов, то люди династии Сун пришли в затруднение из-за одного сказанного [киданьскими послами] слова «дань». Елюй Жэн-сянь сказал: «В давние времена Ши Цзин-тан за оказание [ему] нашей династией благодеяний[646] отрезал и передал [нам] часть [своих]
14 земель. // Люди династии Чжоу силою вернули те земли. Выгодой ли, несчастьем ли это [было для нас], можно сразу же ясно понять». И Лю Лю-фу тоже сказал: «Все люди внутри четырех морей знают, что войска нашей династии могущественны, [их] предводители богатыри. Люди нашей династии, проклиная, желают [одного]: покарать вашу династию Сун. А если [наши войска] войдут во вкус войны и [им] будет позволено утолять жажду [наживы] и брать [все], когда [они этого] пожелают, то каково будет то [огромное] бедствие [для вас] в сравнении со сказанным [нами] словом “дань”?! Кроме того, наши крупные войска стоят[647] в Яньцзинской области. Когда, сверх ожидания, вторгнутся на Юг, то как [вы] сможете перенести [это]? Если, размышляя о малом, забываете об огромной беде, то потом, быть может, [ничего уже] не достигнете, хотя бы и раскаялись». На эти слова люди династии Сун не нашли слов для ответа и увеличили ежегодную дань на сто тысяч [кусков] шелка и сто тысяч *лянов* серебра. С того [момента] Елюй Жэнь-сянь прежде [всего] командировал человека сообщить хану Син-цзуну: «От династии Сун будут приходить для предоставления [дани], увеличив ежегодное [количество] шелка на сто тысяч [кусков] и серебра на сто тысяч *лянов*», – после чего хан Син-цзун, чрезвычайно обрадовавшись, удостоил всех амбаней угощения в ямыне Чжаоциндянь – [«Зал приглашенных»] – и оказал вспомоществование [своим] бедным родственникам [различным] имуществом. Елюй Жэнь-сянь и Лю Лю-фу возвратились назад и представили хану Син-цзуну клятвенный договор династии Сун.

В 11-й луне все амбани поднесли хану и объявили почетный титул «умный и образованный, совершенномудрый и храбрый, превосходно дальновидный, божественно знаменитый, с любовью почтительный к родителям хан». Императрице, урожденной Сяо, поднесли и объявили почетный титул «совершенная красавица, всенародно любимая, высокопросвещенная императрица». [Хан] обнародовал всемилостивейший манифест о
15 прощении преступников // и возвел своего сына Лян-вана, [по имени] Хун-цзи, в достоинство Янь-вана[648].

В 12-й луне хан Син-цзун обнародовал запрещение, [в котором] повелевалось прекратить хоронить вместе с умершими людьми коров, лошадей, драгоценности и [различное] имущество.

В 12-й год [эры правления] Чжун-си (1043 г.), в 8-й луне, хан Син-цзун прикомандировал[649] к своему сыну Янь-вану Хун-цзи лучшего из опытных и сообразительных[650] чиновников и дал поручение: «Приведи в порядок дела двух министерств [из числа] северных и южных!».

В 13-й год [эры правления] Чжун-си (1044 г.), в 4-й луне, от подданства государства Да Ляо отложились народы такого рода, как *дансян*, и приняли подданство государства Ся. *Цзедуши* губернии Шаньси, который превосходил [всех своими] пороками[651], вместе с пятью племенами совершил измену и также ушел в государство Ся.

В 5-й луне даляоские преследовавшие [изменников] войска напали на народ *дансян* и были разбиты. Были убиты двое амбаней по именам Сяо Пудэ и Чжан Фао-ну. Ли Юань-хао – правитель государства Ся – взял войска и пришел на помощь переметнувшимся к нему племенам.

В 6-й луне хан Син-цзун [велел] поднять войска всех губерний и собрать [их] в местности [под названием] «Девяносто девять родников», чтобы лично покарать государство Ся. Младшему ханскому брату Цзун-юаню и амбаню по имени Сяо Хуэй дал авангардные войска и отправил со словами: «Воюйте впереди [основных войск]!». Когда даляоские войска шли к реке, от которой, объединившись, отправляются [в поход][652], то сам Ли Юань-хао взял три племени народа *дансян* и пришел встретиться с ханом Син-цзуном, после чего хан Син-цзун командировал к Ли Юань-хао своего амбаня по имени Сяо Гэ со словами: // «Почему приютил [наших] перебежчиков? Почему изменил клятвенному договору?». Когда спросил [так], то Лю Юань-хао принял вину на себя, и хан Син-цзун пожаловал Ли Юань-хао в награду вино и хлеб и отправил назад со словами: «[Вот и] снова стал хорошим!». Когда хан Син-цзун созвал всех амбаней на общий совет, то амбань по имени Сяо Хуэй сказал: «Ли Юань-хао забыл об [оказываемых нами] из поколения в поколение благодеяниях и положил начало хитрости и лукавству. Если и пришел сам к хану[653], то совершенно все захваченные им [у нас] вещи не возвратил. Но его приход для встречи с нами – это то, что было указано [ему] Небом. Если не примем ниспосланного Небом [прихода Ли Юань-хао с осознанием вины], то в будущем достигнем ли [этого же], хотя бы и раскаялись?». Но все прочие амбани высказались: «Когда крупные войска сосредоточиваются в [полной боевой] готовности[654], [они] должны воевать». И хан последовал [их] словам, взял войска всех губерний и пошел для преследования войск государства Ся. Гонясь по пятам, ударил [им] в тыл[655] и убил несколько тысяч человек. 16

В 11-й луне хан Син-цзун наградил в соответствии с рангом заслуженных командиров и солдат и повернул войска [назад].

В 14-й год [эры правления] Чжун-си (1045 г.) дел не было.

В 15-й год [эры правления] Чжун-си (1046 г.), в 8-й луне, умер Ван Цинь – правитель [корейского] государства Солхо.

В 11-й луне хан Син-цзун поручил *цзайсяну* Севера Сяо Гэ дела *шумисы*[656] – [«верховного военного управления»] – при северном министерстве. Назначил *илиби* Елюй Исяня главнокомандующим [подразделений, состоящих из] китайских воинов. В то время Сяо Гэ, надеясь на милость хана, стал своевольничать, [используя свои] полномочия, поэтому Елюй // Исянь, будучи из тех, кто чувствовал [к Сяо Гэ] отвращение [и ненависть], сказал хану: «Сяо Гэ коварный, лживый, суетный человек. При употреблении на важной службе непременно будет чинить препятствия царствующему дому». Слова Елюй Исяня были слишком болезненными [для ханского самолюбия], и хан [их] не принял. На одном парадном обеде хан Син-цзун велел всем амбаням играть в шашки. Когда проигравшим давали выпить [по] одной чаше вина, Елюй Исянь столкнулся с Сяо Гэ и сказал гневно: «[Пусть] я – лицо, которое не может ни ввести [в дом] лучших [людей], ни дать [от ворот] поворот злым, но зачем [мне] играть в шашки вместе с государственным разбойником?!». Сяо Гэ спросил: «Гун (граф), ты, унижая, не вышел ли из границ [благопристойности]?». Хан, успокаивая Исяня, сказал: «Амбань, ты опьянел», – но Исянь не переставая кричал громким голосом. Хан чрезвычайно разгневался, после чего императрица, увещевая, сказала: «Исянь опьянел и болтает вздор. Когда протрезвеет, поговори снова!». Из-за этих слов хан перестал гневаться. На следующий день хан Син-цзун призвал Сяо Гэ и сказал: «Елюй Исянь непристоен. Его нужно подвергнуть ответственности». Сяо Гэ высказался: «Исянь по природе [своей] правдив и простодушен. Если ныне, захмелев, был выведен вон по причине словесной оплошности[657], то кто говорит о [простительных] человеческих промахах?!». Хан, считая Сяо Гэ [честным и] беспристрастным, стал еще более доверять [ему и продолжать] употреблять на [важной] службе, и Елюй Исянь, страдая в душе, при обсуждении всяких дел уже и немного не придерживает слова, которые [у него] на уме. Когда Исянь, [сидя] перед ханом, снова играл в шашки, то взял в руку зернь[658] и, помолившись, сказал: «Я третьего дня [совершил] в разговоре [простительный] человеческий промах[659], но [зато] дал знать хану о [чьей-то] незаконности. Сегодня // попробую бросить эту зернь один раз. Если о моем глупом сердце говорю честно, то не упадет ли вся [зернь] красным направо?». Когда бросил, то вся [зернь] упала красным направо. Хан изумился этому. 17 18

В 16-й год [эры правления] Чжун-си (1047 г.), во 2-й луне, хан Син-цзун выпустил указ: «Не употребляйте на службе взбалмошного и порочного [человека], хотя бы [он и был] наследственным чиновником! Непременно употребляйте на службе добродетельного и способного человека!».

В 17-й год [эры правления] Чжун-си (1048 г.), во 2-й луне, хан Син-цзун выпустил указ: «Вы, чиновники и простолюдины, рассказывайте о том, что является большой пользой для царствующего дома! По поводу собственной [пользы] не говорите! Если [вы], рабы, имеете в мыслях хорошие слова, то сообщайте [о них] каждый своему хозяину! Лично сами не приходите и не сообщайте!».

В этой же луне умер Ли Юань-хао – ван государства Ся, и [его] сын Ли Лян-цзу командировал посла, [который] пришел сообщить [о трауре] хану Син-цзуну, после чего хан Син-цзун снарядил и отправил посла для совершения поминок [на могиле] Ли Юань-хао.

В 18-й год [эры правления] Чжун-си (1049 г.), в 6-й луне, государство Ся командировало послов, [которые] предоставили дань династии Да Ляо, после чего хан Син-цзун сказал: «Не выдали перебежавших от меня [к ним] людей. Зачем же [тогда] предоставили дань?!», – разгневался и, принимая прибывших послов, сидел.

В 7-й луне хан Син-цзун лично взял войска и снова отправился в карательный поход против государства Ся. Когда в 8-й луне переправился через реку, то от [людей] государства Ся получил донесение: «[Ваши перебежчики] бежали [от нас]», – и повернул войска назад.

19 В 9-й луне // войска даляоского амбаня по имени Сяо Хуэй сразились с войсками государства Ся и были разбиты.

В 10-й луне амбань по имени Дилугу из северной губернии государства Да Ляо взял войска, отправился в горы Хэланьшань[660] [«Мирные синие горы»], что в государстве Ся, и захватил жену Ли Юань-хао и семьи всех подчиненных ей амбаней. Встретившись с тремя тысячами сяских воинов, которые, преследуя, пришли напасть [на него], всех [их] убил.

В 12-й луне хан Син-цзун в выпушенном указе положил начало закону: освобождать от наказания младшего брата, который последует за старшим, станет разбойником и будет изловлен, если у братьев нет сыновей.

В 19-й год [эры правления] Чжун-си (1050 г.), во 2-й луне, трое командующих из государства Ся по именам Гуйпу, Вэйхаои и Линцзи взяли войска и пришли для осады даляоского город Цзиньсучэн. Даляоский амбань по имени Гаоцзяну напал [на них] и нанес поражение. Гуйпу был ранен и бежал. Вэйхаои и Линцзи, [эти] две особы, были убиты.

В 3-й луне даляоский неоднократно управлявший [войсками] и добывавший[661] [победы] амбань сразился с войсками государства Ся в местности, в которой [враги] расходятся, сходятся, пронзают[662] [друг друга мечами и копьями], и снова одержал над ними победу.

В той же луне хан Син-цзун дал войска трем своим амбаням по именам Сяо Пуну, Исинь и Сяо Само и отправил со словами: «Покарайте государство Ся!». Сяо Пуну взял войска и вошел в пределы государства Ся, но врага не встретил. Распустил войска для грабежа, [затем] возвратился назад. Амбань из государства Ся по име-
20 ни Гуйпу // пришел в государство Да Ляо для вступления в подданство.

В 9-й луне против войск государства Ся, пришедших для нападения на границы государства Да Ляо, отправил амбаня по имени Дилугу и подчиненного ему лихого[663] командира, и [они] снова одержали победу над войсками государства Ся.

В 10-й луне мать Ли Лян-цзу – вана государства Ся – командировала посла, пришедшего со словами: «[Мой сын] станет [твоим] пограничным вассалом и будет жить по-прежнему, согласно древнему закону», – после чего хан Син-цзун пришедшего посла отправил назад, сказав: «Снарядите и отправьте другого верного амбаня! Поразмышляем-ка [с ним] спокойно!».

В 20-й год [эры правления] Чжун-си (1051 г.), во 2-й луне, хан Син-цзун командировал в государство Ся молодого и крайне опасного[664] амбаня со словами: «Приведи перебежавшие [от нас] семьи племени *дансян*!». Молодой и крайне опасный [амбань], вернувшись из государства Ся, представил хану Син-цзуну поздравительный адрес, отправленный матерью Ли Лян-цзу. В этом адресе было написано: «[Действуя] по примеру племени *дансян*, будем подносить верблюдов, лошадей, овец и [различные] дорогие вещи».

В 6-й луне хан Син-цзун поселил в [областном] городе Сучжоу жену сяского вана Ли Юань-хао и захваченных [в плен] прежде и после [смерти Ли Юань-хао] людей.

В 21-й год [эры правления] Чжун-си (1052 г.), в 7-й луне, амбань по имени [Сяо] Ханьцзяну представил доклад, где говорилось: «Я слышал, что, [начиная] от ничтожного хана [рода] Яонянь[665] из наших прошлых веков, династические ритуалы пришли в упадок. [Следует сказать]: когда наш прародитель Яли [в далеком прошлом отказался от престола и] возвел [на него] Цзу-у[666], то великий престол от этого утвердился. [Жившие в разных государствах Поднебесной] люди прошлых поколений, будучи простодушными и невежественными, не подносили и не объявляли [посмертных] почетных титулов. Мне представляется, что, говоря откровенно о тех, которые
21 не управляли [Поднебесной, согласуясь с] ритуалами // и обязанностями, [установленными] тремя властителями[667] [древности, мы говорим] также и о [нашем] роде Яонянь. Ханы последующих поколений, управляя Поднебесной согласно [установленным тремя властителями древности] церемониям, ввели в употребление обязанность: чтобы возвеличить корень основателя [династии], посмертно объявлять почетные титулы [его] ушедших [предков]. Танский хан Гао-цзу первым учредил храм предков и посмертно объявил ханом [своего] предка в четвертом колене. Наш древний хан Тай-цзу вслед за родом Яонянь взошел на престол; положил начало письменности; управлял [государством, руководствуясь установленными] ритуалами и законами; поднес самому себе и объявил почетный титул "Небесный император"; построив дома и ямыни, склоняя к покорности [своим] могуществом, возвышая ставших полезными и искореняя беды, объединил [всех] внутри морей. Но взошедшие [на престол]

вслед за ним ханы не поднесли и не объявили великих почетных титулов [предшественников основателя династии Да Ляо], начиная от Хэлина – предка [Тай-цзу] в третьем колене[668], а [при жертвоприношениях и придворных церемониях] всегда выкрикивали прежние [обычные] имена отца и старшего дяди хана Тай-цзу. Если ныне хан, следуя примеру танского хана Гао-цзу, посмертно объявит ханами предков [Тай-цзу] до четвертого колена, то воскресит утраченный ритуал, и великий ханский [древний] церемониал вновь воссияет».

Слова этого доклада хан Син-цзун принял. Поднес и объявил почетные титулы Юньдэси, родного деда хана Тай-цзу: посмертный титул «император Цзянь-сянь» и храмовый титул Сюань-цзу. Бабушке [хана Тай-цзу посмертно поднес и] объявил почетный титул «императрица *Цзянь-сянь**».

Салади – отцу хана Тай-цзу – поднес и объявил почетные титулы: посмертный титул «император Сюань-цзянь» и храмовый титул Дэ-цзу. Матери [хана Тай-цзу посмертно поднес и] объявил почетный титул «императрица Сюань-цзянь». Посмертно возвеличивая Яньбэня, старшего дядю хана Тай-цзу, возвел в достоинство «ван государства Су». [Посмертно возвеличивая] Шилу, [младшего брата императрицы Шулюй], возвел в достоинство «ван государства Суй». Своего сына Хун-цзи хан Син-цзун назначил великим главнокомандующим войск Поднебесной // и пожаловал указ со словами: «Управляй делами *тиинь*!». 22

В 9-й луне хан Син-цзун посмертно поднес и объявил почетный титул хана Тай-цзуна – «император *Тянь-шунь***». Императрице *Чжан-дэ* [посмертно поднес и] объявил почетный титул «императрица *Цзин-ань*».

Воспитавшей его императрице *Ци-тянь**** хан посмертно поднес и объявил почетный титул «императрица *Жэнь-дэ*».

Далее, хан Син-цзун посмертно поднес и объявил почетный титул хана Тай-цзу – «великий совершенномудрый, великий прозорливый, [родившийся] от волшебного света Небесный император»[671]. [Жене хана Тай-цзу], императрице Чжэнь-ле, [посмертно поднес и] объявил почетный титул [«императрица Чунь-цинь»] – «простая и близкая [в отношениях][672] императрица». Ли Ху – младшему брату хана Тай-цзуна – посмертно поднес и объявил почетный титул «хан *Чжан-су*****». [Его] жене, урожденной Сяо, [посмертно поднес и] объявил почетный титул «императрица *Хэ-цзин*».

В 11-й луне хан Син-цзун посмертно поднес и объявил почетный титул Туюя, старшего брата хана Тай-цзуна – «император *Вэнь-сянь цинь-и*». [Посмертно поднес и] объявил почетные титулы двух [его] жен: «императрица *Дуань-шунь*» и «императрица *Жоу-чжэнь******».

Когда амбань по имени [Сяо] Ханьцзяну узнавал о ханских облавных охотах, то не было того, чтобы [он] не увещевал. В то время хан Син-цзун охотился в горах Чоушань [«Печальные горы»], где более десятка человек погибло [в когтях] тигров и медведей, поэтому Ханьцзяну, узнав [про то], принял [чей-то совет] написать [об этом] в летописи. Хан увидел [эту запись] и сказал: «Выпусти!», – после чего Ханьцзяну выпустил[676], а потом снова написал. Хан опять увидел и сказал: «Вот таким и должен быть историограф!». Спросил у Ханьцзяну: «Амбань, какого хана нашей династии со времени утверждения державы ты назовешь мудрым и добрым?». Ханьцзяну ответил: «Хан Му-цзун [был] добрым». Хан, // изумившись, сказал: «Хан Му-цзун, помутившийся от [постоянного] пьянства, не [знавший] меры в том, что радует и что рождает гнев, на людей смотрел, как на полынь. Амбань, за что ты называешь [его] добрым?». Ханьцзяну ответил: «Хан Му-цзун, хотя и был вспыльчивым и необузданным, сократил [размер] прямых податей, и люди стали жить в радости и удовольствии. Если хан Му-цзун и убивал невинных людей, то [их было] не больше умерших на ханских облавных охотах в горах Чоушань. Вот поэтому я и назвал хана Му-цзуна добрым». И [в ответ] на эти слова хан снова совершенно ничего не сказал. Затем хан Син-цзун пожаловал Ханьцзяну указ следующего содержания]: «Те, что управляли Поднебесной в древности, сделали понятными ритуалы и обязанности и правильными уголовные законы. А наши династия, хотя [своими] светлыми добродетелями и склонила к подданству внутренние и внешние [племена], еще не написала *Кооли битхэ* – ["Свод законов"], который бы представила на рассмотрение будущим поколениям. Ты, самый честный[677] амбань, напиши *Доро фафунь и битхэ* – ["Свод нравственных правил и уголовных законов"][678], сравнивая [правила и законы с существовавшими] в древности и приспосабливая к нынешним [временам]! В случае сомнений советуйся с амбанями двух министерств [из числа] север- 23

---

* Слова *цзянь сянь* означают: «выдающийся предок»[669].

** Слова *тянь шунь* означают: «покорный Небу»; *чжан дэ*: «[соответствующая] правилам и добродетелям»[670]; *цзин ань*: «спокойная».

*** [Слова] *ци тянь* означают: «[во всем] заодно с Небом», *жэнь дэ*: «гуманная и добродетельная».

**** Слова *чжан су* означают: «[соответствующий] правилам и строгий»[673]; *хэ цзин*: «тихая и молчаливая»[674].

***** Слова *вэнь сянь цинь* и означают: «[прославившийся] литературным вкладом и кровным долгом»[675]; *дуань шунь*: «правильная и послушная», *жоу чжэнь*: «нежная и правдивая».

ных и южных!». Ханьцзяну принял указ, просмотрел [передаваемые] из поколения в поколение классические книги и своды законов, выбрал из нравственных правил и уголовных законов древних времен те, что могут обличать [всех без исключения] – от сына Неба до ничтожного человека – и не припутывают [к делу безвинно][679], написал книгу и поднес [ее] хану.

В 22-й год [эры правления] Чжун-си (1053 г.), в 9-й луне, Ли Лян-цзу – правитель государства Ся – командировал посла [в государство Да Ляо, который] поднес поздравительный адрес с изъявлением покорности и
24 выражением верноподданических чувств, после чего хан Син-цзун вручил указ амбаню по имени Гаоцзяну // и командировал [в государство Ся] вести переговоры хорошими словами.

В 23-й год [эры правления] Чжун-си (1054 г.), в 3-й луне, хан Син-цзун велел отлить серебряную [статую] Будды для храма Кайтайсы и освободить преступников, заключенных в тюрьмы Средней столицы.

В 24-й год [эры правления] Чжун-си (1055 г.), в 1-й весенний месяц, династия Сун командировала послов, [которые] подарили даляоскому хану Син-цзуну взращенного [дома] слона.

В 7-й луне хан Син-цзун отправился в горы Чоушань и тяжко заболел. Призвал [своего] сына Хун-цзи – вана, которого [он часто] приглашал [к себе][680], и вел [с ним] разговор о [различных] церемониях, нужных для государственного управления. В день желтоватого быка хан Син-цзун скончался. На троне сидел 25 лет. Был в возрасте 40 лет.

ТЕТРАДЬ VII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Имя даляоского хана Дао-цзуна – Хун-цзи. В детстве звали Сала[681]. Внук хана Шэн-цзуна, [по имени] Вэньшуну. Старший сын хана Син-цзуна, [по имени] Цзигу. [Его] мать – урожденная Сяо. Дао-цзун, [по имени] Сала, в шестилетнем возрасте был возведен в достоинство Лян-вана. В 21-й год [эры правления] Чжун-си (1052 г.), установленной ханом Син-цзуном, [хан] назначил Дао-цзуна Сала великим главнокомандующим войск Поднебесной и поручил дела *тииня*, вместе [с которым Дао-цзун и] привел в порядок управление государством. Душа Дао-цзуна Сала [была] глубокой и исполненной достоинства.

В 24-й год [эры правления] *Чжун-си** (1055 г.), в 8-й луне, хан Син-цзун умер, после чего Дао-цзун Сала, вступив на ханский [престол], не оказывал внимания управлению государством, горько оплакивая [своего почившего отца]. Все чиновники представили доклад-увещевание, вследствие чего хан Дао-цзун, приняв [их] слова, выпустил указ, где говорилось: «Мои способности незначительны. Хотя и так, стал ханом – государем для чиновников и народа. В случае, если [государь] не терпит мудрых и знающих, то подчиненный народ не станет [ему] доверять. Необдуманно увеличить [размер] прямых податей – в наградах и наказаниях не будет законности[683]. В случае, если высочайшие милости не доходят до подданных [всего государства], а [сообщения о надеждах и] думах подданных не проникают к государю, то вы, амбани, честно высказывайте все свои [мысли, а также мнения людей из] народа![684] Не скрывайте [их]! Если [в них] истина, то выберу [лучшие] и дам-ка [им практическое] применение! Назвав ошибочными, упрекать не стану. Вы, амбани, присоединяйте [свои соображения] к моим размышлениям!».

Хан Дао-цзун командировал послов в государства Сун и [Си]Ся с сообщением о трауре. Изменил наимено-
2 вание эры правления Чжун-си, // назвал год 1-м годом [эры правления] *Цин-нин*** (1055 г.) и выпустил всемилостивейший манифест о прощении преступников. Останки хана Син-цзуна были похоронены на [кладбище Юн]цинлин. В это место [захоронения] пришли для встречи [с ханом Дао-цзуном] послы из государств Сун и Солхо. Горам было дано название *Юнсин*[*шань*]*** .

Хан Дао-цзун выпустил указ, где говорилось: «Я унаследовал великий престол в молодые годы. Не имея [покоя] ни днем, ни ночью, тревожусь, говоря: “Как бы не оказаться неспособным к принятому [мною] управлению государством!” Я желаю внимать правдивым, умным речам и исправлять [свои] ошибки. Ныне [в течение] почти нескольких месяцев говорю: “Пусть помогают подобно рукам, ногам, ушам, глазам!”, – но назначенные [на должности] амбани еще ни разу не присоединили [свои соображения] к моим размышлениям. Все внутренние и внешние чиновники! По истечении трехлетнего [срока службы] пусть каждый [из вас] выскажет

---

* Слова *чжун си* означают: «все ясно»[682].

** Слова *цин нин* означают: «спокойствие»[685].

*** Слова *юн син* означают: «навечно поднявшиеся».

[свое мнение] по одному делу! Хотя бы [про вас] и говорили: "Высокого [звания]... низкого [звания]... старец... молодой юноша...", – [невзирая ни на что] обо всем высказывайтесь правдиво и [ничего в деле] не скрывайте!».

Во 2-й год [эры правления] Цин-нин (1056 г.), в 11-й луне, все чиновники поднесли хану Дао-цзуну и объявили почетный титул «любимый Небом император». [Его] жене [поднесли и] объявили почетный титул «великая добродетельная императрица». [Хан выпустил всемилостивейший манифест, по которому] были помилованы все преступники.

В 3-й год [эры правления] Цин-нин (1057 г.), в 7-й луне, [снова] помиловал [виновных] в преступлениях внутри границ из-за того, что в Южной столице произошло землетрясение.

В 8-й луне хан Дао-цзун сочинил и записал стихи: «И хан, и вассалы нашего государства[686] единодушны. Внутренние и внешние народы во всем стали подобны одному [народу]», – и поднес [эти стихи] вдовствующей императрице.

// В 4-й луне [эры правления] Цин-нин (1058 г.), во 2-й луне, хан Дао-цзун выпустил указ для *илиби** из Министерства [юстиции]: «Прикажи правителям областей и уездов снова, в другой [раз], допросить преступников-смертников из всех губерний, хотя бы приговор и был [уже] определен! Если не припутаны [к делу и действительно виновны] – казнить! Если припутаны [необоснованно] – доводить до моего сведения!». 3

В 5-й год [эры правления] Цин-нин (1059 г.), в 12-й луне, амбань, [служивший] на складе [казенных] вещей[687], обманом внес в списки чиновников [имя] своего не имевшего заслуг[688] младшего брата, поэтому хан Дао-цзун отрешил [амбаня] со склада [казенных] вещей от должности с лишением чина и объявил простолюдином.

В 6-й год [эры правления] Цин-нин (1060 г.), в 6-й луне, хан Дао-цзун и вождя из народа *нюйчжи* северо-восточной окраины, и занимавшегося домашними рабами обычного гражданского чиновника[689] возвышал, привлекал[689] [к правлению] и назначал чиновниками.

В 7-й год [эры правления] Цин-нин (1061 г.), в 5-й луне, оборонявший Восточную столицу наместник – амбань по имени Сяо Ала[691] – пришел на свидание с ханом Дао-цзуном и говорил о государственном управлении, удачах и ошибках [в делах]. Узнав, что Сяо Ала хану Дао-цзуну не понравился, [амбань по имени] Сяо Гэ опорочил [его в глазах] хана: «Сяо Ала, надеясь на ханское милосердие, бывает небрежен [в разговоре] с ханом. Но эта [небрежность] не является [установленным] для амбаня правилом этикета». Хан пришел в гнев и казнил Сяо Ала под ямынем через удавление веревкой.

В 8-й год [эры правления] Цин-нин (1062 г.), в 12-й луне, хан Дао-цзун отправился в Западную столицу. 4
// В день рождения хуантайхоу упорно настоял [на своем] и простил вину преступникам, заключенным [в тюрьмах] Западной столицы.

В 9-й год [эры правления] Цин-нин (1063 г.), в 3-й луне, умер сунский хан Жэнь-цзун, и Ин-цзун [по имени] Чжао-чу[692], сын старшего в роду по летам, унаследовал престол. Хан Жэнь-цзун сидел на троне 42 года. Был в возрасте 54 дет.

Когда хан Дао-цзун отправился охотиться на горе Тайцзышань, то младший брат хана [Син-цзуна, т. е. дядя хана Дао-цзуна] Цзун-юань[693] [в отсутствие хана поднял мятеж и] вместе со своим сыном Чу-ваном Нелугу[694], Чэнь-ваном [Сяо Сяо-сянем, носившим киданьское имя] Чэньлю[695], и четырьмя сотнями амбаней принудил домашних воинов следовать [за собой]. Когда пришел сражаться в местность, где находилась стоянка хана Дао-цзуна, хан хотел бежать в другие места, но Сюй-ван [Елюй] Жэнь-сянь сказал: «В случае, если хан уйдет, бросив свою свиту, мятежники непременно погонятся [за ним] по пятам. Нельзя уклоняться [от сражения!]». Табое[696] – сын Жэнь-сяня – сказал: «Можно ли противиться ханской воле!?». Жэнь-сянь разгневался и ударил сына по голове, поэтому хан в сию же минуту [все] понял и отправил Жэнь-сяня с приказом: «Сразись со злодеем!». Был построен [укрепленный и] окруженный телегами лагерь. Амбани такого рода, как Сюй-ван Жэнь-сянь, Чжао-ван Елюй Исинь, *цзайсян* Юга Сяо Тангу, и другие вместе с несколькими тысячами сопровождавших хана воинов встретили [мятежников] и приняли [бой]. Лишь только хотели пойти в атаку, как многие сообщники злодея стали сдаваться. Но Нелугу, пустив коня вскачь, вырвался [вперед] и врезался в ряды [сторонников хана]. Приближенный амбань Елюй Су, находившийся в [личном] распоряжении хана, убил вступившего в схватку Нелугу выстрелом из лука, после чего // остальные сообщники злодея обратились в паническое 5
бегство. Цзун-юань был ранен и повернул [назад]. Жэнь-сянь [ночью] отправил вперед подходящего[697] человека, [который] собрал [и привел с собою] многих воинов. Как только рассвело, Цзун-юань с двумя тысячами воинов снова пришел сражаться, и Жэнь-сянь, выстроивший [сторонников хана] позади лагеря, пошел в атаку. Мятежники обратились в паническое бегство. Преследуемый более двадцати *ли*, Цзун-юань с несколькими

* *Илиби* – это [чиновничья должность в] Министерстве юстиции.

всадниками бежал назад и скрылся в Великой пустыне[698]. Горько плача, сказал: «Мой сын Нелугу подстрекал меня и сделал этакое!» – и покончил с собою.

В то время амбань по имени Сяо Гэ, сын которого стал зятем Цзун-юаня, также принял участие в заговоре мятежников. Хан Дао-цзун догадался об этом и предал Сяо Гэ [самой жестокой] смертной казни – медленному изрезыванию в куски. Хан Дао-цзун, взяв Жэнь-сяня за руки, сказал: «В том, что бунт подавлен, – во всем этом твоя, амбань, заслуга!» – возвел в достоинство Чун-вана[699] и назначил *шанфу* – [первым помощником]. Прочим оказавшим [ему] помощь, [в количестве] трехсот человек, пожаловал должности в соответствии с рангом.

В 10-й год [эры правления] Цин-нин (1064 г.), в 7-й луне, хан Дао-цзун издал постановление, [в котором] приказал прекратить [следующее]: «Вы, *ламы, хэшаны* и старцы[700]! Прекратите самовольно приходить ко мне и за вздорные разглагольствования о счастье и несчастье принимать деньги и вещи!».

В 11-й луне запретил простолюдинам самовольно вырезать надписи на печатях[701] и утвердил [форменные] комплекты одежды чиновников и простого народа. В той же луне хан Дао-цзун отправился на облавную охоту,
6 взяв с собой своего старшего сына Елуво[702]. Елуво // в присутствии хана выстрелил из лука с коня на [полном] скаку тремя стрелами в один прием, и все [стрелы] попали [в цель]. Хан Дао-цзун сказал амбаням: «Мои предки, будучи лучшими среди тех, кто [искусен] в пешей и конной стрельбе из лука, прославились под Небом [своей] физической силой. Этот мой сын не слабее [моих] предков, хотя и малыш». На той охоте Елуво [отличился] в конной стрельбе: смог попасть в девять из десяти [поднятых облавной цепью и] появившихся [около него] оленей. Чрезвычайно восхищенный хан устроил [по этому случаю] великий пир. В то время Елуво было семь лет.

В 11-й год [эры правления] правления] Цин-нин (1065 г.), в 1-й луне, все военные и гражданские чиновники поднесли хану и объявили почетный титул «исполненный гражданских и военных дарований, великий дальновидный, всезнающий и мудрый, почтительный к родителям, Небом любимый император». [Хан] изменил наименование эры правления Цин-нин, назвал год 1-м годом [эры правления] *Сянь-юн** (1065 г.) и выпустил всемилостивейший манифест о прощении преступников. Хан Дао-цзун объявил своего старшего сына Елуво наследником престола (*хуан тайцзы*). Каждому из внутренних и внешних чиновников прибавил [в послужном списке] по одной отметке, [дающей право на повышение в] должности.

Во 2-й год [эры правления] Сянь-юн (1066 г.), во 2-й луне, хан Дао-цзун, содержа в мыслях желание покарать династию Сун, сказал амбаню по имени Яо Цзин-син[703]: «Люди государства Сун постоянно приходят для нападения на наши границы. Как быть с этим?». Яо Цзин-син ответил: «Со времен хана Шэн-цзуна [наша династия своими] могуществом и добродетелями склоняет в подданство отдаленные [владения]. Прошло [уже] шестьдесят лет, как династия Сун предоставляет дань. Если ныне [наши] войска зашевелятся без причины, то
7 как бы не нарушить [наш] долг соблюдения клятвенного договора почившего хана!»[704]. Те слова // хан Дао-цзун признал справедливыми и успокоился.

В 12-й луне хан Дао-цзун амбаня по имени Ян Цзи назначил председателем верховного военного совета (*шумиши*) при южном министерстве. Называя Ян Цзи давним [другом] и родным человеком, хан [часто] в уединении принимал [его] у себя. [Как-то], ведя беседу о мире и смуте древних и нынешних времен, о честности и лживости амбаней, хан сказал: «Ныне среди всех амбаней преданны и откровенны только лишь Елюй Цзюэй и Лю Шэнь, эти две особы. Елюй Цзюэй очень решителен, Лю Шэнь [лишь] в немногом не сравнится [с ним]». Ян Цзи [в ответ] на те слова, преклонив колена, сказал: «В какие времена не бывало благородных людей?! Но только когда времена смутные, [они] скрываются и живут в строгом уединении (букв.: лишь только по одному). Благородные люди появляются и избавляют Поднебесную от бед только тогда, когда хан бывает совершенномудрым. Если ныне хан делает различие между честными и лживыми, а доклады [государю и его] указы ясны, то, [значит], на Поднебесной милость Божия»[706].

В 3-й год [эры правления] Сянь-юн (1067 г.), в 3-й луне, умер сунский хан Ин-цзун, и [его] сын Шэнь-цзун[707] [по имени] Чжао-сюй[708] унаследовал престол. Хан Ин-цзун сидел на троне 4 года. Был в возрасте 36 лет. Хан Шэнь-цзун командировал посла к даляоскому хану Дао-цзуну с сообщением о трауре, после чего хан Дао-цзун снарядил и отправил Сяо Табое, ученого из числа выдающихся литераторов (*ханьлинь сюэши*) Чэньцзё и других для совершения поминок [на могиле почившего сунского хана].

В 6-й луне чиновники представили доклад: «Люди Синьчэнского уезда взбунтовались, [как] бараны-самцы[709], и обманом самовольно посадили чиновником [человека, стоявшего во главе мятежников». В ответ] на эти
8 слова хан Дао-цзун сказал: «Маленькие люди неразумны и забавляются, как дети. // Только того, кто стоял во главе [мятежа], предать суду! Всех остальных отпустить!».

---

* Слова *сянь юн* означают: «ясно гармоническое»[705].

В 4-й год [эры правления] Сянь-юн (1068 г.), в 6-й луне, [в конце лета, в подведомственной] Верхней столице северо-западной губернии [вдруг] выпали [весенние] «хлебные дожди»[710] [полосой шириною] около тридцати ли.

В 5-й год [эры правления] Сянь-юн (1069 г.), в 1-й луне, народ *цзубу* отложился от подданства, поэтому хан Дао-цзун назначил Цзинь-вана Жэнь-сяня[711] воеводой-усмирителем (*чжаотаоши*) и вручил печать и меч. При отправлении в карательный поход хан Дао-цзун сказал: «Амбань, ты уходишь от меня в дальний [путь]. Если будешь извещать меня о каждом деле, то как бы не упустить время! Принимай решения, исходя из обстоятельств дел и по своему усмотрению!». Сказав [так], отправил.

В 7-й луне хан Дао-цзун издал указ: «Ханские родственники, не притесняйте маленьких простых людей, полагаясь на [свою] силу!».

В 11-й луне племя[712], [входившее] в состав государства Пяти [племен], нарушило союз[713] [этих племен] и отложилось от [принятого при хане Шэн-цзуне] подданства [государства Да Ляо], после чего хан Дао-цзун отправил молодого, примитивного и бешеного [по характеру][714] амбаня с приказом: «Покарай!». И молодой, примитивный, с бешеным [характером амбань] отправился в карательный поход и склонил к покорности [это племя]. Вождя племени взял в плен и пришел [с ним] на встречу с ханом Дао-цзуном.

В 6-й год [эры правления] Сянь-юн (1070 г.), в 4-й луне, амбань Жэнь-сянь из северо-западной губернии в карательной войне с народом *цзубу* одержал победу, склонил к покорности и согласно [приказу] хана Дао-цзуна взял в плен правителя [этого] народа.

Младшая сестра Елюй Силу, будучи красавицей, [подобной] тем, что жили в прошлом[715], дала обет безбрачия и обучилась по книгам. [Она] написана сочинение о правлении ханов прошлых времен[716] и представила [его] хану Дао-цзуну. [В нем говорилось]: «Ханы принимали [свои] народы за тело. Народы принимали ханов за сердце. Когда хан употребляет на службе преданных и добродетельных, // а амбани прекращают составлять 9
товарищества [с целью] заговора, то [государственное] правление становится образцовым и ровным, а [взаимодействие космических сил] *инь* и *ян* – [женского и мужского начал в природе] – становится благоприятным. Если желаешь привлечь [к себе] дальних, сделай милости изобильными, а нравственность – высокой! Если желаешь, чтобы государство стало могущественным, сделай прямую подать легкой, а пошлины – незначительными! Четыре добродетели и пять отношений* [717] – это основа управления и просвещения. Шесть стихий и три дела** [718] – это [великие принципы] жизни народа[719]. Нужно воздерживаться от расточительства и безрассудства. Прилежных, бережливых следует считать учителями. Когда возвратишь [домой со службы порочных и] злых, то [оставшиеся на службе чиновники из страха] не смогут обманывать людей. Когда выявишь [и назначишь на должности] преданных [и верных, то недобросовестные чиновники, опасаясь их], не смогут притеснять людей. Питая любовь к *хэшанам* и *даосам*, не умножай [их] земли и леса[720]! Серебро и дорогие вещи не расточай понапрасну на походы к пограничной линии и облавные охоты! Когда наполняешься до верха, помни о выплескивании через край! Когда наслаждаешься покоем [и безмятежностью], думай о гибели [и тлене]! Когда наказания справедливы, народ старается стать хорошим. Когда не станешь называть редкостной драгоценностью вещи из дальних [стран], то придет множество умных и благородных людей. Утверди державу, в которой воцарится мир на десятки тысяч поколений! Останови стремление многих племен к насилию и прекословию! Если желаешь аттестовать [своего] подданного, будь прежде сам без изъяна (букв. «прежде сделай себя без кривизны!»)! Если желаешь исправить дальних [по расстоянию и родству], начни наперед с близких[721]!».

Хан Дао-цзун очень хвалил это сочинение.

В 7-й год [эры правления] Сянь-юн (1071 г.), во 2-й луне, люди народа *нюйчжи* поднесли коней [в дар] династии Да Ляо.

// В 8-й год [эры правления] Сянь-юн (1072 г.), в 7-й луне, хан Дао-цзун получил известие: «В городе Цин- 10
чжоу предки той, что поднесла [хану] рукопись сочинения[722], около восьми поколений жили в согласии, не отделяясь [домами]». Поощряя [этот достойный похвалы обычай], пожаловал поднесшей рукопись сочинения чиновничье [достоинство].

В 9-й год [эры правления] Сянь-юн (1073 г.), в 12-й луне, государства Солхо и Ся командировали послов и предоставили дань.

---

* Четыре добродетели – это человеколюбие, долг, нормы поведения, знания.

Пять отношений – это [отношения между] ханом и подданным, отцом и сыном, мужем и женою, старшим и младшим братьями и [между] друзьями.

** Шесть стихий – это вода, огонь, металл, дерево, земля, хлеб.

Три дела – это [проявляющая себя в действии] способность к исправлению народа; работа, приносящая пользу народу; обучение и воспитание народа.

В 10-й год [эры правления] Сянь-юн (1074 г.), в 10-й луне, хан Дао-цзун высказывал [свои] мысли чиновникам гражданских министерств и сделал известными для всех китайские династийные хроники.

В 12-й луне изменил [наименование эры правления], назвал следующий год 1-м годом [эры правления] *Да-кан** [723] и выпустил великий всемилостивейший манифест о прощении преступников.

В 1-й год [эры правления] Да-кан (1075 г.), в 6-й луне, хан Дао-цзун дал поручение своему сыну – престолонаследнику Елуво[725]: «Управляй государственными делами![726]».

В 11-й луне служанка внутри дворца хана Дао-цзуна, [ответственная] за веера и лампы[727], и владелец бамбуковых, самых лучших[728] барабанных [палочек] и флейт, [эти] две особы, оклеветали императрицу: «Успокоилась сердцем с амбанем по имени Чжао Вэй-и, господином шуток [и шалостей]», - и учинили заговор с Елюй Исинем. Елюй Исинь [их клевету] донес хану Дао-цзуну, и хан поддался на их слова. Двум амбаням по именам Елюй Исинь и Чжан Сяо-цзяй велел произвести следствие. Сказав: «[Все] правда», – обвинил императрицу в [заслуживающем смерти] преступлении и приказал покончить жизнь самоубийством. Возвышенного, когда-то знаменитого[729] [музыканта] Чжао Вэй-и [велел] убить, дом его конфисковать. Елюй Исинь, увидев престолонаследника, говорившего, что его мать убили, и имевшего скорбное лицо, [каждый раз] в душе тревожился.
11 В то время // Елюй Исинь стал то льстивым и хитрым, то злым и свирепым, поэтому [некий] молодой, безрассудный и упрямый[730] амбань решил спрятаться под мостом, дождаться, когда Елюй Исинь будет проходить мимо, и убить [его. Он уже] находился [под мостом], как вдруг пошел [сильный] дождь с градом, мост разрушился, и [осуществить] преступление стало невозможно. [Как-то] амбань по имени Сяо Сисань сказал Елюй Исиню: «Сердца всех чиновников и простолюдинов направлены к царевичу. Старший брат, ты не являешься человеком с великими заслугами. В случае, если царевич внезапно, в один день, станет ханом, то где мы окажемся?! Нужно основательно [все] обдумать». [В ответ] на эти слова Елюй Исинь сказал: «Я по этому поводу давно тревожусь». В тот же вечер [приказал] привести [тех], с которыми дружил и [от кого] принимал подарки[731], и положил начало [коварному] плану: оклеветать и погубить (букв.: «свалить») царевича.

Во 2-й год [эры правления] Да-кан (1076 г.), в 3-й луне, умерла вдовствующая императрица. [Хан] командировал послов в государства Сун, Солхо и Ся с сообщением о трауре и выпустил всемилостивейший манифест о прощении преступников.

В 6-й луне посмертно поднес вдовствующей императрице и объявил почетный титул «императрица Жэнь-и» – [«гуманная и справедливая императрица»]. В той же луне прибыли послы из государств Сун, Солхо и Ся для совершения поминок [на могиле хуантайхоу].

В 8-й луне хан Дао-цзун охотился и [однажды] за один день убил тридцать оленей. Когда хан удостоил угощения сопровождавших[732] [его] амбаней и пил вино вместе [с ними, он] сказал стихами амбаню по имени Чжан Сяо-цзяй: «Сердце хана страдает. Не понимающий меня человек, когда бы был [рядом], скажет: “О чем [хан] просит?”». Чжан Сяо-цзяй ответил [стихами]: «Ныне в Поднебесной благоденствие, [так] о чем ханские страдания?! [Страна между] четырех морей богата, [так] о чем ханская просьба?!». Этим словам хан // чрезвычайно
12 обрадовался.

Амбань по имени Сяо Янь-шоу тихонько, [украдкой] сказал хану Дао-цзуну: «С того времени, как престолонаследник взял управление [в свои руки], Елюй Исинь, опасаясь его, сдружился с *цзайсяном* Чжан Сяо-цзяем. Как бы [у них] не появились особые намерения! Нельзя [Елюй Исиня] оставлять здесь». Хан принял его слова и понизил Елюй Исиня [в должности], назначив наместником Средней столицы. [Перед отъездом] Елюй Исинь, рыдая, говорил людям: «У меня нет проступков. Так отсылают [только] из-за клеветы». [Некий] коварный, лицемерный, молчаливый[733] сообщник Елюй Исиня доложил хану Дао-цзуну об этих словах, после чего хан, сожалея о том, что отослал Елюй Исиня, совершенно без причины понизил Сяо Янь-шоу [в должности], назначив генерал-губернатором (*цзедуши*) округа, [входящего в сферу] объездов[734]. [Кроме] того[735], хан Дао-цзун [приказал] привести приближенных амбаней и советовался [с ними] о доставке Елюй Исиня назад, но каждый из чиновников северных министерств из опасения [ничего определенного] не говорил. [И только] амбань по имени Елюй Чала постоянно увещевал хана: «Хан, Елюй Исинь отослан из-за слов Сяо Янь-шоу. Если его слова не соответствуют [действительности], то его нужно предать суду. Если же слова справедливы, то Елюй Исиня нельзя еще доставлять [сюда]». Но хан слов [Елюй Чала] не принял, [велел] привезти Елюй Исиня и назначил председателем верховного военного совета (*шумиши*) при северном министерстве.

В 3-й год [эры правления] Да-кан (1077 г.), во 2-й луне, хан Дао-цзун на пиру, устроенном для всех амбаней, сказал: «Почивший хан, называя мудрыми и добродетельными, употреблял на службе двух амбаней по именам

---

* Слова *да кан* означают: «великое процветание»[724].

Елюй Жэнь-сянь и Елюй Хуа-го. У меня же есть Чжан Сяо-цзяй и Елюй Исинь. Эти две особы // не хуже Жэнь- 13
сяня и Елюй Хуа-го. Я приобрел поистине лучших людей».

В 5-й луне Елюй Исинь тайно [от всех] учинил заговор с Елюй Сала, и Елюй Сала [пришел] к хану Дао-цзуну с ложным словесным доносом: «Елюй Чала, Елюй Суса и другие подобного рода молодые, безрассудные и упрямые[736] амбани сошлись на совет и намереваются устранить хана и возвести [на престол] царевича». Хан Дао-цзун, ни во что не ставя его слова, сказал: «Наверняка лжешь!», – но [тем не менее] отправил во внешние [владения] трех человек такого рода, как Елюй Суса, а шесть человек такого рода, как Елюй Чала, наказал по сотне ударов палкой и велел отослать в пограничные местности. Далее, Елюй Исинь и [некий] высокомерный, независимый, низкий[737] амбань учиняют заговор, и этот амбань сообщает хану Дао-цзуну: «Донос, сделанный прежде Елюй Сала, – не оговор. Да, было, что я советовался вместе [с Елюй Чала и другими, и на совете] говорилось: "Убьем-ка Елюй Исиня, а затем, после [устранения хана], возведем [на престол] царевича!" Если я ныне не расскажу [об этом], то как бы меня не припутали к делу[738], когда оно обнаружится!». Из-за этих слов хан Дао-цзун отправил амбаня по имени Елюй Яньго расспросить царевича. Царевич объяснил Елюй Яньго все припутавшие [его] к делу обстоятельства и сказал: «Я – старший сын[739] хана, а ныне стал престолонаследником (*хуан тайцзы*)[740]. [Так] чего [мне] еще добиваться и к чему начинать это дело?! Что же делать? – Доведи до ханского уразумения, что [в этом деле] моей вины нет!». Подслушавший его слова Сяо Сисань сказал Елюй Яньго: «Когда объяснишь хану [причины и обстоятельства], сообразуясь со словами царевича, то наше великое дело не сможем [привести в исполнение]. Измени слова царевича и перескажи [их, выдав за] подлинные!». Елюй Яньго вошел во вкус [лжи] и пересказал хану, сообразуясь со словами Сяо Сисаня. Хан очень разгневался, низложил царевича, причислил к ничтожному люду и приказал: «Посадить в тюрьму Верхней столицы!». При отправлении царевич // спросил: 14
«Какое у меня преступление и почему так действуете?». Сяо Сисань с бранью посадил царевича в повозку и передал солдатам, [которые и препроводили царевича] в Верхнюю столицу и заключили в тюрьму. Елюй Суса, Елюй Чала, другие такого же рода амбани и даже их дети все были убиты, [их] дома конфискованы.

В 11-й луне Елюй Исинь двух своих сообщников [из простых] людей, которые [на войне] бьют в большие гонги и барабаны, [а в мирное время] сеют, боронят, [жнут][741], тайно отправил с приказом: «Убейте царевича!». [Эти] двое отправились в Верхнюю столицу, пришли ночью к зданию тюрьмы, обманули [стражу], сказав: «Освобождаем царевича», – вывели [из тюрьмы] и убили. Царевичу было 20 лет. Его голову положили в ящик, принесли [с собой], пришли к хану и солгали: «Скончался от болезни». Когда после [этого] сообщения хан Дао-цзун в великой скорби сказал чиновникам: «Похоронив тело [сына] в горах Лунмыншань – [«Горы драконовых ворот»], прикажу-ка сходить за женой царевича!», – то Елюй Исинь снова тайно послал людей, [которые] и убили [ее].

В 4-й год [эры правления] Да-кан (1078 г.), в 11-й луне, хан Дао-цзун издал постановление, [в котором] запретил простолюдинам надевать парадное платье из шелка с затканными [на нем] Солнцем, Луной, горами и драконами.

В 5-й год [эры правления] Да-кан (1079 г.), в 1-й луне, когда хан Дао-цзун выезжал на охоту к [реке] Хуньтунцзян, Елюй Исинь сказал хану: «Оставь ханского внука!». И хан принял [его] слова и хотел оставить [внука во дворце]. Амбань, который баловал, портил [ханского внука тем, что] терпел [все его шалости][742], узнал об этом и, увещевая хана, сказал: «Если хан, приняв слова Елюй Исиня, оставляет [здесь] внука, то [не стоит забывать, что] внук маленький, а слева-справа нет [неусыпно] опекающих [его] людей. Оставь [внука] мне! И присмотрю-ка я [за ним]!». Но хан взял внука с собой и выехал [на охоту]. С тех пор хан Дао-цзун // начал 15
[смутно] осознавать и подозревать Елюй Исиня в тонком коварстве и злокозненности. Двигаясь в направлении к определенным [для охоты в весеннее время] местам[743], хан Дао-цзун наблюдает [и замечает, что] сопровождавшие его амбани бывают чрезвычайно послушны[744] [и предупредительны по отношению к] Елюй Исиню. И хан, ненавидя Елюй Исиня, назначил [его] великим князем (*да ван*) южных министерств.

В 8-й луне хан Дао-цзун объявил чиновникам: «Написать[745] [восхваляющий] гениальность и заслуги хана Тай-цзуна текст для каменной триумфальной арки!» – и велел воздвигнуть [арку] в Южной столице.

В 6-й год [эры правления] Да-кан (1080 г.), в 3-й луне, хан Дао-цзун возвел [своего] внука Янь-си в достоинство Лян-вана.

В 11-й луне хан Дао-цзун сказал всем амбаням: «Верховный военный совет при северном министерстве[746] [ведает] важными государственными и военными делами. Но только еще не нашел добродетельного человека, [достойного занять пост председателя верховного военного совета]. Кто из двоих – Елюй Асы или Водала[747] – намного лучше?» Все амбани на этот вопрос ответили: «Каждый из двух хорош». И только амбань, который заливает [воду] и промывает желудки[748], молчал и не отвечал на вопрос. Хан спросил: «Амбань, ты почему [ничего] не говоришь?» И заливающий [воду] и промывающий желудки [лекарь] ответил: «Водала, будучи глупым, затянет дела. Елюй Асы, будучи способным[749], жаден до богатства и причинит несчастья. [Вот кого

хан], находясь, быть может, в затруднительном положении, будет употреблять на службе. Тот, кто затягивает дела, [все же] немножко лучше причиняющего несчастья». Хан похвалил: «Заливающий и промывающий желудки [амбань], хотя [имеет дело с телом человека – его] желудочными болезнями[750], не оставляет без внимания и [духовное – недостатки и] добродетели. Я же сожалею только о том, что [мне по душевным качествам] и не приблизиться к танскому хану Тай-цзуну».

В 7-й год [эры правления] Да-кан (1081 г.), в 11-й луне, хан Дао-цзун ходил в дом своего зятя, молодого,
16 подлого и низкого[751] [человека]. // Когда пил [там] вино, то [некий] *цзайсян* стал очень упорно[752] увещевать [хана]: «Сыну Неба не подобает ходить в дома амбаней, чтобы напиваться [там вином]». Хан принял его слова и возвратился во дворец.

В 12-й луне коварный амбань Чжан Сяо-цзяй, переиначивая, переделывая [письменные знаки, подделал касающийся] самовольной продажи соли ханский указ, поэтому хан разжаловал Чжан Сяо-цзяо и объявил простолюдином. Злонамеренный амбань Елюй Исинь продавал во внешние государства вещи, отмененные [для продажи] законом, по поводу чего чиновники произвели следствие, определили [для него] смертный приговор и заключили [в тюрьму] города Лайчжоу.

В 8-й год [эры правления] Да-кан (1082 г.) дел не было.

В 9-й год [эры правления] Да-кан (1083 г.), в 10-й луне, предвидя намерения Елюй Исиня бежать в государство Сун, [хан велел его] убить.

В 10-й год [эры правления] Да-кан (1084 г.), во 2-й луне, народ *монго* (*мэнгу, мэнгуцзы* «монголы»?) отправил послов и предоставил дань даляоскому хану Дао-цзуну.

В 12-й луне [хан Дао-цзун] изменил [наименование эры правления], назвал следующий год [1-м годом эры правления] *Да-ань**[753] и простил все преступления, кроме преступлений, [заслуживающих] смертной казни[754].

В 1-й год [эры правления] Да-ань (1085 г.), в 4-й луне, умер сунский хан Шэнь-цзун[755], и [его] сын Чжэ-цзун унаследовал престол. Хан Шэнь-цзун сидел на троне 18 лет. Хан Чжэ-цзун командировал к даляоскому хану Дао-цзуну посла с сообщением о трауре, после чего хан Дао-цзун снарядил и отправил послов для совершения поминок [на могиле почившего сунского хана].

17 // Во 2-й год [эры правления] Да-ань (1086 г.), в 7-й луне, хан Дао-цзун догадался о том, что Сяо-гу, мать его наложницы [второго ранга, называемой] *гуйфэй*[756], занималась [черной] магией, [а также] выманивала [на свои сеансы] Лян-вана Янь-си. Сяо-гу убил. Ее сыновей – Ланьлин-вана и Цзюнь-вана[757], молодых, подлых, низких[758] – лишил княжеских [достоинств] и отправил в пограничный город на поселение. Низложил *гуйфэй* и заключил в тюрьму города Ичжоу.

В 3-й год [эры правления] Да-ань (1087 г.), в 1-й луне, хан Дао-цзун оказал вспомоществование голодающим простолюдинам Южной столицы, выдав [им] серебро [из казначейства] и зерно [из вспомогательных хлебных магазинов, а также] отменил [для них] взимание пошлин и прямой подати этого года.

В 4-й год [эры правления] Да-ань (1088 г.), в 1-й луне, правители пяти восточных народов предоставили дань династии Да Ляо.

В 5-й год [эры правления] Да-ань (1089 г.), в 11-й луне, был издан всемилостивейший манифест о прощении преступников в связи с рождением сына у Яньго-вана[759] Янь-си.

В 6-й год [эры правления] Да-ань (1090 г.), в 11-й луне, государство Солхо и народ *нюйчжи* командировали послов и предоставили дань династии Да Ляо.

В 7-й год [эры правления] Да-ань (1091 г.), в 6-й луне люди из Даоталинской области поднесли династии Да Ляо старинный [треножник] *дин*[760]. Надпись на этом [треножнике] *дин* гласила: «Ханы “десяти тысяч лет”[761] всегда пользуются [*дин*], хотя [он] и редкая драгоценность».

В 9-й луне правитель государства *Жибэнь*** (Япония) командировал своих честных и трудолюбивых людей из политической палаты[762]; встречающих [посольства] и переводящих [с иностранных языков][763] *хэшанов*, все-
18 го 28 человек, // [и они] предоставили дань династии Да Ляо.

В 10-й луне хан Дао-цзун своего внука Яньго-вана Янь-си назначил великим главнокомандующим войск Поднебесной и поручил все дела [особых ямыней под названием] *шумисы* – [«верховное военное управление»] – при двух министерствах, северном и южном.

В 8-й год [эры правления] Да-ань (1092 г.), в 10-й луне, правитель народа *цзубу*[764], не имевший [вручаемых в знак власти] барабана и знамени[765], убил исключительно алчного и опасного[766] начальника ямыня, которому [хан в знак власти] вручил барабан и знамя[767], и отложился от подданства, после чего хан Дао-цзун дал войска

* Слова *да ань* означают: «великое и спокойное».

** *Жибэнь* – это государство гордецов.

всех племен стремившемуся приносить пользу[768] амбаню по имени Елюй Гаосань[769], [который] в карательной войне [против народа *цзубу*] одержал победу.

В 9-й год [эры правления] Да-ань (1093 г.), в 10-й луне, династия Сун командировала посла, [который] пришел к даляоскому хану Дао-цзуну с сообщением о прискорбном [событии]: «Умерла мать хана Чжэ-цзуна, урожденная Цзао», – после чего хан Дао-цзун снарядил и отправил послов для совершения поминок.

В 10-й год [эры правления] Да-ань (1094 г.), в 3-й луне, два племени, большие и сильные, прекратившие вскармливать и пасти [скот][770], отложились от подданства государства Да Ляо и пришли для нападения, после чего амбань по имени Алудай[771] взял войска, вступил в сражение и разгромил [их]. Большие и сильные племена снова пришли для грабежа, загнали [в загон] и увели крупный рогатый скот и овец, поэтому даляоский [амбань] Алудай взял войска, бросился в погоню, убил несколько зачинщиков и отобрал все добытые [этими племенами] во время грабежа вещи.

В 7-й луне войска народа *цзубу* пришли для нападения на Даоталинскую область, загнали [в загон] и увели всех взращиваемых в западной губернии табунных [казенных] лошадей, после чего амбань по имени Елюй Силяо взял войска, погнался [за ними], отобрал всех уведенных лошадей и возвратился с войсками [домой].

В 11-й луне // более трехсот человек из двух больших и сильных, прекративших вскармливать и пасти [скот][772] 19
племен пришли к границе для нападения. Алудай вступил в бой и разгромил [их]. Убил более двухсот человек.

В 12-й луне хан Дао-цзун изменил [наименование эры правления], назвал следующий год 1-м годом [эры правления] *Шоу-лун** , простил все преступления, кроме [заслуживающих] смертной казни преступлений[773], и отменил [взимание] с бедных простолюдинов пошлин и прямой подати.

В 1-й год [эры правления] Шоу-лун (1095 г.), в 4-й луне, государство Солхо и народ *нюйчжи* командировали послов и предоставили дань династии Да Ляо.

Во 2-й год [эры правления] Шоу-лун (1096 г.), в 12-й луне, даляоский амбань по имени Водала[774] в карательной войне против не имевших [богатых природных] ресурсов, голодающих[775] и [потому] отлагающихся от подданства племен одерживал победы.

В 3-й год [эры правления] Шоу-лун (1097 г.), в 5-й луне, Водала снова победил в карательной войне против народа *цзубу*.

В 8-й луне [некий] племенной вождь пришел в государство Да Ляо для вступления в подданство вместе со своими людьми и кучей рваных дорожных палаток[776].

В 4-й год [эры правления] Шоу-лун (1098 г.), в 1-й луне, династия Сун командировала послов, [которые] поднесли династии Да Ляо шелковые ткани с затканными [на них] драконами.

В 5-й год [эры правления] Шоу-лун (1099 г.) государство Ся командировало посла, пришедшего принести благодарность даляоскому хану Дао-цзуну за то, что [он] вел переговоры с династией Сун и приказал прекратить войну [с государством Ся].

В 6-й год [эры правления] Шоу-лун (1100 г.), во 2-й луне, умер сунский хан Чжэ-цзун. На троне // сидел 15 20
лет. Был в возрасте 25 лет. [Его] младший брат Хуэй-цзун унаследовал престол и командировал посла к даляоскому хану Дао-цзуну с сообщением [о трауре], после чего хан Дао-цзун снарядил и отправил [своих] послов для совершения поминок.

В 12-й луне хан Дао-цзун тяжко заболел.

В 7-й год [эры правления] Шоу-лун (1101 г.), в 1-й день нового года, хан Дао-цзун через силу, перемогаясь, сидел в ямыне Цинфэндянь – [«Зал тихого ветра»] – и принимал челобитье всех чиновников и послов от всех государств. В ту ночь подобный шелку белый пар спустился с неба. С западного края [неба] со звоном выплыли черные облака. С северной стороны [неба выплыли] четыре пара разных цветов – светло-голубой, красный, черный, белый, – перемешиваясь, соединились и упали [на землю]. Оттуда хан Дао-цзун отправился к [реке] Хуньтунцзян и умер в день зеленого пса. На троне сидел 47 лет. Был в возрасте 70 лет.

ТЕТРАДЬ VII

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

// Имя даляоского хана *Тянь-цзо*** – Янь-си. В детстве звали Аго[778]. Внук хана Дао-цзуна, [по имени] Сала. 21
Сын Шунь-цзуна, по имени Елуво[779]. Мать – урожденная Сяо.

---

* Слова *шоу лун* означают: «долголетнее и возвышенное».

** Слова *тянь цзо* означают: «Небесное творение»[777].

В 7-й год [эры правления] Шоу-лун (1101 г.), в 1-й луне, после смерти хана Дао-цзуна [Янь-си] взошел на ханский престол в соответствии со словами оставленного указа-завещания. Все чиновники поднесли хану и объявили почетный титул «император Тянь-цзо».

Во 2-й луне изменил [наименование] эры правления, назвал год 1-м годом [эры правления] *Цянь-тун** (1101 г.) и выпустил всемилостивейший манифест о прощении преступников. Тех, кто был оклеветан Елюй Исинем и отрешен от должности с лишением чина, снова назначил чиновниками. При обнаружении всяких конфискованных вещей отдавал [их] прежним владельцам. Сосланных на границу возвратил [назад]. Хан Тянь-цзо [велел] доставить назад амбаня по имени Елюй Силю и назначил чиновником [прокурорского приказа], наблюдающим за всеми [делами государства] и за общей обстановкой [в стране][781].

В то время [потерпевшие] только что [начали] направлять [в суд жалобы] на сообщников Елюй Исиня, но чиновники министерства [юстиции], беспокоясь [за них], и не думали [приступать к расследованию дел], поэтому Елюй Силю представил доклад, где говорилось: «В прежнее время меня из-за клеветы коварного амбаня Елюй Исиня прогнали на границу. Если [я] ханской милостью доставлен и снова определен на должность, то могу ли скрывать [свои] размышления?! Хан, когда понятно, [за что жалуются] награды и милости, [этим] поощряются лучшие [по уму и поступкам] люди. Когда наказания справедливы, уменьшается [число] коварных людей. Если употреблять вместе эти два [способа управления], то Поднебесная не будет страдать и наступит благоденствие. Мне представляется, что разговоры о том, как Елюй Исинь, выйдя [из числа] бедных и ничтожных, получал большие чины [и высокие должности], присваивал ханские полномочия и творил зло, не будут иметь конца. [Он] заслонил [собой озаряющий все, как Солнце], свет [разума] почившего хана, оклеветал и
22 погубил отца [нынешнего] хана. // Притесняя преданных и добродетельных и разрушая государство, унизил [тем самым] верховного [правителя]. Со времен древности [до наших дней не было и] нет обычая, подобного этому. Благодаря счастью предков хан смог завладеть престолом и в короткий промежуток времени немного улучшил [положение] безвинно осужденных, [которое] длилось [в течение шести-семи] лет. Ныне как раз самое время хану решительно привести в исполнение закон почитания родителей. Мне представляется, что хан снова в большом сомнении, и потому чиновники [министерства юстиции] не будут производить расследование со [всею] решительностью. При почившем хане власть была в руках Елюй Исиня, и [потому] ханские милости не следует сравнивать [с милостями правителей древности. Всегда ли] почивший хан считал истинной вину отца [нынешнего] хана, а Елюй Исиня – заслуженным амбанем? Если бы [так] было [всегда], то как хан, [сын убитого престолонаследника Елуво], смог взойти [на престол]? – То, что почивший хан, прогнавший и императрицу, и *гуй*[*фэй*][782], тебя, хан, оставил в своем ближайшем окружении (букв.: «на своей левой-правой стороне»), означает: на самом деле он сокрушался из-за [своего] прежнего заблуждения. Хан, можно ли забыть [вызванную причиненными обидами] отцовскую ненависть, не отомстить [за отца] и великодушно[783] не убивать сообщников бунтовщика [Елюй Исиня]? Ныне хан [все] еще не нашел костей [своего] отца. Почему не ищет с усердием? Вот что сказано в книгах: "[Все] добродетели просвещенного человека в сравнении с почитанием родителей невелики". Древний танский хан Дэ-цзун постоянно горевал и плакал, [когда его] мать была захвачена мятежными войсками, поэтому особенно прославился своим долгом почитания родителей. Когда амбань, называемый Чжоу-гун, убил потерявших лицо высокомерных, плохих[784] [людей] из [древнекитайского] государства Шан, то люди Поднебесной чрезвычайно радовались. Ныне сообщники бунтовщика еще не истреблены, и огромная ненависть [ханского отца] еще не получила возмездия. Поскольку вверху душа отца не обрадована, а внизу не рассеивается негодование многих [обиженных людей], то гнев[785] [этих ненавидящих],
23 озлобленных [людей сгущается и] направляется к Небу, // поэтому [происходит] много [стихийных] бедствий: засух и наводнений. Что же делать? – Хан, выпусти указ [с выражением сыновних чувств и распоряжением] отыскать место, где зарыт труп [твоего] отца! Казни сообщников бунтовщика! Выправи [неудачные] государственные уголовные законы и обрадуй [этим] истинно преданных людей [всех] четырех окраин [государства]! Сделай ясными награды и наказания царствующего дома! И потом, после сего, можно будет воздвигнуть державу, которая достигнет благоденствия».

Хан Тянь-цзо, просмотрев этот доклад, [назвал его] негодным к употреблению[786]. Из всех услышавших об этом людей[787] не было тех, кто бы не огорчился. Хан Тянь-цзо похоронил на [кладбище Юн]цинлин вместе останки своего деда, хана Дао-цзуна, и [своей] бабушки, императрицы Сюань-и, [покончившей жизнь самоубийством по приказу хана Дао-цзуна].

В 10-й луне хан Тянь-цзо своему отцу, престолонаследнику [Елуво], посмертно поднес и объявил почетный титул «великий и почтительный к родителям, покорный [Небу], совершенномудрый император» и храмовый

---

* Слова *цянь тун* означают: «[еще] прежде объединенный [с Небом]»[780].

Конская упряжь (династия Ляо).

титул Шунь-цзун. [Своей] матери-княгине посмертно поднес и объявил почетный титул «императрица Чжэнь-шунь».

В 12-й луне государства Сун, Солхо и Ся командировали послов, [которые] пришли поздравить даляоского хана Тянь-цзо с радостным событием: унаследованием престола.

Сначала у племен [народа] дикие *нюйчжи* генерал-губернатором (*цзедуши*) был назначен [нюйчжэньский князь] Ингэ. *Нюйчжэни* [вместо] *цзедуши* говорят *тайши*[788]. Когда Ингэ в этом [1101-м] году умер, то должность *цзедуши* унаследовал сын [его] старшего брата [Хэлибо] – Уяшу[789]. Когда Уяшу умрет [в 1113 году, то должность *цзедуши*] унаследует [его] младший брат Агуда.

Во 2-й год [эры правления] Цянь-тун (1102 г.), в 4-й луне, хан Тянь-цзо казнил сообщников Елюй Исиня, их детей и внуков переселил на границу. [Велел] раскопать могилу [убитого в 1083 г.] Елюй Исиня – особы, добившейся [при хане Дао-цзуне] могущественного [положения][790], гроб разбить, а кости раздробить. Его имущество конфисковал // и раздал в дома убитых Елюй Исинем людей. 24

В 7-й луне даляоский амбань по имени Водала сражался с пришедшим для нападения [на границу войском] народа *цзубу* и одержал победу.

В 10-й луне человек по имени Сяо Хайли отложился от подданства государства Да Ляо, разграбил кладовые города Цяньчжоу, где были сложены военное оружие и латы, и унес [их с собой]. В связи с этим хан Тянь-цзо отправил амбаня, [который когда-то был] хорошим домашним рабом[791], с приказом: «Схвати Сяо Хайли!». Получив известие об этом, Сяо Хайли бежал и примкнул к нюйчжэньскому племени *адянь*, [что проживало] у стремительной реки.

В 11-й луне [хан Тянь-цзо] лишил амбаня, [который когда-то был] хорошим домашним рабом, должности и чина за то, что не захватил Сяо Хайли. Амбань, которому платят[792] [пошлины и налоги], представил доклад: «Со времени мятежа Сяо Хайли люди народа *нюйчжи* имеют унижающие хана намерения. Нужно увеличить войска на границе и укрепить [воздвигнутые сооружения]». Но хан не принял его слова.

В 3-й год [эры правления] Цянь-тун (1103 г.), в 1-й луне, от народа дикие *нюйчжи* был командирован посол, [который] поднес хану Тянь-цзо помещенную в ящик голову Сяо Хайли.

В 11-й луне все военные и гражданские чиновники поднесли хану Тянь-цзо и объявили почетный титул «милостивый и образованный, непоколебимый и храбрый, совершенномудрый и почтительный к родителям хан». Был выпущен всемилостивейший манифест о прощении преступников. Хан Тянь-цзо отправился на свидание [с духами предков] в храм Тай-цзу. Нэолисы, [пра]прадеду Тай-цзу, посмертно поднес и объявил почетный титул «император *Цзао-ле*[793]» и храмовый титул *Су-цзу**. [Прапра]бабушке [посмертно поднес и]объявил почетный титул «императрица Цзао-ле». Следующему предку, [прадеду Тай-цзу по имени] Саладэ, посмертно поднес и объявил почетный титул «император *Шуан-цзин*» и храмовый титул *И-цзу*** [794]. [Пра]бабушке [посмертно поднес и] объявил почетный титул «императрица Шуан-цзин».

// В 4-й год [эры правления] Цянь-тун (1104 г.), в 4-й луне, [люди] видели феникса[795] в местах, проходя через которые, поили [скот][796]. 25

В 5-й год [эры правления] Цянь-тун (1105 г.), в 1-й луне, государство Ся командировало к династии Да Ляо человека, управляющего дворцами [царского] рода[797], [который] пришел со словами: «Династия Сун ведет против нас войну. Помогите войсками!» Хан Тянь-цзо не оказал военную помощь, но отправил к династии Сун амбаня по имени Гао Дуань-ли[798] сказать [следующее]: «Прекратите войну с государством Ся!».

В 3-й луне хан Тянь-цзо девушку из своего рода по имени Наньсянь возвел в достоинство принцессы Чэнань и отдал в жены Ли Цянь-шуню, правителю государства Ся.

В 6-й год [эры правления] Цянь-тун (1106 г.), в 10-й луне, династия Сун командировала амбаня по имени Лю Чжэн-фу[799], который [по долгу службы обычно] захватывает с собою тушь[800], и [он] пришел в государство Да Ляо с сообщением: «Повинуясь словам хана Тянь-цзо, заключили мир с государством Ся».

В 7-й год [эры правления] Цянь-тун (1107 г.) дел не было.

В 8-й год [эры правления] Цянь-тун (1108 г.), в 4-й луне, [хан Тянь-цзо] возвел корейского вана У в достоинство Шаньханьго-гуна[801] – [«графа страны гор и суши»?]. Его отцу посмертно поднес и объявил [почетный титул] «ван государства Солхо (Корея)».

В 9-й год [эры правления] Цянь-тун (1109 г.) дел не было.

В 10-й год [эры правления] Цянь-тун (1110 г.), в 4-й луне, вожди государства Пяти [племен], государство Ся и народ *цзубу* // предоставили дань. 26

---

* Слова *цзао ле* означают: «вспыльчивый и страстный»; слова *су цзу*: «строгий предок».

** Слова *шуан цзин* означают: «прямой и почтительный»; и *цзу*: «справедливый предок».

В 12-й луне следующий год был назван 1-м годом [эры правления] *Тянь-цин**[802].

В 1-й год [эры правления] Тянь-цин (1111 г.) дел не было.

Во 2-й год [эры правления] Тянь-цин (1112 г.), во 2-й луне, хан Тянь-цзо отправился к реке Хуньтунцзян ловить рыбу, после чего [туда] по старому обычаю пришли для челобитья все вожди народа дикие *нюйчжи* – те, что жили [на расстоянии] около тысячи ли от пограничной линии[803]. Когда на пиру, [устроенном по случаю первой пойманной] рыбы, пили вино и стали полу[пьяными], то хан Тянь-цзо велел всем племенным вождям плясать по очереди. И только Агуда из народа дикие *нюйчжи* отказался, сказав: «Не умею». Хан неоднократно говорил: «Танцуй!», – но Агуда отказывался и [так и] не стал [танцевать]. После сего хан Тянь-цзо тайно сказал своему амбаню Сяо Фэн-сяню: «Мне представляется, что третьего дня на пиру важная осанка Агуды отличалась от [манер и] поведения [прочих] людей. Убьем-ка [его] под предлогом нарушения границ! В противном случае в будущем непременно произойдут бедствия». Сяо Фэн-сянь ответил: «Агуда по [своей] природе грубый человек[804]. Норм поведения и обязанностей не знает. Если убить, когда [у него] нет совершенно никакого проступка, то как бы не подорвать стремления [других] народов к изъявлению [нам] покорности! Хотя бы у него и были особые намерения, каковы его возможности?!». И хан из-за этих слов отступился от [своего] намерения убить Агуду.

Младшие братья Агуды – Уцимай, Няньхань, Хушэ и другие – [каждый год осенью] всегда сопровождали хана Тянь-цзо на облавных охотах; приманивали рожком оленей; подкравшись, убивали тигров и медведей. [Они были] искусными [охотниками], поэтому хан хвалил [их] и всем прибавлял чиновничьи [достоинства и жаловал должности и титулы].

27 Агуда знал, что по возвращении с [реки] Хуньтунцзян хан [начал] подозревать его в наличии особых // намерений, [поэтому] в 9-й луне немедленно поднял войска и склонил к покорности окружавшие его ближайшие племена. Человек из народа *нюйчжи* по имени Чжаосань Агучань[805] оказал сопротивление, и Агуда конфисковал его дом. Чжаосань Агучань бежал и пришел с жалобой к чиновнику управления *сянвэня*[806] – правителю даляоского города Сяньчжоу, после чего чиновник управления *сянвэня* отослал [жалобу] далее – председателю верховного военного совета (*шумиши*) при северном [министерстве]. *Шумиши* Сяо Фэн-сянь доложил хану об этом деле, выдав за легкое, [обыкновенное дело]. Хан приказал снова отослать [жалобу] – назад в город Сяньчжоу – и дал поручение чиновникам города: «Произведите следствие!». И потом, после сего, [из Сяньчжоу] несколько раз посылались и приходили к Агуде люди, [чтобы доставить его для допроса], но Агуда лгал: «Болею», – и не являлся [на допрос].

В 3-й год [эры правления] Тянь-цин (1113 г.), в 1-й луне, когда хан Тянь-цзо охотился в горах Гоуяшань – [«Горы собачьих зубов»], время года, [начало весны], было холодное, и многие охотники умерли.

Однажды Агуда с тремя сотнями всадников внезапно вошел в город Сяньчжоу, поэтому все – и чиновники, и простолюдины – очень испугались. На следующий день Агуда отправился в [подведомственный] управлению *сяньвэня* ямынь [для допроса] и лично встретился с Чжаосань [Агучанем на очной ставке]. При разрешении спорного вопроса Агуда [вину] на себя не принял. Когда [его] хотели препроводить к чиновнику управления *сяньвэня* и допросить [там снова], то Агуда немедленно, в тот же вечер, бежал в свою страну и командировал к хану Тянь-цзо человека сказать [следующее]: «Чиновник управления *сяньвэня* хотел убить меня, и я из предосторожности не остался и ушел назад». После этого Агуда [больше] не являлся, хотя и посылали [за ним людей].

28 Амбань из северо-восточной губернии государства Да Ляо, // [занимавший должность] *тунцзюньши* (военного инспектора), беспокоил и [потому] не имел [благо]расположения[807] хана Тянь-цзо, несколько раз представив доклады [следующего содержания]: «[Некогда] мое местожительство [одним] краем соединялось с нюйчжэньской границей. Мне представляется, что, [судя] по положению дел народа *нюйчжи*, стремления у него немалые[808]. Мы должны первыми поднять войска и покарать [народ *нюйчжи*] до того, как его войска успеют прийти в движение». Но хан Тянь-цзо не принимал слова [*тунцзюньши*].

В 4-й год [эры правления] Тянь-цин (1114 г.), в 1-й луне, народ дикие *нюйчжи* поднял войска, чтобы покарать человека из [нюйчжэньского] племени *хэшиле*[809] по имени Асу, не соглашавшегося [на объединение нюйчжэньских племен вокруг Агуды]. Когда Агуда для усмирения [Асу] отправил [своего] однофамильного старшего брата Сагая, то Дигубао, младший брат Асу, отправился с донесением к даляоскому хану. Хан Тянь-цзо отправил к Агуде письмо со словами: «Не воюй против Асу!», – но Агуда и слушать не стал [ханский приказ], в связи с чем Асу бежал в государство Да Ляо. После этого Агуда часто посылал людей со словами: «Выдайте Асу!», – но даляоский хан не выдавал [его].

---

* Слова *тянь цин* означают: «небо прояснилось».

В 7-й луне, когда хан государства Да Ляо командировал амбаня по имени Асибао расспросить о причине строительства [обнесенных] стенами [крепостей] на нюйчжэньской границе, то Агуда, набросившись [на Асибао], в гневе ответил: «Когда выдадите Асу, буду по-старому, по-прежнему предоставлять дань. Если не выдадите, то никоим образом не прекращу [строительство] стен». Асибао вернулся и сообщил хану Тянь-цзо об его словах, после чего хан немедленно вызвал все [расположенные] севернее реки Хуньхэ[810] войска и дополнил [ими подразделения] *тунцзюньши* северо-восточной губернии. После этого Агуда, советуясь со своими младшими братьями Няньханем, Хушэ и другими, назначил военачальниками Иньчжугэ, // Иле, Лоусу и Думу[811], собрал войска народа *нюйчжи* и всех зависимых от него племен и разместил для охраны в своих местностях. Когда захватил даляоского чиновника, державшего в [своих] руках печать[812], и осадил города даляоской области Нинцзян, то *тунцзюньши* северо-восточной губернии довел об этих [событиях] до ханского сведения. 29

В то время хан Тянь-цзо охотился в области Цинчжоу. Выслушав это донесение, собрал всех амбаней. Когда советовался [с ними], то председатель верховного военного совета (*шумиши*) при южном министерстве Сяо Таосува сказал: «Хотя народ *нюйчжи* и мало[численный], воины его – богатыри и притом искусны в стрельбе из лука. Схватив [и убив] отложившегося от нашего государства Сяо Хайли, [они показали, что] стали еще более сильны[813]. Кроме того, наши войска давно засиделись и не упражнялись [на полях] сражений. В случае, если встретятся с храбрым врагом, вступят в бой и будут разбиты, то [поражение] сокрушит дух людей всех племен, и [их] невозможно будет удержать. Для склонения [народа *нюйчжи*] к покорности ныне не достает [таких мер]: перевести [в северо-восточную губернию] все войска из других губерний и поразить [*нюйчжэней* всею их] мощью». *Шумиши* при северном министерстве [Сяо Фэн-сянь], который понимал [и преследовал только] корыстные цели[814], сказал: «Когда будем [действовать] согласно словам Сяо Таосува, то вот что покажем врагу: [свою] глупость. Отправим только войска, [расположенные] севернее реки Хуаншуй[815], [они] примут на себя [охрану северо-восточной окраины] и будут приходить[816] [туда, где враг] нападет». И хан Тянь-цзо не принял слова Сяо Таосува, дал войска бохайцев [численностью в три тысячи человек] Гао Сянь-шоу, [главному] чиновнику города [области] Хайчжоу, и отправил на помощь [области Нинцзян]. Войска даляоского амбаня по имени Сяо Дабое[817] встретились с нюйчжэньскими войсками восточнее областного города Нинцзян, // вступили в бой и были разбиты. 30

В 10-й луне хан Тянь-цзо назначил амбаня по имени Сяо Сы-сянь главнокомандующим, Сяо Дабое – [его] фланговым [командиром] – и дал [им отобранных] из всех племен семь тысяч храбрых воинов. Далее, назначил Цуй Гун-и[818] главным командиром, [отвечающим] за провиант и фураж, Син Ина назначил [его] фланговым [командиром]. Они взяли войска и через место, в котором объединяются и [поименно] проверяют [по спискам наличие воинов][819], вышли [в поход]. И две армии стали лагерем друг против друга. Нюйчжэньские воины скрытно переправились через [реку] Хуньтунцзян и напали врасплох на все даляоские войска, в результате чего в армии Сяо Сы-сяня поднялась паника. Амбани такого рода, как Цуй Гун-и, Син Ин, Елюй Фаолю, Сяо Госи, все были убиты, и только 17 человек из [числа] даляоских войск избавились [от смерти]. Сяо Фэн-сянь, опасаясь, как бы его младшего брата Сяо Сы-сяня не подвергли суду, сказал хану: «Отправившиеся в карательный поход на восток воины в панике [разбежались и, возможно] займутся повсеместными грабежами. В случае, если не простим вину этим воинам, то как бы [они] не собрались [в шайки] и, бунтуя [и грабя], не стали для нас бедствием!». Хан Тянь-цзо принял его слова и только лишь отрешил Сяо Сы-сяня от должности с лишением чина. После этого все воины говорили друг другу: «Если мы сражаемся, то умираем, и подвигом [это] не является. Если обращаемся в бегство, то [сохраняем] жизнь, и преступлением [это] не считается». И потому у воинов не было боевого духа, [они во время войны с нюйчжэнями] устремляли взоры на запад и обращались в бегство.

В 11-й луне амбани такого рода, как *дутун* Сяо Дили, взяли войска и расположились лагерем восточнее области, в которой [местное население] выкапывало полезные [для здоровья] корнеплоды[820]. На них напали нюйчжэньские войска, и многие даляоские воины были убиты. Хан Тянь-цзо только лишь отрешил Сяо Дили от должности с лишением чина.

В 12-й луне // племена *тели* и *ужо*[821] – жители трех областей: Сянчжоу[822], Биньчжоу и Цяньчжоу[823] – отложились от подданства и все примкнули к народу *нюйчжи*. Даляоский амбань по имени Сяо Исе[824] взял войско и отправился на помощь городам [области] Биньчжоу. Амбань, который собирает и записывает [отборных воинов] в особые шеренги[825], взял [второе] войско и отправился на помощь городам [области] Сянчжоу. Эти два войска в сражениях с нюйчжэньскими войсками были полностью разбиты. 31

В 5-й год [эры правления] Тянь-цин (1115 г.), в 1-й луне, хан Тянь-цзо вручил письмо человеку по имени Сэнцзяну и командировал к народу *нюйчжи*. В этом письме было пренебрежительно написано [личное] имя

Агуды. И Агуда также вручил письмо только что пришедшему[826] человеку и отправил [назад. В письме были] слова: «Выдайте изменника Асу! Далее, народ [области] Хуанлунфу переселите в другое место! Когда так будет, заключим мир!».

[Войска] даляоского амбаня по имени Елюй Элидо[827] в сражении с нюйчжэньскими войсками у города Далугу[828] были разбиты.

Во 2-й луне живший в городе Жаочжоу *бохаец* по имени Гуюй отложился от подданства государства Да Ляо, сам себе поднес и объявил почетный титул «великий князь».

В 3-й луне хан Тянь-цзо отправил своего амбаня по имени Сяо Сефолю[829] с приказом: «Покарай Гуюя!». Сяо Сефолю отправился [в поход] и в сражении с Гуюем потерпел поражение. Хан Тянь-цзо снарядил шесть человек такого рода, как Елюй Чжанцзяну, и отправил с письмом, в котором было пренебрежительно написано [личное] имя Агуды и были слова: «Немедленно признай зависимость!», – после чего Агуда отправил в ответ письмо, в котором так же было пренебрежительно написано [личное] имя даляоского хана и еще говорилось: «Соглашайся[830] [на наши просьбы]!».

32 // Даляоский амбань по имени Сяо Таосува смог склонить в подданство[831] [мятежника] Гуюя.

В 6-й луне хан Тянь-цзо вручил письмо амбаню по имени Сяо Сы-ла и командировал к народу *нюйчжи*. Слова того письма были неприятны [для слуха], поэтому Агуда сидел, принимая Сяо Сы-ла.

В 7-й луне амбани такого рода, как [Елюй] Элидо, были разбиты в сражении с нюйчжэньскими войсками в местности под названием Баймалао – [«Тюрьма белой лошади»][832].

В 8-й луне хан Тянь-цзо отрешил от должности с лишением чина [Елюй] Элидо и других за то, что [их] войска потерпели поражение. Хан Тянь-цзо [издал указ] о личном [участии] в походе против народа *нюйчжи*, амбаня из [своих] любимых подчиненных[833] назначил главнокомандующим, Елюй Чжанцзяну – главным инспектором (*дуцзянем*) и дал [им] даляоских и китайских воинов, всего двадцать тысяч [человек]. Сяо Фэн-сяня назначил главнокомандующим ханского лагеря, Елюй Чжанну – [его] фланговым [командиром]. Двадцать тысяч отборных воинов составили авангард, остальные племенные воины образовали пять центральных воинских [подразделений][834]. Тысяча человек – сыновья и младшие братья ханских родственников – образовали «твердое войско», из амбаней разного [ранга] был создан ханский заслон[835]. На север вышли через [проход] Лотокоу[836]. [Кроме того, хан] назначил амбаня по имени Сяо Худугу[837] главнокомандующим, амбаня по имени Чай И[838] – [его] фланговым [командиром], дал [им] тридцать тысяч китайских пехотинцев и всадников и отправил со словами: «Отправляйтесь на юг [в направлении] области Нинцзян!». И [даляоские войска], распределившись по [разным] направлениям, отправились в поход из городов [области] Чанчунь, взяв съестных припасов на несколько месяцев и со словами: «Непременно уничтожим народ *нюйчжи*!».

33 В 9-й луне нюйчжэньские войска завоевали Хуанлунфу. *Нюйчжэни* снова // вручили письмо только что пришедшему[839] человеку и отправили [назад] к даляоскому хану Тянь-цзо сообщить [следующее]: «Когда выдадите нашего Асу, мы отведем войска».

[Следует сказать, что вначале], получив известие о личном участии даляоского хана в [предстоящем] карательном походе [против *нюйчжэней*], Няньхань, Уму[840] и другие велели препроводить к хану Тянь-цзо [глумливое] письмо. Слова этого письма были умышленно написаны [так, как будто *нюйчжэни*], сами себя унижая и сокрушаясь, [просят прощения], но на самом деле [слова выдавали] желание воевать. Хан Тянь-цзо, просмотрев это письмо, очень разгневался, написал указ о том, что из-за [нанесенного] *нюйчжэнями* зла его огромная армия отправится в карательный поход, и объявил [об этом] во всеобщее сведение. Услышав про то, Агуда собрал всех [командиров] и, плача, сказал: «То, что я вначале вместе с вами поднял войска, [означает]: жестокость государства Да Ляо [стала] невыносимой. И то, что хотел [все нюйчжэньские племена] сделать одним народом, да, [это было]. Ныне говорят, что [сам] высочайший хан лично возьмет войска и придет воевать [против нас]. Если [наши] воины [из страха перед ним] не будут сражаться насмерть[841], то как [они] смогут принять [бой и победить]? Вместо того, чтобы все ваши воины погибли в сражениях, не лучше ли перебить мой род и изъявить покорность? Повернув [от себя] несчастье, живите в счастии!». [В ответ] на его слова все военачальники сказали: «[Если] дела завершились этаким образом, то только [твоим] указам будем повиноваться!».

Когда крупные даляоские войска переправились через реку Яцзыхэ – [«Утиная река»][842], то амбань по имени Елюй Чжанну изменил [хану], взял более трехсот человек и возвратился в Верхнюю столицу с намерением посадить ханом Вэй-вана Елюй Чуня[843]. Услышав про то, хан Тянь-цзо вручил письмо амбаню по имени Исинь, которого называл младшим братом[844], и отправил к Вэй-вану с сообщением [о происходящем, приказав Исиню] скакать [на коне] во весь опор. Елюй Чжанну, опередив [хана], отправил к Вэй-
34 вану Сяо Дили, старшего брата его жены, [и ее племянника Ляо Янь-лю][845]. // Когда Вэй-вана известили о

том, что [он] будет посажен ханом, [Вэй]-ван ответил: «Это дело немалое. Вероятно, верховным правителем ставят князя, который из числа всех князей [достоин престола и] должен вступить [на него]. Если меня в самом деле возведут [на престол], то почему не прибыли стоящие во главе северных и южных [министерств] амбани, а приехали вы, и к чему [все эти] разговоры?». [Вэй-ван] сговорился со [своими] людьми левой и правой сторон и схватил всех прибывших людей такого рода, как Сяо Дили. Вскоре пришел и называемый младшим [ханским] братом Исинь с [личным] письмом от хана и рассказал обо всем: о том, что Елюй Чжанну совершил измену и имеет намерение устранить[846] хана и [на престол] возвести [Вэй]-вана. После этого Вэй-ван заплакал, [а затем] убил Сяо Дили [и Сяо Янь-лю], взял [их отрубленные] головы и [один], без друзей, [налегке], только лишь на одном коне отправился проселочными дорогами и встретился с ханом в местах Гуанпиндянь – [«Широкой ровной луговины»], приняв вину на себя [и ожидая наказания]. Но хан при встрече с ваном [был] таким же, каким бывал прежде. После этого Чжанну, узнав о невозможности [возведения на престол] Вэй-вана, взял подчиненных ему воинов и ограбил четыре области: Цинчжоу, Жаочжоу, Хуайчжоу и Цзучжоу, [отняв у населения все] имущество. Затем, встречаясь со многими бохайскими разбойниками, собрал [вокруг себя шайки в количестве] нескольких десятков тысяч человек. Когда пришел в Гуанпиндянь, чтобы напасть на хана, то амбань по имени Агучань[847] из народа покорные *нюйчжи* с тремя [верными хану Тянь-цзо] сотнями всадников в [первом же] бою одержал [над Елюй Чжанну] победу. Захватили более двухсот человек – родственников Елюй Чжанну – и всех убили. [Некоторые из] их дочерей и жен были привлечены к рукоделию – шитью [и вышиванию] – внутри ханского двора. Далее, другие [дочери и жены] были отданы в рабство ханским [любимым] прислужникам. Оставшиеся из этих [родственников в живых] бежали и все // примкнули к народу *нюйчжи*. Елюй 35
Чжанну, обманно выдавая себя за командированного ханом посла, [также] отправился к народу *нюйчжи*. Пикетчики схватили его и доставили к хану, после чего хан предал Чжанну смертной казни на торговой площади[848], вырезал [у него] сердце, [которое принес в жертву] в храме предков, и велел показывать [людям]. Руки и ноги [его во время казни медленно] изрезывали в куски.

В 11-й луне хан Тянь-цзо дал своему зятю Сяо Тэмо и *линья* Сяо Чала[849] 50 000 всадников, 400 000 пехотинцев и свой личный конвой [в количестве] 700 000 воинов и велел [им] стоять у ворот под названием Томэнь.

В 12-й луне амбань по имени Елюй Чжанцзяну отложился от подданства государства Да Ляо. Хан Тянь-цзо взял свои личные войска, напал на нюйчжэньские войска на плоскогорье, названном Хубудаган, и был разбит. Повозки, палатки, монгольские юрты, тяжелая поклажа – все было захвачено. Амбань по имени Елюй Чжучжэ – *цыши*[850] городов [области] Цзиньчжоу – поднял мятеж и примкнул к [Елюй] Чжанцзяну, после чего *линья* Елюй Маго был отправлен с приказом покарать [Елюй Чжучжэ].

В 6-й год [эры правления] Тянь-цин (1116 г.), в 1-й день нового года, злобно настроенные юноши из Восточной столицы [в количестве] более десяти человек, напившись допьяна, схватили мечи и копья, перелезли через стену и пришли в дом, где жил наместник [Восточной столицы] Сяо Бао-сянь. Солгав: «В настоящее время войска, [расположенные вне столицы], взбунтовались», – вынудили Сяо Бао-сяня выйти и убили [его]. Амбань по имени Тай Гун-дин вместе с помощником наместника Гао Цин-чэнем[851] собрали три тысячи человек, [которые разыскали и] схватили всех бунтовщиков. // Убив [их], успокоили [этим] народ.

Амбань по имени Гао Юн-чан, бохаец [по происхождению], отложился от подданства государства Да Ляо, 36
занял [подведомственную] Восточной столице область, [объявил себя императором Великого государства Бохай] и назвал год 1-м годом [эры правления] Лун-чжи[852]. Хан Тянь-цзо командировал [к нему] двух амбаней по именам Сяо Исе и Гао Син-сюнь, [которые], привлекая [всем, чем могли], склоняли Гао Юн-чана к покорности, но он не покорился.

Во 2-й луне даляоский амбань по имени Табое[853] отправился в карательный поход против отложившегося от подданства [государства Да Ляо] амбаня по имени [Елюй] Чжанцзяну, вступил в сражение в области Цзучжоу, и войско [Табое] было разбито. Елюй Чжанцзяну набрал более десятка тысяч человек из [области] Жаочжоу и бохайских земель и завоевал город Гаочжоу.

В 4-й луне хан Тянь-цзо лично отправился в карательный поход против Чжанцзяну, нанес поражение его войску, захватил и убил его сообщников, вследствие чего [область] Жаочжоу и бохайские [земли] были успокоены.

В 5-й луне нюйчжэньские войска завоевали город Синьчжоу, а затем завоевали Восточную столицу и схватили Гао Юн-чана. Из постоянных подразделений, [расположенных в подведомственных] Восточной столице областях и уездах [и принадлежащих] ханскому роду, [бежал] ленивый, коварный, не способный [к военному делу] Табое и повел [за собой] подлых, низких[854] и [других] подобных [им людей в количестве] тридцати человек, и все они покорились *нюйчжэням*.

В 6-й луне хан Тянь-цзо возвел своего Вэйго-вана Елюй Чуня[855] в достоинство Циньго-вана[856] и назначил верховным главнокомандующим (*ду юаньшуай*).

В 7-й год [эры правления] Тянь-цин (1117 г.), в 1-й луне, во время осады нюйчжэньскими войсками города Чуньчжоу во всех войсках даляоской восточной губернии самопроизвольно, без сражений, поднялись беспо-
37 рядки. // Четыре племени – такие, как *пицзе*[857], – и все *бохайцы* покорились *нюйчжэням*. Далее, нюйчжэньские войска взяли штурмом [город] Тайчжоу.

Во 2-й луне разбойник по имени Дун Пан-эр[858] из даляоского уездного города, в котором происходили преступления[859], собрал толпу [количеством] более десяти тысяч [человек] и отложился от подданства, после чего Сяо Исе из даляоской Западной столицы и амбань по имени [Сяо] Чала из Восточной столицы в сражении у реки Ишуй[860] разбили войско Дун Пан-эра.

В 3-й луне, когда Дун Пан-эр снова пришел с войском, амбань по имени Сяо Исе осадил [главный] город [области] Фэншэнчжоу[861], [где находился] Дун Пан-эр, и разбил его войско.

В 8-й луне хан Тянь-цзо дал своему верховному главнокомандующему Елюй Чуню войска четырех губерний и отправил со словами: «Настала осенняя пора. Охраняй границы!».

В 9-й луне хан Тянь-цзо из 28 тысяч воинов, [названных] «армией обиженных»[862], сформировал 8 батальонов[863] и велел стоять на горе Цзилишань у города [округа] Вэйчжоу.

Хан Тянь-цзо охотился в горах Канцзышань – [«Горы процветания»] – и в 10-й луне прибыл в Среднюю столицу.

В 12-й луне верховный главнокомандующий Елюй Чунь встретился с нюйчжэньскими войсками у горы Цзилишань, и [его] войска в сражении были разбиты. Нюйчжэньские войска взяли штурмом [город] Сяньчжоу и захватили все [расположенные] вокруг [него] области (*чжоу*) и округа (*цзюнь*)[864]. Хан написал [обращение к Небу, в котором каялся в] своих собственных пороках и прегрешениях [и просил за них прощение], и объявил [об этом] во всеобщее сведение.

В этом году правитель *нюйчжэней* Агуда принял слова амбаня по имени Ян Пу [о том, чтобы] сесть на ханский престол, назвать год 1-м годом [эры правления] Тянь-фу и назвать государство *Амба Айсинь гурунь* –
38 [«Великое Золотое государство»]. Ян Пу также // говорил: «Со времен древности [все] герои-богатыри при создании государства и вступлении на престол[865], прежде [всего], непременно просят большое государство о возведении в достоинство [императора]». Из-за его слов Агуда немедленно командировал посла к даляоскому [хану] со словами: «Заключим-ка мир! Возведи меня в достоинство [императора]!».

В 8-й год [эры правления] Тянь-цин (1118 г.), в 1-й луне, хан Тянь-цзо командировал Елюй Нуго в государство Айсинь для переговоров о заключении мира. Даляоский *цзедуши*, ведавший [делами] главной[866] области Шуан, которая включила [в себя] мирные округа[867], взял двести семей из [областного] города и принял подданство [государства] Айсинь. В местностях восточной губернии поднялись разбойники, как пчелы, притесняли народ и заставляли [мужчин] следовать за ними [в шайки], а когда голодали, то начинали убивать и есть людей.

Во 2-й луне Елюй Нуго возвратился из [государства] Айсинь с письмом. [Вот] слова написанного и отправленного айсиньским ханом письма: «Почитать меня, признав старшим братом! Ежегодно предоставлять дань! Отдать все области и уезды этих трех губерний: [подведомственных] Восточной столице, Западной столице и Синчжунфу[868]! Прислать заложниками Цинь-вана, принцессу, царского зятя, сыновей и внуков главноначальствующих амбаней! Выдать моего беглеца [Чжаосань Агучаня]! Далее, доставить [императорскую] печать; дипломатическую переписку (букв: «туда-сюда отправленные письма») с государствами Сун, Солхо и Ся; ханские указы; доклады амбаней; выдаваемые *хэшанам*-[послам] сдвоенные железные[869] [верительные] грамоты! Когда так будет, заключим мир!».

В 5-й луне хан Тянь-цзо снова командировал Елюй Нуго в государство Айсинь со словами: «[Только] о половине [требуемого Агудой] говори откровенно!».

В той же луне два разбойника по именам Ань Сэн-эр и Чжан Гао-эр[870] // собрали толпу [численностью] в
39 двести тысяч человек, после чего даляоский амбань по имени Елюй Маго убил Ань Сэн-эра в городе Лунхуачжоу. Чжан Гао-эр бежал, вошел в город Ичжоу и объединился с разбойником по имени Хэ Лу-го. Хан государства Айсинь командировал в государство Да Ляо вместе с Елюй Нуго своего бестолкового бродягу[871], вручив письмо прежнего образца. Хан Тянь-цзо опять отправил назад в государство Айсинь Елюй Нуго и велел препроводить дипломатическую переписку с государствами Сун, Солхо и Ся; ханские указы; доклады амбаней и сдвоенные железные [верительные] грамоты. Разбойник по имени Хэ Лу-го захватил [область] Хайбэйчжоу. Когда подошел к [области] Ичжоу, даляоский амбань по имени Хуэйлибао[872] в сражении нанес [ему] поражение. Более восьми сотен семей из четырех даляоских областей: Тунчжоу, Цичжоу, Шуанчжоу и Ляочжоу – восстали и приняли подданство государства Айсинь.

В 7-й луне хан государства Айсинь снова командировал бестолкового бродягу в государство Да Ляо со словами: «[Я] отменю заложничество детей и приобретение областей и округов, подведомственных Верхней столице и Синчжунфу, а также уменьшу ежегодную дань. Признай меня старшим братом и возведи в достоинство [императора] согласно китайскому церемониалу! Когда так будет – заключим мир!».

В 8-й луне хан Тянь-цзо [вручил] Елюй Нуго [свидетельство, которое пишется при] возведении в достоинство [императора и] подносится на блюдце[873], и командировал в государство Айсинь. Айсиньский хан поднесенное на блюдце [свидетельство на титул] принял сидя и отправил Елюй Нуго назад со словами: «Если не последуешь моим словам, то в дальнейшем послов не присылай!». Пять человек из государства Да Ляо, принадлежавших к тем, кто не имел [при дворе влияния и] силы[874], каждый сам по себе, взяли [своих] подчиненных и приняли подданство государства Айсинь.

В 11-й луне четыре человека из городов [области] Лунхуанчжоу, принадлежавших к тем, кто полагался [только] на крепкое государство[875], // забрали [своих] людей и также приняли подданство государства Айсинь. 40

В 12-й луне хан Тянь-цзо определил на общем совете церемонию возведения айсиньского хана в достоинство [императора] и командировал Елюй Нуго в государство Айсинь. Учитывавший [государственную] прибыль[876] амбань из города даляоского спокойного, обычного округа[877] вместе с тремя тысячами семей города [области] Ичжоу принял подданство государства Айсинь. В то время люди из разных губерний, [лежавших] южнее [гор] Утайшань, испытывали сильнейший голод. Один четверик зерна стоил нескольких [кусков] шелка, поэтому народ сдирал кору с вязов и питался [ею]. Снова [и снова] испытывая голод, начинали убивать и есть людей.

В 9-й год [эры правления] Тянь-цин (1119 г.), в 1-й луне, хан государства Айсинь опять вручил письмо своему человеку [из тех], кто вредит соседям и присоединяется к разным дьяволам-[разбойникам][878], и командировал в государство Да Ляо по поводу возведения в достоинство [императора].

В 3-й луне хан Тянь-цзо командировал *улиби* Сяо Силе[879] и других [с грамотой, по которой] айсиньский хан возводился в достоинство «император государства Дунхуай».

В 7-й луне хан государства Айсинь снова отправил [своего человека из тех], кто вредит соседям и присоединяется к разным дьяволам-[разбойникам], к хану Тянь-цзо с обвинением: «В грамоте о возведении в достоинство [императора] не написаны слова *старший брат*. Далее, [государство] не названо *Амба Айсинь гурунь*, а названо только *Дунхуай гурунь*. Слова *дун хуай* вот о чем говорят: пусть небольшое государство помнит о твоих добродетелях и справедливости! В грамоте о возведении в достоинство [меня] очень унизили. Все это не имеет хорошего значения и является тем, что нарушает правила заключения мира. Когда согласишься с утвержденными [мною] в прежнем письме [десятью условиями] – мы заключим мир!».

Люди из государства Да Ляо, которые [прежде] почтительно наставляли [хана], просили [за других, а сами] отставали [в званиях и] должностях[880], [ныне] брали [своих] людей // и принимали подданство государства Айсинь.

В 9-й луне хан Тянь-цзо отправил назад [айсиньского посла из тех людей], кто вредит соседям и присоединяется к разным дьяволам-[разбойникам]. 41

В 10-й год [эры правления] Тянь-цин (1120 г.) айсиньский хан снова вручил этому послу [выданную] государством Да Ляо [и возвращаемую им назад] грамоту о возведении в достоинство [императора] и командировал [с письмом, в котором] обвинил хана Тянь-цзо: «Почему просил войска у Солхо (Кореи)?».

В 3-й луне хан Тянь-цзо командировал [Сяо] Силе[881] в государство Айсинь, и Силе сказал: «Утвержденные вами два знака [*да шэн*], означающие «великий и совершенномудрый», подобны [тем знакам, что входили в] поднесенный и объявленный [посмертный] почетный титул нашего почившего хана [Тай-цзу Абаоцзи][882]. Если так, то [согласиться] невозможно». Из-за этих слов Агуда, хан государства Айсинь, разгневался и прервал дипломатические отношения (букв: действия послов).

В 4-й луне, когда хан Тянь-цзо был на облавной охоте, поступило донесение о том, что айсиньские войска поднялись с мест. [Хан] дал амбаню [одного] из северных учреждений[883] три тысячи отборных воинов и отправил на помощь пограничных войскам.

В 5-й луне айсиньский хан лично взял войска, осадил даляоскую Верхнюю столицу и захватил [ее] внешнюю крепостную стену, поэтому наместник Табое сдался вместе со всеми [жителями столицы]. В то время хан Тянь-цзо находился в Западной столице.

В 11-й год [эры правления] Тянь-цин (1121 г.), в 1-й луне, наименование эры правления Тянь-цин было изменено, и год был назван 1-м годом [эры правления] *Бао-да* (1121 г.)* [884].

С тех пор, как айсиньские войска поднялись с мест, была захвачена половина даляоских городов.

От хана Тянь-цзо рождено четверо сыновей. Старший сын – Чжао-ван. Имя [его] матери – Чжао-шао-жун[885].

---

* Слова *бао да* означают: «охраняющий великое».

Второй сын – Цзинь-ван. [Его] мать звали Вэнь-фэй. Третий сын – Цинь-ван. Четвертый сын – Сюй-ван[886]. Оба
42 рождены от главной наложницы[887]. // Люди государства знали о доброте Цзинь-вана и все стремились к нему. Сяо Фэн-сянь, старший брат главной наложницы, о Цинь-ване, сыне своей младшей сестры, говорил: «Как бы не случилось, что не сможет взойти [на престол]!» – и тайно трудился [против Цзинь-вана].

Было три сестры – Вэнь-фэй и [ее] старшая и младшая сестры. Старшую девицу взял в жены Елюй Тахэли. Вторая девица – это Вэнь-фэй. Третью девицу взял в жены Елюй Юйду. Однажды сестры, [эти] три особы, встретились в местах [расположения] войск, после чего Сяо Фэн-сянь сделал ложный донос хану Тянь-цзо: «Царский зять Сяо Юй, Елюй Юйду [и другие] сговариваются и хотят возвести [на престол] Цзинь-вана». Хан Тянь-цзо принял его слова и [велел] убить Сяо Юя, [Елюй] Тахэли и других. Вэнь-фэй приказал покончить жизнь самоубийством. Только не потерпел, чтобы Цзинь-вана предали суду, [и оставил его в живых]. Елюй Юйду, [находившийся] внутри войск, получил известие об этих [событиях], очень испугался и сразу же во главе более тысячи всадников изменил [хану] и отправился в государство Айсинь. Хан Тянь-цзо дал войска своим амбаням такого рода, как Сяо Сямай[888] и Сяо Дэ-гун, и отправил догнать Елюй Юйду. Они, преследуя, на горе Люйшань[889] догнали Елюй Юйду, и все командующие, посовещавшись, высказались: «Верховный правитель твердо верит словам Сяо Фэн-сяна, и Сяо Фэн-сянь смотрит на нас с презрением. Но Елюй Юйду – один из лучших и мудрейших людей ханской фамилии – с [самого] начала не был тем, кого Сяо Фэн-сянь [мог бы] презирать. Если мы ныне схватим Елюй Юйду, то в дальнейшем наша [судьба] станет точно такой же – похо-
43 жей на его [судьбу]». // Сказав [так], отпустили и отправили Елюй Юйду [дальше], а хану Тянь-цзо ложно доложили, что не догнали [его]. После этого Сяо Фэн-сянь, зная о [причине] измены Елюй Юйду, стал опасаться, что впоследствии и другие командующие также поднимут мятеж, и немедленно уговорил хана повысить чиновничьи [звания] у амбаней такого рода, как Сяо Сямай, привязав [этим к себе] сердца всех.

Во 2-й год [эры правления] Бао-да (1122 г.), в 1-й луне, айсиньские войска заняли Среднюю столицу, а затем захватили [область] Цзэчжоу, после чего хан Тянь-цзо бежал в главную, центральную, внутреннюю[890] область. Елюй Юйду, войдя в государство Айсинь [и став подданным айсиньского хана], отправился для преследования хана Тянь-цзо, указывая [дорогу] амбаню по имени Лоусу[891] и взяв [авангардные] войска. Когда хан Тянь-цзо выслушал донесения об этом и находился в [большой] тревоге, то коварный амбань Сяо Фэн-сянь сказал ему: «Елюй Юйду – ханский однофамильный родственник. Его приход в этот раз [означает]: придет с намерением непременно посадить на ханский [престол своего племянника] Цзинь-вана. Хан, если [ты] думаешь о судьбе[892] царствующего дома, то не пожалеешь одного сына. Когда сделаешь гласной его вину и казнишь, то Елюй Юйду не станет сражаться и возвратится по своей воле». Хан принял его слова, но не потерпел, чтобы Цзинь-вана убили острием [меча, поэтому] отправил [к нему] человека с приказом: «Повесившись, умри!». Другой [человек] уговаривал Цзинь-вана: «Не соблаговолите ли бежать?», – но тот ответил: «Ради моей ничтожной особы можно ли нарушить долг сына и амбаня?!» – и сразу же умер. Хан Тянь-цзо три дня носил простое платье.
44 [Человека из рода] Елюй, который вмешался, вырывал и отбрасывал [веревку][893], // также убил, сказав: «[Был в] заговоре с Цзинь-ваном». [Среди] людей, с давних пор любивших[894] Цзинь-вана, и [среди] всех воинов не было никого, кто не ронял бы слезы, услышав о его смерти. После этого у них пропали желания и аппетит. Елюй Юйду с айсиньскими войсками пришел в местность, где находился хан Тянь-цзо, поэтому хан с тремя тысячами сопровождавших его всадников обратился в бегство, направился к [области] Юньчжун[895] и бросил в реку Саньганьхэ[896] государственную наследственную нефритовую печать. Хан Тянь-цзо дал войска своим Елюй Маго, Сяо Тэмо и Елюй Пудэ и велел стоять в главной, центральной, внутренней[897] области. Айсиньские войска напали на даляоские войска, направлявшиеся в Пустыню[898] [и остановившиеся] в городах областей Ба и Ань, и склонили [их] к сдаче этих городов.

В 3-й луне хан Тянь-цзо получил донесение о том, что западнее перевала появились айсиньские войска, и сразу же отправился в северные самые красивые[899] места. Когда прибыл в местность под названием Нюйгуди[900], то получил донесение, что айсиньские войска [совсем] близко, и совершенно безо всякого плана [действий], верхом на одной и той же лошади[901] вошел в горы Цзяшань. И только тогда хан Тянь-цзо осознал бесчестность Сяо Фэн-сяня и в гневе сказал ему: «[Это] вы, отец и сыновья, сделали меня этаким, [день за днем] затягивая [дела]! Ныне какая польза [в том], хотя бы и убил вас?! Если вы последуете за мной, то сердца озлобленных на вас воинов [не смогут этого вынести]. Ко мне самому идут беды: уклоняться от врага и искать средства жизни. Вы за мной не следуйте!». [В ответ] на его слова Сяо Фэн-сянь спустился с коня, зарыдал, упал на колени и поклонился. Расставшись с ханом,
45 // Сяо Фэн-сянь и [его] сыновья не прошли и нескольких *ли*, как были схвачены и связаны сопровождавшими их людьми, [а затем] доставлены в айсиньские войска. *Айсиньцы* убили Сяо Фэн-ана – старшего сына Сяо Фэн-сяня. Когда его самого и второго сына – Сяо Фэн-юя – связанными препровождали к айсиньскому хану, то на них натолкнулись даляоские войска, отбили их и доставили назад к хану Тянь-цзо. И после этого хан убил обоих – и отца, и

сына. Даляоский амбань по имени Елюй Гоба во главе заслона хана Тянь-цзо [бежал и] принял подданство государства Айсинь. Айсиньскими войсками было захвачено [уже частично] израсходованное даляоскими караулами первосортное золото [рода] Елюй[902]. Все чиновники государства Да Ляо окончательно разбежались [или] отложились от подданства[903], и хан Тянь-цзо стал раздавать все [вакантные] должности сопровождавшим его людям, не делая различия – большие ли, малые ли [у них ученые степени, титулы, заслуги].

ТЕТРАДЬ VIII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вначале хан Тянь-цзо велел двум амбаням – *цзайсянам* по именам Чжан Линь и Ли Чу-вэнь – охранять область Янь совместно с Циньго-ваном Елюй Чунем[904]. Ли Чу-вэнь получил известие о том, что хан Тянь-цзо вошел в горы Цзяшань. Ханские приказы не приходили несколько дней, поэтому Ли Чу-вэнь вместе со своим младшим братом Ли Чу-нэном и сыном Ли Ши[905], опираясь[906] за пределами [области] на «армию обиженных», внутри [областного города] посоветовались с амбанем по имени Сяо Гань [и решили]: «Объявим Елюй Чуня[907] ханом!», – сразу же собрали всех амбаней; всех монгольских и китайских чиновников такого рода, как Елюй Даши, Цзо Ци-гун[908], Юй Чжун-вэнь, Цао Юн-и и Кан Гун-би; всех воинов и [почтенных] старцев из народа – всего несколько десятков тысяч человек – и отправились к дому Елюй Чуня. Когда Ли Чу-вэнь встретился с *цзайсяном* Чжан Линем и сообщил об этом деле, то Чжан Линь сказал: «[Государственное] управление должно [только] наследоваться», – но Ли Чу-вэнь возразил: «Воля Неба и желание людей уже определились. А про тебя говорят: "Пусть он распределит [должности в соответствии с] рангом!"». И амбани такого рода, как Ли Чу-вэнь, пошли[909] сказать Елюй Чуню: «Прими на себя управление!». Лишь только Елюй Чунь вышел из дома, как амбань по имени Ли Ши накинул[910] на него желтое платье, а все чиновники прокричали: «Хан "десяти тысяч лет"!», – стали на колени и били челом. Елюй Чунь очень испугался и стал отказываться [от трона]. Чиновники уговаривали [его]: «Высочайший хан покрылся пылью. По [этой] веской причине[911] область находится в смятении. Если в настоящее время ты, ван, не можешь [стать ханом], то кому же [в таком случае] будет повиноваться народ сотни фамилий?! Нужно основательно [все] обдумать». Из-за этих слов Елюй Чунь сразу же вступил на престол. Все чиновники поднесли Елюй Чуню и объявили почетный титул «император *Тянь-си*». // Изменив 2
наименование [эры правления] Бао-да, [Елюй Чунь] назвал год 1-м годом [эры правления] *Цзянь-фу** (1122 г.), выпустил всемилостивейший манифест о прощении преступников и повысил в должности всех чиновников, принимая во внимание ступени [чинов и ученые степени]. Хана Тянь-цзо заочно низложил и объявил *Сянъинь-ваном***. Елюй Чунь стал владеть шестью губерниями (*голо*): Янь, Юнь, Пинчжоу; [губерниями, подведомственными] Верхней и Средней столицам[915], и Ляоси. У хана Тянь-цзо вот что оставалось: только войска двух [лежащих] севернее Пустыни[916] губерний – северо-западной и юго-западной – и монгольские войска.

В 4-й луне амбань по имени Елюй Фодин[917] – [командующий войсками] западной стороны – принял подданство государства Айсинь. Люди четырех областей: Юньнэй, Нинбянь, Тун и Син[918] – также приняли подданство государства Айсинь. Еще [*нюйчжэнями*] был схвачен преступник Асу. Айсиньские войска захватили Западную столицу, после чего государству Айсинь изъявил покорность весь народ, обитавший южнее Пустыни[919]. После этого хан Тянь-цзо бежал в нашу песчаную жаркую [степь][920].

В 5-й луне даляоский амбань по имени Маго собрал в одно место разбежавшихся, рассеявшихся во все стороны людей и пришел [с ними] для соединения с ханом Тянь-цзо. Хан велел Маго управлять делами верховного военного управления при северном министерстве и назначил главнокомандующим.

В 6-й луне Елюй Чунь заболел, [так как] получил известие: «Пришел письменный [приказ] хана Тянь-цзо [о наборе воинов] в [округе] Тяньдэ и областях Юньнэй, Шочжоу, Инчжоу[921], Учжоу и Юйчжоу. Объединившись с пятьюдесятью тысячами монгольских воинов, в 8-й луне придет для вступления в область Янь». Елюй Чунь очень испугался и дал поручение всем амбаням: «Обсудите на совете!». // Амбани такого рода, как Ли 3
Чу-вэнь и Сяо Гань, сказали: «Сходим за Цинь-ваном Дином, а хана Тянь-цзо возьмем [с помощью] войск!» – и собрали для обсуждения на общем совете и амбаней, и китайских чиновников своего государства. Когда на

---

* Елюй Чунь – тот, кто родился от деятельного, но надоедливого и низкого[912] [Хун-бэня, который был] вторым [сыном хана Син-цзуна и] младшим братом хана Дао-цзуна. Слова *тянь си* означают: «небесное олово»[913]; *цзянь фу* – «установивший счастье».

** *Сянъинь* – это пустой [без занятий и должности] титул[914].

совещании возгласили: «Люди, согласные [с этим предложением], станьте налево!» – то все стали налево. Только амбань по имени Елюй Нин стал направо, и амбани такого рода, как Ли Чу-вэнь, спросили его о причине. Елюй Нин ответил: «Если хан Тянь-цзо, взяв монгольские войска, в карательной войне сможет отнять [у нас] область Янь, то [это будет означать, что предопределенный] Небом срок [его правления] еще не истек. Именно по этой причине сможем ли мы взять [его с помощью] войск?! И в противном случае, [если срок его правления истек, не следует забывать]: хан Тянь-цзо – отец, а Цинь-ван – сын. Если уж устранить, то следует устранить обе эти особы. С древних времен [до нынешних не было и] нет закона, по которому бы приходили за сыном, чтобы возвести [его на престол], и брали [с помощью] войск отца». По поводу его слов амбани такого рода, как Ли Чу-вэнь, [хорошо] знавшие друг друга, все вместе посмеялись и сказали про Елюй Нина: «Расстраивает [боевой] дух воинов». Когда хотели убить [его], то Елюй Чунь, облокотившись на подушку, протяжно вздохнул и сказал: «Елюй Нин – преданный человек. Зачем [его] убивать? Если хан Тянь-цзо действительно придет [сюда], то я, вероятно, умру. С каким лицом [я] предстану перед [его глазами]?!». И вскоре [после этого] Елюй Чунь умер. Был в возрасте 60 лет. Все чиновники посмертно поднесли Елюй Чуню и объявили почетный титул «императора *Сяо-ян*»*. Все амбани, обсудив [на совете], жену Елюй Чуня, урожденную Сяо, объявили вдовствующей императрицей (*хуантайхоу*) и [временно] поручили управление государственными и военными делами. Договорившись, Цинь-вана – третьего сына хана Тянь-цзо – заочно объявили ханом согласно словам

4 завещания, [оставленного Елюй Чунем]. И Сяо тайхоу [в отсутствие Цинь-вана] // захватила власть, [изменила наименование эры правления Цзянь-фу] и назвала год 1-м годом эры правления *Дэ-син***. В то время войска государства Сун пришли для нападения на область Янь и были разбиты войсками Сяо тайхоу, вследствие чего сердца людей наполнились большой радостью, а силы [и боевой дух] воинов стали мало-помалу умножаться.

Амбани такого рода, как *цзайсян* Ли Ши[924] [давно] учинили заговор с династией Сун, и когда сунские войска пришли для нападения [на главный город области Янь], то живущие [в городе] простолюдины встретили [их] изнутри, и многие защитники города были убиты. На следующий день, во время штурма восточных ворот внутренней крепостной стены, охранявшие Сяо тайхоу воины сражались, напрягая [все свои] силы. В сунских войсках поднялась сильная паника, и при бегстве через крепостные стены многие [сунские воины] были убиты даляоскими воинами.

[Кто-то сказал]: «Ли Чу-вэнь с сыновьями, страшась бедствий, сблизился на юге с китайским амбанем по имени Тун Гуань и хочет вынудить Сяо тайхоу отдать династии Сун область [Янь]. На севере установил связи с государством Айсинь и желает тайно[925] встретить [и содействовать айсиньским войскам]. Великого гуна [Елюй Чуня] возвел [на престол только лишь для того], чтобы помочь самому себе». Когда [об этом] стали говорить и за пределами [дворца], то Сяо тайхоу [велела] привести Ли Чу-вэня и, бранясь, сказала: «Те, что чинили препятствия Циньго-вану[926] [Елюй Чуню], – это все вы, отец и сыновья!». Если пересчитать его проступки, то [их] будет несколько десятков. Ли Чу-вэню было приказано покончить жизнь самоубийством. [Его] сына Ли Ши предали [самой жестокой смертной] казни – [медленному] изрезыванию в куски. При конфискации его домашнего [имущества] нашли 70 000 связок[927] медных монет и на 70 000 [связок медных монет] золота, нефрита, [прочих] драгоценностей и [жертвенных] сосудов. Все это – взятки, которые Ли Чу-вэнь, став министром, в течение нескольких месяцев брал у людей.

5 Вождь северных племен – амбань по имени Могоси (Могоши? Могусы?) – взял войска, // пришел на помощь хану Тянь-цзо и был разбит айсиньскими войсками на [берегах] широкой[928] реки. [Его] сын и люди поддерживающих государство [Да Ляо] родов[929], которых [хан Тянь-цзо] любил и вручил [в знак власти] печати[930], все были взяты в плен айсиньскими войсками. Прибывшие на помощь войска государства Ся тоже были разбиты айсиньскими войсками.

В 7-й луне даляоские племена *диле* и *пицзе*[931] отложились от подданства, и амбань по имени Елюй Тангу покарал и усмирил их, после чего хан Тянь-цзо назначил Елюй Тангу старшим пестуном наследника престола (*майцзы майбао*). Человек из даляоской Верхней столицы, [имевший] мелкий, пустой [чиновничий] разряд[932], взял две тысячи семей и принял подданство государства Айсинь.

В 8-й луне хан Тянь-цзо лично встретился с айсиньскими войсками в местности, в которую переселился, вспомнив [о ней][933], вступил в сражение и был ими разбит. Амбань по имени Сяо Тэмо, сын [его] старшего брата и разные благородные[934] [амбани] все были взяты в плен айсиньскими войсками. Хан Тянь-цзо бросил всю тяжелую поклажу и бежал.

В 9-й луне племя *диле* снова отложилось от подданства, и даляоский амбань по имени Маго в сражении [с ним] одержал победу.

---

* Слова *сяо ян* означают: «подражавший образцам»[922].

** Слова *дэ син* означают: «добродетелями поднятая»[923].

Жена Елюй Чуня, Сяо Дэ-фэй, пять раз представляла доклады хану государства Айсинь, в которых испрашивала [разрешения] объявить ханом Цинь-вана Дина, третьего сына хана Тянь-цзо, но айсиньский хан счел [это] невозможным, после чего Сяо Дэ-фэй взяла «твердое войско» и стала охранять заставу Цзюйюнгуань. Когда айсиньские войска пришли к [этой запирающей горный проход] крепости, то каменистая скала [вдруг] самопроизвольно обрушилась, и многие даляоские воины, охранявшие заставу, были задавлены и погибли. [Остальные] воины пришли в смятение, не вступив в сражение, после чего Сяо Дэ-фэй вышла [из крепости] // и бежала к округу Тяньдэ. Айсиньские войска тотчас же вошли [в крепость, а затем] водворили спокойствие в Яньцзинской области. 6

В 3-й год [эры правления] Бао-да (1123 г.), в 1-й луне, даляоский Си-ван Хуэйлибао самовольно стал ханом и назвал год 1-м годом [эры правления] *Тянь-фу**. Хан Тянь-цзо, услышав [об этом], отправил амбаня по имени Маго, и [тот] покарал [Хуэйлибао].

[Следует сказать, что] вначале хан Тянь-цзо человека по имени Чжан Цзюэ[935] назначил помощником *цзедуши* городов Пинчжоу, [т. е.] чиновником областного управления[936]. Простые люди [после убийства *цзедуши*] превозносили Чжан Цзюэ [за прекращение бунта], и ему было поручено [временное] управление делами [области] Пинчжоу. Чжан Цзюэ, понимая, что государство Да Ляо непременно погибнет, принимает меры предосторожности: тренирует войска, откармливает лошадей, записывает в военные [списки] обязанных к натуральной повинности [молодых, здоровых] мужчин. Когда [это] происходило, то айсиньский амбань по имени Няньхань высказал [свое] желание занять Пинчжоу и захватить Чжан Цзюэ. [Участвовавший]в разговоре Кан Гун-би сказал: «Если поднять [против него] войска, то вот что будет: напротив, вынудим его поднять мятеж. Я пойду [туда] проверить [обстановку]», – и отправился [в область Пинчжоу. После встречи] Чжан Цзюэ сказал Кан Гун-би: «Из восьми губерний государства Да Ляо семь губерний признали зависимость от государства Айсинь. Но то, что только люди городов [области] Пинчжоу не снимают латы, [означает]: остерегаются Сяо Ганя», – щедро одарил Кан Гун-би и отправил [обратно]. Вернувшись, Кан Гун-би сказал Няньханю: «Не беспокойся теперь из-за него!». После этого люди государства Айсинь переименовали Пинчжоу в [Наньцзин] – Южная столица. Чжан Цзюэ назначили государственным советником (*пинчжанши*) и поручили управление делами наместника (*люшоу*). Жители областей: И, Цзинь, Цянь, // Сянь, Чэн, Чуань, Хао и И – все вступили в подданство государства Айсинь. 7

Во 2-й луне жители [области] Синчжунфу[937] также приняли подданство государства Айсинь. Тянь Хао, *цзедуши* городов Лайчжоу; Ду Сы-хуэй, *цыши* городов Шичжоу[938]; Гао Юн-чан, *цыши* городов Цяньчжоу; Чжан Чэн, *цыши* городов Жунчжоу[939], каждый сам по себе, взяли своих подчиненных и приняли подданство государства Айсинь.

Сяо Дэ-фэй, жену Елюй Чуня, хан Тянь-цзо [велел] убить после того, как [она] встретилась с ним, а Елюй Даши, выбранив, сказал: «Когда я сам [еще] существую, как посмели объявить Елюй Чуня ханом?!». Елюй Даши ответил: «Хан, в пору силы и здоровья государства [ты] не смог [с честью] встретить врага, бросил страну [на произвол судьбы], бежал в отдаленные [места] и превратил народ в уголь и золу. То, что Елюй Чуня возвели [на престол], – справедливо. [Он] – потомок Тай-цзу. Престол снова не отдали чужому человеку». На эти слова хану Тянь-цзо нечего было ответить, [он] дал Елюй Даши вина и хлеба и простил [его] вину.

В 3-й луне хан Тянь-цзо остановился южнее города области Юньнэй. Айсиньские войска пришли к заставе Цзюйюнгуань и захватили даляоского Елюй Даши. Далее, айсиньские войска окружили спокойную центральную[940] область, где были сложены богатство и тяжелые вещи династии Да Ляо, поэтому великий защитник (*тайбао*) – амбань по имени Тэмуго[941] – взял Лян-вана Яли и бежал. [Сыновья хана Тянь-цзо] – Цинь-ван и Сюй-ван, жены [этих] князей, принцессы, сопровождавшие [их] амбани – все были захвачены айсиньскими [войсками]. // Династия Айсинь командировала посла, пришедшего сказать хану Тянь-цзо: «Признай зависимость!», – но хан Тянь-цзо ответил: «Заключим мир!» – и отправил посла назад. Айсиньские войска шли на восток, препровождая родственников хана Тянь-цзо, захваченное богатство и скот. Даляоские войска в северных, самых красивых[942] местах преградили им путь, вступили в сражение и были разбиты. Айсиньскими [войсками] были захвачены [старший сын хана Тянь-цзо] Чжао-ван и все [командиры], которые [в бою] идут в [головных] встречных шеренгах и руководят тихими [и робкими воинами][943]. Хан Тянь-цзо вручил некоему пленному иностранному[944] амбаню золотую печать с ручкой [в виде] зайца и командировал в государство Айсинь с обманными словами: «Призна́ю зависимость», – а [сам] бежал на запад, к [области] Юньнэй. [Его] зять – слабый, равнодушный[945] амбань – принял подданство государства Айсинь. В той же луне амбань по имени Тэмуго вместе с Лян-ваном Яли пришел и встретился с ханом Тянь-цзо, после чего хан, опасаясь, как бы Тэмуго не совершил измену, вознамерился его убить. Говоря: «Почему не смог вывести всех князей?», – хан схватил 8

* Слова *тянь фу* означают: «Небом успокоенный». Хуэйлибао – внук Тэлиня из племени *си*.

меч, вызвал Яли и спросил: «Чему, каким словам научил тебя Тэмуго?». Яли ответил: «Ничему, никаким словам не научил». И хан из-за его слов отменил[946] казнь Тэмуго.

В 5-й луне Ли Цянь-шунь, правитель государства Ся, командировал посла, пришедшего к хану Тянь-цзо сказать: «Приди в его государство!». Когда после этого хан Тянь-цзо переправился через реку и направился к государству Ся, то командир войск Елюй Деле и другие такого же рода амбани взяли Лян-вана Яли и бежали назад. Придя в местность разных горных хребтов[947], увидели, как одна большая змея переползла через доро-
9 гу[948]. Узнавая про то, сведущие люди говорили: «Не к добру». // Все амбани после этого приняли решение на общем совете и объявили Лян-вана Яли ханом. Яли взошел на престол, назвал год 1-м годом [эры правления] *Шэнь-ли** [949] (1123 г.) и сказал чиновникам и простолюдинам: «Докладывайте о своих размышлениях!».

Яли – второй сын хана Тянь-цзо, очень великодушный, не имевший склонности к убийству и причинению вреда. Когда [поимщики] находят беглецов, [приказывают] только наказывать [их] палками. Тем, кто последовал [за ним], жалует чиновничьи [должности]. Яли говорил своим амбаням левой и правой сторон: «[Только] пожелавших признать зависимость принимайте в подданство! Не признающих зависимости отсылайте! Зачем принуждать силой?». Далее, Яли дал последовавшим [за ним] амбаням книгу о государственном управлении, написанную во времена правдивых чиновников[950] династии Тан, и написанную второ[степенными] и главными[951] *линья* книгу, излагавшую стихами [искусство] управления государством, и велел [с помощью этих книг] научиться [этому искусству]. *Цзедуши* из государства Уго – те, которые возвратились[952] [оттуда]; Табое – *тунцзюньши* у племени *диле*; ушедшие из внутренних частей[953] [страны] главные инспекторы (*дуцзяни*), каждый сам по себе, взяли [свои] племена и пришли [к Яли] для вступления в подданство. После этого пришли одно за другим и многие [иные] племена, и Яли, мало-помалу пристрастившийся к охоте, стал небрежно относиться к управлению и забавляться игрой в мяч. Тэмуго постоянно увещевал его, поэтому Яли прекратил заниматься охотой и забавляться игрой в мяч. Люди, последовавшие за Яли, были до крайности бедны и истощены. Яли своему признавшему подданство народу устроил выдачу одежды [со складов казенных вещей] и продовольствия [из общественных хлебных магазинов], поэтому [некий] амбань с низкими моральными качествами[954] стал отговаривать [Яли]: «Ныне наше государство опустело. Если так много отдать, то после где приобретем?». Яли, придя, в гнев, сказал: «Когда я в прежние времена отправлялся в горы[955] и охотился, ты [собирал всякую] клевету про амбаней-охотников и пересказывал [ее] мне. Если ныне снова этак [лживо] говоришь [про госу-
10 дарственные доходы] и в случае, // если не останется всех [этих] племен, то кого я [тогда вообще] буду держать в подчинении?!» – и не принял [его] слова.

[Яли] поручил взращивающим скот чиновникам перевезти продовольствие, [хранившееся] на складах соли и зерна[956], и народ стал грабить [обозы с] продовольствием. Поэтому чиновники приняли на общем совете решение взыскивать с народа [за разграбленное], и Яли утвердил закон: «Если разграбят одну повозку – [взимать] одну овцу. Если разграбят три повозки – одного быка. Если пять повозок – одну лошадь. Если восемь повозок – одного верблюда». По поводу [этого] узаконения советники сказали: «Ныне одна овца стоит два *синя* хлеба[957]. За одну повозку хлеба [никак] нельзя взыскивать [ничтожно мало – только] одну овцу». Яли сказал [в ответ]: «Если есть у народа – есть у меня. Ежели за все взыскивать по-вашему, то как жить простому народу?!» – и не согласился [с ними].

В 6-й луне хан Тянь-цзо командировал посла [со свидетельством, согласно которому] был объявлен почетный титул правителя государства Ся Ли Цянь-шуня – «хан государства Ся».

В 9-й луне Елюй Даши вернулся из государства Айсинь.

В 10-й луне хан Тянь-цзо снова [пошел] на север, переправился через реку Хуанхэ, пришел и поселился в [местах, принадлежащих] племени, которое стремилось к соблюдению законности[958].

В той же луне умер Лян-ван Яли, и Елюй Чжуле[959] унаследовал престол.

В 4-й год [эры правления] Бао-да (1124 г.), в 1-й луне, когда хан Тянь-цзо пришел к войскам *дутуна* Маго, айсиньские войска пришли сражаться [с ним], и хан Тянь-цзо покинул [военный] лагерь и бежал на север. Маго был захвачен айсиньскими войсками. Могоси (Могоши? Могусы?) [с почестями] встретил хана Тянь-цзо, поднес верблюдов, лошадей, овец и вместе с людьми своих племен стал охранять хана. [Следует сказать, что] в то
11 время // сопровождавшие хана Тянь-цзо люди несколько дней были отрезаны [в пути от человеческого жилья и] продовольствия и пришли к племенам *уго* и *диле*, чтобы снять с себя платье, обменять [его] на овец и питаться [их мясом]. После этого хан Тянь-цзо амбаню по имени Сяо Исе поручил дела верховного военного управления при северном министерстве, а Могоси (Могоши? Могусы?) пожаловал патент и объявил Шэньюйюэваном[960] – [«дýхами встреченным и приглашенным князем»].

---

* Слова *шэнь ли* означают: «дýхами поставленный».

В той же луне даляоский амбань по имени Тэмуго принял подданство государства Айсинь.

В 5-й луне айсиньские войска переселили на восток [захваченные в плен] семьи области Янь, и город Яньцзин (Южная столица) опустел. Люди государства Айсинь поклялись отдать династии Сун области Шочжоу, Чуньчжоу[961], Ичжоу, Таньчжоу, Цзиньчжоу и Цзичжоу.

[Следует сказать, что] когда даляоский *цзайсян* Цзо Ци-гун[962] принял подданство государства Айсинь и [вместе] с Кан Гун-би, Цао Юн-и, Юй Чжун-вэнем и другими [собрал захваченные в плен семьи области Янь] для переселения всех на восток [через область Пинчжоу], то жители земель Янь, [насильно] разлученные[963] в пути [друг от друга, от своих родных и близких], очень страдали. [Некоторые из них], попав в города [области] Пинчжоу, [тайно передавали жалобы] Чжан Цзюэ: «*Цзайсян* Цзо Ци-гун не думает об обороне земель Янь и разлучает нас [в пути. Мы] остались без всего, что ни есть[964]. Гун, когда ты вблизи своего местожительства соберешь «твердое войско» и выполнишь [долг] верности государству Да Ляо, то непременно получишь обратно прежние земли, [и мы вернемся в родные места]. Гун, сердца всех людей возлагают на тебя надежды». Из-за этих жалоб Чжан Цзюэ собрал на общий совет всех командующих, и все они высказались: «Нам по слухам известно, что войска хана Тянь-цзо, снова усилившись[965], поднялись с мест и появлялись [в местах, лежащих] к югу от мирных, тихих[966] областей. // Гун, если [ты], соблюдая долг [верности], отправишься к хану Тянь-цзо 12
для оказания ему помощи и хочешь содействовать [его] возвышению [и восстановлению на престоле], то прежде всего убей изменников такого рода, как Цзо Ци-гун! Когда возвратишь совершенно весь народ области Янь на его родину и вместе с людьми [области] Пинчжоу признаешь зависимость от династии Сун, то династия Сун не из тех, что не станет принимать [в свое подданство]. Наши пинчжоуские города сразу же станут пограничными городами. Далее, когда в последующие дни айсиньские войска придут для нападения, используем-ка войска [гор] Пиншань, если [бой] будет внутри [области]! Если вне [области], то на помощь придут сунские войска. Когда так будет, чего нам опасаться?». Чжан Цзюэ ответил: «Это дело важное. Нельзя поверхностно [и поспешно] решать [его]. Ли Ши, ученый из числа выдающихся литераторов, – мудрый и притом чрезвычайно хитрый[967]. Сходим за ним и посоветуемся!». Сказав [так], велел сходить за Ли Ши. Когда [тот] прибыл [и Чжан Цзюэ посоветовался с ним], то Ли Ши присоединился к мнению всех командующих[968]. После этого Чжан Цзюэ дал своему амбаню по имени Чжан Цянь пятьсот всадников и отправил[969] пригласить в гости Цзо Ци-гуна, Цао Юн-и, Юй Чжун-вэня, Кан Гун-би и других. Когда [они] прибыли на западный берег реки Луань-хэ[970], [к ним] отправили амбаня по имени Чжао Нэн[971], [который] на основании [подробного] расследования их дела сказал: «Когда хан Тянь-цзо вошел в горы Цзяшань, вы не сходили за ним сразу же – это первое преступление. Подстрекали Циньго-вана [Елюй Чуня], младшего брата ханского отца, и поставили [его] ханом – это второе [преступление]. Унизив отца-повелителя, // низложили и объявили Сянъинь-ваном – это третье [пре- 13
ступление]. Убили отправленного ханом Тянь-цзо и пришедшего [к вам] для обсуждения дел на общем совете человека по имени Ван Ю-цин – это четвертое [преступление]. По прибытии приказа от хана Тянь-цзо [о наборе воинов] хотели сходить за Цинь-ваном и возвести [его на престол], а хана Тянь-цзо взять [с помощью] войск – это пятое [преступление]. Не обсудили на общем совете меры по защите области Янь и признали зависимость от государства Айсинь – это шестое [преступление]. Не думаете о великом долге [верности] и показываете усердие государству Айсинь – это седьмое [преступление]. Выскребли [все] богатство области Янь, [чтобы] доставить радость людям государства Айсинь [и добиться их расположения], – это восьмое преступление. Переселили жителей области Янь, [которые], бросая родину, [лишились всего имущества и жилищ], – это девятое [преступление]. Побуждали людей государства Айсинь: "Поднимите войска и возьмите прежде [всего область] Пинчжоу!" – это десятое [преступление]. Мало убить вас за эти десять преступлений![972]». В ответ на эти слова амбаням такого рода, как Цзо Ци-гун, нечего было сказать, и все они были убиты. [Этот год Чжан Цзюэ] по-прежнему называл 3-м годом [эры правления] Бао-да (1123 г.). Чжан Цзюэ нарисовал портрет хана Тянь-цзо, вечерами и утрами приходил к нему на свидание, а когда бывали дела, то непременно [сначала] сообщал [о них] портрету и [лишь потом] приводил к исполнение. По-прежнему распределял[973] чиновничьи [должности] по образцам государства Да Ляо.

В 6-й луне Чжан Цзюэ отдал приказ[974]: «Любой человек области Янь, возвращайся на свою родину!». Когда народ области Янь смог вернуться в [свои родные] места, то [все] чрезвычайно радовались. Человек по имени Гао Дан отправился в [область] Яньшань[фу][975] и сказал сунскому амбаню по имени Ван Ань-чжун[976]: «В пин- 14
чжоуских городах // есть свыше десяти тысяч латников. Чжан Цзюэ обладает гражданскими и военными дарованиями. Его нужно сделать щитом [государства Сун]. В противном случае у тебя будут затруднения». Ван Ань-чжун признал его слова справедливыми. Чжан Цзюэ снова командировал Ли Ши вместе с Гао Даном в государство Сун, после чего сунский хан двум своим войсковым командирам – амбаням по именам Ван Ань-чжун и Чжань Ду – вручил указ, в котором говорилось: «Оказывая щедрое благодеяние жителям Пинчжоу[977],

как можно лучше сострадайте [им]! На три года освободите [от взимания] пошлин и прямых податей!». Услышав об этом, Чжан Цзюэ обрадовался и сказал, что [предпринимаемые меры] соответствуют его планам.

В 7-й луне, когда айсиньские войска стояли лагерем в городах [области] Лайчжоу, айсиньский амбань по имени Думу[978] услышал, что пинчжоуские города признали зависимость от государства Сун, взял три тысячи всадников и отправился расспросить Чжан Цзюэ о причине [происходящего]. Когда первым вошел в город Инчжоу, то Чжан Цзюэ взял более десяти тысяч хороших воинов, вступил в сражение с войском айсиньского [амбаня] Думу и одержал победу.

Династия Сун изменила название области Пинчжоу на Тайнинцзюнь («военный округ Тайнин»)[979], назначила Чжан Цзюэ [на должность] *цзедуши*, а Ли Ши и Гао Дана – [на должности] чиновников высшего разряда[980]. Далее, свертывающим [в куски] и связывающим [в тюки] шелк[981] чиновникам было приказано вынести [со складов департамента] несколько десятков тысяч [кусков] серебра и шелка и прийти [с этими дарами] в город Пинчжоу, чтобы наградить [Чжан Цзюэ. Узнав про то], обрадованный Чжан Цзюэ [выехал] встретить [сунских чиновников] вдали [от города]. Услышав об этом, люди государства Айсинь немедленно вывели войска, пришли для нападения
15 [на Пинчжоу и заняли город]. Чжан Цзюэ, [обратный путь которому] был отрезан, // не смог вернуться в Пинчжоу и бежал к [области] Яньшань[фу][982]. Айсиньские войска заняли три области и командировали человека к Ван Ань-чжуну со словами: «Схвати и выдай Чжан Цзюэ!», – но Ван Ань-чжун спрятал Чжан Цзюэ [в потайном месте] и не выдал [его]. Когда люди государства Айсинь снова стали принуждать: «Выдай [Чжан Цзюэ]!», – то Ван Ань-чжун убил одного [своего], похожего на Чжан Цзюэ, родственника и прислал [им его голову]. Но *айсиньцы* сказали: «Это не Чжан Цзюэ», – и пришли с войсками, поэтому Ван Ань-чжун, находясь в отчаянном положении, убил Чжан Цзюэ, отрезал [его] голову и прислал айсиньским войскам.

[Осенью] хан Тянь-цзо, к которому прибыли войска *линья* Елюй Даши и который получил войска шивэйского [вождя] Цигэши[983], сказал, что ему помогает Небо, и снова вознамерился обсудить на общем совете [план военных действий], вывести войска и взять области Янь и Юнь[984]. Елюй Даши, отговаривая [от этого намерения], сказал: «Когда в начале [войны] айсиньские войска заняли Чанчунь и Ляоян, ты, хан, [уже] не мог пойти в Гуанпиндянь – [в зимнее *набо*], а пошел и поселился в Средней столице. Затем, когда айсиньские войска заняли Верхнюю столицу, хан пошел и поселился в горах Яньшань[985]. Далее, когда была захвачена Средняя столица, хан пошел в [область] Юньчжун, [а после потери области Юньчжун] переселился в горы Цзяшань. Прежде, во времена целости [и сохранности] войск[986], на общем совете не обсуждались [вопросы] о нападении и обороне. Ныне же все земли захвачены государством Айсинь, а силы [нашего] государства стали такими [ничтожными, поэтому] желание воевать не является хорошим планом. Следует упражнять[987] войска, дождаться
16 [благоприятного] момента и [лишь тогда] двинуться с мест! Нельзя легкомысленно поднимать войска!». // Но хан Тянь-цзо не принял его слова, поэтому Елюй Даши убил амбаней, которые разными способами разрушали мощь и национальные интересы[988] [государства Да Ляо], и сразу же изменил хану Тянь-цзо. Елюй Даши самовольно стал ваном, назначил [своих] чиновников Севера и Юга и вместе с подчиненными ему людьми отправился на запад. Хан Тянь-цзо, взяв все войска, вышел из[989] гор Цзяшань, спустился с перевала Юйян[лин], занял четыре области, называемые Тяньдэ, Дуншэн[990], Нинбянь, Юньнэй, а также занял [позднее] южную [область] Ючжоу. Хан Тянь-цзо встретился с айсиньскими войсками западнее спокойной древней реки[991] и вступил в сражение. В [его] войсках поднялась паника, [и они разбежались]. Хан Тянь-цзо снова бежал в [спасительную] тень гор[992] [Цзяшань].

В 8-й луне двое даляоских амбаней по именам Сяо Табое и Чала[993] приняли подданство государства Айсинь.

В той же луне умер айсиньский хан Агуда. Был в возрасте 56 лет. На троне сидел 9 лет. Младший блат [Агуды по имени] Уцимай[994] вслед за ним взошел [на престол].

В 9-й луне жители городов [области] Цзяньчжоу приняли подданство государства Айсинь.

В 10-й луне хан Тянь-цзо взял в жены спокойную, отважную северную[995] женщину – жену человека по имени Ого из племени, которое стремилось к соблюдению законности[996], [за что] Ого был назначен [на должность] *цзедуши*. Даляоский амбань [из тех], кто заботился и конвоировал [хана][997], взял многих [людей] и принял подданство государства Айсинь. Айсиньские войска осадили и склонили к сдаче города [области] Синчжунфу.

В 5-й год [эры правления] Бао-да (1125 г.), в 1-й луне, правитель народа *дансян* Сяохулу[998] командировал
17 посла, пришедшего к хану Тянь-цзо со словами: «Приди в его страну!». Когда после этого хан Тянь-цзо, // направляясь к городу [округа] Тяньдэ, начал проходить Пустыню[999], то неожиданно пришли айсиньские войска, и хан Тянь-цзо, потерпев поражение, бежал пешком. Сопровождавшие [его] люди подносили расшитые жемчугом шапки, но хан не надевал [их]. Хан [вынужден был] сесть на выросшую [на его глазах и потому] признавшую [его] злую верховую лошадь[1000] и бежал в направлении города [округа] Тяньдэ. Шел снег, [всего] того, что защищает от холода, не было, и амбань по имени Чжучжэ надел на [голову] хана свою соболью шапку.

В пути не было еды, и Чжучжэ кормил хана своими [питьем из воды, смешанной с] *муси* – [поджаренной мукой] и *сори* – [жертвенными хлебами]. Когда хан хотел спать, Чжучжэ, стоя на коленях [или] сидя, убаюкивал хана. Люди такого рода, как Чжучжэ, из-за голода ели лед и снег. Когда прошли мимо города [округа] Тяньдэ и ночью, желая отдохнуть, пришли в дом одного простолюдина, обманно называя [себя] пикетчиками, то хозяин дома узнал [хана], стал на колени перед [его] конем и сильно зарыдал. Тайно скрываясь в том доме, хан прожил [в нем] несколько дней. Высказывая похвалу хозяину дома за преданность, пожаловал [должность] *цзедуши*. От него хан Тянь-цзо отправился к народу *дансян*. Сяохулу, вождя [этого] народа, назначил [на должность] *цзедуши* и [на должность] начальника // общевойсковых дел[1001]. 18

Во 2-й луне хан Тянь-цзо направился на восток от подведомственного [области] Инчжоу города Синьчэн и в конце шестидесятой *ли*[1002] был взят в плен амбанем по имени Лоусу[1003] из айсиньского [племени] *ваньянь*.

В 8-й луне хан Тянь-цзо дошел до мест государства Айсинь, и айсиньский хан низложил [его] и объявил Хайбинь-ваном – [«князем морского побережья»]. Хан Тянь-цзо [через год] заболел и умер. Был в возрасте 54 лет. На троне сидел 24 года. После сего – государство Айсинь.

В 1-й год [эры правления] Хуан-тун (1140 г.), [установленной айсиньскими ханом Си-цзуном, который был внуком Агуды, во 2-й луне], хан Тянь-цзо был посмертно возведен в достоинство Юй-вана.

В 5-й год [эры правления Хуан-тун (в 1144 г.)] останки [хана Тянь-цзо] были перенесены и [пере]захоронены в зеленом солнечном уезде[1004], что [расположен] у города обширной спокойной области[1005].

ТЕТРАДЬ VIII

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Елюй Даши – [основатель] династии Си Ляо – [носил] почетное имя Сун-дэ[1006] и [был] потомком хана Тай-цзу Абаоцзи в восьмом колене. [Был] знатоком даляоской, китайской литературы и всего прочего, искусным в пешей и конной стрельбе из лука. В 5-й год [эры правления] Тянь-цин (1115 г.) получил [ученую степень] *цзиньши* и был назначен чиновником ученой палаты (*ханьлинь*).

В 4-й год [эры правления] Бао-да (1124 г.), в 7-й луне, Елюй Даши удерживал хана Тянь-цзо [от выступления, но хан] не принял [его] слова. Поэтому Елюй Даши, страдая сердцем, сразу же убил [амбаней], которые разными способами разрушали мощь и национальные интересы[1007] [государства Да Ляо], взял двести всадников и ночью бежал. Шел на север три дня, прошел мимо реки Хэйшуй[1008] и встретился // с *чанвэнем* Суангуэром[1009] – вождем племени *бай дада* (белые татары)[1010], после чего Суангуэр поднес [ему] сорок лошадей, двадцать верблюдов и двадцать овец. От него Елюй Даши отправился [дальше], дошел до западных богатых поселков[1011] и городов и поселился [там]. В то время правители семи областей такого рода, как области Вэй и У, и князья четвертой степени (*бэйсэ*) восемнадцати племен такого рода, как племена *хуан*[*тоу*] *шивэй*, все пришли, чтобы встретиться [с ним], и Елюй Даши сказал: «Мой предок в [непрестанных] заботах [и трудах] положил начало державе, ханы [которой] правили девять поколений в течение двухсот лет. Государство Айсинь, будучи вначале нашим вассалом, наносило урон [величию и славе] царствующего дома, причиняло вред народу и, [наконец], отрезало [наши] земли. Хан Тянь-цзо покрылся прахом. Я, не имея ни дня, ни ночи, [не знаю покоя], у меня щемит сердце и болит голова. И ныне я, соблюдая долг [верности родине предков], хочу уйти на запад, [а затем], собрав силы всех племен, покарать враждебнейшего из врагов[1012] и отвоевать земли [наших отцов и дедов]. Все вы, не хотите ли вспомнить о моем царствующем доме, пострадать ради законности, проявить себя правителями-отцами и избавить народ от беды?». 19

На эти слова откликнулись сердца всех людей, и Елюй Даши приобрел более десятка тысяч хороших воинов. Назначил чиновников, приготовил запасы оружия. В следующий год, во 2-й луне, убил белую лошадь и серого быка и принес [их] в жертву [ду́хам] Неба, Земли, деда и отца. После этого привел в порядок войско. Перед уходом на запад написал письмо и отослал с человеком к Пилэго – князю (*бэйлэ*) из мусульманского древнего[1013] государства. В этом письме вот что было сказано: «Когда в древности мой предок хан Тай-цзу, // 20
отправившись в карательный поход на север, начал проходить мимо бедных городов разоренной страны[1014], [он] командировал посла [к коренному населению для переговоров об] отправке [на жительство] в города [области] Ганьчжоу и вот что сказал твоему предку, не имевшему [даже] подпорок для шатра[1015]: “Если ты [будешь с тоской] вспоминать о [своем] прежнем государстве, я возвращу тебя назад. Если ты [уверен, что] не возвратишься, я возьму эту страну. Жить у меня, по правде [говоря, – все] равно, что жить у себя”. Вследствие сказанного твой предок представил письмо с принесением благодарности и, перекочевав в [область] Ганьчжоу,

поселился [там]. Десять поколений [его потомков] и прочие говорили, что жить [в ней] войску и народу хорошо, а переселяться тяжело, поэтому назад и не перекочевали. Ваше и наше государства сделали добро, и это не на один день. А ныне я [только] хочу пройти через ваше государство и уйти на запад, в страну *дашы* (арабов)[1016]. Вы [в иных намерениях меня] не подозревайте!».

Пилэго, получив письмо, немедленно встретил Елюй Даши в ямыне почтовой станции и пировал [с ним в течение] трех дней. При отправлении в путь прислал в подарок шестьсот лошадей, сто верблюдов, три тысячи овец и еще напоследок сказал: «Посылаю заложниками детей и внуков». Выйдя на границу, [Елюй Даши] отослал [их к Пилэго]. После этого Елюй Даши в пути завоевывал тех, кто сопротивлялся [ему], и успокаивал тех, кто сдавался. Войско, пройдя десять тысяч *ли*, склонило к покорности несколько государств и захватило большое количество верблюдов, лошадей, крупного рогатого скота, овец и [различного] имущества. Мало-помалу [войско] становилось сильным[1017] [и храбрым]. Когда [оно] направилось к благоприятным – сырым и сухим[1018] – местностям, [его] встретило стотысячное войско всех государств западной стороны, носившее почетное название *Хо-эр-шань*[1019] – [«огонь и молния»]. Два войска стояли друг против друга на расстоянии в две *ли*. Елюй Даши, ободряя своих командиров и солдат, сказал: «Хотя вражеское войско и многочисленно, нет способа, //
21 да и невозможно в сражении [одновременно] наблюдать за головой и хвостом. Наше войско непременно победит». Амбани такого рода, как главные командиры[1020] Сяо Валила и Елюй Сунсань, взяли две тысячи пятьсот воинов и атаковали врага с правого фланга. Амбани такого рода, как Сяо Лаабу и Елюй Мусюэ, взяли две тысячи пятьсот воинов и атаковали врага с левого фланга. Сам он взял всех [остальных] и ударил по центру. В результате войско *Хо-эр-шань* [«огня и молнии»] было разбито, и [многие его воины] сложили [свои] головы[1021] на расстоянии нескольких десятков *ли*. Елюй Даши взял войско и поселился в благоприятных – сырых и сухих[1022] – местностях. По прошествии девяноста дней [к нему] пришел для вступления в подданство ван из мусульманского союзного (?) государства[1023] и предоставил в качестве дани [лучшие] местные произведения страны. Из этих мест Елюй Даши [снова] отправился в долгий путь. Когда, [наконец], пришел в западные пустые и дикие[1024] земли, все гражданские и военные чиновники поставили Елюй Даши ханом, и в год зеленого дракона, во 2-й луне, в 5-й день Елюй Даши взошел на престол. В то время ему было 38 лет. Все амбани [поднесли] Елюй Даши и объявили почетный титул «Гоэр-хан»[1025], а затем, [следуя] китайскому образцу, поднесли и объявили [почетный титул] «император Тянь-ю». Год был назван 1-м годом [эры правления] *Янь-цин** династии Си Ляо (Западная Ляо). [Посмертно] поднесли [его] деду и объявили почетный титул «император Цыюань»[1029], бабушке – «императрица Сюань-и». [Его] жене – главной наложнице[1030], урожденной Сяо, поднесли
22 и объявили почетный титул «императрица *Чжао-дэ*»**. После этого Елюй Даши сказал всем гражданским и военным // чиновникам: «Амбани, я вместе с вами проделал путь в тридцать тысяч *ли*, прошел через разные мелкие[1033] владения, тревожился утрами и вечерами и, [наконец], смог вступить на ханский престол [благодаря] благосклонности[1034] [духов] предков и вашей, амбани, силе. К [именам] ваших предков, за оказанные [их духами] благодеяния[1035], следует присоединить богатство и почет[1036]». Сказав, пожаловал [высокие] достоинства сорока девяти предкам людей, подобных Сяо Валила, принимая во внимание ступени [чинов и ученые степени].

В 3-й год [эры правления] Янь-цинь взял войска и отправился в обратный путь на восток. В пути находился двадцать дней. Нашел хорошее место и сразу же построил город. Этому городу дал название Хусыволудо[1037]. Изменил наименование эры правления Янь-цинь и назвал год 1-м годом [эры правления] *Кан-го**** [1038].

В 3-й луне амбаня по имени Сяо Валила назначил верховным главнокомандующим (*ду юаньшуай*), амбаня по имени Сяо Сала – [его] фланговым [командиром]; Елюй Яньсаня назначил главнокомандующим (*дубушу*), Елюй Тего – главным инспектором (*дуцзянь*) и дал [им] семьдесят тысяч всадников. Перед отправлением в карательный поход на восток убил серого быка и белую лошадь и принес [их] в жертву [духам] Неба. Подняв знамя, Елюй Даши поклялся перед всеми: «Тай-цзу и Тай-цзун – два хана нашей династии Да Ляо – в [непрестанных] заботах и трудах взрастили[1040] ханскую державу. Ханы, унаследовавшие и взошедшие [на престол] после них, предавались играм, [чувственным] наслаждениям и не думали о государственном управлении. А когда [так] бывает, то разбойники поднимаются, как пчелы, и Поднебесная разваливается на [мелкие] владе-

---

* *Гоэр-хан* – так величают хана северные люди из разных мелких[1026] владений. Слова *тянь ю* означают: «Небом приобретенный»[1027]; *янь цин* – «суровое и спокойное»[1028].

** Слова *цы юань* означают: «следующий первоначальный»; *сюань и* – «объявленная справедливой»[1031]; *чжао дэ* – «озаряющая добродетелями»[1032].

*** Слова *кан го* означают: «несущий [на плечах] государство»[1039].

Киданин, ведущий под уздцы коня. Фрагмент фрески из ляоской гробницы Байтанцзы (уезд Аохань, Внутренняя Монголия).

ния[1041]. То, что я взял вас и пришел сюда, [означает]: пришел с намерением [собрать силы всех племен, а затем] отвоевать великий престол и поднять [династию] из упадка [букв.: «со средины»]. [И потому] эти земли – не та страна, где будут жить и я с вами, [и наши потомки] из поколения // в поколение». Затем, поучая главнокомандующего [Сяо] Валила, сказал: «Ныне вы взяли войска и отправляетесь в путь. В походе [действуй самостоятельно]: награждай заслуживших награды и наказывай виновных! Будь заодно с воинами в сладости и горечи[1042]! Становись лагерем, выбрав [место] с хорошей водой и травой! Вступай в бой, смотря по положению дел противника! Своих собственных страданий ты [никому] не показывай!»[1043]. После окончания [напутствия] Валила и другие во главе войск отправились в поход. Пройдя свыше десяти тысяч *ли*, совершенно ничего не добыли, а лошадей и овец погибло много, поэтому с войсками возвратились назад. Елюй Даши сказал: «Высочайшее Небо не согласно [со мной] во мнениях. Счет этих [потерь] был предопределен судьбой[1044]», – и горько заплакал. 23

В 10-й год [эры правления] Кан-го Елюй Даши умер. На троне сидел двадцать лет. Его] храмовое имя – *Дэ-цзун**. [Его] сын Илей был маленьким, и, согласно словам завещания, управление государством императрица взяла на себя. Имя императрицы – Табуянь. Все амбани поднесли императрице и объявили почетный титул «императрица *Гань-тянь*», год был назван 1-м годом [эры правления] *Сянь-цин***. Императрица сидела на троне семь лет, после чего [ее] сын Илей, придя в совершенный возраст, вступил на престол, изменил наименование эры правления Сянь-цин и назвал год 1-м годом [эры правления] *Шоу-син**** [1045]. [Имена всех] простолюдинов старше восемнадцати лет были внесены в журнал. Оказалось восемьдесят четыре тысячи пятьсот семей [простого народа]. Илей // сидел на троне тринадцать лет и умер. [Его] храмовое имя – Жэнь-цзун. [Его] сын был маленький, и, согласно словам завещания-указа, управление государством взяла на себя Пусувань – младшая сестра [Илея, которая] изменила [наименование эры правления] и назвала год 1-м годом [эры правления] Цзун-фу. Все амбани [поднесли] Пусувань и объявили почетный титул «императрица Чэн-тянь». 24

Пусувань успокаивалась сердцем с [амбанем], устилавшим костями [воинов дороги] в бурных Песках[1046], – с младшим братом своего мужа Сяо Долобу. Представила мужа [к повышению в должности] и объявила Дунпин-ваном[1047]. Когда безо [всякой] причины поссорилась с мужем и убила [его, то ее] свекор [Сяо] Валила во главе воинов осадил дворец и застрелил из лука [свою невестку] Пусувань и [своего младшего сына], устилавшего костями [воинов дороги] в бурных Песках[1048]. Пусувань сидела на троне четырнадцать лет.

Цзилугу, второй сын Жэнь-цзуна [Илея], вступил на престол вслед за Пусувань, изменил наименование [эры правления] и назвал год 1-м годом [эры правления] *Тянь-си*****.

Осенью, на тридцать четвертом году пребывания на престоле, [Цзилугу] вышел на облавную охоту. Цюйчулюй, князь народа [*най*]*мань*[1049], захватил его [с помощью] восьми тысяч поставленных в засаде воинов и отнял трон. Цюйчулюй немедленно надел платье и шапку, [существовавшие] в государстве Да Ляо, и [самовольно] стал ханом. Поднес Цзилугу и объявил почетный титул «император Тай-шан», императрице [поднес и] объявил почетный титул «хуантайхоу». Утрами и вечерами расспрашивал о занятиях (букв.: «сидении-стоянии») и до [самого] конца почитал [их]. Со смертью Цзилугу государство Да Ляо[1050] окончило [свое] существование.

* * *

Девять ханов [династии] Да Ляо правили двести девятнадцать лет.

Пять ханов[1051] [династии] Си Ляо правили восемьдесят восемь лет.

Итого, четырнадцать ханов [династий] Да Ляо и Си Ляо [правили] триста семь лет.

* * *

// По установленному [в древности] правилу[1052], чиновники государства Да Ляо распределены по северным и южным министерствам. 25

Северные министерства ведают делами, [связанными с содержанием] дворцов (*гун*), залов (*дянь*), шатров, монгольских юрт; делами [киданьских] родов и племен; делами входящих в состав [государства Да Ляо варварских] народов[1053].

Южные министерства управляют делами, [связанными с] китайцами; делами областей (*чжоу*) и уездов (*сянь*); делами, [связанными со сбором] пошлин и податей, [содержанием] войск и лошадей.

---

* Слова *дэ цзун* означают: «добродетельный предок».

** Слова *гань тянь* означают: «растрогавшая Небо»; *сянь цин* – «ясное и чистое».

*** Слова *шоу син* означают: «принявший и поднявший [государство на свои плечи]».

**** Слова *тянь си* означают: «Небесное благословение».

Шумиши[1054] (председатель верховного военного совета) при северных министерствах контролирует дела Военного министерства.

Два [великих] вана северных и южных министерств контролируют дела Министерства финансов.

Илиби контролирует дела Министерства юстиции.

Сюаньхуэйши[1055] (объявляющий на заседаниях о делах) контролирует деятельность Строительного министерства, [ответственного за производство казенных работ].

Дилемаду контролирует дела Министерства обрядов.

Цзайсяны северных и южных министерств управляют совместно: [обсуждая и решая дела на общем совете].

Тиинь ведает делами царского рода.

Линья исправляет сочинения [учащихся и оценивает их].

Юйюэ сидит и рассуждает.

* * *

26а // Территория, [занимаемая] государством Да Ляо, составляет десять тысяч *ли* и на востоке [доходит] до Восточного моря, на западе – до горы Цзиньшань, на севере – до реки Лугоухэ[1056], на юге – до мест [у реки] Байгоу[1057]. В пяти столицах государства Да Ляо всего 1 107 300 податных мужчин.

[Места] поселения войск: 156 городов и 209 уездов.

Всего народов, признавших зависимость от государства Да Ляо, – 59, а сколько предоставляют дань – не измерено.

Когда начинаются военные действия, войска вызываются командированными [ханом] посланцами.

Когда [какой-либо народ] не следует указу государя: «Веди войну по своей воле!», – то этот народ усмиряют оружием.

[Сколько требуется] вспомогательных[1058] войск – много ли, мало ли – [посланцы хана] не говорят, [а только] наблюдают за сбором[1059] [воинов]. Число не назначается.

* * *

28б *Пять столиц государства Да Ляо.*

Верхняя столица находится севернее Кайюаня и южнее реки Хуаншуй.

Восточная столица – ныне это [просто] участок земли на Ляодуне.

Средняя столица с [самого] начала подведомственна Цзичжоу и находится севернее [уезда] Синьаньпин в девяноста *ли* от города Яньцзин.

Южная столица – это нынешний Бэйцзин.

Западная столица – это нынешний Датун.

Законы организации войск государства Да Ляо

Все население [в возрасте] от пятнадцати до пятидесяти лет занесено в военные списки.

У каждого конного гвардейца есть три лошади, один латник для косьбы травы и хлебных всходов и один латник для охраны в пути.

Все надевают латы. Седло, чепрак, латы для коня каждый изготавливает сам, исходя из средств и [рабочей] силы дома, а также каждый запасает сам четыре лука, четыреста стрел, длинное и короткое копья, *гудо* (булаву́),
29 дубинку, топор, *юэ* (?)[1060], молоток, шило, огниво, кремень, // один *доу*[1061] сечки для лошадей, одну пару переметных сум с *муси* – [поджаренной на масле мукой для приготовления калорийного питья-похлебки] – и двести *чи*[1062] пеньковой веревки для связывания лошадей.

Съестные припасы для людей, фураж (*ляо*) для лошадей из казенных [складов] не выдаются. [Вместо этого] каждый день на все четыре стороны [посылаются] конные воины-[фуражиры под предлогом] косьбы травы и хлебных всходов и добывают [для них] пропитание [путем] грабежа.

Когда войска вызываются [из других мест, то используются] отлитые из золота печати в форме рыбок, [разделенные на две части][1063]. Когда издается указ о доставке лошадей, то [ханские посланцы берут с собой] изготовленные из серебра ярлыки (*пай*)[1064], [число которых] двести [штук].

Далеко от мест, где войска располагаются лагерем, выставляют караулы, [которые] ночью прислушиваются к [слабым, издаваемым] неприятелем звукам.

Когда каждое войско [готово] тронуться в путь, хан вместе со всеми гражданскими и военными чиновниками убивает черного[1065] быка и белую лошадь и приносит [их] в жертву [духам] Неба, Земли, Солнца, сообщая всем [этим] духам [о начале военных действий]. Только Луне не приносит жертвы. Каждого из приближенных

амбаней отправляет [доложить о начале войны и] принести жертвы в храме Тай-цзу [духам предков, духам покойных императоров] у их гробниц, [а также] духу горы Муешань.

При вызове войск из всех губерний только северный и южный князья, князь [племени] *си*, бохайские войска в Восточной столице и войска военного инспектора (*тунцзюня*) в городе Яньцзин неосмотрительно не выступают в поход[1066], хотя и [есть на то] ханский указ, и непременно извещают [об этом] хана. Хан посылает [к ним] крупных военачальников с половинками золотых печатей, и войска отправляются в поход только после того, как [находившиеся у этих правителей половинки печатей плотно] соединялись [по излому с прибывшими половинками, так что получались тела рыбок].

Сначала после получения указа государя [о наборе] воины сосредоточиваются [в определенных местах]; рассматривается имущественное положение[1067] [их семей]; проверяются списки [имен, делается перекличка воинов; все] ждут [прибытия ханских посланцев. В это время командиры, начиная] от начальников десятков, проверяют один следом за другим оружие воинов. [И лишь] по прибытии [других половинок] половинчатых печатей каждый правитель [перечисленных районов, удостоверившись в подлинности ханского указа], берет [вверенные ему войска] и выступает в поход.

Прибывшим [ханским] посланцам поручений не дается. Посланцы осматривают войска только вместе с [местными] войсковыми командирами и докладывают [обо всем] хану.

Смотря по количеству воинов, хан также посылает других амбаней, // [и они] присоединяются к [местным] 30
войсковым командирам и управляют вместе [с ними]. Войсковые командиры испрашивают особого ханского разрешения и получают знамена пяти цветов, втыкаемые за спиной малые знамена и барабаны.

После этого хан лично проверяет командующих войсками, а также [из числа] заслуженных амбаней назначает в войска по одному главноуправляющему *дутуну*, по одному фланговому *дутуну* и по одному главному инспектору (*дуцзяню*). Затем из числа всех войск выбирает тридцать тысяч самых отборных[1068] [воинов, которые] становятся личным ханским заслоном, три тысячи храбрецов, [которые] становятся передовыми отрядами (*сяньфэнами*), и еще свыше сотни удальцов, [которые] посылаются вперед для дальней разведки[1069]. В каждый из всех этих [отрядов хан] назначает командира, [который] подчиняется [только ему?]. Далее, из числа всех войск, в зависимости от [их] численности[1070], отбирают из каждого племени хотя бы десять человек, хотя бы пять человек, составляют [из них] один отряд и назначают особого командира для управления [им. Этот отряд] посылается для вызова[1071] войск отовсюду и для устной передачи во всех направлениях[1072] [распоряжений] и сведений [о враге].

Когда войска [готовы] к представлению на смотр[1073], то [их] осматривают в местах [у озера] Юаньянпо[1074], [расположенного] в тысяче *ли* севернее города Южоу. Когда войска [готовы] отправиться [в поход], то двигаются по желанию по дорогам через проходы Цзюйюнгуань, Баймакоу, Губэйкоу, Аньдамакоу[1075], Сунтингуань, Юйгуань [и Цаовангу]. Далее, когда приходят к границам [областей] Пинчжоу и Ючжоу, то [хан] рассылает гонцов одного за другим[1076] с приказом войскам уходить [оттуда] быстрее[1077], не задерживаясь долго [на месте из-за опасения]: «Как бы не были вытоптаны хлеба». Выступление [в поход бывает не позднее] 9-й луны, а возвращение [из похода – не позднее] 12-й луны. На дорогах не должны встречаться *хэшаны*, *даосы* и люди в траурных одеждах.

Когда хан лично ведет карательную войну, то оставляет в городе Ючжоу одного из князей-родственников[1078], [которому] велит управлять важными[1079] государственными и военными делами.

Когда войска входят в пределы Китая, то распределяются по трем дорогам и наступают через округ // Гуан- 31
синьцзюнь и области Сюн[1080] и Ба. Хан непременно находится на средней дороге, главноуправляющий *дутун* с ханским гвардейским конвоем следуют за ханом. Когда войскам трех направлений [попадается на их пути] маленький город, то сразу же нападают [на него]. Если же крупный областной город, то сначала выясняют, [где] правда, [где] ложь [в сведениях] о нем, и когда возможность нападения становилась реальной[1081], то войска одно за другим вступают в бой. Дома, дворовые [постройки], сады, посаженные [тутовые] деревья жившего вдоль дорог населения непременно сжигаются.

При приближении к Северной столице династии Сун войска трех направлений соединяются в одном месте и обсуждают [вопросы, связанные с] нападением и приобретением [военной добычи]. При отступлении [действуют] точно так же [или] похоже на это.

Все передовые отряды (*сяньфэны*) находятся впереди, сзади, справа, слева от войск трех направлений. Собирающие вести вдали [от войск] пикетчики – [так называемые отряды *ланьцзы*], – по десятку с лишком [человек в каждом отряде, находятся] на всех четырех сторонах передовых отрядов и идут [возле них] на расстоянии более двадцати *ли*. Все надевают латы и шлемы и отправляются в полночь, чтобы приблизиться [к противнику] хотя бы на десять или пять *ли*. Останавливаются на короткое время, затем сходят с коней и прислушиваются: [есть ли издаваемые] врагами звуки. Когда [слышны] звуки [небольшого вражеского отряда], то немедленно

захватывают [его]. Если [по звукам] становилась ясной[1082] недостаточность [их] сил перед [силами] врагов, то сообщают [об этом] передовому отряду, и все сообща нападают [на них]. В случае, если [встречалось] крупное войско, командир воинов-[пикетчиков] посылает [вестового] сообщить [об этом самому] главнокомандующему. Таким образом, находясь в [постоянном] движении, непременно узнают, [где] правда, [где] ложь в сведениях о секретных [планах][1083] врага.

Когда стоявшие на пути движения войск города, приняв меры предосторожности, упорно обороняются, и [на них] невозможно напасть, то войска проводятся мимо. Когда опасаются, что враг выйдет из города и преградит путь, то город окружают и создают видимость нападения: стреляют из луков, бьют в барабаны, кричат.
32 После чего враг закрывает городские ворота [и принимает меры] к упорной обороне, [так что] путь на юг // не бывает отрезан, и войска свободно уходят [дальше] внутрь [вражеских земель].

Затем выделяются войска [для того, чтобы, скрытно передвигаясь] по тропинкам, перерезать пути подхода врага и, изолировав и не пропустив [для соединения] войска разных городов, сделать невозможным прибытие войск на помощь [друг другу][1084]. Из опасения, что войска всяких крупных и мелких городов, мимо которых проходили [даляоские войска], вечером выйдут из города и придут для нападения [или], договорившись, соединятся в одном месте с воинами и лошадьми из ближайших городов, ночью к каждому городу отправляют по сотне всадников, одетых в латы и шлемы, с оружием в руках, [которые], не сходя с коней, проводят время в долгом ожидании в сотне шагов по обе стороны от городских ворот. Если вражеские войска выходят, а сил [для боя] недостаточно, то скачут [обратно], собирают войска и вступают в сражение с противником. Когда по обеим сторонам [войск] находятся большие дороги, тропы, горные дороги и речные переправы, то в полночь от всех войск высылаются [воины] для обхода дозором и охраны [этих объектов].

Далее, каждый из всех людей, [про которых говорится]: «Заготавливают хлеб [для воинов] и траву [для лошадей]», – одет в латы и шлем и вооружен. [Из них] составляют полки[1085]. Сначала [они] непременно вырубают посаженные в садах и дворах деревья, а затем отправляются на грабеж. Стариков и детей из [числа] захваченных во время грабежа пленных заставляют переносить землю и [срубленные] деревья и засыпать [ими] рвы и канавы [у городских стен]. Во время штурма городов пленников непременно заставляют первыми подниматься [на стены, так что] стрелы, камни и [сбрасываемые защитниками города] обрубки деревьев причиняют вред только этим [старикам и детям].

Кроме того, десять тысяч китайских воинов, живших в областях и уездах государства Да Ляо, следуют за войсками исключительно [для того, чтобы] вырубать садовые деревья и выравнивать дороги подсыпкой земли[1086].

Когда строят ханский лагерь и лагеря для всех войск, то [при сооружении частокола] используются только
33 шелковица, груша и каштан. Когда войска уходят, // [деревья] сжигаются.

Если войска противника построены в боевые ряды, то рассматриваются [расположение и] величина этих боевых рядов; местоположение гор и рек; назад и вперед ведущие дороги, кратчайшие пути прибытия [других] войск на помощь; места, из которых перевозится и куда доставляется провиант. Все [пути врага] перерезаются. И только тогда напротив всех четырех сторон вражеских позиций выстраиваются всадники, соединенные в отряды[1087]. В одном отряде – шесть-семь сотен [человек]. Десять отрядов называют одним *дао*. В одном *дао* – шесть-семь тысяч [человек]. Войско из десяти *дао*, [насчитывающее шестьдесят-семьдесят тысяч человек], берет на себя одну из сторон[1088] [неприятельских позиций]. У всех этих войсковых [подразделений, расположенных напротив] четырех сторон [исходных позиций врага], есть [свои] командиры и командующие.

Из каждого [*дао*] скачет стоящий впереди[1089] отряд и с громкими криками врезается в ряды неприятеля. В случае удачи наступают все вместе прочие отряды. В случае неудачи [первый] вступивший в схватку отряд возвращается, и после него в наступление идет второй[1090] отряд. Отступившие воины дают отдых коням, а сами садятся, чтобы выпить [питье из воды] с *муси* – [поджаренной на масле мукой]. Отряды других сторон все [действуют] подобно этому: чередуют наступления и отступления[1091]. Если вражеский строй непоколебим, то так – с напряжением [всех] сил – не сражаются, а делают две-три дневки (суточных отдыха) и ждут упадка [боевого духа] и усталости врага [от напряженного, томительного ожидания атаки].

Затем «заготавливающим хлеб и траву» воинам приказывают привязать к хвостам лошадей по две метлы и скакать взад-вперед с наветренной стороны, чтобы поднимаемая пыль [шла] на боевые ряды противника. [Находившиеся] в строю враги, [уже] ослабевшие от голода [и томительного ожидания], сверх того[1092], не могут открыть глаза и, таким образом, бывают побеждены.

Если, [например], на южной [стороне] одолевают [противника], а на северной проигрывают [сражение, причем] находящийся в центре [главный] командир войск совсем ничего не знает[1093] [об этом], то [в качестве оповещающих звуковых сигналов используются названия] гор и рек, [расположенных на всех] четырех сторо-

нах их страны. [Эти названия и то, что они] обозначают, было приказано запомнить, чтобы [с их помощью] оповещать о победах и поражениях и чтобы [войска] смогли прийти на помощь друг другу[1094].

Когда хан не принимает личного участия в карательном походе, то войска принимает старший в династии // амбань и уходит [воевать. Численность] отправляющихся [в поход] войск – не менее ста пятидесяти тысяч [34] [человек]. Войска трех направлений и при выступлении, и при возвращении встречаются все у Северной столицы [династии Сун и так далее, то есть] все походные дела войск [совершаются] во всех подробностях по этому [вышеизложенному] образцу.

Когда весной, в 1-й луне, и осенью, в 9-й луне, не посылается *дутун* [в качестве] командующего войсками, то посылаются только шестьдесят тысяч всадников, [которые] не вторгаются далеко вглубь вражеских земель, не осаждают города, не рубят лесные деревья, а только в пределах трехсот *ли* от границы захватывают охраняемый [на пастбищах] скот и не дают заниматься земледелием и взращиванием скота.

Далее, когда войска вторгаются в китайские пограничные [земли], то пехота, конница и телеги двигаются, не сворачивая с дороги, хотя [на их пути] и попадаются пахотные борозды. Один из командующих трех направлений берет всадников-пикетчиков, по десять тысяч [с каждого направления], и отдает приказ: действовать [не группами, а] каждому самостоятельно и, сменяя друг друга, вести круговую разведку[1095] на расстоянии в сто *ли* [от основных войск]. С наступлением сумерек басовыми медными трубами подаются [условные] знакомые (букв.: «запомнившиеся») сигналы, после чего все войска сразу же располагаются кольцом вокруг ханской стоянки (*татань*). У [сломанных] внутри и вне [войскового привала] деревьев сгибают верхушки в дугу, наподобие луков, [и делают из них будки]. Построенный [таким образом] лагерь рвами и изгородями не укрепляют. Далее, когда войскам [следует] отправляться в путь, то трижды бьют в барабан, после чего, не делая различия – ночь ли это, день ли – все войска [слаженно и] одновременно выступают в поход. До встречи с крупными вражескими [войсками] не ездят на [боевых] конях, на которых [перед сражением] надевают латы. Только тогда садятся на [одетых в латы, оседланных] коней, когда враг близко.

Если враг успел построиться в боевой порядок, не вступают в сражение. Если враг отступает, преследуют [его]. Воины часто скрываются в засаде. Перерезают пути [подвоза] провианта противника. Ночью обычно разводят огонь. Привязанные к хвостам лошадей [ветки] деревьев [при этом] подтаскиваются с наветренной стороны. Сушеный дорожный провиант[1096] для похода заготавливают сами. Рассеявшиеся в разные стороны воины // снова соединяются. В сражениях искусны, на холод не обращают внимания. И потому войска из этих [35] [воинов] сильны [и непоколебимы]!

* * *

Девять ханов Северной [династии] Сун и девять ханов Южной [династии] Сун правили триста двадцать лет.

Девять ханов [династии] Айсинь правили сто девятнадцать лет.

Четырнадцать ханов [династии] Да Юань правили сто шестьдесят два года.

КОММЕНТАРИИ

[1] Почетный титул маньчжурского государя Тай-цзуна (Абахая, сына Нурхаци), принятый им в 1636 г. Здесь и далее в летописи затекстовые примечания переводчика помечены порядковым номером (*Ред.*).

[2] «Высокоодаренный» – девиз правления маньчжурского государя Тай-цзуна. Правление охватывает 1636–1643 гг. По-кит. Чун-дэ (накопленная благая сила «дэ»). См.: Кычанов Е. И. Абахай. – Новосибирск, 1986. – С. 94.

[3] «Благоприятное правление» (по-кит. *Шунь-чжи*) – девиз правления маньчжурского государя Ши-цзу. Правление охватывает 1644–1661 гг. Также переводится как «покорное [Небу] правление». См.: *Пу Сунлин*. Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных. – М., 1988. – С. 531.

[4] Маньчжурские названия *Дайляо гуруни судури* (*Dailiyoo gurun-i suduri*), *Айсинь гуруни судури* (*Aisin gurun-i suduri*) и *Дай Юань гуруни судури* (*Dai Yuwan gurun-i suduri*) (*гуруни* – род. падеж от *гурунь* «государство, династия, народ»; *судури* «история, летопись, записки»).

Слово *дай* (от кит. *да* «большой, великий»), написанное в первом названии слитно со словом *ляо*, в третьем названии пишется отдельно от слова *юань* по чисто орфографической причине: невозможности слитного написания слов *дай* и *юань*.

Относительно маньчж. слова *айсинь* см.: *Лебедева Е. П.* Редуплицированные и парные слова в маньчжурском языке // Вопросы языкознания. – М., 1974. – Т. 2. – С. 101: «В слове *айсинь* В.П. Васильев отождествлял слог *синь* с кит. *цзинь*, заметив при этом, что маньчжуры при заимствовании китайских слов обычно произносят *цз* как *с*. Корень слова *айсинь* имеется во всех тунгусо-маньчжурских языках... известен в трех вариантах: *ал-, ан-, ай-*. Маньчж. *ай-*, очевидно, было некогда самостоятельной лексемой, которая впоследствии была спарена с ее китайским эквивалентом *цзинь*».

В недавно опубликованной работе (см.: *История* Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. А. Г. Малявкина. – Новосибирск, 1998) вместо названия *Айсинь гуруни судури* дается сокращенное *Аньчунь гурунь* – «Золотая империя» (чжурчж. *аньчунь* «золото»; маньчж. *гурунь* «государство, династия, народ»).

[5] В тексте летописи: *Цисю*.

Искаженные составителями *Дайляо гуруни судури* при переводе китайских сочинений на маньчжурский язык имена собственные, географические и этнические названия, а также термины исправляются согласно: *Е Лун-ли*. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит. яз., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина. – М., 1979.

[6] Вместо *юй чжювэ* (маньчж. транскрипции этнонима *юйцзюэ*) дана искаженная *юй чювай* (читается *юй цюай*).

[7] В тексте: *Чжуэлици* (пишется: *Чжувэличи*). Вместо *чжювэ* – правильной маньчж. транскрипции кит. слова *цзюэ* «непревзойденный» – написано *чжувэ*. Кит. *ли ци* – «сила (физическая)».

[8] В тексте: *Елюй мили*. См. *Е Лун-ли*. История государства киданей. – М., 1979. – С. 310: «Ныне существует река Шили моли, и при переводе этого названия на китайский язык появилась фамилия Елюй». Вместо слова *моли* написано *мили*.

[9] В тексте: *Шао*

[10] Даты григорианского календаря даны согласно: «Geschichte der Grossen Liao». Aus dem Mandschu übersetzt von H. Conon von der Gabelentz. Herausgegeben von H.A. der Gabelentz. – St.-Petersburg, 1887.

[11] *Гэму хафука* «все постигший» – так переведено кит. *сянь тун* «проявивший себя и постигший». Текст исправляем.

[12] *Чи* – мера длины, равная 32 см (в древности 24 – 27 см). См.: *Юань Кэ*. Мифы древнего Китая. – М., 1987. – С. 507. По самым скромным подсчетам выходит, что Абаоцзи был ростом более двух метров (24 × 9 = 216 см).

[13] *Цзинь* – мера веса, около 500 г (в древности 228–258 г). См.: Там же. – С. 507.

[14] В тексте: *шао хуан, сивэй гуруни нялма* – «люди народа *шао сивэй* и *хуан сивэй*».

[15] *Юай у угулуси, биса жун*. Принято за названия племен.

В этом тексте видим знакомое слово *жун* (общее название племен, живших на западе и севере от Китая) и определяющее его предложение *юай у угулуси, биса*.

В слове *юай* (пишется: *ювай*) предполагаем кит. *юэ* «примерно», т. е. вместо *ювэ* – правильной маньчж. транскрипции кит. *юэ* – дана искаженная *ювай*.

В словосочетании *юай у* видим кит. *юэ у* «примерно пять».

В словах *угулуси, биса* предполагаем кит. определительное предложение *у гу лу цзи би ша* – «которые без причины появляются, наносят удар и истребляют» (*у* «не; не иметь», *гу* «причина, повод», *лу* «показаться, появиться», *цзи* «наносить удар, нападать», *би* «убивать», *ша* «убивать, резать, уничтожать»). Особо отметим, что словосочетание *би ша* переводим как «истреблять».

Итак, кит. текст *юэ у у гу лу цзи би ша жун* переводим как «*жуны* – примерно пять [племен], которые без причины появляются, наносят удар и истребляют».

В словах *си* и *са* видим кит. слова *цзи* и *ша* на основании имеющихся в литературе сведений о том, что маньчжуры звуки *цз* и *ш* обычно произносят как *с*. См. об этом: *Лебедева Е. П.* Редуплицированные и парные слова в маньчжурском языке // Вопросы языкознания. – М., 1974. – Т. 2. – С. 101; *Полный* маньчжурско-русский словарь / Ред. И. Захаров. – СПб., 1875. – С. 57.

По-маньчж. следовало написать примерно так: *суньчжа аймань дэ иситала, тургунь аку тучифи гидафи вара жун* «*жуны* – около пяти племен, которые без причины появляются, нападают и убивают».

[16] В тексте: *Холу*.

[17] В тексте: *Ходун, Хобэ*. Кит. слова *хэ* и *бэй* во всем тексте *Дайляо гуруни судури* транскрибируются как *хо* и *бэ*.

[18] В тексте: *хэчэцзы си вэй*.

[19] В тексте: *цзедусы*.

[20] Кит. *пин юань* «равнина» не переведено, принято за название местности. Маньчж. *ба* «местность, страна, область» из текста исключаем.

[21] Кит. *кан мин дэ* «широкоизвестный» (*кан* «широкий», *мин* «слава; известный»; *дэ* – суффикс прилагательных) не переведено, принято за имя собственное. Манчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[22] Вместо *амба* «великий, большой, огромный» употреблено *амбань* «вельможа, министр, вассал, чиновник, генерал». Слово *амбань* нами не переводится.

[23] В тексте ошибка: вместо *банитай элдэнгэ* «по природе великолепный» написано *элдэнгэ баньчжиха* «великолепный и родной».

[24] *Му гуа цзянь и ба* – «Мугуацзяньские земли». В принятых за название словах предполагаем кит. определительное предложение *му гуа цзянь* «в которых пасли и немного потоптали» (*му* «пасти», *гуа* «мало, немного», *цзянь* «попирать, топтать»).

[25] Об институте побратимства см.: *Е Лун-ли*. История государства киданей. – М., 1979. – С. 361.

[26] В тексте: *Чжуей Ци-синь, Си-цзун, Ли Чан-гуэ, Дайтун*.

[27] *Хэн дэ цзинь*. Возможно, это кит. текст *хэн дэ цзинь* «постоянно промачивал» (*хэн* «постоянный»; *дэ* – показатель обстоятельства, предшествующего сказуемому; *цзинь* «обмакнуть, промочить»).

[28] *Фэргэчукэ ба*. В данном контексте многозначное маньчжурское слово *ба* берем в значении «положение планет и звезд», потому что прилагательное *фэргэчукэ* «чудесный, изумительный, необыкновенный» к другим значениям слова *ба* («место, земля, граница, тиран, деспот и т.д.») неприменимо.

[29] *Абкай доро*. Перевести это словосочетание нелегко в связи с чрезвычайной многозначностью ее компонентов: *абкай* «небесный, врожденный, прирожденный», *доро* «закон, правило, долг, направление, руководство, стезя, обряд, ритуал, держава, престол и т. д.». Перевод «Божественное предопределение» неточен и условен и заменяет выбранное нами значение «небесное руководство». В других контекстах словосочетание *абкай доро* переводим как «закон Неба».

[30] *Силу*. Принято за имя собственное. Предполагаем кит. *цзи лу* «записал» (*цзи* «помнить, записывать»; *лу* «переписывать, записывать»).

[31] *Эрэ абкай эринь, нялмай вэйлэ чжурчэчи очжораку* – «это пора Неба, и дела человека не могут противиться». Текст слишком сокращен. Переводим, исходя из контекста.

[32] В тексте: *Су-у*.

[33] Маньчж. *хаошань* (пишется: *хоошань*) – «писчая и другая бумага, приготовленная из древесной коры». В «Истории государства киданей» (с. 523) говорится о сожжении жертвенника из хвороста, чтобы доложить Небу о вступлении на престол.

[34] «Великие министры (*цзай-сян*) – общее название высших чинов департаментов (*шэн*)». Цит. по: Полное описание монголо-татар (*Мэн-да бэй-лу*). – М., 1975. – С. 169.

[35] По-видимому, под *татань* «становище» следует понимать *оуто, волудо, орда* и т. д. См.: *Е Лун-ли*. История государства киданей. – М., 1979. – С. 516.

[36] О кит. *ямынь* «зубчатые ворота» см.: **Е Лун-ли.** История государства киданей. – М., 1979. – С. 355.

[37] О термине *тиинь* см.: Там же. – С. 368.

[38] *Шэ ли су*. Принято за имя собственное. Предполагаем кит. определительное предложение *шэ ли цзу* – «который отказался управлять племенем». По-видимому, речь идет об Елюй Хэлу, который в 903 г. отказался от должности *илицзиня*.

[39] *Бэ цао коу.* Принято за название местности. Предполагаем кит. прилагательные *бай цао ко* «голая, травянистая, обширная». Кит. *бай* в тексте *Дайляо гуруни судури* транскрибируется как *бэ*. Скорее всего, имеется в виду упоминаемая в «Истории государства киданей» (с. 186) *Байцаогу* «голая травянистая долина».

[40] *Хэн хай цзюнь и ба* – «Хэнхайцзюньская местность». Предполагаемый текст кит. источника: *хэн хай цзюнь дянь* «местность войск, которые бесчинствовали и губили» (*хэн* «бесчинствовать», *хай* «губить», *цзюнь* «войско», *дянь* «пункт, место»), т. е. «местность, где бесчинствовали и губили [население] войска».

[41] *Хасху эрги пу и* – «левый *пуи*». Является частичным переводом кит. термина *цзо пуе* «левый помощник начальника государственной канцелярии». Вместо *Хань Чжи-гу* написано *Хань Цзи-гу*.

[42] Кит. словосочетание *да гуан сы* «большой светлый храм» принято за название храма.

[43] Кит. прилагательные *бай тань* (в тексте: *бэ тань*) «голые, ровные» приняты за название местности.

[44] В тексте: *Мао*.

[45] В тексте: *Ланьхо*. Кит. *луань* в тексте *Дайляо гуруни судури* транскрибируется как *лань*. Например, вместо имени *У Луань* написано *У Лань* (см. прим. 163) и вместо названия города *Луаньчэн* написано *Ланьчэн* (тетрадь III, лист 35).

[46] В тексте: *Цзиньгуэ-фужинь*.

[47] *сань цзюнь сы хафань* – «чиновник *саньцзюньсы*». Предполагаемый текст кит. источника: *цзань цзюнь ши гуань* – «чиновник, помогающий в войсковых делах» (*цзань* «помогать», *цзюнь* «войско; войсковой», *ши* «дело, служба», *гуань* «чиновник»).

[48] *Цзун вэнь гуань ямынь и да сюсы.* В этом очень простом кит. тексте, не переведенном по непонятной причине на маньчж. язык, один компонент маньчжурский – аффикс *и*, показатель родительного падежа, а слово *сюсы* является искаженной транскрипцией кит. слова *сюэши* «ученый». Правильная маньчж. транскрипция – *сювэши*.

Исключив аффикс и и внеся исправление, получаем кит. текст цзун вэнь гуань ямынь да сюэши – «ямыня главных гражданских чиновников старший ученый» (цзун «главный», вэнь «гражданский», гуань «чиновник», да «старший», сюэши «ученый»).

По-маньчж. следовало написать примерно так: учжунга битхэй хафасай ямунь и да тачинь и нялма – «из ямыня главных гражданских чиновников старший ученый человек».

[49] Кит. *гун ямынь* (букв. «официальные зубчатые ворота») переводим как «официальные учреждения».

[50] Кит. *ли син* «по фамилии Ли» не переведено маньчж. *ли хала* «по фамилии Ли». Имеется в виду Ли Бянь – основатель Южной династии Тан. См.: **Е Лун-ли.** История государства киданей. – М., 1979. – С. 225, 466, 470.

[51] *Чжу бугу.* Принято за название племени. Предполагаем кит. определительное предложение *чжу бу гу* – «которые жили и не обращали внимание» (*чжу* «жить, проживать», *бу* – отрицательная частица «не», *гу* «заботиться, обращать внимание»).

[52] *А лу сань.* Принято за название гор. Предполагаем кит. текст *ай лу шань* – «преграждающие путь горы» (*ай* «мешать, препятствовать», *лу* «*доро*га, путь», *шань* «гора»).

[53] *Сунь вэнь.* Принято, по-видимому, за имя собственное. Предполагаем кит. определительное предложение *сун вэнь* – «которые преподносят и справляются [о здоровье]». Речь идет о знающих различные языки буддийских монахах – *хэшанах* (в тексте: *хувашань*), участвующих в посольствах в качестве переводчиков.

[54] *Ци суй чэн хэчэнь дэ исиньчжиха* – «прибывали в город Цисуйчэн». В принятых за название города словах предполагаем кит. текст *ци суй чэн* – «поднимались и сопровождали в пути» (*ци* «вставать, подниматься», *суй* «следовать за, сопровождать», *чэн* «путь»). Маньчж. апеллятив *хэчэнь* «город» из текста исключаем, поскольку имеется в виду не *чэн* «город», а *чэн* «путь». По-маньчж. следовало написать примерно так: *илифи, чжугунь дэ дахаламэ исиньчжиха* – «поднимались и прибывали для сопровождения в пути».

[55] *Ша ла цзинь, а бу сы.* Принято за имена собственные. Кит. *ша ла цзинь* – «глупые и жестокие родные». В словах *а бу сы* предполагаем кит. определительное предложение *ай бу ши* – «которые любили министерские кабинеты», заменяем причастным оборотом. Сравнительный анализ кит. слов и их маньчж. транскрипций позволяет в словах *а, сы* увидеть кит. слова *ай, ши*.

[56] В тексте: *Елюй Лу-гу.*

[57] *Лу суй мукэ* – «река Лушуй». В принятых за название реки словах предполагаем кит. определительное предложение *ло суй* – «в которой ловил [сетью рыбу] и долбил [лед] (*ло* «сеть; ловить [сетью]», *суй* «разбить, раздробить»). Речь идет о весеннем *набо* – сезонном походном лагере. См.: **Е Лун-ли.** История государства киданей. – М., 1979. – С. 529–531.

[58] *И си аймань и цзинь дянь и ба* – «у племени *иси* Цзиньдяньские места». Предполагаемый текст кит. источника: *и си бу цзу цзинь дянь* – «к одному племени *си* близкие места». Маньчжуры не перевели числительное *и* «один» и приняли словосочетание *цзинь дянь* «близкие места» за топонимическое название, поэтому поставили после него маньчж. апеллятив *ба* «место, область, страна». По-маньчж. следовало написать примерно так: *эму си аймань и ханьчи ба* – «к одному племени *си* близкие места».

[59] *Ни гу най, хуай ли гэбунгэ нялма* – «люди по именам Нигунай и Хуайли». Предполагаемый текст кит. источника: *ни гу най хуай ли жэнь* – «вопреки событиям терпел порочных и жестоких людей» (*ни* «вопреки», *гу* «причина, событие», *най* «терпеть», *хуай* «плохой, порочный», *ли* «жестокий»). В нем маньчжурами переведено только кит. слово *жэнь* «человек,

люди» маньчж. словом *нялма* «человек, люди». Относящийся к хану текст принят за два имени собственных, поэтому в него включено маньчж. слово *гэбунгэ* «по именам», которое мы, в свою очередь, исключаем.

[60] *Су гу лу.* Принято за имя собственное. Поскольку во всем тексте *Дайляо гуруни судури* кит. слова *цзу, го, ло* транскрибируются именно как *су, гу, лу,* то предполагаем кит. словосочетание *цзу го ло* «родное село» (*цзу го* «государство предков, отечество, родина», *ло* «селение, поселок»).

[61] *Шэнь су гу.* Принято за имя собственное. Предполагаем кит. текст *шэнь цзу го* «проник на родину» (*шэнь* «просачиваться, проникать», *цзу го* «родина»).

[62] *Да ли дянь.* Принято за название местности. Предполагаем кит. словосочетание *да ли дянь* «очень красивые места» (или «очень удобные места»). Речь, по-видимому, идет о летнем *набо* – сезонном походном лагере. См.: **Е Лун-ли.** История государства киданей. – М., 1979. – С. 529–532. Возможны и другие переводы этого словосочетания: 1) «места для охоты и управления [делами]» (*да* «стрелять», *ли* «управлять»); 2) «места с большими ресурсами» (*да* «большой, великий», *ли* «сила, энергия; ресурсы»).

[63] *Пэй цзи хо.* Принято за название реки. Предполагаем кит. словосочетание *фэй цзи хэ* «стремительная река» (*фэй* «стремительный», *цзи* «стремительный; торопиться», *хэ* «река»).

[64] *Ба ла.* Принято за имя собственное. Предполагаем кит. определительное предложение *ба ла* – «которые взяли и повели [за собой]».

[65] *У гу цзи.* Принято за имя собственное. Предполагаем кит. определительное предложение *у го чжи* – «который не имел государственной должности» (у «не иметь», *го чжи* «государственная должность»), заменяем причастным оборотом. Кит. слова *го* и *чжи* во всем тексте *Дайляо гуруни судури* транскрибируются как *гу* и *цзи.*

[66] *Бала.* Принято за имя собственное. См. прим. 64.

[67] *Ку гу ци, му ду гэбунгэ чжувэ нялма* – «два человека по именам Кугуци и Муду». Предполагаем относящийся к Иньдиши текст кит. источника: *ко го ци мо до жэнь* – «широкий государственный флаг захвативший человек» (ко «широкий», *го* «государство», *ци* «флаг», *мо* «отбирать», *до* «отнять, захватить, завладеть», *жэнь* «человек»). В нем маньчжурами переведено только слово *жэнь* «человек» маньчж. словом *нялма*, а два словосочетания (*ко го ци, мо до*) приняты за имена собственные. Поэтому маньчж. *гэбунгэ чжувэ* «два по именам» из текста исключаем. В нижеследующем тексте слова *чэни бэе* «они сами» заменяем на *ини бэе* «он сам», т. к. речь идет об одном человеке – Иньдиши. По-маньчж. следовало написать примерно так: *оньчо гуруни турунь бэ чжафаха нялма* – «широкий государственный флаг захвативший человек».

[68] Кит. *чэ* «разорвать» не переведено. Кит. *и фу* «одежда» в тексте *чэ и фу* «разорванная одежда» было, по-видимому, выпущено при изготовлении ксилографа.

[69] *А бу сэ.* Принято за имя собственное. Предполагаем кит. определительное предложение *ай бу цзэ* – «которые любили министерские обязанности», заменяем причастным оборотом.

[70] *Су ли хо бира дэ амбула валяха* – «в реку Сулихэ многое сбрасывали». В принятых за название реки словах предполагаем кит. текст *цзу ли хэ*, в котором выделяем словосочетание *цзу ли* «племенные рабы» и слово *хэ* «реки». По-маньчж. следовало написать примерно так: *аймань и ахаси бира дэ амбулангэ бэ валяха* – «племенные рабы в реки многое сбрасывали».

[71] *Ни ли.* Принято за имя собственное. Предполагаем кит. текст *ни ли* «задумал приносить пользу» (*ни* «предполагать, задумать», *ли* «польза; приносить пользу»).

[72] *А дунь ли.* Принято за топонимическое название. Предполагаем кит. определительное предложение *ай дунь ли* – «в которых любил останавливаться и управлять». Речь снова идет о *набо* – сезонном походном лагере.

[73] *Ни ли сы.* Принято за имя собственное. Предполагаем кит. текст *ни ли ши* «вопреки правилам» (*ни* «вопреки», *ли* «правило, закон», *ши* «правило, закон»).

[74] *Пу ху, ху я ри.* Принято за имена собственные. В словосочетании *пу ху* видим кит. *пу хо* «лавочник». В словах *ху я ри* предполагаем кит. *ху я эр* «охранник» (*ху* «защищать, охранять», *я* «брать под стражу; конвоировать», *эр* – суффикс существительных, образованных от глаголов).

[75] Принятое за имя собственное кит. словосочетание *цзя ли* (в тексте: *цзяй ли*) – «домашний раб» *(цзя* «дом; домашний», *ли* «принадлежать, быть зависимым; раб»).

[76] *Юй лу ду гу.* Принято за имя собственное. Предполагаем кит. текст *юй лу ду гу* «встречала, появлялась, проводила время, заботилась».

[77] В тексте: *цзюнь шао хафань.*

[78] *Ци син бэнь.* Принято за имя собственное. Предполагаем кит. определительное предложение *ци син бэнь* – «который уклонялся от наказания и бегал» (*ци* «уклоняться», *син* «казнь, наказание», *бэнь* «мчаться, бежать»), заменяем причастным оборотом «уклонявшийся от наказания беглец».

[79] Кит. *цзюнь* «войско, военный», *цзи* «курица, петух», *тай* «поднять», и «крыло».

[80] Кит. *шэнь цэ* «замысел духов» (*шэнь* «дух», *цэ* «замысел, план») в «Истории государства киданей» (с. 350) переводится как «возведение на престол по воле духов».

[81] В тексте: *тучжувэй.*

[82] О *шу* «покорные» и *фани* «варвары» см.: *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство *Цзинь*. – М., 1975. – С. 21, 22.

[83] В тексте: *сато*.

[84] В тексте: *Цзочжоу* и *Ли Сы-бэнь*.

[85] *Хо цюй ба* – «местность Хоцюй». В принятых за топоним словах предполагаем кит. определительное предложение *хэ цюй* – «из которой, объединившись, отправляются» (*хэ* «объединяться; сообща», *цюй* «уходить, отправляться»).

[86] Кит. *цзун бин гуань* «главные военные чины» не переведено маньчж. словосочетанием *учжунга чоохай хафаса* «главные военные чины».

[87] Кит. текст *у ба* «не захватили» принят за имя собственное.

[88] Кит. определительное предложение *цзай бу ли* (в тексте: *сай бу ли*) – «который находился и не покидал» (*цзай* «существовать, находиться», *бу* – отрицательная частица «не», *ли* «покидать, расставаться») – принято за имя собственное.

[89] В тексте: *у юай*. Об этнониме *юэ* см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. – М., 1975. – Т. 2. – С. 372.

[90] В тексте: *Пухай*.

[91] В тексте: *су пу*.

[92] В тексте: *Нилигуэнь*.

[93] В тексте: *Холуцзи*.

[94] Маньчж. *мучжилэнь нямань* – «сердцевина сердца». «Сердцевина сердца, дюйм сердца, дюймовое сердечко» – образ, пришедший из древней китайской литературы. См.: *Пу Сун-лин*. Рассказы Ляо Чжая о чудесах. – М., 1973. – С. 250, 534.

[95] Принятое за имя собственное кит. определительное предложение *хань ли чжэнь* – «который содержал в себе силу и воодушевлял» (*хань* «содержать в себе, таить», *ли* «сила, энергия, мощь, способности», *чжэнь* «возбуждать, воодушевлять») – заменяем причастным оборотом.

[96] В принятых за имя собственное словах *сяо а гу цзи* предполагаем кит. текст *сяо ай го чжи* – «молодой, но любивший государственные должности» (*сяо* «молодой», *ай* «любить», *го чжи* «государственная должность»). Сравнительный анализ кит. слов и их маньчж. транскрипций позволяет в словах *а, гу, цзи* увидеть кит. слова *ай, го, чжи*.

[97] Кит. *фан юй ши* (в тексте: *фан юй сы*) – «чиновник, [ведающий] обороной» (*фан юй* «обороняться; оборона; оборонительный», *ши* «посол, посланник, посланец»), букв. «обороняющий посланец».

[98] В тексте: *у гу гурунь* «государство Угу». О государстве Пяти племен см.: **Е Лун-ли.** История государства киданей. – М., 1979. – С. 458.

[99] По древним китайским представлениям это является несчастливым предзнаменованием. См.: *Древнекитайская* философия. – М., 1972. – Т. 1. – С. 110.

[100] *Ян суй бира дэ мудури* – «в реке Яншуй дракон». Предполагаемый текст кит. источника: *ян суй лун* – «дракон, который поднялся [в воздух] и преследовал» (*ян* «подняться, носиться [в воздухе]», *суй* «следовать за, сопровождать», *лун* «дракон»). Маньчжуры (произносящие кит. слова *суй* и *шуй* одинаково – как *суй*) в слове *суй* увидели кит. *шуй* «вода, во́ды», а словосочетание *ян шуй* приняли за название реки, поэтому поставили после него маньчж. апеллятив *бира* «река». Так в тексте появилась Яншуй *бира* – река Яншуй, букв. река «Солнечные во́ды» (кит. *ян* «солнце; солнечный»). Мы же в этом словосочетании предполагаем кит. определительное предложение *ян суй* – «который поднялся и преследовал», поэтому маньчж. *бира дэ* «в реке» из текста исключаем.

В словах *ян суй лун* также можно увидеть кит. словосочетание *ян шуй лун* «солнечный водяной дракон». См.: **Е Лун-ли.** История... – С. 51, 52, 364.

[101] Принятое за имя собственное кит. определительное предложение *кан мэй чжи* (в тексте: *кан мэ цзи*) – «который нес [на плечах] всякую должность» (*кан* «нести [на плечах]», *мэй* «каждый, всякий», *чжи* «должность, обязанность») заменяем причастным оборотом «несущий [на плечах] какую-нибудь должность». Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем. Кит. текст *чан лу* «часто появлялся» принят за название города.

[102] Кит. *пи синь* – «упрямое сердце». Принято за какое-то название.

[103] *Ху ла*. Принято за имя собственное. Предполагаем кит. прилагательные *ху ла* «глупые и жестокие».

[104] *Су кунь*. Принято за название гор. Предполагаем кит. текст *цзу кунь* «загораживая, брали в кольцо» или просто «брали в кольцо» (*цзу* «загораживать», *кунь*«окружить, взять в кольцо»).

[105] Возможно, это кит. словосочетание *ху му цзы* «глупый мирный характер».

[106] *Ба ли сы алинь дэ илифи* – «остановившись на горе Балисы». В принятых за название горы словах видим кит. текст *ба ли цзы* «захватил средства» (*ба* «захватить», *ли* «сила, ресурсы», *цзы* «средства, ресурсы, характер»). По-маньчж. следовало написать примерно так: *улинь бэ бахафи, алинь дэ илифи* – «захватив средства и остановившись в горах».

[107] *Фэо ту чэн чэчэнь* – «город Фоутучэн». В принятом за название города словосочетании выделяем кит. *ту чэн* «глинобитные стены» (по-маньчж. *бойхонь и фу*) и звукоподражательное слово *фэо* (кит. *пяо*; русское *фью*! или *тьфу*!), выражающее свист или звук плевка как знак пренебрежения к чему-то легкодоступному, и которое в сочетании с деепричастием *сэмэ* «говоря» образует наречие *фэо сэмэ* (*пяо сэмэ*) «поверхностно, легко, ветрено; прямо, легкомысленно».

Маньчжуры не узнали в слове *фэо* (*фио, пио, пяо*) звукоподражательное слово, не поставили после него деепричастие *сэмэ* «говоря» и в соседстве с кит. словосочетанием *ту чэн* «глинобитные стены» включили в название города – *фэо ту чэн хэчэнь* «город Фоутучэн».

Итак, *фэо ту чэн хэчэнь* переводим как «легко» и «город с глинобитными стенами».

[108] *Чжулэрги шао фань гурунь* – «южные народы *шао фань*». Кит. словосочетание *шао фань* в данном случае переводим как «малочисленные варварские» (*шао* «малочисленный; мало, редко»). О кит. *фань*, *фани* (варвары) см.: *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство *Цзинь*. – М., 1975. – С. 21. Вероятно, имеются в виду мелкие владения южных варваров.

[109] *Са ли*. Принято за название реки. Предполагаем кит. словосочетание *цза ли* «разнообразные ритуалы».

[110] В тексте: *Да Чжэнь-сюань*.

[111] *Шан лин*. Принято за название перевала. Предполагаем кит. текст *шан лин* «направился к горному хребту» (*шан* «идти, направляться», *лин* «горный хребет, кряж»).

[112] *А гу цзи сэ* – «Агуцзи и прочие». В словах *а гу цзи*, принятых за имя собственное, предполагаем уже встречавшийся ранее кит. текст *ай го чжи* – «любивший государственные должности». По-маньчж. следовало написать примерно так: *гуруни тушань бэ госиха гува амбаса* – «другие любившие государственные должности амбани».

[113] Кит. *лао сян* «старый министр» принято за какое-то название.

[114] В тексте: *чжунь*.

[115] Кит. определительное предложение *кан мо дань* – «который носил [на плечах], вытирал [слезы] и нес ответственность» принято за имя собственное.

[116] Возможно, это кит. определительное предложение *то лю бу* «которым поручил шесть министерств».

[117] *Ань бянь, мо цзи, нань хай, дин ли эрэ дуйнь фу* – «Аньбянь, Моцзи, Наньхай, Динли – эти четыре области». В принятых за названия областей четырех словосочетаниях скрывается связный кит. текст *ань бянь мо цзи нань хай дин ли фу* – «у берега бескрайнего Южного моря учрежденные области» (*ань* «берег», *бянь* – послелог «с краю, около, у», *мо* «не иметь», *цзи* «граница, край, грань», *нань* «юг; южный», *хай* «море; морской», *дин* «устанавливать», *ли* «поставить; учредить, основать»; *фу* «область»). Маньчж. *эрэ дуйнь* «эти четыре» из текста исключаем. По-маньчж. следовало написать примерно так: *дубэ аку чжулэрги мэдэри и далинь дэ токтохо ба* – «у берега бескрайнего Южного моря учрежденные области».

[118] Кит. *ляо сян* «старый министр» принято за имя собственное.

[119] Кит. *да цзу сянь* «старший родоначальник» (*да* «старший», *цзу* «предок, родоначальник», *сянь* «предшественники, предки») принято за имя собственное.

[120] В тексте: *вэй мэ, дели, мо хо*.

[121] *Ань бянь, мо цзи, дин ли эрэ илань фу* – «Аньбянь, Моцзи, Динли – эти три области». См. прим. 117. Включаем в текст выпущенные кит. слова *нань хай* «Южное море» и исключаем маньчж. слова *эрэ илань* «эти три».

[122] *Ань бянь фу* – «области у берега», т. е. «прибрежные области». Имеются в виду все те же «у берега бескрайнего Южного моря учрежденные области».

[123] *Нань хай, дин ли гэбунгэ чжувэ фу* – «две области под названием Наньхай и Динли». См. прим. 117. Маньчж. *гэбунгэ чжувэ* «две под названием» из текста исключаем. Кит. текст *нань хай дин ли фу* переводим как «у Южного моря учрежденные области».

[124] Поскольку кит. слова *го, ай, чжи* во всем тексте *Дайляо гуруни судури* транскрибируются как *гу, а, цзи*, то предполагаем кит. названия титулов: *Улюго* «не сохранивший государство» и *Айличжи* «любившая управлять» (*ай* «любить», *ли* «управлять, ведать», *чжи* «управлять, ведать»).

[125] Кит. *хуан ду* «Императорская столица» принято за название города. Маньчж. *хэчэнь* «город» из текста исключаем.

[126] Кит. *цзу лин* (в тексте: *су лин*) «Хребет предков» принято за название местности. Маньчж. *ба* «местность, область, страна» из текста исключаем. Речь идет о горе Муешань, она же гора Цзушань – «Гора предков».

[127] В «Истории государства киданей» (с. 51) написано: «настоящее имя Яоцюйчжи».

[128] В тексте: *Шунь-цинь*. Титул «императрица Чунь-цинь» будет посмертно пожалован императрице Шулюй в 1052 г.

[129] *Гун гэбу* – «официальный титул» (кит. *гун* «официальный»; маньчж. *гэбу* «имя, титул»).

[130] Маньчж. *аня бэ халаха* «изменил годы» переводим как «изменил [наименование] эры правления». Маньчж. *...сэрэ аня бэ халаха* – «называемые... годы изменил» переводим как «изменил наименование эры правления...».

[131] Кит. *тай хуантайхоу* – «великая вдовствующая императрица», *хуантайхоу* – «вдовствующая императрица», *хуанхоу* – «императрица».

[132] *Сэсэли доро* – «церемония *сэсэли*». Поскольку кит. слово *ли* также означает «церемония, обряд», то его следует из названия исключить.

[133] Маньчж. словосочетание *ци дань гурунь и* (*и* – показатель род падежа) «из государства Цидань» во всем тексте *Дайляо гуруни судури* переводим как «киданьский», т. е. при переводе выпускаем слово *гурунь* «государство». то же самое относится и к словосочетаниям *тан гурунь и*, *цзинь гурунь и* и т. д. – переводим как «танский», «цзиньский» и т. д.

[134] См. прим. 116.

[135] В принятых за название местности словах *син то* предлагаем кит. словосочетание *цзин ту* «пограничная территория». Маньчж. *бадэ* «к местности» из текста исключаем.

[136] См. прим. 125.

[137] В тексте: *чжунь*.

[138] Кит. прилагательные *пу нин* «простой и спокойный» приняты за имя собственное. О *шэли* – должности и титуле у киданей – см.: **Е Лун-ли.** История государства киданей. – М., 1979. – С. 369.

[139] Кит. *чжэнь хуа чжоу* «китайская область Чжэнь» не переведено маньчж. словосочетанием *чжэнь никань ба* «китайская область Чжэнь».

[140] Кит. *цянь чжоу* «мелкая область» не переведено маньчж. словосочетанием *ачжигэ ба* «мелкая область».

[141] В тексте: *Саго*. Возможно, имеется в виду сын Аньдуаня Оусэн, второе имя – *Чагэ*. См.: **Е Лун-ли.** История... - С. 409.

[142] В тексте: *Цзун-хоу*.

[143] Кит. *дэ лин* «хребет добродетелей» принято за название местности. Маньчж. *ба* «местность, страна» из текста исключаем.

[144] *Илэту кэмунгэ* «открытая и примерная» – так переведено кит. *сюань цзянь* «объявленная и обособленная» (*сюань* «объявлять, обнародовать», *цзянь* «разделять, обособлять»). Текст исправляем.

[145] В тексте: *Ли Цзун-ко*.

[146] Ошибка в хронологии: вместо *чжорхонь* «двенадцать» следовало написать *чжакунь* «восемь». Текст исправляем.

[147] Абусаго. Принято за имя собственное. Предполагаем кит. определительное предложение *ай бу ча гэ* – «который помешает и арестует Чагэ» (*ай* «мешать, препятствовать», *бу* «арестовать»). Имеются в виду хан Му-цзун и сын Аньдуаня Оусэн (второе имя Чагэ), который в 951 г. убьет хана Ши-цзуна и его мать и будет претендовать на ханский престол. Кит. слова *ча* и *гэ* маньчжуры транскрибируют как *са* и *го*.

[148] *Гэнгень эрдэмунгэ* «прозорливая и добродетельная» – так переведено кит. *чжан дэ* «правила и добродетели». Текст исправляем.

[149] *Чжэнь ань и бай ин*. Слова *чжэнь ань* написаны вместо *цзинь ань* (название крепости). Текст *цзинь ань и бай ин* переводим как «Цзиньаньских мест лагерь» или просто «Цзиньаньский лагерь».

[150] В принятом за имя собственное слове *тулигу* видим кит. текст *то ли го* – «поручил управлять государством» (*то* «держать, поручить», *ли* «управлять», *го* «государство»).

[151] В тексте: *Тоаньбэгу*. Об ущелье Туаньбогу см.: **Е Лун-ли.** История... - С. 111.

[152] В тексте: *Чжао Дэ-чжунь*.

[153] *Хао цю*. Принято за топонимическое название. Предполагаем кит. определительное предложение *хоу цю* – «в которой ждали и умоляли».

[154] В тексте ошибка: вместо *сини банинь* «твой внешний облик» написано *сини баньчжихангэ* «твое выросшее».

[155] *Ди нянь ва*. Принято за имя собственное. Выделяем имя собственное Динянь и кит. *ва* «раскапывать, изыскивать» (маньчж. *баймби* «отыскивать»), оторванное от прямой речи и присоединенное к имени Динянь.

[156] В тексте: *Ань Синь-ци*.

[157] *Сяо ку гуци*. Принято за имя собственное. Предполагаем кит. определительное предложение *сяо ко го ци* – «который срезал широкий государственный флаг», заменяем причастным оборотом. Маньчж *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем. Ср. с прим. 67.

[158] *Улэчжэку*. В «Полном маньчжурско-русском словаре» И. Захарова и в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» (Л., 1975–1977) не зафиксировано это слово – существительное, образованное из глагольной основы *улэчжэ-* «сваливаться, осыпаться, обрушиваться, обваливаться» и субстантивного аффикса *-ку*. По-видимому, означает «осыпь, обвал, оползень».

[159] В тексте: *Ли Янь-синь*.

[160] *Цзей лидэ*. Принято за имя собственное. Предполагаем кит. прилагательные *цзе ли дэ* «проворный и энергичный» (*цзе* «проворный», *ли* «энергия», *дэ* – суффикс прилагательных).

[161] *Дайтун, чжан гувэ, чжэнь у лань ба* – «три области: Датун, Чжангувэ и Чжэньу». Предполагаемый текст кит. источника: *датун чжан го вэй чжэнь у фу* – букв. «Датун – державшая в руках величие государства и действительные дела область» (*чжан* «ладонь; держать в руках», *го* «государство», *вэй* «величие, могущество», *чжэнь* «настоящий, действительный», *у* «дело, задача», *фу* «область»), т. е. «Датун – область, державшая [ответственность] за престиж государства и практическую деятельность». В слове *гувэ* вполне логично предположить кит. словосочетание *го вэй* «величие государства», т. к. маньчжуры кит. слова *ко, го, хо* транскрибируют как *ку, гу, ху*, а конечное *-й* в транскрипциях кит. слов *бай, бэй, ай* и т. д. выпускают. Маньчж. числительное *лань* «три» из текста исключаем. По-маньчж. следовало написать примерно так: *дайтун, гуруни хоронь, яргяни байта бэ чжафаха ба* – «Датун – державшая в руках величие государства и действительные дела область».

[162] *Дуцзы коу анга* – «застава Дуцзыкоу». Предполагаем кит. определительное предложение *ду сы коу* – «которая загородила наглухо проход» (*ду* «загородить», *сы* «накрепко, наглухо», *коу* «проход»). В «Истории государства киданей» (с. 74) речь идет о городе Бэйчжоу, а не о заставе. По-видимому, повествующий о штурме заставы и штурме города Бэйчжоу текст кит. источника очень сокращен, и в маньчж. переводе остались только начало и конец этого текста.

[163] В тексте: *У Лань*.

[164] Кит. определительное предложение *суй тин сюнь* – «который сопровождал, выслушивал и наставлял» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[165] Кит. определительное предложение *не чжу* (в тексте: *не цзуй*) – «который держит пальцами [кисть] и пишет» принято за имя собственное.

[166] Кит. *ли син* «по фамилии Ли» не переведено маньчж. *ли хала* «по фамилии Ли», принято за имя собственное.

[167] *Хо нин ни*. Принято за имя собственное. Предполагаем кит. текст *хэ нин ни* – «Хэ Нин составил [проект]» (*ни* «составлять, планировать, задумывать, разрабатывать»).

[168] *Ди, дисцы* – общее название племен, живших на западе и севере от Китая.

[169] В тексте: *Елюй Сулань, Делего, Чжао Цзы-вэнь*.

[170] *Манга батури чжургань бэ гэтэрэмбурэ хуанди* – «превосходно храбрый, очищающий справедливость (?!) император» – так переведен с китайского титул *Ин-у мин*-и *хуанди* – «героически воинственный, известный справедливостью император». Текст исправляем. В «Истории государства киданей» (с. 70) дан перевод: «доблестный в военном деле, проявляющий верность император».

[171] В тексте: *саньци чансы*.

[172] *Аньчулаха*. Этого слова в словарях нет. Берем значение слова *аньчурахи* – «сафьян с позолотою, вызолоченная кожа».

[173] См.: **Е Лун-ли.** История государства киданей. – М., 1979. – С. 380, 381.

[174] См.: **Е Лун-ли.** История... – С. 63. Вместо *Ян, Сюнь, Вэй, Цзу* указаны Ин, Шунь, Гуй, Чжо.

[175] Кит. *юй хоу чжан* – «председатель военных судей» (*юй хоу* «военный судья», см.: Там же. – С. 356; *чжан* «начальник, председатель»).

[176] Кит. *цзу* (в тексте: *су*) – «группа, кружок, звено».

[177] Кит. *цзуй цин* (в тексте: *суй цин*) – «самый честный». Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[178] В тексте: *Цисю*.

[179] *Лян* – весовая и денежная единица Китая. Современный *лян* равен 31,2 г. Значит, 10 *и* равны примерно 6 кг (31,2 × 20 × 10 = 6 240 г).

[180] *Чоохай цзедуши хафань яо сун* – «военный *цзедуши* Яо Сун» (маньчж. хафань «чиновник» в названиях должностей опускается). Военный *цзедуши* – такой должности не существовало. Если в словах *яо сун* предположить кит. текст *яо чун* – «захотел занять должность» (*яо* «хотеть», *чун* «наполнять; занимать должность»), то присутствие в начале отрывка слова *цзедуши* становится понятным – речь идет о должности *цзедуши* (по-кит. *цзедуши чжи*, по-маньчж. *цзедуши тушань*). Предполагаемый текст кит. источника: *бин гуань яо чун цзедуши чжи* – «военный чиновник захотел занять должность *цзедуши*» (*бин* «солдат, военный», *гуань* «чиновник»). По-маньчж. следовало написать примерно так: *чоохай хафань, цзедуши тушань бэ алимэ гайки сэфи* – «военный чиновник захотел занять должность *цзедуши*».

[181] В имени собственном Хуали, возможно, скрываются кит. прилагательные *хуай ли* «порочный и жестокий».

[182] *Ю гуцзи*. Принято за имя собственное. Предполагаем кит. определительное предложение *ю го чжи* – «который имел государственную должность» (*ю* «иметь», *го чжи* «государственная должность»), заменяем причастным оборотом. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[183] В тексте: *сюань хуэй сы*. Кит. *сюань* «объявлять», *хуэй* «собрание, заседание», *ши* «дело, факт, событие».

[184] В тексте: *Цзун-гуй*.

[185] *Лян янь, чжу цзун цзей*. Принято за два имени собственных. Предполагаем кит. определительное предложение [*ю*] *лян янь чжу цзун цзе* – букв. «который [обладал] прекрасным языком и сочинил главный параграф» (*ю* «обладать», *лян* «прекрасный», *янь* «язык», *чжу* «сочинять», *цзун* «главный», *цзе* «параграф»). Кит. *ю* «обладать» было, по-видимому, упущено при изготовлении ксилографа.

[186] Кит. прилагательные *кэ чэн ши* (в тексте: *кэсэн сы*) – «достойный и честный» (*кэ* «достойный», *чэн ши* «честный») – приняты за название должности.

[187] О термине *люшоу* см.: Полное описание монголо-татар (Мэн-да бэй-лу). – М., 1975. – С. 162. Букв. перевод *лю шоу* – «который, будучи оставленным, охраняет», т. е. «наместник, правитель столицы или столицы области».

[188] В тексте: *Цзяйли*.

[189] В тексте: *Санчжоу*.

[190] *Жинь чоу*. Принято за название страны. Видим кит. определительное предложение *жэнь* чоу – «по которой человек тосковал» (*жэнь* «человек», *чоу* «тоска; тосковать»).

[191] Кит. *цзюнь* сяо «военный мелкий» не переведено маньчж. *чоохай ачжигэ* «военный мелкий», принято за название должности. Вместо имени собственного *Шао Кэ* написано *Шао Го*.

[192] *Тай шоу хафань улань* – «тайшоу *У* Лань». Предполагаем текст кит. источника: *дай шоу у луань* – «замещавший и принявший *У* Луань». Маньчж. *хафань* «чиновник» из текста исключаем, поскольку речь идет не о названии должности. В «Истории государства киданей» (с. 74) читаем: «...временно управлять делами области был назначен У Луань».

[193] Кит. *ань ло* «спокойные поселения» принято за название местности

[194] *Чао лян цяо* – «мосты». Заимствованное маньчжурским языком кит. слово *цяо* – «мост». Другое кит. слово *цяолян* «мост» (*цяо* «мост», *лян* «мост») прочитано как *чаолян*, поскольку маньчжуры при чтении иноязычных слов звук *ц* часто произносят как *ч* (например, кит. *цяньпи* «подбрюшный мех» произносят как *чаби*). Здесь использован прием спаривания синонимов для выражения собирательной множественности.

[195] Кит. *ба* «деспот, тиран», *ли* «жестокий», *дэ* – суффикс прилагательных. Речь идет о Мада – двоюродном брате хана Тай-цзуна.

[196] Принятое за название заставы кит. словосочетание *нэй ду цзин* (в тексте: *ней ду цзин*) переводим как «местность внутренних [крупных] городов» (*нэй* «внутренний, *ду* «столица, [крупный] город», *цзин* «граница, местность»). Далее встретится словосочетание *нэй ду ба*, в котором кит. *цзин* уже переведено маньчж. словом *ба* «местность, страна, область».

[197] В тексте: *Чжан Сун-энь, Ма Чуань-цзей, Ань Синь-ци.*

[198] *Нэй ду ба* (в тексте: *ней ду ба*) – «местность внутренних [крупных] городов». См. прим. 196.

[199] *Вэй чжоу хэчэнь* – «город Вэйчжоу». В «Истории государства киданей» (с. 78 и 388) речь идет об отбитых у киданей городах Маньчэн и Суйчэн, а не о городе Вэйчжоу. Поэтому словосочетание *вэй чжоу хэчэнь* переводим как «незначительных областей города».

[200] В тексте: *Ду Цзун-вэй.*

[201] Кит. словосочетание *чжэ чжун жуань* (в тексте: *чжэ цзун жуань*) – «этот в конечном итоге слабый» - принято за имя собственное (*чжэ* «это; этот», *чжун* «конец; в конечном итоге; до конца», *жуань* «мягкий, слабый; ослабеть»).

[202] *Ци дань гуруни тэн чжоу хэчэнь бэ афамэ гайха* – «киданьский город Тэнчжоу взял штурмом» (*гуруни* «из государства» при переводе выпускается). Текст противоречит содержанию. Города Тэнчжоу не существовало.

Правильный маньчж. перевод: *ци дань гуруни чоохай афамэ гайха чжоу хэчэнь бэ синьдаха* – «киданьскими войсками взятые штурмом областные города освободил». Допущенные маньчжурами ошибки: 1) пропущено слово *чоохай* «войсками»; 2) кит. *тэн чжоу чэн* – «освободил областные города» (*тэн* «освободить», *чжоу* «областной», *чэн* «город») принято за название города и не переведено маньчж. *чжоу хэчэнь бэ синьдаха* – «освободил областные города»; 3) выполняющее функцию определения словосочетание *афамэ гайха* «взятые штурмом» стоят после, а не перед определяемым словосочетанием *чжоу хэчэнь* «областные города», превратившись, таким образом, из определения в сказуемое – «взял штурмом». Речь идет о городах Маньчэн и Суйчэн, которые Ду Чжун-вэй «отбил у киданей». См.: **Е Лун-ли.** История… – С. 388.

[203] В тексте: *Синь Бинь.*

[204] *Бэ туань вэй ба* – «местность Бэтуаньвэй». Предполагаемый текст кит. источника: *бай туань цунь вэй дянь* «деревня Байтуаньцунь – маленький пункт». Вместо *бай* маньчжуры написали *бэ* и выпустили слово *цунь* «деревня».

[205] В тексте ошибка: вместо *амбулангэ чжилгань и* «из многих голосов», т. е. «многоголосый», написано *амба чжилгань и* «из большого голоса», т. е. «большеголосый».

[206] В тексте ошибка: вместо *тэрэ гисунь дэ* «на те слова» написано *тэрэ бя дэ* «в той луне».

[207] Кит. *цзун линь* (в тексте: *сун линь*) – «Лес предков». Вероятно, находится на горе Муешань.

[208] В тексте: *Цисань.*

[209] *Цзао линь дин.* Принято за название местности. Предполагаем кит. определительное предложение *цзао линь дин* – «которое заранее накануне установили» - и заменяем причастным оборотом.

[210] Кит. *хо цяо цяо* (в тексте: *хо чао цяо*) – «плавучие мосты» (*хо* «движущийся, подвижной», *цяо цяо* «мосты»). См. прим. 194.

[211] Кит. *у чэн* – «пять городов», т. е. «пять столиц». Возможно, имеются в виду пять частей, на которые разделена главная императорская столица. Маньчж. *хэчэнь* «город» из текста исключаем.

[212] В тексте: *Цзундуцяо.*

[213] *Тулу цзюнь.* Принято за имя собственное. Предполагаем кит. определительное предложение *то лу цзюнь* – «которому поручил сухопутные войска». Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем. Ср. с ранее встречающимися кит. текстами *то лю бу* – «которым поручил шесть министерств» (см. прим. 116) и *то ли го* – «поручил управлять государством» (см. прим. 150). Во всех случаях кит. *то* «поручить» транскрибируется как *ту*.

[214] Принятое за какое-то название кит. словосочетание *цзун ду сай* (в тексте: *цзун ду цзай*) переводим как «главные [крупные] города и крепости» (*цзун* «главный», *ду* «столица, [крупный] город», *сай* «крепость»). Сравнительный анализ кит. слов и их маньчж. транскрипций позволяет в слове *цзай* предположить кит. слово *сай* «крепость».

[215] В тексте: *чжунь.*

[216] Кит. словосочетание *хо ду* «плавучие переправы» принято за название реки. Маньчж. *бира* «река» из текста исключаем.

[217] В тексте ошибка: вместо правильно оформленного причастного оборота *дэньдэфи илань ба дэ синьдаха чооха* – «разделенные и поставленные в три места войска» написано невразумительное *илань ба синьдафи чооха дэньдэфи* – «три места поставив и войска разделив».

[218] *Цзун ду цзай хэчэнь* – «город Цзундуцзай». В принятом за название города словосочетании предполагаем кит. текст *цзун ду сай чэн* «стены главных [крупных] городов и крепостей». См. прим. 214.

[219] Кит. *нэй ду ба* (в тексте: *ней ду ба*) – «область внутренних [крупных] городов». См. прим. 196.

[220] В тексте: *Сейли, Фугуйэл.*

[221] Кит. *фу* – «дворец, резиденция, присутственное место».

[222] В тексте: *цзыхуэйсы Ли Жун.* Кит. *чжихуэйши* – «командир».

[223] В тексте: *Фунчоумынь.*

[224] В тексте: *Фуншаньсы.*

[225] В словах *кан цян*, принятых за имя собственное, видим кит. определительное предложение *кан цян* – «которые несут [на плече] копье», т. е. «копьеносцы». Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[226] Кит. *цзун вэнь дянь* – «главные гражданские церемонии» (*цзун* «главный», *вэнь* «язык, литература; гражданский», *дянь* «закон, кодекс; ритуал, церемония»). Не переведено, принято за название ямыня.

[227] В тексте: *тай юй*. Исправлено согласно «Истории государства киданей» (с. 88).

[228] *Бали*. Оставлено не переведенным. Кит. *ба ли* – «деспотичные и жестокие».

[229] В тексте: *Фу Юй, Ли Янь-дао*.

[230] В тексте: *Фун*.

[231] В тексте: *Цзун-жуэй*.

[232] В тексте вместо *кунхао чжихуэйши* «командир отряда *кунхао*» написано *кун хао цзы хуэй хафань*. О термине *кунхао чжихуэйши* см.: **Е Лун-ли.** История… - С. 394.

[233] *Эргэлэмэ чжунь гайки* – «насильственно… собери-ка!». В данном контексте слово *чжунь* не является маньчж. *чжунь* «очаг, печь». Это, скорее всего, кит. *чжунь* «разрешать, позволять, допускать», функцию которого может нести маньчж. показатель побудительно-страдательного залога *-бу-* в составе глагола. И в таком случае маньчж. текст *эргэлэмэ гайбуки* переводится как «вели-ка собрать насильственно!», т. е. «позволь собрать с применением насилия!».

[234] *Эргэнь синьдара ба* – «место, где отпускает от души». «Отпускает от души» – образец живой разговорной речи типа русских безличных предложений: «отлегло от сердца»; «на душе наболело»; «засосало под ложечкой» и т. п.

[235] *Мингань тангу ци* – «тысяч, сотен…». В непереведенном слове *ци* предполагаем кит. *ци* «достигать, доходить до».

[236] В тексте: *Бэ Вэнь-ко*.

[237] Принятое за имя собственное кит. определительное предложение *ин цэ* (в тексте: *ин сэ*) переводим как «которые обращены лицом к флангу» (*ин* «[выходить] навстречу, обратиться лицом к», *цэ* «сторона, бок, фланг»), заменяем причастным оборотом.

[238] Принятое за имя собственное кит. определительное предложение *чжао дэ* переводим как «который набирает и завершает».

[239] *Цзин цзин*. Принято за название местности. Предполагаем кит. словосочетание *чжэн цзин* «основные тропы». О том, что маньчжуры кит. слова *чжэн* и *цзин* транскрибируют как *чжин* (произносится *цзин*), см.: Полный маньчжурско-русский словарь / И. Захарова. – СПб..., 1875. – С. 982.

[240] *Цзючань дэ гэрэнь чооха* – «множество воинов». В оставленных не переведенными на маньчж. язык словах *цзючань дэ* видим кит. определительное предложение *цзю чань дэ* – «которые спасут и помогут» (*цзю* «спасать, выручать, помогать», *чань* «поддерживать, помогать», *дэ* – показатель определительного предложения). Используем сослагательное наклонение: «которые бы спасли и помогли».

[241] *Цзин хэчэнь* – «столичные города» (кит. *цзин* «столица»; маньчж. *хэчэнь* «город»).

[242] *Гун гэбу* – «официальный титул» (кит. *гун* «официальный, формальный»; маньчж. *гэбу* «имя, титул, достоинство»).

[243] В тексте: *сыма*. О термине *сима* см.: **Е Лун-ли.** История… - С. 477.

[244] В тексте: *Кан Цзун-мэй, Цзуй Тин-шунь*.

[245] В тексте ошибка: вместо *илань уфарань бэ обуха* – «сделал три ошибки» написано *илань бабэ уфараха* – «упустил три места».

[246] В тексте: *Ланьчэн*.

[247] В тексте: *Си-цзун и Жуань*.

[248] В тексте ошибка: вместо *баньчжитай* «от рождения, по природе» написано *баньчжихангэ* «родившееся, выросшее».

[249] В тексте: *Согу, Сейли*.

[250] В тексте: *цянвэнь Люго*.

[251] В тексте ошибка: вместо *габсихянь чооха* «легкие авангардные войска» написано *чжулэрги чооха* «передние войска; южные войска». Переводим *чжулэрги чооха* как «передовые войска».

[252] Кит. *чжи мэй тай дэ чуань* (в тексте: *цзимэ тай дэ чуань*) «самая красивая великая река» (*чжи* «самый; наи-», *мэй* «красивый; красота», *тай* «великий, большой», *дэ* – суффикс прилагательных, *чуань* «река, поток») принято за название местности.

[253] В тексте: *Хуанхао*.

[254] Вместо неудачного текста *тэрэ гисунь бэ хасху ичи эрги доньчжихалэ нялма* «эти слова левой и правой сторон все подслушанное люди» следовало написать *тэрэ гисунь бэ доньчжиха хасху ичи эрги нялма* «подслушавшие эти слова люди левой и правой сторон». Нарушен порядок слов и вместо причастия *доньчжиха* «подслушавшие» написано существительное *доньчжихалэ* «все подслушанное».

[255] В тексте ошибка: вместо *чира хоронь офи* – «приняв строгий, важный вид» (букв. «став строгим и важным») написано *чира бэ тоб обуфи* – «сделав лицо прямым (правдивым)». Маньчж. *чира* «лицо, цвет, вид; строгий; строго и т.д.» берем в значении «строгий», а не «лицо».

[256] В тексте ошибка: вместо *чжувэ нофи* «две особы» написано *чжунофи*.

[257] Кит. определительное предложение *хуай ши цзо бу ли* (в тексте: *хуа сы, собули*) – «который нарушил клятву и стал невыгодным» принято за два имени собственных (*хуай* «плохой; разрушать, нарушать», *ши* «клясться; клятва», *цзо* «делаться, становиться», *бу* – отриц. частица «не», *ли* «польза, выгода»). Маньчж. *гэбунгэ* «по именам» из текста исключаем.

[258] В тексте: *шунисы*.

[259] Кит. *хуэй лин* «Хребет славы» принято за название области.

[260] В тексте: *Тянь-сю*.

[261] В тексте: *Дай-тун* (?!)

[262] *Абкай фунлу* «Небесное жалование» – так (скорее всего, неправильно) переведено маньчжурами кит. *тянь лу*. Возможные переводы *тянь лу*: «Небом обнаруженный» (*лу* «показать, обнаружить»), «Небесный путь» (*лу* «дорога, путь, направление»), «Небесная запись» (*лу* «записывать; записки»).

[263] В тексте: *Жан-гуэ, Саго, Люго, Гао Сунь. Чагэ* – это *Оусэн*, сын *Аньдуаня*. См.: **Е Лун-ли.** История... - С. 409.

[264] В тексте: *Паньду*.

[265] *Ся цзе сы гурунь* – «народ *сяцзесы*». В принятых за этноним словах предполагаем кит. текст *ся цзе ши минь цзу* – «пугающий и грабящий дикий народ», т. е. «наводящий страх грабежами дикий народ» (*ся* «пугать», *цзе* «грабить; грабеж», *ши* «сырой, влажный», *минь цзу* «нация, народ»).

В слове *сы* видим кит. *ши* «сырой, влажный» (или кит. *цзы* «влажный, сырой»), использованные вместо кит. *шэн* «сырой, неспелый, необработанный» (маньчж. *эсхунь*). Поскольку слово *шэн* употребляется для характеристики немирных, непокорных этнических образований и переводится как «непокорный, дикий», то вполне логично тождественные ему слова *ши* и *цзы* тоже переводить как «непокорный, дикий». Для обозначения мирных, покорных племен и народов употребляется, соответственно, кит. слово *шоу* «свариться; вареный, готовый» (маньчж. *урэсхунь*).

По-маньчж. следовало написать примерно так: *голобурэ дурирэ эсхунь гурунь* – «пугающий и грабящий дикий народ».

[266] В тексте: *Дайнин-ван*. Титулы Данин-ван и Тайнин-ван тождественны и переводятся как «князь великого спокойствия».

[267] Кит. *юй си ле* (в тексте: *юй си лей*) «в западных шеренгах» (*юй* – универсальный предлог «к, от, в, из, с, для»; *си* «запад; западный»; *ле* «ряд, шеренга») принято за название племени.

[268] В тексте ошибка: вместо *эдулэхэ нимэку* «простудная болезнь, паралич» написано *эдунь нимэку* «ветряная болезнь».

[269] В тексте ошибка: вместо слова *тургунь* «причина, случай, повод» написано *шоло* «досуг, отдых».

[270] В тексте: *цянвэнь*.

[271] *Ань пин, нэй чоу, су ло*. Принято за названия трех городов. Предполагаем связный кит. текст *ань пин нэй чоу цзу ло* – «успокаивал внутренние густонаселенные родовые поселки» (*ань* «успокаивать», *пин* «умиротворять, усмирять», *нэй* «внутренний», *чоу* «плотный [о населении]; густой», *цзу* «род», *ло* «поселок»).

[272] В тексте: *Гао Вэй*.

[273] Кит. определительное предложение *чжу сянь* – «который поздравляет и преподносит [дары]» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[274] В тексте: *Лю Цзун*.

[275] Кит. определительное предложение *яо хань ин, хуай* (в тексте: *хуа*) *чжао инь* – «который приглашает, вызывает, встречает и который заботится о печати» принято за два имени собственных (*яо* «приглашать», *хань* «звать», *ин* «встречать», *хуай* «заботиться», *чжао* «заботиться», *инь* «печать»). Маньчж. *гэбунгэ* «по именам» из текста исключаем.

[276] В тексте: *Дейла*. Имеется в виду Шуя (второе имя Шулань). См.: *Е Лун-ли*... - С. 409.

[277] Кит. определительное предложение *чжан хун* – «который ведает доходами» (*чжан* «ладонь; ведать», *хун* «красный; алеть; прибыль, доход») принято за имя собственное.

[278] Кит. *цян го шань* (в тексте: *цян гу сань*) «горы могучей державы» (*цян* «сильный, мощный», *го* «страна, государство», *шань* «гора») принято за название гор.

[279] Непереведенное кит. словосочетание *ма нао* (*ма* «ругаться», *нао* «шуметь, скандалить, разбушеваться») выполняет, по-видимому, функцию обстоятельства образа действия. Можно перевести как «с руганью, со скандалом», «ругаясь и скандаля» и т. п. Близкое ему по значению кит. словосочетание *ху нао* («кричать и скандалить») в качестве глагольной основы присутствует в маньчж. глаголе *хунаоламби* «производить шум, бесчинство; проказничать, буянить».

[280] В тексте: *Елюй Цзун*.

[281] Кит. определительное предложение *синь чэ* (в тексте: *синь сэ*) – «которому доверял и которого втянул» принято за имя собственное.

[282] В тексте ошибка: вместо *гаймэ тучикэ* «вышел забрать» написано *гайфи тучикэ* «забрал и вышел».

[283] Кит. прилагательные *хуа чжэ* «хитрый и мудрый» (*хуа* «скользкий, хитрый», *чжэ* «философия; мудрый») приняты за имя собственное.

[284] В тексте: *Елюй Делей*.

[285] В тексте ошибка: вместо *иличи омби* «может взойти» написано *илимбихэ* (показатель глагола настояще-будущего времени *-мби* написан слитно с показателем причастия прошедшего времени *-хэ*, что противоречит грамматическим правилам маньчж. языка) – слово, которое невозможно перевести.

[286] В принятом за имя собственное словосочетании *янь са го* выделяем кит. *янь* «проверять, исследовать», не переведенное маньчж. глаголом *кимчимби* «проверять, исследовать», и имя собственное *Чагэ*, которое по всему тексту *Дяйляо гуруни судури* транскрибируется как *са го*.

[287] *Форгонь дэ ачабурэ* «соответствующий времени» – так переведено кит. *ин ли* «соответствующий образцам». Текст исправляем.

[288] Кит. определительное предложение *люй чэн шунь* (в тексте: *лю чэн шунь*) – «который тревожился, поддержал и привел в порядок» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[289] Ср.: *Викторова Л. Л.* Ранние формы религии киданей // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 262, 263.

[290] Кит. *сюань хуэй ши гуань* (в тексте: *сюань хуэй сы* хафань) – «объявляющий на заседаниях о делах чиновник» принято за название должности.

[291] В тексте ошибка: вместо существительных *эньдури эрдэму* «гениальность и добродетели» написаны прилагательные *эньдурингэ эрдэмунгэ* «гениальный и добродетельный».

[292] В тексте: *Чжэнь-лей*.

[293] Кит. *цзу лин* «Хребет предков» принято за название области.

[294] В тексте: *Сай Жун*.

[295] В тексте: *Фу Янь-чэн, Го Сун-и*.

[296] Кит. *шан цзюнь* (в тексте: *шан чжунь*) «лучшие войска» правильно переведено маньчж. словосочетанием *силиха чооха* «отборные войска, лучшие войска» и в то же время по ошибке присутствует в маньчж. переводе в качестве третьего имени собственного. Поэтому в маньчж. тексте числительное *илань* «три» заменяем на *чжувэ* «два» и исключаем словосочетание *силиха чооха*, дублирующее кит. *шан цзюнь* «лучшие войска».

[297] В тексте: *Сы Янь-чао*.

[298] В тексте: *Лю Чэн-чжунь*.

[299] Возможно, это кит. определительное предложение *би гу дэ* – «которые избегали поводов» (*би* «избегать», *гу* «причина, повод», *дэ* – показатель определит. предложения).

[300] В принятых за название гор кит. словах *ин шань* (в тексте *ин сань*) выделяем *ин* «упрямо, упорно» и *шань* «гора». Маньчж. апеллятив *алинь* «гора» из текста исключаем.

[301] В тексте ошибка: вместо *фафунь и вачи ачара гянь и вэйлэнгэ нялма бисирэдэ* – «когда будут истинно виновные люди, которых следует казнить по закону» написано невразумительное *вэйлэнгэ нялма бэ фафунь и вачи ачара гянь* – «истина, по которой следует казнить по закону виновных людей».

[302] В тексте: *Ицзинь, Вацяо, Юйкоу*.

[303] В тексте: *Сай Жун, Сун-шунь*.

[304] Кит. определительное предложение *цзяо да юй* (в тексте: *сяо да юй*) – «которые дружили и ловили рыбу» принято за третье имя собственное.

[305] Нарушен порядок слов: вместо маньчж. текста *чжафабуха амбасай вэйлэ* «схваченных амбаней преступление» написано *амбасай чжафабуха вэйлэ* «амбаней схваченное преступление».

[306] Нарушен порядок слов: вместо *чжулэрги ямунь* «южный ямынь» написано *ямунь и чжулэрги* «из ямыня южный».

[307] В тексте: *Сичжоу*.

[308] Вместо маньчж. словосочетания *гочика такуршаку* «близкий прислужник» написано *гочифи такурара* «приближенный и командированный».

[309] Кит. определительное предложение *гу го* – «который заботился о котлах» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[310] Принятое за два имени собственных кит. определительное предложение *ван бэй ли чжэн* (в тексте: *ван бэ, ли чжэн*) переводим как «который [лицом] к северу стоит точно» (*ван* – предлог «к, в, до», *бэй* «север», *ли* «стоять, поставить», *чжэн* «прямой; как раз; точно; лицевой»).

[311] Вместо маньч. *гочика такуршаку* «близкий прислужник» написано *ханьчи такурара* «близкий командированный».

[312] *Шао лу гэбунгэ нялма* – «человек по имени Шаолу». В кит. названии должности *шао лу жэнь* «топящий печи человек», т. е. «истопник», только слово *жэнь* («человек» и словообразовательный элемент существительных, обозначающих профессию) переведено маньчж. словом *нялма* «человек», а слова *шао лу* «топящий печи» приняты за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[313] Кит. *шэн инь* (в тексте: *сэн инь*) «поднял и повел [за собой]» принято за имя собственное.

[314] Кит. *шэн инь и цзи* (в тексте: *сэн инь, и си*) «поднявший и ведущий [за собой], а также» принято за два имени собственных (*шэн* «поднимать», *инь* «вести [за собой]», *и цзи* – сочинительный союз «и, а также»).

[315] В тексте ошибка: вместо маньчж. *босхо* «почки» написано *босохо*.

[316] Вместо маньчж. *гочика такуршаку* «близкий прислужник» написано *ханьчи такурабурэ* «близкий, находящийся в командировке».

[317] *Тун эл гэбунгэ нялма* – «человек по имени Тун-эл». Кит. *тун эр* «мальчик-подросток» (*тун* «подросток, ребенок», *эр* «сын, мальчик, ребенок») прочитано как *тун эл* и принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ нялма* «человек по имени» из текста исключаем, так как речь идет не об имени собственном и не названии должности, в состав которой бы входило слово «человек».

[318] Кит. определительное предложение *шэ ла ди* (в тексте: *сэлади*) – «который стреляет, приманивая свистком» – принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем. По-маньчж. следовало написать так: *мурамэ габтара* – «который, приманивая свистком, стреляет».

[319] В тексте ошибка: вместо *инэнги туванамэ чжурчэхэ* «днем пойти понаблюдать заупрямился» написано *туванамэ гэнэфи инэнги чжурчэхэ* «отправившись пойти понаблюдать, днем заупрямился». В тексте присутствует совершенно ненужное разновременное деепричастие *гэнэфи* «отправившись».

[320] В кит. названии должности *си го жэнь* «моющий котлы человек», т. е. «мойщик котлов», переведено только слово *жэнь* («человек» и словообразовательный элемент существительных, обозначающих профессию) маньчж. словом *нялма* «человек», а слова *си го* «моющий котлы» приняты за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[321] Характеризующее *Сяо Сы-вэня* кит. словосочетание *цзяо ху цзы* (в тексте: *сяо ху сы*) «хитрый лисий характер» принято за имя собственное.

[322] Кит. *и лай го* (в тексте: *илаго*) «с того времени, как живет» (*и лай* «с того времени, как», *го* «жить, существовать») принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[323] В тексте: *Лю Чэн-чжунь*.

[324] *Тай юй хафань хуа го– «тайюй* Хуаго». Предполагаемый текст кит. источника: *тай юй гуань, гу хуа го цзинь пу жэнь* «уважаемый известный чиновник и заботившийся о китайских фруктах близкий слуга» (*тай* «уважаемый», *юй* «известный», *гуань* «чиновник», *гу* «заботиться», *хуа* «Китай; китайский», *го* «плод, фрукт», *цзинь* «близкий», *пу жэнь* «слуга»). При сокращении текста были выпущены: слово *гу* «заботиться» и словосочетание *цзинь пу жэнь* «близкий слуга». Значение слов *хуа го* («китайские фрукты») подсказано определительным предложением *шао го хуа го синь гу* – «который о ложках, котлах, китайских фруктах, дровах [и т. д.] заботился» (см. прим. 326).

[325] В тексте: *Хань Цзи-гуй*.

[326] Поскольку речь идет о «лице, ведавшем императорским столом» (см.: *Е Лун-ли*... С. 113), то кит. определительное предложение *шао го хуа го синь гу*, принятое за три имени собственных, вполне возможно перевести как «который о ложках, котлах, китайских фруктах, дровах [и т.д.] заботился» (*шао* «ложка, черпак», *го* «котел, кастрюля», *хуа* «Китай; китайский», *го* «плод, фрукт», *синь* «хворост, дрова», *гу* «заботиться»).

[327] Ошибка в хронологии: Му-цзуну было 34 года и он сидел на троне 17 лет.

[327] В тексте: *Мин-и*.

[328] Кит. *шао го* «ложки и котлы» принято за имя собственное. См. прим. 326.

[329] *Вэй лун сы хафань юй ли, сы цзун хафань – «вэйлунши* Юйли *и сыцзун»*. Поскольку речь идет о начальнике придворного управления Сяо Шоу-сине (он же *Сяо Сы-вэнь*, см.: **Е Лун-ли.** История... - С. 114, 414), то можно предположить следующий текст кит. источника: *вэй лун сы гуань, гун юй ли цзай сы цзун гуань* – «личный чиновник, который кормил и причесывал, и главный чиновник находившегося внутри дворцового здания управления», в котором выделяем:

1) определительное предложение *вэй лун* – «который кормил и причесывал»;

2) *сы гуань* «личный чиновник»;

3) *гун юй ли цзай сы* – «внутри дворцового здания находившееся управление» (*гун юй* «дворцовое здание», *ли* – послелог «внутри», *цзай* «находиться», *сы* «управление»);

4) *цзун гуань* «главный чиновник».

Маньчжурами в этом тексте переведено только слово *гуань* «чиновник» маньчж. словом хафань; выпущены выполняющие функцию определения слова *гун* «дворец» и *цзай* «находиться»; слова *вэй лун сы* «кормивший и причесывавший личный» приняты за название должности *вэйлунши*; слова *юй ли*, входящие в словосочетание *юй ли сы* «управление внутри здания», оторваны запятой от определяемого ими слова *сы* «управление» и приняты за имя собственное Юйли; оставшееся в одиночестве слово *сы* присоединено к словам *цзун гуань* «главный чиновник», а образовавшееся словосочетание *сы цзун гуань* принято за название должности *сыцзун*.

По-маньчж. следовало написать примерно так: *учжифи ичжираха бэйнгэ хафань, гурун ни боо дэ бихэ ямунь и учжунга хафань* – «кормивший и причесывавший личный чиновник и главный чиновник находившегося внутри дворцового здания управления».

[330] В тексте: *Гао Шунь*.

[331] Кит. *цзяо у ли чжи* (в тексте: *сяо у лицзи*) «нежный, бессильный характер» принято за имя собственное второго лица. Имеется в виду один человек – мягкий, слабохарактерный Елюй Нила. Маньчж. *эрэ чжувэ нофи* «эти две особы» из текста исключаем. О терминах *чанвэнь* и *дудяньцзянь* (главный управляющий) см.: **Е Лун-ли.** История... - С. 444, 461.

[332] Вместо кит. *бай ма лин* «Хребет белой лошади» написано *бэ ма лин*.

[333] Ср.: **Е Лун-ли.** История... - С. 429.

[334] Кит. определительное предложение *да ли де цзе лай вай ли ло* (в тексте: *далидей, села, валилу*) – «который очень энергично и многократно грабил плохие внешние и внутренние селения» (*да ли* «большая энергия» выполняет функцию

обстоятельства образа действия и переводится как «с большой энергией», т. е. «очень энергично»; *де* «многократно», *цзе* «грабить», *лай* «плохой», *вай* «внешний», *ли* «внутренний», *ло* «селение») принято за три имени собственных.

Сравнительный анализ кит. слов и их маньчж. транскрипций позволяет в словах *дей, се, ла, ва, лу* предположить кит. слова *де, цзе, лай, вай, ло*.

Маньчж. *гэбунгэ илань* «трое по именам» из текста исключаем, т.к. речь идет об одном человеке и не об именах собственных.

Кит. *дудяньцзянь* – «главный управляющий».

[335] Кит. определительное предложение *шао го хуа го синь гу* принято за три имени собственных. См. прим. 326.

[336] Маньчж. *доро ачаки* «ритуалы пусть согласуются!» – вот все, что осталось от предполагаемого текста *чжулгэй доро дэ ачабумэ, гучуй фалинь бэ токтобуки* – «согласуясь с древними ритуалами, установим дружественные отношения!».

Относительно маньчж. слова *доро*, обладающего огромным диапазоном значений и требующего особого историко-философско-лингвистического анализа, скажем только, что оно включает:

1) значения маньчж. слов *гянь* «закон, правило, правда, истина, нравственность», *кооли* «закон, правило, обычай», *дасань* «правление, правительство», *салигань* «власть, самодержавие», *сооринь* «престол»,

2) многогранные по своему содержанию понятия древнекитайской философии *дао* «путь, направление, мораль, этика, справедливость, истина», *ли* «церемония, обряд, ритуал, правило этикета, приличия, благопристойность, вежливость и т. д.» (т. е. «нормы поведения»), *и* «долг, справедливость, обязанность» (т. е. «добровольные моральные обязательства»).

Огромный объем значений слова *доро* затрудняет его перевод, и только контекст подсказывает его смысл.

О кит. словах *дао, ли, и* см.: *Древнекитайская* философия. – М., 1972. – Т. I. – С. 24, 30, 34; *Сидихменов В. Я.* Китай: Страницы прошлого. – М., 1978. – С. 113 – 118; *Китайско-русский* словарь-минимум / Под ред. А. В. Котова. – М., 1974. – С. 72, 182, 347.

[337] В тексте ошибка: вместо *доро ачамэ* «ритуалы, согласуясь» следовало написать *доро дэ ачабумэ* «согласуясь с ритуалами».

[338] В тексте: *Елюй Чан-чу*. Кит. *чу* «начало; впервые» попало в состав имени собственного по ошибке.

[339] В тексте ошибка: вместо *ачаха доро* «согласовавшиеся ритуалы» следовало написать:

1) *ачабурэ доро* «согласующие ритуалы», т. е. «координирующие [дипломатические отношения] правила этикета»;

2) или *токтохо доро* «установившиеся ритуалы»;

3) или *токтобуха доро* «установленные ритуалы».

Текст исправляем и предлагаем перевод второго варианта: *токтохо доро* – «установившиеся ритуалы».

[340] Возможно, это китайские прилагательные *янь по* «горячий и энергичный».

[341] Кит. определительное предложение *чжан цзюй* – «который препятствовал и ограничивал» – принято за имя собственное.

[342] Кит. предложение *чан сы гуань хэ ли би* (в тексте: *чан сы хафань холиби*) – «чиновник департамента складских помещений проверяет подарки и деньги» (*чан* «складское помещение», *сы* «департамент», *гуань* «чиновник», *хэ* «проверять», *ли* «подарок», *би* «деньги») – принято за название должности *чанши* и имя собственное Холиби.

[343] Кит. прилагательные *хэ цзи* (в тексте: *хо цзи*) «теплая стремительная» приняты за название реки.

[344] Кит. *у жо чэн* (в тексте: *у жэ чэн*) «города [владения] Ужо» принято за название города. Маньчж. апеллятив *хэчэнь* «город» из текста исключаем.

[345] Кит. *гуй дэ чжоу* «области Гуй и Дэ» принято за название города. Маньчж. апеллятив *хэчэнь* «город» из текста исключаем.

[346] К тексте: *лан чжунь*.

[347] Кит. *ван лу та ма нэй му го гуань* (в тексте: *ван лу, тама хафань ней му го*) – «чиновник, который отправляется в путь и топчет конем внутренние дружественные государства» (*ван* «отправляться», *лу* «дорога, путь», *та* «топтать», *ма* «конь», *нэй* «внутренний», *му* «дружественный», *го* «государство») – принято за:

1) имя собственное Ванлу (имя *ланцзюня*, о котором речь идет выше), поэтому слова *ван лу* оторваны запятой от этого текста;

2) название чиновничьей должности *тама*;

3) имя собственное Неймуго (*нэй* транскрибировано как *ней*), поэтому слова *нэй му го* стоят после, а не перед определяемым словом *гуань* «чиновник».

По-маньчж. следовало написать примерно так: *чжугунь дэ гэнэфи, доргингэ гучуй гурунь бэ моринь и фэхурэ хафань* – «в путь отправляющийся и внутренние дружественные государства топчущий конем чиновник».

[348] Кит. *шао чжи гу ма чэ* (в тексте: *шао цзи гу, ма чэ*) – «редко изготовляемые старинные конные повозки» – принято за два имени собственных. Маньчж. *гэбунгэ чжувэ* «двое по имени» из текста исключаем.

[349] Вместо маньчж. текста *сооринь бэ сирара чжакадэ, ургунь и доро бэ мутэбурэ чжалинь унгихэ* – «для выполнения радостной церемонии по случаю унаследованию престола отправил» – написано сокращенное *сооринь бэ сираха сэмэ ургунь и дорой унгихэ* «"унаследовал престол", – говоря, согласно радостной церемонии отправил». Выпущенный текст восстанавливаем и заключаем в квадратные скобки.

О кит. *цзя ли* «радостные церемонии» (по-маньчж. *ургунь и доро*) см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. – М., 1972. – Т. I. – С. 239.

[350] Кит. *та ма чан шоу гуань* (в тексте: *тама хафань чаншоу*) – «постоянный главный чиновник, который топчет конем» (*та* «топтать», *ма* «конь», *чан* «постоянный», *шоу* «главный», *гуань* «чиновник») – принято за название должности *тама* и имя собственное Чаншоу, поэтому слова *чан шоу* стоят после, а не перед определяемым словом *гуань* «чиновник».

[351] В тексте: *Чжи-юань*.

[352] Вместо неудачного маньчж. текста *мэни вэйлэ бэ фоньчжимэ дайлара гянь* – «расспросив о наших делах, карающий закон» – следовало написать примерно так: *вэйлэ бэ фоньчжимэ, мэнингэ гянь и дайламби*» - «расспросив о делах, покараю согласно нашему закону».

[353] В тексте: *Елюй Са*.

[354] В тексте: *Дилей*.

[355] В тексте: *Елюй Сейчжэнь*.

[356] В тексте ошибка: вместо маньчж. *ула* «река» написано *улань* «овраг, горный ручей, канал, канава, зарубка на бирке и т. д.».

[357] Кит. *лин вэнь гуань* (в тексте: *лин вэнь хафань*) «возглавляющий и справляющийся чиновник» принято за название должности.

[358] Кит. *лю чжи вэнь лу цзюнь* (в тексте: *лю цзи вэнь, лу чжунь*) «шесть самых надежных сухопутных войск» принято за два имени собственных. Маньчж. *гэбунгэ чжувэ* «два по именам» из текста исключаем.

[359] Маньчж. *этэхэ хусунь и* «силами победы» – это, вероятно, попытка выразить мысль «воодушевленный одержанной победой» (см.: **Е Лун-ли.** История... - С. 417), что по-маньчж. будет звучать примерно так: *этэрэ чжакадэ, ини дайнь и сукдунь бэ нонгифи* – «вследствие победы свой боевой дух усилив». Текст исправляем.

[360] Кит. *ван ша хэ* (в тексте: *ван са хо*) «к [реке] Шахэ» (*ван* – предлог «к, в, до») принято за *ван* «князь» и имя собственное Сахо.

[361] В тексте ошибка: вместо *фафунга* «строгий» написано *фафунь* «закон».

[362] Вместо правильно оформленного маньчж. текста *досинамэ на бэ фэтэрэ дэ* – «когда рыли землю, чтобы пойти в наступление» – написан не совсем удачный текст на *бэ фэтэмэ досирэ дэ* – «когда, роя землю, наступали». Нарушен порядок слов и вместо глагола *досинамби* «идти в наступление» использован глагол *досимби* «входить, наступать».

[363] В тексте: *Елюй Сяо-гу*. Правителем города назван он, а не *Хань* Дэ-жан. См.: **Е Лун-ли.** История... - С. 418.

[364] Вместо правильно оформленного маньчж. текста *убашаха арга бэ дэрибухэ нялма* – «люди, у которых зародился план мятежа» – написан не совсем удачный текст *арга дэрибуфи убашара нялма* – «люди, которые зародили план и поднимут мятеж». Нарушен порядок слов.

[365] В тексте: *Елюй Сюго, Елюй Сянь-чжэнь*.

[366] Вместо маньчж. текста *тумэнь фуньчэмэ нялма бахафи ваха* – «смогли убить свыше 10 000 человек» – написано *вафи тумэнь фуньчэмэ учжу баха* – «убивая, приобрели свыше 10 000 голов».

[367] В тексте: *Цзочжоу*.

[368] Кит. определительное предложение *лю хун* – «которые сохранили и прогнали» – принято за третье имя собственное. Маньчж. числительное *илань* «три» заменяем на *чжувэ* «два», так как речь идет о двух главных участниках обороны Южной столицы.

[369] В тексте: *Хань Гуан-сы*.

[370] Букв. перевод *ухэри да дутун хафань* (в тексте вместо *да* написано *дэ*) – «общий главный *дутун*». «*Дутун* – командующий войсками крупной административной единицы» (см.: *История* Золотой империи. – Новосибирск, 1998. – С. 262).

[371] В тексте: *Саньси*.

[372] Вместо правильно оформленного текста *амбула нонгиха чооха исиньчжифи* – «пришли значительно увеличенные войска» написано *чооха нонгимэ амбула исиньчжифи* – «войска, увеличив, значительно пришли».

[373] Вместо текста *умай чжабдухаку* – «совсем ничего не успел» написано *умайначи чжабдураку* «...не успевает». Перевести *умайначи* в контексте невозможно.

[374] В тексте ошибка: вместо глагола *исабумби* «собирать, сводить» использован глагол *гачжимби* «приносить, доставлять».

[375] Кит. определительное предложение *го си* «который проводил развлечения» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[376] Кит. определительное предложение *су си чан ни* – букв. «который жаловался на развлечения и постоянную грязь» – принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[377] Маньчж. труднопереводимое *ину... кай* (*ину* «да! точно так, правда»; *кай* «о! так-то, вот как») переводим как «по правде [говоря]».

[378] Вместо словосочетания *гурунь и дасань* «управление государством» написано *гурунь и доро*, имеющее десяток вариатов перевода в связи с огромным объемом значений слова *доро*. См. прим. 336, 337, 339.

[379] Вместо маньчж. текста *чжэргидэ обуфи* «сделал в разряд» следовало написать *чжэргингэ обуфи* «сделал приравненным», т. е. «приравнял».

[380] *Тайфинь обуха* «установивший спокойствие» – так маньчжуры перевели кит. *цянь хэн* «уступчивый и постоянный». Текст исправляем.

[381] В тексте: *Сун-ван*. Титул Чун-ван «благородный князь» встречается в тексте *Айсинь гуруни судури* (см.: *История* Золотой империи... – С. 134).

[382] О первой попытке мятежа Си-иня см. перевод (тетрадь III, лист 19), где описаны события двадцатилетней давности, т. е. 960 г.

[383] В тексте: *Чжан Сы*.

[384] В тексте ошибка: вместо *фурдань* «крепость» написано *хэчэнь* «город».

[385] В тексте ошибка: вместо *моро* «чаша» написано *фила* «блюдце».

[386] Вместо используемого в *Дайляо гуруни судури* слова *батури* (эвенк. *багади*; сол. *батар*; ороч. *бату, батури*; ульч. *батур, батури*; нан. *батор*; маньчж. *батуру*) «богатырь, герой; храбрый» следовало написать *батурулара* – причастие настоящего времени, выполняющее функцию отвлеченного существительного, – которое переводится как «богатырство, геройство, храбрость, смелость, доблесть». См.: *Сравнительный* словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1975. – Т. I. – С. 61 (ст. *багади* «богатырь»); **Е Лун-ли.** История... - С. 420: «... твоя смелость превосходит твое имя».

[387] *Гисурэрэ ци* – «высказываемые...». Кит. *цы* (в тексте: *ци*) «слово, выражение» не переведено маньчж. *гисунь* «слово, речь, предложение». Кит. слова *сунь нин* «скромный и спокойный» и являются, по-видимому, этими *гисурэрэ гисунь* «высказываемыми словами». См.: **Е Лун-ли.** История... - С. 420.

[388] Кит. определительное предложение *лю ли шоу* – «который остался, управлял и присматривал» принято за имя собственное.

[389] Принятое за имя собственное кит. *чу цзи* (в тексте: *чуси*) «искоренил замысел», т.е. «устранил корень замысла», корректирует текст: речь идет о замысле, а не о свершившемся факте возведения на престол, поэтому вместо *илибуха* «возвели» следовало написать *илибуки сэхэ* «хотели возвести». Маньчж. перевод *чу цзи – хэбэ бэ вачжиха* «покончил с замыслом».

[390] В тексте: *пин чжан чжэн сы*. О термине *пинчжанши* см.: **Е Лун-ли.** История... - С. 351. Кит. *чжэн* – «политика; политический».

[391] Кит. *тай юй гуань цзи ва ли* (в тексте: *тай юй хафань си вали*) «уважаемый известный чиновник и низкий раб» принято за название должности *тайюй* и имя собственное Сивали (*тай* «уважаемый», *юй* «известный», *гуань* «чиновник», *цзи* – сочинительный союз «и», *ва* «низкий», *ли* «раб»). Ср. прим. 324, где речь идет об «уважаемом известном чиновнике и заботившемся о китайских фруктах близком слуге».

[392] Кит. *цян го шань* (в тексте: *цян гу сань*) «горы могучей державы» принято за название гор.

[393] Кит. *цзяо шань* (в тексте: *цзяо сань*) «пригородные горы» принято за название гор.

[394] Возможно, это кит. прилагательные *вэнь шу но* «ласковый, спокойный и робкий».

[395] Маньчж. глагол *ичихямби* «дать направление, управлять, исправлять, распоряжаться и т. д.» переводим как «взять на себя руководство».

[396] Кит. текст *дао инь* «прибыл и привел» принят за имя собственное.

[397] Кит. *чжи му* (в тексте: *цзиму*) «самый дружелюбный» принято за имя собственное.

[398] Вместо маньчж. *токтохо* «утвердились, определились, установились, успокоились» следовало написать *бэкилэхэ* «укрепились».

[399] Кит. текст *та ма се ли гуань* (в летописи: *та ма хафань сей ли*) – «чиновник, который топчет конем и благодарит за подарки» принят за название должности *тама* и имя собственное Сейли, поэтому слова *сей ли* стоят после, а не перед определяемым маньчж. словом *хафань* «чиновник». Ср. с прим. 347, 350.

[400] Кит. определительное предложение *шу ча* (в тексте *суса*) «который искупал ошибки» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем. Ср. с прим. 467, где дается перевод кит. *шу ча го* – «который искупал ошибки». Сравнительный анализ кит. слов и их маньчж. транскрипций позволяет в слове *суса* увидеть кит. слова *шу ча*.

[401] Слово *чжубу* – это не искаженная транскрипция этнонима *цзубу* (в тексте *Дайляо гуруни судури* он транскрибировался как *супу*), а кит. обстоятельство образа действия *чжу бу* «шаг за шагом, постепенно». По-маньчж. следовало написать *улхень улхень и* «мало-помалу, исподволь, одно за другим».

[402] Кит. словосочетание *сань цзюнь* «три правителя» принято за название должности.

[403] Кит. словосочетание *чжэн цэ* (в тексте: *чжэн сэ*) «политический курс» принято за название должности.

[404] Кит. *шу ми шэн* (в тексте: *шу ни сэн*) – букв. «важнейшее секретное управление». Употреблено вместо термина *шу ми юань*, для которого принят перевод «верховный военный совет». См.: **Е Лун-ли.** История... - С. 375. Кит. *ми* «секрет; секретный» во всем тексте летописи транскрибируется как *ни*.

[405] Кит. *нэй лай у вэй* (в тексте: *нела, у вэй*) «из внутренних плохих пять маленьких» принято за название двух племен. Маньчж. *эрэ чжувэ* «эти два» из текста исключаем.

[406] В тексте ошибка: вместо маньчж. прилагательного *комсонгэ* «небольшой, малый» написано наречие *комсо* «мало, скудно».

[407] Кит. определительное предложение *ни ли цзи* «который составляет и ставит столик» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[408] Вместо неудачного текста *нурэ тубихэ бэ, суйлаха арамэ сариламэ омибуха* – «вином, фруктами, чтобы изнурившихся трудами привести в порядок, угостив, велел напоить» предлагаем перевод следующего текста: *суйласхунь и хусунь бэ нонгимэ, тубихэ бэ сарилабуфи, нурэ бэ омибуха* «чтобы подкрепить (букв: «увеличить силы») изнуренных трудами, велел угостить фруктами и напоить вином».

[409] В кит. словосочетании *тин нань цзюнь слова тин нань* «исключительно трудный» приняты за название, а *цзюнь* «округ» принято за *цзюнь* «войска», поэтому в текст включены маньчж. слова *гэбунгэ чооха* «войска, названные», которые мы, в свою очередь, исключаем из текста.

[410] В тексте: *Шунчжоу.*

[411] В тексте: *Тянь Цзун-цзинь.*

[412] В тексте: *Ян Цзи-ней.*

[413] В тексте ошибка: вместо *гайха* «захватили» написано *гайбуха* «проиграли».

[414] Кит. *ци хоу* (в тексте: *ци гоу*) «после этого, затем» принято за название города. В нижеследующем тексте числительное *дуйнь* «четыре» заменяем на *илань* «три», т. к. речь идет о трех городах.

[415] Возможно, имеется в виду *Ма Юнь*, он же *Ма Ши*. См.: **Е Лун-ли.** История... - С. 121, 424.

[416] В тексте: *Цзочжоу.*

[417] В тексте: *Дай Пэн-и, Ма Бинь* и *Хо Вань-дэн.*

[418] Кит. прилагательные *и чжэн* «другие главные» приняты за имя собственное.

[419] Кит. *цзун жун* (в тексте: *сун шун*) «дали волю; попустительствовали» принято за имя собственное. Маньчж. *эрэ чжувэ амбань* «эти два амбаня» из текста исключаем.

[420] Кит. *фан юй сы* – «управление обороны» (*фан юй* «оборона; обороняться», *сы* «управление, отдел»).

[421] Кит. *му чао* «дружественная династия» принято за имя собственное.

[422] Кит. *яо син* «по фамилии Яо» не переведено маньчж. *яо хала* «по фамилии Яо».

[423] Кит. *мэнь* (*мынь*) «дверь, ворота» оставлено непереведенным.

[424] В четырех словосочетаниях (*си ван, чоу нин, дай ван, пу ну нин*), принятых за названия титулов и имена собственные, предполагаем кит. определительное предложение *ши ван чоу нин дай ван пу но нин* – «который наблюдает за печальными и тихими, за ленивыми и сумасбродными, за скромными, робкими и спокойными» (*ши ван* «наблюдать», *чоу нин* «печальные и тихие», *дай ван* «ленивые и сумасбродные», *пу но нин* «скромные, робкие и спокойные».

[425] Кит. *ши ван чоу нин* принято за имя собственное. См. прим. 424.

[426] Кит. *фу бу шу* – «помогающий располагать».

[427] В тексте: *Ян Цзи-ней.*

[428] В тексте: *Холинту.*

[429] Допущены ошибки: 1) вместо *бошохой* «долго преследовал» написано *гамахай* «долго брал»; 2) вместо *утай хэчэнь дэ амчафи* «настиг у города Утай» написано *утай шань дэ исибуфи* «довел *до* [гор] Утайшань»; 3) вместо *ваха* «убил» написано *баха* «приобрел». Исправлено согласно: **Е Лун-ли.** История... - С. 426.

[430] В тексте ошибка: вместо *ваха* «убили» написано *баха* «приобрели».

[431] В тексте ошибка: вместо *гайха* «взяли, получили, захватили» написано *гайсу* «возьми!».

[432] В тексте: *Хуачжоу.*

[433] Маньчж. *чооха гачжимэ дамэ чжимби* – «идет помочь доставить войска». Текст непонятен. Ср.: **Е Лун-ли.** История... - С. 427, где речь идет о переселении жителей четырех областей по приказу сунского императора, а не о доставке войск.

[434] В тексте: *Ланъяцзунь.*

[435] Кит. *я* «зуб, зубы» переведено не маньчж. словом *вэйхэ* «зуб, зубы; рог, рога», а словом *аргань* «росток; зубец; глазные зубы, клыки».

[436] *Мини хала хонинь и гэбу адали* – букв. «моя фамилия подобна названию овцы». Предлагаем более точный перевод – «моя фамилия созвучна слову "овца"».

[437] В кит. тексте *ай чжан чжао цзи сань ин чжоу* (в летописи: *ай чжан, чжао си сань, ин чжоу хэчэнь*) выделяем словосочетание *ин чжоу* «крепкие области» и определительное предложение *ай чжан чжао цзи сань* – «которые препятствовали собирать и распускать» (*ай чжан* «препятствовать», *чжао цзи* «собирать», *сань* «распускать»). Текст принят маньчжурами за названия трех городов, поэтому в него включен маньчж. апеллятив *хэчэнь* «города», который мы, в свою очередь, исключаем.

[438] Кит. *ай ли ча* (в тексте: *ай ли са*) «мешали управлять и контролировать» принято за имя собственное представителя племен *си*.

[439] Кит. *хуань хай* «страдали, болели» принято за имя собственное амбаня из государства Бохай.

[440] Кит. *тун чжоу* «болели за область» принято за название областного города. Речь идет об области Юйчжоу, а не Тунчжоу (см.: **Е Лун-ли.** История... - С. 424). Апеллятив *хэчэнь* «город» из текста исключаем.

[441] Кит. определительное предложение *гэн чжао чжун* – «который повторно набирал и был верен» (*гэн* «повторно», *чжао* «набирать», *чжун* «верный; быть верным») принято за имя собственное *цзедуши*, которым был Сяо Чоли.

[442] Кит. *цза гэ хэ* (в тексте: *саго хо*) «разнообразные всякие реки» принято за название реки.

[443] Кит. определительное предложение *по лин чоу нин пу но нин* (в тексте: *пу лин, чоу нин, пу ну нин*) – «который побуждает печальных и тихих, скромных и робких, спокойных [воинов]» принято за три имени собственных. Ср. с прим. [424], где вместо *по лин* «вынуждать, побуждать» использовано *ши ван* «наблюдать». По-видимому, и в этом случае речь идет об Елюй Пудэ, «чиновнике из управления военного инспектора».

[444] Вместо невразумительного маньчж. теста *чжулэрги цзин ни чоохай агура уксинь сача бэ бэлхэмэ гайсу* – «из Южной столицы военное оружие, латы, шлемы, держа в готовности, собери!» предлагаем перевод следующего текста: *чжулэрги цзин дэ гайха чоохай агура уксинь сача бэ бэлхэ* – «в Южной столице собранные военное оружие, латы, шлемы держи в готовности!».

[445] *Фуцзинь* (в тексте мн. число: *фуцзиса*) – это маньчж. транскрипция кит. слова *фужэнь* «супруга».

[446] Кит. прилагательное *ань нин* «спокойный» принято за имя собственное.

[447] В тексте: *цзедусы хафань фону, гувэ чжоу цзюнь и чооха бэ кадалара ван лу* – «*цзедуши* Фону и управляющий гувэчжоуцзюньскими войсками Ван Лу».

Предполагаемый текст кит. источника: *цзедуши фэнь ну ван лу гуань ли го вэй чжоу цзюнь* – «*цзедуши* возмущались и забывали появляться и управлять войсками областей, в которых жили и находились» (*фэнь ну* «возмущаться, сердиться, гневаться», *ван* «забывать», *лу* «появиться», *гуань ли* «управлять», *го* «жить», *вэй* «находиться», *чжоу* «область», *цзюнь* «войска»).

Допущенные маньчжурами ошибки:

1) глагол *фэнь ну* «возмущались» прочитан как *фону* и принят за первое имя собственное;

2) в словосочетании *ван лу гуань ли* «забывали появляться и управлять» переведено только *гуань ли* «управлять» маньчж. причастием настоящего времени *кадалара* «управляющий», а *ван лу* «забывали появляться» принято за второе имя собственное, поэтому поставлено после слова *кадалара* «управляющий», т. е. *ван лу* и *гуань ли* поменялись местами;

3) словосочетание *го вэй чжоу цзюнь* «войска областей, в которых жили и находились» (*го вэй* – определительное предложение, *чжоу цзюнь* «войска областей» – определяемое словосочетание) прочитано как *гувэ чжоу цзюнь* и принято за название войск, поэтому после него поставлен маньчж. апеллятив *чооха* «войска», который мы, в свою очередь, исключаем из текста.

Сравнительный анализ кит. слов и их маньчж. транскрипций позволяет в слове *гувэ* предположить кит. глаголы *го* и *вэй*, а в слове *фону* – кит. глагол *фэнь ну* (*фэнь ну* → *фунь ну* → *фонь ну* → *фон ну* → *фону*).

Кит. текст реконструирован, исходя из содержания отрывка: нужно было выяснить причину наказания палками, о чем умалчивал маньчж. текст.

[448] Кит. *яо син* «по фамилии Яо» не переведено маньчж. *яо хала* «по фамилии Яо».

[449] Кит. *тан цзин сянь* (в тексте: *тан син сянь*) «танский пограничный уезд» принято за название уезда.

[450] Кит. определительное предложение *ху то* «который охраняли и держали» принято за название моста.

[451] Кит. *шуан гу ли* (в тексте: *суан гули*) «седые старые рабы» принято за имя собственное.

[452] Кит. определительное предложение *ван до* (в тексте: *ван ду*) «в которой наблюдали и прятались» принято за название.

[453] Кит. обстоятельство *хо чжоу* (в тексте: *хочжу*) «вдруг, внезапно, неожиданно» принято за имя собственное; *сяосяо* – название военного чина.

[454] В тексте: *Лю Дин-жан*.

[455] В тексте: *Холинту, Ян Цзун-цзинь*.

[456] Кит. *та ле гэ* (в тексте: *та лей го*) «его героический старший брат» принято за имя собственное.

[457] Вместо маньчж. *гочика такуршаку* (или *гочика такурси*) «близкий прислужник» написано *гочифи такуршара* «приближенный и находящийся в услужении».

[458] Кит. *сяо та ли* «молодой его раб» принято за имя собственное.

[459] Кит. *ян дуань* «центральный участок» принято за название города.

[460] Кит. *фэн му цзинь чэн* (в тексте: *фун му цзинь хотонь*) «богатые могилы и Запретные города» принято за название – «город Фунмуцзинь».

[461] Вместо выражения *чихай гайбуха* «позволялось брать [все], что угодно» (букв. «позволялось брать по желанию») следовало бы написать *фэтэбуфи дурибуха* «позволялось раскапывать и грабить». По-видимому, составители летописи намеренно не перевели на маньчж. язык кит. словосочетание *фэн му цзинь чэн* «богатые могилы и Запретные города» и употребили нейтральное выражение *чихай гайбуха* «позволялось брать по желанию» из цензурных соображений.

[462] Кит. *шэнь чжоу* «какие-либо области» принято за название областного города.

[463] В тексте: *Елюй Шан*.

[464] В тексте ошибка: вместо *гэбу бухэ* «пожаловал титул» написано *тукемэ гэбулэхэ* «поднес и объявил почетный титул» – выражение, употребляемое исключительно в связи с подношением почетных титулов императорам и императрицам.

[465] Кит. словосочетание *до чэн сянь* (в тексте: *ду чэн сянь*) «многие города и уезды» не переведено маньчж. *гэрэнь хэчэнь сянь* «многие города и уезды», принято за название уезда.

[466] Вдовствующая императрица Чэн-тянь. См.: **Е Лун-ли.** История... - С. 467, где указан полностью ее почетный титул по-китайски и дан его перевод, значительно отличающийся от маньчжурского.

[467] Кит. определительное предложение *шу ча го* (в тексте: *су сагo*) – «который искупал ошибки» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем. Ср. с прим. [400], где также дается перевод кит. *шу ча* – «который искупал ошибки».

[468] Кит. определительное предложение *вэй ли со ли* (в тексте: *вэли, сули*) – «которые силой (творит. падеж) управлялись» (*вэй* – первый элемент пассивной конструкции *вэй... со, ли* «сила», *со* – второй элемент пассивной конструкции *вэй... со, ли* «управлять») принято за два этнических названия. Маньчж. *эрэ чжувэ* «эти два» из текста исключаем. По-маньчж. следовало написать примерно так: *агурай хусунь и кадалаха аймань* «силой оружия управлявшиеся племена».

[469] Относящийся к Сяо Циньдэ кит. текст *тун цзюнь си лу гуань* (в летописи: *тун цзюнь хафань силу*) – «чиновник, который связывается с войсками и подробно записывает» (*тун* «связываться», *цзюнь* «войска», *си* «подробно», *лу* «записывать», *гуань* «чиновник») принят за название должности *тунцзюнь* и второе имя собственное Силу, поэтому слово *силу* стоит после, а не перед определяемым маньчж. словом *хафань* «чиновник».

[470] В тексте ошибка: вместо *бахафи исика* «удалось подойти» написано *бахара исика* «получение подошло».

[471] Кит. определительное предложение *пань я* – «которых осудили и взяли под стражу» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по именам» из текста исключаем.

[472] Кит. прилагательные *цза ду* (в тексте: *саду*) «разные главные» приняты за какое-то название.

[473] Кит. определительное предложение *чжо нин* (в тексте: *чжоу нин*) «который сосредоточенно обдумывает» (*чжо* «взвешивать, обдумывать», *нин* «сосредоточиться; сосредоточенно») принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[474] В тексте: *Ицзиньгуань.*

[475] В тексте: *Хань Дэ-жун.*

[476] В тексте: *Синьло.*

[477] В тексте: *Ицзиньгуань.*

[478] Кит. определительное предложение *тао вэй* – «который рыл и окружал», т. е. «который рыл и брал в осаду», принято за имя собственное.

[479] Кит. определительное предложение *цзи гэ* (в тексте: *си го*) – «который являлся старшим братом» принято за имя собственное.

[480] Кит. определительное предложение *чжэ би сы* (в тексте: *цзиби сы*) – «которые заслоняли прочно» (*чжэ* «заслонять, загораживать», *би* «закрывать, скрывать», *сы* «смерть; умереть; насмерть; прочно, крепко, накрепко, наглухо») принято за название скал.

[481] В тексте: *сыхуэйсы.*

[482] Кит. определительное предложение *лю чи* – «который задержался и опоздал» принято за имя собственное.

[483] В Китае для получения должностей в государственном аппарате нужно было выдержать три государственных экзамена:

1) уездный экзамен для получения низшей ученой степени *сюцай* «изящный талант» (маньчж. *шусай*);

2) областной экзамен для получения второй ученой степени *цзюйжэнь* «рекомендованный человек» (маньчж. *тукеси*);

3) столичный экзамен для получения третьей высшей ученой степени *цзиньши* «поступающий на службу» (маньчж. *досикаси*). См.: **Пу Сун-ли.** Рассказы Ляо Чжая о чудесах. – М., 1973, с. 530, 536, 561; **Е Лун-ли**. История... - С. 318; **История** Золотой империи... – С. 267 («...*сюцай* (кандидат)... *цзюйжэнь* (магистр)... *цзиньши* (доктор)...»).

[484] Кит. *сюэ гуань* (в тексте: *сё гуань*) «ученые чиновники» принято за название должности.

[485] Кит. *чжу бу* «главные учреждения» принято за название должности.

[486] Кит. *ма дэ чэнь* «ругающий сановник» (*ма* «ругать», *дэ* – показатель определения, *чэнь* «чиновник, сановник, министр») принято за имя собственное. О кит. термине *цзяньи дафу* «сановник, увещевающий императора» (также переводится и термин *цзянь дафу*) см.: **Е Лун-ли.** История... - С. 404, 417.

[487] Вместо неудачного текста *бакчинь баньчжифи* «противоположностями рождаются» следовало написать *банитай* (или *баньчжитай*) *бакчинь бифи* «по сути (по природе) противоположностями являются».

[488] В маньчж. тексте *эчжэнь амбань этэрэ бэ тэмшэмэ мутэмбио* – «господин, вассал победу оспаривать могут ли?» выпущено последнее слово *мутэмбио* «могут ли?», по-видимому, гравером при изготовлении ксилографа.

[489] *Доро чжургань*– «благопристойность и долг». Многозначные маньчж. слова *доро* и *чжургань* включают в себя и весьма многогранные по своему содержанию понятия древнекитайской философии. Слово *доро* «закон, правление, держава, престол» (см. прим. [349]) включает кит. понятия: 1) *дао* «путь, направление, этика, мораль, справедливость, истина»; 2) *ли* «ритуалы, церемонии, обряды, правила этикета, приличие, вежливость, благопристойность»; 3) *и* «долг, обязанность, справедливость». Слово *чжургань* «черта, линия, строка, министерство» включает также кит. понятие и «долг, обязанность, справедливость». Поэтому словосочетание *доро чжургань* (по-кит. *ли и*) в широком смысле означает «нормы поведения и добровольные моральные обязательства». Перевод «благопристойность и долг» лишь приблизительно передает значение этого словосочетания.

В других контекстах *доро чжургань* переводится как «ритуалы и обязанности», «закон и справедливость» и т. п.

О кит. понятиях *ли, и, дао* см.: *Древнекитайская* философия. – М., 1972. – Т. I. – С. 24, 30, 34; *Сидихменов В. Я.* Китай: Страницы прошлого. – М., 1978. – С. 113–118.

[490] В тексте ошибка: вместо *гарчжара* «изнурение; изнуряющий» написано *гарачжара*.

[491] *Ту хунь, хуань цзинь, хуэй у, нань цзинь, ду до гэбунгэ суньчжа аймань* – «пять племен под названием *тухунь, хуаньцзинь, хуэйу, наньцзинь, дудо*».

В принятом за пять этнических названий отрывке видим только один этноним – *тухунь* – и предполагаем кит. текст *хуань цзинь хуэй у нань цзинь ду до цзу*, в котором выделяем:

1) определяемое словосочетание *ду до цзу* «независимое многочисленное племя»;

2) определительное предложение *хуань цзинь хуэй у нань цзинь* «которое обменивало исключительно великолепные (досл.: «блестящие, славные») вещи на южное золото» (*хуань* «обменивать», *цзинь* «исключительно», *хуэй* «блеск, слава», *у* «вещь, предмет», *нань* «юг; южный», *цзинь* «золото, деньги; металлы»).

Маньчж. *гэбунгэ суньчжа* «пять под названием» из текста исключаем.

[492] В тексте: *Сахо*.

[493] Кит. определительное предложение *ай хай* (в тексте: *ахай*) «который препятствовал и вредил» принято за имя собственное.

[494] Кит. определительное предложение *ча фан* (в тексте: *сафан*) «который проверяет и выпускает» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста выпускаем. По-маньчж. следовало написать примерно так: *кимчифи валяра амбань* «*амбань*, который проверяет и выпускает».

[495] Кит. определительное предложение *ду бэй* (в тексте: *ду бэ*) «который изучил Север» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста выпускаем. По-маньчж. следовало написать примерно так: *амарги бэ тачиха нялма* «человек, который изучил Север».

[496] В тексте ошибка: вместо существительного *баниха* «благодарность» написано причастие *баньчжиха* «родившийся».

[497] Кит. *дин нань* «самые трудные» принято за название округа.

[498] Кит. *лин чжоу* «другие областные» принято за название города.

[499] Вместо *бумэ васимбуфи торомбуха* – «отдать приказал и прекратил гнев» написано *чжао битхэ бумэ торомбуха* – «манифест отдав, прекратил гнев». Таким образом, вместо глагола *васимбумби* «издать указ; приказать словесно» ошибочно употреблено существительное *чжао битхэ* «указ государя; манифест».

[500] Кит. прилагательные *пяо лян жоу* (*пяо лян* «красивый», *жоу* «нежный») приняты за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[501] В тексте: *Фунсинчжоу*.

[502] Кит. словосочетание *ли цзэй юй* (в тексте: *ли сэй ю*) «острый хитрый язык» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[503] Вместо маньчж. существительного *аньчурахи* «сафьян с позолотою, вызолоченная кожа» написано *аньчулаха* – причастие прошедшего времени от глагола *аньчуламби*, которого нет в «Полном маньчжурско-русском словаре» И. Захарова.

[504] Кит. определительное предложение *ай* му *ли* (в тексте: *амули*) «который любил мирные правила (примеры, законы)» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[505] В тексте нарушен порядок слов: вместо *ахунь дэо эмги тэхэ* «братья все вместе жили» написано *эмги тэхэ ахунь дэо* «все вместе живущие братья» (парное слово *ахунь дэо* «братья» состоит из *ахунь* «старший брат» и *дэо* «младший брат»).

[506] В тексте ошибка: вместо *битхэ*, имеющего огромный диапазон значений, следовало написать *дансэ* «журнал, список, реестр, ведомость».

[507] В тексте ошибка: вместо *дайнь дэ батуру мичихянь* «на войне храбрый [или] малодушный» написано *чооха дэ батури габсихянь* «в войске храбрый [или] проворный». Прилагательное *габсихянь* «проворный, ловкий, остроумный, отборный» не может быть антонимом прилагательного *батуру* «храбрый», которое по всему тексту летописи транскрибируется как *батури*.

[508] *Эфирэ хэхэси* – букв. «играющие женщины» (от маньчж. глагола *эфимби* «играть, шутить, забавляться, представлять на театре»).

[509] Кит. определительное предложение *ши ван хэ шо но* (в тексте: *си ван, хо со ну*) «которые наблюдают и делают выговор трусливым» (*ши ван* «наблюдать», *хэ шо* «делать выговор», *но* «трусливый») приняты за два имени собственных.

[510] В тексте: *ужэ*.

[511] Кит. определительное предложение *у юань* – «которое не имело истоков» (*у* «не иметь», *юань* «исток, источник») принято за название племени.

[512] Названия двух титулов написаны как один титул – *Ланьлинцзюнь-ван*.

[513] Кит. определительное предложение *ай у тунь* (в тексте: *а у тунь*) «который мешает, вредит и присваивает» принято за имя собственное.

[514] Кит. *у чжоу* «пять дней» принято за имя собственное.

[515] Кит. *ди ле ба цзу* (в тексте: *ди лей ба аймань*) – «восемь племен *дилэ*». Возможно, имеются в виду не племена *дилэ*, а некие «враждебные непреклонные восемь племен» (*ди* «враждебный», *ле* «непреклонный», *ба* «восемь», *цзу* «племя»).

[516] Вместо неудачного маньчж. текста *мусэй илань эрги чжэчэнь* «наши трехсторонние границы» следовало написать примерно так: *илань эрги чи дайляо гурунь бэ кармарангэ, мусэй чжэчэнь дэ* – «на наших границах – тех, что с трех сторон защищают государство Да Ляо».

[517] Вместо неудачного маньчж. текста *чоохаламэ ябурэнгэ* «те, что, выступив в поход, служат (идут, действуют)» следовало написать *чоохай ябунь* (или *дайнь и ябунь*) «военные действия».

[518] Вместо маньчж. словосочетания *дасара арга и оёнгонь* «искусства управления суть» написано *дасара оёнго арга* «управления существенное искусство». Таким образом, вместо существительного *оёнгонь* «суть, сущность» употреблено прилагательное *оёнго* «существенный».

[519] В маньчж. словосочетании *фэчжэрги иргэнь* «подчиненный народ; подданные» при изготовлении ксилографа упущено слово *иргэнь* «народ».

[520] *Аньфу тэмби* – «...поселяются». Кит. глагол *ань фу* «умиротворять» (*ань* «спокойный; успокаивать», *фу* «успокаивать, утешать») заимствован маньчж. языком и закрепился в двух вариантах (*анафу* и *аньфу*) в качестве существительного «пограничная охрана», прилагательного «пограничный» и как основа маньчж. глагола *аньфуламби* «охранять границу; поселять войска на границе» (*-ла-* – наращение, *-мби* – показатель настояще-будущего времени). См.: **Сравнительный** словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1975. – Т. 1. – С. 42.

[521] Нарушен порядок слов: вместо словосочетания *урэбумэ тачибуха* «основательно обученные» написано *тачибумэ урэбухэ*, имеющее десяток вариантов перевода.

[522] Слово прочитать невозможно из-за плохой гравировки.

[523] Кит. определительное предложение *се сюань* (в тексте: *сей сюань*) «о котором написали и обнародовали» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[524] Кит. определительное предложение *фу цзянь* «которого взяли в плен и убили» принято за имя собственное.

[525] Вместо наречия *бучэтэй* «на́смерть» написано причастие *бучэрэ* «умирает; умирающий; умирание».

[526] *Айси туса* – «большая польза». Спаривание существительного *айси* «польза» с его синонимом *туса* использовано для интенсификации качественной характеристики. См.: **Лебедева Е. П.** Редуплицированные и парные слова в маньчжурском языке // Вопросы языкознания. – М., 1974. – Т. 2. – С. 96–102.

[527] Кит. определительное предложение *пин дин ни* «в которых определяли и составляли» (*пин* «оценивать, определять», *дин* «составлять [план]», *ни* «составлять [план]») принято за топонимическое название.

[528] Вместо маньчж. *афафи бахаку* «штурмовать (осадить, напасть, сразиться) не смог» следовало написать *афамэ гайфи бахаку* «штурмом взять не смог» или *афамэ гайхаку* «штурмом не взял».

[529] Кит. словосочетание *цзяо цзи юань* (в тексте: *сяо цзи юань*) «совет сношений» (*цзяо цзи* «сношения» состоит из *цзяо* «иметь связь; связь, отношения, дружба» и *цзи* «граница; на грани; между»; *юань* «совет, палата, департамент») принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[530] Кит. текст *лан шань цзинь си ши* (в летописи: *лан сань, цзинь си сы*) «прозрачные веера, золотые и оловянные украшения» принят за названия двух городов.

[531] Кит. *ло шоу сянь чэн* (в тексте: *ло шоу сянь хотонь*) «поселки и главные уездные города» принято за название – «город Лошоусянь».

[532] Кит. *янь гоу* «вдоль каналов» в составе кит.-маньчж. словосочетания *янь гоу ба* принято за название – «страна Яньгоу». «Страна вдоль каналов» – это, по-видимому, поэтический образ Китая тех времен.

[533] В тексте: *Лянгуэ-ван*.

[534] Кит. словосочетание *цзяо цзи юань* (в тексте: *сяо цзи юань*) «совет сношений» принято за имя собственное, поэтому стоит после, а не перед определяемым им словом *цзайсян*. О термине *цзайсян* «великий министр» см.: *Мэн-да бэй-лу:* «Полное описание монголо-татар». – М., 1975. – С. 169.

[535] Кит. текст *да ли дай* «прибыл, привел в порядок, возглавил» принят за имя собственное.

[536] Кит. словосочетание *лян мэнь* «очень ду́шная» принято за название области.

[537] В тексте: *Ван Цзи-сун*.

[538] Кит. прилагательные *тан цзин* (в тексте: *тан син*) «танская пограничная» приняты за название области.

[539] Кит.-маньчж. словосочетание *ну сирдань* «сердитая стрела» существовало, по-видимому, наряду с *ну бэри* «сердитый лук», т.е. самострел.

[540] В тексте: *Цзао Ли-юн*.

[541] Ср. **Е Лун-ли.** История... - С. 128: «...ящик с письмом, в котором кидане снова просили земли к югу от застав». Весь маньчж. текст, повествующий о переговорах между киданями и китайцами, очень сокращен и неудачен в грамматическом отношении.

[542] Вместо неудачного маньчж. текста *тайхоу бэ мэни хань дэ ухумэ арафи* – «тайхоу для нашего хана сделают младшей теткой» предлагаем перевод следующего текста: *тайхоу бэ мэни хань ухумэ гэбулэфи* – «наш хан будет называть тайхоу младшей теткой».

[543] В тексте: *Сачжоу*.

[544] Кит. словосочетание *дунь хуан ван* «глупый и лживый князь» принято за название титула – Дуньхуан-ван.

[545] Кит. текст *цао шоу да си* «примитивный, покорный, очень маленький» принят за имя собственное Цао шоу и этническое название *даси* (*даши, дацзи*) или название владение Даши.

[546] Кит. определительное предложение *цзюй бо* «которые отвергали» (*цзюй* «отвергать, давать отпор», *бо* «оспаривать, опровергать») принято за этническое название. По-маньчж. следовало написать причастие прошедшего времени *мараха* «отвергавшие».

[547] Кит. текст *е лай ли* (в летописи: *ей ла ли*) «[и] отец принесли подарки» принят за имя собственное.

[548] Кит. текст *сюань сянь* «объявленная в народе мудрой» (*сюань* «объявлять, обнародовать», *сянь* «мудрый») маньчжуры неудачно перевели как *илэту мэргэнь* «всенародно мудрая» вместо правильного *мэргэнь илэтулэбухэ* «объявленная в народе мудрой». Т.е. вместо причастия *илэтулэбухэ* употреблено наречие *илэту* «ясно; открыто; всенародно». Текст исправляем.

[549] Кит. словосочетание *ду хуай коу* «заваленные и разрушенные входы» принято за название – «проход Духуайкоу», т. к. слово *коу* имеет значения «вход», «проход» и др.

[550] Кит. определительное предложение *люй цзю* (в тексте: *лю сю*) – «который учитывает и исследует» принято за название должности.

[551] В тексте: *Ван Сун*.

[552] Кит. словосочетание *гао чжан* «выдающийся командир» принято за второе имя собственное. Маньчж. числительное *чжувэ* «два» из текста исключаем.

[553] Относящееся к Кан Чжао кит. определительное предложение *фу чжань ли ле* (в тексте: *фучжань ли лей*) – «который связал и обезглавил жестокого и яростного» принято за второе имя собственное.

[554] В тексте: *Угудэ* (кит. *у* «не; не иметь», *го* «проходить, преодолеть»; *дэ* – показатель определения).

[555] Вместо неудачного маньчж. текста *табчиламэ ябурэ чооха бэ накабуха* «для грабежа действующие войска отменил» следовало написать *чооха бэ табчиламэ синьдара бэ накабуха* «роспуск войск для грабежа отменил».

[556] Возможно, это кит. определительное предложение *май бу ю* – «который покупает холст и масло».

[557] Возможно, это кит. определительное предложение *кай цзин* «в котором учредил столицу».

[558] Возможно, это кит. прилагательное *ван бэй* «сумасбродный и ничтожный».

[559] Возможно, это кит. текст *цзо ши чжэн* «левый историк Чжэн».

[560] Кит. определительное предложение *хань ши сюнь* (в тексте: *хань си сунь*) – букв. «который выкрикивает фамилии и заслуги» – принято за имя собственное.

[561] Кит. определительное предложение *цай сун шунь и* – букв. «который добывал нестрогие благоприятные соглашения» – принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[562] Нарушен порядок слов: вместо маньчж. словосочетания *да амбани доро* «основного вассала долг» следовало написать *амбани да доро* «вассала основной долг» Слово *амбань* в данном случае переводим как «вассал».

[563] Маньчж.-кит. текст *битхэ дэ шу* переводим как «с литературой хорошо знакомый» (кит. *шу* «хорошо знать, быть хорошо знакомым»).

[564] Вместо маньчж. причастия *алгишара* (или *алгимбура*) «прославляющий» по ошибке написано *сэлгехэ* «обнародовавший».

[565] *Тайфинь бэ нэйхэ* «открывший мир» – так маньчжуры перевели кит. *кай тай* «открывший великое». Текст исправляем.

[566] В тексте: *у гу ди лей аймань* – «племена *угудилей*».

[567] Кит. определительное предложение *янь цзю* (в тексте *янь сю*) «который исследует» (*янь* «исследовать», *цзю* «исследовать») принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[568] Об этнониме *цзубу* и названии *цзубу го* «государство *цзубу*» см.: *Мэн-да бэй-лу*... – С. 176.

[569] Кит. определительное предложение *гуань нин* – «который привык к спокойствию» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[570] Кит. прилагательные *ди ле дэ* (в тексте: *ди лей дэ*) «враждебные и непреклонные» (*дэ* – суффикс прилагательных) приняты за этноним.

[571] Кит. определительное предложение *ча ла* (в тексте *сала*) «который контролирует и ведет» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[572] Выполняющее функцию определения кит. *го* «проходить [мимо, через, сквозь]» не переведено маньчж. *дулэмби* «проходить мимо», принято за название.

[573] В тексте: *Цисань*.

[574] Вместо маньчж. наречия *утхай* «тотчас, немедленно» следовало употребить *аньдань дэ* «в мгновение, вдруг, внезапно».

[575] Вместо маньчж. существительного *шоло* «досуг, отдых» следовало употребить *аньдань* «мгновение, миг».

[576] Кит. определительное предложение *шай го* (в тексте: *сай го*) – «которая сушила на солнце котлы» принято за имя собственное принцессы (*шай* «сушить на солнце»).

[577] Кит. прилагательные *сянь цзюнь* «прежняя и равная» не переведены выполняющими функцию прилагательных маньчж. словами *нэнэхэнгэ адалинга* «прежняя и равная».

[578] В тексте: *Ван Цзи-цзун*.

[579] Кит. определительное предложение *пинь да ло гу* (в тексте: *пинь да лугу*) – букв. «которое сражается и бьет в гонги и барабаны» – принято за этническое название. В списке шестнадцати внутренних племен находим принятый за этноним кит. текст *пинь да ло хао* «которое сражается под бой в гонги и [звуки] горнов» (*ло* «гонг», *гу* «барабан», *хао* «труба, горн»).

[580] Кит. текст *би ша хэ* (в летописи: *би са хо*) «река, которая вплотную подходит к Пескам» (*би* «подходить вплотную», *ша* «песок; пески», *хэ* «река») принят за гидроним. Маньчж. апеллятив *бира* «река» из текста исключаем.

[581] В тексте: *Сахао* и *Тухао*.

[582] *Тянь юнь, писи чжувэ аймань и чооха* – «воины двух племен – *тяньюнь и писи*».

В предполагаемом тексте кит. источника *дянь юнь пи цзи цзу бин* выделяем словосочетание *пи цзи цзу бин* «непослушные, голодные племенные воины» и определительное предложение *дянь юнь* «которые падали и теряли сознание». Допущенные маньчжурами ошибки: 1) только словосочетание *цзу бин* «племенные воины» переведено маньчж. *аймань и чооха* «племенные воины»; 2) слова *дянь юнь пи цзи* прочитаны как *тянь юнь пи си* и приняты за два этнических названия, поэтому в текст включено маньчж. числительное *чжувэ* «два», которое мы, в свою очередь, исключаем.

[583] Кит. прилагательные *гао цин мин* «возвышенные, честные, знаменитые» приняты за имя собственное.

[584] Кит. текст *хай ли цзюэ гуй* (в летописи: *хайли, цзё гу*) «лихие и крайне опасные» (*хай ли* также, как и *ли хай*, берем в значении «лихой»; *цзюэ* «крайне»; *гуй* «дьявол; опасный») принят за имена собственные Хайли и Цзёгу.

[585] Вместо выполняющего функцию сказуемого маньчж. причастия *фуннэхэ* «возвел в достоинство» следовало написать *фуннэхэнь бухэ* «пожаловал грамоты».

[586] Возможно, это искаженная транскрипция кит. прилагательных *чжи чжун* «откровенный и преданный», которые являются вторым именем киданьского сановника.

[587] В тексте ошибка: вместо *бумби* «буду выдавать» следовало употребить *бэньчжимби* «буду предоставлять».

[588] *Тайфинь охо* «сделался мир» – так маньчжуры перевели кит. *тай пин* «мирный, тихий; безопасный». Текст исправляем.

[589] В тексте: *Цзун-цзинь*.

[590] В тексте: *Сяо Жи-синь и Фун Янь-сю*.

[591] Кит. словосочетание *вэй бэй шань* (в тексте: *вэй бэ сань*) «высокая северная гора» принято за топоним.

[592] *Чан чунь бирай, юй эл ли гэбунгэ мукэ дэ гэнэхэ* – «шел к называемым Юй-эл-ли водам реки Чанчунь». Текст слишком сокращен и непонятен. Допущенные маньчжурами ошибки: 1) название областного города Чанчунь принято за название реки; 2) словосочетание *юй э ли* «рыбные и гусиные запасы» прочитано как *юй эл ли* и принято за название вод, поэтому в текст включено слово *гэбунгэ* «называемые», которое мы, в свою очередь, исключаем; 3) вместо *мукэ дэ гэнэхэ* «шел к водам» следовало написать *мукэ чи гэнэхэ* «шел от вод», так как в 4-й луне (в 1-й летний месяц) императоры уходили из весеннего *набо*, а не приходили. По-маньчж. следовало написать примерно так: *чан чунь хэчэнь и ханьчи эефи, нимаха нионняха и баянь бихэ яцзыхэ бирай мукэ чи гэнэхэ* – «шел от вод реки Яцзыхэ, которая протекала недалеко от города Чанчунь и была богата рыбой и гусями».

О весеннем *набо*, областном городе Чанчунь, озере Утиной реки см.: **Е Лун-ли.** История... - С. 530, 531.

[593] Кит. определительное предложение *са гэн* «которые засеяли и вспахали» принято за название холма. Заменяем причастиями.

[594] В тексте ошибка: вместо глагола в повелительном наклонении *вэйлэбу* – «ссылать на казенные работы!» (букв. «велеть работать!») написано *вэйлэ* – «работать!».

[595] Кит. *чунь гу* – «весенние причины». Принято за имя собственное.

[596] В тексте: *Сяо Сё-сянь*.

[597] В тексте: *Сяо Сяо-шунь*. По ошибке составлено из двух имен: Сяо Сяо-сянь и Хань Шао-шунь.

[598] Кит. словосочетание *ся цзин мэй* (в тексте: *ся син мэй*) «слепая молчаливая младшая сестра» (*мэй* «младшая сестра») не переведено маньчж словосочетанием *дого экисака нонь* «слепая молчаливая младшая сестра», принято за имя собственное великого защитника.

[599] В тексте ошибка: вместо глагола в повелительном наклонении *кичэ* «работай!» следовало написать *кимчи* «испытай!».

[600] Кит. определительное предложение *чжан цзе* (в тексте: *чжан цзей*) «который держал в руках дела» принято за имя собственное.

[601] Кит. определительное предложение *люй цзю* (в тексте: *лю сю*) «который учитывает и исследует» принято за название должности.

[602] Кит. определительное предложение *цзи лу пу* (в тексте: *силупу*) «которых записали в списки» (*цзи лу* «записывать», *пу* «перечень, список, реестр») принято за название племени. Заменяем причастным оборотом «внесенные в список».

[603] В тексте ошибка: вместо маньчж. слова *хэчэнь* «крепостная стена; город» следовало написать *хэтурэнь* «перекладина; преграда, препятствие».

[604] Из маньчж. текста *дуйнь дэрэ и шурдэмэ* «со [всех] четырех сторон, вокруг» исключаем ненужное обстоятельство места *дуйнь дэрэ и* «со [всех] четырех сторон».

[605] Кит. словосочетание *ян чан ши* (в тексте: *ян чан си*) «иностранный обычный ученый» принято за имя собственное.

[606] В начале этого листа: *Сяо Пуну*.

[607] Кит. словосочетание *сы цзун гуань* (в тексте: *сы цзун хафань*) «управления главный чиновник» принято за название должности.

[608] В тексте: *Сун-чжэнь*.

[609] Возможно, это кит. прилагательные *цзи гу* «ловкий и крепкий».

[610] *Би уду бучэчи бучэхэ дэрэ, айнаха.* Перевод бессмыслен, поскольку здесь использованы:

1) не существующая в маньчж. языке грамматическая конструкция *уду... дэрэ* (есть конструкции *уду... бичибэ* «хотя бы, если бы» и *айньчи... дэрэ* «кажется, вероятно, быть может»);

2) вряд ли возможное в маньчж. языке соседство условного деепричастия и причастия прошедшего времени (в данном случае *бучэчи* «если умер» и *бучэхэ* «умер, умерший»).

Предлагаем перевод правильного, на наш взгляд, текста: *би уду бучэхэ бичибэ, айнара* – «хотя бы *я* и умер, что [тут] поделаешь?»

[611] В тексте: *Сягуэ-гун*.

[612] Кит. *дуй юй* (в тексте: *ду юй*) «по отношению к» принято за имя собственное.

[613] В тексте: *Цзун-си*.

[614] В тексте ошибка: кит. *чжун си* «все ясно» переведено маньчж. *гэли гэнгень* «снова ясно» вместо правильного *гэму гэнгень* «все ясно».

[615] В тексте ошибка: кит. слово *цзюнь* «округ» снова переведено маньчж. словом *чооха* «войска».

[616] В тексте ошибка: вместо *кэмуни* «по-прежнему, постоянно; все еще» следовало написать *кимунь* «вражда». И вместо предложения *дайлара афарангэ кэмуни аку* «по-прежнему нет войн» следовало написать примерно так: «*дайнь и баньчжинь и тургунь, кимунь аку* – «нет вражды – причины возникновения войн».

[617] *Иргэнь банаху охонгэо.* В тексте ошибка: вместо *банухy* «ленивый» написано *банаху*. Слово *охонгэо* (субстантивная форма причастия прошедшего времени с вопросительной частицей *-о*) образовано, по-видимому, от словосочетания *охонгэ био* «есть ли ставший?».

[618] *Ай бэ экенехэ дэ иргэнь дэ туса.* Поскольку этот текст перевести невозможно, предлагаем перевод правильного, на наш взгляд, текста: *иргэнь экенехэ дэ, ай туса* – «когда народ уменьшился, какая [в том] польза?».

[619] В тексте: *супу*.

[620] *Нялма дэ чжунь гайфи* – «взяв *у* людей очаги»(?!). В слове *чжунь* видим не маньчж. *чжунь* «очаг», а кит. *цюнь* «стадо», поскольку маньчжуры часто в словах, восходящих к кит. словам, звуки *цз* и *ц* произносят как *чж*. См.: **Полный** маньчжурско-русский словарь.. - С. 978–1010: *чжунингэ* (кит. *цюй*) – название хлебной меры; *чжуншунь* (кит. *цзю-шуй*) «вино»; *чжучжу чжачжа* (кит. *цзюнь-цзю*) «болтовня, тарабарщина»; *чжэмпинь* (кит. *цзянь-бин*) «гречневые жареные блинцы» и т. д.

[621] *Эму убу дэ чжувань убу бумэ* – букв. «за одну часть отдав десять частей». Перевод на маньчжурский очень сокращен, поэтому переводим, исходя из контекста.

[622] В тексте: *супу*.

[623] Кит. *лю цза* (в тексте: *лю са*) «шесть различных» принято за название владения.

[624] *Ко тунь и бадэ хэчэнь* – «города в Котуньской местности».

В принятом за название местности словосочетании видим кит. *ко тунь* «богатые поселки». Маньчж. *хэчэнь* берем в значении «крепостные стены», а не «города». И выражение *ко тунь и бадэ хэчэнь* переводим как «крепостные стены в местностях с богатыми поселками».

[625] Вместо маньчж. словосочетания *баньчжирэ бойгонь*, которое имеет десяток вариантов перевода, лучше употребить имеющее вполне определенное значение и более подходящее словосочетание *баньчжисхунь бойгонь* «зажиточные семьи». Текст исправляем.

[626] *На уду хувэки дэрэ*. См. прим [610]. Предлагаем перевод исправленного текста: *на уду хувэки бичибэ* «хотя бы земли и были плодородны».

[627] В тексте ошибка: вместо *чжалачина* – «не соблаговолишь ли уклоняться?» (глагол *чжаламби* в повелительном вежливом наклонении) написано *чжалану*, где вопросительная частица *-ну* присоединена непосредственно к глагольной основе *чжала-*, что противоречит правилам маньчж. грамматики.

[628] В тексте ошибка: вместо *элгень* «богатый» написано *элгинь*.

[629] В тексте ошибка: вместо *томэ* «каждый, всякий» написано *тоомэ* «проклиная».

[630] Кит. словосочетание *ко тунь* «богатые поселки» принято за топонимическое название.

[631] Кит. текст *у го, ди ле, хуа у го* (в летописи: *у гу дилей, хуай у гу*) – «*уго, дилe* и превратившиеся в государство Пяти [племен]» принят за два этнонима – *угудилей* и *хуайугу*.

[632] В тексте: *Хэлин*.

[633] В тексте ошибка: вместо словосочетания *ухэри кадалара* «главноуправляющий» написано *ухэри бэ кадалара* «управляющий главными». О киданьской должности *линья* «ученый» см.: **Е Лун-ли.** История... - С. 278, 314, 451.

[634] В тексте: *Фунли*.

[635] Кит. словосочетание *ю бу цюй вэй гуань* (в тексте: *ю бу цювэй хафань*) «какого-то министерства незначительный чиновник» (*ю* «какой-то, некий», *бу* «министерство, учреждение», *цюй* «район; незначительный», *вэй* «маленький, незначительный», *гуань* «чиновник») принято за название должности. Конечное *-й* в слове *цюй* маньчжурами упущено; *цюй* и *вэй* написаны слитно; переведено только *гуань* «чиновник» маньчж. словом *хафань* «чиновник».

[636] Кит. словосочетание *тайцзы чжун шэ* «дворцовые конюшни престолонаследника» принято за название должности.

[637] Речь идет об *юэлицзи* (в тексте: *юай цзи*) – одном из племен государства Пяти племен. См.: **Е Лун-ли.** История... - С. 458.

[638] Кит. текст *ку инь чан* «очень скрытный и часто» принят за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[639] Кит. определительное предложение *чжуан гу ли* (в тексте: *цзуан гули*) «который укладывает и оценивает подношения» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[640] Кит. *го шань* (в тексте: *госань*) «слишком добрый» принято за имя собственное.

[641] В тексте ошибка: вместо *хэтурэнь* «преграды» или парного слова *чжасэ файсхань* «изгороди» написано парное слово *чжасэ фурдань* «заставы». В «Истории государства киданей» (с. 146, 147, 287, 288) речь идет о возведении преград и строительстве городских стен, но не о заставах. Текст исправляем.

[642] В тексте: *Цзун-гуй*.

[643] В тексте: *Сяо Дэмао и Лю Лу-фу*.

[644] В тексте: *Фуби и Чжан Моси*.

[645] В тексте ошибка: вместо маньчж. наречия *чжаланьдараку* (*чжалараку, ласхалараку*) «непрерывно» написано *баби* «попусту, напрасно».

[646] В тексте ошибка: вместо *байли исибурэ чжалинь* «за оказание благодеяний» написано *байли исибумэ* «оказав благодеяния».

[647] В тексте ошибка: вместо глагола в настоящем времени *илимби* «стоят» написан глагол в прошедшем времени *илихаби* «стояли».

[648] В тексте: *Яньгуэ-ван*.

[649] В тексте ошибка: вместо глагола *адабумби* «присоединить, прикомандировать» использован глагол *нонгимби* «прибавить, умножить».

[650] Кит. прилагательные *шан шу лин* «лучший, опытный и сообразительный» приняты за название чиновничьей должности.

[651] Кит. определительное предложение *чу ле* (в тексте: *чулей*) «который превосходил пороками» принято за имя собственное.

[652] Кит. определительное предложение *хо цюй* «от которой, объединившись, отправляются» принято за название реки.

[653] В тесте ошибка: вместо *хань дэ ини бэе чжичи* «если и пришел сам к хану» написано *хань и бэе чжичи* «если и пришел сам хан».

[654] В тексте ошибка: вместо наречия *бэлэни* «готово, в готовности» написано *бэлэнь*.

[655] Маньчж. наречие *амаргидэри–* «сзади, в тыл». Здесь редчайший случай употребления в маньчж. письменном языке отложительного падежа, показателем которого является аффикс *-дэри*.

[656] Кит. *шу ми сы* (в тексте: *шунисы*) – букв. «важнейшее секретное управление». Употреблено вместо термина *шу ми юань*, для которого принят перевод «верховный военный совет» (см.: **Е Лун-ли.** История... - С. 375). Кит. *ми* «секрет; секретный» во всем тексте *Дайляо гуруни судури* транскрибируется как *ни*.

[657] В тексте ошибка: вместо существительного *уфараки* «оплошность, промах» написано причастие *уфараха* «упустил; упущение». По-видимому, это ошибка гравера.

[658] В тексте ошибка: вместо *сэсэ* «зернь» (см.: **Полный** маньчжурско-русский словарь... – С. 1015, статья о *чжурчжунь* «шашки») написано *сэ* «год».

[659] Вместо правильного маньчж. текста *гисурэнь дэ нялмай эньдэбуку бэ мутэбуфи* – «в разговоре человеческий промах совершил» написан текст *нялмай эньдэбуку бэ гисурэмэ* – «говоря о человеческом промахе».

[660] В тексте: *Холаньсань*.

[661] Кит. определительное предложение *де ли дэ* (в тексте: *дей ли дэ*) «который неоднократно управлял и добывал» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[662] Кит. определительное предложение *сань цзюй чуань* (в тексте: *сань цзю чуань*) «в которой расходятся, сходятся, пронзают» принято за название местности. По-видимому, является описанием поля битвы.

[663] Кит. *хай ли* (так же, как и кит. *ли хай*) переводим как «сильный, лихой». Принято за имя собственное.

[664] Кит. словосочетание *сяо юй ку вэй* (в тексте: *сяо ю кувэ*) «молодой и крайне опасный» (*сяо* «молодой», *юй* – союз «и», *ку* «очень, крайне», *вэй* «опасный») принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[665] В принятом за имя собственное кит. словосочетании *яо нянь ва* выпущено слово *цзу* «род», и словосочетание *яо нянь цзу ва* переводится как «из рода Яонянь ничтожный». По маньчж. следовало написать *яо нянь халай буя хань* «из рода Яонянь ничтожный хан».

[666] В тексте: *Су-у.*

[667] О кит. *сань хуан* (в тексте: *илань хуан*) «три властителя» см.: *Сыма Цянь.* Исторические записки... – Т. 1. – С. 345–354. Маньчж. словосочетание *илань хуан доро чжургань* (по-кит. *сань хуан ли и*) в широком смысле означает «установленные тремя властителями древности нормы поведения и добровольные моральные обязательства». Сделанный нами перевод «трех властителей ритуалы и обязанности» не передает, конечно, всей сложности и глубины этого словосочетания. О многозначных маньчж. словах *доро* и *чжургань* см. прим. 349, 489.

[668] Ошибка летописцев: Хэлин был предком Тай-цзу в пятом колене.

[669] Маньчж. *гэнгень амба* «блистательно великий» – неудачный перевод кит. словосочетания *цзянь сянь* «выдающийся предок». Текст исправляем.

[670] Маньчж. *эрдэму бэ алгимбурэ* «прославляющая добродетели» – неудачный перевод кит. словосочетания *чжан дэ* «правила и добродетели». Текст исправляем.

[671] Маньчж. *амба эньдурингэ, амба гэнгень, эньдури элдэнь и абкай хуанди* – «великий совершенномудрый, великий прозорливый, от волшебного света Небесный император». В переводе на китайский будет звучать примерно так: *да шэн да мин шэнь гуан тянь хуанди*, – что значительно отличается от посмертного титула *да шэн тянь хуан хуанди*, приведенного в «Истории государства киданей» (с. 363). Возможно, в маньчж. текст попали переводы двух титулов. Слова же «волшебный свет», по всей вероятности, включены в титул в связи с легендами о необыкновенном зачатии и рождении Тай-цзу Абаоцзи (см. тетрадь I): «...мать ...увидела во сне, что в [ее] чрево вошло Солнце, и забеременела... во время родов в доме были волшебный свет и необыкновенный аромат». См. также: **Е Лунли.** История... - С. 346.

[672] Маньчж. *чжираминь гингунь* «щедрая и почтительная» – неудачный перевод кит. прилагательных *чунь цинь* «простая и близкая». Текст исправляем.

[673] Маньчж. *гэнгень гингунь* «прозорливый и почтительный» – неудачный перевод кит. словосочетания *чжан су* «правила и строгий». Текст исправляем.

[674] Маньчж. *хувалясунь гингунь* «тихая и почтительная» – неудачный перевод кит. прилагательных *хэ цзин* «тихая и молчаливая». Текст исправляем.

[675] Кит. *вэнь сянь цинь и* (в тексте: *вэнь сянь чэнь и*) «литературный вклад и кровный долг» неудачно переведено как *шу амба гингунь чжургань* «долг образованного, великого и почтительного». Текст исправляем. Особо отметим, что кит. слова *цинь* «близкий, кровный», *су* «строгий» и *цзин* «спокойный, молчаливый» в летописи переводятся одинаково – как *гингунь* «почтение; почтительный».

[676] В тексте ошибка: вместо *эфулэфи* «выпустил» написано *эфулэ манги* «выпусти! – после того как».

[677] Кит. словосочетание *цзуй чэн* (в тексте: *суй чэн*) «самый честный» принято за имя собственное другого человека. Маньчж. *ни эмги* «вместе с» из текста исключаем. По-маньчж. следовало написать примерно так: *амбула тоньдо* «чрезвычайно честный».

[678] Маньчж. *доро* в данном случае случае берем в значении «нравственные правила», *фафунь* – в значении «уголовные законы», *битхэ* – в значении «свод, уложение». Возможны и другие переводы словосочетания *доро фафунь* и *битхэ* в связи с огромным объемом значений его компонентов.

[679] Вместо правильного маньчж. текста *вакалачи офи, мурирakунгэ, чжулгэй чжалань и доро фафунь бэ соньчжофи* – «выбрал из нравственных правил и уголовных законов древних времен те, что могут обличать и не припутывают» написано невразумительное *доро фафунь чжалань дэ ябучи очжоро, чжулгэчи мурибухакунгэ бэ соньчжомэ* – «выбрав нравственные правила и уголовные законы – те, что могут действовать во времена и из древности бывали неприпутанными». Текст исправляем.

[680] Кит. определительное предложение *янь чжао* «которого приглашал» (*янь* «приглашать», *чжао* «созывать, приглашать») принято за название титула.

[681] Возможно, это кит. существительные *ша ла* «песок и воск», характеризующие человека с мягким, податливым характером.

[682] См. прим. 614.

[683] Вместо правильного маньчж. текста *шан коро дэ гянь очжораку* «в наградах и наказаниях законности не будет» написан текст *шан коро бэ гянь и аку очжоро*, который перевести невозможно.

[684] Вместо правильного маньчж. текста *амбаса, гэрэнь сувэни, иргэнь нялмай гунинь бэ тоньдо гисурэ* (букв. «амбани, все ваши и людей из народа мысли честно высказывайте!») написан неудачный текст *сувэни гэрэнь амбаса иргэнь тоньдо гисурэ* – «ваши, всех амбаней и народа, честно высказывайте!» Нарушен порядок слов и выпущено словосочетание *нялмай гунинь* «людей мысли».

[685] Кит. *цин нин* «спокойствие» (*цин* «чистый, спокойный»; *нин* «спокойный; спокойствие») переведено маньчжурами как *болго токтохо* – «установилась чистота». Текст исправляем.

[686] Вместо правильного маньчж. текста *мэни гурунь и хань амбаса* – «нашего государства хан и вассалы» – написано *ини гурунь и хань амбань* – «его государства хан и вассал».

[687] Кит. словосочетание *у чжань* (в тексте: *уцзань*) «вещей склад» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем. По-маньчж. следовало написать *албани чжакай намунь* – «казенных вещей склад».

[688] Кит. определительное предложение *у сюнь* – «который не имел заслуг – принято за имя собственное. Заменяем причастным оборотом.

[689] Кит. текст *гао цзя ну чан вэнь гуань* (в летописи: *цян вэнь хафань гао цзя ну*) «занимавшийся домашними рабами обычный гражданский чиновник» принят за имя собственное Гао Цзя-ну и почетное звание *цянвэнь*. Кит. прилагательные *чан вэнь* «обычный гражданский» прочитаны как *цян вэнь*. Определительное предложение *гао цзя ну* «который занимался домашними рабами» заменяем причастным оборотом.

[690] Кит. текст *тай инь* «возвышал и привлекал» принят за название чиновничьей должности.

[691] Возможно, это кит. прилагательные *цзяо ай ла* «ласковый, мягкий и коварный», вполне соответствующие контексту.

[692] Возможно, это кит. определительное предложение *чжао чу* «который привлекал [одних] и устранял [других]».

[693] В тексте: Сун-юань.

[694] В тексте: Су-ван Нейлугу.

[695] В тексте: Чэньлу.

[696] В тексте: Табуей.

[697] В тексте ошибка: вместо маньчж. прилагательного *тэйсунгэ* «подходящий» написано парное слово *тэйсу тэйсу* «каждый из двух; сам собою».

[698] Кит. *ша мо* «Великая пустыня» не переведено маньчж. словосочетанием *амба бигань* «Великая пустыня», принято за топоним. Маньчж. *гэбунгэ ба* «местность под названием» из текста исключаем.

[699] В тексте: *Сун-ван*.

[700] *Лама* – тибето-монгольский монах-священник у буддистов-ламаитов. *Хэшан* – кит. монах буддийской религии. Кит. существительное *гуцзы* «старик, старец» не переведено маньч. *сакда* «старик, старец» (множественное число – *сакдаса*).

[701] В тексте ошибка: вместо маньч. словосочетания *доронн хэргэнь* «надпись на печати» написано *доронь битхэ* «печати и книги».

[702] В тексте: Елува.

[703] Возможно, это кит. словосочетание *яо цзин син* «важный, спокойный характер».

[704] Вместо правильного маньчж. текста *нэнэхэ хань и гасхуха битхэ бэ чжафара доро* – «долг соблюдения клятвенного договора почившего хана» написан неудачный текст *нэнэхэ хань и ачаха доро* – «долг заключения мира почившего хана».

[705] Кит. *сянь юн* «ясно гармоническое» переведено маньчжурами как *гэму хуваляка* «все пришло в гармонию» вместо правильного, на наш взгляд, *илэту хувалясунь* «ясно гармоническое». Текст исправляем.

[706] Маньчж. *кэси* в данном случае берем в значении «милость Божия, благословение Неба», а не в значении «счастье, удача».

[707] В тексте: Синь-цзун.

[708] Возможно, это кит. определительное предложение *чжао сюй* «который привлекал [к себе], обещая [блага]».

[709] Кит. *ян сюн* (в тексте: *ян сун*) «бараны-самцы» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[710] Полезные для весенних посевов *чжэкуй ага* «хлебные дожди», вдруг выпавшие не в свой срок – в период жары в конце лета, – символизировали недостойное поведение правителя и являлись несчастливым предзнаменованием (см.: *Древнекитайская* философия. – М., 1972. – Т. 1. – С. 109–111). *Чжэкуй ага* – это также маньчж. название шестого сезона из 24 сезонов годового солнечного цикла. Приводим сведения о них, данные в книге «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии» (М., 1989, с. 32) и в «Полном маньчжурско-русском словаре» И. Захарова (СПб., 1875, с. 733–734, ст. *Тонь и сукдунь* «Атмосферные перемены»):

пп	Китайское название и перевод	Маньчжурское название и перевод	Начало сезона по григорианскому календарю
1	*Ли чунь* «Начало весны»	*Неннери досимби* «Весна вступает»	4 февраля
2	*Юй шуй* «Дождевая вода»	*Ага мукэ* «Дождевая вода»	18 февраля
3	*Цзин чжи* «Пробуждение личинок»	*Бутунь ашшамби* «[Личинки] лёжки насекомых шевелятся»	6 марта
4	*Чунь фэнь* «Весеннее равноденствие»	*Неннери дулинь* «Середина весны»	21 марта
5	*Цин мин* «Чистый свет» [вторая составляющая кит. названия *Хань ши цин мин цзе* «Праздник холодной пищи и чистого света»]	*Ханси* [от кит. *Хань ши* «Холодная пища» – первой составляющей кит. названия *Хань ши цин мин цзе* «Праздник холодной пищи и чистого света»]	5 апреля

6	*Гуй юй* «Урожайные дожди»	*Чжэкуй ага* «Хлебные дожди»	21 апреля
7	*Ли ся* «Начало лета»	*Чжувари досимби* «Лето вступает»	6 мая
8	*Сяо мань* «Малая полнота»	*Ачжигэ чжалу* «Малая полнота»	21 мая
9	*Ман чжун* «Колосящиеся всходы»	*Майсэ урэмби* «Пшеница созревает»	5 июня
10	*Ся чжи* «Летнее солнцестояние»	*Чжувари тэнь* «Верхушка лета»	21 июня
11	*Сяо шу* «Малая жара»	*Ачжигэ халхунь* «Малая жара»	7 июля
12	*Да шу* «Большая жара»	*Амба халхунь* «Большая жара»	24 июля
13	*Ли цю* «Начало осени»	*Болори досимби* «Осень вступает»	8 августа
14	*Чу шу* «Последняя жара»	*Халхунь бэдэрэмби* «Жара отходит»	23 августа
15	*Бай лу* «Белые росы»	*Шаньянь силэнги* «Белые росы»	7 сентября
16	*Цю фэнь* «Осеннее равноденствие»	*Болори дулинь* «Середина осени»	23 сентября
17	*Хань лу* «Холодные росы»	*Шахурунь силэнги* «Холодные росы»	8 октября
18	*Шуан цзян* «Иней»	*Гэчэнь гэчэмби* «Иней падает»	23 октября
19	*Ли дун* «Начало зимы»	*Тувэри досимби* «Зима вступает»	8 ноября
20	*Сяо сюэ* «Малый снег»	*Ачжигэ ниманги* «Малый снег»	23 ноября
21	*Да сюэ* «Большой снег»	*Амба ниманги* «Большой снег»	8 декабря
22	*Дун чжи* «Зимнее солнцестояние»	*Тувэри тэнь* «Верхушка зимы»	22 декабря
23	*Сяо хань* «Малый холод»	*Аужигэ шахурунь* «Малый холод»	6 января
24	*Да хань* «Большой холод»	*Амба шахурунь* «Большой холод»	20 января

Как видим, названия сезонов годового солнечного цикла связаны с погодными нормативными состояниями (холод, жара, роса, иней, снег), хозяйственной деятельностью (урожайные дожди, колосящиеся всходы), четырьмя моментами прохождения Солнца по эклиптике и календарными праздниками (Чистый свет, Начало лета и т. д.). Маньчж. названия сезонов являются переводами кит. названий (иногда перевод приблизителен), за исключением пятого сезона: вместо *Гэнгень элдэнь* «Чистый свет» (перевода кит. *Цин мин*) или *Бэйкувэнь буда* «Холодная пища» (перевода кит. *Хань ши*) маньчжуры в качестве названия взяли *Ханси* – искаженную транскрипцию кит. *Хань ши*, первой составляющей названия *Хань ши цин мин цзе* «Праздник холодной пищи и чистого света», что по-маньчжурски звучит так: *Бэйкувэнь буда гэнгень элдэнь инэнги* «День холодной пищи и чистого света».

О праздниках Холодной пищи и Чистого света, Обновления огня, Подметания могил, о трансформации праздника «молодости и ее буйных увеселений в праздник торжественного поминовения предков» см.: *Календарные* обычаи и обряды народов Восточной Азии. – М., 1989. – С. 30–44. О дне Холодного обеда, или Празднике могил, или дне Вкушения холодной пищи см.: *Пу Сун-лин.* Рассказы Ляо Чжая о чудесах. – М., 1973. – С. 512; *Сидихменов В. Я.* Китай: Страницы прошлого. – М., 1978. – С. 102–104; **Е Лун-ли.** История государства киданей. – М., 1979. – С. 98.

[711] Написано непонятно: Жинь-сянь или Синь-сянь. Ранее речь шла о Сюй-ване Жэнь-сяне.

[712] В тексте ошибка: вместо маньчж. *аймань* «племя» написано *гурунь* «народ, государство».

[713] Кит. текст *по хуэй* (в летописи: *пухуэй*) «нарушил союз» принят за этноним.

[714] Кит. прилагательные *сяо су фэн* «молодой, примитивный и бешеный» приняты за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[715] В словосочетании *чан гой* выделяем:

1) принятое за имя собственное кит. *чан го* «прошедший в прошлом»;

2) маньчж. показатель родительного падежа *-и*, который следует исключить из текста.

[716] Кит.-маньчж. словосочетание *чан го эринь* – «прошлые времена». По маньчж. следовало написать *нэнэхэ эринь* «прошлые времена».

[717] Вместо правильного маньчж. текста *дуйнь эрдэму... суньчжа чиктань* «четыре добродетели... пять отношений» написан неудачный текст *дуйнь хачинь... суньчжа кооли* «четыре статьи... пять законов». Имеются в виду четыре добродетели из пяти добродетелей (кит. *у дэ* «пять добродетелей»): *жэнь* «человеколюбие», *и* «долг», *ли* «нормы поведения», *чжи* «знания». См.: *Сидихменов В.Я.* Китай... – С. 115–117.

[718] Вместо правильного маньчж. словосочетания *нингунь фэтэнь* «шесть стихий» написано *нингунь фу* «шесть фу» (кит. *фу* «повинность» или *фу* «хорошее качество» попало в текст по ошибке вместо маньчж. *фэтэнь* «стихия» – перевода кит. *син* «стихия»). Имеются в виду кит. *у син* «пять стихий»: *шуй* «вода», *хо* «огонь», *му* «дерево», *цзинь* «металл», *ту* «земля», а также еще одна, шестая «стихия» – *лян* «хлеб» (маньчж. *чжэку*). См.: *Сыма Цянь.* Указ. соч. – Т. 1. – С. 116, 318, 323.

[719] Вместо неудачного маньчж. текста *яргянь и иргэнь и чжалгань* «истинного народа жизнь» следовало написать примерно так: *иргэнь и чжалгань и амба фулэхэ* «великие принципы жизни народа».

[720] В тексте ошибка: вместо *вэчжи* «леса» написано *моо* «деревья». *Даос* – монах одной из кит. религий, даосизма. Основная цель последователей даосизма – достижение долголетия.

[721] В тексте ошибка: вместо маньчж. прилагательного *ханьчи* «близкий» написано *хань чи* «от хана».

[722] Кит. определительное предложение *цзин вэнь гао* «которая поднесла сочинения рукопись» принято за имя собственное.

[723] В тексте: Тай-кан. См.: **Е Лун-ли.** История… – С. 454, где указана эра правления Да-кан, а не Тай-кан.

[724] Кит. *да кан* «великое процветание» переведено маньчжурами как *тайфинь токтохо* «установился мир». Текст исправляем.

[725] В тексте: Елува.

[726] В тексте ошибка: вместо правильного маньчж. текста *гуруни байта бэ ичихя* «управляй государственными делами!» написан текст *гуруни дасань бэ ичихя «управляй государственным управлением!»*.

[727] Кит. *шан дэн* «веера и лампы» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[728] Кит. прилагательные *чжу дин хао* «бамбуковые самые лучшие» приняты за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[729] Кит. текст *гао чан мин* «возвышенный, когда-то знаменитый» принят за имя собственное. В нижеследующем тексте маньчж. *тэсэй боо* «их дома» заменяем на *тэрэй боо* «его дом», т. к. речь идет об одном человеке.

[730] Кит. прилагательные *сяо ху гу* «молодой, безрассудный и упрямый» приняты за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[731] Кит. определительное предложение *цзяо дэ ли* (в тексте: сяо *дэ ли*) «с которыми дружил и принимал подарки» принято за имя собственное.

[732] Ошибка гравера: вместо причастия прошедшего времени *дахаха* «сопровождавшие» вырезано *дакака*.

[733] Кит. прилагательные *цзяо цзя мо* (в тексте: *сяо ся мо*) «коварный, лицемерный и молчаливый» приняты за имя собственное.

[734] В принятом за название города словосочетании *сюнь ни цзюнь* выделяем кит. *сюнь цзюнь* «объезжаемый округ» и маньчж. показатель родительного падежа *ни*, который следует исключить из текста. Маньчж. апеллятив *хэчэнь* «город» также исключаем, т. к. речь идет не о названии города. Словосочетание «объезжаемый округ» заменяем на «округ, [входящий в сферу] объездов».

[735] В маньчж. *тэрэчи тулгень* «кроме того» пропущено слово *тулгень* «кроме, сверх».

[736] См. прим. 730.

[737] Кит. прилагательные *цзяо ао ду ва* (в тексте: *сяо оду ва*) «высокомерный, независимый и низкий» приняты за имя собственное (*цзяо ао* «высокомерный»). Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[738] В тексте ошибка: вместо маньчж. глагола *муримби* «скрутить, выжать, приневолить; припутать к делу» употреблен глагол *холбомби* «спаривать, случать; сочетать браком».

[739] В тексте ошибка: вместо словосочетания *учжунга чжуй* «старший сын» написано *даму эму чжуй* «только один сын».

[740] В кит. словосочетании *хуан тайцзы* «престолонаследник» выпущено слово *хуан*.

[741] Кит. определительное предложение *цяо да ло гу, са ба* (в тексте: *сяо далугу, саба*) «которые бьют в большие гонги и барабаны, сеют и боронят» принято за два имени собственных. Маньчж. *гэбунгэ* «по именам» из текста исключаем.

[742] Кит. определительное предложение *цзяо у най* (в тексте: *сяо у на*) «который баловал, портил и терпел» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[743] Кит. словосочетание *пин дин дянь* (в тексте: *пин дин ни ба*) «определенные места» принято за топонимическое название – «Пиндинские места».

[744] Вместо правильного маньчж. текста *дахасу омби* «бывают послушны (покорны)» написан глагол *дахамби* «повинуются, сдаются, подчиняются и т. д.».

[745] В тексте ошибка: вместо маньчж. деепричастия *арафи* «написав» следовало употребить *ара сэфи* «“Написать!” – сказав», оформляющее окончание прямой речи.

[746] Нарушен порядок слов: вместо правильного маньчж. словосочетания *амарги чжургань и шумиюань* «при северном министерстве верховный военный совет» написано *амарги шумиюань и чжургань* «северное шумиаьское министерство».

[747] В тексте: Ватэла.

[748] Кит. определительное предложение *цзяо тао вэй* (в тексте: *сяо тао вэй*) «который заливает и промывает желудки» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[749] В тексте ошибка: вместо маньчж. *баханаси бимэ* «будучи способным» написано непонятное *баханамбимэ* (от *бахамэ бимэ*?).

[750] Кит. *вэй чжэн* «желудочные болезни» не переведено маньчж. словосочетанием *гувэчжихэ нимэку* «желудочные болезни».

[751] Кит. прилагательные *сяо чоу ва* «молодой, подлый и низкий» не переведены маньчж. прилагательными *асихаки фусихунь буя*; приняты за имя собственное.

[752] Кит. *лян ин* «очень упорно» не переведено маньчж. *амбула акдунь* «очень упорно»; принято за имя собственное.

[753] В тексте: Дай-ань.

[754] Вместо правильного маньчж. текста *вара вэйлэ чи тулгень* «кроме [заслуживающих] смертной казни преступлений» написан неудачный текст *даму бучэрэ вэйлэ и дабала, тэрэчи фусихунь* – букв. «только кроме смертных преступлений, от них книзу».

[755] В тексте: Синь-цзун.

[756] В тексте: *хуэйфэй*. «Императорская наложница первого ранга называлась *хуан гуйфэй*, второго ранга – *гуйфэй*, третьего – *фэй*, четвертого – *бинь*, пятого – *гуйжэнь*» (см.: *Сидихменов В. Я.* Китай... – С. 217).

[757] В тексте: *Ланьлинчжунь-ван*. Принято за один титул.

[758] См. прим. 751.

[759] В тексте: Яньгуэ-ван.

[760] «Старинный треножник – символ верховной власти» (см.: *Сыма Цянь*... – Т. 1, с. 227). «Треножники *дин* представляют собой круглодонные чаши на трех ножках. Они среднего размера. Устье их широкое» (см.: *Кашина Т. И.* Керамика культуры *яншао*. – Новосибирск, 1977. – С. 67).

[761] Кит. *вань нянь* «десять тысяч лет» (по-маньчж. *тумэнь сэ*) – «один из титулов китайского государя в смысле: благополучнейший по своему долголетнему царствованию» (см.: *Захаров И.* Полный маньчжурско-русский словарь. – СПб., 1875. – С. 759).

[762] Кит. *чжэн юань чжэн цинь* (в тексте: *чжэн юань, чжэн синь*) «из политической палаты честные и трудолюбивые» принято за два имени собственных. Маньчж. *гэбунгэ чжувэ* «двое по именам» из текста исключаем.

[763] Кит. определительное предложение *ин фан* «которые встречают и провожают» принято за имя собственное. Заменяем причастным оборотом, маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[764] В тексте: *супу*.

[765] Кит. определительное предложение *мо гу ци* (в тексте: *могусы*) «который не имел барабана и знамени» приняты за имя собственное. Заменяем причастным оборотом. По маньчж. следовало написать примерно так: *тункэнь турунь бэ алихакунгэ* – «тот, кто не получил барабана и знамени».

[766] Кит. *цзинь у вэй* «исключительно алчный и опасный» принято за название ямыня.

[767] Кит. определительное предложение *то гу ци* (в тексте: *тугусы*) «которому вручил барабан и знамя» принято за имя собственное. По-маньчж. следовало написать примерно так: *тункэнь турунь бэ афабухангэ* – «тот, которому вручил барабан и знамя».

[768] Кит. определительное предложение *ту ли* «который стремился приносить пользу» не переведено. Заменяем причастным оборотом.

[769] Возможно, это кит. прилагательные *гао шань* «возвышенный и добрый», являющиеся вторым именем.

[770] Кит. *да ли дэ ба сы му* «большие и сильные прекратили вскармливать и пасти» принято за названия двух племен.

[771] Возможно, это кит. определительное предложение *ай лу дай* «который любил район [военных] дорог» (*ай* «любить»; *лу* «дорога»; *дай* «зона, район»).

[772] См. прим. 770.

[773] Вместо правильного маньчж. словосочетания *вара вэйлэ* «[заслуживающие] смертной казни преступления» написано *бучэрэ вэйлэ* «смертные преступления».

[774] В тексте: Ватэла.

[775] Кит. текст *мэй ли цзи* «не имеющие ресурсов, голодающие» приняты за этноним.

[776] Кит. словосочетание *по лу му дуй* (в тексте: *пулу муду*) «рваных дорожных палаток куча» принято за этноним.

[777] Кит. *тянь цзо* «Небесное творение» маньчжуры перевели как *абка вэхерэ* «Небом покровительствуемый». Текст исправляем.

[778] Возможно, это кит. словосочетание *ай го* «любимый плод».

[779] В тексте: Сюнь-цзун Елюй Ва.

[780] Кит. *цянь тун* «прежде объединенный» маньчжуры перевели как *абка ухэлэхэ* «с Небом объединенный». Текст исправляем.

[781] Кит. словосочетание *цзун цин* «общая обстановка» принято за название должности.

[782] В тексте: *хуэй*. Речь идет, во-первых, о матери хана Тянь-цзо и, во-вторых, об императорской наложнице второго ранга *гуйфэй*, чья мать «занималась чародейством». См. прим. 756.

[783] В тексте ошибка: вместо маньчж. наречия *оньчодомэ* «великодушно» написано *оньчоломэ*.

[784] Кит. *фэй лянь ао лай* (в тексте: *фэй лянь, олай*) «потерявшие лицо, высокомерные, плохие» принято за два имени собственных. Определительное предложение *фэй лянь* «которые потеряли лицо» заменяем причастным оборотом.

[785] Маньчж. *сукдунь* «воздух, дыхание, вздох, дух, пар, пары, испарения, чад; гнев, вспыльчивость» в данном случае, вероятно, следует понимать как «эгрего́ры – психические выделения над большими коллективами… Они обладают… волевым зарядом и эквивалентом сознательности». См.: *Андреев Д.* Роза мира. – М., 1992. – С. 274.

[786] Вместо правильного маньчж. текста *байталабураку* (или *байтаку*) *сэхэ* «назвал негодным к употреблению» написано *байталахаку* «не употребил на службе».

[787] Вместо правильного маньчж. текста *гэрэнь доньчжиха нялма чи* «из всех услышавших людей» написаны существительные *доньчжихалэ нялма* «все услышанное и люди».

[788] В тексте: Инго, *тайсы*.

[789] В тексте: Уяцзу.

[790] Кит. определительное предложение *дэ ли дэ* (в тексте: *дэлитэ*) «который добился могущества» принято за второе имя собственное. Заменяем причастным оборотом; маньчж. числительное *чжувэ* «два» из текста исключаем.

[791] Кит. *хао цзя ну* «хороший домашний раб» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[792] Кит. определительное предложение *цзяо на* (в тексте: *сяо на*) «которому платят» (*цзяо* «вносить, платить»; *на* «вносить, платить») принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[793] Кит. *цзяо ле* «вспыльчивый и страстный» прочитано маньчжурами как *чжао лей* и переведено как *гэнгень элдэкэ* «светло сиявший». Текст исправляем.

[794] В тексте: *Суан-цзин*. Кит. *и цзу* «справедливый предок» переведено маньчжурами как *янсанга мафа* «красивый предок» (кит. *хао цзу* или *мэй цзу*). Текст исправляем.

[795] Кит. *фэн хуан* (*фын хуан*) «феникс» не переведено маньчж. *гарудай* «феникс».

[796] Кит. определительное предложение *го инь* – букв. «через которые проходили и в которых поили» – принято за топоним.

[797] Кит. определительное предложение *ли цзу фу* «который управлял родовыми дворцами» принято за имя собственное. Заменяем причастным оборотом; маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[798] В тексте: Гао Дуань-и.

[799] В тексте: *Лю Цзин*-фу.

[800] Кит. определительное предложение *шао мо* (в тексте: *сао му*) «который захватывает с собой тушь» принято за второе имя собственное. Маньчж. числительное *чжувэ* «два» из текста исключаем.

[801] В тексте: Саньханьгуэ-гун.

[802] Кит. *тянь цин* «небо прояснилось» (или *тянь цин* «Небом приглашенный») маньчжуры перевели как *абка сайнь обуха* «Небо сотворило добро». Текст исправляем.

[803] Вместо перевода неудачного маньчж. текста *мингай бай доргингэ* «те, что внутри тысячи *ли*» следовало написать примерно так: *мингань ба дэ иситала, чжасэй чжэчэнь и тулэ бихэнгэ* – букв. «те, что жили около тысячи *ли* снаружи от пограничной линии», т. е. «жившие за линией границы в пределах тысячи *ли*».

[804] В тексте ошибка: вместо правильного *баньчжитай мувашамэ нялма* «по природе грубый человек» написано *мувашамэ баньчжиха нялма* «грубо родившийся человек».

[805] Принято за два имени собственных и прочитано: Чжаосань и Агусань. Имя собственное исправляем; маньчж. числительное *чжувэ* «два» и словосочетание *тэрэ чжувэ нофи* «эти две особы» из текста исключаем; *тэсэй боо* «их дома» заменяем на *тэрэ боо* «его дом».

[806] В тексте: *цянвэнь*.

[807] Кит. текст *цзяо у энь* (в летописи: *сяо у энь*) «беспокоил и не имел расположения» принят за имя собственное.

[808] Вместо правильного маньчж. текста *иньдэ мучжилэнь ачжигэ аку би* «у него стремления немалые» написан противоречащий правилам маньчж. грамматики текст *тэрэй мучжилэнь ачжигэнь дэ аку* «его стремлений к маленьким нет».

[809] В тексте: *хэсилей*.

[810] В тексте: Хуньхао.

[811] В тексте: Иньчжуго, Юйлей, Лэоси, Шэму (?!).

[812] Кит. *чжан инь* «держащий в руках печать» принято за название должности. По-маньчж. следовало написать *доронь чжафара хафань* «держащий в руках печать чиновник».

[813] Нарушен порядок слов: вместо правильного маньчж. текста *хусунь этэнги элэ охо* «стали еще более сильны» (*хусунь этэнги* «сильный, могучий») написано *хусунь элэ этэнги охо* «силы стали еще более сильны».

[814] Кит. определительное предложение *сяо дэ ли ди* «который понимал корыстные цели» (*сяо дэ* «знать, понимать»; *ли* «выгода, корысть»; *ди* «цель») принято за имя собственное начальника северного управления важнейших секретных дел, которым был Сяо Фэн-сянь.

[815] В тексте: Хуасуй.

[816] В тексте ошибка: вместо *чжидэрэ* «будут приходить» написано *чжодэрэ*.

[817] В тексте: Сяо Табуей.

[818] В тексте: Суй Гун-и.

[819] Кит. определительное предложение *хэ дянь* (в тесте: *хо дянь*) «в котором объединяются и проверяют» принято за топоним.

[820] Кит. определительное предложение *ва ли ло* «в которой выкапывало полезные корнеплоды» принято за топоним.

[821] В тексте: *дейли, ужэ.*

[822] В тексте: Сяньчжоу.

[823] В тексте: Цянчжоу.

[824] В тексте: Сяо Исюай.

[825] Кит. определительное предложение *цзи лу тэ ле* (в тексте: *силу тэлей*) «который собирает и записывает в особые шеренги» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из тексте исключаем. Также можно предположить кит. определительное предложение *цзи лу тэ ле* «который записывает отдельных плохих» (*цзи лу* «записывать»; *тэ* «отдельный»; *ле* «плохой»).

[826] Кит. определительное предложение *цай лай* (в тексте: *сайла*) «который только что пришел» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем, заменяем причастным оборотом.

[827] В тексте: Елюй Валидо.

[828] В тексте: Далагу.

[829] В тексте: Сяо Шэфулю.

[830] Маньчж. глагол *дахамби* «следовать, сопровождать, служить, слушаться, соглашаться, покоряться, вступать в подданство, признавать зависимость» в данном случае берем в значении «соглашаться».

[831] В тексте ошибка: вместо правильного маньчж. текста *элбифи баха* «смог склонить в подданство» написано *элбимэ баха* «склоняя в подданство, приобрел».

[832] В тексте: Бэмалао. Также можно предположить кит. определительное предложение *бай ма лао* «в которой выставляют, покупают и клеймят [скот]».

[833] Кит. словосочетание *ай бу* (в тексте: *абу*) «любимые подчиненные» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[834] В тексте: «из остальных воинов пяти племен образовали центральное войско». Исправлено согласно: *Е лун-ли.* История… – С. 180.

[835] Имеется в виду именно заслон (по-маньчж. *далирэ чооха* «заслоняющее войско»), а не конвой (по-маньчж. *дахалара чооха* «сопровождающее войско»).

[836] В тексте: Лутокоу.

[837] В тексте: Сяо Худогу.

[838] В тексте: Сай И.

[839] См. прим. 826.

[840] В тексте: Учжу.

[841] В тексте ошибка: вместо маньчж. наречия *бучэтэй* «насмерть» написано одновременное деепричастие *бучэмэ* «умирая».

[842] В тексте: Яцзыхао.

[843] В тексте: Елюй Сюнь.

[844] Кит. определительное преложение *цзяо ди* (в тексте: *сяо ди*) «которого называл младшим братом» принято за имя собственное.

[845] Включено согласно: *Е Лун-ли.* История… – С. 183.

[846] Маньчж. глагол *даябумби* «оказать опору; подчинить, покорить; публично казнить и т. д.» переводим как «устранить».

[847] В тексте: Агусань.

[848] В тексте ошибка: вместо маньчж. текста *гяй дэ фафунь гамафи* «на торговой площади предал смертной казни» написано *гя дэ гамафи вафи* «на… взяв, убил» (вместо *гяй* «торговая площадь» написано *гя*).

[849] В тексте: Сяо Тэму, Сяо Сала.

[850] В тексте: *сысы.*

[851] В тексте: Гао Цин-мин.

[852] См.: *Е Лун-ли.* История… – С. 185. Здесь говорится об эре правления Ин-шунь.

[853] В тексте: Табуей.

[854] Кит. текст *хэн бу до ла у цзи табое дао ла чоу ва* (в летописи: *хэн бу, дола, уси, табуей, даола, чоу ва*) «из постоянных подразделений ленивый, коварный, не способный Табое повел [за собой] подлых, низких» (*хэн* «постоянный»; *бу* «подразделение»; *до* «ленивый»; *ла* «коварный»; *у цзи* «не способный»; *дао ла* «вести [за собой]»; *чоу* «подлый»; *ва* «низкий») принят за шесть имен собственных.

[855] В тексте: Вэйгуэ-ван Елюй Сюнь.

[856] В тексте: Циньцзиньгуэ-ван.

[857] В тексте: *писи*.

[858] В тексте: Дун Пан-эл.

[859] Кит. определительное предложение *ци цзуй* (в тексте: *ци суй*) «в котором происходили преступления» принято за топоним.

[860] В тексте: Сяо Исюай, Сала, Исуй.

[861] В тексте: Фунсинчжоу.

[862] В тексте: *корсохо чооха* «вознегодовавшее (рассердившееся) войско».

[863] Использовано именно кит. *ин* «лагерь, батальон, дивизион», а не кит. *дуй* «отряд» или маньчж. *баксань* «отряд». О восьми отрядах «армии обиженных» см.: **Е Лун-ли.** История... – С. 191.

[864] В тексте: *чжунь*.

[865] Букв. «при открытии государства и принятии престола» (*гурунь бэ нэйфи сооринь бэ алимэ гаймэ оходэ*). Было бы лучше написать примерно так: *гурунь бэ арара, сооринь дэ илирэ дэ* – «при создании государства и восшествии на престол».

[866] Кит. текст *чжан цзин* «ведавший главной» принят за имя собственное *цзедуши*.

[867] Кит. определительное предложение *бао ань цзюнь* «которая включила мирные округа» принято за топоним.

[868] В тексте: Синцзунфу.

[869] Кит. прилагательные *дуй те* (в тексте: *ду тей*) «сдвоенные железные» не переведены маньчж. словосочетанием *чжувэдэрэ сэлэнгэ* «сдвоенные железные». Кит. *дуй* «парный» берем в значении «сдвоенный». Ср. с греч. *diploma* «сложенный вдвое документ».

[870] В тексте: Ань Сэн-эл, Чжан Гао-эл.

[871] Кит. словосочетание *ху ту гунь* «бестолковый бродяга» (*ху ту* «глупый, бестолковый»; *гунь* «бродяга») принято за имя собственное.

[872] Возможно, речь идет о Куйлибу. См.: **Е Лун-ли.** История... – С. 216.

[873] Кит. определительное предложение *то де* (в тексте: *ту дей*) «которое подносится на блюдце» принято за имя собственное. По-маньчж. следовало написать *фила дэ бэньчжирэ битхэ* «на блюдце подносимое свидетельство».

[874] Кит. определительное предложение *бу во ли* (в тексте: *бу о ли*) «который не имел силы» принято за имя собственное.

[875] Кит. определительное предложение *чжан ин го* «который полагался на крепкое государство» принято за имя собственное.

[876] Кит. определительное предложение *люй хун* (в тексте: *лю хун*) «который учитывает прибыль» принято за имя собственное. Заменяем причастным оборотом. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[877] Кит. словосочетание *нин чан цзюнь* (в тексте: *нин чан чжунь*) «спокойный обычный округ» принято за название города.

[878] Кит. определительное предложение *у линь да цза мо* «который вредит соседям и присоединяется к разным дьяволам» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[879] В тексте: Сяосинилей.

[880] Кит. определительное предложение *цзин сюнь цин ло чжи вэй* (в тексте вместо *чжи* написано *цзи*) «которые почтительно наставляли, просили и отставали в должностях» (*цзин* «почтительно»; *сюнь* «наставлять»; *цин* «просить»; *ло* «отставать»; *чжи вэй* «должность, пост») принято за два имени собственных. Маньчж. *гэбунгэ* «по именам» из текста исключаем.

[881] В тексте: Синилей.

[882] Посмертный почетный титул Тай-цзу Абаоцзи (основателя династии киданей) – Да-шэн тянь-хуан хуанди. См.: **Е Лун-ли.** История... – С. 363.

[883] Кит. словосочетание *бэй сы бу* (в тексте: *бэсыбу*) «северные учреждения» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[884] Кит. *бао да* «охраняющий великое» переведено маньчжурами как *амба доро бэ тувакяра* «охраняющий великую державу». Текст исправляем.

[885] См.: **Е Лун-ли.** История... – С. 199, где указано имя Чжао-жун.

[886] См.: **Е Лун-ли.** История... – С. 199, где указан титул Лу-ван.

[887] Кит. *юань фэй* «главная наложница» не переведено маньчж. словосочетанием *учжунга гувэлэку* «главная наложница».

[888] В тексте: Сяо Шамай.

[889] В принятом за название горы кит. тексте *чжуй люй шань* (в летописи: *чжулюй сань*) выделяем глагол *чжуй* «гнаться, преследовать» и топоним *Люйшань*. См.: **Е Лун-ли.** История... – С. 200, где речь идет об уезде Люйшань, а не о горе Люйшань.

[890] Кит. прилагательные *юань ян ли* «главная, центральная, внутренняя» приняты за название области. Маньчж. *гэбунгэ* «под названием» из текста исключаем.

[891] В тексте: Лэоси.

[892] В тексте ошибка: вместо маньчж. *чжалгань бэ* «о судьбе» написано *чжалиньдэ* «для, ради, по причине, по поводу».

[893] Кит. определительное предложение *ча ба шэ* (в тексте: *саба сэ*) «который вмешался, вырывал и отбрасывал» принято за имя собственное.

[894] В тексте ошибка: вместо субстантивной формы причастия прошедшего времени *буехэнгэ* «те, кто любил» написана противоречащая правилам маньчж. грамматики субстантивная форма *буембихэнгэ*, где показатель глагола настояще-будущего времени *–мби* почему-то соседствует с показателем причастия прошедшего времени *–хэ*.

[895] В тексте: Юньцзун.

[896] В тексте: Саньганьхао.

[897] См. прим. 890.

[898] Кит. определительное предложение *ван ша мо* (в тексте: *шамо гэбунгэ ван*) «которые направлялись в Пустыню» (*ван* «направляться в»; *ша мо* «пустыня») принято маньчжурами за имя собственное Шамо и *ван* «князь». Поэтому, согласно правилам маньчж. грамматики, изменен порядок слов и включено слово *гэбунгэ* «по имени», которое мы из текста исключаем. Определительное предложение заменяем причастным оборотом.

[899] Кит. прилагательные *бэй цзуй ли* (в тексте: *бэ суй ли*) «северные, самые красивые» приняты за топоним.

[900] О киданьском *нюйгу* «золото» см.: **Е Лун-ли.** История… – С. 521. Возможный перевод кид.-кит. словосочетания *нюйгу ди* – «Золотая земля».

[901] Ошибка: вместо правильного маньчж. текста *кайду моринь и ялуфи* «верхом на одной и той же лошади» написано *кайду моринга бэ гайфи* «взяв одинокого всадника».

[902] Кит. текст *сяо хао шан елюй цзинь цзы* (в летописи вместо *цзинь цзы* написано *синьсы*) «израсходованное первосортное золото [рода] Елюй» (*сяо хао* «расходовать, истощать»; *шан* «верх; первый, лучший, высший»; *цзинь цзы* «золото») принят за два имени собственных – Сяо Хаошан и Елюй Синьсы.

[903] Вместо правильного маньчж. текста *вачихямэ самсифи убашафи* «окончательно разбежались и отложились от подданства» написан неудачный текст *укамэ убашамэ вачжифи* «убегать и отлагаться от подданства кончили».

[904] В тексте: Циньцзиньгуэ-ван Елюй Сюнь.

[905] В тексте: Ли Си.

[906] В тексте ошибка: вместо *акдафи* «опираясь» написано *синьдафи* «распустив».

[907] В тексте: Елюй Шунь.

[908] В тексте: Цзо Чи-гун.

[909] В тексте ошибка: вместо *гэнэхэ* «пошли» написано *ганаха* «пошли взять».

[910] В тексте ошибка: вместо глагола *нэрэмби* «накинуть» использован глагол *нэрэбумби* «велеть накинуть».

[911] Кит. словосочетание *чжун юань* (в тексте: *цзун юань*) «веская причина» принято за название области.

[912] Кит. прилагательные *хо ло ва* «деятельный, надоедливый и низкий» приняты за имя собственное.

[913] Кит. *тянь си* «Небесное олово» переведено маньчжурами как *абка бухэ* «Небом данный». Текст исправляем.

[914] Перевод титула Сянъинь-ван – «князь теней министров» или «смотрящий на тени князь» (*сян* «министр; смотреть на»; *инь* «темный; женский; тень; теневой»).

[915] Кит. словосочетание *чжун цзин* (в тексте: *цзун цзин*) «Средняя столица» не переведено маньчж. *дулимбай цзин* «Средняя столица».

[916] Принятое за топоним кит. *ша мо* «Пустыня» не переведено маньчж. словосочетанием *ионгань бигань* «песчаная степь; Пустыня». Маньчж. *ба* «местность, область» из текста исключаем.

[917] В тексте: Елюй Фаодин.

[918] Тун и Син приняты за одно название, поэтому написано *илань чжоу* «три области» вместо правильного *дуйнь чжоу* «четыре области».

[919] См. прим. 916.

[920] Кит. словосочетание *во ша ле* (в тексте: *осалей*) «наша песчаная жаркая» принято за топоним.

[921] В тексте: Цзочжоу, Нинчжоу.

[922] Кит. *сяо ян* «подражавший образцам» (по-маньчж. *туваку бэ сонколохо*) переведено маньчжурами как *хиоошунга бэ алгимбуха* «прославивший почтительных к родителям». Текст исправляем. В «Истории государства киданей» (с. 209) указан другой посмертный титул Елюй Чуня – Сюань-цзун.

[923] Кит. *дэ син* «добродетелями поднятая» переведено маньчжурами как *эрдэму бэ еньдэбурэ* «поднимающая добродетели» (?!) вместо правильного *эрдэму и еньдэхэ* «добродетелями поднявшая себя», т. е. «поднятая добродетелями». Текст исправляем.

[924] В тексте: Ли Шунь.

[925] В тексте ошибка: вместо наречия *доргидэри* «скрытно, тайно, молча» написано *дорги дэри* «внутри через».

[926] В тексте: Циньцзиньгуэ-ван.

[927] В тексте ошибка: вместо *улчинь* «связка» написано *уличэнь*.

[928] Кит. прилагательное *хун хуэй* «широкая» принято за гидроним.

[929] Кит. текст *то го цзу* (в тексте: *тогу мукунь*) «поддерживающие государство роды» принят за этноним – «род Тогу».

[930] Кит. определительное предложение *ай ди инь* (в тексте: *ади инь*) «которых любил и вручил печати» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[931] В тексте: *дилей, писи.*

[932] Кит. словосочетание *мао бай цзи* (в тексте: *маобаси*) «мелкий пустой разряд» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[933] Кит. определительное предложение *цзи нянь и* (в тексте: *си нянь и*) «о которой вспомнил и переселился» (*цзи нянь* «вспоминать, думать»; *и* «переселяться») принято за топоним. Маньчж. *гэбунгэ* «под названием» из текста исключаем.

[934] Кит. прилагательные *цзя гуй* (в тексте: *сагу*) «разные благородные» приняты за имя собственное.

[935] В тексте: Чжан Чжао.

[936] Кит. словосочетание *фу сы гуань* «областного управления чиновник» принято за название должности.

[937] В тексте: Синцзунфу.

[938] В тексте: Сичжоу.

[939] В тексте: Жуньчжоу.

[940] Кит. прилагательные *цин чжун* «спокойная центральная» приняты за название области.

[941] Возможно, это кит. определительное предложение *тэн мо гу* «который обожает, вытирает [слезы] и заботится».

[942] Кит. прилагательные *бэй цзуй ли* (в тексте: *бэсуй ли*) «северные, самые красивые» приняты за топоним.

[943] Кит. определительное предложение *син ни ле цзяо дао нин* (в тексте: *синилей, сяо дао нин*) «которые идут во встречных шеренгах и руководят тихими» (*син* «идти»; *ни ле* «встречная шеренга»; *цзяо дао* «наставлять, руководить»; *нин* «спокойный, тихий») принято за два имени собственных.

[944] Кит. прилагательные *моу лу вай* (в тексте: *моу лу ва*) «некий пленный иностранный» приняты за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[945] Кит. прилагательные *жо мо* (в тексте: *жу му*) «слабый, равнодушный» приняты за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[946] В тексте ошибка: вместо маньчж. *накабуха* «приказал остановиться; отменил» написано *накаха* «остановился».

[947] Кит. словосочетание *цза лин* (в тексте: *салин*) «разные горные хребты» принято за топоним.

[948] В тексте ошибка: вместо неудачного маньчж. текста *хэтумэ дулэкэ* «перелетела» (букв. «пролетев, миновала») следовало написать *хэтурэмэ дулэкэ* «пересекла дорогу» или *чжугунь дэри мичумэ дулэкэ* «через дорогу переползла».

[949] Кит. *шэнь ли* «духами поставленный» маньчжуры перевели как *эньдури форгонь* «времена духов». Текст исправляем.

[950] Кит. словосочетание *чжэнь гуань* «правдивые чиновники» не переведено маньчж. *тоньдо хафаса* «правдивые чиновники», принято за имя собственное.

[951] Кит. прилагательные *цы цзун* «вторые и главные» приняты за имя собственное.

[952] Кит. текст *фу чжэ* «те, которые возвратились» принят за имя собственное.

[953] Кит. определительное предложение *туй ли бу* (в тексте: *тулибу*) «которые ушли из внутренних частей» принято за имя собственное. Заменяем причастным оборотом.

[954] Кит. словосочетание *бао дэ* «низкие моральные качества» принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[955] Кит. *фу шань* «отправлялся в горы» принято за название горы. Маньчж. апеллятив *алинь* «гора» из текста исключаем.

[956] Кит. словосочетание *янь ли цзан* «соли и зерна склады» принято за топоним.

[957] Имеется в виду зерно риса, проса, пшеницы, гороха, кунжута, конопли. Маньчж. *синь* – мера сыпучих тел и объема, равная $1/_{10}$ магазинного мешка или куля (по-маньчж. *хулэ*).

[958] В тексте определительное предложение *ту люй бу* «которое стремилось к законным шагам» принято за этноним.

[959] В тексте: Чжулей. Возможно, это кит. прилагательные *чжо ле* «грубый и яростный», являющиеся вторым именем.

[960] В тексте: Шэньюйюай-ван.

[961] В тексте: Сочжоу, Сюньчжоу.

[962] В тексте: Цзо Чы-гун.

[963] В тексте ошибка: вместо *факчамэ дэлхэмби* «разлучаться» использовано *факчамэ самсимби* «рассеиваться».

[964] Вместо маньчж. словосочетания *улинь олэнь* «имущество и жилища» не совсем удачно употреблена субстантивная форма причастия настоящего времени *бисирэ ба* «все сущее; существо; все, что ни есть».

[965] В тексте ошибка: вместо правильного маньчж. текста *дасамэ хусутулэмэ* «снова усилившись» написано *хусунь дасамэ* «силы улучшив».

[966] Кит. прилагательные *му мо* «мирные, тихие» приняты за топоним.

[967] В тексте ошибка: вместо маньчж. прилагательного *арганга* «хитрый, лукавый» написано существительное *арга* «план, хитрость, уловка».

[968] Вместо перевода неудачного маньчж. текста *эмги гисурэчи, гунинь гэму эму адали* «если высказались вместе, то мнение вообще единому подобно» предлагаем перевод исправленного нами текста: *ини гисурэрэ бабэ гэрэнь цзянцзюнь и гунинь дэ ачаха* «свои высказывания со мнением всех командующих согласовал», т. е. «присоединился к мнению всех командующих».

[969] В тексте ошибка: вместо маньчж. глагола *унгимби* «отправить» употреблен глагол *ганамби* «идти взять».

[970] В тексте: Ланьхо.

[971] В тексте: Чжао Ни.

[972] Вместо перевода неудачного маньчж. текста *сувэньдэ чжсувань вэйлэ бифи ваха сэмэ амба аку* «вам, будучи десять преступлений, хотя бы убили, невелико» предлагаем перевод исправленного нами текста: *эрэ чжсувань вэйлэ бэ араха сувэмбэ вачи, комсо би* «вас, учинивших эти десять преступлений, если убить – мало», т. е. «мало убить вас за эти десять преступлений!»

[973] В тексте ошибка: вместо глагола *илгамби* «распределять; различать, делать отметку» употреблен глагол *илибумби* «ставить, воздвигать, возводить», вряд ли подходящий для контекста. В «Истории государства киданей» (с. 220) читаем: «Он сохранил чиновничьи должности, существовавшие в государстве Ляо», – что по-маньчжурски будет звучать так: *дайляо гурунь дэ бихэ хафань и тушань бэ кэмуни асараха* «в государстве Да Ляо существовавшие чиновничьи должности по-прежнему сохранил».

[974] В тексте ошибка: вместо маньчж. глагола *аламби* «объявить, известить» или *сэлгемби* «объявить, отдать приказ» использовано выражение *чжао битхэ васимбумби* «спустить указ», которое употребляется «исключительно о государе и его всяком слове» (из словаря И. Захарова). Чжан Цзюэ не был государем, поэтому текст исправляем.

[975] В тексте ошибка: вместо *янь шань фу ба* «область Яньшаньфу» написано *янь шань алинь* «горы Яньшань».

[976] В тексте: Ван Ань-цзун.

[977] В «Истории государства киданей» (с. 219) речь идет о возвращении на родину жителей области Янь, а не области Пиньчжоу.

[978] В тексте: Шэму.

[979] В тексте: Тайинцзюнь.

[980] Кит. словосочетание *да цзи* (в тексте: *дай цзи*) «высший разряд» принято за название должности.

[981] Кит. определительное предложение *цзюань фу сы* (в тексте: *сюань фу сы*) «которые свертывают и связывают шелк» принято за название должности. Заменяем причастным оборотом.

[982] См. прим. 975.

[983] В тексте: Могоси.

[984] В тексте: Чжунь.

[985] В «Истории государства киданей» (с. 221) читаем: «После потери Верхней столицы вы сделали столицей Яньцзин».

[986] Вместо простого и ясного в грамматическом отношении маньчж. словосочетания *чоохай ионкянь и фоньдэ* «во времена целости войск» написано неудачное *чоохай иоони бисирэ фоньдэ* «во времена существования войск целыми». Прилагательное *иоони* выгравировано с ошибкой – *иони*.

[987] В тексте ошибка: вместо глагола *урэбумби* «доводить до зрелости, готовить, обучать, упражнять» употреблен глагол *учжимби* «кормить, воспитывать».

[988] Кит. определительное предложение *и цзюэ по ли го вэй* (в тексте: *и сюай, пу ли гувэ*) «которые разными способами разрушали мощь и национальные интересы» принято за два имени собственных. Маньчж. числительное *чжувэ* «два» из текста исключаем.

[989] В тексте ошибка: вместо аффикса исходного падежа *чи* написан аффикс винительного падежа *бэ*.

[990] В тексте: Дунсин.

[991] Кит. прилагательные *ань гу* «спокойная, древняя» приняты за гидроним.

[992] Кит. поэтическое выражение *шань инь* «горная тень» принято за топоним.

[993] В тексте: Сяо Табуей, Сала.

[994] В тексте: Уцзимай.

[995] Кит. прилагательные *ань го бэй* (в тексте: *ань го бэ*) «спокойная, отважная северная» приняты за имя собственное.

[996] См. прим. 958.

[997] Кит. определительное предложение *чжао гу я* «который заботился и конвоировал» (*чжао гу* «заботиться»; *я* «конвоировать») принято за имя собственное. Маньчж. *гэбунгэ* «по имени» из текста исключаем.

[998] В тексте: Шаохулу.

[999] См. прим. 916.

[1000] В кит. тексте *чжан жэнь гуй ци дэ ма* «выросшая и признавшая злая верховая лошадь» (*чжан* «вырасти»; *жэнь* «признавать»; *гуй* «злая»; *ци дэ* «верховая»; *ма* «лошадь») переведено только кит. *ци дэ ма* «верховая лошадь» маньчж. словосочетанием *ялуха моринь* «верховая лошадь». Определительное предложение *чжан жэнь* «которая выросла и признала» в сочетании с прилагательным *гуй* «злая» принято за имя собственное. Определительное предложение заменяем причастным оборотом.

[1001] Нарушен порядок слов: вместо словосочетания *ухэри чоохай вэйлэ* «общевойсковые дела» написано *чоохай ухэри вэйлэ* «войск общие дела».

[1002] Вместо перевода неудачного маньчж. текста *синь чэн хэчэнь и дэрги ниньчжу ба и дубэдэ исинафи* «от города Синьчэн в конец восточной шестидесятой *ли* направился» предлагаем перевод исправленного нами текста: *синь чэн хэчэнь и дэрги бару исинафи, ниньчжу ба и дубэдэ* «на восток от города Синьчэн отправился и в конце шестидесятой *ли*».

[1003] В тексте: Лэоси.

[1004] Кит. словосочетание *люй ян сянь* «зеленый солнечный уезд» принято за топоним.

[1005] Кит. словосочетание *гуан нин фу* «обширная спокойная область» принято за топоним.

[1006] Возможно, это кит. прилагательные *чун дэ* «благородный и добродетельный».

[1007] См. прим. 988.

[1008] В тексте: Хэсуй.

[1009] В тексте: Суангуэл.

[1010] В тексте: *бэ дада.*

[1011] Кит. словосочетание *ко тунь* «богатые поселки» принято за название города.

[1012] Маньчж. *батанга бата* «враждебный враг», вероятно, следует понимать как «враждебнейший из врагов».

[1013] Кит. прилагательные *хуэй гу* «мусульманское древнее» приняты за название государства.

[1014] Кит. словосочетание *по го хань чэн* (в тексте: *пугу хань хэчэнь*) «разоренной страны бедные города» принято за топоним – «город Пугухань».

[1015] Кит. определительное предложение *у му чжу* «который не имел шатровых подпорок» принято за имя собственное. Заменяем причастным оборотом.

[1016] В тексте: *даси.* См.: **Пиков Г. Г.** Специфика государственного устройства киданьских государств // История и социология государства. – Новосибирск, 2003. – С. 110.

[1017] Нарушен порядок слов: вместо правильного текста *улхень и хусунь этэнги офи* «мало-помалу сильным становилось» написано *хусунь улхень и этэнги офи* «силы мало-помалу сильными стали».

[1018] Кит. прилагательные *шунь ши гань* (в тексте: *шунь сы гань*) «благоприятные – сырые и сухие» приняты за топоним.

[1019] В тексте: *ху эл сань* (кит. *хо* «огонь, пламя»; *эр* – союз «и; да; к тому же»; *шань* «молния»).

[1020] Кит. словосочетание *да чжан* (в тексте: *дай чжан*) «главные командиры» не переведено маньчж. *учжунга чжангиса* «главные командиры».

[1021] Вместо перевода неудачного маньчж. текста *чирумэ тухэбухэ* «положив головы, свалили» было бы лучше употребить *учжу бэ тухэбухэ* «свалили (уронили, потеряли) головы», т. е. «сложили головы».

[1022] См. прим. 1018.

[1023] Кит. *хуэй хуэй* «мусульманское союзное» (?) не переведено, принято за название государства.

[1024] Кит. *ци эр мань* (в тексте: *ци эл мань*) «пустые и дикие» не переведено маньчж. прилагательными *байбингэ эсхунь* «пустые и дикие», принято за топоним.

[1025] В тексте: Гоэл-хан.

[1026] Кит. прилагательные *цза мао* (в тексте: *самао*) «разные мелкие» приняты за топоним.

[1027] Кит. *тянь ю* «Небом приобретенный» переведено маньчжурами как *абкай госирэ* «Небом любимый». Текст исправляем.

[1028] Кит. прилагательные *янь цин* «суровое и спокойное» переведены маньчжурами как *горо гойдара* «долго длящееся». Текст исправляем.

[1029] В тексте: Сы-юань.

[1030] Кит. словосочетание *юань фэй* «главная наложница» не переведено маньчж. *учжунга гувэлэку* «главная наложница».

[1031] Кит. *сюань и* «объявленная справедливой» (по-маньчж. *чжургангa илэтулэбухэ* «справедливой объявленная») переведено маньчжурами как *илэту чжургангa* «гласно справедливая». Текст исправляем.

[1032] Кит. *чжао дэ* «озаряющая добродетелями» переведено маньчжурами как *эрдэму бэ гэнгень обуха* «сделавшая добродетели ясными» вместо правильного *эрдэму и элдэмбурэ* «добродетелями озаряющая». Текст исправляем.

[1033] См. прим. 1026.

[1034] В тексте ошибка: вместо маньчж. *байли* «благосклонность, милость» написано *хутури* «счастье».

[1035] Вместо правильного маньчж. текста *кэси исибурэ чжалинь* «по причине оказания благодеяний», т. е. «за оказанные благодеяния», написан неудачный текст *кэси исибумэ* «оказывая благодеяния».

[1036] В тексте ошибка: вместо маньчж. *вэсихулэнь* «чествование; почет, почтение» написано *вэсихунь* «верх; верхний; восток».

[1037] Возможно, это кит. определительное предложение *ху цы вай эр до* (в летописи: *ху сы ва эл до*), букв. «которое пугало и кололо иностранное ухо» (*ху* «пугать»; *цы* «колоть»; *вай* «иностранный»; *эр до* – «ухо»). Маньчжурами переведены только слова *ху сы* как *хусунь бисирэ* «сила и существование». Текст исправляем.

[1038] В тексте: Кан-гуэ.

[1039] Кит. *кан го* «несущий [на плечах] государство» переведено маньчжурами как *гурунь бэ токтобуха* «утвердивший государство». Текст исправляем.

[1040] В тексте ошибка: вместо *мутубуха* «взрастили» написано *мутэбуха* «смогли».

[1041] Вместо перевода неудачного маньчж. текста *бойхонь урихэ* «земля растрескалась» предлагаем перевод текста *ба на эфучжэмби* «на владения разваливается».

[1042] Имеются в виду именно *чжаньчухунь госихонь* «сладость и горечь», а не *чжабшань чжоболонь* «счастье и горе».

[1043] Вместо неудачного маньчж. текста *сини бэе бэ си умэ чжоболонь тучибурэ* «самого себя ты страдания не показывай!» следовало написать примерно так: *сини бэйнгэ чжоболонь бэ си умэ тучибурэ* «своих собственных страданий ты [никому] не показывай!».

[1044] Вместо правильного текста *эрэй корой тонь кэмнэхэ* «этих потерь счет был предопределен судьбой» написан неудачный текст *эрэ кэмнэхэ тонь кай* «это есть предопределенный судьбой счет», в котором непонятно, о чем идет речь, т. к. выпущено существительное *коро* «потеря, урон, вред, убыток».

[1045] В тексте: Шао-син.

[1046] Кит. текст *пу гу цзи ша ли* (в тексте: *пугуцисали*) «устилавший костями в бурных Песках» (*пу* «стелить; укладывать»; *гу* «кости»; *цзи ша* «бурные Пески»; *ли* послелог «внутри; в») принят за имя собственное. Также можно предположить кит. *цзи ша* «быстрые Пески» или *ци ша* «ровные Пески».

[1047] Возможно, написан вместо титула Дунбин-ван.

[1048] См. прим. 1046.

[1049] О государстве Си Ляо см.: **Пиков Г. Г.** Из истории исторической и политологической мысли // История и социология государства. – Новосибирск, 2003. – С. 131.

[1050] Вероятно, написано вместо Си Ляо.

[1051] Имеются в виду три хана – Елюй Даши, Илей, Цзилугу, а также две правительницы – Табуянь и Пусувань.

[1052] В тексте ошибка: вместо маньчж. *ань* «обыкновение, общепринятый обычай» следовало употребить *кооли* «закон, правило; обычай».

[1053] Вместо маньчж. текста *дайляо гуруни ачабунь дэ досирэ иргэнь* «в состав государства Да Ляо входящие народы» написан не очень удачный текст *ини тонь дэ досика гурунь* «в его число входившие народы».

[1054] В тексте: *шуни хафань*, вместо правильного *шумиши хафань*.

[1055] В тексте: *сюань хуэй хафань*, вместо правильного *сюань хуэй ши хафань*.

[1056] В «Истории государства киданей» (с. 494) читаем: «до реки Люйцзюйхэ».

[1057] В тексте: Бэгоу.

[1058] В тексте, по-видимому, ошибка: вместо маньчж. прилагательного *айсиланга* «вспомогательный» употреблена субстантивная форма причастия *айсилабурэнгэ* «те, которым велят помогать».

[1059] Вместо маньчж. причастия настоящего времени *бахара* «получение, приобретение» было бы лучше употребить *баргяра* «сбор, стягивание в одно место».

[1060] В тексте: *ювай*, читается *юай*. Значение слова неизвестно.

[1061] Кит. *доу* – «мера сыпучих тел и объема, равная 10 литрам; ковш, черпак».

[1062] Кит. *чи* – «фут, равный 0,33 метра».

[1063] Маньчж. *хоньтохо доронь* – «половинчатая печать». «Состоит из двух половинок, из коих одна выдается чиновнику, а другая остается у правительства для сличения и удостоверения в верности полученного донесения» (из словаря И. Захарова, с. 423).

[1064] Кит. *пай* – «табличка, этикетка, ярлык, бирка». Маньчж. *шусихэ* – «бирка – ханский ярлык с надписью "по повелению государя", выдаваемая командированным по высочайшему повелению лицам в знак особого полномочия» (из словаря И. Захарова, с. 684). О кит. *пайза* см.: *История* Золотой империи. – Новосибирск, 1998. – С. 241, прим. 116.

[1065] По-видимому, ошибка: вместо маньчж. прилагательного *куку* «сивый, серый» написано *сахалянь* «черный».

[1066] В тексте ошибка: вместо *чжурараку* «не выступают в поход» написано *унгираку* «не отправляют».

[1067] Вероятно, в парном слове *хусунь эбэри* «сила-слабость» (т. е. «имущественное положение») было выпущено гравером слово *эбэри* «слабость; слабый». Парные слова *элгень экень* «изобилие-скудость», *баянь ядань* «богатство-бедность» тоже могут выражать понятие «имущественное положение».

[1068] Маньчж. прилагательные *габсихянь дачунь нингэ* (*нингэ* – частица имени прилагательного) «отборный и отборный» переводятся как «отборнейший, самый отборный».

[1069] В тексте ошибка: вместо правильного *байчамэ* «для разведки» написано *карунь синьдамэ* «для выставления караулов». Речь идет об отрядах *ланьцзы*. См.: **Е Лун-ли.** История... – С. 511, 512.

[1070] Маньчж. текст *гэрэнь комсо бэ тувамэ* «на много-мало смотря» переводится как «в зависимости от численности». Парное слово *гэрэнь комсо* «много-мало» выражает понятие «число, численность, количество».

[1071] В тексте ошибка: вместо *фидэмэ* «для вызова» написано *ганамэ* «для забирания».

[1072] Маньчж. текст *амаси чжулэси аламэ* «туда-сюда словесно донося» переводится как «для устной передачи во всех направлениях». Парное слово *амаси чжулэси* «взад-вперед, туда-сюда» выражает понятие «в разных направлениях».

[1073] Вместо правильного маньчж. текста *симнэмэ тувабурэ дэ урэсхунь очжоро дэ* (букв. «к представлению на смотр когда станут готовы») написан текст *симнэмэ тувамбихэдэ,* который перевести невозможно из-за противоречащего правилам маньчж. грамматики слова *тувамбихэдэ* (показатель глагола настояще-будущего времени *–мби* соседствует с показателем причастия прошедшего времени *–хэ*). Далее в тексте встретятся подобные слова: *тучимбихэдэ, бэдэрэмбихэдэ, дайламбихэдэ, досимбихэдэ, ябумбихэдэ, афамбихэдэ,* которые будут переводиться нами как причастия настоящего времени *тучирэ дэ* «при выходе», *бэдэрэрэ дэ* «при отступлении» и т. д. и в примечаниях рассматриваться не будут.

[1074] В тексте: Юаньинбэ.

[1075] В тексте: Бэмакоу, Гэбэкоу, Аньдама *анга* (кит. *коу* «рот и т. д.» в названии Аньдамакоу переведено маньчж. *анга* «рот, устье, отверстие, застава, ворота, проход, порт»).

[1076] В тексте ошибка: вместо маньчж. редуплицированного слова *сирань сирань и* «один за другим» написано редуплицированное слово *тэйсу тэйсу* «каждый сам по себе».

[1077] В тексте, скорее всего, ошибка: вместо маньчж. наречия *худукань* (или *хахикань*) «поскорее, побыстрее» написано одновременно деепричастие *бошомэ* «погоняя, понуждая, поторапливая».

[1078] Кит. словосочетание *цинь ван* в данном случае, по-видимому, не является титулом Цинь-ван, а переводится как «родственник-князь».

[1079] В тексте ошибка: вместо прилагательного *учжэнь* «важный» написано прилагательное *амба* «великий».

[1080] В тексте: Шун.

[1081] В тексте ошибка: вместо маньчж. *яргянь* «истина; действительность; действительно существующий; достоверный; реальный» или *гэтукэнь* «ясный, очевидный, видимый» написано *гэсэ* «как бы, похоже; каждый, подобный».

[1082] В тексте ошибка: вместо маньчж. прилагательного *илэту* «ясный, очевидный, видимый» или его синонима *гэтукэнь* написано *гэсэ* «как бы, похоже; каждый, подобный».

[1083] Вероятно, в маньчж. словосочетании *дорги бодогонь* «внутренние соображения», т. е. «секретные планы», при изготовлении ксилографа было выпущено гравером существительное *бодогонь* «соображение, вычисление, замысел, план, проект».

[1084] Вместо перевода неудачного маньчж. текста *дамэ чжидэрэ чооха бэ аку обумби* «сделать несуществующими войска, которые придут на помощь» предлагаем перевод исправленного нами текста *чоохай дамэ чжидэрэ бабэ очжораку обумби* – «прибытие войск на помощь сделать невозможным».

[1085] Вместо неудачного маньчж. текста *чжалань баньчжифи ябумби* «полками живут и действуют» следовало написать *чжалань бэ баньчжибумби* «составляют полки».

[1086] Вместо наиболее подходящего для контекста глагола *чжукимби* «ровнять, подсыпая землю» не очень удачно употреблен глагол *дасамби* «употреблять, исправлять, выравнивать, починять, улучшать и т. д.».

[1087] В тексте ошибка: вместо правильного *баксань ачамэ* «в отряды соединив» написано *баксань арамэ* «отряды сделав».

[1088] Маньчж. *дэрэ* – «лицо; лицевая сторона; сторана света по прямым линиям румба» (кит. *мянь*). См.: **Е Лун-ли.** История… – С. 513: «…десять *дао* – один *мянь*».

[1089] В тексте ошибка: вместо причастия настоящего времени *нэньдэрэ* «стоящий впереди, передний» неудачно употреблено *нэнэрэ* «делающий раньше, предупреждающий».

[1090] В тексте ошибка: вместо прилагательного *чжачинь* «второй, следующий» или *чжайнгэ* «второй, следующий» написано наречие *гэли* «еще, далее, снова, слишком».

[1091] Вместо неудачного маньчж. текста *халамэ досимби, халамэ бэдэрэмби* «попеременно наступают, попеременно отступают» следовало написать примерно так: *досирэ, бэдэрэрэ бабэ халаньчжабумби* «наступления и отступления взаимно сменяют», т. е. «чередуют наступления и отступления».

[1092] В тексте ошибка: вместо *тэрэ дадэ* «к тому же, сверх того» написано *дадэ гэли* «сперва и далее».

[1093] В тексте ошибка: вместо *умай сарку* «совсем ничего не знает» написано невразумительное *сарку очжораку сэмэ* «не знает невозможно говоря».

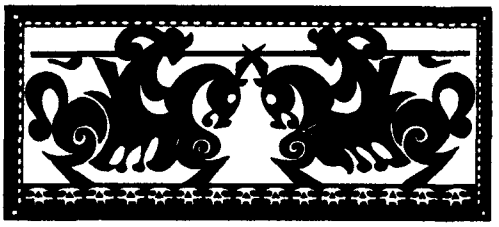
[1094] Маньчж. текст, перевод которого дан в этом абзаце, очень сокращен и неудачен в грамматическом отношении. Восстановлен и исправлен согласно: **Е Лун-лн.** История… – С. 513.

[1095] В тексте ошибка: вместо *шурдэмэ байчамби* «кругом разведывать», т. е. «вести круговую разведку», написано *шурдэмэ карунь тувамби* «кругом наблюдать за караулами».

[1096] В тексте ошибка: вместо *чжуфулень* «сушеный дорожный провиант» написано *чжуфэлянь.*

ЧАСТЬ II

РУССКИЕ ВОСТОКОВЕДЫ XIX ВЕКА
М. Д. Храповицкий и М. Н. Суровцов

Г. Г. Пиков

М. Д. ХРАПОВИЦКИЙ И М. Н. СУРОВЦОВ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

История Востока традиционно привлекает внимание исследователей. Тем не менее, в последнее время интерес к ней заметно вырос. Это обусловлено целым рядом факторов:

1) усилившимся влиянием некоторых восточных стран на мировую экономику и историю отдельных регионов;

2) накоплением нового археологического материала и успехами в филологии, антропологии и этнографии;

3) невозможностью более объяснять историю Востока при помощи терминологии, разработанной для западноевропейской истории;

4) развитием и широким применением в исследовательской практике цивилизационного метода, а также конкретизацией в этой связи понятия «Восток»;

5) поиском новых средств и методов изучения восточного мира.

Изменились также, казалось бы, устоявшиеся оценки вклада того или иного исследователя или периода отечественной историографии. Особым интересом пользуется период становления отечественной синологии.

В прошлом столетии были написаны первые обобщающие труды по истории не только китайской цивилизации, но и сопредельных территорий. В целом понятие «Восток» в то время было довольно неопределенным, под ним понимался весь неевропейский мир и неевропейская культура, принципиально противостоящие западному миру[1]. Однако исследования отдельных западных и отечественных востоковедов знаменовали и появившийся интерес к конкретным народам и их истории, в том числе к истории национальных государственных образований на северной окраине танского и сунского Китая (Тюркский и Уйгурский каганаты, Бохай, Западное Ся, Ляо, Цзинь) и характеру их взаимоотношений. Этот интерес перманентно усиливается на протяжении прошлого и нынешнего столетий, что вполне понятно, ибо вторая половина I – первая половина II тыс. н. э. – одна из наиболее насыщенных событиями эпох в истории народов Центральной Азии.

Заметное место в истории центральноазиатского региона занимали кидани. Они играли значительную роль в бурных событиях предмонгольского периода, оказали огромное влияние на развитие культуры дальневосточной ойкумены. Созданная ими Великая Железная империя (Да Ляо), существовавшая более двухсот лет (907–1125 гг.), в период наибольшего могущества владела территорией Внутренней и Внешней Монголии, а также частью Северного Китая, влияла на политику Кореи, северокитайских династий Поздняя Цзинь, Поздняя Хань и Северная Хань (936–972 гг.), тангутского государства Западное Ся. В зависимость от империи попали даже южнокитайские царства Уюэ и Южное Тан.

Изучением истории племен и народов Восточной Азии в древности и средние века европейские исследователи занимались еще в XVIII в. В России В. Тредиаковский, П. Паллас и Н. Я. Бичурин подвели под эти исследования научную основу, познакомив мир с работами европейских и китайских ученых, начав публикацию и анализ письменных источников. К середине XIX в. были заложены основы тщательного изучения отдельных проблем, а благодаря усилившимся политическим и экономическим контактам Цинской империи с европейской цивилизацией стало возможным знакомство европейцев с китайскими источниками и литературой. Неудивительно, что именно тогда появились ученые, углубленно изучавшие историю национальных государственных образований на севере Китая (в России это В. П. Васильев, М. Н. Суровцов и др.).

М. Д. ХРАПОВИЦКИЙ

Одним из малоизвестных исследователей, которые вписали заметную страницу в изучение истории стран Востока, был Михаил Данилович Храповицкий (1816–1860). Сын священника Крестецкого уезда Новгородской губернии, поступивший в 1845 г. в Петербургскую духовную академию, в 1849 г. уехал в Китай в качестве студента XIII Российской духовной миссии. Возглавил миссию Палладий Кафаров, а в ее подготовке принимал участие и Н. Я. Бичурин.

В Китае М. Д. Храповицкий совершенствовал знание китайского языка, изучал маньчжурской язык. Об основательности этих занятий свидетельствует то, что М. Д. Храповицкий известен как переводчик трактата о России с Китаем 1860 г. (с русского языка – на китайский и маньчжурский, с китайского – на русский) и «Царствования Петра I» (на маньчжурский язык).

В плане научной работы М. Д. Храповицкий занялся изучением истории Цинской империи. Его статья «События в Пекине при падении Минской династии», опубликованная в третьем томе «Трудов Российской духовной миссии в Пекине»[2], была оценена Н. Г. Чернышевским как «первая и важнейшая по содержанию», ибо ее материал давал повод утверждать, что бедствия угнетаемого народа неминуемо приводят к народному восстанию.

М. Д. Храповицкий оставил после себя большое рукописное наследие. Неожиданная смерть помешала ему опубликовать готовившиеся к изданию «Материалы для истории уголовного законодательства в Китае» и «Историческое обозрение монетной системы». В РГБ есть и другие его рукописи – «Русские посольства в Китай», «История династии Цинь /по Ган-му/», «Обвинения против княжества Цинь». Особо хотелось бы упомянуть «Записки о народе Ляо», где затронут ряд вопросов ранней истории киданей (происхождение, первоначальная родина, уровень социально-экономического развития, взаимоотношения с Китаем и др.), осуществлена попытка локализации во времени и пространстве отдельных исторических фактов. П. Е. Скачков справедливо замечал, что публикация «Записок...» и других рукописей «принесла бы большую пользу науке»[3].

В целом можно констатировать, что основным объектом внимания М. Д. Храповицкого была история маньчжурского Китая. Это обусловило то, что другие работы, в том числе «Записки...», были своего рода этюдами к общей «картине» цинской истории или появились в результате обдумывания смежных сюжетов. На наш взгляд, именно этим объясняются недостатки работ М. Д. Храповицкого: 1) пересказ источника, положенного в основу изложения; 2) отсутствие точных и регулярных ссылок на него; 3) отсутствие критики источников и обзора литературы; 4) согласование мыслей автора с мнением китайского подлинника. Сказывалось на методах и целях работы М. Д. Храповицкого широко распространенное в XIX в. представление, что человек всегда и везде, во все времена и во всех странах «одинаков», поэтому нет необходимости особо интересоваться мировоззрением не только автора или составителя источника, но подчас и исторических персонажей. Однако М. Д. Храповицкий пытался строить свою работу на строго научной, экспериментальной основе, выдвигая на первый план историю Китая, составленную по китайским памятникам. Он отбросил стереотипное представление о китайцах как «низшей расе», а их культуре – как культуре «отсталого» народа.

Многие работы М. Д. Храповицкого – это «заметки для себя», поднимавшие актуальные проблемы и имевшие большое значение для понимания современности и специфики исторического процесса в Китае. Он пошел дальше Н. Я. Бичурина, начав разработку вопросов экономической истории, народных движений и др. В отношении киданьской истории работу М. Д. Храповицкого «Записки о народе Ляо» можно считать началом исследований, посвященных проблемам киданьской истории (М. Д. Храповицкий, М. Н. Суровцов, авторы советского периода). В то же время статьи и книги Н. Я. Бичурина и В. П. Васильева положили начало осмыслению проблемы роли киданей в восточноазиатской истории (Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев, В. В. Бартольд, Л. Н. Рудов и др.).

М. Н. СУРОВЦОВ

Одним из пионеров киданеведения в России, вслед за Н. Я. Бичуриным (Иакинфом), увидевшим необходимость тщательного изучения письменных источников и разработки на их основе проблем киданьской истории, был ныне почти не известный даже специалистам М. Н. Суровцов. Он первым в истории европейской синологии сделал перевод самого авторитетного и полного источника по истории Ляо – династийной истории «Ляо ши». Этим переводом пользовались такие крупнейшие специалисты по истории Центральной Азии, как

В. В. Григорьев, А. М. Позднеев, А. Н. Рудов. Основываясь на своем переводе, М. Н. Суровцов написал работу по истории киданей, высоко оцененную руководством восточного факультета и кафедры китайской словесности Санкт-Петербургского университета[4].

Работа студента М. Н. Суровцова является своеобразной вехой в истории отечественной и мировой синологии. Ни один исследователь до него (если не считать китайских авторов) не рассматривал отдельно и подробно историю этого кочевого народа. Показательно, что это была первая и единственная попытка создать общий очерк истории этого этноса на основе самого авторитетного источника – «Ляо ши» («История династии Ляо»). Небезынтересно будет проанализировать этот труд и на предмет выявления характерных особенностей историко-философской основы отечественного китаеведения XIX в.

Основательность и добросовестность метода работы М. Н. Суровцова, научная значимость проанализированных им сведений уже давно вызывали у исследователей желание познакомить широкие круги научной общественности с этим уникальным памятником русской синологии. Однако в силу целого ряда технических причин эта трудоемкая работа все время откладывалась. Мешало осуществлению такого необходимого, желанного мероприятия и полное отсутствие каких-либо сведений о М. Н. Суровцове, его жизни и деятельности. Неизвестны были даже его имя и отчество. В настоящее время благодаря обнаруженным архивным материалам появилась возможность дать небольшой предварительный очерк о начальном этапе научной деятельности этого китаеведа.

Родился Михаил Николаевич Суровцов 20 октября 1850 г. в с. Кабанское Верхнеудинского округа Иркутской губернии. Отцом его был Николай Михайлович Суровцов – смотритель Туркинских минеральных заведений, *«из приказно-служилых детей»*. Судя по «Формулярному списку о службе» отец начал службу 31 января 1821 г. в должности копииста Верхнеудинского уездного (позже – окружного) суда и, последовательно пройдя все ступеньки чиновничьей службы, выказав способности и должное рвение к работе, 31 декабря 1840 г. был произведен в титулярные советники. *«За усердную службу по Высочайшему Его императорского Величества повелению»* 8 марта 1844 г. он *«определен смотрителем Туркинских Минеральных Заведений»*[5]. Однако ко времени рождения сына Михаила Н. М. Суровцов *«по постановлению Иркутского Приказа общественного Призрения на 30 июня 1848 года... за противозаконные поступки»* был отстранен от этой должности, впоследствии судим *«за растрату денег и имущества Туркинских Минеральных заведений»* и по решению Сената *«лишен всех особенных, лично к его состоянию присвоенных ему прав и преимуществ»*, а затем сослан в Якутскую область[6].

Жена его – Елисавета Федоровна и дети – Михаил, Татьяна и Анна оказались *«состояния бедного»*. Н. М. Суровцов вскоре скончался, вероятно, в Якутской области. Михаил благодаря стараниям матери и собственному усердию получил неплохое по тем временам образование. Об этом свидетельствует его аттестат об окончании 15 июня 1868 г. Иркутской классической гимназии (с одним латинским языком): *«На последнем окончательном испытании оказал успехи: в законе Божьем, словесности, Алгебре, Геометрии, Тригонометрии, Географии, истории Всеобщей и Русской и языках: латинском, французском и немецком отличные, в Русском с церковно-славянским языках, физике и космографии хорошие»*. В результате был *«награжден серебряной медалью, с правом, при поступлении в Гражданскую службу, на чин XIV класса»*[7].

Выпускники подобных гимназий обязаны были после получения образования прослужить шесть лет в Сибирских губерниях. Однако *«казенно-коштный воспитанник»* Михаил Суровцов был направлен, *«согласно его желанию, в Санкт-Петербургский университет по факультету Восточных языков на имеющуюся вакантную стипендию Генерал-Адьютанта Игнатьева». «По бедному состоянию его матери от платы за слушание лекций в университете»* он был освобожден. Так М. Н. Суровцов оказался студентом первого курса китайско-маньчжурско-монгольского разряда. Этим он обязан был хлопотам своей матери Елисаветы Федоровны, в результате которых Главный инспектор училищ Восточной Сибири обратился с ходатайством к Председательствующему Совета Главного управления Восточной Сибири, а тот распорядился определить Михаила на вакантную стипендию Генерал-адьютанта Николая Игнатьева. По положению Сибирского комитета «О содержании в Восточном факультете Императорского Санкт-Петербургского университета одного стипендиата Николая Игнатьева»[8], кяхтинское купечество в память о заключении Пекинского договора 1860 г. обязывалось содержать в Санкт-Петербургском университете по китайско-маньчжурскому отделению одного стипендиата в течение 15 лет: «*Стипендиат избирается из наиболее способных воспитанников Иркутской гимназии... При равных достоинствах избираемых воспитанников преимущество должно быть отдаваемо беднейшему...*»[9].

Михаил Николаевич Суровцов был зачислен в Санкт-Петербургский университет 1 августа 1868 г. без экзаменов, на основании аттестата, и определен на первый курс китайско-маньчжурско-монгольского разряда. Учиться было трудно. Стипендия выдавалась не всегда регулярно. Жить приходилось на частных квартирах.

Связь с домом поддерживалась только при помощи почты. Лишь один раз в вакационное время М. Н. Суровцов позволил себе выехать за пределы столицы – в Кременецкий уезд Волынской губернии (со 2 июня по 15 августа 1869 г.). Вероятно, эта поездка была связана с учебными, а не личными делами, ибо билет на дорогу он получил в библиотеке университета. Зарегистрировав билет у кременецкого уездного исправника 13 июня 1869 г., он сдал его в университет после возвращения.

Учеба на факультете была напряженной. Специфика факультета предполагала большую самостоятельную работу студентов. Только «*при таком способе занятий студенты факультета восточных языков могли в течение четырехлетнего курса, не совсем достаточного для основательного изучения восточных языков и всестороннего ознакомления с историею и литературою Востока, приобретать отличные познания*»[10]. Учился М. Н. Суровцов с желанием и настойчивостью. Об этом говорят лестные отзывы В. В. Григорьева, назвавшего его талантливым китаеведом, а также сведения из личного дела. Как раз ко времени написания им работы о киданях относится такая запись: «*Стипендиат Генерал-Адьютанта Игнатьева г. Суровцов состоит... на третьем курсе китайско-маньчжурско-монгольского разряда, экзамен выдерживает весьма хорошо*»[11].

М. Н. Суровцов постоянно просил разрешения пользоваться фондами библиотеки больше, чем другим студентам. Того количества книг, которое максимально могло быть выдано на руки студентам (6 томов), ему явно не хватало. Он добился, что ему разрешили «держать» по 14 книг. Результатом такой добросовестной работы явился диплом, в котором значилось: «*Совет Императорского Санкт-Петербургского Университета сим объявляет, что Михаил Николаев сын СУРОВЦОВ, из обер-офицерских детей, 21 года от роду, православного вероисповедания... на испытаниях показал: в богословии, китайском языке, истории китайской литературы, маньчжурском языке, монгольском языке, истории монгольской литературы, истории востока, практических занятиях китайским языком, русской истории, русской словесности и французском языке – ОТЛИЧНЫЕ ПОЗНАНИЯ, за которые факультетом восточных языков признан достойным ученой степени КАНДИДАТА и, на основании четвертого пункта § 42 общего устава Российских университетов, утвержден в этой степени Советом Университета 31 мая 1872 года*»[12].

После четырехгодичного курса обучения М. Н. Суровцов решил остаться в университете еще на один «прибавочный» год, в течение которого студенты обычно совершенствовали знание языков. Но в связи с тяжелым материальным положением он уже в октябре 1872 г. вынужден ходатайствовать об определении на службу в Азиатский Департамент Министерства Иностранных Дел. «*...По сношению, учиненному о нем Министерством Иностранных Дел с Главным начальством Восточной Сибири, к принятию г. Суровцова на службу в Азиатский Департамент препятствий не встречается*»[13]. Получив 2 января 1873 г. диплом, кандидат М. Н. Суровцов по просьбе Министерства иностранных дел и с согласия Главного начальства Восточной Сибири отправился на службу в Азиатский департамент.

25 января 1873 г. Департаментом личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел было отправлено на рассмотрение в Правительствующий Сенат представление «об утверждении чиновника сверх штата при Азиатском Департаменте Михаила Суровцова...»[14]. Утверждение Сената последовало 22 марта 1873 г. Одновременно М. Н. Суровцов был утвержден в чине коллежского секретаря. Так закончился период его жизни, связанный с углубленной работой над китайскими источниками по средневековой истории Восточной Азии.

Государственная служба М. Н. Суровцова продолжалась недолго. К зиме 1873 г. он серьезно заболел. Некий доктор Муретти заключил, что «*есть опасение туберкулеза легких*». Больной выехал за границу на лечение. Вскоре тот же доктор Муретти сообщил в Департамент, что «*коллежский секретарь Мишель Суровцов... не может вернуться в Россию без опасения для его жизни до весны*» из-за прогрессирующей болезни[15]. Видимо, за короткий срок пребывания на службе М. Н. Суровцов успел показать себя с неплохой стороны. Директор Департамента Петр Николаевич Стремоухов разрешил ему жить за границей до полного выздоровления и продлил выплату жалования[16]. Трагический конец был очевиден и для больного. Он просил: «*...в случае моей смерти... назначить хотя небольшое пособие моей матушке, проживающей в Сибири, т. к. она, в случае потери меня, лишается всяких средств к существованию... Я почти уверен, что осенью меня не будет... Может быть, Рим или Неаполь замедлят это...*»[17]. Точная дата смерти М. Н. Суровцова неизвестна, но можно предположить, что произошло это в 1874 г.

К началу работы М. Н. Суровцова над темой в европейской науке уже существовала некоторая традиция ее изучения, особенно если вспомнить имена Н. Я. Бичурина и В. П. Васильева[18], но сколько-нибудь основательных и концептуальных исследований не было. Одной из существеннейших причин этого было отсутствие тщательно разработанной методологии. В исторической науке первой половины XIX столетия происходила

выработка первых научно-мировоззренческих систем. Об отсутствии необходимых «руководящих основ» как недостатке, присущем многим серьезным ученым, говорил и сам М. Н. Суровцов (л. 2).

Интерес к киданям, прослеженный по западной литературе XVIII в., был связан с расширением политических, экономических и культурных связей с Востоком. На первых работах исследователей, предпринявших попытки обобщения данных источников о киданях, лежит печать филоориентализма, стремившегося обнаружить во вновь открываемых культурных ценностях восточного мира идейную опору в борьбе с «феодальной реакцией» и «мракобесием духовенства». Известия восточных авторов европейские исследователи на первых порах заимствовали из книг средневековых путешественников (М. Поло, П. Карпини, Г. Рубрука) и сборников антологического плана, созданных китайскими («Ляо ши шии» / «Подборка пропущенного в истории династии Ляо» / Ли Э, «Ляо ши шии бу» / «Дополнение к сочинению "Подборка пропущенного в истории династии Ляо"»/ Ян Фуцзи) и мусульманскими историками. Однако интересы Д' Эрбло, К. Видлу и других авторов той эпохи (Дегинь, Гобиль, Грозье, Ж. Б. Дюгальд, Ж. Де Майа) не замыкались лишь на истории киданей. Они описывали более обширный период, нежели время правления киданьских династий. Их книгам были свойственны описательность, комплексность, не перевод, а пересказ источников. Не обладая еще навыками строгого научного анализа фактического материала, они стремились примирить разнородные источники, путались в именах и династиях.

Во второй половине XVIII в. произошло знакомство с историей киданей и в России. К этому времени трудами первых русских путешественников и дипломатов в Китае был заложен фундамент отечественной синологии. Развитие отношений с Китаем, формирование различных участков русско-китайской границы и ведение торговых дел требовали специальных знаний и компетентных людей. Первые упоминания о киданях в отечественной литературе основываются на знаниях, почерпнутых в работах западных исследователей. Впервые кидани были упомянуты в «Родословной истории о татарах» Абулгази-хана, переведенной на русский язык известным отечественным поэтом В. Я. Тредиаковским. Был накоплен значительный фактический материал по истории дальневосточных стран и в начале следующего столетия, однако в фокусе оказались уже отдельные проблемы.

В первые десятилетия XIX в. были заложены научные основы мировой ориенталистики. В 1820-х гг. Абель Ремюза и Г. Ю. Клапрот упоминали киданей как «тунгусскую нацию». Они считали, что «дунху» – это китайская транскрипция слова «тунгус». Собственно киданьские история и культура европейскими исследователями специально не изучались. По истории Китая был накоплен столь значительный материал, что достаточно прочно укоренилось мнение, сформулированное известным русским мореплавателем И. Ф. Крузенштерном: «О Китае написано столь много, что весьма трудно уже сказать о нем что-либо новое»[19]. Тем значительнее выглядит фигура великого русского китаеведа Н. Я. Бичурина, который «привлек внимание широких кругов русского общества к ранее неизвестным сторонам истории и культуры Китая и заставил пересмотреть неправильные взгляды на Китай, перенесенные с Запада»[20]. Именно благодаря трудам русских китаистов, по словам академика В. В. Бартольда, «русская синология еще в 1851 и 1852 гг. опередила западноевропейскую»[21].

В середине XIX в. начался новый этап в изучении истории киданей, характеризующийся более глубоким интересом к их истории и разработкой отдельных проблем. Над происхождением киданей основательно потрудился М. Д. Храповицкий, результатом чего стали «Записки о народе Ляо». Однако они не были опубликованы. Большое значение для изучения истории киданей и других кочевых соседей Китая имела работа В. П. Васильева «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века». Этот исследователь считал, что история киданей «*составляет один из важнейших фактов среднеазиатской истории, без них мы не поймем даже причины появления Чингисхана и предводимых им Монголов*»[22].

Работа М. Н. Суровцова «О владычестве киданей в Средней Азии» представляет собой рукопись, включающую пять тетрадей (сохранились лишь четыре). В четырех из них содержится очерк истории киданей до крушения восточного государства. В пятой тетради была освещена история западных киданей и их государства.

Труд делится на следующие разделы:

1. «Историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основании им династии Ляо до падения последней на Западе».
2. «О церемониях».
3. «Обряды».
4. «О значковом приказе».
5. «Общий взгляд на экономический быт киданей».
6. «Общий взгляд на уголовное законодательство киданей».

7. «Несколько слов о религии киданей».

8. «Положение и роль женщин династии Ляо».

Исследование М. Н. Суровцова основано практически на единственном источнике – «Истории династии Ляо» («Ляо ши»). Правда, источник этот – самый важный, самый главный, наиболее полный и разносторонний по содержанию. В нем можно найти информацию по различным аспектам общественной и политической истории киданей. Однако основное внимание в этой хронике уделено внутренней истории. Составлена она была в 1344 г. особым комитетом из 23 человек во главе с монголом Токто (Тото) и является одной из 24 китайских династийных историй. В летописи есть 4 традиционных раздела (*бэньцзи*, *няньбао*, *шу* и *лечжуань*) и 116 глав (*цзюаней*). М. Н. Суровцов изучил этот труд довольно основательно.

Первые 30 глав «Истории династии Ляо» занимает раздел *бэньцзи*, где излагаются события, имевшие место при отдельных императорах, т. е. освещается политическая история киданей с момента создания государства Ляо. М. Н. Суровцов использовал этот раздел при написании «Историко-политического обзора деятельности киданей», дополнив его обзором додинастической истории, начиная со времени выделения киданей из группы сяньбийских племен, и активно использовал для этой цели раздел «Бяо» (таблицы, цз. 63). (Додинастический период истории, надо отметить, до сих является наименее изученным.)

Основательно были проработаны М. Н. Суровцовым главы 49–53, посвященные светским и религиозным церемониям, а также обычаям киданей. Разделы его работы «О церемониях» и «Обряды» практически представляют собой дословный перевод источника. Справедливости ради, надо отметить, что он попытался их интерпретировать, предложив свое небольшое предисловие к каждому разделу. Информацию из глав 55–58 Суровцов использовал в разделе «Значковый приказ», т. е. описывая то учреждение киданей, в ведении которого находились колесницы, одежда и другие атрибуты верховной власти. В соответствующем предисловии он размышляет о значении таковых атрибутов на Востоке, о специфике восточного придворного ритуала.

«Экономический быт» киданей рассматривается исследователем на основе глав 59–60 «Ляо ши». Уголовному законодательству киданьской империи М. Н. Суровцов уделил особое внимание, основываясь на главах 61–62 источника («Трактат о наказаниях»). Это законодательство он рассматривает на широком фоне восточной истории, одновременно приводя конкретные факты из киданьской истории. Один из акцентов сделан им на интригах при дворе киданьских правителей. «Бяо» (таблицы) используются М. Н. Суровцовым и для изучения роли женщин в киданьском обществе. Кроме биографий «принцесс», он использует жизнеописания императриц и крупных сановников (цз. 71–114).

Из сказанного можно сделать вывод, что М. Н. Суровцов во многом следовал за источником. Особенно это справедливо в отношении политической истории, которую он дал в строгом хронологическом порядке. Он не отказывался следовать подчас и внутренней структуре той или иной главы источника. Однако, по мере возможности, он отходит от источника, нарушая господствовавшую в XIX в. традицию его пересказа. Так, раздел «Несколько слов о религии киданей» является предельно самостоятельным. Составители «Ляо ши» эту информацию в отдельную главу не выделили. Кроме того, Суровцова в данном случае интересовали не только конкретные религиозные верования и традиции киданей, но и степень влияния религии на общественное и культурное развитие кочевников и дальневосточного мира в целом. Замечание В. П. Васильева о том, что *«автор (работы «О владычестве киданей в Средней Азии») не сумел методу китайской истории передать в европейской форме»*[23], вероятно, следует считать не минусом, а плюсом, свидетельствующим о высоком профессиональном уровне М. Н. Суровцова.

Работа над темой была кропотливой и огромной по объему. Необходимо было перевести «Ляо ши» с китайского языка на русский, что само по себе дело ответственное и технически сложное. Не так давно попытался проделать эту работу В. С. Таскин, но, столкнувшись с особыми трудностями средневекового китайского языка *вэньянь*, отказался от этой идеи. М. Н. Суровцов же сумел достичь поставленной цели и работу сделал на высоком профессиональном уровне, доказательством чего является сравнение цитируемых им отрывков с переводами Г. Франке, К. А. Виттфогеля, Фэн Цзяшэна и В. С. Таскина. Переводами М. Н. Суровцова пользовались В. П. Васильев, В. В. Григорьев и, возможно, А. М. Позднеев, в фонде которого и обнаружена рукопись сочинения «О владычестве киданей в Средней Азии». И все это в условиях острого недостатка времени. Приходилось, по словам М. Н. Суровцова, «*переводить... все то, что мне досталось, не допуская мысли прямо ответить на тему, т. е. рассмотреть собственно акт владычества народа, почему в моем труде можно заметить: а) односторонность, происшедшую от скудости источников, и б) пожалуй, уклонение от темы, непрямоту ответа на нее...*» (л. 3). «*Срочность работы заставила*» М. Н. Суровцова «*пройти молчанием многие вопросы и даже не обработать всего, что было добыто и собрано, как материал*». «*Это последнее более всего*», излишне скромно заявляет автор, «*произошло от первоначального дебюта в подобной работе и малоопытности*

в распределении времени, остававшегося от других занятий» (л. 3). По его словам, именно так «*следует смотреть на мой первый дебют в труде, нисколько не претендующем, впрочем, на научное значение*» (л. 3).

Спустя столетие, мы видим, что самооценка М. Н. Суровцова чересчур занижена, а его труд нисколько не уступает трудам выдающихся синологов того времени. Остается только удивляться, как за далеко не полный год М. Н. Суровцов сумел выполнить квалифицированный перевод «Ляо ши» и создать на этой основе свой замечательный труд. Справедливости ради, надо заметить, что перевод текста, судя по некоторым фактам, полным не был. Об этом свидетельствует перечень интересующих автора вопросов, куда не вошли многие важные темы. Сам М. Н. Суровцов признается, что не успел обозреть военную сферу. Ничего не говорит он и о системе защитных лагерей. Тем не менее, значительная часть «Ляо ши» все же была переведена, особенно те разделы, которые были необходимы Суровцову в соответствии с намеченным планом работы.

Конечно, и сам М. Н. Суровцов не скрывает, что перевод «Ляо ши» был не полным, как он пишет, а «эпизодическим». Он переводил только нужные ему *цзюани*, беря из них материал, которым хотел подкрепить тот или иной тезис. При этом перевод его в некоторых отношениях гораздо точнее и полнее, чем переводы отдельных современных исследователей. Сравним, например, приведенный им отрывок из главы 62 «Ляо ши» с переводом соответствующего места в работе К. А. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна. Простое сравнение демонстрирует тот факт, что М. Н. Суровцов полнее проанализировал источник, не выпустив из него ничего. Кроме того, он гораздо бережнее обращался с текстом хроники. Если в работе современных исследователей термин «*чу-сы*» переводится просто как «*смерть*», то М. Н. Суровцов не переводит его никаким эквивалентом. А это имеет существенное значение, ведь «*чу-сы*» – это не просто смерть, а вид смертной казни, применявшийся по отношению к определенным лицам. Кстати, Г. Франке, издавший новый перевод главы 62 «Ляо ши», не дал, вероятно, себе труда сверить перевод К. А. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна с оригиналом, а повторил их текст. В этом отношении перевод М. Н. Суровцова до сих пор остается более точным и основательным.

Качество перевода можно охарактеризовать как достаточно высокое. Об этом свидетельствует сравнение некоторых мест из перевода М. Н. Суровцова с более поздними переводами. Вот, например, характеристика «праздника воров» в переводах Суровцова и В. С. Таскина:

М. Н. СУРОВЦОВ. ГЛАВА «ОБЫЧАИ»	**Е ЛУН-ЛИ. ЦИДАНЬ ГО ЧЖИ.**
«... с 13-го числа 5-й луны позволялось народу на 3 дня быть ворами, но если кто награбит свыше 10 связок (в каждой по 800 монет), то судился по закону. По- киданьски этот праздник назывался - *(Х)у - ли - по*, что китайцы переводят «время воровства»-*дайши*» (л.40).	«...тринадцатого числа первой луны киданям разрешается три дня заниматься воровством, однако, если стоимость украденного превышает десять связок монет, виновного согласно закону отправляют в ссылку. На севере это время называется *хулипо*. Китайцы при переводе на китайский язык говорят, что *хули* означает «воровство», а *по* - время»[24].

Тексты, как видим, практически идентичны. Ранняя история киданей в изображении автора этой работы представляет, по сути, дословный перевод источника (л. 5).

Для перевода М. Н. Суровцова характерны некоторые погрешности при передаче географических названий, специальных терминов (вместо *шумиши*, т. е. «чиновник для важнейших секретных дел», он пишет *чумиши* (л. 24). Иногда он не переводит тот или иной титул (л. 24). Однако, учитывая срочность работы и сложность средневекового китайского языка, можно сказать, что перевод является добросовестным и достаточно качественным.

Сама тема была предложена М. Н. Суровцову профессором В. П. Васильевым. Ежегодно каждая кафедра факультета предлагала тему на своеобразный конкурс «*для соискания награды медалью*»[25]. Студенты могли написать сочинение на предложенную тему. Проводился конкурс вне рамок учебного процесса, а участие в нем было делом добровольным, хотя, вероятно, весьма престижным. Каждый автор свою фамилию не называл, работа кодировалась определенным эпиграфом, что исключало возможность необъективной оценки. То, что была выдвинута тема, связанная именно с киданями, объясняется, на наш взгляд, не только личными интересами В. П. Васильева, но и научной значимостью и актуальностью. В. П. Васильев писал в обосновании темы: «*...неразработанность этих двух историй* (т. е. киданей и чжурчжэней – *П. Г.*) *производила видимость перерыва в истории – между тем эти истории гораздо полнее и подробнее*»[26].

М. Н. Суровцов цель своего труда видел шире. Он хотел *«прояснить знаменательный век Чингиса, конечно, настолько, насколько это можно сделать через обзор деятельности первой маньчжурской народности – киданей, смененных чжурчжэнями, защищавшимися против ополчений сказанного завоевателя»* (л. 3), *«но тот век, в котором мы встречаем грозные полчища Монголов, двинувшихся в Европу и поработивших Россию, – век Чингисханидов – был подготовлен в глубине Азии собственными историческими событиями, исходная точка которых лежала у Великой стены, в двух маньчжурских народностях, сменивших одна другую»* (л. 2).

Необходимо отметить также, что в данном случае важна и методологическая основа данного исследования, историко-философские и социально-политические взгляды ученого, позволившие создать первое в истории изучения кочевников монографическое исследование, посвященное одной из крупнейших в мировой истории империй.

Несомненное влияние оказали первые культурологические (Л. Мечников, Н. Я. Данилевский, Г. В. Гегель и др.), социально-политические, философские и экономические концепции (марксизм, немецкая классическая философия, английские экономисты и пр.). Особо, разумеется, надо упомянуть сложно и неоднозначно развивающийся процесс выработки цивилизационного подхода к истории, пытавшийся заменить религиозный (христианский), культурологический (гуманистический) и этноцентричный методы историописания.

Об историко-философских взглядах М. Н. Суровцова можно судить на основе общего введения к сочинению и небольших вступлений к отдельным разделам. Он не ставил перед собой задачу разработать собственную историческую концепцию, а все внимание уделил взаимоотношениям кочевых и оседлых обществ. Нехватка времени, напряженная и сложная работа с источником отразились на взглядах исследователя. Они несколько эклектичны и туманны, но весьма интересны.

Сразу же необходимо отметить, что М. Н. Суровцов, вслед за великим о. Иакинфом и своим учителем В. П. Васильевым, но, в конечном итоге, одним из первых в европейской исторической науке того времени, взял за основу представления о взаимосвязанности и взаимообусловленности исторических событий («участие в общечеловеческой работе»). В этом плане он, безусловно, может быть назван отдаленным предшественником таких концепций будущего столетия, как евразийство (особенно русское) и «мир-системный анализ».

В своих утверждениях М. Н. Суровцов не всегда последователен, не всегда видит истинную подоплеку тех или иных событий. Так, высказав великолепную мысль о том, что «главная причина падения династии (а не народа) заключается в том, что между правительством и народом не было внутренней связи, взаимной поддержки», он далее совершенно наивно проводит аналогию между киданьской империей и Францией времен Франко-Прусской войны 1871 г., считая, что Бисмарк, в отличие от Наполеона III и Тяньцзо, пользовался такой «поддержкой» (л. 77).

Несомненно, историологические взгляды М. Н. Суровцова были прочно связаны с его происхождением из разночинской среды («мещан») и самой национальностью. Не случайно при малейшей возможности он приводит аналогии из русской истории и современных ему проблем российского государства. Это своеобразное и неизбежно усиливавшееся к середине века продолжение традиций русской историографии (Н. Я. Бичурин) и литературы (А. С. Пушкин). Особенно М. Н. Суровцова интересовала проблема взаимоотношения «правительства и массы», «государя и народа» (л. 24, 77 и др.). Одну из основных причин падения империи Ляо он связал с национальным вопросом, в котором проявились «насилие, жестокость Киданьских правителей». «Жестокость Чжурчжэней вызвала на сцену и Чингисхана» (л. 25). На примере «бунта киргизов» он предостерег Россию от подобных «ошибок», приводящих к тому, что «правительственная власть» может превратиться в «тот же парализирующий тормоз, какой мы встречаем и в других, Европейских государствах, например, во Франции после падения "правительственного протекторицианизма" времен Кольбера, когда определялась самая мера производства и т. д.» (л. 56 об). Как тут не вспомнить высказанные тогда же знаменитые слова М. Бакунина: «Хорошее государство – это мертвое государство». Подобный подход был достаточно широко распространен в разночинской среде, к которой принадлежал и М. Н. Суровцов.

О том, что труд М. Н. Суровцова уже в процессе работы над темой вышел за рамки студенческой работы и сравнялся в методологическом и методическом отношениях с образцовыми историческими исследованиями прошлого столетия, свидетельствуют ответы, данные на поставленные кафедрой вопросы. В рекомендательной записке значилось следующее: *«Требуется определить границы этого царства в Монголии и Маньчжурии; какие из каких поколений и родов составляли собственно кидане, какие народы в Средней Азии (за исключением Китая) им были подвластны или приходили к ним в повиновение, какие местности они занимали и на каком языке говорили, какими учреждениями управлялась Монголия при киданях, какое было их право и обычаи»*[27]. В. П. Васильев отдельно рекомендовал *«обратить все внимание на определение, что собственно надобно разуметь под киданями, каково было коренное их место жительства, как народ был им управляем, как*

далеко простирались их земли. Если возможно, то памятниками языка, сохранившимися в официальных историях, показать отношение того языка к монгольскому и маньчжурскому» (л. 25). Очень интересно то, что В. П. Васильев писал в рекомендательном письме: *«Больше всего исследование должно быть обращено на Западную и Северную часть средней Азии, так как о востоке, занятом маньчжурскими племенами, имеется в настоящее время более отчетливое понятие»* (л. 25). Это было важно, ибо *«тогдашние названия родов встречаются во множестве и в настоящее время у народов тюркского, монгольского и маньчжурского племени»*, а *«киданьская история сохранила множество таких фамильных названий»* (л. 25).

Почти на все эти вопросы М. Н. Суровцов ответил в самом начале своей работы. Начал он с критики весьма распространенного в то время пренебрежительного отношения к Востоку: *«Немало найдется людей в нашем обществе, которые как-то узко-педантически относятся к Востоку и его изучению. Они не находят ничего, что бы могло занять внимание Европейского ума, считают его сборищем каких-то варваров, не имеющих никакой доли участия в общечеловеческой работе. Во-1-х, нет ничего в мире, что бы не было достойно изучения, ибо наука – вечное стремление человека к истине – охватывает все, что только имеет жизнь или жило. Во-2-х, очень большой интерес представляет нам Азия в научном отношении, как колыбель европейских народов, откуда они вынесли основные формы миросозерцания, оразнообразившиеся только под влиянием других географических условий. В-3-х, изучение переходных форм, встречающихся нам в Средней Азии, столько же вечно, как и изучение установившихся. В-4-х, изучение китайского мира, правда, однообразного, по своим формам, но зато много способствующего развитию благосостояния самой Европы, важно как никогда больше. В-5-х, для нас, Русских, вынесших на своих плечах иго монголов и, может быть, на долгие времена поставленных в коммерческо-политические связи с Средней Азией и Китаем, изучение этих стран, и изучение самое широкое, компетентное во всех отношениях, становится неизбежным и час от часу ощутительным. Не указываю на значение Китая и важность его изучения для будущих политических комбинаций, на стремление при наших современных событиях, к расширению политического и торгового горизонтов, для которого мы предпринимаем постройку железных дорог и пр. Этими постройками, связующими разнообразные национальности и интересы, конечно, в недалеком будущем, мы свяжемся еще крепче с Китаем и Индиею, естественные богатства которых превосходят все другие страны. Что произойдет дальше – ответ на это в будущем, а я – не пророк»* (л. 1). Здесь ярко видна его социально-политическая позиция. Человек, близко соприкасавшийся на своей родине, в Сибири, с загадочным азиатским миром, несомненно, полюбивший и уважающий его культуру, не может сдержать негодования перед примитивным европоцентризмом, а в выражениях своего негодования не стесняется. «*Азия – не Европа, там народ живет под другими условиями, при другой обстановке, и требовать от него Европейских взглядов – слишком педантично и бессмысленно*» (л. 74). Конечно, только чрезмерной увлеченностью можно объяснить его представление об Азии как «*колыбели европейских народов*». Но зато заслуживает всяческого внимания указание на *«Среднюю Азию»* как регион существования так называемых переходных форм. Это напоминает современные представления о контактных зонах. Он предвидит, что *«коммерческо-политические связи»* со странами Восточной Азии, особенно с Китаем, будут установлены *«на долгие времена»*, что Китаю, этой одной из самых отсталых в те времена восточных стран, предстоит сыграть важную и большую роль в *«будущих политических комбинациях»*. Имея в виду именно практические и научные цели изучения Китая и его соседей, он и анализирует переведенный им источник. Здесь сказались, вероятно, и его политические настроения как представителя класса буржуазии. Он ратует за *«расширение политических и торговых горизонтов»* до Китая и Индии, с некоторой долей киплинговского, колониального энтузиазма восторгается их естественными богатствами. Это подтверждается его собственным примером «бунта Киргизов». Он обвиняет *«власть имущих... нашего отечества»* в том, что они пытались насильно русифицировать киргизское население, ввести у них *«формы европейской администрации»*. М. Н. Суровцов делает это не из жалости к киргизам, а лишь с целью предостережения от подобных «ошибок». *«Немалую услугу человечеству и особенно нам, Русским, оказал бы Китай своими тонко-дипломатическими изворотами в сношении с кочевниками Средней Азии, оседавшими у его стен, если бы мы покороче познакомились с ним. Это, говорю, потому важно для нас, для наших дальнейших видов в Средней Азии, что некоторые из власть имущих институтов нашего отечества наделали множество ошибок при сношении с оными кочевниками, при установлении у них форм Европейской администрации. Я разумею бунт Киргизов по поводу введения у них русской администрации... Между тем как Китайское правительство никогда не делало таких ошибок и, если не всегда умело справляться с кочевыми ордами дипломатически, то, по крайней мере, действовало естественным, более надежным путем: поселением между ними своих подданных, как-то: торговцев, ученых, жрецов, ремесленников и пр., таким образом, втянув их в свои сети, окончательно смыв их индивидуальные черты, превращало кочевника в оседлого Китайца»* (л. 1).

Из приведенных цитат мы видим, что исторические взгляды М. Н. Суровцева отличаются наивностью и эклектизмом, характерными для «научного» и «исторического» девятнадцатого века. Так, сравнивая Китай с Грецией и Римом, он приходит к выводу: «*Китайский мир своим тысячелетним существованием доказывает нам, что государство тогда только может жить долгие времена, когда оно будет обладать высшей перед другими – соседними – цивилизацией, не будет бессмысленно стремится к восприятию чужих элементов, часто разлагающих самый состав государственного строя*» (л. 2). А «*вековую привязанность народа к известному строю*» обусловливают, по его мнению, «*географические причины*», прежде всего «*климатические особенности*». Подтверждение этой мысли автор видит в истории древней Греции и Древнего Рима, которые «пали под давлением чуждых элементов, принятых ими». С одной стороны, здесь традиционное, идущее еще из средних веков, объяснение гибели великих государств и культур вмешательством варваров, но, с другой, и нечто большее, а именно – попытка постановки проблемы культурного взаимодействия различных цивилизаций. Вопрос этот особенно актуален в наши дни.

Достаточно прогрессивным для своего времени нужно признать и стремление М. Н. Суровцова объяснить политическое могущество того или иного народа его «материальным положением» (л. 56). Он не пользуется таким понятием, как «исторический прогресс», но, судя по некоторым высказываниям, данная проблема его занимает. Он близок к формирующейся в то время циклической теории, представленной немецким историком Леопольдом фон Ранке: «*Каждая эпоха находится в непосредственной связи с Богом*». Киданьская династия «*вызвана была на историко-политическую сцену той же самой силой, за счет которой она возросла и которой была задавлена в период своего владычества за Великой стеной, в период развития китайской гражданственности и ее усыпляющей обстановки*» (л. 11). Сравнивая двух киданьских императоров – Дао-цзуна и Ши-цзуна, живших с интервалом в столетие, М. Н. Суровцов понял, что их объединяет: оба стремились «*поднять национальный дух, засыпавший под влиянием окружающей обстановки*» (л. 21).

История государства чжурчжэней повторяет историю государства киданей, но чжурчжэни были менее китаизированы, поэтому сохранили свой «воинственный дух». Это проявилось, по мнению М. Н. Суровцова, даже в поступках их последних правителей: изнеженный, испорченный китайским влиянием киданьский император Тянь-цзо бежал из осажденного города, а чжурчжэньский Ай-цзун предпочел самосожжение (л. 77). Думается, что перед нами не простое подражание западной или восточной историко-философской традиции, а попытка разобраться в ситуации самостоятельно.

Автор «Цидань го чжи» Е Лунли гибель киданьской династии объяснял вмешательством Неба и развитием государства, подобно любому биологическому организму. В соответствии с давней китайской исторической традицией, он отмечает: «*Как говорит предыдущая история, если гибнет одна деспотическая династия, на смену ей обязательно приходит другая, поэтому Агуда, живший при императору Тянь-цзо, – это тот же Абаоцзи, живший при Поздней династии Тан. Когда кончается момент наивысшего подъема, в реке Цзин начинают течь грязные воды, а в это время такими же грязными становятся дела людей... Наблюдая за неразумным правителем, можно сказать, что о нем болит сердце, но разве его существование, гибель и замена другим не зависят от воли Неба?*»[28]. М. Н. Суровцов же в первую очередь выделил влияние китайской культуры и, как следствие, утрату киданями их самобытности, разрыв связи между народом и правительством (л. 77). Под отсутствием связи между народом и правительством он подразумевает возникшее глубокое противоречие между китаизированной аристократической киданьской верхушкой и верными народным обычаям племенными массами.

История киданей рассматривается М. Н. Суровцовым в неразрывной связи с историей дальневосточного региона в целом и Китая в частности. Это было обусловлено не только его общеисторическими воззрениями, но и тем, что в данном случае он основательно зависел от основного источника – «Ляо ши», а составителей хроники интересовали именно взаимоотношения Китая и киданей. Китай для М. Н. Суровцова не только «*колыбель европейских народов, откуда они вынесли основные формы миросозерцания*» и некоторые великие изобретения (книгопечатание, бумага, компас), но и мощный очаг цивилизации, под влиянием которого находились соседние государства, многочисленные кочевые роды и племена. Это не менее мощный очаг, чем западноевропейский, ведь и «*на пресловутом Востоке могут родиться и действовать такие же люди, как и на Западе*» (л. 17). И здесь развивается «*городская жизнь*», которая порождает порок. Поэтому, хотя миросозерцание китайцев и «*нехитрое*», но сами они «*не совсем безупречные*». Чем цивилизованнее государство и образованнее общество, тем оно порочнее, но и долговечнее, ведь они не стремятся к «бессмысленному» копированию чуждых элементов культуры (л. 6). Кидани же, по его мнению, понимали «различие начал, на которых основывали свой быт две национальности», и стремились отделить себя, устраняя, таким образом, диссонанс, ведущий всегда к «печальным результатам» (л. 75 об.).

Порочной оседлой цивилизации М. Н. Суровцов противопоставляет «первобытные нравы» кочевников, которые «чисты и безыскусственны». Отчасти он противоречит себе, тоже стремясь к «благоустроенной, гражданской жизни» (л. 64). Вслед за Монтескье, М. Н. Суровцов заявляет, что «восточные деспоты вообще избегают раздражать народ» (л. 64 об.), поэтому, вероятно, Восток не знает революционных потрясений. Он не раз высказывает мысль: кочевые народы не только не уступают в чем-либо земледельческим, но и в определенном смысле выше их. Воинственность кочевников противостоит «китайской трусости» и «китайской гражданственности», культура их не примитивна, а своеобразна, и воинственность – один из ее элементов. Эти культуры не просто сосуществуют, они противостоят друг другу.

Кочевникам М. Н. Суровцев явно симпатизирует, а история Китая его интересует лишь как дополнение к истории киданей. Рассматривая доимперский период истории киданей, он особое внимание уделил методам китайских правителей по «привлечению Среднеазиатцев в сети своей обстановки». Насильственные методы, например, «бумажное разделение на округа (по образцу Китая) и введение на землях кочевников китайской администрации, не приводили к желательным результатам», а «подарки и посулы», торговля, приемы при дворе, поселение среди китайского населения почти всегда оправдывали себя. Оседлый образ жизни и «другие роды деятельности» кидани заимствовали от Китая. М. Н. Суровцову неплохо удалось показать конфликт двух миров и в период существования империи Ляо. В целом, по его мнению, китайское влияние на киданей носило разрушительный характер. Хотя слияние китайского и национального элементов, с точки зрения отдельных киданьских правителей, позволили ослабить влияние первого «и таким образом парализовать его мощное, усыпляющее влияние на дух первенствующей нации» (л. 75), кидани постепенно утратили национальные особенности культуры, что и было «причиной их скорого исчезновения с политического, а затем и с физического горизонтов» (л. 21).

С точки зрения М. Н. Суровцова, кочевники внесли немалый вклад в развитие всего человечества и предложили свой вариант развития, в частности, свой вариант государственности, который планомерно уничтожался китайцами. Кстати, пожалуй, именно М. Н. Суровцов впервые употребил в литературе особый термин – «кочевая империя», который стал так популярен на исходе XX века (л. 32, 32 об.). Как синоним он употреблял выражение «инородческие империи» (л. 45 об.).

Свой вывод о глубоком отличии мировоззрения кочевников и оседлых китайцев М. Н. Суровцов проводит с помощью обзора жизни и деятельности отдельных высокопоставленных женщин киданьской империи. С его точки зрения, женщина – *«импульс общественной артерии»* (л. 100), по ее положению можно судить о характере общества. Если сначала женщины (например, императрица Шулюй) могли основательно влиять на политические события, то по мере усиления китайского элемента положение женщин при дворе ухудшилось. Их дрязги и интриги начали отрицательно сказываться на общем состоянии дел в государстве. Именно в разделе о положении женщин М. Н. Суровцов изложил свою концепцию истории киданей, привел свою периодизацию истории Ляо по императрицам династии: *первый период* – Шулюй–Жуй-чжи; *второй период* – Жуй-чжи–Цинь Ай; *третий период* – Цинь Ай–Вень-фэй.

История киданей и их восточного государства находит достаточно полное и подробное изложение в работе М. Н. Суровцова. Первая проблема, которую он затрагивает, была проблема их происхождения. В это время было очень популярно мнение французского ученого А. Ремюза о тунгусском происхождении киданей. М. Н. Суровцов, как уже указывалось, считал киданей предками маньчжуров. В этом отношении он, на наш взгляд, совершенно безосновательно сделал шаг назад по сравнению с работами Н. Я. Бичурина и В. П. Васильева. Свою точку зрения никакими доказательствами он не подкрепил. Современная синология считает киданей, по крайней мере, «монголо-язычными».

Проблемы происхождения киданей и их расселения в общем виде представлены М. Н. Суровцовым во введении. Родословную киданей он выводит, вслед за составителями «Ляо ши», из *дунху* через *сяньбийцев*: кидани – это *«первые исторические выходцы с Юго-Восточной окраины Сяньбийских гор, жившие политически 200 с лишком лет у Великой Китайской стены и порабощенные, под конец, другими выходцами из глубины Маньчжурии – чжурчжэнями»* (л. 3). О начале самостоятельной истории киданей М. Н. Суровцов пишет на основе «Ляо ши»: *«Когда же Мужун Хуан разбил Сяньбийский союз (т. е. поколение), то он распался, а остальные части его получили разные наименования, между которыми встречались записанные историей: 1) Юй-вэнь, 2) Кумоси, 3) Ци-дань (Кидань). При Юань-Вэйской династии (Тобаской, 386–550) мы встречаем более обильные известия о киданях, уже окончательно отделившихся от Кумоси и живущих отдельно, своими собственными силами. Киданьское государство, говорится в истории, находится на востоке от Кумохи (Хисцев). Они были различны с ними по роду (цзу), но одинаковы по происхождению (лэй)...»* (л. 4). Он не вникает глубоко в эту сложную проблему. Свидетельством некоторой его растерянности служат слова о том, что *«ки-*

тайские историки как-то глухо, неясно выражают оба этих народа» (т. е. киданей и кумоси) (л. 4). Тем не менее, в целом М. Н. Суровцов достаточно подробно осветил додинастийный период истории киданей. Он остался верен себе, уделив наибольшее внимание «внутренней жизни» этих племен. Описывая события VI в., он рассказал об их разделении сначала на 10, а потом на 8 «аймаков» (кочевий). Появляющихся в это же время *да-жэней* (букв. «большие люди») М. Н. Суровцов характеризовал как сеймовых начальников, т. е. отметил социальные изменения в киданьском обществе, связанные со значительной эрозией родового строя. Вместо «старшин» народными собраниями киданей стали «заведовать» «богатые» и «могущественные» *да-жэни*. Изменился и характер отношений между *да-жэнями* и остальной массой киданей, т. е. шли процессы разложения прежней социальной структуры и складывания характерной для феодального общества «вертикальной» монархической структуры. Таким образом, М. Н. Суровцова можно считать первым в отечественной науке исследователем, попытавшимся осветить и понять «темные века» киданьской истории.

Политическую историю государства Ляо М. Н. Суровцов разделил на три периода:

1. *«Амбагяневский»*: образование и становление государства, резкое расширение территории обитания, милитаристская внешняя политика.

2. Начинающийся с Шэн-цзуна: окончательное становление государственных и общественных институтов «по китайскому образцу», гражданское развитие, расцвет и апогей могущества империи.

3. Правление Дао-цзуна и Тянь-цзо: стагнация и упадок, китайская «гражданственность» окончательно вытесняет киданьскую «воинственность», что приводит к падению империи.

Особое внимание он уделил времени правления Абаоцзи, которого на маньчжурский манер именовал *Амбагянем*. Эта традиция, по сути, идет от его учителя В. П. Васильева: хотя в китайской транскрипции почетное имя первого киданьского правителя произносится «Абаоцзи», *«но "Удай" называет его ближе к Аньба-цзянь, а ученый комитет при Цянь-лун переделывает это слово в Амбагянь, говоря, что на нынешнем солонском языке это слово значит "великий человек". Очень немудрено, что слово "Абаки" было не собственное имя этого государя, а его звание: "амба" на маньчжурском языке значит "большой", слово "гянь", может быть, образовалось из китайского "жень" – "человек"»*[29]. По мнению М. Н. Суровцова, существовали и предпосылки установления монархической власти Абаоцзи. Еще в додинастический период, благодаря «собиранию естественных богатств», развитию земледелия и литью денег, была заложена экономическая основа могущества киданей. Сказался и талант полководца Абаоцзи, который еще при каганах Силицзи и Циньдэ совершил ряд блистательных походов и покорил многие племена, *«что больше увеличивает их (киданей) силы как физические, так и моральные, потому что они видят себя обладателями других»*, желая *«в будущем еще больших приобретений»* (л. 10). Именно за счет войны в средние века «складывались условия для установления автократии правителя экзополитарной кочевнической структуры»[30].

Киданям «повезло» и в другом: Китай был занят в это время своими внутренними проблемами и значительно ослабел. На киданей обрушились различные стихийные бедствия, и *«народ сменяет Циньдэ и передает власть старшему сыну Силицзи Амбагяню»*. Надо отметить, что есть и другая версия перехода власти к Амбагяню после смерти Циньдэ, зафиксированная в «Цидань го чжи». М. Н. Суровцов основывается на «Ляо ши», поэтому приводит ее версию. Скорее всего, верна именно версия «Ляо ши», но М. Н. Суровцов данной проблемы не видит. Это не значит, однако, что кроме официальной хроники он не знает других источников. Сообщая, что Абаоцзи нарушает традицию переизбрания вождей каждые три года, *«пробыв начальником в продолжение 9 лет, не хотел сменяться, несмотря на просьбы всего народа и старейшин,.. наконец, просил отделить его с одним улусом, потом, созвавши старшин прочих поколений, коварно предал их смерти, после чего сделался единственным повелителем киданей»* (л. 9), М. Н. Суровцов использовал материал не из «Ляо ши». В «Ляо ши» и «Дайляо гуруни судури» (маньчжурском варианте) сообщается, что Абаоцзи пришел к власти после смерти своего дяди Циньдэ (901–906), *«после чего все чиновники пожелали объявить ханом Тай-цзу Абаоцзи в соответствии со словами завещания»*[31].

Принятие Абаоцзи в 916 г. императорского титула *Тянь-хуан-ван*, в соответствии с нормами китайского этикета, привело к серьезным изменениям в формах и методах правления. М. Н. Суровцов попытался их проследить. Он отмечает, что император стал *«начальной функцией всех дел в государстве»*, отстранив народ от управления. Это способствовало становлению элементов государственной власти, формированию бюрократического аппарата. К этому времени кидани стали реальной и могущественной политической силой, и начала формироваться имперская политика. Усилилась борьба с Китаем, но на этот раз уже из-за влияния на отдельные территории Восточной Азии. Кидани активно поддерживали внутренние распри в китайском государстве, проявляя «двуличность» в политике (л. 128). До определенной степени М. Н. Суровцов идеализирует Абаоцзи: *«Все это делалось живо, умно, конечно, иногда не без недостатков, свежо, с явным сознанием ут-*

вердить новый начавшийся строй, вести народ к славе и материальному обогащению» (л. 12). Деятельность же его преемника Дэгуана (Тай-цзуна) *«на сцене внутреннего устройства государства, достигшего при нем апогея своего территориального притеснения, заключалась в развитии тех зачатков, которые были положены его отцом»* (л. 13). Ши-цзун, Му-цзун и Цзинь-цзун придерживались линии Абаоцзи. Правление Цзинь-цзуна, по мысли М. Н. Суровцова, завершает первый период истории Ляо – период активной внешней политики. Это было время, когда империя достигла апогея культурного развития (л. 15, 86).

Второй период открывается деятельностью Жуй-чжи, матери Шэн-цзуна, ставшей *«истинной устроительницей государственных дел»* и давшей *«начало новому порядку вещей – порядку внутреннего развития государства в блестящее царствование ее сына Шэн-цзуна»* (л. 86). Наиболее важным событием было заключение в 1004 г. так называемого Шаньюаньского мира. Об этом, однако, М. Н. Суровцов говорит довольно скупо и с некоторыми ошибками. К самому факту заключения мирного договора он относится негативно, ибо установление мирных отношений, по его мнению, привело к еще большему проникновению китайского элемента в киданьское общество. Далее в конспективной форме он изложил наиболее важные мероприятия в различных сферах – экономической, законодательной и др. Основная предпосылка будущей гибели государства, как считал М. Н. Суровцов, заключалась в китаизации киданей. Под *китаизацией* здесь понимается восприятие чисто внешних атрибутов чужой культуры. Можно предположить, что в такой специфической форме М. Н. Суровцов впервые (по крайней мере, в отечественной науке) подступился к культурологической проблеме взаимодействия культур.

Правление Дао-цзуна и Тянь-цзо, т. е. третий период истории государства, М. Н. Суровцов рассматривает особенно подробно. Общество уже было нездорово, и вся деятельность замечательного правителя преследовала достаточно скоромную цель – *«не своими деяниями на военной сцене, а внутренней работой, знаменательной идеей пересоздать общество и отвратить его падение»* (л. 19). Но восстания вассальных государств, интриги при дворе ясно говорили об ослаблении военной мощи и авторитета династии, деградации самого общества. Сравнивая личности Дао-цзуна и Тянь-цзо, М. Н. Суровцов все больше углубляется в проблему роли личности в истории. Историко-политический обзор заканчивается описанием гибели империи и походом Елюй Даши на запад. В целом, М. Н. Суровцов достаточно уверенно и последовательно проиллюстрировал собственную концепцию истории киданей, смог поднять целый ряд важных проблем: взаимодействие кочевых и земледельческих обществ, взаимоотношения властей и народных масс, роль личности в истории и др.

Как видим, в определенном отношении М. Н. Суровцов отошел от тематики, которую рекомендовали на кафедре, выбрав свой путь, видимо, считая культурологические и социально-экономические вопросы более важными. Это, разумеется, было связано с особым интересом к экономике и социальным отношениям. Он видит прямую зависимость между уровнем экономического развития государства и его ролью на международной арене: «...с развитием материальных сил развиваются и другие силы: умственные, этические, нравственные и т. д., что и дает возможность народу играть более или менее активную роль в среде других соседних государств». Развитие же экономики напрямую связано с развитием наук, иначе говоря, с научно-техническим прогрессом (л. 56, 56 об.). Сфера же науки, «при известном направлении, не усыпляет деятельность гражданина, а, напротив, порождает ее еще в больших размерах, давая пищу его уму» (л. 75). Подобный подход только намечался в тогдашней науке, и М. Н. Суровцов был одним из пионеров.

Таким образом, кидани, по мнению М. Н. Суровцова, смогли заложить основы для будущего «взлета», заняв такую территорию, которая, в соответствии с «законом равновесия», обеспечивала «равномерность» населения и скота «с тем количеством пищи, которую может давать ему известная местность» (л. 62 об.). Такая, говоря современным языком, мальтузианско-евразийская методология, помогла исследователю представить подробный рассказ об экономическом развитии киданей. М. Н. Суровцов ответил на все вопросы, связанные с границами киданьской империи, политической историей и т. д., но акцент сделал на социально-экономической проблематике (этому посвящена вся работа, за исключением первой тетради).

С сожалением приходится констатировать, что после М. Н. Суровцова возобладал интерес к политической истории. В Европе лишь синологи К. А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн обратили особое внимание на экономику, в Японии – Симада Масао, а в России – Л. И. Думан и Л. Н. Рудов[32].

Сведения из экономической жизни киданей М. Н. Суровцов, вслед за авторами «Ляо ши», излагал по указам императоров, поэтому в работе нет систематического экономического обзора. Тем не менее, общая картина экономического развития налицо. Есть сведения о прекрасном состоянии скотоводства, деятельной работе императоров по распространению земледелия (запрещение войскам вытаптывать поля, создание команд по уничтожению саранчи и строительство «запасных амбаров с хлебом, запасы которых распространялись среди населения в трудное время») (л. 57–58). Новым в экономических взаимоотношениях оседлых и кочевых народов

было установление регулярного налогообложения земледельческого населения. М. Н. Суровцов перечислил указы, ставшие юридической основой для целой системы налогов (земельный, торговая пошлина на рынках или перевалах, налог на военные нужды). Впервые именно им был осуществлен перевод разделов «Ляо ши» (цз. 59, 60), посвященных экономическому аспекту истории киданей. Приводимые им сведения уникальны и характеризуют своеобразие киданьской экономики.

Проблемы культуры рассматриваются исследователем выборочно. В «Ляо ши» нет специальной главы, посвященной религиозным воззрениям киданей. Однако М. Н. Суровцов смог синтезировать разрозненные сведения и нарисовать сравнительно полную картину религиозной жизни империи. Во второй половине XIX в. изучение различных восточных культов и вер находилось в зачаточном состоянии, поэтому даже за немногочисленные сведения справочного характера, приводимые в исследовании, М. Н. Суровцова можно признать пионером в данной области. Он критически относился к распространению различных учений в империи. С его точки зрения, это вело к расколу общества, к исчезновению самобытности и целостности киданьской культуры. *«Отсутствие единства в религиозных воззрениях народа – причина его упадка, как политического, так и физического (утрата национальных особенностей массы)... Таков взгляд мой на значение религии»* (л. 82). Однако противоречивость конфессиональной ситуации в государстве он видит и в ином: *«То, что получено извне, никогда не может создать из народа крепкое, государственное тело, и только то, что выработано веками народной жизни, есть основной рычаг, поддерживающий самый состав государства. Таким рычагом и была отчасти шаманская религия»*. С другой стороны, шаманизм *«не предписывает никаких нравственных тенденций, не может сплотить народ и, следовательно, создать из него единое крепкое государственное тело»* (л. 82). Причина этого виделась М. Н. Суровцовым в том, что *«религия для Востока не играла той роли, какая ей выпала на Западе. Здесь полный индифферентизм, равнодушие, крайнее игнорирование единства религии, между тем, как у нас, на Западе, на этом, кажется, и держится вся государственная жизнь. Восточное государство держится до поры до времени другими рычагами: единством закона, единством крови, единством верховной власти, но не религией. Так что, не ошибаясь, можно сказать, что религиозная сфера киданей была широка (четыре религии), но она не имела никакого значения для государственной жизни, и мы видим, что при первом толчке, при первом крике (выражение китайской истории) Северных варваров, государство (династия) пало политически, а народ должен был подпасть под иго победителей»* (л. 82). Мысль далеко не бесспорная, тем более, когда речь идет не о Востоке вообще, а лишь о Дальнем Востоке.

Непосредственно с религией связаны и многочисленные обряды, церемонии, подробно описанные М. Н. Суровцовым. Эти 20 обрядов он не классифицировал и эволюцию не описал, хотя их изменение под влиянием китайской культуры было налицо[33]. Влияние Китая, тем не менее, исследователь видел не только в том, что императоры киданей переняли китайские церемонии, особенно те, которые способствовали возвеличиванию фигуры императора (правители кочевых империй *«с принятием императорского титула немало заботились о приобретении этих атрибутов верховной власти, потому что без них, по заимствованной от Китая мысли, не могла с достоинством существовать и сама императорская власть»*), но и в том, что они переняли китайский взгляд на них: *«Нельзя не признать также и того, что церемонии, как и вообще все заимствования от монархического Китая, были одной из мер, которыми пользовались киданьские императоры для своих прямых насущных целей, т. е. в деле укрепления своей власти среди подданных кочевников»* (л. 32). Описания различных церемоний М. Н. Суровцова сохраняют свое значение в силу их уникальности.

Влияние китайской цивилизации, по мнению исследователя, проявилось и в законодательстве киданей (особенно уголовном). В ранний период истории кидани не имели своего уголовного кодекса, *«потому что первобытные нравы, благодаря своей относительной чистоте и безыскусственности, чуждые тлетворного прикосновения разлагающихся пороков и отличающиеся поэтому меньшим процентом уголовных преступлений, не вызывали потребности введения репрессивных, карательных мер уголовного закона»* (л. 64). Именно процесс внутреннего развития общества, имущественное и социальное расслоение, складывание монархической власти приводили к формированию законодательной базы. Немалую роль в развитии этого процесса и появлении киданьской специфики сыграли контакты с Китаем. Достаточно подробно М. Н. Суровцовым освещена история киданьского права, различные этапы развития уголовного законодательства. Отметил он и специфику этого законодательства: наличие отдельных законов для киданей и китайцев, особая роль обычаев и традиций, жестокость (следствие несоразмерности наказания и преступления) и др.

Изучая экономику, уголовное законодательство, обряды, церемонии, религию, музыку и положение женщин, М. Н. Суровцов пытался доказать: киданям *«удалось довести свое материальное положение до более или менее удовлетворительных результатов, особенно в деле разработки руд, мануфактурной промышленности и правильных торговых сношениях с соседними государствами»*, они уже *«вполне освоились с оседлым образом*

жизни» (л. 56). *«Занятие скотоводством не представляло особого интереса, хотя они не оставляли заниматься им и в период оседлой жизни, и мы видим, что оно находилось у них в цветущем состоянии до самой эпохи Тяньцзо».* Оседлый образ жизни и *«другие роды деятельности»* кидани заимствовали от Китая. Влияние широко распространенного в XIX – первой половине XX в. китаецентризма на работу М. Н. Суровцова бесспорно: «*...весьма естественно встречать в истории народов стремление к большему развитию материальных средств, высказывающееся в различных постановлениях, более или менее обусловливающих правильный процесс обогащения государства. Кидани в этом отношении не отставали от других народов и стремились по возможности развивать свое материальное богатство, лучшим доказательством чего может служить ряд императорских указов и постановлений... Но надо заметить, что собственными, единичными силами они сделали бы весьма мало, и только при посредстве цивилизованного Китая, его вековых опытов, им удалось довести свое материальное положение до более или менее удовлетворительных результатов...*» (л. 56). В наши дни эта же мысль звучит несколько иначе: *«Кочевые империи возникали как средство адаптации к крупным земледельческим государствам»*[34].

Характерными язвами общества в то время были запрет частной инициативы в промышленности, госрегулирование всей экономической жизни, коррупция, кумовство, «московское волокитство», «канцелярская тайна» европейского законодательства, поляризация верхов и низов общества. М. Н. Суровцов приводит китайскую пословицу: «Верх и низ должны пользоваться удобствами» (л. 56 об., 61, 73 об., 74). В подобных случаях «высказывается и отчуждение высших слоев от массы и, пожалуй, непонимание законов развития торговли, для которой нельзя класть рамок» (л. 60 об). «Главная причина падения» киданьской «династии (а не народа) заключается в том, что между правительством и народом не было внутренней связи, взаимной поддержки, той солидарности, которая так резко высказывается в Европейских государствах (указываю на современное событие: войну Пруссии и Франции, где в одной из сторон, Прусской, так сильно проявилась эта поддержка... Династия же Наполеонидов пала потому, что воинственное настроение было только в высших сферах, представителем которых явилось воинственное министерство» (л. 77 об).

Таким образом, М. Н. Суровцов демонстрирует свой цивилизационный подход, подробно отмечая особенности китайского, по его мнению, дальневосточного «мира»: замкнутость («замкнутый, узкий мир огромной части человечества, жившего и доселе живущего на одних и тех же основах, на глубокой привязанности народной массы к заветам древности и на небольшом нравственно-политическом кодексе уважения к старшим»); географическая и климатическая локальность («обусловленность географическими причинами»), китаецентризм, т. е. этноцентризм. Киданьская империя, по его мнению, создала свой «мир», став «коренным государством» («бень-го») для соседей. Само выражение «коренное государство» неоднократно встречается на страницах рукописи. Другими особенностям китайского мира М. Н. Суровцов считал традиционализм, стабильность существования («неизменямость»), его длительность («тысячелетняя»), «древность» зарождения, самобытность и оригинальность, позволявшие «отчуждать» «посторонние элементы», уникальность исторического развития, цивилизационно-культурный экспансионизм («общение с другими, посторонними элементами, из которых можно почерпать новую энергию и обновление своим силам»), привлекательность своего «имиджа» для других, не только «соседних», но и отдаленных («Запад») цивилизаций, умение «уживаться» с ними, наличие «истинного просвещения», которое способствовало развитию всех форм общественной жизни и, в то же время, являлось «сдерживающей силой» от преступлений, особое значение литературы и письменности, предельная централизация государства и особая сила «верховной власти», не нуждавшейся в «увековечении понятия о себе такими постройками», как в древнем Египте (л. 2, 3, 25, 45 об., 46, 71).

Перед нами в некотором смысле одна из первых попыток дать описание «цивилизации» («мира») как феномена. Разумеется, она далека от научного идеала и достаточно случайна, ибо сам М. Н. Суровцов перед собой такой цели не ставил. Однако нельзя отказать ему в профессиональной зоркости и исторической наблюдательности.

Большое значение исследователь придавал роли личности в истории. Для него крайне «занимателен» «факт, который так часто встречается на Востоке и особенно в Средней Азии, а именно, «значение вождя, полководца, энергия одного лица, обладающего железной волей и быстротой в натиске» (л. 7). Идеалом такого рода для него являлся Чингисхан. Каждого из киданьских правителей М. Н. Суровцов характеризует предельно подробно, с глубоким знанием не только индивидуальной (л. 77), но и социальной психологии. У него есть «любимые» императоры, которые оказали наиболее существенное влияние на развитие государства и «заботились о благе людей». Как уже отмечалось, он, например, идеализировал Абаоцзи.

Таким образом, при всей противоречивости методологического подхода к исторической проблематике, М. Н. Суровцов провел последовательный в методическом отношении анализ и, имея собственное представле-

ние об истории киданей и их «быте», создал оригинальное научное сочинение, значительно обогатившее тогдашнюю историческую науку знаниями об одной из интереснейших страниц восточноазиатской истории в средние века. Помимо отмеченных выше недостатков, работе М. Н. Суровцова присущ и ряд недочетов, вероятно, обусловленных спешкой. Он, например, не опирается на исследования своих предшественников. Анализ самой «Ляо ши» довольно однобокий, поскольку данные из нее не сравниваются со сведениями других источников. В то же время он абсолютно верно, вразрез с традиционной китайской националистической концепцией, оценивает историческую роль киданьского государства. М. Н. Суровцов рассматривает его как независимое в политическом и культурном отношениях, считая, что *«киданьская династия... вызвана была на историко-политическую сцену тою же самой силой, на счет которой она выросла»* (л. 10). Не всегда он последователен в своих утверждениях, не всегда видит истинную подоплеку тех или иных событий.

В заключении по разделу об уголовном законодательстве М. Н. Суровцов пишет: *«Я с истинным прискорбием должен заметить, что в моем очерке найдется много необъясненного, много непонятного, эпизодически вставочного, и поэтому просить компетентного судью указать мне мои недостатки в сем очерке (да и вообще во всей представленной работе), которые, однако ж, произошли большей частью от срочности работы, и, таким образом, доставить мне возможность более лучшего, осмысленного представления той же самой области в моих последующих работах»* (л. 79).

Представилась ли ему такая возможность? Смог ли он повысить свой методический уровень и углубить знания в области средневековой истории? Мы этого не можем сказать. Но компетентный судья для его труда нашелся, и мы с удовлетворением присоединяемся к его высокой оценке. В. П. Васильев в рецензии на работу М. Н. Суровцова писал: «Автор этой диссертации старался изложить почти всю историю киданей, как она до сих пор не была изложена ни одним ученым, ни русским, ни западноевропейским. Он воспользовался той официальной историей этой династии, которую никто до сих пор не разрабатывал»[35]. Учитывая великолепный отзыв профессора В. П. Васильева, *«собрание факультета Восточных языков 1 февраля 1871 года»* постановило: *«Автора диссертации под № VIII с эпиграфом "Тени минувших веков прошли предо мной в отдалении" удостоить награды ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ»*[36]. Принимая во внимание высокое качество перевода «Ляо ши» и монографический характер исследования, можно смело утверждать, что работа М. Н. Суровцова не утратила научного значения. Помимо чисто практического интереса, она любопытна и как попытка проанализировать историю киданей с точки зрения более широкой и сложной проблемы – взаимоотношений различных культур и цивилизаций. Это неординарное исследование ярко демонстрирует новые, подчас неожиданные возможности анализа киданьской истории.

Примечания

[1] **Васильев Л. С.** Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982. – С. 60.

[2] **Храповицкий М. Д.** События в Пекине при падении Минской династии // Тр. Рос. дух. миссии в Пекине. – СПб., 1857. – Т. 3. – С. 1–102.

[3] **Скачков П. Е.** «Бичуринский период» русской синологии // Проблемы Дальнего Востока. – 1975. – № 1.

[4] **Суровцов М. Н.** О владычестве киданей в Средней Азии // Архив востоковедов ЛО ИВ РАН. – Фонд А. М. Позднеева, № 44, ед. хр. 278. *Далее ссылки на эту работу даны в тексте в круглых скобках с указанием страниц.* О М. Н. Суровцове и его работе см.: **Пиков Г. Г.** Историологические взгляды М. Н. Суровцова // История и культура Востока Азии: Матлы междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2002; **Пиков Г. Г.** Из истории исторической и политологической мысли. М. Н. Суровцов: Краткая биография, характеристика сочинения, основные взгляды // История и социология государства: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 2003; и др.

[5] Архив СПГУ. – Ф. 4, ед. хр. 3610, св. 3522, л. 9.

[6] Там же. – Л. 7–8.

[7] Там же. – Л. 5.

[8] ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – СПб., 1861. – Т. 36, отд. 1. – С. 561.

[9] Там же. – С. 562.

[10] **Журнал** заседаний Совета ИСПУ. 1 декабря 1868 // Протоколы заседаний Совета ИСПУ (с приложениями). – СПб., 1870. – Д. 15.

[11] Архив СПГУ. – Ф. 4, ед. хр. 3610, св. 3522, л. 24.

[12] Там же. – Л. 3.

[13] Архив СПГУ. – Ф. 4, ед. хр. 3610, св. 3522, л. 2.

[14] Главный архив МИД. – Фонд Департамента личного состава и хозяйственных дел, исполнит. отд-е, 1 стол, 1873, д. 151, л. 130.

[15] Там же. – Д. 2, оп. 117, л. 6.

[16] Там же. – Л. 4.

[17] Там же.

[18] **Бичурин Н. Я.** Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. – СПб., 1828. – Т. 1, ч. 1–2; **Бичурин Н. Я.** История первых четырех ханов из дома Чингисова. – СПб., 1829; **Бичурии Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950–1953. – Т. 1–3; **Бичурин Н. Я.** Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. – Чебоксары, 1960; **Васильев В. П.** История и древности восточной части Средней Азии от 10 до 13 века. – СПб., 1857; **Васильев В. П.** История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века // Тр. Вост. отд-я Рус. археолог. общ-ва. – СПб., 1859. – Т. 3–4; **Васильев В. П.** Записка о монголо-татарах. – СПб., 1886; **Скачков П. Е.** «Бичуринский период» русской синологии // Проблемы Дальнего Востока. – 1975. – № 1.

[19] **Крузенштерн И. Ф.** Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». – СПб., 1810. – Ч. 2. – С. 338.

[20] **Скачков П. Е.** «Бичуринский период» русской синологии // Проблемы Дальнего Востока. – 1975. – № 1. – С. 186.

[21] **Бартольд В. В.** Анналы. – М., 1923. – С. 261.

[22] **Васильев В. П.** История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. – СПб., 1857. – С. 3.

[23] **Протоколы** заседаний Совета ИСПУ за первую половину 1870–1871 академ. г. (с приложением). – СПб., 1871. – № 15. – С. 136.

[24] **Е Лун-ли.** История государства киданей (Цидань го чжи). – М., 1979. – С. 340–341.

[25] Архив СПГУ. – Ф. 14, оп. 3, д. 15539, л. 3.

[26] Там же. – Л. 25.

[27] Там же. – Д. 15533, л. 29.

[28] **Е Лун-ли.** История... – С. 224.

[29] **Васильев В. П.** История и древности... – С. 13.

[30] **Крадин Н. Н.** Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. – М., 1993. – С. 204.

[31] **Дайляо** гуруни судури (История государства Великое Ляо) / Пер. с маньчж. Л. В. Тюрюминой. – Новосибирск, 1974. – С. 11 (рукопись).

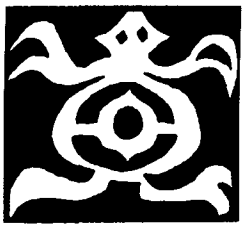
[32] **Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng.** History of Chinese Society – Liao (907–1125). – Philadelphia, 1946; **Рудов Л. Н.** Кидани // Дальний Восток. – М., 1961.

[33] **Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng.** History of Chinese Society – Liao (907–1125). – Philadelphia, 1946. – P. 225.

[34] **Крадин Н. Н.** Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. – М., 1995. – Вып. 3. – С. 176.

[35] **Протоколы** заседаний... – 1871. – С. 136.

[36] Архив СПГУ. – Ф. 14, оп. 3, д. 15539, л. 3; **Протоколы** заседаний... – 1871. – С. 137.

М. Н. Суровцов

О ВЛАДЫЧЕСТВЕ КИДАНЕЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИДАНЕЙ ОТ НАЧАЛЬНЫХ ИЗВЕСТИЙ О ПОЯВЛЕНИИ НАРОДА И ОСНОВАНИИ ИМ ДИНАСТИИ ЛЯО ДО ПАДЕНИЯ СЕЙ ПОСЛЕДНЕЙ НА ЗАПАДЕ*

«Тени минувших веков прошли предо мной в отдалении...»

ТЕТРАДЬ I

ВВЕДЕНИЕ

Немало найдется людей в нашем обществе, которые как-то узко-педантически относятся к Востоку и его изучению. Они не находят там ничего, что бы могло занять внимание Европейского ума, считают его сборищем каких-то варваров, не имеющих никакой доли участия в общечеловеческой работе, не ознаменовавших себя ничем, что носило бы на себе печать развития и высших человеческих стремлений.

Но такой узкий взгляд не оправдывается ничем и есть плод их тупоумия и крайнего невежества в том, на что они так строго кладут печать презрения. Считать Восток не стоящим внимания, его вековую деятельность – ничтожною с Европейской – менее чем жалко.

Во-1-х, нет ничего в мире, что бы не было достойно изучения, ибо наука – вечное стремление человека к истине – охватывает все, что только имеет жизнь или жило.

Во-2-х, очень глубокий интерес представляет нам Азия в научном отношении как колыбель европейских народов, откуда они вынесли основные формы миросозерцания, оразнообразившиеся только под влиянием других географических условий.

В-3-х, изучение переходных форм, встречающихся нам в Средней Азии, столько же важно, как и изучение установившихся.

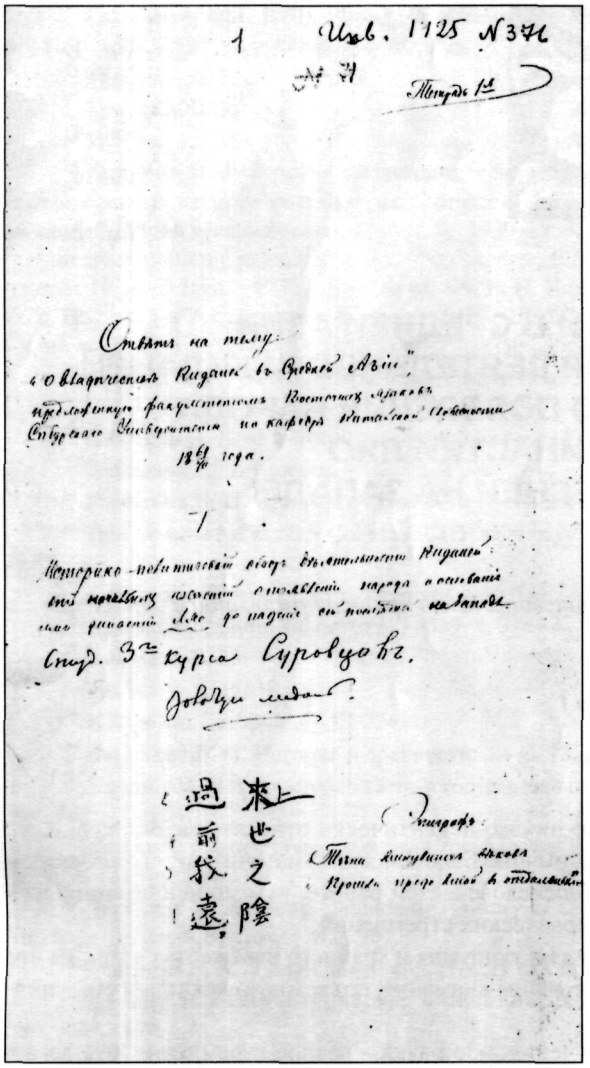
В-4-х, изучение китайского мира, правда, однообразного по своим формам, но зато много способствовавшего развитию благосостояния самой Европы, важно как нельзя более.

В-5-х, для нас, русских, вынесших на своих плечах иго Монголов и, может быть, на долгие времена поставленных в историко-политические связи с Средней Азией и Китаем, изучение этих стран, и изучение самое широкое, компетентное во всех отношениях, становится неизбежным и час от часу ощутительным.

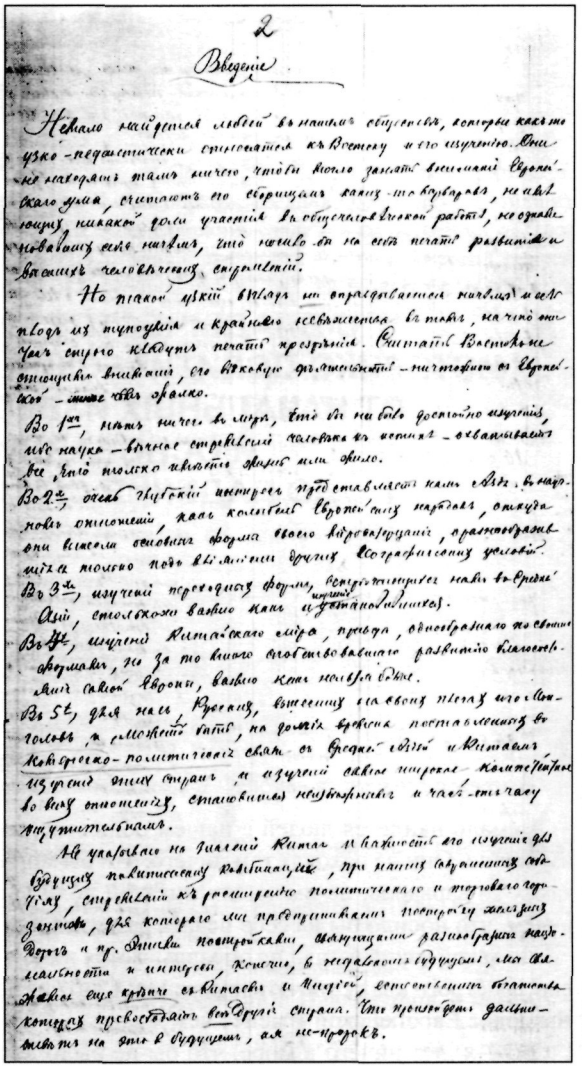
Не указываю на значение Китая и важность его изучения для будущих политических комбинаций при наших современных событиях, стремлении к расширению политического и торгового горизонтов, для которого мы предпринимаем постройку железных дорог и пр. Этими постройками, связующими разнообразные национальности и интересы, конечно, в недалеком будущем мы свяжемся еще прочнее с Китаем и Индией, естественные богатства которых превосходят другие страны. Что произойдет дальше – ответ на это в будущем, а я не пророк.

---

* Сочинение М. Н. Суровцова подготовлено к изданию Г. Г. Пиковым с учетом ранее проделанной дешифровки текста А. В. Даньшиным, в связи с чем последнему выражается признательность. Текст воспроизводится с незначительными сокращениями, связанными с наличием в рукописи помарок и неразборчивых мест (*Ред.*).

Титульный лист работы М. Н. Суровцова.

Первая страница работы М. Н. Суровцова.

Чтобы не показались несколько темными мои слова, я объясню их примерами и начну с третьего положения, потому что первые два не требуют особых пояснений: они понятны для каждого, кто хоть сколько-нибудь знаком даже с одним Европейским миром.

Среди Европейских вопросов был один, наделавший много шуму в ученом мире, вопрос о бытовой форме наших предков, т. е. русских – славян: в чем отличие родового быта от общинного?

На решении этого вопроса некоторые останавливались целую жизнь и все-таки не могли понять окончательно за неимением у себя под рукой каких-нибудь руководящих основ, которые указывали бы на различие общинного от родового быта. А стоило только обратиться к Средней Азии, и они увидели бы, что там в кочевом быту испокон веку народы живут с родовой формой управления, главное отличие которой от общинной заключается в том, что здесь власть безусловно сосредоточивается в старшем рода, а в общинном она передается достойнейшему по личным заслугам и выбору общины.

Не менее важный интерес представляет и Китай со своей ранней цивилизацией. Есть мысль у некоторых из наших ученых*, что знаменитый путешественник венецианец Марко Поло, долго живший в Китае во время

* Статья Скачкова «О заслугах Марко Поло в деле распространения в Европе географических знаний об Азии». – СПб., 1865. *Здесь и далее даны подстрочные примечания М. Н. Суровцова, а комментарии Г. Г. Пикова выделены курсивом и оговорены в скобках (Ред.).*

династии Юань (1271–1368), привез в Европу мысль о многих изобретениях Китайского гения и познакомил с ними и самую Европу через тех лиц, именами которых Европа гордится несколько веков. Я говорю о книгопечатании, писчей бумаге и компасе, изобретение которых европейцы приписывают себе, совершенно не подозревая того, что все они были известны в Китае еще до Р. Х. и перенесены в Европу знаменитым венецианцем. Этот вопрос, впрочем, еще только начинает обращать внимание на себя нашего ученого мира и, надо думать, будет доведен до блистательных открытий, которые поставят наш Западный мир в фигуру восклицательного знака.

Не малую услугу человечеству и особенно нам, русским, оказал бы Китай своими тонко-дипломатическими изворотами в сношении с кочевниками Средней Азии, оседавшими у его стен, если бы мог покороче познакомиться с ним. Это говорю потому для нас, для наших дальнейших видов в Средней Азии, что некоторые из «власть имущих» институтов нашего отечества наделали много ошибок при сношении с этими кочевниками, при установлении у них форм европейской администрации. Я разумею бунт Киргизов по поводу введения у них русской администрации, мысль о которой создалась в одном из наших высших присутственных мест. Между тем Китайское правительство никогда не делало таких ошибок и, если не всегда умело справляться с кочевыми ордами дипломатически, то, по крайней мере, действовало естественным, более надежным путем: поселением между ними своих подданных, как-то: торговцев, ученых, жрецов, ремесленников и пр., таким образом, втянув их в свои сети, окончательно смыв их индивидуальные черты, превращало кочевника в оседлого китайца.

Кроме этой, чисто практической цели изучение важно для нас и с другой стороны, со стороны чисто научной, как открывающее перед нами замкнутый, узкий мир огромной части человечества, жившего и доселе живущего на одних и тех же основах, на глубокой привязанности народной массы к заветам древности и на небольшом нравственно-политическом кодексе «уважения к старшим». Тут, в оной вековой привязанности народа к известному строю, в неизменяемости его, в отчуждаемости от посторонних элементов, обусловленной историческими и географическими причинами, мы можем почерпать ту замечательную идею, что развитие народа, прогрессивность в его деятельности обусловливаются не только известными климатическими особенностями, вызывающими ум к работе, но и общением с другими посторонними элементами, из которых он может почерпнуть новую энергию и обновление своим силам, способным без этого к однообразию или даже прекращению деятельности.

Этот же самый Китайский мир своим тысячелетним существованием доказывает нам, что государство тогда только может жить долгие времена, когда оно будет обладать высшей перед другими – соседними – цивилизацией и не будет бессмысленно стремиться к восприятию чужих элементов, часто разлагающих самый состав государственного строя. Подтверждение этой мысли мы можем видеть в истории древней Греции и Рима, которые, несмотря на свою высшую культуру, пали под давлением чужих элементов, принятых ими.

Иго Монголов лежало на «стороне Европы» в продолжении почти двух с половиной столетий. Доселе еще идут разноречивые толки о том, оказал ли этот народ влияние на нас и в какой степени, или совершенно не оказал. Последнее, конечно, невероятно, потому что народ, особенно завоеватель, – какой бы он ни был – всегда может и должен передать некоторую часть своих национальных черт другому, над которым он властвовал и с которым имел торговые связи.

Но тот век, в котором мы встречаем грозные полчища Монголов, двинувшихся в Европу и поработивших Россию, век Чингисханидов, был подготовлен в глубине Азии собственными историческими событиями, исходная точка которых лежала у Великой стены, в двух Маньчжурских народностях, сменивших одна другую. То были Кидане, первые исторические выходцы с Юго-Восточной окраины Сяньбийских гор, жившие политически 200 с лишком лет у великой Китайской стены и порабощенные, под конец, другими выходцами из глубины Маньчжурии, – Чжурчженями. При них-то и явился всемирный завоеватель Чингис-хан, который, разрушив их государственный строй, передал своим преемникам мысль двинуться на Запад*.

Цель этого труда и будет заключаться в том, чтоб прояснить знаменательный век Чингиса, конечно, настолько, насколько это можно сделать через обзор деятельности первой маньчжурской народности – КИДАНЕЙ, смененных Чжурчженями, защищавшимися против ополчений сказанного Завоевателя.

Ко всему этому не могу не прибавить: 1) что единственным источником для моего труда была «Ляо ши» на Китайском языке, из которой, притом, я должен был переводить, выходит, все то, что мне досталось, не допуская мысли прямо ответить на тему т. е. рассмотреть собственно акт владычества народа, почему в моем труде можно заметить: а) односторонность, происшедшую от скудости источников, и в) пожалуй, уклонение от темы,

* Хоть мы и видим, что Чингис-хан как бы завоевал сначала Запад (Бухару и Хивинское ханство), но по общему характеру его деятельности мы должны заключить, что все его помыслы, вся энергия были направлены, прежде всего, на Восток, на уничтожение своих сюзеренов – Чжурчженей.

непрямоту ответа на нее, происшедшую от второй вышесказанной причины; 2) срочность работы заставила меня пройти молчанием многие вопросы*, и даже не обработав всего, что было добыто и собрано как материалы. Это последнее более всего, конечно, произошло от первоначального дебюта в подобной работе и малоопытности в распределении времени, оставшегося от других занятий.

Все это мне казалось нужным высказать, дабы установить ту точку зрения, с которой следует смотреть на мой первый дебют в труде, нисколько не претендующим, впрочем, на научное значение.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИДАНЕЙ «Ши-бяо» (свид. веков) Цз. 63 Ляоши

Дом Дун-ху (Восточные Монголы), предки Киданей, разбитый первым среднеазиатским завоевателем Мао-дунь-хань (Мо-до-хань)'ом, осел у Сяньбийских гор**, отчего впоследствии и стали называться *Сянь-би.*

В правление Цинь-лунь 233–237 (Вейской династии) Бинын, глава Сяньбийского поколения, был убит цыши*** (воеводой) в Ю-чжоу (Пекинского округа) Вань-Хюном, почему народ, крайне слабый тогда, уклонился в местность на юг от Шара-Мурени (Хуань-шуй) и на север от Хуан-луна****.

При Цзиньской династии в Китае (263–420) мы встречаем известия, что Сяньбийские Ге-у-тусцы после назывались по имени владетеля: Похуй. Этот Похуй имел сына Мона, жившего сначала в Ляо-си в продолжении 9 веков (?), и затем перешедшего на юг от Иньшаньского хребта*****.

Когда же Мужунь Хуань (333–348) разбил Сяньбийский Союз (т. е. поколение), то он распался, а остальные части его получили разные наименования, между которыми встречаешь записанные историей: 1) Юй-вень-цев, 2) Ку-мо-цзи и 3) Ци-дань (Кидань). Одно из них, а именно Юй-вень-цы, было покорено Мужунь-Хуаном в 344 году.

При Юань-вейской династии (Тобасской, 386–557) мы встречаем более обильные известия о Киданях, уже окончательно отделившихся от Кумохи и живших отдельно, своими собственными силами. Киданьское государство, говорится в истории, находится на востоке от Кумохи (Хисцев). Они были различны с ними по роду (цзу), но одинаковые по происхождению (лен******). Кидане – отделение Восточных Сяньбийских аймаков. Когда Мужунь Хуань разбил Сяньбийские поколения, то все они укрылись в Сунь-Мо (Сунгаритскую) область. В правлении Дон-го (386–396) они, т. е. Кидане, будучи совершенно разбиты Тобою Гуй, бежали вместе с Кумохи и жили раздельно. По прошествии нескольких десятков лет мало-помалу размножились и расселились на нескольких стах лиот Хо-луна******* на северина чали производить набеги и грабительства. Со времени правления Чжень-Цзюнь, с 441 г., представлялиежегодновдань******** превосходных лошадей. Вцарствовании Сянь-вэнь, 471, прислали Мей-фо-хе-ле-чень'я ко Двору с дарами. Ему на дворцовом пиру *дали место в конце влиятельных лиц.* Он остался очень доволен приемом и благодарил государя за милость. Киданьские поколения Сивань-дань (бу), Хедахе, Фо-фон, Юй-линь, Лянь, Цзе (бо-ся), Ту-лу (Тулугань) и Ли поочередно представляли в дворцовое казначейство превосходных лошадей и лучшие меха; после чего просили дозволить им продолжать это навсегда. Они получили дозволение иметь торг (рынок) между Хо-луньи Ми-юнь*********, и представление еданине прерывалось. В третий год Тай-хо (479) Гао-гюй-ли (Корейцы) тайно замышляли с Жужаньцами овладеть и

---

* Как пример об исследовании в деятельности династии сравнительно с Китайской, для чего, конечно, необходимо очень широкое знание истории последней. Впрочем, где можно было, я указываю на эту связь...

** Сяньбийские горы находятся на границе Монголии и Маньчжурии и известны теперь под другим названием Мункеола («Серебряные горы»).

*** Цы-ши введен в Китае в 42 году по Р. Х. в период владычества Хуннов в Ордосе.

**** Хуан-лун – «желтый дракон» – восточный город Хуан-лун-ду при Тай-цзу на границе Монголии и Маньчжурии. Но непонятно, как они уклонились к югу от Шара-Мурени и севернее Хуан-луна? Знать, они заняли все пространство между Шара-Муренью и Хуан-луном, и выше и ниже этих пунктов, а значит, господство этого народа указывает, что поколения были многочисленны, если не сильны.

***** Значит, тогда название Инь-шань распространялось на всю группу гор, идущих параллельно Великой Стене, п. ч. невозможно показать, есть предположение, что оно прошло почти к самому Ордосу.

****** Лен – сорт, разряд, значит, нужно понимать *одинаковых качеств*, п. ч. мы видим, кит. историки как-то глухо, неясно выражаются об этих 2 народцах.

******* Хо-лунь – древн. Лю-чень, лежит в развалинах в Вост. на восток от правого крыла.

******** Китаю, Юань-Вэйской династии, властвовавшей в Китае.

********* Ми-юнь – городок в тепер. Шунь-тянь-фу, лежал в 15 ли от гор того же названия (Ми-юань-шань), к югу.

разделить Киданьское поколение Доу-юй (Ди-деу-гуань у Иакинфа). Киданьцы давно жаловались на их притеснения. Их Фо-Мохе У-юй (У-гань) со всеми своими поколениями, состоявшими из 3 000 кибиток и 10 000 душ и с разным скотом, просил принять его в подданство. Он остановился на Восточной стороне реки Байлань-шуй* («Белого волка»). С сего времени ежегодно представляли двору дань.

Однажды донес о голоде. Сяо-вэнь дозволил ему закупать хлеб на рынках внутри Китая. В правление Синин (500–525) при отъезде киданьского посланника Жинь-чу-жень'я с 30 другими вдовствующая императрица Линь-тай-хоу пожаловала каждому из них по 2 цин-мана (т. е. темно-красных кафтана), которые они обыкновенно надевали в день свадьбы. Это была награда за их искреннюю преданность.

Известия об них при Бей-ци (550–577). Представление дани к китайскому двору не прерывалось и после передачи престола Бей-ци (Северной Цинской династии), в истории которой мы уже читаем, что Кидане начинают бунтовать и сильно беспокоить, но несмотря на свою активность, они, видимо, еще слабы, потому что сильно разбиваются китайскими властями и переходят в вассальную зависимость от других, более сильных соседей. Дело было таким образом. «В четвертый год Тянь-бао (560, в 9-й луне) Киданьцы напали на границу. Царствовавший тогда Вынь-ди (династии Бэй-ци) лично выступил на Север для усмирения их и прибыл в Пинь-чжоу**, откуда отправился по долгому каналу (Чань-цянь), предписав министру финансов Нань Сянь-ло с 5 000 отборной конницы идти восточной дорогой к горам Цин-Шань (Северным), Инь-де Вану Хань-гуй с 4 000 отборной конницы идти на Восток, чтобы отрезать неприятелю обратный путь. Сам, перейдя через горы, стремительно ударил на Киданьцев и совершенно разбил их; в плен взяв 100 тысяч обоего пола, в добычу получив несколько сот тысяч (!) голов разного скота. Министр финансов Нань Сянь-го разбил Киданьское поколение, жившее у гор Цинь-шань. Пленные были размещены по округам. Вследствие такого жестокого поражения со стороны Китая, к которому присоединились (напали вслед за ним) Ту-кюе, Кидане должны были подпасть в зависимость от последних, а частично уйти в Гаоли (Корею)». Дальше рассказывает об их обыкновениях и обрядах при похоронах. «Обыкновения их, говорит источник, сходны с Мохесскими (поселились на Востоке). Имеют наклонность к набегам и грабительствам. Кто горько плачет по кончине отца или матери, тот считается слабым. Трупы их ставят на вершине нагорных деревьев; по прошествии трех лет их собирают и сжигают; после сего, налив вино, говорят: "В продолжение зимних месяцев кушайте, обращаясь к югу***; во время звероловства помогайте (нам) добыть побольше кабанов и оленей"». Нравы их крайне неблагопристойны, превосходят в этом (прочих) всех восточных иноземцев.

При Суй (581–619, 38 лет), в четвертый год правления Кай – (Хуан) Киданьский Мофохе приехал ко двору. А в следующем весь его народ пришел к границе****. У-дай (Суйский император) принял их и, сделав строгий выговор, позволил жить на прежней территории. Кидане просили извинения, послав для этого особенного посланца. Впоследствии Киданьские поколения, не ужившиеся в Гаоли, ушли оттуда (Чи-фу) и поддались Китаю. Тот же Вэнь-ди сжалился над ними и, боясь потерять приверженность отдаленных иноземцев, приказал снабдить хлебом и отпустить к своим поколениям. Дугасцам предписано*****принять их с кротостью. Но эти Корейские беглецы решительно отказались от возвращения к Дугасцам. Поколения их мало-помалу размножились, и они, смотря по достатку в траве и воде, переселились на Север. Они занимали тогда места в 200 ли прямо на север от Ляоси, Могечень******, на 100 ли пространство от Востока к Западу. Они разделились на 10 поколений, из коих большие имели до 3 000, а малые до 1 000 войска*******. И в морозы, и в тепло они бродили со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. При открытии военных действий старшины съезжались на Совет; собирали войско с народа и налагали условия. Дулгасский Шоболе-хань (581–587), иначе Ша-бур-хань, послал к ним для заведывания Те-тунь'я (от тур. Тумань – «держава») Нань-де (То-чжи), но они убили его. Прав[итель] Да-е (суйского императора Яньси; 605–618, 7-й год) представил дань, состоявшую из товаров, вещей.

Из всех этих отрывочных известий, оставшихся в китайских летописях, мы можем только заключить, что до времени Танской династии (к обзору известий которой мы сейчас перейдем) Кидане были крайне слабы, не

---

* Р. Бай-лань-шуй – Лоха-Мурень, впадающая в Шара-Мурень.

** Пиньчжоу, игравшее впоследствии весьма видную роль, лежало в пределах Верхней столицы.

*** Юг у всех среднеазиатцев играет первенствующую роль перед прочими сторонами.

**** Т. е. уйдя от зависимости от Ту-кюе.

***** С Дугасцами тогда был заключен мир, а Киданьские поколения все еще жили под зависимостью этого народа.

****** Река. Могечень – древнее название Шара-Мурени в Монголии.

******* Полагая средним числом 2 000 в каждом из 10 аймаков, получается 2 000 × 10 = 20 000. Что же можно было предпринять с этими силами?

могли жить собственными единоличными силами, а как склонные к ограблениям часто терпели от других сильных соседей, особенно Китая и Тукюе. Из отношений их к этим сильным соседям видно, что общего между вассалом и сюзереном было мало: «Китай держит их при себе подарками и ласками, Дулгасцы – силой и поставлением (ту-шуй), которых они, однако, убивают». Жили они тогда еще в пастушеском быту, разбитые на 10 аймаков, которые заведовывались старшинами. Видимо, в начальное время (при Мохе-фо Угань и Ачень) у них еще не было высших правительственных сеймовых начальников, потому что не было разделения на аймаки. Да и при этом разделении вначале мы не встречаем известий об этих сеймовых начальниках, ибо в истории прямо говорится, что старшины сами собирались для обсуждения плана войны, а после, как известно, сборами стали заведовать поставленные да-жень, которые посылали к ним особенных посланцев с приказанием явиться в назначенное время. Нравы их тогда были грубы, умственное развитие также стояло на низкой ступени. Влияние Китая было незначительно. При Танской династии, сменившей Суйскую (629–901), известия о Киданях становятся подробнее: видимо, они тогда обращали на себя внимание знаменитой династии, т. е стали выказывать стойкость и силу в борьбе с ней. Владения их, говорит история, лежат за 5 000 ли (2 500 верст) от столицы*прямо на Северо-Восток; на Востоке было смежно с Гаоли, на Западе с Хи (Кумохи прежде), на Юге достигало области Иньчжоу, на Севере граничило с Мохе и Шивей. В этом пространстве, занимаемом ими, проходил хребет Лынь-хинь-шань («Холодные горы»), который служил им естественной защитой. Занимаясь звериной охотою, не имели постоянного местопребывания. Их государь**Да-ху-эр (Дахе) имел 40 000 отборного войска, разделенного на 8 аймаков (т. е. набиравшегося из 8 аймаков). Он был вассалом Дулгасского (Турецкого) дома и имел титул Сыгиня (Цыгинь, правители у Турок 5 цыгиней в Западном Дулгасском ханстве). Перед нарядом войска на войну все аймаки собирались вместе. На звериную ловлю каждый аймак ходил по своей воле отдельно.

С сильными тогда Хисцами они не ладили и после каждого проигранного сражения уклонялись к Сяньбийским горам. Нравы их, замечает история, были несколько сходны с Дулгасскими***. Покойников не погребали (не зарывали в землю), а на телеге, запряженной лошадью****, отвозили в горы и полагали их на вершину дерева*****. Если сын или внук умирал, то отец и мать утром и вечером плакали, а если отец или мать умирали, то сыновья не плакали. Я сделаю поэтому маленькое отступление. Спрашивается, откуда этот странный обычай? Во всяком случае, он не из Китая, потому что, видимо, отмечен как редкостная, как отличительная черта, показавшаяся странной для историка, иначе он не занес бы ее. Если мы согласимся, что это чисто среднеазиатский обычай, то должны думать, что обычаи Киданей диаметрально противоположны с Китайскими, где уважение к старшим, траур, плач по их смерти мы встречаем с самых начальных времен основания государства. Но едва ли это даже чисто Среднеазиатский [обычай], не занеслось ли оно откуда-нибудь? За неимением времени, придется ограничиться только постановкой этого вопроса.

Дальше говорит история: «У траура тоже не было срока (т. е. определенного времени для ношения траура по умершим родителям, также постановлялось, кто вечно мог носить его, сколько может и как ему заблагорассудится). В начале годов правления У-де главный старшина Сюань-ао-цао и Мохесский старшина Тудиш прислали своих лошадей ко двору и в тоже время произвели набеги на границу (чисто Среднеазиатская тактика). По прошествии двух лет они отправили своих посланников ко двору с превосходными лошадьми и пушистыми соболями. Во 2-й год Чжень-гуань (Танского Тай-цзуна Ли-ши-мыня, знаменитого своими победами и хорошим управлением, 628 [г.], Киданьский Мохой) поддался Китаю, перейдя из зависмости Дулгасцев. Почему Дулгасский Хань Хела, переживавший, что иностранцы имели сношения с Китаем, отправил к последнему посланца с предложением взять Лянь Ши-ду (китайский бунтовщик) и возвратить за это Киданей. Танский Тай-цзун ответил ему на это довольно сухо: “Кидань и Дулгане одного происхождения. Киданьцы уже покорились мне. Можно ли требовать их? Лянь Ши-ду есть подданный дома Тан, разбойнически взял у меня округи и поколения. Дом Дулга должен содействовать мне в поимке его; а променять его на покорившихся нельзя”».

---

* Столицей при Тан был Чан-ань (т. е. Си-ань-фу). Древний город Чан-ань теперь уже не существует, а Си-ань-фу называется Новый Чан-ань.

**1) Значит, они теперь уже осознали необходимость единой власти и избрали да-женя (Дахе – фамилия) и 2) разделились или соединились в 8 аймаков (прежде 10).

***Прежде обыкновения (нравы?) их сходны с Мохесскими, т. е. значит история здесь, если так можно сказать, о том, что все эти народы – Ту-кюе, Кидани и Мохе – вели кочевой, звероловный образ жизни и были потому сходны друг с другом.

****В отделе описаний колесниц мы встречаем «сунь чжун-че» (похоронную), которая запрягалась волами (или лошадьми), а прежде даже баранами, которые как бы служили знаком того, что они приносились в жертву (см. ниже отдел «Колесницы»).

*****Персы в древности делали тоже самое с покойниками; Вавилоняне и Ассирийцы также хоронили своих мертвых.

Как располагали Киданями сильные государства! Ясно, что они и теперь не обладали большой силой и совершенно зависели то от тех, то от других. К Китаю же они тянулись потому, кажется, что тот щедро награждал их. Но и с ними они жили не всегда мирно и часто делали нападения на его границы. В случае поражения они переходили в зависимость от другого сильного государства, основавшегося тогда в Монголии и Чжунгарии, к Дулгасцам.

В 629 году Мохой опять приехал ко двору и на этот раз был награжден знаменем и литаврой: это сблизило его с Китаем. Когда император воевал с Кореей, то всех старейшин и Сиского главу присоединил к своему войску. На возвратном пути в проезде через Инь чжоу*император пригласил к себе всех старейшин. Куге (один старшина Киданьский) и старики по заслугам награждены шелковыми тканями, а Куге еще получил военный чин: цзо-у-вэй-цзянь-чжень (охранный главнокомандующий). Главный Киданьский старшина Жучечжу поддался со своим улусом, почему он и был переименован в округ Хуань чжоу, в котором сам поставлен в зависимость от пристава в Инь чжоу.

В непродолжительном времени и Куге со своими поколениями поддался Китаю, почему и учреждена Суньмосская область, где Куге поставлен правителем с полномочным управлением военными делами 10 округов, заполучив княжеское достоинство (У-цзи-нань**) и прозвание Ли (фамильное имя: Синь-ань). Поколение переименовалось: Даги (Дэнь?) в округе Цзяло-чжоу, Ге-бянь – в Жа-ло-чжоу, Духо – [в] У-фынь-чжоу, Фынь-вень – [в] Юй-линь-чжоу, Тубянь – [в] Жи-лянь-чжоу, Жуй-хи – [в] Тухе-чжоу (на реке Лоха-Мурень), Чжуй-гинь – [в] Вань-дань-чжоу; из поколения Фу сделано 2 округа: Пили-чжоу и Чи-шань-чжоу (Красного хребта). Как округи подчинены сунмоскому правлению, Жучечжу поставлен правителем над ними.

На самом-то деле тут особенного ничего не произошло, потому что правители остались туземные, а к этому бумажному фокусу Китай прибегал довольно часто, и мы могли бы, пожалуй, подумать, что, например, Западное Дулгаское ханство и его вассальные владетели, поддавшиеся вместе с ними Китаю, сильно ошибались, потому что там после этого тотчас предпринято было бумажное раздробление на округа (чжоу), но, на самом-то деле, поддавшиеся вассалы крайне не хотели этого разделения, а по-прежнему называли своих отчасти их туземными именами и не следовали Китайской администрации. Тоже самое мы видим и тут – все ограничивалось только бумажным разделением на округа, но ничуть не более: правители те же самые и с той же туземной обстановкой. Конечно, это тоже было из мер, к которым прибегало Китайское правительство, в виду привлечения Среднеазиатцев в сети своей обстановки и окончательного уничтожения национальных черт, но мера эта же приводила к желательным результатам. Другой путь, иные приемы – торговля, поселение, частые призывы ко двору – достигали своей цели и почти всегда блистательно.

По смерти Кугэ, говорит история, Кидане соединились с Хисцами и открыли бунт. Ашиде, главноначальствующий походного корпуса (синь-цюань) и Чу-бинь захватили Суньмосского наместника А-бу-ку (Амбагянь?!) и представили в Восточную столицу (Китай, Тан). У Куге остались два внука: Кумохи, получивший военный чин (цзо-вей-цзянь-цзюнь) и поставленный даньханьским правителем с княжеским достоинством, и Цзинь-чжун, получивший титул у-вей-да-цзянь-цзюнь и должность главноуправляющего в Сун Мо. Внук Аоцао, Ваньюнь, получил правительство округа Гуй-чен-чжоу. Высокое положение правителя в Иньчжоу Чжао Вень-хоя со своими подчиненными вызвало взрыв бунта, главными коноводами которого явились Вань-юнь, знавший хорошо тогдашнее состояние Китая в бытность свою заложником при дворе, и Цзинь-чжун, принявший даже титул (самовольно) У-шань-ке-ханя (У-шань-хана) и назначивший Вань-юна главнокомандующим войска. Прежде всего, они напали на Чжао Вень-хоя и, убив его, взволновали Инь чжоу. Бунт принял громадные размеры, и в очень короткое время (24 дня) войска набралось до нескольких десятков тысяч, которое ворвалось в Юньчжоу*** и захватило там Хей-цинь-цзи, помощника предводителя Китайских войск. Царствовавшая тогда императрица У-хоу («Воинственная») страшно рассердилась на это и указала полководцам Цао-женьисы, Чжан-сюань-юй, Ли-до-цзо, Ма-жень-цзы (всего 28 полководцам) идти на усмирение бунтовщиков. Лянь Вань У Саньсы назначен главнокомандующим, а Ма Жень-цзы – его помощником. Вань-юня (Киданьский предводитель) переименовали в Вань-чжа «10 тысячам отрубил голову», а Цзинь-чжуна – Цзинь-ли («всеистребляющим»). Войска встретились с Киданями при Западной защите**** в долине Хуан чжаньгоу. Китайская

*Инь чжоу – Мо-чень, Хо-лун, а после Синь-чжун-фу на восточном берегу реки Шара-Мурени – составлял центральное управление, заведовавшее Си – Киданями.

**У-цзи-нань – Военный Цзи-нань. Последние два слова - последняя княжеская степень, установленная еще при династии Шань (1783–1134). Всех этих степеней 5: гунь, хоу, бо, цзи, нань. Не отсюда ли ду-бо-цзи-ле?

*** Юньчжоу - древний окружной город, основанный в 530 году.

****Си-ха-ши – крепость, построенная Китаем у тепер. Шанхай-гуаня (прежде Юй-гуаня для надзора над Киданями). Всех таких «ха-ши» (защит) было 8: дунь-хаши, нань-хаши и т. д.

армия была совершенно разбита. Полководцев Сюань-юй и Жень-цзы взяли в плен. Кидане после такой славной победы, может быть, первой, бросились на Пиньчжоу*, но здесь им не посчастливилось, и они должны были отступить. Императрица, однако же, не упала духом и приказала Цзянь-ань-Вану У-юй-и набрать войска и снова идти на киданей. Но войска строевого было мало, почему прибегли к найму невольников за высокую плату, которую передали их господам, и всех снарядили в поход. Видимо, это удачное восстание Киданей, вызванное притеснениями высокопоставленных китайских приставов, дорого обошлось Срединному государству. Покуда собиралось снова ополчение, Вань-юнь ночью нечаянно нападает на Тянь-чжоу**, его встретил помощник полководца Чжан-цзю-цзи с отборным войском в несколько сотен (!) и вступил в рукопашный бой. Вань-юнь, не выдержав, был разбит и бежал в горы. Между тем Цзинь-чжун, начальник Вань-юня, умер, а Дулгаский хан Мо чжо, воспользовавшись этим, напал на его аймак и разбил. Вань-юнь не унывал: он собрал многочисленные полчища и послал двух предводителей – Ловучженси и Хеасяо на Цзи-чжоу***, где они, убив тамошнего правителя Лу Гао-цзи, забрали несколько тысяч чел. Между тем, У-Хоу, узнав о смерти Цзинь-чжуна, вновь приказала полководцам Вань Сяо-цзы и Су Хунь-юнь с 170 тыс. двинуться на Киданей. Войска сошлись у Восточной защиты (см. выше), и китайская армия была разбита. После этой вторичной блистательной победы Вань-юнь вошел в Ючжоу (округ) и начал там опустошения. Китайский главнокомандующий Ву Ю-и послал против него один корпус, но он не имел успеха. Императрица снова назначила 3-х полководцев: Хеэсей-цзюн Вана Ву И-цзюна, Лоу Ши-де и Шаньюского Чжуньи с 200 тыс. войска. Вань-юнь действовал со страшным натиском: он пошел на юг, опустошил несколько уездов в Иньчжоу и страшно своевольствовал. Хиский корпус, приглашенный для помощи Китаем, под начальством Янь Сюань-цзи ударил в тыл киданьских ополчений. Теперь кидане были разбиты наголову. Полководец Вань-юня Хеасяо покорился. Сам Вань-юнь, бросив войско, бежал. Рассыпавшиеся войска снова соединились было, но, будучи разбиты Хисцами, пришли в совершенное смятение. А между тем Вань юнь бежал на Восток. Китайский Вань Цзю-цзы поджидал его засадой в 3-х местах. Беглец с несколькими невольниками ускакал на Восточную сторону р. Лу-хе (Лохе). В крайнем бессилии от побега он лег в лесу, и невольник отсек ему голову, а Чжан Цзю-цзи препроводил ее в Восточную столицу. Остальные войска рассеялись, и Ву Ю-и с торжеством возвратился ко двору. Императрица обрадовалась и обнародовала амнистию по империи, переименовав правление на Шень-гун («Свящ. заслуги», 697 [г.]).

Итак, мы видим, что китайский двор празднует свою победу, которую ему удалось получить в 1-й раз (или во 2-й) в эту эпоху, а Кидане, совершенно деморализованные после своих блестящих побед, не могут держаться и приходят во власть Дулгасцев (в 3-й раз).

Здесь во всей полноте выступает перед нами тот знаменательный факт, который так часто встречается на Востоке и особенно в Ср. Азии, а именно, значение вождя, полководца, энергия одного лица, объединяющего железной волей и быстротой в натиске, потому что мы видим: кидане, истребившие несколько армий У-хоу, с потерей храброго Ваньюна совершенно падают, ниспускаются моментально на самую низкую ступень значения и передаются дулгасцам. Если же согласие с ними, то победы Чингис-хана, предводительствующего незначительными доселе родами (монголов), но обладавшего той же смелостью и быстротою действий, какие мы встречаем в киданьце Ваньюне, то его победы, охватившие весь мир, будут для нас понятны.

«Их переход к Дулгасцам совершился в 697 г., а через 2 года, в 699 г., они, видимо, начинают снова борьбу с Китаем, потому что кит. двор командирует для их усмирения двух полководцев: Ли-цзяй-гу и Лову-чжена. Кидане снова были разбиты».

Во 2-е лето правления Кай-юань (714 г.), когда Дулгаский Мочжо пришел в бессилие, Цзинь-чжун, следуя за своим дядей, главнокоман. Шихо (Шихе) со своим аймаком и Цзю-ли-хо И-цзянь-чжо, покорился Китаю. Тогда царствовавший в Китае Сюань-цзун пожаловал ему железную грамоту с красивыми буквами. По прошествии 2-х [лет] (в 716 [г.]) Цзинь-чжун (Шихо) пришел с хиским старшиной Ли-Даную, почему вслед за этим китайский император издал указ о восстановлении Суньмоского правления, где Шихо был поставлен главнокомандующим и облечен в княжеское достоинство (сунь-мо-цзюн-вань). В его же правление был организовал корпус Цзинси-цзюнь, и Шихо был назначен начальником корпуса. Кроме того, ему в управление поручены 8 поколений, в которых старшины их поставлены правителями, а приставу Сю Тай указано быть предводителем (стерегущим начальником) поколения и командовать корпусом. За Шихо была выдана дочь Янь

---

* По-другому они бросились на Чун-чжоу, лежавшую по соседству с вышеуказанной.

** Тянь-чжоу, возле горы Тань-шань, лежало у истоков р. Луаньса, впадающей в Бохай (Желтое море).

*** Округ Цзи-чжоу лежал в теперешней Шаньси, под этим же именем у Великой стены подле мор. крепости Юйгуань'я.

Юань-цы Юнь-ло-гунь-чжу (царевна), но он вскоре умер в 717 г. Ему дали посмертный титул де-цзинь и отправили посланника для жертвоприношений за него и утешения родственников. Младший брат Согу наследственно, по указу кит. двора, в 718 г. получил титул и место. В следующем году Согу с царевной приезжал ко двору и был отлично угощен.

Казалось бы, что кидане под сенью милостей Танского двора заживут припеваючи, но не тут то было. Выступают новые элементы, разыгрывается честолюбие киданьского вельможи, помощника начальника сказанного Цзинь Си-цзюнского корпуса Гетукень'я, в сообществе которого действует и дядя будущего основателя династии Хань, старшина Дельского аймака. Гетукень пользовался отличной репутацией в народе, поэтому распоряжался в орде по-своему. Согу хотел избавиться от него, но не решился. Гетукень, напротив, напал на Согу, поэтому [тот] принужден был бежать в Иньчжоу, под покровительство кит. пристава. Тогдашний главнокомандующий в Иньчжоу Хей Цинь-дай с 500 окружных войск, соединившись с войсками Хиского старшины Ли Дану, напал на Гетукень'я, но без успеха (бу-шен). Согу и Дану были убиты в той стычке, Цинь-дай ушел с корпусом Юй-гуань*. Он, видимо, не принял к сердцу смерть киданьских правителей (т. е. одного киданьского, другого хиского) и не старался наказать Гетукень'я, что доказывает уже его 500-й отряд. Гетукень, между тем, поставил правителем двоюродного брата Согу Юй-юй'я и отправил посланца извиниться перед китайским двором. Китайский двор посмотрел на смерть Согу тоже сквозь пальцы и указал дать новому правителю княжеское достоинство (Суньмо цзюнь Ван) и простил Гетукень'я. Юй-юй явился ко двору и получил начальство уже официальным путем, причем испросил себе и невесту из царского рода. Гетукень также приехал ко двору и получил военный чин (Цзо юй-линь-вей-цзян-цзюнь). По смерти Юй-юй'я его младший брат Ту-юй получил начальство, но, рассорившись с Гетукенем, бежал в Китай, и там был оставлен при дворе с титулом Ляо-яньцзюнь Вана. После сего Гетукень поставил правителем младшего брата Цзинь-чжуна Шаогу, а китайский двор снова утвердил его в княжеском достоинстве, совершив этот акт совершенно хладнокровно, даже наградив Гетукень'я. Однажды император отправился для жертвоприношений к горе. Шаогу с прочими старейшинами следовал за императором. В следующем году, т. е. в 719, он получил титул при дворе с переименованием княжеского достоинства. В жены ему дали дочь императорского родственника под названием Дунь-гуань** гуньчжу. С лишком сотня старейшин из его поколения получила чины от китайского двора. Шаогу, так обласканный Танским двором, отправил даже своего сына к этому двору на службу, туда же отправился и Гетукень. Тогдашний китайский министр Ли Юань-хун, промахнувшись в расчетах, принял Гетукень'я слишком холодно, поэтому Гетукень уехал недовольным. Они хором отучили сильного сановника от частых приездов ко двору и не знали, что он готов на все, чтобы народ был привязан к нему. Сейчас высказанное предположение о неудачном шаге китайского министра основывается на словах Чжанъюе, сказавшего о пользе удаления оскорбленного Гетукень'я: «Гетукень имеет зверское сердце и смотрит только туда, где видит выгоды. Сверх того, он теперь имеет силу в государстве, и подчиненные повинуются ему. Если не оказать ему чести, он больше не приедет».

Гетукень действительно не приезжал, а спустя 3 года (в 730 г.) после этого осерчал, убил Шаогу, поставив правителем некоего Ку-ли (Кюй-ли) и порываясь с Хисцами поддаться Дулгаскому дому. Китайская царевна бежала из орды, а Танский двор предписал набирать войско для похода против киданей. Чжи Фань-Янь, правитель (цы-ши) округа Ючжоу, и Чжоу Хань-Чжан, главноуправляющий в Фань-янь, должны были идти против бунтовщиков. Пей-Куань и Сю Куань занимаются набором ратников (значит, поход принял снова грозные размеры); Чжунь Вань Цзунь должен был принять верховное начальство над Хискою действующей армией, а Юй-ши-да-фу (императорский историограф) Ли Чао-инь и оберполицмейстер столицы Пей Чжей-сянь определен помощником ему. Они должны были вести войска 8 корпусов, при которых, кроме того, состояло 18 корпусных полководцев: Чень Бо-сян, Чжан Вен-янь, Сун Чжи-ти, Ли дунь-мышь, Чжао Вань-гун, Го Инь-гой и пр. (всего 18). В связи с сим князь Цзунь назначен верховным вождем над войском в Хедун (на Востоке от р. Желтой), но он не поехал, а посему (Тай) Цинь-тайчань-сы Синь-ань-цзюнь Ван Вей назначен с бунчуком помощником верховного вождя, действующего в Хебее (на севере от Желтой реки наз. провинции). Вей выступил с главнокомандующим Чжао Хань-чжан и совершенно разбил кочевья. Гетукень бежал, а Хисцы покорились. Об этой победе было объявлено в храме предков. Однако же Гутукень не переставал беспокоить границы и в 733 г. (т. е. следующем) сделал нападение на них. Китайские предводители Сю Чу-вань, Го Иньгай, У Кецзинь, У Чжи-и и Ло Шоу-чжун с 10 000 конницы вместе с Хисцами дали сражение у гор Ду-шань***. К Гетукеню подошло Дулгаское войско. Хисцы начали колебаться и отступать в крепкую позицию. Китайская армия

---

* Юй-гуань – теперь Шаньхай-гуань, крепость у Желтого моря в проходе Великой Анхунь.

** По-другому: Дунь-хуа-гуньчжу.

*** Ду-шань неизвестна, так как не показана в топограф.

была разбита. Иньгай и Ке-цзинь – убиты. Всех войск погибло в Китае около 10 000 чел. Вся неудача китайских войск заключалась в том, что полководцы их не отличались стратегическими способностями; император сознал эту ошибку и отправил искусного Шеу-гуй'я, который привел в замешательство войско Гетукеня. Этот последний ложно просил о принятии в подданство, а между тем поджидал Дулгаской помощи. Один из его чиновников, Госи (Го-чжэнь), был недоволен им, и Китайский полководец прибег к подкупу, отправив для этого некоего Ван Хуэя. Госи согласился на измену, а когда китайское войско окружило Гетукеня, он отрубил ему голову. Кули и др. передали его принадлежности. Это событие относится к 734 г. Оно важно для нас потому, что здесь мы видим, если верить кит. летописям (Ляо-ши, ц. 63), акт прекращения владычества фамилии Дахуры. Собственно, оно совершилось еще раньше, с постановлением Кули, но, во всяком случае, мы здесь видим поворот к новым владетельным элементам, новым фамилиям, из которых одна, наконец, преодолевает и основывает династию. Дело в том, что поддерживаемый кит. подководцем Госи, получивший даже княжеское достоинство* и главноначальствование в Суньмо, жил недолго. Сообщники убитого Гетукеня, в числе которых «Ляо-ши» называет дядю Няли** (Я-ми), убили самого Госи вместе с семейством, только один сын убитого бежал в Ань-дунь*** и получил там титул от китайского правительства – Цзо-цзяо-вей-цзянь-цзюнь. Вслед за этой катастрофой Нел, как говорит история, поставил правителем Да-нянь-чжень-ла, впоследствии названного Су-у-вей-ханом (Цзу-у-ке-хан) и получившего от Танского двора нас. имя (синь-мин) – Ли-хуай-сю. Сверх того, он принял себе др. фамилию – Яо-нань (-ни), смененную затем Елюйской (фамилия основателя династии Ляо).

Вот что рассказывается дальше о судьбе новой фамилии: «В 4-й год правления Тянь-бяо (745 г.) Киданьский главный старшина по фамилии (Синь-линь) Ли Хуан-сю, а по нац. имени Да-нянь-чжа-ли покорился, посему и поставлено Суньмоскому дуду (главноначальствовавшему) облачить в княж. достоинство****, а девица-сирота из императорского рода по имени Цзинь-ло царевна (гунь чжу) выдана намуж за него. Но в сем же году, после смерти ее, он взбунтовался. Ань Лушань, главнокомандующий Фань-ян, усмирил его*****.

После смерти Да-нань-чжа-ли княж. достоинство перешло Цзи-ло (Гяй-ли), а также и главноуправление над Суньмо. Тогда Ань Лушань предложил кит. двору войну с Киданями. Двор послушался его и выставил 100 000 войска из Ючжоу, Пиньлу и Хе-унь с вожаками из хисцев. Большое сражение завязалось на юж. берегу Шара-Мурени. Ань Лушань был разбит и потерял несколько тысяч человек убитыми. С сего времени Ань Лушань и кидане приезжали ко двору с дарами до 20 раз. Главноуправляющий в Фань-янь****** определен приставом над хисцами и киданями. Ему со времени правления Чжиде (756 г.) позволено полновластно распоряжаться в своем округе*******, посему он разместил гарнизоны и караулы и старался больше не заводить дел на границе. Кидане также редко производили набеги. Старшины их ежегодно десятками отправлялись в Чанъань, где представлялись двору и получали милости, соответственно достоинствам, а из подданных их некоторые жили в Ючжоу на иждивении правительства. В период правления Чже-дэ и Гао-нин (Су-цзуна, 756–762 гг.) приезжали с данью (гунь) 2 раза; в правление Да-ли (Дай-цзуна, 766–779) – 13 раз; в правление Чжень-юаня (Де-цзуна, 785–804) – 3 раза; в правление Юань Хо (Сянь-цзуна, 806–820) – 7 раз; в правление Тай-хо и Кай-чень (Вень-цзуна, 827–840) – 4 раза. Но кит. император был недоволен тем, что они поддались Ойхорам******** (Уйгурам Хой-гу, Хой-хор), посему не давал старшинам ни достоинств, ни чинов. В 2-й год правления Хой-чань (У-цзуна, 842 г.) Уйгуры разбили киданей, и кид. старшина Ци-су (Цюй-сюй*********) поддался Китаю, за что и получил титулю-у-вей-цзянь-цзюнь. Главноуправляющий в Ючжоу (Пек. округ) Чжан-Чжунь-у переменил (или предложил своему двору) печать Ойхоров и, давая ему новую, сказал: «Печать на княжение в Кидании».

В правление Сянь-Тун (У-цзуна, 866 г.) кид. владетель (князь) Ши-ле********** (Сире, Силицзы, Си-эр-чжи) дважды отправлял посланника ко двору. Его аймак Демоский нечувствительно усилился. Причины усиления этого

* Бей-нинь-цзюнь Вень Тао.

** Этот Няли приходился Юань-цзу в Ляоской истории, отец Де-цзу Силицзу[?!].

*** Ань-дунь – название области, открытой в 114 г. до Р. Х. Цзинь-чжоу считается окруженным в г. Ганьсу.

**** Чунь-шун Вань.

***** Ань Лушань без причины грабил киданей, почему они убили царевен, выданных за них кит. двором, и взбунтовались.

****** Фань-янь – прежде Чжо-цзюнь, область в Шунь-тянь-фу (Пек. округ) с городом Чжо-чжоу в 14 ли на юг от Пекина.

******* Но это ли служило причиной усиления Ань Лушаня и его брата (755 г.), приведшее некоторых ученых к шумным гипотезам?

******** Упоминаемое в тексте Ху-и бегство киданей от Хой-гу, кажется, можно приурочить к их отпадению из под власти Хой-гу к Китаю в 842 г.

********* У Иакинфа – Кюй-сюй. Этот Ци-су и есть И-лань-ке-хань (Илань-хан).

********** Шиле, отец Амбагяня, Децзу в Ляоши, и есть Бала-хань (Балакехан).

аймака, знаменитого своим первенствующим участием в возвышении Амбагяня в качестве его родового аймака, заключались в том, что улусы Дахус и Яо-нань'я (т. е. 2-х фактов) составляли 6 кочевий, а улусов рода Си-ли было меньше. Это и было причиной того, что Дамоский аймак, принадлежавший к этому роду, усилился на других в конце царствования фамилии Яо-нань (730–907).

По смерти Си-эр-цзы наследовал родственник его Киньде (Циньде, Хень-де-цзинь-кехань). В правление Гуань ци (885–887) возникли беспокойства в Китае, на границе также было много хлопот. Кидане между тем успели ограбить Хисцев и Шивеев* и покорить мелкие владения тунгуского (маньчжурского) и монгольского племен. Все это создалось под шумом и благодаря непорядкам в Срединном государстве, Танская династия боялась за свое существование в борьбе разнородных партий, выступивших тогда на политическую сцену Китая: военных, ученых, евнухов. Все эти партии оспаривали друг у друга значение и гибли, увлекая за собою сотни жертв междоусобной войны. Наконец, партия военных (цзе-ду-ши, провинциальные) берет первенство, и Чжу-цюань-чжун основывает новую династию Лян.

Но посмотрим, что делалось у киданей раньше основания новой династии в Китае, сменившей долговечную блестящую Танскую. «Кидане, усилившись за счет других, делают нападение на Ючжоу и Цзи-чжоу**. Кит. полководец Мо Жэнь-гун со всем войском перешел через горы Ди-синь-шань для усмирения и не допустил их пасти скот на траве под границей Ляо, отчего у киданей погибло множество лошадей. Опасаясь еще худшего результата, они предложили дать клятву: представлять хороших лошадей за пастбища. Мо Жень-гун согласился, но они нарушили договор и произвели набег. Лю-Шоу-гуан стоял гарнизоном в Пиньчжоу, куда кидане вступили с 10 000 конницы. Лю Шоу-гуан обманул их, ложно заключив мир, и, упоив в палатках, захватил главного предводителя. Весь народ зарыдал и предложил выкуп за него 5 000 лошадей. Лю Шоу-гуан не согласился. Киньде удвоил выкуп (10 000 [лошадей]) и получил свободу. Кроме того, кидане дали клятву: 10 лет не приближаться к границе. В последние годы кидане стали терпеть физические невзгоды: поветрие на скота, снега и пр. Кроме того, сам Киньде не отличался твердостью в управлении. По праву начальников 8 поколений, главу народа (сеймового прав-ля) сменяли через каждые 3 года, посему народ, недовольный Киньде, передал его власть другому Да-жень'ю – то был Елюй Амбагянь, который, пробыв начальником в продолжение 9 лет, не хотел сменяться, несмотря на просьбы всего народа и старейшин. Наконец, просил отделить его с одним улусом; потому, созвавши старшин прочих поколений, коварно предал их смерти, после чего сделался единственным повелителем Киданей»***.

Итак, из всего этого обзора жизни народа до возвышения Амбагяня мы видим, что кид. старшины при Танской династии пользовались вниманием кит. двора. Но народ, видимо, не хотел жить пассивно, под сенью кит. милостей, ему нужен был простор, деятельность, что вызывалось иногда физич. недостатками, он бросается на богатые провинции Китая для грабежа. Это подает повод кит. правительству отправлять против него 100 тыс. армии, которые, однако, по большей части «задуваются» кид. полчищами, особенно когда между ними явл. храбрый коновод вроде Вань-юня. В случае неудачи кидане передаются др. сильным г-вам, основавшимся тогда бок-о-бок с ними: Дулгасцам и Уйгурам. Щедрые награды и пожалования, исходившие из кит. Двора, и строгая дисциплина у новых сюзеренов**** выражаются в разных пожалованиях со стороны Китая и предоставлениях дани со стороны киданей.

Хотя Китай и не вмешивался в их управление, предоставив себе только номинальное право утверждать правителей, постановлявшихся их народом, но он, видимо, старался действовать на них своими неизменными и всегда удачными путями, а именно: заведением торговых связей, поселением самих киданей в кит. провинциях (в Ючжоу, см. выше), внутри Великой стены, выдачей за владетельных лиц кит. царевен, которые способствовали скорейшему проникновению кит. элемента в орду, частыми призывами ко двору, где делались для них великолепные угощения, посылкой к ним кит. мастеровых, художников, ученых, жрецов и пр., что все в совокупности, очевидно, имело целью: большее ознакомление с удобствами кит. цивилизации и оседлой жиз-

---

* Хисцы жили на юго-западе от киданей, а шивейцы – на севере, т. е. в Монголии и Восточной Сибири.

** Обе области лежали в пров. Чжили.

*** Я объясняю эту легенду следующим обстоятельством (об этом будет и ниже в разделе о положении женщин в государстве киданей): «Амбагянь имел мать по имени Сюань-Цзянь (И-лу-цзинь), которую страшно ненавидел Цзай-сян, срамил Яо-нань (Амбагянь) и, как отец, даже убил (Ла-чжи)». Если мы приурочим этих членов к старшинам, которых убивает Абагянь, то его поступок будет для нас ясен как родовая месть, возмездие за смерть матери. И тогда будет нам понятно и самое возвышение, совершившееся очень простым путем физического уничтожения лиц, с которыми он должен был разделить власть, и не нужно прибегать к (неразб). Обо все этом см. ц. 71 «Ляоши».

**** Дулгасцы часто посылали их в св. войска и всегда ставили вперед (см. Mailla VI), манили их к прежней зависимости. Новая ссора, новые отпадения ясно показывают, что между вассалом и сюзереном не было др. связи.

ни, а через это – привлечение самих кочевников к кит. образу жизни и, следовательно, уничтожение в них воинственных наклонностей, страсти к грабежам.

Жили они тогда более или менее цивилизованно, не поражая китайцев своей непристойностью, что прежде так сильно бросилось в глаза кит. историку и он даже счел нужным занести это на страницы истории. Кит. гений, видимо, уже парил над молодым и начинавшим слагаться народом и тянул его в благословенные страны юга, на привольные пастбища Ляоси и Яньской территории, к оседлой жизни. Отец Амбагяня, Силицзи, уже начинает выливать деньги (об этом будет сказано ниже, в отделе внутр. обзора: об («эк. быте»), старается собирать естественные богатства, строить города, заводить более широкую торговлю с Китаем. Усложнявшиеся отправления народной жизни требовали и лучшей организации в правлении, правильного развития народной культуры и отношения к верховной власти. Правление было избирательное на срок, и это уже указывает, что народ не был устранен от участия в интересах государства, а для выражения своей воли на одних собраниях, очевидно, должен был иметь некоторое понятие о гос. управлении: т. е. был цивилизованным, знакомым с механизмом самого управления, от которого прежде всего требовал стойкости и силы в борьбе с внешними врагами.

Борьба партий в Китае, его междоусобные неурядицы, открывшиеся под конец Танской династии, не давали возможности следить за севером: кидане пользуются счастливым обстоятельствами и забирают мелкие владения (Шао Хуань, Шивей, Юайву, Угулуши Бисачжун), что еще больше увеличивает их силы, как физические, так и моральные, потому что они теперь видят себя обладателями других возможностей в будущем, еще больших приобретений. Слабость Циньде, вступившего в управление после Силицзы, не обещает расширения владений, и народ, потерпевший тогда еще от физических невзгод и победы китайца Лю-Шоу-гуан'а, сменяет Циньде и передает власть старшему сыну Силицзи Амбагяню, отличившемуся еще при жизни отца победами и завоеваниями мелких владений.

Познакомимся покороче с этой личностью.

Он родился в 872 г. в своем родовом Аймаке Де-ли от вышесказанного Си-ли-цзи (Шиле, Си-ре, Си-эр-чжи). В молодости показал он необыкновенную силу и стойкость с необузданною храбростью. Участвуя в походах отца, он завоевал народцы Шао-хуань и Шивей, поколения Юай-ву, Чизлеши и Тисачжу. По смерти отца и перехода власти к его младшему брату Циньде, Амбагянь получает разные должности в государстве: он сначала имел чин тамажуна, потом ачжусали, а при правлении своего дяди (Циньде) сделался и-ли-цзинь (эр-циму, эльчи, посланник) с правом полного распоряжения военными силами в государстве. Как нельзя лучше воспользовался он данной ему властью: походы его против Юй-гуай и Шивей (поколение) совершенно ослабляют последних, дают ему возможность присоединить покоренных к своим войскам. Но кроме этих побед над разными мелкими владениями он знаменит еще и своими дипломатическими переговорами, которыми привлекает Си-ского (Кумохи) владетеля Чжули на свою сторону, и в 905 году, в самый разгар междоусобиц в Китае, вспомоществуемый своими союзниками, открывает опустошительный поход к Хэдун и Хэбэй во главе 400 000 войска, берет 9 больших городов в этих местностях и забирает громадную добычу. Не один Китай испытал на себе всю опустошительность нового полководца: Нюйчжени в следующий за этим год (т. е. 906-й) также подвергаются опустошительному набегу Амбагяня и теряют 300 семейств, захваченных им в неволю. Назначенный пой-пое (канцлером) над Дела и Си, разделенными на 13 уездов, он в 907 году идет на Хечецзы-Шивеи, а по опустошении их территории возвращается к кит. границам и завязывает дело с войсками Лю-жень-гун'а, правителя Лу-лунья*, вскоре там остается победителем. Победы шли одна за другой: он забирает Шивейские поколения, все поколения Си си** (Куможи) и Нюйчжисцев, живших на северо-востоке, заключают союз с кит. правителем Ли Кеюн'ом, помогавшим Танской династии против бунтовщика Хуан Чао и за это получившим княж. достоинство с уделом Тай-юань-фу, против китайского же правителя Лю-жень-гуна, заславшего[?!] в Чжили. Вся эта энергия, многообещаемость Амбагяня уже показывают нам, что можно ожидать от него в дальнейших военных предприятиях. Его союз с Ли-Кэюном показывает нам, что он не только не мог подпасть в линию кит. политике, сделаться ее орудием, но даже сам не прочь оказать на нее влияние и явиться установителем того или др. претендента на трон в Хуаньде.

Посмотрим же теперь, что могло служить его возвышению? Где он мог найти поддержку в деле установления нов. порядка вещей, единодержавия, безграничной, наследственной по прямой линии монархической власти? «Амбагянь 9 лет (3 трехлетия) пробыл бессменно сеймовым правителем, несмотря на неудовольствие на-

---

* Лу-лунь – наз. провинция в Чжили.

** Но Кумохийцы (Сисийцы) управлялись по-прежнему сами. В основном только распоряжение военными силами находилось в руках киданей.

рода и старшин, и, наконец, вынуждаемый всеобщим негодованием, отказался от власти, но с условием на отделение его с особенным улусом (лучше быть 1-м в деревне, чем вторым в Риме). Старшины согласились на это, и Амбагянь получил управление над одним аймаком (вероятно, своим Деле саинь)».

В это время в Китае происходили неурядицы: китайцы толпами бежали с родной земли к киданям, между которыми уже и прежде селились их соотечественники. Эти новые пришельцы основывают города*, занимаются добыванием соли и железа в Таньчжоу. Отделившийся Амбагянь привлекает их на свою сторону, а они являются главными помощниками ему в деле получения верховной власти над народом. Дело в том, что беглецы, не имевшие на своей родной территории никакого значения, здесь, обласканные сильным владетельным лицом, очевидно, должны были подумать о большом значении для себя, особенно если их патрону удастся разрушить существующий порядок и водворить кит. монархизм: тогда эти нищие и голодные беглецы могут сделаться министрами, иметь значение, могли действовать против тех лиц, которые были причиной их удаления, т. е. окончательно направить киданьскую политику на ту дорогу, на которую она уже ощупью начинала выходить с появлением Амбагяня. Тут, конечно, встречается некоторое затруднение в объяснении их желания руководить киданьской политикой во вред Китаю, своей родной стране, но, если мы примем во внимание то обстоятельство, что эти лица могли принести всё в жертву своим личным целям, то это устраняется легко. А что другое могло иметь значение для не имеющих ничего и обреченных, бог знает, какой судьбе на новой родине? Посмотрите, что сделал один из этих беглецов-китайцев, некто Хань-янь-хой: построил города, поощрял земледелие, торговлю, учредил присут. места, распределил чины (кодекс чинов), изобрел Киданьское письмо, составленное из 3000 иероглифов, заменявших китайские, и пр.

Итак, могущественная Киданьская династия, первая владевшая китайской территорией без особенных правовых пожертвований, вызвана была на историко-политическую сцену тою же самой силой, за счет которой она возросла и которой была задавлена в период своего владычества за Великой стеной, в период развития китайской гражданственности и ее усыпляющей обстановки!

Я возвращаюсь к рассмотрению др. причин возвышения Амбагяня.

б) Как я уже говорил, отец Амбагяня – Силицзи – стал лить деньги и заниматься собиранием естеств. богатств, которые он оставил в наследство своему сыну, «и Амбагянь, воспользовавшись этими богатствами, мог свободно открыть императорские дела (ди-ши) (цз. 66). История ясно говорит, что эти богатства послужили ему как средства для найма войск, подкупа (где можно) и, следовательно, возвышения».

Кроме того, если принять во внимание родовую месть Амбагяня к цзайсянам (старшинам?) фамилии Яонянь за свою убитую мать, то его поступок с этими старшинами, их умерщвление, будет для нас понятным, и самый акт единодержавия тогда становится неизбежным. Впрочем, последнему я не придаю особого значения, так как это добыто только мной, а я могу легко ошибиться.

в) Не нужно прибавлять ко всему этому личную храбрость и честолюбие Амбагяня, его удачные походы еще во время молодости, слабость Китая, обуреваемого междоусобицами, удачные походы против него и пр.

г) Не могу пройти молчанием значение в этом возвышении Амбагяня его жены Чунь-цин (посм. Тульце, соб. имя Юе-ли-до**) из фамилии Шуру, которая, если верить легенде, была его советником касательно захвата старшин других аймаков. Но это только легенда. Мы увидим после, что она принимает самое горячее участие и во внутренних, и во внешних интересах новоутверждавшегося государства, оказывая на самого Амбагяня сильное влияние своими советами, клонившимися к разумному улаживанию дела более мирным путем, без захвата и насилия.

«Итак, продолжает история, Амбагянь, отделенный от др. родов, задумал, наконец, захватить власть над др. аймаками. Пригласив их старшин, перепоил их в палатке, а затем убил. Физическое прекращение власти других было поводом к принятию Амбагянем единодержавия. Но это единодержавие на этих же порах было у него и оспариваемо. Дело вот в чем. Второй сын Де-цзу (т. е. Силицзи), Люче (Лагу), сделанный Эрциму илицзинь невеликого аймака после его покорения, задумал возмущение в сообществе со своими младшими братьями Торке (3-й сын) и Аньту (5-й сын). Сначала замысел их был открыт; последовали допросы и пытки. Тай-цзу (т. е. Амбагянь) приказал им клясться (дать клятву) и простил, сказав Люге: "Ты совещался об этом деле, оно не пройдет. Радуйся, что ты дорог моему сердцу (как родственник)". Назначенный Эрциму Делхаского аймака Люч(г)е снова стал совещаться о бунте в сообщества с Торке и другим младшим братом. Тай-цзу узнал об этом и удалился в городок Чи-шунь-чень (Красноводск). Люче поносил его бесстыдными словами, сжег многие

---

* Главное кит. поселение Хань-чень «Кит. город» (лежало в Тай-чжоу у истоков р. Ло-аньхе, недалеко от гор Тань-шань, где добывалось железо. Из озера добывали соль, которую продавали во всех улусах, были способны к хлебопашеству.

** О ней будет дано подробное пояснение в статье «Введение, продолжающее обзор семьи Ляо».

местности (Шень-шу, Минь Вань-лоу). При реках Букжарло и Хе-р-цзи он сразился с посланными против него войсками, полчища его были разбиты и бежали к р. Ялихе, где Ний-гу (Мельгу) переимали и связали их. Сам Люче с его конницей бежал к Юйхе (р. Юй-хе – Яшмовая река) и там был схвачен Даху. Тай-цзу подумал: "Он имеет одинаковый дух с моим, не буду употреблять жестокость и только прикажу наказать палочными ударами (не жестокость!)". После эвакуации он простил его. В годы пр. Шень-це (2-й год, 918 г.) Лагу убежал на юг и в этом побеге был убит.

Справившись, таким образом, с внутр. врагами, усмирив и успокоив все, на что только он мог простирать власть, Амбагянь в 916 г. принимает императорский титул: Тянь-хуан Ван (Небесный великий Ван, г-рь)».

Я прошел бы молчанием это событие, если бы не казалось мне очень стоящим внимания то, не как принятие титула, а как власти, с которой очень много связывается любопытных вопросов. Я укажу только на некоторые.

Прежде всего, я поставлю вопрос: чтоже такое императорская власть (или титул) Амбагяня, что она пересоздала, чем отличалась от предшествовавшей под контролем народа? Мне кажется, что тут совершилось очень много, а именно:

1) народ окончательно был устранен от управления, п. ч. хотя в аймаки и поставляют Эрциму, введенные тогда же, но они совершенно зависели от императора, начальной функции всех дел в государстве;

2) мир чиновников-бюрократов, органов правительственной власти увеличивается;

3) всюду проводится принцип единства интересов для большего сплочения массы и след. ее силы;

4) является вассальная зависимость других*. Важно, что мы не видим при избирательном правлении, несмотря на силу народа, и при такой форме правления;

5) из-за этого (т. е. вассальной зависимости других) завязывается борьба с монархическим Китаем, который претендует не столько на принятие титула и власти, равной себе (т. е. китайскому императору), сколько на эту зависимость других государств, которые прежде зависели от него и след. доставляли ему возможность, кроме получения дани, иметь влияние и на их политику;

6) управление усложняется письменным производством (значки, однако же, не изгоняются) и вызывает изобретение нац. письменности, для чего прибегают к китайским иероглифам, приноровив их к выражению звуков Маньчжурской силабической речи и т. д.

«После принятия императорского титула Амбагянь принял, по обитаемой им земле, фамилию Ше-ли (Шерий), что у китайцев превратилось в Елюй (Елюйцы, Хень чжан, потомок; весьма вероятно тоже, что теперешнее монгольское слово *широй* – земля). Место своего жительства нов. император назвал Верхней столицей (Шаньцзинь, Линь-хуанфу), построил в ней башню (дворец), отчего она названа еще Зап. башней (Си-лоу), от Ючжоу находилась она в 3000 ли прямо на север. На Восток от нее была основана в 1000 ли Дунь-лоу (Восточный), на север в 300 ли – Северная (Бей лоу), а на юге, у горы Муешань** – Нань-лоу (Южная). Династия (г-во) получило название Ляо, по имени реки, впадающей в Бохайский залив. Достигнув единодержавия и приняв императорский титул, Амбагянь стал заниматься внутренним устройством новообразовавшегося государства. Заботливость его простиралась на все, что только мог знать и признать необходимым для установления, кроме заведения городов и оседлой жизни уже на более широкую ногу*** у Шара-Мурени (об этом в экономич. обзоре, тетрадь 3-я). Новый хуан-ди вводит строгую дисциплину в войске (уголовное наказание, что ниже), полагает начало сбору пошлин, не исключая для этого даже и войска, с которых, впрочем, он взимает в незначительном количестве; относительно земледелия делает разделение на ху и коу (семейства и души), утверждает ведомства, разделяет Даникский аймак на 2, чтобы они служили образцом для других в деле ведения землепахания, занимается обработкой руд, литьем металлов, обращает внимание на производство соли, железа в Манчжурии (Те-ли-фу изменил на Тели-чжоу-ни), для торговых целей строит пункты (рынки), городок Янь у горы Тань (Тань-шань), проводит дороги для удобства сообщения по всем делам, скотоводство**** находится в блестящем положении, увеличиваясь от захвата на войне. Одним словом, как основатель династии и гос. строя он выказал

---

* Сожалею, что мне не удалось представить в настоящем труде очерка вассальных государств династии Ляо, их взаимного положения. Впрочем, данными, которые имеются у меня под рукой, нельзя еще составить строгого понятия об этих отношениях, а вопрос этот, без сомнения, требует серьезной разработки, т. к. он объясняет нам очень много моментов в жизни Среднеазиатских народов, особенно в знаменитый век Чингисханидов.

** Гора Муешань лежала при впадении реки Лоха-Мурень, в группе гор.

*** Еще прежде него Суле, 3-й сын Юань-цзу (его дед), т. е. его дядя, стал руководить городки и приучал народ к земледелию, разведению тутовых деревьев (на север от Чжили?!).

**** Да, несколько это странно т. ч., хотя мы и видим, что кидане ведут городскую жизнь, но засилие скотоводства до самого момента падения Таньцзо (об этом подробнее в эк. обзоре).

необыкновенную энергию и заботливость, успев положить начало всему, что только было ему известно о Китае, что он считал нужным ввести. Не менее энергичной помощницей явилась его жена императрица Шуру, уйгурка по происхождению, и китаец Хань-янь-хуй (Хай-янь-хой) и Лувень-цзинь. Последний, впрочем, создал только высшую организацию: хаду городов по китайскому способу, разделение войска на корпуса и т. д.

Вообще при рассмотрении его внутренней деятельности мы можем вынести очень благоприятное впечатление: видим, что все это делалось живо, умно, (конечно, иногда не без недостатков), свежо, с ясным сознанием утвердить новый начавшийся строй, вести народ к славе и материальному обогащению.

Я продолжу рассказ о его деятельности. «Кит. этикет (или даже вековое правило, созданное Китаем) требовал просить какой-нибудь высший, императорский двор об утверждении в новом достоинстве. Амбагянь знал этот порядок и не забыл послать Гоюль Мейрень'я (имя его посланца) к Лянскому двору, сменившему Танскую династию, с просьбой (?) об утверждении в императорском достоинстве, но это была простая формальность, которую Лянский двор, как ожидавший от него помощи, поспешил исполнить, согласно воле просителя. Если бы он не утвердил его, то Амбагянь, конечно, не снял бы с себя ранг принятого достоинства (или звания), а стал бы по-прежнему величать себя Хуан-ди'ем. Кроме того, в нем замечается двуличность в политике: он солидарничает с Ли Кэюном и враждебным ему Лянским двором, тогда царствовавшим в Китае, но, занятый внутренними делами, он приостановил на время военные действия. Когда же Ли-цунь-сюй*, сын Люкэюна, начал неприятные действия против Лянской династии, Амбагянь, воспользовавшись этим, посылает, по совету Лувань-цзина, войска в Шаньси и Чжили, где они осадили Пекин (10 чжоу), и хотя город оказал сопротивление, кидане захватили множество пленных, которых привязали веревкой к палке за голову. Это событие относится к 917 г. (т. е. 2-1 год после принятия императ. титула). 4 года прошли спокойно для Китая, но в 922 г. Амбагянь снова вторгся в Китай, где встретил неудачу и стал искать союза с Ли-цуй-сюем, который, по завоевании Лянских земель, основывает нов. династию: Хоу-тан («задняя Танская, последующую»). Не получив тут успеха, неутомимый полководец устремляется на Бохай, где берет столицу этого государства Фу-юй**, с помощью сына Бей'я (Ду-юй'я) захватывает новую значительную крепость Ху-хань (Ху-хань-чэнь) (Чжун-цзинь Бохайского государства с 742–758 гг.) и почти в один удар покоряет себе целую территорию. Правителем он поставляет своего старшего сына Ту'юй'я (Бей'я) с титулом дунь-дань-го-Ван***. На возвратном пути из похода он умер (927 г.). Знаменитая жена его, императрица Чунь-цинь, возвратилась с его трупом в Си-лоу (Зап. Башню) и, приняв опеку над своим сыном О-ку-чжи, провозглашает его императором под именем Тай-цзуна (титул в храме предков в 927–947 гг.), соб. имя коего Окучжи (изменил по-китайски в Де-гуан). Почему же она устранила своего старшего сына Ду-юй'я? Дело в том, что еще при жизни Тай-цзуна однажды затеяли разговор о наследнике престола, и Тай-цзу при этом заявил, что если передать престол Окучжи, то он непременно возвысит дом династии**** (цз. 71 «Императрица Шуру»). Посему на семейном совете и было положено: просить Дуюй'я избегать ссоры с братом и не претендовать на кандидатуру престола. Всем делом должна была заведовать Шуру, которая, как известно, отличалась сильным влиянием на дела. Она передала эту волю мужа Ду-юй'ю, и тот после смерти отца удалился в уединенный уголок в Ючжуской провинции, к морю, где стал заниматься охотой, живописью, музыкой, литературой (во всем этом он был замеч. знаток, единств. в династии*****). Хоу-Танский двор, зорко следивший за событиями у северного соседа, думал воспользоваться этой размолвкой, поехал звать Дуюй'я к своему двору. Посланцы нашли его охотившимся у берега моря. Они высказали ему мнение кит. императора (Минь-цзуна с 927–933 гг.), и Бей в торжественном шествии направился к столице китайского императора. Но Минь-цзун, очевидно, не успел поссорить Бей'я со св. братом, властвовавшим под руководством своей влиятельной матери. Бей, кажется, слушался советов Чунь-цинь больше, чем Минь-цзуна (хотя об этом история ничего не говорит, но это ясно из хода китайской политики). Здесь он жил, ласкаемый двором, который ему представил даже управление некоторыми отраслями, до самой своей смерти, последовавшей в 937 г. от руки убийцы, посланного Цзунке, который, вслед за сим, сжег и себя. Эта размолвка со старшим в роде и по-настоящему долженствовавшим вступить на пре-

* Как выше видим, Ли го чань, Ликэюн и Ли-цюй-суй, следовавшие друг за другом, владели уделом Тай-юань-фу в Сильси (шень-си).

** Фуюй – после Хуань-лун-фу (см. на карту).

*** Запись слога *дань* напоминает такой же слог в слове Ци-дань.

**** Кажется, потому сам Амбагянь думал о Окучжи, что этот отличался заметными военными способностями и еще при жизни отца был назначен да-сюань-ши (главнокомандующим), между тем как Бей был, скорее, ученый, литератор и художник.

***** Со своим литер. богатствами Бей был похоронен в горах И-у-люй, на границе Монголии с Манчжурией. Его исследования по медицине (инь и янь?) обращали на себя внимание Ученых Китая (см. ц. 72).

стол, как видим, не повлекла за собой печальных междоусобиц, а все благодаря деятельности и влиянию императрицы Шуру (о ее характере ниже).

Чтоже между тем предпринимает новый Хуанди? «Первые его натиски на Китай кончились неудачей, и многие полководцы были убиты, вследствие чего воинственный Тай-цзун (с 927–947!=20) уже готов был отказаться от новых покушений на Китай и, таким образом, не оправдал ту репутацию, какую он составил себе в глазах отца как отличный воин. Но обстоятельства вдруг изменились: по смерти Минь-цзуна на китайский престол вступил Цзун-Хоу, брат которого Цзунке взбунтовался против него и согнал с престола в 934 г. Тогда Ши Цзинь-тан, китайский полководец, стоявший с корпусом в Тай-юань-фу на стороне против киданей, боясь за свою участь, отделился от двора и пригласил на помощь киданьского Тай-цзуна. Этот как нельзя лучше воспользовался предложением и, проникнув через знаменитый Янь-мынь-гуань (проход Я-мынь в Великой стене в пр. Ланьси), соединился с войсками Ши Цзинь-тана и разбил Хоутанские войска у Тай-юань'я (фу). Он провозгласил Ши Цзинь-тана кит. императором нов. династии Цзинь, за что последний признал его «своим отцом» (т. е. себя сыном, посланным, вассалом). Ши Цзинь-тан взял Ло-ян, столицу Хоу Тан, где Цзунке сжег себя. Прежде этого кидане отняли у Китая 2 провинции: Нинь-чжоу и Инь-чжоу (Инь-чжоу – Мо-чень, Холунь, теперь Гуобань Субурга хо – город 3-х Субурганов, а Нинь-чжоу по соседству с ней), лежавшие в Монголии и около ее нынешних границ с Китаем. За услугу, оказанную Ши Цзинь-тану, киданьский г-рь, кроме вышесказанной зависимости (отношение как сына к отцу), получил от своего сына еще 16 округов (Чжоу) внутри Великой стены, лежавшей в губ. (теперешних Чжили и Сань-си; у Иакинфа – в Чжили и Саньси, у других – в Чжили и Шань-си, Шень-си), которые были следующими: 1) Ю-Чжоу (Пекинский), 2) Цзи-чжоу, 3) Мо-чжоу, 4) Инчжоу, 5) Чжо-чжоу, 6) Тань-чжоу, 7) Шунь-чжоу, 8) Синь-чжоу, 9) Вей-чжоу, 10) Жу-чжоу, 11) У-чжоу, 12) Юньчжоу, 13) Шо-чжоу, 14) Ху-ань-чжоу, 15) Инь-чжоу, 16) Юй-чжоу. Ючжоуский округ тотчас был обращен в столицу Янь-цзинь (Нань-Цзинь), значение которой он удерживает до сих пор.

С этого момента начались самые широкие сношения с Китаем: Ши Цзинь-тан присылает к Киданьскому двору Пень-дао и Лю-сюй'я для организования разных императорских принадлежностей (го-у*): колесниц, носилок, платья; введения церемоний, установления прис. мест (по кит. Образцу), где, однакож, киданьский Тай-цзун не допускал первенствовать кит. образцу (элементу), а главных вельмож, президентов назначал из киданей, помощников им – из китайцев. С этого момента мы должны считать начало раз-я кит. элемента при дворе Ляо, конечные результаты мы увидим на последних страницах династии: кит. элемент ужился при этом дворе, вытеснив почти все национальные, и, превратив сильные когда-то народы в беспечных обитателей Срединного государства, убив в нем воинственный дух, привел к тому печальному концу, который мы увидим на последних страницах его истории, в борьбе со свежими народами Северо-Восточной Маньчжурии, кончившейся окончательным падением политического существования государства (династии) и порабощением народа игу новых завоевателей.

Деятельность Де-гуана на сцене внутреннего устройства государства, достигшего при нем апогея своего территориального притяжения, заключалась в развитии тех зачатков, которые были положены его отцом. Новый государь, под руководством своей матери, заботился о земледелии, для успешного ведения которого он делал переселения из неудобных местностей в более плодородные, раздал земли рек Цзяли и Лу-цзюй (Керулен). Некоторым ведомствам Северного и Южного департамента для обрабатывания назначал из казны вспомоществование для земледельцев волами и семенами для посева, запрещал строгими указами военным чиновникам производить охоту на полях, т. к. это оказывалось вредно для земледелия. 3 восточных области, разрушенные войной, приказал снабдить необходимыми принадлежностями для обработки полей; относительно податей и пошлин (фу-шуй), установил подать ху-динь (тягловую), что было нововведением; в виду успешного ведения торговли был основан рынок в северной части новой столицы (Пекина), для надсмотра за которым был приставлен особый чиновник; товары других столиц стягивались сюда сухим путем. Для той же цели основал рынок в Дунь-нинь-цзюй-чень'е (в Маньчжурии), разделенный на две половины: северную и южную, к которым подходили товары с тех же сторон. Один рынок назывался Юй-чжунь-цзяо-и-ши (для товаров, шедших с южной стороны). Вообще торговые операции при нем усложнились, и г-во (или двор Ляо) явилось складочным местом многих товаров, шедших с севера, северо-запада, востока и юго-востока (Нюйчженей, Гао-ли, И-цзи, Тели, Мохе и пр.) Производство соли поднялось на высшую точку с приобретением морского побережья с междуречьем (хе-цзянь), для чего основали гвё-янь-юань («соленый департамент») в уезде Сянь-хе (Я Сянь-хе-сянь, «Пахучей речки»), и Пекинская территория явилась важным торговым пунктом в этом отношении с Севером. В Маньчжурских городах (Бохайских): Чжень-чен, Хай-янь, Янь-хо-чень (в Фан-чжоу), Гуань-цзи-ху

* Обо всем этом ниже.

(озере) шло производство соли в обширных размерах. В литье металлов (гу-чжу) поставлены 5 правителей (е-Тай-ши), которые заведовали производством и литьем рудных материалов во всех частях империи; на них же лежала обязанность и распространять отчеканенные деньги. Кроме того, Ши Цзинь-тан позволил киданям собирать богатства (медь) по его границам, что также увеличивало материальные силы государства. На получаемом таким образом богатстве содержались отборные войска. Скотоводство было на такой же высокой степени, как и при Тай-цзу. Касательно сферы законодательства, при нем была введена китайская администрация в Бохае, прочее взято у киданей, т. е. из постановлений Тай-цзу, а именно: Чжунь-юань (колокольный департамент), куда народ приносил свои жалобы на чиновников и пр. В войске держалась та же дисциплинарная система, что и при Тай-цзу*.

Обратимся теперь к его дальнейшей деятельности на политической сцене. В 943 г. Ши Цзинь-тан умер, оставив престол своему воспитаннику (по другим – сыну) Ши-чень-гуй'ю (Чу-гу). Этот последний не захотел** быть в таких же отношениях к киданьскому императору, как его предшественников, т. е. на правах вассала, подданного, и отказался платить договоренную дань. Это дало повод к войне с Ляо. В 944 г. кидане бросились в пределы Китая, война продолжалась с равным с обеих сторон упорством, и кидане везде находили сильное сопротивление. Но в 945 г. китайские войска, неизвестно почему, отступили на Юг и через это лишились многих выгод. Несмотря на это, около Хе-цзянь-фу (см. на карту) они одержали над киданьскими войсками, под начальством самого Тай-цзуна, блистательную победу, заставив его бежать к Пекину. В 946 г. Тай-цзун снова открывает военные действия против Северного Китая. Китайская армия, под предводительством Ду-чжунь-вей'я, переходит на его сторону. Тай-цзун, подбирая передающихся и сопротивляющихся, идет на тогдашнюю столицу Китая Да-лянь. Китайский император с матерью вышел ему навстречу из города, а с наступлением 947 г. цзиньские граждане отворили ему ворота своей столицы, и Де-гуан торжественно вступил в столицу, вошел в цзинский дворец, низвел императора, которого он отправил в Хуан-лунь-фу***, а сам расположился царствовать, как настоящий китайский Хуаньди. Дворец его оберегался киданями, сам он сначала принимал чинов в национальной (т. е. киданьской) одежде, но потом перешел на китайскую. Однако же прочая обстановка – монгольские лошади, сиские телеги и пр. – остались при дворце нового императора, который, как видно, имел намерение навсегда остаться на этом месте и послал своих чиновников-старшин для управления провинциями. Новые властители оказали страсть к грабежу, и против них составляются сильные оппозиции под начальством Лю Чжи-юань'я, основавшегося в Тай-юань'е. В других местах также начались волнения, и кидане были избиты. Наступление летних жаров принудило Д-гуана идти обратно на север; в новой столице правителем (наместником) был оставлен племянник его матери Або, которому китайцы дали фамилию Сяо-хань, отчего все родственники династии Ляо с женской стороны с этих пор носили одну фамилию Сяо****. Возвращающийся на север, Тай-цзун умер (947 г.). Восставший против киданей Лю-чжи-юань, между тем, завладевает частью Китая и основывает династию Хань, почему Сяо Хань должен был удалиться в Монголию. Оставшаяся в это время в орде жена Амбагяня, воспитанная на началах старого порядка престолонаследия, хотела ввести на престол своего младшего сына Ли-ху; но сын Бейя, умершего в Китае, У-юнь (У-юй)***** явился претендентом на кандидатуру наследника престола и в сражении с войсками императрицы под начальством Ли-ху разбил их наголову (по другим Луху сдался, но это несправедливо). Шуру собрала другое ополчение и встретила неприятеля у берегов р. Хуанхе (Желтой, Шара-Мурени). Бывший при ней Елюй У-чжень (родст. Тай-цзу) советовал императрице уступить, говоря: «Верховный император (т. е. Уюнь) уже провозглашен, надо согласиться». Луху, стоявший в стороне, начал смеяться и сказал: «Я – Уюнь и хочу получить трон!» На это Учжень сказал ему: «Князья свирепы и заносчивы, почему всегда теряют привязанность массы (жень-ань, чел. сердце), можно ли так поступать?» Знаменитая Шуру, видевшая, что все кончено, с гордостью посмотрела на своего сына (Луху) и сказала: «Я с Тай-цзу любила тебя предпочтительно перед всеми сыновьями и пословица говорит: "Милый сын без дела – не хозяин в доме". Я вовсе не делаю так, чтобы не доставить тебе престол (т. е. я с радостью готова), да сам-то ты не можешь достигнуть». Войска поворотили обратно, и торжествующий Уюнь занял престол. Императрица, все еще надеявшаяся достигнуть своей цели, вместе с Луху и некоторыми из своих прибли-

* Обо всем этом я даю подроб. пояснен. в спец. обзоре «о эк. силах» и «законодательстве» у киданей, т. 2 и 3.

** У Чу-гу, новый китайский император, был Сань-Вей-хань, который советовал ему ладить с киданями, но он не послушался его советов и в присланном уведомлении о смерти Ши Цзинь-тана, назвал себя внуком, а не подданным (сыном).

*** Хуан-лун-фу – Фуй-юй в Маньчжурии, теперь известны развалины этого города.

**** Об этом также будет подробнее ниже: в статье «Роль и положение женщин», тетр. 4.

***** У-юнь жил при китайском дворе после смерти отца вместе с другими братьями, которых у него было 4: Луньке, Шу, Лунь-сянь и Дао-шей. Из них Лунь-ке и Дао-ши после играли немаловажную роль (при Цзинь-цзуне), и соуправляли с г-рем. Подробнее я повторю об этом в другом месте.

женных удалилась в Цзу-чжоу*, в пределы Верхней столицы. Есть мелкое известие, что и в этом удалении она заботилась о доме, о том, что было для нее дороже всего на свете, т. е. провести тот принцип в престолонаследии, который был в ее времена и с которым она сжилась, т. е. разрушить существующий порядок, прогнать своего внука с престола и возвести на него Луху. Но, как видно, замыслы ее остались на степени иллюзии, и старая идея не нашла себе сочувствия в окружающем. Это тем более странно встречать со стороны этой действительно редкой женщины, что в др. случаях (ниже) она превзошла даже самого Тай-цзу, не отличавшегося, как известно, слишком гуманистическими приемами. Была ли заключена она или нет, – во всяком случае с восшествием Ши-цзуна она потеряла всякое политическое значение и, пережив своего внука-врага, умерла на 75-м году от рождения, в 3-й год Ши-ли (т. е. Му-цзуна, 954 г.).

Я остановлюсь несколько на сейчас высказанном о несообразности со стороны императрицы проводить и узаконить старый принцип о престолонаследии, т. е. от брата к брату, к старшему в роде, а не от отца к сыну. Эту приверженность к старому порядку вещей в передаче престола со стороны императрицы я считаю потому несообразностью, недостатком, что историч. доказано вековою жизнью всех народов превосходство нового порядка в престолонаследии по прямой линии, от отца к сыну, над тем, который мы встречаем так часто в Средней Азии (да и в других странах), т. е. от брата к брату, не по прямой линии, что необходимо влекло за собой разделение власти, неурядицы, протест племянника и след. ослабление самой верховной власти. Тут играет важную роль то обстоятельство, что наследник-сын никогда или редко поднимал руку на отца, на свержение с престола, ранее его смерти, между тем как наследник-брат скорее решится на это, что доказывает нам история всех Среднеазиатских государств, которые держались такого порядка престолонаследия, отчего и самое значение их было кратковременно. Знаменитая кид. императрица, видимо, держалась этой старой идеи, не сознавая всей несостоятельности ее, но, как я уже сказал, проводимый ею принцип не нашел себе сочувствия в императорской семье, и последующие г-ри окончательно восторжествовали (с Цзинь-цзуна), проводя до конца существования династии новый порядок в престолонаследии, без перерыва и особенного протеста со стороны приверженцев старины (если исключить бунт Чжун Юань'я при Дао-цзуне). Надо заметить, что эта идея всецело принадлежит соседнему г-ву, Китаю, где она пользуется значением почти с самого утверждения монархической, единодержавной (после уничтожения удельной системы) власти, конечно, не без исключения.

Обратимся теперь к рассмотрению деятельности нововступившего императора Ши-цзуна (947–951=4). По вступлении на престол, он тотчас открывает поход против Китая, но войска его терпят поражение от китайских полководцев.

В 951 г. один из китайских генералов тогдашней династии Хань, основанной Лю-чжи-юань'ем, некто Говей взбунтовался против двора и умертвил преемника основателя династии Инь-ди (949–951), основал новую династию Чжоу. Родственник убитого Лю-Чунь также принял титул императора и обратился с просьбой о помощи к нему, но в это время вспыхнул бунт, коноводом которого явился Елюй Чагэ (по-другому Шуя), и Ши-цзун был убит вместе со своею матерью (Тай-хоу, женою Бей'я). Царствовавшая императрица, жена Ши-цзуна, Сяо Хуай-цзе, мало, впрочем, вмешивавшаяся в управление, в носилках лично явилась к бунтовщику и просила его прекратить неистовство. При похоронах она просила похоронить себя вместе с мужем и радостно встретила смерть (минь-жи-юй-хай) (о ней подробнее в статье «Роль и положение женщин в императорской семье и династии Ляо», т. 4). Та же печальная участь постигла и вторую жену (фей) Ши-цзуна из ф. Чжень.

Из его постановлений касательно внутреннего управления замечательно: изменение постановлений св. бабки (подобно Павлу I, отменившему постановление Екатерины II) касательно закона конфискации (мо-чжи-фа), при котором, по постановлению императрицы, должно было делать донесение дворцовому казначею (чжаньлан-цзюнь'ю), а теперь это было отменено касательно высших слоев общества (наследственных) и оставлено только для простых граждан (об этом подробнее в ст. «О законодательстве»). Во всем остальном он следовал постановлениям Тай-цзу и Тай-цзуна.

После смерти Ши-цзуна некоторые князья бежали с Елюем Шуру, сыном Тай-цзуна, в горы и, провозгласив его императором, напали на Чагэ и, умертвив его, возвели на престол Шуру, известного под именем Му-цзуна (титул в храме предков с 951–968). 17-летнее его царствование замечательно особенно важным обстоятельством: потерею киданями части тех земель, которые были им уступлены Ши Цзинь-таном. Тотчас по вступлении на престол новый император, следуя общекиданьской политике, поддерживает междоусобицы в Китае, отправляет 50 000 армию на помощь вышесказанному Лю-чуну, обращавшемуся за помощью еще к Ши-цзуну. Но эта армия не имела успеха, и Го-вэй с успехом отражает нападение киданей. Преемник его – Ши-цзун

* В Цзу-чжоу было кладбище Амбагяня и на субургане с надписями об истории Ляо ничего не говорилось. Была же она заключена в г. Пума (пр. Муе), и поэтому, мне кажется, что в рассказе об этой борьбе несколько противоречий (об этом см. цз. 72 «Ляоши») «Цзунь-ши»!= Луху (Чжань Су–уанди).

(с 954–959), усиливши свои владения присоединением многих, до сего времени независимых уделов, выступает против киданей (в 959 г.) и отнимает у них 3 области (пограничные): Ин-чжоу, И-чжоу, Мо-чжоу. Видя, что ему так повезло в борьбе с сильным северным соседом, Чжоуский Ши-цзун выступает в поход против Южной киданьской столицы Пекина. По дороге он заболел и повернул назад. Вступивший после него Гунь-ди, благодаря возмущению своих войск, посланных против Бей-Хань (Северной Хань в Северном Китае) под начальством Чжао-Куань-инь'я в звании генерал-адьютанта (дань-цянь-ду-цзянь-дянь), должен был передать престол последнему, который и есть основатель знаменитой Сунской династии (Чжао-Куань-инь). Столкновений с киданями не было, и Му-цзун мог свободно предаваться своим оргиям и охотой за зверем. И в самом деле, этот г-рь представляет собой образец Восточных деспотов-сластолюбцев: он страшно привязался к охоте, разведению оленей и ночным пиршествам, совершенно оставив управление государственными делами. Его законодательная деятельность (будет ниже) не имела ничего разумно-справедливого, клонившегося к пресечению зла для блага народа, и была, скорее, личною прихотью самого законодателя, безумною страстью к крови, которая всегда является результатом дурного воспитания и развращенной среды. Впрочем, мать его, императрица Цинань, была женщина мудрая (цунь-хуй), как говорит положительный голос истории, и любила только внешний блеск: наряды и охоту. След., она могла оказать на него только доброе влияние. Жена императора (имя неизвестно) отличалась также мягкостью и снисходительностью характера и, совершенно не вмешиваясь в управление, вела скучную жизнь: видимо, она не могла оказать вредное влияние на характер мужа, так что мы должны искать причину его страшных безумных поступков в тех лицах, которые были при восшествии его на престол и которым он под конец передал все управление государством. Его крайняя небрежность относительно нужд народа лучше всего высказывается в уничтожении им Чжун-юаня (колокольного центрального Департамента), основанного еще при Тай-цзу, что, конечно, имело своим основанием то обстоятельство, что Му-цзун, предавшийся своим личным интересам, не хотел и слушать о каких-либо жалобах на чиновников и управление со стороны общества, потому что, как я уже объяснял, в этот институт народ приносил свои жалобы на несправедливость правителей-чиновников, и, значит, он, с одной стороны, напоминает собой колотушку и барабан императора Яо (2357–2255), а с другой, наши прокурорские суды и т. д. Некоторое внимание к земледелию, высказывавшееся в обласкании Юнь-чжоуских земледельцев, представивших ко двору отличный сорт ржи, еще искупает мрачную эпоху этого царствования.

Однажды, убив медведя, император пил всю ночь и к рассвету был убит своими слугами (су-жень), которым уже надоели его безумства. После него на трон Хуан-ди вступил сын Ши-цзуна Цзинь-цзун (968–983).

Царствование Цзинь-цзуна

Он заключил дружественный трактат с Сунским двором (975 г.), но в сие время Китай, после долговременного раздробления, снова крепко сплотился под владычество династии Сун. Посему китайский (Сунский) Тай-цзун (с 976 г.) (имя его Чжао-гуань-и), желая окончательно объединить Китай, начал войну с незначительным владением в Северном Китае, Бей-Хань. Киданьский двор поддерживал эти владения, и посему в 979 г. послал свою армию под предводительством князя (Вана) Елюй Ша против Сунских войск. Неудачный маневр со стороны киданьского войскового надзирателя (ду-цзянь-дянь) Сяо Дали едва не погубил всю армию, но подоспевший корпус под начальством Елюй Сечжэнь'я спас его от совершенного поражения. Пользуясь сей победой, Тай-цзун окружает Тай-юань-фу, где восстал Лю-цзи-юань; владетель Бей-Хань Лю-цзи-юань должен был сдаться на капитуляцию, а Тай-цзун (с 977–997), одобренный таким поворотом дела, отправляется на Пекин, делая попытку отнять его от Киданей. Стоявший лагерем по Северную сторону Елюй Сили завязал битву с подступившими Китайскими войсками, но был обращен в бегство. Тай-цзун обложил Пекин (Ю-чжоу). Корпус Елюй'я Ша, стоявший по западную сторону столицы, также вступил с императором в сраженье, но также был разбит и уже готов был удалиться, как Елюйцы Сюгэ и Сечжэнь, предводительствуя своими войсками, подоспели на место военных действий и в упорном сражении с императорскими войсками (китайскими) обратили их в бегство. Киданьский двор, оскорбленный таким натиском со стороны Китая, в том же (979) году отправил туда сильную армию под начальством Хань-Куан-се и, таким образом, сами перешли к наступлению. Китайский полководец, видя превосходство неприятельских сил, предложил Хань-Куань-се, что он сдается, но это был только военный маневр с его стороны, и поэтому, несмотря на совет Елюй-Сюгэ, бывшего также при войске при приеме армии, стоять в боевом порядке, Хань-Куан-се, пренебрегший этим советом, был совершенно разбит китайскими войсками. В 980 г. 100 000 конная армия киданей отправилась в Янь-мынь, но знаменитый китайский полководец Ян-Е с несколькими стами конницы разбил ее наголову. Такие чудеса храбрости со стороны Китая, его наступательное движение, привело киданьский двор в страшное смущение. Но Цзинь-цзун, имевший таких замечательных полководцев, как Елюй Сюгэ и Сечжэнь (их родовая нить будет показана ниже),

не прекращал военных действий и в тоже время сам лично начал осаду и блокаду китайской крепости Ва-цаогуань*, а Елюй Сюгэ с отборными войсками, переправившись через речку И-шуй, разбил шедшие сюда войска. Тай-цзун, между тем, снова хочет открыть наступление и отправляется к армии в Да-линь-фу (в Чжили) Елюй Сюге и разбивает его. Киданьский г-рь поворотил назад и в 982 г. (или 983), во время путешествия в Да-тун-фу (Зап. столицу), скончался, оставив наследников – сына Вень-шунь'я и регентшей, за его малолетством, императрицу – жену Жуй-чжи (соб. имя Янь-янь). Несмотря на тревожность этого царствования, мы встречаем в нем много постановлений касательно внутр. управления, отличающихся разумностью и направленных на благо народа. Земледельческие силы г-ва в это время находились в цветущем состоянии, что ясно доказывает заем хлеба, сделанный Сунским двором в количестве 200 000 ху (2 мил. доу). Разработка руд, литье новых денег - все показывает, что правительство Цзинь-цзуна, избравшее своей советницей такую императрицу, каковой была Жуй-чжи, несмотря на обширность военных операций с Китаем не забывало внутр. управления. Его законод. деятельность также представляет нам очень светлую черту возобновлением Центрального (чжухо, колокольного) департамента, уничтоженного Му-цзуном. Мягкость в применении уголовных наказаний, доходившая даже до слабости, лучше всего гов. нам, что влияние женщины в эту эпоху стояло в апогее. Эта женщина – жена императора, императрица (Хули хой) Жуй–чжи, которая оставалась преемницей (регентшей ше-чжень) престола, воспитала замечательного г-ря династии Шэнь-цзуна (Вень динь'я Ю Лунь-сюй)**, явившегося продолжателем политики отца относительно соседних государств и самым лучшим государем династии на поприще государственного управления.

Перейдем к обзору его царствования (с 983–1031). После смерти Цзинь-цзуна императрица Жуй-чжи приняла управление государством как регентша (же-чжень). Но боязнь пасть при смутных обстоятельствах, окружавших тогда трон, грозные натиски со стороны Сунского Тай-цзуна, недружелюбное настроение северных границ, т. е. Бохайских и Маньчжуров, выказывавших это недружелюбие благодаря той же политике посылавшего к ним большие подарки, чтобы привлечь их на свою сторону для совместного действия против киданей, малолетство сына, слабость рода императрицы – все это вызвало у нее следующие знаменательные слова, имевшие не менее знаменательные результаты: «Я теперь сирота (му-гуа-цзы), – говорила она со слезами на глазах окружающим, – род мой слаб, границы оказывают сопротивление и находятся во враждебных замыслах... Что делать?». Игравший при Цзинь-цзуне весьма видную роль как замечательный полководец Елюй Се-чжень представил на суд чинов сказанные слова императрицы и просил у них совета: как действовать при данных обстоятельствах. Чиновники, посоветовавшись, решили так: «Власть, относительно внутреннего управления, представить императрице и Се-чжень'ю, а заведование военными делами и дальнейшую борьбу с Китаем (с южными границами) – Елюй Сюгэ, в звании юй-юе (канцлера)». Такой был приговор совета чинов, и так, в тоже время, хорошо сошло это с рук для единодержавия киданьских государей, потому что можно было опасаться, что следствием такого разделения монархической власти могли быть внутренние неурядицы и интриги вельмож, которые по этому случаю могли рассчитывать на больший захват власти и даже престола. Этот, без сомнения, важный фактор у трона киданьских Хуанди, явившийся следствием заявлений Жуй-чжи о ее слабости справиться с обстоятельствами, должен, по необходимости, лечь на нее как профанация, забывчивость, которая могла повести за собой такие результаты, если бы во главе управления не стояли такие честные деятели, каковы Елюй Сечжень и Сюге. Это, по-моему, единственное пятно в деянии знаменитой женщины, которое, однако же, исходило из чистого источника заботы о благе народа. Я перейду к обзору политических деяний этого царствования.

В 986-м г. китайский император (Тай-цзун), по настоянию некоторых из своих чинов, решил обратно взять у киданей свои северные земли и выставил 2 армии, из которых одна пошла к Пекину, а другая – к Западной Киданьской столице, Да-тун-фу. Первые действия на Запада были счастливы для китайского оружия. На Востоке киданьская армия, предводимая Елюем Сюге, искусно удерживала Пекин за собой и не давала перевеса китайской армии в сражении на берегах Ша-хе (см. на карте г. Чжили). У Чжи-гоу («Прямой канавы») Сунский полководец Цао Бинь-ши был разбит Сюгэ. В тоже время и войска в Шаньси потерпели поражение. Окончательный перевес киданьского оружия в этот год высказался только тогда, когда Шэнь-цзун вместе со своей матерью и Елюем Сюгэ во главе многочисленной армии вступил в пределы Китая: китайские генералы должны были отступить к югу для защиты столицы. В 1000 (999) году (на другой год после вступления Сунского Чжэнь-цзуна (998–1023)) Киданьский император с огромными силами снова вторгся в Китай и произвел опустошение. Но Чжэнь-цзун сам выступил против него, а на другой год китайский полководец Фань-Тин-чжао

---

* Ва-цяо-гуань – наз. крепости, лежавшей в 120 ли от города Бао-динь-фу к сев.-вос. при р. И-шуй.

** Ее деятельность, влияние на дела государства – ниже.

нанес им поражение у Мо-чжоу (отнятой у киданей Чжоуским Ши-цзуном). В следующий год нападение киданей также было отбито, но в 1003 и 1004 гг. они повторили св. вторжения и в последний год с таким натиском, что некоторые министры Чжэнь-цзуна (Ван Цинь-жо и пр.) советовали удалиться из столицы в Цзинь-лин, Чэнь-Яо-соу в город Сы-чуань (пров.) Чень-ду-фу; но китайский император не последовал этому совету, а благодаря просьбе своего сильного министра Коу-чжун, сам принял начальство над войсками и прибыл в Шань-чжоу, где сосредоточивает все армии. Когда он переправился через Хуанхе, то войска, завидевши издали императ. зонт, пришли в восторг, радостные крики раздались на пространстве в несколько ли и достигли кид. армии, посему последняя потеряла бодрость и приступила к заключению мирного трактата. Впрочем, известие более чем сомнительно и есть плод кит. фантазии и хвастовства: скорее, можно думать, что китайский император сам приступил к переговорам (как это мы встречаем у Иакинфа), а кидане приняли его предложение о прибавке 100 т. лан серебра и 200 т. кусков ткани к ежегодной дани, так как они ясно видели, что если им удастся брать перевес в борьбе с неустающим соседом, то завоевание земель, которые они грабили, не так-то вечно. С этого времени мир не нарушался до самой смерти Лунь-сюй'я (Шэнь-цзуна, 1031 г.) и кит. Чжэнь-цзуна (1023 г.), дав широкий простор соблюдениям любезностей и присылке подарков с той и другой стороны. Китайский двор, однако ж, дозволил себе считаться равным с киданьским. Неприятные столкновения северо-западного государства с Ганчжоускими уйгурами начались из-за того, что последние возмутились против св. князя (Вана) И-лу-ле, которого поддерживал киданьский двор, считавший этих уйгуров вассальным государством (шу-го). В 12 луне 26-го года Тунь-хао (1009 г.) некто Сяо То-юань, инспектор северо-западной дороги, донес, что он, по случаю сказанного возмущения уйгуров, усмирил их и возвратился. Но дело этим не кончилось. В 28-й г. тех же годов правления (1011 г.) он снова доносит, что необходимо открыть военные действия против них, так как оказывается сопротивление. Указом императора он был отправлен туда с значит. силами и сделал нападение на Сучжоу (Уйгурский тогда городок), взял шень-коу (проходы), потому императорским указом ему и дан был титул (его, укрепление) «побеждающий проходы». А на следующий год он уже был назначен цзедуши Чжуньбуского* аймака.

В 6-й г. Тай-пин (1026 г.) по неизвестным причинам снова было приказано двинуться против тех же Тайджоуских уйгуров инспектору северо-западной дороги Сяо Хуй-ло, но в 8-й луне того же года он донес, что возвратился из похода, так как не смог ничего сделать с неприятелем. Эта неудача киданьской армии вызвала бунт в Чжуньбу (Цзубу), видимо, принявший сильные размеры, т. к. первые усмирители их – Ни-легу и Эбуле – не имели успеха. Елюй Хунь-Гуань, сменивший их, успел подавить мятежников, которые, однако, снова взбунтовались, но были усмирены Сяо Хуй-ло. Одновременно с военными операциями против Т.-чжоуских уйгуров кид. ввор вынужден был вести войну с Гаоли**. Война длилась в продолжение 10 лет с переменным успехом (1010–1020). В 5-й год Кай-тай (1017 г.) Елюй Шилань и Сяо Шань-нин-дунь («успокаивающий восток») одержали над ними блистательную победу, а в 9-й г. того же цар. был уже заключен с ними мир.

В предпоследний год царствования Шэнь-цзуна в 9-й год Тай-нин (1029 г.) вспыхнул бунт в Восточной столице (Дунь Цзинь, Ляо-янь'е), руководимый синь-ем Да-янь-лином (Да-лянь, по другим) и вызванный, насколько это удалось узнать, отменой жителям привилегий в деле торговли и платеже пошлин. Значит, это был чисто социальный взрыв, вызванный экономическими нуждами народа Ляо и не имеющий ничего политического. Для усмирения, однако, должны были двинуть войска, и неудовольствие погасло.

Но не смотря на такое обилие фактов из военно-политической жизни государства в это царствование, мы все-таки можем сказать, что оно отличалось мирным характером, и более всего было проведено на устроение управления, путем издания законов и улучшения быта граждан, рядом разумных постановлений касательно различия отраслей промышленности.

Здесь, в этих постановлениях правительства, лучше всего высказывается то направление характера Шэнь-цзуна, которое создавалось под благотворным влиянием его матери. Истинное понимание нужд народа, заботливость, мягкость в применении уголовных наказаний, желание правительства довести граждан до возможного совершенства путем пресечения распрей и тяжб между его членами, облегчение участи заключенных в тюрьмах – вот отличительные черты всей деятельности императора, черты, которые мы отчасти видим при Цзинь-цзуне и после, при преемнике Шэнь-цзуна, сыне его Синь-цзуне, который явился поборником тех же начал, когда окончательно вышел из-под опеки своей матери – императрицы Цзинь-ай.

Вот что мы видим в эпоху Шэнь-цзуна касательно внутреннего управления. По донесениям некоторых правителей округов (Ханьде, Ши-фан) о плохом положении земледелия вследствие побега работников, прихода

---

* Этот улус был один из сильных и часто бунтовал при Шэнь-цзуне и Дао-цзуне.

** Причина ссоры неизвестна.

войск и голода в некоторых местах император издал указ 3-м старшинам (цзю), заведующим сбором пошлин, приказав употребить пошлинные деньги на покупку хлеба и цену объявить умеренную (бу-ши). Уменьшение податей, переселение жителей с неудобных на плодородные земли, амбары «и-цань» (запасные, «справедливости»), прощение недоимок, постановление касательно обрабатывания пустопорожних мест, пиры для бедных по случаю урожаев, снаряжение судов в Ляо Дун для закупки провианта, наконец, личный обзор императором самого производства работ (в г. Тао-чень), отправка команд для уничтожения саранчи, «чтобы бедный народ не бедствовал» – все эти постановления касательно земледелия, несомненно, указывают нам на светлую личность постановителя. Касательно сбора пошлин: назначение особенных чиновников (чень-хоу (исследователя), чжи-гун-тянь'я (прав. казенных полей) – и др. надзирателей за собиранием пошлин и усиленной обработкой полей, обращение пограничных войск (бянь-шу) в хлебопашцев и взимание с них подати натурой для прокормления армии, точное разграничение податных полей на частные (сы-тянь) и досужные (сянь-тянь), представление Ляо Дуну прежних привилегий касательно взноса податей, а также взимание первых с товаров. В деле торговли: доставление жителям свободного пропуска в Шаньси для производства торговых операций, конвоирование торговцев, основание торговых пунктов, облегчение народа дозволением торговать бракованными баранами и их шкурами в Южной столице. В разработке руд: эта сфера в его царствование достигла самого высшего процветания, потому что теперь работа шла на пространстве от Хуан-хе и Иньшаньского хребта до истоков р. Ляо, т. е. по всей юго-восточной Монголии и части Манчжурии. Относительно литья металлов: сравнение мужчин и женщин в зарабатываемой плате от правительства по 10 вень. Скотоводство находилось в самом блестящем положении*.

Его законодательная деятельность: ограничение прав господ над рабами, одинаковое применение закона как для киданей, так и для китайцев, улучшение закона о наказании за 10 смертных грехов, наказание более моральное, назначение ревизоров для разбора приговоров судеб. мест (судей), совершенное прощение вины во многих случаях (за воровство у значит. лиц, правит. органов...), относительная снисходительность к ворам, усиленная работа в деле решения тяжбы и дела преступника, вследствие чего опустение тюрем и отсутствие дел, разделение империи на 2 департамента ввиду устранения столкновений между киданями и китайцами, указ о родственниках императорского двора для парализирования их страсти к подкупу и недобросовестности, указ об исправлении кодекса для успешного и более справедливого применения наказаний – и многое другое ясно указывают нам, что царствование Шэнь-цзуна, более всего отличавшее себя на сцене разумных постановлений для блага народа, может встать в ряду значительных царствований на Востоке. Такие личности заслуживают глубокого внимания** как хорошо доказывающие Западному миру, что на пресловутом Востоке могут родиться и действовать такие же люди, как и на Западе. Посмотрим текст, что делалось после него.

После смерти Шэнь-цзуна в 1031 г. императорская власть должна была перейти к его сыну, но за малолетством последнего снова образовалось регентство в лице матери будущего императора – императрицы Цинь-Ай (соб. имя И-му-цзинь). Вышедшая, Бог знает, из какой среды, необыкновенно честолюбивая императрица совершенно забрала в руки все управление и окончательно овладела своим сыном. Жаждавшая как можно более широкого распространения своей власти, она, прежде всего, хотела удалить все, что только могло мешать ей или даже влиять на ослабление ее власти. Прежде всего, нужно было удалить императрицу Жень-дэ, 1-ю жену Шэнь-цзуна, не имевшую никого из детей и поэтому воспитавшую Синь-цзуна, когда На-му-цзинь (Цинь-Ай) была еще «Дворцовой служанкой» (гуань-чень). Помощниками ей в этой интриге явились ее брат Фынь-цзя-ну, Цзи-сунь и пр., которые открыли обвинения на некоторых приверженцев вдовствующей Жень-дэ Чубу, Бита и пр., будто они вместе с императрицей совещались о свержении существующего порядка. По расследовании, которым руководила сама Цинь-Ай, Чубу и Бита с императрицей были призваны виновными, 14 чел. подвергнуты казни, а Жень-де сослала в Шань-цзинь***. Благодаря такой счастливой вылазке против императрицы, Цинь-Ай, отуманенная своим успехом, стала совещаться касательно возведения на престол своего младшего сына Чжунь-юань'я (у ней – 2 сына и 2 дочери), т. е. стала интриговать уже против своего сына-императора, что можно объяснить не иначе, как только болезненною страстью к разным новым комбинациям, силой привычки и инерцией. Но этот замысел ее не удался, п. ч. Чжунь-юань, видимо, предчувствовавший его конец, сам передал об этом императору, и тот окончательно поссорился со своей матерью, отобрал у нее все печати, значки, регалии власти и удалил ее в Инь-чжоу. Там она, впрочем, прожила недолго и была возвращена во дворец,

* Об этом ниже, в эк. обзоре и законодательства (т. 2 и 3).

** Я должен с сожалением заметить, что мне не удалось прочесть собственных записок его царствования (бень-цзи), и потому я ограничился собранием только того, что было рассказано в многих местах моего материала.

*** Об этом всем будет подробнее изложено ниже.

но уже, как говорит история, «ее жестокость не встретила себе отголоска в окружающем (т. е. империи)». Она после даже явилась пособницей тех же принципов гуманности, которые проводил ее сын, наследовавший их от своей воспитательницы-императрицы Жень-де, живущей и воспитывавшейся в ту самую эпоху, когда они были в широком распространении, т. е. при Шэнь-цзуне. Цинь-Ай жила после того уже без всякого вмешательства в управление (кроме некоторой совещательности, которой она еще пользовалась). Таким образом, после 11-летней опеки, Синь-цзун (1031–1055) в 1042 г. задумал путем дипломатии приобрести от Китая земли 10 уездов, лежащие к югу от Ва-цяо-гуань*, почему и отправил к Сунцам требование указанных земель. Царствовавший в это время Сунский император Жень-цзун, отличавшийся «мудростью», как говорит история, и имевший таких министров, как Хань-ци, Фань-чжун-янь, Фуби и пр., не испугался таких требований киданьского двора и, перенеся свою столицу ближе к неугомонному соседу в Да-минь-фу (Чжили), послал Фуби вести переговоры и чем-нибудь удовлетворить желание Синь-цзуна, только не уступая уездов. Фу-Би, отличавшийся замечательным даром урезонивать, уговорил и киданьского императора довольствоваться только прибавкой ежегодной дани на 100 лан серебра и 200 000 кусов шелковой ткани (1077 пудов серебра всего, если оценивать и материи), и вместо «по требованию» писать при присылке дани «взношу» (со стороны китайского императора).

Этим дело и кончилось, т. к. обе стороны, видимо, жаждали отдыха от прямых столкновений, не имевших в себе ничего разумно-основательного. Киданьский двор, считавший себя сюзереном 60 (?) вассальных государств (шу-го), считал себя также в праве вмешиваться во внутренние дела своих вассалов, часто требуя от них беспрекословного повиновения своей политике. Так, это мы видим и в актых столкновений Ляоского двора с не менее сильным Сяским королевством, основавшимся в Ордосе и его окрестностях. Дело в том, что в 11-й год Чжун Си (1042) было донесено коренному государству (бень-го), что его вассалы Тансян и Тохуальцы, жившие по соседству с Ся, отправили туда множество лошадей. Император издал указ об укреплении границ ввиду возможного нападения со стороны Сясцев, а между тем эти последние не переставали предоставлять ему дань из отличных лошадей и даже перед этим отправили одного Сунского генерала, взятого ими в плен у Жень-коу (проходах) (1041). Но вот в 10 луне 12 года Чжун Си (1043) приходит известие, что Сясцы напали на Тансянов и ограбили у них скот, почему заведовавший двором «янь-чань» (привлекающий изящных, Шуру) отправился к ним за спросом о причине такого поступка. Сясцы ответили уклончиво. На следующий год (1044) Тансяны взбунтовались и передались на сторону Ся, это, наконец, окончательно поссорило его с вассалами, и война сделалась неизбежной. Посланный для возвращения тансянов от Ся некто Ао-хань-ку не имел успеха, и 2 киданьских армии по разным дорогам вступили в Ордос. Вначале перевес оружия был на стороне киданей, и Сяский государь Юань-хао, возвращая Тансянов, просил мира. Кидане, однако ж, почему-то не соглашались на это и продолжали опустошение. Вскоре Юаньхао, оправившись после нескольких поражений, сам начал действовать наступательно, разбил обе киданьские армии и принудил их к заключению безусловного мира. Последняя половина 13-го и весь 14-й г. (1045) прошел в переговорах.

В 1049 г. (18-й г. Чжун Си) снова открылись военные действия со стороны киданей, но сначала им не везло: они были разбиты. Но затем захватили мать Сяского государя и в 1053 г. (22-й г. Чжун Си) заключили с Ся мирный трактат, в котором восстанавливались прежние отношения, т. к. Ся должны были снова признать себя вассалами Ляоского двора. В этой войне со стороны киданей особенно отличились: полководец Сяо Хуй и брат императора Бугуде**, из которых последний, однакож, умер от ран, полученных в битвах во время возвращения из похода. Кроме того, не могу пройти молчанием одного обстоятельства, кажущегося каким-то странным, а именно, когда двор отправил войска в Сяское государство и уже вел там ожесточенную борьбу (1048 г., 17-й г. Чжун Си), одно из вассальных государств Ту-бу-те (го) прислало с предложением св. услуг для совместного действия с двором против Сясцев, но кидане отказали ему в этом и не приняли его услуг! Чем это объяснить? Восточным тщеславием, самодовольством – не иначе, а между тем, в др. случаях мы видим, что это самое тщеславие унижается до последнего градуса…

Перейдем теперь к рассмотрению постановлений касательно внутреннего управления. Как я уже говорил, это царствование представляется нам продолжением тех же начал, какие встречаются в предыдущее; оно является, так сказать, отзвуком прошлой славной эпохи, включая в тоже время в себя и зародыш разложения, ибо, как говорит история, под конец Синь-цзунского царствования, дух Шэнь-цзунских начал (фынь) несколько омрачился.

Касательно земледелия. Тотчас по вступлении на престол он отправил чиновников-ревизоров для осмотра рисовых полей по всем провинциям и снова приступил к изданию (новой редакции) закона о семействах и

* Ва-цяо-гуань – крепость, осаждаемая некогда Цзинь-цзуном, лежала на р. И-шуй, в 120 ли на с.в. от Тао-динь-фу (см. на карту).

** Бугуде был 3-м сыном императора Шэнь-цзуна от неизвестной жены, которых у Шэнь-цзуна было, надо заметить, довольно порядочное число: около 7, т. е. соб. жен, не считая наложниц, но имена их не отмечены в истории.

душах (ху и коу), что было установлено еще при Тай-цзу. В изданном по этому случаю приказе говорилось: «Я с малых лет приучался узнавать о состоянии земледелия, притом много справедливых постановлений было забыто, почему теперь должно следовать истинной строгости в распределении земледельцев на ху и коу, соразмерно и одинаково всюду. Запрещаю чиновникам брать у народа рис для приготовления вина. При свадьбах должна приноситься жертва, чиновники должны заботиться о просвещении».

Касательно других сфер эк. быта, он следовал постановлениям отца и мало изменил их: в его царствовании все государственное хозяйство (го-цзя) в удовлетворительном состоянии.

Касательно законодательной деятельности мы можем сказать, что она отличалась той же гуманностью, что и при Шэнь-цзуне: он, по возможности, избегал наказаний смертью, а осужденных к ней ссылал на арестантскую работу (каторгу). Правда, сначала под влиянием своей матери он казнил многих лиц (44), обвиненных в соучастии в заговоре Чубу, Бита и императрицы Жень-де, но такой приговор составляется, скорее, его матерью, чем им самим*.

А высвободившись из-под ее опеки, он тотчас пошел по светлой дороге своего отца, издавал указы о пресечении наказания за преступления касательно казны (государства): чтобы они искупались обыкновенным частным путем (пеней, потерей жалованья и пр.), о смягчении закона о воровстве казенных вещей (остатков металла, употр. для выплавки сосудов, поддерживавших номинальную ценность денег), распространив такой на 20 связок, тогда как прежде наказание полагалось за воровство 5 связок. Относительно закона клеймения лица преступника он расходился со своим отцом, допускавшим это: между тем, как новый государь установил только клеймение плеч и затылка, ибо, говорил указ: «...клеймо на лице человека делает ему бесчестие на всю жизнь, а я ведь очень сострадателен». Ввиду скорейшего распространения закона (постановлений императора), чиновникам предписывалось ежедневно утром делать распоряжение о пересылке таковых постановлений к важным дао. Мягкость в применении закона проглядывает касательно воровства братьев, из которых только старшие подвергаются смертной казни, а уже при вторичном акте преступления наказываются и младшие. Но если у них нет сыновей, то они освобождаются от казни. За обман и воровство чинов. печати, обмен их на лошадей – также следовало прощение. Императрица Цинь Ай, под влиянием окружающего, стала высказываться в пользу тех начал, которые проводил ее сын. В 2-х случаях она высказалась таким образом: «В 1-й раз, когда раб Молодцы обвинял своего господина Цзюнь Вана Тебу – и по бездоказательности обвинения в неверности своего господина двору, должен был повергнуться смерти, Цинь Ай подала совет простить его, а также не лишать доверия и его господина, который едва не подвергся по этому закону конфискации. В др. раз, когда Сябо похитил жену у Сянь-гуао, а Далу сделал ее своей наложницей, за что также должен был подпасть наказанию батогами, Цзинь Ай и тут подала свой голос против наказания и советовала только отнять власть (управления), т. к. преступник был из чиновных» – цзедуши войска нинь-юань («успокаивающее отдаленное»). За шпионство также следовало прощение на предварительном расследовании.

Но под конец его царствования изданные законы, касательно наказаний палочными ударами за стрельбу на запрещенных местах оленей, где мог охотиться только император, по которому (т. е. закону) все чжань-линь-цзюнь'и (двор. казначей) подвергались за нарушение сказанного закона 300 палочными ударами, а младшие цзянь-цзюньи (сяо-цзянь-цзюнь) – 200 ударами, такие постановления несколько затемняют, без сомнения, светлого деятеля-законодателя, который и не был чужд некоторых недостатков, явившихся в нем от первоначального влияния матери, но, в общем, он представляет блестящее продолжение прошлого царствования.

Ко всему этому не могу не прибавить, что в это царствование мы видим уже последние активные действия со стороны киданьского двора против Китая, последние столкновения с этой державой, и в тоже время, начало интриг, разложения женских нравов (т. е. чиновники искали серали), падение его влияния на дела государства. Следовательно, мы не без оснований можем думать, что с этого момента началось и склонение величия династии Ляо (как говорит история). Его преемник Дао Цзун делает последние усилия для поддержания того величия, но из-за слабости воли, при всем благожелании самого императора, благодаря уже быстротечному разложению общества (высшему, что доказывает интриги И-сунь'я и пр.). Это ему не удалось, и династия пала при его преемнике. Что было в среде низших слоев общества, какие фазисы развития прошла низшая среда, – об этом мы ничего не можем сказать категорически за недостатком источников, но что она была не в здравом состоянии, – в этом нельзя сомневаться, т. к. в издававшихся указах Дао Цзуна и Синь Цзуна ясно указывается на это расслабление.

Перейдем теперь к рассмотрению предпоследнего царствования, замечательного не своими деяниями на военной сцене, а внутренней работой, знаменательной идеей пересоздать общество и отвратить его падение.

---

* Об этом ниже.

Царствование Дао Цзуна (с 1055–1101=46)

Я рассмотрю внутренние волнения разных подвластных улусов в это царствование. Первое десятилетие прошло спокойно (1055–1065), но в 5-й г. Сянь-Юнь (1069) было донесено двору, что Чжуньбуский улус взбунтовался.

Бунт в Чжуньбу. Но это первое внутреннее волнение вассального аймака сначала не имело большого значения: посланный для его усмирения Можоу (комендант) южной столицы Цзинь Ван Жень-сянь, с правом занять управление Северо-Западной дороги, в 1070 (т. е. на другой год) уже прислал донесение, что бунтовщики усмирены. А через 2 месяца старшины бунтовавшего улуса уже пришли к Двору с повинной. Двор, державшийся всегда политики мира и действительно жаждавший его, простил их, и они не прерывали представлений дани до самого 1091 г. (8-й г. Да-Ань). В этот период к ним был назначен один киданьский правитель в звании цзинь-у-тегусы'я. Сильный Чжуньбуский старшина Мо-гусы поссорился с ним и, окружив его юрту (кибитку) своими клевретами, зверски умертвил. Это было сигналом к восстанию. Могусы набрал большую толпу недовольных и вышел на разбой, как говорит история. Киданьский двор, услыхав о смерти поставленного им правителя, выставил войска против бунтовщиков, грабивших уже во многих местах.

Посланный против них Елюй Холомусаге не имел значительного успеха и воротился обратно. Другой киданьский полководец Сяо Чжень-цзи-те встретился уже со значительными силами неприятеля, дал сражение, но без успеха. Многие со стороны Киданей пали в этой схватке: 2 Шивей'я И-ла, правитель Северного департамента Те-мынь и др. Бунт охватил уже громадный район, и силы Могусы увеличивались с каждым днем. Но он не хотел действовать в открытом бою, а завязывает дипл. переговоры с правителем (чжао-тао-ши) Северо-Западной дороги Елюем Тобуцзя, ложно объявив ему, что он сдается. Тобуцзя поддался этому и прибыл к нему с незначительным отрядом. Могусы воспользовался его оплошностью и тотчас же убил. Это еще больше испугало слабого Дао Цзуна, но он, однако ж, не хочет дать первенство грабителям и посылает против него новые силы.

Бунт Угуча, Даледа и Босомо. Между тем другой Чжуньбуский же старшина Угуча, после убийства Тобуцзя, также взбунтовался и пошел на грабеж. Удар следовал за ударом: по его примеру восстают сильные поколения Да-ла-дэ (Татары?), и Босомо и начинают грабить у хребта Дао-жа-линь. Но в 1093 году, т. е. на следующий год, последние 2 улуса были усмирены Фу-бу-ши (волостной старшина) Сяо Алу-дай'ем. Между тем другой отдел Чжуньбусцев также начал грабить у Дао-та-линского хребта, отнимая у тамошних кочевников скот, а затем перешел на север от р. Хунь, где также ограбил всю местность. Обстоятельства, наконец, стали склоняться на сторону стройных войск киданьского двора, и Чжуньбуские старшины Бо-сань-хо и Фулу и пр. были взяты в плен и представлены перед управлением Северо-Западной дороги. Чжуньбуский старшина Дили сам пришел с покорностью. Наконец, в 12 луне того же года (1093) пришло донесение от войскового управления Северо-Западной дороги, что и Могусы взят в плен.

Этим делом, однако ж, не кончилось.

В 1094 г. Босомо снова начал грабеж. Тот же фу-бу-шу Сяо Алу-тай снова отправлен был против них, и хотя имел удачное дело, но усмирить бунт окончательно не мог. В 1095 году (2-й год Шоу-лун) войсковое управление Северо-Западной дороги снова разбило Босомо, но это не повело еще к окончанию мятежа: разбитые снова соединились и продолжали делать грабежи. Видя такую стойкость со стороны грабителей, киданьский двор, наконец, обратился за помощью к Сяскому Вану Ли-цянь-шунь'ю, прося его принять участие в усмирении мятежа, и только вспомоществуемые этой силой кидане успели «задуть» мятежников. Это было уже на закате царствования Дао Цзуна, и слабый император, огорченный притом потерею единственного сына Жуй'я, убитого интригой И-сунь'я, ясно видел, что разнородные элементы, входившие в состав государства, начинают составлять оппозиции и сильно расшатывать подгнивший ствол когда-то сильной империи.

На Севере также были довольно сильные столкновения. Так, в 8-й год Сянь-юнь (1072) Уэру-Дельский Ояньгунь Елюй Чжао донес правительству, что на северной границе (с кем?) были столкновения, в которых погибло много людей, доставлявших пропитание монахам и монахиням (сень-и-ни) в Южной столице*. В 4-й год Шоу-лун (1099), т. е. в последние моменты царствования Дао Цзуна, некто На-янь доложил, что на севере снова было столкновение, но оно окончилось в пользу наших войск и Север усмирен. Другие незначительные, впрочем, бунты Этекер, Морухи, Деле, убивших своего сянь-гуань'я и правительство, в общем, однакож, придают темный отпечаток этому царствованию. Видно, что все уже начинало как-то рассеиваться, отпадать от ослабевшего Коренного государства и предвещать его близкое падение.

Бунт Чжун-юань'я. Не менее грустное явление представляет нам и самый двор, где вспыхнуло открытое восстание некоторых лиц, руководимых императорским дядей (хуан-тай-шу) Чжун-Юань'ем и его сыном Ни-

---

* Об этом донесении будет сказано при обзоре состояния религии у Киданей, тетрадь 4-я.

лу-гу. Восстание это еще относится к начальному времени царствования, к 1063 (9-й год Цинь-нин). В усмирении этого мятежа отличилась женщина – мать императора Хуан-тай-хоу Жень-и. Дело в том, что еще раньше открытия самого бунта Жень-и узнала об этом от одного приближенного чиновника Елюй'я Лянь и передала об этом императору. Этот последний, отличавшийся крайней снисходительностью и добродушием, не хотел принять строгих мер к разъяснению дела и, таким образом, дал ему возможность созреть и перейти в исполнение. Когда император был однажды на охоте, бунтовщики в числе 400 с лишком человек напали на его походный дворец (сян-гунь), но императрица Жень-и, следовавшая за ними издалека, напала на них с войсками и с первого же раза рассеяла все скопище. Ни-лу-гу, сын Чжун-Юань'я, обратился в бегство, но был достигнут бохайцем Асу и Ху-вей'ем (гвардейцем) Су-ше и убит. Отец же его бежал в Дамо* и там лишил себя жизни. Все бунтовавшие пришли к покорности и были водворены на местах прежнего жительства. Кроме того, не могу не заметить и того обстоятельства, что когда Чжун Юань бежал в Дамо, то перед своей смертью сказал окружающим: «Все это затеял мой сын Ни-лу-гу, а я вот из-за него поплатился». Значит, если верить этому известию, всем делом заправлял не отец (Чжун Юань), который уже и прежде выказал свое благоразумие, объявив Синь-цзуну о замыслах своей матери Цинь-Ай, а его сын Нилугу, которого, конечно, не мог не поддержать его отец.

Как я уже говорил, это царствование отличается мирным направлением касательно заграничных дел с Сунцами. Прежние киданьские Хуан-ди, хотя и неохотно, вызываемые только враждебным настроением самих китайцев, но все-таки не уклонялись от случая помериться силами со своим сильным соседом. Синь-цзун действует несколько наступательно, задорно, требуя от Сунцев уступки земель, но все уже показывает, что сила и энергия когда-то сильного киданьского двора подломлены, что он уже действует как-то сонно, апатично, по старой привычке. Царствование Дао Цзуна не отличается даже и малейшим желанием столкнуться с врагами «Южной границы» и даже выказывает желание видеть такой же мир и у своих соседей. Поэтому, когда Сунский двор, руководимый проектами Вань-шао, которого поддерживал знаменитый социальный реформатор Китая Вань-ань-ши (1066–1086), открыл военные действия против Ся, и те, теснимые китайскими армиями, обратились к посредничеству Дао Цзуна для заключения мира, то киданьский император не задумался послать к Сунцам Яо-ши-лу с указом (!) о прекращении нападений на Ся. Благодаря этому посредничеству Сясцы избавились от совершенного истощения, т. к. Китай, не имевший тогда нигде военных операций, собирал все силы для окончательного уничтожения сильного королевства. Благодарные Сясцы в 11 луне 5-го года Шоу-лун (1100) прислали чиновника благодарить за оказанную помощь в деле столкновения с Сунцами. Такова была политика добродушного Дао Цзуна (1055–1101=46).

Лучше всего это добродушие, заботливость императора проявляется в его постановлениях в политико-экономической и законодательной сферах. Частые неурожаи, саранча, пожары и др. физические бедствия, постигавшие империю в царствование, вызывали со стороны правительства ряд мер и постановлений для облегчения нужд народа. Благодаря этим мерам экономические силы государства были в более или менее удовлетворительном состоянии, так что, говорит история, «если Ляосцы не были в то время в особенно цветущем положении в материальном отношении, то и не были бедны».

Касательно земледелия. В 1-й год царствования (1056) были благотворные дожди, особенно в Северо-Западной части государства (т. е. Шамо?), почему цена на хлеб в Чунь-чжоу была на 6 цянь (чохов, связок). В тоже время Западные фани (Си фани) бунтовали, император желал усмирить их и, за недостатком провианта, приказал Елюй'ю Тангу набирать народ для усиления производства хлеба (обработки земель). И этот последний с большой толпой народа поселился по обеим сторонам реки Лу-цзюй (Керулен) для усиленной обработки полей в этой плодородной местности. Эта мера повела за собой хорошие результаты: хлеба было достаточно, и он был размещен в округе Тунь-чжен** (чжоу) и других четырнадцати; запасного же хлеба считалось 100 тыс. ху (1 млн доу), и каждый доу стоил не больше нескольких цянь (чохов). Для продовольствия народа и скота и на будущее время была установлена должность ду-чжи-нань' гуань'я (мерителя) в Южной столице, заведывавшего *казенными и частными интересами. При нем же был пересмотр закона о ХУ и КОУ, который мотивировался* очень снисходительными постановлениями. В Средней столице (Чжун цзинь, Да-дин-фу***) был поставлен дучжи-ши (правитель мер), заведывавший казенными делами. В половине года он должен был сделать сбор хлеба на 500 тыс. ху (5 млн доу) для снабжения летучей конницы (цзо-синь-ци-чан-ши). Вообще, земледелие в царствование Дао Цзуна достигло цветущего состояния, а Восточная столица (Дунь Цзинь, Ляо-ян-фу) уподоб-

* Эта местность мне неизвестна, т. к. не показана в топографическом словаре.

** Тунь-чжен-чжоу не определен в топографическом словаре: надо думать, он лежал в районе Верхней столицы (Линьхуан-фу).

*** Дадиньфу – теперь только развалины, лежат в депар. Ченьду в Юго-Восточной Монголии у Великой стены. Эти развалины носят название по-монгольски: чагань-субурга-хота – город белого субургана (ступы).

лялась местности Синь-еу (воскресенье верности, рай?). В горах Хай-тун, Инь, У, Суй-чжоу, Тай-чжоу (Тай-чжигуты?) Чунь-чжоу и других 50 внутренних и во всех пограничных чжоу были основаны хо-ди-цань (амбары спокойствия, запасные). Основываясь на внутренних узаконениях Цзу и Цзунов, старый хлеб был выпускаем и заменяем новым; народ вообще не имел отвращений от плохих продуктов (?), почему для продажи таковых получали (на каждый мешок) барышу 2 фын (цянь, доля), что в общем итоге составляло 200–300 тыс. мешков. На такой барыш, получаемый от продажи правительством не очень хороших продуктов (хлеба), оно нанимало войска, и недостатка все-таки большого не было; а когда он и случался, то надеялись на хорошую жатву в будущем (помощь неба).

Относительно сбора податей и повинностей (фу-шуй), производства соли, касательно коммерции (чженьшань) и разработки руд правительство Дао-цзуна руководилось старыми постановлениями и не предпринимало ничего для изменений.

Относительно же литья денег (металла, гу чжу) в его царствование были издаваемы указы и довольно часто касательно запрещений торговли медью и железом, дабы воспрепятствовать частной отливке монет. Руководясь мыслью: как можно более иметь денег внутри государства, правительство Дао Цзуна запрещало выпускать таковые за границу, а также медь и железо к Уйгурам, и закон этот применяли со всей строгостью. После, однакож, он был смягчен, особенно когда настали урожаи (в последние годы). При нем были 4 родов деньги, по годам правления: 1) сянь-юнь (1065–1075), 2) тай-кань (1075–1083), 3) да ань (1083–1092) и 4) шоу-лунь (1092–1101). Самый состав монет делался из хорошей меди, которая употреблялась: 1 шу = 1/24 унца, и счет денег также отличался от древнего. Сверх всего этого правительство получило старого долгу с ху-бу-сы (улусной палаты) 400 000 связок, да-чу-ши чжи-сё-ши (секретарь Сената военного) Мо-шень, сделанный ху-бу-ши (правителем этой палаты ху-бу) ежегодно вносил по 200 000 связок, которые и назначались в распоряжение чу-ми-ши (правитель) Северного департамента (юань'я), который должен был выдавать субсидии народу по случаю разных физических бедствий. Кроме того, со всех дворцов (гун, храмовых) шли деньги для пограничной стражи (бянь-шу-жень-ху). Кроме того, правительство, не очень жаловавшее таковых (об этом ниже), брало субсидию от одного монастыря (хай-юань-фо-се), ассигновавшего 1 000 000 связок на покрытие народных нужд. Эта последняя черта, практичность Киданьского правительства, особенно выказавшаяся в век Тянь-цзо, собравшего собор духовных для выработки закона об их прокорме, ставит это правительство наряду с более или менее разумными; но, с другой стороны, эта последняя мера, некоторое стеснение духовенства и особенно буддийского*, не могли не отозваться дурно на его экономическом и социальном положении, и тем еще скорее вели к тому печальному концу, который мы встречаем на последних страницах истории, потому что народ, и без того индифферентный в деле единства религии, мог еще осязательнее видеть падение духовенства и потерять всякую веру в него.

Не могу не прибавить ко всему этому, что эпоха Дао Цзуна была не бедна разными физическими бедствиями, постигавшими народонаселение, и поэтому выдача от правительства субсидии особенно бедным, избавление от податей многих местностей (южную столицу около 10 раз), назначение команд для уничтожения саранчи, часто налетавшей на поля, особенная поливка полей во время засух: орошение искусственное посредством направления целых каналов воды на известную местность – что иногда способствовало немедленному выпадению дождя!** – было необходимым следствием положения дел.

Замечательно, что деятельность китайского реформатора во времена Сунского Шэнь-цзуна (1066–1085) ВАН-АНЬ-ШИ не нашла себе отголоска у Киданей, потому что, как мы ниже увидим, ни в отделе экономических постановлений, ни в законодательстве мы не находим указаний на это заимствование. Это как-то несколько странно, потому что сношения с Китаем все-таки были, благодаря мирному настроению с той и другой стороны и, надо думать, что Кидане знали о том, что совершалось на Юге и, может быть, даже и заимствовали нечто, что могло соответствовать их нуждам, но самые известия об этом или не были обнародованы самими заимствователями, отличавшимися крайнею скрытностью характера, или затеряны сменившими их Чжурчженями. Может быть, заимствования были только в военной сфере (бао-цзянь), а так как я не успел ее обозреть, то и не могу ничего представить на суд читателя.

Касательно законодательной деятельности этого царствования мы можем сказать, что в это время совершился значительный акт возвращения к древним законам (фа) Цзу и Цзунов по причине обилия существовавшего кодекса (с лишком 1 000 статей), трудно понимавшегося самим народом, и злоупотребления чиновников,

---

* Об этом я поговорю подробнее в другом месте, ниже, в статье «О религии».

** Киданям, очевидно, через Китайцев был известен закон испарения воды, и поэтому прибегали к такой мере довольно часто.

назначаемых для объяснения его массе. С другой стороны, нельзя не видеть тут и желание правительства возвратить самое общество, уже клонившееся к совершенной деморализации, к прежним славным временам начала династии, когда военная дисциплина Тай-цзу и Тай-цзуна создала закаленность характера граждан-воинов и служила немалой причиной возвышения государства. Теперь, в эпоху Дао Цзуна, осозналось, что народ заснул под качкой сияющего Китаизма, подошел на край пропасти разлагающих пороков, и правительство взялось за неосуществимую мысль: возвратить его к прежней, строгой обстановке, устранив влияние всеохватывающего Китайского усыпления. Такова моя мысль при виде факта введения старых узаконений Цзу и Цзунов: не иначе, как этим руководилось правительство Дао-Цзуна, а трудность понимания закона народом была только предлогом к этому. Не в одном законодательстве видим мы это: и в других сферах (что будет подробнее ниже) замечается тоже ясное желание ослабевшего двора возвратить утраченное величие. После, когда Кидане сошли с политической сцены, передав ее новым выходцам из Маньчжурии, Чжурчженям, из сих последних является один Маньчжурский государь Ши-цзун (Улу, китайское имя Юн, 1161–1189), который стремился также, подобно Дао Цзуну, поднять национальный дух, засыпавший под влиянием окружающей Китайской обстановки; он также, подобно своему предшественнику, собирает народные песни, вводит широкое изучение Маньчжурского языка, заставляет чиновников сочинять для дворцовых пиршеств (обедов) стихи на маньчжурском языке, но, как и его предшественник, не достиг своей цели. Китайский гений был сильнее его, и Чжурчжени пали под ударами новых Среднеазиатских Завоевателей, оставив по себе только память в акте сожжения неустрашимого Ай-Цзуна, осажденного Татарами в Цай чжоу, да в славной небесполезной защите «последних» маньчжуров против всемирного завоевателя. Между этими двумя лицами немало сходных черт. Как тот, так и другой, оба стремились поддерживать мир и не вызывать воинственных выходок со стороны Китайцев. Только в одном Дао Цзун расходился несколько со своим последователем, а именно, что первый, страстно любивший просвещение, не мог довольствоваться одной национальной литературой, которой собственно и не было, кроме разве народных песен, легенд и пр., и поэтому прибег к умственным сокровищам своего образованного соседа, т. е. Китая. Но я в другом месте поговорю об этом пространнее, с пояснением, что это нисколько не расходится с тем национальным направлением, какие я заметил в царствование Дао Цзуна. Я могу сделать только одно замечание, что, несмотря на неудачу в предпринимаемых поворотах общества как Киданьскими, так и Чжурчженьскими государями, которая, естественно, должна была вытекать из всего окружающего и прошлого, нам отрадно все-таки встретиться с этим желанием возврата к прежним, утраченным формам быта, как указывающим, что Маньчжурские народности хорошо понимали причину печального положения дел в государстве, стремились устранить от себя совершенно другие, чуждые им начала в Китайской жизни и, таким образом, предотвратили тот печальный результат, который всегда является следствием такого антинационального сближения*.

Я перейду к обзору самих постановлений в законодательной сфере. Я буду, по возможности, краток в своем настоящем изложении, так как оно более подробно будет представлено ниже.

Касательно ведения дел в присутственных местах, указом в 1-й год Цинь Нин (1056) было постановлено, что если встретятся какие-нибудь неясности в них, то должно представлять лично императору, а то, что не требует разъяснений, должно исполняться немедленно и с должною справедливостью. Во 2-й год тех же годов правления (1057) был издан указ, каким приказывалось всем улусным правлениям и подведомственным им чиновникам в решении дел следовать приказам, установленным одинаково для всех родов (бу-цзу). Ввиду пресечения медленности и проволочек в делах, определено разбирать дела на самом месте совершения преступлений, в ближайшем суде, без представлений двору для положения решения. Тут еще имелась в виду и скорость наказания дерзких воров, появившихся тогда во множестве. Но так как правительство боялось недобросовестности со стороны судей – чиновников, то указом 1060 года (4-й год Цинь Нин) определяло назначать особенных ревизоров, близких честных лиц для ведения допроса, которым также строго наказывалось действовать по справедливости. Когда тюрьма избавлялась от преступников, следовали награды Мо-шоу (коменданту) и низшим чиновникам. Недостаточных арестантов правительство содержало на свой счет, прочие содержались на своем иждивении. В 6-й год Сянь-Юнь (1071) последовал указ об организовании кодекса на началах единства как для Китайцев, так и для Киданей (тоже указывает на желание слить китайский элемент с национальным и таким образом парализировать его влияние), живших в пределах государства. Таким образом, последовательным и постоянным прибавлением статей был составлен кодекс из 1000 с лишком статей (прежде 547); но это

* В другом месте я укажу на те основы, на которых зиждется Китайская нация, и на отличительные черты Среднеазиатцев. Их сравнительная малость при оседании у стен Китая, широкое заимствование Китайского элемента, отсутствие выработанности натуры вследствии этого влечения, не совершенно Китайский факт при ведении дипломатических переговоров, жестокость и пр. – все это не могло не служить причиной их скорого исчезновения с политического, а затем и с физического горизонтов.

повело за собой то неудобство, что народ не мог понять и узнать всей сферы запрещений, а с другой стороны, чиновники недобросовестно растолковывали закон, и в 1075 году (1-й год Тай Кан) было издано постановление о введении прежних, старых узаконений Цзу и Цзунов; все же прочее, с некоторой выборкой, должно было быть оставлено. Первое приложение таких законов было при наказании членов императорской семьи: императрицы Сюань-и, оклеветанной по проискам И-сунь'я какой-то служанкой, сына Дао Цзуна Жуй'я (Илахань'я), приговоренного к заключению также по проискам И-сунь'я, и некоторых других лиц: Саба, Сусе, Тобуцзя и пр., кажется, также благодаря интриге сильного министра*.

Век Дао Цзуна, благодаря страстной привязанности самого императора к просвещению, мы можем считать представителем самого высшего образования: при нем в 1060 (9-й год Цинь Цин) основан в Средней столице (Дадиньфу**) го-цзы-цзянь (высшее государственное училище) и только с неизменной Китайской обстановкой: жертвоприношениями древним св. мужам и учителям, так что храм науки был, в тоже время, и храмом религии, жертв. Этот институт был преобразован из Ми-шу-цзянь (академии наук, ныне хань-линь юань), основанной в сем городе в 1054 году, т. е. в последний год царствования Синь Цзуна, отца Дао Цзуна. В училище для воспитания чиновников должны были читаться классические книги, а для обучения был организован особенный штат чиновников, приставляющихся к каждому воспитаннику. Докторов выпускали ежегодно в 10, 11 и 12 лунах, вообще, в зимнее время, средним числом 80 человек, с разными эпитетами: чжань-сяо-цзе (гениальный и с великим послушанием), лян-юань, ван-динь, мо-гуань и пр. Сам император любил заниматься толкованием классических книг, которые он поручал распространять чиновникам, сочинением поэм (стихов), напр.: фу-инь («о кречетах»), заставлял и чиновников сочинять таковые к дню рождения Синь и Шен Цзунов, собирать народные стихи (фынь-ши, указ: 8 луне 3-го года Цинь Нин, 1058), которые чиновники должны были приводить в систему и представлять императору, который уже сам дарил ими свою мать (Хуан-тай-хоу, императрицу Жень-и). Стихи сочинялись иногда и по случаю, например, таких важных событий, как удачная охота императрицы за медведями или тиграми (!) (10 луна, 1-й год Сань Юнь, 1065). Когда раздача толкований на классические книги, составленных самим императором, происходила скоро, следовали награды чиновникам и т. д. Но, как видно, за недостатком своей собственной, национальной литературы, должны были прибегать к Китайской, особенно исторической: ши-цзи (Сымацянь'я) и пр., указ о раздаче и распространении которых в народе последовал в 10-й год Тай-Кан (1074) 10 луне.

Такое внимание со стороны Дао Цзуна к делу просвещения также закрепляет мою мысль о желании со стороны императора поддерживать в народе начала нравственности и национальности, так как образованный человек не стремится жадно воспринимать чуждые элементы и, конечно, идет более сознательной дорогой на пути нравственности и служения целям государства. Чтоже касается того, что мы здесь встречаем Китайский элемент, то объяснение этого будет дано ниже, в отделе Законодательства.

Не лишним считаю присовокупить к этому заключительное слово (цзань-юе) самой истории, представить, так сказать, ее собственное суждение об этом, без сомнения, замечательном государе. Вот что говорится в цзань-юе: «Дао-Цзун, по получении престола, требовал прямоты, вникал в пути управления, поощрял земледелие, возвышал науку, старался об обрабатывании пустопорожних мест, был милостив и внимателен к порядку (чистоте). При таком направлении как бы можно было встретиться с тем фактом, что этот человек снисходил к клевете, награждал доносы (жалобы) и недостойных чиновников, которые возвышались посредством темной интриги и ей проникали до костей и мяса (всюду)? Император хорошо понимал опасность грубой толпы и искусно уничтожал возмущение улусов посредством войск, и поэтому не имел ни одного спокойного года. Ежегодно он кормил 360 000 монахов и в один день иногда постригал по 3 000 (!), к которым, однакож, не питал особенного благоволения и часто уничтожал (их монастыри), оставляя только великое и большое (замечательное, важное) и то, что вспомоществует в деле развития государственного управления».

Царствование Тянь Цзо (с 1101–1125)

Теперь я перейду к рассмотрению последнего царствования, эпохи Тянь Цзо, знаменитого не своими гражданско-военными доблестями, а той Китайской трусостью, с какой он действовал против усилившихся Чжурчженей, тем поразительным отсутствием энергии, которая так часто встречается на Востоке и, в тоже время, своими жестокостями и безумством.

Но я в другом месте укажу на те причины, которые создали в Тянь Цзо такой характер, его нерадостную молодость, смерть отца, гонения от И-сунь'я, первоначальное воспитание в чужом доме, серальные интриги и

---

* Об этой интриге, ее мотивах будет подробнее изложено ниже.

** Да-динь-фу, а при Чжурчжэнях – Да-нин-фу (Бэй-Цзинь, Северная столица).

пр., что, конечно, объясняет в нем вышеозначенные черты характера и, в тоже время, заставляет смотреть на него как на сына своего века, пассивное орудие окружавшей его обстановки и, след., относиться к нему несколько снисходительнее.

Первое десятилетие (1101–1112) прошло более или менее спокойно. Тотчас по вступлении на престол император в 3 луне 1-го года Цянь-тун созывает собор духовных (монахов) для выработки Закона о своем прокормлении, а также постановлении обетов (цзе, заповедей) для двора. Но неизвестно, к каким результатам пришел этот собор, что признал он за источник своего пропитания? Во всяком случае, здесь лучше всего высказывается практичность Киданьского двора, желавшего освободить народ от тягостных повинностей в пользу духовенства. Но эта же самая практичность, как я уже выше замечал, могла иметь то неудобство, что, во-первых, подрывала основное правило Буддийского духовенства питаться милостыней; во-вторых, порождала в народе еще большее игнорирование религиозной сферой, которая и без того не оказывала должного влияния на него и таким образом уничтожала в нем крепкий цемент, основывающийся на единстве и привязанности к религии, а след., способствовала скорейшему разложению самого общества. (Об этом я поговорю подробнее ниже, в отделении «о религии».) На следующий год был издан указ о наказании И-сунь'я и его товарищей, уже умерших: трупы повырыли из земли и наказали отрублением головы; жен и все домашнее имущество, оставшееся от них, конфисковали и раздали в награду тем домам, которые подверглись преследованию «правой руки» Да Цзуна; всех, сосланных И-сунь'ем, возвратили обратно; разжалованных произвели снова в чиновники, все конфискованное имущество было возвращено старым владельцам и т. д. Затем начались бунты. Бунтовавший еще при Дао Цзуне Этекер (Эдигер?) был теперь окончательно усмирен. Но Чжуньбусцы снова нападают на границы: тот же Этеле, который усмирил Этекера, разбивает и их. Взбунтовался также какой-то Сяо Хе-ли (подданный Киданьский, родственник с женской стороны императорскому дому), ограбил кладовые в Ганьчжоу и, набрав значительную толпу людей, начал своевольствовать. Посланный против него Линь-я (академик) Северной стороны (мянь) Хе-цзяну не успел захватить его, и Хели бежал к чжурчженям, где уже в это время правил Агуда после смерти Уяшу и приведения всех маньчжурских родов в зависимость. Хе-цзяну за свой неуспех был лишен власти, а голова Хели была представлена Чжурчженями на другой год. Теперь Агуда еще сохраняет мирное и даже зависимое отношение с «коренным» двором. Между тем, между Ся и Китаем снова начались несогласия: Сунцы напали на Ся, и эти обратились к посредничеству и помощи Киданьского двора. Тяньцзо, подобно своему деду, также не вмешивается слишком в иностранные дрязги и приказывает только через чумичжи сё-ши Гао-дуань-ли Сунцам прекратить свои домогательства насчет уступки земель со стороны Ся. Это было в 1 луне 5-го года Цянь Тун (1106), а в 5-й луне Сунцы уже прислали уведомление о прекращении войны с Ся, а в след. луну и Ся послали благодарить за посредничество. Покуда дела шли все еще хорошо, то и двор имел значение в глазах других. Но в том же в 12 луне Сясцы снова просили помощи против нападающих Сунцев. Эти последние, видимо, трусили Киданей и тотчас же в Ся прислали сказать, что они готовы вести переговоры, касательного мирного договора с Ся; но это было, видимо, только на словах, и в 6-й год (1107) Киданьский двор снова должен был послать своего посланца Талатая с указом к Сунскому двору о немедленном прекращении военных действий с Ся и возвращении отнятых земель. Ся, тронутые подобным заступничеством, прислали Ли-цзао-фу благодарить Киданьский двор за участие в их деле с Сунцами, а в след. 6-й луне и Сунцы прислали Мо-чжень-фу и Цзао-му с уведомлением, что они покончили наступление на Сяское государство. Этим дело и кончилось, хотя Сясцы через 3 года (1109, 9-й год Цянь Тун), в 3 луне, и присылали сказать, что Сунцы не возвращают занятых мест, но Киданьский двор ничего не ответил на это и предоставил их собственному произволению, поддерживая, однакож, с последними самые дружеские связи.

Но вот начинаются первые столкновения уже со значительно усилившимся Чжурчженьским правителем (цзеду-ши) Агудой. Столкновения эти начались при следующих условиях. Во 2-й луне (весною), во 2-й год Цзянь-цинь (1111), император со свитой отправился в Чунь-чжоу и, заметим, пировал на Кунь-тун-цзян (Сунгари, Сун-мо), куда отправился для уженья рыбы. Старшины Нюйчженьских непокорных (тень, серый) родов в пространстве 1 000 ли (500 верст) все пришли к ставке императора для объяснения по некоторым делам. При дворе был устроен по этому случаю праздник, пировали и пили на славу. Среди пира император вошел в палатку (пиршества) и приказал всем, там бывшим, стать по степеням (в разряды) и поклониться. Один только Агуда, бывший при этом, сказал, что не может сделать по приказанию Государя... Это озадачило слабого Тянь Цзо, но он смолчал в данную минуту и только на следующий день стал совещаться по этому случаю со своим приближенным – родственником Фынь-сянь'ем*, высказав ему следующее: «При торжестве вчерашнего дня Агуда

* Этот Фынь Сянь, впоследствии интриговавший против Элу-вень'я и его матери Вень-фей, был братом Хуань хоу (Доколо), жены Тянь Цзо, а значит, Тянь Цзо он приходился деверем.

смотрел, видимо, гордо (цюнь-хао) и был тревожен, поэтому нельзя положиться, чтобы пограничные дела не беспокоили его; после этого он непременно причинит неудобства». Фынь-сянь сказал на это: «Грубые люди не знают церемоний: нет большого греха и убить их. Можно бояться только перемен к худшему: ложное сердце имеет различные намерения. А, впрочем, что может статься от его младших братьев Угуная (Укимай'я), Немань (Нянь-хань), Хуши и пр., как только вознамерятся отправиться на охоту? Может ли быть, чтобы олень разрывал тигра и бросался на медведя?». Во всем этом темном предложении Фынь-сянь'я нельзя не видеть желания убить Агуду, а так как его младшие братья без него, то след., враждебная сила будет уничтожена совершенно. Император обрадовался этому проекту и наградил Фынь-сянь'я почетным титулом. Между тем беспечный Киданьский император не переставал заниматься охотой: в 9-й луне (осенью) того же года была большая охота на медведей в Яньской территории. Весь штат и сам император играли поэтому на ПИ-ПА (монг. муз. инструмент) и встречали охотников при звуках музыки. Между тем Агуда, по возвращении с праздника у Куньтунцзян, находился в натянутых отношениях к Двору. Император почувствовал эту размолвку и приказал всем войскам собираться к родам (бу-цзу). В числе организаторов различных отрядов были и 2 Нюйчженьца, перебежавшие со своей территории: Чжо-ке-суань и Агуци, почему Агуда напал на их дома и увел 2 человек из их рода. Об этом уведомили Сянь-чжоуского Сянь-гуань'я (правителя), который донес об этом императору. Но последний не обратил на это внимания и приказал по-прежнему заниматься следующими делами, а между тем отправил чу-ми-ши (военного президента) Фынь-сянь'я (того же самого, что и выше) разузнавать о новостях (!) и несколько раз посылал к Агуде с приказанием явиться к границе, но тот сказался больным и не явился. Все это совершилось еще в 1111 году (2-й год Тянь-цинь). На следующий год (1113) Агуда с 500 конных нападает на местность Да-ли-ку (Дароки, Бодуке (Сянь Чжоу)), где народ жил разбросанно в разных местах, и страшно испугал жителей. Но на другой день он ушел. Сянь-чжоуский Сянь-гуань с помощью Чжо-ке-суан (Нюйчженьца) и др. лично разрушил дворец Агуды и прочие строения. Агуда, однакож, не смирился, почему и послан был прокурор (сы-вень-чжуань) для снятия допроса, но Агуда тайно ночью убежал. Отправили одного посланца с извещением об этом государю, который дал ответ Сянь-гуань'ю, что он очень желает видеть Агуду убитым, почему и не должно оставлять дальнейших попыток к этому. В силу этого снова призывали Агуду, но тот снова не явился.

Между тем войска, собранные для борьбы с Агудой, на левом фланге (дао, дороге) подняли бунт, но их простили и разослали по пяти столицам.

И у чжурчженей на следующий год (1113) происходит тоже нечто вроде бунта или, скорее, оппозиции одному лицу. Дело в том, что Агуда, видя, что борьба с Коренным государством становится неизбежной, стал организовывать свои силы, собирать войска. Один из офицеров этих войск Асу, принадлежавший к Хешелийскому улусу, не хотел почему-то повиноваться приказаниям Агуды, почему последний отправил некоего Сагая наказать бунтовщика. Видя это, младший брат провинившегося Духубу бежал ко двору Ляо и просил заступничества. Двор, считавший себя вправе вмешиваться во внутренние дрязги заграничных вассалов, отправил к Агуде указ: не наказывать Асу. Но Нюйчжени уже не послушались прежнего повелителя и намеревались захватить бунтовщика, но этот спасся к Ляоскому двору. Вслед за ним тотчас приезжает посланец от Агуды с требованием: выдать бежавшего, но двор, видимо, еще не потерявший бодрость, отказал в этом. Прошло 6 лун, в 7-й луне снова является уполномоченный от Агуды с требованием выдать Асу, но Киданьское правительство и на этот раз отказало ему, а между тем отправило ши-юй (рынду) А-си-бао для приведения в известность пограничных цитаделей. Драма завязалась. Агуда, впрочем, посылает сказать, что если возвратят Асу, то он будет представлять дань по-прежнему; если же нет, то цитадели не могут существовать. Благодаря такой угрозе Киданьский двор двинул войска на север от реки Хунь-хе* и этим увеличил состав войск СВ дороги. Между тем и Агуда не сидел, сложа руки. Он держит совет со своими младшими братьями Угунаем, Не-мань и Хуши касательно назначения Ничуке, Ила, Лосо, Дуньма и пр. для организования войск со всех нюйчженьских улусах, дав им (т. Ничуке и пр.) титул: илицзи («собирающие войска»). Приведя, таким образом, в порядок свои военные силы, по примеру Ляоского военного управления (чжан-цинь-гуань), он двинулся на Нинь-цзян-чжоу (городок, см. на карте, лежал на правом берегу реки Сунгари). Войсковое правление (тунь-цзюнь-сы) Северо-Восточной дороги дало знать об этом императору, который занимался в это время стрельбой оленей в Цин чжоу. Пришедшее известие не очень встревожило его, но он все-таки послал Хайчжоуского цы-ши (воеводу) Гао-сянь-шоу заведовать бохайскими войсками и идти на помощь Тобуцзя, стоявшему против Нюйчженей. Сей последний встретился с войсками Агуды на востоке от Нинь-цзянь (Нинь-цзянь-чжоу), дал битву, но был разбит (4-й г. Тянь Цин).

---

* Хунь-хе впадает в Ляохе, в Маньчжурии, принимая в себя Тай-цзы-хе, на которой стояла Восточная Киданьская столица (Дунь-цзинь), теперь Ляо-янь.

Такое поражение вызвало со стороны правительства новое организование войска: брат министра Фынь-сянь'я, Сяо Сы-сянь (по другому Сяо Фынь-сянь) был назначен дутуном (главноначальствующим) сев.-зап. дороги, цзедуши войска цзинь-цзянь Сяо Тобуцзя – помощником ему. К войску из киданьских и Сиских улусов в числе 3 000 чел. присоединили еще гвардейцев Средней столицы 2 000 и волонтеров со всех дорог 2 000. Кроме того, юй-хоу-цуй-гунь-и назначен ду-я-гуань'ем, кунь-хао-чжи-хуй *Син куань* – фу-инь-у'ем*. Оба войска, киданьское и чжурчженьское встретились у *Тунь-че-хе* (впад. в Сунгари) и стали друг против друга, окопавшись рвом. Чжурчженьские войска скрытно переправились через Кун-тун-цзянь и, напав на Ляоские, совершенно рассеяли последние. Цуй Гун-и, *Синь-куань,* Елюй Фоли, СяоГекаши и мн. др. были убиты. Всего разжаловать за эту неудачу нужно было 17 чел. Но Сяо Фынь-Сянь испугался за своего брата (значит, его брат был главнокоман., а не он сам), думая, что и он подвергнется той же участи (т. е. лишится чинов), и послал донести об этом императору так: «Все отправленные на Восток и разбитые там войска находились в крайне стеснительном положении, почему не следует их наказывать, а скорее простить, т. к. можно опасаться, что вследствие строгих мер откроется много неудовольствия». Г-рь последовал этому совету и только устранил Сы-сянь'я от управления (гуань). Вследствие такого распоряжения все цзюнь'и (войска) стали говорить: «Кто сражается, тот получает смерть и не получает наград, а ушедший без дела (победы) с поля сражения, как видим, получает жизнь и остается безнаказанным». Отчего *войска стали выказывать нерасположение к сражению и стали дезертировать.*

Ввиду вторичного поражения войска в открытом бою, прав-во Тяньцзо думало защищаться окопами и послало дутуна Сяо *Дали* стать лагерем на Восток от озера Яо-линь (Хань-линь)**. Здесь он был атакован чжурчженями и потерял много людей (солдат и офицеров: цзу-ши), за что и был лишен звания чиновника. На место его был назначен Чжао-тао-ши (инспектор) сев.-зап. дороги Елюй *Хань-лидо,* а фу-дянь-цзянь (вице-адъютант) Сяо *И-ши* и тун-чжи нань-юань (Южного департамента) чу-ми-ши-ши Елюй Чжан-ну – помощниками его. Это случилось в том 4-м г. Цянь Тун (1113), в 11 луне, зимой.

В следующую затем луну округи (чжоу) Сянь, Тин и Сян, а также Тели и Уше (улусы, сопредельные с нюйжчженями) взбунтовались и перешли на сторону неприятеля. Такой поступок со стороны вассально-подданических уездов инородцев вызвал со стороны Ляо желание возмездия и усмирения. Но посланные для этого *И-ши* в Тинь-чжоу, а Шила, Туле и др. к Сяньчжоу были совершенно разбиты Чжурчженьскими войсками, которые уже успели занять сказанные местности.

1114 – 5-й год Тянь Цинь

Видя такие неудачи, император, надеявшийся сначала задавить врага, может быть, под влиянием советов свой жены Вень-фей, единственной энергичной женщины, сохранившей еще некоторое значение при этих смутных обстоятельствах***, решается, наконец, выступить против напиравшего врага, о чем и издал указ по всем дао (провинциям), а между тем послал Сень-цзяну вести переговоры касательно уничтожения титула Агуды (имени?), т. е. ду-бо-цзи-ле, принятого последним тотчас после смерти его брата Уяшу (1113). Агуда же со своей стороны также посылает сайло (парламентера, уполномоченного) ещё раз сказать, что ежели двор возвратит бунтовщика Асу, то он удалится от Хуань-хунь-фу (см. на карту) в др. земли.

Для обсуждения этого предложения император созвал совет, а между тем ду-тун *Ханьлидо*, имевший дело с неприятелем Далику (Дарок, Бодуле), был разбит.

Но всех этих поражений было мало для несчастного двора последнего императора династии Ляо: бунты не заставляют ждать себя и внутри империи. Первый восстает Бохаец Гуюй и др. и самовольно принимает титул Да Ван (Великий Ван). Посланный против него Сяо Сяо-фоле сначала (в 3 луне) разбил его, но в след.. луну был разбит им, почему нань-мянь (юж. Стороны) фубушу Сяо Тосыхо был произведен в ду-туны и послан против бунтовщика. В 5-й луне Тосыхо разбил его, а в 6-й он уже был захвачен и представлен ко Двору тем же полководцем. *Одновременно с этим Двор (в 3 луне) отправил Елюй'я Чжан-цзя-ну и др. 6 чел. курьером (цзи)* к чжурчженям, чтобы вести переговоры касательно уничтожения имени (титула) Агуды, так как миссия Сень-цзяну возвратилась, не достигнув цели. В 5-й луне Чжан-цзяну возвратился, но без решительного ответа, и поэтому был отправлен снова, с присовокуплением, что двор желает поскорее принять их в покорность (!). После вторичного безуспешного возвращения посланца император, наконец, объявил офиц. указ по всем дао, что он лично принимает начальство и сам идет против неприятеля. Здесь я, кстати, замечу, что между прав-вом

---

* Фу-инь-у – чжурчженьский комендант Юж. Столицы (у киданей коменд. наз. *мошоу* в той же столице)..

** Оно мной не найдено в топографическом указателе.

*** Об этом будет ниже в статье «Роль женщин» подробнее.

и народом не было солидарности, и в этом глухом, беззвучном состоянии провинции при издании такого указа, видимо, вызванного печальным положением дел, я нахожу поддержку своего мнения. Было много др. факторов при этом падении, которые ясно указывают на эту разладицу между прав-вом и массой. Я постараюсь указать на них, что и будет подробнее изложено ниже. Я возвращаюсь к прерванному рассказу. Однакож, этот смелый шаг стоил императору страшных нрав. усилий: он еще раз посылает *Селе* предложить нюйчженям: не желают ли они прекратить воину. Когда император снаряжался в поход, то сунский двор, узнав об этом, посылает к нему чиновника с богатыми дарами из серебра и тафты для вспомоществования войскам. В этом поступке Сунцев удивительно как хорошо выказался хитрый кит. ум: этот двор смекнул, что если Тяньцзо разобьет Агуду, то, пожалуй, вздумает нагрянуть и к ним, след., для устранения этого необходимо теперь же действовать, оказать посильную помощь для собиравшихся ополчений, и вот он отправляет посланца о большими подарками, а между тем не забывает и солидарничать с Севером, т. е. чжурчженями, подстрекая их энергичнее нападать на киданей. Таков был Сунский двор в эту эпоху...

Император, у которого кладовые были пусты, конечно, принял это приношение «юж. Соседей» и перед окончательным сбором в поход послал еще раз Ханьлидо против чжурчженей, но Ханьлидо был разбит в деле при озере Тайле (Таймало). Селе, однако, не возвращался. Император сделал следующее распоряжение касательно назначения полководцев и плана войны. Вей чан ши (рында, адъютант) Абу сделан ду-туном среднего войска (центра, чжунь-цзюнь), Елюй Чжань-цзяну произведен в пристава (ду-цзянь) с правом начальствовать 100 000 армией из китайцев и фаней (иностранцев), Сяо Фынь-сянь (министр императора) ду-туном императорского лагеря (чунь-юй-инь), Елюй Чжань-ну (после взбунтовавшийся) заведывать отборным войском (я, зуб) в 20 000 и составлять авангард (сянь-фынь). Остальные войска разделяются на 5 отрядов и составляют центр (чжень-цзянь, прямое); сыновья и младшие братья знатных родов в 1 000 чел. составляют фланг (инь-цзюнь); 100 фу-цзунь-сы (чиновников, сержантов) составляют охранное войско (гвардию, ху-вей). Все эти войска идут к северу от прохода Лочихоу. Другой корпус: ду-дянь-цзянь (пристав-адъютант) Сяо *Хушахе* произведен в ду-туны, чумичжи се ши (секретарь военного министерства) *Чай-и* – заведовать кит. пехотой и конницей в 30 000 (Фу-цзянь-хань-бу-ци). Эти войска должны были идти с юга, со стороны Ниньцзяньчжоу (по направлению); с Чан Чунь-чжоу* разделяются на отряды и приготовляют провиант на несколько месяцев, покуда не «задуют» чжурчженей.

Покуда собиралось и двигалось это ополчение, Нюйчжени берут Хуань лунь-фу. Посланный для переговоров *Селе* возвратился с парламентером (сай-ла), который и передал, что нюйчжени готовы прекратить войну, но только в таком случае, если бунтовщик Асу будет возвращен.

Но перед выступлением в поход императору еще пришлось выслушать оскорбление со стороны чжурчженьоких полководцев и братьев Агуды: «Могущественный г-рь, говорили Немань (брат Агуды) и Учжи (знаменитый впоследствии полководец), сделался низким: жаловался на нас, а между тем сам желает и ищет войны!» Когда передали это г-рю, тот страшно рассердился и издал указ (чжао), в котором упрекал чжурчженей в проступках: «Чжуржени начинают делать дерзости (го), говорил указ, большая армия да будет карать их за эти слова». Когда Агуда узнал об этом, то в присутствии войск и братьев, изрезав лицо и вздохнув, горько заплакал и сказал: «Вначале с помощью твоей я организовал войско, потому что *мы много терпели от киданей насилий*, желали сами поэтому основать г-во (ли-го, поставить). Теперь я г-рь (чжу), но вот сам император (шань) выступил в поход: что делать, когда мало людей? Люди погибли в битвах, но что делать? Если убьют меня, ты, мой родович, встретишь покорность, предотвратишь бедствие и обогатишь все войско, деяния кончатся, но только в таком случае приказываю поступать так, как я тебе высказал».

Эта речь Агуды, конечно, не без преувеличения показывает нам, что одной из глав. причин восстания чжурчженей было насилие, жестокость кид. прав-лей. По др. источникам мы знаем также, что посланцы кид. двора к Восточ. морю за кречетами сильно раздражаяя Сев. (непокорных) чжурчженей своими своевольствованиями в Нингуте. Мы, действительно, с сожалением должны признать, что восточные правители часто способны на жестокость, но это нельзя ставить им в большую вину, если взять ту среду, те условия, в которых живут они, не обладая притом и истинным просвещением за отсутствием лит-ры и письменности. Можно думать, что такая же жестокость Чжурчженей вызвала на сцену и Чингис-хана.

Бунт Чжань-ну

Воспользовавшись выступлением в поход самого императора, Елюй Чжань-ну задумал возвести на престол Вей-го-Вана Чунь'я (впоследствии действительно провозглашенного императором) и для этого бежал в Шан

---

* Чань Чунь-чжоу лежала в районе Верхней столицы. Более точное указание я не могу представить за неимением под рукой указания.

Цзинь. Император отправил фу-ма (зятя) Сяо Цзинь-линь с войском к Гуань-нинь-дин (озеру) для охранения государыни, прочих жен походного дворца Инь-дань. Некто И-синь отправился для переговоров и уведомления Вей-го-Вана Чунь'я об замысле Чжань-ну'я. Еще прежде этого Чжань-ну отправил к этому же Чунь'ю Сяо Дили, млад. брата жены Чунь'я, для совещания с ним касательно престола, но Чунь сказал посланному: «Это дело не просто, г-рь имеет в своем ведении всех Ванов и может назначать их на место себя. Вельможи (да чень) не приходят откуда-нибудь (с севера или с юга), не сами получают титулы, а ты предлагаешь это. Можно ли?» И он тайно приказал удержать посланного.

В это время И-синь прибыл с письмом от императора и объявил следующее: «Чжаньну с пр. желает разрушить существующий порядок и провозгласить г-рем тебя, Вей-го-Вана Чунь'я». Чунь, в силу этих слов, отрубил голову Сяо Дили и пр, и по тропинке пробрался в Гуань-тинь-динь, ожидая наказания. Г-рь встретил его, однако ж, как следует. Между тем Чжань-ну, узнав, что Вей-го-Ван не увлекся его планом, бросился на округа: Цинь, Жао, Хуйя, Цзу* и пр. чжоу, ограбил там множество скота, проник и до Бохая, где также сделал грабеж, и с толпой в несколько десятков тыс. человек пошел в Гуань-пин-дин для возмущения (грабежа) походного лагеря. Агуци, один из покорных нюйчженьцев, напал на него с 300 (!) конных и, разбив совершенно, захватил 200 чел. из знатного рода в плен и всем отрубил головы. Жен и детей он препроводил в сю юань-хо, многие сообщники бунтовщика были отданы в рабство, некоторые, получив свободу, бежали к чжурчженям. Сам Чжаньну посредством хитрости получил должность чиновника, но вскоре затем задумал бежать к чжурчженям. Замысел его узнали и, заключив самого в цепи, отправили на площадь для казни. Сердце преступника было вынуто из трупа и принесено в жертву в Храме предков (цзу-мяо). Самый труп был разрублен на части и разослан по 5 столицам (дорогам) для устрашения злонамеренных. Все это произошло в 8 и 10 лунах 5-го года Тянь Цинь (1114).

В 11 луне зять императора (фу-ма) Сяо Темо и линь-я (академик военный) Сяо Чала с др. были отправлены для командования конными войсками в числе 50 000 и 400 000 пехотой. У самого г-ря было 700 000 (?) войска, которое дошло до Чи-мынь** («Красные ворота»). Император в 12 луне вступил в сражение с неприятелем у пещеры Ке-бу-до (Кобудо), но был разбит и бежал со своим обозом.

Пользуясь этой неудачей, многие вельможи открывают бунты. Елюй Чжан-цзя-ну первый поднимает знамя восстания, но усмиряется (т. е. разбивается) в той же луне (12-й) линь'я сев. стороны Елюем Маке. Вслед за ним оказывает тоже неповиновение и Цзинь-чжоуский цы-ши (воевода) Елюй Чжу-чжо (Чжопо, по-другому). Усмирение этих внутр. агитаций отняло у прав-ва много сил и времени: весь 6-й год Тянь Цинь (1115) был посвящен этому делу. Бунт Чжан-Цзяну принял, видимо, грозные размеры, потому что посылаемый для его усмирения Тобуцзя (во 2 луне) и Сяо Темо (тогда же) не могли ничего поделать, т. к. бунтовщик соединился еще с другими, Бохайскими разбойниками: Хоу Хай'ем и пр., всего 10 000 с лишком чел., и страшно опустошал местность у Сред. столицы, намереваясь напасть на Гао чжоу***. В 3-й луне, однако ж, Чжохе удалось разбить Хоу Гай'я, а в 4-й луне император лично разбил глав. силы мятежников. Все бунтовавшие были подвергнуты пыткам. Жаочжоуские бохайцы были усмирены.

Одновременно с этим бунтом произошло очень трагическое происшествие в Восточ. столице (в 1-й луне 6-го года Тянь Цинь, 1119). Человек 10, подгуляв, взяли оружие и подошли к камере коменданта (мо-шоу), прося его выйти для некоторых объяснений по случаю настоящих событий. Комендант Сяо Бао-сянь вышел к ним, и они тотчас же убили его. Фубума да-тун Динь, узнав об этом, передал кому следует, а сам с помощью вице-коменданта Гао цинь-минь'я, собрав 1 000 человек Сиских и китайских войск, напал на злодеев и, захватив их всех, предал казни, их же родовичей обласкал и поселил в Дунь Цзине. Сяо Баосянь действительно был строг к жителям, и они имели основание устранить его. Воспользовавшись такой сумятицей, бохаец Гао Юньчан принял титул императора (хао), объявив даже года своего правления под именем Юань-пянь. Ляоский двор отправил Сяо И-ши с целью подозвать его (обласкать, смирить), но миссия последнего не имела успеха. Потребовалась военная сила: Сяо Хань-цзяну, чжичжи, был отправлен для его усмирения, но Юнь-чан, соединившись с Гуй-де чжоуским шоу-цзянь'ом (командующим войсками в округе Гуй-де) Елюем Иду, после одного поражения, нанесенного последнему, успел в 4-й луне разбить Хань-цзяну. Он вступил в переговоры с Агудой, предлагал ему свою помощь, но последний, захватив (в 5-й луне) Нань-чжоу, разбил и Юнь-чана.

---

* Все эти чжоу лежали в пределах Верхней столицы (цз. 36).

** Этот пункт 1) нельзя точно определить.

*** Гао чжоу лежал в пределах Средн. столицы (Да-динь-фу), уезд (сянь Сань-хань-сяй имел войска 10.000 (см. цз. 36 Ляоши)..

При виде постоянных успехов чжурчженьских войск 13 чел., подданных Ляо: Хебо, Даола, Уше, Тобуцзя*, дао-ла Чжохе и др., жившие в уездах и округах Восточ. столицы, перешли на сторону чжурчженей.

За недостатком войск двор Ляо разослал по всем дао переписчиков жителей: тот, кто имел свыше 10 голов различного скота (коров, лошадей, овец и др.), должен следовать за войском, т. е. состоять в войске.

Чунь, за которого хлопотал Чжанну, оставшийся верен престолу (скорее, из боязни, как это мы увидим ниже), был произведен в главнокомандующие (ду-юань-ши) с титулом Цинь-цзинь Го Вана. Шаньцзиньский комендант Сяо Тобуцзя был назначен его помощником (фу-юань-ши), а на место его назначен Хань-цзянну.

Однако ж, несмотря на подавление мятежа, двор все-таки должен был встретиться с ними. Бохай, как известно, был завоеван Тай-цзу и почти насильно присоединен к составу государства: он и при нем часто восставал. Тай-цзун дозволил ввести там кит. законы, т. к. народонаселение было густо заселено жителями Срединного г-ва. При Цзинь-цзуне думали отнять его привилегии в деле торговли (свободная продажа соли и винных дрожжей), но вспыхнувший при Шэнь-цзуне бунт Да-янь-линя (Да-лянь'я), имевший чисто эк. причины, заставил прав-во возвратить отнятое и предоставил ему более лучшую, свобод. организацию в управлении.

Теперь, при Тянь Цзо, бохайцы восстают почти первые и тянутся к Агуде. В 7 луне (6-го года Тянь Цинь, 1115) 200 с лишком домов Чаньчуньчжоуских бохайцев подняли бунт и задумали передаться на сторону Агуды. Вслед за ними сильный Уэрчуский улус (бу) сделал тоже самое. Впрочем, как те, так и другие были подавлены вскоре войсками Ляо под начальством Елюй Тобуцзя, отправившегося против Уэрчу, и правлением (туньцзюнь-ши) северо-вост. дороги, выславшего корпус против бохайцев. Уэрчу даже смирилось и прислало с известием. Посланный против одной крепости Хе-сы-хань**фу тун (вице-дутун) Маке не имел успеха, и был поэтому разжалован.

Частые потери обозов и большие наборы войска сильно истощили и без того тощую казну двора, в силу чего указом в 1 луне, в 7-й г. Тянь Цинь (1116) было определено: уменьшить порции хлеба (риса) для лошадей и собирать лишнее в подвалы.

Между тем Цзиньцы, по завладении Бохая остановившие несколько наступательное движение, снова поднялись по приведении в порядок вновь приобретенной территории, напали на Чаньчунь чжоу. Кид. армия, стоявшая в сих местах, не захотела вступить с ними в битву, боясь новой неудачи, и чжурчжени, ограбив местность, удалились из нее.

Такое направление воен. действий со стороны кид. двора, ограничивающееся только надзором, без всякого желания вредить врагу в его набегах на области, вероятно, было вызвано печальным положением дел внутри империи. Сам император в то время не переставал заниматься охотой и разъезжает с одной облавы на др. Дух неудовольствия при виде такой апатии, в тоже время неудачи во многих сражениях и даже целой области Ляо-Дуна, стали проявляться с еще большей силой. Во 2-й луне сего года (7 г. Тянь Цинь, 1116) в Лай-шуй-сянь*** появился сильный разбойник Дун Пань-эр во главе толпы в 10 000 с лишком человек. Высланные против него комендант Зап. Столицы (Си-цзинь лю-шоу) Сяо И-ши и пристав (ду-цзянь) войскового управления Юж. столицы Чала имели дело с ним у И-шуй и разбили его полчища. Но этого поражения было недостаточно для окончательного уничтожения мятежа. Пань-эр снова начал грабежи с остатками своих сообщников, и Сяо И-ши снова разбил его в пределах фыньчженьского чжоу. Мятеж затих, но не затихла борьба с Агудой. Восставшие против него Неле, Хелу, Нике, Симу и др. были разбиты наголову, за что и подверглись торговой казни (были разбросаны на площадях). Вообще, жестокость наказаний при Тяньцзо (подробнее об этом ниже) как-то мало гармонировала с его трусливым, беспечным характером. Уклоняясь все более и более вглубь страны, войска Ляо сосредоточились в 8 лагерях, простиравшихся от Пекина до р. Иньцзиньхе. В округе И-чжоу были основаны: передний *цзинь* и задний *и* (лагери), в Цзинь Чжоу – передний цзинь и задний цзинь, в Цянь – цяньинь (лагерь), в Сяньчжоу – сяньский лагерь. Кроме того, были основаны цянь-сяньский да-инь (большой, главный лагерь) и яньчжоуский. Всего войска в них состояло 208 000 человек. Эта позиция выходила к горам Цзили в Вейском округе. Ни такое громадное число войска, ни лагери, однако, не могли помочь падающему Двору: посланный против чжурчженей Чунь был совершенно разбит ими у гор Цзи-ли (на границах Маньчжурии около Гуань-жень-сянь'я), вследствие чего Чунь ворвался в Сянь-чжоу и захватил много городов в соседних округах.

* Носивших имя Тобуцзя было 15 человек.

** Хе-сы-хань не Хурхань ли, некогда осажденный войсками Тай-цзу под начальством его сына Дуюй'я и лежавшего в 300 ли от Хой-нинь-фу на юго-западе?

*** Уезд Лайшуй-сянь лежал в районе Южной столицы, в департаменте Чже-цзян-фу, в округе (чжоу) И-чжоу. Войска стояло 54 000, значит, уезд довольно сильный и зажиточный; 2) Река И-шуй впадает в губ. Чжили в Бохайский залив, при ней стояла крепость Ва-цяо-гуань, которую осаждал Цзинь Цзун (с 968–983).

Это страшное поражение со стороны чжурчженей, еще раз нанесенное войскам Ляо, произвело в последних значительную убыль. Чтобы пополнить ее, Чала с да-туном Дином отправились нанимать войска во всех дорогах (провинциях).

Вслед за сим и Агуда, увидев себя обладателем значит. тер-рии, отнятой им у Ляо, и своей родовой, решается принять императорский титул; дал название годам правления – Шоу-го* и г-ву – Цзинь («золотое»). Кроме того, стал употреблять чжоуский реестр (?) Ян–пу; составил историю о св. происхождении из глубокой древности, принял жертвенник (чань, обоготворил себя?) и просил утверждения во всем этом у Ляоского двора грамотой «великому г-ву» (да-го), почему и отправил послов для переговоров о мире в том случае, если наградят грамотой (т. е. признают его самостоятельность, равным себе государем).

Узнав о поражении главных Ляоских сил под начальством Чунь'я и принятии Агудой титула императора, Сунский двор заводит сношение с ним морским путем, предлагая ему совместные действия против династии Ляо и ту же дань (около 300 тыс. лан серебра), какую они платили Ляо, но с условием уступки всей земли, которые достались Ляоской династии по договору с Шицзиньтаном, в том числе Ю-чжоуский округ (Пекин).

Пользуются и Ляосцы, чтобы повыгоднее заключить мир с сильным врагом: в 1-й луне 8-го г. Тянь Цинь (1117) Елюй Нуке отправился для этого к двору нового «северного» императора.

Между тем внутри деморализованной империи происходили нерадостные явления: разбойники появились во множестве по всем дао, и народ просил о помощи, цзедуши войска бао-ань («отнимающее спокойствие») Чжань-гунь с 200 домами (цзе, семействами), жившими в Шуань-чжоу, передался на сторону Цзиньцев. Во 2 луне Маке возвратился и передал двору следующее: «Цзиньский г-рь желает, чтобы его признали старшим братом, представляли годовую дань из товаров, отдали ему во владение Верхнюю и Среднюю столицы, департамент Синь-чжун (фу), округи и уезди 3-х дорог (провинций), отдавали в заложники цинь-вана (1-й степени), царевен, зятьев (фума), да чень (вельмож), потомство (сыновей и внуков), возвратили перебежчиков, и все это скрепить грамотой (синь-фу) при участии Сун, Гаоли и Ся (т. е. засвидетельствовать это всему тогдашнему свету) – соглашается только на таких условиях».

Двор, воспитывавшийся на китайских началах гордости и неуступчивости, при всей своей слабости не захотел, конечно, принять их (условия) и в 3-й луне снова отправил того же Нуке для переговоров. В 4-й луне Нуке возвратился, но без ответа. Вскоре пришел и ответ, подтверждавший раз высказанное. Кид. двор не теряет еще надежды на счастливый исход для себя и снова посылает Нуке с предложением заключить мир на половине предложенных условий. Но и это не удалось: Агуда настаивал на своем, отправил даже для этого своего посланца Хутукетунь'я вместе с возвращавшимся Нуке. Видя такую настойчивость со стороны нов. императора, Ляоский двор прибегает к посредничеству других сильных держав, послав для этого того же Нуке с грамотой (чжао-бяо-де) касательно переговоров с Цэиньцами, т. е. представить на усмотрение этих держав (Сун, Гаоли и Ся) все условия переговоров о мире, которые казались возмутительными в глазах Ляо.

Покуда шли эти переговоры и перепосылка уполномоченных, в Ляоской империи снова появились сильные разбойники у озера Наке: Ань Шень-эр и Чжань Гао-эр во главе 200 000 толпы. Посланный против них Елюй Маке (другой, первый был разжалован) поймал Шень-эр и отрубил ему голову, а Гао-эр бежал в Ичжоу** и соединился там с другим разбойником Холюге. Этот последний напал на Хай-бей-чжоу и оттуда направился на И-чжоу*** (другой округ). Однако ж, посланный против него с отборным войском цзюнь-щи (наз. чина) Холобо (Холбо) напал и разбил его наголову. Мятеж утих.

Чтоже делалось дальше на политической сцене тогдашнего мира? В 7-й луне Агуда отправил того же Хетукетунь'я к двору Ляо, снисходя отчасти на его мольбы. Он предлагал уже следующее: «Отдачу в саложники сына можно устранить (не делать), а также передачу Верхней столицы, Синь Чжунь-фу с принадлежащими ему городами и округами, можно допустить уменьшение годовых взносов и еще нечто менее значительное, но чтобы непременно считать его старшим братом и в грамотах употреблять это по кит. церемониям. На подобных *условиях еще можно согласиться*».

Но Ляоскому двору было мало и этой уступки: он отправляет 2 уполномоченных сразу для переговоров касательно установления кит. церемонии в грамотах. Это происхолило в 8 луне 8-го года Тянь Цинь (1117).

Однако ж такая настойчивость со стороны Ляо, нежелание потерять и небольшую частичку императорской чести чуть-чуть не поссорила снова 2 переговаривавшиеся стороны. Тоди, один из посланцев Ляо, остался при дворе Агуды и послал Нуке обратно, сказав ему, что Цзиньский г-рь очень гневается на такое ведение перего-

---

* По др. источникам, он это сделал еще в 6-й г. Тянь Цинь, т. е. 1115.

** Ичжоу лежал в пределах Верхней столицы. Войска имел 8 000.

*** И-чжоу неизвестен.

воров и не желает больше принимать послов от Ляо. Нуке возвратился к своему двору с этим ответом, и можно было бы думать, что этот двор угомонится, наконец, и не будет настаивать на своем. Не тут-то было: в 9-й, т. е. следующей луне он снова отправляет того же Нуке к Цзиньскому двору для поддержания своих условий о мире.

Между тем передача на сторону новой империи подданных Ляо не прекращается: в 6 луне 800 с лишком домов в Ляоси передались на ее сторону, в 9 луне Сяо Тотоли с 15 другими во главе родов передался на ту же сторону. За ним в след. луну последовал и Луньхуачжоуский Чжань-иньгу с 4 другими. В 12 луну их примеру последовал и цзедуши войска Нинь-чань Лю-хун с 300 Ичжоуских домов. В 10 луне Нуке и Тоди возвратились с переговоров от Цзинь, принеся с собой условия церемонии в грамотах. По утверждении этих церемоний со стороны Ляо, Нуке снова был отправлен к Цзиньцам для передачи сказанных постановлений. Но кроме ущерба, который наносил переход некоторых округов и чиновных лиц на сторону Цзиньцев, на Ляоской тер-рии свирепствовал страшный бич народа – голод. В округах: Цянь, Сянь, И, Цзинь, Синь чжунь-фу и др., где проходили беспрестанно войска, посылаемые против чжурженей, и куда часто вторгались последние, мера (ке, безмен) рису стоила несколько крепов (цзянь, кусков материи). Народ резал кожу и употреблял ее в пищу, люди ели друг друга (сянь-ши, взаимно поедали). Вот в каком положении был тогда народ сказанных местностей, и неудивительно, что он толпами переходит на сторону Цзиньцев, у которых, по крайней мере, не было недостатка в самом насущном и было относительно спокойнее, чем в «коренном г-ве». Теперь, когда церемониальность в грамотах была установлена и утверждена с той и с др. стороны, Агуда, все еще не получивший утверждения от «коренного» г-ва в принятом им титуле императора, решается завести речь и об этом, и для сего в 1-й луне 9-го г. Тянь Цинь (1118) отправляет к Ляо Улин-дай'я. Но двор, от которого зависело утверждение, не хочет исполнить волю просителя буквально, т. е. признать его равным себе, и жалует его грамотой на императорское достоинство «Восточного любезного г-ва»((дун-хуай-го-хуан-ди), которую и посылает с Сяо Шихале, заменившим Нуке и Тоди, уже, кажется, довольно уставших от частых миссий ко двору Агуды. Этот последний был недоволен таким пожалованием, нисколько не удовлетворившим его ожидание, и в 7 луне того же года снова отправил Улиньдая объявить Ляоскому двору свое неудовольствие и заметить следующее: «Грамоты, не имеющие слов "старший брат" и "да цзинь" (Великая Цзиньская империя, династия), а употребляющие выражения "дунь-хуай-го" не могут приниматься, т. к. только маленькое г-во можно называть "дуай" (любезное), а наше имеет истину добродетели (т. е. право на большее почтение). Чтоже касается собственно размера грамот, то он должен быть большего формата (цюй-цай); некоторые слова, как не имеющие большого значения, можно опускать, но различные формы сущности (т. е. сущность грамот) должны быть соблюдаемы, согласно установленным при переговорах правилам, и, таким образом, должно следовать навсегда». Чжао Ван-Шипам, назначенный мо-шоу Зап. столицы, вместе с Янь-ли-чжуном снова были отправлены с черновой грамотой (неутвержденной) к двору Агуды для поддержания переговоров касательно вышесказанной грамоты на императорское достоинство «Вост. любезного императора».

1 луна. Покуда велись эти переговоры, в Кид. империи снова появились бунты и агитация против прав-ва. Некто Саба, подговорив войска, принял даже «гордый титул» (цзянь-хао, объявив себя независимым императором). Но, видимо, он слишком много рассчитывал на поддержку войска: командующий войсками Юж. столицы И-ду (И-ду-гу) с первого же поражения совершенно рассеял его приверженцев, и бунтовщик больше не смел поднять голову.

5 луна. Другое вос-е целых улусов – Чжуньбу и Бо-сы-ци – имело гораздо большее значение, т. к. высланные против них войска были разбиты, а полководцы Елюй Хань-ли-до и Сяо Си-ли-тай были убиты при этом. И этот бунт, однако ж, тоже скоро улегся, почему дальше о нем нет никаких известий.

Кроме этих открытых оппозиций двору, были еще темные, скрытные, замыслившие своей целью ниспровергнуть существующий порядок. Таков был замысел Елюй Да, Чень-ту-ну и др. 20 чел., не успевший, однако, осуществиться, и заговорщики, изобличенные в преступлении, подверглись пыткам.

Некоторое затишье, наставшее на полит. горизонте юго-вост. Монголии и сев.-вост. Маньчжурии по случаю переговоров двух столкнувшихся империй, не могло долго удержаться, т. к., с одной стороны, требования были категорические, а с др. – желание сохранять за собой свой верховный перевес, первенство над сильным врагом. Почему, когда цзиньцы стали употреблять в грамотах пышные «гордые» титулы, не согласившись на желание Ляоского двора употреблять только титул «да-шень» (великий-святой), и когда последний послал к ним снова того же Шихале для переговоров и упрекал в превышении власти, то прямой Агуда, страшно рассердившись на такую придирчивость и узость кид. двора, двинул войска на Шань цзинь (Верх. столицу киданей Линь хуань фу) и взял ее приступом, а вместе с ней и ближайшие города и уезды. Тамошний мо-чжоу Елюй Тобуцзя должен был сдаться на капитуляцию.

Еще раньше этого Ляоский двор, видимо, предчувствующий разрыв, издал постановление, что если кто обладает 10 лошадьми, то 1 из них (1 % на 10) должен представлять в распоряжение прав-ва для снабжения войск Восточ. дороги, а Елюй Бей-саба стал частно собирать войска (волонтеров) для вспомоществования главной армии, стоявшей в лагерях в пределах нынешней юго-вост. Монголии у границ Маньчжурии.

С этого момента началось сильное наступление со стороны цзиньцев, и 5-ти лунная (с 1120–1125) кровавая драма, разыгравшаяся с аккомпанементом воинственных криков, с одной стороны, и горького отчаяния, с другой, закончилась, наконец, политич. падением последней, отзвук которой достиг, впрочем, до Зап. пределов Ср. Азии и, прожив там около 80 лет до 1202 г., замер в звуках других политический деяний. (Продолжение см. в тетради № 5.)

ТЕТРАДЬ II
ВНУТРЕННИЙ ОБЗОР: ЦЕРЕМОНИИ, МУЗЫКА, ПРАЗДНЕСТВА (ОБРЯДЫ), ЗНАЧКОВЫЙ ПРИКАЗ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБЗОР, УГОЛОВНЫЕ ЗАКОНЫ, ВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО, РЕЛИГИЯ, ПРОСВЕЩЕНИЕ И Т. Д.

I. О ЦЕРЕМОНИЯХ

К числу многих характерных черт кит. народа принадлежат и церемонии. Потребность в них почувствовалась еще за 200 лет до Р. Х., при императоре Яо (одном из 5-ти ди), который и ввел их, одинаковые по всей империи. Окончательное освящение их последовало с появлением Ли-цзи* великого Кун-узы. Впоследствии они разнообразились и получили большую распространенность, захватив собою почти все сферы общественной жизни Китая и, таким образом, привели Европейцев в то недоумение, которое выразилось пресловутым изречением: 10 тысяч церемоний. Действительно, сами Китайцы приписывают им громадное значение: по их нехитрому миросозерцанию буквальное, неизменное исполнение налагаемых на гражданина условий вообще и церемоний в частности является источником нравственного совершенства. Надо, кстати, заметить, что в Китае по преимуществу обращается внимание на нравственность гражданина. Но это, так сказать, общая теория, на которой зиждется идея о церемониях. По уверению самих ученых Китая, церемонии имеют своей цельной точкой еще нечто другое, более близкое интересам двора – это подавление тех сил, которые так или иначе могут подкапываться под престол, враждебны ему, составляют его оппозицию, потому что, как они говорят, по мере исполнения церемоний можно судить и о степени привязанности к престолу. Но, конечно, тут всегда можно ошибиться: под маской наружной покорности может скрываться злой умысел. Как бы то ни было, но вот 2 основных мотива, по которым создались кит. церемонии.

Эти церемонии с тем же кит. взглядом на них заимствовали и те кочевые империи, которые, создавшись бок о бок с Китаем, так или иначе заводили с ним сношения.

Династия Ляо, утвердившись в Сев. части Китая, заимствовала от него вышесказанную мысль о церемониях, но применила ее у себя с значительными изменениями, руководясь в данном случае своими специальными условиями. Мы даже встречаем в ней оригинальные церемонии, установленные благодаря некоторым фактам ее собственной истории. Такова церемония *хе-пи нан*, установленная по случаю возмущения Чжун-юань'я, дяди императора Дао Цзуна.

Идея, однако ж, и у кочевой империи осталась одна и та же, что и в Китае: как сами Кидани смотрели на значение церемоний видно уже из того обстоятельства, что когда Агуда не хотел кланяться Тяньцзо на пиру при р. Кун-тун-цзянь (Сунгари), то Фынь-сянь, министр императора, советовал ему убить Агуду, опираясь на то, что тот не знает церемоний (поступает невежливо), следовательно, убить такого человека не грешно. Кроме того, в истории Ляо мы встречаем довольно часто (особенно в отделе биографий императриц и гун-чжу) похвалы тем лицам, которые знали церемонии и были привержены к ним. Это, как видно, ставилось наряду с заслугами (гун), считалось каким-то особенным светлым штрихом в нравственном характере субъекта.

Нельзя не признать также и того, что церемонии, как и вообще все заимствования от монархического Китая, были одной из тех мер, которыми пользовались кид. императоры для своих прямых, насущных целей, т. е. в

---

* Ли-цзи – одна из 5-ти классических книг Китая (цзинов), приписываемая Конфуцию. Некоторые европ. ученые сомневаются в такой принадлежности...

деле укрепления своей власти среди подданных – кочевников, легко воспринимающих революц. идеи и более всего склонных к конституционным формам правления, потому что, хотя мы и видим, что кидане имеют много городов, нельзя не заметить из некоторых фактов из истории, что они не совершенно утратили формы прежнего кочевого быта.

Отличные церемонии (цзя-и-ся)

а) Церемония северного поздравления императрицы с днем рождения (хуан-тай-хоу-шень-чень)

С появлением дня чиновники (штат) «ходят во дворец». Гос. посланники, достигнув канцелярий (мо), разделяются на очереди, как при обыкновенных церемониях. Хуан-тай-хоу (мать-императрица) входит в залу и садится. Хуан-ди (император) садится сбоку, с вост. стороны. Кид. вельможи (ше-жень, местные люди) входят в залу по заслугам (тун-мин). Киданьские, китайские чиновники, Сунский уполномоченный (ши-фу), а также хань-линь-сё-ши (наз. чина в ученом комитете) по очередям входят в Зап. и Вост. ворота и, по соединении всех очередей (все вместе), приносят поздравления, затем молятся о долгоденствии в верх. зале и выходят, разделившись на очереди, для представления (инь), все, как при церемонии Нового года (чжень-дань). Церемоний-мейстер (Цзяо-фан) встает и делает 7 поклонов. Кид. и кит. люди и чиновники входят с вином (т. е. приносят поздравление), все, как при церемонии Нов. года. Только по обнародовании священного указа император нисходит с трона и подносит императрице церемониальные вещи, приличные сему дню, и по окончании сего дважды кланяется в верхней зале. Штат также кланяется. Император всходит на трон; чиновники разделяются на очереди для представления. Чжун-шу-лин-бей да Ван, входя по Зап. лестнице в верх. залу, делает доклад (о представлении). Кид. чиновники делают представление, за ними кит. чиновники делают представление, за ними Китайские чиновники и люди вместе с чжу-дао делают тоже самое. Кун-хао-гуань* ставит диван и делает 4 поклона, по окончании чего представляется. После сего все гражданские и военные чиновники, в порядке и по именам, а также Гао-лийский и Сяский посланники также представляются (фын). Сюань-хуй-ши** представляется по вызову. Каждому предоставляется место, кун-хао-гуань почтительно относит диван (табурет). Кидане, китайцы, а также чиновники благодарят (за что?) пятью поклонами, вызова каждый с почтительностью ожидает и отходит. Цзяо-фан и чжу-дао также представляются. Посланники благодарят также, как и они. Кид. чиновники благодарят за дозволение веселиться и, отойдя в верх. залу, становятся у трона. Кит. люди и чиновники, а также Сунский ши-фу входят в восточные тун-мынь лицом к западу и благодарят за дозволение веселиться, как при церемонии Нового года. Вызова каждый с почтительностью ожидает в верх. зале. Чиновники (кит.) и ши-фу также становятся у трона в верх. зале. Цзянь-чжань (кравчий?), цзяо-фан и шань-фань-цзунь-жень входят через Восточный портик и становятся также у трона. Юй-чуан (императ. постельничий) входит с вином для императора. Чиновники, присутствующие при этом, кланяются. Император подносит вино императрице, которая принимает его сидя. Прислуживающие (т. е. император?) стоят. Чиновники все кланяются и желают долгоденствия, и каждый с почтительностью стоит в ожидании вызова. Когда императрица (хуан-тай-хоу) выпьет вино, то награждает затем императора. Император, став на колени, выпивает вино и, отойдя на ковер у трона, кланяется. Все присутствующие чиновники тоже кланяются, затем император награждает вином всех чиновников и Сунского уполномоченного, которые пьют его стоя. Хуан-ди восходит на трон и садится церемониально. Чиновники вместе с Сунским уполномоченным все кланяются и желают долголетия, а затем, по данному знаку, все садятся. Затем начинается угощение вином. При первом входе все, находящиеся в двух портиках, кланяются и желают долгоденствия (вань-суй). Каждый тогда садится. Затем Цинь-Ван (первый Ван, родственник импер. дома) входит с вином, как на церемонии Нового года. Если Хуан-тай-хоу пожалует его вином из своей руки, то он становится на колени и пьет, затем отходит в лу-тай (башню росы) и делает 5 поклонов. Вызова в залу должен с почтением ожидать. При третьем выходе с вином приносят пирожки и чай. Цзяо-фан становится на колени со словами приветствия. Чиновники, ши-фу, лань-ся-цзун-жень все стоят со словами приветствия и по знаку кланяются при каждом блюде. За чаем следует мяо-фань (отличное кушанье), все как при большом обеде. Затем подают рисовую кашицу в чашках. При 7-м входе с вином чиновники открывают песни; лань-ся-цзун-жень встают и кланяются, желая долгоденствия, и каждый удаляется согласно церемонией (прилично). Чень-шоу-гуань (высшие) выходят двумя дверьми с приличными приветствиями. Чень-ляо (сослуживцы) и ши-фу встают и, по знаку поклониться, кланяются и желают долгоденствия, и каждый с почтением отходит. Штат (т. е. вышеозначенные: чень-ляо и ши-фу), а также кид. чиновники благодарят за веселье и, по окончания сего, выходят. Китайцы (простые, не чиновники) и чиновники, а также ши-фу становятся на колени и делают 5 поклонов. По знаку каждый тогда прилично выходит

---

* Название чина или должности.

** Также название чина.

в тун-мынь. После чего докладывают (бао), что внутр. двери (ге-мынь) не заняты, и император с Хуан-тай-хоу сходят с тронов.

Примечание: для соблюдения этикета (в соответствии со святой умеренностью) сунцы присылали с поздравлением в день рождения и новый год, причем употребляли вышеописанную церемонию с некоторыми (оттенками), что необходимо прояснить.

Церемония при гостях. При каждых 5-ти поклонах встают и еще кланяются, и встают. Затем становятся на колено со значками (цзинь-ху, выставляя значки), трижды становятся на колени и трижды кланяются в землю.

Затем выставляют значки и тотчас же кланяются, затем встают и еще кланяются, поднимаются и еще кланяются, и затем поднимаются. При церемонии, при гостях чиновники весь день следуют этим правилам.

в) Северное поздравление императора с днем рождения

Чиновники и гос. посланники разделяются по очередям. Император входит в тронную и садится. Чиновники и шуфу входят, соединившись очередями, и приносят поздравления: Затем в том же порядке отходят, как при церемонии поздравления хуан-тай-уоу. Чжун-шу-лин-бей да Ван делает доклад, чжу-дао входит и подносит бяо-шу. Цзяо-фан встает и делает 7 поклонов. Штат входит в Вост. и Зап. ворота (т. е. двери) и, разделившись на очереди, вторично кланяется. По знаку вносят в залу вино. Сюань-хуй-ши объявляет указ (да, ответ); чиновники благодарят за это и разделяются на очереди. Музыка. Император пьет вино; чиновники соединяются очередями. Затем, разделившись на очереди, выходят из залы (или: отходят от трона?), все, как при церемонии Нов. года. Представление (цзянь-фын) также, как при церемонии поздравления хуан-тай-хоу. Хуан-тай-хоу является в залу к императору; при приближении ее императорские родовичи и побочные родственники (вайцы), а также вельможи (да-чень) делают ей встречу. Хуан-тай-хоу садится в императорские маленькие носилки, император следует за ней пешком, чиновники все идут в порядке. Сюань-хуй-ши и все заведующие внутренними дверьми, собравшись толпой, также следуют за шествием. Цзяо-фан приказывает музыке играть. Кунь-хао делает 4 поклона и следует за шествием. Чиновники вместе становятся у юж. стороны горной башни (шаньлоу) и ожидают (прохода императора). Хуан-тай-хоу входит во внутр. покои и делает приветствие (окружающим, ши-фу), вместе с чиновниками входят в мо (канцелярию). Затем Хуан-тай-хоу входит в залу и садится. Хуан-ди с восточной стороны садится сбоку. Кид., кит. чиновники, ши-фу, войдя двумя воротами по очередям, делают коленопреклонение и 5 поклонов. Вызова каждый с почтением ожидает и становится лицом к трону. Хуан-ди нисходит с трона и подносит императрице церемониальные вещи, приличные дню рождения*.

По знаку каждый садится. Следует вино, после чего чиновники приближаются к трону и благодарят. После первого входа с вином в залу цзун-чжен приближается к трону (стоит), затем Цинь-Ван входит с вином, идут чай и закуска. Цзяо-фан делает приветствие по церемонии. Затем выносят отличные блюда. При 7 входе с вином чиновники увеселяются музыкой. Цзун-чжен встает и благодарит, чиновники и ши-фу также встают, остальное – как при церемонии Нов. года.

с) Церемония поздравления императрицы (Хуан-хоу) с днем рождения

В обыкновенное время чиновники собираются во дворец, и император и императрица кланяются перед палаткой (да-чжан). При появлении солнца кидане, кит-цы и чиновники присутствуют при этом и тоже кланяются, Хуан-ди всходит на трон и садится. Хуан-хоу еще кланяется. Чиновники, присутствующие при этом, также кланяются, соединившись очередями. Хуан-ди награждает Хуан-хоу церемониальными вещами. Хуан-хоу благодарит и кланяется. Чиновники, конечно, также кланяются. Киданские ше-жень входят по заслугам. Кидане, китайцы и чиновники по порядку входят и приносят поздравления. Выносят чарку. Шень-жень по знаку становится на колени и делает 5 поклонов, затем встает, желает благополучия (вань-фу) и по знаку вторично кланяется. Передовая очередь в верхней зале становится на колени и искренно (?) молится о долгоденствии, по окончании чего отходит и затем снова становится, прогнувшись телом, перед троном и на коленях делает 5 поклонов. Вызова каждый с почтением ожидает. Один из управляющих (заведующих) чиновников делает доклад. Все чиновники и чжу-дао входят и подносят бяо-шу (поздравительный текст). Цзяо-фан встает и делает 7 поклонов, но не приносит поздравление. Кун-хао-гуань встает и делает 4 поклона. Чжу-дао приближается и докладывает (улоу) о начале пиршества, после чего делает 8 поклонов. Кидане и кит-цы, соединившиеся очередями, входят с вином долгоденствия и, став на колени, делают 5 поклонов и отходят. Один из вельмож становится на тронном ковре вне балюстрады и, выставив значок, подносит вино (императору и им-

---

* В тексте, кажется, ошибка: здесь описание церемонии поздравления императора с днем рождения, а не императрицы, а между тем император дарит Хуан-тай-хоу вещами, как и в предыдущей церемонии.

пературице). Император и императрица (хуан-хоу) принимают чарки, подносивший снова отходит на ковер и, выставив значок, снова кланяется внутри балюстрады и, став на колени, желает долгоденствия. Чиновники и прочие также желают долгоденствия и, по окончании питья вина, снова становятся на колени у трона и делают 5 поклонов. Сюань-хуй-ши докладывает об обнародовании милости (сюань-да) согласно церемонии и, вынув значок, держит башенку (в которой помещаются чарки для вина). Хуан-ди и хуан-хоу пьют вино. Чиновники разделяются на очереди. Цзяо-фан докладывает о музыке, все кланяются и желают долгоденствия. Выпив вино, Хуан-ди и хуан-хоу отдают чарки; находящиеся в зале становятся на колени и делают 5 поклонов. По вызову (по знаку) каждый с почтением ожидает и отходит. Чиновники приносят поздравления (представляют цзянь-фын), как по церемонии. Веселие объявляется также согласно церемонии. Цзяо-фан, цзянь-чжань и чиновники с почтением ожидают в верхней зале. Хуан-хоу подносит императору вино, по знаку все прислуживающие чиновники кланяются. Когда император принял чарку, все кланяются. Когда императрица сядет, киданьские ше-шень, китайцы и че-ши (евнухи?) по данному знаку должны кланяться, пожелав долгоденствия, садятся. Да-чень входит (т. е. подносит) вино императору и императрице, затем следует отличное кушанье и закуска. После чего снова подают вино императору и императрице, а затем идет обед, и вносят рисовую кашицу. Цзяо-фан дает знать об этом, чиновники все встают. Со словами почтения (приветствия, коу-хао) по данному знаку все кланяются, желают долгоденствия и, поблагодарив за веселье, расходятся, как при обыкновенных церемониях.

d) Церемония цзинь-ши-цзе-цзань (предварительного экзамена доктора)

В назначенный день кандидаты собираются у импер. палатки (дворца) по именам (тун-мин), с табличками, которые у всех одинаковые. По окончании доклада следует представление, как обыкновенная церемония. Цзинь-ши первой степени ниспускается на плац-парад (дань-чи, место перед дворцом) и делает 4 поклона, обратившись лицом к дворцу. По знаку с почтением ожидает, и все отходят. Но тот, кто представляет св. труд (вень-цзы, письмена) не отходит, а подносит его, ставя во внутренних дверях. Когда принимает, то становится на левое колено, а затем прямо встает и отходит. Церемония окончена.

e) Испытание доктором и пожалование степени кандидата (цзинь-ши-сы-ден-цзя-че-и)

Чиновники стоят. Ду-цзюань-гуань делает доклад. По окончании сего кандидаты у левой стороны становятся в порядке по именам и фамилиям (по фамильным именам). Ге-ши принимает таблички для испытания, а затем делает и отводит кандидатов на место перед дворцом, где они и становятся в порядок. Ге-ши объявляет о имеющемся испытании, и (кандидаты) дважды кланяются. Ше-жень (вельможа) объявляет об испытании: каждому кандидату дается по одному экземпляру таблички для ознакомления, почему каждый со словами приветствия становится на левое колено и принимает табличку. По окончании чего все кланяются, изогнувшись телом. Каждый с почтительностью ожидает. Разделившись на очереди, становятся vis-a-vis. По окончании доклада отходят по 2-м лестницам в верхнюю залу и, приблизившись к трону со словами приветствия, садятся (букв.: награждаются сидением). При 3-м входе с вином встают и, поблагодарив, отходят с приветствием из залы. Церемония окончена. Пай-инь-лан-цзюнь входит с вином, ге-ши (экзаменатор?) принуждает пить (т. е. веселиться).

f) Церемония награждения доктора великолепной одеждой (чжуан-фу)

Хуан-ди в императорской тронной. Чиновники в казенной одежде (княжеской)* сопровождают доктора; все входят с вост. стороны лицом к западу и дважды кланяются с почтением, приближаются к месту перед дворцом (дань-чи) лицом к трону и делают поклонение перед дворцом. Ге-ши говорит об имеющемся испытании и (доктор?) дважды кланяется, изогнувшись телом. Ше-жень объявляет об испытании. Каждый кандидат награждается одним экземпляром таблички (чи-де), вместе с тем награждаются и чжуан-фу, для уяснения всего в подробности, почему кандидаты со словами приветствия кланяются и, став на колени, принимают таблички (испытание). По окончании сего еще кланяются и отходят. Затем (награжденный) переменяет одежду, снова становится на дань-чи и благодарит за милость 5-ю поклонами, причем становится на колени. Каждый с почтением ожидает и становится на Восточной стороне зала в порядке. После (все), садятся и награждаются веселием. К концу дня церемония оканчивается.

---

* Описание одежд будет помещено ниже.

g) Церемония цзай-сянь-чжун-се–(и)

Император в обыкновенной одежде всходит к трону. Все очереди встают, как при обыкновенных церемониях, и затем церемониально садятся. Чиновники же верхней залы, а также и нижней, становятся с вост. и зап. сторон для прислуживания, как по церемонии Сунского посла, что было выше. Затем чжун-се-гуань входит слева и, дойдя до дань-чи, становится лицом к западу. Ше-жень, находящийся в зале, принимает табличку (цзюй, прибор) с фамильными именами чиновников и почтительно ожидает. Чжун-се и сюань-хуй становятся в очередь в верх. зале. Ше-жень приближается к трону и вызывает каждого чиновника, а сюань-хуй вызывает по очереди (тун-бянь). Двое ше-жень'ей становятся друг против друга, представляют чжун-се-гуань'я трону, затем сопровождают его (инь, ведут, идут впереди?) и, прогнувшись телом, делают знак поклониться; чжун-се-гуань становится на колени и делает 5 поклонов, не выходя из очереди, желает г-рю (шень-гунь, святому телу) благоденствия и, по знаку, вторично кланяется. С почтением выходит из очереди и становится на колени. Передовые чиновники, выразив благожелание, падают ниц, поднимаются и снова у трона, по знаку, становятся на колени и делают 5 поклонов. Выйдя из очереди, чжун-се также выражает благожелание, как в начале церемонии. Всего делает 17 поклонов. По знаку тотчас отходит по прав. лестнице к трону и садится (где должно, инь, - соответственно). Чиновники также садятся со словами почтения. Гун-фынь-гуань (дворецкий) вносит вино, объявляет о начале пиршества. Чиновники, вынув значки, держат чарки, стоя позади трона и, выпив вино, ставят чарки, затем вынимают значки и по знаку кланяются, все кланяются. Каждый садится также по данному знаку. Затем, вынув снова значки, отдают чарки гун-фынь-гуань'ю. Вносится в 3-й раз вино и разносится соответственно месту каждого (по старшинству места?). Чиновники все почтительно стоят. Чжун-се-гуань по прав. лестнице ниспускается до дань-чи и, став к главной зале, делает коленоприклонение с 5-ю поклонами, а затем отходит на прав. сторону. Чиновники также все уходят. Канцлер (чень-сян), чу-ми-ши (также наз. чина), а равно и др. чиновники не входят в залу, а награждаются вином просто (без церемоний?). Цзе-ду-ши (наз. чина) не входят в очереди, а становятся по заслугам (или именам). При 7 поклонах все благодарят.

h) Церемония поклона перед бяо (бай-бяо-и)

В назначенный день прежде всего расстилают ковер от восточных шань-ге-мынь (внутр. дверей) до трона. Сев. и юж. чиновники, ши-фу всех государств на ковре у трона соединяются в очереди. Двое тун-ши-ше-жень (переводчик) поднимают стол с бяо (бяо-ань), поставив перед главным в очереди (передовою очередью), приветствуют и, изогнувшись наполовину телом, кланяются. Чжун-шу-ше-жень становится сбоку стола. Первый в очереди (бянь-шоу) становится на колени, вынимает значок, затем поднимает (берет) бяо и, став на лев. колено, передает его чжун-шу-ше-жень'ю, после чего снова кланяется, встает и еще кланяется. Чжун-шу-ше-жень снова полагает бяо на стол. Тун-ши-ше-жень поднимает бяо-ань (стол, на котором легкий бяо) и, войдя в дун-шань-ге-мынь, полагает. Очереди разделяются и выходят. Церемония окончена.

i) Церемония поздравления с рождением императорского сына (е-шень-хуан-цзы-и)

В назначенный день (прежде всего) в чжен-дянь (первой зале) портреты прежних государей. Хуан-ди входит в 8 родовую залу (на-цзе-дянь) и садится. Северные и юж. сюань-хуй-ши становятся на прав. и лев. лестницах зала. Сев. и юж. чиновники в золотых шапках и великолепных одеждах входят соединенными очередями. Двое из передовой очереди подносят бяо. Ду-бао-гуань становится сбоку левой лестницы. Двое сюсень-хуй-ши по вост. и зап. лестницам ниспускаются и принимают бяо, подносящий бяо становится на лев. колено и передает, по окончании чего тотчас кланяется, поднимается и еще раз кланяется. Каждый с почтением ожидает. Сюань-хуй-ши вместе на лев. лестнице передают бяо ду-бао-гуань'ю для чтения. По окончании чтения приветствия, чиновники, изогнувшись телом, отходят к северной стороне. Главная очередь на лев. лестнице верх. комнаты внутри балюстрады приносит поздравления, а по окончании сего отходит на лев. лестницу нижней комнаты и снова, став у трона на колени, делает 5 поклонов. Церемония окончена.

к) Церемония поздравления с благознаменательным дипломом (хе-сянь-жуй-и)

Сев. и юж. чиновники в великолепной одежде и золотых шапках стоят соединенными очередями. Двое из главной (передовой) очереди, приносят каждый билетное поздравление бяо-хе. Сев. и южные сюань-хуй-ши лев. лестницы нижней залы принимают бяо и передают в верхнюю залу для прочтения. Да-чень (вельможа) читает бяо, по окончании чего приветствует. В ниж. зале чиновники, изогнувшись телом, делают 5 поклонов. После чего также отходят. Двое из передовой очереди на лев. лестнице верх. залы внутри балюстрады кланя-

ются и, став на колени, приносят поздравления, высказав которые, отходят на лев. лестницу нижней залы и снова у трона делают 5 поклонов. После чего с почтением слушается сюань-да (обнародование ответа). По прочтении снова кланяются и, изогнувшись телом, благодарят за обнародование указа 5-ю поклонами. По окончании чего каждый с почтением ожидает. Разделившись на очереди, становятся для прислуживания. Церемония окончена. Два департамента (лян фу) докладывают о делах, как всегда.

В 6-й г. Цянь-Тун (Тяньцзо 1107) при «му-е-шань-жуй-юнь-цзянь» («видение благознамения облаков горы Муе-шань») ввели эту церемонию. Тянь-Цин 1-й г. (Тяньцзо 1110) по случаю «небесного дождя» благодарили за обнародование указа. После чего Чжао Ван входил с вином. Цзяо-фан приказывал музыке играть. Чиновники пировали. При 1-м входе с вином церемония оканчивалась. Докладывали о делах.

l) Церемония хе-нин-нань (поздравления в умиротворении бунта (нань))

Хуанди и Хуан-хоу входят в залу и садятся. Сев. и юж. чиновники, а равно и женщины (императорские фрейлины и наложницы – мин-гуй), поочередно кланяются 5-ю поклонами и приветствуют. Двое из передовой очереди выходят (из рядов) наклонившись, становятся на колени и с выставленными значками держат бяо, приподняв над столом. Близстоящий ге-ши принимает бяо и кладет на стол. Все поэтому кланяются. Двое из переводчиков (тун-ши-ше-жень) поднимают стол (на котором лежит бяо) и, взойдя по лев. лестнице дворца (залы), полагают его в лу-тай (башню росы). Ду-бяо-гуань (читающий бяо) становится перед императором и читает бяо. По окончании чего чиновники в ниж. зале делают 5 поклонов и, прогнувшись телом, отходят. Двое из первой очереди становятся вместе внутри балюстрады по прав и лев. лестницам. Сев. очередь становится на колени с выражением почтения. По окончании сего отходит на тронный ковер и становится (в порядке). Очередь южная (у юж. стороны зала) также делает, как и северная. По окончании сего, разделившись, нисходят по правой и лев. лестницам и снова, став у трона, делают 5 поклонов. Сюань-хуй объявляет о приказании, и затем все кланяются. По обнародовании указа (да) об «усмирении мятежа», князья и пр. благодарят за обнародование указа и поздравляют, причем кланяются 5 раз. Соединив очереди, чиновники следуют за хуанди, (фрейлины мин-гуй) следуют за императрицей для осмотра портретов прежних государей в зале хуан-тай-хоу (императрицы-матери). Присутствующие вельможи все кланяются. Хуан-тай-хоу садится, все приносят ей поздравления 10-ю поклонами. Затем все отходят в верхнюю залу и награждаются пиром.

Примечание. Церемония хе-нин-нань установлена по поводу усмирения мятежа дяди (тай-шу) императора Дао Цзуна Чжун-Юань'я, что случилось в 9-й г. Цин-Нин (1065). Императрица Жень-и сама (лично) предводительствовала гвардией (вей-ши) и усмирила всех сопротивлявшихся помощников Чжун–юань'я.

m) Церемония чжун-у (полудня?)

С появлением дня чиновники собираются в обыкновенное время в императорской палатке. Хуан-ди, обвязанный веревкой долгоденствия (чан-шоу-цай-мей), садится на носилки. Чиновники соединяются очередями, как при церемонии дань-чи. Каждый награждается веревкой долгоденствия, для чего становится на колени и, приняв, кланяется. После сего отходят и следуют за поездом. При запуске бывает 3 раза вход с вином. Если же награждаются весельем (пиршеством), то являются в назначенное время слушать приказания(указы).

n) Церемония чун -цзю (цер. двойной девятки)

С восходом солнца сев. и юж. чиновники собираются в импер. палатке, а затем следовали в парадном шествии. Когда достигали вей-чан (загороженной площадки), то награждались чаем. Император тотчас садился. Чиновники становились перед ним в очереди, и каждый награждался вином цзюй-хуа (артемизии), почему становились на колени и таким образом принимали. Затем кланялись. При 3-м входе с вином вставали с приветствиями (и расходились).

o) Церемония скрывания жребия (цзан-цзю-и)

В назначенный день сев. и юж. чиновники в обыкновенной одежде входили во дворец. Император прибывал в зал тянь-сян (небесного благополучия). Чиновники приближались к трону и награждались местом: китайцы – на южной стороне*, китайцы – на северной, разделившись поровну. Следовал обряд скрывания жребия в 5 или 7 стрелочек (употреблявшихся для этого). После чего награждались закуской, по окончании коей вставали и, выпрямив их (т. е. стрелки?), снова садились. Снова следовал тот же обряд в 3 или 5 стрел. После чего награж-

---

* Южная сторона считалась почетною и у Монголов. См. статью Галсан Гомбоева в 4-х т. Трудов Арх. Импер. общества.

дались чаем. По окончании сего цзяо-фан подавал каждому (скрытый жребий?). Если император получал жребий, то чиновники входили в вином (с поздравлением), а после чего и сами по порядку награждались вином.

II. ОБРЯДЫ

Религиозный обряд или культ есть объективное выражение внутреннего смысла религиозного установления. Как и все другие народы, Кидане имели у себя множество обрядов, относившихся к различным религиозным торжествам. Но принадлежали ли все нижеописанные обряды собственно этому народу, вынесены ли они с первых мест седалища, с Сяньбийских гор? Вот вопрос, на который бы следовало прежде всего обратить внимание. Может быть, при тщательном исследовании мы нашли бы тут и чуждые элементы, весьма вероятно, заимствованные от тех народов, с которыми Кидане имели связь на своем историческом поприще, как, напр., Тукюе, Уйгуров, Тангутов и т. д. Недостаток времени и материала не позволяет мне рассмотреть этот в высшей степени интересный вопрос, и я постараюсь отметить только то, что прежде всего бросается в глаза. Рассматривая сферу обрядности этого народа, мы замечаем тут, во-1-х, присутствие элемента первобытной религии Азии – шаманизма, гнездившегося, насколько мы узнали это по кит. источникам, более всего в сев. части Маньчжурии, куда он был загнан усилившимся буддизмом. Из этого мы можем думать, что Кидане были не чужды этой религии; во-2-х, влияние учений Китая: даосизма и буддизма*, заимствованные ими при сношении с этой державой или, вероятнее, от Китайцев, поселившихся между ними, о чем мы узнаем из дорожника Ху-цяо, помещенного в Цидань го чжи (Описание кид. г-ва, цз. 25). Эти два элемента ярче всего выступают в сфере обрядов Киданьского народа или, скорее, династии Ляо: может быть, в среде собственно народа было много такого, о чем мы не знаем в настоящее время, да едва ли успеем узнать и в будущем, т. к. кит. историки как-то вообще чуждаются описания народной жизни (поверий, обычаев и т. д.) и дают нам понятие только о тех делах, которые выдвигаются из среды других, властвуют в стране, т. е. о том, что мы называемым владетельным домом, династией. О народной же жизни мы узнаем по частным описаниям, на которые, однако, мы не имеем смелости слишком много полагаться и верить всему, что писал какой-нибудь полуобразованный купец или даже просто турист, Бог знает как попавший в страну и часто не имеющий никаких основ для такого рода описаний. Кроме того, можно думать, что на сферу обрядности Киданей имел влияние и магометанизм, уже тогда распространявшийся в Вост. Туркестане и между Уйгурами, имевшими короткие отношения с Киданями и даже некоторое время считавшими их своими подданными. Императрица Шу-лу (жена Амбагяня) вела свой род от Уйгуров (цз. 71 Ляоши), сам Тай-цзу на своем поприще имел самую короткую связь с Уйгурским У-му-чжу, как узнаем это по истории Даши (цз. 30 Ляоши).

Приступим же теперь к описанию самих обрядов.

a) Чжен-дань (первое число нового года)

В первое число первой луны (государь) делал катышки величиной с кулак из рисовой каши (смешивают с мозгом из кости белого барана и разбрасывают их по палатке, всего числом 49). С наступлением 5-ой стражи, государь и пр., бывшие в палатке, выбрасывали катышки в окно. Если выбрасывалось четное** число, то тотчас начинала играть музыка и устраивалось пиршество; но если выпадало непарное число, то музыка не играла, а призывали 12 человек шаманов (у), которые обходили кругом палатки, потрясая колокольчиками, держа в руках стрелы и крича во все горло. В палатке же во все камины бросали соль, обжигали землю, а также спугивали мышей, как бы удаляя демонов. Из палатки не выходили в продолжение 7 дней. Этот день (или обряд?) наз. а-ни-я и-нынь-и*** (по другим, т. е. прежде – най-не-и-ни), что в переводе значит: первый день (чжен-дань), най – знач. чжен, а не-и-ни – дань.

b) Начало весны (ли-чунь)

В день начала весны женщины подносили (мужчинам?) весенние картины (чунь-шу), которые подклеивались тафтой черного (по другим, желтого) цвета и украшались изображением дракона или жабы. Этот день наз. и-чунь (действительная весна).

---

* Последний заимствован ими также из этой страны, потому я и поставляю его в ряду китайских учений. Хорошо известно, что это учение (или религия) не китайское, а Индийско-Тибетское.

** Замечательно, что и у Римлян четное число в полете птиц при гадании авгурами имело благознаменательное значение. См. «Исследования обычаев и поверий древних Римлян» Соколова.

*** Это новейшая транскрипция, создавшаяся под влиянием мудрствований ученого комитета, и есть, очевидно, маньчжурские слова: первый день нового года.

c) Жень-жи (человеческий день)

Первый день первой луны наз. днем курицы, второй – собаки, третий – свиньи, четвертый – барана, пятый – лошади, шестой – коровы, а седьмой – человека (человеческий; значит, приходится 7-го числа 1-й луны). В этот день гадали о ясной погоде, о благознаменательном сумраке (пасмурных днях, необходимых для сбора шелку), а также о бедствиях. В этот день стряпали пироги и ели их посреди зала, что наз. сюнь-тянь («прокуривать небо»).

d) Чжунь-хе-цзе (празднество согласия)

1-го числа 2-й луны государственный род Сяо (императрицы) устраивал пиршество, на которое приглашался род Е-люй (императора). Это делалось ежегодно. Этот праздник наз. по-киданьски: чжа-ла-ба (ся-ли-по), что значит: ся-ли – цин, просить. Весьма вероятно, что это заимствовано от Китая*.

e) Праздник дня рождения

В 8-е число 2-й луны Тай-цзы Си-да в столице и департаментах, равно и во всех округах, носят его деревянное изображение (истукан). Причем, открываются различные игры, ходят по городским стенам, увеселяются музыкой. Си-да-тай-цзы (третий сын Сида), тот, который в западных странах Сен-юй (т. е. Индии?) был сыном Вана Цзинь-фань'я, фамильное имя имел: цай-тань, собственное (родовое) – ши-цзя-моу-ни (Шакьямуни?) и был признан за Будду (от своих последователей) за познание сущности вещей.

g) Праздник шань-и (отогнание наваждений)

По обычаю, в 3-й день 3-й луны** вырезывали из дерева фигуру зайца и, разделившись на партии, стреляли в него с лошади. Тот, кто попадал первый, считался победителем; побежденный слезал с лошади и, став на колени, подносил вино победителю, который и выпивал его, сидя на лошади. Это празднество наз. по-киданьски: тао-ла хе-р-бу-ге, что в переводе значит «стрелявший в зайца». Тао-ла-ту, заяц (по-монг. Таолай), хербухе – ше, стрелять.

e) Празднество дуань-у (прямого полдня)

5-го числа 5-й луны в полдень императору подносили (фын) платье семи дел (ци-ши) на подкладке из смеси листьев артемизии (вень-е) с шелковой ватой. Сев. и юж. чиновники (кит. и туземные) каждый получал платье 3-х дел (сань-ши). Государь и чиновники открывали пиршество, в котором Бохайский повар (шапфу) подавал похлебку из артемизии, сплетали веревку из 5-ти цветных нитей и обвертывали вокруг плеча, что (т. е. веревка) наз. хе-хуань-цзи (радостная).

Еще скручивали из шелку веревку и опоясывали ей весь корпус: такая веревка наз. чан-лин-люй (долгоденствие). Этот день наз. та-бу и нин-и, что значит 5-я луна. Прежде писалось: тао-сай-и-ни; тао значит – 5, а сай-и-ни – луна (юе)***.

f) День летнего поворота (ся-чжи-чжи-жи)

Этот день наз. дворцовым праздником (чао-цзе). Женщины подносили веера и мешочки с белилами и румянами и взаимно (между собой) делали подарки.

g) Праздник чжа-ла-ба (ся-ли-по)

18 числа 6-й луны, по гос. обычаю, фамилия Елюев делала угощение, на которое приглашала фамилию Сяо. Этот день также наз. чжа-ла-ба (днем угощения).

h) Праздник чжун-юань (15-го числа 7-й луны)

Ночью 13 числа 7-й луны государь (тянь-цзы) уезжал за 30 ли на запад от своего дворца, где ставилась палатка (чжан-су). Перед приездом (букв. перед сроком) приготовлялись вино и закуски. На другой день (14-го

---

* Празднество это, кажется, установлено Танской династией по случаю предложения Ли-мынь'я перенести в этот день праздник последнего числа 1-й луны. В Китае в этот день приносят жертвы солнцу в храме, стоящем в Восточной части города, а прежние императоры делали прошение для вельмож и раздавали им деньги (История и древности в. ч. Средней Азии В. П. Васильева, т. IV, Трудов Ар. общества).

** В Китае в этот день стряпают пирожки, вроде драконовых языков лун-ше-бянь. Моются в воде. Гадают о сборе шелку.

*** По кит. понятиям, в этот день Инь и Ян соединяются, почему жизнь усиливается, вследствие чего собираются различные травы для составления лекарств. Вешают артемизию, а ныне в народе делают кашу, завертываемую в листья камыша, в ознаменование нераздельности Инь и Ян.

числа) он пировал со всеми бу-ло и войсками, сопровождавшими его, причем играла туземная музыка. С наступлением вечера он возвращался в свой походный дворец. Это торжество наз. встречей праздника (ань-цзе) 15-го числа (которое и есть соб. чжун-юань, самый день торжества), играла кит. музыка и было большое угощение. Затем рано поутру 16-го числа снова отправлялись на Запад в сопровождении войск и бу-ло, коим приказывалось прокричать 3 раза: это назыв. проводами праздника (Сунь-цзе). Самое торжество по-киданьски наз. сай-инь и-нынь-и.

*j) Праздник чжун-цю**

8 числа 8-й луны убивали белую собаку, голову которой зарывали в 7 шагах от палатки, выставляя зубы. Через 7 дней (т. е. 15 числа 8-й луны) палатку переводили на то место, где была зарыта собачья голова. Этот праздник наз. и-ке-ну-р (по-друг. не-хе-ми), что в переводе значит: собачья голова. Не-ке – цюань, собака, а ми – шоу, голова.

*i) Чун-цзю** (двойное девять?)*

9-го числа 9-й луны г-рь в сопровождении всех чиновников и родовичей стрелял тигра. Кто застреливал меньше, тот штрафовался, т. е. в тот день должен был приготовить угощение. По окончании стрельбы ставили палатку и столы на возвышении, где г-рь награждал туземных и кит. чиновников угощением, пили вино, настоянное на астрах (цзюй-хуа), ели заячью печень, смешанную с сырым оленьим языком. Также кропили двери (мынь-ху) вином, настоянным на растении чжу-юй, для прогнания наважденья. Этот день наз. бо-ло-ли у-чу-ли, что в переводе значит: 9-й день 9-й луны.

h) Праздник дай-бянь (сжигания лат)

В 10-й луне (Сяо-чунь) в 5-ти столицах приготовляли из бумаги в малом размере платья, латы, а также пики, сабли и др. военные снаряды, каждого сорта по 10 000 штук. 15-го числа г-рь с туземными вельможами тайно отправлялся на гору Му-е-шань, где сжигал все это с молитвой (или докладом), написанной туземными письменами (фань-цзы). Этот праздник наз. да-ла-хе-ке (прежде чит. дай-бянь), что знач. «сжигать латы». Да-ле-хе – тао, жечь, а бянь – латы (цзя).

l) Праздник зимнего поворота (дун чжи)

В этот праздник по государственному обычаю закалывали белую лошадь***, белого барана и гуся и смешивали их кровь с вином. Государь кланялся Черной горе. Дух этой горы, как верят Кидане, заведует их душами, подобно тому, как по понятию в Китае, дух горы Дай-ю заведует душами умерших Китайцев. Каждый год 5 столиц доставляли 10 тысяч лат для людей и лошадей (т. е. по 10 тысяч людей, лошадей и лат, склеенных из бумаги) для принесения в жертву этой горе. Обряд сожжения соблюдался весьма строго: без принесения жертвы не смели приближаться к горе.

m) Праздник ла-чень-жи (день последней луны)

С наступлением 12-й луны г-рь одевался в военные доспехи и вместе с сев. и юж. чиновниками, одетыми также в военные платья, садился на трон ночью и пировал при звуках музыки. После чего дарил по порядку латами, баранами и лошадьми. Это праздник по-киданьски наз. чжо-хе-я-бу (по-другому ша-ли-по), что значит «время сражения», т. е. это время ведения войн.

*n) Праздник воров****

С 13-го числа 5-й луны позволялось народу на 3 дня быть ворами, но если кто награбит свыше девяти связок (в каждой по 500 монет), тот судился по закону. По-киданьски этот праздник наз. чу-ли-по, что китайцы переводят «время воровства» – дао-ши.

---

* В Китае в этот день (т. е. 15-го числа 8-й луны) приносят жертвы луне. Народ проводит время на открытом воздухе за столом. В жертву луне сжигают рисунки зайца, которого выделывают также и из глины. Приготовляют род лепешек, наз. юе-бин («лунными»), которые складывают ярусами (середины осени).

** Собственно чун-цзю есть наз. импер. дворца о 9 зданиях.

*** У Киргизов белую лошадь приносят в жертву солнцу.

**** Не помещен в Ляо ши.

о) О времени похода войск

Кидане не избирали дня для выступления в поход, но, взяв артемизию, смешанную с конским пометом, зажигали ее на бедре* (пи-па-гу) белого барана. Когда кость от горения трескалась, то отправлялись, а если нет, то не выступали.

р) День под циклич. знаком у

Когда выступление в поход случалось в день у, равно как если и не отправлялись в этот день на войну, всегда обращались к западу и делали 3 сильных крика. По их мнению, это день великого царя из сев. династии.

г) Вихрь

Когда кидане встречались с вихрем, то защуривали глаза, делали по воздуху 49** ударов плетью; если в рот набивалась пыль, то не откашливались по семи раз (?).

s) Обряд цзай-шен (вторичного рождения?)

В каждые 12 лет император отдавал приказание, чтобы в зимнюю луну последнего года выбирали счастливый день и ставили домик (палатку) цзай-шен на севере от цзинь-мынь, очистив для этого место. В устроенный таким образом домик (цзай-шен) клали носилки (юй, колесницу) духов прежних г-рей и дома императрицы-матери, а по бокам комнаты с вост. и юж. сторон ставили 3-х ветвистое дерево В назначенный день дети (тунцзы) и чань-и-юй (старуха) приходили в комнату и становились внутри ее, а женщина, которой давали держать вино, и старик с колчаном и стрелами становились вне дома, после чего призывали духа ниспуститься в носилки, для чего расставляли жертвы. По окончании сей церемонии г-рь выходил из спальни (дворца) и являлся к этому домику. Чиновники делали встречу ему и кланялись. Император входил в комнату и снимал платье, после чего босой, в сопровождении мальчика, 3 раза обходил (проходил под) дерево, а чань-и-юй (старуха) при каждом обходе обтирала императора. Мальчики 7 раз обходили дерево. Император с вельможами становились по бокам дерева; старик, держащий стрелы, говорил: «Шен нань» (родился мужчина, мальчик). После чего тайу (главный шаман) покрывал голову императора платком, а затем снимал. Чиновники (штат) приносили поздравления и кланялись. Старуха (чань-и-юй) брала вино, и женщины подносили его императору. Главный шаман подносил разноцветные цян-бао (пеленки) и проч. вещи, над которыми совершал молитву. Затем выбирали 7 стариков и каждому давали по императорскому имени (юй-мин), завернутому в разноцветный шелк, что они и подносили (императору), став на колени. Император выбирал имя на счастье (цзянь-мин), стариков награждал вещами, почему те кланялись и отходили. Чиновники представляли разноцветные пеленки и проч. вещи. Император кланялся портретам всех прежних г-рей, после чего следовало пиршество.

В вариантах (као-чжен) в соч. Ван-и-янь-беи-лу.

О затмениях

При лунном затмении кидане приготовляли вино, лепешки и поздравляли друг друга. Государственные Ваны (Го Ван) на другой день также делали пиршество. При окончании солнечного затмения смотрели и отплевывались.

III. О МУЗЫКЕ

Первому организатору китайского государства Фуси (с 2952–2837=115 л.) приписывается изобретение самых популярнейших в Китае музыкальных инструментов ЦИНЬ и СЕ. Но мне кажется, что это изобретение должно приписать последующим временам, когда уже прочно установилась гражданская жизнь и явилась потребность удовлетворения высших чувств. В противном случае, т. е. если признать Фуси изобретателем музыкальных инструментов, то можно с вероятностью предположить, что он был не первый государь-изобретатель, что до него уже свершился переход народа из дикого, младенческого состояния, следовательно, Китайский народ при нем был уже на высокой точке развития, что, конечно, делает ему еще больше чести... Я хорошо знаю, что и у диких народов мы встречаем также стремление удовлетворить эстетическую потребность, что у

* У монголов, по словам Секан Сецена, была ворожьба «жечь лопатки» еще при Чингис-хане. И теперь знатоки гадания по лопаткам в большом уважении у народа. См. статью Галсан Гомбоева «О древних монгольских обычаях и суевериях» в IV ч. Трудов Арх. об-ва, СПб., 1859.

** 49 катышков, употреблявшихся в праздник Нового года (чжен-дань).

них в большом употреблении музыка (или, по крайней мере, что-то вроде музыки); но здесь, в Китайской истории, потому это кажется мне несколько странным, что в период изобретения музыкальных инструментов не было еще много такого, на что прежде всего должен был обратиться ум изобретателя, а именно: оружия и т. д., как таких изобретений, которые, скорее всего, были необходимы для неокрепшего общества. Кроме того, тому же Фуси приписывается изобретение Гуа, что, конечно, требовало уже высокого умственного развития. Вообще эпоха Фуси как-то несколько не вяжется с последующими, она стоит как-то выше последующих актов развития народа. Может быть, сам изобретатель отличается высоким умственным развитием, преобладанием умственного элемента над чувственным... Впрочем, обо всем этом я говорю мимоходом и не приписываю поэтому большого значения. Итак, первыми музыкальными инструментами в Китае, бесспорно, должны считаться цинь и се (кимвалы и тимпаны?!); впоследствии, с развитием жизни, Китайцы сделали некоторый прогресс в области музыкального искусства и кроме струнных (цинь и се) инструментов изобрели: духовые, металлические и др.* Правда, они недалеко ушли в этом отношении, потому что, как говорил о. Иакинф, музыка составляла часть государственной религии и, следовательно, была заключена в тесные рамки Китайского консерватизма, но относительно кочевников они были несравненно выше, хотя сами иногда заимствовали от них (пи-па), почему мы и видим Китайскую музыку при дворах кочевых империй. Ляоская династия также заимствовала от Китая многие роды музыки, имея у себя только один род – фань(или го)-е (государственную, национальную); остальные же роды музыки были заимствованы от Китая, а именно: симфоническая (я-е), большая (да-е) и рассыпчатая (духовая?) (сань-е).

Описание музыки

Ляосцы имели: а) государственную музыку (го-ё), в) симфоническую (я-ё), с) большую (да-ё), д) рассыпчатую (сань-ё) и е) нао-че или хень-чуй-ё (духовую и металлическую). В древней истории говорится, что Шэн-цзун и Син-цзун (Кид. государи с 983–1056) оба понимали тоны (музыки), установили шень-ци (голоса), ге-цы (пение) и у (пантомима), что допускали во всех обыкновенных церемониях. Но по небрежности династии многое было утрачено: голоса музыки шао (императора Яо), ся (1-й династии в Китае) и военной были забыты, книги оставлены; сначала делали запись в истории, но, по небрежности ее, много обратилось в редкость.

а) Го-ё (государственная)

Ляоская государственная музыка была подобна (музыке) прежних Ванов, а общегосударственная (чжу-го, всех аймаков) была подобна княжеской (хоу чжи-фэнь).

В Северный день (первый?) Первой луны при дворцовом поздравлении употребляли симфоническую музыку (гунь-сюань-я-ё), при собрании (юань-куй) употребляли большую музыку (да-ё-цюй-по); после чего употребляли рассыпчатую (сань-ё-цзе-ди, роговую), а ночью (этого же дня) государь пировал в Яньской столице и употреблял го-ё (государ.).

В 13-й день 7 луны император выходил из походного дворца и уезжал за 30 ли, где была приготовлена палатка. В 14-й день делали увеселение: все войска следовали за ним; у каждого рода (аймака) была особенная музыка. В 15-й день в праздник чжун-юань было большое пиршество, где употребляли китайскую музыку (хань-ё). При начале весны открывали хин-го (оранжереи?). Государь приносил в жертву головы застреленных гусей; в Яньской столице пировали с музыкой. Несколько десятков человек играли на маленьких музыкальных инструментах, пили вино**.

в) Музыка общегосударственная (чжу-го-ё).

При Тай-цзу, в 3 год Хуй-тун (940), Цзиньский (тогдашней династии в Китае) Сюань-хуй-ши Янь-дуань-Ван Тяо и проч. со всеми улусными правителями имели торжество при дворе государя в зале юй-бянь. Дуань-тяо вставал и подносил вино (государю). После чего начиналось пение и пантомимы; поднимали флаг для всеобщего торжества.

---

* Обо всем этом будет дано понятие ниже, при самом описании музыки.

** В Као-чжень, следуя Ма-дуань-линь-вень-сянь тун-као, мы узнаем, что Кидани имели отделение шутов (вень-цзы-бу), 100 человек, из которых ночью 50 становились перед палаткой (государя?) и пели. После чего кланялись горе Муе-шань и стреляли в иву (в цель). Шуты пели песни с аккомпанементом на се. Хотя это и исторический остаток, а ,однако ж, не записан (в истории).

В 3-й год Хуй-Тун (940) в день дуань-у* все чиновники с улусными правителями приносили поздравление по форме. В Яньской столице устраивалось торжество, причем приказывалось 2 уйгурским Тянь-хуан'ам начать пантомимы коренного государства (т. е. Ляо).

Во 2-й год Тянь-Цин (Тяньцзо 1112) ездили с весельем по Куньтунцзяну, где было устроено угощение. Император приказал старшинам всех бу по порядку открыть пантомимы и играть на музыкальных инструментах. Агуда воспротивился этому. Император был огорчен таким поступком и стал советоваться с Фын-Сянем. Этот советовал ему убить Агуду**.

c) Симфоническая музыка (я-ё)

Начиная от Хань (династия Китайская), симфоническая музыка наследственно переходила от одной династии к другой. Китайцы имели древние песнопения и древнюю большую симфонию. Ляосцы же в церемониях при жертвах не употребляли песнопения. Когда Тай-цзун ходил в Бянь (Кай-фын-фу), то получил там (т. е. забрал) от Цзиньцев музыкальное сочинение: тай-чань-ё-пу и гун-сюань-е, отослал это для заведывания в Среднюю столицу (Да-нин-фу).

При Шэн-цзуне, в первый год Тай-Пин (1020), при принятии верховного титула и при церемонии грамот была остановлена музыка (гунь-сюань) во дворце, для которой были устроены флаги, расположенные у трона, находившегося тремя ступенями выше Западной лестницы. Се-мой-лан (наз. должности) заведовали поднятием флага у трона. Когда тай-чань-бо-ши (секретарь палаты жертвоприношений) проводил тай-чань-цин (начальника палаты жертвоприношений), а этот, в свою очередь, провожал государя, се-мой-лан поднимает флаг; тай-ё-лин (капельмейстер) приказывал ударять в колокола, в правый и левый попеременно. Гун-жень поднимал флаг, музыка начиналась; хуан-ди садился на трон, и двери (залы?) затворялись, музыка останавливалась (прекращала игру).

Ваны и Гуны входили в двери; когда они достигали трона, музыка останавливалась. Тун-ши-ше-жень (переводчик) сопровождал вельможу с грамотой; музыка по знаку начинала играть; когда грамота полагалась на стол сян (пахучем) перед троном (букв. перед залой), а положивший отходил к трону, музыка останавливалась.

Ю-це-гуань подносил (т. е. брал) грамоту, музыка начинала; когда он входил в залу и, положив грамоту перед императорским троном, отходил на Север от Западной стены к трону, музыка останавливалась. Когда да-чень входил в залу, музыка начинала; когда тот достигал внутренности балюстрады у трона, музыка замолкала.

Да-чень спускался с лестницы зала, музыка начинала; когда он снова становился у трона, музыка прекращалась.

Ваны и Гуны 3-х низших степеней выходили (из залы), музыка начинала играть; тай-чань-бо-ши сопровождал тай-чань-цин, сопровождавшего государя для следования во внутренние комнаты, музыка прекращалась.

При Син-цзуне, в 9-й год Чжун-Си (1040), верховной Киданьской грамотой установлено: при входе и докладах государю должна быть музыка лун-ань (торжественного спокойствия).

При Шен-Цзуне, г. пр. Тун Хо, 1-й год (983), при пожаловании грамотой Чен-тянь-хуантай-хоу*** была постановлена музыка на инструментах Сюнь и Сюй. Тай-ё-гунь и се-мой-лан делали вход.

При входе императрицы (тай-хоу) со значками флаг поднимался, и музыка тай-хо начинала; когда тай-ё-лин и тай-чань-цин проводят (императрицу) к трону, где она садилась, занавески опускались, музыка останавливалась.

3-х высших степеней гражданские и военные чины входили шу-хо, музыка начинала. Когда они достигали трона, музыка прекращалась.

Когда цзай-сян следовал к императору с грамотой (для подписи?) музыка, начинала; когда он полагал грамоту перед залой на стол, музыка замолкала.

1. Когда император входит в двери, кон-хо (гармонического спокойствия) музыка начинает; когда он достигнет до трона перед залой, музыка прекращается. Хань-линь-сё-ши-да-цзянь-цзюнь (наз. чина) принимает грамоту, музыка играет; когда он положит ее перед императорским троном, музыка замолкает. Чень-сян (министр, визирь) входит в залу, музыка начинает; когда он приблизится к трону для прочтения грамоты, музыка прекращается. Хуан-ди входит в залу, музыка начинает; когда он достигает трона, музыка прекращается.

---

* В описании обрядов.

** Впрочем, это вставлено как-то эпизодически, поэтому дословный перевод я считаю здесь лишним.

*** Чень-тянь-хуан-тай-хоу – жена Цзин Цзуна, мать Шен Цзуна. Титул Чен-тянь-хуанхоу приняла по смерти Цзин-Цзуна, в 1-й год Тунхо (Шен Цзуна 983). См. ее биографию: Цзюань 71 Ляоши.

Тай-хоу объявляет ответ (указ); по окончании сего музыка начинается; когда хуан-ди достигнет до Западных внутренних покоев, музыка прекращается.

Цинь-Ван и чень-сян входят в залу, музыка начинает; когда, отойдя, выйдут из очереди (?), музыка прекращается.

Опускают занавески, музыка начинает; хаунтай хоу входит во внутренние покои, музыка прекращается.

При пожаловании грамоты императорскому сыну (хуан тай-цзы), когда он входит в двери, чжан-ань (музыка) начинает.

При церемонии пожаловании грамоты музык. инструменты расставляются и управляются следующим образом.

В каждом из четырех углов залы расставляются инстр. сюй; каждый инструмент управляется 1 лицом.

У инструментов гунь-сюань на каждой стороне по 9 сюй; каждый сюй управляется 1 музыкантом.

У инструментов сюй к Северу располагаются камертоны (чжу-юй), у каждого сюй по 1 инструменту, из которых каждый управляется 1 музыкантом.

Внутри инструментов сюй расположены улусные инструменты (бу-ле), правая и левая сторона, каждая управляется *102 лицами*.

На северо-запад от инструментов сюй расположены гражданские пантомимисты, всего 64 человека; маленькое знамя держат 2 человека.

Се-люй-лан 1; дай-ё-лин 1.

Вот перечень 12 танских музыкальных инструментов, носивших название хо. Ляосцы сначала употребляли их:

1) Юй-хо при принесении жертвы духу неба;
2) Шунь-хо при принесении жертвы духу земли;
3) Юнь-хо при жертвах предкам;
4) Су-хо при *песнопении* в *расставлении* жертв из яшмы и парчи;
5) Юн-хо при положении в сосуд жертвы духам;
6) Шоу-хо при принесении вин в жертву духам;
7) Тай-хо при восхождении и нисхождении;
8) Шу-хо при входах и выходах;
9) Чжао-хо при поднесении вина (возвышении, тосте);
10) Сю-хо при пище (при поднесении пищи);
11) Чжен-хо при принятии императорской грамоты для путешествия;
12) Чен-хо при принятии императорским сыном таковой же грамоты.

У ляосцев было 12 ань-ё (музыкальных инструментов ань). Лянская династия (с 907–923) переменила наз. 12 танских хо и сделала (из них) 9 цин-ё; Хоу-танская (с 923–936), основав храм предков Танской династии (тан-цзун-мяо), по-прежнему стала употреблять 12 танских хо; Цзиньская снова сделал перемену и стала называть их тун-ё. По Лянским церемониям мы узнаем, что при выходах и докладе государю употреблялся инструмент лун-ань (торжественного спокойствия), при докладе императорскому сыну (хуан тай-цзы) употребляли чжень-ань, т. е. Ляо переменили наз. инструментов хо на ань; о прочих же 10 ань известия не находим.

О Ляоской симфонической музыке известий не дошло: (известно только, что) они не делали инструментов 8 звуков (исчисленные ниже), а заимствовали от Тан.

Вот эти 8 звуков (или инструментов):

1) металлические: бо чжуань (колокола);
2) каменные: ую шень (звонкий камень);
3) струнные: цинь и се (се 25 струнах);
4) бамбуковые: ё (флейта), сяо (флейта);
5) пао (глиняные?): шен и юй;
6) глиняный: сюнь (флейточка);
7) кожаный: гу-чао (барабан);
8) деревянный: чжу-юй (камертон?).

Прежде по 12 законам (?) мерой риса служила (музыкальный инструмент?) флейточка в 1 фут и 9 вершков, пустая и 3-х коленчатая, и только при Дао Цзуне, в г. пр. Тай-Кан (1075–1083), введены были меры для риса (и проса) ШЕН и ДОУ* (китайские), и намеревались утвердить (это?) законом. Их (т. е. Ляоские) законы (фа, постановления) много заимствовали от древних (законов, люй).

---

* Доу содержит 10 шен, след., 1 шен =1/10 доу. См. у Иакинфа в «Статист. опис. Кит. империи». Ч. 1-я, с. 128.

d) Большая музыка (да-ё)

Эта музыка получила начало при Ханьской династии (Старшей). Царство Цинь, установив порядок голосов (шен), в тоже время образовала музыкальный департамент (ё-фу). Суйский Гао-Цзу (581–605) издал указ, коим приказывал разыскивать (?) и узнавать о звуках (тонах), вследствие чего из Западного края Су-чжи-по (наз. страны?) были получены голоса у дань (восходов начал), кои, соединив с 7 тонами (инь) и 84 чжоу, и приложили. Это и было причиной того, что в симфонической музыке стали употребляться эти голоса. Музыка, употреблявшаяся при дворе отдельно от симфонической, стала называться да-ё (большою?). Цзиньский Гао-Цзу (Ши Цзин-тан) отправил с грамотой Ин-тянь хуан-тайхоу и Тай-цзуну своих министров Пень Дао и Лю-сюй, в тоже время препроводил и инструментовку этой (т. е. большой) музыки, таким образом она очутилась у Ляосцев.

Употребление ее было в следующих случаях.

При пожаловании грамоты императрице Чен-тянь хуан-тай-хоу. При Шэн-цзуне, г. пр. Тай-Пин, 1-й год, толпа мальчиков сопровождала императрицу на носилках до Цзинь-луань-мынь (причем играла вышеозначенная музыка).

При Тяньцзо в 1-й год Тянь-Цин установлен обряд пожелания императору долгоденствия (шан-шоу-и).

При выходе императора из Восточных внутренних покоев ударяли плетью (для водворения тишины); музыка начинала; когда занавески свертываются и двери открываются, музыка прекращается.

Тай-юй (кравчий, дворецкий?) держит башенку (в которой лежит чарка с вином), (чиновники) разделяются на очереди, тай-ё-лин поднимает флаг, музыка начинает; когда император выпьет вино, музыка останавливается.

Чиновники садятся соответственно, кроме Восточной и Западной сторон; тай-ё-лин сопровождает тан-шанё, который поддерживает да-чень, держащего башенку; тай-ё-лин докладывает о поднятии флага для начала пения; музыка начинает; когда император выпьет вино, музыка останавливается. Чиновник открывают пиршество во всех местах; тай-ё-лин докладывает об осмотре и поднятии флага, музыка начинает; когда выпьют вино, музыка прекращается.

Тай-чень-цин (начальник жертвенного приказа) входит с кушаньями императору; тай-гуань-линь докладывает о всеобщем угощении, музыка начинает; гражданские пантомимисты входят и после 3-х перемен снова выходят, музыка прекращается.

При поднесении вина чиновники начинают пиршество, музыка начинает играть; когда вино выпьют, музыка замолкает.

Вносят кушанья; всюду (т. е. все присутствующие, штат) начинают пиршество; музыка играет; военные пантомимисты входят для представлений, а когда уходят после трех перемен, музыка прекращается. Двери закрываются (хе, соединяются), занавески опускаются, дается знак для восстановления тишины (минь-бянь), музыка играет; когда император войдет в Западные внутренние покои, музыка прекращается.

Начало инструментов большой музыки принадлежит Танской династии. Тай-Цзун (династии Тан, с 627–649) ввел в употребление музыку «семи добродетелей» и «девяти заслуг». Императрица У-хоу (с 685–705) уничтожила эту музыку, употреблявшуюся в храме предков, которая и была поэтому забыта. После же в храме предков стали употреблять Суйские военные и гражданские пантомимы, а при дворце Гао Цзуновском (с 650–683) цзин-юнь-ё (музыку цзин-юнь). Этот род музыки и пантомим (музыкальных пантомим) крепко держался при Танском дворе, осененный законом, и таким образом просуществовал до конца династии, даже держался при у-дай (пяти династиях: Лян, Хоу Тан, Цзинь, Хань и Чжоу), в период крайнего неустройства и расточительности. Таким образом, большая музыка Ляоского государства была заимствована от Цзинь. А музыка и пантомимы цзин-юнь перешли в отдел музыки цзо-бу.

Помещаю перечень музыкальных инструментов, которые были следующие:

1) юй-шен (яшмовый звук);
2) фань-сян (резонанс);
3) чоу-чжен (гусли);
4) чжу (гитара);
5) кун-хоу;
6) да-кун-хоу;
7) сяо-кун-хоу;
8) да-пи-па (монгольский музыкальный инструмент);
9) сяо-пи-па;
10) большой пятиструнный;
11) малый пятиструнный;

12) чуй-е (лист для свиста);
13) да-шень (большая свирель);
14) сяо-шень (малая свирель);
15) би-ли (инструмент со звуком тибетских пастухов);
16) сяо (флейта);
17) тун-бо (медный тимпан);
18) чан-ди (длинная флейточка);
19) чи-па-ди (8 свирелей в 1 фунт);
20) дуань-ди (короткая свирель);
21) мао-юань-гу (барабан);
22) лянь-чао-гу (непрерывный барабан);
23) цзюй (снаряд).

Свистунов (и) – 2 чел.

Пантомимистов – 20 чел., разделенные на 4 отдела (по 5 в каждом).

Пантомимистов цзинь-юнь-ё – 4 чел.

Пантомимистов цинь-юнь-ё – 4 чел.

Пантомимистов по-чжень-ё – 4 чел.

Пантомимистов чень-тянь-ё – 4 чел.

Большая музыка имеет связь с симфонической, у которой было 7 тонов (инь). Большая музыка имела 7 голосов шен, назыв. еще 7 дань (восходов), происхождение которых следующее:

1) от по-то-ли (?) произошел звук: пинь-шен;
2) от чжи-ши – чан-шен;
3) ша-ши-чжи – чжи-шен;
4) бань, чжань – у-шен;
5) хоу-ли-цзе-ху – сянь-шен.

С переходом музыкального департамента от Суйцев стали употреблять эти голоса (шен), и таким образом 28 чжоу (тонов) 4-х первых звуков (даней: потоли, чжи-ши, ша-ши-чжи и ша-хоу-цзя) составили эту музыку (т. е. большую).

Вот перечень этих чжоу:

I. Происхождение от По-то-ли:

a) чжень-гун;
b) гао-гун;
чжун-люй-гун;
d) дао-чжоу-гун;
e) нань-люй-гун;
f) сянь-люй-гун;
g) хуань-чжунь-гун.

II. От Цзи-ши (дань):

a) юе-чжоу;
b) да-ши-чжоу;
гао-да-ши-чжоу;
e) сяо-ши-чжоу;
f) се-и-чжоу;
g) линь-чжунь-шань-чжоу.

III. От звука Ша-ши (со звуком Ша-ши?):

a) да-ши-цзё (рог);
b) гао-да-ши-цзё;
шуань-цзё;
d) сяо-ши-цзё;
e) се-и-цзё;
f) линь-чжун-цзё;
g) юе-цзё.

IV. От звука (дань) Ша-хоу-цзя:

a) чжунь-люй-чжоу;

b) чжень-пинь-чжоу;
гао-пинь-чжоу;
d) сянь-мо-чжоу;
e) хуань Чжунь-чжоу;
f) бань-ше-чжоу;
g) гао-бань-ше чжоу;

Эти 28 чжоу 4-х даней не употребляли законов шу*. Все эти тоны высшей нотой своей имели ЦИН, а низшей – ЧЖО (между которыми и происходило изменение голоса, нот). Всего, собственно, было 49 чжоу (так как 7×7), но остальные 21 чжоу были потеряны.

е) Сань-ё (рассыпчатая)

При династии Инь (1783–1134) была организована музыка до Р. Х. ми-ми (отличная), голоса которой имели широкую популярность и (после) образовали голоса чжан-вей. В период между Циньской и Ханьской династиями (с 221 до 222) есть известие, что Циньцы составили (привели в порядок) голоса и стали забывать чжан-вейские. При Ханьской младшей династии император ее У-ди (25–57) образовал после того музыкальный департамент (ё-фу) и отчасти ввел в употребление голоса «Западной прохлады» (си-лян). Теперешняя сань-ё употребляется в публичных представлениях, при пантомимах и различных входах, и есть список тех самых голосов, которые употреблялись при вышеупомянутом У-ди. Династия пятицарствия (У-дай) Цзинь в 3 г. пр. Тянь-фу (при Ци-Ване с 943–946) отправила Мо-сюй'я и Линь-гуань'я (наз. музыкантов) к Ляоскому двору, и таким образом музыка сань-ё перешла к Ляо.

Она употреблялась:

1) при пожаловании императрице грамоты;
2) при играх в лошади и рога просили также, чтоб играла музыка;
3) в день рождения императора.

В день рождения императора эта музыка играла в следующем порядке:

При 1-м входе с вином, би-ли (род инстр. со звуком тиб. пастухов – би) начинает.
При 2-м входе с вином, пение с участием рук (игры на инструменте) играет.
При 3-м входе с вином играют на однострунной пи-па.
Блины и сай подают со словами приветствия.
Ши (пища, кашица) вносится с различными увеселениями.
При 4-м входе с вином (ничего не бывает).
При 5-м входе с вином играют на флейте однодуховой, барабане и флейточке.
При 6-м входе с вином играют на гуслях однострунных посредством шара.
При 7-м входе с вином трубят в рога (цё-ди).

При угощении Сунского посланника:

При 1-м входе с вином играют на би-ли.
При 2-м входе с вином – пение (ге).
При 3-м входе с вином – пение с аккомпанементом.
При 4-м входе с вином играют на однострунной пи-па.
Затем ЧАЙ, блины и кашица вносятся также, как и прежде.
При 5-м входе с вином ничего не бывает.
При 6-м входе с вином, на флейте с соблюдением законов кривизны (?).
При 7-м входе с вином, на гуслях однострунных.
При 8-м входе с вином – пение с ударом в повешенные инструменты.
При 9-м входе – игра в рог.

Нижепоименованные 3 тона с 4-мя голосами, соответствующими звукам 4 времен года, составляют, таким образом, 12 голосов (или тонов), издаваемых 12 флейточками (гуань). Чтобы сделать согласование голосов (шен) и тонов (инь), делают флейточку (ди) с 4 дырами. Три же тона, употребляемые в сань-ё, следующие: тон неба – ЯНЬ, тон земли – И и человека – ЧЖУН; голоса же (шен) 4 времен года суть следующие: голос весны – ПИНЬ, лета – ШАНЬ, осени – ЦЮЙ (цюй-шен), а зимы – жу (жу-шен).

Инструменты этой музыки следующие: БИ-ЛИ, сяо (флейта), ДИ (флейточка), ШЕНЬ (флейточка), ПИ-ПА (монг. инстр.), У-СЯНЬ (пятиструнный), кун-хоу, чжен (гусли), ФАНЬ-СЯН (резонанс издающий), палочный

---

* О чем было упомянуто выше.

барабан (чжан-гу), ГУ 2-й степени, ГУ 3-й степени, ЯО-ГУ (поясничный барабан), да-гу (большой) и кун-пибань (доска).

Разные игры, употребляемые при этой музыке, были в различные времена различны. Так, при Циском Цинь-гуне употребляли карликов, музыкантов (шутов) и остряков (философов, жу); при Ханьской династии во времена У-ди употребляли рыб, драконов и пресмыкающихся. При Хоу-Хань для увеселения двора употребляли веревочные пантомимы и разные искусные фокусы, заимствованные с Западного края (Си-юй). Вольные же песни не были в употреблении, поэтому о них нет известия.

f) Гу-чуй-ё (духовая и барабанная)

Эта музыка еще носит название: дуань-сяо-нао-ге-ё (музыка колокола и короткой флейты) и заимствована от Китая. Говорят, что она была в тоже время и военной (цзюнь-ё). По Ляоским разным церемониям было постановлено: при дворцовых собраниях употреблять ее в парадах и торжественных шествиях. Самый отдел музыки разделялся на 2 крыла: правое и левое. При шествии со значками (лу-бо) чиновники все должны были иметь эту музыку.

К *первому отделу* (или крылу) принадлежали:
Гу-чуй-лин'а – 2 (начальники, капельмейстеры);
Гань-гу (барабанов на носилках, больших) – 12;
Цзинь-чжень (металлических тазов) – 12;
Да-гу (больших барабанов) – 120;
Чан-чинь (долгопоющих) – 120;
Нао (колоколов) – 20;
Гу (барабанов) – 20;
Ге (свистулек) – 24;
Гуань (трубочек) – 24;
Сяо (флейт) – 24;
Цзя (свистков) – 24.
К *заднему (хоу) отделению* принадлежали:
Да-цзё (б. рогов) – 120;
Гу-чуй-чень (управителей) – 2 чел.;
Юй-бао (зеленых крыльев) – 12;
Гу (барабанов) – 12;
Гуань (дудочек) – 24;
Ди (флейточек) – 24;
Нао (колоколов без языка) – 12;
Гу (барабанов – колоколов) – 12;
Сяо (флейт) – 24;
Цзя (свистков) – 24.

Эти два отдела употреблялись в парадных шествиях и при докладе, но при дворцовых собраниях они располагались в порядке и не употреблялись при докладах.

g) Хен-чуй-ё (поперечно-духовая?)

Эта музыка также военная и, подобно гу-чуй-ё (вышеописанной), разделялась на два отдела. Как та, так и другая принадлежали ведению гу-чуй-лин'а (управителя).

К *переднему отделу* принадлежали:
Да-хен-чуй – 120;
Цзе-гу (праздничных барабанов) – 2;
Ди (флейточек) – 24;
Би-ли (с тиб. звуком) – 24;
Цзя (свистков) – 24;
Тяо-пи-би-ли – 24;
Гань-гу (барабаны на носилках) – 12;
Цзинь-чжень (тазов) – 12;
Сяо-гу (м. барабанов) – 12;
Чжун-лин (среднепоющих) – 120;

Юй-бао (зел. крыльев) – 12;
Гу (барабанов) – 12;
Гуань (дудочек) – 24;
Сяо (флейт) – 24;
Цзя (свистков) – 24.
Задний отдел включал:
Сяо-хен-чуй – 124;
Ди (флейточек) – 24;
Сяо (флейт) – 24;
Би-ли – 24;
Тяо-пи-би-ли – 24.

Музыки гу-чуй и хен-чуй всех чиновников 4-х высших степеней имели различные изменения и оттенки, о чем смотрите в описании значкового приказа (и-вей). Голоса музыки прежних Ванов Чжоуской династии стали забываться и были утрачены (забыты). Чжоуская – южная (Чжоу-Нань) сделала перемены в музыке, а при Ши-хуан'е (император – основатель Цзиньской д., 221–203 до Р. Х.) мы уже встречаем голоса: чжень-вей, цинь, янь, чао и чу, которые все были организованы и представлены (императору). Между тем, голоса музыки симфонической стали забываться (в этот же период). При Ханьской и Танской династии в гражданских делах употребляли большую и рассыпчатую музыки, в которых все западные звуки; при военных же делах употребляли гу-чуй и хен-чуй (духовую и барабанную), в которых все северные звуки. Симфоническая же музыка есть та, у которой инструменты симфонии; голоса ее также западные.

О ЗНАЧКОВОМ ПРИКАЗЕ

На Востоке и особенно в Китае внешняя обстановка играет немаловажную роль, потому что тамошние правительства смотрят на это, как на средство, возвышающее верховную власть на пьедестал величия, хотя, с другой стороны, нам хорошо известно, что те же прав-ва не прочь утверждать, что это дело второстепенное, и что истинное значение верх. власти основывается на началах хорошего управления... Но это, без сомнения, истинно-высокая и классич. мысль не всегда выдерживается на деле, и мы видим, что кит. прав-во испокон веков старалось о большем разнообразии и блеске атрибутов верх. власти и, видимо, считало это не лишним. Это несколько расходится с тем фактом, который мы действительно замечаем в Китае, а именно, отсутствие капитальных памятников, таких построек, какие мы встречаем, напр., в Египте. Ясно, что династии Китая не старались об увековечении памяти о себе такими постройками, по той высокой мысли, что память об них будет жить в их деяниях, свершенных для блага народа, но в тоже время не забывали себя в период своего существования и старались, по возможности, о внешнем блеске, почему регалии верховной власти: знамена, носилки, значки, печати, а также принадлежности при различных обрядах, празднествах, выходах и т. д. (что на Кит. вообще назывались и-вей (значковый приказ), – пользовались немалым влиянием правительства.

Понятие об этих принадлежностях и необходимость приобретения их сознавали и те инородческие империи, которые так или иначе заводили сношения с Китаем и создавали свое гос. тело по кит. образцу. Основатели этих империй с принятием императорского титула немало заботились о приобретении этих атрибутов верх. власти, потому что без них, по заимствованной от Китая мысли, не могла с достоинством существовать и самая императорская власть.

Тоже самое мы видим и в истории династии Ляо. Еще раньше Тай-Цзу киданьские старшины приезжали к Танскому двору и просили наград печатями и знаменами. Тай-Цзу, а за ним Тай-Цзун уже не довольствовались такими подарками и сами бесцеремонно отбирали у китайцев эти принадлежности. Когда последний из них проник в Бянь, тогдашнюю столицу Цзиньской династии, то он вместе с последним императором этой династии унес с собой в Монголию и все имперские принадлежности, хранившиеся в кладовых династии. Тоже самое делают Цзиньцы после разгрома Сунской династии и взятия ее столицы.

Очевидно, что как та, так и другая инородческие династии имели одну общую мысль о необходимости приобретения внешних атрибутов верховной власти, и это весьма понятно, если мы припомним, что как та, так и другая создались по кит. образцам и даже вызваны были на историч. поприще этой же самой силой*.

---

* Последнюю мысль я подробнее излагаю в историч. очерке.

Не имея времени теперь подробно рассмотреть значение чинов и вообще пожалований, я укажу только на то обстоятельство, по видимости пустое, кот. мы дов. часто встречаем в истории Ср. Азии, а именно, на громадное значение разных пожалований Китайским двором среднеазиатским властителям, вследствие чего те постоянно чувствовали свою зависимость от него и таким образом давали ему возможность иметь влияние на свои дела. Особенно ярко обнаруживается это после указа Зап. Тулгаского дома, когда Китай сильно влиял на среднеазиатскую политику, сдерживая враждебные против себя мысли мелких владельцев посредством этой системы. Императорская династия Ляо также держалась этой системы, что видно из того, что она жалует грамоты Сяскому и Гаолийскому Ванам. Чжурчженьский Янке также сдерживался этой мерой.

Вообще, чины и внеш. знаки отличия на Востоке играют немаловажную роль, что, конечно, не иначе можно объяснить, как пустым тщеславием среднеазиатцев, впрочем, не чуждым и для других малоразвитых народов.

1-е описание Значкового приказа

После разгромления Бохайского царства, а затем уничтожения Цзиньской династии Ляоскими императорами все гос. вещи (вень-у) Чжоу, Цзинь, 2-х Хань, Суй и Танской династий достались в их руки. Таким образом, они приняли носилки, платье и пр. вещи для великолепия, печати, золотые значки (фу) для передачи приказаний (хао-лин). То, что принадлежало к разряду гражданских принадлежностей, называется И, а к военным – ВЕЙ.

a) Колесницы и одежда (юй-фу)

Как императорские, так и низшие юй-фу принадлежали глубокой древности. При Юй'е (знаменитого своими гидравлическими работами) были в употреблении маленькие носилки (нянь). При Шанской династии (с 1766–1400) введены большие повозки (да-му) с украшениями на тутовом корне. При Чжоуской (1122–1225) употреблялись уже украшения из яшмы, золота и слоновой кости. Циньцы (с 1225–1206) стали употреблять значки и принадлежности 6 г-в (мелких владений) и каждое употребляли отдельно. Но то, что было введено прежними Ванами, не было императорское (не имело значения импер. Принадлежностей). Во времена Ханьской династии мы встречаем уже известие о насечках (резных украшениях) на колесницах. Но из всего этого краткого очерка видно, что имена разных принадлежностей сохранились и до нашего времени, самое же устройство и значение принадлежностей были утрачены, потому что потомство получает только 1 % от всего этого. В ближайшие времена, во времена Танской династии, мы встречаем более обильный материал: носилки и телеги, перешедшие от Суй и Чжоу, подвергались различным изменениям и разнообразились, платье при жертвоприношениях, дворцовое и обыкновенное красное, а также домашние украшения (юй-вень) из красного, темно-красного и зеленого янтаря были распределены на степени и разряды. При У-дай обыкновенная одежда была заменена дворцовой. Ляоское г-во с Тай-цзуна имело самые короткие отношения с Китаем, и мы встречаем далее интересное известие о том, что император (киданьский) с кит. чиновниками, составлявшими Южную партию, употребляли кит. платье, а императрица поддерживала Сев. партию кид. чиновников и носила государственную (национальную) одежду, т. е., значит как та, так и другая одежда пользовалась одинаковыми привилегиями, пожалуй даже, китайская имела перевес. Эта (или кит.) одежда была введена во времена династии Пятицарствия Цзинь.

b) Национальные колесницы (го-юй)

Кидане по своему прежнему образу жизни были номады: они при своих перекочевьях, следовавших по пастбищам, жили в войлочных кибитках и имели большие носилки (телеги), жены их употреблялись для присмотра за лошадьми и употребляли маленькие носилки, богатые люди могли употреблять блестящие и дорогие украшения. Обстановка императора и императрицы (т. е. правителей, владетелей страны) отличались великолепием и строгою важностью. Эти национальные колесницы были следующие:

a) Да-юй (большая) употреблялась при пожаловании грамот, при церемонии цзай-шен (что было выше) и при жертвах духу государя;

в) Юй-ла (последней луны) употреблялась императором и императрицей;

c) Цзун-ду-че (носилки главного знамени) запрягались императорскими скаковыми (отличными) лошадьми. Употреблялись императрицей при церемонии приношения жертв горам;

d) Че (носилки) при церемонии выбора императрицы, употреблялись ею (т. е. хуан-хоу);

e) Цин-сянь-че (носилки с голубой занавеской) с 2 драконовыми головами, седалище и кузов изукрашены серебряными украшениями. Запрягались скаковыми лошадьми и употреблялись при выдаче замуж гун-чжу

(царевны императорского двора) для награды ей. В древности эти носилки употреблялись при выходе замуж дочерей Чжоуских Ванов (носивших имя Цзи);

f) Сун-чжун-че (похоронная?). Носилки в 1-м этаже (ярусе) с бахромой и кистями из парчи; головы драконов из серебра, внизу привешивалась трещетка, позади висит большой войлок. Запрягались волами. В прежнее время употреблялись для этого бараны, как бы показать, что они приносятся в жертву. Эта колесница употреблялась также для наград гун-чжу при выходе их замуж.

При пожаловании грамоты (це) императрице, император всходит на носилки И (стул) и от зала бянь достигает до Западных ворот бяньле (БЯНЬ-МИНЬ). При церемонии принесения жертвы горам на оседланной лошади, император управляет лошадью и прислуживает хуан-тай-хоу. Следует церемония последней луны. Затем император ниспускается с носилок и, принеся жертву на Восток, садится на лошадь и входит в облавную арену. После церемонии се-че-сё (се-се) все отправляются на лошадях к Востоку, причем чиновники находятся на юж. стороне, а женщины (фрейлины, мин-гуй) – на северной.

c) Китайские колесницы

При Тай-цзуне, в 1-й год Хуй-Тун (937), Цзиньские уполномоченные Жень-дао и Лю-сюй приготовили (для Ляоского двора) носилки, повозки и церемониальные вещи; император и императрица при принятии Верховных титулов, постановили грамоту церемоний (церемонно в грамотах?). От этого платье и носилки Сына Неба (т. е. кит. императора) приняли блистательный вид. В годы правления Тай Пин (Шен-Цзун, 1020) употреблялись кит. церемонии в грамотах, а чен-хуан-лин-чжень-че, лу (повозки), шань-нянь (выс. носилки), фын юй-чжень-юй (носилки для поднесения императору) и нянь (от. носилки), также великолепные большие носилки и повозки – все это окончательно сосредоточилось у ляосцев.

a) В законе 5 дорог Чжоуской династии мы встречаем известие о 5 повозках, но Цзиньская династия, следовавшая после нее (или после объединения Китая), забыла об них, и только при Ханьской 2-й (Хоу-Хань) они были реставрированы.

в) Яшмовые носилки (юй-лу). Их употребляли: при принесении жертвы Небу и Земле, а также в Храме предков, при дворцовых поздравлениях и при принятии императрицы. Украшение из чистой голубой яшмы, желтая внутренность, слева 12 священных знамен с колокольчиками, поперек также висело 2 колокольчика, впереди драконовая оглобля, справа (в тексте слева) ставили 1 большое знамя с 12 маленькими, все расписанные подымающимися драконами, длинными и стелющимися по земле великолепными синими драконами, золотые украшения на уздах, кисти и кожаные подпруги числом 12 – вот отличительные черты ее устройства. При цермонии испытания стрел* г-рь всходил на яшмовую повозку и достигал до внутр. ворот. При Шэн-цзуне, в 10-й год Кай-Тай (приходится во 2-й год Тай-Пин, 1022), император всходил на эту повозку и от внутренних сань-мынь доходил до залы «долгоденствия» (вань-шоу). После чего подносили 7 раз вино портрету императора в храме предков.

c) Золотая повозка (цзинь-лу) употреблялась при возвращении к пиршеству, с охоты, жертв и угощения. Украшения из чистого золота, остальное – как в яшмовой повозке. Цвет употреблялся соответственно (цвету) ее материала (сущности). Запрягается в красную лошадь с черной гривой (кожурой?).

d) Слоновая повозка (сян-лу). Употребляется при путешествиях. Украшение из чистожелтой (?) слоновой кости; остальное – как в золотой. Везется желтою лошадью.

e) Кожаная повозка (вей-лу). При зимней облаве и военных делах. Из белой чистой кожи. Везется белой лошадью.

l) Му-лу (деревянная, везомая верблюдом). При охоте. Покрыта черным чистым лаком; возится черным верблюдом.

Носилки (че) были гораздо меньше колесниц и употреблялись при незначительных делах.

a) Ген-чень-че (происходящие от землепашества?). Употреблялись при землепахании (императора?). Чистая тройная светлая покрышка; остальное – как в яшмовой колеснице.

в) Ань-че (также. назыв. цзинь-сянь, добродетельные). При отправлении в какое-нибудь место (низшее). Золотые украшения, кузов коляски несколько изогнутый; в входе протягивались 8 колокольчиков. Занавеска выкрашена темно-красным лаком, внутренность красная, ключи также красные; запрягается рыжая лошадь с красными кожаными подпругами и кистями.

c) Сы-ван-че (4-х ожиданий, также наз. мин-юань, далеко-светлая). При поклонении на кладбищах и тризнах (посещении могил родственников). Золотые украшения. Занавески выкрашены голубым лаком, внутренность красная; везется быком (или коровою). Остальное – как в ань-че.

---

* Будет помещено ниже, в отделе «печатей и значков».

d) Лян-че (прохлады). В провинции и при окончании охоты. Также чистого золота украшения, серебряные накладки, драконы и фениксы 5-тицветные вытканы (на занавеске или накладке), покрытая лаком дверь с красными тесьмами седалище – вот их устройство. Возились они скаковой лошадью (то-чи). При носилках употребляли людей (носильщиков).

Танский Гаоцзун (с 627–650) ввел 7 носилок, а для чиновников холщевые носилки (че). При носилках употреблялись служители, таскавшие их на своих плечах. При Ляоском дворе в годы прав. Тай-Пин (Шэн-цзуна) при церемонии грамот император садился в императорские носилки.

a) Да-фын-нянь (носилки б. феникса). С красным чистым заголовком с золотыми фениксами, дверцы разрисованы облаками и золотыми перьями, спереди передок, внизу баллюстрадка из нитей и тесемок. Все украшено облаками, фениксами и серебряными насечками. У императорских носилок 80 человек;

b) Да-фань-нянь (носилки б. славы);

c) Сянь-юй-нянь (благополучной прогулки);

d) Сяо-нянь (маленькие). В праздник юн-шоу (продолжительного благополучия) императрица (Хуан-тай-хоу) всходит на эти носилки;

e) Фань-тин-нянь (носилки портика славы). Черная чистая занавеска над самой внутренностью, красная перекладинка. Всё в узорах, облаках, фениксах, красные и зеленые занавески в отверстиях, красивые (хуа, с узорами) доски, парадная есть, 2 занавески, 4 бамбуковые палки, украшенная серебром насечка. У императорских носилок 120 чел.;

e) Да-юй-нянь и f) сяо-юй-нянь – большие и малые яшмовые носилки;

g) Сяо-яо-нянь (для дальних прогулок). Употребление всегдашнее. Деревянный кузов, чистого золота украшения, серебряные накладки, парадная тесьма. Управляется 20 чел. Весной и летом (носильщики?) в красных рубашках, а осенью и зимой – обыкновенная парчовая одежда;

h) Пин-тоу-нянь (фавноголовые). Употребляются обыкновенно, обыденно. Устройство подобно сяо-яо-нянь, без кузова. При пожаловании грамоты императрице Чен-тянь Хуан-тай-хоу она употребляла эти носилки;

j) Бу-нянь (походные, пешеходные). В 3-й год Тун-хо (986) Шен Цзун, остановившись на житье у р. Тухе*, отправлялся на этих носилках обозревать состояние управления страной (это тоже в. хорошая черта между Государями Востока, хотя, с др. стороны, мы видим (я постараюсь доказать это), что народная масса стояла особняком от прав-ва: оно чуждалось ее);

i) Янь-че (древний род носилок). Эти носилки с красными чистыми двойными дверьми с украшениями разрисованы черепахами, фениксами и перьями; занавеска красная, на дверях занавеска из шелковых красных нитей. Все (т. е. эти занавески) украшены изображениями благознаменательных баранов, расписано колесами, ведется волами, которые при следовании иногда заменяются лошадьми. 18 мальчиков в одежде благознаменат. баранов (разрисованной изображениями благ. Баранов) ведут их (т. е. волов).

Кроме того, были еще телеги (носилки юй), которые таскались людьми. Когда «сын неба» отправлялся на таких носилках, то носильщики употребляли кожаные наплечники и полотняные нарукавники.

a) Яо-юй (поясничная). Передняя и задняя бамб. палки, украшенные головами драконов, золотыми или серебряными, красные узоры представляют фениксов. Платье император соизволяет употреблять парчовое. На особо устроенном ковре полагается маленький диван. Носилки подносят 16 чел.;

b) Сяо-юй (маленькие). Красного цвета, голубые заголовки, кривые рукоятки, красные узоры, нити и кисти – как в фынь-нянь (носилках феникса). Только в них устраивается место (седалище) для императора (особенное от тех носилок). Подносят носилки 24 чел.

Колесницы и носилки импер. сына (хуань-тай цзы че-лу).

a) Цзинь-лу (золотая повозка). При принесении жертвы в начале зимы (чжень-дун) и принятии жены (принцу) из значительного долга. По грамоте церемонии, дарованной императорскому принцу, из чен-хуан-лин (старого устройства повозка, заимств. от Китая) была сделана эта повозка (т. е. золотая);

b) Яо-че (коляска). В 5-и день (1-й луны Нового года) во дворце обыкновенно приносят жертвы. Чиновники принимают участие в этом и для разъездов употребляют эту коляску. Она украшена золотом, темно-красной занавеской и красной внутренностью, возится лошадью;

c) Сы-ван-че (4-х ожиданий). Употребляют ее при посещении покойников. Золотые украшения, занавеска, покрытая темно-красным или ярко-красным лаком – вот ее особенность. Запрягается в 1 лошадь.

---

* Очень известный между среднеазиатцами обычай – перекочевывать с места на место в разные времена года. Этим объясняется обилие столиц у них (у киданей было 5), а сам обычай, в свою очередь, объясняется климатич. условиями.

2-е описание Значкового приказа

а) Го-фу (государственная одежда)

Кидане в своем первобытном номадном образе жизни жили в уединенных местах, без всякого понятия о роскоши и удобствах. Затем, перекочевав к Хуан-хе (Шара-мурени), они стали жить уже на более широкую ногу: предок (цзун-фу, дядя) Тай-цзу Су-ле*, бывший при фамилии Яо-нянь в чине юй-юе (канцлера), стал заводить на этом местности (у Шара-мурени) села и городки, обучать народ в разведении тутовых (?) дерев, ткать пеньку и т. д. Это было признаком их возвышения. С Тай-Цзу и Тай-Цзуна жизнь еще более усложнилась, и через сношения с Китаем они познакомились с роскошью и великолепием. При влиянии Китая их мануфактурная деятельность стала быстро развиваться, и кроме выделки тонкого флера и тафты они стали выделывать и разные тонкие шерстяные материи для употребления на платье. Платье, однако ж, было не у всех одинаковое (т. е. живших в пределах Кид. г-ва). Северная партия, или киданьская, употребляла гос. нац. одежду, партия же южная, или китайская, держалась своей одежды.

Одежда при жертвоприношениях. Ляосцы для жертвоприношений горам имели одежду «большой церемонии» (да-ли) с разными дорогими украшениями.

При малой жертве (фо-сы) император надевает шапку ин (крепкую), красный пояс и изукрашенный изображениями черепах бао (кафтан). Императрица надевает красный на (головной убор), платье: со швами красный бао, яшмовый пояс и с черными великолепными швами вей (род одежды, вроде пояса). Чиновники и фрейлины в платьях и украшениях следуют цвету бахромы главного знамени.

При большой жертве (да-сы) императорское платье состоит из золотой шапки с золотыми украшениями, бао белого газа; красного пояса, украшенного рыбами и горами и великолепно спускающегося книзу, украшенной костью носорога и яшмой кожи (рукоятки) и великолепного с черными швами вей'я.

Дворцовые одежды при Тай-цзу (в год под циклич. знаками). Когда император получил престол, дворцовая одежда и исподнее платье из лат приготовлялись не всегда, впоследствии при церемонии се-чё-сё (прежде се-се) и большой стрельбе в иву употребляли эту одежду. При Шэн-цзуне в г. пр. Тун-Хе, при пожаловании грамоты Чен-тянь-хуан тай-хоу, она с 3 высшими степенями (чинов) употребляла одежду большой стрельбы в иву.

Императорская одежда (хуан-ди-хоу) состоит из шапки ши-лу-гунь, со швами красной бао (курма?), яшмового пояса с спускающимися украшениями из кости носорога и великолепного узорчатого вей. Говорят, что эта государственная траурная (гун-мянь) одежда при Тай-Цзуне заменена парчовым бао и золотым поясом.

Штат имел войлочные шапки, украшения из золота и цветов или же (еще) из драгоценных камней, яшмы, из шерсти синего цвета налобник (е), свешивающийся позади (назатыльник), вытканный из золотых перьев, узкий пояс, волоса в прическе чжунь-чжу (наполовину собранные) с 1 рядом, или же флеровая одежда: черная флеровая шапка без верху, не покрывающая ушей и лба, спереди украшена золотыми цветами, наверху (т. е. в окружности) темно-красная, на самом верху – драгоценный камень (вроде нынешних кораллов), одежда (платье) состоит из темно-красного узкого бао, пояса с принадлежностями оружия (чжан е), украшенного желтой и красной тесьмой, внутри с кожаной подкладкой. Золото, яшма, туй-цзин, индиго, камни (драгоценные) – постоянные украшения. Говорят, что кань-цзы при Тай-Цзуне была заменена парчовым бао и золотым поясом. При Хуй-Тун, в 1-й год, имеющие получить почетные титулы на будущий год награждались этой одеждой.

Гун фу (казенная одежда). Говорят, что она была внутри темно-красная. При Син-цзуне (Чжун Си, 22-й год) было постановлено указом относительно 8 домов родовичей (родов): головная повязка (цзинь-цзе). При Дао-Цзуне, в г. пр. Цинь Нин, было постановлено: потомки не имеющих заслуг родственников императорского дома, достигшие званий эр-ци-лу (и-ли-цзинь, эльчи?) и фу ши, могут владеть знаменными людьми, но только такими, которые не имеют повязки.

Императорская одежда состоит из темно-красного тюрбана (фу-цзинь), темно-красного узкого кафтана и яшмового (усыпанного яшмами) пояса, или же: красного ао (тоже род курмы или кафтана). Чиновники одеваются также в фу-цзинь и темно-красное платье.

Чан-фу (обыкновенная одежда). При церемонии цзай-сян-чжун-сы император надевает обыкновенную одежду. При церемонии представления Гаолийского посланника (ши), чиновники одеваются в такую же одежду, это есть юань-ли, с зелеными цветами узкий бао, в подкладке также много зеленого и красного цвета. Богатые и дорогие одежды состоят из собольих шуб с темно-красным и черным цветом, или же синим. Кроме того, были серебристые меха, необыкновенно чистого белого цвета. Не зажиточные (победнее) употребляли соболя, баранью шерсть или же лисьи шубы.

* Суле (Ши-лу) был 3-м сыном Юань-Цзу, отца Де-Цзу (Си-ли-цзы). В год пр. Яо-нянь он отвозил дань тю-кюе (туркам), был необыкновенно силен и отличался добродетелями См. «хуан-цзю бяо» ц. 64 «Ляо ши».

Тянь-ла-фу (для охоты). Императорская охотничья одежда состояла из фу-цзинь (чалмы) и лат на собольей подкладке. Из гусиных шей и утиных голов делали хань-яо (для защиты спины?). Местные и кит. чины также употребляли подкладки для лат, левая грудь у платья черного или зеленого цвета.

Простая одежда (она же для навещания покойников). Ее употребляли при выезде на рыжих и белых лошадях. Этой одеждой наградили (т. е. унизили) бунтовщика Лю-ге (при Тай-Цзу, его младшего брата).

в) Китайская одежда (хань-фу)

Хуанди (один из 5-ти ди) ввел (сначала) траурную одежду (мин-гуань) и чжань-фу (старейшины). Впоследствии для жертв земле, небу и в храме предков были установлены шапки (сюй) и шлемы (бянь), что и составило (положило начало) дворцовую одежду (шапку), а затем они получили разные названия; заведены были также церемониальные вещи (и-у). При Хоу-Танской династии траурная шапка и чистое (голубое) платье составили одежду при жертвах; шапка тун-тянь, красный кафтан составил дворцовую одежду; нинцзинь-цзе и бао-лань (без швов) обратились в обыкновенную (чан-фу). Тай-Цзун в столице Цзиньской династии Кай-фын-фу принимал поздравления чинов в зале чунь-госинь. С этого времени это сделалось обыкновением. Кроме того, из этой же столицы были вывезены все церемониальные вещи (вень-у) Цзиньской и Танской династий на север, почему они и вошли в употребление у Ляо, с разделением на правый и лев. отделы.

Одежда при жертвах

Траурное платье (гун-мянь). Она употреблялась при принесении жертв небу, земле и в храме предков. При принятии императрицы (в супруги) употребляли юань-фу, когда двор приносил поздравление. Одежда эта состояла из золотых украшений, спускающихся белых драгоценных камней; 12 пачек шелковых бахром составляли кисть на шапке, подобно цвету которой употреблялись и наушники (чунь-эрле) с спускающимися кистями. Кроме того, употреблялась яшмовая головная булавка.

Платье же собственно состояло из 12 отделов (или украшений). 8 отделов его наз. И, имели изображения: солнца, луны, дракона, звезд, блестящих червячков (хуа-чунь), огня, гор и цзун-и (украшения храмов предков). Остальные 4 отдела платья (шань) были следующие: цзао, фынь, ми и фу-ба. Шелковая одежда ке (бороды) (делалась) украшалась подымающимися драконами, вышита разными украшениями и разделялась на 6 степеней с изображением гор, драконов и т. д. Каждый отдел составляли 1 сорт (образец), которых, таким образом, было 12. В новый год (юань-жи) император при собрании двора надевает гун-инь.

Дворцовая одежда (чао-фу). В 5-й год Цянь-Хен Шен Цэун постановил: при пожаловании грамоты Чен Тянь Хуан-тай-хоу с 3 высшими степенями (чинов) одевается в законную одежду (фа-фу). По цза-ли («смешанная церемония»), при пожаловании грамоты Чен-тянь Хуан-тай-хоу расстилали ковер, на котором она снимала башмаки (церемониальные).

В г. пр. Жун-Си (Син-цзуна, с 1031–1056) император при принятии верховного (почетного) титула одевается в вышитую одежду с изображением драконов. Чиновники северной стороны (партии, киданьские) одеваются в дворцовую одежду, что по постановлениям г. пр. Хуй-Тун (Тай-цзуна), чиновники северной стороны и императрица одеваются в национальную одежду, а император с Южной партией одевается в Китайскую одежду. По следующим затем постановлениям мы узнаем, что кит. одежду стала употреблять и сев. партия. Так, в г. пр. Цянь-Хен (Цзин-Цзуна, с 968–983) было постановлено: в больших церемониях (да-ли) сев. партии чиновники 3-х высших степеней должны употреблять кит. одежду. Далее в г. пр. Чжун-Си (Син-цзуна) и после в больших церемониях была определена кит. одежда. Из этого уже можно заключить, что в это время кит. элемент преобладал при дворе династии и что национальная одежда (а это много значит) была отодвинута на задний план. Было ли тоже самое среди собственно народа, кочевников (или, скорее, бывших кочевников), преобладал ли там всемощный кит. дух, как относились между собой два диаметрально противоположных начала – вот вопрос, на который я обращу внимание в своих последующих исследованиях, потому что тут много поучительного, много объясняющего в самих судьбах среднеазиатцев при их столкновении с мощной кит. цивилизацией, обладающею замеч. способностью поглощать в себе чуждые элементы, переделывать все на свою мерку и лад...

Императорская шапка тун-тянь (постижение неба) употребляется им при всех жертвоприношениях, а также в день зимнего поворота и в северный день, при принятии двора и отправлении в академию. Кроме того, в первоначальное собрание и зимнее (юань хуй и дун-хуй) князей, графов император также употреблял ее. К ней присоединяли золотые украшения из гор, насекомых (фу-чунь) о 12-ти головах. Кроме того, одевали цзы-фа (повязку головную) с драгоцен. камнями и синими или черными полями, кисти с голубыми яшмами, также

булавки из носороговой кости, красно-флеровый бао, белый бао, на полуподкладке няо-ке (шелковая одежда), красный чжуань-цзюй (зад у платья), с белыми полями рубашки, красные наколенники, белые пояса с выемкой вроде сердца (под сердцем). С кожаными поясами употребляли ва-си (чулки?) с кистями. Если же не надевали первоначальную одежду (юань-фу), то делали чуб (шуань-тун-фа) с пустым шариком и чернообводную цел. (повязку), с двойными яшмами булавку с прибавкою драгоценных украшений. В 1-й день (нового года) при церемонии тань-шоу (высокого долгоденствия) император одевается в Тун-тянь-гуань (шапку Тун-тянь) и краснофлеровый бао. Императорский наследник употреблял шапку юань-юй (отдаленной прогулки) для посещения кумирен и возвращения во дворец, а также в день зимнего поворота и северный, в продолжении 8 утр (чжао). Даже одежда та же самая, как и у императора, только с тем отличием, что изображения насекомых с 9 головами (а у императора с 12-тью) и без гор. Шапка юнь-юй («отд. прогулки») Цинь Вана (1-й степени, родственника императорского дома) употреблялась им при присутствовании в жертвоприношениях, при дворцовых угощениях, при поклоне перед бяо, а также в важных делах. Прочая одежда мало отличается от хуантай-цзы-цзюй.

Прочие все Ваны имеют шапку «отдаленной прогулки», повязку с черными полями и голубую шишку. 3-й степени из высших употребляют шапку «цзинь-сян» (представленные добродетели), трехполосную и украшенную драгоценностями.

5-й степени высших употребляли такую же шапку (цзинь-сян), только с 2-мя полосами и золотыми украшениями.

9-й степени высших носили такую же шапку, но однополосную и без украшений.

7 степеней из высших употребляли пояса с кистями.

8 степеней низших употребляли платье, одинаковое с одеждой гун-фу (казенной).

Гун фу (казенная, княжеская). При церемонии испытания стрел (ниже) ге-ши одеется в гун-фу с завязанными сандалиями. Династия весьма часто (обыкновенно) употребляла эту одежду.

При сев. смотрах во дворце, император надевал шапку и-шань-гуань («красоты перьев»), чже-хуан-бяо, девятиколечный пояс, белого обработанного шелку цюнь (юбку) и жуй (рубашку), 6-ти коленчатый вей (ворот пояса?).

Хуань-тай-цзы в 5-й день (нов. года 1-й луны) употреблял шапку «далеких прогулок» и обыкновенную дворцовую одежду, в 1-й день (нового года) и в день зимнего поворота – дворцовую одежду, которая состояла из краснофлерового без подкладки платья (и), белых цюнь и жуй, кожаного пояса с золотыми крючками и с выемкою фынь-няньгя (тоже пояса), как (несессера), белых чулок и сандалий из черной кожи.

1 степень из низших и 5 степеней из высших имеют одежду: шапку, повязку на голове (цзе), кисть на шапке, булавку (цзянь-дао), что надевали при посещении Восточного дворца (наследного принца) и в других важных (казенных) делах. Остальная одежда состояла: из (великолепного) красного флера без подкладки платья (и), белых цюнь и жуй, кожаного пояса с крючками, великолепного пояса с выемкой, чулков, сандалий и несессера.

6 степеней низших имеют: шапку, кисть коней, булавку цюй (цзань-дао-цюй) и несессер. Остальное одинаково (с прочими).

Чан-фу (обыкновенная)

Из этой одежды император имел: чже-хуань-бяо, на голове тоу-цзинь (чалму), 9-тиколенчатый пояс, из 6-ти частей (хе) вей. Императорский принц имеет: шапку цзян-де (награждение добродетели), с 9 камнями, с золотыми украшениями краснофлеровые без подкладки платья (и), белая цюнь и жуй, белые чулки и сандалии из черной кожи.

5 степеней высших употребляют чалму (ну-тоу), которая также наз. чже-шань-цзинь, темно-красный бао, значки (я-ху) с золотом и яшмовый пояс (дай). У гражданских чиновников: пояс (ней), носовой платок (шоу-цзинь), мешочки, ножички, точильные камни, садки для золотых рыбок (род украшения из пояса). У военных чиновников: чжань-е (принадлежности оружия), поясные кожи 7 дел (ци-ши)*, топорики, точильные камни, ци-би-чжи-хуй (игольчатая коробочка – тун-х-ши) и в 6 рядов вей из черной кожи.

6-ой степени из низших имеют: чалму, красное шелковое платье, деревянные значки, серебряные пояса, несессеры; поясной вей, одинаковый с вышеописанными.

8-я и 9-я степень имеют: чалму, зеленый бао, пояс из желтовидного камня; вей одинаков.

---

* В праздник дуань-у император надевал платье 7 дел (?!).

3-е описание Значкового приказа (и-вей)

a) Фу-инь (дипломы и печати). В период владычества фамилии Яо-нянь (прежде, Е-ни) кидане принимали печати от Хой гу (Уйгуров). С времен Е-лань-ке-хана (И-лань-хана) стали таковые просить у Танского У-Цзуна (841–846), который и награждал их «гос. киданьскими печатями» (го-ци-дань-инь). В 1-й г. Шень-Це при Тай-Цзу-Амбагяне (916–922) Лянская династия (907–923) командировала к ним для раздачи печатей Ючжоуского цы-ши (Пекинского воеводу). Это событие как раз совпадает с восшествием на престол Амбагяня. Тай-Цзун в 9-й год Хуй-Тун (946), после поражения Цзиньской династии, получил от нее: 1 гос. драгоценность (чжуань-го-бао), а также 3 золотые печати, императорский фу-жуй (диплом); перевел все это к своему двору. Так как эти гос. драгоценности (чжуань-го-чжи-бао) перешли к Ляо от китайцев, то я считаю не лишним сказать несколько слов о судьбе их в Китае. Начало получили они от Цинь-Ши-Хуан-ди (с 221–202), который завел синие яшмы с драконовыми головами (контракты?) о 6 сторонах, на первой лицевой из которых была надпись: шоу-лин-юй-тянь («принято приказание от неба»), далее, в г. пр. Юн-чень делались изображения рыб и птиц древним почерком. Это было и в г. пр. Цзы-инь (Эр-ши, 209–206) и после, при Ханьском Гао-Цзу (Гао-ди? с 202–209 по Р. Х.). Бунтовщик Ван Тань похитил их (у Ханьской династии 1-й). Хан-Пин Хуан Хоу образовала залу печатей (сидянь), по лестницам которой были расставлены рогатые драконы с великолепными пятнами. При государе Сянь-ди (190–220) они были утрачены, но Сунь-Цзянь отослал их в Цзинь-Чжуне, а затем они перешли к Сунь-Цюань'ю (основателю царства У в Южном Китае), от которого достались царству Вей (в Северном Китае, основанном Цао-ни), государь которого Вень-ди (221) приказал вырезать на них надпись: «Великая Вей приняла от Хань наследственные драгоценности» (чжуань-го-чжи-бао). При Танской династии имя их было переименовано на шоу-лин-бао (принимающие приказания). Династия Пятицарствия Цзинь (с 936–946) забыла (утратила) обе их, и они перешли, таким образом, к Ляо. В г. пр. Шэнь-цзуна Кай Тан 10-й г. (1022) они были сохраняемы в Средней столице. При Син-цзуне, 7-й год Чжун Си, эти драгоценности (печати) употреблялись при экзамене докторов для наложения печати на их работы. В г. пр. Бао-да (в 2-й год) при Тянь Цзо они были оставлены у р. Сан-цзян.

a) Юй-инь (яшмовые печати). Перевезены Тай-Цзуном из Бянь и хранились в дворцовых (значковых) кладовых. В г. пр. Ин-ли Му Цзуна (с 951–968) указом было постановлено ввести их в употребление.

в) Юй-цянь-бао (печать для передачи императорских приказаний). Вылита была из золота с надписью: «юй-цянь-чжи-бао» и назначалась для передачи приказа императора чиновникам.

c) Чжао-шу-чжи-бао (указная). С такою же надписью (т. е. чжао-шу-чжи-бао или шу-чжао-чжи-бао) и употреблялась при обнародовании указов.

d) Ци-дань-бао (киданьская). При церемонии принятия киданьской грамоты фу-бао-лань (казначей печатей) полагает ее на Восток от Императорского трона.

E) 3 золотые печати (цзинь-бао) от Цзиньского императора, но письмена их не обнародованы (неизвестны).

f) Печать хуан-тай-хоу (луань-тай-хоу-бао), письмена которой также не объявлены. При пожаловании грамоты Чен-Тянь Хуан-тай-хоу, фу-бао-лань полагает бао направо от трона хуан-тай-хоу.

g) Печать (инь) хуан-хоу (царств. или жены царств. императора) с надписью: «печать приказаний» (для приказаний) хуан-хоу.

h) Бао хуан-тай-цзы также без обнародованных надписей. В 9-й год Чжун-Си по грамоте церемоний, установленных для принца, чжун-шу-лин (наз.чина?) подает ему это бао.

Инь (печати обыкновенные или присутственных мест)

a) Ли-бу-инь (печать министерства чинов) с надписью: «ли-бу-чжи-инь». Вылита из серебра. Через нее гражданские чиновники постановляли прошения.

в) Бин-бу-инь (министерства военного) с надписью: «печать военного министерства», также из серебра. Через нее войсковые знамена (цзюнь-чжи) постановляли решение (сносились с другими присутственными местами).

c) Печати: киданьского чу-ми-юань (шу-ми-юань, сената) и чжу-син-цзюнь-бу-шу (улуского) прис. места всех пехотных войск, а также китайского сената и чжун-шу-шен (провинц. Управления) и, вместе с тем, Кит. присут. места чжу-син-гун-ду-бу (столичное и улусное всех походных дворцов), вылиты из серебра, не свыше 6 (для надписи). Серебряная киноварь делает цвет.

d) Печати Северного и Южного Ванов, а также внутренних и внешних (заграничных) чиновников (сы) делается из меди; желтая киноварь (дань) делает цвет, при собирании красный камень делает цвет.

е) Шуан-куан (прежде чжо-ва) употреблялась для наискорейших приказаний в походе войск и обыкновенно давалась главнокомандующим (цзян-цзюнь'ям).

Фу-ци (срочные значки)

При Дахуре (Дахе) 8 аймаков при ведении войны должны были собираться в условное время, для чего и прибегли к особенного рода значкам из дерева, которые наз. нянь-хе. Эти значки от главы сейма пересылались во все бу для передачи приказаний. При Тай-Цзуне-Амбагяне они были «заменены рыбками» (цзинь-юй), устройство которых было следующее. Они состояли из 7 шариков (или кляпцев), вылитых из желтого золота, длиной 6 вершков. На каждом кляпце были иероглифы приказаний (цзы-хао). Каждая рыбка, правая и левая, соединялись вместе. Когда случалось какое-нибудь дело, то отправляли чиновника с одной из этих половинок (правой), к кому следовало. Последнему уже прежде давалась первая половинка (левая). Посланный таким образом соединял свою половинку с прежде данною, поэтому уже не было сомнения касательно подлинности поручения. После окончания дела значки возвращались во внутрен. департамент (ней-фу).

Серебряные пай-цзы (4-х угольные дощечки* для передачи приказания), числом 200. Длина их равнялась 1 футу; на лицевой стороне вырезано киданьскими письменами: «должно скоро» или «приказывается ехать на лошадях». Они употреблялись в важных случаях и передавались отправляемому с ними самим императором. Посланный имел свидетельства для получения лошадей на станциях. Если следовало проезжать множество (тысячу) станций, то он брал курьерских (ше-ма) вместо обыкновенных (дай-ма) и ехал днем и ночью, пробегая по 700 или 500 ли. Посланный с пай-цзы ехал как бы сам император и мог требовать перемены лошадей, без опасения замедления. По возвращении император сам принимал от него пай-цзу и передавал ее лань-цзюнь'ю для хранения.

Му-ци (деревянный срок, тоже значок, употреблявшийся для срочных приказаний). Лицевая сторона его была чистая, оборотная – темная (шероховатая?). Употреблялся в случае наискорейшего призыва ге-мынь'ем (инь-ге-мынь-хуань-чжан).

Вот самый обряд при употреблении этого значения. При церемонии поздравления двором (согласно...) Сюань-хуй-ши (обнародывающий прокламации, повеления императора) просит (т. е. берет) светлую сторону му-ци и, ниспустившись с зала, доходит до дверей ее, чтобы передать на запад (Западную сторону) ге-мыньши'ю, который, приняв ее, говорит: «Передается ци, долженствующий идти скоро». Кань-ци-гуань (непременно срочный чиновник?), став на колени, с почтительными словами, принимает ци и поднимает рукой, причем ге-мынь-ши (т. е. передающий), вместе с кань-ци (гуанем), падает ниц, затем поднимается и докладывает внутренним и внешним (чиновникам, присутствующим), и снова вместе с кань-ци говорит: «Исполнять приказание в непременно намеченный срок». Кань-ци-гуань держит оборотную сторону (темную) му-ци с почтительными словами, прогнувшись вполовину тела, немного приблизившись, говорит, обратившись к цзюнь-цзянь-мань-чжан-гуань'ю: «Выйдя из дворца, должно объявить во всеуслышание, что этот му-ци дается для наискорейшего приказания правым и левым цзинь-у (наз. чина, вроде пристава)». Кань-ци-гуань говорит: «Хе-бу-хе» (соединено или не соедино, т. е. 2 половинки значка). Мань-чжан-гуань говорит: «Хе» (соединено). Это повторяют дважды. Кань-ци-гуань говорит: «Тун-бу-тунь?» (соединено или не соединено?). Мань-чжан-гуань говорит: «Тун» (соединено, вместе). И это повторяется 2 раза. Затем кань-ци-гуань, изогнувшись телом, приближается и докладывает (императору). Вводятся парадно чиновники, коим дается поручение с обозначением округа столицы. Чиновники становятся насупротив императора с кань-ци-гуанем, который затем берет значок (ци) и, подняв его правой рукой кверху, говорит: «Этот ци тщательно поручается ге-мынь-ши для входа». Ге-мынь-ши входит в сопровождении мань-чжан-гуан'я. Кань-ци-гуань становится на колени, чтобы передать значок ге-мынь-ши, который и принимает его в верхней зале. Сюань-хуй-ши также берет значок (другую половину), и ге-мынь-ши в нижней зале дает приказание о Хуан-чжань (призвать на помощь?).

Му-цзянь (деревянные стрелы). Внутренность стрелы делается крепкая, внешняя – слабая; они употребляются при пирах г-ря и затем возвращаются во дворец. Кань-цзянь-гуань держит слабые стрелы, а стоящий на вост. стороне ге-мынь-ши держит крепкие. Церемония с ними такая же, как и при му-ци, что было помещено выше.

4-е описание Значкового приказа

Знамя и литавра, употреблявшиеся до эпохи Амбагяня как знаки предоставлявшейся да-жень'ю власти над всеми улусами и бывшие при Амбагяне свидетелями его возвышения. Эти вещи не были забыты и при динас-

* В Као-чжень: по «Цидань го чжи» форма пайцзы такая же, как и у фань-сян (муз. инструм. – резонанс издающий?).

тии, хотя они здесь уже не имели прежнего значения и были только необходимой декорацией дворца и при различных церемониях. Впрочем, их расположение перед палаткой хуан-тай-цзы (а после и перед главной залой) как бы напоминало еще то время, когда с ними было сопряжено право власти, когда они играли немаловажную роль.

a) Го-чжан (государственный парад)

Знамена и барабаны (или литавры) были получены от Танцев при фамилии Да-ху-эре, во время правления да-жень'я Мо-хонь'я (Му-хуй, Мухури?) и составили, таким образом, государственный парад (го-чжан). То, что было отнято Тай-Цзуном у Цзиньцев, составило у (вещи).

Вот эти знамена и барабаны:

1) 12 священных знамен (жень-ду);
2) 12 знамен обыкновенных;
3) 12 барабанов (литавр у Иакинфа);
4) Хуа-гай (покрышка?) с кривой рукояткой;
5) Хуа-гай с прямой рукояткой.

Оставшимся завещанием последнего государя фамилии Яо-нянь (значит, Циньде, Чень-дай'я) было определено: 12 священных знамен, употреблявшихся для встреч, 12 знамен обыкновенных и 12 барабанов, расположенных перед палаткой хуан-тай-цзы (т. е. Амбагяня?). При бунте Лю-ке с его младшими братьями одним из них, И-де-ши*, был пущен огонь, причем загорелся походный дворец (син-гун). Императрица (Шуру, жена Амбагяня), услыхав о сем, поручила Шу-гу-лу (Хе-чу-ли) спасти его, а затем поставила туда императорские (Китайские) знамена и барабаны. Когда Тай-цзун получил престол, то приказал поместить их перед главной залой (во дворце); при Шен-Цзуне они стали употребляться при поклонении горе (ди-шань).

b) Бохай-чжан (Бохайский парад)

В 4-й год Тянь-Сянь (931) при торжестве Тай-Цзуна жители Ляо-Янского департамента (что у реки Ляо-хе в Маньчжурии – Восточная столица Киданей) приготовили для встречи его особенный парад (колесницы и ивей, крылатую охрану). В 5-й год Цянь-Хень (983), при обозрении Шэн-цзуном Восточной столицы, тамошний мо-шоу (комендант) также приготовил для этого особенный парад (значки и колесницы), таким образом, эти вещи, сделанные в разное время для встреч императоров, составили Бохайский парад (Бо-хай-чжан или ивей).

c) Китайский парад (хань-чжан)

В более коротких отношениях с Танцами Кидане стали со времен Шихо (из фамилии Дахуре), который пользовался особенным вниманием Танского двора. Следовавший за ним Чао-гу (Со-гу) и затем Ши-гу получили от Китайского двора титулы Ванов и были сподручниками высокого государства (шан-го). Великолепие Танского двора внушало к себе уважение, и это, как говорит история, было причиной ежегодной дани от Киданьских владетелей. Еще прежде этого Мо-хань'ю фамилии Дахуэре двор пожаловал знамя и барабан. Эти знаки власти и награды титулами, получаемые от Танского двора Киданьскими владетельными лицами, в тоже время обязывали их к вассальной зависимости от этого двора. Какова бы она ни была, но все-таки с этим было сопряжено подчинение, зависимость отдающего. Киданьские правители сами сознавали это, поэтому понятно, что усилившийся Амбагянь не хотел принимать таких наград, а за неимением необходимых принадлежностей верховной власти все-таки должен был обратиться к Китайскому двору. Он действительно, как мы видим, заводит сношение с царствовавшей в это время Лянской династией (907–923) и, кроме утверждения в императорском достоинстве, просит и о присылке необходимых государственных принадлежностей. Лянцы также посылают к нему посольства, но уже не считают себя в праве награждать, а только дарят (пинь). Преемник Амбагяня, Тай-Цзун, давший возможность Цзиньцам утвердиться на престоле Хуан-ди, понятно, считает себя выше их, и поэтому он бесцеремонно грабит у них все, что было необходимо для вящего блеска его двора. Как говорит история, желания веков сбылись и совершены одним лицом! Ясно, что в этом месте история как

---

* Иде-ши, по Хуан-тай-цзы-бяо (цз. 64), был 4-й сын Де-Цзу (отца Амбагяня, Си-ли-цзи) и два раза бунтовал с Лю-ке, но всегда получал прощение. Посланный императрицей Шу-лу для управления хуа-ша'ем (наз. местности), он был убит во время пути. Оставил внука по имени А-ли. Прославился своей оппозицией против установившегося нового порядка вещей.

Идеши был 4-й сын Де-цзу (Си-ли-цзи) и прославился своей оппозицией против установившегося нового порядка вещей.

бы хочет сказать, что Кидане давно сознавали тягость зависимости от Китайского двора, и только желание иметь титулы и знаки отличия связывало их с этим двором... Таким образом, достояние Китая, полученное им наследственно от древних Цинь и Хань (Цинь с 223–202, Хань 202–23 по Р. Х.) окончательно перешло к Ляоскому двору.

Не лишним считаю поместить самое употребление Китайского парада (чжан или и-вей, значков), различные фазисы его развития и применения при династии Ляо.

При Тай-Цзуне, в 1-й год Хуй-Тун (937), Цзиньский посланник Пень-дао дал устройство при дворе Ляо колесницам, носилкам и законным вещам (фа-у) при церемонии пожалования грамоты Шен-хуан тай-хоу (т. е. жене Амбагяня, императрице Шу-лу). В тоже время другие посланники Лю-сюй и Лу-чжун приготовили те же вещи для церемонии принятия Тай-Цзуном верховного титула (цзун-хао).

В 3-й год (940) того же царствования император был в Су-чжоу*, где осматривал значковый приказ, почему и задумал (ту) приготовить парад для торжеств в Пекине, совершавшихся во дворце Юань-хе-дянь («первоначального спокойствия»).

В 6-м году тех же годов правления был приготовлен обыкновенный парад (фа-цзя) для празднества в Янь во дворце Юань-хе.

В 1-й г. Да-тун, в 1-й луне, снова был организован такой же парад. По прибытии в столицу Цзиньской династии Бянь (Кай-фын-фу на южном берегу Желтой реки, в теперешней губ. Хенань) император Тай-Цзун принимал чины в зале Чун-дянь, почему это с сего дня вошло в обыкновение.

Затем во 2-й луне было такое же поздравление и в том же дворце.

В 3 луне торжество назначено было в Средней столице, и значковый приказ был поручен для заведывания чиновнику я-лин (наз. Чина). При Ши-цзуне все это сосредоточилось в Верхней столице.

Ши-цзун с принятием престола употреблял значки не императорские. При Му-Цзуне, в г. пр. Ин-ли, 1-й год (951), было определено указом: следовать в этом отношении постановлениям (Танского императора Чжун-Цзуна) г. пр. Се-шень (684), и поэтому в делах стали употреблять Китайские церемонии. При Цзин-Цзуне, Цянь-хен 5-й год (983), установлено: при следовании за гробом императора употреблять (приготовить особенный) значковый отдел. При Шэн-Цзуне, при его прибытии в Верхнюю столицу, была устроена встреча с значками; по возвращении оттуда были также проводы с особенными значками.

Вот реестр лиц, участвовавших в парадном шествии со значками (лу-бо), и число лошадей, употребляемых при этом:

Бу-син (пеших) цинь-чжи (поддерживающие значки) – 2 412 чел.
Цзо-ма (конных) цинь-чжи – 275 чел.
Конных музыкантов – 273 чел.
Пеших Цзяо-фан (распределителей) – 71 чел.
Вожатых императорских лошадей – 52 чел.
Императорских лошадей – 21 пара (52 шт.).
Чиновнических лошадей ведущих – 66 шт.
Конных цза-цзя-жень (латников) – 598 чел.
Пеших таких же – 60 чел.
Золотолатников (цзинь-цзя) – 2 чел.
Со священными колесницами (шень-юй) – 12 чел.
Чан-шоу-сянь (святой) – 1 чел.
Чиновников всех знамен и проч. – 305 чел.
Внутренних управителей (па-ши, губернаторов?) – 1 чел.
Ин-шао-я-вей (рынды?) – 2.
Чи-сянь-лин (нач. красного знамени) – 1 чел.
Фу-шоу (департ. правитель) – 1 чел.
Фу-ли (прав. коллегий) – 2 чел.
Шао – линь (малых правителей) – 1 чел.
Сы-лу (историограф) – 1 чел.
Гуань-лао (тюремный смотритель) – 1 чел.
Тай-чань-шао-цинь (млад. прав. палаты жертвоприношений) – 1 чел.

---

* Су-чжоу в конце полуострова Ляо-дун и был Киданьским городом, основанным ими, как говорит о. Иакинф, в 11-м веке. Ныне носит наз. Инь-хай-сянь'я.

Тай-чань-чень – 1 чел.
Тай-чань-бо-ши (секретарь палаты жертвоприношений) – 1 чел.
Сы-ту (министр народного просвещения) – 1 чел.
Тай-пу-жень (обердинек) – 1 чел.
Хунь лу-цин (заведывающий воскурением жертв?) – 1 чел.
Да-ли-цзин (нач. уголовной палаты) – 1 чел.
Юй-ши-да-фу (стар. историограф императора) – 1 чел.
Ши-юй-ши (его помощник) – 2 чел.
Дянь-чжун-ши юй-ши (дворцовый историограф) – 2 чел.
Цзянь-ча-юй-ши (собирающий сведения об императорской истории) – 1 чел.
Бин-бу-шан-шу (президент Военного министерства) – 1 чел.
Бин-бу-ши-лань (его помощник) – 1 чел.
Бин-бу-лань-чжан (нач. отделения) – 1 чел.
Бин-бу-юань-вей-лань – 1 чел.
Фу-бао-лань (заведывающий дипломами и печатями) – 1 чел.
Цзо-ю-чжу-вей-цзян-цзюнь (гвард. предводители) – 35 чел.
Цзо-ю-чжу-чже-чун – 21 чел.
Цзо-ю-чжу ю – 28 чел.
Шан-чень-фын-юй (подающий колесницу) – 2 чел.
Пай-чжан-чен-чжи (устанавливающие парад) – 2 чел.
Цзо-ю-цзя-ци (охранные правого и левого крыла гвардии) – 2 чел.
Ду-шоу (столичных мэров) – 6 чел.
Чжу-ши (императорских гвардейцев) – 14 чел.
Цзяо-фан-сы-ча (или я-ду) (знаменников главного знамени) – 2 чел.
Цзо-ю-цзинь-у (правого и левого крыла уполномоченных приставов, поставляемых правительством в инородных улусах) – 4 чел.
Юй-хоу-ци-фей (скороходов?) – 16 чел.
Гу-чуй-лин (духовой музыки управители) – 2 чел.
Лоу-ке-шень (?) – 2 чел.
Я-дань-гуань (?) – 1 чел.
Сы-тянь-цзянь (астроном?) – 1 чел.
Лин-ши (историограф главный) – 1 чел.
Сы-чень (часовиков, заведывающих временем) – 1 чел.
Тун-цзюнь (фельдмаршалов) – 6 чел.
Цзянь-цю-бей-шень (ветеринаров) – 2 чел.
Цзо-ю-цинь-сюнь (заслуженных справа и слева от императора?) – 2 чел.
Цзо-ю-лань-цзянь (капитанов) – 4 чел.
Цзо-ю-ши-вей (гвардейцев) – 2 чел.
Цзо-ю-бу-цюе (привратников) – 2 чел.
Цзо-ю-ше-жень (жильцов, стряпчих) – 1 чел.
Цзо-ю-цзянь-и-да-фу (советников) – 2 чел.
Цзи-ши-чжун-шу-ше-жень (делопроизводителей) – 2 чел.
Цзо-ю-сань-ци-чан-ши (постоянной рассыпной конницы) – 2
Мынь-ся-ши-лань (помощников министра) – 2 чел.
Чжун-шу-ши-лань (правитель канцелярии) – 2 чел.
Мин-бянь (подающих знак плетью для восстановления тишины при церемониях) – 2 чел.
Ней-ши-ней-ча (*или ши-чжун*) – 1 чел.
Чжун-шу-лин (редактор, делопроизводитель, начальник канцелярии) – 1 чел.
Цзянь-мынь-цзяо-юй (?) – 2
Пай-ле-гуань (приводящих в порядок) – 2 чел.
У-вей-ду-чжан (начальник гвардии) – 1 чел.
Суй-цзя-чжу-сы-гун-фын-гуань (доставляющих вещи в палату значков) – 30 чел.
Сань-бянь гун-фын-гуань (3-х очередей доставляющие значки) – 60 чел.
Тун-ши-ше-жень (перевозчики дворцовые) – 4 чел.

Юй-ши-чжун-чен (подающие госуд. историю) – 2 чел.
Чень-хуан-чень (колесничих, возниц императора) – 2 чел.
Ду-вей (префект, столичный) – 1 чел.
Тай-пу-жень (обердинкер) – 1 чел.
Бу-син-тай-бу-линь (походный авгур) – 1
Чжи-гуань-чень-ма (лошадей знаменитых чиновников) – 304 пары
Цзинь-ма (парадных) – 4 пары
Цзя-че-ма (парадной колесницы со значками лошадей) – 28 пар
Людей же всего – 4 239 чел.
Лошадей – 1520.

Заведывал всем этим тай-чань-цинь (начальник жертвенного приказа). У Ляосцев было множество церемоний и значков, но они не обнародовали это (не оставили, не давали в наследие другим государствам).

ТЕТРАДЬ III
ПРОДОЛЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО ОБЗОРА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЫТ, УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕЛИГИЯ, ПОЛОЖЕНИЕ И РОЛЬ ЖЕНЩИН В СФЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЫТ КИДАНЕЙ

Материальное богатство на всем земном шаре и у всех народов составляет одну из главных основ, обусловливающих политическое могущество народа. С развитием материальных сил развиваются и другие силы: умственные, этические, нравственные и т. д., что и дает возможность народу играть более или менее активную роль в среде других соседних государств, роль на исторической сцене, иметь значение в истории человечества.

Поэтому весьма естественно встречать в истории народов стремление к большему развитию материальных средств, стремление, высказывающееся в различных постановлениях, более или менее обусловливающих правильный процесс обогащения государства.

Кидане в этом отношении не отстали от других народов и стремились, по возможности, развивать свое материальное богатство, лучшим доказательством чего может служить ряд императорских указов и постановлений, помещенных ниже. Но надо заметить, что собственными, единичными силами они сделали бы весьма мало, и только при посредстве цивилизованного Китая, его вековых опытов, им удалось довести свое материальное положение до более или менее удовлетворительных результатов, особенно в деле разработки руд, мануфактурной промышленности и правильных торговых сношениях с соседними государствами. В деле развития скотоводства они, конечно, не могли воспользоваться ничем от Китая, который, занятый несколькими десятками миллионов народонаселения и прилагающий поэтому главное влияние на развитие земледелия и мануфактур, не имел никогда свободного клочка земли для занятия скотоводством.

Впрочем, Киданям, как уже освоившимся с оседлым образом жизни и заимствовавшим от Китая другие роды деятельности, занятие скотоводством не представляло особенного интереса, хотя они не оставляли заниматься им и в период оседлой жизни, и мы видим, что оно находилось у них в цветущем состоянии до самой эпохи Тяньцзо. Более новое дело, мануфактурная промышленность, начавшаяся под влиянием мануфактурного Китая, в их руках достигла также до более или менее удовлетворительных результатов, но была бы еще в более лучшем состоянии, если бы тут не вмешивалась правительственная власть, тот же парализующий тормоз, какой мы встречаем и в других, Европейских государствах, напр., во Франции после падения «правительственного протекторицианизма» времен Кольбера, когда определялась самая мера производства и т. д.* Кроме того, мы не можем не заметить в истории династии и того, что частная инициатива в промышленности как-то мало

* NB. Нахожу нужным сделать здесь оговорку. Так как в экономическом отделе не помещено специальной статьи, касающейся мануфактурной промышленности, то, без сомнения, ее нужно искать где-нибудь в другом месте (а за недостатком времени я отлагаю это на будущее время). Высказанную же сейчас мысль я основываю на одном указании в этом отделе, а именно, указе императора, запрещающем производить полотна и тафту для походного дворца свыше 2 фута ширины и пускать их на рынок, в продажу. Так, равным образом нет здесь и речи о производстве шелку, хотя на первой странице обзора и поставил это в своей программе...

находила сочувствия в правительстве, исключительно считавшим себя функцией всякого начинания. Но вообще общее впечатление, получаемое из рассмотрения экономического состояния у Киданей, довольно благоприятное: видно, что как правительство, так и народ не сидели сложа руки и, по возможности, улучшали свой быт. Не менее светлого оттенка со стороны деятельности правительства проглядывает и в раздаче субсидий, поддержке народа по случаю его бедствий от засух, снегов, саранчи, наводнений и других физических невзгод, довольно часто постигавших эту империю. Только эпоха Му-Цзуна (с 954–968) и особенно Тяньцзо (с 1101–1125) носят на себе мрачный колорит отсутствием разумных предприятий и попечений о благе народа.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБЗОР (ШИ-ХО, ПИЩА И ТОВАРЫ)

В древнем быту Киданей богатство зависело от лошадей (скота), сила – от войска: первое получалось из диких степей, второе – от народа. Когда случалось дело, то сражались, натягивая лук и садясь на лошадь для объезда границ. Поставленные начальники (фу-ань) приказывали в назначенный час собираться на лошадях. Население, следуя по пастбищам, питалось кумысом; кто умел – стрелял дичину, а иногда употребляли и сырой провиант; разводили скот. Последнее было главное, через это они получили превосходство перед прежним (т. е. прежде были звероловами). Когда же достигли до того, что могли образовать государство, установили государственный парад, то начали строить внутри (столиц, городов) кумирни, храмы, дворцы, вне же установили: провинции, области и города, имели и охранительные учреждения (полицию?). При существовании порядка в государстве, а с упадком могущества, при государственной неурядице, они пали..., мысль о приобретении богатств естественным путем явилась очень скоро: первым самым главным источником обогащения было производство СОЛИ и ЖЕЛЕЗА (добывание), почему в округах Чань-чунь-чжоу*, Ляо Си и Пин-чжоу** было открыто производство этих продуктов в широких размерах, для чего потребовались средства, деньги, установлены чиновники, заведующие самим производством, и множество других должностей. Изложение всего невозможно, поэтому мы представим только описание: 1) земледелия, 2) собирания пошлин, 3) производства соли и железа, 4) торговли, 5) рудного производства (добывания металлов), 6) источников обогащения скотоводства, а затем 7) собирания и производства шелку (на Север от Хуаньхе?), таким образом составим обзор всего династиционного.

1. Земледелие

ИДЕШИ***, принадлежащий к императорскому роду (один из братьев Амбагяня), назначенный Эр-ци-му (и-ли-цзинь, эльчи, посланник, правитель) Делесского аймака, весьма добросовестно исполнял свое дело, следя за развитием скотоводства и земледелия, приучая народ к тщательному обрабатыванию полей. Чжун-фу СУ-ЛЕ (Шу-лань), состоя в чине юй-юе (юй-юай? канцлер), приказывал народу: садить тутовые деревья (в Северной части Китая?), пеньку и приучаться ткать полотна. При Тай-цзу, после усмирения бунтовавших против него младших братьев, была наложена легкая подать с войска, а относительно земледельцев было сделано разделение на семейства и души (ху и коу). Но тут встретилось много запутанности: ведомства (чжа-ся) были удалены, поэтому трудно было следить за деятельностью чиновников. В видах улучшения земледелия, Северный Да-нин-е (область) был разделен на 2 округа (бу): они были приняты за образец землепашества для прочих улусов: прочие должны были подражать им.

При Тай-цзуне, Хуй-Тунь 1-й год (937), когда император отправился на Восток для звериной охоты, три КЕ (округа?) доложили, что богатства совершенно истощились, почему император отправил к Северным горам для набора товару, употребляемого на нужды государства (следовательно, раздал также нуждающимся в Восточных провинциях). Относительно развития земледелия при нем мы встречаем следующие известия. Территория, занимаемая кочевьями У-эр-гу (У-гу в пределах Маньчжурии), была обильна травой и хорошо ороша-

---

* Округ ЧАНЬ-ЧУНЬ-ЧЖОУ с уездом того же имени лежал в пределах департамента Верхней столицы (Линь-Хуань-фу). См. 31 ц. «Ляо ши».

** ПИН-ЧЖОУ, игравшая в истории династии Ляо довольно видную роль, особенно в эпоху неурядиц (при Тяньцзо), лежала в пределах Верхней столицы, недалеко от Ляо-си, и стала называться этим именем с 407 года; отдельно от нее была БЕЙ-ПИН-ЦЗЮНЬ, которая в 619 году, однако ж, была упразднена (самое название) и приобщена к Бин-чжоу. Областное правление находилось в городе Лу-лунь (он же Синь-чень).

*** И-де-ши был 4-й сын Де-цзу (Си-ли-цзи) и знаменит участием в бунте Лю-ке.

лась, почему и приказано оу-ле-хуньскому (Оу-хунь) Си-лину* поселиться на этой местности и чтоб плодородные земли реки Хе-ли (Хай-ле?) обратили в земледельческие поля.

В 3-м году (940) указом было постановлено: земли, лежащие близ рек Цзя-ли (?) и Лу-цюй (Керулен), предоставить Оу-цзянь-те-ле-ли и И-сунь-ба-ле Южного департамента, и У-на-хе-ла и 3-м Си-линам Северного департамента для разработки и обрабатывания под хлебопашество. Причем императорский указ приказывал заведующим чиновникам наблюдать за этим и увещевать народ разводить тутовые деревья, усерднее заниматься обработкой полей и пряжей шелка.

В 8-й год того царствования (945) императорский двор имел пребывание у Красных гор** (Чи-шань?). На устроенном пиру император разговорился с чиновниками о том, нужно ли увеличивать военные силы. Те отвечали, что военное занятие уважается народом: если народ сделается богатым, то он увеличивает состав войска, а, увеличив его, можно расширить и границы государства. В силу этого совета в тот же год (т. е. 8-й – 945) был издан указ, коим запрещалось войскам по всем дорогам (дао, провинциям) причинять вред рисовым полям, и это обращено в силу военного закона (строго). В г. прав. Инь-ли (Му-Цзуна, с 951–968) Юнь-чжоуский округ ***представил великолепный рис, почему, как говорят, солидные земледельцы были обласканы (двором).

Затем, в 7-й год Бао-нин (Цзин-Цзуна, 975), от Сунцев был прислан чиновник с просьбой о снабжении хлебом: указом было определено выдать 200 000 ху (2 000 000 доу) для вспомоществования им, но через эту выдачу запасы хлеба не истощились и имели еще остаток.

В 5-й год Цянь-Хень**** Шэнь-цзун издал указ, в котором говорилось: «Для 5 полей (всех?) не открывать более казенных сокровищ, изменить (уменьшить) народную подать (пошлины, шуй); при появлении саранчи, назначать команды, чтобы, таким образом, бедный народ не бедствовал». Сам император, проезжая город Гао (Гао-чень*****), всегда смотрел, как женщины улусов И-ши и Вей таскали носилки (для уборки риса). Когда же совсем созревший хлеб нужно было убирать, и не хватало людей, то император посылал на помощь в этой уборке. Кроме того, от некоторых лиц поступили отзывы о плохом положении полей. Так, тай-ши (тай-ша) Хань-де-чжань донес, что войска снова разбегаются, народ бросает занятия, поля заброшены и нужно нанимать работников для их обработки, которые, однако ж, не иначе нанимаются, как из половины.

Чжень-ши-лин (правитель канцелярии?) Ши-фан также донес, что во всех округах Шаньси расположены войска; народ находится в затруднительном положении, хлеб на полях большей частью потоптан, а пограничные войска снова просили жалованья за нынешний год. В продолжение 6-го года (989) были дожди, иней и засуха, что причинило народное бедствие, голод. Вследствие таких нерадостных заявлений Шэнь-цзун издал указ, коим приказывал трем старшинам (цзю), заведывающим сбором пошлин, употребить их на покупку хлеба и цену объявить умеренную, не истинную (бу-ши). Все это было сделано ввиду блага и облегчения народа. Далее, было постановлено, чтобы живущие в деревушке Цзи-би 300 домов (ху) поселить в плодородной местности трех округов: Тань-чжоу******, Шунь и Цзи-чжоу и снабдить волами и семенами для успешного обрабатывания полей. Далее. В 13-м году тех же годов правления (996) был издан указ, коим приказывалось по всем провинциям устроить и-цань («амбары справедливости», запасные*******). При осенних и годовых жертвах духам народ, совершающий их, должен употреблять свой собственный материал (хлеб); когда же рис будет отпускаться из запасных магазинов, то чиновники, заведывающие этим, должны составлять список расхода и, в тоже время, выпускать хлеб для вспомоществования народу в неурожайные годы.

---

* Си-линь (прежде ши-ле) род административного деления в округах дворцов (орде). За ним следовали: ХАНЬ-ЛИ, МО-ЛИ и ХОРАСАКИ, а выше было ТИ-СЯ (ведомство заведывающее). См. цзюань 31-й «Ляо ши».

** По дорожнику Ху-цяо, Красный хребет должен лежать в пределах Шань-Цзина, в группе гор, проходящих по Восточной Монголии (Бардама-ула, Мунке Ола).

***Округ Юнь-чжоу мне не известен.

**** Эти годы правления относятся собственно к предыдущему царствованию Цзинь-цзуна и, как говорит история, употреблены здесь по ошибке.

***** Этот город также не отыскан мной в топографическом словаре.

******Округа Тань, Шунь и Цзи лежали в районе Южной столицы (Пекина) департамента Чже-цзянь-фу и принадлежали к ее ведомству. Цзи-чжоу лежала в Чжи-ли (Ючжоу) подле Юй-гуань (ныне Шаньхай в Гуань).

*******Собственно запасные магазины в Китае появились по мысли Чжуси (Китайского гениального мыслителя) за 50 лет до Чингис-хана, с 1048-ого года (XI века?), при Сунском императоре Нин-Цзуне (с 1195–1224). Чжуси знаменит сочинением Общей истории Китая: «Тун цзянь-ган-му». См. у Иакинфа Ст. Опис. к. Империи, ч. I, стр. 97. Это сведение о хлебных запасных магазинах заимствовано мной из записок по истории литературы; но мы встречаем известие об них еще раньше Чжуси.

Следуя высокой задаче попечения о благе народа и доставлении ему сколько-нибудь снисхождения, знаменитый государь в 15 году Тунь Хо издал указ, коим уничтожал долг Южной столицы в запасных магазинах и, в тоже время, строго запретил всем военным чиновникам охотиться в недозволенное время, что причиняет вред земледелию. Указом от 1-го г. Кай-Тай (1012) было объявлено следующее: «Так как (говорит император), я думаю постоянно о народе, его тягостных повинностях, то поэтому приказываю предоставлять каждому занятие (гун, труд) с годового платежа. Рис же из запасных магазинов более не выпускать для продажи; заброшенные, пустопорожние места и полевые сады обращать в пашни, а земледельцев снабжать волами и семенами для посева».

В год урожая хлеба довольство различалось всюду. Так, в 1-й год Тай-Пин (1021) жители Яньской территории представили обильные произведения земли и в разнообразных видах; император, радуясь такому положению дел, задал пир для бедняков и работников (бобылей) на целый день.

В 9-й год этих же годов правления (1029) Яньскую территорию постиг голод. Ху-бу-фу-ши (помощник улуского правителя) Ван-Цзе униженно просил императора, ввиду устранения несчастья, о постройке лодок и найме работников (матросов) для отправки по морю за рисом в Ляо Дун и привозе этого провианта в Янь. На императорском Совете говорили, что дороги неприступны, неудобны и малоизвестны, и поэтому доставка сухим путем крайне тягостна.

Синь Цзун, по вступлении на престол (1031–1056), тотчас отправил чиновников для осмотра рисовых полей по всем дао (провинциям). В этот же год снова было приступлено к рассмотрению содержания закона о ХУ и КОУ (семействах и душах), и в императорском указе, изданном по этому случаю, говорилось следующее: «Я (император) с малых лет приучался узнавать о положении земледелия, усиленно вел дела, поощряя земледелие (пахание и боронение). Редко слышал (да не будет это и впредь слышно), чтобы при взимании податей брали домашнее имущество (пищу дома) совершенно в ущерб делу земледелия; притом много справедливых постановлений было забыто (утекли и забыты), почему должно, понимая смысл закона (о ху и коу), делать всюду соразмерно и одинаково. Кроме сего, запрещается знаменитым чиновникам (должностным) своевольно требовать от народа рису для приготовления вина... При свадьбах должно приносить жертвы; чиновники должны заботиться о просвещении (вень-цзы, письменах)». В этом уже ясно высказывается дух Шэнь-цзуновых времен, та же заботливость, внимание к нуждам народа. Вообще царствование Синь-цзуна, кроме некоторых оттенков, есть продолжение предыдущего царствования и, бесспорно, должно стоять в ряду светлых страниц истории династии.

В следующее за сим царствование земледелие достигло зенита своего (как говорит сама история). В 1-й год царствования Дао Цзуна (с 1056–1101) на Северо-Западной части государства (значит, в пределах Шамо?) были благотворные дожди на пространстве 3 000 ли (150 верст?), посему цена рису в Чунь-чжоу* была на 6 цянь (чохов). В тоже время Западные фани (Си-фани) бунтовали. Император желал принять их под свое покровительство (привлечь, усмирить), почему и приказал Е-люю Тангу** набирать народ для усиления (земледелия) производства хлеба, необходимого для прокормления Западных войск (стоявших против Си-фаней). В силу этого указа Елюй Тангу, предводительствуя толпой народа, поселился по обеим сторонам реки Лу-цюй (Керулен), и благодаря такой мере хлеба было достаточно, и он, таким образом, был размещен в округе Тунь-чжень*** и других 14-ти; запасного же хлеба считалось 100 тысяч ху (1 млн. доу), и каждый доу стоил не свыше нескольких цянь (чохов,дешево). Для продовольствия народа и скота и на будущее время была установлена должность ду-чжи-пань-гуань в Южной столице, заведывающая казенными и частными интересами; вместе с тем рассмотрены законы о ху и коу и введено относительно их очень снисходительное постановление; но все-таки были сделаны изменения.

В Средней столице был поставлен ду-чжи-ши (чиновник, правитель), заведывавший делами; в половине года он должен был делать сбор хлеба на 500 тыс. ху (5 млн. доу) для снабжения летучей конницы (цзо-саньци-чан-ши). В эту эпоху земледелие дошло до великолепного состояния, а Восточная столица (Дун-Цзин, Ляо-Янь) уподоблялась местности Синь-су (воскресение верности, рай?); в городах: Хай-тун, Инь, У, Суй, Чунь, Тай (последние 3 чжоу?) – и др. с лишком 50-ти внутренних и во всех пограничных чжоу были основаны ходи-цань (запасные магазины, шира). Опираясь на постановления Цзу и Цзунов (прежде царствовавших государей****), старый хлеб был выпускаем и заменяем новым, народ вообще не имел отвращений от плохих продуктов (?),

* Есть округ Чань-чунь-чжоу, лежавший в пределах Верхней столицы (Линь-хуан-фу).

** О Тангу ничего не известно.

*** Тунь-чжень-чжоу не отмечен.

**** Дао Цзун, как известно, отличался горячей привязанностью к древним порядкам (законам) и, как увидим ниже, следовал этому и в уголовных постановлениях. Он как бы желал поворотить назад и, кажется, несмотря на хорошее положение дел в свое царствование, сознавал состояние империи, клонящейся к падению.

почему от продажи таковых получали (на каждый мешок) барышу 2 фына (цянь, доля), что, без сомнения, составило 200 или 300 тысяч мешков (ши). При обладании, может быть, такой выгоды, правительство делало увеличения в составе войска, и недостатка все-таки большого не ощущалось; а если и был, то поднялись на хорошую жатву в будущем.

Вот в каком положении были земледельческие силы государства, когда вступил на престол беспечный Тяньцзо (1101–1125) и начал борьбу с усилившимися Цзиньцами. Когда эти последние ворвались в пределы государства, то запасы хлеба были окончательно уничтожены. Бегство Тяньцзо послужило поводом к страшной анархии в народе: толпы из Яньской территории после смерти Чуня бежали в разные стороны; поля остались заброшенными. Только при кратковременном царствовании Лянского Вана Я-ЛИ (второго сына Тяньцзо), поставленного настоянием Елюй Ди-ли (Ди-ле), было еще кое-что сделано для поправления расстроенного государства. Яли приказал кочевникам (цюнь-му-ху-жень, людям и семействам) перевозить (собирать, доставлять) соль и хлеб в запасные магазины; но кочевники, однако ж, вели дело недобросовестно и представляли худой хлеб. Созван был совет, на котором составлена была опись их доставки для более удобного распределения наград (вознаграждений). Сам Я-ли, вопреки желанию своих приближенных вельмож, постановил следующую таксу: за 1 телегу (рису) давать 1 барана; за 3 – корову; за 5 – лошадь; за 8 – 1 скаковую (отличную) лошадь. Недовольные таким щедрым вознаграждением стали возражать, говоря, что теперь 1 баран заменил 2 доу (риса) и, следовательно, такой платы не следует давать (получать), так как она крайне щедрая (легкая). Я-ли, все внимание которого было сосредоточено на привлечение народной массы, сказал на это следующее: «То, что имеет народ (подданные), имею и я; ежели теперь прекратить награды, то может ли народная масса успешно заниматься делом?».

В отделе экономического обзора в истории династии Ляо (Ляо-ши) не помещено ни одного слова о том, в каком положении находились экономические силы в Западном Ляо, существовавшем, впрочем, очень немного времени. Из некоторых отрывочных указаний в бень-цзи (коренных летописях) мы, однако ж, можем составить себе некоторое понятие о положении дел в Западном Ляо. Конечно, им, не укоренившимся среди чуждого им населения и сосредоточивающим всю свою энергию на завоевании теперешней территории (или, по крайней мере, стремившимся к этому), некогда было думать о каком-нибудь постоянном, оседлом занятии на новой местности. И мы видим поэтому, что главная их забота сосредоточивалась на приобретении скота, да и то путем насилия, завоевания; о земледелии же едва ли могла быть и речь.

2. Подати и пошлины (фу-шуй-чжи-чжи)

Начало этого установления также относится ко времени Тай-цзу, который ввел это по мысли главного своего деятеля Хань-янь хуй (по другим, Хань-яньхой). В это время, однако ж, были только зачатки всего государственного строя, и поэтому установление податей и пошлин не было организовано прочно и закончено: окончательное уяснение этого вопроса принадлежит последующим царствованиям. Так, при Тай-Цзуне (с 927–947) была установлена подать с тягловых и домов (динь и ху), принадлежащих к району ведомства 5 столиц: эта повинность (т. е. податная) не имела отношения к прежним, прошлым временам и есть нововведение*.

При Шэнь-цзуне, в 5-й год правления Цянь Хень (983–1012), дом Юнь-Вей (фамилия), живший в Верхней столице, благодаря своему богатству уклоняется от исполнения взноса податей (которые, значит, взимались как с бедного, так и богатого, что у сменивших их чжурчженей называлось податью УЛИ, чем существенно приносили вред беднякам, на которых, таким образом, падала вся тяжесть податей). Кроме того, для обуздания недобросовестности и подкупа значительных домов были отправляемы чиновники (гуй-гуань, центральные), которые должны были делать соразмерное распределение и по возможности действовать в пользу народа (мин, простого).

Затем в г. пр. Тунь Хо (983–1012), Елюй Чжао было предложено, чтобы на Севере и Западе государства установить для каждого земледельческого (плодородного?) года 1 чиновника чжан-хоу (исследователя), 1 чжигун-тянь (правителя казенных полей) и 2-х с командой других чиновников для того, чтобы в должное время, на пограничных местах основывали поля для обрабатывания (тун-тянь, только что начинающие обрабатываться поля), чтобы пограничные караулы (стража) применены были и к собиранию запасов дл прокормления армии. В силу этого разумного предложения в 7-й год Тай-Пин (1027) был издан указ, коим постановлялось: при новообразующихся колониях (полях) должно быть чиновникам с жалованием натурой (рисом), причем запрещается самовольно брать для продажи (? самовольно брать товар); поселенных на таких полях земледельцев должно принуждать (?) силой к обрабатыванию; казенные поля не платят податей. Все это постановления ка-

* Но дальнейших известий о ней нет: весьма вероятно, она не была изменяема или оставлена, ибо мы не видим, чтобы ее отменили.

сательно казенных полей. Чтоже касается других, частных полей, обрабатываемых наемными работниками, то они разделяются на 2 категории: на поля чжи-сянь-тянь (праздные поля) и чжи-се-тянь (частные поля), с которых по числу му (десять инь, 240 шагов) взимать подати рисом в пользу казны. Более точное их разграничение состоит в следующем.

1) Те поля, которые обрабатывались наемными работниками в продолжение 15 лет и состояли у реки Луань-хе (в пределах Монголии) в открытой местности и с 10-го года вносили подать (приносят доход), назывались чжи-сянь-тянь (досужные?).

2) Поля, лежащие подле гор (впереди и позади гор), не платят податей; поля же 2-х уездов (сянь): Ми-юнь и Янь-ло*, когда были введены там занятия, вносили подать – это постановление относительно частных полей (се-тянь-чжи).

Был еще особенный род податей, поступавших в пользу посадов. Каждый бу-да-чень (улусный правитель, старшина), захватив в плен людей в сопутствии в походе императора, основывал из этих пленных фу-го (предместья и посады), носившие название тоу-ся. Подати в военных округах собирались по числу рынков и колодцев и состояли в ведении тоу-ся (т. е. управления). Только военная подать (пошлина) бралась в пользу Верховной столицы. После сделали разделение податей военного округа и тоу-ся (пригорода), и они составили 2 категории (податей).

Подати Ляо-Дуна

В прежнее время Ляо-Дун, как вновь основанная колония (вновь приобретенная), не заключала контрактов (не платила повинностей), а продажа соли и винных дрожжей была здесь свободна. Но некоторые правители, следовавшие один за другим, а именно Фын-Янь, Сю-хань и Шао-сюнь, в видах коммерции желали доставить выгоду Яньской территории, почему открыли более живые сношения с этой местностью (направили туда путь торговли), и народ (Ляодунский) заметно начал утрачивать прежнее значение, может быть, вследствие этого открылся бунт Да-янь-лина** (по другим, Да-лин), который вызвал в тот же год (лянь-нянь) указ императора Шэнь-цзуна, коим восстановлялся прежний порядок вещей и народу предоставлялись прежние выгоды. Начавшаяся затем мирная эпоха имела следствием своим широкое развитие промышленности в этой местности. Южная столица ежегодно брала из трех таможенных палат соль, железо и медные деньги и платила за это тафтой; Да-тун (т. е. Да-тун-фу, западная столица) также ежегодно брала пошлинные деньги из трех палат (сы) и платила за это рисом войску, расположенному в Кай-юань*** (Кай-юань-цзюнь, военном поселении). Таким образом, народ ежегодно платил подати (пошлины) рисом, за каждый доу которого получал 5 цянь (чохов, связок), почему назначенный туда правителем Елюй Му-цзи униженно просил правительство платить за 1 доу риса 6 цянь (на 1 цянь больше), а также предоставить народу все выгоды хорошего управления.

3. Законы касательно торговли (чжень–шань)

Необходимость правильных и, след., более широких торговых операций как внутри, так и вне государства почувствовалась еще при Тай-Цзу (916–926), основавшем городок Ян (Ян-чень) у горы Тань (Тань-шань****); кроме того, при нем же было обращено внимание на проведение дорог для удобства сообщения по всем провинциям.

Когда при Тай-Цзуне Пекинская территория досталась в руки Киданей, то на Севере от Южной столицы (в северной части Пекина) был основан рынок для обмена разнообразных произведений, причем назначен был чиновник для надсмотра над торговлей. Товары других 4 столиц***** и уездов Ше-чжоу****** (т. е. области Шечжоу с ее уездами) стягивались сюда весьма рачительно, сухим путем. Кроме того, для той же самой цели был основан торговый пункт в Дун-пинь-цзюнь-чень: посреди города была выстроена (кань-лоу), разделявшая рынок на 2 части: Северную и Южную, из которых первая наз. Юй-чжунь-цзяо-и-ши (для товаров, шедших с В. и Зап.

* Уезд Ми-юнь лежал в департаменте Чже-цзянь-фу (Пекинском) в ведомстве Южной столицы, в округе Тань-чжоу. А Янь-ло – неизвестно. Наверное, где-нибудь поблизости с означенным уездом.

** Бунт Да-лина относится к эпохе Шэнь-цзуна – 1029, т. е. 9-му году правления Тай-Пин. Сам Да-лин был двоюродным (чжай-цзун-чжи) племянником Се-веня, отца императрицы Жуй-чжи, супруги Цзин-Цзуна. Цз. 67.

*** Кай-юань-сянь лежал в округе Кай-чжоу в ведомстве Ляо-яньского департамента. Ныне он наз. Фынь-хуан-чжоу (г. дракона и феникса) и лежит на горе, утесистой со всех сторон, под 7⅛° вост. долготы по пек. мер. и 40½° сев. широты.

**** Горы Тань-Шань лежали в общей группе гор, идущих в Юго-Восточной Монголии.

***** Кажется, ошибка, потому что 5-я столица (Да-дин-фу) появилась только при Шэнь-цзуне; или нужно разуметь так, что 3 столицы стягивали сюда свои товары, а в последующее время к ним присоединялась и Средняя (Чжун-Цзинь).

****** Ше-чжоу неизвестно.

сторон от города), а последняя – у-лю-ся-цзяо-и-ши (товаров, шедших с полуденной, Южной стороны). Сюнчжоуский* Гао-чан (Турфан) и Бохай также вели взаимную торговлю и проникали на юг к Сунцам и во все Северо-Западные кочевья. Товары Гао-ли (Кореи) и Нюй-чженей, состоявшие из золотой парчи, полотен, воску, меду и всех материалов и родов лекарств, также товары Те-ли (то, что у Ху-цяо, в. вероятно, Те-дянь), Мо-хе, И-цзи и проч. инородческих улусов, состоящие из драгоценных камней (ге-чжу), светло-коричневых соболей, рыбьего клея, рыбьих кож, коров, баранов, лошадей (простых и скаковых), шерсти, шерстяных тканей и пр., – все приходили для торговли с Ляо (т. е. ко двору?), которая уже распределяла по своим (зависимым от нее, принадлежавшим к составу государства) кочевьям, по всем провинциям.

В г. пр. Тунь-Хо (Шень Цзуна, 983–1012) комендант Пекинской столицы (хань-цзинь-мо-шоу) донес (доложил), что народ с трудом добывает пищу и просит освободить проход Цзюй-юнь-гуань от пошлин, чтобы свободнее проникать в Шань-си (в пределах Китая) за провиантом и для производства торговли. Кроме того, было постановлено, впрочем, крайне близоруко и стеснительно для развития торговли, чтобы все полотна и парчи, изготовляемые для походных дворцов (синь-гун), не превышали шириной 1 фута и не пускались в продажу (частную, на рынки)**. В следующий затем год (минь-нянь) было постановлено: так как в Северном и Южном департаменте (на которые разделялись Сев. и Южные окраины государства) торгующих людей (ши-чань-жень) мало, то нужно их конвоировать 100 телегами улуского войска, которое должно собираться в дороге Кай-цифынь, а затем вместе с купцами проникать в И-чжоу*** для торговых операций.

В 23-м году тех же годов правления для облегчения торговли военному поселению Чжен-у (Чжен-у-цзюнь) и округу Бао (Бао-чжоу****) был основан отдельно для них торговый пункт (гьё-чань, торговая площадь).

Руководясь тем же началом доставления народу всевозможных облегчений на поприще торговли, правительство, по предложению Да Вана Северного департамента Елюя Шилу*****, донесшего о недостатке в народе баранов (скота) по случаю раздачи его на жалованье чиновникам, согласилось, чтобы нуждающиеся производили торговлю бракованными баранами и их шкурами в Южной столице и получали в обмен на это тафту (цзюань). При таких более или менее удовлетворительных торговых обстоятельствах (или, выражаясь китайским оборотом, когда верх и низ пользовались удобствами) существовало государство до самой эпохи Тянь Цзо, когда мера податей (пошлин с товаров) была крайне обременительная, самые коммерческие операции рушились, богатства были истощены, а народ находился в затруднительно деморализованном положении.

4. Закон относительно производства СОЛИ (янь-цза-чжи-фа)

Законы относительно этого получили начало при Тай-цзу (916–924), когда он отделился от 8 улусов (аймаков) и из древнего Китайского городка (гу-хань-чень)****** образовал особенный улус, над которым стал правителем. Городок этот лежал на юг от гор Тань-шань, где также находилось соленое озеро, от которого новооснованный улус получал значительную выгоду (впоследствии на этом месте образовался Вей-гу-яньский уезд (Вей-гу-янь-сянь)). Из этого же озера и Кидане (т. е. Киданьские улусы) брали соль. Затем, когда стали делать набеги на Ю (чжоу) и Цзи (чжоу), то обратились за солью к озеру Хо-ла, и из того уже стали брать только для продовольствия войск. Но вообще выгоды от соли, ее обилия были громадны и удовлетворяли потребности всего государства. Торговля солью составляла один из источников обогащения народа.

В г. пр. Хуй-Тун, в 1-й год (937), за услугу Цзиньцам Кидане получили 16 округов (чжоу), но в числе их не было таких, которые лежали бы у берегов океана (?); после, получив пространство земель между реками (хе-цзянь, откуда и город Хе-цзянь-фу), стали извлекать выгоду из выварки морской соли и для этого основали

---

* Сюн-чжоу принадлежал к ведомству Западной столицы (Да-тун-фу) и лежал, вероятно, близ границы Восточного Туркестана.

** Что здесь высказывается? Выгораживание ли себя правительством или стремление к меньшей трате? Во всяком случае, здесь высказывается и отчуждение высших слоев от массы и, пожалуй, непонимание законов развития торговли, для которой нельзя класть рамок.

*** И-чжоу лежал в ведомстве Южной столицы, в пределах Маньчжурии в 90 ли от нынешнего Цзинь-чжеу-фу на север. Прежде наз. Хун-чжен-сянь.

**** Бао-чжоу лежал в ведомстве Восточной столицы или депар. Ляо-янь-фу.

***** Было 2 Шилу. Один принадлежал к дому Чжун-фу (Чжун-фу-фань) и имел внуков Хань и Сюгу; а другой был сыном Я-р-ке, 4-го сына Тай-Цзуна. О последнем здесь и идет речь. Цз. 66.

****** Хань-чень – главное китайское поселение между киданями, лежало на Юго-Восток (по истории Ляо – на Юг) от горы Тань-шань, на берегу р. Лоань, около ее истоков. Река Лоань-хе (у Иакинфа – Луань-хе) течет из Монголии и впадает в Миньхай (Бохай).

гьё-янь-юань (соляной департамент) в уезде Сян-хе (Сян-хе-сянь*, «пахучей речки»), таким образом, Янь-юнь (Пекинская местность) явилась доставщицей жизненных припасов (т. е. соли) на Север, где чувствовался в этом недостаток. Кроме того, производство соли открылось и в других местах: в Бохайском Чжень-чень (городе), Хай-ян, Фын-чжоуском** Ян-ло-чень (городе), Гуань-цзи-ху (озеро Гуань-цзи) и проч., куда из 5-ти столиц назначались чиновники для заведывания производством, надзором за работами. Но все, что было постановлено относительно этого, все фазисы развития соляного дела проследить дов. трудно, поэтому мы ограничиваемся только этим указанием (слова истории).

5. Постановление касательно разработки руд (кен-е-чжи-фа)

Начало их также относится к временам Тай-Цзу (916–924). Самая мысль о разработке руд явилась от сношений с Ши-вей (жившим на Север от Киданей частично в Монголии, частично в пределах Вост. Сибири), земля которых производила много меди, железа, золота и серебра (Нерчинский завод?), а жители б. искусны в выделке медных и железных сосудов. Кроме того, был еще улус Хе-чжунь (хе-чжу), в котором было много железных руд, отчего он и получил самое имя: хе-чжу по Киданьски (на государственном языке) значит железо (те)***. Между кочевьями было 3 места, где производилась разработка и выплавка руд, а именно: 1) Лю-сянь-хе (реки Лю-сянь), 2) Сай-инь-чу-гу-р-су (прежде Сань-чу-гу-сы) и 3) Шоу-шань****.

В Маньчжурии, как мы уже могли заметить, являвшейся первенствующей по богатству естественных произведений и торговли, также была широкая разработка руд. Так, по завоевании Бохайского царства, Тай-Цзу в 1-й год Шень-це (916) изменил наз. существовавшего там те-ли-фу (департамента железного производства) в те-ли-чжоу-ди (землю округа разработки железа), а в уездах Дун-пин-сянь, Бень-хань (Китайском) Сянь-пин-сянь, производивших множество железа, были поставлены цай-лянь (чистилища?), которые заведовали 300 домами (?), доставлявшими подать, и помогали брать таковые со всех мест, где производилась разработка руд. Особенно много разрабатывалось на Востоке (в восточных пределах государства), почему в Восточной столице была учреждена палата ху-бу (ху-бу-сы), заведовавшая улусами и семействами; в Чан-чунь чжоу*****-цянь-босы (палата для заведывания деньгами и материями, парчой).

Кроме того, Тай-Цзу, возвращаясь из похода на Ю (чжоу) и Цзи (чжоу), заметил признаки серебра и железа в горах ЦЫ (? Халгинском хребте) и приказал основать там шахту. В следующем затем царствовании места разработки руд охватывали уже почти четверть территории, занимаемой государством. Так, в г. прав. Тай-Пин (Шэнь-цзуна, 1020–1031), начиная от Хуан-хе (Шара-Мурени?) на Север, от Иньшаньского хребта до истоков реки Ляо (в пределах Маньчжурии) всюду были устроены рудные шахты, в которых добывалось золото и серебро: рудное производство, таким образом, в это царствование достигло своего апогея, потому что в следующее за сим царствование и при Тяньцзо оно заключалось в тех же границах.

6. Литье металлов (гу-чжу-чжи-фа)

Отец Тай-Цзу Се-ла-ди (Сань-ла-ди), сделавшись эр-ци-му (илицзинь, эльчи?), стал лить деньги****** и собирать богатства, так как земля производила много меди. Тай-Цзу по наследству воспользовался собранными богатствами и, получив таким образом превосходство перед другими (достигнув границ богатства), мог открыть императорские дела (т. е. принять императорский титул) и, установив монархическое правление, связать разрозненные элементы государства единством законов и начать борьбу с соседними империями (т. е. Китаем).

Деяния Тай-Цзуна на этом поприще ограничивались только установлением 5 правителей (е-тай-ши) рудного дела (т. е. литья?), которые заведовали производством и литьем руд во всех частях империи (в 4 сторонах). Кроме того, Ши-цзинь-тан, обязанный престолом Киданьскому императору, позволил ему (сянь) собирать богатства (медь?) по его границам, что также увеличивало материальные силы государства. На получаемые таким путем богатства содержались отборные войска.

---

* Этот уезд лежал в районе Южной столицы в Чже-цзянь-фуском департаменте. Войска имел 14 000.

** Фын-чжоу было 2: один лежал в ведомстве Восточной столицы; другой – Верхней.

*** Но в чьих пределах лежал этот улус: Ши-веев или Киданей?

**** Все эти местности я определить не мог за неимением под рукой указателя.

***** Чан-чунь-чжоу лежал в пределах Верхней столицы.

****** Было бы в. интересно знать, не открываются ли Киданьские монеты у нас в России, в. вероятно, занесенные сюда Монголами, сменившими Чжурчжэней, у которых, как известно, были в ходу Киданьские монеты? Эти находки, конечно, были бы важны для нас не для уяснения хронологической последовательности Киданьских Хуан-ди, уже достаточно разъясненной Китайской и своей соб. историей, а для знакомства с самым составом и формой монет…

Цзинь-Цзун (968–983) не довольствовался старыми деньгами, которых было недостаточно для нужд государства, и стал отливать новые. Такие новые деньги были отлиты в годы правления Цянь-Хень (975–983), наряду с которыми, однако ж, употреблялись и материи (полотно), бывшие прежде во всеобщем употреблении вместо медных (металлических) денег.

При Шэнь-цзуне (с 983–1031), когда стали разрабатывать ДА-АНЬСКИЙ хребет, то нашли там богатства (медь), собранные Лю-шоу-гуаном (Китайским полководцем во времена Амбагяня), почему все это препроводили в палаты, заведовавшие литьем металлов (у-цзи-сы). Старые деньги, однако ж, не были изгнаны из употребления в государстве. Так, мы встречаем известие, что в г. пр. Тай-Пин (1020–1031) употреблялись одинаково как новые, так и старые деньги. Эта одинаковая ценность как старых, так и новых денег была причиной того, что деньги стали сосредоточиваться в руках граждан, и правительство должно было открыть внутренние кладовые (казначейства), когда нужно было выдавать жалованье войскам Южной столицы*.

В г. пр. Кай-Тай (1012–1020) указом было постановлено: бедные и недостаточные люди во всех провинциях (дао) по закону сравниваются, т. е. мужчины и женщины, и, состоя казенными работниками, получают по 10 вень (?); по окончании работ возвращаются к своим семействам. Кроме того, на заведывающих чиновниках лежала обязанность ежегодно, весной и осенью, делать угощения чиновникам (цзянь-ши, ведущим работы), но не превышая меру, потому что литье металлов было только в Восточной столице, а самый закон получил начало в г. пр. Цинь-нин (Дао Цзуна с 1056–1065). В этоже время был издан указ, коим запрещалось торговать медью и железом, дабы воспрепятствовать частной промышленности в отливке монет**. Руководясь мыслью: иметь как можно более денег в пределах государства и не выпускать их за границу, Дао Цзун издал указ, коим также запрещалось выпускать железо и медь (медные деньги) за границу к Уйгурам, и закон этот применяли со всей строгостью. При нем были деньги 4 родов по годам правления: a) сянь-юнь (1065–1075), b) тай-кань (1075–1083), c) да-ань (1083–1092) и d) шоу-лун (1092–1101). Самый состав монет делался из хорошей меди, которой употреблялось 1 шу (1/24 унции), и счет денег также отличался от древнего. По указу императора, некто Янцунь-сюй вытребовал из палаты ху-бу-(сы) старый долг ее, равняющийся 400 000 связок; сверх этого чу-мичжи-сё-ши (наз. чина в Сенате – секретарь?) Лю-шен, сделанный ху-бу-инь (правителем улусов и семейств, старшиной?), ежегодно вносил 3 000 000 связок, которые и назначались в распоряжение чу-ми-ши Южного департамента (юань), который должен был выдавать субсидии народу по случаю разных физических бедствий. Кроме того, со всех дворцов шли деньги для пограничной стражи (бянь-шу-жень-ху).

Вообще, можно сказать, что в это время, хотя и не имели полного совершенства в финансовых делах, но все-таки стояли далеко выше прежнего и можно сказать, что были даже богаты (фу).

В последние же годы этого царствования (т. е. Дао Цзуна) в урожайное время траты очень уменьшались, литье же денег было на старых началах (по старым образцам***), но все-таки чувствовался недостаток, несмотря на то, что получали субсидию (т. е. правительство, двор? в 1 миллион связок) от Хай-юнь-фо-сы (буддийской кумирни Хай-юнь); закон же относительно отпуска за границу государственных денег не очень строго проводился (несмотря на то, что финансы были не в блестящем положении).

При Тянь-Цзо (1101–1125) сделана перемена в литье металлов (монет): в г. пр. Цянь-Тун (1101–1110) и Тянь-Цинь (1110–1119) отлиты были новые монеты (по годам правления), но это не помогло бедственному состоянию государства; департаментные кладовые были без запасов; расстройство было всеобщее (или, выражаясь по-китайски, верх и низ в затруднительном положении).

7. О скотоводстве

По свержении слабой фамилии Яо-нянь (Ё-ни-ши) и привлечении всех бу-ло посредством ласки Тай-Цзу начал делать частые вторжения в соседние государства и грабить там скот. Это увеличивало материальные богатства новообразующегося государства, добавляя выгоду как самому Тай-Цзу, так и кочевникам (бу-ло), участвовавшим в его походах. Народ был более или менее снабжен и, след., доволен. Когда же основатель династии получил трон (т. е. принял императорский трон), то делали вторжения уже в более широких размерах, ниспускаясь в Хе-дун (в. Сань-си), а после – в Бей-цзюнь-сянь (уезд, ниже лежащий), захватывали там коров,

---

* Такие же точно обстоятельства случались и у сменивших их чжурчжэней; у последних даже, кажется, финансовая система была в худшем положении.

** Мера эта едва ли имела хороший результат, но все-таки надо отдать справедливость правительству, что оно заботилось о нуждах государства и стремилось парализовать вредную эксплуатацию.

*** И здесь Дао-цзун не изменил себе: проглядывает та же приверженность старому порядку вещей, желание поворотить к блестящей, но прошлой эпохе Цзу и Цзунов!

лошадей (простых и скаковых) и баранов, число которых простиралось до 100 000 и более. Чу-ми-ши* Елюй Се-чжень**, усмиряя Нюй-чженей, захватил у них с лишком 200 000 (?!) лошадей, которые, разделив на табуны, пускали по пастбищам на привольной местности, отчего скот увеличивался, но в границах (не превосходя чрезмерно), п. ч. и скот имеет свои законы? Увеличиваясь с одной стороны, он в тоже время уменьшается с другой (от разных физических причин), таким образом, постоянно находится в законе равновесия, равномерности с тем количеством пищи, которую может давать ему известная местность.

В г. пр. Сянь-юнь (Дао Цзуна, с 1065–1075) некто Сяо То-хуй*** был сделан ма-цюнь-тай-бао-шань-шу (министром коноводства?), который заведовал делами коноводства, разбирал ссоры и тяжбы между кочевниками (букв. верхом и низом, Севером и Югом) и утверждал (составлял) списки всех лошадей.

Сверх того, что имели подданные государства, лошади получались еще от и вассальных государств (зависимых номинально), а именно: Дун-даньское государство (Бохайское) в годовую дань предоставляло 1 000 пар лошадей; Нюйчжени – 10 000, Чжунь-бу и У-ду-веньский**** те-ли-гунь (правитель улуса У-ду-вень) каждый по 20 000 пар, Западное (?) Ся***** и Ши-вей – по 300 пар; И-лу-ту, Бо-хо-ли, Ао-ло-му (Ао-ли-ми), Фу-чжу-ли (Фу-пу-ли), Те-ли и проч. представляли по 300 пар.

В видах устранения ссор с Сунцами из-за пастьбы лошадей на их территории, а также, может быть, не желая давать возможность этому государству пользоваться иногда скотом, Киданьское правительство издало постановление, коим запрещалось переходить границу с Сунским государством и пасти там скот. Кроме того, дань-сянские лошади (Тохоньского улуса, родового) иногда паслись в пределах царства Ся, отчего стада перемешивались – на это также последовало запрещение. Вообще количество лошадей (скота) было громадно: оно простиралось до 1 млн. и более. Во избежание путаницы и неудобств при таком обилии были поставлены чиновники, которым приказывалось заведовать этим и предлагать на утверждение правила для постановления более правильных отправлений между кочевниками, часто спорившими из-за скота – можно сказать, что почти во все времена существования династии (200 с лишним лет) стада находились в удовлетворительном (даже блестящем) положении. В первое время царствования Тяньцзо (1101–1125) лошади разделялись на табуны (цзюнь), коих было 10 000 (т. е. много?). В каждом табуне было не менее 2 000 голов (1 000 пар******).

О пастьбе лошадей

По древним постановлениям Цзу и Цзунов, всегда выбирали для пастьбы несколько десятков тысяч (?) лошадей и обыкновенно останавливались для этого на местах сюнь-по и цинь-цян'а******* (у Восточного Океана), после чего лошадей перегоняли в местность Янь-Юнь (Пекинскую). Затем снова выбирали несколько десятков тысяч пар и отпускали в поле на весь год (4 времени года), а остальных распределяли по другим местам, так что известная местность никогда не истощалась в корме для них, а через такую благоразумную меру пастьба лошадей не представляла затруднений, и лошади находились в отличном состоянии. Но в последние годы, при столкновении с сунцами, иноземцами, а после – Цзиньцами, число лошадей значительно уменьшилось (на 6 и 7 %), и хотя цена на них значительно возвысилась, но численность все-таки значительно уменьшилась, и даже негде было купить (не было места для покупки). Впрочем, презирая постановления, покупали чиновнических лошадей (казенных), следовавших при войске; кочевники также часто (незаконно) продавали их во множестве. Вследствие таких затруднений самая охота за зверьми также должна была страдать (т. е. при дворе). Точных, положительных известий относительно древних Сун-мосских лошадей, а также всего, что было у Линь-я******** Елюя-Даши (когда он удалился на Запад), никаких нет, а есть только слухи, следовательно, трактовать об этом мы не можем.

Чтоже касается соседних государств, доставлявших подарки (би) ко двору Ляо, и вассальных (шу-го), до-

---

* Правитель чу-ми-ши (по другим, чу-ми-юань Военный Сенат). Помощник его – чу-ми-фу-ши. Юаней было несколько? Сев., Южный, 5-й, 6-й.

** Елюй Се-чжень (в чине тай-ши) был потомок (5-го колена) Ши-лю-ке, старшего брата императора И-цзу, прадедушки Амбагяня. См. Хуань Цзу-бяо, цз. 66.

*** О То-хуй ничего нет в вай-ци-бяо, ц. 67.

**** Из этого мы можем заключить, что Чжуньбу (игравшие в. активную роль при Дао-Цзуне) и У-ду-вень были самыми богатыми улусами, представлявшими дань Ляо.

***** Кроме того, по «Цидань-го-чжи» сясцы представляли в дань только 20 пар хороших лошадей, рабочих (цума) – 200 пар и верблюдов (то) – 200 же пар (Као-чжень, ц. 60).

****** Значит, если принять, что табунов действительно было 10 000, всех лошадей состояло = 20 000 000, цифра довольно почтенная.

******* Буквально: «между Сюн-по и Цинь-цяном» (Восточным Океаном).

******** Линь-я – чин в Княжеском приказе – академик.

ставлявших дань (гунь) из произведений земли, их богатств (скота и пр.) в государстве, то они сами жаждали помощи и подарков. Когда же коренное государство (бень-го) рушилось, то и их значение исчезло...

Общий характер почвы и произведений страны

Ляоская земля* была (и есть?) по большей части (полу...) утесиста и песчана; сверх того, она не отличалась и хорошими климатическими условиями: в продолжение трех времен года (весны, осени и зимы) многое часто зябнет. Весной пашут, осенью жнут. Когда же придет время уборки, то клейкое и болотное просо бывают не совсем удовлетворительны для жатвы по той причине, что земля большей частью утесиста и песчана, и растения (хлебные) не получают должной силы из почвы. Но Ляосцы следили за хлебопашеством, желали поощрять (т. е. выдавать пособия) голодных милостями, в трудных же случаях немало употребляли и строгих мер. Но вообще чувствовалось обилие, которое распространялось и на соседние государства. Это более или менее удовлетворительное положение материальных сил государства не имело других основ, как научение народа правилам и порядку, которые имели силу закона. Кроме того, есть еще известие о том, что они имели бумажные деньги (чу-би), но вообще по обилию страны, ее богатству нельзя думать (нет и достоверных данных), чтобы они прибегали к такой искусственной мере.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КИДАНЕЙ

Кидане в своем младенческом состоянии, во времена бродячей жизни по горам и пастбищам, не имели, как это и следовало ожидать, уголовных кодексов, потому что первобытные нравы, благодаря своей относительной чистоте и безыскусственности, чуждые тлетворного прикосновения разлагающих пороков и отличающиеся поэтому меньшим процентом уголовных преступлений, не вызывали потребности введения репрессивных, карательных мер уголовного закона. Но познакомившись с удобствами городской, оседлой жизни, посвятив себя, так сказать, уже более широким интересам тогдашних образованных восточных государств, этот народ тем самым возродил в себе страсти к приобретению богатств, хитрость, необходимую для более дешевого приобретения удобств и наслаждений в жизни, одним словом, окунулся уже в сферу порока, всегда являющегося следствием городской, страстной жизни – а через это, очевидно, должен был вызвать со стороны правительства ряд мер и постановлений, направленных к пресечению анормальных проявлений, не соответствующих условиям благоустроенной гражданской жизни.

Но так как Киданьское правительство было новичком в избрании подобных репрессий, да и самые пороки подданных новоутвердившегося хуан-ди были восприняты ими от не совсем безупречных обитателей Срединного государства, то весьма естественно, что правительство в издании уголовного кодекса руководилось, если не китайскими началами, то, во всяком случае, заимствовало оттуда некоторый оттенок взгляда на наказуемость преступлений и самые меры наказания, потому что, хотя мы и видим, что на территории, занимавшейся Киданями, жило много Китайцев, и сам Киданьский народ, в последнее время династии Ляо заметно слился с коренными обитателями занимаемой ими местности и, следовательно, влияние Китайской расы, ее культуры и пороков было в широкой степени, все-таки мы не можем думать, чтобы это влияние Китая было так сильно, что поглотило собой все индивидуальное народа, или было сильно и в первое, начальное существование этого народа, когда он жил у Сунь-мо и на Юго-Восточной окраине Сяньбийских гор, откуда он, натурально, вынес свои индивидуальные особенности, свой собственный характер, особенное миросозерцание, что он и проявил в своей религиозной жизни, в деяниях на исторической сцене, и следовательно, не смог не внести его в свое уголовное законодательство.

Здесь, в этом уголовном кодексе, благодаря большому распространению наказания преступника смертью мы не можем не видеть того обстоятельства, что законодатель имел своей целью не исправление (которое всегда чуждается наказаний смертью), а кару, возмездие за совершенное преступление, имел, так сказать, субъективный взгляд на преступления, относя их лично к себе, к оскорблению своей верховной власти, а не как на нарушения против условий государства, общества, редко прибегающего к уничтожению физического существования преступника, а большей частью наказывающего его морально, удалением с территории, ссылкой.

Вообще все восточные уголовные законодательства страдают этим недостатком, всегда в них, прежде всего, бросается в глаза несоразмерность наказания со степенью преступного деяния и, следовательно, жестокость.

* Здесь история, очевидно, разумеет прежние пастбища Ляосцев (Киданей), а не Китайскую территорию, в которой они после властвовали и которая, как известно, отличается тропическими жарами.

Между Киданями мы встречаем это как результат их связи с Китаем, где верховная власть граничит с деспотизмом и смертная казнь сильно развита, отчего с принятием на себя такой же власти Киданьские Хуанди и стремились проводить тот же Китайский взгляд в уголовных законах, часто наказывали преступника смертью.

Что же касается закона конфискации (цзи-мо?), то вместе с Монтескьё, который в своем «Духе Законов»* проводит ту мысль, что Восточные деспоты вообще избегают раздражать народ (?), что это наказание вообще не пользуется популярностью на Востоке, мы можем сказать тоже самое, основываясь в данном случае на положении этого закона у Киданей, по которому конфискованное имущество по большей части не переходило во власть Хуанди, а раздавалось как награда низшим чиновникам; притом самый закон применялся дов. редко и только для важных политических преступников, замышлявших ниспровержение верховной власти, за бунт (возмущение) и непокорность. Так, напр., при Дао Цзуне была конфискация имущества у наложниц и сыновей Са-ла, Тобуцзя и др., несправедливо обвиненных И-синем в заговоре против императора о возведении на престол его сына Жуй'я (И-ло-хань'я).

Но среди всех мрачных, карательных постановлений, обусловленных, однако ж, историческою необходимостью и всем строем тогдашней жизни, мы не можем не видеть много светлых лучей, проглядывающих в уголовном кодексе Киданей. Так, например, Киданьские Хуанди стремились уничтожить самоуправство господ со своими рабами, не позволяя первым наказывать последних смертью без обвинения в преступлении и т. д.; отменили клеймение лица преступников (особенно из высших слоев общества), что мы, однако ж, встречаем в большом ходу в уголовных кодексах Китая; стремились парализовать коварство и пристрастие чиновников в постановлении приговоров, назначая для этого особенных чиновников, ревизоров, которые в тоже время ускоряли ход дел; следили за нравственностью чиновников, установив для этого центральный департамент (чжун-юань, колокольный? при Тай-цзу, 6-й год Шень-це) и мн. другое, что, пожалуй, в совокупности искупает то трагичное впечатление, какое выносит читатель из предлагаемого обзора.

Не могу пройти молчанием еще одного очень характерного явления в области законодательства Киданей, а именно, что Киданьское правительство последнего времени существования династии, в эпоху Дао Цзуна, ясно высказывалось в пользу старого порядка вещей, прежних узаконений Цзу и Цзунов, которые, вылившись в первую эпоху образования государства естественным путем без посторонних, чуждых влияний, естественно, должны были более соответствовать потребностям государства, были более близки по своему принципу социальным условиям народа Маньчжурской расы. Видно, что чувствовалось какое-то недовольство существующим порядком, создавшимся под сильным влиянием Китая, сознавалось, что это влияние усыпительно действует на народ, и правительство стремилось пересоздать общество, возвратить его к простоте прошлых времен посредством введения строгих, но правых и возвышающих народный дух узаконений Цзу и Цзунов. Тоже самое явление встречаем мы и в истории сменивших их Чжурчжэней, при пятом Маньчжурском государе Шицзуне (с 1161–1189), также сознававшем усыпляющее влияние Китайской обстановки и стремившемся поэтому возвратиться к прежней, простой, но сильной эпохе своих Северных предков.

Успели ли Кидане в своей мудрой, но слишком запоздалой мысли? Ответ на это мы находим на последних страницах их истории, в развязке той кровавой драмы, которая, как известно, кончилась уничтожением политического существования когда-то сильного народа – выходца из лесов Маньчжурии.

ОБЗОР УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ (СИН-ФА)**

Общий характер уголовных законов в древнем Китае и определение термина СИН

Уголовные законы были сначала введены для войска (дисциплины), а затем перешли и в область гражданскую (букв. церемонии), когда в местах необработанной и голой пустыни (хун-хуан) появился народ, имевший сильное и неспокойное войско. Только со времен Чи-ю*** (т. е. Хуан-ди с 2697–2597), когда начались, открылись первые возмущения, стали вводить уголовные законы для уничтожения несправедливости и сладострастия

* Монтескье. Дух законов, перев. Корнеева, 1862 г., ч. 2, стр. sub boce.

** Да не поставится мне в большое погрешение, если я этот термин син-фа перевожу одним понятием «уголовный» и, т. образом, не исчерпываю всего смысла, заключающегося в этих словах, ибо следовало бы переводить «гражданско-уголовный», вообще законы, но, во-1-х, я не посвящен еще во все тайны языка, а, во-2-х, меня поразило обилие уголовных наказаний в сем очерке, посему и сделана такая неточность, поправить которую я отлагаю на будущее время (син – уголовный; фа – гражданский).

*** Чи-ю – разбойник, деспот во времена Хуан-ди; властвовал в Сюань-хуа-фу – в нынешней пров. Чжи-ли.

(страстей) народа. Употребление этого закона, конечно, нельзя было прекратить. Впрочем, император Яо (с 2357–2255) был снисходителен к народу и даже приказал 3 министрам (сань-хоу*) быть милостивыми и ценить заслуги в народе (т. е. принимать во внимание при постановлении приговора заслуженность гражданина). Бо-и (?) издал уложение, которое наказывало народ только за уголовные преступления, поэтому оно и названо СИН (уголовным) и введено сначала в войске, а затем перешло и в сферу общественной жизни граждан. Прежние государи (ваны – при династии Чжоу – титул главы империи) были покорны небу, земле и 4 временам года, почему и образовали 6 ведомств (министерств), к которым, как составная часть, принадлежало учреждение, заведовавшее осенними уголовными постановлениями (цю-цин и цю-син-гуань)**.

Общий характер уголовного законодательства у Киданей

Ляосцы же по своему военному устройству государства запрещали СВИРЕПОСТЬ, СКРЫТНОСТЬ и СЛАДОСТРАСТИЕ, но не прежде издали уголовный кодекс, как постановили законы (фа) относительно 5 платьев (т. е. домашнего, обыденного обихода). Военная дисциплина была строга и соответствовала требованиям времени: может быть, через это самое и войско имело значительные успехи вне пределов государства.

При Су-эр-вей-хань'е (Цзу-у-ке-хань, Цзун-ке***), Неле (Цзун-ши, цар. рода) за свою добродетель (за то, что возвысил самого Цзунке) был сделан Эр-ци-му (Эр-де-му?) и, вместе с тем, заведовал смертною казнью (уголовным департаментом).

При Тай-Цзу и Тай-Цзуне законы получили уже большую силу, потому что в это время всегда опасались вторжения неприятеля, поэтому должны были быть всегда готовы и притом обладать военной дисциплиной, строго следуя установленным правилам. Такая дисциплинарная система, очевидно, не могла не возвысить значения самих законов, возродить к ним любовь в среде народа как силе, дающей возможность установить порядок и лучшее положение дел. В следующее за этим время, при их потомках, не было уже такого натянутого состояния, жизнь текла уже более спокойной колеей, и самые уголовные законы не играли такой роли, как прежде, перейдя таким образом в сферу гражданских отношений, в такую область, где применение их не отличалось особенною строгостью, более необходимой в войске для утверждения крепкой дисциплины.

Впрочем, 2 последующих государя (Цзуна) Цзин-Цзун (с 968–983) и Шэнь-цзун (983–1031) имели особенную известность в установлении различных родов истинного наказания (букв.: имели чрезмерный слух).

Уголовные наказания

Киданьские уголовные постановления разделяются на 4 вида:

1) смерть (се);

2) ссылка (лю);

3) арестантские работы (ту);

и 4) палочные удары, батоги (чжан).

Смертная казнь подразделялась: на удавление (цзяо), отрубление головы (чжань) и медленное повешение (линь-чжи). Кроме того, сюда же причисляется и закон конфискации (цзи-мо).

Ссылка**** по мере вины разделялась на ссылку в пограничные города и в земли родов (бу-чжи-чжи-ди). Если ссылка была отдаленная (т. е. в отдаленные места), то ссылали вне всяких (?) границ; если же назначалась еще более отдаленная, то штрафовали правителей, удаляя от места (т. е. должности).

Арестантские работы были 3 видов: 1) на всю жизнь (чжунь-шень); 2) на 5 лет и 3) 1 год. Но в последующее время сделали смягчение в этом законе, и вместо ссылки на всю жизнь стали давать 500 плетей, а после уменьшено даже до 100. К этой же категории наказаний относился и закон клеймения преступника, т. е. он применялся всегда для преступника, приговоренного к арестантским работам.

---

* Заведовавший наказаниями при императоре Яо наз. Ши.

** Вот что мы узнаем по истории Чжоу об этих 6 цин (министерствах): «При Чень-Ване, преемнике У-Вана, основателя династии Чжоу (1131–225), были учреждены новые чины: Тай-ши и т. д., наконец, 6 министерств: 1) ЧЖУН-ЦЗАЙ (внутренних дел); 2)СЫ-ТУ (народного просвещения); 3) ЦЗУНЬБО (церемоний); 4) СЫ-МА (граждан); 5) СЫ-КОУ (уголовное, судебное); 6) СЫ-КУН (военное). Эти 6 министерств и наз. Мо-цин. Цю-син-гуань – должно думать, какое-нибудь определение этих министерств, со специальной целью завед. уголовными законами.

*** Су-эр-вей-хань принадлежал к фамилии Яо-нянь, смененной Амбагянем, внуком Не-ле, утвердившим 3-ю фамилию Шу-люй (Елюй).

**** У Чжурчжэней: каторга (ссылка на арестантские работы) назначалась только на 5 лет, и приговоренный к каторге наказывался батогами (200, 180, 160, 140 и 20). Кроме того, были рабочие дома (ду-цзо-юань), что мы не встречаем между постановлениями Киданей.

Палочные удары простирались от 50 до 300. При каждых 50 ударах, сверх того, били еще песочным мешком* (т. е. мешком, наполненным песком).

Кроме того, были наказания: му-лань-да-бан (большая деревянная палка) и те-гу-до. Му-лань-да-бан была 3 видов, т. е. удары ей были 3-х степеней от 15 до 30: 15–20; 20–25 и 25–30 (?). Те-гу-дой давали 5–7 ударов.

За тяжкие вины наказывали ударами песочного мешка, сначала по задней части (шуй – гу), а затем по 4 членам (се-чжоу).

При допросах и пытках имели снаряды: лу и си-чжан (т. е. толстые и тонкие палки). Доходили даже до употребления ОГНЯ и БИЧЕЙ. Толстые палки были 20 родов, а тонкие – 3-х; удары простирались от 30 до 60. Бичи и огонь были также в употреблении (при пытках – аутодафе?). При каждых 30 разах подвержения огню давали 300 плетей; при 50 – 500 плетей (бичей).

Пытка употреблялась при допросах во всех делах; если преступник не сознавался, то это исследовали.

Искупление вины денежной пеней

Класс чиновников за обман в казенных делах и за возмущение народа, если преступнику свыше 70 и ниже 15 лет, может искупать вину денежной пеней. Выкуп совершался медью, по числу палочных ударов: за 100 палочных ударов платили 1 000 чохов. Кроме того, были законы па-и (8 совещательных?) и па-цзун (8 позволительных).

Закон конфискации

Закон ЦЗИ-МО (конфискации). Он начался с Тай-Цзу, когда он был в звании та-ма ге-сай-те (тамачжун?). В последующее время при Хе-тао-цзинь-хань (Хень-де-цзинь-ке-хань, Цинь-де) приказано было заведовать этим юй-юе Ши-лу. Постановлением было узаконено, чтобы все принадлежащее дому главных преступников отбирать в Хань-ли (род особенного института, вроде наших опекунских советов?). Дальнейшая судьба этого закона была следующая. При императрице Чунь-цинь (жене Амбагяня) было постановлено, чтобы при акте конфискации доносили чжань-лань-цзюнь'ю (дворцовому казначею).

При Ши-цзуне (947–951) было отменено последнее постановление**. При нем же было постановлено: родственники императорского дома (вай-ци, с женской стороны) и также дома чиновников, достигших права наследственной передачи управления (ши-гуань), за НЕПОКОРНОСТЬ, ВОЗМУЩЕНИЕ и БУНТ подвергаются закону цзи-мо, и их имущество переходит в ведение (хань-ли). Впрочем, относительно других преступников, не принадлежащих к вышеописанной категории, было оставлено постановление императрицы, т. е. при акте конфискации доносили дворцовому казначею. Имущество таких преступников переходит во власть дворцов и раздается в награду низшим чиновникам. Тут также употреблялось наказание му-лань-да-бан, относительно устройства которой при Тай-Цзуне было постановлено: лицевую сторону этого снаряда делать гладкой, заднюю же – шероховатой. Возмутившегося вельможу (да-чень) не наказывали му-лань-да-бан, а только песочным мешком. Во времена Му-Цзуна (951–968) относительно устройства му-лань-да-бан было сделано следующее: выделанной кожей обшивали самую палку, длина которой равнялась 6 вершкам, а ширина 2 верш.; рукоятка длиной 1 фунт.

Организование закона о ссылке и батогах

Ссылка в арестантские роты (на арестантские работы) особенную организацию получила в г. прав. Чжун-Си (Синь-цзуна, с 1031–1056), а наказание палочными ударами организовано в г. пр. Сянь-Юнь (1065–1075 Дао Цзуна). Прочие же роды наказаний не были во всеобщем употреблении и не были установлены по форме, освящены законом, почему об них нечего и сказать.

Характер законодательства при Тай-Цзу (916–925)

При Тай-Цзу, в начале его царствования (916), многие дела решались быстро; за возмущение, смотря по степени вины, тотчас постановлялось решение. Впоследствии, при возмущении его младших братьев, справедливость (величие закона) требовала установления более сложных и строгих разграничений (законов). Родственники князья (Цинь-Ваны 1-й степени) за последование в возмущении устранялись от заведования подстоличными жителями (?) или же бросались с высокого и крутого берега и умерщвлялись. За разврат и крайнее

* У Чжурчжэней также были все эти роды наказаний, а также и песочный мешок, но там он скоро был отменен, а именно при Си-Цзуне (с 1141 – 1148), т. е. спустя 25 лет после основания Цзиньской династии (1115).

** Может быть, потому что император враждебно столкнулся с Шу-му и, следовательно, вступив на престол, мог отменить все его постановления, так точно, как Павел I (в России), отменяя постановления Екатерины II.

возмущение разрывали телегами, которых для этого назначалось 5. За возмущение против отца или матери, несмотря на то, было ли это оскорбление, поношение или непокорность (факт, возмущение), т. е. несмотря на степень вины, вдевали раскаленное железное шило в рот преступника и убивали*.

За соучастие в преступлении по вине наказывали батогами, кот. было 2 рода. Большими наказывали за тяжкую вину (самую высшую) или взыскивали 500 чохов, а малыми наказывали за меньшую вину или взыскивали 300 чохов.

Уголовные наказания за непочтительность (к старшим и родителям)

Карая ту же непочтительность, правительство постановило страшные казни: преступников хоронили живыми, стреляли чертовскими стрелами (гуй-цянь), расстреливали пушками (пао, род оружия вроде пушки), разрубали и разбрасывали по частям (чжи), но это уже относится к тяжким наказаниям, которым, однако же, подвергались как простые, так и знатные.

Указ Тай-Цзу о необходимости правильности в решении дел

Вот, как слышно, какой указ был издан в г. под цик. знаками!!! (при Амбагяне): «Я, - говорил император в этом указе, - пришел от Севера, п. ч. вселенная враждовала и вела брань, благосостояние пало, многое пришло в упадок. Теперь, устроив дела, мы отдыхаем от битв, заботясь о благе народа. Чиновники явились нашими помощниками – вот значение моего царствования. Заботясь о благе народа, мы постановляем, чтобы в приговорах суда не было коварства и хитрости, почему приказываем цзай-сяну** (правителю Вай-сану) Северного департамента СЯО ДАЛУ и проч. разными путями (т. е. всеми средствами) достигать правильности решений – да имеют к нам (Ляо) почтение и уважение! Желательно, чтобы это было достигнуто».

В 6-й год Шень-Це (Тай-Цзу, 922), когда были усмирены все северные варвары (родовичи Амбагяня и другие народцы), Государь, обращаясь к близстоящим вельможам, сказал***: «В каждом государстве есть много дел самых разнообразных и требующих разграничения, поэтому, если закон будет издаваться неправильно (бу-мин, объясняться народу), то как можно управлять народом? Также: как может узнать народ о запрещении? В силу этого я постановляю, чтобы вельможи заведовали управлением; для Киданей и всех Северных (Восточ.) варваров (чужеземцев, фаней) должны быть изданы особенные законы (фа); для Китайцев же установить другой кодекс (люй, уголовный, более строгий?)». Кроме того, в этоже царствование был восстановлен (?) особенный институт, носивший наз. ЧЖУН-ЮАНЬ (колокольный, центральный департамент), специальной целью которого было разоблачение чиновнических пороков, их преследование или, скорее, недопущение нарушений закона, т. е. тоже значение, что и у нашей полиции. В этот институт народ приносил жалобы на несправедливость чиновников. При Тай-Цзуне (925–947) управление Бохайцами основывалось на Китайских законах****; прочее же не имело перемен.

*За отравление полагались батоги и ссылка с семейством в места, что приготовляют яд (лекарства)*****.

В г. прав. Хуй Тунь, 4-й год (941), некто из императорского рода (хуань-цзу) лань-цзюнь СИ-ЛИ (Ше-ли) замышлял отравить переводчика Цзя-ли и пр. По исследовании преступления (уже совершенного) 2 преступников наказали батогами и вместе с женами сослали в ссылку к роду, жившему по р. Цзюй ба-ли-му******, где занимаются приготовлением снадобьев (лекарств), и этим самым как бы указали на их преступление.

**Далее у Суровцова идет зачеркнутый абзац: «За соучастие (цзун-цзе?) в воровстве(?),смотря по вине, били батогами, которых было разряда. Большой палкой наказывали за тяжкую вину, когда воровство простиралось от и выше (чохов?), амалой-заменьшую, когда кража не превышала чохов» (Г. Г. Пиков).*

** Цзай-сянов было 2: Северного и Южного департаментов (фу). Сяо ДАЛУ, по вай-ци-бяо ц. 67, был сыном Цзу (родонач. императора) в 5 колене Ху-му-ли; брат императрицы Чунь-цин; сына имел Сяо Хань'я, после бывшего Кит. императором, поставленного в Кай фын-фу Тай-цзуном (947).

*** Я нарочно оставляю такую форму изложения фактов (т. е. и разговорную, и указную), чтобы ярче проявить самый взгляд законодателей на установляемые законы.

**** Потому может быть, что там (в Ляодуне и др.) густо поселились Китайцы.

*****Слева на полях прим. Суровцова: «За отравление полагались батоги и ссылка с семейством в места, где приготовляют ядро(?) (лекарство)» (Г. Г. Пиков).*

****** Река Цзюй ба-ли-му мне неизвестна, за отсутствием в указателе. Есть город Цзюй-ба (или был) в Корее от Цюань чжоу на Юг – резиденция государя Боцзи. Может быть, он стоял у реки того же имени, которая в таком случае может приурочиться к искомой.

Разные наказания за одну и ту же вину, что происходило от каких-нибудь частных соображений

Вот еще факт. При Ши-цзуне, в г. прав. Тянь Лу, 2-й год (949), некто ТЯНЬ-ДЕ, Сяо Хань и Лю-ке* со своим младшим братом ПЭН-ДУ и проч. совещались о бунте. По расследовании этого, вышел приговор, которым Тянь-де приговаривался к наказанию пыткой, Хань был сослан, а Лю-ке и Пэн-ду были отправлены (?) к хе-гесы (хакасы, тогда усилившиеся на счет уйгуров). Вина этих 4 людей была одинакова, а наказания – различны. Да и вообще в век этой династии мы встречаем дов. часто подобные явления: чем здесь руководилось правительство, допуская такое разнообразие наказаний за одну и ту же вину – неизвестно. Может быть, правительство избегало сложности в постановлениях уголовных приговоров, постановляя в кодексах только одни общие слова, точно так, как мы видим и при Му-Цзуне (с 951–968), когда была совершена страшная казнь над рабом госуд. тестя (го-цзё) чжань-лань-цзюнь'я Сяо Янь'я Хе-ли, приговоренным к рассечению. В это дело были замешаны и другие – Ела и Тули, не достигшие, однако, возраста вменяемости преступления (букв.: не достигли возраста, позволяющего брать жен), почему императорским указом и было постановлено: назначить таковым отсрочку до 16 лет, когда рабу (слуге) вменяется преступление. Более точных и сложных разграничений мы не видим в их кодексе.

Уголовное законодательство в эпоху Му-цзуна

В следующий за сим период развития уголовных наказаний, в эпоху Му-Цзуна (951–968), мы видим, что эти наказания превосходят всякую жестокость. Тут уже не задавались никакой мыслью о пресечении преступных деяний в массе, ее исправлении, имеющем своей целью благо, нет, тут была только страсть, безумная жажда крови самой верховной власти, не чуждой и других пороков. Вот к какой хитрости прибег «власть имущий», чтобы отчасти замаскировать свои позорные деяния. Еще при прежних государях было постановлено, чтобы при дворцовых пиршествах вывешивать на высоком месте объявление (бяо-ши), которыми преграждался вход во дворец посторонним лицам. Какой-то ЧЖО-ХУ (Чу-гу), может быть и вполне вероятно, подученный самим императором, после вывешивания такого объявления обыкновенно снимал его и прятал в густой траве, почему люди, имевшие надобность ко двору, не видя объявления, проникали туда и, таким образом, попадались в руки ложного правосудия. Ловушка эта особенно была назначена для капиталистов (ли-жень), от которых расточительный двор мог поживиться, потому что это было поводом к тому, что у них отнимали богатства. Император страшно любил пиршества (попойки) и звериную охоту и совершенно не обращал внимания на дела государств. управления. Частные дела также были в пренебрежении. Если подавалась жалоба о просрочке, то делали вызов несвоевременно и самовольно. Самые дела тормозили то по причине некоторых несоблюдений и противоречий с законом, то по причине пиршеств уменьшали самое значение дела или изменяли самый состав его. По злобе схватывали невинных и предавали казням. Узаконив, прибавили наказания огнем и железом, гребнями и много такого, чего не перечислишь; или же резали по рукам лезвием, отрубали голову, связанных расстреливали и сжигали, отрубали руки (ладони) и ноги, разрывали рот, на мелкие части ломали зубы, вывертывали плечи и голени, ломали поясницу и др. Трупы же выбрасывали на поле, для чего приказали воздвигнуть склеп (стену), где число «награжденных» смертью простиралось до 100 (?) и более. В столицах основали тюрьмы, чтобы помещать туда арестантов. Все эти жестокости объясняются отчасти, если принять во внимание тот факт, что император верил в чародейство и, по совету какой-то колдуньи Си-ку, употреблял человеческую печень на составление лекарства, чтобы продлить свою жизнь на долгие времена, что и было одной из причин его ненависти к людям и желания привлечь войска (чжун, полчища). После, однако ж, он уразумел ее ложь и убил при одной военной конной скачке.

После казни Хе-ли (см. выше) наказание смертью сделалось еще чаще, а самый разгул в ночных оргиях усугубился. Заведовавшие при нем управлением, его клевреты (у-фань – чжань-шоу-жень), со всех сторон представляли дела о пытках и казнях, что не прерывалось, хотя некоторые и пробовали просить милости («печаловались»), но подобное заступничество навлекало только больший гнев и даже казнь просящих. Бывшие при дворе вельможи, в силу императорского указа, боялись выступить с заступничеством, хотя и могли это делать и даже действовать открыто: подаваемые советы не уважались. К общей массе крови, пролитой жестоким сластолюбцем, надо причислить и казнь ШОУ-КЕ и НИНЬ-ГУ, которая совершена была при следующих условиях. Некий день-цянь-ду-день-цзянь (адъютант-пристав) Елюй И-ле-хе (И-ла-хе) взвел на них обвинение в том, что они, заведуя фазанами, от незначительной вины бежали, скрываясь от строгости преследования

* Тянь-де – 3-й сын Тай-цзуна, Сяо Хань – сын Далу и известен своим наместничеством в Китае во времена Тай-Цзуна, после разгрома Цзиньской династии. Люке и Пэн-ду (Пэн-ке) были братья, сыновья Идеши, 4-го сына Де Цзу – цз. 66 Ляоши.

своего владыки (для которого, надо знать, птицы и звери (олени) были гораздо ценнее людей). Император разгневался на это и приказал их казнить, разрубив на части.

Другой подобный же случай наказания из-за плохого надзора за оленями, когда 65 человек, связанных сразу, положили свои головы на плаху, а 44, обвиненные в возмущении, были наказаны батогами. Все это наваливается в общую груду злодейства мрачной эпохи Му Цзуна (с 951–968). Последних также хором приговорили к смерти, но Вань-цы БИ-ШУ* и пр. подали голос против этого – император внял их заступничеству.

Применение уголовных наказаний, как мы видели выше, касалось тех случаев, когда задевались личные чувства императора, когда преступление совершалось в сфере тех предметов, которые были всего ближе к его сердцу. Так, когда некто Фоде провинился в несвоевременном отпуске корма оленям**, к которым он был приставлен как смотритель, отчего животные стали болеть и падать, то гнев императора не знал границ: он сначала наказал преступника насильственной смертью***, а затем убил.

По высказанной выше причине, что в уголовных карах времен Му-Цзуна мы не видим какой-нибудь разумной цели, направленной для блага народа, а только личную безумную страсть самого законодателя, можно было бы пройти вниманием эту эпоху, но я оставляю ее в обзоре для того, чтобы ярче отделить следующие за ней эпохи развития уголовного права, эпохи Шэнь-цзуна, Синь-цзуна и Дао-Цзуна, важные без сомнения, по своим последствиям и по деятельности самих императоров-законодателей.

Но прежде, чем перейти к рассмотрению следующей эпохи развития уголовного права, эпохи Цзинь-цзуна, я укажу на последний и, может быть, единственный проблеск гуманных чувств в душе Му-Цзуна, впрочем, проявившийся в нем под конец его царствования и не принесший поэтому никаких благотворных результатов в деле развития общества путем установления истинных репрессивных мер, сдерживающих народные страсти. Когда некто Тай-юй (наз. чина) Хуа-ке**** явился с своими советами прекратить жестокость, то образумившийся несколько император сказал: «Когда я пьян, - не следует подавать мне бумаги (приговора) для утверждения, когда же я просплюсь, то, по исследовании, докладывать, но только самую сущность дела (концы речи) и без остановки, потому что это ведет к трудности». И хотя так высказался, но жестокость все-таки стояла страшная, и, кроме того, самые постановления (уголовного характера) не передавались вельможам и, таким образом, не доходили и до массы, не знавшей поэтому о сфере запрещений...

Уничтожение Му-Цзуном колокольного департамента

Фактически же доказательством того, что Му Цзун вовсе не заботился о благе народа, служит уничтожение им центрального департамента, основанного (или возобновленного) при Тай-Цзу с целью следить за нравственностью чиновников, о чем мы узнаем уже из последующей эпохи Цзинь-цзуна, возобновившего вышеозначенный институт.

Характер законодательства Цзинь-цзуна (968–983)

После смерти убитого своими слугами Му Цзуна на престол, как известно по истории, вступил Цзинь-цзун (968–983), до того скрывавшийся. И первым делом его было, конечно, устранение клевретов покойного императора, И-ла-хе и др., как таких лиц, которые не могли быть помощниками императору в деле установления разумных уголовных постановлений, направленных на благо народа. Впрочем, в это царствование мы замечаем какую-то слабость в применении уголовных наказаний и в тоже время много внимания к нуждам народа. С вышедшим самовольно из заключения Си-инь'ем, сыном Ли-ху (Лу-ху) (3-го сына Тай-цзу), он начал поступать несколько сурово, сказав ему, что он не разграничивает правды и лжи, и снова приказал его заключить, но затем, по совершении описи преступников***** в государстве, простил. При нем же, как я заметил выше, был вос-

---

* Бишу, по хуань-цзы-бяо ц. 67-й, приходится 5-м сыном императора Тай-Цзуна и политически жил в век Му-Цзуна, которому часто подавал советы, однако ж, редко уважаемые. При Цзинь-цзуне воевал с Таньсянами.

** Этой привязанностью к животным, граничащей с безумием, Киданьский император напоминает рим. императора Калигулу, его любимого коня.

*** Значит, насильств. смерть не есть смерть в буквальном смысле этого слова, а, так сказать, ступень к прекращению физического существования субъекта.

**** Было 2 Хуа-ке (записанных в истории): один принадлежал к дому Чжунь-фу (? отца фамилии Елюев), а другой – к дому Мень-фу (старшего отца, фамилии Елюев же). Чин же Тай-юй давался родств. императора по женской линии (фу-ма-дуюй – зять императора).

***** Опись преступников совершалась почти ежегодно и, бесспорно, принадлежит к лучшим чертам деятельности династии.

становлен центральный (или колокольный) департамент*, так как народ страдал от несправедливостей и не имел места для подачи жалоб: императорским указом было постановлено снова возобновить его и вылить новые колокола. При нем, как я уже говорил, замечалась не строгость в применении уголовного закона, что наглядно доказывается тем фактом, что когда какой-то чжунь-ши (наз. чина) САЛА-ЛЕ нечаянно наткнулся на св. знамена и опрокинул их – за что должен был подлежать наказанию палочными ударами до смерти, – император простил его. Конечно, тут была какая-нибудь более или менее темная поддержка со стороны лиц, близких к императору, как говорит об этом и сама история. Относительно поимки и преследований преступников также были предприняты меры, но советники государя отзывались о них, как слабых, потому что эти разбойники были большей частью закоренелые злодеи, взросшие под сенью прошлого царствования. Государь заботился, однако ж, более всего, кажется, о благе своих приближенных вельмож и родственников. Так, когда один раб Ускан Вань Шу** подал жалобу на своего господина, то император, несмотря на представление чиновников о розыске, сказал: «Я знаю эти плутни: если допустить одному жаловаться на своего господина и назначать для этого судебных следователей (допрос, ань-вень), то, пожалуй, и другие станут подражать ему, почему, во избежание и для прекращения (?!) подобных жалоб, приказываю казнить раба (?!), чтоб не давать потачки». Из этого мы можем видеть, что царствование Цзинь-цзуна в сфере применения уголовных наказаний не отличается безупречностью и полной гармонией с требованиями справедливости.

Уголовное законодательство в эпоху Шень Цзуна (с 983–1031=48 лет)

Общий характер законодательной деятельности Шень Цзуна: влияние воспитания

В следующее за сим царствование мы видим, что уголовное законодательство достигло широкой степени развития благодаря истинности в применении уголовных наказаний и просвещенному взгляду на них самого законодателя, который, взросши под влиянием благих советов своей матери императрицы Жуй-Чжи, оставшейся по смерти Цзинь Цзуна регентшей (ше-чжень) государства и советовавшей ему упражняться «в ведении государственных дел», указывая на необходимость обширных знаний закона. Под таким влиянием, говорю, законодатель выказал в своей деятельности относительно постановлений в сфере уголовных законов и необыкновенную энергию к пресечению зла со стороны чиновников, и, в тоже время, гуманную заботливость о благе народа путем установления уголовных мер, вполне соответствующих потребности времени. Его продолжительное царствование (48 лет, с 983–1031) есть самое блестящее во всех отношениях в законодательной деятельности династии, есть, так сказать, ядро всех ее деяний, блестящее выражение общего направления, принятого народом. Общий дух его уголовно-законодательной деятельности связывается как с предшествующей эпохой Цзинь Цзуна, так и последующей Синь Цзуна, потому что в его время мы видим отчасти последование той же личности в применении уголовного закона, какую встречаем в уголовно-законодательной деятельности Цзинь-цзуна; а с другой стороны, его деятельность явилась образцом для последующего Синь Цзуна.

Свидетельство истории об общем характере деятельности Шень Цзуна

Вот как сама история говорит о его уголовно-законодательной деятельности: «Относительно управления (в области уголовной) в это время сделаны перемены (реформы); утверждены законы; приказано также, чтобы во всех делах проводить принцип гуманности (жень-синь), особенно в уголовных законах (приговорах) должна быть строгая осторожность».

Одинаковая строгость в применении закона, как для Китайцев, так и для Киданей

Желая обобщить уголовный кодекс, его постановления касательно разбора дел между Киданями и Китайцами, часто враждовавшими между собой и поэтому накликавшими на себя кару закона, правительство Шень Цзуна постановило одинаковую степень применения закона как для той, так и для другой стороны.

Ограничение прав господ над рабами и их наказание

Вот как строго ограничивало правительство права господ над их рабами (ну-бей, рабами и рабынями) и, в тоже время, наказывало самих господ. Указом от 24-го года Тунь Хо (983–1112) постановлено: «Господин за

* Этот институт напоминает собой ящики перед воротами дворца нашего Александра Михайловича, куда народ клал свои жалобы. Различие только в том, что здесь для объявления жалобы употреблялись колокола (вече?), в которые, вероятно, народ звонил для того, чтобы дать знать о своем представлении.

** Родовая нить этого лица не показана в бяо. Кроме того, это напоминает барабан и колотушку, поставленные Яо (2357–2255) перед своим дворцом для свободного представления жалоб императору.

умысел о бунте, хотя бы и не нарушил закон (не взбунтовался), подлежит ссылке; смертной же казни повинен тогда, когда убьет своего раба или рабыню без представления причин (обвинения); если же рабы или рабыни возмутятся и будут приговорены к смерти, то командировать чиновника для того, чтобы вельможа не убивал самовольно».

Улучшение закона о наказании за 10 смертных грехов

Кроме того, было сделано некоторое улучшение прежних постановлений, а именно, по прежним законам, Киданьские люди за совершение 10 смертных грехов (ши-е) подлежали казни, и связанные трупы их 3 дня лежали на площади. Указом от 12-го года Тунь Хо (995) было постановлено, чтобы 1 гостиница (трактир?) заведовала похоронами казненных преступников тотчас после казни.

Обратное явление в развитии закона о наказании преступников из высших слоев общества

Замечаем еще и обратное явление в развитии закона. Так, по древним узаконениям постановлялось, чтобы потомки цзай-сянов и цзе-ду-ши, пожизненно выбиравшихся на сии должности, за вину возмущения подлежали ссылке и палочным ударам, причем избегалось клеймение лица (цинь-мэнь). Указом в 29-м году того же правления (1011) было определено, чтобы таких лиц только клеймить, но не наказывать ссылкой и батогами, и распространить это в одинаковой мере (для всех?). Ясно, что правительство старалось действовать более нравственным, просвещенным путем, наказывая, так сказать, только морально, позором в обществе, не причиняя преступнику физических страданий ссылкой и батогами.

Мягкость уголовных наказаний и назначение ревизоров

Правительство Шэнь-цзуна, как я уже и выше заметил, стремилось к введению более мягких мер в уголовных приговорах и, в тоже время, энергически действовало против коварства чиновников, заправлявших судебными приговорами, назначая для этого особенных ревизоров, дававших скорый ход и самим делам. Так, в 8-й ГОД КАЙ-ТАЙ (1012–1020) постановлено: «Так как за воровство 10 связок по прежним законам постановлялась смертная казнь (чу-сы, особенный род смертной казни, считающийся несколько слабее чжань-синь), но такой закон оказывается тяжелым, почему и повелеваем: закон чу-сы применять тогда, когда воровство будет простираться до 25 связок». За воровство же ниже этого назначается ссылка.

Заботясь о прекращении несправедливости и пристрастия в уголовных постановлениях, которые (т. е. пристрастие и несправедливость) происходили, может быть, от того, что в прежнее время императорские указы, как известно из «юй-ши-тай-чжен» (башни императорской истории), передавались ГУН-ФУ-ФЕНЬ (дворцовому следственному отделению), а затем да-ли-си (прокурорская палата, уголовная), которые по исследовании тяжб и ссор делали доклад, и что хань-ли-сё-ши (секретарь академии, Сената) рассматривал дело, а чженьши-ше-чжан (президент, делопроизводитель?) обнародовал решение. Может быть, ввиду всей этой юридической запутанности и сложности, которая может безнаказанно действовать на пути неправды, правительство постановило сяо-цинь (младшего вельможу) с неограниченными (букв.: подобно истинному императору) правами, но не остановилось и на этой мере, а пошло дальше. Тотчас по совершении описи преступников по всей империи несколько раз были командированы чиновники по всем дао (провинциям) для обследования решений и устранения коварства во всех его изгибах. Эти посылаемые чиновники должны были избегать несправедливости и коварства, след., правительство отправляло уже таких лиц, на которых вполне можно было положиться.

Всюду мы видим гуманное начало, высказывающееся или в решении тех, кто строго применяет закон, или в совершенном прощении преступления. Так, когда жители (бу-минь) 5-го департамента были наказываемы палочными ударами до смерти своим старшиной (чжан) Фону за то, что имели худые латы и оружие, уже само собой развалившееся, то император страшно рассердился на такую строгость в применении закона и приказал устранить самого Фону, чтобы не производил подобные жестокости. Когда Да-р-хань и На-ван-шу-ке* за смелые речи касательно дворцовых дел, сказанные в пьяном виде, должны были по закону быть приговорены к смерти – император прощает их, позволив искупить вину (денежной пеней?).

Те же жители 5-го департамента случайно оставили огонь, достигший до Му-е-шань (свящ. гора при слиянии Шара-Мурени и Лоха-мурени) и истребивший местность, за что также должны были поплатиться жизнью (от палочных ударов), но император простил их без всякого возмездия.

---

* Все эти 3 лица: Фону, Дархань и Наваншухе не отмечены в указателе (бяо) как лица, не принадлежащие к роду династии.

Даже прощалось воровство у более или менее значительных лиц, правительственных органов. Так, когда некто Дабахе*199 стал тайком воровать домашнее имущество у Цзи-чжоуского Вана Линь-цянь'я (?), и когда по расследовании преступления он должен был подвергнуться смертной казни посредством разрезания (жень-ла), Линь Цянь простил его по случаю одного торжества и не подверг наказанию.

Чиновники, окружавшие императора, были, однако ж, недовольны такою снисходительностью гуманного императора и просили увеличить наказание за воровство палочными ударами. И, действительно, было бы несколько странно, если бы мы видели крайнее снисхождение и прощение преступлений в тот век, когда так мало было сдерживающих сил, широкого развития просвещения народа, хоть бы даже и китайскими тенденциями. Само правительство, конечно, сознавало, что если оно совершенно покинет путь строгого применения закона к преступным деяниям массы, взросшей под влиянием строгого милитаризма времен Тай-Цзу и Тай-Цзуна (о чем выше), а затем видевшей, может быть, своими глазами еще большую строгость времен Му-Цзуна, след., более или менее свыкнувшейся с этим, считавшей такой порядок вещей нормальным (подтверждение чего мы можем видеть и в нашей русской истории), то при такой обстановке не могло выйти много хорошего, и, пожалуй, повело бы к общему расстройству государственного организма. И вот, когда некто На-му-ку (На-му-гу, Аввакум?!) провинился в воровстве около 13 раз, и этого по самому обилию преступлений нельзя было простить, то и определили наказать торговою казнью (т. е. казнить и оставить на площади), а вслед за сим вышло повеление:

Указ о воровстве

Им определялось: за 3 воровства наказывать клеймением лба и ссылкой на арестантские работы на 3 года; если же попадется в 4-й раз в том же преступлении, то клеймить лицо и ссылать в каторгу на 5 лет; если же попадется в 5-й раз, то применять чу-сы (жизни и смерти?! род смертной казни), но относительно последнего, смотря по тяжести кражи, должно просить особенного указа.

Избавление от смерти, но применение наказания батогами

За преступную связь наказывали сечением спины, ввиду уменьшения см. казни. Так, когда цзинь-ши (наз. чина) Лю-ке-у-гу-сы (прозвание)** намеревался (?) сблизиться с женой Циского Вана, а затем бежал, скрываясь от кары закона и надеясь на прощение, а после, по случаю праздника «тысячи возврастов» (хуй-цянь-лин-цзе), пришел с повинною и был прощен, но императорским указом было постановлено, чтобы все прислуживающие (цзинь-ши) и телохранители (ху-вей) собрались на место экзекуции, и виновного наказали только сечением спины (соб. отрублением спины) при всем торжественном собрании чинов, как бы давая знать и им о возможности подобного наказания, но более всего, конечно, для того, чтобы сильнее подействовать на самого преступника, покрыть его срамом публичного наказания.

Желание правительства поскорее решать споры и тяжбы, а также и дела о заключенных в тюрьмах

В это время, в последние года Тун-хо (1012), правительство прекратило все торжества и занялось внутренним управлением: составлением списков народа, их жалоб, тяжб, которые и препровождались во дворец; но по причине обилия таких представлений должностные чиновники стали больше нарушать законы, действовать несправедливо, почему в г. пр. Тунь-хо сочли за благо поскорее решать всякие споры и тяжбы и освобождать преступников, так что в 2-х округах Ичжоу*** и Пинчжоу в это время тюрьмы были пусты (!), а в 5-й год Кай-Тай (1017) тоже было уже во всех провинциях (чжу-дао?!), так что стало заметно, как подул ветер уничтожения уголовных наказаний (!).

Отсутствие дел в государстве («золотое время»)

В силу таких обстоятельств чу-ми-ши (правители департаментов) не имели трудных дел в государственном хозяйстве и даже не занимались сами разбором тяжб, а все исполнял Эр-ци-му (или-цзинь, иличань). Так было при 2-х чу-ми-ши, следовавших друг за другом, Сяо Хо-чжо и Сяо Пу****.

* О Дабахе также ничего не известно, а равным образом и о Линь-цянь'е. Округ же Цзи-чжоу лежал у Великой стены в нынешней Чжилийской губернии и состоял в ведомстве департ. Чже-цзянь-фу Южной столицы.

** При Дао Цзуне мы встречаем улус с наз., близким к этому, а именно: МО-ГУ-СЫ, сильно бунтовавший в это царствование. О Лю-ке-у-гу-сы ничего неизвестно. Был Люке, сын Идеши, во время Тай-Цзу, но он не мог дожить до этой эпохи.

*** Округ И-чжоу лежал в районе Южной столицы, в пределах нынешней Маньчжурии, а после перешел в владение Средней Пин-чжоу (см. выше, цз. 36 Ляоши).

**** Сяо Пу принадлежал к дому Ши-лу (тао-фу) императрицы Цин Ань, супруги Тай-Цзуна в 6-м колене. О Сяо-хо-чжо ничего не известно, т. е. к какому роду он принадлежал.

Указ о разделении империи на 2 департамента и одинаковое применение закона как к богатым, так и бедным

Но затем стали доходить слухи о новых ссорах и тяжбах, потому что тогдашние граждане (ши-жень, современники) по наследственности привыкли к коварству и заводили ссоры, отчего светлый характер (гао-фынь) этой эпохи несколько уменьшился. Побуждаемый такими обстоятельствами, император в г. прав. Тай-Пинь, 6-й год (1026), издал указ, в котором он говорит о разделении империи на 2 департамента – Северный и Южный – ввиду устранения столкновений 2-х наций (т. е. Киданьской и Китайской), и затем о необходимости применения закона одинаково к богатому и бедному, потому что в противном случае появится неудовольствие в народе и, след., нарушение закона. Вот этот указ: «Я (государь про себя) имею в своем государственном ведении Киданей и Китайцев, посему разделяю свое государство на 2 отдела: Северный и Южный департаменты, ибо желательно удавить жадность и обман, а также надменность и тревожное состояние обеих сторон (т. е. Киданей и Китайцев). Если же закон станет разграничивать богатых и бедных, то непременно появится неудовольствие и ропот, появятся нарушители закона, и нельзя будет увещевать, но для устранения недовольства и есть чиновники, которые могут проникать к двору и представлять о народных нуждах».

Постановление о поб. родственных ввиду прекращения их недобросовестности

«Печально только то, - говорит далее указ, - что побочные родственники внутреннего рода (ней-цзу-вай-ци) много полагаются на милость и действуют подкупом... Если не обращать внимания на это, то закон перестает действовать, рушится, почему от сего времени для дорогих родственников (гуй-цы) по обжаловании ими дела не разбирать, большое оно или малое, и одинаково назначаются прокуроры (се-ань-вень, завед. допросом), которые делали доклад».

Деятельность С. и Ю. департаментов в разборе тяжб и присуждений наказаний

Относительно деятельности Северного и Южного департаментов было постановлено следующее. Эти департаменты, сделав допрос и разъяснив самые мотивы преступления (букв. истину), составив протокол, должны делать доклад, а не объявлять это силой закона (не приводить в исполнение). По принятии доклада они должны просить сообщения о нем, а по доставлении сообщения (или утверждения верховной властью) приводить в исполнение, т. е. назначать наказание, смотря по вине преступника.

Указ о дополнении и изменении некоторых статей уголов. кодекса

Последним актом деятельности этого законодателя было дополнение и перемены в уголовном кодексе и приведение его статей в надлежащее состояние. Указом от 7-го года Тай-Пин (1027, смерть Шэнь-цзуна последовала в 1031) внутренним и внешним вельможам (да чень) было постановлено: «В статьях закона есть недостатки, почему определение соразмерности наказания затрудняется, в силу чего статьи закона должны дополняться и изменяться по инициативе Верховного Совета (шань-чжи-и)».

Более подробнейшее понятие о статьях уголовного закона и составлении самого кодекса мы получим при следующем обзоре.

Состояние уголовного законодательства во времена Синь Цзуна (с 1031–1056=25 лет)

В первые моменты деятельности этого императора мы замечаем как бы противоречие той мысли, которая была высказана нами при определении общего характера законодательной деятельности Шэнь-цзуна, а именно: что деятельность последнего явилась образцом для последующей, т. е. той, которую мы намерены обозреть. Но такое противоречие только кажется на первый взгляд и вовсе не находит себе поддержки в основном характере деятельности нового законодателя. Надо знать, что этот законодатель в начале своего царствования находился под сильным влиянием своей матери, императрицы Цинь-Ай, вышедшей бог знает из какой среды и обладавшей страшным честолюбием*. Страстная интриганка, не чуждая жестокости, она, конечно, не могла дать новому императору такого же светлого понятия о государственных делах, как императрица Жуй-чжи, воспитавшая образцового государя династии Шэнь-цзуна: эти женщины были диаметрально противоположны друг другу. Но Син-Цзун недолго находился под влиянием своей матери, и, как говорит история, жестокость страстной интриганки после первых дебютов не нашла себе сочувствия в новом императоре, видимо, жаждавшем

* Подробнейшее понятие о ней я дам в статье о положении женщин и их роли в государственной деятельности – что будет ниже.

другой обстановки. Он вышел из-под ее опеки и явился самостоятельным деятелем, во многом подражавшим своему отцу, но порой проявлявшим и то неутрачиваемое влияние, какое вынес он при первой поре своей политической жизни. Однако ж, мы видим, что он всюду следовал гуманному началу своего отца и даже, кажется, обратил и свою мать на ту же дорогу, потому что после, как увидим ниже, она старалась проводить тот же гуманный Шэнь-цзуновский взгляд в сфере применения закона.

Вот что было на первых порах законодательной деятельности Синь-цзуна – замысел о возмущении наказывался смертью. Так, когда по вступлении Синь-Цзуна на трон предков императрица Цинь-Ай, желавшая доставить своим братьям как можно больше значения, открыть дорогу к почестям, - для чего, конечно, нужно было устранить все на пути к предположенной цели, – подучила их (Фынь-цзя-ну и пр.) открыть обвинение против некоего Чу-бу и пр., замышлявших, будто бы, о возмущении при содействии императрицы Жень-де* и их жен, и когда под влиянием советов той же Цинь-Ай приняли за истину это ложное обвинение, то императорским указом Чу-бу и др. 10 человек с императрицей Жень-де были признаны виновными (это тоже род наказания?), а 44 с лишком человек были наказаны смертью; имущество их было конфисковано, а императрица Жень-де была сослана в Верхнюю столицу (Линь-хуань-фу), а затем, по проискам Цинь-Ай, пославшей тайно убийц, была умерщвлена**. Торопились убить и других лиц, обвиненных в заговоре о возмущении, и приказали не входить с протестами и «печалованием» за преступников.

Сила императрицы Цинь-Ай, однако ж, вскоре пала, потому что она замышляла доставить престол мл. сыну и ниспровергнуть существующий порядок, за что и была удалена в Цинь-чжоу (в пределах Верхней столицы), а затем, явившись к двору, не встретила там уже прежнего сочувствия...

И, таким образом, Синь-зун, выйдя из под опеки матери, хороший (хао) титул (минь, имя) переменил на радостный (си). Закон о наказании был ослаблен; дел затевалось мало; милость же была широка: прощали многое, даже избавляли от смерти и тюрьмы, особенно раскаявшихся.

Указ, не позволяющий чиновникам заглаживать преступление относительно казны частными наказаниям и брать взятки

Для пресечения уклонения чиновников от наказания, а также взяточничества был издан указ (1-й год Чжунси, по другому – Цзинь-фу), коим запрещались означенные нарушения закона.

Смягчение закона о воровстве казенных вещей в виде слитков металла

Последовало смягчение (или уменьшение) закона касательно суммы кражи из казенного имущества. В прежнее время в Южной столице были назначены 3 чиновника (сань-сы), заведовавшие выпуском 3-х фаянсовых медных сосудов (ци) для поддержки ценности денег, выходящих из этой же столицы по 10 связок. Указом императора было постановлено, что тот, кто украдет вещами, оставшимися от выплавки, на 5 связок, подвергается закону чу-сы (смертной казни). Теперь же было постановлено: закон чу-сы применять тогда, когда воровство таковыми вещами будет свыше 20 связок, и самые сосуды выпускали весом в 5 фунтов.

Закон о клеймении плеч и затылка

Мы выше видели, что Шэнь-цзун постановил клеймение лица преступнику, заменив этим батоги и каторгу, может быть, руководствуясь тою мыслью, что это сильнее будет действовать на исправление преступного субъекта. Син Цзун поступает также, но затем по совету чиновников делает некоторое изменение: он избегает клеймения лица у виновных и допускает только знаки на плечах и на затылке, не желая, как говорит сам указ, наносить вечное бесчестие лицам более или менее заслуженным (потомкам заслуженных домов) и в тоже время, как и Шэнь-цзун, ограничивает права господ над рабами.

«По докладу чиновников во 2-м году царствования (г. пр. Чжунь-си, 1033): в прошлый год изданным указом виновные в возмущении и сладострастии (нарушении закона), принадлежащие к наслед. домам, подвергаются арестантским работам на всю жизнь, наказанию ударами молота по голове и клеймению лица, и за 1 вину не следовало бы наказывать 3-м наказанием. Следует, по крайней мере, избегать клеймения лица». В силу такого совета вышел императорский указ, в котором говорилось: «Если провинившийся сознает свой проступок и раскаялся, то такого человека не только прощать, но и предоставлять ему те же права и употреблять на службу. Клеймо на лице человека делает ему бесчестие на всю жизнь, и Я очень сострадателен, поэтому отменяю клей-

* Императрица Жень-де – жена Шэнь-цзуна, воспитательница Син-Цзуна, когда На-му-цинь (соб. имя императрицы Цинь-Ай) не имела еще титула императрицы (хуан-хоу). Она – дочь младшего брата императрицы Жуй-чжи У-янь'я.

** По «Биографии императриц» Жень-де не была умерщвлена, хотя и был подослан убийца, но он возвратился, не совершив приказанного.

мение лица, но если будет содеяно преступление, и виновный в силу этого будет приговорен к каторге на всю жизнь, то такому резать только затылок (ставить клеймо на затылке)». Ежели раб или рабыня возмутится и убежит от своего господина, и ежели при этом украдет вещи у него, то сему последнему все-таки не позволяется клеймить лицо, а ставить только знаки на плечах или затылке.

Кроме того, было постановлено: за первое тайное воровство клеймить правое плечо, за 2-ое – левое; за 3-е – ставить клеймо на правой стороне затылка, за 4-е – на левой. Если же преступник совершил в 5-й раз воровство, то наказывать смертью (чу-сы).

Постановление о статьях закона

Вот что было сделано в этом отношении. В 5-й год Чжун Си (1036) вновь издали статьи закона (чжи-тяо), и по изданному указу императора чиновники должны были каждое утро (каждый день) препровождать и обнародовать их по всем дао (провинциям) с приложением привесок (цзуань). От времен Тай-Цзу и до сих пор при издании статей приказывали советоваться с древними узаконениями. Всех уголовных наказаний было, как известно, 6 (т. е. главных): смерть, ссылка, палочные удары (батоги) и 3-х степеней арестантские работы (каторга). Всего же в кодексе статей было 547.

Уменьшение строгости в применении наказаний смертью

Стараясь также, как и Шень Цзун, применять строгие постановления закона как можно мягче и снисходительнее, Синь Цзун указом постановил: «Если старшие и младшие братья учинят воровство, то должно подвергать смерти, но только прежде старших, а затем, когда будет совершено вторичное преступление, то тогда и младших. Если же у них не будет сыновей, то младшие братья освобождаются от казни. Чтоже касается смешанных нарушений закона (преступлений вань-фа), как-то: принятие подкупа, бесстыдные слова, приказание идти передать ложные императорские указы, воровство дани внешних государств (вассалов – вай-го?!) – такие преступления не наказывать смертью».

За обман и обмен чиновнических печатей на лошадей также следовали прощения. Так, когда кочевники (ю-му) стали тайком променивать на чиновнические печати лошадей, за что как чиновник, так и обменивший должен был подвергаться смерти, император сказал: «Не жестоко ли за 1 лошадь убивать 2-х людей?»

Перемена в характере императрицы Цинь-Ай и участие ее в применении уголовных наказаний

Как я уже выше заметил, императрица Цинь-Ай впоследствии несколько изменилась под влиянием окружающего и стала высказываться уже с совершенно другой стороны, со стороны уменьшения уголовных наказаний, особенно по делам обвинения в заговоре против существующего порядка, за что наказывалось строго. Так было в 2-х обстоятельствах. В первый раз, когда раб Цзюнь-Вана Тебу'а Мо-ло-цзи обвинял своего господина в том, что тот недоволен двором и имеет замысел, желая перемен, и когда, по бездоказательности раба, он должен был подвергнуться наказанию за клевету, то императрица Цинь-Ай подала свой голос против наказания и просила не уничтожать доверия к его господину, едва не подвергшемуся закону конфискации (цзи-мо).

В другой раз, когда цзедуши (этот чин мы встречаем и в Китае при Танской династии) войска Нинь-юань («успокоение отдаленного») Сяо Бо отнял у Уэргу-Делесского сянь-гуня Далу* жену и сделал ее своей наложницей, за что должен был подвергнуться наказанию батогами, императрица Цинь Ай и тут выказала свою деятельность, дав совет избавить его от наказания, а только лишить власти. За убийство человека, особенно в пьяном виде, иногда (по случаю праздника) делалось прощение. Так, когда мей-лень (мейрень) Гу-ден совершил таковое убийство в пьяном виде и бежал, по случаю праздника хуй-юнь-шоу (долгоденствия) вышел манифест, коим он избавлялся от наказания.

За шпионство также следовало прощение после предварительного допроса. Так, в день именин (день рождения) младшей сестры императора Циньго (та чум) Царевны у императора было торжество. Один музыкант из свиты (труппы актеров) императора Чжен-до-бень был подослан Сунцами шпионом. Вельможа (да-чень) узнал об этом и сделал ему допрос с пыткой, но затем простил.

Однако ж, под конец законодательной деятельности Синь Цзуна мы видим, что дух Шень Цзуновских времен несколько стушевался, и именно потому, что издан ряд законов, весьма строго наказывающих за безделицу,

* Было два Далу: один принадлежал к родовой нити Юань-Цзу, отца Си-ли-цзи (Де-цзу), к дому Чжунь-фу; род другого не известен. О Сяо Бо нет известий. У-Ван Тебу – сын Лун-Ю, племянник Шень Цзуна. Цзюни (сами войска) управлялись цзедуши. Всех таких войск было у Киданей около 10: ляо-синь, пинь-юань, чжень-у и пр. Уэргу и Деле – наз. соб. двух аймаков, впоследствии соединенных в один и управлявшихся 1 цзедуши. Чин же сянь-гунь был ниже цзедуши – полковник?

а именно: за стрельбу на запрещенных местах, назначенных для охоты императора. Здесь мы не можем не видеть того субъективизма в законе, которого я коснулся в общем взгляде, того, так сказать, эгоистического мотива в издании закона, который мы нередко встречаем в Восточных законодательствах и который по-настоящему должен бы был избегаться как не находящий себе источника в народных нуждах, в интересах государства. Относительно этого вышел такой указ: «Все чжан-лань-цзюнь'и (т. е. дворцовые казначеи) и пр. за стрельбу оленей на запрещенных указом местах подвергаются 300 палочных ударов и не смеют просить наград; младшие цзянь-цзюнь'и за тоже преступление подвергаются 200* палочных ударов и понижаются в чинах, чтоже касается народа, то он за возмущение подвергается 300 ударов».

Кроме того, правительство Синь-цзуна строго разграничивало казенные и частные интересы, и поэтому частных лиц, взявших тайно чиновнич. (казенные) вещи, подвергало ответственности наравне с обыкновенными ворами. В указе, изданном по этому поводу ко всем должностным (знаменным) чиновникам, говорится: «Тот из частных людей, кто возьмет чинов. принадлежности (у, вещи, печати, значки и проч.), должен считаться настоящим вором».

Этим закончилась 25-летняя законодательная деятельность Синь-цзуна, и надо отдать справедливость, что если она не чужда была некоторых недостатков, то в общем повторяет собой светлый век прошлого царствования.

Законодательная деятельность Дао Цзуна (с 1056–1101=45 л.)

Теперь мы приступим к обзору законодательной деятельности Дао-Цзуна.

В деятельности этого государя, как я уже говорил выше, мы замечаем поворот, имеющий своим основанием печальное положение дел внутри государства, несмотря на два предшествовавших блестящих царствования. Об этом состоянии разлагающегося общества мы можем, прежде всего, заключить по тем постановлениям императора, которые были направлены против существующих анормальных уклонений как народа, так и чиновников. Эти грозные постановления имели своей цельной точкой: уничтожить самовластие и пристрастие чиновников и присутственных мест в постановлении судебных приговоров; устранить бесполезные тормозы и «московское волокитство» в решении дел посредством установления чиновников для немедленного решения на месте без представления двору, как это было прежде; ввести добросовестность и истинность в допросе поручением этого более преданным и честным лицам; парализование хитрости и коварства, при этом (т. е. допросе) уничтожение взяточничества (Указ г. пр. Шоу-Чан, 1092, 5 луне); единство закона для 2-х первенствующих народностей – Киданьской и Китайской, окончательное организование самого кодекса путем радикального изменения некоторых статей, основывающегося на началах древних установлений. Вся эта область деятельности поистине составляет светлую страницу в истории династии и отводит самому законодателю почетное место наряду с самым просвещенным и лучшим законодателем династии – Шень Цзуном. Впрочем, сам Дао Цзун не отличался твердостью и стойкостью характера, чему лучшим доказательством служит темная интрига сильного министра его И-сунь'я (по другому И-синь'я), в которой погибли как жена императора СЮАНЬ-И, так и сын его – ЖУЙ (И-ле-хань). Как говорит история: «Хоть император знал о кознях своего любимого министра, но не мог противостоять ему», конечно, по слабости характера.

Кроме того, не могу пройти молчанием очень любопытного явления, встретившегося на страницах о зак. деятельности этого царствования, а именно, определения самим указом цели установления закона, ясно выказывающего восточный субъективизм. В этом указе говорится: «Закон постановлен для того, чтобы узнавать народную преданность престолу...» По нашему европейскому взгляду, конечно, мотив установления закона совершенно различен от высказанного указом Киданьского императора. Европейские юристы признают, что закон устанавливается не для того, чтобы массы проявляли преданность престолу, власти, его устанавливающей, а с тем, чтобы сдерживать народные страсти, пресекать пороки, вредные в деле государственного развития и общественной безопасности... Ясно, что Китайско-Киданьская юриспруденция смотрит на это со своей точки зрения – и да не поставим ей сие в порок и поношение, ибо Азия – не Европа, там народ живет под другими условиями, при другой обстановке, и требовать от него Европейских взглядов – слишком педантично и бессмысленно...

Вот что постановило правительство относительно ведения дел в присутственных местах. Указом 1-го года Цин-Нинь (1056) ко всем сунь-ду-бу-шу (прис. местам улусов, дворцов и столиц?) было постановлено: «Если встретятся неясности и темнота в деле, то должно докладывать лично государю; остальным же делам, не име-

---

* Замечательно, что младшие чиновники подвергались, сравнительно со старшими, меньшим наказаниям. У нас в Европе везде, кажется, видно обратное явление.

ющим неясности, давать должный ход. Устранив ложь и клевету в деле, по исправлении и прочтении выставлять на площадях (для всеобщего сведения?)*.

Стремились к единству в приговорах согласно с приказами и установлениями для всех родов (бу-цзу). Вот что называлось в изданном по этому поводу указе во 2-м году Цинь-Нин 10-й луне (1057): «Цзюнь-чжанли (окружные старшины и правители), а также все бу (улусные правления) и все подведомственные им чиновники в решениях дел, касающихся заключения и смерти, должны следовать приказам, установленным для всех родов (бу-цзу)».

Ввиду прекращения проволочек и медленности в делах, особенно касающихся воровства, было определено разбирать дела на самом месте совершения преступления, в ближайшем прис. месте, без отношения ко двору. По «Бень-цзи» (цз. 21) мы читаем: «Во 2-й год в 6-й луне воровство появилось во многих местах: слышно, что все дороги (лу) страдают от них». Под влиянием таких обстоятельств правительство издало постановление: «В прежнее время все провинции (лу и дао, дороги) в уголовных решениях касательно смерти дожидались решений от двора, почему являлось препятствие (медленность) относительно разбора дел. Ныне же каждое дерзкое воровство по истинном дознании и расследовании должно наказываться тотчас, без представления двору». Под тем же годом по «Бень цзи»** мы узнаем, что тюрьмы (тяжбы, дела по тяжбам?) в Южной столице очистились (опустели), почему и последовали награды коменданту (мо-шоу) и низшим чиновникам.

Назначение особенных чиновников для ведения допроса, ревизии и запрещение допускать пристрастие в приговорах

Боясь, что чиновники присутств. мест провинций не могут исследовать в подробности все мотивы преступления, что при допросах может вкрасться недобросовестность, указ в 4-й год того же правления (Цинь-Нин, 1060) постановил, относясь к левому и-ли-си-би (эльчи, канцлер, не дели-бань-ли?): «По прежним указам видно, что великие имели право приговаривать к смерти, и что были чиновники, заведывавшие решением дел, но мы боимся, что они не могут исследовать в подробности весь состав преступления, почему от сего дня постановляем: оставить дорогам право допроса и пыток, но поручить заведывание допросом (т. е. решением) приближенным чиновникам, которым строго наказать, чтобы действовали без пристрастия, когда постановляет решение. Если же будет пристрастие в допросе, то принимать меры для доклада императору».

Казенное содержание преступников, не имеющих средств

Указом в 1-й год Сянь-юнь (1065) было определено: «Заключенных в тюрьме, но не имеющих домашнего имущества (бедняков) пропитывать казенным провиантом». Из этого мы можем видеть, как экономично было Киданьское правительство, не беря на себя расходы по содержанию преступников, имеющих средства, определяя таковые (т. е. расходы) только для неимущих. У нас...

Изменения в статьях кодекса и организование его на началах принципа единства госуд. законов для Китайцев и Киданей

В 6-й год Сянь-Юнь (1071) императорским указом констатировалось: «Так как нравы Киданей и Китайцев неодинаковы, а государственные законы нельзя различать (для каждой нации), то и повелеваем те-ли-гунь'ю (телигунь (голова)) СУ и чу-ми-ши И-СУНЬ'Ю установленные статьи все соединить в кодекс, а относительно последующих приказаний должно принимать меры к их записи в общий свод. Чтоже не войдет в кодекс (не будет приобщено к нему), должно приниматься к сведению и, в тоже время, покуда существует отдельно для применения к управлению». Кроме сего, древние постановления г. пр. Чунь-Си (Синь Цзуна) были преобразованы. Прежде за воровство в 25 связок назначалось наказание чу-сы, теперь же была прибавлена 1 статья: «Если воровство будет простираться до 50 связок, то только за это подвергать наказанию чу-сы». Кроме того, сделали сокращение 2-х статей относительно того же закона о воровстве и, таким образом, составили 545 (прежде 547 по Тай-цзу'скому кодексу). К 173 статьям уголовного кодекса (люй) прибавили 171, что и составило всего 789 статей (545+173+71). После, прибавляя последовательно, достигли 1 000 с лишком статей, которые и были распределены на отделы и рубрики (лей-ле). Но этим еще не довольствовались, и в г. прав. Тай Кань (1075–1083) было постановлено, чтобы снова сделать прибавление в уголовный кодекс в порядке статей, и т. образом сделали прибавку 36 статей. По причине новых завязывавшихся дел выходили отдельные поста-

---

* Действительно, замечательная черта в ведении дел, ставящая Вост. законодательство несколько выше Европейского с его «канцелярскою тайной».

** Этот факт не записан в обзоре законодательства (синь фа).

новления (указы императора), и в 3-й год Да-Ань (1086) постановили прибавить еще 37 статей (т. е. ввести в общий кодекс), а связанные таким образом статьи, распределенные по отделам и категориям, составили кодекс (Уложение дянь).

Недовольство правительства составленным уложением и изданием новых законов по причине его обилия и непонимания народом сферы уклонения от закона, вследствие чего последовал указ о введении древних узаконений, более простых и несложных для объяснения народу (с 1-х годов пр. Тай-Кан, с 1075)

Но составленным таким образом сводом законов правительство Дао Цзуна не довольствовалось, ибо, как говорит сам указ, нельзя научить народ всему, что содержит изданное уложение, потому что народ глуп и не понимает уклонений от норм закона, его сложных установлений и действует под влиянием страстей; притом чиновники, на которых возлагается обязанность объяснения его народу (судьи – применители закона), не отличаются добросовестностью и часто противозаконным толкованием действуют во вред закону. Вследствие таких печальных обстоятельств и ввиду того, что многие статьи закона не отвечают своему назначению, оказывая даже отрицательный результат совращением (?) народа, было постановлено: со времени издания сего указа (с 1-го года Тай-Кань, с 1075) следовать древним узаконениям (цзю-фа), все же прочие, по тщательном рассмотрении и выборке некоторого элемента, соответствующего высказанным нуждам, отбросить... В силу такого поворота, с 1-х годов прав. Тай-Кань стали употреблять старый кодекс закона, вызванный, как я уже говорил, печальным положением дел в государстве и желанием правительства возвратить самое общество к той эпохе, когда ярко горело солнце сильного, молодого государства, управлявшегося крепкими вожжами военной дисциплины времен Тай-цзу, ибо, как мы выше видели, основой теперешнего законодательства было единство (тогда как прежде было разделение, разграничение закона для Китайцев и Киданей) как для Китайцев, так и для Киданей, в виду той запоздалой мысли, чтобы слить Китайский элемент с национальным и, таким образом, парализировать его мощное, усыпляющее влияние на дух первенствующей нации...

Для пояснения сейчас высказанной мысли я сделаю маленькое отступление. Мне могут возразить, что Дао Цзун вовсе не имел мысли возвращать общество к прежнему порядку вещей, тем более, устранять от него влияние Китайского элемента, его усыпляющего значения, потому что на страницах истории (Бень-цзи, ц. 21, 22, 23, 24, 25 и 26) этого императора находятся некоторые факты, которые подтверждают возражение, а именно, что он основал университет на Китайских началах, заботился о раздаче книг ши-цзи Сыма Цяня и вообще Китайских (хань-шу), делал сам толкование на классические книги и т. д. Это не противоречит нисколько проводимой мной мысли, потому что тут другая сфера, сфера науки, которая при извечном направлении не усыпляет деятельность гражданина, а, напротив, порождает ее еще в больших размерах, давая пищу его уму. Да, наконец, чтоже мог иначе сделать этот император, страстно не любивший просвещение, за неимением своей собственной, национальной литературы? К кому он мог обратиться, как не к Китаю, у которого были такие обильные умственные сокровища, которые, при известном пользовании, могут и не оказать тех последствий, какие мы видим в Китайском народе? Да притом, надо еще доказать, что именно литература Китая привела его к застою? Нельзя ли объяснять этот застой гораздо проще и ближе к действительности: отсутствием в народе нужд в других нациях, высоким мнением о себе и, т. образом, нежеланием воспринимать чуждые элементы, обилием отечественных произведений, качествами жаркого климата и пр., а не влиянием литературы, науки, потому что мы видим, что с появлением новых, здоровых философских идей в Китае, особенно в цар. династии Сун (с 960–1179), появлялись и такие замечательные социальные деятели, как Ван-ань-ши, Фуби, Хань-ци, Чжуси и др., из которых 1-й даже заявил, что борется против застоя общества и, след., может ли апатичная литература создать такого деятеля–мыслителя? Кроме того, подтверждение своей мысли я вижу и в том обстоятельстве, что Дао Цзун старался собирать народные песни (ц. 21), подобно Вень Вану и Чжоу Гуну династии Чжоу, собиравших их не только для того, чтобы составлять понятие об управлении провинциями, о нуждах народа, но и для проведения народного элемента в литературе, что могло поддерживать народный, национальный дух. Тот же поворот к прежней обстановке видим мы и в других его постановлениях: в употреблении старой монеты, в издании закона относительно платья со старым покроем* (ц. 22, 23, 24, 25, 26), т. обр., не могу не видеть также подтверждение своей мысли и ее истинности и в деяниях последующего Цзиньского государя Ши-цзуна, также

* В постройке монумента Тай-Цзуну в Пекине, составлении истории Тай-Цзу и др. государей династии, выдаче Лянь-ер Вану Янь-си шлема и лат Тай-Цзу и Тай-Цзуна, принятии от Дао-Та-линцев (жив. у хребта Дао-та) старого треножника с надписью «вань-суй-юн» (долгоденствие), в запрещении националам родниться с пограничными жителями (Да-Ань 10й год), в обучении бо-жень'ями и ну-жень'ями (знатоками) Китайских войск в С.-Западной дороге (1-й год Шоу-Лунь), большем развитии шаманского культа при дворце государя (призыв шаманов с гор И-у-люй в Маньчжурии) и пр.

стремившегося выпутаться из оков всеохватывающего Китайского гения. Между ними есть аналогия, разница только в том, что один начал дело поворота за 50 лет (Дао Цзун), а другой за 70 (Ши-цзун) до падения династии. Отсутствие завоевательных стремлений в это царствование (т. е. при Дао Цзуне) также говорит в пользу моей мысли. Итак, кажется, этих фактов достаточно, чтобы убедиться, что первые представители Маньчжурской расы, исторические деятели у стен Китая, сознавали развитие начал, на которых основывали свой быт 2 национальности, и стремились отделить себе, устраняя, таким образом, тот диссонанс, который всегда ведет к печальным результатам.

Перейдем же теперь к рассмотрению приложения старых законов, прежде всего имевшего место в серальных интригах императорского двора. Вот одна из них, по которой мы можем заключить, что за неверность императору императрицы подвергались пыткам и затем смерти. Не лишним считаю рассказать самое дело, представляющее очень глубокий интерес, как по бессмысленности* и дерзости интриги, которую вел всесильный тогда министр И-синь, так и по слабости характера самого законодателя, делавшего утверждение приговоров с завязанными глазами и на помочах «правой руки». Как-то служанка Дань-даньского дома в сообществе с другими по наущению И-Синя, тогда бывшего чу-ми-ши Северного департамента, открыла обвинение против императрицы (хуан-хоу, жены Дао-Цзуна) СЮАНЬ-И. И-синь тотчас схватился за это дело и, по вытребовании (!) от императора указа, начал допрос и розыск, чтобы придать самому делу должный официальный характер, разъяснив все мотивы обвинения. По снятии справок и составлении обвинительного листа императрица была приговорена к смерти («награждена смертью»); род же ее был подвергнут пыткам. Труп самой императрицы был отправлен к тому же роду (цзя, дом, семейство). Мимоходом замечу, что это уже был 2-й приступ со стороны И-синя: первый ему не удался, т. к. императрица б. оправдана, и только какой-то род музыкантов (линжень) бежал (видимо, спасаясь от козней всесильного министра).

Расскажу теперь, как И-синь (И-сунь) повел интригу против оставшегося сына убитой императрицы Жуй'я (Юй'я, соб. имя которого б. И-ла-хань), как сильно боялось тогдашнее правительство бунтов и замыслов о ниспровержении существующего порядка, издав закон о награждении за открытие бунтов и о наказании – за умолчание об них...

Ссылка и плети – по 1-му обвинению в заговоре и возмущении. Смертная казнь за намерение возмутиться – по вторичному обвинению. Из этого дела мы видим, что по вторичному обвинению за намерение ниспровергнуть существующий порядок полагалась смертная казнь с допросом под пытками. Дело было вот как. В 3-й год Тай-Кань (1078) И-синь совещался со своими товарищами завести какое-нибудь дело о Хуань-тай-цзы (наследный принц Жуй) и таким путем погубить его, посему тайно было приказано (со стороны И-синь'я) ху-вей-тай бао (воспитателю наследника – адьютанту) Ча-ла** открыть обвинение, что, будто, чу-ми-юань-ши Сяо СУСЕ и пр. 8 человек затеяли возвести на престол сказанного хуань-тай-цзы. Когда Чала сделал по сказанному, то императорским указом было определено Су-се и Тобу-цзя выслать, а ху-вей'ю Саба и прочим 6 человекам (всего, значит, 9?) каждому дать по 100 плетей и сослать на границу***. Сначала этим дело и кончилось, и И-синю не удалось сразу достигнуть своей цели, но, как увидим ниже, он не унывал. Может быть, под влиянием такого обвинения в замыслах против верховной власти Дао Цзун издал указ, которым определял следующее: «Тот, кто объявит о заговоре, будет награжден чиновническими титулами (повышен); если же не объявит, то подлежит допросу и смерти».

Как не воспользоваться было таким указом И-синь'ю и его клевретам?**** И вот они снова поднимают дело о заговоре касательно возведения на престол хуан-тай-цзы. Теперь уже им окончательно посчастливилось, и цель была достигнута... Дело началось таким путем: И-сунь не обвиняет сам, нет, он для этого подставляет других, чтобы может быть, этим доставить награды (силу указа) своим сообщникам и т. обр. привязать их к себе, а, с другой стороны, может быть, потому что в случае неудачи лучше отвертеться от наказания от того лица, против которого он интриговал, и который был бы императором – in spe (в будущем). Теперь он подучает обвинять тех же лиц и в том же преступлении другое лицо: Сяо Е-ту-хунь'я, хранителя печатей (казначея, тай-

---

* Бессмысленно, потому что мы видим: И-синь ничего не достиг своими интригами (другая с Жуем и его сообщниками) и был даже под конец лишен власти. Спрашивается, чего он добивался? Большей власти, престола?! В. вероятно, это была личная, грязная вражда к семейству императора – а это уже показывает, что тогдашнее образованное («власть имущее») общество б. в разложении... Дерзко, потому что обе интриги б. направлены против лиц императорского дома, притом совершенно безвинных.

** Ча-ла принадлежал к родовой нити дома Ли-фу и имел сыном Чжу-ну – ц. 66 Ляоши.

*** Каждому дали по 100 плетей, об этом нет в обзоре уголовного кодекса, заимствовано мной из биографии самих лиц: Жуй'я (цз. 72) Ляоши «Цзинь-ши».

**** О принадлежности Су-се, Саба и др. ничего нет в генеалогической таблице.

инь-лань-цзюнь), кажется, потому что чин этот б. самый высокий, а Е-ту-хунь был свояком императору*, след., его обвинение могло быть веским. Составлен был даже реестр всех обвиняемых. Император поверил этому обвинению и назначил И-сунь'я заведывать «розыском». По розыску и докладу И-сунь'я было определено: наказать батогами до смерти. Наследный принц был арестован и заключен в отдельном доме дворца, где должен был совершиться тот же допрос и над ним. Таким образом, по этому делу погибли: Сала, Тобуцзя и пр. 35 человек (теперь, значит, привлечено было к делу еще больше лиц). Все имущество их, а также невольники (рабы), сыновья, все семейство, подверглось закону конфискации (цзи-мо) для награды чиновникам. Теперь должно было совершиться самое следствие над тем лицом, который составлял цельную точку всей интриги И-сунь'я. Для ведения этого следствия был назначен некто Я-ке, тоже один из сообщников И-сунь'я. Когда** были привлечены все орудия пытки, наследный принц сказал: «Я назначен наследником престола и помогаю императору в делах, для чего же меня запутывают в эти дрязги между вельможами?» Я-ке***, как сообщник И-сунь'я и действовавший заодно с ним, конечно, не передал этих слов, а сказал, что наследный принц повинился (сознался) под пытками, т. е. признал себя виновным. Император страшно рассердился на это и сослал принца в Шань-Цзинь (Верх. столицу). Здесь он был заключен в крепких и глухих стенах. И-сунь'ю было мало такого похода, удаления принца, ему нужна была его смерть. Он тайком посылает убийц, которые и исполнили буквально его наказание. Тогдашний Шань Цзиньский лю-шоу (комендант) Сяо Таде донес императору, что наследный принц умер от болезни. Это сильно подействовало на слабого императора: он не вмешивался долго в государственное управление, уподобился неспящему во дворце, верх и низ, говорит история, перестали получать законы.

Из следующей эпохи Тяньцзо мы увидим, что введение старых законов Цзу и Цзунов не принесло благих результатов, что самое приложение их нашло себе место среди серальных интриг, которыми так полны последние два царствования (в цар. Син Цзуна мы также встречаем их), да и тут, кажется, они не имели того значения, на которое надеялся вводивший их Дао Цзун. Важно только одно – что было сознание создать лучший порядок вещей и, задавшись такой мыслью, Дао Цзун, при всех своих недостатках, бесспорно, может стать в ряду лучших государей династии. Это уже не то, что Му Цзун или Тяньцзо (к которому мы сейчас перейдем), для которых государственные интересы сливались в собственные (L'etat c'ert moi), в удовлетворение своих бешеных страстей, нет, в нем, кроме широты и просвещенности взгляда на законодательство, мы замечаем и много других высоких качеств: заботливость, добродушие****, гуманность, что, как известно, составляет отл. черты каждого истинного законодателя.

Я нарочно остановился несколько долее на законодательстве и вообще деятельности Дао-Цзуна, объяснении источника серальных интриг при нем и пр., потому что надеюсь, за неимением времени, поговорить об этом в историч. очерке, месте, впрочем, более пригодном, чем здесь.

Законодательная деятельность Тяньцзо (с 1101–1125=24 года)

Теперь я перейду к рассмотрению законодательной деятельности последнего императора династии Ляо. По падении ея власть перешла к Северной Ляо (Бей-Ляо, Чунь), а затем Западной (Си-Ляо, Елюй Даши), но о законодаельной сфере этих последних до нас ничего не дошло, в. вероятно, потому что они не создали ничего нового, оригинального в этой сфере, а довольствовались уцелевшими кодексами той династии, которую они сменили, и на предсмертных моментах которой я и останавливаю внимание читателя.

Последний представитель этой династии, император Тяньцзо (1101–1125) родился в 10-й луне 1-го года Тай-ань (императора Дао Цзуна), т. е. по нашему летоисчислению – в 1075 г., от Шунь Цзуна (Жуя), убитого интригой И-сунь'я, и, по смерти императора Дао Цзуна (1101), вступил на престол (26-ти лет от роду). Познакомимся поближе с его внутренним состоянием, посмотрим: как сложился его характер, что он вынес из окружавшей его среды, какое имел образование.

Смертью Жуй'я, как я уже говорил выше, император Дао Цзун был сильно опечален и, по красивому выражению истории, уподобившись неспящему во дворце, весь отдавшись своему горю о потере единственного

* Етухунь был младшим братом Тобуцзя, женатого на Чжао го Гуньчжу Чжа-ли, дочери императора Дао Цзуна. Этот Тобуцзя, как увидим ниже, был замешан в деле хуан-тай-цзы; «Гуньчжу-бяо» ц. 65 Ляоши. По смерти Тобуцзя Етухунь женился на Чжао-го Гунь Чжу и б. произведен в импер. зятья (фу-ма-ду-вей).

** Когда... и т. д. все заимствовано из другого места, биографии Жуй'я; ц. 72 Ляоши «Цзинь-ши».

*** Я-ке принадлежал к дому Ли-фу (Елюев) и был род. в 5 колене двоюродному брату Тай-Цзу То-инь'ю.

**** Вот до чего доходило этожелание блага народу и уменьшения преступлений: в г. пр. Цинь-Нинь (10-й год 1064) в 11 луне был издан указ, коим приказывали (или постановили): молить небо о внутреннем украшении и о прекращении списка преступлений. Чиновники должны составить опись всех преступлений!!

сына*, долго не вмешивался в государственное управление. Понятно, что, лишившись своего любимого сына, против которого он, однако ж, был так недружелюбно настроен, Дао Цзун должен был, по общечеловеческому закону реакции, перейти к противоположному чувству, к чувству любви, симпатии к семейству погибшего сына. Но эта любовь, желание обласкать оставшееся семейство могло вполне раскрыться только после падения всесильного министра, ибо мы видим, что когда император, тотчас после смерти Жуй'я, пожелал обласкать его жену, то И-сунь не только не советует делать это, но даже посылает убийц, которые, однако ж, не исполнили его поручения и возвратились обратно.

Влияние на образование характера

В этот сезон печальных событий при дворе, во время смерти Жуй'я, Яньси было только 3 года. В самое горячее время восприятия мозга, в период младенчества, мимо него прошло много кровавых драм: смерть отца, гонение и притеснение от И-сунь'я, чуждая обстановка и воспитание у каких-то незначительных родственников вместе с сестрой Янь-шоу**. Все это не могло не влиять пагубно на молодую восприимчивую натуру будущего императора. Впоследствии, по падении И-сунь'я, когда он стал воспитываться при дворе, над ним разыгралась интрига какой-то Яньго-фу-жень (госпожи Яньго, т. е. с титулом Яньго), матери Хуй-фей'и, жены Дао Цзуна, наконец, общая мрачная обстановка: частые бунты (Могусы 1094, Босомо, Далада, Деле, Чжуньбу, Мо-р-цзи, Этекер, Чачали и пр.), грозное настроение северных границ (доклад Но-янь'я в 4-й год Шоу-лунь), болезненное настроение самого императора – все это в совокупности не могло не создать в нем того Тяньцзо, который так ярко отметил себя в истории и в своей законодаельной деятельности.

Образование и соуправление при Дао Цзуне

Правда, среди всех непогод, обрушившихся на него и пагубно влиявших на его характер, с падением И-сунь'я, он был не забыт императором. С падением министра мог только вполне развернуться весь натуральный характер чадолюбивого Дао Цзуна. Он переносит всю свою любовь на будущего императора, назначая для него особенных воспитателей и введя его в сферу государственного управления. Первым воспитателем его б. назначен Хуа-ке (о нравств. качествах которого я, однако ж, ничего не могу сказать), а затем ГО. Это было на 8-м году жизни Яньси (1083), а через 2 года (1085) он уже допущен к соуправлению. Государь заботился о его образовании: заставлял его делать переводы из Тан-шу (перевод: «Песнь о 5 сыновьях»). Затем назначает его чжи-чжун-чень-сы-ши (прав. пр. места чжи-чжун-чень-сы) (1087), а в 1090 г. (7-й год Да-Ань) он уже назначен главнокомандующим и чумиши С. и Ю. департаментов. В 6-й год Шоу-лунь (1098) он получил титул: чжу-да-цзян-цзюнь («верховный вождь»).

Но несмотря на все внимание и заботливость Дао Цзуна, первые молодые впечатления дворцовых интриг глубоко въелись в восприимчивую натуру наследного принца, породив в нем нероновский характер, не оставлявший его до самой смерти: подозрительность, страстность, безумство в пирах, беспечность и, в тоже время, китайскую трусость (его бегство) и нерешительность, слабость*** воли (его унижение при дворе Цзиньцев). Конечно, от такого лица, читатель, мы не можем встретить чего-нибудь, что носило бы на себе печать разумности или целесообразности, гуманной заботливости о благе подданных. Тут мы видим, как и при Му Цзуне, только личное удовлетворение страсти (казнь умершего И-сунь'я и его сотоварищей), бешеные порывы развращенной натуры и больше ничего. Этот государь уже не задавался никакою высокою мыслью, как его предшественник, о поддержке и благе народа, нет, для него на 1-м плане стояло свое, личное Я, apres nous le deluge. Притом, сама эпоха, тогда наставшая, грозное настроение Севера, куда еще при Дао Цзуне б. обращено внимание, бедность народа, общая деморализация войск и чиновников – все это не могло не иметь влияния на направление законодательной деятельности императора, его строгих репрессивных мер, которые, однако ж, несмотря на свою строгость, более всего исходящую для личных целей императора, не могли предотвратить той кровавой драмы, которая окончилась падением политического существования династии.

NB. Может быть, некстати, но я выскажу здесь свой взгляд на главную причину падения династии Ляо. Мне кажется, что главная причина падения династии (а не народа) заключается в том, что между правительством

* Дао Цзун имел от Жень-и-Хуан-лоу 1 сына и 3-х дочерей: Суке-цзи, Чжали и Толи.

** Жуй имел 1 сына и 1 дочь: Яньшоу.

*** Замечательно, что следовавший за ним Цзиньский государь также последних моментов своей династии (1232) напр. Ай-Цзун, сжигающий себя в Цан-чжоу, осажденном Тациром, диаметрально противоположен трусливому и слабому Киданьскому императору. Кажется, один народ, живший при одинаковых почти условиях, только различавшихся численностью лет существования (Кидане – с 916–1124=208 лет, Цзиньцы – с 1115–1232=117 лет), а во многом расходятся друг от друга, что также дает нам знать, что влияние Китая, чем б. дольше, тем губительнее на национальный дух.

и народом не было внутренней связи, взаимной поддержки, той солидарности, которая так резко высказывается в Европейских государствах (указываю на современное событие: войну Пруссии и Франции, где в одной из сторон, Прусской, так сильно проявилась эта поддержка* и без которой немыслима и сама правящая сила). Этой разрозненности между правительством и народом мы не встречаем при избирательном образе правления в Киданьской истории, а если и встречаем, то не так резко, как при монархическом, когда народ был лишен непосредственного участия в государственном управлении, а правящий монархизм парализировал народные силы, их дальнейшее развитие, стал особняком от народа и, таким образом, порвал ту внутреннюю связь, которая была еще между ними при возвышении династии. Я отлагаю подтверждение своей мысли фактами, потому что это отняло бы у меня много времени...** Итак, мне кажется, это одна из главных причин падения династии Ляо, да и вообще всех династий на Востоке. В Китае мы видим тоже самое, хотя на первый взгляд и кажется, что Китайцы с своей слепой приверженностью к Хуан-ди, не подходят под эту категорию. Но нет, здесь мы встречаем тоже самое, что ясно доказывают 24 династии в Китае, особенно те эпохи в его истории, которые отмечены кровью междуусобиц (конец Чжоуской, Чжань го, конец Танской, У-да-ши). Для Китайца не важно самое происхождение правящего Хуан-ди (Маньчжуры на троне): ему нужно только, чтобы этот Хуан-ди свято соблюдал предписания древних святых мужей, чтоб он не посягал изменять порядок, завещанный древностью, и делать нововведения... Значит, он привязан к древним, издавна установившимся формам жизни и, значит, с этим только он и солидарен, к этому только и привержен: представители власти имеют для него значение настолько, насколько они являются охранителями заветов древности. Правда, идея о почитании монарха есть также завет древности, есть, так сказать, точка завершения политического миросозерцания Великого Кун-цзы, но только как абстракт, общая тенденция она и доступна Китайскому уму, мало обращающему внимание на многие качества каждого императора, его происхождение. Государь же смотрит на подданных, как на объект своего верховного права. Понятно, что при таком порядке вещей правительству нельзя слишком много рассчитывать на массу, для которой все равно, кто бы ни правил, лишь бы не было посягательства на священные для него формы отцов и дедов. При таких условиях, особенно, если правительство пожелает изменений существующего порядка, едва ли можно встретить сильную поддержку со стороны массы.

ТЕТРАДЬ IV
ПРОДОЛЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО ОБЗОРА: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕЛИГИЯ, РОЛЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИНАСТИИ

Обзор законодательной деятельности Тяньцзо (с 1101–1125=24 года)

Уничтожение постановлений 3-го года Тай Кань

Первым делом вступившего на престол императора было, как это и следовало ожидать, отменение и пересмотр всего, что было постановлено в 3-й год Тай Кань (1078), т. е. в самый апогейный момент власти И-сунь'я (после смерти Хуан Тай-цзы). Таким образом, в 1-й год Цянь Тун (1101) было постановлено: тот, кто лишен прав, снова получал их и награждался; сосланные возвращались обратно; конфискованное возвращалось прежним владельцам...

---

* Династия же Наполеонидов пала потому, что воинственное настроение было только в высших сферах, представителем которых явилось воинственное министрство Гралемона. Если бы тоже настроение и в такой же степени б. и в самом обществе, то в. вероятно...

** Что двор (правительство) разграничивал себя от массы – это не требует особенного доказательства. Укажу только на то, что правительство (т. е. двор) указом в г. пр. Тунь Хо (983–1012) постановило: «Не продавать полотно и парчу, назначенные для императорского двора», этим ясно выгораживая себя от других. Что масса не имела солидарности с «власть имущими», это мы можем видеть во всей катастрофе Тяньцзо: он бежит почти один; народ из Яньской территории рассыпается во все стороны и даже передается к Чжурчжэням, переходит к Сунцам, удаляется даже на Север (Яньцы в Пиньчжоу, где Чжан-цзё), но не бегут за удалившимся императором, который с трудом может набрать несколько войска, да и то следует за ним единственно только из-за наград (Мохеши, Тулубу). Когда пала династия (т. е. Тяньцзо бежал), мы не видим никакого взрыва народного патриотического чувства деяний нашего 12-го года (в России), и дело все уладилось дов. мирно, только потом Кидане начинают действовать (за себя) и тем влиянием на дела Чингиса отомщают Цзиньцам.

Наказание умершего И-сунь'я и ссылка его товарищей и семейств их на поселение

Но этого было мало: закон мести требовал большего позора для бывшего гонителя. И вот указом 2-го года (1102) было определено: кладбища И-сунь'я, Терке (его сообщника) и др. разрыть, наказать трупы отрублением головы; их потомство, товарищей (бывших с ним в связи), а также и их потомство сослать в ссылку на границу. Их наложниц, домашнее имущество – все разделить для награды домам убитых (И-сунь'ем): домам Елюй Тобуцзя, Сяо Далугу (Да-ло-хе) и их товарищам.

Подкуп чиновников

Несмотря, однако ж, на такие грозные повеления, многие преступники избегали наказаний посредством подкупа.

Закон о наказании за потерю города

Но наряду с этим шли слабые наказания касательно военных преступлений. Так, за потерю города устранялись только от управления.

Смертная казнь за стрельбу на запрещенных местах

Между тем за ничтожные преступления, за стрельбу оленей на запрещенных местах, но которые касались лично императора, затрагивали его интересы, постановили страшную торговую казнь (т. е. казнь и оставление трупа преступника на площади). Так, когда в такой вине преступился некто Неле, главнокомандующий пехотным войском (син-цзюнь-цзян-цзюнь) с 3-мя другими, то они все были казнены и разбросаны (оставлены) на площадях.

Закон наказания низших военных чиновников

Низшие военные чиновники (цзюй-жень), замешанные в каком-нибудь проступке (го), наказываются низшим наказанием, без устранения от должностей, что должно строго исследовать.

Уголовные наказания относительно войска

Самое войско часто подвергалось штрафам и, не имея начальников, роптало и волновалось, делало кражи, бунтовало и дезертировало. Тяньцзо очень боялся такого настроения и в интересах пользы (?) прибегал к жестокости и насилию, посему уголовные наказания – бросание с крутого берега, расстреливание, прибивание гвоздями (распятие?), рассечение на части и т. д. – были во всеобщем ходу.

Разделение трупа на части и рассылка их по 5-ти столицам также пользовалось популярностью. Доходили даже до того, говорит история, что брали сердце преступника для принесения в жертву в храме предков: цзумяо (в кумирне предков).

Сходство первых моментов развития законодательства с последними актами его в деятельности Тяньцзо

Таким образом, говорит лирический тон истории, Тяньцзо, старавшийся избавиться от беспокойства без плетей и ссылки, причинял великое зло своими злодействами. Это было также причиной того, что Цзу и Цзуны проявили себя, т. е. народ вспомнил о них, вспомнил то время, когда также была строгость, но, очевидно, исходившая из другого начала, ибо хотя мы и видим, что Дао Цзун возвращается к той же строгости прежних времен, но он имел весьма разумную цель, вводил строгость в видах интереса общества.

Различие в издании законов в начальное и конечное время династии

Тяньцзо же вовсе не имеет в виду высокой мысли своего деда, а действует, очевидно, под влиянием своих личных чувств, своей вспыльчивой, раздражительной натуры. Далее, говорит история: «Ясно, что Ляо в последние годы употребляла законы, одинаковые с первыми моментами возвышения династия, но все-таки было большое различие в самом характере изданий законов, отношении к ним народа, ибо государи начального времени (соб. рубившие дела) соизволяли издавать закон, и хотя не тотчас утверждали его, но народ не смел рассуждать (критиковать); последующие же императоры, последних времен династии, издавали закон и тотчас утверждали его, почему народ также не имел оснований доверяться». Замечательно, что в обоих моментах развития законодательства, начального и последующего, конечного, народ играет чисто пассивную роль: теперь (т. е. с момента утверждения династии Ляо) он уже утратил окончательно и то значение, какое за ним признавалось еще при избирательном образе правления, хотя, как мы видим, он и тогда не смел критиковать,

мотивировать издававшийся закон. Тут же он совершенно потерял всякое значение, обратившись в объект права верхов. владыки. Значит, на принятие Амбагянем императорского титула (и след. власти) нельзя смотреть как на пустое тщеславие: мы видим, что вместе с этим неразрывно связано очень много замечательных фактов и не только в отношении к соседним государствам (вассальная зависимость других), в отношении, так сказать, внешнем, но и во внутренней обстановке совершилась еще большая перемена: народ теряет всякое значение, мир чиновников, бюрократов, напротив, получает большее; роды сплачиваются единством закона; всюду проводится общность интересов, что мы не замечаем в разрозненном, аймачном положении народа и т. д.*

Теперь нам остается расмотреть еще мир серальных интриг при этом императоре. Этот император в последние года совершенно превратился в охотника-зверолова и вовсе не занимался государственным управлением, а тем паче воспитанием своих сыновей (которых у него было 6 человек), из которых, впрочем, один Элувэнь, рожденный от Вень-фей (4-й жены императора?), отличался добродетелями, как говорит положительный голос истории. Нет сомнения, что около него собрался кружок, вполне преданный ему и жаждавший увидеть его поскорее на престоле... Но у императора было множество других жен, которые также желали видеть своих детей на месте отца.

Смертная казнь за заговор против верховной власти

И вот один из братьев жены императора Юань-фей (соб. имя которой б. Гуй-ке), некто Сяо Фынь-сянь (в тоже время приятель и министр императора), страшно ненавидевший Элувэня и весь его род, открыл обвинение на некоторых лиц из этого рода, а именно: мужа старшей сестры Вень-фей Елюя Дахела и младшей сестры Елюя Иду**, в том, что будто они в сообществе со своими женами и Вень Фей-ей совещались о возведении на престол Цзинь-Го-Вана (титул) Элувэня. Тяньцзо поверил этому ложному доносу и казнил Дахела (Идугу, Иду по другому, спасся) вместе с его женой, затем «наградил смертью» и Вень-фей-ю. Этим и кончилась 1-я интрига в стенах сераля императорского дома. Элувэнь, как непричастный к этому делу, не подвергся наказанию.

Но вот, когда император был у Западной заставы (на Западной звериной охоте), некто Елюй Саба и несколько других задумали возвести на престол помянутого Элувэня (или, может быть, на них также наплели). Тяньцзо, услыхав о сем, приказал подвергнуть пыткам Саба, а прочих лиц, помогавших Элувэнь'ю, и его самого казнить, ибо он видел, что около него составился кружок, который не прочь ниспровергнуть существующий порядок. Элувэнь'ю советовали бежать, но он сказал, обратившись к отцу: «Я ничего не сделал для твоей особы, государь, и ты теряешь великую умеренность благородного сына»***. Действительно, говорит история, Тяньцзо поступил неблагородно: чиновники совещались о возведении его сына, а он приказал казнить самого его. Элувэнь же гораздо благороднее своего отца: он не следует совету бежать и умирает, покорный воле отца. Это внушает к нему симпатию. Вот как судит об этом сама история, и нам ничего не остается делать, как только согласиться с ее верным взглядом.

NB. Глубоко сознавая всю важность такого обзора, как законодательство, имеющее такое громадное значение в общей сфере государственных установлений, я с истинным прискорбием должен заметить, что в моем очерке найдется много необъясненного, много непонятного, эпизодически вставочного, и поэтому просить компетентного судью: указать мне мои недостатки в сем очерке (да и вообще во всей представляемой работе), которые, однако ж, произошли большей частью от срочности работы, и, таким образом, доставить мне возможность более лучшего, осмысленного представления той же самой области в моих последующих работах.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РЕЛИГИИ КИДАНЕЙ

Отсутствие специальной статьи в добытом мной материале, рассматривающем религиозную сферу, заставляет меня ограничиться неясными сведениями и, таким образом, сказать, что эта сфера для меня – terra incognita, на которую я, однако ж, обращаю внимание читателя с целью дать хоть некоторое понятие о религиозной жизни этого народа.

Как я уже говорил (в статье «Об обрядах»), мы замечаем у Киданей смесь религиозных учений, более или менее разнообразных по своим основным идеям: так, наряду с ШАМАНИЗМОМ, мы видим учения ДАОСОВ,

* Обо всем этом будет подробно изложено в историческом очерке.

** Этот Елюй Иду вслед за сим переходит на сторону усилившихся Цзиньцев.

*** Пропуск: «Когда б. совершена казнь над Элувэнь'ем, и когда весть об этом дошла до войска и чиновников, то все они пролили горькие слезы. Ибо, говорит дальше история, от Син-Цзуновских времен настала страшная вражда (серальные смуты), и самое величие Ляо начало склоняться к упадку».

конфуцианцев (жу-цзяо) и буддистов, которые могут ужиться только между не фанатичными обитателями Срединного государства. Ко всему этому мы должны присовокупить еще, согласно указанию отца Иакинфа («Ст. опис.», ч. I, с. 78), ЛАМАИСТСКУЮ РЕЛИГИЮ (измененная несколько из буддийской), существовавшую в Монголии еще до владычества Киданей и переведенную ими в Северную часть Китая, в Пекин. Я не могу критически отнестись к этому указанию нашего почтенного ученого и, принимая его известие на слово, остановлюсь только на указании некоторых мест в официальной истории династии, по которым мы можем заключить, что все вышесказанные учения (кроме ламаистской секты) пользовались известностью между Киданями. Так, в биографии Бея (первого сына Тай-Цзу, иначе: Ту-юй, Ду-юй, ц. 72) мы находим следующий любопытный разговор между Тай-цзу, его чиновниками и сыном, Беем. ОДИН ИЗ ЧИНОВНИКОВ сказал, обращаясь к императору: «Благородный муж, принимающий приказания, должен отличаться покорностью и уважением к небу и духам (святым), имеющим большие заслуги и добродетели: я, например, желаю молиться им (т. е. св. буддийским), но отчего это все прежде противились Будде?». ТАЙ-ЦЗУ сказал: «Буддийская религия не есть Китайская». БЕЙ: «Кун-цзы – великий философ и уважается в продолжении нескольких тысяч (?!) лет, почему и должно прежде оказывать почести ему». Тай-цзу очень обрадовался и тотчас же основал кумирню Конфуцию, а затем издал указ, коим Хуань-Тай-цзы (т. е. Бею, тогда наследнику престола) вменялось в обязанность толковать Чунь-цю*. Из этого интересного разговора мы можем заключить, что: 1) буддийская религия пользовалась уважением двора (чиновников) и 2) учение Конфуция (религия ученых: жу-цзяо) также не было чуждо при дворе Киданьских Хуан-ди.

В статье «Обряды Киданей», в описании самих обрядов, мы также встречаем довольно много указаний на то, что как буддийская (праздник Будды), так и шаманская (Новый год) религии были известны двору. В церемонии ЦЗАЙ-ШЕНЬ (вторичного рождения; см. выше в статье «Об обрядах») мы также встречаем ШАМАНА, участвующего как главное лицо при совершении обряда. В «Бень-цзи» Дао Цзуна (ц. 21, 22, 23, 24, 25, 26) мы встречаем часто, хотя и немного, но все-таки довольно значительных указаний на то, в каком положении стояли эти религии ко двору, как организовались и пр. Буддийское духовенство заправляло и делом науки: духовные назначались иногда и министрами народного просвещения (шоу-сы-ту). Так, указом от пятого года Сянь-юн (1069), в 11 луне, было определено: сень-чжи-фу (название должности буддийского духовного) прибавить титул (и заведывание): шоу-сы-ту. Некоторые из них имели титулы шоу-сы-кун (заведывающий пустотой?). Самый го-цзы-цзян (университет?), основанный Дао Цзуном в Средней столице (Да-нин-фу), был в некоторой зависимости от духовных, потому что там должны были совершаться иногда жертвоприношения СВЯТЫМ и древним УЧИТЕЛЯМ**, так что это высшее учебное заведение носило на себе полурелигиозный характер, было храмом науки и жертв древним св. мужам.

Сам императорский дом также не мог не подпасть влиянию представителей религии, особенно в сфере установления заповедей (цзе) и обрядов.

Так, в г. прав. Дао Цзуна Шоу-лунь, 3-й год (1098), вышел указ, коим приглашали монаха чжи-де (настоятеля) с горы И-у-люй*** (в Маньчжурии) в императорский дворец. Наследник престола должен был, согласно указу императора Дао Цзуна от г. пр. Тай-Кань, изучать буддийские книги.

Но несмотря на такую, незначительную впрочем, зависимость от жрецов религии, правительство, считавшее себя начальною функцией всех дел в государстве, держало их под своим строгим контролем, предписывая не уклоняться от возложенных на себя обетов и не разрушать заповедей, а также ходить собирать богатства (милостыню?), эксплуатировать народ своими предсказаниями (пророчествами о худом и хорошем), что, конечно, дает нам знать, что тогдашнее духовенство не отличалось особенным совершенством. Так, императорским декретом от десятого года Цинь-нин (Дао-Цзуна 1064), в 7 луне, было определено: «Запрещается монахам и монахиням (сень-ни, буд.) ходить и гадать народу, а также получать за это богатства». Видите, господин читатель, какая заботливость со стороны правительства об интересах народа и, в тоже время, какой страшный удар самому основному из пяти (второму) правил буддийского учения: собирать милостыню (если здесь под словом «богатство» разуметь сию последнюю!). Дальше мы увидим еще не то.

«Указом от третьего года Тай-Кань (1079), в 9 луне, было наложено запрещение на открытие жертвоприношений в публичных местах без особенной нужды». Такая же точно Китайская практичность Киданьского пра-

* Чунь-цю (Весна и Осень) – известное историческое сочинение, приписываемое Конфуцию.

** *Текст примечания отсутствует (Ред.)*

*** Гора И-у-люй находилась в пределах Маньчжурии, недалеко от нынешнего Гуань-нин-сяня и служила при Киданях местом погребения некоторых членов императорского семейства (Бей со своими литературными сокровищами похоронен в недрах ее). Нельзя ли просить Китайское правительство о дозволении делать раскопки в этой местности? Тут должна быть бездна интересных вещей, не занесенных на страницы сухой истории.

вительства высказывается и в постановлениях касательно пропитания монахов (при Тяньцзо), что мы увидим ниже.

Даже Тяньцзо, так мало обращавший внимания на дела в государстве, и тот восстает против безнравственности духовенства, преступления ими заповедей и указом в 1112 году (второй год Тянь Цин) «запрещает монахам и монахиням разрушать возлагаемые на себя обеты» (нарушать заповеди, цзы).

Вообще духовенству (и особенно буддийскому) жить у Киданей было не очень красно: в других государствах и династиях (при Юань-Вей, Тоба Хе) они пользовались большими преимуществами, между прочим, избегали наказаний за преступления наравне с обыкновенными гражданами. Киданьское правительство, видимо, не давало им потачки в этом отношении и подвергало их за преступные деяния наказанием наравне с обыкновенными гражданами. Таков был смысл указа, изданного в 1-й год Да-Ань (1085)*.

После этого коротенького обзора об отношении духовенства к Верховной власти и закону перейдем к обзору некоторых постановлений Киданьского правительства касательно СОДЕРЖАНИЯ духовных особ (монахов и монахинь) и их численности в государстве.

«В 4-й год Тай Кань (1078) все дороги (дао) донесли, что монахов и монахинь, пропитывающихся на счет народа (правительства), во всех дорогах состоит 360 000 душ». Цифра эта довольно почтенная, если принять во внимание незначительность тогдашнего народонаселения в Северном Китае, т. е. соб. киданей (около 3 000 000; войска в районе 5 столиц всего насчитывалось 1 107 300; см. цз. 36).

У этих пропитывающихся на счет народа монахов и монахинь, как видно, были особенные монастырские люди. Так, (цз. 23) в 8-й год Сянь-юнь, в 1 луне, (1072) некто Уэргу-Делеский сянь-гунь (си-инь) ЧЖАО доложил императору, что на Северной границе было столкновение (с неприятелем), причем было много убито людей, доставлявших пропитание монахам и монахиням (сень и ни) в Южной столице».

Впрочем, не все монастыри были паразитными учреждениями, эксплуатировавшими силы государства: мы встречаем между ними и такие, которые помогают государству, особенно в критические минуты (голодовку, пожары), ассигнуя для этого довольно занчительные суммы. Такова, напр., была кумирня (сы) Хай-юнь-фо-сы, доставлявшая правительству ежегодно 1 000 000 связок (чохов) для покрытия народных нужд (для прокормления бедных, а голод при Дао Цзуне был довольно часто).

При Дао-Цзуне мы, однако ж, не видим каких-нибудь мер, радикально изменяющих самый быт духовных и отношение к нему народа: эта честь принадлежит практическому Тяньцзо. «В 1-й год своего царствования (т. е. 1101 год Цянь-Тун), в 3-й луне, он изданным указом созвал собор (духовных), на котором они должны были выработать особенный Закон касательно своего прокормления». Но дальше история ничего не говорит, т. е. к каким результатам пришел собранный совет, что именно признал он источником своего пропитания? Но то, что тут в этот момент совершилось нечто важное в изменении быта духовенства – это не подлежит сомнению.

Кидане взяли на себя, в тоже время, и миссионерство (конечно, в видах политических), награждая другие менее значительные государства: Гао-ли, Ся и пр. – буддийскими книгами и пересылая туда монахов для распространения учения. В свою очередь и эти государства присылали к ним книги (буд.) и монахов, которые особенно хорошо знали буд. классические книги. Так, в 3-й год, в 11 луне (1067, г. пр. Сянь-юнь) читаем: «Ся прислало монаха (Цзинь-фо-фаня), знающего классические книги».

В 8 год тех же годов правления (1072), в 13 луне, «наградили Гаоли буд. Св. книгами». В 9-й год Тай Кань (1083) «довели до сведения монахов, что Гао-ли награждена буд. книгами, и если кто-нибудь хорошо знает их, то может отправиться для проповеди». В (1096 г.) 1-й год Шоу-Лунь «Ся представило множество буддийских книг (е-фо-цзинь)».

Кроме этих посольств, некоторые местности присылали пожертвования к Ляоскому двору (замечательно, что все отправление сосредоточивается при дворе, а народ и духовенство во всем зависят от «власть имущих») в пользу духовенства и для жертв Будде (сы-фо-фань-сень). Так, под 9-м годом Да-Ань (1094) читаем: «Гань-лу в Син-чжун-фу** прислало чиновника (ши) с жертвами для Будды и милостыней монахам».

---

* Вообще при Дао-Цзуне духовенство не пользовалось особенным расположением императора: он, видимо, был практический человек; для него, прежде всего, был интерес общества, государства. Так, когда было доложено ему, что 30 человек в округах Чунь-Цзянь, Тай-Цзянь и Нин-Цзянь желают сделаться монахами, то он указом от 8-го года Сянь Юнь (1072), в 3 луне, ЗАПРЕТИЛ им это делать, имея в виду, как говорит история, только истинную потребность государства и не допуская перевеса духовных над остальными гражданами (т. е. числом), на счет которых они жили, хотя в тоже время, прибавляет история, он пропитывал 360 000 монахов, а иногда в 1 день (?) постригал до 3 000!!!

** Син-чжун-фу – теперь Гурбань-субурга, хотя и пастбищное правление лежало на границе Монголии и Маньчжурии. Самый город Ин-чжоу (мо-чень) лежал на восточном берегу р. Шара-Мурень.

Я коснулся положения духовенства очень кратко, по вышеуказанной причине, и только при двух последних царствованиях (Дао-Цзуна и Тяньцзо), потому не смею прийти к каким-нибудь серьезным заключениям. Выскажу свой взгляд только на общее значение религии у этого народа и вообще на Востоке.

Из всех вышеприведенных фактов мы можем думать: 1) что буддийская религия имела более или менее широкое распространение среди собственно высших слоев общества (разговор Тай-цзу с чиновниками и Беем); представители же ее, монахи и, вообще, духовенство, не отличавшееся особенною строгостью в исполнении возлагаемых на себя обетов, часто вызывали со стороны правительства репрессивные меры; 2) наряду с этой религией были другие учения: ДАОСКОЕ и КОНФУЦИАНСКОЕ. О первом мы узнаем по дорожнику Ху-цяо (Цидань го чжи, ц. 25), а о втором – из вышеприведенного разговора Тай-Цзу с чиновниками. Но о их положении и отношении к обществу я сказать ничего не могу; 3) подобно теперешним маньчжурским императорам на Китайском троне, Кидане (двор), вышедшие почти из тех же мест, привели с собой в Северный Китай и ШАМАНСКУЮ религию. Эта последняя религия, кажется, имела довольно большое значение среди собственно массы, народа, для которого она была не чужда, особенно в то время, когда Кидане жили у Сяньбийских гор. Буддизм же, даосизм и конфуцианство проникли в более высшие сферы, во дворец Киданьских государей.

Можно думать, и с большим вероятием, что Кидане первые познакомили Северный Китай с ИСЛАМОМ, ибо мы видим, что между ними и Уйгурами, жившими в Северо-Западной части Китая и Пичане (Ар-сы-лань-хойгу, Гань-чжоу-хойгу, Та-чжоу-хой-гу, Го-чанцами (Турпань) и др. бу-цзу-бяо – цзю 70), были самые живые сношения: кроме присылки дани Уйгуры представляли монахов (?), книги и пр. Сама императрица Шу-лу вела свой род от Уйгуров (ее предки в последовательности колен: Же-су, Вейнин-ше-ли (Вейнин? Шериф?), Шу-шумей-ли (Шу-шу? Имам?), Таке-мурле (Махмуд?) ее отец). После по истории Даши (цз. 31) мы узнаем, что Тай-Цзу находился в самых родственных, дружественных отношениях с У-ми-чжу, предком (цзу) того Те-ле (Толго?), к которому обращался Даши с просьбой о пропуске. Одним словом, все нам говорит, что между Уйгурами и Киданями была самая живая связь: торговая, политическая, религиозная (монахи) и даже литературная (книги*). А что между Уйгурами, жившими в Пичане, в это время распространялось учение Магомета, то в этом, кажется, нельзя сомневаться: появление ислама относится к 622 году, т. е. к половине 7-го века, и он перенесся сюда еще раньше эпохи политического могущества Уйгуров (с полов. 8-го до полов. 9-го=750–850), живших сначала на Севере, а затем, благодаря усилению Хакасов, осевших в сказанной местности. Значит, с нашей стороны не будет большой смелостью, если мы признаем за Киданями честь первых проводников религии Магомета к стенам Китая, где она теперь обращает на себя такое напряженное внимание Европейского ученого света. Мы, конечно, не смеем утверждать, что сами Кидане исповедовали ислам, хотя есть много фактов, указывающих нам отчасти и на это: а) что они носили чалму (фу-цзинь), что как известно, составляет одну из характерных черт поклонников Магомета (хотя, собственно, употребление чалмы нужно выводить из климатических условий), в) некоторые Киданьские принцы (Ма-лу, сын Юань-цзу, дядя Амбагяня, НИ-ГУ-ЧА, сын И-цзу, дядя Малу, Су-Ла, брат Нигуча и пр.) носили титул ше-ли (что, очевидно, тур. шериф) и пр**.

Не придавая, однако ж, всему этому значения достоверности и подлинности, я остановлюсь на рассмотрении только тех религий, которые мы осязательно видим между Киданями. Мы видим: среди этого народа жили представители 4-х религий (или учений; ламаистскую я причисляю к буддийской): 1) шаманской, 2) буддийской, 3) конфуцианского учения, 4) даосского... Я коснусь их основных положений, общих начал, на которых они построены.

1. ШАМАНИЗМ («Черная вера»), насколько это известно по исследованиям ученых ориенталистов, в лицах и вещах, видимых в сем мире, признает 2 начала: доброе и злое, т. е., что данное лицо или вещь может сделать для человека как доброе, так и худое, отчего шаманисты уважают все религии из боязни, что известное лицо или вещь может сделать одинаково и совершенно по своему произволу как худое, так и доброе. «Монголы при Чингисе, - говорит один из наших ученых, – были шаманисты, и папы своими посольствами страшно ошиблись, когда думали, что Монголы – христиане, и что, следовательно, будут ратовать против Магометан, распространившихся в Передней Азии: их легаты были поражены тем, что Монголы допускали все религии и ходили как в Христианские храмы, так и в Магометанские мечети». Итак, вот основное положение этой, без сомнения, направляющей религии Севера Азии, которая известна у нас еще под наз. Черной веры (Банзарова: «Черная вера или шаманизм»).

---

* Кроме того, о. Иакинф признает и то, что Кидане передали свое письмо, изобретенное ими при Амбагяне, Пичанским уйгурам, которые употребляют его и до сих пор. Образец его я прилагаю при сем труде (вместе с картами).

** Цз. 64 «Хуань-цзы-бяо».

2. УЧЕНИЕ КОНФУЦИЯ (последователи которого, однако ж, стараются обратить это учение в религию признанием Конфуция высшим существом, «Святым мужем», но, собственно говоря, это – учение) – самое распространенное в массе Китайского народа (хотя и носит название «религия ученых») как имеющее своей основой нравственное начало (естественный закон ДАО, заключающийся в душевных добродетелях). Это учение получило свое начало еще раньше Конфуция, при самом образовании Китайского государства, и есть чисто народная религия Китайцев. Конфуций же только привел его в систему, осмыслил, отчасти распространил некоторые догмы и этим заслужил себе громкую известность основателя учения, которое посему и называется КОНФУЦИЕВЫМ.

3. Учение ДАОСОВ, основателем или первоучителем коего считается Ли-дай (имя), прозванный Лао-цзы (старик-философ), живший почти одновременно с Конфуцием за 5-6 столетий до Р. Х. Это учение, с большой вероятностью, есть сколок с вышеописанного и, совершенно тождественное с Конфуциевым по основной идее, разнится только тем, что Конфуцианцы признают необходимость общественной, социальной жизни, между тем, как Лао-цзы проповедывал уединенную, монастырскую жизнь, отрешение от благ мира сего, необходимость умозрительной жизни для сохранения в чистоте врожденных свойств души (добродетелей: де), но они расходятся, так сказать, в способе достижения нравственного совершенства, к которому они оба стягиваются.

4. Религия БУДДИЙСКАЯ, перешедшая в Китай при самом своем появлении в Индии, т. е. за 700–800 лет до Р. Х., и окончательно императорским декретом введена при Минь-ди (г. пр.), в 64 г. по Р. Х. (при Младшей Ханьской династии). Философской основой этой религии служат 4 пункта: 1) раскрытие индийского Богословия, 2) цель сотворения мира, 3) цель нашего назначения и 4) средства к достижению сего назначения. Ее нравственной основой служат 5 заповедей: 1) не убивать одушевленные существа, 2) не похищать чужого, 3) воздерживаться от угождения плоти, 4) не употреблять опьяняющего или раздражающего и 5) не лгать. Сверх этого предписывается делать дела милосердия без малейшего внутреннего предубеждения.

Итак, вот какие религиозные учения существовали при Киданях на занимаемой ими местности! Чтоже могло получиться из этой смеси религиозных воззрений? Что за народ должен был воспитаться под влиянием таких более или менее неподходящих друг к другу учений?

[Отсутствие единства в религиозных воззрениях народа – причина его упадка как политического, так и физического (утрата национальных особенностей массы)].

Конечные результаты такого положения дел мы видим на последних страницах их истории: разрозненность в религиозных воззрениях помешала крепкому сплочению народа, таким образом, не дала ему силы в отпоре врагу. Если бы было единство народа в религиозных воззрениях, сплоченность, сознание необходимости этого единства: 1) тогда народ, хотя бы даже и не имея крепкой солидарности с верховной властью, все-таки, может быть, отстоял бы свою независимость, руководясь только одним религиозным средством; 2) он отстоял бы и свой национальный характер, т. е. народ не потерялся бы в общей массе других, его окружавших, и не повторил бы собой того замечательного акта, какой мы так часто встречаем в Средней Азии, у стен Китая – не лег бы новым слоем на сложный состав народонаселения Северного Китая. Таков мой взгляд на значение религии. Конечно, тут (в падении народа) было много и посторонних причин, но я указываю только на значение религии.

[Общее положение религий на Востоке: их малое участие в жизни народа.]

Можно сказать, что религия для Востока не играет той роли, какая ей выпала на Западе. Здесь полный индифферентизм, равнодушие, крайнее игнорирование единства религии, между тем, как у нас, на Западе, на этом, кажется, и держится вся государственная жизнь. Восточное государство держится до поры до времени другими рычагами: единством закона, единством крови, единством верховной власти, но не религией. Так что, не ошибаясь, можно сказать, что религиозная сфера Киданей была широка (4 религии), но она не имела никакого значения для государственной жизни, и мы видим, что при первом толчке, при первом крике (выражение Китайской истории) Северных варваров, государство (династия) пало политически, а народ должен был подпасть под иго победителей.

[Слабое влияние религий, навязанных извне, и их отрицательное значение для массы. Шаманизм – единственная религия большинства.]

Притом надо знать, что все религиозные учения были им навязаны извне, почему даже оказывали отрицательный результат на созидание, деморализуя само общество, они не подходили под склад их ума, уже, впрочем, изменившегося под влиянием оседлой Китайской жизни, вследствие чего большинство массы жило под влиянием одной только шаманской религии, которая, однако ж, как мы видим, не предписывает никаких нравственных тенденций, не может сплотить народ и, следовательно, создать из него единое, крепкое государственное тело. Прочие религии были недоступны большинству по своей замкнутости в монастырских стенах, а с

другой стороны, их представители могли вредно действовать на нравственность народа, являясь перед ним самыми безнравственными и не следующими тому, что сами проповедовали, и, таким образом, также не могли способствовать религиозному и, следовательно, политическому развитию народа, а, скорее, могли вести к быстрому разложению самого общества, особенно высшего (что мы видим в серальных интригах И-суня, Фыньсяня, императрицы Цинь-Ай и др.). То, что получено извне, никогда не может создать из народа крепкое, государственное тело, и только то, что выработано веками народной жизни, есть основной рычаг, поддерживающий самый состав государства. Таким рычагом и была отчасти шаманская религия, но она была стеснена другими, навязанными, пришедшими извне, но не успевшими сплотить все разрозненные элементы, т. е. ни одна из них не имела перевес, не могла устранить другие, а, ведя с ними тайную борьбу, способствовала развращению и деморализации высших слоев общества.

[Общая причина упадка государства (народа) зависела от разнородных элементов, воспринятых народом, и в том числе религии.]

То явление, какое мы замечаем в Китае, который, не обладая единством религии, большей частью скрывающейся в монастырях и весьма слабо действующей в массе, все-таки живет тысячелетия, находя крепкую опору в вековой привязанности народа к старому порядку вещей, в его небольшом нравственном кодексе «уважать старших», и проживет, может быть, еще 1000 лет, если влияние Европейского космополитизма и легкой восприимчивости чуждых элементов не коснется глубоко народной жизни. Такое явление мы не замечаем между Киданями именно потому, что они заимствовали от Китая и др. много совершенно чуждых элементов (в том числе и религии) и, не успев справиться с ними, благодаря различию народных характеров, пали, давимые, с одной стороны, внешней силой (чжурчжэни, падение политическое), а с другой – сильным натиском разнородных элементов, с которыми они пришли в соприкосновение после утраты вышесказанного значения (утрата национальных черт).

ПОЛОЖЕНИЕ И РОЛЬ ЖЕНЩИН ДИНАСТИИ ЛЯО (ДВОРА)

(Ляо ши, цз. 65 и 71)

Все мыслители Европы единогласно признают, чтоженщина имеет громадное значение в развитии государств и своим положением в данном обществе указывает на самое состояние этого общества или, выражаясь более наглядно, можно сказать, чтоженщина есть пульс общественной артерии. Признано также за достоверную истину, на основании исторических данных, что изолированное, келейное положение женщины в среде общества есть признак усиления единоличной, монархической власти, и что, напротив, там, где женщина пользуется большею свободой, единичная власть немыслима, и государство управляется многими равноправными лицами, по республиканскому принципу; ибо, говорят эти мыслители, там, где женщина пользуется свободой, монархическое начало не находит себе поддержки со стороны вельмож, для жен которых, как лиц, одаренных от природы большим честолюбием (!), невыносим монархический порядок вещей, при котором они совершенно теряются.

Такой взгляд на влияние женщины в деле установления той или другой формы правления, правда, несколько односторонний, как основанный только на некоторых фактах, которые нам оставила история, и забывающий, что в той же прошлой жизни народов встречаются некоторые факты, которые не говорят в пользу его (как, например, относительная свобода женщин при усилившемся монархизме Петра Великого в нашей Русской истории), но все-таки основан на глубоком знакомстве с социальным положением женщины из всей прошлой жизни культурных народов.

Не стану говорить, какое неизмеримое влияние оказывает женщина на развитие общества в другом отношении – как мать семейства и воспитательница молодого поколения, на котором она отражает все, что дает ей социальная обстановка в данную эпоху. Эта мысль хорошо и верно проведена Боклем в его брошюре «О значении женщин в деле развития науки». Прямо перейду к рассмотрению того положения, в каком находились женщины императорского семейства при дворе Ляо (с указанием на долю участия, какую они имели своим влиянием на общество, согласно с вышесказанными доводами). При этом не могу не заметить с истинным прискорбием, что Восток потому нам и кажется до сих пор terra incognita, а некоторым даже каким-то чудовищным сборищем варваров, что сами восточные историки, на которых лежит обязанность как можно шире и подробнее передавать историю своей страны, крайне узки и скупы на свои указания о том, что не входит в сферу собственно императорских дворов: о частной, общественной жизни, передавая нам только верхушки, описания жизни владетельных домов, династий, нисколько не касаясь семейной жизни народа (т. е. остальных

лиц общества). Так уж, значит, завещано веками... ну, и нам необходимо, скрепя сердце, покуда брать то, что дается, и ожидать той счастливой поры, когда Восточный историк сознает, что вся сила не в «верху стоящих», а в тех, которые составляют фундамент государственной жизни.

Кроме того, я также с сожалением должен заметить, что история первых четырех императриц (хуаньхоу), до воцарения основателя Ляоской династии, передавая нам только их имена и число рожденных детей, не содержит в себе ни одного факта, который хоть сколько-нибудь указывал бы на их семейное положение, а также влияние на дела государства, которые, без сомнения, должны были несколько отличаться от последующих, с принятием Амбагянем императорской власти, и отношения к нему императрицы Шу-лу (Широй). Я считаю нужным передать имена этих императриц.

1. Жена Су-цзу (первоначальника династийной линии, прапрадеда Амбягяня), названная после ***Чжао-ле***: малый иероглиф (собственное национальное имя?) *Чжо-цинь*. Родила четырех сыновей.

2. Жена И-цзу (сына Су-цзу) – ***Чжунь-цзинь***, национальное имя *И-ле-си*. В ее маленькой биографии встречается, впрочем, небезынтересное известие о том, что сам отец заключал условие касательно приобретения жены своему сыну. Так, когда Су-цзу познакомился с ее родителями (вошел в их дом), то сказал: «Одинаковые фамилии можно связывать общением (взаимной связью), а разные – свадьбой (женитьбой сына или выдачей дочери)». Он заключил с ними условия касательно своего сына И-цзу, коему она и родила семь человек детей.

3. Жена Юань-цзу (деда Амбагяня), названная после ***Цзянь-сянь***, собственное национальное имя *Оу-р-до* (Юе-ли-до). Когда муж ее, Юань Цзу, сделанный лань-де (название должности или чина, «светлая добродетель»), был убит, она осталась вдовой и боялась других родовичей, почему и не приказывала (не старалась приказывать) своим четырем сыновьям сближаться с соседними домами. Но Елюй Та-я-ке (ее сын?), однако ж, захватил (себе жену?)*. По крови она была отлична от последующей, матери Амбагяня. Смерть мужа (насильственная) напугала ее на всю жизнь: она постоянно беспокоилась, что окружающие имеют темные планы. Убийца ее мужа содержал ее в отдельной палатке.

Все эти коротенькие известия указывают нам на многое, а именно, они объясняют нам: 1) что слабость Делеского аймака (из которого Амбагянь и все эти лица) происходила от внутренних неурядиц, 2) нравы тогда были крайне просты: на это указывает «умыкание» жен себе, т. е. в таком случае, когда нет согласия родственников, в противном случае мы видим, что заключается контракт (см. И-цзу), 3) женщина тогда играла чисто пассивную роль, что мы увидим еще ниже.

4. Жена Де-цзу (отца Амбагяня, Си-ли-цзи), названная после ***Сюань-Цзянь***; собственное имя *И-му-цинь* (жена Шэнь-цзуна, императрица Цинь-Ай называлась *На-му-цинь*). Очень интересное известие дает нам ее маленькая биография, а именно, что цзай-сяны (министры, старшины?) фамилии Яо-нянь** страшно ненавидели ее и, наконец, убили (ла чжи). Если мы припомним, что есть легенда о том, будто Амбагянь убил старшин (других родов), желая получить единовластие, и которая кажется многим несколько странной, то, приурочивая сейчас переданное известие о ненависти фамилии Яо-нянь к матери Амбагяня, нам очень легко будет объяснить, что ее (фамилия Яо-нянь) вышесказанный поступок есть родовая месть и не имеет в себе ничего противоречащего тогдашнему порядку вещей. Если же подлинная история основателя династии не знает об этом, то на это она имела свои основания, желая не показать такой жестокий поступок, сделанный сказанным основателем, как это мы видим и в других историях: например, Юань и Тай-Цинь. Далее говорится, что она имела шесть человек детей (мальчиков, по Хуань-цзы-бяо, сыновей у нее было только пять человек***) и умерла в 11-й год правления Тянь-сянь (Тай-цзу с 925–927 и Тай-цзун 927–937), т. е. в 936-м году.

Но прежде, чем перейти к рассмотрению деятельности императрицы Чунь-цинь (Шуру), жены Амбагяня, я считаю нужным сказать несколько слов о фамилии тех родов, из которых киданьские императоры брали себе жен. В прежнее время (т. е. до Амбагяня) эти фамилии носили два названия под общим прозвищем Шу-мей: первая фамилия называлась Б(?)а-ли, другая – Ису-цзи-ле. При Тай-цзу выдвинулась фамилия Шу-лу (Широй земля Елюй). Эта фамилия сделалась коренной, первенствующей и вела свой род (хоу, заднее) от Уйгурского Жесу (предка императрицы Шу-лу). Когда Тай-цзун взял Бянь (Кай-фын-фу), столицу Цзиньской династии, то он оставил там своего родственника Або (Сяо-хеня), племянника императрицы Шу-лу, и, сделав правителем Бянь-чжоу (Бяньского округа), наградил фамильным названием (син-мин) Сяо Хань по обычаю, заимствованному от Китая.

* Припомним, читатель, что говорит история о Древлянах:: «...и умыкаху жен себе...». Не одно ли тоже и на Востоке?

** У киданей, как известно, было три фамилии (ши?): 1) Да-ху-эре, 2) Яо-нянь и 3) Елюй (Широй), возвысившийся с Амбагяня.

*** По Хуань-цзы-бяо (ц. 64): 1) Тай-цзу (Амбагянь); 2) Ле-ге (Лагу); 3) Те-р-ке; 4) И-де-ши; 5)Ань-ту; 6) неизвестно, от какой жены рожден Су (и-ле-ду-хень, Инь-да-хунь – Собака?).

Вследствие такого обстоятельства три вышеозначенных фамилии – Бали, Исуцзиле и Шу-лу – стали называться общим названием ***Сяо***. Два дома из фамилии (рода) Бали стали называться да-фу и сяо-фу (старшего отца, младшего отца). Два дома фамилии Исуцзиле назывались: да-вень и сяо-вень (большого старика, младшего старика). Вот какие комбинации допускались иногда касательно фамилий, из которых императоры брали себе жен. Так, Ши-цзун (с 937–951) по вступлении на престол приказал фамилию своего тестя ***Та-ла-хе*** сделать государственной и распространить на три рода (цзу) других аймаков, а принадлежавших к фамилии лиц определить наследственными правителями (цзай-сянами) Северного департамента. Тоже самое сделал и Тай-цзу относительно своего деверя (брата жены) Агуци. Шэнь-цзун соединил фамилии Бали и Исуцзиле в одну, а в других аймаках сделал по две. «Кроме того, Кидане называли своих императриц до-р-цзи (?), подобно тому, как Ту-кюе (Турки) называли их хе-тунь. Почетный титул у них был на-е-мо, ибо императрица через брак становилась владетельницей земли (государства), ее матерью».

Характеристика императрицы Чунь-Цинь (Юе-ли-до) и ее влияние на дела слагавшегося государственного строя

Род императрицы Шу-лу, жены Амбагяня, посмертный титул которой Чунь-Цинь, не произносившееся имя Пин, а собственное, национальное: Юе-ли-до, был Уйгурский. Нектоже-су имел сына Вей-нин-ше-ли, от коего произошел Шушумей-ли (имали?), родивший Такемурея. Этот последний взял себе в жены дочь Киданьского князя (Вана) И-ле-ду-ци и родил от нее Юе-ли-до (жена Юань-цзу, также называвшаяся Юе-ли-до), которая и была впоследствие супругой* основателя династии Ляо. Отец ее, Такемуре при фамилии Яо-нянь (второй в хронологической последовательности), заправлял главным Киданьским улусом (бень-бу) и назывался там Юань, а впоследствие, при той же фамилии, получил титул: ечжени-гоцике. Довольно образованная, знавшая несколько литературу (письмо), эта женщина была необыкновенно смелого, предприимчивого характера, который мог родиться только под влиянием свежих сил молодого государства. Став во главе управления, она своими советами, своим влиянием на самого Амбагяня принесла немалую долю пользы в деле установления прочного государственного порядка. Она принимает горячее участие не только в советах относительно внутреннего правления, но даже в борьбе с теми враждебными силами, которые окружали тогда новоутвердившийся трон. Кроме того, она действует не столько по приказу своего мужа, на которого она имела большое влияние, если не сказать более, сколько по собственной инициативе, особенно, если дело не требовало отлагательства. А когда она узнала, что Амбагянь готовится в поход против Тансянов, Хуань-шоу Желтоголовых и Чоу-бо Шивеев, то, не дожидаясь, покуда соберутся все необходимые для сего войска, с отрядом своих собственных войск (которые были под ее начальством как почетная гвардия) делает нападение на тансянов и страшно разбивает их. Так что она, действительно, заставила трепетать всех варваров. Притом надо знать, что местность, где она действовала, была утесиста, но она не боялась этого. Влияние на своего мужа лучше всего высказывается в двух фактах, в которых императрица имела немалое участие. В первый раз, когда присланный от Ли-цунь-сюя, считавшего императрицу своей теткой (старше себя), некто Хань-янь-хой с просьбой о помощи против правителя Ю-чжоу (Пекинского округа) Лю-шоу-гуаня, не оказал должных знаков почтения (бубай, не поклонился), и император Тай-Цзу, страшно рассердившись на это, оставил его смотреть за лошадьми (наказал), то императрица так возразила на этот поступок: «Тот, кто обладает умеренностью (т. е. благородный муж) не должен уклоняться от добродетелей: это должно соблюдать в церемониях»**. Император под влиянием такого совета простил Янь-хуя (Хань-янь-хоя), сделал императорским советником (мей-чжу). В другой раз, когда Усский владетель (у-чжу) Лю-бань доложил императору о разливе реки и обилии пастбищных мест в Ючжоуской территории и возможности проникнуть туда, и император, послушавшись этого совета, с 30 000 конницы бросился на Ючжоу, императрица упрекнула его в этом, сказав: «Как же дело началось о приобретении пастбищ, а ты нападаешь на жителей Ючжоу?». А затем, посадив Тай-цзу перед палаткой, спросила: «Тот, кто не имеет кожи (т. е. известной эссенции), может ли родить?»*** Тай-Цзу сказал: «Нет!» Тогда императрица продолжала: «В Ючжоу есть земля, люди, которые могут иметь основание думать об нас невыгодно, потому что мы с 30 000 конницы ограбили у них четыре диких поля. Не пройдет и нескольких десятков лет, будут затруднительные обстоятельства, и они возвратятся к нам. К чему непременно делать вторжение и приобрета ь эту местность и жителей, когда ни один из них не стоит внимания? Да и Китай будет смеяться над нашим и

* В общем собрании чинов Тай-цзу наградил ее титулом «Владычица земли» (ди-Хуан-хоу), а после – инь-тянь-даминь-ди-Хуан-хоу (т. е. соответствующая небесам, обильно святая владычица земли).

** Новое доказательство того взгляда, какой я высказал относительно идеи установления церемоний.

*** Это общая мысль, т. е. из ничего не может получиться что-нибудь: если заберешь ючжоусцев, то, так как они не сродни с нами, ничего не выйдет.

кочевьями (бу-ло) и не отступит ни от одной церемонии (будет привязываться, делать запросы?)». Вот с каким светлым политическим взглядом сидела женщина бок о бок с энергическим государем! Даже как-то странно встретить в то время такой ум и гуманный взгляд на дело: первое ясно высказывается в понимании законов национального единства, второе – в нежелании причинять бедствия народу. Но такая политика имела значение только в теории, на практике же мы видим, особенно впоследствии, что она не была принята за основание, и Киданьские хуаньди все чаще стремились приобретать Китайские земли, особенно когда Тай-цзуну так посчастливилось в деле с цзиньцами.

Немалую долю участия имела она и в покорении Бохая, помогая Тай-Цзу своими советами.

Несмотря на то, что императрица держала себя высоко относительно своего мужа, она, в тоже время, питала к нему горячую любовь. Когда он помер, она желала зарыть себя вместе с его трупом, и только родственники и вельможи отсоветовали ей сделать это. Однако ж, отрезала у себя кисть правой руки и приложила это к гробу. Кроме того, по свидетельству о. Иакинфа, она принесла в жертву духу покойного некоторых вельмож (что и было впоследствии причиной ее падения) – так она была привязана к своему мужу! Из этой глубокой, можно сказать, странной привязанности к своим мужьям (после немногие так поступали), мы можем, не без основания, сделать весьма благоприятное заключение о состоянии тогдашних супружеских отношений, чистоте ложа и безупречности нравов, не даром и законодательство указывает нам на это, указывая на сильное развитие дисциплины в войске и обществе в первые времена сложения государственного строя. Государство сложилось по-военному, и только впоследствии дух гражданственности и в тоже время Китайской беспечности и неги распустил свои крылья и, усыпив воинственный дух народа, вытеснил военную строгость прежних времен, дал широкое место порочности и, вследствие этого, окончательному разложению состава общества.

С потерею своего мужа она, однако ж, не потеряла значения, а напротив, окруженная тем благоустройством и порядочностью в делах, которые успел создать Тай-Цзу при немалом участии ее самой, она объявила себя правительницей государства (чжи-ше-цзюнь-го-ши) и затем возвела на престол второго сына Тай-Цзу Окучжи (Де-гуана, Тай-Цзуна), устранив старшего потому, что объявленный отличался замечательными умственными способностями*. Тай-Цзу однажды в разговоре с императрицей выразился таким образом, что если передать престол Окучжи, то он непременно возвысит дом династии, и на семейном совете было определено просить Ду-юй'я избегать ссоры из-за кандидатур престола. Только при участии такой энергичной женщины могло случиться то, что мы видим на страницах истории: Бей послушался, по крайней мере, наружно, этого совета и удалился в уединенный уголок Ючжоуской провинции, где стал заниматься наукой, живописью и охотой. Хоу Танский двор, жадно следивший за каждым событием у своего сильного соседа, узнав о такой размолвке, прислал просить Дуюй'я перейти в Китайскую территорию, желая, может быть, враждебно настроить его и завязать междоусобицу в семье династии, но, как известно, это ему не удалось, и только благодаря сдержанности самого Бея, создавшейся в нем под влиянием советов влиятельной матери, а с другой стороны, строгому порядку, установившемуся в орде, где правил Тай-Цзун со своей матерью (Хуантай-хоу). Воспитавшись под влиянием таких времен, когда власть переходила к старшему в роде, императрица, по удалении Бея к Хоу-Танскому Мин-Цзуну (с 927–933), передала его власть младшему своему сыну Лу-ху** (от брата к брату) и, вероятно, прочила его в наследники Тай-Цзуну. Но сын обойденного в наследовании престола Бей'я У-юнь явился после смерти своего отца, задушенного по приказанию Цзунь-ке, претендентом на кандидатуру престола после Тай-Цзуна. Императрица хотела противустать ему силой и отправила с войском сказанного Лу-ху. Этот последний дал сражение войскам претендента, но был разбит (по-другому, он сдался). Не имея поддержки со стороны многих вельмож, отцов которых она умертвила, желая почтить память покойного мужа, императрица, однако ж, собрала войска и сама, лично предводительствуя, выступила навстречу врагу к излучине реки Хуань-хе. Бывший при ней Елюй У-чже*** советовал ей: ввиду значительности войск неприятеля не вступать в сражение, и императрица, не видя себе прежней подде-

---

* Биография Бея, ц. 72. И Бей, старший сын Тай-цзу, также был довольно образован: он очень любил науку, живопись и вообще высшие занятия, написал, как говорит история, множество медицинских и других книг и погреб все это вместе с собой в горах И-у-люйских. Кажется, тут, в этом назначении Окучжи на престол, была другая причина, а именно, что Тай-цзун был замечательный стратег (Бей также подает мудрые советы относительно взятия Бохайской крепости Хуй-хань-чен) и еще при жизни Тай–Цзу был назначен главнокомандующим.

** Луху был третьим сыном Тай-Цзу и за возмущение при Му Цзуне вместе с сыном Си-ань'ем был заключен пожизненно. Умер 50 лет.

*** Елюй У-чже принадлежит к родовой линии И-цзу, но точного определения его места в этой линии не показано.

ржки, удалилась в Цзу-чжоу*, где еще раз хотела противустать У-юнь'ю, но в сражении при Красном (чи) хребте была разбита и заключена в горах Пума, на кладбище Амбагяня. Здесь она жила** до самой своей смерти, последовавшей на 75-м году ее возраста, в г. пр. Инь-Ли (Муцзуна, ее внука, 954). Посмертный титул был дан ей сначала Чжень-Ле («справедливый порядок»), а настоящий (т. е. Чунь-Цинь) она получила в 21 г. пр. Чжун Си (1052)***.

Императрица Цинь-Ань – жена Тай-цзуна

В одно время жившая с Шуру жена Тай-Цзуна, посмертный титул которой Цинь-Ань, а соб. Вень, дочь Шилу, младшего брата сказанной императрицы, не отличалась теми качествами, какие мы видим в вышеописанной. Хоть она, по свидетельству истории, и была гениальная (сметливая, разумная) женщина, но на страницах ее биографии мы не встречаем описаний какого-нибудь замечательного деяния, кроме указаний на то, что она любила одеваться и присутствовать на парадах войск и охоте. От нее родился Му-Цзун, вступивший на престол после Ши-цзуна. Умерла она еще при жизни императрицы Шуру, в 10-й год Тянь-Сянь (Тай-Цзуна, 935), и похоронена на общем императорском кладбище, получив посмертный титул Чжан-Де, переименованный в *21-й год прав. Чжунь-Си (1052) на настоящий (т. е. Цинь-Ань).*

Жены Ши-цзуна Хуай-Цзе из фамилии Сяо и другая, имя которой неизвестно, из фамилии Чжень

Следовавшие за сим 2 императрицы, жёны Ши-цзуна, не отметили себя никакими громкими деяниями, оставаясь вне политической сцены и принимая участие только в некоторых незначительных делах. Правда, одна из них, а именно: Хуай-Цзе, имела настолько твердости духа, что лично явилась с упреком к взбунтовавшемуся тогда Чаке****, убившему уже мать Ши-цзуна и его самого, а затем с радостью встретила смерть, похоронив себя вместе с мужем. Другая, кроме своей красивой наружности и принадлежности к Хоу-Танскому сералю, из которого она была взята Тай-Цзуном, а впоследствии сделавшаяся фей'ей (женой низкой степени) императора Ши-цзуна и родившая от него Нинь Вана Чжа-му, знаменитого своими литературными способностями (стихами) и злоупотреблениями при дворе, и кроме того, что иногда принимала участие в советах относительно бурной эпохи, тогда наставшей*****, не замечательна. Она погибла также при бунте Чаке и вместе с Хуай-Цзе похоронена на одном кладбище в горах И-у-люй, где Цзинь-цзун, сын Ши-цзуна, построил кумирню и 2 дома на холме (т. е. могильные навесы, вроде наших склепов).

В эту эпоху смут и неурядиц, как в Китае, так и у Киданей, мы не видим ни одной женщины, которая бы равнялась по своей деятельности и характеру с императрицей Шулу. Кроме личных качеств, мне кажется, что на положение женщины (в императорской семье) влияли еще и те неурядицы и перетасовки, какие мы встречаем после смерти Тай-Цзуна, которые притом были так неожиданны и кровавы, что не давали опомниться и собраться с силами. Для того, чтобы создать влияние женщины, необходимо, прежде всего, некоторое спокойствие, некоторая порядочность в государстве. Мы видим, что Шулу получает особенное влияние на дела уже по смерти Амбагяня, при царствовании Тай-Цзуна, когда создался крепкий, стройный порядок в государстве. В эпоху смут, последовавших со смертью Тай-Цзуна, императоры мало обращали внимания на своих жен, которые притом и лично не имели таких сил, которые могли бы оказывать влияние, а действовали по своей собственной инициативе, надеясь только на самих себя, на свои собственные замыслы.

Дочери их (у Цинь-Ань 2: Лабухань и Чжо-хе, а у Хуай-Цзе 3: Хохедань, Гуань-Инь и Сала) также не имели никакого участия в делах государства, оставив память о себе только в своих именах. Выступившая затем на сцену жена Му-Цзуна из фамилии Сяо (имя ее неизвестно) не замечательна ничем, кроме разве того, что роди-

---

* Цзу-чжоу лежала недалеко (на С.-З.) от Линь-хуан-фу и заключала в себе сказанные горы Пума с кладбищем Амбагяня. Тай-Цзу-цзу-лин (кладбище Тай-Цзу) находилось в 5 ли на запад от города Цзу-чжоу. Храм ему был иссечен в каменной стене. На кладбище были 2 каменных памятника, из коих на одном иссечена надпись с подробностями его охоты, а на другом – описание его подвигов при основании государства.

** От нее Тай-Цзу имел одну дочь Цзи-ку-ре, впрочем, ничем не ознаменовавшую себя, кроме того, что по своему весьма почтительному нраву назначена ао-гу («сидящею в углу») (см. цз. 65 Ляо ши).

*** С ней тесно соединена какая-то странная легенда об исчезновении коровы и ее самой, когда она однажды отправилась к слиянию двух рек, Тухе и Шара-мурени, в сопровождении одной девушки. Когда корова исчезла (сбилась с пути), девушка запела и сказала: «Черная корова и моя мать совершенно исчезли с дороги, ибо и пословица говорит: Дух Земли сделал черную корову матерью (людей)».

**** Чаке – сын Аньту, пятого сына Де-Цзу, брата Тай-Цзу – известен еще под наз. Шу-я (у Иакинфа), поднял бунт, убил отца Ши-цзуна, а сам был убит Му-Цзуном.

***** Мо-чжи-юань, а за ним Говей принимают императорские титулы и основывают династию.

лась с каким-то ароматическим запахом и небесным цветом, отличалась еще более своих предшественниц невмешательством в политические дела, ведя скучную серальную жизнь. Ее тихий, снисходительный нрав, однако ж, как видно, не оказывал влияния на буйный характер ее мужа, который и взял ее единственно только из-за этого или, как выражается история, «из-за того, что девушка жила долго невинною (?!) и знала церемонии, потому что и император вел сначала такую же монастырскую, уединенную жизнь». Замечательно, что в конце биографии этой императрицы сделано маленькое замечание историка (Ляо ши), что она не имела значения потому, что не имела детей. Ясно, что историк здесь высказал взгляд целого общества на женщину, а именно, что она получает значение только тогда, когда имеет детей, а количеством сих последних, очевидно, мерилось значение и ее самой*.

Теперь я остановлю внимание читателя на обозрение характера и деятельности многозамечательной женщины, принесшей немалую услугу самому развитию всех государственных сил, на императрице ***Жуй-чжи***, жене Цзинь-цзуна, вступившего на престол после убитого Му-Цзуна.

Лучшей характеристикой этой женщины могут служить слова ее матери, когда она еще жила в своем семействе, и когда отец ее Сы-вень, цзай-сянь Северного департамента, однажды пожелал посмотреть на хозяйство** своих дочерей, тожена сего последнего отозвалась о Янь-янь (имя императрицы) таким образом: «Эта девушка (дочь) непременно сделается устроительницей дома (хорошей хозяйкой)». И действительно, мы видим, что она, сделавшись женой императора Цзинь-цзуна, играла видную роль в деле управления государством, особенно после его смерти, и, явившись истинной устроительницей государственных дел за малолетством своего сына Шэнь-цзуна, дала сему последнему отличное воспитание, вдохнув в него отличительные черты своего характера: дельность взгляда на задачу государя, широкое понимание дел, как военных, так и гражданских, принцип гуманности касательно применений наказаний и заботливость о благе народа.

Единственным недостатком ее может служить разве только то, что она после смерти своего мужа, с принятием на себя регентства (ше-чжен), несколько упала духом и, по причине слабости своего рода, боясь пасть под ударами тогдашних смутных обстоятельств, обратилась за советом к вельможам (Елюй Сечженю) и просила о поддержке. В этом она несколько расходится со своею предшественницей – императрицей Шуру, обладавшей, как мы видим, замечательною энергией и закаленностью характера в трудные эпохи своей жизни, в борьбе с внуком. Но надо знать, что тогда времена были несколько отличны от теперешних: тогда мы видим хотя и устанавливающийся порядок, но зато при очень счастливых обстоятельствах, без особенных внутренних потрясений (если исключить бунт Люке, не имевший, впрочем, большого значения) и, притом, под руководством такого энергичного государя, каков был Тай-Цзу. Здесь же мы встречаем некоторую шаткость престола, заметную слабость Цзинь-цзуновского царствования, уже более широкий полет усыпляющего Китаизма. Неудачи, которые постигли двор в царствование Му-Цзуна (потеря трех областей, чжоу), также не могли не влиять вредно на дух императрицы. Грозные натиски Сунского Тай-Цзуна, осаждающего самый Пекин, уничтожение Бень-Хань, которое поддерживал Киданьский двор, недружелюбное настроение Северных границ (Бохайских Маньчжуров) по проискам того же Тай-Цзуна – все это не могло не смутить хоть кого угодно. Но императрица, уважавшая советы своих вельмож и поэтому находившая в них всегда крепкую опору, победоносно вышла из этих трудных обстоятельств, дав начало новому порядку вещей, порядку внутреннего развития государства в блестящее царствование ее сына Шэнь-цзуна (имя: Вень-Шунь).

Замеченную в ней некоторую слабость, боязнь окружающего, я ставлю ей в вину потому, что разделение единодержавной власти между несколькими приглашенными ею вельможами, а именно, Елюем Сечжень*** итюй-юе Сю-геем, есть некоторая профанация, забывчивость, которая могла повести за собой ряд не очень радужных обстоятельств... Правда, эти два лица были замечательные деятели, люди вполне добросовестные и сознающие необходимость разумного образа действия при тогдашних запутанных обстоятельствах – в этом нельзя сомневаться, но их пример мог вредно отозваться впоследствии, мог дать повод другим требовать раздела власти, участия в управлении и, пожалуй, навести на мысль об окончательном захвате престола... Чтобы яснее представить этот акт в деятельности императрицы Жуй-чжи, я передам самый текст этого места: «Когда Цзинь Цзун умер, императрица приняла управление государством, как регентша, и со слезами сказала окружающим: “Я теперь сирота (му-гуа-цзы), род мой слаб, границы оказывают сопротивление и находятся во враж-

* Такой взгляд на значение женщин, впрочем, встречается не у одних Киданей, но и у всех народов: это, так сказать, общечеловеческий критериум на значение женщины.

** Буквально в тексте: «Посмотреть, как метут землю его дочери». Простота-то, простота-то какая!

*** Сечжень – потомок Шимоке из рода И-Цзу (история, впрочем, сомневается в этом), а Сюге принадлежал к Чжунь-фуфань, сын Шилу (брата Шуру), коему внук в третьем разряде.

дебном настроении... Что делать?" Елюй Сечжень (непроизносимое имя его (Хуй)де-чжан) представил всем главным чиновникам следующее: "Верные граждане, что должно поэтому предпринять?" Чиновники, посоветовавшись, решили так: "Власть относительно произнесения всех решений предоставить императрице и Сечженю, а юй-юе (канцлеру) Сюге поручить управление Южными границами" (в деле ведения войны с Китаем)». Таков был приговор совета чиновников и так, в тоже время, хорошо сошло это с рук для единодержавия Киданьских Хуаньди! Я считаю не лишним присоединить к этому несколько слов относительно тех титулов, какие она принимала, и какие даны ей императором Шэнь-цзуном, так как в них, правда, не без преувеличения, представляется характеристика ее отличительных черт (конечно, только хороших!). В первый год Тунь-Хо (983) она приняла титул: чень-тянь-Хуан-тай-хоу (высотою до небес мать-императрица); в 24-м году (1007) к этому прибавлено «жуй-де-шень-ле-инь-юнь-цзы-хуа... (гениально-добродетельная святая, совершенно соответствующая счастию, открывающая перерождение (!) высотою до небес мать-императрица). Несколько пышно, но во многом справедливо! Смерть ее последовала на 27-м году правления Тунь-Хо (1010). От нее остались три дочери: Гуань-инь, Чжан-шоу и Янь-шоу, которые, однако ж, ничем не ознаменовали себя. Сыновей у них также трое: Лунь-цинь, Лунь-ю и Яо-шуку (Шэнь-цзуна я пропускаю, как уже довольно известного, но о деятельности сих последних я поговорю в другом месте).

Подобно Шиллеру и Гете, гении которых развились под благотворным влиянием их матерей, Шэнь-цзун воспитывался и вырос под сенью советов своей разумной матери, как те оставили по себе память в своих гениальных произведениях, где мысль тогдашнего человека достигла до своего зенита, так и этот замечательный государь оставил яркий след за собой в своей деятельности, где мысль тогдашнего среднеазиатца достигла до своего апогея. Но чтоже сделал Шэнь-цзун, руководимый советами своей матери? Не место здесь распространяться об этом широко: я укажу только на самые главные акты из его деятельности. В сфере экономических постановлений было сделано: уменьшение податей, умеренные цены при голодовке народа, переселение жителей с неудобных на плодородные местности, введенные «амбары справедливости» (и-цань, запасные), прощение недоимок, указ об обработке пустопорожних мест, пиры для бедных по случаю урожаев, личный обзор полей, снаряжение судов в Ляо-Дун для закупки провианта – это относительно земледелия. Кассательно пошлин: назначение особенных чиновников – надзирателей за собиранием пошлин и усиленной обработкой полей, обращение пограничных войск в хлебопашцев и взимание с них податей натурой для прокормления армии, точное разграничение податных полей: частных (сы-тянь) и досужих (сянь-тянь), предоставление Ляо-Дуну прежних привилегий касательно взноса податей и повинностей. В деле торговли: доставление жителям свободного пропуска в Шаньси для производства торговых операций, конвоирование торговцев, основание торговых пунктов (в Ба-чжоу), облегчение народа дозволением обменивать бракованные шкуры и баранов на тафту в Южной столице. В разработке руд: эта сфера достигает в его царствование самого высшего процветания, ибо работа идет на пространстве от Хуань-хе и Инь-Шаньского хребта до истоков р. Ляо (т. е. во всем Чендефуском департаменте и Ляоси). Относительно литья металлов: сравнение мужчин и женщин в зарабатываемой плате от правительства. Скотоводство находится в самом блестящем положении. Его законодательная деятельность: ограничение прав господ над рабами, одинаковое применение закона как для Киданей, так и для Китайцев, улучшение закона о наказаниях за 10 смертных грехов, наказание более моральное (клеймение), назначение ревизоров, совершенное прощение вины во многих случаях, относительная снисходительность к ворам, прекращение празднеств и усиленная работа при решении тяжб и дел преступников, вследствие чего опустение тюрьм и отсутствие дел у чумиши, разделение империи на 2 департамента в виду устранения столкновений, указ о родственниках для парализования их недобросовестности, указ об исправлении кодекса для успешного и более справедливого применения наказаний, его победоносная армия, разбивающая Китайцев, Уйгуров и Корейцев и т. д., и т. д. Не можем ли мы видеть во всем характере его деятельности печать истинности и гуманности? Не следы ли это того влияния, какое он вынес из первой поры своей жизни под надзором своей матери? Шэнь-цзун и его преемник Синь Цзун заканчивают собой второй период* развития государства, развития чисто гражданского, внутреннего, под сильным влиянием Китайской цивилизации. Женщина в этот период играет немаловажную роль, принимая участие в делах государства и часто сосредоточивающая в себе всю власть императора (регентство). Лучшей представительницей этого направления деятельности женщин служит, без сомнения, императрица Жуй-чжи; в меньшей степени выражающая тоже направление и заканчивающая положительное участие женщины в деле развития управления является императрица Жень-де, к рассмотрению деятельности которой мы сейчас и приступим. Далее мы видим уже отрицательное влияние женщин, ряд се-

* Первый период (Амбагяневский) отличается милитаризмом, внешним усилением государства, расширением границ. Выразительницей этого направления является императрица Шуру.

ральных интриг, упадок женского влияния: первой на этом поприще является императрица Цинь-Ань, мать Синь-цзуна.

Положение и значение императрицы Жень-де, первой жены Шэнь-цзуна

Мы приступим теперь к рассмотрению деятельности императрицы Жень-де, первой жены императора Шэнь-цзуна. Надо заметить, что эта женщина не имела особенного значения на политической сцене как не принимавшая прямого участия в делах управления, а проведшая большую часть своей жизни в сеpальных занятиях: в постройке увеселительных домиков, алтарей для жертвоприношений, во введении колесниц для прогулок, затейливых парадов и пр. Как воспитательница Синь-цзуна, рожденного от фрейлины (гунь-жень) Наму-цинь (Цинь-ай, тогда еще не бывшая императрицей), она замечательна своим влиянием на него, проявившимся в нем уже после устранения своей матери, под влияние которой он подпал в первую пору своего царствования. Благодаря этому воспитанию по началам, которых держался его отец, Синь-цзун является продолжателем этих начал. Итак, все заслуги этой женщины заключаются в том, что она успела передать Синь-цзуну характер его отца и, таким образом, создать в нем последователя тех начал, какие мы видим в эпоху его отца.

Самый род ее от императрицы Жуй-чжи (она – дочь младшего брата этой императрицы – У-яня) уже, кажется, говорит в ее пользу*. Двенадцатилетней красавицей она была взята по выбору во дворец и в 19-й год Тунь Хо (1002) грамотой произведена в Ци-тянь (равная небу) Хуан-хоу. Она пожелала сделать уединенную (или темную) комнату из трав и стеблей и приставить к ней особенного управляющего (сы). Затем приказала построить цин-фынь («чистый воздух» – храм, алтарь?) для жертв небу, а с каждой из 8 сторон (этого здания, алтаря) – по 3 комнаты (всего 24). Затем она украсила это и делала различия в них (т. е. одни любила, другие – нет?); завела колесницы, установила на них головы драконов, хвосты сов, разные украшения из желтого золота (и-хуань-цзинь). Затем приказала сделать носилки для 9 драконов (цзю-лунь-ге), колесницы для всех сыновей с украшениями из белого металла (серебра?), завела фоу-ту (легкие носилки) для того, чтобы летом и осенью ходить (ездить) в них по горам и долинам. Цвет платьев выбирался под цвет деревьев и цветов (зеленый); самые платья, со вкусом и изящно сделанные, смотрелись как бессмертные духи (т. е. важно, величественно).

Как видно, самые занятия ее носят на себе печать тихой, уединенной жизни и, в тоже время, необыкновенной скромности и красоты характера. Эта последняя черта, сдержанность характера, уступчивость и безропотное перенесение обид лучше всего высказываются в ее столкновении с гордой Цинь-Ань. Я расскажу это столкновение. Императрица имела 2 сыновей, но они скоро умерли. Может быть, поэтому Шэнь-цзун взял себе другую жену из фрейлин (гунь-жень) по имени На-му-цзинь**, которая в 5-й год Кай-Тай (1017) и родила Синь-цзуна. Императрица, не имевшая детей, воспитала его и сделала императорским сыном (хуань-цзы). Затем в оный промежуток времени На-му-цзинь (тогда еще не бывшая императрицей) стала оскорблять императрицу. Та ей кротко сказала на это: «Старая вещь также требует снисхождения и любви». Все вельможи (буквально правое и левое) были заодно с ней. Но вот, когда Шэнь-цзун умер, Наму-цзинь своевольно приняла титул императрицы (Хуан-тай-хоу) и забрала в свои руки самого государя (тогда уже провозглашенного). Она, видимо, боялась влияния воспитательницы своего сына и постаралась удалить ее от двора. Вот как началась эта знаменитая интрига, первая в сеpалях Киданьских Хуан-ди, начавшая собой ряд подобных себе. Внутренней пружиной ее заправляло честолюбие императрицы Цинь-Ай, но она так ловко сумела поставить себя в ней, что мы даже не видим ни одного неловкого движения, ни одного содрогания мускулов. Сверху всем заведуют ее братья, которые явились обвинителями. Обвинение это заключалось в следующем: Пынь-цзя-ну, Цзи-сунь и прочие подали обвинение на то, что будто цзай-сян Северного департамента Чубу и государственный тесть (го-цзё) Бита*** замыслили о бунте не без участия императрицы Жень-де. Как мы уже знаем, императорским декретом было постановлено: Чубу и пр. 10 человек с императрицей признать виновными и подвергнуть допросу. Но Синь-цзун перед этим сказал своей матери: «Императрица (Жень-де) служила прежнему государю 40 лет, ласкала и воспитала меня (соб. Мяо-гун, косое тело), и должна быть награждена титулом Тай Хоу, а теперь возводят на нее обвинение в заговоре о возмущении?!» Цинь-Ай, однако ж, выдержала себя и только сказала: «Можно опасаться, что эти люди после причинят великие беспокойства». Император заметил: «Императрица старая и не имеет сыновей, хотя она и жива, но не может уже быть матерью…», и, по настоянию своей матери, сослал ее в Шань-Цзинь (Линь-хуань-фу). Цинь-Ай не последовала за парадным поездом при переселении Жень-де в Шань-Цзинь, не участвовала также и на весенней охоте. Она думала, что император сожалеет

---

* Национальное имя ее Пусаке.

** Прежде читалось: Наму-цинь. Это ошибка – следует: На-му-цзинь.

*** Бита был потомок (внук Агуци), отца Хуай-цзе, жены Ши-цзуна (цз. 67).

о своей воспитательнице и может оказать ей милость, почему и отправила одного чиновника поскорее прекратить ее жизнь. Когда посланный прибыл, императрица сказала: «Я действительно не виновата: вселенная это знает; вельможи (?) ожидают моей смерти, а засим должна последовать смерть: как же так?!» Посланный возвратился*, а императрица вскоре умерла, лет 50-ти от роду. Могила ее в горах Муе (Муешань в Бардам-ола), в темном, уединенном месте. Колесницы, сопровождавшие ее труп, следовали необыкновенно торжественно и печально. Надгробный титул: Жень-де-хуань хоу (человеколюбиво-добродетельная императрица), насыпь над ней служит также и для гроба Цинь-Ай.

Императрица Жень-де заканчивает собой, как я уже говорил, ряд более или менее трезвых, влиятельных женщин второго периода, без сомнения, лучшей поры достояний государства и женских нравов. Ей привелось столкнуться уже с женщиной другого направления, другой закваски, женщины-интриганки, вся жизнь которой была посвящена темным честолюбивым проискам, начавшая собой третий период, период разложения нравов и падения самого влияния императрицы на дела государства. Мы познакомимся с ней покороче.

Характеристика императрицы Цинь Ай, второй жены Шэнь-цзуна

Внучка в пятом колене Агуци (брата императрицы Шуру), смуглая, красавица собой, отличалась крайним честолюбием. Как родилась в ней эта черта характера, намекает нам одно легендарное известие, занесенное, впрочем, на страницы ее биографии, а именно, что ее мать видела однажды во сне ЗОЛОТОЙ СТОЛБ, ПОДДЕРЖИВАЮЩИЙ НЕБО. Если присоединим к этому сознание ей своей красоты, ту любовь, какую она встретила со стороны Шэнь-цзуна, то эта черта характера будет для нас совершенно понятна. Притом лица, ее окружавшие, не имели тех качеств, какими наделила ее природа. Значит, она могла вполне рассчитывать на поддержку мужа, а после – сына, вступившего на престол после смерти отца (она, впрочем, регентствовала). И, действительно, мы видим, что она забирает все управление и окончательно овладевает своим сыном. Для нее мало было своего собственного возвышения, она хлопочет и о своих родственниках, своих братьях: Ненъцзяну и пр. После удачной вылазки против императрицы Жень-де, которую она, как мы видели выше, успела удалить в Шень Цзинь, она, вследствие одной инерциальной силы привычки совещается с братьями, которые теперь уже благоговеют перед ней, относительно кандидатуры своего младшего сына Чжун-юаня, т. е. стала интриговать уже против сына императора. Чем же иначе объяснить это, как не силой инерции, болезненною страстью к разным новым комбинациям? Но Чжун-Юань** (брат императора), может быть, сознававший всю невозможность подобного дела, чтобы выпутаться из беды, донес об этом императору. Этот последний отобрал у императрицы (теперь она уже получила титул Хуань-тай-хоу – матери-императрицы) все значки и печати и сослал ее в Цинь-чжоу. Там она прожила, однако ж, немного времени и была снова приглашена ко двору, но уже не могла иметь такого влияния (собственно силы в интригах): значение ее пало и уже навсегда. После, однако ж, она несколько исправилась и явилась поборницей тех начал, которые проводил ее сын, наследовавший их от Шень Цзуна. По смерти Синь-цзуна она жила уединенно и, не имея родственников, встретила некоторое сочувствие в одной из своих невесток. Когда она стала плакать перед гробом покойного императора, Цинь-Ай сказала ей: «Твои годы еще не Бог знает какие, зачем сожалеть о потере, которую ты понесла?» В первый год Цинь Нинь (Дао цзуна 1056) она получила титул тай-Хуан-тай-хоу (императрицы-бабушки) и вскоре скончалась. От нее остались две дочери: И-му-синь и Шоке, но эти последние ничем не ознаменовали себя. Вообще, мы можем сказать, что гунь-чжу (принцессы) Киданьских государей не имели никакого активного участия в делах трона: выходя замуж за каких-нибудь цзай-сянов или чумиши, они этим самым прерывали всякие связи с двором и только в своей семье, может быть, имели значение, но это не входит в программу династиционной истории и, следовательно, деяния их для нас покрыты тьмой неизвестности.

Итак, императрица Цинь-Ай, как я уже говорил, является первой представительницей на сцене серальных интриг, первой темной тучей, которой суждено было так разрушительно разразиться над дворцом Киданьских хуаньди. По смерти она оставила не очень выгодную память о себе, доказав всему тогдашнему свету, что честолюбие женщины есть бесконечно большая величина, действующая иногда инерциально, особенно если будет дан счастливый толчок сначала.

Впрочем, жившая при ней императрица Жень-и (собственное имя которой *Толи*) не отличалась теми качествами, какие можно бы было ожидать благодаря первому дебюту императорской жены на сцене гаремных интриг.

---

* Совершил ли он убийство – история ничего не говорит. Видно, что тут как-то глухо высказано: может быть, историк руководился чем-нибудь посторонним, поэтому не внес этот акт на страницы истории.

** Он знаменит впоследствии своей оппозицией правительству дяди (Дао Цзуна), но при столкновении с войсками под предводительством императрицы Жень-и погиб вместе с сыном Нилугу.

Характеристика деятельности Жень-и-Хуан-хоу, жены Синь-цзуна

По своей энергии и неустрашимости императрица Жень-и является последним отзвуком той эпохи, когда жили и действовали Шуру, Жуй-чжи и тому подобные устроительницы государственного хозяйства. Самым блестящим деянием, отличающим ее от других дюжинных лиц, соцарствующих с ней (Гуй-фей, жена Синь-цзуна), бесспорно, должно считаться обнаружение ею* заговора Чжунь-Юаня, а затем, когда Дао Цзун, по эксцентричности своего характера, не захотел принять мер осторожности, и заговорщики подняли знамя бунта, усмирение личным начальством над войсками всех мятежников. Другие черты в ее характере – добродушие, высказывающееся в принесении жертвы за умершего в изгнании Чжун-Юаня, снисходительность и заботливость о бедных, обнаруживающаяся в раздаче последним всех подарков, какие она получала к новому году и дню рождения от вассальных и других государств – заслуженно ставят ее в ряд светлых личностей прошлой эпохи. Впрочем, век Дао Цзуна не был беден подобными деяниями.

Вот как рассказывает о ней сама история. «Старшая дочь младшего брата императрицы Цинь-Ай Сяо-му, по осанке необыкновенно грациозная, красивая и симпатичная лицом, она была взята во дворец и родила там Дао-Цзуна. В 4-й год Чжунь Си (1035) она была произведена в Хуан-хоу с пышным впереди титулом: чжень-и-цзы-хо-вень-хуй-цунь-цзинь-гуань-ай-чунь-шень-хуан-хоу. При Дао-Цзуне она получила титул Хуан-тай-хоу (императрицы-матери), а в 9-й год Цинь-Нинь (1064**) принимала живое участие в усмирении мятежа Чжунь-Юаня. Дело было таким образом. Некто Елюй Лянь, управляющий дворцом Лунь-Циня (Сяо-Вень-Хуан-ди, Синь-цзуна) «дунь му»*** (твердой любви), доложил тайно императрице о затевающемся бунте, в котором главными руководителями были Чжунь-Юань и его сын Нилугу (Ниругу). Императрица передала об этом императору. Тот все-таки сомневается в возможности подобного заговора... Жень-и сказала ему на это: «Это тайное общество может сделать очень многое, поэтому нужно нарядить следствие». Император, несмотря на совет, запретил относиться к нему строго; но когда бунтовщики открыли военные действия и напали на походный дворец императора, бывшего тогда на охоте, Жень-и лично приняла начальство над войсками (вей-ши, гвардией) и разбила мятежников наголову, причем большая часть сопротивляющихся пришла к покорности. Во 2-й год Тай-Кань (1077) она умерла и по смерти получила надгробный титул: жень-и Хуан-хоу. Вот так обрисовывает ее характер сама история. Императрица была человеколюбива, сострадательна, скромна и преисполнена добродетелей. Каждый раз, как она получала подарки от всех государств (го) ко дню рождения и новому году, раздавала их бедным людям. Однажды она увидела во сне, что будто Чжунь-юань**** сказал: «Кости чиновника (т. е. мои) находятся на Север от Мей-цзы-шань (горы в Маньчжурии, где и река тоже имеется, под которой стоял Ляо-янь (Дунь-Цзинь)) и совершенно заброшены без внимания». Когда императрица проснулась, она, тронутая состраданием к его дому, приказала принести за него жертву небу (лей).

Как смотреть на это последнее сказание? Очевидно, оно носит на себе печать легендарную и, может быть, вымышлено. Однако ж, по общему облику ее деятельности, открытой, благородной натуре, мы можем думать, что это последнее сказание могло быть и в действительности. Во всяком случае, императрица Жень-и представляет собой образчик таких женщин, которые еще могли воспитаться в безукоризненное царствование Дао-Цзуна и принимать такое деятельное участие в делах государства, как и их прототипы – Шуру и Жуй-чжи. Последняя активная роль, какая выпала на долю императрицы Жень-и, заставляет думать, чтоженщина в эту эпоху делает как бы последнее усилие для возврата прежнего положения, но пассивность Сюань-и и Хуй-фей, следующих за ней, указывает нам уже, что это усилие было только моментальной вспышкой, кончившейся ничем.

Несколько слов о Гуй-фей – жене Синь-цзуна по имени Сань-та

О ней история оставила нам очень небольшое известие, а именно, что она, дочь фу-ма-ду-вея (императорского зятя) Пиле, по выбору была взята в дунь-гунь (Восточный, т. е. наследника, дворец), а затем, с воцарением Синь-цзуна, сделана Хуан-хоу (императрицей); за какую-то вину она подверглась наказанию и была разжалована в гуй-фей. Это последнее событие относится к 1-му году Чжунь Си (или Чжун Си, 1031), т. к. к самому разгару честолюбия Цинь-Ай, весьма вероятно, она была лишена титула (и, следовательно, власти) по ее проискам.

---

* Собственно, не ею самой, Елюем Лянь, который передает об этом.

** По Иакинфу, в 5-й год (1060).

*** Всех таких дворцов было 10; они образовались из ордо, стойбищ и имели в своем ведомстве по нескольку округов (чжоу) (ту-ся) (ведомств), хань-ли, тули и чжасянов. В их же ведении состояла и большая часть войск (императорских, дворцовых).

**** Когда войско его было разбито, а сын убит, сам он бежал в Дун-мо (местность) и здесь лишил себя жизни. См. его биографию: ц. 64-й Ляо ши.

Императрица Сюань-и, жена Дао Цзуна

Теперь мы познакомим читателя также с замечательной личностью времен Дао Цзуна, замечательною не теми чертами характера, какие мы видим у Жень-и, т. е. активностью, влиянием на дела государства, а совершенно противоположной чертой – пассивностью, отсутствием чувства самозащиты против интриги, которую разыграл с ней всесильный тогда министр И-синь. Трудно как-то и верить всему, что говорит про нее история (или, собственно, ничего не говорит): неужели в ней не было нисколько голоса протеста, чувства самосохранения, чтобы сказать хоть слово в свое оправдание? А может быть, она и в самом деле была виновата в нарушении супружеской верности? Я передаю на суд читателя все, что оставила нам история об этой женщине. «Гуань-инь (ее имя), дочь младшего брата императрицы Цинь-Ай чумиши Хуй'я, благодаря своей красоте была взята во дворец, когда Дао Цзун был еще наследником (Ван-янь-чжао), а затем, по вступлении последнего на престол, получила титул Хуан-хоу. Кроме красивых форм тела, она обладала и эстетическим вкусом: умела со вкусом одеться, занималась легкой литературой (стихами), хорошо знала музыку и могла сама заправлять ею, играла с искусством на пи-па (монгольский музыкальный инструмент; См. выше), могла поговорить о легком (пустом) и серьезном, вообще, как видно, была женщина comme il faut. Недаром и титул она имела: И-де («красивые добродетели»). Не чуждо ей было и чувство ревности, высказывающееся в том, что она не советует императору брать наложницу Чжунь-юаня, отличавшуюся красотой, представляя для этого такой довод: «Сделать родственною нашему дому – для чего непременно ее?» От нее родился хуань-тай-цзы Жуй. В это время первым министром Дао Цзуна был некто И-синь. Он желал устранить Хуан-хоу от всякого участия в делах, уже и без того не занимавшуюся ими, и подговорил какую-то служанку (гунь-бей) из местности Даньдень-цзяо, по фамилии Динь-хао, открыть обвинение на императрицу в несоблюдении супружеской верности. По указу императора, И-синь должен был разведать это обстоятельство и подвергнуть императрицу пыткам. Как видно, императрица ничего не могла сказать в свою защиту, или, может быть, И-синь не передал ее оправдание. По заключению обвинительного приговора она была казнена. Труп ее был возвращен к родственникам... В г. пр. Цянь-Тунь (т. е. при Тянь Цзо, ее внуке) ей дали посмертный титул Сюань-и («раскрывающаяся красота») и похоронили на общем кладбище».

Чем объяснить ее безответность? Мы видим, что она отличалась бойкостью характера, была женщина с развитием, светски воспитана, обладавшая известными способностями, и, следовательно, нельзя подозревать в ней приниженность характера, забитость, которые являются только следствием гнета, моральной деморализации. Надо думать, что весь ответ на этот вопрос лежит в И-суне, который, наверно, представил все дело таким образом, что императрице ничего не оставалось делать, как лечь на плаху.

Биография Хуй-феи, жены Дао-Цзуна, после смерти Сюань-и

Не менее печальная участь постигла и заступившую вместо нее Хуй-фею Тасе (собственное имя), фаворитку И-суня, который предложил императору взять ее во дворец. Вот ее бесцветная история, где мы не видим ее самой, ее основного характера, а только тех лиц, которые распоряжались ее судьбой и двигали, как пешку. «Младшая сестра (мей) фу-ма-ду-юя (зятя императора) Симо, она во 2-м году Тай-Кань (1077) по рекомендации И-суня была взята во дворец и вскоре затем произведена в Хуан-хоу. Жила она несколько лет во дворце и не рожала детей, что, конечно, не могло нравиться императору, желавшему оставить по себе наследника. Императрица, видя, что не может рожать детей (бесплодна), просила императора взять во дворец младшую сестру ее, Этеле, бывшую в замужестве за сыном И-суня Су-е. После падения всесильного министра (что случилось в 7-м году Тай Кань, 1082) и пожалования Яньси титула Лянь-Вана, императрица как рекомендованная И-сунем и притом не рожавшая детей была разжалована в хуй-фей и заключена на кладбище. Младшая сестра ее, Этеле, бывшая тогда уже во дворце, возвратила ее из заключения, но она скоро после того благодаря интриге ее матери Янь-го-фу-жень (императрицы) Си-ку, направленной против объявленного тогда наследником престола Яньси, была разжалована в шу-жень (в меньшую жену с лишением прав и состояний) и сослана со всем домом в И-чжоу*; ее младшие братья не смели входить во дворец «синь-шень» (Шэнь-цзуна «возвышения мудрости»). При Тяньцзо в 6-й год Тянь-Цинь (1116) она была возвращена из ссылки и произведена в тай-хуань-тай-фей (т. е. фей – бабушки). Во 2-й год Бао-да (1120) она бежала к горам Хей-динь (черноголовым), где и умерла. Похоронена в Тай-цзы-шань**.

Так как мы ничего не можем сказать собственно о ее характере, бесцветность которого поразительна, то ограничимся только следующими размышлениями: 1) интрига И-суня, действительно, имела своей целью

---

* И-чжоу лежала в пределах Верхней столицы.

** Тай-цзы-шань – в Маньчжурии, где и река того же имени, впадающая в Хунь-хе, приток Ляохе (см. карту Маньчжурии, приложенную в конце сей тетради).

достижение большей власти или даже престола, на что ясно указывает его непосредственное участие в выборе жены Дао Цзуну после смерти Сюань-и; 2) что в Дао-Цзуне, действительно, совершилась реакция с падением министра, что видно из его внимания к Яньси (буд. Тяньцзо) и разжалования фаворитки павшего министра; 3) что женщина (в императорской семье) не имела тогда никакого значения, что доказывает безответность как Сюань-и, так и Хуй-феи, которые обе пали под ударами интриг, хотя сами и не принимали в них участия* и 4) что на женщину тогда смотрели, действительно, так, как было высказано выше, т. е. по отношению к рождаемости детей, как на существо, первое и прямое назначение которого быть распространителем человеческого рода, иметь детей (см. биографию жены Му-Цзуна).

Это падение влияния женщин в императорской семье, их бесцветность показывают нам, что тогдашнее общество клонилось к упадку. Не знаю, можно ли сказать это относительно всех граждан грозной когда-то империи, но что императорский сераль, полный интриг, арена разыгрывавшихся честолюбий, был на этом пути – в этом, кажется, сомневаться нельзя. Тот же мир интриг и та же бесцветность, приниженность женщины встретятся нам и в следующих обзорах, в век знаменитого Тяньцзо. Одна только личность выступает там ярче других – это Вень-фея Сё-сё, замечательная по своему живому характеру и тому некоторому влиянию, какое успела еще сохранить за собой женщина третьего периода; но та же участь, какая, как мы видим, постигла Сюань-и благодаря честолюбивым замыслам И-суня, заставляет смотреть на нее теми же глазами, мерить той же меркой, как и ее предшественниц.

Я остановлю внимание читателя на обзоре характеристик всех жен императора Тянь-Цзо как последних представительниц знаменательной эпохи упадка, третьего периода положения женщины, которые есть, в тоже время, и последний** в нашем настоящем обзоре.

Посмотрим, как бился пульс тогдашней общественной артерии, насколько тогдашнее состояние общества отразилось на женщине и наоборот. Император Тяньцзо имел 4 жен, записанных в истории, обзор характеристики которых я и представляю на суд читателя.

Характеристика Хуан-хоу из фамилии Сяо, жены Тянь-Цзо, по имени До-ло-ло

Хуан-хоу (императрица) из фамилии Сяо по имени До-ло-ло, дочь в третьем колене цзай-сяна Цзы-веня. Еще при жизни Дао-Цзуна она была взята во дворец наследника (Яньси) и произведена в янь-го-Вань-феи (феи – принцессы Яньского государя), а с вступлением Тяньцзо на престол она была пожалована титулом Хуан-хоу. Характера необщительного, скромного, была предана церемониальности при дворе (дворцовому этикету), и, может быть, поэтому ее братья Фынь-сянь и Бао-сянь ладили с ней, так как, кроме этого, императрица требовала важности в обстановке... В управление она не вмешивалась, преданная совершенно соблюдению только внешних форм дворцового этикета, который она старалась проводить, впрочем, и в самое управление (т. е. в дух управления). Последовав за императором, когда Нюйчжэньское войско открыло наступательное движение, она умерла от болезни во время охоты императора на Западе (си-шоу).

Юань-фея Гуй-ге, жена Тяиьцзо из фамилии Сяо

Точно такого же характера, чуждого вмешательства в государственное управление, была и ее младшая сестра, Юань-фея Гуй-ге. 17-ти лет от роду она была взята во дворец и грамотой пожалована в юань-феи («первая жена»). Эта скромность лучше всего высказывается в том обстоятельстве, что когда слуги украли у неё соболью шубу, она не сказала об этом никому. Умерла почти одновременно с сестрой в ту же пору смутных обстоятельств, открывшихся с появлением Чжурчжэней на киданьской территории и удалением, однако ж, трусливого Тяньцзо в западные пределы государства, где он не переставал заниматься травлей зверей.

Впрочем, по нижеследующим данным об активном участии их братьев (Фынь-сяня и Бао-сяня) в интригах Вень-феи и Элувеня, мы можем думать, что эти две женщины были не чужды того, что разыгрывалось перед их глазами, так как в другом месте истории (в «Бень-цзи» Тяньцзо, цз. 29) мы встречаем положительное указание на то, что Фынь-сянь ратовал за старшего сына Юань-феи, своей сестры, Цинь-Вана, значит, кровавая драма, разыгравшаяся в стенах императорского сераля времен Тяньцзо, не могла не иметь в числе действующих лиц и обеих сестер, т. е. Юань-феи Гуй-ге и Хуан-хоу До-ло-ло, хотя биография этих лиц и не содержит в себе даже намека на такое участие.

* Можно думать, впрочем, что последняя была не чужда такого участия, если не сама, непосредственно по своей воле, то под влиянием своей матери. Сама она не имела детей, но могла действовать в пользу сестры Этеке, которая была приглашена во дворец Дао Цзуна.

** О женщинах Западного Ляо (Гань-тянь-хуан-тай-хоу и Боктохонь) я не имею времени поговорить здесь обстоятельно, полагаю на будущее время.

Де-фея Шигу, жена Тяньцзо

Еще большей бесцветностью характера обладала жена Тяньцзо Шигу (имя) из фамилии Сяо, дочь цзай-сяна Северного департамента Чан-ке. «Во 2-й год Шоу-Лун (Дао-Цзуна, 1094) она была взята во дворец и награждена титулом Янь-го-феи. От нее родился Талу*. В 3-й год Цянь-Тун (1104) она получила титул де-феи («добродетельной жены»), а вскоре затем, по пожаловании Талу титула Янь-го Вана (ей прибавили титул): цзань-го-Ван. Умерла, сокрушаясь об умерших родственниках».

Чтоже мы можем вынести из рассмотрения биографий этих трех представительниц высших слоев тогдашнего общества, особенно последней? Какие характерные черты отличают их друг от друга? Приверженность к внешнему этикету одной, скромность другой, косвенное участие их обеих в гаремной интриге, веденой их братьями Фынь-сянем и Бао-сянем – вот чем они отметили себя на память векам. Их безучастность в делах управления и, следовательно, бесследность лучше всего доказывают нам, что влияние женщины в век Тяньцзо, ее нравственный пьедестал был менее, чем низок...

Характеристика Вень-фей и некоторое влияние ее на дела государства

Только одна женщина, жившая одновременно с ними, как бы не подходит под эту мерку, благодаря некоторой светлости, подвижности своего характера. Эта женщина – Вень-фея, жена Тяньцзо из фамилии Сяо.

Сё-сё (се-се), дочь императорского тестя (го-цзё) из дома да-фу**, понравилась императору на одном пиру у Елюя Да-ге и тайно (?) была введена во дворец. Затем, по предложению императорского дяди (тай-шу) Хо-ла-хе, она была официально введена во дворец и получила титул Вень-феи. От нее родились: Ду-го-гун-чжу Э-ЛИ-ИНЬ и Цзинь-Ван (титул, данный впоследствии) Э-ЛУ-ВЕНЬ. Эстетически развитая, любившая заниматься литературой и даже сочинять стихи, она выказала свою энергию и живость характера, особенно при первых столкновениях с усилившимися Чжурчжэнями, хотя, в тоже время, сочувствовала императору на охоте. Немилостивая к недобросовестным чиновникам, она всех их удаляла от Двора; а ввиду поддержания энергии в борьбе с неприятелем в торжественном собрании чинов сказала следующую речь***, изложенную ее стихами собственного творчества:

«Не сокрушайтесь о возмущениях на границе! –
Красная пыль не причиняет тяжких страданий. –
Грозно-храбрые наши соседи – не притон ли развратников?
Набирайте достойно-добродетельных чиновников и вдохните в них мужество и отвагу!
Возбуждайте сильных, жертвуйте собой: можно ли, чтоб мы не очистили Севера?!
После успокойтесь под Яньскими**** облаками (си-чжень-янь-юнь?)».
После некоторой паузы она снова сказала окружающим (речитативом):
«Все министры (чень-сянь) собрались ко двору;
Имеющая пояс (т. е. я) – поэт; тысяча чиновников стоят по сторонам и слушают.
Без слов (!), но с чувством и энергией должно уничтожить внешнее беспокойство.
Размыслите, почему нас постигла беда: разве нет преданных вельмож?
(Особенное внимание!) Нужно наказывать хитрых родственников, живущих между нами!
Станьте щитом трону и защитите наши богатства (в какие-нибудь ворота загоните скот);
Набирайте отборное войско и двиньте на смену и помощь другим;
Утешайте императора, боящегося (!) оставаться во дворце...»

В ожидании спокойствия (Тай Пин) император помнил ее слова; а когда пришла весть, что большая часть городов (наполовину) взята неприятелем, он окончательно упал духом. Но, несмотря на такую патетическую речь, сказанную ею ввиду поднятия духа уснувшего двора, она, оклеветанная Фынь-сянем, что будто была в заговоре со своим деверем Да-хе-ла (мужем сестры) и пр. относительно возведения на престол своего сына Элувеня, была «награждена» смертью*****. Я коснусь несколько ее речи. В этой речи мы видим:

1) что при дворе Тяньцзо слишком низко думали о «сильном Северном враге», уподобив его «притону развратников» – это не личный взгляд Вень-феи, нет! Из других фактов, из общего характера борьбы мы можем видеть это еще ярче. Это высокомерие, надо с сожалением заметить, нередко встречается на Востоке;

---

* О женщинах Западного Ляо (Гань-тянь-хуан-тай-хоу и Боктохонь) я не имею времени поговорить здесь обстоятельно, полагаю на будущее время.

** Как мы выше видели, дом да-фу принадлежал или, скорее, составлял подразделение фамилии Бали, из которой императоры брали себе жен.

*** Я обращаю внимание на эту речь, как важный документ, повествующий нам о делах того времени, и передаю ее дословно.

**** Пекинскими.

***** Подробности этой интриги я уже передал выше, в отделе обозрения законодательства Тяньцзо.

2) самоуверенность, граничащая с самохвальством и высказывающаяся в словах: «Можно ли, чтобы не очистили Севера»;

3) жалоба на хитрость и продажность родственников, проглядывающая в словах: «Нужно наказать хитрых родственников, живущих среди нас». Это будет понятно, если мы припомним, что И-ду, Му-ла-хань, Гоба, Фодинь, Жунь-ю и пр. передались на сторону Цзиньцев почти на первых порах столкновения;

4) отсутствие хорошего (отборного) войска. Как известно, оно даже негодовало на правительство за строгость наказаний (см. законодательство), а благодаря слабости наказаний дезертировало и не хотело сражаться (так было после несчастного похода Сяо Се-сяня);

5) малодушие, боязнь императора, что, конечно, он блистательно доказал своим позорным бегством. Поразительна эта черта, если мы сопоставим ее с первою, т. е. высокомерием; она ярко отмечает нам азиатскую тактику, часто встречающуюся, особенно между дипломатами Срединного государства. Лучше всего мы можем видеть это при столкновении их с открытым образом действия Чжурчжэней, бросившихся в глубь Китая. Я останавливаюсь на этих указаниях. Итак, мы видим, что на закате могущества Киданьской империи были еще некоторые люди, деяния или, вернее, взгляд которых на дела, завязывающиеся с Севером, были более или менее безукоризненны; но все же история живой женщины, весь ее пыл ограничился ничем, и двор, заснувший под качкой моря Китайской беззаботности, не воспрянул, не действовал «без слов, но с энергией», а, трусливо подставив свои интересы, погреб себя под слоем новых «Северных Варваров», которых он вооружил против себя своим высокомерием и жестокостями*.

Оканчивая свое исследование о первых исторических выходцах из пределов Маньчжурии с Юго-Восточного нагорья знаменитых Сяньбийских гор, я должен с сожалением присовокупить, что мое исследование неполно, маломысленно и нисколько не претендует на научное значение.

Кроме того, для законченности картины, я осмелюсь поставить себе еще один последний вопрос: какая же заслуга Киданей, чем они отметили себя в истории человечества, если не прошли бесследно для него?

Мне кажется, насколько я мог подметить, их заслуга заключается в том, что они:

1) первые положили начало Монгольской письменности, однако ж, по образцу Китайской, приноравливая ее иероглифы к изображению звуков своего полисиллабического языка;

2) познакомили Магометан с Китаем и дали первым возможность утвердиться в нем;

3) двинули Китайскую политику, т. е. заставили ее обращать больше внимания на политические перемены в Маньчжурии и вообще в Средней Азии;

4) первые владеют Китайской территорией и даже народом без особенных кровавых пожертвований, а единственно вследствие мирного договора с самим же Китаем;

5) первые открывают, таким образом (т. е. через владения в Китае), путь Среднеазиатским народам: сначала Маньчжурам – чжурчжэням, затем Монголам и, наконец, ныне царствующей династии Китая, также Маньчжурам в глубь Китая для его окончательного порабощения, совершившегося, однако ж, только в 17 столетии (1644-м году);

6) после перехода во власть Цзиньцев, способствовали появлению Чингис-хана, что ясно видно из того, что при всемирном завоевателе они были главными советниками**, по крайней мере, в деле уничтожения Цзиньской династии.

---

* Что действительно Чжурчжэни восстали в лице Агуды, потому что Киданьские правители отличались жестокостями к ним – это доказывает (конечно, не без преувеличения) та жалоба, какую высказал Агуда перед своим народом и братьями на Киданьское правительство (см. Бень-цзи Тяньцзо, цз. 28, 5-й год Тянь-Цинь, 2-я статья о Тяньцзо, 9 луна)...

** В 1227 году Елюй Чуцай (1189–1243), – советник Чингисхана сочиняет придворные церемониалы и издает некоторые государственные постановления о налогах и почте. В 1231 году он, подобно нашему Сперанскому, организует Монгольский сенат и назначается его президентом.

М. Д. Храповицкий

ЗАПИСКИ О НАРОДЕ ЛЯО*

О первоначальном происхождении *ци* (ки)–дань в сочинениях Срединного государства нет сведений. У этих отдаленных дикарей, грубых и необразованных, к тому же нет письменных памятников, потому хронологии нельзя вполне поведать. При исследовании их местности оказывается, что в землях их протекали две реки. Одна называлась *динери-емори* (Мурень река), иначе еще *тайвэй-сы-емори*. Источник ее находился на запад от Столицы, с юго-востока от горы *маюй-шань*, это на Китайском языке называется *тухэ*. Другая река называлась *нао-лохэ-емори*, иначе еще *нюй-гу-емори*. Источник ее на юго-западе оного *чжеу*, вытекает из ровной земли в сосновой роще и течет прямо на восток. У китайцев она называется *хуан-хэ*. Эти реки при горе *му-е-шань* соединяются и образуют одну. Древнее предание говорит: мужчина верхом на белой лошади плыл вверх по реке *ту-хэ*; женщина в телеге, запряженной быком, спустилась вниз по реке *хуан-хэ*. Они встретились у горы *му-е-шань*, на соединении двух рек в одну соединились между собою, став муж и жена. Это родоначальники Киданьцев. От них родились 8 сынов, из коих каждый жил в отдельном участке земли, и от того образовались 8 родов. Первый назывался *цзу-гели*, второй – *жу и ши-юй*, третий – *ши-хо*, четвертый – *на-вяй*, пятый – *дянь мо*, шестой – *нуй-хэй-ли*; седьмой – *моугай*, восьмой – *хи-вэнь*. Они поставили изображения восьми в горе *му-е-шань*. Впоследствии люди при жертвоприношении непременно убивали белую лошадь и закалывали быка пепельной шерсти, употребляя таким образом.

Впоследствии был один господин по имени *най-кэ*. Его один лишь скелет находился в горном пустом жилье. Он был накрыт войлоком, и люди не могли его видеть. Когда в государстве случалось какое-либо важное дело, то ему в жертву убивали белую лошадь и пепельной шерсти быка. Он, приняв вид человека, выходил и, окончив дела, опять возвращался в пустую комнату. Так как люди тайно подсматривали, желая знать тайну его существования, то его не стало. Еще был господин, его имя *гокэ*, с головою дикой свиньи и в одежде из свиной кожи. Он так же жил в пустом доме. Когда были дела, он выходил, по окончании дел скрывался в пустом доме по-прежнему. Впоследствии, когда жена украла у него свиную кожу, муж ее потерялся, не известно, куда он скрылся. Впоследствии был еще один господин, *хуарихунько*. Он кормил 20 штук баранов и каждый день съедал 19 штук, оставляя только одного. На завтра по-прежнему опять становилось 20 штук. Эти три господина все снискали им искусство управлять государством; прочие не заслуживают внимания. Это весьма странно: череп, завернутый в войлок, изменяет свой вид и распоряжается делами; носивший свиную голову, одевавшийся свиною кожею – неизвестно куда скрылся. И когда они входили в свое пустое помещение – неизвестно, кто был господином, а кто его помощником?! Эти сказания не имеют в себе истины, суть лишь передаваемые от одного к другому, будто и действительно было это. Если размыслить внимательно об этом, то тут нечем их подтвердить.

Впоследствии, когда лошади и быки от постоянного приношения в жертву истребились, возникли раздоры и несогласия – большие и не прекращавшиеся; еще встретились бедствия от ветров, града, снега и инея; народ оттого пришел в истощение и бедность. Старшины 8 аймаков мало-помалу устроили войска. В 3 года однажды они собирались на сходку; на встрече аймаков выбирали самого мужественного, сильного и способного к управлению и делали его государем. Прежний государь при этом сменялся, и так было постановлено до А-бао-

* Сочинение подготовлено к изданию Г. Г. Пиковым и дается в сокращении, ибо представляет собой черновые заметки "для себя" с обильными помарками и многократными исправлениями. (*Ред.*).

цзи, возведенного общим голосом: он истребил 7 аймаков, и положил начало Киданьскому владению. Итак, первое начало этому государству положено при Абаоцзи, а при Элюйгуане оно усилилось. При худом положении дел во времена 5 сев. династий, когда небо не утишило волнения, было бедствие от дел в Китае, все было смутно; бедствие от войны достигло самой крайней степени. Сунский император, согнувшись, прекратил войны, так что не было после брошено ни одной стрелы. Уступками и умиротворением действовали в продолжение ста с лишком лет; небо руководило мыслями государей, и они смирились и заботились о справедливости, и их правление по справедливости должно назвать спокойным: на Юге и Севере не употребляли войска. Это не плод ли добродетели? Добродетели Цзу-чжуна и последовавших государей поистине достигли высокой степени! Когда Ляо страхом покорило всех варваров, что было грознее его? В правление Тянь-цзу вздумали возмутиться *нюй-чжени*, как будто зола раздулась и очаг обрушился. Войска – не слишком хорошее орудие! Закон неба круговращается, когда дойдет до крайней степени совершенства, то и умаляется обыкновенно. Теперь, рассматривая минувшее, разбирая начало и конец династии Ляо, не могу удержаться и не исследовать особенности и определенные сходства.

Во всех родах Киданьских сначала не было фамилий; каждое называлось именем занимаемой им земли. В брачных союзах они не обращали внимания на разность или тожество рода, но после того, как Абаоцзи, уничтожив семейства, образовал государство, тогда род получил прозвание *хан-чжан*. В то же время он получил название от обитаемой им земли – Илиби и Шири – от столицы на восток в 200 ли. Потом он дал название роду княжеску. По установлениям семья князя заключала брачные союзы только с коленом императрицы, не обращая внимания на важность или ничтожность. Что касается до двух родов, образовавшихся из людей колена князя и княгини, то принадлежащие к ним без особого позволения князя не могли вступать в родственные союзы с людьми всех других родов; а все числящиеся в других аймаках заключали брачные союзы, не имея этого права. Потому между северными иноземцами были только два колена, которые входили в брачные союзы одно с другим. Это Елюй и Сяо.

Нравы

Киданьское государство находилось на восток от Кумохи. То, что при Танской династии называлось *хэ-шуй мохэ*, ныне составляет их землю. 72 аймака, составляющие его, не зависели в управлении одно от другого, весьма любили грабежи и разбои. Когда умрет отец или сын, то плакать считалось неприличным. Только трупы их клали на горе, по прошествии 3-х лет брали их кости и сжигали; при этом пили вино и заклинали: «В зимние месяцы, если я пойду на охоту, то пособи мне поймать больше кабанов и оленей». Они не знали приличий и в тупости и невежестве превосходили всех. Их нравы с народами Хи и Мохэ в большей части сходны. Так продолжалось до Абаоцзи, который постепенно подчинил себе все малые роды и принял титулы Китайцев. Китайцы научили его письму по способу начертания Ли Шу. Он установил браки, учредил чиновников и назывался Хуанди или императором.

Во времена Ханьской династии киданьские аймаки обитали на южном берегу реки Хэн-шуй и продвигались на северную сторону Хуан луна. Уже во времена династии Вэй они стали называться Ци-даньцами. Во времена Танской династии в правление Кай-тань и Тянь-бао они 20 раз приходили с дарами ко двору, потому было поручено начальнику (цзедуши) Фань-янь наблюдать за Сисцами и Киданьцами.

В начале Киданьского государства нынешние аймаки возглавлялись Да-хэ; впоследствии главы рода выбирали одного дажэня князем, завели знамена и барабан. По прошествии 3 лет князь заменялся другим; также если в аймаках случалось какое-либо бедствие или болезнь и в скоте сделался недостаток, то 8 аймаков собирались, чтобы заменить его другим, и тот повиновался общему приговору, не смея заводить споров. Когда же получил это достоинство Абаоцзи, отказался: государь не сменяется. Потому Абаоцзи стал управлять всеми, не желая передавать своего достоинства. По прошествии 9 лет все аймаки стали роптать, и Абаоцзи не смог удержаться. Передавая знаки своей власти – знамя и барабан – он обратился ко всем аймакам со следующими словами: «В продолжение 9 лет своего княжения я приобрел в. много (Китайцев) людей Ханьского государства. Потому намерен устроить особый еще аймак и построить Китайский город». Все аймаки согласились. Китайский город на востоке горы Тань-шань при устье Луань-хэ – там есть копи соли – это при династии Хоу-вэй. Там можно было заниматься земледелием. Абаоцзи завел хлебопашество; устроил для них город, обнес его стеной, устроил домы, завел торговые лавки и рынки, подобно тому, как было заведено в Ю-чжоу (ныне Пекин). Китайцам было жить спокойно, потому они не думали возвращаться в отечество. Абаоцзи знал, как мирно употребить в дело подданных Китайцев. По совету своей жены Шу-люй послал человека сказать начальникам аймаков: «У меня есть прииски соли, которыми преудовольствуются все аймаки, но аймаки, пользуясь солью, не знают владельца. Как это так? Вы должны прийти с подарками ко мне». Все аймаки согласились с

его требованиями. И все собрались на место производства соли с быками и вином. Абаоцзи скрыл войска в стороне от них, и когда они напились, войска выскочили из засады и совершенно истребили всех начальников аймаков. Таким образом образовалось одно государство; находящиеся от него на востоке и севере фамилии из страху все подчинились.

В конце династии Цзинь под управлением государева учреждения конницы и находившиеся войска назывались *Да-Чжан*; называвшиеся *Пи-Ши-Бин* в числе 30 000 были конные. Это были отборные латники, составлявшие как бы когти и зубы Киданьского государства. Находившиеся под управлением государыни Шу-люй назывались *шу-шань* в числе 20 000. При всяком походе на юг из каждого аймака выходило до 5 тысяч конницы, и всегда оставляли несколько сот войска для сохранения родов. Войска наследника *вэй-вень* – несколько тысяч конницы. Другие колена имели войска *си-ситянь*, также с лишком тысячу; людей было мало, лошадей много. Бохайские вельможи *даженги* имели китайского войска – конницы и пехоты с лишком 10 000. Они брили голову и застегивали одежду на левой стороне – весьма были похожи на Киданьцев. Еще покоренные юй-цзэли, ши-вей, нюй-чжи давали войска. Каждый из этих аймаков имел более 1 000 всадников. В этих землях, которые Ши Цзун-тан отрезал Ци-даням, много находилось иноземных и Китайских семейств. Киданьцы всякий раз предпринимали поход на юг. Всего войска имели не менее 10 ваней. Когда государь шел к границе, то пехота, конница, колесничие шли дорогою на восток. В главных каждый имел в управлении 10 тысяч всадников. При звуке рога, которым подает сигналы главнокомандующий, войска останавливаются на отдых и располагают палатки в виде круга, сломленных деревьев, немного изогнутых. Не делают рвов. В походе, услышав пространный удар барабана, не обращая внимания ночью или днем, вдруг постепенно собираются и идут. Если они встречаются с многочисленными войсками противника, сначала не садятся на коней; а когда уже подойдут близко к неприятельскому войску, они в войне употребляют хитрое бегство без сражения. Много скрывают в засадах людей для пресечения дорог, коими провозятся съестные припасы. Дождавшись ночи, они разводят огонь и по ветру бросают огонь на лагерь. Они с собою всегда носят съестные припасы; обращаться в бегство не стыдятся и, рассеявшись, опять собираются. При холоде они бывают еще крепче. По этим причинам они гораздо сильнее других.

Все другие фамилии были неважны; знамениты лишь фамилии Е-люй и Сяо-ши. Управления были: киданьский *шу-ми-юань*, также *син-гун-ду-цзун гуань сы* назывались северными, потому что находились на север от главного шатра; заведовали туземными делами; еще были Китайские *шу-ми-юань, чжун шу шень* и *син-гун ду-цзун гуань-сы,* назывались южными, так как находились на юг от главной палатки и заведовали Китайскими делами. Много было чинов, сходных с существовавшими в Китае – *сы-ну-гу, ду-ну-гу, чу-ну-гу*; заведовавшие управлением войсками были *тун-цзюнь* и, *сэй кун хэ сы*...

Пространство от 15 лет до 50 было для военной службы. Вступая в службу, всякий непременно приносил в жертву пепельного цвета быка и белую лошадь, в жертву Небу, Земле и духам Муе-шань. Посредством дощечки *юн-фу* повелевали выступать и передвигаться; существовало 200 серебряных дощечек. В местах пребывания войск для дозору существовали *лань-цзы ма*, чтобы ночью прислушиваться к голосам людей и лошадей...

Из 10 дворцов каждый имеет отдельные ворота, в каждом есть конница. Дворец Абаоцзи назывался *хун-и-гун*; дворец Дэ-гуана назывался *юн-син-гун*; дворец У-юя назывался *цзи-цин-гун*; дворец Шу-люя назывался *чжан-мэй-гун*; дворец Ту-юя назывался *чан-нин-гун*; дворец Янь-янь назывался *чун-дэ-гун*; дворец Лунь-юя назывался *син-шэнь-гун*; дворец Лунь-цина назывался *дун-шу-гун*. Еще было 4 двухэтажных здания – Западный лоу, на горе Муе-шань (назывался южным лоу), в Лунь хуа-чжоу (назывался восточным лоу), в Тан-чжоу назывался северным лоу...

Ловля рыбы и охота звериная

В каждый год в первой луне выходили на охоту; всего продолжалась 60 дней. После этого отправлялись на реку *да-му-хэ*, пробивали лед и ловили рыбу. Весной – птиц, гусей и уток. Летом шли в горы Тань-шань или в Верховную столицу для укрытия от жару. В 7 луне, в первых 10 числах, опять отправлялись на охоту оленью. Среди ночи приказывали охотникам играть в роги, подражая голосу оленей; когда олени собирались, начинали стрельбу. Сунский император Чжэнь-цзун посылал послов для поздравлений в день рождения. Возвращались и говорили: «В первый раз мы достигли озера Чань-бо, мы видели много диких гусей и уток». Император для охоты приказывал около палатки всадникам бить в плоский барабан, окружить Чань-бо, чтобы поднять птиц. Государь носил при себе золотое или нефритовое шило, называвшееся шилом для убивания гусей и закалывания уток. Первую пойманную птицу по ощипании перьев прокалывали шилом...

Постановления об экзаменах

В начале династии, при Тай-цзу, в пределах северной страны беспрестанно происходили войны; не было испытаний ученых. Спустя несколько поколений, когда спокойствие окрепло, начались экзамены. Было постановлено, чтобы в продолжение 3 лет производились экзамены – уездные, областные и губернские; уездные назывались *сянь-цзан*, областные – *фу-цзе*, губернские – *цзи-ди*. Если какой-либо ученый не отправлялся на экзамен, то областное или уездное начальство требовало от него объяснений. Сочинения экзаменские были двух родов: 1-ые назывались ши-фу; 2-ые состояли в изъяснении классических книг, и испытываемые назывались различно по различию этих экзаменов. В три года один раз производили экзамен на степень *цзинь-ши*. Экзаменальное управление, написав на двухвершковой бумаге имя получившего цзи-ди, предварительно вручало помощнику экзаменующегося известие. Эта бумажка носила название *и-те*. На следующий день приготовлялась доска с именами вновь получивших степень и выносилась за ворота при музыке. При этом били в 12 барабанов, подражая звуку грома. Для экзамена дворцового предварительно назначали день и представляли Государю на утверждение. Первому после этого испытания давали чин *фын-чжи-да-ефу*, должность. Ученым приказом он занимался составлением бумаг для Государя. 2 и 3 получали должность *цун шилан*, равно прочие получали ту же степень. В правление Шэн-цзуна только удостоивали степеней за ученые сочинения, называвшиеся *цы-фу*, и за экзамен в законоведении.

Записки о временах года

Первый день года. В 1-й луне в 1-й день Государь из разваренного пшена и мозгу костей белого барана, смешав их вместе, делал катыши, наподобие кулаку, и раскладывал их внутри на лавки в числе 49. После 5-й конной стражи Государь и другие, каждый в своей палатке, бросали в отведенные палатки приготовленные катыши. Если за повозкою найдут в четном числе, то ночью устраивают музыку и пиршество, если в нечетном, то не бывает музыки. Приказывают шаманам в числе 12 человек обходить кругом палатку, бренча в бубны, с поднятыми вверх стрелами. Внутри палатки затопляли горны, клали в них соль для произведения треска: это называлось прогонять чертей. Люди, жившие в палатках, на 7-й день только выходили вон: это обряд для прогнания злых духов. Северные, т. е. туземцы, называют это *най-дань-ли*. Китайцы объясняют это – не соответствовать.

Начало весны. В день начала весны жена Государя подносила ему *синь-чунь-шу* – изображение дракона.

В 7-й день 1-й луны жители столицы ели жареные хлебцы. Это называлось *сюнь-тянь*. Неизвестно, откуда это получило начало.

В 1-й день 2-й луны великое поколение Сяо принимало поколение Элюйши в свой дом на обед. Это время называлось *хэ ли поу*.

Шань сы. В 3-й день 3-й луны делали деревянного зайца и, разделившись на две половины, стреляли верхом. Кто первый, тот считался победителем, проигравший сходил с лошади и, преклонив колена, подносил победителю вино. Победивший выпивал, сидя на лошади. Туземцы называли это время *тао-ли хуа*...

Вихрь. Киданьцы, если случается вихрь, зажмурив глаза, брали плеть и ударяли в воздух 49 раз, приговаривая *куньбула*....

Поклонение. Вообще как мужчина, так и женщина для выражения почтения преклоняли одно колено, а другою ногою опирались в землю. Они называли это на их языке *негуди*, что значит коленопреклонение...

ЧАСТЬ III

КИДАНИ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Г. Г. Пиков

ЗАПАДНЫЕ КИДАНИ

Политическую историю государства западных киданей можно разделить на несколько этапов. Первым из них является период с 1124 по 1143 гг., основным содержанием которого было образование государства.

Возникновение государства западных киданей непосредственно связано с изменением в начале XII в. политической обстановки на Дальнем Востоке. К этому времени в киданьской империи явственно ощущался постепенный упадок монархии, ее внутренний развал. Войны с Кореей и тангутским государством в XI в. были последними успехами киданей на внешней арене. Они существенно истощили экономику страны. Участились попытки племен освободиться от гнета киданей (восстания дадань, цзубу и др.). Происходил процесс разложения правящей верхушки киданей, озабоченной борьбой за власть.

Кидани разгромили в начале X в. Бохайское королевство, однако не смогли остановить процесс исторического развития тунгусо-маньчжурских народов. Более того, угроза завоевания со стороны могущественных соседних государств Ляо, Сун и Коре, их не прекращавшиеся попытки вмешаться в их внутренние дела киданей лишь ускорили этот процесс, явились одной из важнейших причин возникновения у северных племен нового государства, ставшего преемником культурных и политических традиций Бохая. Шэннюйчжи (немирные чжурчжэни) с 1112 г. окончательно вышли из повиновения киданям и активизировали политику, направленную на объединение всех чжурчжэньских племен. Так началась война чжурчжэней с киданями, закончившаяся разгромом Ляоской империи и появлением на свет Золотой империи чжурчжэней. В политических событиях и военных действиях этого периода активное участие принял будущий основатель государства западных киданей – Елюй Даши.

Статуя Будды из пагоды эпохи Ляо. Бронза с позолотой (выс. 42,2 см).

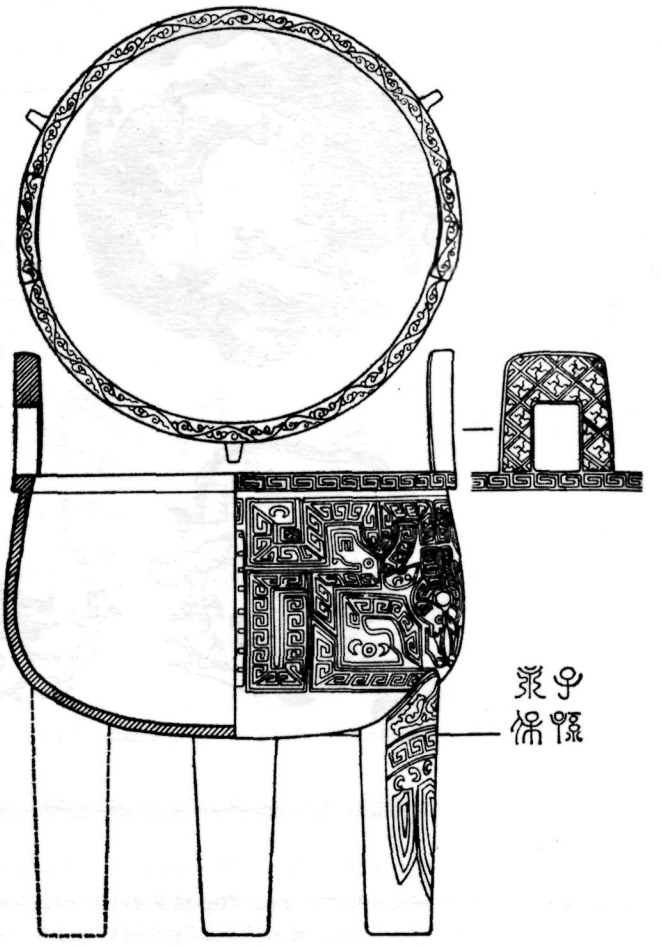
Родился Елюй Даши в 1087 г. Дата эта установлена на основании утверждения «Ляо ши», что в 1124 г. (год цзя-чэнь) ему было 38 лет[1]. Он принадлежал к императорскому роду и являлся потомком основателя династии Елюй Абаоцзи в восьмом поколении. В мусульманьских источниках он известен также под именами Нуши тайфу, Нуши талфун, Нуши тайфун, Нуси тайфда и Нуси тайгир. Для своего времени Елюй Даши получил довольно разносторонние и, вероятно, глубокие знания в различных областях культуры. «Ляо ши» сообщает, что в 1115 г. он удостоился степени цзиньши. Вероятнее всего, это произошло в 1112 г[2]. Даши был хорошо знаком не только с киданьской, но и с китайской литературой. Будучи к тому же отличным стрелком из лука и великолепным наездником, имея высокий титул чжун дэ (глубоко добродетельный), он обладал всеми необхо-

димыми качествами для занятия важных государственных постов. В 1115 г. он становится цыши (контролером) Тайчжоу и Сянчжоу, а затем и цзедуши (генерал-губернатором) тоусячжоу (вверенной области) Ляосин.

В этом же году дубоцзиле (верховный вождь) Агуда провозгласил создание чжурчжэньского государства Цзинь, принял императорский титул, *в 1116 г. захватил Восточную столицу киданей* Ляоян, старую бохайскую столицу, а вскоре и всю территорию прежнего Бохайского королевства. В ходе переговоров чжурчжэней с Сунской империей был заключен ряд соглашений (в 1118, 1120 и 1122 годах). По соглашению 1120 г. Сунская империя брала на себя обязательство выступить на стороне чжурчжэней против киданей.

Елюй Даши, получив значительные полномочия, играл, вероятно, в этот период немалую роль в политической жизни государства. Обе его должности (цыши и цзедуши) предполагали, что их обладатель одновременно занимал какие-то посты еще и в центральном правительстве[3], был облечен военными и гражданскими полномочиями.

Китайская армия вела себя пассивно. Это позволило киданям предпринять попытку нейтрализовать Сунскую империю и обезопасить свои южные границы. Елюй Даши, назначенный главнокомандующим южным маршрутом, в 5-м месяце 1122 г. во главе двух тысяч киданьских и сиских всадников нанес поражение сунским войскам при Ланьгоудяне. Это помогло империи Ляо справиться с нависшей с юга угрозой и направить часть войск против чжурчжэньских армий.

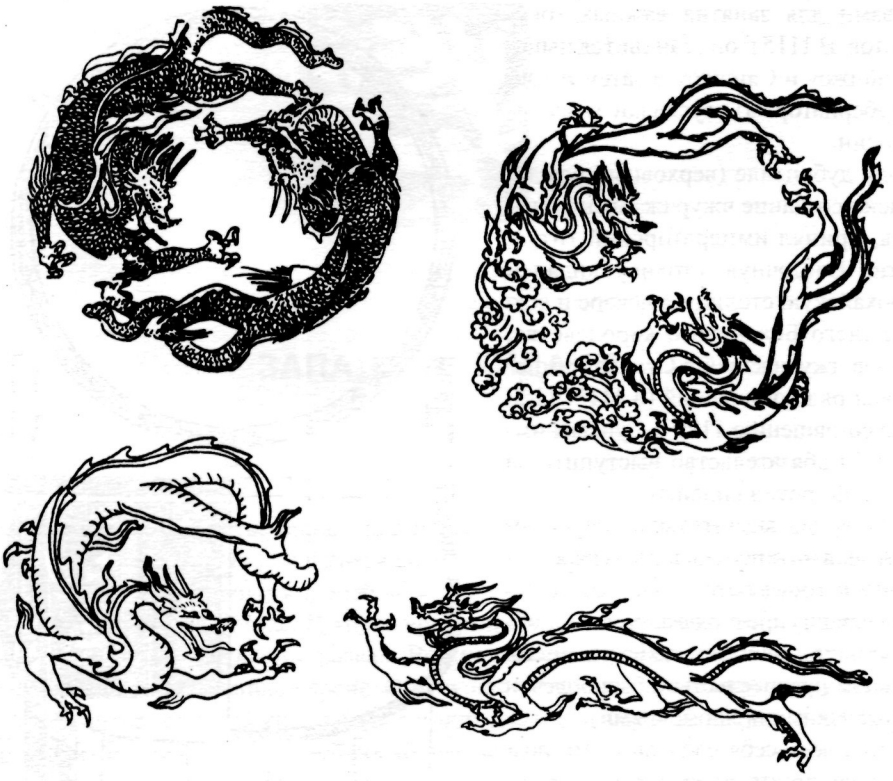

Треножник из пагоды эпохи Ляо.
Бронза с позолотой и серебрением (выс. 16,6 см).

В 6-м месяце 1122 г. Елюй Даши разгромил под Сюнчжоу отборную сунскую армию. В 10-м месяце 1122 г. огромная сунская армия (по Е Лун-ли, до 500 тыс. воинов) была отправлена для нападения на Ляо. Елюй Даши помог предводителю сиских войск Сяо Ганю разгромить ее. По «Сун ши» (цз. 357, л. 126–136), сунская армия понесла огромные потери в живой силе и оружии. Запасы продовольствия, которые собирались со времен Ван Аньши (1068 г.), попали в руки победителей. Одержанные Елюй Даши и Сяо Ганем победы значительно подняли престиж киданьской империи.

Однако вскоре в рядах защитников юга произошел раскол. Сяо Гань предложил план возрождения государства на территории обитания племени Си, которое, по сообщению Сюй Кан-цзы[4], проживало в это время на территории Маньчжурии. Елюй Даши настаивал на отходе к императору Тянь-цзо. Вероятно, уже в это время у Даши был план возрождения империи на основе объединения под эгидой киданей родственных им племен, но в тех условиях он оказался неосуществимым. Мысли его ближайшего сподвижника Сяо Ганя не шли, вероятно, дальше захвата власти для себя и своего народа. Его поддержали и некоторые киданьские чиновники, особенно те, которые вместе с императрицей от страха изъявляли покорность то китайцам, то чжурчжэням. Поэтому у Даши не оставалось другого выхода, кроме как возвратиться к Тянь-цзо. Тогда сиские и бохайские воины ушли с Сяо Ганем на территорию племени Си. Здесь в 1-м месяце 1123 г. Сяо Гань провозгласил образование государства Великое Си и присвоил себе титул императора Шэнь-шэна. Это государство вскоре было разгромлено китайцами. Сяо Гань был убит одним из приближенных, а голову его отослали в Сун.

Начался новый этап в биографии будущего основателя государства западных киданей, связанный с борьбой против главного врага державы – чжурчжэней. Сначала он добился некоторых боевых успехов. К числу выдающихся боевых операций Елюй Даши, вероятно, надо отнести контратаку под Фэншэнчжоу. Чтобы дать возможность киданьской армии уйти от наседавшего врага, отряд Елюй Даши неожиданно для чжурчжэней поя-

Изображения драконов из альманахов «скорбных текстов» эпохи Ляо (нач. XI в.).

вился в области Фэншэнчжоу, взял город и стал быстро продвигаться вперед. Его появление было настолько внезапным, что чжурчжэньские войска откатились почти до гор Дунмэншань (в 25 ли к востоку). Хотя Даши и попал в плен, время было выиграно.

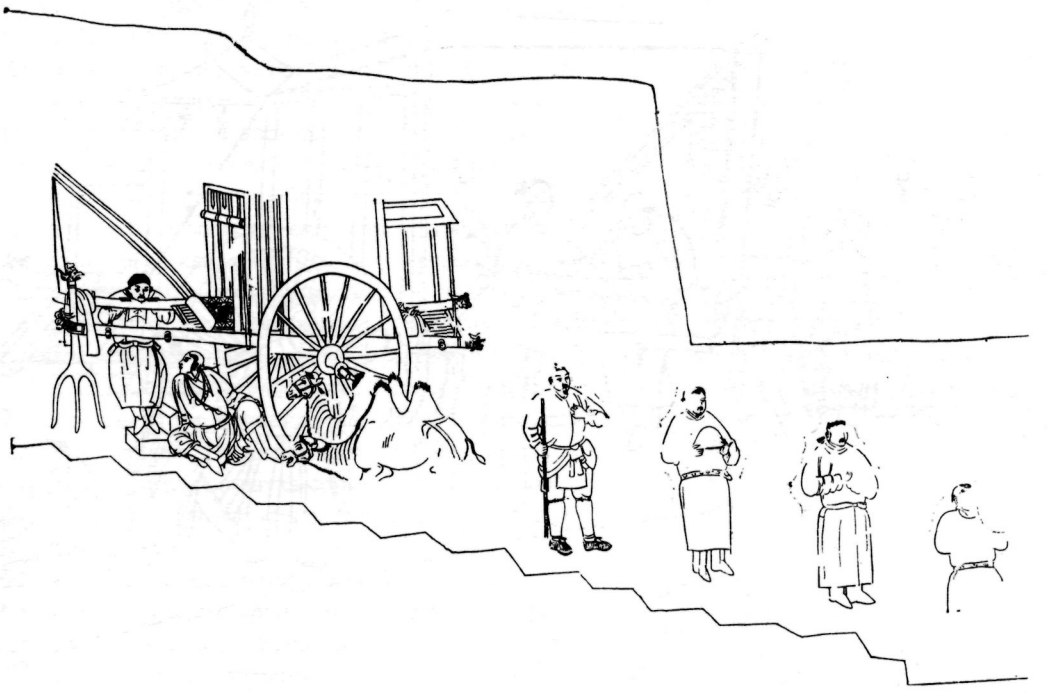
Вскоре отряды чжурчжэней, посланные для преследования киданьского императора, застряли в болотистой местности. Чжурчжэньский принц Цзун-ван приказал Даши провести войска к лагерю киданей. Самому Тянь-цзо удалось спастись и бежать в Инчжоу. Здесь необходимо отметить некоторое замешательство китайских историков перед фактом «предательства» Даши. «Ляо ши» вообще умалчивает об этом. В ней лишь сообщается, что Елюй Даши прибыл к императору после падения Пекина. Составители «Ган му» сообщают, что Даши был освобожден из плена чжурчжэньским императором, а затем послан им к Тянь-цзо. Лишь цзиньские источники открыто говорят об этом факте из биографии принца.

Цзиньский император полюбил Даши за смелость и ум, приблизил к себе и подарил жену. Однако Елюй Даши недолго оставался у чжурчжэней. Он поссорился во время игры со старшим военачальником Няньханем и, «боясь наказания», бежал.

В 9-м месяце 1123 г. он прибыл в лагерь императора Тянь-цзо. Император не только простил ему и эту измену, но даже обрадовался его приходу. Положение империи было критическим.

В 7-м месяце 1124 г. Тянь-цзо, рассчитывая на помощь Елюй Даши и шивэйских племенных отрядов под командованием Цигэши, решил выступить в поход для освобождения областей Яньчжоу и Юньчжоу. Но Елюй Даши, хотя и не имел еще определенного плана спасения государства, усиленно отговаривал Тянь-цзо от этого намерения. Тянь-цзо, однако, не последовал его совету. Войска выступили из гор Цзяшань, заняли несколько районов, но вскоре были разбиты чжурчжэньским полководцем Уши на р. Яньхэся. Елюй Даши не принял участия в этом походе, сославшись на болезнь. Остатки войск Тянь-цзо снова укрылись в горах Цзяшань. Вскоре он был захвачен в плен.

Судя по «Сунмо цзивэнь», где содержится биография Елюй Даши, заимствованная Е Лун-ли для своей «Истории...», Даши еще не решился окончательно отмежеваться от гибнущей династии, как принято считать. Сообщение о том, что «Даши, глубоко проникший в Пески, возвел на императорский престол сына Тянь-цзо, носившего титул Лян-вана, а сам стал его помощником»[5], заставляет иначе взглянуть на события. Уйдя от

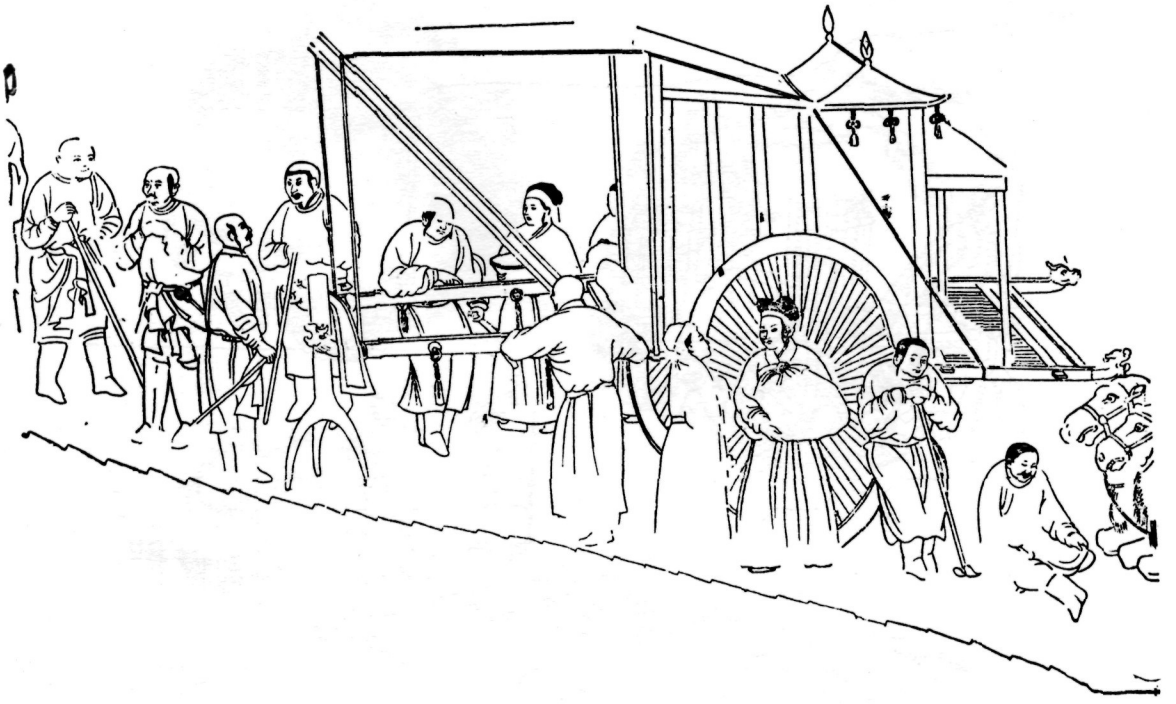
Фрагмент фрески из ляоского склепа (хошунь Кулунь, аймак Чжирим, Внутренняя Монголия).

Тянь-цзо, он возвел на престол в качестве марионетки Лян-вана, от его имени «назначил чиновников севера и юга» и темной ночью бежал на север.

Куда именно бежали Елюй Даши и Лян-ван? В 30-й главе «Ляо ши» есть сведения, что в конце концов Елюй Даши прибыл в Кэдуньчэн, но с таким названием существовало несколько городов. В главе 37 «Ляо ши» говорится: «Хэдунчен – это старый уйгурский город Хотун. В результате ошибки стали писать Хэдунчен... В юго-восточном направлении до Верхней столицы 1 700 ли»[6]. Но там же упоминается еще один город с таким названием: «Округ Чжэнь-чжоу, местонахождение командования воеводства Цзяньаньцзюнь древний город Хотун... В юго-восточном направлении до Верхней столицы 3 000 ли»[7]. Еще один город, «локализация которого затруднена»[8], упоминается в «Синь тан шу» (цз. 37). В какой же из этих городов отправился Елюй Даши? И в каком направлении – на запад[9] или на север[10]? Иначе говоря, к тангутам или монголам? Анализ источников показал, что Даши бежал не в тот уйгурский Кэдуньчен, о котором идет речь в главе 37 «Ляо ши» и который принадлежал тангутам с XI в.[11] Попасть в него можно было, не отклоняясь на север. К тому же в это время тангуты не стали бы оказывать помощь Даши, имевшему еще очень мало сил. Елюй Даши намеренно шел именно в город, расположенный на р. Орхон, т. к. это был важный военный центр на северо-западной границе киданьской империи. Основной задачей размещенного там гарнизона (более 20 тыс. киданьских воинов) был контроль над племенами. Хозяйственные работы вели члены 700 бохайских, чжурчжэньских и китайских семей, а также семьи сосланных преступников-киданей[12].

С прибытием на западную границу империи начался новый этап не только в биографии Елюй Даши, но и в истории киданьского общества. Его знаменовала последняя попытка вооруженной борьбой сломить натиск завоевателей. После ее неудачного завершения был предпринят поход на запад с целью образования нового государства. Хронологически этот период продолжался с 1124 по 1143/44 гг., т. е. с момента образования государства Бэй Ляо и до смерти Елюй Даши, оставившего своим наследникам мощное государственное образование с центром в бывшей столице Караханидов.

Остановить натиск чжурчжэней и вернуть гибнущей империи былую славу можно было, объединив все античжурчжэньские силы, в том числе многочисленные кочевые племена Монголии, для которых полчища Агуды представляли потенциальную опасность. Елюй Даши отлично понимал это. Уйдя от последнего киданьского императора с небольшим отрядом воинов, он затем пополнил свое войско за счет мелких киданьских племен, родов и гарнизонов крепостей, еще не захваченных чжурчжэнями. К этому времени умер Лян-ван, бывший «императором» всего несколько месяцев (5–10-й месяцы 1123 г.). Следующая креатура Даши, Елюй

Фрагмент фрески из ляоского склепа (хошунь Кулунь, аймак Чжирим, Внутренняя Монголия).

Чжуле, в 11-м месяце того же года был убит соратниками. И хотя император Тянь-цзо еще скитался по степям и даже считал себя верховным владыкой уже практически не существующей империи, в политическом смысле он был мертв. Поэтому Елюй Даши и решился, как сообщает «Ляо ши», объявить себя императором. Это произошло в пятый день 2-го месяца года цзя-чэнь (1124 г.)[13].

Авторитет Даши возрастал. Цзиньский главнокомандующий Няньхань сообщал императору, что Елюй Даши установил тесные контакты с Западным Ся. Достигнутые успехи позволили ему провозгласить создание нового киданьского государства Бэй Ляо (Северное Ляо). Воспользовавшись беспокойством, которое вызвало у кочевников появление чжурчжэней в Монголии, Даши созвал курултай племен в старинном уйгурском городе Бэйтин (Бешбалыке). На него прибыли главы семи областей («семь чжоу на западной границе») и вожди 18 племен. Среди них значатся племена, жившие в самых разных частях Монголии: Большие желтые шивэй, кочевавшие в районе Байкала; теле (теленгуты Рашид ад-Дина), обитавшие по берегах Амура; ван-цзи-ла (онгираты); цзя-цзи-ла (джаджираты); ми-р-ки (меркиты); цзу-бу (татары); тан-гу (тангуты); ху-му-ссю (хумус); е-си (йисуты); би-гу-дэ, возможно, жившие на Амуре; ни-ла; хэ-чу; у-гу-ли (уги, урянхаи); бу-су-уань; си-ди; да-лагуай (таргутай); да-ми-ли (у Рашид ад-Дина – тамгалык); цзю-эр-би. Этот список подтверждает сообщение «Цзинь ши», что влияние Даши распространялось практически на всю Монголию. На курултае Елюй Даши обратился к собравшимся с программной речью, а в ответ на страстный призыв получил 10 тыс. хорошо вооруженных и прекрасно обученных воинов. Вероятно, на этом же съезде Елюй Даши принял монгольский титул «гурхан». Если императорский титул отражал его притязания на киданьский престол и стремление возродить империю, то титул «гурхан» подразумевал, что средством для достижения цели он избрал конфедерацию монгольских племен – противников чжурчжэней.

Новое государство уже не являлось империей, и более значимым был именно второй титул. Основой слова «гурхан» является «гур», что означает «всеобщий», а весь титул читается «хан всех племен». Термин этот издавна привлекал внимание исследователей. Принятие его первым западнокиданьским правителем Елюй Даши казалось необычным таким историкам, как М. Дегинь, П. де Майа, К. Д' Эрбло, С. де Саси, М. Клапрот. Источник заимствования этого титула пытались найти В. Григорьев, И. Березин, К. Риттер, К. Менгес, К. А. Виттфогель, Фэн Цзяшэн и ряд других отечественных и зарубежных исследователей[14]. В «Ляо ши» прямо говорится, что «гурхан» – это почетный титул правителей монгольских племен. Корень «гур» в монгольском языке имеет два значения: 1) большой, всеобщий; 2) народ (собрание племен). Титул «гурхан» в этом случае означает выборного хана, поставленного во главе какого-либо племенного союза. Именно в таком значении он встречается

в «Юань чао би ши», где рассказывается, как в 1201 г. некоторые монгольские племена, собравшись на реке Кем, избрали своим вождем Джамуху и присвоили ему титула гурхан, т. е. великий хан[15]. Можно предположить, что на протяжении XII–XIV вв. значение этого титула претерпело заметную эволюцию. Джувейни объясняет его как «хан ханов», а Рашид Ад-Дин трактует как «великий хан, всеобщий хан»». В отдельных тюркских и монгольских языках это слово произносится с некоторым удлинением (гӱр-хан) и обозначает «универсальный правитель, хан с огромной властью, верховный правитель»[16]. Титул этот пользовался большим уважением у многих правителей, в частности, «любил видеть свое имя с этим прозванием Тимур»[17]. Любопытно свидетельство Р. Бэкона о значении слова «хан»: «хан – титул и означает то же, что прорицатель» (Chan est nomen dignitatis, et sonat idem quod divinator)[18]. Тем самым подтверждается попытка совместить в лице правителя западных киданей духовную и светскую власти по т. н. «китайскому» варианту[19].

Фрагмент фрески из ляоского склепа (хошунь Кулунь, аймак Чжирим, Внутренняя Монголия).

Фрагмент фрески из ляоского склепа (хошунь Кулунь, аймак Чжирим, Внутренняя Монголия).

Даши сделал ставку на северо-монгольские племена, надеясь с их помощью отвоевать трон. Об этом он откровенно заявил, провозглашая сначала государство Бэй Ляо (Северное Ляо), а потом и степную конфедерацию из 18 племен. Для потенциального государства, однако, не было ни этнической, ни экономической основы. Кроме того, северные племена хотели лишь не пропустить чжурчжэней в свои владения. Когда же они убедились, что Даши хочет серьезной войны с Цзинь, то тут же отложились от него. За Даши сохранялась слава «китайца», недаром мусульманские авторы именуют его Курханом ас-Сини[20].

Чжурчжэни предприняли ряд военных и дипломатических мер против Бэй Ляо, следствием которых явился распад сложившейся коалиции. Кидани под командованием Елюй Даши вынуждены были уйти на территорию Средней Азии. В день цзя-у 2-го месяца 1130 г. Елюй Даши принес в жертву Небу, Земле и своим предкам серого быка и белую лошадь, затем устроил смотр своим войскам, перед которыми поставил задачу совершить марш на запад.

Прежде чем отправиться «к арабам» (дашы), армия Даши для отдыха и пополнения продовольствия пыталась пробиться в горы Иньшань (хр. Борохоро, входящий в систему Тянь-Шаня), но из-за обильного снега и нагромождения скал не смогла сразу дойти до пастбищ.

Почему же кидани двинулись именно на запад, а не на юг или север? На это имелся целый ряд причин. На востоке и юге существовали довольно сильные государственные образования – Сун, Цзинь и Западное Ся, зато на западе политическая ситуация была нестабильной. В X–XII вв. обширные пространства среднеазиатского региона находились под политическим контролем Караханидов. Их владения к этому времени были разделены на «фактически самостоятельные уделы, управляемые членами или родственниками Верховного хана», воевавшими между собой. Распри привели к ослаблению уделов и «послужили одной из причин падения государства Караханидов»[21]. В то же время в регионе шел интенсивный рост городов. Возросшие потребности городов в рынках сбыта своей ремесленной продукции, повышение спроса на сырье, производимое лишь скотоводческим хозяйством, служили мощным стимулом втягивания кочевников в орбиту товарно-денежных отношений с земледельческими районами. Следствием этого явился быстрый рост товарности скотоводства, что стимулировало кочевников увеличивать пастбища. Стремление к расширению пастбищ, а также желание родоплеменной знати участвовать в торговых делах без посредников толкали кочевников на конфликты с соседними племенами.

Уход произошел, как явствует из анализа «Ляо ши», в 1130 г., а не в 1128 г. (дата мусульманских источников). Встретив вооруженное сопротивление со стороны киргизских племен на территории Тувы, кидани через

Фрагмент фрески из ляоского склепа (хошунь Кулунь, аймак Чжирим, Внутренняя Монголия).

Турфанское уйгурское княжество вторглись в Семиречье. Решающее сражение между киданями и армией Санджара состоялось 5 сафара 536 года хиджры (9 сентября 1141 г.). По сообщению Ибн ал-Асира, «не было в исламе битвы крупнее этой, и не было в Хорасане больше убитых, чем в ней»[22]. Катаван (Катван) – селение в Самаркандской области. Якут пишет, что оно отстояло от Самарканда к северо-западу на 5 фарсахов. От него получила свое название Катванская степь между Зеравшаном и горами. Даргам – один из притоков реки Зеравшан, к югу от Самарканда. Что касается численности войск, то Ал-Хусайни сообщает о «700 тысячах самых сильных всадников» у киданей и 70 тыс. – у Санджара[23]. Бар Эбрей приводит другие цифры: 300 и 100 тысяч[24]. Число погибших мусульман источники тоже называют по-разному. В маньчжурском варианте «Ляо ши» сообщается, что на протяжении десяти ли земля была покрыта мертвыми телами. Низами-и Арузи Самарканди[25] и Равенди[26] говорят о 30 тыс. павших мусульман. Ал-Бундари подтверждает цифру Ибн ал-Асира – 10 тысяч[27]. Бар Эбрей рассказывает, что Санджару удалось бежать только с шестью всадниками, а его 100-тысячная армия частью была перебита, а частью пленена[28]. Память об этой битве была жива еще в XIV в.[29]

Резонанс от битвы в Катванской степи был огромен. Вести о ней докатились до Палестины и Сирии, а оттуда в совершенно искаженном виде просочились в 40-х гг. XII в. в Западную Европу[30]. В 1146 г. баварский хронист Оттон Фрейзингенский в своей хронике вспоминал о состоявшейся годом ранее встрече с кабульским епископом из Сирии, во время которой тот сообщил ему, что «несколько лет назад некий Джон, который жил за пределами Персии и Армении на далеком Востоке, король, священник и христианин со всей своей нацией, хотя и несторианин, повел войну против королей персов и медов, братьев, называвшихся Самиарди... они сражались три дня... Пресвитер Иоанн, ибо так они называли его, разгромив, однако, персов, явился победителем в самой жестокой резне»[31]. Он, якобы, дошел до Экбатаны (Хамадана), но не решился перейти Тигр и увел войска обратно[32]. «Хроника» не указывает точную дату, говоря лишь «несколько лет назад». Зато ее совершенно точно приводит сочинение, продолжающее «Хронику» Оттона Фрейзингенского[33]. В 1165 г. папа и некоторые государи получили подложное письмо к византийскому императору Мануилу Комнину от имени священника Иоанна. Папа Александр III в 1177 г. отправил своего лейб-медика, магистра Филиппа, с письмом к этому царю «Трех Индий» и всех земель от вавилонской башни до места погребения апостола Фомы. Таким образом, европейские авторы ошибочно приписали каракитаям поход в Иран и Месопотамию, сочтя их подданными христианского государя. Возможно, сирийский епископ располагал какими-то сведениями о наличии среди «неверных» несториан, кереитов или, что тоже вполне вероятно, киданей. Имя этого царя Иоанна связывали с именем апостола Иоанна, который называл себя пресвитером во втором и третьем посланиях. Он, якобы, «не умер и выступит при конце дней провозвестником Спасителя»[34]. П. Карпини называет его «царем Индии». М. Поло и Абу-л-Фарадж, говоря о нем, имеют в виду Ван-хана кереитского. С XIV в. его отождествляли с абиссинским негусом. К. Риттер считал, что именем Иоанн был передан титул ван-хан[35]. Л. Н. Гумилев писал, что Иоанн соответствует имени найманского вождя Эниата (Инанч Бильгэ Буку-хана): это «имя, либо легко переделываемое в “Иоанн”, либо просто имя “Иоанн”, превратившееся в Эниат»[36]. Г. Опперт же вообще производил имя «пресвитера Иоанна» из титула «гурхан», считая, что произошло выпадение буквы «р»[37]. Эту теорию более подробно разрабатывает Царнке, а разделяют ее О. Пешель и Гутшмид[38]. Профессор Брун пресвитером Иоанном считал грузинского царя Иоанна Орбелиани[39].

После этого решающего сражения с объединенными силами мусульманских правителей в Катванской степи под Самаркандом 9 сентября 1141 г. завоевание Средней Азии было завершено в короткие сроки.

Второй период истории государства западных киданей – 1144–1218 гг. Преемниками Елюй Даши предпринимается ряд мер по укреплению государственного аппарата, в котором на службе использовались и представители подвластных народов. Всем правителям Западного Ляо постоянно приходилось вести военные действия с соседями. Несколько раз западные кидани при помощи оружия пресекали попытки уйгуров освободиться из под власти Си Ляо. Киданьские эмиссары провоцировали беспорядки на западной границе чжурчжэньской империи. В 1188 г. цзиньским императором был принят план сдерживания кара-киданьской

активности. Активные действия западных киданей, направленные на стравливание с чжурчжэнями различных монгольских племен, не были в полной мере эффективны и систематичны, ибо много сил и внимания отвлекали события на западной и южной границах государства. Особенно напряженными были отношения киданей с Хорезмом.

Государство кара-киданей переживало сложный период. Уйгурский Идикут поднял в 1209 г. восстание против киданей и направил к Чингис-хану послание, в котором писал, что «ненавидит киданей и уже давно имел желание подчиниться»[40]. Кара-киданьский наместник Шаукем, который «простер десницу притеснения на Идикута, начальников и племена уйгуров, требовал неподобающего добра», был убит восставшими. Мятеж Идикута явился сигналом к началу освободительного движения мусульман Восточного Туркестана.

В самом государстве поднял мятеж найманский вождь Кучлук. Он оказался в государстве западных киданей после разгрома кереитов Темуджином в 1204 г[41]. Он пытался продолжить дело своего отца Таян-хана и сплотить монгольские племена в борьбе с Чингисом, однако был окончательно изгнан за пределы Монголии и оказался в государстве Си Ляо. Кучлук быстро разглядел слабость государства. Устроив засаду, он захватил гурхана на охоте. Однако Кучлук не решился расправиться с гурханом, так как кидани составляли значительную часть его войска. Гурхан получил титул Тай шан хуан (верховный император), а его мать – Хуан тай хоу (вдовствующая императрица).

В исторической литературе при анализе политической ситуации в Средней Азии накануне монгольского вторжения государству кара-киданей обычно уделяется мало внимания. Воссоздается на основе тех или иных источников история взаимоотношений местного мусульманского населения с киданями, преследования Кучлуком ислама, жестокое подавление народного недовольства и коротко сообщается о захвате государства войсками монголов. На наш взгляд, эта страница истории Средней Азии заслуживает детального освещения. Сопоставление и анализ различных источников позволяют сделать это.

Приход к власти Кучлука знаменовал начало заключительного этапа в истории западнокиданьского государства. Оно быстро шло к печальному финишу, раздираемое внутренними противоречиями, расшатанное борьбой среднеазиатских народов за свержение ига киданей, потерпевшее ряд крупных неудач на внешнеполитической арене (войны с гуридами, хорезмшахами и т. д.), ослабленное в результате недальновидной внутренней и внешней политики найманского вождя. Его политика гонений на мусульман вызвала всеобщую ненависть населения.

Вероятно, именно известия о борьбе Кучлука с хорезмшахом породили слухи о «царе Давиде, который идет на помощь христианам с востока». Слухи взбудоражили Европу. Епископ Акки палестинской Яков де Витри в своих письмах (1221 г.) рассказывал о попытке багдадского халифа, враждовавшего с хорезмшахом, через посредство несторианского патриарха вступить в переговоры с царем Давидом. С этой целью халиф, похоже, действительно отправил посла в Среднюю Азию.

В 1218 г. 20-тысячный корпус монголов под командованием Джэбэ-нойона вторгся в Западное Ляо. Судя по сообщениям Абул-гази, государство Западное Ляо было одним из центров сопротивления Чингис-хану. Сам Чингисхан считал опасность с этой стороны очень большой[42]. Как показывает анализ источников (Абулгази, «Юань ши», «Синь Юань ши»), государство было завоевано монголами не сразу, как долго считалось, а лишь спустя почти два года (к 1220 г.).

Так закончило свое существование западнокиданьское государство. Вероятно, во время агонии оно распалось на несколько отдельных владений. Какие-то племена в это время начали миграцию с территории Си Ляо. Так, во время боя Мухаммеда с монгольской армией, направленной для преследования меркитов и разведывания пути на запад, какие-то роды или даже, возможно, племена кара-китаев сражались на стороне монголов. Джувейни сообщает о пленении в битве 1210 г. отряда некоего Хамид-Пура, который перешел на службу к хорезмшаху и погиб в 1220 г. при взятии монголами Бухары[43]. Особенно известен Чин-Тимур, сумевший добиться высокого положения при монголах. Рашид ад-Дин сообщает, что он происходил из онгутов, однако, по словам Джувейни, он был родом из кара-киданей[44]. Самыми же известными наследниками, в некотором смысле наследниками славы гурханов, были Измаил и Борак-хаджиб.

Под мусульманским именем Измаил (в «Юань ши» – Хэ-сы-май-ли) известен один из ближайших сановников гурхана Чжулху, контролировавший область Ферганы. Часть кара-киданей ушла в поход на запад с монголами (примерно 5 тыс. хозяйств). Этот отряд был поставлен в авангарде корпуса Джэбэ. Впоследствии все перешедшие на сторону монголов кидани влились в этот отряд, постепенно разросшийся до десятитысячного корпуса и более. Оставшиеся растворились в местном населении или совершили миграцию в последующие времена. Созданный монголами кара-киданьский корпус сыграл заметную роль в истории нашествия орд Чингис-хана на Среднюю Азию. Судя по «Юань ши», отряд возглавлял именно Измаил[45]. Затем киданей бросили

против курдов Ширваншаха. В составе Западной экспедиции кидани прибыли на Кавказ и нанесли, если верить «Юань ши», поражение отрядам грузинских князей, асов, взяли город Хэ-линь (город черной рощи). «При горе Тер» впервые столкнулись с ва-ло-сы (русскими) и разбили их. «Юань ши» утверждает, что именно Измаил со своим отрядом захватил Ми-чжы-сы-ла (т. е. Мстислава) и по приказу Джэбэ доставил его наследнику престола Джучи. После казни Мстислава корпус кара-киданей обрушился на канглов, затем «усмирил» кипчаков. Во время похода Чингис-хана на тангутское государство Измаил явился к великому хану. Тот щедро наградил его, передав значительную часть захваченных самим Измаилом драгоценностей и пожаловав титул битхэши. Здесь впервые осуществилась мечта киданей: они были посланы в бой против своего смертельного врага – чжурчжэней. За участие в этих боях и за подвиги на западе Измаилу было пожаловано звание гуй-сиюй-да-шуй (покровитель западных стран).

Одним из «потомков» западнокиданьского государства было, видимо, государство Борак-хаджиба в Кермане. Борак-хаджиб (Булак, по Ибн ал-Асиру) – единственный в своем роде основатель последней киданьской (точнее уже кара-киданьской) династии. Мухаммед ан-Насави, сторонник разгромленной Бораком партии, ясно заявляет, что «узурпатор» был «камергером» гурхана[46]. По Казвини, он – «один из эмиров Гурхана каракитаев»[47]. Есть сведения, что он был близким родственником гурхана, вероятно, сыном Таянку, который попал в плен к хорезмшаху в 1210 г.[48] В китайском источнике монгольского периода Ци-ли-ван (Керман) упоминается как страна черных киданей[49]. История кара-киданьской династии в Кермане начинается с 1210 г. По Джувейни, после битвы при Таласе (раби'1 607 г. х. - август-сентябрь 1210 г.) Борак-хаджиб попал в плен к хорезмийцам и был взят Мухаммедом на службу. Во время нашествия монголов он бежал вместе с сыном хорезмшаха Гияс ад-Дином Пиршахом в Персию. На пути в Индию, к старшему сыну Мухаммеда, он подвергся нападению правителя Кермана Шуджа ад-Дина, позарившегося на его жен и имущество, но не только отбился, а даже очень быстро завоевал весь Керман, где и остался (1222–1223). В 1235 г. монголы отправились на завоевание Сеистана, и их полководец Таир-бахаду потребовал от Борака помощи. Борак, ссылаясь на свою старость, не поехал, но послал своего сына Руни ад-Дина. Еще по дороге в Монголию царевич получил весть о смерти отца. Это случилось 20 зу-л-хиджжа 632 г. х. (5 сентября 1235 г.). Последний «кара-киданьский» Кутлуг-хан умер в 706 г. х. (1306 г.).

Этим заканчивается первый период истории западных киданей после гибели их государства на территории Средней Азии. Размывание населения шло на протяжении всей истории этого государства, а в конце стало особенно интенсивным. Еще в 1203 г. некий Эбу-гэджин-Ноякин участвовал в заговоре против Чингис-хана[50]. Одним из последних кара-киданей, живших после похода Чингис-хана, был Кундукай, который при Хубилае, по словам Рашид ад-Дина, занимал должность казначея[51].

Следующий период – время расселения западнокиданьских родов на территории всей Средней Азии и даже за ее пределами. Пока практически невозможно создать полную картину миграции западных киданей, ибо письменные источники и археологические свидетельства не позволяют уверенно выделять киданей из других племен и народов. Причина этого – ассимиляция киданей местным населением. Подверглись ей еще кидани, переселившиеся на запад до Елюй Даши. Этот процесс тюркизации подметил в XI в. Махмуд Кашгарский: «Хитай имеет отдельный язык и письменность. Тюркским языком они владеют не полностью»[52]. Окончание этого процесса застал, пожалуй, Угусунь Чжундуань, сообщивший, что «в настоящее время осталось мало жителей, они переняли обычаи и одежду хуэйхэ (мусульман)»[53].

Восстановить картину расселения западнокиданьских родов (хотя и далеко не полную) можно с помощью этнонимики. В историко-этнографической литературе хорошо известен этноним *катай* (ктай, кы-тай, китай, хтай, хытай). В состав казахов Среднего Жуза входил род *кытай* или *ктай-аргын*. У киргизов широко распространены этнонимы *кытаи*, *ктай* и *кара-кытаи*. Киргизское племя кытаи относится к левому крылу. В XIX в. оно было расселено в долинах рек Таласа и Чаткала, но крупные группы этого племени жили в Прииссыккулье и Чуйской долине, а более мелкие – на Тянь-Шане. Быт племени кытай запечатлен в поэме «Коджоджаш», входящей в состав эпоса «Манас». Потомками найманов, часть которых во главе с Кучлуком переселилась в начале XIII в. на территорию Семиречья, можно считать киргизское племя найман[54] Название *кытай* встречается и у узбеков. Немногочисленные группы кытай (ктай) встречались в конце XIX в. среди таджиков. Объединение ктай является одним из четырех племен каракалпаков *арыса он торт уру*. Как микроэтноним *ктай* зарегистрирован среди ногайцев Северного Кавказа. Фонетический вариант названия *кидани* можно проследить и в составе калмыцкого народа: *киттуд*, *китат*. Род катай упоминается в одном из башкирских шежере как плативший дань послу русского царя Ивана Грозного[55]. Его представители участвовали в Ливонской войне, походе на Азов, на Казань. Там же есть указание на то, что появились они в Башкирии в то время, когда находились «под покровительством хана Чингиза Темучина (получили эти земли), с благословенного разрешения

великого Темучина хана Чингиза». Да и целый ряд исторических преданий башкир гласит о том, что родина их предков – это Алтай, Иртыш, озеро Байкал. В Крыму до сих пор существуют названия Ой-Китай, Орта-Китай, Кара-Китай, Сары-Китай и др. Они часто там сочетаются с «найманским» топонимом: Ктай-Найман, Кара-Найман, Найман, Онгар-Найман и т. д. Встречаются подобные названия и у населенных пунктов гагаузов и болгар: Кара-Китай, Киргиз-Китай, Катай[56]. Даже самое общее перечисление этнонимических и топонимических сведений, связанных с киданями, подтверждает факт неизбежной ассимиляции пришельцев кара-китаев местным населением Средней Азии и Казахстана.

Западная граница государства проходила по реке Аму-Дарья, самыми южными владениями киданей были Балх, Термез и Хотан. На востоке государство граничило с зависимой Уйгурией, а на севере граница проходила по озеру Балхаш и реке Чу. Исходя из этого, можно установить, что наибольшая протяженность империи с запада на восток была примерно 6 тыс. ли, а с севера на юг – около 2 тыс. ли (соответственно 3 тыс. и 1 тыс. км). Таким образом, по размерам Западное Ляо не уступало Золотой империи чжурчжэней и Южносунскому государству. Елюй Чуцай, посетивший Центральную Азию в 1219 г., писал, что государство занимало территорию в «несколько десятков тысяч ли». Его современник Чан Чунь сообщал о «десяти тысячах ли в каждом направлении». Китайский исследователь Дин Цянь высказал мнение, что кара-киданьские гурханы осуществляли контроль над территорией в 6 тыс. ли «шириной» и 7 тыс. ли «длиной». Это явно преувеличенные цифры. При определении границ империи надо иметь ввиду еще и то, что ее территория не сводилась только к местам обитания собственно киданей. По Ибн ал-Асиру, они «обитали в Узкенде, Баласагуне, Кашгаре и их окрестностях», хотя гарнизоны их были «в стране Туркестан и в Мавераннахре и тяжело попирали их народы».

Население империи состояло из оседлых и кочевых племен. Общую его численность определить сложно. По переписи, проведенной гурханом Елюй Или в 1151 г., насчитывалось 84,5 тыс. хозяйств, которые могли поставлять в армию и на службу гурхану мужчин старше 18 лет. Но это явно не все население государства. Только в Самарканде, одной из столиц государства, перед монгольским завоеванием проживало 100 тыс. семейств. Скорее всего, это население территории, контролируемой непосредственно гурханами. Другая проблема: входили ли в число этих 84,5 тыс. хозяйств лишь кочевники или и оседлые жители, не включенные в состав регулярных войск? На наш взгляд, К. А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн справедливо замечают, что здесь учитывались и оседлые жители, иначе трудно объяснить небольшую численность армии кара-киданей.

Если сложно подсчитать количество населения государства, то его этнический состав более или менее ясен. Мы знаем, что в передвигавшихся на запад под руководством Елюй Даши отрядах были и тюркские, и монгольские, и тунгусские элементы. На новых землях проживали таджики, карлуки, группа тюрок во главе с Караханидами, уйгуры, китайцы (т. е. *хань эр* и их потомки, не пожелавшие стать подданными «диких» чжурчжэней), «много умелых и ученых людей» из числа евреев, смуглые индийские мусульмане[57].

В сочинениях мусульманских авторов XII–XIII вв., в китайских источниках, записках путешественников, пересекавших бескрайние просторы Центральной Азии, нет каких-либо обобщенных сведений о хозяйстве и экономической жизни киданей. Почти все эти источники характеризуют их как исключительно кочевой народ, передвигающийся в поисках корма для скота. Подобное представление укоренилось и в исторической науке. По аналогии с киданями периода империи Ляо считается, что «основное ядро» кара-киданей составляли «скотоводческо-охотничьи племена монгольской группы». Однако, если внимательно присмотреться к отдельным сообщениям, содержащимся в тех же источниках, общая картина экономической жизни западных киданей предстанет более сложной.

В социально-экономическом отношении государство было неоднородным. Территория Восточного Туркестана относится к так называемым маргинальным районам, где возможны два процесса, неразрывно связанные с историей кочевых обществ, – седентаризация и номадизация. В источниках говорится и о широком распространении земледелия, шелководства, виноградарства, различных ремесел, поэтому есть все основания говорить о важной роли скотоводства в государстве Западное Ляо, но она не была ведущей. Кара-кидани разводили огромные стада лошадей, овец, быков, верблюдов и, по свидетельству мусульманских источников, очень заботились, чтобы «скот рос упитанным». Подвластные территории платили кара-киданьским гурханам дань не только деньгами и товарами, но и скотом.

Продолжали кидани заниматься и охотой. Процесс вытеснения охоты кочевым скотоводством, продолжавшийся и в западной империи, не завершился полной ликвидацией этой отрасли хозяйства.

Большого развития достигли кидани в земледелии. В состав империи западных киданей входили территории с давней земледельческой традицией. Часть киданьских родов, пришедших на территорию Средней Азии, тоже начала переходить к оседлому образу жизни. В китайских и мусульманских источниках содержатся многочисленные сведения о выращиваемых киданями культурах (просо, ячмень, пшеница, дыня, лук, конопля,

хлопок, арбуз, рис, плодовые деревья, тутовые), об ирригационных сооружениях, о развитии шелководства и виноградарства. Правители государства видели выгоды земледелия и стремились взять его под контроль. Землю уже могли свободно продавать и покупать состоятельные люди. Большую роль в государстве играло церковное землевладение.

Дальнейшее развитие в государстве западных киданей получили различные ремесла. В источниках говорится об изготовлении стеклянных изделий, об оружейном деле, о строительстве укреплений и городов, о разработке месторождений каменной соли и серебра. В Западном Ляо чеканилась собственная монета по ляоскому образцу, существовала обширная торговля (как внутренняя, так и внешняя). Через всю страну проходили караванные пути, связывавшие между собой все крупные города империи. Особенно известными были пути из Самарканда в Балх, из Балха через Бадахшан, Яркенд в Кашгар, из Герата в Самарканд, из Самарканда через Исфиджаб, Тараз в Баласагун и оттуда далее на восток – в Уйгурию, Китай, из Хотана в Китай. Торговали самыми разнообразными товарами – оружием, рабами, парфюмерией, шелком, посудой, драгоценными камнями, украшениями, лошадьми, верблюдами, быками, овцами, шерстью, кожами и т. д. Почти повсеместно торговля шла за деньги. Купец, располагавший товарами на сумму в несколько десятков тысяч динаров, не считался очень богатым.

История киданей (восточных и западных) представляет интерес еще и потому, что они предприняли попытку установить господство кочевого народа над оседлым населением. Для этого восточные кидани создали довольно совершенную по тем временам государственную машину. Их методы управления тщательно изучались чжурчжэнями, монголами и маньчжурами. Письменные источники позволяют получить некоторые сведения о том, в какой степени кара-кидани заимствовали принципы государственного устройства киданьской империи.

На вершине иерархической лестницы Западного Ляо находился глава правящего рода – Елюй. Первый правитель государства носил одновременно два титула – «император» и «гурхан». Первый отражал его притязания на киданьский престол, а второй указывал, что средством для достижения цели Елюй Даши избрал конфедерацию монгольских племен. Среди чиновников, окружавших гурхана, значатся и должности, которые существовали в Ляо (воспитатели сыновей правителя, чиновники, ответственные за придворный этикет, за проведение церемоний, управлявшие шатрами, канцелярскими принадлежностями, лампами и свечами). Как и в период Ляо, у западных киданей существовали титулы «Великого князя шести подразделений», «ту-лу», «ю-шуми фу ши», «первого министра», «фу-ма».

Вся империя была разделена на две неравные части: внутренние районы с центром в Баласагуне, которые управлялись непосредственно центральным правительством империи, и зависимые территории. Существовало три степени зависимости этих территорий от центральной власти – посылка наместника, посылка сборщиков дани и разрешение местному правителю или феодалу самому привозить дань в столицу. Как правило, вассальные территории были независимы во внутренних делах.

Одна из самых запутанных проблем в истории западнокиданьского государства – локализация столицы. Сведения китайских и мусульманских источников на этот счет противоречивы. Однако то обстоятельство, что в китайских источниках («Ляо ши», «Цзинь ши», «Юань ши», «Юань чао би ши») судьба столицы неразрывно связана с судьбой другого крупного политического центра-столицы Караханидов – Баласагуна, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, столица западных киданей находилась в Чуйской долине. Во-вторых, столицей, как это явствует из анализа ее названия, на первых порах являлся один из традиционных киданьских сезонных лагерей. Мусульманские же источники единодушно считают столицей государства западных киданей город Баласагун, местоположение которого неизвестно. Разрешить это противоречие между китайскими и мусульманскими источниками позволяют следующие выводы. Во-первых, на основе анализа сообщаемых различными средневековыми авторами, сведений о Баласагуне, подкрепленного обзором археологической литературы, выяснилось, что Баласагун находился в Чуйской долине, на месте городища Бурана (возле современного г. Токмак). Во-вторых, одно из названий Баласагуна (Куз-Орду) перешло впоследствии на лагерь киданей, располагавшийся возле него. Поэтому и появляется в китайских исторических и географических сочинениях его транскрипция *Гу-цзэ-во-эр-до*. Это ввело в заблуждение многих исследователей.

При преемниках Елюй Даши столицей империи стал непосредственно Баласагун. В XII – начале XIII в. этот город являлся центром экономической, политической и культурной жизни региона. Внутренние неурядицы в государстве кара-киданей и монгольское нашествие подорвали могущество этого города. Лагерь западных киданей исчез, ибо основные их силы были сведены монголами в отдельный корпус и отправлены в поход на запад.

Кара-кидани в период существования своей империи вели много войн. Они пришли на территорию, где проживало население с издавна сложившимся экономическим укладом и прочными культурными традициями. Держать его в повиновении можно было только при помощи силы. К тому же Западное Ляо граничило с такими

воинственными соседями, как Сельджукиды и Газневиды. Все это предопределило то, что армия вновь стала, как и в период империи Ляо, «оплотом государства». В письменных источниках содержится информация об организации военного дела в государстве западных киданей. Выдающимся полководцем был первый гурхан Елюй Даши. С его именем связано начало создания военно-административной системы управления, оформившейся окончательно в ходе многочисленных походов и битв.

Данные источников позволяют отметить наибольшее сходство организационной структуры армии с ляоской. Она была организована в соответствии с традиционной киданьской десятичной системой. Ряд титулов кара-киданьских командиров буквально скопирован с ляоских титулов. Отличительной особенностью вооруженных сил западных киданей было сочетание в одной крупной военно-административной единице деления на воинские отряды, а также административного и родоплеменного деления. Основой армии являлось кавалерийское войско, созданное выдающимся полководцем Елюй Даши, который на практике проверил принципы киданьского военного дела. Общая численность воинов-киданей могла достигать 150–160 тыс. чел. Размещались войска таким образом, что большая часть армии находилась возле центрального столичного лагеря, а остальные войска располагались в стратегически важных местах внутри страны и по границам.

Большое внимание кара-кидани уделяли строительству оборонительных сооружений. Вооружение было таким же, как и в ляоский период. По-прежнему огромную роль играла разведка. Тактика боя киданей, развившаяся в течение многовекового враждебного контакта с китайской системой безопасности, не раз обеспечивала им победу над мусульманскими армиями. Составленная из кочевников армия западных киданей, благодаря высокой мобильности, четкой организации и безукоризненной дисциплине, почти на всем протяжении существования государства имела превосходство над войсками других народов. Она была одной из сильнейших армий Центральной Азии в XII в. Лишь общее ослабление государства при усилении соседей и восстаниях подвластного населения привели западнокиданьскую армию к разгрому, а государство – к гибели. Тем не менее, боевой опыт западных киданей высоко ценился монгольскими полководцами и правителями различных племенных объединений и государственных образований Средней Азии.

Письменные источники говорят о существовании различных религиозных систем на территории обитания западных киданей. Как сообщает Ауфи, кара-кидани частью поклонялись солнцу, частью были христианами. Вообще среди них встречались все религии, кроме еврейской. Кидани покровительствовали всем религиям, в этом плане, считает Джузджани, они поступали справедливо. Большого распространения достигло в их государстве христианство. Патриарх Илья III (1176–1190 гг.) учредил несторианскую митрополию в Кашгаре – одной из столиц кара-киданей. Он назван в каталоге Амра митрополитом «Кашгара и Невакета» (т. е. и Семиречья). В 1142 г. состоялось примирение несториан и яковитов (монофизитов) на территории государства западных киданей. С образованием государства феодальной верхушкой поддерживался и распространялся, судя по мусульманским источникам, буддизм, который при Кучлуке был противопоставлен остальным религиям. Первые гурханы в религиозной политике стремились противопоставить суннизму оппозиционные течения ислама (суффизм, шиизм), чтобы расколоть единый враждебный мусульманский лагерь. Несмотря на восхваляемую мусульманскими авторами веротерпимость кара-киданей и довольно широкое распространение в их среде мировых религий, в отношении большинства из них можно говорить о существовании особой, близкой к монотеизму веры, которую некоторые специалисты обозначают термином «тенгриизм», оговаривая, впрочем, наличие в ней более древних напластований (тотемизма, шаманизма). Главой и первосвященником этой религии был сам гурхан. По мере вовлечения западных киданей в общие для Средней Азии социальные и культурные процессы, вся эта религиозная система стала испытывать влияние мировых религия в гораздо большей степени, нежели во времена Ляо (X–XI вв.).

Одно из главных мест в пантеоне западных киданей принадлежало Небу. Идея Неба достигла у них высшего совершенства и приобрела ярко выраженную социальную окраску. Небо выступало «правителем мира, вечным, правосудным и источником жизни». Обожествляли западные кидани и различные небесные тела, а также природные явления: солнце, луну, звезды, молнию, гром и т. д. Вторым по значению божеством после Неба считалась Земля. Широко был распространен среди западных киданей культ предков. Один из важнейших элементов киданьского шаманизма – культ животных. Для западных киданей был характерен развитый религиозный культ.

Таким образом, этническая, социальная, политическая и культурная история западных киданей отражена с разной степенью полноты в большом количестве китайских и мусульманских источников. Предпочитать какую-либо одну из этих групп источников, а тем более какой-либо один источник, как бы подробно там ни говорилось о Западном Ляо, нельзя. Реконструировать важнейший этап в истории киданей можно, только мобилизуя всю содержащуюся в них информацию.

Роль, сыгранная государством Западное Ляо в политической истории Центральной Азии в предмонгольский период, важнее роли, долгое время признаваемой за ним. Государства Бэй Ляо и Си Ляо, при наличии определенных факторов (постоянные восстания на захваченных территориях, ненадежность подвластных племен, сопротивление китайского населения, успехи китайских войск и т. д.), сыграли свою роль в сдерживании натиска чжурчжэней на запад и стабилизации западной границы чжурчжэньской империи. Возникновение государства Западное Ляо способствовало освобождению среднеазиатских государств от сельджукского владычества. Это государство сыграло для них своеобразную роль заслона и от нападений различных племен с территории Монголии. Вместе с остальными среднеазиатскими государствами Западное Ляо приостановило натиск монголов на Запад, отсрочило их походы. Тем не менее, само существование западнокиданьского государства, совершавшего постоянные грабительские набеги на соседей, ослабило среднеазиатские государства, нанесло удар по их экономической структуре, явилось препятствием на пути их политического объединения. Однако нашествие киданей было лишь одним из факторов, обусловивших в Средней Азии общий упадок торговли, ремесла и городской культуры. Правда, фактор этот был одним из значительнейших.

В государстве Западное Ляо преобладала тенденция развития феодальных отношений. Форма государственного устройства эволюционировала от централизованной империи к каганату. По форме правления Западное Ляо можно назвать военно-деспотической монархией. Разложение империи имело одним из своих обязательных последствий процесс этнического распада. Не успевшие слиться в один этнос роды и племена, населявшие государство, в условиях нарастающего политического хаоса и стабильной экономической стагнации, которая сама была следствием складывания на территории империи так называемой «феодальной» экономики, по определению предельно автаркизованной и локальной, вынуждены были «выживать» самостоятельно. Кидани, не нашедшие себе места в новой этнополитической атмосфере, стали именоваться «западными» или «черными» (кара-китаи, кара-хитаи), в отличие от оставшихся на востоке «белых». Отколовшиеся роды в Азии часто именовались «черными». Постепенно, однако, оформилось иное понимание термина «кара-китаи». Если исходить из того, что термин «кара» в тюркских языках имеет значение «народ», «масса», то сочетание «кара-китаи» стали объяснять как «народ китаев».

Даши вынужден был увести с трудом собранные остатки киданьских племен по проторенной дороге на Запад. Туда и раньше уходили «лишние» роды и племена.

На территории Казахстана и Киргизии появилось государство Си Ляо, которое первые правители (прежде всего, гурхан Елюй Даши) упорно хотели превратить в империю. Однако можно утверждать, что оно стремительно скатывалось до уровня каганата. Каган традиционно воспринимался как боевой вождь, избранный Небом для определенной цели. Римляне таких варварских вождей называли *дуксами*. Таковы были Аларих I, Атилла, Садко.

История западнокиданьского государства предельно точно иллюстрирует этот откат, в котором ничего страшного, строго говоря, не было. Никакая империя по эту сторону пустыни Шамо (Гоби) фактически была не нужна и невозможна. Каганат был удачной формой выживания. Киданьское западное государство не только просуществовало до прихода отрядов Джучи, но и вполне удачно справлялось с серьезными врагами, типа последнего Великого Сельджука Санджара, хорезмшахов Текеша и Мухаммеда, киргизских племен, найманского царевича Кучлука.

В культурном отношении государство Западное Ляо было самобытным. Можно говорить о медленной десинизации культуры и широком заимствовании среднеазиатских культурных традиций.

Примечания

[1] **Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng.** History of Chinese Society: Liao. – Philadelphia, 1949. – P. 627.

[2] **Пиков Г. Г.** Западные кидани. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989. – С. 56.

[3] **Е Лун-ли.** История государства киданей. – М., 1979. – С. 499–500.

[4] **Chavannes.** Voyageurs chinois chez les khitan et les joutchen // Journal Asiatic. – Paris, 1898. –Ser. 9. – P. 420.

[5] **Е Лун-ли.** История... – С. 279.

[6] **Малявкин А. Г.** Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. – Новосибирск, 1974. – С. 74.

[7] Там же. – С. 142.

[8] **Малявкин А. Г.** Историческая география Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 65.

[9] Ляо ши. Цз. 29, л. 9а; **Тюрюмина Л. В., Ларичев В. Е., Лебедева Е. П.** Гибель империи Ляо // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 245.

[10] Ляо ши. Цз. 30, л. 4б.

[11] **Кычанов Е. И.** Очерк истории тангутского государства. – Л., 1968. – С. 50, 51.

[12] **Пиков Г. Г.** Западные кидани. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989. – С. 64–65.

[13] Подробнее см.: Там же. – С. 66.

[14] **Березин И. Н.** Замечания о слове «куркан» // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1839. – Ч. 22, отд. 7; **Sacy S. De.** Rez.: Hammer Jos. Geschichte des Osmanischen Reichs // Journal des savans. – P., 1831, septembre. – P. 522–536; **Idem.**. Autre lettre au Redocteur du Noveau Journal Asiatique // Nouveau Journal Asiatique. – P., 1829, decembre. –№ 4. – P. 473–475; **Klaproth M.** Sur le titre de Gourkhan // Nouveau Journal Asiatique. – P., 1828. – № 11. – P. 294–305; **Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng.** History of Chinese Society: Liao. – Philadelphia, 1949. – P. 98.

[15] **Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Т. 2. – С. 69–72.

[16] **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей. – Т. 1, кн. 1. – С. 118.

[17] **Пиков Г. Г.** Западные кидани... – С. 128.

[18] **Матузова В. И.** Английские средневековые источники IX–XIII вв. – М.: Наука, 1979. – С. 202, 216, 231.

[19] **Дмитриев С. В.** К вопросу о сути конфликта между Чингис-ханом и Теб-Тенгрием // Третья Дальневост. конф. молодых историков: Тез. докл. – Владивосток, 1994.

[20] **Материалы** по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973. – Вып. 1. – С. 65.

[21] **Караев О. К.** История Караханидского каганата. – Фрунзе, 1983. – С. 164, 262.

[22] **Материалы** по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973. – Вып. 1. – С. 67.

[23] **Ал-Хусайни Садр ад-Дин.** Ахбар ад-даула ас-салджукийа / Пер. с араб. З. М. Буниятова. – М., 1980. – С. 92.

[24] **Barhebraei** Chronicon Syriacum. – L., 1932. – P. 376.

[25] **Revised** translation of the Chahar Maqala («Four Discources») of Nixami Arudi of Samarqand. – L., 1921. – P. 132.

[26] **Zarncke F.** Der Priester Johannes. – Leipzig, 1883. – S. 850–860.

[27] **Al-Bondari.** Histoire des Seljoucides de l'Iraq. – Leide, 1889. – P. 276–278.

[28] **Barhebraei** Chronicon Syriacum. – L., 1932. – P. 376.

[29] **Hamdu'llah Mustaufi-i-Qazwini.** The Ta'rikh-i-Guzida or Select History / Ed. By Browne E. G. – Leyden; L., 1913. – Pt. 2. – P. 238, 300.

[30] **Spuler B.** Die Mongolen in Iran. – Berlin, 1955. – S. 498–499.

[31] **Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng.** History of Chinese Society: Liao. – Philadelphia, 1949. – P. 639–640.

[32] **Monumenta** Germaniae Historica. – Berlin. – Bd. 20. – S. 266.

[33] **Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng.** History... –P. 639.

[34] **Веселовский А. Н.** Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Мин-ва народного Просвещения. – СПб., 1875. – Ч. 178. – С. 329–330.

[35] **Ritter C.** Die Erdkunde von Asien. – Berlin, 1832. – Bd. 1. – S. 291.

[36] **Гумилев Л. Н.** Поиски вымышленного царства. – М., 1970. – С. 138.

[37] **Oppert G.** Des Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. – Berlin, 1864. – S. 134–135.

[38] **Zarncke F.** Der Priester Johannes. – Leipzig, 1883. – S. 850–860; **Peshel O.** Geschichte der Erdkunde. – Műnchen, 1865. – S. 153; **A. Von Gutscmid.** Kleine Schriften. – Leipzig, 1892. – Bd. 3. – S. 609.

[39] *Энциклопедический* словарь Гранат. – М., 1935. – Т. 22. – С. 643.

[40] **Д'Оссон К.** История монголов. От Чингиз-хана до Тамерлана / Пер. Н. Козьмина. – Иркутск, 1937. – Т. 1. – С. 246.

[41] **Грумм-Гржимайло Г. Е.** Тангуты // Изв. Рус. географ. общ-ва. – Л., 1934. – Т. 66, вып. 1. – С. 117.

[42] **Пиков Г. Г.** Западные кидани... – С.104–106.

[43] **Juwaini.** The Ta'rikh-i-Jahan-gusha. – Leyden, L., 1912. – Pt. 1. – P. 211.

[44] **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей. – Т. 1, ч. 2. – С. 200; **Juwaini.** The Ta'rikh-i-Jahan... – P. 218.

[45] **Bretschneider E. V.** Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources. – K., 1888. – P. 43.

[46] **En-Nesawi.** Histoire du sultan Djelal ed-Din. – Paris, 1985. – T. 2. – P. 157.

[47] **Hamdu'llah Mustaufi-i-Qazwini.** The Ta'rikh-i-Guzida or Select History / Ed. By Browne E. G. – Leyden, L., 1913. – Pt. 2. – P. 131.

[48] **Howorth H. H.** The Northern Frontagers of China. Pt. 3: The Kara Khitai // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. – L., 1876. – P. 289.

[49] **Bretschneider E. V.** Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources. – K., 1888. – P. 147.

[50] **Козин С.** Сокровенное сказание... – С. 127–128.

[51] **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей... – Т. 2. – С. 204.

[52] **Материалы** по истории Татарии. – Казань, 1948. – Вып. 1. – С. 184.

[53] **Bretschneider E. V.** Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources. – K., 1888. – P. 31.

[54] **Труды** Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1959. – Т. 2. – С. 338.

[55] **Башкирские** шежере. – Уфа, 1960. – С. 79.

[56] **Баскаков Н. А.** Родоплеменные названия кыпчаков в топонимии Южной Молдавии // Топонимика Востока. – М., 1964. – С. 48.

[57] **Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng.** History of Chinese Society: Liao. – Philadelphia, 1949. – P.660.

В. Е. Ларичев, Г. Г. Пиков

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КИДАНЕЙ

История Востока традиционно вызывает большой интерес у исследователей. В последнее время интерес этот заметно вырос, что обусловлено целым рядом факторов:

1. Усилилось влияние некоторых восточных стран на мировую экономику и историю отдельных регионов.
2. Накоплен новый археологический материал.
3. Достигнуты определенные успехи в филологии, антропологии и этнографии. Объяснять историю стран Востока с помощью терминологии, разработанной на материале западноевропейской истории, стало сложнее.
4. Развился и широко применяется в исследовательской практике цивилизационный метод, позволивший конкретизировать само понятие «Восток».
5. Ведется поиск новых средств и методов для изучения восточного мира.

Труды отдельных западных и отечественных востоковедов привлекли внимание к конкретным народам, к их истории и характеру взаимоотношений. Это касается и национальных государственных образований на северной окраине танского и сунского Китая (тюркский и уйгурский каганаты, Бохай, Западное Ся, Ляо, Цзинь). Интерес к их изучению перманентно усиливался на протяжении XIX–XX вв. Это вполне понятно, ибо вторая половина I – первая половина II тыс. н.э. – одна из наиболее насыщенных событиями эпох в истории народов Центральной Азии.

В последние десятилетия резко возрос интерес к номадистике. Появилось несколько обобщающих работ, посвященных принципам взаимодействия кочевых и оседлых культур, а также общим закономерностям политического развития кочевых обществ. Среди наиболее известных теорий можно указать концепцию Н. Крадина об экзополитарном характере кочевого государства. Согласно ей, кочевое скотоводство в чистом виде не способно обеспечить общество всей необходимой продукцией, поэтому кочевники неизбежно вступают в контакт с соседними оседлыми культурами. Контакты эти есть условие выживания кочевого социума, который по своей природе направлен вовне, на присвоение и потребление ресурсов других культур. Схожую концепцию развивают зарубежные исследователи А. М. Хазанов, С. Джэгчид, Т. Барфилд и др.

Место кочевников в процессах политогенеза настолько значительное, что можно даже поставить вопрос о «кочевой альтернативе социальной эволюции»[1]. Можно ли кочевые образования считать государствами? Способны ли они были подняться до уровня такой сложной системы, как империя?[2]

Заметное место в истории центральноазиатского региона занимали кидани, сыгравшие значительную роль в бурных событиях предмонгольского периода и оказавшие огромное влияние на развитие культуры дальневосточной ойкумены. Киданьские племена не только объединились в рамках самой могущественной державы Восточной Азии того времени, «заставив мир дрожать», но и, используя достижения китайцев и покоренных народов, создали яркую цивилизацию, оказавшую существенное воздействие на эволюцию кочевого мира[3]. Киданьское государство представляло собой классическую «кочевую империю»[4].

История изучения киданей, их общественного строя, государственности и культуры в целом развивалась достаточно стандартно. Количество текстов, в которых хотя бы раз упоминаются кидани, огромно. Оно росло с каждым столетием[5]. Неудивительно, что основные проблемы истории и культуры киданей были поставлены буквально в начале самой этой истории.

Попутно необходимо сделать еще одно важное замечание методологического плана. Традиционно принято делить любую историографию на донаучный и научный периоды. Это деление имеет европейское происхожде-

Фрагмент фрески из ляоского склепа (хошунь Кулунь, аймак Чжирим, Внутренняя Монголия).

ние и берет начало с эпохи Возрождения и становления нововременной науки. Именно тогда в экономике и обществе происходил процесс десакрализации, и бывший «христианский мир» встал на путь научно-технического прогресса. Но в истории, как известно, «швов» не бывает, поэтому нельзя недооценивать тот объем информации, который накоплен в доньютонову эпоху. Праздностью средневековые историки никогда не отличались, и китайские в этом плане не исключение. Можно говорить о кумулятивном характере развития процесса познания окружающего мира человечеством. К тому же, если исторические и политические деятели могли в какой-то мере дистанцироваться от той или иной религиозно-философской системы, то перестать быть представителями определенной цивилизации они в принципе не могли. Это, собственно говоря, и демонстрируют так называемые европейская, китайская и другие историографические традиции. Менялись цели исторического исследования, его характер и методы, но обязательно сохранялась преемственность. История киданеведения это хорошо демонстрирует.

В истории изучения киданей и их государств четко выделяются четыре особо крупных направления:

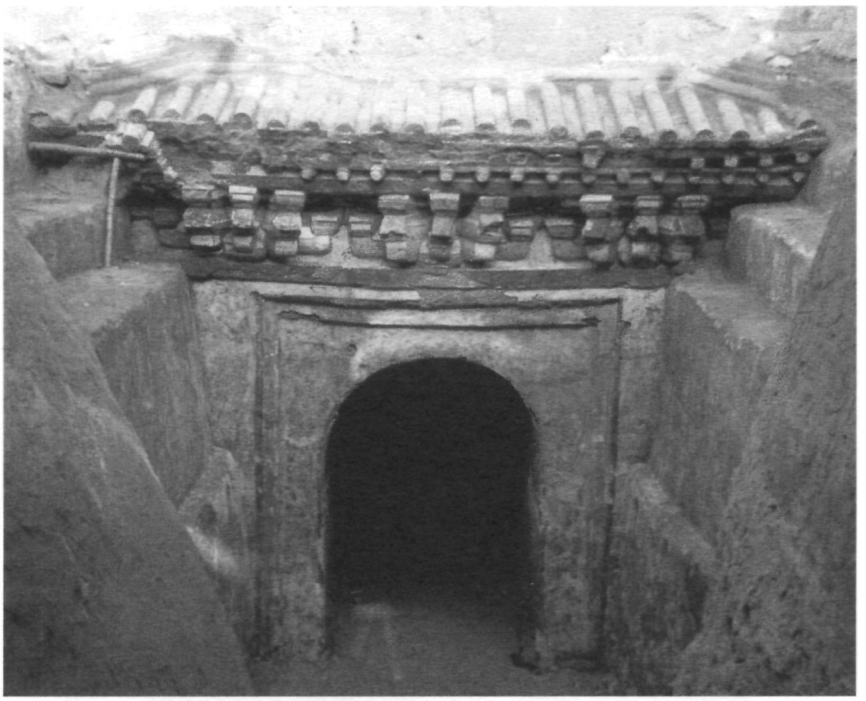
1) дальневосточное (киданьская, китайская и монгольская историография);

2) евро-американское (французская, английская, немецкая и североамериканская литература);

3) русское;

4) средневековое арабо-персидское.

Естественно, начало изучению было положено непосредственными соседями киданей – китайцами. Как это было и с другими европейскими или азиатскими народами и государствами, ***первый этап*** этого изучения можно назвать ***собирательным***. Он пришелся на время формирования самого этноса, т. е., как это иногда обозначается в историогрфии, на додинастийный период (III–IX вв.). В это время китайские хронисты, государственные и политические деятели, писатели и чиновники собирали и обобщали всю необходимую или доступную информацию, пытаясь не столько удовлетворить свой «этнографический» голод, сколько понять специфику положения киданьского племенного конгломерата в тогдашнем восточноазиатском «мире», а также возможности и опасности его полудобровольного вхождения в него. Своеобразным свидетельством начала этого изучения является само *появление этнонима «цидань»*[6]. Если внимательно проанализировать информацию письменных источников киданьского происхождения («Цидань го чжи» – «История государства киданей»; «Ляо-ши» – «История династии Ляо»), которые носят «энциклопедический» характер (исторические события и процессы в них рассматриваются с точки зрения определенной системы представлений), то данный этноним

Вход в ляоский склеп (хошунь Кулунь, аймак Чжирим, Внутренняя Монголия).

отражает (обозначает!) место того или иного этноса в определенном пространственно-временном континууме («мире»). Время существования цивилизаций («миров») характерно предельно возможным распределением земельных пространств. Это, однако, подразумевает, что экспансия (как метод) начинает уступать первенство «мироустроительной» тенденции, а экстенсивный способ существования – интенсивному. Милитаризация оседлых и кочевых обществ достигает максимума и периодически приводит к попыткам перекроить не столько этническую, сколько политическую карту мира («Великое переселение народов», складывание арабских халифатов, «натиск на восток», Столетняя война, монгольская экспансия, походы Тамерлана и др.). Она же демонстрирует возрастающие трудности «исходов» и завоевательных походов, вдохновленных идеями распространения «истины». Политическая нестабильность, необычайная динамика общественной жизни, предельная децентрализация некогда единой этнополитической системы приводили к тому, что формирующееся в рамках «империй» моноцентрическое восприятие мира сочеталось, а то и оспаривалось другими моделями мира (биполярной, многополярной).

Чем малочисленнее этнос, тем труднее ему оставаться «свободным». Он вынужден строить «добрососедские» отношения с кем-либо. Этничность «родом из прошлого», она мифологична, в этом ее мобилизующая сила. Ее главная опора – идея или миф об общей культуре, происхождении или о связи с «миром», истории. Очень долго в отечественной историографии выражение «китаизация» воспринималось только негативно, как отражение великоханьских настроений, шовинистических по своей сути и ведущих к неизбежной гибели самобытных культур. Разумеется, складывание идеологии в том или ином метарегионе приводило к естественной трансформации «языческих» и «варварских» культур, но так называемая «мировая» ситуация вовсе не подразумевает геноцид. Применительно к восточноазиатскому региону это означает, что под «китаизацией» нужно понимать идущий на всем протяжении существования китайской государственности процесс складывания китаецентричного «мира», символическим образом которого может быть названо «дерево» («один ствол и множество ветвей»)[7]. Дальневосточный регион как «культурно-исторический ареал»[8] был мегасоциумом, состоящим из макро- и микросоциумов (различные государства, народы, племенные союзы, племена и т.д.). Главным здесь было не административное, а духовное взаимодействие[9]. На практике это находило отражение в «даннической системе»[10], идейной основой которой была доктрина «мироустроительной монархии»[11]. В рамках такого мира каждый этнос имеет определенное место, хотя не исключено и даже обязательно его «движение» в рамках этой сложной системы. Данный постулат неплохо иллюстрирует киданьская история.

Второй важнейшей проблемой, доставшейся историкам от того времени, является *проблема происхождения киданей*. Первая гипотеза о *«тюркоязычности»* киданей принадлежала Сюэ Цзюй-чжэну – автору «Цзю

Удай-ши» («Старая история Пяти династий»), который так попытался объяснить происхождение киданей: «Кидане являются ветвью древних сюнну». Автор отталкивался от сведений «Вэй-шу» («История династии Северная Вэй»), составленной в 551–554 гг. историком Вэй Шоу.

Разумеется, эта версия спорна. Помимо того, что тюркоязычность самих хунну еще окончательно не доказана, против нее есть еще целый ряд соображений. Во-первых, содержащееся в киданьском языке некоторое количество тюркских слов значительно уступает числу монгольских терминов. Во-вторых, все они могли проникнуть к киданям в ходе многовекового контакта с тюркоязычными племенами. К такому выводу еще в начале XX в. пришел японский востоковед К. Ширатори. Короче говоря, эту подборку фактов из «Вэй-шу» можно считать весьма любопытным указанием на начало процесса становления киданьской народности.

Важнейшей практической проблемой, которая, тем не менее, имела и историографический аспект, стала *проблема цивилизационной принадлежности киданей*. Приняв термин «цидань» в качестве самоназвания, они тем самым перешли из внешней («немирной») сферы в пределы дальневосточного культурного ареала. История движения киданей внутри этого «мира» показывает, как далеко порой они отходили от своего первоначального намерения, становясь опасными для этого этнокультурного сообщества. Неудивительно, что китайские авторы все более тщательно начали изучать общественный и экономический строй киданей. Это изучение шло с определенной целью – «перевоспитание». Оно помогло киданям перейти от «варварства» к «цивилизации». Насколько успешно шел этот процесс, видно хотя бы из того, что кидани из северных «инородцев» смогли «дорости» до одной из великих неханьских империй. Медленно внедряемая на протяжении ряда столетий культурная дальневосточная парадигма дала свои плоды: киданьская династия Ляо стала одной из 24 официальных «китайских» империй и одной из важнейших «ветвей» дальневосточного «древа» народов и культур.

Фрагмент фрески из ляоского склепа (хошунь Кулунь, аймак Чжирим, Внутренняя Монголия).

Эта проблема может быть непонятна современным историкам именно потому, что носит, скорее, прикладной, а не фундаментальный характер, но такова специфика тогдашнего интереса к прошлому и настоящему различных народов.

Второй период (династический) занимает особое место в истории дальневосточной киданеведческой традиции. В это время существенно расширилась и качественно изменилась источниковая база. В целях обоснования легитимности существования новой династии и созданного ею государства появились официальные тексты, которые богато иллюстрируют официальную идеологию. Систематизация и фильтрация киданьских легенд и преданий, а также китайских письменных текстов дали важный качественный скачок – устная традиция окончательно уступила место письменной. Если мифы играли больше педагогическую роль, чем мировоззренческую (кидани практически в самом начале своей истории стали перенимать китайскую космогонию, но от своих этических норм не торопились отказываться), то создаваемые на вновь изобретенном киданьском языке исторические сочинения послужили складыванию фундамента имперской идеологии.

Особого внимания заслуживает хроника «Ляо ши» («История династии Ляо»), составленная в эпоху Юань комиссией под руководством Токто. Этот богатейший источник сведений о политической истории созданной киданями империи особенно полно освещает отношения киданьского государства с различными китайскими династиями. Кроме того, «Ляо ши» содержит информацию о структуре империи, организации кочевий, системе контроля над окружающими народами, созданной ляоскими правителями.

Фрагмент фрески из ляоского склепа (хошунь Кулунь, аймак Чжирим, Внутренняя Монголия).

Помимо канонических династийных хроник, в старом Китае было создано немало исторических сочинений более свободного жанра. В первую очередь интересны сочинения южносунского чиновника Е Лун-ли – «Цидань го чжи» («История государства киданей») и «Ляо чжи» («Записки о Ляо»). Первое является конспективным изложением политической истории Ляо и содержит целый ряд ценных деталей. В «Цидань го чжи» приводятся тексты дипломатической переписки и договоров императоров Ляо и Сун, описания посольского церемониала, где перечисляются подарки, подносимые посольствами различных государств.

Проблема происхождения киданей как этноса в официальной имперской историографии начинает подменяться проблемой происхождения династии. Е Лун-ли безапелляционно замечает, что «начало киданей не записано на бамбуковых табличках китайской истории»[12]. «Ляо-ши» начинается сразу с описания правления первого императора Абаоцзи, а вопрос о происхождении киданьского народа обсуждается отдельно в 63 цз. и то в виде отрывочных сведений[13]. Составителей этой хроники прежде всего интересовали взаимоотношения Китая и киданей.

Эту проблему, однако, продолжали исследовать китайцы. В отношении киданей китайскими авторами, кои придерживались линейного понимания истории, всегда использовались три метода: генеалогический; отождествление с тем или иным «древним» народом; поиски прародины[14]. Неудивительно, что в XI в. была выдвинута следующая гипотеза Оуян Сю, автора «Синь Тан шу» («Новая история династии Тан»): «Кидани, собственно говоря, являются ветвью дунху». Составители этой *чжэн ши*, посчитав, раз кидани и кумоси жили на землях сяньбийцев, решили, что они и принадлежат к сяньби, а следовательно, и к дунху. Аргументация весьма шаткая. Примеру Оуян Сю следовали и другие средневековые китайские историки, касавшиеся данной проблемы.

Естественно, проблема происхождения киданей, их этническая и языковая принадлежность до сих пор являются предметом оживленной дискуссии в востоковедческой науке. К настоящему времени накопилось значительное количество литературы, но ни один автор так и не смог привести убедительных доказательств в пользу своей гипотезы. Основных гипотез сложилось несколько: «тюркоязычная» (Сюэ Цзюй-чжэн), «тунгусоязычная» (Оуян Сю, А. Ремюза, Г. Клапрот, К. Риттер, В. П. Васильев, Э. В. Бретшнейдер, Е. Паркер), «смешанная монголо-тунгусская» (Г. Хауорс, Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. В. Бартольд), «монгольская» (Н. Я. Бичурин, О. Ковалевский, Р. Тории, Д. Тамура, Л. Л. Викторова, В. С. Стариков, В. С. Таскин, С. А. Токарев, Л. Котвич, Л. Р. Кызласов, К. А. Виттфогель, Фэн Цзя-шэн, Х. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджав, Г. Д. Санжеев, Е. М. Залкинд, А. М. Кондратов, В. М. Наделяев)[15].

Сформулированная авторами «Синь Тан шу» теория нашла подтверждение в трудах многих исследователей. На основе аналогичных воззрений в XIX в. появились три теории происхождения киданей. Французский исследователь Абель Ремюза в 1820 г. впервые высказал мнение о том, что «дунху» является китайской транскрипцией слова «тунгус», и на этой основе построил теорию тунгусского происхождения киданей. Он писал: «Первая из четырех семей, которую встречают, идя с востока на запад, есть нация, о которой я говорил выше под именем тунгусов... Это из недр этого народа вышли, по всей видимости, жуан-жуани, кидане или ляо и некоторые другие народы...». Разделяли эту точку зрения Г. Клапрот, К. Риттер, В. П. Васильев, Э. В. Бретшнейдер, Е. Паркер и др.

Представления менялись по мере накопления знаний о древней истории восточноазиатских народов. Было высказано предположение о смешанном монголо-тунгусском происхождении киданьского народа. Наиболее ярко его выразил Г. Хауорс: «Кидане в основе своей были тунгусской расой, но управлялись кастой монгольского происхождения». Он пришел к выводу, что их «язык является смесью тунгусского и монгольского, последний... весьма сильно преобладает». Поддержали Г. Хауорса и некоторые известные ученые – Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. В. Бартольд и др.

Фрагмент фрески из ляоского склепа (хошунь Кулунь, аймак Чжирим, Внутренняя Монголия).

Одним из ярчайших представителей теории монгольского происхождения киданей являлся Н. Я. Бичурин. Он писал следующее: «Китайская статистика И-тхун-чжы показывает восемь единоплеменных владетельных домов, от которых монголы в продолжение двадцати столетий получали народные названия, последовательно одно за другим. Сии дома были: хунну, ухуань, сяньби, жужаны, дулга, ойхор, сйэяньто, кидань». В отношении киданей Н. Я. Бичурин нашел горячую поддержку в лице многих отечественных и зарубежных исследователей (О. Ковалевский, Р. Тории, Д. Тамура, Л. Л. Викторова, В. С. Стариков, В. С. Таскин, С. А. Токарев, Л. Котвич, Л. Р. Кызласов, К. А. Виттфогель, Фэн Цзя-шэн, Х. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджав и др.). Пытался обосновать эту точку зрения на основе письменных источников и Е. М. Залкинд. Сопоставив древних киданей и некоторые современные народности Монголии, он сделал такое заключение: *«киданей следует рассматривать как древнемонгольскую народность, остатками которой являются современные дауры»*. Однако этот вывод в свое время подвергла критике Г. М. Василевич.

Сотрудниками Института этнографии АН СССР и ВИНИТИ АН СССР с помощью ЭВМ проведено исследование текстов малого киданьского письма и предпринята попытка дешифровки киданьского языка. Уже первые полученные результаты показали, что язык киданей весьма близок языку монголов.

Китайская модель «хуа-и» («цивилизованный Китай» и «нецивилизованная» «варварская» периферия, где проживали «близкие», почти «свои» «варвары», а за ними и «далекие», «немирные») перенималась киданями. Это стимулировало появление еще одной проблемы, связанной с определением места киданей в кочевом мире. Фактически с этого периода началось основательное изучение социально-экономического и общественного строя государства Ляо.

Третий период начался после крушения киданьской империи и в рамках дальневосточного региона продолжается до сих пор. В его начале использовался и адаптировался богатый киданьский «опыт» для новой государственности и ситуации (монголы, маньчжуры). Маньчжуры, приступая к своему грандиозному проекту по изданию официальных историй трех великих средневековых империй (Ляо-ши, Цзинь-ши, Юань-ши), выделяли из них, как ни странно, именно империю киданей[16].

Китайская историография на этом практически остановилась, поскольку в той или иной степени до сих пор стоит на позициях китаецентризма. В стране осуществляется грандиозная археологическая и филологическая работа, но философия истории современного Китая фактически основывается на двух идеях – исключительности китайской цивилизации и марксистской трактовке формационного подхода. Именно они основательно иллюстрируются на богатейшем фактическом материале.

В Европе первый интерес к киданьской истории возник в XIII в., когда здесь появились монголы. В частности, уже тогда исследователей заинтересовал титул «гурхан». Его принятие первым западнокиданьским правителем Елюй Даши для историков М. Дегинь, П. де Майя, К. Д'Эрбло, С. де Саси, М. Клапрот, казалось необычным. Поисками источников, откуда кидани заимствовали данный титул, занимались В. Григорьев, И. Березин, К. Риттер, К. Менгес, К. А. Виттфогель, Фэн Цзя-шэн и другие отечественные и зарубежные исследователи[17]. В «Ляо ши» (цз. 116) прямо говорится, что *гурхан* – это почетный титул правителей монгольских племен. В. В. Бартольд предположил, что Елюй Даши принял титул правителей Караханидского каганата, существовавшего на территории Средней Азии[18]. В монгольском языке корень «гур» имеет два значения: 1) «большой, всеобщий»; 2) «народ» (собрание племен). Титул «гурхан» в этом случае означал выборного хана, поставленного во главе какого-либо племенного союза. Видимо, именно в таком значении он встречается в «Юань чао би ши». Здесь рассказывается, как в 1201 г. некоторые монгольские племена, собравшись на р. Кем, избрали своим вождем Джамуху и присвоили ему титул *гурхан*, т. е. великий хан[19], предводитель не одного племени, а союза племен[20].

Можно предположить, что на протяжении XII–XIV вв. значение этого титула претерпело значительную эволюцию. В тюркских языках, по свидетельству Махмуда аль-Кашгари, корень *kür* стал означать «храбрый человек»[21], а в османском *gür* – «богатый» и «удачливый»[22]. Джувейни объясняет его, как «хан ханов», а Рашид Ад-Дин – «великий хан, всеобщий хан»[23]. В отдельных тюркских и монгольских языках это слово произносится с некоторым удлинением (*гӱр-хан*) и обозначает «универсальный правитель, хан с огромной властью, верховный правитель»[24], «хан всего народа»[25]. Есть предположение, что этот титул своим происхождением связан с хунну[26]. Он пользовался большим уважением у многих правителей: «любил видеть свое имя с этим прозванием Тимур»[27] и многие Чингизиды[28]. Любопытно свидетельство Р. Бэкона о значении данного слова: «хан – титул и означает то же, что прорицатель» (Cham est nomen dignitatis, et sonat idem quod divinator)[29]. Тем самым подтверждается попытка объединить в лице правителя западных киданей духовную и светскую власти по т. н. «китайскому» варианту[30]. За Даши сохранялась слава «китайца», а мусульманские авторы именовали его Курханом ас-Сини[31], сам титул «гурхан» рассматривая лишь как «почетный».

Интересна и широко распространившаяся в то время легенда о пресвитере Иоанне. Привлекает внимание и боевая мощь кочевников. Таким образом, история восточноазиатских кочевников в целом и киданей в частности рассматривалась европейцами лишь в связи со своей историей. По мере расширения колониальной системы, когда на Восток устремлялись жадные взоры, появлялось и желание понять способность к сопротивлению и источники богатства. Для европейских историографов характерно высокомерие, поэтому не удивительно, что они переняли многие минские историолемы.

Так, иероглиф «ляо» традиционно переводится «железный», империю киданей тоже называют «Железной». Данная традиция появилась, по мнению ряда исследователей[32], именно в минскую эпоху, когда китайцы сбросили ненавистное монгольское иго и стали иначе «читать» историю взаимоотношений своего государства с северными варварами. Прочтение основывалось не только на том, что слова «железо» и «железный» у многих монгольских племен были синонимами слов «сила» и «могучий», но имело подтекст «железные оковы», «кандалы». Можно предположить, что мы имеем дело с эволюцией термина, терявшего одни значения и приобретавшего другие, или вполне осознанным, предельно политизированным его «прочтением» патриотически настроенными китайцами.

Имперский характер киданьского государства и логика внутренней политики его правителей позволяют согласиться с существованием в период Ляо другого значения термина, принципиально важного для киданей. Действительно, можно прочесть данный иероглиф как «чистое серебро»[33] (с ключом *цзинь* – 'металл'), однако одна из столиц Ляо была расположена в долине Серебряной реки (Иньчуань), а о географическом принципе структурирования государства взамен этнического уже упоминалось. Важно и то, что монголоязычные кидани серебро ценили больше, чем золото или железо. Этноним «монгол», как бы его ни переводили, связан с монгольским словом «монго» («серебро, белый, чистый»). Монголы, как впоследствии и маньчжуры, считали киданьскую империю своеобразным образцом для подражания. По сообщению Пэн Дая, именно в противовес чжурчжэням татары назвали свое государство «Великой серебряной династией»[34].

Европейцы воспринимают китайское понимание Ляо как машины истребления и покорения. Стремясь завязать оживленные отношения с ханьцами, они фактически переняли концепцию китаецентризма. В условиях широкого распространения филоориентализма историко-этнографический материал использовался и в дидактических целях. Это обусловило не столько скрупулезное исследование, сколько пересказ источников и чисто повествовательный стиль.

С XVIII веке в Европе начали издавать работы по истории Китая и окружавших его народов. Они были основаны на официальных китайских хрониках. «Общая история хуннов, тюрок и монголов...» Ж. Дегиня вышла в Париже еще в 1756 г., открыв новый для европейцев мир центральноазиатских кочевников. В 1777–1785 гг.

увидела свет многотомная работа П. де Майя по истории Китая, основанная на материалах «Тунцзянь ганму». Подобные компиляции выходили и в дальнейшем, играя важную роль в ознакомлении читающей публики с историей номадов, обеспечивая «первоначальное накопление материала». Они представляют собой либо переводы с китайского языка, либо более или менее близкие пересказы. Подобные работы создали Н. Я. Бичурин, Э. Шаванн, Э. Бретшнейдер, Н. В. Кюнер и др. Однако в изложении политической истории кочевых народов региона они, как правило, просто следовали китайской традиции. Кочевые соседи Китая при этом представлялись извечно агрессивной, разрушительной силой, деструктивным началом, находившимся в постоянном противоборстве с цивилизацией и культурой.

Изредка исследователи шли вразрез с концепцией официальных китайских летописей. Так, русский востоковед В. П. Васильев показал, что варварские народы к северу от китайской границы далеко не всегда были периферией Китая, они могли сами играть ключевую роль в истории региона. Его ученик М. Н. Суровцов в работе «О владычестве киданей в Средней Азии», написанной в 1869–1870 гг., дополнил этот тезис, указав на «бумажный» характер вассальной зависимости кочевников от китайской администрации. Однако в целом кочевники редко становились предметом специального исследования (лингвистического либо этнографического). Попытки проанализировать политическую культуру кочевого общества не предпринимались фактически до середины XX в.

В XX в. постепенно сформировался объемный корпус исследований, посвященных истории отдельных кочевых народов. Он включал: работы Лю Мао-цая, Л. Н. Гумилева и И. Эчеди, касающиеся политического развития тюркских каганатов; исследования В. Эберхарда, Л. И. Думана о тобасцах и созданной ими империи Северная (Тоба) Вэй; труды А. Г. Малявкина, К. Маккерас, П. Циме об уйгурских государствах различных эпох; классическую работу К. Виттфогеля и Фэн Цзя-шэна о киданях и империи Ляо, дополненную позднее многочисленными исследованиями Л. И. Думана, А. Л. Ивлиева и др.; труды Х. Миякавы, А. Колланца и Ц. Хандсурэна о жуань-жуаньском периоде в истории Центральной Азии и др.

Происходило подлинное становление различных наук, освобождающихся от диктата всевозможных идеологий. К тому же выявилась особая роль Востока в мировой истории, что стимулировало увеличение количества и изменение характера исследований в области номадистики. Появилась необходимость заново перевести источники (Штейн перевел на фр. яз. «Ляо ши») и аналитические исследования (Виттфогель). Этому способствовало широкое распространение цивилизационного подхода и методологии системного анализа. В то же время разочарование в идеологиях и отказ от них, внедрение в историческую науку позитивистской методологии, коммерциализация исторической науки сдерживали этот процесс.

В России в средние века появился интерес к «своим» кочевникам (монголам). Кидани в летописях упоминались лишь как часть татар, т. е. русские авторы того времени еще не видели их связи с Восточной Азией.

В результате освоения Сибири появилось желание противопоставить сибирских «инородцев» титульной русской нации, но в то же время отстоять их и среднеазиатские народы от китайского влияния. Отсюда появление в исторической литературе шовинистических и антикитайских настроений. Как писал М. Н. Суровцов, сыграл свою роль и капиталистический дух, широко распространявшийся в стране.

В VIII в. следствием вестернизации России стало «подключение» к западной историографической традиции (В. К. Тредиаковский). Интерес к истории восточных народов, находившихся под угнетением китайской империи, можно рассматривать как форму свободомыслия (А. С. Пушкин, о. Иакинф). Вводимый в научный оборот фактический материал использовался и с целью доказать восточное происхождения азиатского царизма, иначе говоря, его отсталость.

Русская послереволюционная эмиграция в Китай (центр – г. Харбин), как ни странно, усилила эти тенденции. А. Г. Малявкин отмечал: почти все китайские исторические сочинения пронизаны навязчивой идеей превосходства Срединного государства над окружающими народами, но «что касается фактического материала, то с учетом отмеченной тенденции в подаче его, неизбежных ошибок и непреднамеренных искажений, возможных в любой работе такого плана, его можно считать вполне достоверным»[35].

Для российской и советской историографии характерно стремление расколоть сложившееся в китайской исторической науке представление о единстве дальневосточной цивилизации, чтобы затруднить ее новое (уже после маньчжуров) объединение под эгидой китайцев или японцев.

Марксизм в духе формационной теории стимулировал теоретическое осмысление истории «инородцев», считавшихся исключительно жертвами китайской империи и феодального гнета. Здесь сказалось соперничество двух супердержав, одинаково претендующих на необъятные просторы немусульманской («желтой») Азии.

Ослабление в последние десятилетия роли России на международной арене и желание понять ее место в новой геополитической и социокультурной ситуации, становление деидеологизированной науки (хотя и не

свободной от цивилизационной парадигмы) стимулировали не столько накопление исторического материала для иллюстрации идеологических схем (что характерно для периода господства марксизма), сколько переосмысление уже накопленного. Отсюда появление новых методологий и попытки не описать, а объяснить суть исторических процессов, а не фактов. В противовес монизму и эволюционизму широко распространяются представление о полилинейном развитии истории и переосмысление терминологии, попытки создать новый понятийный аппарат. Его пытаются вывести из исторического материала.

Одной из важнейших в истории киданеведения на современном этапе видится проблема специфики конфессиональной ситуации в империи. Она была поставлена ранее, но еще далека от окончательного разрешения. На примере истории киданьского государства можно понять, почему широко распространенные в Евразии «мировые» религии не смогли закрепиться на дальневосточной почве.

Не менее важен вопрос: имеет ли право на существование понятие «кочевая империя»? Впервые в отечественной литературе оно было введено в научный оборот М. Н. Суровцовым[36]. Как строго научный термин в рамках своей типологии кочевых образований применила его С. А. Плетнева[37]. Этот термин не раз становился предметом полемики[38]. Киданьская империя Ляо (907–1125 гг.) дала богатейший материал для решения этих проблем[39]. Идея «империи» формировалась параллельно в двух великих государствах древности – римском и китайском. Совокупная модель вряд ли будет полна и исчерпывающа без учета особенностей, которые складывались на определенном историческом этапе и в других государствах, в том числе кочевых. Железная империя киданей вполне может быть использована в качестве примера, ибо является типичной кочевой империей, развитие которой отражает закономерности, что прослеживаются и в других современных ей империях. Можно говорить об уникальном для средневековой истории (не только Востока, но и всего мира) одновременном существовании в рамках одного государственного образования двух различных хозяйственных укладов – кочевых скотоводов и оседлых земледельцев[40].

В исследованиях отечественных ученых по истории киданей акцент делается в основном на археологические материалы, объем которых, однако, скуден. Что касается письменных источников, то они достойно представлены лишь переводом В. С. Таскина «Истории государства киданей». Специалисты вынуждены использовать устаревшие переводы зарубежных востоковедов XIX в. Вне сферы внимания остается, между тем, маньчжурский вариант «Ляо ши» – «Дайляо гуруни судури», что связано с почти полным отсутствием специалистов, свободно владеющих маньчжурским языком. В отечественном востоковедении маньчжуристы теперь почти «вымирающее племя».

«Дайляо гуруни судури» была полностью переведена на немецкий язык в конце XIX в. известным маньчжуроведом Г. К. фон Габеленцем. Работа эта осталась незавершенной, и в 1877 г. посмертно[41] был издан черновой, предварительный Введение в научный оборот этого ценного исторического документа – неоценимая заслуга Г. К. фон Габеленца. Однако перевод не отвечает современным требованиям исторической науки.

Со второй половины XX в. сибирские востоковеды поставили перед собой следующую задачу: осуществить русский перевод маньчжурского оригинала хроники, т. к. при первых же проверках стала очевидна вольность и многочисленные неточности перевода Г. К. фон Габеленца. Следует заметить, что этот перевод при подготовке к изданию, видимо, был обработан литературно и отредактирован сыном маньчжуриста – Г. А. Габеленцем. В рамках проекта предпринята попытка сравнить немецкий перевод Г. К. фон Габеленца[42] с текстом «Дайляо гуруни судури», активно используются источники, в том числе на европейских языках (латинский, староитальянский)[43].

В последние десятилетия XX в. происходило переосмысление концепций, сложившихся в условиях освоения наукой истории современных исследователям общественных систем (абсолютные монархии, буржуазные республики и их соответствующие вариации и модификации). Особенно были актуальны проблемы типологии государств и других форм политической организации. Объектом размышлений в этой области, прежде всего, стал традиционный иудейский и христианский эволюционизм, рассматривающий историю как педагогическую проблему выживания цивилизации в полиэтническом мире[44]. Безусловно, повлияли и первоначальные научные концепции, имевшие дело с простыми физическими системами и пытавшиеся свой опыт перенести на общественные процессы.

Примечания

[1] См.: **Альтернативные** пути к цивилизации. – М.: Логос, 2000; **Кочевая** альтернатива социальной эволюции. – М., 2002.

[2] **Коган Л. С.** Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана): Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – М., 1981; **Халиль Исмаил.** Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50–80 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983; **Крадин Н. Н.** Кочевые общества. – Владивосток: Дальнаука, 1992; **Крадин Н. Н.** Общественный строй кочевников: Дискуссии и проблемы // Вопросы истории. – 2001. – № 4. – С. 21–32; **Васютин С. А.** Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 1998.

[3] **Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng.** History of Chinese Society Liao (907—1125) // Transactions of the American Philosophical Society. New series. – Philadelphia, 1949. – V. 36. – P. 1, 42, 64.

[4] **Пиков Г. Г.** Специфика кочевой империи (на примере киданьского государства Ляо) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – Новосибирск, 2002. – Т. 1, вып. 2:. – С. 18–30.

[5] **Флуг К. К.** История китайской печатной книги Сунской эпохи (X–XIII вв.). – Л., 1959. – С. 214–219.

[6] **Пиков Г. Г.** Специфика государственного устройства киданьских государств (Ляо и Си Ляо) // История и социология государства. – Новосибирск, 2003. – С. 67–113; **Пиков Г. Г.** Киданьские этнонимы как отражение конструирования и эволюции этнического самосознания…

[7] По Сюньцзы, «(люди, живущие) меж четырех морей, подобны одной семье». Цит. по: **Крюков М. В.** Этнические и политические общности: Диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. – М.: Наука, 1982. – С. 152.

[8] **Журавлев В. К.** Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – М.: Наука, 1982. – С. 143.

[9] Там же. – С. 153.

[10] **Fairbank J. K., Teng S. Y.** On the Ch'ing Tributary System // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1941. – V. 6, № 2.

[11] **Kurihara Tomonobu.** Studies on the History of the Ch'in and Han Dynasties. – Yoshikawa Kobunkan, 1960; **Schwartz B. I.** The Chinese Perception of World Order, Past and Present // The Chinese World Order. – Cambridge, 1968.

[12] **Е Лун-ли.** История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит. яз., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина. – М., 1979. – С. 23.

[13] **Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. History**… – P. 1, 42, 64.

[14] **Е Лун-лн.** История… – С. 17–22.

[15] Подробнее см.: **Е Лун-ли.** История… – С. 16–24.

[16] **Тюрюмина Л. В.** К истории создания маньчжурского перевода «Ляоши», «Цзиньши» и «Юаньши» // Мат-лы конф. «Этногенез народов Северной Азии». – Новосибирск, 1969. – Вып. 1; **Пиков Г. Г.** Китайские и монгольские письменные источники по истории западных киданей // Дальний Восток и Центральная Азия. – М.: Наука, 1985.

[17] **Березин И. Н.** Замечания о слове «куркан» // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1839. – Ч. 22, отд. 7; **Sacy S. De.** Rez.: Hammer Jos. Geschichte des Osmanischen Reichs // Journal des Savans. – P., 1831, septembre. – P. 522–536; **Idem.** Autre lettre au Redocteur du Nouveau Journal Asiatique // Nouveau Journal Asiatique. – P., 1829, decembre. – № 4. – P. 473–475; **Klaproth M.** Sur le titre de Gourkhan // Nouveau Journal Asiatique. – P., 1828. – № 11. – P. 294–305; **Menges K. H.** Der Titel «Gourkhan» der Qara-Xytaj // Ural-Altaische Jahrbücher. – Bd. XXIV, H. 3–4. – 1952.

[18] **Бартольд В. В.** Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – СПб., 1898. – Т. 1.

[19] **Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Т. 2. – С. 69–72; **Козин С.** Сокровенное сказание. – М.; Л., 1941. – С. 278.

[20] (**Березин И. Н.**). Библиотека восточных историков. – Т. 1. Шейбаниада. История монголо-тюрков. – С. 48; (**Григорьев**). Землеведение Азии Карла Риттера. – 1869. – Вып. 1. – С. 398; **Бартольд В. В.** Очерк истории Семиречья. – Фрунзе, 1943. – С. 34.

[21] **Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng.** History… – P. 431.

[22] Там же.

[23] **Bretschneider E. V.** Mediaeval Researches from Eastern Asiatic sources. – L., 1910. – T. I. – P. 225.

[24] **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей. – М., 1953. – Т. 1, кн. 1. – С. 118.

[25] **Голстунский К. Ф.** Монгольско-русский словарь. – М., 1938. – Т. 3. – С. 665; *(***Березин И. Н.***)*. Библиотека… – С. 48.

[26] **Банзаров Д. О** происхождении слова «Чингис» // Собр. соч. – М., 1955. – С. 176.

[27] **Пиков Г. Г.** Западные кидани. – Новосибирск, 1989. – С. 128.

[28] **Сафаргалиев М. Г.** Распад Золотой Орды. – Саранск., 1960. – С. 44; **Трепавлов В. В.** Государственный строй Монгольской империи XIII в. – М., 1993. **Arapov D. Y.** The Chinggisids and their status in Central Asia and East Europe // Nomadic pathways in social evolution. – M., 2003.

[29] **Матузова В. И.** Английские средневековые источники IX–XIII вв. – М.: Наука, 1979. – С. 202, 216, 231.

[30] **Дмитриев С. В.** К вопросу о сути конфликта между Чингис-ханом и Теб-Тенгрием // Третья Дальневост. конф. молодых историков: Тез. докл. – Владивосток, 1994.

[31] **Материалы** по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973. – Вып. 1. – С. 65.

[32] **Палладий.** Старинное монгольское сказание о Чингис-хане // Тр. членов Рос. духов. миссии в Пекине. – СПб., 1866. – Т. 1. – С. 380; **Стратанович Г. Г. Указ. соч.** – С. 100.

[33] **Стратанович Г. Г.** Указ. соч. – С. 100.

[34] «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй тина // Проблемы востоковедения. – 1960. – №5. – С. 136, 145–146.

[35] **Малявкин А. Г.** Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 17.

[36] **Суровцов М. Н.** О владычестве киданей в Средней Азии // Архив востоковедов ИВ РАН. – Фонд А. М. Позднеева, № 44, ед. хр. № 278. – Л. 32

[37] **Плетнева С. А.** Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – С. 40–72.

[38] **Крадин Н. Н.** Социально-экономические отношения у кочевников: Современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 1990; **Крадин Н. Н.** Кочевые общества... - С. 168; **Крадин Н. Н.** Кочевые империи: Генезис, расцвет, упадок // Восток. – 2001. – № 5. – С. 21–32; **Васильев Д. Д., Горелик М. В., Кляшторный С. Г.** Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 33; **Трепавлов В. В.** Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. – М.: Наука, 1993. – С. 17–18; **Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.** Степные империи Евразии. – СПб.: Фарн, 1994. – С. 6.

[39] См. также: **Пиков Г. Г.** Киданьское государство Ляо как кочевая империя // Кочевая альтернатива социальной эволюции. – М., 2002. – С. 190–203; **Пиков Г. Г.** Специфика кочевой империи (на примере киданьского государства Ляо) // Вестик НГУ. Сер. История, филология. – Новосибирск, 2002. – Т. 1, вып. 2. – С. 18–30.

[40] **Васильев В. П.** История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века // Тр. Вост. отд-ния Рус. археолог. общ-ва. – СПб., 1859. – Т. 3–4. – С. 17; **Е Лун-ли.** История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В. С. Таскина. – М.: Наука, 1979. – С. 10–11, 15–16.

[41] *Geschichte* der Grossen Liao. Aus dem Mandschu übersetzt von H. Conon von der Gabelentz. – St.-Petersburg, 1887.

[42] **Тюрюмина Л. В.** Gabelentz H. Conon. von der. Geschichte der Grossen Liao. Spb., 1877 (перевод с немецкого языка; рукопись).

[43] **Абул-гази Багадур.** Родословная история о татарах / Пер. с фр. В. Тредиаковского. – СПб., 1770; **Абулгазн-Бахадур-хан** / Пер. В. К. Тредьяковского. – СПб., 1768. – Т. 1; **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарий. – Иркутск, 1932. – Т. 1; **Алтан-Тобчи.** Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе / Пер. ламы Галсана Гомбоева. – СПб., 1858. – (Тр. Вост. отд-ния Рус. археолог. общ-ва; ч. 6); **Армянские** источники о монголах. – М., 1962; **Бичурин Н. Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950–1953. – Т. 1–3; **История** монголов по армянским источникам / Пер. К. П. Патканова. – СПб., 1874. – Вып. 1–3; *Книга* Марко Поло. – М., 1956; **Кюнер Н. В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961; **Материалы** по истории древних кочевых народов группы дунху / Пер., предисл., коммент. В. С. Таскина. – М., 1984; **Материалы** по истории киргизов и Киргизии. – М.: Наука, 1973. – Вып. 1; **Матерналы** по истории кочевых народов в Китае III–V вв. – М., 1990. – Вып. 2; **Материалы** по истории туркмен и Туркмении. – М.; Л., 1938. – Т. 1; **Матузова В. И.** Английские средневековые источники IX–XIII в. – М.: Наука, 1979; **Мэн-да бэй-лу:** Полное описание монголо-татар / Пер., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. – М., 1975; **Мункуев Н. Ц.** Китайский источник о первых монгольских ханах. – М., 1965; **Мэн-гу-ю-му-цзи.** Записки о монгольских кочевьях / Пер. с кит. П. С. Попова. – СПб., 1895; **Палладий.** Старинное монгольское сказание о Чингис-хане // Тр. членов Рос. духов. миссии в Пекине. – СПб., 1866. – Т. 4; **Плано Карпини.** История монгалов. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. – М.: Мысль, 1997; **Плано Карпини.** История монгалов. – СПб., 1911; **Путешествие** в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957; **Пэн Да-я н Сюй Тин.** Краткие сведения о черных татарах // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 5; **Рашид-ад-дин.** Сборник летописей. – М., Л., 1946–1960. – Т. 1–3; **Сокровенное** сказание: Монгольская хроника 1240 г. – М.; Л., 1941. – Т. 1; **Тюрюмина Л. В.** Военное дело у маньчжуров (сведения из «Мань-вэнь лао-дан») // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1992. – С. 93–99; **Шэн-ву-цнн-чжэн-лу.** Описание личных походов священно-воинственного (Чингис-хана) // Восточный сборник. – СПб., 1877. – Т. 1; **Roger Bacon.** Commemoration Essays / Ed. by A. G. Little. – Oxford, 1914; **The Opus Majus of Roger Bacon** / Ed. by J. H. Bridges. – Oxford; London, 1897–1900. – Vol. I–II; **The Opus Majus of Roger Bacon** / Transl. R. B. Burke. – Philadelphia, 1928. – Vol. I–II.

[44] Подробнее см.: **Пиков Г. Г.** Представление об истории в Новом Завете // Сибирь на перекрестье мировых религий: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти М. И. Рижского. – Новосибирск, 2002. – С. 74–99.

SUMMARY*

This is a concise statement of the plot design of the dynastic chronicle «Dai Liao Guruni Suduri» and of the content of M.N. Surovtsev's monograph «About the Chitan's Dominion in the Middle Asia».

Preface

to translations of the dynastic chronicles from Chinese into Manchurian, those once executed and in our days translated from Manchurian into Russian by Ludmila Vasil'yevna Turumina.

The information of the general character connected with the history of creating the Manchurian versions of the dynastic chronicles «Dai Liao Guruni Suduri», «Aisin Guruni Suduri» and «Dai Yuan Guruni Suduri», that is the histories («Liao Shih», «Jin Shih» and «Yuan Shih») of the Great Empires – Liao, Jin and Yuan (respectively), is as follows. These dynastic chronicles are the earliest ones from the patterns of the Manchurian literature which have reached our time. Their publishing had been undertaken by the ruling Court of Manchurian Ching Dynasty, with the aim to demonstrate the greatness of descendants of the mighty conquerors of the past, their successors and continuers in the epopees of conquest of the Middle Asia. The tendentious selection of historical facts fixed in Chinese written sources, as well as the peculiar editing of the texts of the compilers of these sources, were, undoubtedly, dictated by the task – to glorify, in every possible way, the Ching Empire. In the *Preface* to that edition, the purpose of its publication was spoken in plain terms:

«For this reason, our Philanthropic, Generous, Gentle, Perfectly Wise Khan, burning with the desire to contemplate precisely the antiquity, and containing such desire in his heart, exclusively on account of this matter, issued the decree for us: "Translate into the Manchurian language the books of three dynasties – Ta Liao, Ai Hsin and Ta Yuan! Omit from this translation portions of unserviceable texts and, glorifying, write completely, without omissions, about their ups in good deeds and downs in those made with evil intentions, wars and battues". High-ranking court official Huk'u omitted from the translation all that was inadmissible, coming to the agreement with known orientation».

The text of the *Preface* allows one to consider that the process of composing the histories was begun in Mukden, in 1636, and ended in 1639. All three «Histories» were published, evidently, in Peking, in 1646. Many persons participated in compiling of these books. All their work was carried out under observation of "The Scientific Committee" and "The Court Office" which had their departments: *Dorghi Kooli Selghere Yamun* – "The Court Department for Promulgations of Laws", *Dorghi Narkhun Bithei Yamun* – "The Court Secret Room and Library of the Sovereign", as well as *Dorghi Guruni Suduri Yamun* – "The Court Committee for Compiling and Keeping of the State Chronicles".

Anticipating the summary of the content of «Dai Liao Guruni Suduri», it must be noted that the text of the Manchurian version of the chronicle is formed by fragments of the primary source – «Liao Shih». These fragments are not equivalent in their significance. In particular, it is evident that, at times, very important circumstances were omitted. Such fact was conditioned by abridgements (to a considerable extent) of the material selected from the Chinese sources. Besides, the presence in this chronicle of the Chinese text untranslated into the Manchurian language is striking too. And here, nothing else is left, but to conjecture what is the guilt for that – whether the incompetence of the compilers or some censorial reasons, or (and it is most probable) common lack of time (for investigation and rewriting of the colossal material «suitable for the matter» took only 3 years!).

* Translated by Inna Laricheva

As far as the purely philological problems are concerned, those which often caused difficulties in translation of the Manchurian text, L.V. Turumina noted the following: «Even after many years of the study of «Dai Liao Guruni Suduri» had elapsed, to estimate this work, from the modern linguistics' point of view, is not a very simple task and, perhaps, it is a thankless task, since much time separates the XVIIth and the XXIst centuries. Moreover, the Manchurian translators from Chinese (Chabuhai, Nengtu and Ěchenggheh), of course, were children of their time, and, for this reason, it is difficult to compare their labour with that of translators of the XIXth, the XXth and the XXIst centuries. Nevertheless, it is necessary to appraise their treatment and exposition of the historical information from the Chinese language into the Manchurian one».

Doing justice to those titanic efforts connected with translation of the Chinese sources, L.V. Turumina noted that in the grammatical aspect the greater half of the text is irreproachable. The failures of statement of the second part of the text provoked, obviously, by work in a hurry are such ones: ends of sentences and endings of direct speech were formed not always precisely and correctly; desultoriness and sometimes complete unintelligibility of the text are striking (though it may be justified by unqualitativeness of fragments of the Chinese sources themselves); violation of the order of words in sentences; certain confusion of narration, possibly, as a consequence of hasty and insufficiently considered abridgements; perversion of proper names; various kinds of terms, names, etc. But the main thing that aroused inconvenience in work – the presence of untranslated fragments of the Chinese texts, those «masked» under the pretence of proper names, as well as inclusion in narration of various terms, geographical and ethnic names.

To "catch" the meaning of such texts and to translate them Yeh Lungli's Indexes to «Chitan Kuo Shih» («The History of the Chitan's State») helped. The latter was brilliantly translated into Russian by V.S. Taskin.

The Chinese hieroglyphs, as well as the Russian norms of their pronunciation allowed L.V. Turumina, in some cases, to orientate herself in lexical material of «Dai Liao Guruni Suduri», to compare and analyse frequently perverted Manchurian transcriptive units, as well as to guess right (just only to guess – with the help of the context!) what namely Chinese words they reproduce. If the Chinese text was taken for translation into Manchurian as a single whole, i. e. without any abridgements, it was much easier to translate such text into Russian, in comparison with the ones partly translated into Manchurian and, what is more, written down with violation in the order of words. In the last case, the translator had to reconstruct sentences with the help of her intuitive conjecturing of the content and, naturally, committing some errors. In translation of especially complicated parts of the text, the same merely intuitive confidence also helped to understand that names were not the Manchurian ones, official terms were not names but simply descriptions of officials' functions, geographical names were not place-names of towns, provinces, regions and so on, but simply text which found itself beside and was in no way connected with them.

Everything deserving attention in work on the text of the chronicle L.V. Turumina noted in foot-notes. The main thing in them – her critical treatment of work of all compilers of «Dai Liao Guruni Suduri», the earliest, most imperfect and difficult pattern of literature for translators from the Manchurian language, as well as, in particular, the most impudently courageous and inspired labour of the highest-rank translators from the Chinese language – Chabuhai, Nengtu and Ěchenggheh.

«DAI LIAO GURUNI SUDURI»
«Writing-book № 1» (36 original sheets)

The text begins with summary of the Liao State prehistory and enumeration of ten predecessors of Taitzu Abaochi – the Liao Dynasty founder. He was born in 872 A.D., under extraordinary circumstances and had puzzling abilities («at the age of 3 months he could walk and, at the same time, he suddenly began to speak, as well as knew in advance about affairs»). In 901, being given assignment of *Ilichin* (main official, military operations manager), Taitzu Abaochi took the campaign against *Shihwei, Yuichueh, Hsi Hsi, Nuichih* and other tribes. In 907, at the age of 35, he became khan, in accordance with words of Chinteh Khan's testament (that of his elder uncle). Just in this year, Taitzu Abaochi was rewarded with honorary title *Tienhwangwang* (Celestial Emperor). In reality, such title was accepted by him only in 916; before this year, during nine years, he was a prince. His wife was given the honorary rank of *Earthly Empress*.

The period of time from 907 to 916 was remarkable for complicated relations of Abaochi with Chinese Liang and Tang Dynasties. The chronicle contains description of such events: the forcible joining up of the Chitan nomads' camps round the *matter* of the ruling qlique; repeated revolts of the junior khan's brothers burnt with the desire to kill Abaochi and to become princes; numerous mass capital punishments of accomplices of brothers-rebels; devastating forays onto contiguous Chinese territories; acquisition by the Chitan of Han Yanhwei who was a native of Chinese Yan lands

(he played the leading role in complicated affairs of the State building: in organization of official institutions, in building of towns fortified with inner and outer walls, in making market places, in development of handicrafts, in ascertainment of rules for wedding, in charitable activities and so on). Events of increasing mighty of the Chitan are also described: numerous punitive campaigns; tribute by the Korean States Hsinlo and Solhuo, in the end of 915.

The period of time from 916 to 926 is remarkable for such events: the announcement and assignment to Taitzu Abaochi of the honorary title of *Great Perfectly Wise, and Great Sagacious Celestial Emperor*; the ascertainment of the era of governing of Shencheh; henceforth, the State was named "the Chitan's One"; large punitive campaigns against *Tuchueh, Tuhun, Tanghsiang, Shato* and other tribes; the capture of tribal chiefs and finding a great number of prisoners and captured material; the war, with variable success, with the Chin State; the allocation of tribute by the Liang, Chin, Pohai and Solhuo States, as well as *Hweihu, Chupu, Tanghsiang* and other tribes; the establishment of the temple in honour of Confucius (Chinese name – *Kungfutse*); the punitive campaign against Wu Kuo (the State of five nations tribes).

Moreover, in 920, the start to elaboration of the Chitan script was marked (the latter was finally accepted to its use after subjugation of the Pohai State, in 926; in 921, – the approval of the Chitan criminal legislation and the officials' scale of ranks; in 922, – the defeat of the Chitan in the war with the Chin State; the division of official governmental institutions into northern and southern ministries; in 923 – the foundation by Li Chunsui of the Late Tang Dynasty and termination of the existence of the Liang Dynasty, as a result of the war with Li Chunsui; punitive campaigns of the Chitan forces against some rebellious tribes; in 926 – the downfall of the Pohai State in war with the Chitan; the capture of its ruler Da Yinchuan and giving the new name – *Tungtan* to this State; the assignment of Tuyui (the eldest son of Taitzu Abaochi) as a new ruler of this State, with the title of *Zhenhwangwang* (the Great Commander-in-Chief of the forces of All-under-Heaven); the appointment of the tribute in 150000 linen pieces and 1000 horses; the revolt of former Pohai regions and its suppression by the Great Commander-in-Chief of the forces of All-under-Heaven Taitzung (Tehkuang), the second son of Taitzu Abaochi; the death of the Chitan emperor in Fuyuicheng; carrying over his body to the Emperor's capital; the burial of the body on the Muyeh Shan (the Muyeh Mountain).

This way, in 926, the life of Taitzu Abaochi, the founder of the Chitan Liao Dynasty, came to its end. He was the son of his time. With that time the history of the beginning of the cruel and bloody period was connected. During the latter, a half of the Chinese lands turned out to be captured by «barbarians from a distant plot of the Earth».

«*Writing-book № 2*» (35 original sheets)

In its pages, events of governing of the second Chitan emperor – Taitzung (Tehkuang), the second son of Taitzu Abaochi are described. In 922, Tehkuang, at the age of about 22 years, was given the assignment of *Zhenhwangwang*. In 927, after his father's death, on his mother's free will, he was enthroned. His mother, Shului Empress (Yingtien), the wife of Taitzu Abaochi, was eminent in affairs connected with improvement of the State prosperity and she played an exceptional role in the fortunes of the Chitan emperors. The result of this event turned out to be the following: in 930, the offended (legal!) successor to the throne (eldest son of Taitzu Abaochi), Tuyui by name (with the title *Zhenhwangwang*, highly educated man of that time, the ruler of the Tungtan State created on the Pohai territory), ran away into China on invitation of the Late Tang emperor Mingtzung (Li Ssoyuan).

In 928, i.e. in the beginning of governing of Taitzung (Tehkuang), the Chitan were defeated in the war with the Tang State (the victory of the Tang *Tzehtushih* Wang Tu); the migration of the Pohai people into the Tungp'ingchun Region.

In 929, the campaign against the Yunchung Province was begun. There, the younger brother of Taitzung (Tehkuang) Li Hu was a business-manager. In 932, in honour of Taitzu, the founder of the Chitan Dynasty, a triumphal arch was erected. In 933, the successful campaign of Li Hu (the Great Commander-in-Chief of the forces of All-under-Heaven) against the *Tanghsiang* people was accomplished; at the same time, Mingtzung Emperor of the Late Tang Empire died and his son Mingti was enthroned.

In 934, Mingti was killed by a Tang usurper *Luwang* Li Chungcheh who «wilfully became the emperor»; the personal participation of Taitzung in the campaign against the Late Tang Dynasty; the birth of the future Mutzung Emperor and the death of his mother-empress Ch'angteh.

In 936, the personal participation of Taitzung in a new, jointly with Shih Chingtang, campaign against Li Chungcheh (the killer of lawful Mingti Emperor) took place; Taitzung Khan elevated Shih Chingtang to the emperor throne and declared the beginning of governing in China of a new dynasty – the Great Chin (Ta Chin) Dynasty. Such concession became the fee for the following: the Chitan were given 16 Chinese provinces and Shih Chingtang's consent to put every year at their disposal 300.000 pieces of silk; murder (by an order of *Luwang*) of the Chitan *Zhenhwangwang* Tuyui and self-immolation of *Luwang*.

In 937, the contribution from the Chin and Southern Tang Dynasties was put at the Chitan's disposal.

In 938, – the delivery of the certificate from Chitan Taitzung Khan, according to which Chin emperor Kaotzu (Shih Chingtang) was blessed with the title *Ingumingi hwangti*; the arrival of Chin ambassadors with their thanks for this diplomatic move and presentation of the presents; simultaneously, the Court of the Great Chin Dynasty granted the honorary titles to Chitan emperor Taitzung and Shului, *Empress Dowager*; the announcement of amnesty by Taitzung; the official transference to the Chitan of 16 provinces ceded by the Great Chin Dynasty.

In 939 – 942, – the promulgation of decrees about poor and lone persons, about the necessity to keep the journal of daily affairs and to obtain from subjects «honest and virtuous talks»; the arrival of a poor peasant Yehlui Haissu «dressed in sheepskin coat and straddling on bullback» who «came, according to the given instruction, to argue about affairs» with the Emperor himself; the peasant was given the new assignment – to be the manager of Ministry of Building; the death of Kaotzu, the Chin emperor, and enthroning of Chunghui who «put an end in writing to call himself '*the liegeman*' and was named '*the grandson*' in official documents»; Taitzung's decision to be at war with the Chin State.

In 943, – the approval at the Mutual Council of the decision to fight against the Chin State.

In 944, – the invasion of the Chitan forces into China in four directions.

In 947, – the downfall of the Chin Dynasty; bringing down of the Chin emperor Chuti (Chunghui) to the title *Fuihou* (*hou – the one who has committed his duty*); the official recognition by the Chinese dignitaries of the Chitan Tehkuang as the Chinese emperor; joining of China to the Chitan State; the announcement of amnesty; the pillage in the Chinese capital Taliang; murders and plunders of the Chitan forces over the whole occupied territory of China; the hatred of the Chinese population; the revolts of the indignant ones; self-proclamation of Liu Chihyuan, the military leader, as the emperor of All-under-Heaven and the announcement of the beginning of governing in China of the new dynasty – Han; during the first month of his being at the Chinese throne, Taitzung (Tehkuang) took the decision to return to the native land, alleging «approaching of hot weather»; when the emperor returned to the north, he began to ache and died at the age of 46 years; this way his 20 years' tenure at the Chitan throne was completed. The capture of the Chinese throne was the main achievement of Taitzung. Perhaps, his father – Taitzu Abaochi – the legendary founder of the Liao Dynasty, did not dare to dream about such a contingency.

«*Writing-book № 3*» (22 original sheets)

In its pages, an account on the activities connected with the third Chitan emperor – Shihtzung, Wuyui by name (the grandson of Taitzu Abaochi, the eldest son of *Zhenhwangwang* Tuyui) is given. He ascended the throne in the same 947. Four and a half years of his governing were not remarkable for something positive (the time of «malicious intents» of his retinue and that of «covert denunciations», capital punishments and exiles onto the boundaries of those high officials who were caught in attempts of raising revolts). The circumstances of this ascending the throne near the coffin of Taitzung Khan, in the Chenyang City (the other names of the latter – Chenchou, Hengchou) are described too; the anger of widowed Shului Empress who wished Li Hu (the younger brother of Taitzung) to be elevated to the throne; the information about the battle of the forces of Shihtzung and Li Hu; the latter suffered the defeat in the battle and took prisoners (families of all retinue of Shihtzung Khan); the role of high official Yehlui Wuchih in organization of the summit talks between the opposing parties and the subsequent safeguarding of peace on meeting Shihtzung with Shului Empress and Li Hu (this event is described in the chronicle at the top of unattractiveness of usual palace intrigues); the asseveration of coming Shihtzung, at the age of 29 years, to the throne; the settlement of the Empress and Li Hu for their dwelling near the grave of Taitzu Abaochi.

In 948, – an attempt of high officials (Yehlui Tienteh, Siao Han and others) to raise a revolt which was broken by faithful high officials Yehlui Shihla and Yehlui Wuchih; the death of Liu Chihyuan, the emperor of the Han Dynasty, and accession to the throne of Yinti, the second son of Liu Chihyuan.

In 949, – the next attempt of the revolt; the capital punishment of Hsiao Han, the husband of Shihtzung, the Khan's junior sister, Abuli by name; she, as the wife of the mutineer, died in a prison of starvation.

In 950, – *Ta Ningwang* Chagheh (the son of Antuan, the junior brother of Taitzu Abaochi) who was notable for cunning and craft, wormed himself into Shihtzung's confidence; in the 9th Moon, – the campaign of Shihtzung to Shansi; in the 10th Moon, – his punitive campaign to the south.

In 951, – the murder of Yinti, the emperor of the Han Dynasty, by one of his retinue – Kuo Wei; the latter falsely proclaimed himself as the emperor and named '*Chou*' his dynasty; the punitive campaign of the Chitan, on the occasion of which Shihtzung made sacrifice to the Spirit of his father, Kuo Jung Emperor; the murder by *Ta Ningwang* Chagheh and those who held the same views of Shihtzung Khan and his mother; families which refused to support Chagheh and his accomplices were caught; the escape of *Shou Anwang* Shului (the son of Taitzung Emperor) to «Southern mountains»,

then his return home; being supported by his reliable high officials, he attacked Chagheh; the latter was executed and his son and accomplices were murdered too.

So ingloriously the third Chitan emperor Shihtzung, the son of *Zhenhwangwang* Tuyui completed his days. His father was an unlucky person and voluntary exile to the foreign land (only after his death he was titled as *Kuo Junghwangti* (the emperor who let somebody else to govern his own State), the title reflecting the private tragedy of an educated man who came to know quite well the natural philosophy, music, medical treatment and was an excellent painter; as if by the right of succession he passed on this ill fate (a victim of conspiracy) to his son. The four-year governing of Shihtzung was occupied by treachery of his nearest and dearest people, denunciations, capital punishments and all this was ended with his violent death.

To narration of circumstances which accompanied the governing of the fourth Chitan emperor – Mutzung, the son of «splendid Taitzung Khan», in the chronicle, only 9 sheets in the second part of *«Writing-book № 3»* were assigned. But they turned out to be enough in order to throw light on all particulars of his vital tragedy. Mutzung elevated to the throne at the age of 17 years. Frightened by the murder of Shihtzung Khan in Chagheh's mutiny time (in 951), he had no necessary abilities and worthy private qualities for governing the State. Being infantile, very fond of amusements, with poor health, he was afraid of the duties of *the Son of the Sky* entrusted to him and kept himself away from making self-depended decisions. Mutzung did not take kinsfolk into his confidence and let all his affairs take their course. The latter were done by the Chitan and Chinese high officials. The emperor awoke only at noon, and for this reason he was named '*the Sleeping Ruler*' by the Chitan.

All Chitan emperors were notable for their love of game-shooting but Mutzung's love to such kind of pastime was especially great. Being a personality with discrepant and out of the common private traits of the character, he turned murder of '*the beautiful God's creatures*' into all- absorbing passion. He was also inclined to cruel murder of people. Meanwhile, in 1052, i. e. 84 years after his death, just about him one influential high official said the following: «Mutzung Khan, being hot-tempered and ungovernable, reduced, however, the rates of direct taxes and people began to live in joy and pleasure. Even if Mutzung killed guiltless animals, they were not more numerous than those dying [at present] during the khans' battle hunting in the Chou Mountains. Just for this I named Mutzung Khan '*a kind man*'». And the seventh Chitan emperor – Hsingtzung who considered Mutzung to be «a person with his consciousness dulled through unceasing drinking, the one who did not know when to stop in that what makes him glad and gives rise to anger, and who looked at people like at wormwood» had not found words to express censure on this, as it seems, very strange appreciation.

Mutzung, evidently, recognized his failures as the ruler of the Great Empire and had, probably, presentiment of approaching of violent death. For this reason, in the last years of his governing, having become especially cruel and mistrustful, he suppressed the horror of possibility of the forthcoming departure in drunken brawls, depraved life and hunting, executions of his retinue and household servants even for their not great faults.

In the chronicle, about military operations, in the period of his 17-year governing, few words are said (only the battle against forces of the Chou Dynasty, on the side of the Han Dynasty, as well as the punitive campaign against the State of Five Tribes are mentioned). Mutzung was killed in 968, at the age of 34 years.

«*Writing-book № 4*» (13 original sheets)

This part of the chronicle contains information about the fifth Chitan emperor – Chingtzung. Being «kind and timid», at the age of 4 years (in «Chitan Kuo Shih», it is said about 9 years), he was an eye-witness of the murder of his father – Shihtzung Emperor, and 17 years later, in 968, he felt keenly the murder of his uncle – Mutzung Emperor. The both terrible events preceded his accession to the throne and affected his health and activities in the rank of *the Son of the Sky*; because of his physical weakness, he could not pay much attention to the State affairs (everything was decided by the Empress), and no wonder that 14 years of his governing are not noted by something remarkable. In the chronicle, forays of the Chouzhen tribes onto the frontier territories, in 973 and 976, are mentioned; the downfall of the Han Dynasty under the fatal blow of the Sung armed forces; the feeble attempt of the mutiny of Hsiyin, the son of Li Hu (the junior son of Taitzu Abaochi). Chingtzung died in 982, at the age of 35 years.

«*Writing-book № 5*» (44 original sheets)

In it, the information about the governing of the sixth Chitan emperor – Shengtzung, the eldest son of Chingtzung, is given. Having come to the throne, in 982, at the age of 12 years, he only 27 years later (after the period of regency of Chengtien, *Empress Dowager*), took the governing into his own hands. Shengtzung was on the throne almost half a century – 49 years (longer than all Chitan emperors). The main result of the life of this «just, generous, respectful to his parents, holding in respect his deserved high officials, well-educated man» (he had written over a hundred of poems,

knew very well how to play musical instruments and to tune them up, how to sing, to draw and to be a marks-man) the conclusion of the peace treaty on oath, in 1004, was. Such event took place after the prolonged war with the Sung Dynasty. Shengtzung kept strictly to the established terms of the treaty, those which were revised only in 38 years, in 1042, by the next in turn Chitan emperor. The other noteworthy events in the period of governing of Shengtzung are such ones: the punitive campaigns against the *Nuichih, Tanghsiang Hweihu and* other «hostile and inflexible tribes»; the complicated relations with the Solhuo (Korea) and Hsi Hsia States. Shengtzung died in 1031, at the age of 61 year, on the way to the place of disposition of the vernal marching camp (*nabuo*).

«*Writing-book № 6*» (24 original sheets)

In this part of the chronicle, circumstances of the course of life of the seventh Chitan emperor – Hsingtzung are described. He was the son of Shengtzung Emperor and his concubine Shunsheng Yuanfei favoured with the title *Fatien Empress*. Having come to the throne, in 1031, at the age of 12 years, Hsingtzung only in 1034 took the governing in his hands after his mother's exile (in 1032 she killed the wife of Shengtzung Khan – Chitien Empress and governed the State about 4 years). In the chronicle, Hsingtzung is called «clever, sagacious, majestic, far-sighted, as well as book-lover and connoisseur of all kind of games». But he took a great interest in hunting and behaved himself as he liked – «he did not follow the established rules and customs». In 1042, Hsingtzung concluded a treaty with the Sung Dynasty about the lands lying to the south of the frontier post of Wachiao Kuan. Under the treaty, the number of annual presents from the Sung Dynasty was increased by 100.000 liangs of silver and 100.000 pieces of silk. Such treaty turned out the important event of his 24-year governing. The other events: the punitive campaigns against the ruler of the His Hsia State; presentation, in 1052, of posthumous honorary titles to ancestors of Taitzu Abaochi, the founder of the Ta Liao Dynasty; writing of the Chitan code of laws by high official Han Jianu. Hsingtzung died in 1055, at the age of 36 years (the mistake in the chronicle: «at the age of 40 years»).

«*Writing-book № 7*» (45 original sheets)

The first part of this section of the chronicle contains much useful information about 45 years of governing of the eighth Chitan emperor – Taotzung (1055 – 1100 years; he died at the age of 70 years). Tao-tzung was next to the last Chitan emperor, and as such one, according to the historical tradition, he was considered to be guilty of what one may hardly accuse him. The beginning of Taotzung's governing was calm. This is conformed by his verses written in 1957 and presented to the widowed empress: «Both the khan and vassals of our State are unanimous. The home and foreign peoples became like a single whole».

In 1058, Taotzung issued the edict about revision of cases of the criminals condemned to death. This document had to certify the humanity of Taotzung.

In 1063, the mutiny of Chungyuan, the uncle of the emperor was suppressed. After that, the mutineer committed suicide in the Desert.

In 1072, unprecedented in the history of the empire rewarding of an educated unmarried woman took place; she had presented to Taotzung her philosophical treatise, and for that he graciously conferred a rank of official to her.

In 1075, Taotzung ordered the empress to commit suicide (because of a slanderous denunciation of Yehlui *Ihsin*, a crafty high official who was also guilty in the death of her son-successor to the throne – Yehlu Wo and his wife, i. e. the father and mother of Tientzu Emperor). The same year, the punitive campaigns against *Chupu, Taliteh* and *Passumu* tribes were carried out.

The second part of this «writing-book» is devoted to the ninth Chitan emperor – Tientzu, the last ruler of «the Great Liao Empire». After the death of his grandmother, father and mother, having escaped by some miracle the death by the hand of the same Yehlui *Ihsin*, Tientzu was brought up by his grandfather Taotzung and, in 1100, he came to the throne, according to the edict-testament of the emperor who had passed to his rest. First of all, Tientzu had rejected the offer of high official Yehlui *Hsiliu* to execute all accomplices of Yehlui *Ihsin*; nevertheless, two years later, Tientzu enjoined to put them to death, «to dig out the grave of Yehlui *Ihsin*, to break his coffin and split the bones».

The events of the 24-year period of the government of Tientzu (1100 – 1124) are as follows: the punitive campaigns against the *Chupu* tribes; the diplomatic being in correspondence with the Sung Dynasty concerning its war with the Hsia State; in the year 1112, Akuta, the chief of the *Chouzhen* tribes (he was born in1068), refuses to dance by the order of Tientzu at the feast made up «by a chance of the first caught fish» (this event becomes the beginning of the tragedy not only for Tientzu but also for the whole Chitan State); Akuta unites all *Chouzhen* tribes; he rejects to appear in the judicial office in order to be interrogated; the beginning, in 1112, of the fatal war of the Chitan with the Chouzhen; the capture of Chitan towns; the provocative and mocking letter written by the Chouzhen leader, in 1115; the edict of Tientzu about his personal participation in the punitive campaign against the forces of Akuta; the crushing defeat and

panic flight of Tientzu; the betrayal of many Chitan high officials; hunger; creation of «the army of the offended»; in 1117, Akuta, having accepted the title of *Emperor of the Great Ai Hsin State*, sets at decisive defiance to the Chitan sovereign; Akuta asks Tientzu to secure juristically «his elevating to the reign»; Akuta lays down «his 10 terms for the treaty»; his refusal to accept the certificate of the title *Chisheng chiming Emperor of the Tunghuai State* given by Tientzu; the cessation of peaceful negotiations; Tientzu runs away into Tzia Shan (the Tzia Mountain).

«*Writing-book 8*» (34 original sheets)

Its first part contains the following information: the declaration of *Yanwang* Yehlui Chun (the uncle of Tientzu) as *Chitan Emperor*; the dethronement of Tientzu and conferring on him the title of *Hsiangyinwang*; after the death of Yehlui Chun, the declaration of his wife as *Empress Dowager*; the capture of the sons and daughters of Tientzu by Chouzhen forces; the declaration of the second son of Tientzu – Yali as *emperor*; knocking about the mountains and steppes of despaired and powerless Tientzu; the death of Akuta, in the year 1123, and the accession to the throne of his younger brother Wu Chimai; the capture of Tientzu by Chouzhen military leader Lousu; reducing of Tientzu to humiliating title of *Haipinwang* and his death, in the year 1125 (or 1126?), at the age of 54 years.

This way «the Great Liao Empire» perished. Its history lasted during 208 years (according to the chronicle, – 219 years).

The second part of «*Writing-book № 8*» is devoted to the biography of Yehlui Dashih – a representative of the imperial Yehlui Family who ran away from the Chouzhen; the creation by Yehlui Dashih of the Hsi (Western) Liao State. The text is concluded with the concise essay of the Hsi Liao history; the description of the system of the official estate of the Great Liao State and its military structure; a brief geographical description of the Land.

«ABOUT THE CHITAN'S DOMINION IN THE MIDDLE ASIA»

(the manuscript competitive work submitted by M.N. Surovtsev, a student of the Faculty of Oriental Languages of the St. Petersburg University, for conferring on him of candidate's degree)

This manuscript is subdivided into such parts:

1. The Review of the Historical and Political Activities of the Chitans from the Initial Information on the Appearance of the People Which Founded the Liao Dynasty to Its Downfall in the West.
2. About Ceremonies.
3. Rites.
4. About the State Symbolism Institution.
5. The Common View of the Economical Conditions of the Chitan's Life.
6. The Common View of the Chitan's Criminal Legislation.
7. In a Few Words about the Chitan's Religion.
8. The Status and Role of Women of the Liao Dynasty.

The author of the first in Russia candidate work in the Chitan's history, from its first page, postulates (as an exceptionally important directive for the peoples of Eurasia, and especially those of Russia) the inadmissibility of the scornful attitude to the history and culture of the Orient. Here they are, these momentous words sounding prophetically in the light of modern events, in the world of counteractions and geopolitical apportionments:

«In our society, there are many people who have somehow highly punctilious attitude to the Orient and to the study of the latter. They do not find anything that might be interesting for the European mind and consider the Orient a medley of barbarians which have no any portion participation in the activities common to the whole of Mankind. *Firstly*, there is nothing in the World that would be unworthy of the study, for science is the eternal aspiration of Man for Truth and it embraces everything that lives or lived. *Secondly,* Asia, from the scientific point of view, is of great interest for us as the cradle of the European nations – from there the latter took the main forms of the world outlook which became diversified only under the influence of the other geographical conditions. *Thirdly*, the study of the transitional forms of the world outlook which we meet in the Middle Asia is as much eternal as the study of the established ones. *Fourthly,* the study of the Chinese world, true, monotonous in its forms but, on the other hand, in many respects promoting the development of well being of Europe itself, is especially important. *Fifthly*, we, Russians, carried the Mongolian yoke on our broad shoulders, and it is not excluded that such yoke made us for ages be in commercial and political contacts with the Middle Asia and China. That is why for us the thorough and all-round knowledge of these countries becomes inevitable and in time more and more perceptible. I don't point out the significance of China and the importance of the study of this country for future political manoeuvres in our modern

events, aspiration for broadening of the political and commercial horizon for which we undertake building of railways, etcetera. By these buildings which link diverse nationalities and interests, of course, in the near future, we shall get into more close contacts with China and India whose natural resources outnumber those of all other countries. What is going to happen? The future will answer this question, and I am not a prophet» (sheet 1).

And further, just the contrary, the keen hostility (to scarcely hidden anger) of the arrogant and limited in thoughtlessness European centrism. Such burst of indignation may be perceived as a kind of caution to Russia, in the light of the experience of mutual relations of the Chitans with their great neighbour – China:

«Asia is not Europe. In Asia people live under other conditions and circumstances», and it is too punctilious and senseless action – to demand from them the European view» (sheet 74). «It is quite natural to meet in the peoples' history aspiration for greater development of means; such aspiration is spoken about in various decrees which more or less stipulated the right process of enrichment of the State. In this respect, the Chitan kept pace with other peoples – they aspired to develop, within the limits of the possible, their material riches, and a series of imperial decrees and resolutions may serve as the best witness of such fact...However, it must be noted that by their own individual forces they would be able to do very little, and only by means of civilized China, its centuries-old knowledge of life, the Chitan succeeded in bringing their welfare standards to more or less satisfactory results...» (sheet 56).

M.N. Surovtsev accentuated the fruitfulness of «commercio-political» and diplomatic relations «for long periods of time» with all countries of Central and East Asia, and especially with China, taking into account «political manoeuvres» (!):

«China, with its subtly-diplomatic resourcefulness in relations with nomads of the Middle Asia settled at its walls, would do good turns to the Mankind, and especially to Russia, if our acquaintance with It might be much more friendly. I think that it is *important* for us and for our subsequent good intentions connected with the Middle Asia, because some institutions of the executive and legislative power of our Native Land have made a great number of mistakes, trying to establish at nomads the European forms of administration».

The first (after the parenthetical word) part of the manuscript was written by M.N. Surovtsev on the basis of translations of 30 chapters of *Bentzi* of «Liao Shih», those devoted to deeds of emperors, and the review of the predynastic history, beginning from the time of the Chitan's coming out of the *Hsianpi* tribes. Having studied chapters 49 – 53 of the chronicle, M.N. Surovtsev wrote the parts «About Ceremonies» and «Rites» and supplemented them with special *Prefaces* and *Author's Commentaries* (interpretations).

In the part «About Ceremonies», such ones of the Chitan are represented. Among them, there are ceremonies connected with national festive occasions (*Tzia* and *Hsia* – «excellent ceremonies»), and ceremonial etiquette of the Court defining the behaviour of sovereign and his wife. Among the ceremonies, there were also their complex variants – the result of mixing of the Chitan and Chinese lines of behaviour (M.N. Surovtsev tried to throw light on the sources of ceremonials of the Far-Eastern Region, their connection with Chinese classical literature, as well as to establish the machinery of their penetration into social environment of nomads).

In the part «Rites», procedures of worship to ancestors and sacred objects highly significant for the Chitan are represented. V.N. Surovtsev paid attention to confusion of Chitan tribal rites with «the foreign ones» (those of Chinese holidays). He described rites of meeting by the Chitan of New Year (its first date and «first Moon»), the beginning of Spring (*Lichun*), as well as, important, from ethnographical and calendar-astronomical points of view, details of celebration of so-called days of «consent», «removal of evil suggestings (repentance – *I.L.*)», «the right afternoon» – the beginning of the last decade of June (the days of summer solstice – *I.L.*).

The information from chapters 55 – 59 was used by M.N. Surovtsev in the part «About the State Symbolism Institution». Here, he described the Institution of the Chitan Empire under the jurisdiction of which such things as chariots, clothes (the imperial, palace, ceremonial ones and those for funeral processions), as well as other attributes of the sovereign power, were. In the *Preface* to this part, the national traditions of the Chitan (shamanism) are stated too. Then, having summarized the information, M.N. Surovtsev determined the extent of influence of religion on the social and cultural development of the Chitan. He demonstrated that religion and mythology were the most important components of the spiritual culture of the peoples of East Asia and that confession of faith was an important aspect (in his opinion, the fatal one) of the history of the States of nomadic formations (religious syncretism led to schism of such society and, as a consequence, to extermination of originality and integrity of the Chitan culture – «the absence of unities in religious views of the people is the reason of its political and physical decline (the loss of national peculiarities of the mass)...Such is the significance of religion, as I see it» (sheets 82 and 37 are about this).

M.N. Surovtsev negatively appraised the Chitan's perception of religions alien to them, for he considered that «something got from without can never create vigorous State body from the people, and only that which was worked out by ages of human life is the basic control lever keeping up social structure of any State. Just shaman religion was

partly such control lever» But shaman religion «does not order someone any moral tendencies, it can't unite people and, therefore, create single national body from them», because «religion for the Orient did not play the role which fell upon it in the West. The Orient is remarkable for complete indifferentism and absolute disregard of the unity of religion, whereas, it seems that at us, in the West, the whole life of the State is supported by such unity. For the time, Eastern State is supported by other control levers: by unities of laws, blood and sovereign power but not by religion. Thus, one may unerringly say that the religious sphere of the Chitan was extensive (4 religions), however, it was not of any significance for the life of their State. And we see that under the first push and the first shouts (an idiomatic expression of the Chinese history) of northern barbarians, the State of the Liao Dynasty (that is the Iron Dynasty – *I.L.*) declined politically, and its people had to fall under the yoke of the winners» (sheet 82).

Pages of the chronicle devoted to the cultural life of the Liao Empire, its public education and military system are also included into «the internal review». The part «About the Music» contains unique information about musical instruments of the Chitan, their music and its varieties (the symphonic, 'great', 'miniature' ones). The importance of this part of the chronicle is obvious, for in Chinese sources, only scant information on music at other «northern barbarians» is given.

V. Larichev

ПРИЛОЖЕНИЕ

Названия [признавших зависимость от государства Да Ляо] 59 народов*

26б

п/п	В тексте летописи	Правильное название:
1	*ту гу хунь*	*тугухунь*
2	*дейли*	*тели? деле?*
3	*мо хо*	*мохэ*
4	*у жэ*	*ужо, ужэ*
5	*хэчэцзы сивэй*	*хэйчэцзы шивэй*
6	*си си*	западные *си?*
7	*дун бу си*	восточное племя *си?*
8	*у ма сань си*	?
9	*сей ли ди*	?
10	*ту чювэй*	*туцзюэ*
11	*дан сян*	*дансян*
12	*сяо фань*	?
13	*са то*	*шато*
14	*цзу пу*	*цзубу*
15	*у гу*	Уго – государство Пяти [племен]
16	*су гунь на*	?
17	*ху му сэ сань фань*	*хумуссю*, горные *фани*?
18	*бо сы*	?
19	*да ши*	?
20	*гань чжэо и хуэй гу*	области Ганьчжоу…?
21	*синь ло*	Синьло
22	*у сунь*	?
23	*дунь хуван*	?
24	*жинь лей*	?
25	*яо ли*	*яоли*
26	*хуэй гу*	?
27	*ся цзя сы*	?
28	*ту фань*	?
29	*хуван си вэй*	*хуан шивэй* – желтые *шивэй*
30	*ачжигэ хуван си вэй*	малые *хуан шивэй*
31	*амба хуван си вэй*	большие *хуан шивэй*
32	*асалань хуэй гу*	?
33	*юй тянь*	?
34	*сы цзы*	?
35	*амарги нюй чжи*	северные *нюйчжи*
36	*бира и варги дан сян*	речные западные *дансян*
37	*чжулэрги чжин ни нюй чжи*	[подведомственные] Южной столице *нюйчжи*
38	*са чжэо тунь хуван*	области Шачжоу… ?
39	*хосо гувань*	*хэсугуань?* – регистровые?

* Приложение включает перевод недостающих страниц летописи «Дайляо гуруни судури», проходивший проверку в ИВ РАН у д-ра ист. наук Е. И. Кычанова и канд. ист. наук Т. А. Пан и поступивший в издательство с запозданием (*Ред.*).

27а

40	*са чжоу и хуэй гу*	области Шачжоу… ?
41	*цза чжи ди*	?
42	*пу лу моо ду*	?
43	*пу ну ли*	?
44	*да фань*	большие *фани?*
45	*гэо чан*	[владение] Гаочан?
46	*хуэй ба*	*хуэйба*
47	*да ли ди*	?
48	*ба сы му*	?
49	*ди лей*	*дилe*
50	*нянь ба го*	?
51	*мэй ли чжи*	?
52	*е ду гува*	?
53	*би гу дэ*	*Бигудэ*
54	*хо чжэо хуэй гу*	области Хэчжоу…?
55	*ва лан гай*	?
56	*солго*	Солхо
57	*варги хя гурунь*	государство Си Ся (Западное Ся)
58	*нюй чжи*	*Нюйчжи*
59	*по ли*	?

Десять внешних племен государства Да Ляо

п/п	В тексте летописи	Правильное название:
1	*у гу аймань*	племя *угу*
2	*ди лей ба аймань*	?
3	*куй гу аймань*	?
4	*хуэй ба аймань*	племя *хуэйба*
5	*яньму аймань*	?
6	*утувань аймань*	?
7	*дей лаго аймань*	?
8	*хуэй гу аймань*	?
9	*голминь шангянь алинь и аймань*	Длинного белого хребта племя – чанбошаньское племя
10	*по лу моо до аймань*	?

27б

Двадцать восемь внутренних племен государства Да Ляо,
[подведомственных] северным министерствам

п/п	В тексте летописи	Правильное название:
1	*си ван фу аймань*	?
2	*у ювань аймань*	?
3	*лу ювань аймань*	?
4	*у куй аймань*	?
5	*яо ли аймань*	племя *яоли*
6	*бэ дэ аймань*	?
7	*о ли аймань*	?

8	*нань кэ аймань*	?
9	*бэ кэ аймань*	?
10	*ту лу аймань*	?
11	*чжу чжэ вэй лу хоо аймань*	?
12	*хо си аймань*	племя *хэши*[*ле*]?
13	*ту люй бу аймань*	?
14	*у цянь нюйчжи аймань*	?
15	*си вэй аймань*	племя *шивэй*
16	*ней ла аймань*	?
17	*у гу цза аймань*	?
18	*мэй гу си аймань*	?
19	*ней ла ювай у аймань*	?
20	*цзей ди аймань*	?
21	*ни чи тан гу аймань*	?
22	*хо ла тан гу аймань*	?
23	*куй чянь ту чювай аймань*	?
24	*у чянь ту чювай аймань*	?
25	*бэ тан гу аймань*	?
26	*у гувань аймань*	?
27	*дей лу дилей аймань*	?
28	*бэ ди лей аймань*	?

28a

Шестнадцать внутренних племен государства Да Ляо, [подведомственных] южным министерствам

п/п	В тексте летописи	Правильное название:
1	*и си аймань*	?
2	*пинь бу аймань*	?
3	*де да де ла аймань*	?
4	*пинь да лу хоо аймань*	?
5	*и тянь нюйчжи аймань*	?
6	*чу тэ аймань*	?
7	*да ма би гу дэ аймань*	?
8	*и си о куй аймань*	?
9	*чу тэ аймань*	?
10	*да ма би гу дэ аймань*	?
11	*и си о куй аймань*	?
12	*чу тэ о куй аймань*	?
13	*мяо гува аймань*	?
14	*со ва аймань*	?
15	*хо му аймань*	?
16	*о пу кувэ аймань*	?

Три племени, поселившиеся на границе

п/п	В тексте летописи	Правильное название:
1	*са ла го аймань*	?
2	*нань тан гу аймань*	южное тангутское племя
3	*сювай тэ аймань*	?

Итого: внутренних и внешних племен – пятьдесят семь.

* * *

356

Список киданьских слов

п/п	Транскрипция	Перевод
1	*ачжу сали*	предки
2	*бооли*	имя злого человека
3	*шо ва*	общее название ловчих птиц
4	*ху сы*	чрезвычайно сильный
5	*най ней и эл*	первый день нового года
6	*сай и эл шэ*	хороший день
7	*ней хо най*	большая голова
8	*соо у эл по*	название сражения
9	*гувэ а нянь*	принявший на себя государство
10	*доолибэнь*	оружием установивший мир
11	*елу вань*	поднявшийся вверх
12	*пу су вань*	то же, что и *елу вань*
13	*нюй гу*	золото
14	*гу вэнь*	нефрит
15	*оо ду вань*	милостивый и сострадательный
16	*асы*	поистине великий
17	*холу вань*	помогаю
18	*дэсидабэнь*	почтительный к родителям
19	*чжянь му*	покинувший
20	*тэ ли чжянь*	[так] называют императрицу
21	*сала*	чарка для вина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР
ВИНИТИ АН СССР – Всесоюзный институт научной и технической информации АН СССР
ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
ИСПУ – Императорский Санкт-Петербургский университет
МИД – Министерство иностранных дел
НГУ – Новосибирский государственный университет
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РАН – Российская академия наук
РАЕН – Российская академия естественных наук
РГБ – Российская государственная библиотека
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СПГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА (*В. Е. Ларичев*) 5
FROM THE EDITOR 16
编者的话 28
편집자로부터 36

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ИМПЕРИИ

Дайляо гуруни судури (*перевод Л. В. Тюрюминой*) 41
Комментарии (*Л. В. Тюрюмина*) 138

ЧАСТЬ II. РУССКИЕ ВОСТОКОВЕДЫ XIX ВЕКА. М. Д. Храповицкий и М. Н. Суровцов

М. Д. Храповицкий и М. Н. Суровцов: страницы биографии (*Г. Г. Пиков*) 178
Суровцов М. Н. О владычестве киданей в Средней Азии: историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основания им династии Ляо-до падения сей последней на Западе 195
Храповицкий М. Д. Записки о народе Ляо 311

ЧАСТЬ III. КИДАНИ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Западные кидани (*Г. Г. Пиков*) 316
Краткий очерк истории изучения киданей (*В. Е. Ларичев, Г. Г. Пиков*) 330

SUMMARY 341
ПРИЛОЖЕНИЕ (*Л. В. Тюрюмина*) 350
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 354

Научное издание

ИСТОРИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ИМПЕРИИ

Редактор *М. А. Коровушкина*
Технический редактор *Е. Н. Усольцева*
Дизайн обложки *А. А. Фурсенко*

Подписано в печать 10.05.07. Бумага офсетная. Формат 60x84/8
Офсетная печать. Усл. печ. л. 43,25. Уч.-изд. л. 43,3
Тираж 800. Заказ № 146. Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
Лицензия ИД № 04785 от 18.05.01.
630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева. 17.